

Это цифровая копия книги, хранящейся для потомков на библиотечных полках, прежде чем ее отсканировали сотрудники компании Google в рамках проекта, цель которого - сделать книги со всего мира доступными через Интернет.

Прошло достаточно много времени для того, чтобы срок действия авторских прав на эту книгу истек, и она перешла в свободный доступ. Книга переходит в свободный доступ, если на нее не были поданы авторские права или срок действия авторских прав истек. Переход книги в свободный доступ в разных странах осуществляется по-разному. Книги, перешедшие в свободный доступ, это наш ключ к прошлому, к богатствам истории и культуры, а также к знаниям, которые часто трудно найти.

В этом файле сохраняются все пометки, примечания и другие записи, существующие в оригинальном издании, как наименование о том долгом пути, который книга прошла от издателя до библиотеки и в конечном итоге до Вас.

Правила использования

Компания Google гордится тем, что сотрудничает с библиотеками, чтобы перевести книги, перешедшие в свободный доступ, в цифровой формат и сделать их широкодоступными. Книги, перешедшие в свободный доступ, принадлежат обществу, а мы лишь хранители этого достояния. Тем не менее, эти книги достаточно дорого стоят, поэтому, чтобы и в дальнейшем предоставлять этот ресурс, мы предприняли некоторые действия, предотвращающие коммерческое использование книг, в том числе установив технические ограничения на автоматические запросы.

Мы также просим Вас о следующем.

- Не используйте файлы в коммерческих целях.
Мы разработали программу Поиск книг Google для всех пользователей, поэтому используйте эти файлы только в личных, некоммерческих целях.
- Не отключайте автоматические запросы.
Не отключайте в систему Google автоматические запросы любого вида. Если Вы занимаетесь изучением систем машинного перевода, оптического распознавания символов или других областей, где доступ к большому количеству текста может оказаться полезным, свяжитесь с нами. Для этих целей мы рекомендуем использовать материалы, перешедшие в свободный доступ.
- Не удаляйте атрибуты Google.
В каждом файле есть "водяной знак" Google. Он позволяет пользователям узнать об этом проекте и помогает им найти дополнительные материалы при помощи программы Поиск книг Google. Не удаляйте его.
- Делайте это законно.
Независимо от того, что Вы используете, не забудьте проверить законность своих действий, за которые Вы несете полную ответственность. Не думайте, что если книга перешла в свободный доступ в США, то ее на этом основании могут использовать читатели из других стран. Условия для перехода книги в свободный доступ в разных странах различны, поэтому нет единых правил, позволяющих определить, можно ли в определенном случае использовать определенную книгу. Не думайте, что если книга появилась в Поиске книг Google, то ее можно использовать как угодно и где угодно. Наказание за нарушение авторских прав может быть очень серьезным.

О программе Поиск книг Google

Миссия Google состоит в том, чтобы организовать мировую информацию и сделать ее всесторонне доступной и полезной. Программа Поиск книг Google помогает пользователям найти книги со всего мира, а авторам и издателям - новых читателей. Полнотекстовый поиск по этой книге можно выполнить на странице <http://books.google.com/>

This is a digital copy of a book that was preserved for generations on library shelves before it was carefully scanned by Google as part of a project to make the world's books discoverable online.

It has survived long enough for the copyright to expire and the book to enter the public domain. A public domain book is one that was never subject to copyright or whose legal copyright term has expired. Whether a book is in the public domain may vary country to country. Public domain books are our gateways to the past, representing a wealth of history, culture and knowledge that's often difficult to discover.

Marks, notations and other marginalia present in the original volume will appear in this file - a reminder of this book's long journey from the publisher to a library and finally to you.

Usage guidelines

Google is proud to partner with libraries to digitize public domain materials and make them widely accessible. Public domain books belong to the public and we are merely their custodians. Nevertheless, this work is expensive, so in order to keep providing this resource, we have taken steps to prevent abuse by commercial parties, including placing technical restrictions on automated querying.

We also ask that you:

- + *Make non-commercial use of the files* We designed Google Book Search for use by individuals, and we request that you use these files for personal, non-commercial purposes.
- + *Refrain from automated querying* Do not send automated queries of any sort to Google's system: If you are conducting research on machine translation, optical character recognition or other areas where access to a large amount of text is helpful, please contact us. We encourage the use of public domain materials for these purposes and may be able to help.
- + *Maintain attribution* The Google "watermark" you see on each file is essential for informing people about this project and helping them find additional materials through Google Book Search. Please do not remove it.
- + *Keep it legal* Whatever your use, remember that you are responsible for ensuring that what you are doing is legal. Do not assume that just because we believe a book is in the public domain for users in the United States, that the work is also in the public domain for users in other countries. Whether a book is still in copyright varies from country to country, and we can't offer guidance on whether any specific use of any specific book is allowed. Please do not assume that a book's appearance in Google Book Search means it can be used in any manner anywhere in the world. Copyright infringement liability can be quite severe.

About Google Book Search

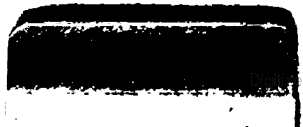
Google's mission is to organize the world's information and to make it universally accessible and useful. Google Book Search helps readers discover the world's books while helping authors and publishers reach new audiences. You can search through the full text of this book on the web at <http://books.google.com/>

UC-NRLF

B 3 387 290

BERKELEY
LIBRARY
UNIVERSITY OF
CALIFORNIA

205

LOAN STACK

10
11
12

2.05
17.0
кн II - 1888г

ПРАВОСЛАВНОЕ

ОБЗРЪНІЕ.

May - August
1888.

ТОМЪ II.

137
Учеб. и Наб.
Инвентарный № 2444

МОСКВА.

Университетская типографія, на Страстномъ бульв.

1888.

Отъ Московскаго Духовно-цензурнаго комитета печатать дозволяется. Москва.
Мая 6-го 1888 года.

Цензоръ *свщ.* *Иоаннъ Петропавловскій.*

ВХ 460
Р 68
Мая - Авг.
1888

НА ПАМЯТЬ

О ВЫСОКОПРЕОСВЯЩЕННОМЪ МИТРОПОЛИТѢ МОСКОВСКОМЪ
МАКАРІИ *.

Въ Божѣ почившій владыка митрополитъ Макарій недолго, всего три года, управлялъ московскою епархіей, и половину этого времени проводилъ не у насъ въ Москвѣ, а въ С.-Петербургѣ, куда, по Высочайшей волѣ, ежегодно вызываемъ быть для присутствія въ св. Синодѣ. Неудивительно, если московская паства вообще мало знаетъ его, хотя хранить священническую память іерарха благодарно и молитвенно, ради великихъ заслугъ его для православной церкви и науки. Предлагаемая на этотъ разъ свѣдѣнія о немъ, занесенныя на бумагу своевременно и подъ живымъ непосредственнымъ впечатлѣніемъ, а не по воспоминанію только о видѣнномъ и слышанномъ, извлечены главнымъ образомъ изъ нашихъ писемъ къ епископу костромскому Игнатію, найденныхъ по кончинѣ его преосвященства. († 7 іюня 1883 г.). Статья, представляющая собою смѣсь отрывковъ изъ этихъ не вполне уцѣлѣвшихъ до настоящаго времени писемъ, разумѣется, не чужда многихъ недостатковъ, но цѣль наша достигнута, если намъ сколько-нибудь удалось освѣтить съ новыхъ сторонъ всесоую и симпатичную личность приснопамятнаго іерарха Макарія.

* 1-е мая день тезоименитства митрополита Макарія; а 9-е іюня (1882) день его кончины.

Не имамы адѣ пребывающаго града, но грядущаго въискуемъ (Евр. 13, 14).

Возвращеніе изъ Троицко-Сергіевой Лавры въ Москву и отъздѣ въ С.-Петербургъ архіепископа митовскаго Макарія. Изъ Троицко-Сергіевой Лавры, по отдаваніи послѣдняго христіанскаго долга въ Бозѣ почившему (31-го марта 1879 г.) митрополиту Иннокентію, доброму и кроткому, возвращались въ Москву: высокопреосвященный Макарій, архіепископъ литовскій и виленскій, съ Амвросіемъ епископомъ дмитровскимъ, временно управлявшимъ московскою епархіей (нынѣ архіепископъ харьковскій), и его сіятельство московскій генералъ-губернаторъ князь В. А. Долгоруковъ; въ одномъ вагонѣ съ ними: товарищъ оберъ-прокурора св. Синода Н. П. Смирновъ и прокуроръ московской синодальной конторы, нынѣ гродненскій губернаторъ А. Н. Потемкинъ. Владыка архіепископъ Макарій, по поводу разговора о воспитаніи, начатаго г. Потемкинымъ и поддержаннаго другими, сказалъ очень находчиво: „мнѣ нравится, что въ Москвѣ такіе ведутся серьезныя разговоры, а у насъ въ Петербургѣ (гдѣ владыка присутствовалъ въ св. Синодѣ) говорятъ о томъ, кто куда назначается или переводится“. Преосвященный Амвросій отвѣчалъ ему: „если вамъ Москва нравится, то позвольте пожелать вамъ быть московскимъ“. „Если меня назначать въ Москву, то я съ удовольствіемъ приму этотъ жребій“, сказалъ высокопреосвященный Макарій, по всей вѣроятности знавшій о себѣ, что онъ именно будетъ преемникомъ митрополита Иннокентія¹⁾. Съ вокзала Ярославской желѣзной дороги переѣхавъ на Петербургскую, онъ оставилъ Москву (6-го апрѣля) не надолго, въ санѣ митрополита московскаго Высочайше утвержденъ 8-го апрѣля того же 1879 года.

Прибытіе новаго московскаго митрополита въ свою епархію. 7 мая съ однимъ изъ благочинныхъ московскихъ церквей — Троицкимъ, что на Листахъ, протоіереемъ П. І. Соколовымъ имѣлъ и я невыразимое утѣшеніе встрѣтить на границѣ московской епархіи—въ Клину и отъ лица епархіальнаго духовенства

¹⁾ Разказъ о. протопресвитера московскаго Успенскаго собора Д. П. Новоскаго (сконч. 4 іюня 1879 г.).

привѣтствовать новаго архипастыря, высокопреосвященнѣйшаго Макарія, со вступленіемъ въ предѣлы его митрополи. Владыка, глубоко почитаемый отъ юности моея²⁾, занималъ въ вагонѣ малое купе. Благословивъ насъ и выслушавъ привѣтствіе, погѣловался и спросилъ: „вы здѣшніе?“ „Мы принадлежимъ къ здѣшней — вашей епархіи, мы изъ Москвы“, отвѣчалъ я, наименовавъ себя³⁾. Владыка сказалъ мнѣ: „знаю васъ по статьямъ вашимъ, вы служили въ семинаріи, вы членъ консисторіи. Въ Москвѣ на Пасхѣ видѣлъ я, продолжалъ владыка, духовенство мелькомъ (при погребеніи митр. Иннокентія). Извините, я не ожидалъ васъ, и потому я не въ формѣ“ (на немъ была бархатная съ золоченымъ крестикомъ скуфейка). Высокопреосвященный потомъ спросилъ: „въ Москвѣ знаютъ ли, что ѣду я?“ „Знаютъ и съ восторгомъ почитательно васъ ожидаютъ“. „Хочу въ эти минуты освѣжить себя чаемъ“, сказалъ онъ и еще благословилъ насъ и мѣстныхъ градскихъ священниковъ, а мірянъ благославлялъ въ отверзтое окно вагона. Самый видъ ангельскаго лица его проявлялъ душевную благость. Было раннее прекрасное утро.

Въ Москвѣ на станціи Николаевской желѣзной дороги митрополитъ Макарій былъ въ 10 часовъ утра привѣтствованъ генералъ-губернаторомъ княземъ В. А. Долгоруковымъ, который изволилъ сказать: „Москва имѣетъ счастье встрѣчать васъ“, — членами синодальной конторы (преосвященные Алексій Новоселовъ и Іоаннъ), преосвященными викаріями московскими Амвросіемъ и Алексіемъ, нынѣ архіепископомъ литовскимъ, и всѣмъ старшимъ столичнымъ духовенствомъ, а также московскимъ городскимъ головой и другими представителями московскаго общества. Станція была переполнена народомъ, хотя весьма многіе уже прежде, при погребеніи усопшаго своего архипастыря Иннокентія, видѣли его непосредственнаго знаменитаго преемника. Преподавъ благословеніе народу, на пути въ каедральный Чу-

²⁾ Въ 1847 г., въ день Рождества Христова, возвратясь домой отъ ранней литургіи, съ каѣкимъ наслажденіемъ читалъ я въ первый разъ «Введеніе въ православное богословіе», соч. архимандрита Макарія!

³⁾ Забѣчу: говоря нерѣдко о себѣ, старался я быть всегда правдивымъ, но долгу священнослужителя (Псал. 131, 9).

довъ монастырь высокопреосвященный посѣтилъ Иверскую часовню Божіей Матери. Въ соборной церкви каедральнаго монастыря, послѣ краткаго молитвословія, осѣнивъ предстоящихъ на престольномъ крестомъ, онъ въ архіерейской мантии приложился къ нетлѣннымъ мощамъ московскаго святаго Алексія и принялъ отъ намѣстника чудовскаго, архимандрита Веніамина, находившуюся на мощахъ икону сего угодника; благословилъ князя В. А. Долгорукова и, простившись съ нимъ, направился онъ въ чудовскія архіерейскія келліи, гдѣ преосвященные Амвросій и Алексій привѣтствовали новоприбывшаго владыку, который сказалъ имъ, что онъ „радъ имѣть викаріевъ такихъ, какъ они“. Тутъ мы видѣли и члена синодальной канторы — епископа Порфирія Успенскаго, маститаго старца (сконч. 19 апрѣля 1886 г.). Представитель іерусалимскаго патріарха Героея, а нынѣ преемникъ его архимандритъ Никодимъ поднесъ его высокопреосвященству рѣзной на перламутрѣ образъ Воскресенія Господня, освященный на живоносномъ гробѣ Его, и свой письменный привѣтъ на ново-греческомъ языкѣ, съ выраженіемъ глубочайшаго уваженія къ святительской особѣ московскаго архипастыря, имя котораго извѣстно всему православному востоку и всѣмъ богословамъ христіанскаго міра. Настоятель Сербскаго подворья, архимандритъ Савва, отъ имени сербскаго митрополита Михаила передалъ его высокопреосвященству съ иконой поздравительное письмо⁴⁾. Принимая отъ меня (въ то время былъ я настоятелемъ Высокопетровскаго монастыря) икону св. Петра митрополита, первопрестольника московской церкви, ласково сказалъ онъ мнѣ: „вы меня встрѣтили (въ Клину), но я васъ (видѣвъ на Пасхѣ); не узналъ, а теперь узналъ“. Архимандритъ Дмитровскій Михаилъ просилъ принять „отъ бѣднаго монастыря“ (Борисоглѣбскаго) св. икону. „Цѣнится не украшеніе, а усердіе“, отвѣчалъ владыка. И отъ прочихъ мужскихъ монастырей епархіи московской (а отъ женскихъ на другой день) поднесены его высокопреосвященству по древнему обычаю св. иконы. Макарій митрополитъ любезно поздоровался съ протоіереями: каедральнымъ Архангельскаго собора М. И. Богословскимъ, много постарѣвшимъ, по замѣча-

⁴⁾ Владика сербскій, посѣтившій меня 22 марта 1886 г., видѣлъ высокопреосвященнаго Макарія въ Вильнѣ.

нію владыки, и съ Николо-Покровскимъ М. Д. Глаголевымъ (изъ магистровъ XV курса петербургской академіи) которому сказалъ, что „лѣтъ 30 не видалъ“ его. Усталъ высокопреосвященный владыка, благословляя духовенство, которое представлялъ ему преосвящ. Амвросій, сказывая о каждомъ изъ насъ, кто мы и откуда, но одного или двоихъ священниковъ назвать не могъ и въ томъ извинялся. „Я, сказалъ митрополитъ, и во удивляюсь, какъ многихъ вы знаете“. Удивило его, какъ онъ послѣ говорилъ, и самое множество духовенства. Принявъ поздравленіе отъ нѣкоторыхъ старость церковныхъ и единовѣрцевъ, высокопреосвященный обратился къ намъ съ словомъ, и воздавъ должную хвалу московскому духовенству, не умолчалъ и о томъ, что до него дошли „не только слухи, но и горькія жалобы“ на отсутствіе въ нѣкоторыхъ московскихъ церквахъ должнаго порядка и на недостатокъ въ духовенствѣ живой проповѣди. „Богъ да благословитъ васъ“, сказалъ онъ, отпуская поздравителей, и самъ вскорѣ отправился на Троицкое архіерейское подворье.

Вступленіе высокопреосвященнаго Макарія на кафедру московской митрополіи. 10 мая въ великій праздникъ Вознесенія Господня на небо, знаменитый и ученѣйшій іерархъ Макарій вступилъ на кафедру московской митрополіи съ тѣмъ, чтобы самому вскорѣ отойти въ небесный Іерусалимъ, въ церковь первородныхъ (Евр. 12, 24), по судьбамъ вѣдомымъ одному Богу! Въ этотъ славный день его жизни, озаренный весеннимъ солнцемъ, къ 8 часамъ утра все столичное духовенство съ преосвященными викаріями собралось въ Казанскій соборъ. Преосвященный Амвросій сказалъ мнѣ: „хорошо вы начали (въ Клину), дай Богъ хорошо кончить“. Въ 9 часовъ утра прибылъ въ этотъ соборъ митрополитъ Макарій. По выслушаніи рѣчи, произнесенной настоятелемъ собора протоіереемъ Д. І. Кастальскимъ, приложившись къ мѣстнымъ иконамъ, онъ облачился и въ полномъ величій святительства послѣдовалъ въ крестномъ ходѣ, при торжественномъ колокольномъ звонѣ, въ большой Успенскій соборъ, какъ всегда бывало при вступленіи новыхъ архипастырей на московскую кафедру. На немъ былъ бѣлый подризникъ съ шелковыми цвѣтами около подола и саккосъ золотого газета, митра золотая съ камнями, панагія и крестъ изъ кафедральной чудовской ризницы, осыпанные алмазами. Все духовенство было

въ золотыхъ ризахъ, по распоряженію самого владыки. „Это золотой полкъ“, сказалъ не помню кто ⁵⁾. Несмѣтное число народа покрывало Красную площадь и наполняло Кремль. Божественную литургію по прочтеніи часовъ (во время часовъ владыка-митрополитъ могъ отдохнуть послѣ крестнаго хода) совершилъ онъ въ Успенскомъ соборѣ съ четырьмя архимандритами и двумя пресвитерами (протопресвитеръ Д. П. Новскій былъ тяжело боленъ). Довольно скоръ въ служеніи, но возгласы его такъ выразительны, что видна душа. Съ на престольнымъ крестомъ и дикиріемъ въ рукахъ, обратясь къ народу, митрополитъ взывалъ важно и выразительно: „призри съ небесе, Боже“, и съ свойственнымъ ему изяществомъ осѣнилъ ими трижды. Во время великаго входа онъ по обычаю вышелъ въ царскія двери и, держа въ рукахъ св. потиръ, не сильнымъ голосомъ, но на распѣвъ очень искусно возглашалъ: „святѣйшій правительствующій Синодъ, преосвященные митрополиты, архіепископы, епископы, *священно-архимандриты...* и (возвышая голосъ) всѣхъ православныхъ христіанъ да помянетъ (это слово съ особымъ удареніемъ) Господь Богъ“ и т. д. Онъ былъ весь возвышенъ и вдохновенъ. Надѣвъ въ концѣ литургіи вмѣсто золотой красную митру полегче (почти всегда надѣвалъ ее при сказываніи проповѣдей краснорѣчивый ораторъ), вышелъ на амвонъ и, опираясь на святительскій жезлъ, сказалъ наизусть въ томъ великомъ храмѣ, гдѣ коронуются цари, глубоко-назидательное слово на текстъ: *Бога бойтесе, царя чтите* (1 Петр. 2, 17). Онъ показалъ намъ образецъ „живой проповѣди“. Необычайная красота его лица, благородная, величественная осанка, изящество его манеръ, плавная, одушевленная рѣчь съ искусною и выразительною дикціей, все это привело слушателей въ восторгъ. „Каждая проповѣдь его у насъ была съ вѣсомъ и, какъ голосъ великаго авторитета, дѣлалась извѣстною далеко за предѣлами Москвы, посредствомъ органовъ духовной и свѣтской печати“ ⁶⁾. Изъ Ус-

⁵⁾ Къ маю 1882 года, когда предполагалось торжество освященія храма Христа Спасителя съ крестнымъ ходомъ изъ Кремля, были устроены для всѣхъ московскихъ церквей парадныя новыя священнослужительскія облаченія изъ золотого глагета.

⁶⁾ Изъ некролога его, помѣщеннаго въ іюльской кн. «Душеполезнаго Чтенія» за 1882 годъ.

пенскаго собора владыка проѣхалъ въ Чудовъ монастырь, гдѣ московскій генераль-губернаторъ князь В. А. Долгоруковъ постигъ его и сказалъ его высокопреосвященству: „вы достойно заключили торжество рѣчью“. „Надобно присовокупить къ ней, чтобы Москва любила архипастыря“, сказалъ преосвященный Амвросій. „Если заслужу того“, замѣтилъ незабвенный архипастырь. Онъ говорилъ, что соборъ Успенскій показался ему не такъ большимъ, какъ прежде, когда онъ въ первый разъ видѣлъ его; „можетъ-быть отъ того, что соборъ нынѣ былъ наполненъ народомъ“, пояснилъ владыка. Генераль-губернаторъ обѣщалъ показать его высокопреосвященству большой храмъ во имя Христа Спасителя... Было подано задравное вино. Кромѣ князя почтили владыку визитомъ: московскій губернский предводитель дворянства графъ А. В. Бобринскій, попечитель московскаго учебнаго округа князь Н. П. Мещерскій и другіе изъ высшего духовенства и свѣтскихъ лицъ.

Общее собраніе православнаго миссіонерскаго Общества въ этомъ году было 13 мая особенно оживленно, благодаря присутствію въ немъ новаго московскаго архипастыря.

Распорядительность митрополита Макарія. 14 мая онъ потребовалъ отъ секретаря консисторіи Н. П. Розонова (ум. 12 окт. 1882 г.) статистическихъ свѣдѣній о московской епархіи; сверхъ того велѣлъ за каждый мѣсяцъ представлять къ себѣ вѣдомость о нерѣшенныхъ дѣлахъ и такимъ образомъ усилилъ дѣятельность канцеляріи консисторіи по текущимъ дѣламъ. Протоколы консисторскіе приказалъ ежедневно представлять, по выбору преосвященныхъ, важнѣйшіе только. Производство на праздниа священно и церковнослужительскія мѣста взялъ онъ на себя, за исключеніемъ развѣ причетническихъ вакансій внѣ Москвы, производство на которыя предоставилъ своимъ викаріямъ. Рѣшеніе мелочныхъ дѣлъ, напримѣръ по жалобамъ и доносамъ на проступки членовъ причта, не влекущіе за собою ограниченія правъ въ отправленіи служебныхъ обязанностей, думалъ онъ предоставить благочиннымъ. Подвѣдомые должны приходять къ нему не раньше 10 часовъ утра. Онъ говорилъ при этомъ, что не имѣя крѣпкихъ нервовъ, отходить ко сну не позже 10 часовъ вечера, а въ противномъ случаѣ непременно просыпается съ головою болью. Когда въ тотъ же день доложили о пріѣздѣ къ

нему протоіерея изъ города Рузы нашей епархіи, владыкъ по-слышалось, что изъ Старой Руссы (новгородской епархіи). Еще явился къ нему по приходской надобности священникъ Христорощественскій, въ Кудринѣ, А. І. Борзцовскій, родной братъ мой, сначала было обратившійся къ преосвященному Амвросію, но тотъ сказалъ: „теперь самъ хозяинъ въ Москвѣ, ступайте къ нему и какъ онъ рѣшитъ ваше дѣло, меня увѣдомите письменно. Владыка митрополитъ прежде всего спросилъ Кудринскаго священника: „Кудрино село“? „Такъ названо одно изъ московскихъ урочищъ по бывшему здѣсь селу Кудрину, вошедшему въ черту города“, отвѣчалъ о. Б — кій и затѣмъ посаженный сказалъ, что въ его приходѣ, въ домѣ князя Оболенскаго квартируетъ г-жа Москвина, уже давшая знать полиціи о подкинутомъ къ ней въ сѣняхъ младенцѣ, котораго, взявъ къ себѣ, она желаетъ воспитать. При найденномъ младенцѣ женскаго пола не оказалось никакой записки, но онъ, по опредѣленію бабки, возрастомъ не менѣе шести недѣль, и надѣтъ на него крестикъ. Не смотря на то, она приглашаетъ мѣстнаго священника придти къ ней на квартиру окрестить младенца. „Какъ долженъ я поступить въ этомъ случаѣ“? сказалъ священникъ. Владыка отвѣчаетъ: „возрастъ младенца и крестикъ у него на шеѣ заставляютъ навѣрное полагать, что младенецъ уже крещенный; но, въ избѣжаніе всякаго сомнѣнія, совѣтую вамъ окрестить младенца, съ соблюденіемъ сказаннаго въ правилѣ на подобный случай. А знаете, спросилъ митрополитъ, какъ именно надлежитъ вамъ поступить?“ „Знаю.“ „Какъ?“ „Съ прибавленіемъ къ совершительской формѣ крещенія словъ: *еще не крещенъ есть*. „Такъ точно и поступите“, сказалъ въ заключеніе владыка. Предварительно крещенія младенецъ нареченъ было именемъ: Марія.

На другой день (15 мая) владыка изъ Архангельскаго собора, гдѣ онъ служилъ, проѣхалъ въ загородное село Черкизово (за Преображенскою заставой, въ 2-хъ верстахъ отъ Москвы) — повидать тамошній домъ архіерейскій съ садомъ, возобновленный митрополитомъ Иннокентіемъ; при немъ — домовая церковь въ честь святителей: Алексія митрополита московскаго и Иннокентія епископа иркутскаго.

16 числа владыка велѣлъ со мною разговоръ о монастыряхъ. О назначеніи Петровскаго монастыря игуменъ Іосифъ (сконч. 30 мар. 1882 г.) отозвался: „я буду имѣть его въ виду при выборѣ настоятеля въ Серпуховъ“ (въ Высотскій монастырь). Объ Агафангелѣ, лаврскомъ соборномъ іеромонахѣ и экономѣ сказалъ: „онъ молодъ и можетъ быть для Лавры надобенъ; я распрошу о немъ“. Тотъ и другой остались на своихъ мѣстахъ, но въ слѣдующемъ году второй изъ нихъ возведенъ былъ (по указу св. Синода отъ 15 апр.) въ санъ архимандрита.

Пребываніе митрополита въ Троицкой Сергіевой Лаврѣ. 18-го мая онъ прибылъ въ Лавру, которой онъ былъ священно-архимандритомъ, и служилъ литургію 20 числа, въ Троицынъ день въ Троицкомъ соборѣ; въ понедѣльникъ—въ академической церкви. Послѣ заамвонной молитвы владыка изволилъ обратиться къ студентамъ академіи съ живымъ, прочувствованнымъ словомъ. Въ этомъ словѣ, начатомъ изъ текста: *Егда прїидетъ Онъ, Духъ истины, наставитъ вы на всяку истину* (Іоан. 16, 13), владыка говорилъ, что праздникъ Св. Духа имѣетъ особенно важное значеніе для лицъ, посвятившихъ себя изученію истинъ божественныхъ, что Духъ Святой помогаетъ усвоить многія истины непонятныя для человѣческаго разума, которыя воспитанниками академіи усвоятся естественнымъ путемъ. Въ заключеніе владыка сказалъ, что онъ, вступая въ общеніе съ академіею, желаетъ ей всякаго блага ⁷⁾. Въ этотъ же день посѣтилъ Геосиманскій скитъ и Виванію, гдѣ поклонился онъ гробу митрополита Платона и посѣтилъ виванскую духовную семинарію, въ залѣ которой были собраны всѣ наставники и воспитанники. На другой день (22 мая) служилъ въ лаврской церкви Филарета Милостиваго панихиду по митрополитахъ: Филаретѣ и Иннокентіѣ, тамъ погребенныхъ; потомъ, осматривая въ Лаврѣ Успенскій соборъ, онъ остановился недалеко отъ гробницы московскаго архіепископа Августина (сконч. 3 мая 1819 г.) у западной стѣны, и сказалъ сопровождавшимъ его: „здѣсь меня положите ⁸⁾“. Въ тотъ же день онъ возвратился въ Москву.

Дальнѣйшая распорядительность владыки-митрополиша. 23-го

⁷⁾ «Моск. Епарх. Вѣдомости» 1879 г., № 22.

⁸⁾ Такъ мы слышали въ бытность нашу въ Лаврѣ въ 1882 году.

числа высокопреосвященный Макарій благодарилъ московскую игуменью Никитскаго монастыря Алевтину за то, что „на первый случай оказала послушаніе“, согласясь на открытіе общей трапезы для сестеръ монастыря (160 чел.), по желанію его высокопреосвященства. Мнѣ, какъ я исправлялъ должность благочиннаго монастырей, онъ сказалъ: „вы наклонили ее“. Былъ блѣденъ отъ утомленія; между прочимъ говорилъ о себѣ: „анонимныя письма задавили меня“, но 28 мая, въ понедѣльникъ, былъ благодушенъ и веселъ. Онъ выразилъ желаніе обозрѣть московскіе монастыри, начиная съ Вознесенскаго, который находится въ Кремлѣ. „Въ Вознесенскій монастырь вы, говорилъ владыка мнѣ, поѣзжайте одинъ, въ такой-то день (2 іюня), а оттуда въ другіе монастыри вмѣстѣ со мной. Вы будете моимъ путеуказателемъ“. Съ сердечною радостію и удовольствіемъ. Возвратясь домой, я заботливо помышлялъ о томъ: 1) долженъ ли быть звонъ во время прибытія и отбытія его высокопреосвященства изъ монастыря? 2) Встрѣча требуется въ св. воротахъ, или въ храмѣ только, у дверей храма? 3) Встрѣчать съ крестомъ настоятель ли долженъ съ старшими іеромонахами или іеромонахъ? 4) Должно ли быть молебствіе, состоящее изъ краткой эктении съ многолѣтіемъ? 5) Должны ли являться настоятели и настоятельница на подворье, для полученія какихъ-либо наставленій по случаю посѣщенія? Меня затрудняли эти вопросы, и я рѣшилъ было обратиться съ ними ко владыкѣ, но отъ 30-го мая былъ благовременно увѣдомленъ; я преосвященнымъ Алексіемъ, который писалъ ко мнѣ: „изъ нынѣшняго разговора владыки видно, что предполагаемое обозрѣніе всѣхъ монастырей едва ли состоится. Владыка боится, что это возьметъ много времени“. И мнѣ самому сказалъ владыка, 2 іюня (въ субботу), что посѣтитъ монастыри исподоволь, при случаѣ. Въ этотъ же день онъ посѣтилъ Богоявленскій монастырь (мѣстопробываніе перваго викарія) и Саввинское подворье (мѣстопробываніе втораго викарія); въ Вознесенскій общалъ; захватъ послѣ — изъ Синодальной конторы, а въ Высокопетровскій монастырь, котораго былъ я настоятелемъ, приглашалъ я митрополита на 18 іюня—день храмоваго монастырскаго праздника въ честь Боголюбской Божіей Матери.

5 іюня, съ разрѣшенія его высокопреосвященства, былъ я у московскаго генераль-губернатора князя В. А. Долгорукова съ представленіемъ отъ моего имени, не благоугодно ли будетъ его сіятельству исходатайствовать Высочайше установленный знакъ краснаго креста тѣмъ изъ настоятелей монастырей, которыми наиболѣе пожертвовано на госпитали въ минувшую войну 1877—78 гг. Князь сказалъ: „оставьте (бумагу), я рассмотрю“, а впоследствии на изъявленную мною благодарность его сіятельству за милостивое вниманіе къ удостоеннымъ знака краснаго креста, отвѣчалъ: „я радъ, что имѣлъ случай доставить вамъ удовольствіе“. Митрополитъ получилъ этотъ знакъ въ Вильнѣ, гдѣ были открыты (въ 1876 и 1877 гг.) Общество попеченія о раненыхъ и больныхъ воинахъ и госпиталь, устроенный виленискимъ мѣстнымъ управленіемъ Общества краснаго креста.

11 числа, въ воскресенье, онъ въ своей подворской церкви священнодѣйствовалъ и говорилъ поученіе.

13 іюня собирався онъ во дворецъ къ Великому князю Константину Николаевичу, прибывшему въ Москву съ Великимъ княземъ Константиномъ Константиновичемъ и посѣтившему высокопреосвященнаго Макарія. Не смотря на то, владыка меня принялъ, какъ отецъ чадолюбивый, и общалъ, говоря: „я буду служить въ вашемъ (Боголюбскомъ) храмѣ и зайду въ ваши настоятельскія келліи, приѣду въ половинѣ 10-го“.

Церковныя торжества. Съ 18 іюня открывается рядъ церковныхъ торжествъ въ монастыряхъ, начиная съ *Высокопетровскаго*. Ожидая къ себѣ митрополита, мы усыпали путь его отъ св. воротъ зеленью съ цвѣтами, (помнится розанами изъ монастырскаго сада) и постлали красное новое сукно отъ западныхъ церковныхъ дверей до амвона діаконаскаго. Высокопреосвященный любилъ чистоту и порядокъ, но боялся сквознаго вѣтра, и я распорядился, чтобы оконъ и дверей не отворять безъ крайней надобности ни въ церкви, ни въ моихъ комнатахъ въ его присутствіе. Пѣніе онъ любилъ нѣсколько громкое и партесное, не слишкомъ протяженное: я пригласилъ хоръ чудовской. Стеченіе народа въ обители было большое. Въ половинѣ 10-го часа нашъ величавый архипастырь прибылъ и обновилъ въ нашемъ соборномъ храмѣ парчевое дорогое облаченіе (75 руб. аршинъ),

непомню гдѣ изъ церковныхъ старостъ устроенное для него^{*)}, и благословилъ меня произнести проповѣдь: „она не велика“. Во время проповѣди, предварительно прочитанной имъ, владыка разговаривалъ съ главнымъ священникомъ арміи и флотовъ, протоіереемъ П. Е. Покровскимъ, прибывшимъ во время литургіи. Базначей игумена Іосифа спросилъ: „когда построены храмъ?“—200 лѣтъ назадъ.—„Отчего-жъ онъ новый?“—Недавно возобновленъ. Еще спросилъ: „почему это монастырь во имя св. Петра митрополита, а церковь соборная — Боголюбская?“ „Она гораздо богѣе пространна, чѣмъ древній монастырскій храмъ во имя сего святителя“. Послѣ проповѣди сказалъ мнѣ владыка: „благодарю васъ, о. архимандритъ“, а войдя въ мои желдія, далъ мнѣ свою большую просфору, сказавъ: „это вамъ отъ меня ради праздника“. За трапезой онъ сказалъ преосвящ. Амвросію: „о. архимандритъ нынѣ проповѣдь говорилъ. У насъ въ Петербургѣ кто проповѣдуетъ, тотъ не служить, а онъ на себя принялъ двойной трудъ“.—„Онъ долженъ, отвѣчалъ преосвященный, питать и духовною и вещественною пищею“. Преосвященный сказалъ еще обо мнѣ, что я, живя у родителя, зналъ двѣ дороги: одну въ церковь, а другую въ школу; затѣмъ, указавъ на моего родителя—заштатнаго протоіерея Іоанно-Воинской у Калужскихъ воротъ церкви, смежной съ Казанскою, при которой много лѣтъ священствовалъ преосвященный Амвросій, сказалъ онъ митрополиту Макарію: „добрый батюшка, любимый покойными архіереями“. Владыка спросилъ моего старца: „сколько вамъ лѣтъ?“—75-ть—„Вы можете еще долго жить“, и обратясь ко мнѣ, сказалъ владыка: „у него лице хорошее“. Дѣйствительно, не смотря на преклонныя лѣта, онъ имѣлъ благообразную наружность. Въ глазахъ его отражались неподдѣльная искренность и доброта († 22 февраля 1885 г.). Послѣ тостовъ за здоровье митрополита и преосвященныхъ викаріевъ, присутствовавшихъ тутъ, возглашенъ мною, по желанію его высокопреосвященства, тостъ за здоровье почетнаго петербургскаго

*) Одинъ церковный староста, какъ говорили, нарочно ѣздилъ въ С.-Петербургъ пригласить новаго митрополита на служеніе, и послѣ служенія благодарилъ его (въ маѣ) чайнымъ сервизомъ изъ серебра. Прежде чѣмъ у насъ въ монастырѣ, владыка служилъ въ какой-то еще приходской церкви.

гостя протоіерея П. Е. Покровскаго. Затѣмъ владыка изволилъ сказать: „за здоровье настоятеля“. Когда подали ананасъ, онъ сказалъ мнѣ: „это роскошь. Нынешняго года?“—„Такъ полагаю“. Въ половинѣ 2 часа высочій гость оставилъ св. обитель, сугубо обрадовавъ насъ торжественнымъ служеніемъ въ соборномъ храмѣ и тѣмъ, что не отказался раздѣлить нашу монастырскую трапезу, по сильной моей просьбѣ, съ какою я обращался къ нему наканунѣ праздника въ Черкизово. Блаженъ я и теперь, что владыка посѣтилъ мою смиренную келлію! Безпорядка у насъ не было, кромѣ развѣ того, что на лѣвомъ клиросѣ были пѣвчіе изъ другаго хора, присланные однимъ благотворителемъ, а владыка терпѣть не могъ, когда „пойтъ сбродъ“. Одинъ изъ священнослужащихъ прошелъ съ середины храма въ алтарь чрезъ царскія двери, вмѣсто боковыхъ, на что митрополитъ впрочемъ не обратилъ вниманія. Утромъ на другой день (во вторникъ) я никакъ не благодарилъ милостивѣйшаго архипастыря, осчастливившаго насъ вчера. Онъ (въ Черкизовѣ) вышелъ ко мнѣ въ яраѣ со звѣздами. Принимая отъ меня икону сказалъ: „вы другую икону мнѣ подносите (первая икона была поднесена въ день прибытія его въ свою епархію). Какая это икона?“—Боголюбская.—„Да, схваченъ моментъ явленія Божіей Матери князю Андрею. Такъ ли пишется на чудотворной иконѣ въ Боголюбовѣ (монастырѣ владимірской еп.)?“—Такъ точно. Владыка довольно говорилъ, и больше по поводу безымянныхъ писемъ къ нему относительно монастырей. Одно изъ этихъ писемъ, по послѣдующему моему дознанію, начертила монахиня N, которую однако онъ помиловалъ. Еще разъ благословивъ меня, сказавъ: „благодарю васъ“; а преосв. Амвросій, котораго также я усерднѣе благодарилъ, какъ равно и преосвящ. Алексія, за посѣщеніе обители, сказалъ мнѣ: „вы подали другимъ хорошій примѣръ“.

23 іюня (суббота) чествованіе Владимірской иконы Божіей Матери сопровождалось торжественнымъ крестнымъ ходомъ изъ Успенскаго собора въ *Срътенскій* монастырь, гдѣ служилъ дятургію высокопреосвященный митрополитъ Макарій. На этотъ день чередная проповѣдь была назначена священнику К.—ву. Когда, надѣвъ епитрахиль, онъ подошелъ къ митрополиту принять благословеніе, владыка сказалъ: „проповѣди не будетъ. Почему онъ не предварилъ? Проповѣдникъ мнѣ долженъ пред-

ставить“, и проповѣдника удержавъ отъ слова, самъ въ обычное время произнесъ слово на текстъ: *О семъ разумѣютъ вси, яко Мои ученицы есте, аще любовь имате между собою* (Іоан. 13, 35), а въ настоятельскихъ кельяхъ сказалъ о себѣ, что вчера бы вечеромъ не трудился онъ надъ своею проповѣдью, еслибъ ему представлена была цензурованная проповѣдь о. К.—ва. „Въ Петровскомъ (монастырѣ) служилъ я, говорилъ архипастырь, легко и свободно, а здѣсь было тѣсно и душно“. Одинъ изъ преосвященныхъ тихо доложилъ ему, что такой-то въ минувшую среду учинилъ тяжкій проступокъ по части священнослуженія.. Митрополитъ сказалъ о немъ: „видно, что нехорошій человекъ“, и велѣлъ настоятелю его назначить ему епитимію-поклоны съ акаѣистомъ (Спасителю) и внушить ему выйти изъ московской епархіи. Никакого потомъ формальнаго слѣдствія не было произведено, но виновный іеромонахъ все-таки удался въ прежнюю епархію, изъ которой прибылъ года полтора назадъ. Срѣтенскаго архимандрита Виктора спросилъ высокопреосвященный владыка: „сколько вамъ лѣтъ?“ — 79-ть. — „Довольно“. Главный священникъ арміи и флотовъ П. Е. Покровскій (прибылъ съ Пятницкаго кладбища, гдѣ похоронена мать митрополита Филарета, и самъ недавно скончался — 25 февраля 1888 г.), почтенный задравнымъ тостомъ, сказалъ, что въ Петербургъ онъ возвратится веселый и помолодѣвшій отъ такого радушія. Архипастырь, съ которымъ онъ (въ то время имѣлъ митру) желалъ послужить 26 числа въ Алексѣевскомъ монастырѣ и на это просилъ благословенія, отвѣчалъ ему: „обѣими руками благословляю васъ“.

Въ Алексѣевскомъ женскомъ монастырѣ 26 іюня, по случаю храмоваго праздника Тихвинской Божіей Матери, высокопреосвященный митрополитъ произнесъ на литургіи слово. Началъ онъ такъ: „Едва прошла недѣля, какъ мы праздновали Боголюбской иконѣ Божіей Матери; два дня назадъ праздновали Владимирской, а нынѣ празднуемъ Тихвинской“. Въ импровизованномъ своемъ словѣ, которое и не было напечатано, архипастырь разъяснял, почему и въ какомъ смыслѣ въ православной церкви принято особенное чествованіе святыхъ чудотворныхъ иконъ, и почему чудотворныхъ иконъ именно Божіей Матери такъ много. Въ монастырскомъ прекрасномъ саду, похожемъ на рощу, онъ

выслушалъ пѣніе воспитанницъ—сербокъ и, оставляя св. обитель, которую посѣтили: М. Н. Катковъ († 20 іюля 1887 г.) и генералъ Е. В. Богдановичъ ¹⁰⁾, одинъ изъ преданнѣйшихъ почитателей его высокопреосвященства, сказалъ онъ игуменіи Антонія: „все было хорошо“.

Его разговоръ со мною. Въ Черкизовѣ владыка говорилъ мнѣ, 10 іюля, что праздничные обѣды утомляютъ его и отнимаютъ много времени; что 8 числа, служа въ Казанскомъ соборѣ, онъ воротился домой въ 4 часа. Продолжая тотъ же разговоръ, сказалъ: „что за обычай такой? Живя въ Петербургѣ, не зналъ этого. Въ храмѣ во время служенія нахожу я, продолжалъ владыка, воодушевление, а потомъ изволь вспотѣлый, утомленный бесѣдовать съ другими и два часа ждать обѣда. Охъ горе, горе! У васъ (въ Петровскомъ монастырѣ) было хорошо—скоро. Мнѣ думаютъ сдѣлать удовольствіе, но я тягочусь“. Затѣмъ неожиданно спросилъ: „какъ поступали мои предшественники?“—Иногда и они принимали хлѣбъ-соль, соображаясь съ обстоятельствами и съ состояніемъ своего здоровья.—„Я, сказалъ архипастырь, въ первый годъ такъ, а потомъ буду отказываться“ (и отказывался отъ обѣдовъ). Склонный къ кабинетнымъ ученымъ занятиямъ и небогатый здоровьемъ, онъ ли не дорожилъ временемъ? За рѣдкими исключеніями онъ, дорого цѣня время и обладая необыкновенно-свѣтлымъ умомъ, быстро читалъ дѣловые бумаги, избѣгалъ и не допускалъ лишнихъ разглагольствій, часто безцѣльныхъ, направляя мысль просителей главнымъ образомъ на существо дѣла.

Примѣчаніе. Владыка въ томъ же году послѣ служенія литургіи посѣтилъ домъ старосты одной приходской церкви и хотѣлъ было вскорѣ уѣхать по немощи и по стѣсненію разными занятіями, но староста сказалъ ему: «вы всёхъ насъ оскорбите (а было много гостей), васъ почтутъ гордымъ», и митрополитъ остался по неволѣ.

Частыя служенія его. 5 іюля, въ день обрѣтенія мощей преп. Сергія, владыка служилъ въ Лаврскомъ соборѣ и на приглашеніе въ Знаменскомъ монастырѣ 12 іюля, въ четвергъ сказалъ, о. архимандриту Сергію: „я утомляюсь отъ частыхъ служеній; да

¹⁰⁾ Онъ, какъ староста Исаакіевскаго собора въ С.-Петербургѣ, издавалъ съ апрѣля 1879 г. проповѣди, произносимыя въ соборѣ.

стоит ли служить у васъ? Народу два человекъ будеть¹¹⁾. Но какъ скоро узналъ, что въ 12 — день тезоименитства царя и великаго князя Михаила Феодоровича ежегодно совершалось въ Знаменскомъ монастырѣ архіерейское священнослуженіе, онъ почелъ нужнымъ служить тамъ и служилъ при довольно многочисленномъ стеченіи народа. Проповѣдь говорилъ настоятель. Владыка послѣ панихиды и литургіи съ царскимъ молебнымъ осматривалъ „вскользь“, какъ самъ послѣ выражался, палаты, при Знаменскомъ монастырѣ, бояръ Романовыхъ, гдѣ родился державный родоначальникъ царственного дома, царь Михаилъ Феодоровичъ и гдѣ воспитанъ родитель его, бояринъ и воевода Феодоръ Никитичъ, впоследствии Филаретъ, патріархъ московскій. Побывать въ этихъ боярскихъ хоромахъ—значить пожить нѣсколько минутъ въ древней Руси, подышать воздухомъ родной старины. Во время обозрѣнія сопровождалъ его высокопреосвященство извѣстный археологъ Ю. Д. Филимоновъ.

15 іюля, въ день просвѣтителя Россіи, св. равноапостольнаго и великаго князя Владиміра, высокопреосвященный Макарій, въ присутствіи высшихъ чиновъ столицы и представителей высшаго общества, совершалъ божеств. литургію въ церкви при домѣ московскаго генераль-губернатора и произнесъ слово изъ текста: *Азъ есмь свѣтъ міру* (Іоан. 8, 12).

Распорядительность ея. 23 іюля благопопечительный іерархъ, вполне сознавая, что доброе дѣло назидать души, вызывалъ къ себѣ архимандрита Сергія и протоіерея В. П. Нечаева, предлагая имъ, чтобы примѣнили свои чередныя проповѣди (на 26 и 15 авг.) къ потребностямъ времени, для большаго распространенія въ народѣ. „Моя проповѣдь печатается въ 15,000 экземпляровъ“, сказалъ святитель¹²⁾. Онъ желалъ, чтобы по примѣру Петербурга, и у насъ печатались проповѣди и статьи, направленные противъ умственного и нравственнаго развращенія. На совѣщаніе по этому предмету преосв. Амвросій собиралъ уже

¹¹⁾ Митрополитъ Филаретъ говорилъ: «доброе дѣло молиться, но и дѣло службы дѣлать надобно».

¹²⁾ Въ томъ же іюлѣ вышелъ I-й выпускъ предприятаго въ Москвѣ изданія подъ заглавіемъ: «Московская церковная каеэдра». Въ этомъ выпускѣ помѣщена первая, напечатанная въ въ «Моск. Вѣдомостяхъ», проповѣдь, произнесенная митрополитомъ Макаріемъ въ Срѣтенскомъ монастырѣ 23 іюня.

къ себѣ ученыхъ протоіереевъ и священниковъ. Владыка-митрополитъ кромѣ того предложилъ разсудить консисторіи, не слѣдуетъ ли на торжественные молебны, бываемыя въ Успенскомъ соборѣ, являться всѣмъ протоіереямъ (не однимъ архимандритамъ). „Въ Петербургѣ духовенство, говорилъ онъ, собирается во множествѣ и становится на молебнахъ въ соборѣ въ нѣсколько рядовъ“. Онъ полагалъ за нужное, чтобы въ первое полугодіе завѣдывалъ консисторскими дѣлами 1-й экспедиціи преосвящ. Амвросій, 2-й эксп.—преосвящ. Алексій, а во второе полугодіе наоборотъ, дабы такимъ образомъ преосвященные болѣе знакомились съ дѣлами по епархіальному управленію.

Поднесеніе митрополиту диплома. Въ засѣданіи Императорскаго общества исторіи и древностей россійскихъ, бывшемъ 6 апрѣля того же года, подъ предсѣдательствомъ С. М. Соловьева, избранъ владыка-митрополитъ Макарій въ почетные члены. Надлежало привѣтствовать и представить его высокопреосвященству печатный дипломъ на это званіе, но предварительно поручено было мнѣ, какъ дѣйствительному члену общества, узнать отъ митрополита, когда бы онъ могъ принять депутацію отъ названнаго общества. Владыка сказалъ мнѣ, что совѣстно ему затруднять депутатовъ поѣздкой въ Черкизово—дачное мѣсто-пребываніе его, и поэтому онъ приглашаетъ ихъ къ себѣ на Троицкое подворье, послѣ того какъ переселится въ Москву; но я объяснилъ, что напротивъ, депутаты почтутъ за удовольствіе привѣтствовать его высокопреосвященство въ самомъ непродолжительномъ времени. Владыка радушно принялъ, во второй половинѣ іюля, членовъ общества: И. Е. З—на, Н. С. Т—ва, Г. Ѳ. К—ва, А. Е. К—ва; въ числѣ ихъ состоялъ и я. Они первоначально съѣхались въ Петровскій монастырь (когда-то меня посѣтилъ здѣсь и О. М. Бодянский), затѣмъ всѣ мы отправились въ Черкизово въ 4 часу пополудни. Высокопреосвященный владыка благодарилъ въ лицѣ нашемъ общество и хотя не общалъ, занятый своими работами, трудовъ своихъ обществу, но выражалъ теплое сочувствіе изданію обществомъ нѣкоторыхъ обширныхъ рукописей, тщательно провѣренныхъ А. Н. Поповымъ, и особенно изданію двухъ словъ Леонтія Карповича, церковнаго вѣдѣнія православной юго-западной Руси въ XVII столѣтіи. „Какого труда, говорилъ онъ, стоило мнѣ найти въ през-

нее время списокъ одной изъ этихъ рукописей, потомъ разбирать ее! Много работаетъ для общества, сказалъ архипастырь, намѣстникъ мой, архимандритъ Леонидъ, представившій недавно въ распоряженіе общества описаніе славянскихъ рукописей библиотеки Свято-Троицкой Сергіевой Лавры*.

Церковная торжества. 28 іюля, по случаю храмоваго праздника Смоленской Божіей Матери, онъ служилъ въ *Новодѣвичьемъ* монастырѣ, предоставивъ встрѣчать мнѣ крестный ходъ, ежегодно совершаемый изъ Кремля въ этотъ монастырь, при большомъ стеченіи и сопровожденіи народа. Погода въ этотъ день была ясная, но владыка должно-быть опасался сквознаго вѣтра, особенно ощутительнаго въ св. воротахъ. Онъ послѣ литургіи обозрѣлъ святыни и достопамятности монастыря; говорилъ, что въ Москвѣ былъ проѣздомъ изъ Петербурга преосвященный Филаретъ, новый викарій воронежскій, получившій образованіе въ свѣтскомъ училищѣ ¹³⁾. „Онъ изъ келейниковъ воронежскаго архіепископа Серафима († 22 апр. 1886 г.). Когда я, говорилъ владыка о себѣ, посѣщалъ Серафима (тогда ректора тамбовской семинаріи), онъ подавалъ чай мнѣ“. Это было въ 1858—59 гг. Оставляя Новодѣвичій монастырь, архипастырь посѣтилъ Филатьевское училище при монастырѣ для малолѣтнихъ сиротъ, а оставляя училище, сказалъ юнымъ воспитанницамъ: „прощайте дѣточки“!

2 августа владыка изволилъ служить въ Покровскомъ—Василія Блаженнаго соборѣ и въ тотъ же день послалъ въ редакцію „Моск. Епарх. Вѣдомостей“ слово мѣстнаго протоіеря Н. І. Надеждина, произнесенное въ этомъ соборѣ. Напечатано въ 32 №.

За литургіей, которую высокопреосвященный Макарій совершилъ въ *Спасо-Андроньевомъ* монастырѣ, вмѣсто 16 августа, въ день Преображенія Господня, присутствовали: членъ Св. Синода—протоіерей малой церкви Зимняго дворца Іоаннъ Васильевичъ Рождественскій и гофмейстеръ двора Его Величества, почетный опекунъ Константинъ Павловичъ Нарышкинъ пользовав-

¹³⁾ Происходя изъ дворянъ, онъ (въ міру Константинъ Косицкій) обучался въ Одескомъ лицейѣ (см. 43 № Церковнаго Вѣстника за 1880 г.); изъ воронежскихъ архимандритовъ хиротонисанъ во епископа 15 іюля 1879 г. сконч. 25 сент. 1880 г.

спійся всегда особеннымъ вниманіемъ митрополита. Въ квартирѣ настоятеля-архимандрита Модеста ¹⁴⁾ владыка говорилъ: „незнаю церковей; ѣду въ каретѣ, спросить некого“; сакелларія П. И. Виноградова спросилъ: „какой въ вашимъ (Успенскомъ) соборѣ порядокъ службы въ Успеневъ день?“

Распорядительность митрополита. На другой день (7 авг.) архипастырь въ Черкизовѣ сказалъ мнѣ, что надо въ московскій Ивановскій монастырь, какъ общежительный, перевести настоятельницу изъ общежительнаго монастыря, согласно указа Св. Синода (отъ 22 марта 1862 г., № 790), и можетъ-быть переведена будетъ Бородинская (переведена изъ Аносино-Борисоглѣбской пустыни игуменья Рафаила), а открытіе заново перестроеннаго древняго Ивановскаго монастыря едва ли послѣдуетъ въ августъ (совершилось 19 окт.). Въ Вознесенскій монастырь, на мѣсто умершаго священника Платона Холмогорова, общалъ мнѣ владыка, по просьбѣ игуменья Сергія, произвестъ Ильебыденскаго діакона лишь въ томъ случаѣ, если не явятся просители достойнѣйшіе (переведенъ Михайло-Архангельской, города Бронницъ, церкви протоіерей Андрей Ивановъ). Онъ нерѣдко давалъ понимать, что милость хороша, но и правду наблюдать надобно, и что отсутствіе достоинства въ комъ-либо не можетъ быть пополнено никакимъ ходатайствомъ. На торжественные молебны въ Успенскій соборъ должны являться всѣ члены консисторіи и попечительства о бѣдныхъ духовнаго званія. Полагали у насъ перепечатывать петербургскія проповѣди, но владыка сказалъ: „надо печатать свои, а не чужія“.

Частыя служенія его. 15 августа, служа литургію въ Большомъ Успенскомъ соборѣ, митрополитъ произнесъ слово изъ текста: *Велія будетъ слава храма сего, послѣдняя паче первая* (Аггея 2, 10); потомъ принималъ старшее духовенство въ Чудовѣ и говорилъ посѣтившему его князю В. А. Долгорукову о преосвященномъ Хрисанѣѣ, прибывшемъ изъ Нижняго Новгорода въ Донской монастырь на покой, что начинается онъ вла-

¹⁴⁾ По указу Св. Синода отъ 27 окт. 1880 г., о. Модестъ согласно его просьбѣ по болѣзненному состоянію уволенъ отъ должности настоятеля и на мѣсто его въ Спасо-Андроніевъ мон. переведенъ Знаменскій архим. Сергій, съ 30 мая 1882 г. епископъ ковенскій, викарій литовской еп., нынѣ еп. могилевскій.

дѣть (правою) рукою, но кистью еще не владѣть († 6 ноября 1883 г.).

26 августа въ томъ же Успенскомъ соборѣ владыка сказалъ другое слово, основанное на текстѣ: *Вознесохъ избраннаго отъ людей Моихъ...*, елеемъ святымъ Моимъ помазахъ его (Псал. 88, 20—21).

30 августа, послѣ служенія въ томъ же соборѣ, хвалилъ (въ Чудовомъ мон.) проповѣдь Предтечевскаго подъ Боромъ протоіерея І. Н. Рождественскаго, какъ современную и громко произнесенную имъ въ соборѣ, не смотря на старыя лѣта его.

1 сентября высокопреосвященный Макарій совершилъ литургію въ *Дамиловомъ* монастырѣ и въ настоятельскихъ келліяхъ архимандрита Амфилохіа, увидя литографированный портретъ преосвященнаго Аванасія архіепископа астраханскаго († 7 дек. 1876 г.), говорилъ о себѣ: „когда (въ августѣ 1842 г.) я пріѣхалъ изъ Кіева бакалавромъ (богословскихъ наукъ) въ петербургскую академію и остановился въ своей квартирѣ, отведенной мнѣ въ нижнемъ этажѣ, вижу: входитъ кто-то въ подрясникѣ и поздравляетъ меня. Это — преосвященный Аванасій, ректоръ академіи (тогда епископъ винницкій): онъ помѣщался надо мной“. Вспоминая о прошломъ, митрополитъ замѣтилъ, что послѣ однихъ архіереевъ бываетъ легко ихъ преемникамъ, а послѣ другихъ — трудно. Въ Тамбовѣ и Харьковѣ нужно было ему, говорилъ онъ, исправлять самые дома свои, но онъ былъ совершенно доволенъ въ литовской епархіи: тамъ митрополитъ Іосифъ (сконч. 23 ноябр. 1868 г.) благоустроилъ все наилучшимъ образомъ. Владыка нашъ, сядясь въ карету, принялъ букетъ монастырскихъ цвѣтовъ.

4 сентября (во вторникъ) служеніе его было въ *Зачатейскомъ* женскомъ монастырѣ, а наканунѣ онъ въ храмѣ Христа Спасителя (храмъ этотъ вблизи монастыря) всходилъ на верхъ по 85 ступенямъ и поднявшись съѣлъ для отдыха. Благолѣпіе величественнаго храма очаровало владыку. „Въ Ватиканѣ и Константинополѣ нѣтъ той чистоты и тщательности въ отдѣлкѣ“, говорилъ онъ въ Зачатейскомъ. Вся художественная отдѣлка за малымъ исключеніемъ, также какъ и мраморная работа, приходили въ то время къ концу.

8 числа литургію въ *Рождественскомъ* монастырѣ, въ храмѣ Рождества Богородицы совершалъ в—ный Макарій и далъ свою просфору игуменіи Серафимѣ, а другую поручилъ ей передать клироснымъ.

Освященіе храма. „Я хочу служить у васъ“, сказалъ владыка настоятельница *Александровскаго* монастыря, и въ понедѣльникъ, когда обыкновенно совершается служба въ честь небесныхъ силъ безплотныхъ, освятилъ тамъ 10 сент. новоустроенную при монастырской больницѣ и богадѣльнѣ домовую церковь. Высокопреосвященный владыка пріѣхалъ изъ Черкизова не совсемъ здоровый, но съ начатіемъ литургіи почувствовалъ себя лучше. Послѣ служенія онъ спросилъ игуменью Антонію: „почему вашъ новый храмъ устроенъ во имя архистратига Михаила и прочихъ небесныхъ силъ?“ Она отвѣчала, что Архангелы и Ангелы—наши хранители, сильные предстатели предъ Богомъ и руководители ко спасенію, „а мы—инокини желаемъ подражать имъ“...—„Какая основная мысль! Это совершенно справедливо“, сказалъ архипастырь. Узнавъ о существовавшемъ обычаѣ въ московскихъ женскихъ монастыряхъ, что во время чтенія часовъ, когда архіерей умывалъ руки, игуменья подходила съ боку, держа полотенце на подносѣ, онъ сказалъ: „это прекрасно!“—„А въ Харьковѣ за обѣдомъ монахини пѣвали псалмы. сказалъ онъ мнѣ, напримѣръ: *Не унывай*, сочиненіе преосвященнаго Иннокентія (Борисова),—не унывай ни въ какихъ обстоятельствахъ“. Въ монастырѣ онъ осматривалъ больницу съ аптекой, богадѣльню, комнаты: золотошвейную, живописную, также и рукодѣльня. Его высокопреосвященству поднесенъ былъ отличной работы поясъ. Прилагаю полученное изъ Харькова съ переложеніемъ на ноты стихотвореніе:

НЕ УНЫВАЙ.

Когда угодно было Богу,
Чтобъ родившись обдіакомъ,
Ты пролагалъ себѣ дорогу
Терпѣньемъ тяжкимъ и трудомъ,
То будь покоренъ, терпѣливъ,
Неутомимъ и молчаливъ,
На помощь свыше уповай
И никогда не унывай.

* * *

Когда Творцу благоугодно,
 Чтобъ въ потъ ты вкушала свой хлѣбъ,
 То не рощи женоподобно
 На Бога всяческихъ судьбъ;
 Предъ Нимъ смиренно преклонись,
 Святою вѣрой оградись,
 И ея духъ свой одобрай,
 Но никогда не унывай.

* * *

Когда-жъ по слову Бога-Слова
 За правду будешь ты гонимъ,
 Теки во слѣдъ за нею снова,
 Любовью къ ней руководимъ.
 Гонителей своихъ прости,
 И если можешь ихъ спасти,
 Отъ бѣдъ и гибели спасай,
 Но никогда не унывай.

* * *

Когда родня твоя и други
 Тебя покинуть, оттолкнуть,
 Забывъ приязнь твою, услуги,
 Тебя забвенью предадутъ,
 За вѣроломство ихъ прости,
 Неблагодарность отпусти,
 За зло добро имъ воздавай
 И никогда не унывай.

* * *

Когда божественная благость
 Тебя за доблесть наградить,
 Подастъ тебѣ здоровья сладость,
 Богатствомъ, славой одарить,
 Смиреньемъ кроткимъ оградись,
 И сердцемъ къ Богу обратись,
 Ему въ щедротахъ попражай
 И въ дѣлѣ семъ не унывай.

* * *

Когда обиліемъ ꙗ силой
 Въ сей жизни будешь обладать,

Клеврета своего помилуй,
 Умѣй врагамъ своимъ прощать.
 Не презри сираго и вдову
 Слѣвши на помощь къ нимъ безъ зову,
 Ихъ скорби въ радость обращай,
 Въ трудѣ для нихъ не унывай.

13 сентября въ *Покровскомъ* миссіонерскомъ монастырѣ благо-
 гѣпный соборный храмъ, гдѣ владыка служилъ, очень понравился
 ему. Въ 2 часа пополудни онъ былъ уже дома на Троицкомъ
 подворьѣ.

15 числа, послѣ служенія въ *Никитскомъ* монастырѣ, онъ окро-
 пилъ святою водою и благословилъ новооткрытую, по его же-
 ланію, общую трапезу, въ которой мы видѣли портретъ его
 высокопреосвященства. Въ игуменскихъ келіяхъ онъ пожелалъ
 знать, когда и гдѣ основана сія обитель дѣвъ.

Вакансія протоіерей въ кафедральномъ соборѣ. 20-го владыка
 совсѣмъ переѣхалъ въ Москву изъ Чернигова и, по случаю
 Высочайшаго назначенія (въ 20 день авг.) протопресвитеромъ
 Успенскаго собора и членомъ Московской синодальной конторы
 кафедральнаго протоіерей М. И. Богословскаго, предлагалъ
 Архангельскій кафедральный соборъ Предтечевскому, подъ Бо-
 ромъ, протоіерею І. Н. Рождественскому, члену консисторіи, а
 за отказомъ его, потребовалъ списокъ протоіереевъ-магистровъ.
 Избранъ и утвержденъ Симеоно-Столпнический протоіерей А. І.
 Соколовъ, переведенный послѣ въ соборному храму Христа
 Спасителя ¹⁵⁾.

Примечаніе. Въ первой половинѣ сентября 1879 года, въ бытность съ
 визитомъ у новаго протопресвитера (сконч. 15 января 1884 г.), М. Ѳ.
 Раевскій, протоіерей посольской русской церкви въ Вѣнѣ, говоритъ: что
 еще бы года четыре провель въ Вѣнѣ (гдѣ онъ находился съ 1834 г.),
 чтобы выслужить пенсію, впрочемъ и въ этомъ году пошелъ бы въ уснен-
 скій соборъ на открывшуюся вакансію протопресвитера. — Когда-то (на-
 примѣръ въ 1855 г.) былъ въ Вѣнѣ посланникомъ князь А. М. Горчаковъ.
 Идѣ однажды къ императору Австрійскому, онъ сказалъ: о. Раевскому
 «благословите, не знаю, что говорить императору». Тотъ отвѣчалъ *Святой
 Духъ научитъ вы и пр.* (Лук. 12, 12). Аудіенція была самая благопріят-
 ная, и съ той поры князь Горчаковъ, внослѣдствіи государственный канц-
 леръ (ум. 27 февр. 1883 г.), не забывалъ протоіерей Раевского.

¹⁵⁾ Нынѣ новый соборъ именуется кафедральнымъ.

Царская панихида. 30 сентября литургію въ Чудовомъ монастырѣ совершалъ одинъ изъ преосвященныхъ, а панихиду—митрополитъ съ преосвященнымъ викаріемъ. Облаченіе у всѣхъ было черное, а митры а архимандритовъ всякія, не исключая и красной, какая оказалась у одного архимандрита—иностранца, что удивило нашего архипастыря. Онъ говорилъ: въ „Петербургѣ однообразіе митръ и самаго служенія; какой бы архіерей ни служилъ. Здѣсь же не такъ: каждый дѣйствуетъ по своему. Въ Петербургѣ притомъ поминаются за литургіей всѣ служащіе архіереи, а за молебномъ—одинъ старшій. Приличіе церковное требуетъ на великомъ входѣ помянуть и архимандритовъ“ (разумеется, не называя ихъ поименно). Благочинныхъ предположено выбирать духовенству посредствомъ баллотировки: новое еще небывалое у насъ въ Москвѣ дѣло!

Кончина и погребеніе С. М. Соловьева. 4 октября не стало знаменитаго историка Россіи. За сутки до своей кончины онъ, какъ слышалъ я отъ Н. А. Попова, причастился послѣ исповѣди св. Тайнъ и помазался елеемъ, а въ день кончины съ трудомъ проговорилъ: „пора, конецъ, семь часовъ“, и точно скончался въ 7 часовъ вечера. Но жаль, что такіе, какъ онъ, люди сходятъ съ поприща. Въ день погребенія его (7 числа) божественную литургію въ церкви Московскаго Университета и отпѣваніе совершалъ высокопреосвященный Макарій въ сослуженіи преосвященнаго Алексія, епископа Можайскаго, архимандритовъ и протоіереевъ. Въ концѣ литургіи онъ произнесъ слово начавъ изъ текста: „Подражателю мнѣ бываете (1 Кор. II, I). Во время отпѣванія надъ гробомъ почившаго сказаны были рѣчи профессорами Университета—протоіереями Н. А. Сергіевскимъ и А. М. Иванцовымъ-Платоновымъ. Изъ церкви владыка былъ приглашенъ, для краткаго отдыха въ квартиру протоіеря нынѣ протопресвитера, Н. А. Сергіевского.

Примчаніе. О. М. Бодянский (сконч. 6 сент. 1877) г.) когда-то говорилъ мнѣ, что Моисей написалъ пятоявнжіе, а С. М. Соловьевъ двадцатипятоявнжіе; но послѣ того онъ издалъ еще три тома *Исторія Россіи съ древнѣйшихъ временъ*. Нашъ владыка, образецъ трудолюбія, каждый годъ подобно С. М. Соловьеву, дарилъ богословскую литературу новымъ томамъ своей Исторіи Русской церкви (всѣхъ XII т.).

Служеніе его въ Вознесенскомъ монастырѣ. Здѣсь высокопреосвященный владыка служилъ 9 октября (во вторникъ) съ архи-

мандритомъ Никодимомъ нынѣ блаженнѣйшимъ патріархомъ Іерусалимскимъ, и со мной. Въ комнатахъ игуменья Сергія (сконч. 29 окт. 1884 г.) нашелъ онъ „отборное общество“.

Примѣчаніе 1. Патріархъ Никодимъ управлялъ въ Москвѣ Іерусалимскимъ подворьемъ съ 1877 года. Посвященный въ архіепископа *Оваторскаго* въ С.-Петербургѣ, 3 января 1882 г., онъ получилъ въ даръ отъ митрополита Макарія паннагію съ изображеніемъ Преображенія Господня. Въ санѣ патріарха отбылъ изъ Москвы къ мѣсту своего служенія 10 октября 1883 года. Онъ съ нѣкотораго времени особенно благоговѣлъ къ преп. Сергію и желалъ праздновать въ Іерусалимѣ св. память его.

Примѣчаніе 2. Игуменья Сергія (дочь генераль-маіора князя Василія Алексѣевича Урусова, бывшая въ замужествѣ за маіоромъ княземъ Александромъ Андр. Волконскимъ, умершимъ 30 ноября 1847 г.), желая устроить добрый чинъ монастырскаго богослуженія, просила митрополита Макарія утвердить для точнаго исполненія слѣдующія предположенія: 1) чтобы всѣ службы церковныя начинались въ опредѣленное уставомъ время, чрезъ 5 или 10 минутъ по благовѣстѣ, а не когда вздумаетъ придти тотъ или другой священникъ; 2) чтобы священнослужители не пропускали служенія утрени въ будни, а всенощныя бдѣнія на храмовые и двенадцатые праздники отправляли бы они соборнѣ; 3) чтобы они не прерывали чтеніе и пѣніе монахинь преждевременными возгласами, и давали бы возможность вычитывать все положенное по уставу; 4) чтобы на позднихъ литургіяхъ въ Вознесенскомъ монастырѣ, по нахожденію его (онъ не имѣетъ прихода) въ Кремлѣ и по примѣру кремлевскимъ соборовъ, равно какъ и Чудова монастыря, смежнаго съ Вознесенскимъ, не было заукойныхъ эктевій и чтенія синодикова, потому что для неупустительнаго поминованія усопшихъ бывають въ монастырѣ ежедневныя раннія литургіи. 5) Въ праздничные по крайней мѣрѣ дни на позднихъ литургіяхъ, а великимъ постомъ и на преждеосвященныхъ обѣдняхъ, не должны допускаться постороннія вставки какъ-то: молитвы о болящихъ, чтобы богослуженіе было торжественное по требованію дна и величественное по уставу. 6) О всѣхъ получаемыхъ епархіальныхъ распоряженіяхъ касательно молебновъ и манихидъ причтъ долженъ предварять настоятельницу, ибо отъ внезапнаго, въ неуказанное время звона по распоряженію священника въ монастырѣ бываеть переполохъ. Революціею его высокопреосвященства отъ 16 августа 1879 г. предписано консясторіи предписать симъ священникамъ (трое) къ точному исполненію всѣхъ наложенныхъ здѣсь правилъ, какъ вполне справедливыхъ. Въ сентябрѣ 1881 года настоятельницамъ женскихъ монастырей предоставлено право первымъ получать предписанія начальства, посылаемыя на имя причтовъ скихъ монастырей, относительно особенныхъ случаевъ богослуженія.

Торжественное открытіе Ивановскаго дѣвичьяго монастыря. 19 октября въ 7 час. утра, при колокольномъ звонѣ, съ преднесеніемъ хоругвий и храмовыхъ иконъ, совершенъ былъ крест-

ный ходъ вокругъ монастырскихъ стѣнъ. Въ 9 часовъ прибылъ высокопреосвященный митрополитъ Макарій и, освятивъ главный престолъ во имя Усѣиновенія честнаго главы св. пророка и Крестителя Господня Іоанна, совершилъ, въ сослуженіи нѣсколькихъ архимандритовъ и священниковъ, первую литургію въ обширномъ монастырскомъ храмѣ, въ присутствіи его сіятельства г. Московскаго генералъ-губернатора, князя В. А. Долгорукова, многихъ изъ начальствующихъ и почетнѣйшихъ особъ первопрестольной столицы и при большомъ стеченіи народа. По окончаніи литургіи и молебна съ обычнымъ многолѣтіемъ, владыка благословилъ монастырскую трапезу и небольшое количество собравшихся сестеръ, затѣмъ посѣтилъ келліи настоятельницы ¹⁶⁾ въ сопровожденіи всѣхъ вышеупомянутыхъ высокопоставленныхъ особъ, удостоившихъ принять предложенную трапезу. Владыка впоследствии велѣлъ снять въ Ивановскомъ монастырѣ ступени по сторонамъ св. престола въ главной церкви, дабы священнослужащіе не могли споткнуться и не думали постоянно объ этой опасности. Кажется, надлежало для сего перестлать мраморный полъ въ алтарѣ.

Представленіе къ наградамъ. Владыка велѣлъ при представленіи къ наградамъ съ осторожнымъ вниманіемъ взвѣшивать достоинство и заслуги. Онъ говорилъ: „прежде такъ многихъ представляли (при его предшественникѣ) изъ Московской епархіи, что смѣялся Синодъ. Училищное ли начальство просить за кого? Что-жь? надо разсматривать: иной за училищную службу получаетъ деньги. Благочинный представляетъ? Но если какой-нибудь священникъ прослужилъ и три года, то это еще не даетъ ему права на полученіе награды. „Объ о. Глаголевѣ сказалъ: „странно, что такой достойный протоіерей (съ 22 мая сего года членъ консисторіи) имѣетъ орденъ Анны только 3 степени“.

Примѣчаніе 1. Въ 1851 г. наперсникъ крестомъ, выдаваемыхъ отъ Св. Синода, награжденъ былъ одинъ изъ всего духовенства московской епархіи—священникъ А. И. Воскресенскій, съ 1853 г. протоіерей Покровскаго собора. «Вотъ эта была награда!» говаривалъ онъ (сконч. 23 ноября 1883 г.).—Достопочтенная игуменья Страстнаго монастыря Евгенія

¹⁶⁾ Игуменія Рафаила (въ міру Елена Равинская) изъ дворянъ, въ 1884 г. была переведена въ Вознесенскій первоклассный монастырь; сконч. 4 марта 1887 года.

Озерова говорила о себѣ: «я получила (въ 1866 г.) наперсникъ крестъ чрезъ 12 лѣтъ своей службы въ этомъ санѣ. Владыка Филаретъ пригласилъ меня (была тогда въ Аносинѣ) въ крестовую церковь и сказалъ: «клади три поклона». Я смутилась, не зная зачѣмъ: «рано ты получаешь награду, рано. Но я, продолжалъ онъ, старѣю и слабѣю, а мнѣ хотѣлось самому возложить на тебя первую награду. Вотъ почему ты представлена была къ награждѣ, а не за твои заслуги. «Прессвященный Леонидъ, бывшій викарій Московскій (сконч. въ санѣ архіепископа Ярославскаго 15 декабря 1876 г.), возражая противъ обычая представлять къ наградамъ лишь тѣхъ священниковъ, которые проходятъ особня обязанности, возложенныя начальствомъ, говорилъ, что иной священникъ, свободный отъ такихъ обязанностей, можетъ быть посвящаетъ себя молитвѣ и много трудится ко благу прихожанъ».

Примѣчаніе 2. Признавая митрополита Макарія своимъ покровителемъ, не могу не сказать о слѣдующемъ. Секретарь въ Бозѣ почившей Государини Императрицы сообщилъ оберъ-прокурору Св. Синода, что такъ какъ со времени открытія въ 1872 г. Московской Покровской Общины сестеръ милосердія никто изъ безмездно трудящихся при Общинѣ врачей и другихъ лицъ не удостоился награды, то Ея Императорскому Величеству благоугодно, чтобы онъ, г. оберъ-прокуроръ, обратилъ вниманіе на усердныя труды врачей и другихъ лицъ, которые окажутся достойными поощренія, и исходатайствовалъ имъ Высочайшія награды по своему усмотрѣнію. Во исполненіе сего повелѣнія Ея Величества, синодальный оберъ-прокуроръ, графъ Д. А. Толстой, отношеніемъ отъ 14 марта 1879 г., обратился къ Московскому митрополиту Макарію съ покорнѣйшею просьбою о сообщеніи ему наградныхъ списковъ врачей и другихъ лицъ, состоящихъ при Общинѣ, которыхъ его высокопреосвященство изволитъ признавать заслуживающими награжденія, съ присовокупленіемъ его заключенія о томъ, къ какимъ наградамъ они могли бы быть представлены. Митрополитъ Макарій отъ 29 августа 1879 г., за № 182, препроводилъ къ графу Толстому наградные и послужные списки представляемыхъ къ награжденію, въ число коихъ и я включенъ былъ, какъ благоточный Общины и членъ училищнаго (при училищѣ общины) совѣта.

Московская епархіальная бібліотека. 22 октября въ 7 часовъ вечера посѣтилъ высокопреосвященный владыка епархіальную бібліотеку въ Петровскомъ монастырѣ, по случаю годичнаго собранія Общества любителей духовнаго просвѣщенія. Благословивъ меня, какъ настоятеля монастыря, сказалъ: «о. архимандритъ! я къ вамъ на праздникъ».

Горихвостовскій домъ. 26-го утромъ владыка собирався въ Горихвостовскій домъ призрѣнія бѣдныхъ духовнаго званія, и мнѣ предложилъ отправиться туда же къ 12-ти часамъ съ бѣлымъ облаченіемъ. Литургію тамъ въ домовоіи церкви служилъ

преосвященный Алексій съ членами попечительства, а панихиду о рабѣ Божиѣмъ бояринѣ Дмитріѣ Петровичѣ Горихвостовѣ, именниникѣ и основателѣ этого благотѣльнаго учрежденія (онъ сконч. 18 авг. 1846 г. и погребенъ въ Спасо-Андроніевомъ монастырѣ) совершилъ Московскій первосвятитель. Въ заглѣ заведенія онъ меня спросилъ, были ли я въ Петербургѣ?—„Быль третьяго года, по монастырской надобности“.—„А на чредѣ были вы?“—„Намѣстникъ Александро-Невской Лавры архимандритъ, а вполс. епископъ Дмитровскій Никодимъ (сконч. 14 окт. 1877 г.) нарочитымъ письмомъ приглашалъ меня на чреду священнослуженія („на берега Невы“), но я не могъ согласиться, потому что климатъ петербургскій считаю для меня вреднымъ“.—„Да, незавидна жизнь чередныхъ архимандритовъ“, замѣтилъ владыка. Домъ этотъ онъ осмотрѣлъ подробно, всходилъ и на верхъ, гдѣ ему представили окончившую курсъ образованія первую воспитанницу епархіальнаго Филаретовскаго училища, родственную, помнится, преосвященному Смоленскому Іоанну (сконч. 17 марта 1869 г.). Архипастыръ благословилъ ее и, по примѣру Спасителя, благословлявшаго дѣтей, возложилъ на главу ея руку. Онъ совѣтовалъ членамъ попечительства приучать къ хозяйству воспитанницъ Филаретовскаго училища.

Примѣчаніе. Въ 1882 года 26 октября праздновалось пятидесятилѣтіе Горихвостовскаго дома, который, сколько мы знаемъ, владыка Макарій желалъ видѣть расширеннымъ и число призрѣваемыхъ въ немъ значительно умноженнымъ.

Праздникъ братства св. Николая. 28 октября, въ годовщину братства св. Николая, служа въ холодной Николо-явленной церкви, митрополитъ прозябъ. Въ квартирѣ протоіерея С. І. Зернова сказалъ: „надобно назначать митрополитовъ помоложе, а за 60 лѣтъ (онъ род. 19 сент. 1816 г.) память начинаетъ слабѣть“. Объ одномъ археологѣ отозвался: „онъ-старинарь“.

„Какъ у васъ идутъ дѣла о наградахъ?“ спросилъ на другой день владыка, принимая у себя на дому С. І. Зернова, члена консисторіи.—„Трудимся, трудимся“, отвѣчалъ о. протоіерей, одинъ изъ старѣйшихъ и достойнѣйшихъ представителей Московскаго духовенства, главный дѣятель въ братствѣ св. Николая съ самаго его основанія (сконч. 17 окт. 1886 г.). Секретарю г. Розанову архипастыръ сказалъ: „Въ Петербургѣ двѣ комиссіи

разсматриваютъ наградныя дѣла, тоже допустить и въ конкосторіи, а въ важныхъ недоумѣніяхъ совѣщаться всѣмъ членамъ“.

Новое сочиненіе архимандрита Сергія. Владыка „съ удовольствіемъ читалъ“ въ рукописи новое изслѣдованіе доктора богословія архимандрита Сергія, нынѣ преосвященнаго могилевскаго: *Иверская святая и чудотворная икона Богоматери на Афонѣ и списки ея въ Россіи*, изданное въ томъ же году. Авторъ старался доказать, на основаніи всѣхъ историческихъ данныхъ и соображеній, что первый списокъ афонской Иверской иконы, присланный иверскимъ архимандритомъ Пахоміемъ въ 1648 г. въ Москву, находится въ московскомъ Новодевичьемъ монастырѣ, и просилъ дозволенія снять ризу съ находящейся въ Иверской часовнѣ, у Воскресенскихъ воротъ, чудотворной Богоматерной иконы, не окажется ли какихъ-либо на ней надписей, но дозволить это нельзя было за ветхостью ризы. Кромѣ того граждане съ великою радостію принимаютъ эту икону въ свои дома, а потому удержать ее и на одни сутки было бы неудобно.

Священнослуженія и отъѣздъ митрополита въ Петербургъ. 4-го ноября онъ совершилъ литургію въ домовой церкви московской семинаріи и присутствовалъ на актѣ въ семинарской залѣ, подзавъ меня и посадивъ вблизи себя (припоминаю латинскую поговорку: *honor non honorati, sed honorantis est*); 8 числа служилъ въ *Страстномъ*, 13-го въ *Златоустовомъ* монастырѣ, спросивъ не задолго передъ тѣмъ архимандрита Аенасія (изъ магистровъ петербургской академіи): „приготовлена проповѣдь?“ А 22 числа извоилъ отбыть въ С.-Петербургъ для присутствованія въ Св. Синодѣ.

1880.

Слова и рѣчи митрополита. 11-го марта высокопреосвященный Макарій прислалъ и мнѣ, чрезъ посредство преосвященнаго Алексія, новоизданную книгу словъ и рѣчей, произнесенныхъ его высокопреосвященствомъ въ Вильнѣ¹⁷⁾. А въ московской епархіи произнесенныя не собраны донинѣ, и если собрать во едино весь этотъ цвѣтъ духовнаго краснорѣчія, это былъ бы благоу-

¹⁷⁾ Въ августѣ 1879 г., принявъ мою книжку сказалъ: «очень благодаренъ».

ханный вѣнокъ на гробъ почившаго святителя. „Задумчивость, отсутствіе многословія, необычайная ясность, близость къ современнымъ нуждамъ общества—составляютъ неоспоримое достоинство его проповѣдей“ говоренныхъ имъ въ Вильнѣ и Москвѣ, а еще прежде въ Кіевѣ, въ Петербургѣ, въ Тамбовѣ, въ Харьковѣ¹⁸⁾.

Пріездъ владыки въ Москву. 8 мая, за обычнымъ окончаніемъ занятій въ Св. Синодѣ, онъ возвратился въ Москву, а день былъ очень холодный. Выходя изъ вагона, высокопреосвященный встрѣченный духовенствомъ, спросилъ: „есть въ Москвѣ снѣгъ?“— „У насъ не было, а за Москвой гдѣ то выпалъ“, отвѣчали ему. „Нѣтъ, не за Москвой, а въ Петербургѣ“, возразилъ владыка. Когда, увидя меня, сказалъ онъ съ участіемъ: „здравствуйте, о. архимандритъ!“ въ душѣ стало тепло, легко и весело. Въ Чудовѣ онъ сказалъ: „великая перемена, полагаю, вамъ извѣстна. Константинъ Петровичъ Побѣдоносцевъ (новый оберъ-прокуроръ Св. Синода) знаетъ многихъ москвичей и (обратясь въ преосвященному Амвросію) васъ знаетъ“.

Праздникъ въ Чудовомъ монастырѣ. 20 мая, въ день памяти св. Алексія, митрополита московскаго, высокопреосвященный Макарій служилъ съ 4 архимандритами, и въ 2 часа у него въ Чудовѣ былъ первый парадный обѣдъ для московскаго генералъ-губернатора, преосвященныхъ и пр. Гостей было до 30 чело-вѣкъ. Много говорили съ начальникомъ японской миссіи преосвященнымъ Николаемъ, который на постройку въ Японіи каедральнаго собора пріобрѣлъ въ одной Москвѣ 43,000 рублей. Жертвуютъ и вещами: серебряною ложкой, серьгами и пр. Митрополитъ совѣтовалъ ему вести подробныя записки о церкви японской.

Настоятельская вакансія въ монастырѣ. Владыка, просмотрѣвъ требованный отъ меня въ маѣ списокъ кандидатовъ на вакантную въ Дмитровскомъ Борисоглѣбскомъ монастырѣ настоятельскую должность (а бывший настоятель архимандритъ Михаилъ въ началѣ 1880 года переведенъ въ Святогорскій монастырь псковской епархіи), сказалъ: „нѣтъ въ этомъ спискѣ такого-то

¹⁸⁾ Изъ некролога.

іеромонаха. За него меня просили въ Петербургѣ (не знаю кто просилъ). Каковъ онъ?" Я отвѣчалъ, что почитаю его способнымъ къ дѣламъ хозяйственнымъ, но недостаточнымъ для управленія и духовнаго руководства. Настоятелемъ названнаго монастыря въ г. Дмитровѣ назначенъ іеромонахъ Савво-Сторожевскаго монастыря Сергій 30 іюля того же, а возведенъ въ санъ архимандрита 8 ноября 1881 года.

Пребываніе митрополита въ Коломнѣ. За нѣсколько дней до поѣздки въ г. Коломну, владыка-митрополитъ вызвалъ къ себѣ въ Черкизово градскаго благочиннаго-священника Архангельской церкви Ѡ. І. Розова и распросилъ его, нѣтъ-ли на-дняхъ какого-либо праздника въ Коломнѣ, чтобы пріѣхать туда встать? Владыка отъ него узналъ, что 26 іюня въ коломенскомъ Тихвинскомъ соборѣ храмовый праздникъ, особо чтимый гражданами. Еще архипастырь спрашивалъ: найдется ли въ соборной ризницѣ архіерейское, способное къ употребленію облаченіе? Благочинный сообщилъ, что есть такое облаченіе и можно его высокопреосвященству не брать изъ Москвы свою ризницу; есть и порядочный хоръ соборныхъ пѣвчихъ. Кажется, такъ владыка и пріѣхалъ безъ своихъ пѣвчихъ въ Коломну, вечеромъ 25 іюня остановился въ архіерейскихъ комнатахъ Новогодутвина монастыря, гдѣ слушалъ всенощную; затѣмъ прочитавъ проповѣдь соборнаго протоіерея С. А. Сяворцева, написалъ на ней: „благословляется къ произношенію“, или какъ иначе, а сдавая ее утромъ на другой день, сказалъ сочинителю, что желаетъ самъ нынѣ сказать слово (ему не спалось и, рано вставъ, онъ успѣлъ обдумать) и „можетъ быть это будетъ въ послѣдній разъ“, прибавилъ онъ какъ бы по предчувствію (въ Коломнѣ онъ бывалъ дѣйствительно въ первый, да и въ послѣдній разъ). Въ градскомъ соборѣ, торжественно служа св. литургію въ день храмоваго праздника, митрополитъ произнесъ вразумительное для всѣхъ предстоящихъ слово (не напечаталъ послѣ) изъ текста: *Блаженн смышашци слово Божіе и хранящци е* (Лук. 11, 28). Его рѣчь, какъ сообщаютъ мнѣ, лилась источникомъ живымъ и сладко, сладко напоила душу! До нынѣ памятно трогательное, отъ сердца исходящее воззваніе его къ слушателямъ: „Читайте, прилежно читайте слово Божіе, оно полезно“... По окончаніи литургіи, спустя полчаса, онъ посѣтилъ находящійся вблизи собора Успен-

сно-Брусенскій дѣвичій монастырь, обозрѣлъ монастырскіе храмы: Крестовоздвиженскій и старшій Успенскій, къ капитальному возобновленію коего на средства коммерціи совѣтника Ф. Я. Ерманова, съ пристройкою новой церковной трапезы и каменнаго корпуса съ 12 кельями, уже было приступлено съ февраля того же года. Въ кельяхъ достопочтенной игуменьи Ангелины владыка кушалъ чай, а влироснымъ дозволилъ псалму: „Не унывай“, смазавъ: „да я люблю слушать это пѣніе“; потомъ благословилъ всѣхъ монашествующихъ и пѣвчихъ сестръ, каждую порознь (въ храмѣ передъ тѣмъ не сталъ благословлять ихъ, а только нѣкоторыхъ изъ свѣтскихъ), причемъ съ улыбкой сказалъ: „вы во второй разъ не подходите, а то меня задержите“. Оставивъ обитель, высокопреосвященный владыка обозрѣвалъ приходскія церкви и въ домѣ почетнаго гражданина Е. М. Левина принялъ обѣдъ отъ градскаго купеческаго общества. На другой день утромъ выѣхалъ въ Москву.

Посѣщеніе имъ Перервы. 8 августа высокопреосвященный Макарій въ первый разъ посѣтилъ приписной къ кафедральному Чудову Николо-Перервинскій загородный монастырь, въ 11 часу утра, выслушалъ краткое молебствіе въ церкви и приложился къ св. образамъ. Въ архіерейскихъ кельяхъ спрашивалъ перервинскаго (нынѣ Знаменскаго) архимандрита Никодима о чудовскомъ намѣстникѣ о. Веніаминѣ: „откуда онъ родомъ?“—Изъ Тобольска, а учился и былъ священникомъ въ Иркутскѣ.—„Онъ сибирякъ“, замѣтилъ владыка. Идя въ монастырскій садъ нижнимъ корридормъ, у дверей монашеской келліи высокопреосвященный встрѣтилъ іеродіакона Автонома, который, влняясь, сказалъ: „посѣтите мою кущу“ (отъ простоты Автонома это могло случиться; но надобно, чтобы простота была не безъ мудрости).—„Если я, отвѣчалъ архимандритъ, къ тебѣ пойду, то долженъ и ко всей братіи пойти, а мнѣ времени нѣтъ“. Часу въ 4-мъ онъ отправился на Угрѣшу, пригласивъ туда и о. Никодима, съ которымъ запросто вмѣстѣ откушалъ. На другой день была торжественная закладка на Угрѣшѣ новаго собора во имя Преображенія Господня и праздновалось пятисотлѣтіе обители Николо-Угрѣшской¹⁹⁾, но тамошній архимандритъ Пимень, по

¹⁹⁾ Подробности см. въ 37 № «Моск. Церк. Вѣдомостей» 1880 года.

тяжкой болѣзни, не могъ быть участникомъ этого рѣдкаго торжества и вскорѣ (17 авг.) скончался.

Выборъ настоятеля. 20 августа владыка поручилъ мнѣ прозвѣстить избраніе новаго настоятеля въ Угрѣшскій монастырь установленнымъ для общежительныхъ монастырей порядкомъ, т.-е. большинствомъ братскихъ голосовъ. Избранъ большинствомъ голосовъ къ удовольствію его высокопреосвященства, о. Нилъ, бывшій казначей на Угрѣшѣ, а потомъ игумень Берлюковской пустыни, нынѣ архимандритъ Угрѣшскій.

8 сентября высокопреосвященный митрополитъ служилъ въ *Рождественскомъ* монастырѣ.

Телеграмма отъ владыки. 17 октября онъ изволилъ отбыть въ С.-Петербургъ, а 26-го декабря (на другой день великаго праздника) утѣшилъ меня оттуда телеграммой, которая обнаруживаетъ не только доброе, но и смиренное расположеніе его высокопреосвященства. Митрополитъ писалъ: „Благодарю за привѣтствіе. Призываю на васъ и всѣ московскія обители Божіе благословеніе. Макарій митрополитъ московскій“.

1881.

Пріѣздъ сю въ Москву. Владыка прибылъ въ Москву 13 мая и принималъ духовенство въ Чудовомъ монастырѣ. Онъ говорилъ, что молитва, послѣ сугубой ектеніи возносимая (по указу Св. Синода отъ 8 мая) во время литургіи, первоначально была составлена имъ пространнѣе, но ее на нѣсколько строкъ сократили. Преосвященному Алексію сказалъ: „граждане Калуги васъ желали имѣть своимъ епископомъ и меня просили отпустить васъ, но я отвѣчалъ, что вы здѣсь нужны.“

Увольненіе меня отъ благочиннической должности. Теперь вотъ моя нужда. Мнѣ, какъ благочинному необщежительныхъ монастырей, чаще многихъ братій доводилось лицезрѣть благодатнаго архипастыря, но я затруднялся, особенно при моихъ некрѣпкихъ силахъ, одновременнымъ прохожденіемъ двухъ должностей: конвенторской и благочиннической; да и указомъ Св. Синода онъ признанъ несомнѣтельными въ одномъ лицѣ. Объяснивъ это искренно владыкѣ, я просилъ себѣ увольненія отъ должности благочиннаго, какъ такой, отъ которой могъ легче уволиться—

безъ доклада Св. Синоду.— „Погодите нѣкоторое время“, сказалъ митрополитъ. Но я (прости мнѣ, владыка мой!) стоялъ въ своемъ намѣреніи, о чемъ не очень покойно вспоминаю. Владыка снизошелъ ко мнѣ, предписавъ 18 мая уволить меня по моей просьбѣ отъ этой должности. А спустя годъ опять я принялъ ее (18 іюля 1882 года), за то выпросилъ себѣ увольненіе отъ должности члена консисторіи, по отдаленности мѣстожителства, о чемъ рѣчь будетъ ниже.

Афонскій іеромонахъ. 25 мая того же 1881 года принять въ Покровскій монастырь, въ число братства іеромонахъ Афонскаго Русскаго Пантелеимонова монастыря Варлаамъ, весьма способный (сконч. 14 февраля 1883 года). О немъ, когда онъ прежде просился на Перерву, владыка говорилъ архимандриту Никодиму: „на Аеонъ идуть спасаться, а онъ съ Аеона просится! Не стѣсняю васъ, но и не совѣтую принимать его“.

Благородная черта въ характеръ владыки. Интересно было бы знать отъ перервинскаго архимандрита Никодима, что онъ, приѣхавъ на дачу митрополита въ Чернизово съ мѣсячною (за май 1881 г.) вѣдомостью по Иверской часовнѣ, приписной къ Перервинскому монастырю, увидѣлъ у самаго крыльца его высокопреосвященство, совсѣмъ готового сѣсть въ карету и ѣхать въ Москву. Благословивъ о. архимандрита, владыка сказалъ: „далеко (за 7 или болѣе верстъ) ѣхалъ ты, надобно принять. Идите, идите за мной (на верхъ)“. Просмотрѣвъ вѣдомость, тогда только уѣхалъ. Черта эта весьма хорошо рисуетъ его добрый характеръ.

Обозрѣніе епархій. 25 іюня выѣхалъ онъ изъ Москвы. На другой день совершалъ литургію въ Спасо-Бородинскомъ монастырѣ и послѣ служенія говорилъ, какъ сообщаетъ игуменія Филоея, между прочимъ о необходимости для человѣка предаваться во всемъ волѣ Божіей и слѣдовать, не разсуждая много, путямъ Его промысла; о прощеніи и любви ко врагамъ, и со вздохомъ прибавилъ: „а у кого ихъ нѣтъ?“ Посѣтивъ достопамятныя мѣста битвы на Бородинскомъ полѣ, тамошній памятникъ и сельскій храмъ, отправился въ Лужецкій монастырь близъ Можайска, а 27 іюня совершалъ онъ въ можайскомъ соборѣ молебствіе въ память побѣды подъ Полтавой. Послѣ посѣщенія городскихъ храмовъ владыка отправился въ Звенигородъ, въ обитель св. Саввы Стoroжевскаго, гдѣ его высокопреосвященство

встрѣченъ настоятелемъ монастыря преосвященнымъ Алексіемъ, епископомъ Можайскимъ, съ братіей. Здѣсь владыка-митрополитъ совершалъ Божественную литургію и въ тотъ же день, посѣтивъ Аносинскую пустынь и семью извѣстнаго строителя храмовъ покойнаго П. Г. Цурикова (ум. 5 янв. 1878 г.), прибылъ въ Воскресенскій монастырь (Новый Іерусалимъ), гдѣ на другой день 29 іюня совершалъ литургію и подробно осматривалъ достопримѣчательности Никоновской обители. Въ этотъ день здѣсь по случаю праздника и пріѣзда архипастыря собралось болѣе 15 тысячъ народу. Всюду владыку-митрополита встрѣчали массы мѣстнаго населенія, въ нѣсколькихъ мѣстахъ его высокопреосвященству была поднесена, хлѣбъ-соль. Онъ возвратился въ Москву въ тотъ же день *).

Пріемъ просителей. 23 сентября, въ день отъѣзда своего въ лавру на праздникъ преп. Сергія не имѣя времени принимать просителей—каждаго порознь, владыка самъ вышелъ къ просителямъ, которыхъ собралось очень много, и предложилъ имъ немедленно сообщить ему, если есть у кого экстренное дѣло. Одинъ изъ московскихъ священниковъ, принявъ благословеніе архипастыря, въ краткихъ словахъ передалъ содержаніе своего прошенія о разрѣшеніи въ слѣдующее воскресенье (27 сент.) освятить при Христорожественской, въ Кудринѣ, церкви придѣльные храмы со вновь устроенными престолами. Владыка сказалъ: „а въ прошеніи вашемъ обозначено, кто будетъ освящать храмы?“—Означено: престолъ во имя Тихвинской Божіей Матери освятить предъ раннею литургіею мѣстный благочинный—протоіерей С. С. Владимірскій, а во имя Казанской Богоматери престолъ освятить знаменскій архимандритъ Макарій (нынѣ епископъ оренбургскій) предъ позднею литургіею. Высокопреосвященный, принявъ прошеніе, сказалъ священнику А. І. Борзцовскому: „а я сейчасъ же дамъ рѣшеніе и пришлю къ вамъ на домъ“. Вечеромъ того же дня прошеніе* прислано обратно съ резолюціею: „разрѣшается“.

28 сентября, какъ членъ Св. Синода, митрополитъ отправился въ С.-Петербургъ.

*) «Моск. Церк. Вѣдомости» 1881 г., № 27.

1882.

Болѣзненность владыки. Высокопреосвященный Макарій возвратился въ Москву 4 мая. На лицѣ его замѣчаема была по временамъ необычайная блѣдность и къ тому же онъ жаловался на боль въ груди. Это, конечно, не доброе знаменіе. Невольно думалось, что время жизни его достигло уже единонадесятаго часа.

Настоятельская вакансія. На открывшуюся въ Спасо-Андроніевомъ монастырѣ вакансію настоятеля проситься не дерзалъ я безъ особенныхъ вызывающихъ на то обстоятельствъ; а когда узналъ, что другіе просятъ, то, по совѣту одного изъ преосвященныхъ, и я обратился къ митрополиту 12 мая. Выслушавъ меня на Троицкомъ подворьѣ въ саду (онъ прохаживался въ соломенной шляпѣ), владыка сказалъ: „служба ваша (свыше 20-лѣтняя въ Моск. епархіи) значительна, но Спасо-Андроніевъ развѣ лучше Высокопетровскаго?“— „Тамъ жилище, изъ котораго видъ на всю Москву, и воздухъ благопріятнѣе“. Владыка выразилъ свое согласіе на перемѣщеніе меня (лучше этого благодѣянія оказать мнѣ и не могъ), но потребовалъ письменное прошеніе съ приложеніемъ моего послужнаго списка, и 14 мая положилъ резолюцію: „Приготовить представленіе въ Св. Синодъ о перемѣщеніи архимандрита Григорія въ Спасо-Андроніевъ монастырь и объ опредѣленіи на должность настоятеля въ Высокопетровскомъ монастырѣ архимандрита Іосифа, синодальнаго ризничаго, для чего предварительно снести съ синодальною конторою“.

Кончина митрополита Макарія. Представленіе въ Св. Синодъ о моемъ перемѣщеніи было подписано владыкой и отправлено въ С.-Петербургъ 4 іюня, а 9 числа того же мѣсяца, въ среду, ангелъ московской церкви самъ внезапно (отъ разрыва сердца) переселился въ обитель нестарѣющей жизни и свѣта. Великая утрата! Великій свѣтильникъ погасъ въ мірѣ! Боже мой, Боже мой! какъ грустно и скорбно было. Въ вечеръ того же дня отправился я въ Черкизово поклониться новопреставленному перво-

святителю, который умѣлъ сострадать моимъ немощамъ. Лице его было бѣло, какъ кринъ, очи его и уста благогѣпно закрыты, и облаченный въ савкосъ бѣлаго газета, онъ казался болѣе спящимъ, нежели умершимъ. Тѣло въ Бозѣ почившаго архиепископа, оставившаго по себѣ самое доброе воспоминаніе, погребено 15 іюня. Исторія почититъ его; не забудетъ его въ своихъ молитвахъ наша святая, православная церковь, какъ много потрудившагося въ вертоградѣ Господнемъ.

Архим. Григорій.

ВЪРА*.

Я знаю, въ кого увѣровалъ (къ Тим.
II, гл. 6, стр. 12.

Только-что прочитанныя мною слова заключаются въ послѣднемъ посланіи апостола Павла, написанномъ имъ въ Римѣ въ темницѣ за нѣсколько дней до своей мученической кончины. Если мы съ любовью и почтеніемъ относимся къ послѣднему прощальному завѣту людей, вызывавшихъ наше удивленіе и сочувствіе, то какъ же должны мы отнестись къ этимъ страницамъ, адресованнымъ Тимошею, съ какимъ чувствомъ должны мы прислушиваться къ послѣднимъ біеніямъ быть-можетъ самаго горячаго и возвышеннаго сердца изъ всѣхъ, воодушевленныхъ любовью ко Христу? Вотъ онъ, этотъ великій апостолъ, изнуренный старостью, а еще больше своей тридцатилѣтней героической дѣятельностью, въ награду за свои труды брошенъ въ тюрьму, откуда выйдетъ лишь для того, чтобы быть каменнымъ; вотъ онъ, неутомимый борецъ, принужденъ въ цѣпяхъ бездѣйствовать и молчать, въ то время какъ болѣе чѣмъ когда-либо желалъ бы возвѣщать своего Спасителя; вотъ онъ, чье сердце такъ полно любви и такъ нуждается теперь въ сочувствіи, покинуть всѣми, даже римскими христіанами, не держащими по сѣтитъ его... Неправда ли, вамъ такъ и хочется воскликнуть, что это—ужасное, невыносимое положеніе? А между тѣмъ, братіе,

* Изъ проповѣдей Берсье.

кто повѣдуетъ намъ, какой миръ и какая отрада наполнили въ это время душу св. Павла? И это конечно потому, что онъ знаетъ, что Господь одобряетъ его дѣйствія. Пусть тяжела ему темница, но онъ вступилъ въ нее покорный воля своего Спасителя; пусть тѣло его, измощенное лѣтами и трудомъ, страдаетъ отъ жестокаго заключенія, но вѣдь оно состарилось и изнемогло на службѣ Господу, но вѣдь язвы, его покрывающія, знаки славныхъ ранъ, полученныхъ имъ въ борьбѣ за вѣру. Если онъ перенесетъ мыслью въ прошедшее, сколько горя вспомнится ему, сколько преслѣдованій и оскорбленій, но за то сколько церквей, основанныхъ имъ, сколько безвѣстныхъ областей, ставшихъ доступными воздѣйствію Евангелія, сколько душъ, спасенныхъ его дѣятельностью! Если онъ обратитъ взоры къ будущему, то увидитъ несправедливаго судью, ожидающаго его для того, чтобы послать на казнь, но выше этого судилища узреть онъ Судію праведнаго, уготовливающаго ему вѣнецъ спасенія. Пусть онъ одинокъ, пусть пришлось ему написать эти прискорбныя слова: „всѣ меня покинули“, пусть рука его не встрѣтитъ руки друга, когда палачъ придетъ за нимъ вести его на казнь, но за то онъ въ общеніи со своимъ Спасителемъ, но за то онъ чувствуетъ всю силу Его божественной любви, и душа его какъ бы утопаетъ въ ней. Отсюда и происходитъ то спокойное и твердое упованіе, которое поражаетъ насъ въ его послѣднемъ посланіи и звучитъ въ этихъ престоныхъ, краткихъ, но чудныхъ словахъ: „я знаю, въ кого увѣровалъ“.

Разбирая эти слова, я нахожу въ немъ три подлежащихъ нашему обсужденію понятія: 1) *вѣру* апостола Павла, выраженную имъ въ словѣ *увѣровалъ*; 2) *предметъ вѣры* его, на что онъ указываетъ, упоминая о томъ, *въ кою* онъ увѣровалъ; и въ 3) *твердость вѣры* его, съ такою силою и ясностью выраженную словами „я знаю, въ кого увѣровалъ“.

Что такое вѣра? На этотъ вопросъ въ наше время всего чаще можно услышать въ отвѣтъ, что вѣра есть актъ духовнаго подчиненія, въ силу котораго человѣкъ признаетъ за несомнѣнную истину ученіе того или другаго религіознаго авторитета. Такимъ образомъ вѣра является въ сферѣ умственной тѣмъ же, чѣмъ подчиненіе въ сферѣ практической. Конечно, если смотрѣть на вѣру, какъ на отреченіе отъ разума, то легко понять тотъ преж-

рассудокъ, по которому она составляетъ удѣлъ всѣхъ умственно-малолѣтнихъ и нуждающихся въ опеку власти, какъ то: дѣтей, невѣждъ, слабыхъ, малодушныхъ или же утомленныхъ и изломанныхъ въ жизненной борьбѣ людей. „Для нихъ вѣра будетъ вѣчно необходима, оставьте же имъ это прибѣжище и утѣшеніе“, вотъ что говорятъ намъ; но узнаете ли вы здѣсь, братіе, ученіе Священнаго Писанія, такое ли понятіе о вѣрѣ оно даетъ намъ? Всѣ вы прочли эту дивную страницу, гдѣ авторъ посланія къ Евреямъ выводитъ передъ нами ветхозавѣтныхъ праведниковъ, „которыхъ весь міръ не былъ достоинъ“, этихъ свидѣтелей правды и истины, которые остались непоколебимы, какъ бы видя Невидимаго и „умерли въ вѣрѣ, но не получили обѣтованій, а только издали видѣли ихъ и радовались и говорили о себѣ, что они странники и пришельцы на землѣ“. Вы слышали также апостола Павла, проповѣдывавшаго спасеніе чрезъ вѣру въ Сына Божія, жившаго этой вѣрой, ею все побѣждающаго, и знаете, что самъ Христосъ поставилъ себя истиннымъ предметомъ вѣры для своихъ учениковъ, что Онъ подавалъ миръ и спасеніе увѣровавшимъ въ Него, а отвергавшимъ. Его напоминалъ о карѣ, постигающей всякаго человѣка, который пренебрегаетъ истиной. Такъ вотъ, во всѣхъ этихъ случаяхъ представлялась ли вамъ вѣра сколько-нибудь похожей на отреченіе отъ разума или на какое то пассивное воспріятіе известнаго количества истинъ? Ужъ конечно нѣтъ! Тѣмъ не менѣе я знаю,—Боже меня сохрани забывать это,—что въ вѣру приводить также начало подчиненія и послушанія, но я утверждаю, что далеко не въ этомъ заключается сущность вѣры. Вѣра, какъ даетъ намъ это разумѣть Св. Писаніе, есть порывъ души къ постиженію невидимаго Творца, а въ высшемъ ея значеніи истинная, приводящая къ спасенію вѣра это—порывъ довѣрчивой души, которая познаетъ въ Христѣ своего Спасителя и Сына Божія. Тутъ нѣтъ мѣста отреченію! Въ стремленіи къ вѣрѣ душа сказывается во всей цѣлости, какъ существо мыслящее, любящее и обладающее всѣми своими духовными силами. Намъ говорятъ, что необходимо быть существомъ слабымъ, чтобы вѣрить, но такъ ли это? Возьмите въ примѣръ любое, хотя бы самое элементарное проявленіе вѣры, какое навѣрно имѣло мѣсто въ жизни всякаго честнаго человѣка. Представьте себѣ, что передъ

вами открывається путь къ достиженію эгоистичнаго и въ тоже время преступнаго счастья; васъ влечетъ къ нему, вамъ стоитъ только отдаться этому влеченію... Но въ ту минуту, какъ вы готовы уступить, въ васъ просыпается голосъ совѣсти, вы отступаете и остаетесь вѣрны долгу. Какъ назвать этотъ поступокъ? Конечно однимъ изъ проявленій вѣры, потому что вы утверждаете нѣчто невидимое, ибо долгъ нельзя ни завѣстать, ни осязать, какъ нельзя доказать его обязательности тому, кто его отрицаетъ. Но всегда ли легко достается такая побѣда? Слабымъ ли дается она? Неужели необходимо отречься отъ своего разсудка, чтобы одержать ее? Въ этомъ примѣрѣ вѣра не выходитъ изъ области обыденной нравственности, но что же будетъ, если мы вслѣдъ за этимъ поднимаемся въ болѣе возвышенныя духовныя сѣеры! Представьте себѣ жизнь, преисполненную мыслью о Богѣ, озаренную Его свѣтомъ, проникнутую Его любовью, словомъ жизнь апостола Павла, всмотритесь въ эту жизнь: вы будете поражены ея величіемъ. И вдругъ вы серьезно можете допустить, что вѣра, двигающая подобной жизнью, представляетъ собою только какое-то разсудочное вѣрованіе въ определенное количество истинъ! Нѣтъ, въ этомъ утверженіи міра невидимаго заключаются сила и величіе, невольно васъ покоряющія. Можетъ-быть душа человѣческая никогда не вызываетъ въ васъ болѣе искренняго чувства удивленія и умиленія, какъ въ то время, когда она стремится къ безвѣстному, не имѣя другой поддержки кромѣ своей вѣры въ Бога живаго.

Такимъ образомъ я возстановилъ, братіе, истинный смыслъ понятія христіанской вѣры: это—не слѣпое вѣрованіе и не отреченіе отъ способностей духа, а стремленіе души во всей ея полнотѣ—ума, сердца и воли, стремленіе, при которомъ мы постигаемъ невидимаго Бога, какимъ Онъ является намъ въ откровеніи Іисуса Христа. Но, выяснивъ истинный смыслъ вѣры, мы этимъ самымъ даемъ отвѣтъ и тѣмъ, кто задаетъ намъ вопросъ: „Да на что же намъ нужна вѣра“?

Вы спрашиваете, на что нужна вѣра? Но кто же вы такой, который задаетъ подобные вопросы? Неужели страшная загадка вашей собственной будущей судьбы никогда не представлялась вашему взору? Неужели вамъ никогда въ голову не приходилъ вопросъ, куда унеситъ васъ теченіе времени—къ небытію или

къ вѣчной жизни? Неужели никогда не охватывалъ васъ трепеть предъ окружающею и гнетущею васъ неизвѣстностью? Неужели въ безмолвіи ночи голосъ совѣсти никогда не напоминалъ вамъ вашу прошлую жизнь со всѣми ея проступками, грѣхами и позоромъ? Неужели мысль о Богѣ всеправедномъ никогда не смущала васъ? Или вы никогда не страдали? Или вамъ никогда не хотѣлось знать, дѣйствительно ли ваша жизнь — игралище случая, жалкая или забавная загадка, разрѣшающаяся въ безпробудную ночь? Или вы никогда не чувствовали себя какъ бы затерянными въ этомъ мірѣ среди хаоса, вызываемаго его повсюдной эгоистической борьбой за существованіе, и вамъ не казалось, что въ отвѣтъ на стоны вашего сердца звучитъ лишь насмѣшливое эхо? Или же ничто васъ никогда не манило проникнуть далѣе въ область невѣдомаго, чтобы поставить ему вопросъ, дѣйствительно ли любовь — одинъ обманъ, и нигдѣ во всей необъятной вселенной не замѣтно присутствія Всеблагаго Творца, Промыслителя міра? Оставалась ли совѣсть ваша всегда неизмѣнно спокойною при видѣ всѣхъ несправедливостей, изъ которыхъ соткана человѣческая исторія, не хотѣлось ли вамъ узнать ея послѣднее слово? Развѣ вы никогда не видали, какъ умираютъ люди? Неужели смерть всегда казалась вамъ естественной, и вы могли смотрѣть равнодушнымъ взоромъ фаталиста на предсмертную агонію Богомъ дарованнаго вамъ сына, какъ на нѣчто законное и неизбежное? Стало быть земная жизнь васъ вполне удовлетворяетъ? Стало-быть она такъ привлекательна для васъ, такъ вскружила вамъ голову, что никогда не занимала васъ мысль о вашей будущей безконечной жизни? Какъ, вы остаетесь равнодушны къ роковымъ вопросамъ, что такое зло, страданіе и смерть, и спокойно спрашиваете, на что бы такое нужна человѣку вѣра!

На это я отвѣчу вамъ слѣдующее: вы имѣли бы право говорить такъ лишь въ томъ случаѣ, еслибы могли дать отвѣтъ на всѣ эти вопросы, еслибы свѣтъ вашего разума разогналъ тьму ихъ покрывающую, но у васъ нѣтъ ни этого отвѣта, ни этого свѣта. Вы указываете на силу человѣческаго разума. О, я не буду отрицать его величія. Ему принадлежитъ видимый міръ, и онъ съ каждымъ днемъ подчиняетъ его себѣ все больше и больше; подвластенъ ему и земной шаръ, покрытый желѣзною

свѣтъ, по которой несется торжествующая цивилизація; подвластны ему и нѣдра земли, откуда онъ добываетъ тепло, свѣтъ, и жизнь; покорна ему и матерія, видоизмѣняемая имъ на всѣ образы; доступны ему и безбрежныя небесныя пространства, измѣряемыя имъ съ такой непреложной точностью. Да, великъ и могуществененъ человѣческій разумъ во всѣхъ этихъ предпріятіяхъ, но, Боже мой, какъ онъ слабъ и бѣденъ, когда человѣкъ требуетъ у него отвѣта на то, чѣмъ дышетъ его сердце и совѣсть! Какой отвѣтъ можетъ дать онъ совѣсти, терзаемой сознаниемъ виновности? Что можетъ онъ дать истерзанному скорбью сердцу, или что говоритъ онъ тебѣ, мудрецъ, когда наступаетъ смертной часъ твой? О, вы можете прибѣгнуть тогда къ самымъ глубокимъ анализамъ, можете показать намъ, какъ подъ влияніемъ распаденія мозга потухаетъ дѣятельность нерва, до сихъ поръ служившаго проводникомъ мысли, и какъ застываетъ кровь въ жилахъ вслѣдствіе ослабленія дѣятельности сердца, словомъ, вы можете объявить намъ тогда, что жизнь отлетаетъ. Но что станется съ этою жизнью? Въ какія области отлетѣло то существо, которое минуту тому назадъ любило, молилось, надѣялось? Вы объ этомъ ровно ничего не знаете! Послѣ столькихъ вѣковъ, посвященныхъ всевозможнымъ изысканіямъ, вы не можете предложить мнѣ ни единого слова просвѣтленія, примиренія или даже надежды и осмѣливаетесь еще говорить мнѣ: „на что бы такое нужна была вѣра“!

На что нужна вѣра? Сказать это могутъ только тѣ, которыхъ удовлетворяетъ эта жалкая и горькая дѣйствительность. Насъ увѣряютъ, что людямъ все болѣе и болѣе надоѣдаютъ обманчиво льстивыя ученія, что они не заботятся уже о загробномъ мірѣ, и что отнынѣ имъ должно положить предѣлъ своимъ претензіямъ, ограничиться областью настоящаго, стараться убрать и украсить свое временное земное жилище и взять себѣ все счастье, какое можетъ дать земля. Но, спрошу еще разъ, что это за люди, которые такимъ образомъ разсуждаютъ? По какому праву считаютъ они себя представителями человѣчества? Какъ, въ этомъ ограниченіи предѣлами настоящаго, въ этомъ отрицаніи вѣры и надежды заключается послѣднее слово въ развитіи человѣческаго духа? Но для чего понадобилось подобное ограниченіе? Чтобы можно было легче наслаждаться жизнью? А многіе

ли имѣютъ возможность наслаждаться ею? Но, даже предполагая эту возможность, неужели вся исторія человечества должна свестись къ такому жалкому итогу? Впрочемъ можетъ - быть людямъ нужно ограничиться настоящимъ, для того чтобы повиноваться долгу? Но развѣ мыслимъ долгъ безъ праведнаго судьи, справедливаго воздаянія и вѣчной жизни? Вы заключаете меня въ тюрьму, замуровываете всякій выходъ, всякій просвѣтъ на небо и увѣряете, что все мое величіе заключается въ томъ, чтобы стать своимъ собственнымъ тюремщикомъ. Но я протестую противъ этого смѣшнаго и фальшиваго величія, противъ него возмущается вся моя природа и душа и совѣсть. Я понимаю, что эти дикія теоріи могутъ забавлять школьныхъ педагоговъ или служить лазейкой озлобленному отживающему невѣрію, но я беру человѣка такимъ, какимъ я его знаю по самому существу его природы, такимъ, какимъ я знаю его по самому себѣ, грѣшнымъ и страдающимъ, и говорю, что этотъ человѣкъ не можетъ обойтись безъ свѣта, утѣшенія и надежды, что окорѣе онъ повѣритъ самой чудовищной негѣности, чѣмъ не будетъ вѣрить ни во что.

Итакъ, вѣрить—необходимо. Но въ кого намъ вѣрить? На этотъ второй вопросъ я отвѣчу вмѣстѣ съ апостоломъ Павломъ: во Христа. Но вы спросите конечно, почему въ Иисуса Христа, а не въ кого другаго. Несомнѣнно, это—вопросъ первостепенной важности. Вѣрить значитъ тоже, что довѣриться, слѣдовательно мнѣ слѣдуетъ хорошо взвѣсить, кому я довѣряю судьбу своей души. Вѣдь я какъ бы разомъ вручаю одному человѣку всю свою будущность, весь мой внутренній міръ. А что если я ошибаюсь, что если вдругъ окажется, что я создалъ на пескѣ, и все зданіе моей внутренней жизни должно когда-нибудь разрушиться? Здѣсь необходимо ясно видѣть, куда идешь, здѣсь слѣдуетъ отбросить всякія иллюзіи и не давать ходу своему воображенію. Я могу завтра же умереть, почему же я увѣривалъ въ І. Христа?

Я попытаюсь отвѣтить на это въ нѣсколькихъ словахъ, высказавъ лишь то, что исповѣдуютъ въ теченіе XVIII столѣтія миллионы вѣрующихъ, изъ которыхъ каждый можетъ воскликнуть вмѣстѣ съ апостоломъ Павломъ: „я знаю, въ кого увѣривалъ“.

Въ кого мнѣ вѣровать, взывалъ я во тьмѣ, охватившей душу мою, и вотъ я узрѣлъ предъ собою Сына человѣческаго. Изъ всѣхъ людей Онъ одинъ говорилъ: Я знаю, откуда пришелъ и куда иду^а. Онъ одинъ, не колеблясь, съ убѣдительною властностью указывалъ путь, ведущій къ Богу. Онъ говорилъ о небѣ, какъ человѣкъ, сошедшій съ него. „Я отъ вышнихъ, вы отъ нижнихъ“—такъ говорилъ онъ людямъ. Всегда и всюду Онъ являлся посланникомъ Отца, Его единственнымъ Сыномъ, наставникомъ и владыкой души человѣческой. Я слышалъ рѣчь Его, она отличалась особеннымъ тономъ, не напоминающимъ собой тона чьей бы то ни было человѣческой рѣчи; прекрасная по своей неподражаемой простотѣ, она обладала ни съ чѣмъ не сравнимою силою. Эту силу придавала ей не разсудительность и не краснорѣчіе, а истина, какъ бы исходящая изъ нея и проникавшая сердце и совѣсть. Слушая ее, я чувствовалъ, какъ она завладѣваетъ моимъ сердцемъ, и покорялся этой могущественной и кроткой власти; по мѣрѣ того какъ Онъ говорилъ, мнѣ казалось, что небо отверзается передъ моими глазами, и я созерцаю Бога такъ, какъ Онъ есть, и человѣка такимъ, какимъ онъ долженъ быть. Все неудержимо влекло меня къ этому ученію и заставляло наконецъ мои уста раскрыться, чтобы воскликнуть вмѣстѣ съ Симономъ Петромъ: „Господи, къ кому намъ идти, какъ не къ Тебѣ? У Тебя глаголы жизни вѣчной“!

Моя ли только душа отозвалась на призывъ Его? Я оглянулся и увидалъ вокругъ себя все возрастающую толпу, сошедшуюся сюда со всѣхъ странъ свѣта и состоящую изъ людей всѣхъ положеній, которые также, какъ и я, ловили слова, слетающія съ Его устъ. Здѣсь были богатые и бѣдные, невѣжды и ученые, дѣти и старики, невинные и преступные, и всѣ они, какъ и я, были побѣждены силою Его слова, ибо обрѣтали въ немъ свѣтъ, миръ и покой. Но преимущественно сюда стекались всѣ плачущіе и страждущіе, познавшіе тщету и ничтожество словъ и недоступные болѣе никакимъ иллюзіямъ. Я видѣлъ, какъ изъ глазъ ихъ текли слезы, но слезы эти были лишены горечи, и какъ взоръ ихъ свѣтился какимъ-то небеснымъ спокойствіемъ, ибо впервые они обрѣли утѣшеніе.

Но достаточно ли одного этого впечатлѣнія? Могу ли я поставить всю мою судьбу въ зависимость отъ словъ одного че-

ловѣка, не имѣю ли я права спросить того, кто увлекать меня за собой, въ чемъ заключается его право на мое довѣріе, и чѣмъ онъ докажетъ мнѣ, что Онъ исходитъ отъ Бога? „Ты, называющій себя свидѣтелемъ Бога, ты, говорящій намъ о небѣ, какъ будто бы оно было твоимъ жилищемъ, ты, раскрывающій передъ нами тайны смерти и прощающій грѣхи, докажи намъ, что Ты именно Тотъ, который долженъ былъ придти!“ Иисусъ Христосъ отвѣтилъ и на эту просьбу нашей души.

Мы спрашиваемъ Его, отъ Бога ли Онъ, и вотъ Онъ творить передъ нами дѣла Божіи. Я не говорю здѣсь объ Его чудесахъ, хотя они остаются до сихъ поръ непостижимыми въ своей величественной простотѣ, возвышенной чистотѣ и неизреченной правдивости, налагающей на нихъ какой-то особенный отпечатокъ; Иисусъ сдѣлалъ нѣчто большее чѣмъ чудеса: въ лицѣ своемъ Онъ явилъ намъ Бога, и далъ намъ въ своей жизни доказательство своего божественнаго посланничества. Напрасно зависть, преслѣдующая Его со времени Его появленія на землѣ, старалась найти въ Немъ недостатки и человечество полагало иногда, что превзошло Его въ своемъ поступательномъ движеніи къ какой-то высшей нравственности; напрасно критика прибѣгала и прибѣгаетъ отчасти до сихъ поръ ко всякимъ изворотамъ, чтобы уличить въ чемъ-либо дурномъ эту великую жизнь,—эта жизнь какъ прежде продолжаетъ оставаться идеаломъ добра и святости, передъ которымъ невольно останавливается въ смущеніи людская совѣсть. Чѣмъ болѣе я всматриваюсь въ нее, тѣмъ болѣе возрастаетъ во мнѣ чувство смиренія и обожанія, и когда мнѣ пытаются истолковать эту жизнь какъ выдумку людскаго воображенія, я возмущаюсь, я чувствую все ничтожество этихъ объясненій, такъ какъ дѣйствительность идетъ совершенно въ разрѣзъ со всѣми этими хитросплетеніями. Но тогда, въ силу неизбежной логики, я прихожу къ заключенію, что если Христосъ святъ, то Его слова — истинны и въ Него должно вѣрить. Какъ, неужели вы можете допустить, чтобы эта дивная жизнь, доселѣ никѣмъ не объясненная и навѣрное недоступная никакому объясненію, жизнь, въ которой всѣ за исключеніемъ фанатиковъ невѣрія видятъ наиболѣе яркое проявленіе Божества, какое когда-либо имѣло мѣсто на землѣ, жизнь возвысившая нравственность до степени самоотверженной

любви, могла свидѣтельствовать обманъ или ложь! Нѣтъ, этого я не могу допустить. И вотъ такимъ-то образомъ, при содѣйствіи этихъ двухъ свидѣтельствъ божественнаго ученія и озаряемой имъ божественной жизни, крѣпнеть и утверждается моя вѣра, такъ что, чѣмъ больше я всматриваюсь въ І. Христа, тѣмъ скорѣе могу сказать: „Я знаю, въ кого увѣровалъ“.

Но это еще не все. Я не только стремлюсь къ свѣту и истинѣ; въ моей душѣ лежитъ еще болѣе глубокое, горячее и непреодолимое чувство: я сознаю свою грѣховность и жажду прощенія и спасенія. Вотъ что повергаетъ меня къ ногамъ Иисуса Христа: я благословляю Его и поклоняюсь Ему прежде всего не какъ Наставнику, а какъ Спасителю. Меня привлекло къ Нему слово Его, но покорилъ меня крестъ Его. Спросите у святаго Павла, почему онъ можетъ сказать, „я знаю, въ кого увѣровалъ“, почему сталъ онъ апостоломъ и мученикомъ Христовымъ, и онъ скажетъ вамъ: „потому что я видѣлъ свѣтъ милосердія, сіяющій со креста Спасителя“. Павелъ чувствовалъ себя грѣшникомъ; совѣсть осуждала его; онъ искалъ себя оправданія въ дѣлахъ, изнурился въ этой скорбной борьбѣ и только на крестѣ нашелъ онъ спасеніе. Тамъ, по его собственнымъ словамъ, узрѣлъ онъ праведника, приносящаго себя въ жертву за неправедныхъ, Святаго, вземлющаго на себя проклятіе грѣха. Въ этой искупительной жертвѣ св. Павелъ нашелъ умиротвореніе своей совѣсти, и любовь Божія, какъ онъ позналъ ее въ І. Христѣ, проникла въ сердце его и въ жизнь его. Этимъ исполнены всѣ его посланія и вся его апостольская дѣятельность, это вдохновляетъ и воспаляетъ его въ продолженіе всей жизни, это диктуетъ ему слова: „Я знаю, въ кого увѣровалъ“.

Вотъ что составляетъ, братіе, самое основаніе христіанской вѣры, вотъ что нашли въ Иисусѣ Христѣ миллионы душъ, которыхъ какъ и Павла привело къ подножію креста сознаніе своего собственного ничтожества; вотъ что измѣнило ихъ, вырвало ихъ изъ-подъ ига ихъ собственной природы и навсегда покорило І. Христу. Тайственное побужденіе влечетъ ихъ къ распятому Спасителю, и смотрите, съ какимъ блаженствомъ взираютъ они на Него: здѣсь находится ихъ прощеніе и примиреніе, здѣсь видятъ они любовь Божию во всемъ ея величій, и если эта любовь измѣнила ихъ, если она стала путеводной звѣз-

дой ихъ новой жизни, то какъ можно думать, что они усомнятся въ томъ, что составляетъ внутреннюю основу ихъ бытія и самый источникъ ихъ твердости и душевнаго мира?

Но все ли тутъ? спрошу я еще разъ. Нѣтъ, братіе, потому что, еслибы я былъ даже въ тысячу разъ краснорѣчивѣе, чѣмъ на самомъ дѣлѣ, то и тогда бы я не могъ выразить всѣхъ доказательствъ истинности нашей вѣры. Скажите, если можете, почему вы вѣрите въ І. Христа! Выразите то впечатлѣніе, которое производитъ на васъ Евангеліе, то внутреннее чувство, которое оно возбуждаетъ въ вашей душѣ! Есть вещи, которыхъ нельзя выразить! Въ важныхъ моментахъ жизни сердца чувствуешь, что всякое слово—бесильно. Есть впечатлѣнія, которыхъ не поддаются анализу. Тайная повѣсть христіанской души! Еслибы мы изложили ее, то многіе безъ-сомнѣнія засмѣялись бы. Мистицизмъ! воскликнули бы они. Да и какъ объяснить имъ то, чего они никогда не испытывали? А между тѣмъ сколько доводовъ и подтвержденій своей вѣрѣ находитъ христіанинъ по мѣрѣ того; какъ онъ совершенствуется, доводовъ, которыхъ онъ раньше и не подозрѣвалъ! Внутренній опытъ сердца, въ которомъ онъ все лучше и лучше познаетъ истинность божественнаго слова и его чудесную приспособленность къ человѣческой природѣ, обманутыя надежды, удаляющія его отъ міра и еще ярче отгвѣняющія передъ нимъ вѣчную красоту; полная несостоятельность тѣхъ системъ, которыя повидимому должны были навсегда замѣнить Евангеліе, а на самомъ дѣлѣ не оставляютъ послѣ себя ничего кромѣ абсолютной пустоты и горькаго разочарованія; болѣе совершенное пониманіе плановъ и скрытыхъ путей Господа, услышанныя молитвы, неожиданныя избавленія отъ бѣды, благодѣянія на ряду съ самыми строгими испытаніями, внутреннія утѣшенія, несказанныя благовѣстія свыше, не правда ли, не таковы ли ваши чувствованія, братіе? Не здѣсь ли кроется причина, нерѣдко побуждавшая васъ повторять все съ болѣе глубокимъ убѣжденіемъ: „Я знаю, въ кого увѣровалъ“?

Я показалъ, какова сущность христіанской вѣры и сдѣлалъ попытку указать на ея основанія; теперь мнѣ остается обсудить послѣднее положеніе, а именно убѣжденность вѣры въ томъ

смыслѣ, въ какомъ мы встрѣчаемъ это слово въ изреченіи апостола.

Убѣжденность вѣры? Одно уже это слово не возбуждаетъ-ли въ васъ тягостнаго чувства? Не переносить-ли оно васъ къ прошлому? Не удивляетъ ли васъ, какъ рѣдко нынѣ встрѣчается выражаемое имъ понятіе?

Вѣроятно никто изъ васъ не станетъ мнѣ противорѣчить, если я скажу, что нашему времени свойственно своего рода инстинтивное удаленіе отъ всего, что твердо и опредѣленно въ дѣлѣ христіанскихъ вѣрованій и христіанской жизни. Это фактъ до такой степени замѣтный, что указывать на него стало уже общимъ мѣстомъ. Но все-ли одинаково дурно въ этой склонности? Разсмотримъ это.

Мы переживаемъ эпоху рѣшительнаго перелома, въ которую всѣ элементы нашей религіозной вѣры подвергаются самому беспощадному анализу, и какова бы ни была степень нашей образованности, мы не можемъ быть вполне чужды этому движению. Многіе изъ насъ, усомнившись и поколебавшись въ своей вѣрѣ, дойдя можетъ-быть до крайнихъ предѣловъ сомнѣнія, принуждены были снова возстановлять свои убѣжденія при помощи самой тяжелой и напряженной душевной борьбы. Часто случалось тогда, что они въ данный моментъ утверждали менѣ истинъ, чѣмъ многіе другіе, оставшіеся чуждыми сомнѣнію. Слѣдуетъ-ли отсюда заключить, что они были менѣ вѣрующими? Боже сохрани насъ думать такимъ образомъ! Уваженіе къ истинѣ побуждало ихъ хранить молчаніе, и это молчаніе смущенной и тоскующей души, повѣрьте, гораздо болѣе почтенно, чѣмъ громкія и скороспѣлыя утвержденія, въ которыхъ часто сквозитъ отсутствіе мысли. Нельзя не уважать такого состоянія духа; оно напоминаетъ мнѣ прекрасныя и трогательныя слова, вѣщаемыя Паскалемъ въ уста Христа, обращающагося къ душѣ заблудшейся, но ищущей Его: „Ты не искалъ бы Меня такъ, если-бы уже не нашелъ Меня“.

Но это искреннее и тоскливое сомнѣніе, — дѣйствительно-ли оно составляетъ преобладающую черту нашей эпохи? Я не думаю этого. Не будемъ обманываться видимостью. Нынѣ вошло въ моду выставять на показъ что-то вродѣ сентиментальнаго невѣрія. Вы можетъ-быть читали знаменитую страницу, въ кото-

рой Жуффуа, одинъ изъ современныхъ мыслителей, изобразилъ потерю своихъ прежнихъ вѣрованій. Это мѣсто проникнуто глубокой печалью. Но вслѣдъ за Жуффуа явились подражатели, которымъ часто не хватало одного—убѣжденности. Правда, ихъ стиль печаленъ, но въ ихъ лирическихъ фразахъ я тщетно отыскиваю воплей души жаждущей истины. Сомнѣніе стало признакомъ ума; большинство полагаетъ, что стойкость вѣрованія—удѣлъ посредственнаго, узкаго ума, смотрящаго на все съ одной точки зрѣнія. Эта неустойчивость въ вѣрованіяхъ отражается и на жизни такою же неустойчивостью. Какъ рѣдко теперь можно встрѣтить чисто христіанскую жизнь, направляющуюся всегда къ одной цѣли, устремляющую туда всѣ свои помыслы и чувства и приходящую вслѣдствіе такой устойчивости къ благимъ и великимъ результатамъ! Напротивъ, какъ часто видимъ мы жизнь, всю состоящую изъ переходовъ отъ религіознаго рвенія къ свѣтской разсѣянности и отъ порывовъ къ Богу къ полному равнодушію и необузданной жадѣ развлеченій.

Нынче стараются избѣгать стойкихъ убѣжденій, и въ этомъ, какъ я уже замѣтилъ, сказывается вліяніе нашего времени. Въ самомъ дѣлѣ, нашъ вѣкъ, отвергая и порицая атеистическій фанатизмъ прошлаго столѣтія, не безъ основанія хвалится своей сравнительной религіозностью; онъ признаетъ и даже громко заявляетъ, что у человѣка есть стремленія, влекущія его на небо, но стремясь удовлетворить этому влеченію, онъ вмѣстѣ съ тѣмъ отрицаетъ существованіе такой религіозной истины, которая-бы могла его удовлетворить. Для него важно только существованіе религіознаго чувства вообще, но каковъ предметъ этого чувства, ему все равно.

Такимъ образомъ на влеченіе къ религіи смотреть также, какъ и на влеченіе къ изящнымъ искусствамъ. Напрямѣръ, въ музыкѣ никто конечно не станетъ искать истины, и поэтому допускаются всевозможные даже противоположные роды музыки, лишь бы въ нихъ замѣчалась извѣстная доза вдохновенія и таланта. Искусство должно удовлетворять самымъ разнообразнымъ вкусамъ: одни аплодируютъ грустной и вдумчивой симфоніи, другіе предпочтутъ какую-нибудь блестящую и смѣлую композицію, третьи—нѣжную и ласкающую слухъ мелодію. Вотъ въ такое-то положеніе стремятся постановить теперь и религію.

Требуютъ, чтобы люди были религіозны, а кто не религіозенъ, про того говорятъ, что онъ лишень одной изъ душевныхъ способностей, какъ и тотъ, кто остается равнодушнымъ къ живописи или къ музыкѣ; но требуя этого, полагаютъ, что всякій долженъ искать себѣ удовольствіенія тамъ, гдѣ хочеть. Однимъ нужна торжественно пышная религія, другимъ строгая и суровая; одни предпочитаютъ кротость Бога милосердія, другіе святость правосуднаго Бога; одни предпочитаютъ религію чистой нравственности, другіе догматы и завлекательныя тайны. Нужно ли спрашивать, что станется при такомъ взглядѣ на вещи съ постоянствомъ въ вѣрѣ и съ религіозной истиной? Такъ вотъ, когда эти идеи носятя повсюду, когда, такъ сказать, вся окружающая насъ атмосфера насыщена ими, невозможно, чтобы мы не подпали отчасти этому вліянію. И дѣйствительно, что преобладаетъ нынѣ въ церквахъ? Не столько любовь къ истинѣ и вѣра въ нее, сколько желаніе узнать новости или выслушать пріятную проповѣдь. Цѣль одна—испытать сильное ощущеніе. Пускай эта проповѣдь не касается самыхъ существенныхъ сторонъ Евангелія, пусть въ ней ничто не затрогиваетъ совѣсти и не смиряетъ души предъ Богомъ—ничего; существенно важно только испытать прелесть сильнаго впечатлѣнія. Вотъ отъ этого то мы и видимъ, къ сожалѣнію, часто, какъ люди постоянно ищутъ истину, но никакъ не могутъ добиться обладанія ею, постоянно стремятся къ религіознымъ чувствованіямъ, но не могутъ утвердить свою вѣру и въ особенности измѣнить свою жизнь. Нѣтъ ничего болѣе противоположнаго простоянству вѣры апостола Павла, этой твердой увѣренности, побуждающей его сказать: „Я знаю, въ кого увѣровалъ“.

По этому нѣтъ ничего удивительнаго, братіе, если подобнаго рода вѣра не оказывается ни сильной, ни плодотворной. Иначе впрочемъ и быть не можетъ. Правда, она способна вызвать въ душѣ мимолетное волненіе, живое впечатлѣніе, искренній порывъ, но никогда не приведетъ она къ положительнымъ результатамъ.

Прежде всего я увѣренъ, что она никого не обратитъ, потому что обращеніе есть глубокое внутреннее измѣненіе въ характерѣ и склонностяхъ человѣка, а онъ никогда не согласится перемѣнить извѣстное на неизвѣстное, реальную жизнь съ ея страстями и наслажденіями, какъ бы безразсудны они ни были,

на блѣдныя и холодныя абстракціи вѣры безъ опредѣленнаго предмета ея, или на служеніе смутно сознаваемому Богу. Начиная съ Савла Тарсанина, обращеннаго на пути въ Дамаскъ, и кончая тѣми изъ васъ, братіе, которые въ корнѣхъ измѣнили свою жизнь подъ вліяніемъ религіи, нѣтъ ни одного человѣка, который не могъ бы на свой ладъ повторить эти слова: „я знаю, въ кого увѣровалъ“.

Если же для того чтобы обратиться, надо знать, въ кого вѣруешь, то тѣмъ болѣе это нужно для того, чтобы освятиться. Въ самомъ дѣлѣ, можно только вообразить себя обратившимся, можно принять за серьезную перемену въ своемъ существѣ сильное, но скоро преходящее отвращеніе къ міру, знакомое всѣмъ ощущавшимъ нѣкоторую пустоту въ жизни, но нельзя вообразить себя освятившимся. Бороться со своими страстями и похотями, отнюдь не гордась этимъ, покорить свою волю, обуздать свою плоть и подчинить свою жизнь строгому подвигу послушанія,—вотъ чего никогда не сумѣетъ достигнуть смутная и неопредѣленная вѣра. Да и кто, въ самомъ дѣлѣ, не видитъ, что очищеніе чисто отрицательнаго характера,—я хочу сказать отрѣшеніе отъ чего-нибудь безъ возмѣщенія его другимъ невозможно для человѣка? Напрасно станете вы требовать отъ меня, чтобы я отказался отъ своихъ иллюзій, страстей или даже пороковъ, напрасно станете вы мнѣ доказывать, что они безразсудны и преступны.. Такова слабость природы человѣка! Я соглашусь съ вами, но опять вернусь къ прежнему, если вы его ничемъ не замѣстите. Въ старину существовало мнѣніе, что природа не терпитъ пустоты; нѣтъ, ужъ если что не терпитъ пустоты, такъ это—человѣческое сердце, и всякая премудрость и мораль, которая ограничится только истребленіемъ предразсудковъ, не будетъ имѣть надъ нимъ ни вліянія, ни силы.

Что же тогда нужно? Нужно, что-бы сердце было полно. Нужно, чтобы въ него проникла любовь болѣе пылкая, болѣе сильная, чѣмъ мірскія привязанности, нужно, чтобы оно укрѣпилось волею болѣе сильной, чѣмъ вліяніе господствующихъ страстей, однимъ словомъ, сердцу нуженъ Богъ, но не безобразный, отвлеченный и безмолвный Богъ, любовь котораго является еще вопросомъ, а живой, вѣдомый, любвеобильный и потому близкій намъ Богъ, каждый служитель котораго могъ бы сказать: „я знаю, въ кого увѣровалъ“.

Безъ убѣжденности въ вѣрѣ, братіе, нѣтъ праведности и, — спѣшу прибавить, — нѣтъ утѣшенія. Да, совсѣмъ нѣтъ утѣшенія въ истинномъ смыслѣ этого слова! Я знаю, что для обычныхъ скорбей достаточно смутной, неопредѣленной, нѣжно поэтической религіозности: она, какъ грезы, убаюкаетъ и усыпляетъ ихъ. Сколько разъ, къ сожалѣнію, намъ приходилось видѣть, что въ дни траура религіозность проявляется лишь въ видѣ обманчивой идилліи, скрывающей подъ своими цвѣтами печальную дѣйствительность смерти. Но въ тяжкихъ скорбяхъ нужно нѣчто иное; передъ страшной и грубой дѣйствительностью, передъ нѣмымъ, но наводящимъ ужасъ, звѣномъ могилы человѣкъ нуждается во властномъ словѣ жизни и упованія; при видѣ вопіющихъ несправедливостей ему нужна твердая увѣренность въ будущемъ непогрѣшимомъ правосудіи; при обманахъ, при разочарованіи въ привязанностяхъ ему нужны обѣтованія и постоянство великой всеисцѣляющей любви. И онъ пойдетъ искать ее повсюду, преслѣдуя ее и стремясь за ней до тѣхъ поръ, пока не будетъ въ состояніи сказать: „я знаю, въ кого увѣровалъ“.

Прибавимъ къ этому, братіе, что религія безъ убѣденія недѣтельна и неспособна къ развитію. Да и какъ можетъ она развиваться? Способна ли она къ совершенію прочныхъ дѣяній, къ просвѣтительной дѣятельности, способна ли она высылать миссіонеровъ въ далекія страны? Мыслимо ли отправиться, подобно апостоламъ, въ путь для покоренія міра, обладая лишь неясными мечтами и неустойчивыми убѣжденіями? Насъ увѣряютъ на всевозможные лады, что мы можемъ вліять на людей нынѣшняго вѣка не иначе, какъ дѣлая имъ уступки и расширяя кругъ нашихъ вѣрованій соразмѣрно широтѣ ихъ идей, что Евангеліе Христа и апостоловъ не можетъ удовлетворить людей XIX столѣтія, и что намъ остается одно изъ двухъ: или погибнуть непризнанными, или преобразовать нашу религію въ ту смутную и неопредѣленную систему вѣрованій, которую называютъ религіей будущаго. Что касается меня, то я не знаю болѣе смѣшной химеры. Я понимаю, что міръ предлагаетъ намъ подобный туманъ, понимаю, что онъ стремится лишить соль Евангелія и той дозы силы, которую мы удержали за нею, и желаетъ пригнупить остріе грозящаго ему меча! Но думать, что мы когда-нибудь обратимъ міръ этимъ презрѣннымъ отступниче-

ствомъ отъ нашихъ вѣрованій, значить убаюкивать себя самыми наивными грезами. Будьте увѣрены, братіе, — человѣкъ не измѣняется, и когда люди нашего поколѣнія, подобно людямъ перваго и шестнадцатаго вѣковъ, изнемогая подъ бременемъ своего безсилія, страданія или заблужденій, дѣйствительно начнутъ серьезно искать утѣшеній религіи, тогда ихъ не удовлетворяютъ обманчивыя обѣщанія религіи прогресса, а могучее слово увѣжденныхъ людей, могущихъ увѣренно сказать: „я знаю, къ кого увѣровалъ“.

Такимъ образомъ, чтобы вѣра могла обратить, освятить и утѣшить душу, чтобы она могла побѣдить міръ, необходимо, братіе, чтобы на ней лежалъ отпечатокъ глубокаго увѣжденія. Но такъ ли обстоитъ дѣло нынѣ? Къ несчастію нужно съ грустью сознаться, что громче всего раздаются рѣвній и надменный голось людей сомнѣвающихся и отрицающихъ. Апостолъ Павелъ говоритъ: „Я увѣровалъ и потому говорю“, а они могутъ сказать наоборотъ: „Мы не вѣримъ и потому говоримъ“. Каза-лось бы, что человѣкъ, утратившій прежнія увѣжденія и ничѣмъ инымъ не замѣстившій ихъ, долженъ былъ бы по крайней мѣрѣ хранить молчаніе, потому что нѣтъ ничего грустнѣе и тяжелѣе для человѣка, какъ видѣть постепенное разрушеніе того храма, гдѣ онъ прежде возносилъ молитвы, гдѣ нисходили въ душу его неизреченные дары благодати, гдѣ проливалъ онъ слезы раскаянія, и вѣзору его отверзалось небо... Если бы, наконецъ, вмѣсто этого разрушающагося святилища они открыли другое болѣе высокое и достойное, я еще понималъ бы, что они призываютъ туда толпу и негодуютъ на тѣхъ, кто отказывается слѣдовать за ними. Но когда они ничего не нашли кромѣ голой земли и зыбучаго песку, на которомъ не можетъ устоять ни одно зданіе, что за необъяснимое ожесточеніе побуждаетъ ихъ непрерывно колебать храмы гдѣ мы еще поклоняемся? И эти люди, дошедшіе до того, что сомнѣваются во всемъ, тѣмъ не менѣе съ непоколебимой увѣренностью настаиваютъ на своемъ сомнѣніи и никогда не требуютъ такъ настойчиво, чтобы имъ вѣрили, какъ въ томъ случаѣ, когда они доказываютъ, что человѣкъ не можетъ вѣрить ни во что. Неспособные къ объединенію для утвержденія чего-нибудь положительнаго, они единогласно отрица-

ють и повидимому унадохъ всякаго вѣрованія доставляетъ имъ радость и торжество.

Въ чемъ же сказывается наша борьба противъ подобныхъ мнѣній? Въ сожалѣнню, братіе, страдая нравственной неустойчивостью и своего рода болѣзненной нерѣшимостію, мы совершенно безсильны. Единственнымъ средствомъ противъ нашего безсилія это несомнѣнно вѣра, та вѣра, которая звучитъ въ словахъ апостола Павла: „я знаю, въ кого увѣровавъ“.

„Но,—скажутъ мнѣ,—не насмѣшка-ли это съ вашей стороны предлагать намъ подобное средство, увѣряя насъ, что нужно вѣрить, чтобы не сомнѣваться; это похоже на то, какъ если бы сказать, что надо быть здоровымъ, чтобы не быть больнымъ“.

Да, братіе, какъ бы ни казалось страннымъ это лѣкарство, я предлагаю вамъ именно его,—не даромъ касаемся мы здѣсь одного изъ самыхъ таинственныхъ, хотя и реальныхъ явленій въ области нравственности, а именно вліянія, оказываемаго волей на вѣру.

Каждый день, братіе, вамъ приходится видѣть, какъ развиваются наши способности отъ упражненія и наоборотъ атрофируются отъ бездѣйствія. Прежде всего это справедливо въ области физиологій: та самая рука, которая отъ земледѣльческихъ работъ приобрѣла бы грубость и неповоротливость, благодаря упражненію, приобретаетъ способность извлекать изъ роля правильные и гармоничные аккорды съ поразительной быстротой и изяществомъ. Тоже самое наблюдается и въ области душевной.

Сколько талантовъ, можетъ-быть даже геніевъ погибаетъ въ неизвестности вслѣдствіе тяготящаго надъ ними невѣжества, и наоборотъ, сколько ограниченныхъ и дебелыхъ умовъ достигаетъ блестящаго развитія вслѣдствіе постоянного упражненія! Поднимитесь ступенью выше, вступите въ область нравственности и тамъ вы встрѣтите тотъ же законъ. Вотъ, напримѣръ, по природѣ невоспримчивая, жесткая и черствая совѣсть, ставшая доступной чувству добра вслѣдствіе какого-нибудь сильнаго потрясенія; совершенствуясь на этомъ новомъ пути въ борьбѣ съ искушеніями и ложью, она мало-по-малу становится крайне чувствительной; дурные поступки, не производившіе на нее сначала никакого впечатлѣнія, теперь волнуютъ и возмущаютъ ее; слухъ

индѣйца не такъ быстро улавливаетъ шумъ подрадаывающагося врага, какъ чувствуетъ подобная совѣсть приближеніе искусителя. Или вотъ сердце, сначала наивно счастливое въ своемъ эгоизмѣ, но затѣмъ ставшее доступнымъ христіанской любви; отнынѣ оно уже не способно болѣе къ чувству себялюбивой радости, оно не можетъ ограничиться ею, и чѣмъ дальше подвигается человѣкъ по пути этой новой жизни, тѣмъ доступнѣе становится онъ состраданію, тѣмъ ближе онъ чувствуетъ и скорѣе угадываетъ чужое горе, мимо котораго онъ проходилъ нѣкогда, совсѣмъ не замѣчая его. Такъ во всѣхъ сферахъ господствуетъ этотъ Божественный законъ: „имѣющему дано будетъ“; такъ подъ вліяніемъ благодати возрастаетъ и развивается всякая способность, если ее не заглушить самъ человѣкъ.

Почему же этотъ всюду дѣйствующій законъ не будетъ имѣть мѣста и въ томъ случаѣ, когда дѣло идетъ о вѣрѣ? Ужъ конечно, если Богъ повелѣваетъ намъ вѣрить, если Онъ ставитъ вѣру условіемъ нашего спасенія, то очевидно, она не что-то магическое или произвольное, не вѣсть почему вселяющееся въ насъ, но приобрѣтеніе ея до нѣкоторой степени зависитъ отъ насъ самихъ. Разсмотрите вѣру во всѣхъ ея степеняхъ, начиная съ простаго утвержденія долга и кончая вѣрой въ самыя возвышенныя небесныя истины,—и всегда вы найдете, что она находится въ зависимости отъ воли. Вотъ напр. вступаютъ въ жизнь два человѣка, съ самаго ранняго возраста воспитанные въ строгой вѣрѣ въ справедливость; эту простую вѣру они противопоставляютъ всякой встрѣчающейся имъ неправдѣ, каждому замѣченному злу. Наконецъ для обоихъ наступаетъ торжественный часъ искушенія: имъ приходится дѣлать выборъ между справедливостью и усѣхомъ, и вотъ одинъ, положимъ, поддастся искушенію, а другой устоитъ противъ него. Къ какому результату приведетъ это испытаніе? Да къ тому, что вѣра въ справедливость ослабѣетъ у перваго и усилится у втораго. Вовобновите тотъ же опытъ и если повторится тотъ же результатъ и войдетъ въ привычку, то будьте увѣрены, что у перваго изъ предполагаемыхъ нами людей вѣра совершенно исчезнетъ; онъ станетъ ловкимъ, наворотливымъ человѣкомъ и вѣроятно быстро составитъ себѣ карьеру въ свѣтѣ, второй же не будетъ, безъ сомнѣнія, такъ счастливъ,

ибо онъ шелъ прямой дорогой, но за то онъ сохранить въ сердцѣ своемъ вѣру въ нравственный идеалъ.

Такимъ образомъ мы видимъ изъ этого примѣра, что каждый несетъ на себѣ отвѣтственность за степень вѣры, которой онъ обладаетъ, такъ какъ вѣра его зависла отъ его воли. Слѣдовательно вѣра во всякъ своихъ степеняхъ укрѣпится вѣрностью. Руссо сказалъ однажды въ минуту истиннаго вдохновения: „если ты хочешь вѣрить въ Бога, живи такъ, чтобы всегда нуждаться въ Его существованіи“. И я скажу вамъ тоже: живите ради святости, истины и правды, и вы все болѣе и болѣе будете убѣждаться, что это не пустыя фикціи, а нѣчто самое реальное въ мірѣ.

Перейдемъ теперь къ средоточію религіозной вѣры. Не потому-ли приглашаетъ насъ Евангеліе вѣрить въ І. Христа, что Онъ—воплощенная истина, праведность и милосердіе? Но если это такъ, то увѣрю васъ, вы тѣмъ скорѣе увѣруете въ Него, чѣмъ настойчивѣе будете слѣдовать Ему.

Ты, напримѣръ, братъ мой,—ты видишь въ І. Христѣ простаго человѣка, но Его ученіе привлекаетъ тебя и кажется тебѣ неподражаемо прекраснымъ. Ты можешь-быть не хочешь, чтобы тебя считали невѣрующимъ, но если разобрать твою вѣру, то окажется, что она вся заключается лишь въ согласіи съ нравственнымъ ученіемъ Христа. Этого конечно мало, но никакъ уже не я буду пренебрегать этимъ началомъ. Напротивъ, я скажу тебѣ: „Поступай сообразно вѣрѣ твоей; такъ какъ ты признаешь святость и возвышенность нравственнаго ученія Христа, то постарайся сообразовать съ нимъ твою жизнь и добивайся смѣло и настойчиво этой цѣли. Тогда ты скоро придешь къ убѣжденію, что тебѣ страшно далеко до цѣли, и что праведность, такъ полно осуществленная Христомъ въ Его жизни, безусловно превышаетъ естественныя силы человѣка. Отъ этого убѣжденія не далеко уже до признанія того, что Онъ самъ говорить о своемъ Божественномъ происхожденіи. Затѣмъ уже ровно ничего удивительнаго не будетъ, если продолжая свой анализъ, ты отнесешь свое нравственное несовершенство къ состоянію упадка и признаешь, что Св. Писаніе говоритъ правду относительно грѣхопаденія человѣка и его рабства грѣху. Вотъ какъ далеко ты подвинулся впередъ! Первые шаги твои освѣщала

чуть видная, слабо мерцающая вѣра, но по мѣрѣ того какъ ты идешь впередъ, она проливаетъ все болѣе яркій свѣтъ. Продолжай настойчиво этотъ трудный путь; вотъ ты приступаешь къ роковому вопросу происхожденія зла и грѣха; углубись же въ него, изслѣдуй тайны его, и ручаюсь тебѣ, что скоро ты услышишь голосъ совѣсти, который обвиняя тебя, будетъ вопіять о прощеніи. Вѣрь этому голосу и слѣдуй за нимъ; если же ты послѣдуешь за нимъ до конца,—онъ приведетъ тебя къ подножію креста. Тогда устремивъ на святую Жертву взоръ исполненный смиренной преданности, а въздъ это-то и есть истинная вѣра, — ты преклонишься предъ Божественной Премудростью, сумѣвшей на крестѣ согласить между собой справедливость и милосердіе; тогда восхищенный дарованнымъ тебѣ прощеніемъ, которое одно можетъ успокоить твою совѣсть, ты встанешь искупленный І. Христомъ и готовый повторить за святымъ Павломъ: „я знаю, въ кого увѣровалъ“.

Я начертилъ, братіе, предполагаемый путь, и отиудъ не хочу сказать, что именно этимъ путемъ должны пройти всѣ приходящіе къ Богу. Кромѣ того, указывая на дѣйствія, принадлежащія лично человѣку, приходящему къ Богу, я ничего не сказалъ о дѣйствіи благодати, возбуждающей заблудшую душу, призывающей и поддерживающей ее, такъ что согласно Св. Писанію, слава спасенія души принадлежитъ всецѣло Богу. Пути, приводящіе къ Господу, безконечно разнообразны; у однихъ вѣра прилѣпляется сначала къ строгой сторонѣ евангельскаго ученія, у другихъ—къ его всепрощающему милосердію; одинъ страдаетъ и плачетъ, прежде чѣмъ повѣрить спасенію, другой вѣритъ ему, не испытавши всей горечи раскаянія. „Духъ дышетъ, гдѣ хочетъ“; Онъ является то бурнымъ вихремъ опрокидывающимъ и ломающимъ все, что ему противится, то иѣжнымъ дуновеніемъ, приносящимъ до глубины души и расплавляющимъ своимъ теплымъ дыханіемъ льды гордости въ сердцахъ. Итакъ воздержимся отъ начертанія ему пути, но по крайней мѣрѣ согласимся съ тѣмъ, что на всякой ступени христіанской жизни мы отвѣтственны за нашу вѣру, потому что въ сущности она всегда зависитъ отъ нашего поведенія. Это такъ вѣрно, что еслибы вы спросили меня, въ чемъ лежитъ основа непоколебимой вѣры апостола Павла, я отвѣтилъ бы вамъ вамъ: въ жизни его.

Да, апостолъ Павелъ вѣрить такъ сильно и живо въ возвѣщаемыя имъ небесныя истины потому, что онъ ихъ прочувствовалъ и испыталъ на себѣ ихъ побѣдную силу. Если онъ — первый апостолъ благодати, то это потому, что онъ испыталъ ея попецительную заботливость о немъ. Долго боролся онъ, стараясь приобрести небо строгостью жизни, — гигантская борьба, трагическую повѣсть которой онъ самъ повѣдалъ намъ. Фарисей изъ фарисеевъ, строжайшій изъ всѣхъ законниковъ, онъ все сдѣлалъ, чтобы заслужить спасеніе; но подавленный этимъ невозможнымъ предпріятіемъ, онъ обрѣлъ миръ лишь въ тотъ день, когда встрѣтилъ І. Христа. Какой величественной и дивной должна была показаться ему Божественная благодать, осѣнившая его въ тотъ моментъ, когда обрызганный кровью христіанъ, онъ шелъ въ Дамаскъ, чтобы опять проливать ее! Могъ ли онъ не ощутить происшедшую въ немъ пережву? Развѣ это иллюзія, а не дѣйствительная повѣсть его жизни? Развѣ можетъ онъ обойти молчаніемъ Божье милосердіе, терпѣніе и благодать, коснувшуюся сердца его и измѣнившую все существо его? Развѣ можетъ онъ не сказать: „я знаю, въ кого увѣровалъ“?

Да, если апостолъ такъ ясно видитъ и такъ властно возвѣщаетъ непреходящія истины, то это такъ потому, что этимъ истинамъ онъ посвятилъ всю свою жизнь, оставя въ сторонѣ всякія другія изысканія и пренебрегши низкими, грубыми, себялюбивымъ наслажденіемъ. Если онъ предвидитъ водвореніе царствія Божія, если его побѣдная вѣра идетъ съ приходомъ его, то это такъ потому, что онъ отдалъ на подготовленіе его все свои способности, энергію и рвеніе. Если онъ вѣрить съ такой твердостью, въ благодатную силу своей апостольской дѣятельности, то это такъ потому, что его вѣра утвердилась пережитымъ имъ опытомъ. Онъ чувствовалъ эту побѣдную силу, когда одинокій, незнатный и неизвѣстный, онъ явился въ Аѳины, въ Коринфъ, въ Ефесъ и всюду видѣлъ сердца, смиравшіяся предъ словомъ его, онъ чувствовалъ ее, когда вездѣ, куда бы ни направилъ онъ стопы свои, видѣлъ, что превѣранный міромъ крестъ обращалъ другихъ, какъ онъ обратилъ его самаго; онъ чувствовалъ ее, когда когда вокругъ него тысячами толпились ученики. Какія доказательства можно сравнить съ благословенной опытностью, къ которой приводитъ такое великое служеніе, и какъ

послѣ столькихъ побѣдъ не воскликнуть апостолу Павлу: „я знаю, въ кого увѣровалъ“!

Тѣмъ не менѣе, братіе, не слѣдуетъ думать, что вѣра апостола Павла достигаетъ такой удивительной силы единственно вслѣдствіе его усилій. Нѣтъ, если ужъ вы хотите знать, когда сильнѣе всего чувствовало сердце его присутствіе Божіе и силу Его утѣшенія, то спросите это у апостола Павла страдающаго, презираемаго міромъ, ненавидимаго людьми и влекомаго изъ судилища въ судилище, какъ самаго послѣдняго преступника. Человѣкъ мірской предположилъ бы безъ сомнѣнія, что такія скорби, такое униженіе и такой поворотъ поколеблѣютъ вѣру его, но онъ того не знаетъ, что отъ этого именно она и возрастаетъ. Онъ не знаетъ, что Богъ, обѣщавшій помощь и силу свою тѣмъ, кто страдаетъ за справедливость, соблюдетъ своему апостолу несказанныя вознагражденія; онъ не знаетъ, что именно въ своихъ страданіяхъ Павелъ позналъ то, что онъ такъ мѣтко называетъ сопрічастіемъ въ страданіяхъ Христу. О, сколько разъ можетъ-быть, одинокій и забытый міромъ, онъ чувствовалъ близость къ себѣ скорбящаго Сына человѣческаго, распятаго Царя непрізнанной истины! Сколько разъ можетъ-быть онъ слышалъ кроткій голосъ Его, ободряющій его въ борьбѣ, сколько разъ плакалъ онъ въ лоно своего Спасителя и обрѣталъ тамъ благодать, невѣдомую міру, ту благодать, которая внушила ему такое побѣдное восклицаніе: „я преизобилую радостью при всей скорби нашей“. Такимъ образомъ чѣмъ безотраднѣе становится жизнь его, тѣмъ болѣе обогащаетъ ее Богъ, чѣмъ болѣе онъ предаетъ себя Спасителю, тѣмъ доступнѣе становится Христосъ его душѣ, согласно глубокимъ словамъ св. Іоанна: „лишь тотъ, кто любитъ Бога, познаетъ Его“. Но можетъ-ли апостолъ Павелъ забыть все это прошлое? Можетъ-ли онъ вырвать изъ своего сердца эту дивную повѣсть Божественнаго заступничества? Можетъ-ли онъ, наконецъ, не воскликнуть: „я знаю, въ кого увѣровалъ“?

Такимъ образомъ, братіе, жизнь апостола представляетъ лучшее объясненіе вѣры его. Опираясь на примѣръ и на опытъ всѣхъ христіанъ, я скажу вамъ: хотите-ли вы обладать этой твердой и непоколебимой вѣрой, которая одна можетъ поддерживать и утѣшать? Совершайте дѣла вѣры. Служите истинѣ, и она

просвѣтитъ васъ, слѣдуйте І. Христу и вы увѣруете въ Него. „Для царей нѣтъ особаго пути къ знанію“, сказала одинъ древній египетскій царю своему сыну, негодовавшему на трудность науки; а я съ своей стороны скажу вамъ: нѣтъ такого доказательства, нѣтъ такой апологіи христіанства, которая бы избавляла отъ послушанія истинѣ, отъ внутренняго самообузданія и смиренія, безъ которыхъ вѣра является лишь правдынымъ умозрѣніемъ. Лучшимъ доказательствомъ истинности христіанской религіи служатъ свидѣтельство внутренняго опыта, этого неопровержимаго аргумента апостола Павла.

Итакъ, я имѣю право сказать вамъ, братіе, что вы сами можете сдѣлать многое чтобы укрѣпить свою вѣру. Будемъ же учиться у святаго Павла утверждать ее болѣе преданной, самоотверженной христіанской жизнью, ибо вѣра нынѣ такъ слаба, меркнута и бездѣйствена. Будемъ же стремиться проникнуть глубже въ эти ничѣмъ незамѣнимые опыты; чѣмъ больше мы познаемъ нашего Спасителя, тѣмъ скорѣе можемъ мы сказать: „я знаю, въ кого увѣровалъ“.

И въ самомъ дѣлѣ, не настало-ли время произнести эти слова апостола? Не время-ли всѣмъ, познавшимъ любовь Христа, стать на защиту ея? Нынѣ, когда стараются исказить истиннаго Христа и при рукоплесканіяхъ толпы представляютъ образъ Его уменьшеннымъ и извращеннымъ, нынѣ когда этого новаго месію намѣреваются проповѣдывать именно бѣдному и угнетенному люду,—пусть голосъ церкви отвѣтитъ на это, пусть всѣ сердца, въ которыхъ есть еще хоть капля вѣры, энергически протестуютъ противъ этого, пусть и бѣднѣйшіе и малѣйшіе скажутъ съ своей стороны, что они знаютъ, въ кого увѣровали, что познавши Христа Евангелія, они не хотятъ ожидать еще другаго.

Спаситель! Мы знаемъ, въ кого увѣровали, и не страшимся за дѣло Твое. Нѣтъ, братіе, у міра нельзя отнять живаго воспоминанія о Немъ, ибо оно врѣзалось неизгладимыми чертами; Его стопы оставили на землѣ такіе глубокіе слѣды, что прахъ одного преходящаго поколѣнія можетъ, пожалуй, засыпать ихъ на минуту, но не изгладить. Напрасно намъ будутъ говорить, что Его Евангеліе не таково, какимъ мы его поняли, напрасно захотятъ его представить въ видѣ какой-то милой идилліи; слиш-

комъ много горькихъ слезъ раскаянія пролилось на его страницы, слишкомъ страшная ненависть возгоралась изъ-за него, чтобы можно было ошибаться въ смыслъ его ученія. Напрасно захотятъ отнять у него ореолъ святости: столько свѣта издѣлось изъ нея въ души людей, что до сихъ поръ міръ освѣщается ею. Напрасно захотятъ заглушить источникъ, откуда почерпнуто столько утѣшеній,—напрасно! И что могутъ сдѣлать эти усилія противъ свидетельства тысячъ людей, обязанныхъ Христу прощеніемъ, надеждой, миромъ и спасеніемъ? Церковь жива, братіе, и ея вѣра, утвержденная внутреннимъ опытомъ душъ, обращаемыхъ Христомъ, на всѣ возраженія, возбуждаемыя сомнѣніемъ отвѣтитъ съ твердой и чистой увѣренностью: „я знаю, въ кого увѣровала“.

ИСТОРИЧЕСКОЕ РАЗСМОТРѢНІЕ

ДѢЯТЕЛЬНОСТИ ПРАВОСЛАВНАГО РУССКАГО ДУХОВЕНСТВА ВЪ
ОТНОШЕНІИ КЪ РАСКОЛУ ОТЪ ЕГО ВОЗНИКНОВЕНІЯ ДО УЧРЕЖ-
ДЕНІЯ СВ. СИНОДА *.

5) Изъ предшествовавшаго обзора мы видѣли, что усилія духовенства — побороть возникшее зло — были громадныя: оно въ одно и тоже время старалось перевоспитать духовенство и по-дѣйствовать на массу, зараженную недугомъ раскола. Но все эти усилія, какъ онѣ не были велики, должны были оказываться недѣйствительными до тѣхъ поръ, пока не возвысится уровень умственнаго развитія. Значительная часть русскаго духовенства того времени не сознавала важности своего служенія, святости долга, и вела жизнь зазорную. Это дало раскольникамъ поводъ обвинять „церковь“ въ утратѣ древняго благочестія и оправдывать свой разрывъ съ церковію. Церковно-административная власть старалась перевоспитать духовенство мѣрами чисто духовными (напр. распространеніемъ книгъ) и мѣрами карательными — штрафами и наказаніями; она заботилась внушить духовенству обязанности его званія, сдѣлать его достойными своего высокаго служенія. Но, очевидно, эти мѣры не вполне достигали своей цѣли. Если духовенство было умственно неразвито, и не сознавало важности своего служенія, то и мѣры нравственныя и

* См. май, июнь, июль, августъ и сентябрь «Прав. Обзор.» за 1887 годъ.

мѣры карательныя по отношенію къ большей части духовенства, не сознававшей важности своего служенія, чаще всего должны были оказываться безуспѣшными. Если даже допустить, что эти мѣры достигали своей цѣли вполне, и въ такомъ случаѣ улучшалось нѣсколько дѣло въ настоящемъ но нисколько не обезпечивалось лучшее положеніе дѣла въ будущемъ. Духовенству предписывалось учить народъ, убѣждать его покоряться во всемъ св. церкви; но развѣ возможенъ успѣхъ, когда духовенство стояло почти на той же степени умственного развитія, какъ и тѣ, которыхъ нужно было убѣждать? Даны были пособія, даны были книги; но книги не могли научить всему, что требовалось въ данный моментъ, а главное—не могли внушить любви къ этого рода дѣятельности, безъ которой конечно успѣхъ положительно не возможенъ. Одна только школа, правильное систематическое образованіе могло доставить церкви истинныхъ пастырей, понимающихъ обязанности своего служенія, способныхъ и предохранить паству отъ впаденія въ расколъ, и обратить впадшихъ въ оный. Но училищъ въ Москвѣ и во всей Россіи не было. Заведенныя бояриномъ Ртищевымъ и патриархомъ Никономъ, послѣ удаленія Никона отъ управленія церковію, совершенно пали, или только существовали по имени ¹⁾.

Соборъ 1666 — 67 гг., которому принадлежитъ инициатива всѣхъ мѣръ, употребляемыхъ духовенствомъ къ искорененію раскола, ясно сознавалъ, что расколъ есть главнымъ образомъ слѣдствіе невѣжества и слѣдовательно, безъ образованія, умственного и нравственного воспитанія борьба съ расколомъ рѣшительно невозможна. Поэтому отцы собора издали постановленіе, чтобъ въ церковныя степени поставлялись люди, получившіе образованіе. „Повелѣваемъ, яко да всякій священникъ дѣтей своихъ научаетъ грамотѣ, и страху Божию и всякому

¹⁾ О существованіи Чудовскаго училища въ 1666 году можно заключать изъ подписи митрополита гаскаго Пансія Лигарида подъ отвѣтомъ шведскому посланнику Лилленталу «о вѣрѣ грековъ и россиявъ относительно св. евхаристіи», гдѣ сказано, что отвѣтъ сей писалъ «in Alexiano Musaeo». Подъ именемъ музея; конечно, разумѣется училище, которое названо Алексѣевскимъ или по имени царя или по имени святителя Алексѣя, въ обители котораго оно было учреждено. См. Творенія Св. Отцовъ 1845 г. т. II, стр. 159. Но ни откуда не видно, чтобы въ означенное время въ этомъ училищѣ шло преподаваніе.

церковному благочинію, со всякимъ прилежаніемъ, яко да будутъ достойни въ воспріятіе священства и наслѣдницы по нихъ церкви и церковному мѣсту; а не оставляти имъ дѣтей своихъ наслѣдниковъ мамонѣ, а церковь Христову корчемствовать, и во священство поставлятися сельскимъ невѣждамъ, (иже иніи ниже скоты пасти умѣють, колыми паче людей); тѣмъ убо бивають въ церкви Божіи мятежи и расколы⁴). Такъ какъ училища, не смотря на крайнюю нужду въ нихъ, не было, то отцы собора 1666 г. рѣшились образовать изъ духовенства нѣчто въ родѣ касты и вмѣнили въ обязанность каждому священнику учить дѣтей своихъ грамотѣ и страху Божию и всякому церковному благочинію, чтобъ они сдѣлались наслѣдниками ихъ мѣста. Впрочемъ изъ этого постановленія никакъ не слѣдуетъ заключать, будто соборъ 1666 г. почиталъ достаточнымъ для занятія священническаго мѣста одного домашняго обученія и притомъ обученія у малообразованнаго отца; нѣтъ, соборъ удовлетворялся такимъ воспитаніемъ единственно по необходимости, на самомъ же дѣлѣ признавалъ необходимымъ для священника полное систематическое образованіе и потому требовалъ немедленно завести училища. Восточные патріархи—Пансіей александрійскій и Макарій антиохійскій, предсѣдательствовавшіе на соборѣ московскомъ 1666—67 гг. въ словѣ, предложенномъ отъ лица ихъ, въ день Рождества Христова, убѣждали царя и народъ *взыскать премудрости*. „Видимъ, говорилось въ словѣ, яко во многихъ отъ васъ не имѣеть премудрость мѣста, идѣже главу приклоняти. Считается она, якоже Христось—Премудрость Божія въ Виселемствѣ вертепѣ, и нѣсть взыскай ея... Взыщите же ея (премудрости) толь можнѣ, якоже искаху ея велицы восточныя учителя: Василій Великій, Григорій Богословъ, Іоаннъ Златоустъ, Афанасій Великій, Діонисій Ареопажитъ, Іоаннъ Дамаскинъ и иніи многочисленніи свѣтлыицы церкви. Ниже отрицайтеся немнѣніемъ училища: ибо силе взыщите, дасть Предвѣчная Премудрость до сердца благочестиваго Самодержца таково хотѣніе, еже училище построить и учителя стяжати въ семъ царствующемъ градѣ Москвѣ. Положи въ сердцѣ твоемъ, говорили патріархи, обращаясь къ царю, еще училища, тагъ

⁴) Дополнит. Акты истор. т. V, № 102, стр. 473.

греческая, яко словенская и иная назидати; спудеовъ (учениковъ) милостію и благодатию умножати, учителя благоискусная възсѣкти, всѣхъ же честыи на трудолюбіе поощрѣти. То абіе узриши многія ученія тщатели, а въ малѣ времени пріимеша, дасть Богъ, плодъ стократный и полныя рукояти отъ сихъ сѣмень³⁾. Только при посредствѣ училищъ и распространенія просвѣщенія „можно очистить отъ плевель гумно“, говорили патріархи, и потому убѣждали устроить не одно только училищи, но цѣлый рядъ. А такъ какъ очищать гумно отъ плевель—прямая обязанность духовенства, то патріархи убѣждали и вѣняли въ обязанность пастырямъ русской церкви устроеніе училищъ. „Не хощемъ же, говорили они, да вся тяготи и бремя на прекрѣпкѣй царскій престолъ возложится, яко едва не безконечные имѣющій иждивенія на оборону и утверженіе своего державы. Но токмо хощемъ, да раздѣлится на архіереи и на избраннѣйшія начальныя архимандриты, яко имѣющихъ многія отчины и доходы довольныи. Да приложатся убо единомудушно къ Божественному сему дѣлу... Молимъ убо, да нашимъ совѣтомъ здравымъ душамъ вашимъ повинуется. Сотворитесь дѣлатели въ виноградѣ Христовѣ, искореняюще терніе, и ковокъ душевредный извергающе. Можете бо очистить отъ плевель гумно аще точію восхотите, зане бо имѣете всякое благополучіе и довольство изобильное въ рукахъ вашихъ“⁴⁾... Почитая дѣло относительно устройства училищъ на счетъ щедрого царя уложеннымъ окончательно, патріархи издали отъ своего имени грамоту, въ которой благословляли учителей и учениковъ и угрожали гнѣвомъ Божиимъ тому, кто вознамѣрился бы препятствовать сему благому дѣлу. „Тѣмъ же, писали патріархи въ своей грамотѣ, неотреченное пріемши согласіе отъ благочестивѣйшаго, тишайшаго Богомъ хранимаго, великаго государя царя и великаго князя Алексѣя Михайловича, всея великія и малыя и бѣлыя Россіи самодержца, вселюбезно и всерадостно даемъ наше архіерейское благословеніе на сіе достохвальное дѣло, еже есть на созданіе училищъ и въ тѣхъ устроеніе ученія, по закону православнаго-кафолической церкви... А хотящихъ сему божественному дѣлу

³⁾ Творенія Св. Отцевъ 1845 г. т. II, стр. 163—164.

⁴⁾ Тамъ же, стр. 164—165.

препинаніе или пакость творити, сама всемогущая десница Божія—местница въ семъ и будущемъ вѣцѣ да будетъ, и гнѣвъ Господень да поженеть и во вся дни живота его, дондеже рассыпается костемъ его при адѣ“⁵⁾... Подражая восточнымъ патріархамъ московскій патріархъ Іоасафъ издавъ отъ себя грамоту, въ которой благословлялъ учителей и учениговъ и между прочимъ положилъ странное проклятiе на того, кто бы вздумалъ препятствовать въ дѣлѣ образованія юношества... „Аще же кто будетъ не бояйся Бога и ученій ненавистникъ, завистникъ или пакоститель препинай сему дѣлу Божію, чуждъ да будетъ поминовенія Божія, и да не преполовить днй своихъ и да трясется, яко братоубійца Каинъ, и скончаніе да приметъ Іудино и его вучастъ въ вѣчности будущей“⁶⁾.

Но напрасно патріархи проклинали препятствующихъ распространенію просвѣщенія въ Россіи: училищъ не завели, учителей не было, не могло быть и препятствующихъ... Тихайпій и Богомъ хранимый царь, хотя и неотреченное согласіе далъ патріархамъ „на созиданіе училищъ“, но ихъ все-таки не завелъ. Престарѣлый патріархъ Іоасафъ, избранный по желанію царя, тоже не завелъ ни одного училища, не смотря на то, что самъ издавъ грамоту, въ которой указывалъ плоды просвѣщенія, не смотря на намекъ восточныхъ патріарховъ, что на немъ лежитъ прямая обязанность позаботиться объ образованіи училищъ, такъ какъ въ грамотѣ объ учрежденіи патріаршества въ Россіи „бывшіе (на соборѣ по этому случаю) патріархи между иными заповѣдми, яже единодушно оставиша, и то заповѣдоваша, да здѣ соборъ училищный, украшенный различными приходами, сотворится, къ расширенію ученій и юношѣ, хотящихъ учиться“⁷⁾... Архіереи и монастыри во всемъ подражали своему патріарху...

Говорятъ, что училища не были заведены вопреки опредѣленію собора и требованію обстоятельствъ, потому что „въ это время церковныя и монастырскія отчины были уже довольно истощены частыми сборами на нужды государственныя“⁸⁾. Что

⁵⁾ Тамъ же, стр. 168—169.

⁶⁾ Тамъ же, стр. 171.

⁷⁾ Тамъ же, стр. 165.

⁸⁾ Тамъ же, стр. 171.

поборы въ пользу казны государевой были громадны—это вѣрно: объ этомъ свидѣлствуютъ многіе документы ⁹⁾. Но несомнѣнно также и то, что въ монастыряхъ оставалось еще много денегъ и имущества, на которыя бы можно было завести не одну школу. Изъ одного напр. Троице-Сергіева монастыря въ теченіе 26 лѣтъ, отъ 1696 до 1722 г. взято Петромъ I денегъ, сверхъ обыкновенныхъ платежей, около 250,000 рублей ¹⁰⁾. Причина, почему не заведены школы въ Россіи тотчасъ послѣ заявленія о ихъ насущей необходимости, лежитъ въ распоряженіяхъ гражданскаго правительства. Правительство, нѣсколько напуганное сильною личностью патріарха Никона, почитало за лучшее и безопасное облекать саномъ патріарха московскаго людей, которые бы по своему значенію и нравственнымъ качествамъ менѣ всего способны были дѣйствовать самостоятельно, а тѣмъ болѣе—вопреки видамъ и цѣлямъ правительства, хотя обстоятельства церкви требовали человѣка энергичнаго, предусмотрительнаго, словомъ втораго Никона. И вотъ избирается на патріаршій престолъ сначала Іосифъ II, человѣкъ престарѣлый и положительно неспособный къ управленію дѣлами церкви въ особенности въ такое тяжелое для церкви время; потомъ престарѣлый и больной новгородскій митрополитъ Питиримъ... Первый въ пятилѣтнее управленіе свое дѣлами русской церкви, издалъ только нѣсколько грамотъ, касательно церковнаго благочинія ¹¹⁾ и не привелъ въ исполненіе ни одного изъ опредѣленій собора 1666—67 гг.; но послѣдній въ свое кратковременное управленіе ¹²⁾ не успѣлъ и за болѣзнію не могъ сдѣлать и этого. Не получая никакого распоряженія по дѣлу образованія школъ со стороны патріарха, архіереи и настоятели монастырей, не заботились о заведеніи школъ, а можетъ быть считали себя и не въ правѣ завести безъ грамоты патріарха. Такимъ образомъ, въ то время, когда церковь болѣе всего

⁹⁾ Полное собраніе законовъ, т. I, стр. 865. Акты Археограф. Экспед. т. IV, № 175, стр. 226—227. № 189, стр. 243—244. Дѣло патріарха Никона. Приложение I, стр. 187.

¹⁰⁾ Исторія Соловьева, т. XVI, стр. 348—347.

¹¹⁾ Акты Археограф. Экспед. т. IV, №№ 155 и 161. Увѣщательная грамота къ суевѣрамъ. Обзоръ духовной литературы Филарета Черн., стр. 333.

¹²⁾ Управлялъ русскою церковію отъ 6-го апрѣля 1672 г. до 12 апрѣля 1673 г.

нуждалась въ людяхъ ученыхъ, систематически образованныхъ и людяхъ нравственныхъ (это тоже дѣло образованія) во всей Россіи не было ни одного училища, ни одной школы даже для обученія грамотѣ... Училище было заведено въ Москвѣ нѣсколько позже, когда воспитанники должны бы уже были дѣйствовать своимъ словомъ на раскольническую массу, еслибъ училище заведено было непосредственно послѣ собора 1666—67 годовъ. Загнѣчательно, что побужденіемъ къ основанію училища въ Москвѣ были—не интересы и потребности русской церкви, а потребности церкви греческой.. Въ 1673 году возвратился въ Москву іеромонахъ Тимофей, путешествовавшій по Востоку; онъ яркими чертами изобразилъ бѣдственное состояніе православныхъ на Востоку, въ особенности въ Іерусалимѣ, гдѣ необыкновенно сильно дѣйствовала пропаганда латинянъ ¹³⁾.

Царь Феодоръ Алексѣевичъ, вѣроятно по вліянію своего учителя Симеона полоцкаго, просилъ патріарха Іоакима учредить училище и приспособить ходъ преподаванія къ потребностямъ греческой церкви. Патріархъ Іоакимъ немедленно привелъ въ исполненіе предложеніе царя. Училище было открыто при типографіи и реиторомъ его назначенъ Тимофей. Собрано было около 30 человекъ учениковъ, обученіемъ которыхъ занимался сначала проживавшій въ Москвѣ ученый грекъ Мануилъ, а потомъ грекъ іеромонахъ Іоакимъ ¹⁴⁾. Царь и патріархъ слѣдили за ходомъ преподаванія и успѣхами учениковъ, часто посѣщали школу и дарили учениковъ. Сообразно цѣли образованія училища, въ него не хотѣли принять въ качествѣ учителей не только иностранцевъ, но даже малороссійскихъ ученыхъ: за достойными наставниками для устроенной школы обратились къ восточнымъ патріархамъ, особенно іерусалимскому Досіею, котораго письменно просилъ патріархъ Іоакимъ ¹⁵⁾. Недостаточность училищъ или другія какія причины внушили царю Феодору мысль завести въ Россіи кромѣ училища еще академію. Приказано было написать для нея уставъ и приготовить грамоту, утверждающую права и привилегіи академіи. Въ академіи пред-

¹³⁾ Древняя російская вилююнка ч. XV, стр. 295.

¹⁴⁾ Древняя російская вилююнка ч. XVI, стр. 296.

¹⁵⁾ Творенія Св. Отцевъ 1845 г., т. II, стр. 188—189.

положено было читать грамматику, пѣтигу, риторику, умозрительную и нравственную философію, физигу, богословіе, каноническое и гражданское право, языки славянскій, греческій, польскій и латинскій и вообще всё предметы, „ниже цѣлость академіи, сирѣчь училища, составляетя“¹⁴⁾.

Предложено было въ Законошпасскомъ монастырѣ построить на счетъ царской казны необходимыя зданія. Ректору или блюстителю академіи и учителямъ даны были большія права и преимущества, равно какъ и окончившіи въ ней курсъ. Чтобы обезпечить ея существованіе на будущее время—къ Законошпасскому монастырю приписали шесть другихъ монастырей и одну пустынь, одну дворцовую волость и нѣсколько пустошей.

Говорять, что Россія въ то время имѣла одно только училище, просуществовавшее не болѣе трехъ лѣтъ, и потому образованіе академіи было несвоевременно, въ особенности въ томъ видѣ, какъ ее хотѣли поставить. Замѣчаніе едва ли справедливое. Предписано было завести школы при всѣхъ архіерейскихъ каѳедрахъ и болѣе важныхъ монастыряхъ, но какъ было завести училища безъ образованныхъ наставниковъ? Греція въ состояніи была выслать одного, двухъ образованныхъ наставниковъ, и то въ теченіе цѣлыхъ десятковъ лѣтъ, т.-е. такое количество, которое недостаточно было для основаннаго уже училища; къ Кіевской академіи не хотѣли брать потому, что православіе ихъ считали сомнительнымъ: отсюда же можно было взять наставниковъ для шкoлъ, настоятельная нужда которыхъ чувствовалась всѣми? Думаемъ, ихъ могла бы дать Московская академія, еслибы состоялось ея учрежденіе. Но въ 1682 году умеръ царь Феодоръ Алексѣевичъ, не успѣвъ утвердить граматы объ основаніи академіи, а патріархъ не сочувствовалъ образованію такого заведенія и особенно съ такими правами для учащихся, и дѣло рушилось.

Забота о православіи, говорятъ, побудила патріарха Іоаннѣ воспротивиться образованію академіи. Патріархъ не хотѣлъ дать новаго повода раскольникамъ укорять русскихъ въ отступничество отъ православія. Но съ какой же стороны—основаніе академіи угрожало православію и на что здѣсь могли указывать рас-

¹⁴⁾ Творенія Св. Отцевъ 1845 г., т. II, стр. 181.

вольники? Ни одна изъ статей академическаго устава такъ строго и основательно не была обсуждена, какъ статья касательно наставниковъ академіи и ихъ православія¹⁷⁾. Въ числѣ наставниковъ академіи необходимо должны были явиться и южно-русскіе ученые, которыхъ раскольники, да и вообще большая часть русскихъ считали уніатами, окатоличенными? Но вѣдь патріарху Іоакиму болѣе, чѣмъ кому-нибудь, было извѣстно состояніе православія на югѣ, такъ какъ онъ самъ получилъ образованіе въ Киевѣ; съ другой стороны ему было не безызвѣстно, что и грековъ, которымъ поручена была московская школа, раскольники считали утратившими древнее благочестіе. Это патріарху Іоакиму не разъ приходилось слышать самому отъ раскольниковъ¹⁸⁾. Такимъ образомъ академія не была образована единственно потому, что патріарху Іоакиму не нравились права, данныя академіи, ея блюстителю и наставникамъ, которыя какъ бы умаляли права патріарха.

Вмѣсто многихъ наставниковъ, необходимыхъ для академіи, патріархъ Іоакимъ просилъ іерусалимскаго патріарха Доскеея прислать *одного только* учителя греческаго языка. Очевидно патріархъ Іоакимъ хотѣлъ только расширить и улучшить состояніе существующей въ то время греческой школы. Но не такъ смотрѣли на это дѣло современники патріарха Іоакима. Расширеніе и улучшеніе существующей греческой школы посредствомъ прибавки *одного только* новаго наставника казалось не соответствующимъ дѣлу, недостаточнымъ для ученыхъ людей, проживавшихъ въ Москвѣ. Они обратились къ царевнѣ Софіи съ просьбою, чтобы она позаботилась привести въ исполненіе дѣло учрежденія академіи, начатое ея братомъ. Въ 1682 году подалъ просьбу въ стихахъ чудовскій іеродіаконъ Коріанъ Истоминонъ. Черезъ два года тоже сдѣлалъ Симеонъ Медвѣдевъ — строитель Заиконоспасскаго монастыря, предназначавшагося для ака-

¹⁷⁾ Тамъ же, стр. 183. Страникъ 1864 г. «Патріархъ Іоакимъ въ борьбѣ съ расколомъ».

¹⁸⁾ Какъ раскольники смотрятъ на грековъ, можно видѣть изъ Россійскаго Винограда Денисова. Смолр. приложение къ Винограду. «Извѣщеніе о грекахъ» Румонис Моск. Д. Акад. Въ рѣдкомъ впрочемъ сочиненіи раскольническаго же ветрѣтннъ отъица о грекахъ, какъ еретикахъ, утратившихъ древнее благочестіе отчасти по вліянію турокъ, отчасти — латинъ.

деміи. Но хлопоты Истомина и Медвѣдева пропали даромъ: грѣмата осталась не утвержденною, по крайней мѣрѣ въ томъ видѣ, какъ она составлена была при царѣ Феодорѣ ¹⁹⁾.

6 марта 1685 года послѣ долгаго странствованія и препятствій пріѣхали въ Москву ученые братья—греки Іоанникій и Софроній Лихуды, получившіе блестящее по тому времени образованіе ²⁰⁾. Въ началѣ Лихудамъ поручили пять учениковъ. Но какъ только было отстроено зданіе въ Заиконоспасскомъ монастырѣ, Лихудамъ поручены были ученики типографской школы, 40 человекъ вновь набранныхъ боярскихъ дѣтей и значительное число разночинцевъ, съ предписаніемъ, чтобы они постепенно преподавали словесныя науки на латинскомъ и греческомъ языкахъ ²¹⁾ — „успѣхи учениковъ были чрезвычайныя“, говоритъ авторъ Словаря писателей духовнаго чина; въ три года пройдены, кромѣ грамматики, шиттика на греческомъ языкѣ, и риторика, диалектика, логика и физика на греческомъ и латинскомъ. Ученики всѣ говорили на обоихъ языкахъ и съ обоихъ перевели нѣсколько книгъ, а старшіе изъ нихъ сами обучали другихъ въ низшихъ классахъ ²²⁾. Конечно, нельзя сказать, чтобы система воспитанія, введенная Лихудами въ академіи ²³⁾, была строго приспособлена къ потребностямъ церкви; нельзя даже сказать, чтобы уроки Лихудовъ были выраженіемъ современнаго состоянія науки; но ихъ уроки достаточно приготавливали ихъ воспитанниковъ къ самостоятельному труду, воспитывали любовь къ наукѣ и давали имъ такимъ образомъ полную возможность явиться полезными членами церкви и государства.

¹⁹⁾ Творенія Св. Отцовъ 1845 г. т. II, стр. 187—188.

²⁰⁾ Словарь писателей духовн. сана, стр. 260. Іоанникій и Софроній Лихуды сначала учились у кесалонійскаго священника, потомъ изучали богословіе и философію въ Венеціи у ученаго Герасима Влаха, и наконецъ въ Падуѣ, въ каттоліонской академіи, въ продолженіе 9-ти лѣтъ, гдѣ и получили докторскіе дипломы.

²¹⁾ Словарь писателей духов. чина, стр. 246. Кромѣ того Лихуды учили около 40 человекъ итальянскому языку по распоряженію правительства.

²²⁾ Словарь писателей духовнаго чина, стр. 246—247.

²³⁾ Въ 1690 году, въ рѣчи новому патріарху, Адріану, ученики московскаго училища называли себя «учениками царскія же и патріаршіи академіи» Древняя Россійск. Вивліюэнка, ч. VIII, стр. 356.

Въ сожалѣнію Лихуды не имѣли возможности всецѣло посвятить себя школь: одинъ изъ нихъ Іоанникій по собственнымъ и государственнымъ нуждамъ долженъ былъ надолго оставить Россію²⁴⁾, отчего конечно значительно долженъ былъ пострадать успѣхъ преподаванія въ академіи, хотя уроки и продолжались братомъ его Софроніемъ; потомъ довольно долго отвлекалъ Лихудовъ отъ дѣла споръ съ латино-мудрствующими о времени пресуществленія даровъ, который тѣмъ былъ опаснѣе, что проникъ въ массу населенія²⁵⁾. Но лишь только оконченъ былъ споръ о евхаристіи и Лихуды могли вполне посвятить себя дѣламъ школы, какъ академіи Московской нанесенъ былъ новый ударъ, который еще на нѣкоторое время долженъ былъ остановить распространѣніе просвѣщенія въ сѣверо-восточной Русіи.

Ударъ этотъ нанесъ іерусалимскій патріархъ Досіеѣй.

Хотя въ административномъ отношеніи церковь русская со времени учрежденія патріаршества въ Россіи отдѣлилась отъ церкви греческой, но іерархи греческой церкви продолжали вѣдаться въ дѣла руской церкви и, руководясь часто одними личными интересами, приносили не мало вреда церкви руской. Такъ случилось и на этотъ разъ. Іерусалимскій патріархъ Досіеѣй, прежде восхвалявшій въ своихъ грамотахъ Лихудовъ, началъ чернить ихъ предъ рускимъ патріархомъ и правительствомъ за то, что они не исполнили нѣкоторыхъ требованій архимандрита Хрисанеа, племянника патріарха Досіеѣя, когда Хрисанеъ былъ въ Москвѣ. Въ своихъ исполненныхъ гнѣва грамотахъ патріархъ Досіеѣй унижился даже до клеветы на Лихудовъ: онъ обвинялъ ихъ въ присвоеніи себѣ княжескаго титула, въ растратѣ денегъ, завѣщанныхъ будто бы Мелетіемъ въ пользу гроба Господня, нашелъ недостатки даже въ самомъ преподаваніи. Раздраженный патріархъ обвинялъ Лихудовъ даже за то, что они въ своемъ преподаваніи не ограничились только греческимъ языкомъ, а стали читать езику и философію²⁶⁾. Клеветамъ іерусалимскаго патріарха не особенно-то вѣрили въ

²⁴⁾ Словарь писателей духовн. чина, стр. 247, смотри Творенія Св. Отцевъ 1852 г., т. XI, стр. 76.

²⁵⁾ Словарь писателей духовн. чина 247, 352—254.

²⁶⁾ Прибавленіе къ Твореніямъ Св. Отцевъ 1852 г., т. XI, стр. 96, 84—90.

Россіи и, признавая дѣятельность Лихудовъ полезною, старались защитить ихъ и удержать при академіи. Но Досиѣеи положили непремѣнно достигнуть своей цѣли: онъ обвинилъ Лихудовъ предъ патріархомъ и царемъ во вмѣшательствѣ ихъ въ дѣла политическія. Это обвиненіе возымѣло свое дѣйствіе: Лихуды сначала отрѣшены были отъ должности учителей академіи, потомъ въ 1701 г. сосланы въ Новоспасскій монастырь и наконецъ въ костромскій Цпатыевскій, гдѣ жить имъ было нелегко ²⁷⁾.

Въ нравственномъ характерѣ Лихудовъ было не мало темныхъ сторонъ, хотя обвиненія Досиѣеи были и несправедливы: они были корыстолюбивы, властолюбивы, т.-е. воспитали въ себѣ тѣ качества, которыми отличалась большая часть грековъ того времени. Но очевидно эти темныя стороны Лихудовъ не имѣютъ никакого отношенія къ ихъ педагогической дѣятельности, и устраненіе ихъ отъ преподаванія было невознаградиomoю потерей для академіи: Лихуды еще не окончили круга наукъ философскихъ и совсѣмъ не начинали круга наукъ богословскихъ. Преподаваніе въ академіи поручено было ученикамъ Лихудовъ—Николаю Головину и Ѳеодору Поликарпову ²⁸⁾, но они могли преподавать только то, что сами прослушали, и занимались только съ младшими учениками. Досиѣеи и Хрисанеъ обѣщались прислать новыхъ наставниковъ для академіи, но прошло болѣе пяти лѣтъ, а новые наставники не прѣѣзжали. Тогда академія поручена была іеромонаху Палладію Роговскому, получившему за границею полное богословское образованіе и степень доктора. Преподаваніе съ этого времени въ академіи введено на латинскомъ языкѣ ²⁹⁾ къ крайнему прискорбію патріарха Досиѣеи ³⁰⁾. Палладій Роговскій и Ѳеофантъ Допатинскій, съ 1708 года управлявшіе дѣлами академіи при дѣятельномъ участіи мѣстоблестителя патріаршаго престола Стефана Яворскаго, подняли преподаваніе въ московской академіи. Состояніемъ академіи остался доволенъ даже самъ Петръ I. Но она уже не пользовалась тѣми матеріальными средствами, какія имѣла при патріархахъ Іоакимѣ

²⁷⁾ Тамъ же, стр. 85, 90—92.

²⁸⁾ Словарь писателей духовн. чина, стр. 564.

²⁹⁾ Творенія Св. Отцевъ 1845 г. кн. 2, стр. 195—197.

³⁰⁾ Исторія Россіи Соловьева, т. XV, стр. 124.

и Адрианъ: наставники не получали часто никакого вознагражденія ²¹⁾, воспитанники, равно какъ и наставники, не имѣли удобнаго помѣщенія, просьбы объ исправленіи исполнялись плохо; ученики вслѣдствіе такихъ стѣснительныхъ условій жизни убѣгали изъ академіи ²²⁾. На наставниковъ возлагались постороннія труды ²³⁾. Эти неблагопріятныя условія существованія академіи должны были конечно отозваться на успѣхѣхъ занятій.

Со времени управленія Палладія Роговскаго и Θεοφιλαкта Лопатинскаго, которые расширили кругъ предметовъ, входившихъ въ составъ академическаго воспитанія и ввели систему преподаванія, сходную съ господствовавшею въ западно-европейскихъ высшихъ учебныхъ заведеніяхъ, открылась нужда въ школахъ приготовительныхъ. Съ этою цѣлю около 1708 года открыта была на казанскомъ подворьѣ новая школа, въ которой между прочими предметами читался и греческій языкъ. Наставникомъ греческаго языка былъ избранъ Софроній Лихудъ, ученые труды котораго обратили на себя вниманіе и освободили отъ неzasлуженнаго монастырскаго заключенія ²⁴⁾. Благодаря стараніямъ Стефана Яворскаго и Θεοφιлакта Лопатинскаго, которые заботились, насколько возможно, о благосостояніи академіи и училища, духовное просвѣщеніе въ Москвѣ распространялось и дало возможность вести болѣе правильную борьбу съ расколомъ. Около 1740 года Москва имѣла уже достаточное количество образованныхъ священниковъ и діаконовъ, которые уже могли начать постоянное публичное проповѣданіе Слова Божія въ церквахъ и къ которымъ обыкновенно отсылали раскольниковъ для состязанія.

Впрочемъ не въ одной Москвѣ распространялось духовное просвѣщеніе: почти одновременно заведены были школы въ Ростовѣ, въ Великомъ Новгородѣ, Нижнемъ-Новгородѣ, Тобольскѣ и другихъ епархіяхъ.

Прежде другихъ заведены были школы въ ростовской епархіи

²¹⁾ Словарь писат. духовн. чина, стр. 708. Исторія Россіи Соловьева, т. XV, стр. 128, т. XVI, стр. 306.

²²⁾ Исторія Россіи Соловьева, т. XVI, стр. 307.

²³⁾ Тамъ же, стр. 316—317.

²⁴⁾ Прибавленія къ Твореніямъ Св. Отцевъ 1862 г. т. XIII, стр. 98.

св. Димитріемъ ростовскимъ. Отказавшись отъ сибирской митрополи, св. Димитрій въ 1702 году назначенъ былъ митрополитомъ въ ростовскую епархію ²⁴). Димитрій нашелъ свою епархію въ самомъ печальномъ положеніи. Духовенство было малообразованное; пасомые заражены расколѣмъ. Въ какомъ положеніи находилась ростовская епархіа, можно видѣть изъ слѣдующаго мѣста проповѣди св. Димитрія: „окаянное наше время! говоритъ святитель, окаянное время, въ которое такъ пренебрежено сѣяніе Слова Божія, и не знаю, кого прежде надобно винить, святелей или землю, священниковъ или сердца чловѣческихіа, или тѣхъ и другихъ вмѣстѣ? Святель не съеть, а земля не принимаетъ, іереи небрегутъ, а люди заблуждаются; іереи не учатъ, а люди невѣжествуютъ; іереи слова Божія не проповѣдываютъ, а люди не слушаютъ и слушать не хотятъ. Съ обѣихъ сторонъ худо: іереи глупы, а люди неразумны“. Св. Димитрій, заботясь объ исправленіи духовенства, разослалъ нѣсколько окружныхъ посланій съ подробнымъ изъясненіемъ обязанностей духовенства ²⁵). Но эта мѣра, если даже она достигала вполне своей цѣли, — не обезпечивала положенія дѣлъ въ будущемъ. Чтобы и на будущее время приготовить достойныхъ священнослужителей для церкви, св. Димитрій призналъ необходимымъ завести школы, въ которыхъ бы воспитанники научились всему необходимому для пастыря. Въ Ростовѣ при архіерейскомъ домѣ на свои собственные средства святитель Димитрій завелъ семинарію, въ которую должно было привозить дѣтей своихъ духовенство ростовской епархіи ²⁶). Семинарія была раздѣлена на три класса. Самъ святитель надзиралъ за успѣхомъ ученія, а иногда въ отсутствіе учителей самъ обучалъ ихъ. Кроме того способнѣйшимъ ученикамъ въ свободное время онъ толковалъ Священное Писаніе Ветхаго и Новаго Заветъа ²⁷). Но болѣе всего ревностный святитель заботился о нравственномъ воспитаніи учениковъ заведенной школы. Онъ требовалъ неопустительнаго

²⁴) Словарь писателей духовн. чина, стр. 125.

²⁵) Эти граматки находятся въ 1 ч. полнаго собранія сочиненій св. Димитрія Ростовскаго.

²⁶) Жизнь св. Димитрія. Ростовскаго, стр. 46.

²⁷) Словарь писат. духовн. чина, стр. 125—126.

хожденія въ церковь и благоговѣйнаго въ ней стоянія, самъ всегда исповѣдывалъ всѣхъ учениковъ и воими мѣрами старался внушить имъ правила христіанской нравственности, чтобы они сдѣлались руководительнымъ началомъ въ ихъ жизни и послѣдующей затѣмъ пастырской дѣятельности ⁴⁰⁾; такъ какъ пастырь долженъ учить своихъ пасомыхъ не только словомъ, но и примѣромъ своей жизни. Многостороннее образованіе и главное—искренняя забота о благѣ церкви и любовь къ просвѣщенію, которою одушевленъ былъ св. пастырь ростовскій, могли-бы принести богатые плоды, но средства архіерейскаго дома, на которые была открыта семинарія и воспитывались ученики, оскудѣвали годъ отъ году. Мусинъ-Пушкинъ, желая угодить Петру, отнялъ у архіереевъ не только имѣнія, но и церковныя дани и плату за вѣчныя памяти. Съ глубокою скорбію св. Димитрій писалъ новгородскому митрополиту Іову. „Слыша начавшееся у вашего преосвященства еллино-греческое ученіе тѣченіемъ вашимъ архіерейскимъ, трудолюбіемъ же премудрѣйшихъ учителей Іоанникія и Софонія Лихудіевыхъ, сильно о томъ радуюсь, молю Бога, да содѣйствуетъ вашему преосвященству и честнѣйшимъ учителямъ въ томъ благопотребномъ дѣлѣ; ибо что человѣка, вразумляетъ, какъ не ученіе? И Христосъ Господь, хотя сотворити учениковъ своихъ учителями всей вселенной, прежде всего отверзъ имъ умъ разумѣти Писанія. Уподобляешься Господу своему, когда, желая имѣть людей учительныхъ, разумныхъ въ паствѣ своей, собралъ не малое число учениковъ и предложилъ имъ то ученіе, которое есть начало и источникъ всему любомудрію, т.-е. еллино-греческій языкъ, которымъ всѣ мудрыя ученія распространялись по всѣмъ народамъ. Я, грѣшный, пришедши на престолъ ростовской паствы, завелъ было училище греческое и латинское, ученики поучились года два и болѣе, и уже начали было грамматику разумѣть недурно; но, поупущеніемъ Божиимъ, скудость архіерейскаго дома положила препятствіе; питающій насъ вознегодовалъ, будто много издерживается на учителей и учениковъ, и отнято всѣмъ, чѣмъ дому архіерейскому питаться,

⁴⁰⁾ Жизнь св. Димитрія Ростовскаго, стр. 46—47. Собраніе сочин. Димитрія Ростовскаго, ч. 1, стр. 216.

не только отчины, но и церковныя дани и вѣчныя памяти...“⁴¹⁾.

Въ 1706 году было положено основаніе семинаріи и въ Новгородѣ. Іовъ, митрополитъ новгородскій, съ самаго начала своего поступленія на кафедру новгородскую обратилъ особенное вниманіе на расколъ, которымъ заражена была большая часть его паствы, благодаря усиленной дѣятельности въ этомъ краѣ соловецкихъ выходцевъ. Онъ призывалъ къ себѣ расколуучителей, вступалъ съ ними въ состязаніе, думая вразумить ихъ⁴²⁾, предписывалъ духовенству бдительно слѣдить за находящимися въ ихъ приходахъ раскольниками, писалъ противъ нихъ обвиненія⁴³⁾. Но духовенство новгородской епархіи такъ же мало-способно было помогать своему пастырю въ его борьбѣ съ фанатическими суевѣрами, какъ и духовенство другихъ епархій. Очевидно борьба могла быть тогда только успѣшною, когда духовенство будетъ достаточно подготовлено къ своей пастырской дѣятельности. Поэтому-то Іовъ, чтобы имѣть въ своей паствѣ людей учительныхъ, разумныхъ, какъ выражается св. Димитрій ростовскій въ письмѣ къ нему, озаботился объ устройствѣ училища. Въ 1706 году онъ просилъ Петра дозволить ему взять изъ Ипатьевского монастыря Лихудовъ, жившихъ тамъ въ заключеніи, чтобы при ихъ участіи завести при своемъ домѣ греко-латино-славянское училище⁴⁴⁾. Разрешеніе было дано и при архіерейскомъ домѣ немедленно заведены были двѣ школы: одна—греко-латинская, другая—славянская⁴⁵⁾. Въ помощь Лихудамъ были призваны въ Новгородъ изъ Москвы нѣкоторые изъ старшихъ учениковъ Лихудовъ; построены были приличныя зданія и собрано было много дѣтей всякаго званія⁴⁶⁾. Дѣло ученія шло довольно успѣшно. Въ шесть лѣтъ курсъ ученія былъ доведенъ до риторики и логики на всѣхъ трехъ языкахъ — греческомъ,

⁴¹⁾ Чтенія москов. историч. общ. 1866 г. кн. 2.

⁴²⁾ Исторія Выговск. старообр. пустыни Ивана Филипова, стр. 145 — 146. Издап. Кожанчинова.

⁴³⁾ Словарь писателей духовн. чина, стр. 320.

⁴⁴⁾ Тамъ же, стр. 274.

⁴⁵⁾ Тамъ же, стр. 319.

⁴⁶⁾ Тамъ же, стр. 255—319.

латинскомъ и славянскомъ. Насколько ученики усвоили себѣ знаніе этихъ языковъ, можно заключить изъ того, что учениками въ это время было переведено не мало книгъ съ греческаго и латинскаго языковъ. При посредствѣ воспитанниковъ Лихудовъ онъ имѣлъ возможность въ короткое время образовать въ каждомъ уездномъ городѣ своей епархіи славянскую грамматическую школу; такимъ образомъ кромѣ новгородскихъ при архіерейскомъ домѣ школъ въ его епархіи явилось до 14 школъ грамматическихъ⁴⁷⁾. Къ сожалѣнію Софроній Лихудъ, отправленный въ 1708 году Іовомъ по епархіальнымъ дѣламъ въ Москву къ Стефану Яворскому, удержанъ былъ тамъ и опредѣленъ учителемъ въ школу при казанскомъ подворьѣ⁴⁸⁾; но Іоанннкій оставался до самой смерти Іова въ Новгородѣ и продолжалъ учить въ греко-латинской школѣ новгородской, и по указу государя и приговору бояръ переехалъ въ Моевву въ февралѣ 1716 года⁴⁹⁾.

Одновременно почти основана была школа и въ Tobольскѣ митрополитомъ сибирскимъ Филоеемъ Лещинскимъ, который поѣхалъ въ Tobольскъ вмѣсто св. Димитрія ростовскаго. Немедленно по пріѣздѣ въ Tobольскъ Филоею замѣтилъ великое нестроеніе въ церквахъ, которое конечно происходило отъ не сознававшаго своего долга духовенства. Tobольскъ и вся западная Сибирь полны были раскольниковъ; слѣдовательно, если гдѣ, то именно здѣсь, невѣжество духовенства должно было принести особенно большой вредъ. Филоею признанъ необходимымъ завести въ Tobольскѣ школы и учить грамматику славянской и латинской, и просилъ Петра, чтобы „въ учении понудить отъ всякаго чина дѣтей“. Винюсъ доложилъ объ этой просьбѣ Петру и съ его словъ отвѣчалъ Филоею: „преосвященному митрополиту паче простираться въ ученіи славяно-россійской грамматики, и чтобы вся, яже попу или діакону надобно знать, изучились, и православной вѣры катихизисъ достаточно знали, и по согласію содержащей въ ней артикулъ умѣли, и людей мир-

⁴⁷⁾ Тамъ же, стр. 319.

⁴⁸⁾ Прибавленіе къ Твореніямъ Св. Отцовъ 1852 г., т. XI, стр. 33.

⁴⁹⁾ Исторія Россіи Соловьева, т. XV, стр. 26. Словарь писателей духовн. чина, стр. 255.

скихъ училищ⁵⁰⁾. Какъ шло дѣло воспитанія въ этомъ училищѣ и какъ были велики его размѣры—неизвѣстно.

Около 1726 г. были заведены школы въ Нижнемъ-Новгородѣ трудами Питирима, епископа нижегородскаго. Этотъ безпримѣрный по своей дѣятельности противъ раскола архипастырь видѣлъ, какиимъ великимъ подспорьемъ въ его миссіонерской дѣятельности должно быть духовное просвѣщеніе, и потому немедленно по рукоположеніи его въ санъ епископа завелъ двѣ грамматическія школы—вѣднѣ греческую и славяно-россійскую при своемъ кремлевскомъ архіерейскомъ домѣ. При этихъ двухъ школахъ устроена была имъ и школа пѣвческая. Санъ Питиримъ смотрѣлъ за собранными учениками (отъ 7 лѣтъ до 18) съ постоянною отеческою заботливостію; поощрялъ ихъ къ занятію строгостію и снисходительностію, выписывалъ всѣ нужныя для нихъ пособія. Одни изъ учениковъ жили въ квартирахъ, а другіе по дальнему разстоянію отъ родителей и по бѣдности жили въ архіерейскомъ домѣ на казенномъ содержаніи. На ихъ пропитаніе Питиримъ собиралъ съ монастырей 20-ю, а съ церковей 30-ю долю каждаго приплоднаго хлѣба. Но такъ какъ и этого обезпеченія было слишкомъ недостаточно, то Питиримъ недостатокъ новоустроенныхъ школъ вознаграждалъ доходами изъ своего дома, имѣвшаго у себя крѣпостныхъ крестьянъ и пользовавшагося различными угодьями. Первыми учителями въ новооткрытомъ училищѣ были нижегородскіе священники, извѣстные Питириму по своему уму и благоправію. Питиримъ хотѣлъ видѣть между учениками будущихъ помощниковъ въ обращеніи раскольниковъ въ православію, и надежды его оправдались въ дальнѣйшихъ его подвигахъ о благоустройствѣ нижегородской епархіи и очищеніи ея отъ плевелъ раскола⁵¹⁾.

Много ранѣе заведена была школа въ епархіи холмогорской. Были конечно въ это время и въ другихъ мѣстахъ открыты школы, о которыхъ мы не имѣемъ свѣдѣній.

Такимъ образомъ въ концѣ XVII и въ началѣ XVIII вѣка духовное просвѣщеніе распространилось почти во всей Россіи.

⁵⁰⁾ Исторія Россіи Соловьева, т. XV, стр. 127.

⁵¹⁾ Исторія нижегородской епархіи, стр. 79. Словарь писателей дух. чина, стр. 545.

Образованіе въ этихъ школахъ получалось пона довольно ограниченное и по условіямъ церковной жизни довольно недостаточное; но образованіе и въ такомъ видѣ, получаемое духовенствомъ, давало возможность церкви вести болѣе правильную борьбу съ расколомъ, что въ предшествовавшее время было положительно невозможно: потому что ближайшіе и непосредственные такъ-сказать дѣтели—нижнее духовенство—сами нуждались въ попеченіи церкви и въ огражденіи ихъ отъ заразы расколомъ. Вообще въ это время получившихъ образованіе въ школахъ было такъ много, что Петръ I могъ издать въ 1708 г. указъ, не сомнѣваясь въ возможности исполненія его: „поповымъ и дьяконовымъ дѣтямъ учиться въ школахъ греческихъ и латинскихъ; а которые изъ нихъ учиться не захотятъ, такихъ въ попы и во дьяконы не посвящать, въ подъячьи и нигуда не принимать, кромѣ служилаго чина“⁵²⁾.

б) Духовнымъ правительствомъ того времени повидимому сдѣлано все, что можно было сдѣлать для ослабленія и уничтоженія раскола, но кажется само духовное правительство сомнѣвалось, достаточно-ли всѣхъ этихъ мѣръ къ обращенію заблудшихъ, нѣтъ-ли и не можетъ-ли быть другихъ мѣръ, болѣе лучшихъ и дѣйствительныхъ. Съ этою цѣлію признано за самое лучшее созывать соборы „по часту“ не только въ Москвѣ изъ русскихъ епископовъ, но и мѣстные духовные соборы въ каждой епархіи, на которыхъ бы общимъ совѣтомъ придумывались и узаконялись тѣ или другія мѣры къ ослабленію раскола. Мы скажемъ, когда и гдѣ были соборы и какія придуманы ими мѣры.

„Ради церковнаго исполненія“ и „да жатва многа безъ дѣлателей не будетъ“, соборъ 1667 года по предложенію царя и по собственному усмотрѣнію опредѣлилъ открыть нѣсколько новыхъ самостоятельныхъ епископскихъ кафедръ и нѣсколько кафедръ для епископовъ виварныхъ. Прежде всего соборъ опредѣлилъ открыть кафедры въ тѣхъ городахъ, въ которыхъ предполагали открыть Феодоръ Иоанновичъ и патріархъ Іовъ, но которыя еще не были открыты. „Быти архіепископамъ въ великомъ княженіи въ Суздагѣ, въ великомъ княженіи Низовскія земли въ Нижнемъ-Новгородѣ, епископамъ—въ великомъ княженіи во Ржева Воло-

⁵²⁾ Исторія Россіи Соловьева, т. XVI, стр. 20.

дмировъ, на Великомъ Устюгѣ, въ великомъ княженіи на Бѣлѣ езерѣ, въ княженіи удѣльномъ на Коломнѣ, въ Сѣверѣ же во Брянскѣ, и во Черниговѣ, и въ княженіи удѣльномъ въ Дмитровѣ“. „Къ тому же благословихомъ и утвердихомъ въ царствѣ сибирскомъ въ Тобольскѣ съ окрестными грады вмѣсто архіепископіи митрополіи быти, въ Томскѣ градѣ епископу, и на Ленѣ благословихомъ епископу же быти. По сихъ слышахомъ о новоустроенныхъ градѣхъ во странѣ украинской, о Бѣлградѣ со окрестными его многими грады, яко много-народны и ратными людьми преисполнены суть, и яко посылаются тамо воеводы великаго государя бояре и нинѣ честніи люди отъ его царскаго сунелита со многими воинствомъ; и того убо ради и дальняго разстояніа желаше православный самодержецъ, да будетъ тамо архіерей, и мы въ тѣхъ градѣхъ благословихомъ и утвердихомъ митрополіи быти, да многая жатва безъ дѣлателей не будетъ“⁵³⁾.

Полагая, что въ огромныхъ по пространству епархіяхъ одному архіерею невозможно всего уемотрѣть, соборъ опредѣлилъ открыть въ митрополіяхъ и нѣкоторыхъ архіепископіяхъ по одному и по два викаріатства. „Повелѣваемъ же коемуждо митрополиту имѣти подъ собою епископы, по святымъ правиламъ, ради конечнаго исполненія церковнаго и спасенія душъ человѣческихъ. Новгородскаго митрополита во епархіи въ Каргополѣ быти епископу, въ Городецѣ или въ Устюжѣ епископу же быти, казанскаго митрополита во епархіи на Уфѣ епископу быти, ростовскаго митрополита во епархіи на Угличѣ быти епископу, Крутицкаго митрополита во епархіи на Ливнахъ епископу быти; рязанское архіепископство предложихомъ на митрополію и впредь утвердихомъ митрополіи быти; въ той же епархіи повелѣхомъ въ Воронежѣ быти епископу, въ Тамбовѣ епископу же“⁵⁴⁾.

Еще во время соборныхъ засѣданій рукоположены въ Коломну Мисаилъ, въ Черниговѣ Лазарь Барановичъ и назначены митрополитъ въ Бѣлгородъ⁵⁵⁾ (Θεодосій изъ сербовъ)—но этииъ

⁵³⁾ Дополнит. акты истор., т. V, № 102, стр. 492, 491.

⁵⁴⁾ Дополнит. акты истор., т. V, стр. 492—493.

⁵⁵⁾ Смотр. подписи подъ соборнымъ святкомъ, дополнител. акты истор., т. V, стр. 475. Древняя російская вивлиоюза. Исторія російск. іерархіи. Исторія курскаго намѣстничества Ларионова. Приложение.

пека дѣло и кончилось. Московскій патріархъ Іоасафъ II, которому вмѣнено въ обязанность привести въ исполненіе соборныя опредѣленія, не позаботился объ увеличеніи числа епархій; царь Алексѣй Михайловичъ, хлопотавшій на соборѣ объ умноженіи епископскихъ кафедръ, охладѣлъ къ этому дѣлу по окончаніи соборныхъ засѣданій. Не болѣе сдѣлалъ и заступившій патріаршій престолъ вмѣсто Іоасафа патріархъ Питиримъ. Во все время управленія дѣлами церкви обоихъ этихъ патріарховъ не открыто было ни одной кафедры. Между тѣмъ расколъ усиливался и особенно въ мѣстахъ удаленныхъ отъ епископскихъ резиденцій, въ епархіяхъ обширныхъ, напр. новгородскихъ предѣлахъ, въ нижегородскихъ, въ Сибири, въ Рыльскѣ, Путивлѣ и другихъ мѣстахъ⁵⁴⁾.

Въ 1681 году по желанію царя Феодора Алексѣевича собранъ былъ новый соборъ въ Москвѣ изъ всѣхъ русскихъ архіереевъ для того, чтобы они разсудили о дѣлахъ, которыя требуютъ исправленія „въ началѣ ко огражденію святаго церкви, а потомъ христіанамъ на распространеніе, вопервыхъ о прибавленіи архіереевъ по градамъ, и что множатся церковные противники и о иныхъ нуждахъ, которыя требуютъ исправленія. А то архіерейское вновь прибавленіе потребно и нужно для того, что сибирская земля пространна и въ ней множество народа Христа незнающаго, такожде и иные грады отъ архіерейскаго пребыванія имѣютъ дальнее разстояніе, а именно, въ сибирской странѣ отъ столичнаго града тоя епархія до даурскихъ, нерчинскихъ и албазинскаго остроговъ и до иныхъ тѣмъ подобныхъ многихъ мѣстъ во едино лѣто, и въ полтора и въ два, едва приходятъ, и въ тѣхъ дальнихъ мѣстахъ христіанская вѣра не расширяется, развратники же святаго церкви тамъ умножаются; да не токмо въ такой дальней и пространной странѣ, но и въ иныхъ многихъ градѣхъ, а именно—въ Путивлѣ и въ Сѣвскѣ, въ Галичѣ, на Костромѣ и въ иныхъ многихъ мѣстахъ противники умножились, зане не имѣютъ себѣ возбраненія за разстояніемъ дальнимъ, понеже въ епархіяхъ градъ отъ града и мѣсто отъ мѣста имѣютъ разстоя-

⁵⁴⁾ Акты истор., ч. V, № 75, стр. 110. Исторія нижегородской іерархіи «Настольная грамота новооставленному митрополиту Филарету». Дополнит. акты историч., т. V, III и XI.

нія не малыя“⁵⁷⁾. Руководясь такими соображеніями Теодоръ Алексѣевичъ спрашивалъ архіереевъ, собравшихся на соборѣ: „въ которыхъ градѣхъ быти епископамъ, и отъ чего имъ имѣти довольство?“ (1-е предложеніе царскаго благоволенія). Архіереи отвѣчали: „примѣняясь къ изволенію великаго государя, общими совѣтомъ и согласіемъ великаго господина святѣйшаго Іоакима, патріарха московскаго и всея Россіи и преосвященныхъ митрополитовъ и архіепископовъ и епископовъ, на соборѣ приговорили быти вновь архіереемъ: святѣйшаго патріарха изъ епархіи во градѣхъ: въ Галичѣ—епископу, въ Арзамасѣ—епископу, въ Сѣвскѣ—архіепископу. Новгородскаго митрополита изъ епархіи во градѣхъ—на Колмогорахъ и на Вогѣ съ пригороды архіепископу. Казанскаго митрополита изъ епархіи во градѣхъ—на Уфѣ съ пригороды—епископу. Сибирскаго митрополита изъ епархіи въ Енисейску съ города, пригороды и съ острожии, архіепископу. А въ дальніе грады, на Лену, въ Дауры, изъ той же епархіи посылать отъ духовнаго чина архимандритовъ и игуменовъ, или священниковъ добрыхъ и учительныхъ для ученія христіанскаго закона и просвѣщенія невѣрныхъ; а епископамъ въ тѣхъ дальнихъ городѣхъ нынѣ быти неудобно, малолюдства ради христіанскаго народа. Ростовскаго митрополита изъ епархіи во градѣхъ, на Устюгѣ великомъ и на Тотмѣ и у Соли Вычегоцкой, архіепископу. Рязанскаго митрополита изъ епархіи во градѣхъ: въ Тамбовѣ съ города епископу; во Воронежѣ съ городами епископу. Крутицкаго митрополита изъ епархіи во градѣ Болховѣ съ городами епископу. Бѣлгородскаго митрополита изъ епархіи во градѣ Курску съ городами быти епископу“⁵⁸⁾.

Патріархъ Іоакимъ немедленно послѣ собора началъ приводить въ исполненіе соборное распоряженіе относительно увеличенія числа епархій и открывалъ ихъ особенно въ мѣстахъ зараженныхъ расколомъ. Въ 1682 году сентября 2-го дня уже послѣдовала царская грамота къ двинскому воеводѣ князю Никитѣ Урусову о томъ, „что велѣно быти на Колмогорахъ ново-посвященному Аванасію архіепископу“⁵⁹⁾. Цѣль открытія новой

⁵⁷⁾ Акты историч., т. V, № 75, стр. 109—110.

⁵⁸⁾ Акты истор., т. V, № 75, стр. 110—111.

⁵⁹⁾ Тамъ же, т. V, № 93, стр. 145.

каедры видна изъ той же грамоты... „и буде, говорится даже, онъ, архіепископъ къ тебѣ, боярину и воеводѣ нашему, и къ дьяку учнетъ присылать для приставовъ, и пушкарей, и стрѣльцовъ на ослушниковъ во всякихъ церковныхъ и духовныхъ дѣлахъ, и ты бо бояринъ нашъ и воевода, и дьякъ велѣли ему архіепископу для ослушниковъ, приставовъ и пушкарей и стрѣльцовъ давать, сколько человекъ понадобится, безъ всякаго молчанія; а которыхъ церковныхъ раскольниковъ по распроснымъ рѣчамъ, для подлиннаго розыску учнетъ къ вамъ присылать и ты бъ бояринъ и воевода и дьякъ велѣли бы у него таковыхъ людей принимать и къ намъ великому государю объ нихъ писать имянно, а ихъ до нашего указа держали бы въ ирѣвскихъ тюрьмахъ, какъ и иныхъ ихъ братью раскольниковъ“⁴⁰⁾.

Въ небольшой періодъ между—патріаршества послѣ смерти патріарха Пятирижа въ 1672 году, открыта каедрa нижегородская. Въ настоящей грамотѣ митрополита Филарета, перваго архіерея нижегородскаго, прямо говорится о цѣли открытія каедры новой—противодѣйствовать расколу, который усилился здѣсь до страшныхъ размѣровъ⁴¹⁾.

Около 1682 года возобновлена каедрa коломенская⁴²⁾.

Въ февралѣ 1682 года открыта каедрa патріархомъ Іоакимомъ въ Тамбовѣ по случаю умноженія въ томъ округѣ раскольниковъ⁴³⁾. Съ цѣлію противодѣйствовать расколу, усилившемуся въ Сибири и особенно въ Тюмени и Верхотурьѣ, и для распространенія христіанства между сибирскими язычниками, патріархъ Іоанимъ по соглашенію съ сибирскимъ митрополитомъ въ 1682 году призналъ нужнымъ дать сибирскому митрополиту четырехъ викарныхъ архіереевъ, два изъ которыхъ должны были жить въ Тюмени и Верхотурьѣ, какъ, мѣстахъ особенно опасныхъ⁴⁴⁾.

⁴⁰⁾ Тамъ же, стр. 146.

⁴¹⁾ Исторія нижегород. іерархіи, стр. 4.

⁴²⁾ Каедрa коломенская существовала до 1657 г. Акты истор., т. IV, № 107. Въ этомъ году патріархъ Никонъ упразднилъ коломенскую епархію, открывъ въ ея мѣсто новую каедрu въ восточныхъ предѣлахъ Россіи.

⁴³⁾ Историко-статистическое описаніе тобольской епархіи Георгія Хитрова, стр. 1—9.

⁴⁴⁾ Начало христіанства въ Иркутскѣ, стр. 15.

Неизвестно, почему дѣло открытія новыхъ архіерейскихъ кафедръ приостановлено и что ему помѣшало: смерть ли царя Θεодора Алексѣевича, или невозможность отыскать достаточныхъ средствъ для содержанія архіерейскихъ домовъ, или наконецъ начавшіеся непосредственно послѣ смерти царя Θεодора раскольническіе и стрѣльцкіе бунты, обратившіе вниманіе духовнаго и свѣтскаго правительства въ другую сторону; вѣроятно же всего, что всѣ эти причины дѣйствовали совмѣстно. Отчего бы впрочемъ ни зависѣло прекращеніе открытія новыхъ епархій, нельзя не пожалѣть, что самая рациональная и дѣйствительная мѣра, къ которой вновь прибѣгли даже въ настоящее время съ цѣлію противодѣйствовать расколу⁶⁵⁾, въ то время не была вполнѣ приведена въ исполненіе. Даже въ тѣхъ епархіяхъ, гдѣ архіереемъ обращали не особенно большое вниманіе на расколъ, и тамъ расколъ или совсѣмъ нераспространялся, или распространялся очень слабо, по большей же части раскольники оставляли тѣ мѣста, гдѣ только встрѣчали дѣятельныхъ архіереевъ.

Что касается до другихъ мѣръ противъ раскола, узаконенныхъ этимъ соборомъ, то нужно замѣтить — они приводились въ исполненіе довольно дѣятельно и приносили свою долю пользы. Такъ по предложенію царя соборъ опредѣлилъ: не допускать вновь устроить часовень и пустынь, такъ какъ устрояютъ ихъ и молятся въ нихъ раскольники, пропagamируютъ и благодаря простосердечію простаго народа пріобрѣтаютъ имъ страдальцевъ и мучениковъ, а устроенныя уже безъ особаго разрѣшенія и неподчиненныя никакому духовному правительству или упразднить или обратить въ приходскія церкви⁶⁶⁾. Этою мѣрою особенно воспользовался Пятиримъ и успѣхъ былъ полный⁶⁷⁾.

Раскольническія движенія 1682 года побудили созвать новый соборъ въ Москвѣ, но на немъ не было выработано никакихъ новыхъ мѣръ, не было даже, строго говоря, разсужденій. Если предпринимались какія-либо мѣры, то мѣры, клонившіяся къ сохраненію собственной жизни и жизни другихъ отъ фанатическихъ раскольниковъ и стрѣльцовъ; разсужденій же не могло

⁶⁵⁾ Отчетъ оберъ-прокурора Св. Синода за 1865 и 1866 гг., стр. 19.

⁶⁶⁾ Акты истор., т. V, № 75.

⁶⁷⁾ Исторія низгород. іерархіи.

и быть: тамъ не можетъ быть разсужденій, гдѣ одна изъ сторонъ спорящихъ вмѣсто аргументовъ смѣла доказывать истинность своихъ убѣжденій, правоту своего дѣла—только крикомъ, кулаками и камнями. Единственными дѣятелями на этомъ соборѣ были патріархъ Іоакимъ и правительница царевна Софія; но патріархъ и царевна употребляли мѣры гражданскія и дипломатическія такъ-сказать, поэтому и толковать о нихъ мы не имѣемъ нужды ⁶⁸). Предположеніе о созваніи мѣстными епархіальныхъ духовныхъ соборовъ приведено было въ исполненіе только въ Сибири, которая по своему исключительному положенію и отдаленности отъ центра гражданской и церковной администраціи болѣе всего нуждалась въ такихъ совѣщаніяхъ. Въ 1681 году митрополитъ сибирскій Павелъ представлялъ патріарху Іоакиму открыть въ Сибири нѣсколько викаріатовъ и патріархъ далъ свое согласіе; но этому предположенію не суждено было, неизвѣстно по какой причинѣ, осуществиться ⁶⁹). Между тѣмъ расколъ здѣсь день ото дня усиливался, какъ отъ ссыльныхъ раскольниковъ, такъ и отъ того, что въ Сибири трудно было учинить правильный надзоръ за ними.

Въ 1682 году созванъ былъ духовный соборъ, на которомъ разсуждали о средствахъ ослабить расколъ въ Сибири. Въ томъ же году отъ духовнаго собора снова былъ представленъ докладъ патріарху Іоакиму объ умноженіи въ Сибири епархій по той причинѣ, что „для достиженія отъ Tobольска до Нерчинскихъ, Даурскихъ и Албазинскихъ и другихъ дальнихъ мѣстъ надобно употребить полтора или два года, и тамъ христіанская вѣра не распространяется, и противники св. церкви умножаются ⁷⁰). Но каедръ новыхъ и на этотъ разъ въ Сибири не было открыто. Докладъ этотъ пришелъ въ Москву кажется во время стрѣльчихихъ бунтовъ, когда патріархъ Іоакимъ озабоченъ былъ исключительно одними текущими дѣлами. Конечно ничто не препят-

⁶⁸) О соборѣ этомъ достаточно сказано Матвѣевскимъ въ статьѣ «патріархъ Іоакимъ въ борьбѣ съ расколомъ». Странникъ 1864 г. О томъ же соборѣ сочиненіе раскольническаго историка Саввы Романова «Исторія о вѣрѣ и челобитная о стрѣльцахъ».

⁶⁹) Журналъ Министерства Народнаго Просвѣщенія 1850 г., т. LXVIII, отд. V.

⁷⁰) Временникъ, т. XX. Журналъ Министер. Народнаго Просвѣщенія, т. LXVIII, отд. V.

ствовало патриарху Іоакиму открыть новыя каеедры въ Сибири, когда опасность со стороны стрѣлецкихъ и раскольниковскихъ бунтовъ миновалась; но въ то время существовало превратное понятіе о положеніи и матеріальномъ обезпеченіи архіерейскихъ домовъ: по понятіямъ того времени архіерей долженъ имѣть „всякое довольство“, другими словами—жить съ возможною пышностію. Но такъ какъ гражданское правительство, хотя и подымало вопросъ объ открытіи новыхъ каеедръ, не могло обезпечить архіерейскихъ домовъ, а богатыхъ монастырей въ восточной Сибири, да и въ западной, совсѣмъ не было, то и новыхъ архіерейскихъ каеедръ въ Сибири до Петра I не было открыто.

Около 15-ти лѣтъ спустя Филоею Лещинскій, поступившій епископомъ въ Сибирь, вновь возобновилъ дѣло объ епархіальныхъ мѣстныхъ соборахъ. Донося о состояніи своей епархіи въ религіозно-нравственномъ отношеніи и испрашивая разрѣшенія, какъ должно поступать съ раскольниками, Филоею просилъ разрѣшенія созывать мѣстные епархіальные соборы; но Петръ I, хотя создалъ Синодъ и Сенатъ, вовсе не желалъ дѣятельныхъ рѣшеній соборныхъ: Филоею получилъ отъ Музына-Пушкина относительно соборовъ епархіальныхъ положительный отвѣзъ ⁷¹⁾).

Вся разносторонняя дѣятельность духовенства въ разсматриваемый нами періодъ имѣла въ виду одну только цѣль — обращеніе раскольниковъ къ церкви. Къ той же святой цѣли направлены были и полемическія сочиненія противъ раскола. Въ нихъ духовенство входило во внутреннюю жизнь раскола, отвѣчало на всѣ запросы раскольниковъ, высказываемые устно и письменно, разрѣшало сомнѣнія разъясненіемъ спорныхъ пунктовъ, обличало неправомысліе, ошибки, пристрастіе, односторонность, невѣжество и клеветы раскольниковъ, слѣдило за всѣми даже малѣйшими движеніями въ религіозной, общественной и домашней жизни раскольниковъ. Въ этотъ періодъ явились слѣдующія сочиненія патриарха Іоакима ⁷²⁾ „О службѣ на семи про-

⁷¹⁾ Исторія Россіи Соловьева, т. XV, с. р. 126—127.

⁷²⁾ Смолр. о нихъ Обзоръ духов. литературы Филарета черниговскаго, стр. 353—354.

сооразъ и пѣніи старомъ“⁷³⁾ „О крестномъ знаменіи“ патріарха Адріана⁷⁴⁾ „О сложеніи трехъ первыхъ перстовъ на знаменіе честнаго креста“—Андроника, игумена Алексѣевского Углицкаго монастыря⁷⁵⁾. „Три посланія“ Игнатія митрополита сибирскаго, „Зерцало—великое постыженіе раскольниковъ“⁷⁶⁾ неизвѣстнаго автора, „Розыскъ о брынской раскольнической вѣрѣ“ св. Дмитрія митрополита ростовскаго, „О погребеніи въ пустыхъ мѣстахъ безъ молитвъ священника“, „О двуперстномъ и триперстномъ знаменіи креста“—Раваила краснопольскаго⁷⁷⁾ „Увѣщательный отвѣтъ отъ писаній въ опроверженіе нѣкоторой надменной раскольнической возмутительной тетрадки“—Іова митрополита новгородскаго⁷⁸⁾, „Знаменія пришествія антихриста“—Стефана яворскаго, митрополита рязанскаго и нѣкоторыя другія извѣстныя по каталогу рукописей и книгъ Румянцевскаго музея, Ундольскаго и др. Не всѣ эти сочиненія имѣютъ одинаковую важность и значеніе. Многія изъ нихъ не оказали особенно сильнаго вліянія на судьбу раскола и остались незамѣченными раскольниками; другія изъ нихъ слишкомъ кратки и остались только въ рукописяхъ; мы скажемъ только о болѣе важныхъ изъ нихъ, т.-е. тѣхъ, которыми по преимуществу пользовалась церковь въ борьбѣ съ расколомъ, которыя оказали болѣе или менѣе сильное вліяніе на расколъ и вызвали полемическія сочиненія со стороны самихъ раскольниковъ. Существо самаго дѣла требуетъ, чтобы при обзорѣни полемическихъ сочиненій все содержаніе ихъ было приведено въ единую цѣльную систему и рассмотрѣно было въ связи съ литературою и такъ-сказать съ общественнымъ и бытовымъ состояніемъ раскола, такъ какъ только такое обзорѣніе могло бы дать намъ ясное понятіе о томъ, насколько полно и всесторонне полемическая литература противъ раскола того времени охватываетъ жизнь раскола со всѣхъ сто-

⁷³⁾ Описание рукопис. Румянцевскаго музея, Востокова, стр. 788.

⁷⁴⁾ Обзоръ духовной литературы Филарета чернигов., стр. 364.

⁷⁵⁾ Тамъ же, стр. 381.

⁷⁶⁾ Тамъ же, стр. 371.

⁷⁷⁾ Тамъ же, стр. 378.

⁷⁸⁾ Словарь писателей духовн. чина, стр. 320.

⁷⁹⁾ Описание рукопис. Румянцев. музея № СССР, стр. 600—610.

ронъ, на сколько она была совершенна и насколько удовлетворяла потребностямъ времени. Но такое обозрѣніе можетъ сдѣлаться предметомъ для отдѣльной, обширной диссертаци; къ тому же предѣлы нашего сочиненія, планъ и время не позволяютъ намъ сдѣлать такого обозрѣнія, хотя оно и болѣе соотвѣтствуетъ существу дѣла. Мы укажемъ только на ближайшій поводъ и цѣль написанія известнаго полемическаго сочиненія; кратко замѣтимъ о содержаніи, достоинствахъ и недостаткахъ сочиненія и, гдѣ это возможно, разсмотримъ вліяніе его на ученіе и жизнь раскола. Послѣ соборнаго дѣянія 1666—67 годовъ, которое содержитъ въ себѣ не мало обличеній противъ раскольниковскихъ мнѣній и отдѣльною книгою было разослано по приходскимъ церквамъ для руководства⁷⁹⁾ первую полемическою книгою противъ раскола была книга „Жезлъ Правленія“, написанная по соборному повелѣнію Симеономъ Полоцкимъ (Сетіановичемъ) и изданная потомъ отъ лица собора и московскаго патріарха Іоасафа II. Не смотря на свой довольно значительный объемъ, эта книга написана Полоцкимъ въ самый краткій періодъ времени, именно отъ 18 мая до 13 іюля⁸⁰⁾. Поводомъ къ написанію „Жезла Правленія“ послужили челобитныя расколуучителей Никиты и Лазаря, поданныя ими государю съ тою цѣлю, чтобы онъ возстановилъ древнее православіе, т.-е. приказалъ отправлять богослуженіе по старымъ, по порченнымъ книгамъ. Суздальскій попъ Никита при патріархѣ Іосифѣ вмѣстѣ съ Аввакумомъ и Лазаремъ сидѣлъ на книгопечатномъ дворѣ и завѣдывалъ исправленіемъ церковно-богослужебныхъ книгъ. Вмѣстѣ съ другими при патріархѣ Никонѣ онъ удаленъ былъ съ книгопечатнаго двора. Послѣ того, какъ попытка уговорить суздальцевъ не принимать ново-исправленныхъ книгъ и побудить ихъ къ бунту не удалась, онъ „возревновалъ по благочестію, прошенія и книги жалобныя написавъ на ново-исправленные книги, во градъ царскій приходитъ и монарху оныя благоревностнѣ вдаетъ“, по словамъ Винограда Россійскаго. Это было около 1666 года. Государь передалъ его челобитную отцамъ собора 1666 года. Какъ отнесся къ этой челобитной соборъ 1666—67 годовъ, намъ извѣстно. Вся челобитная

⁸⁰⁾ Обзоръ духов. литературы Филарета, стр. 349.

Никиты состоитъ изъ 30 бездоказательныхъ обличеній на Скрижали и другія новоисправленные книги, заданныя при патріархѣ Никонѣ ⁸¹⁾ въ родѣ слѣдующихъ: „да въ Скрыжали на листѣ 566 напечатано: тако да имате смерть вашу, якоже и онъ, иже имать распятыя за нѣкое погрѣшенъе; и то, государь, напечатано отъ жидовскаго жесловіа на Христа хула“ ⁸²⁾. Да на листѣ 654 напечатано: „составленіе воплощенія Господня не по общему естеству нашему, ибо абіе явился совершенное съ плотію отроча, еже обрѣтесе во чревѣ... Вкупѣ со словами добраго нѣвѣщенія ангеламъ во ипостаси Бога Слова составился совершенная плоть“, и то, государь, ересь Арія, Аполлинарія, Несторія и Маркелла“ ⁸³⁾, да въ Скрыжали написано: начинаемое или преспѣвающее или совершаемое — не Богъ, и то явная хула на воплощеніе Христово“ ⁸⁴⁾ и такъ далѣе.

Никита по невѣжеству вооружается противъ такихъ мѣстъ Скрыжали, которыя буквально по смыслу взяты изъ твореній св. отцевъ, за что его главнымъ образомъ и осудилъ соборъ 1666 г. Вообще Никита въ однихъ обличеніяхъ своихъ, напр. въ 6-мъ, злонамѣренно раздвѣлялъ слова и толковалъ, какъ еретическія; въ другихъ относилъ ко Христу такія слова, которыя относятся въ преступнику, и отсюда выводилъ ересь, какъ напр. обличеніе 3; иногда пользовался неясностію перевода или отсутствіемъ знаковъ препинанія, какъ въ облич. 4; чаще же всего свидѣтельствовалъ о полномъ своемъ невѣжествѣ и незнаніи того, что долженъ былъ знать, какъ священникъ, напр. облич. 13, 15 и другія. Разбору этой-то челобитной Никиты и посвящена первая большая половина Жезла Правленія. Вторая часть посвящена разбору челобитной Лазаря. Лазарь былъ священникомъ въ городѣ Романовѣ. При патріархѣ Іосифѣ вмѣстѣ съ Никитою, Аввакумомъ и другими занимался исправленіемъ церковныхъ книгъ на книго-печатномъ дворѣ. Патріархомъ Никономъ былъ сосланъ въ Романовъ, а потомъ за распространеніе раско-

⁸¹⁾ Челобитная Никиты гораздо пространнѣе, чѣмъ какъ она приведена въ Жезлѣ правленія.

⁸²⁾ Обличеніе третье.

⁸³⁾ Обличеніе пятое.

⁸⁴⁾ Обличеніе 8-е.

ла — въ Сибирь (Тобольскъ). По низверженіи Никоѳа кажется вовращенъ былъ изъ ссылки. Находясь въ Москвѣ, онъ около 1666 года подалъ челобитную царю Алексію Михайловичу, а царь передалъ ее на судъ собора. Челобитную свою Лазарь писалъ въ обличеніе ново-исправленныхъ книгъ и главнымъ образомъ книги Скрижалъ. Вся челобитная состоитъ изъ 70-ти голословныхъ бездоказательныхъ обличеній. По внѣшней своей формѣ и по своему достоинству имѣеть много общаго въ челобитную Никиты. Плана, внутренней, даже внѣшней связи и послѣдовательности между этими обличеніями нѣтъ никакихъ. Всѣ эти обличенія подобны слѣдующимъ: „архіерея сдѣлали посохи со зміями и то взяли у жидовства, у савка и у мантей зvonцы многія, по чину Аарону“ (облич. 2-е); „возлюбили пѣніе Едлинское согласіемъ органнымъ“ (4-е облич.); „новіаты ввели въ символъ: его же царствію не будетъ конца, вмѣсто: нѣсть конца“ (облич. 5-е); и въ символъ подобаеть чести: И въ Духа святаго Господа истиннаго и животворящаго, а не вромѣ истиннаго“ (облич. 6-е); „въ новыхъ книгахъ напечатано: и видѣ глаголетъ Іезекииль: и се вѣтръ велій грядуще отъ сѣвера, а должно: „духъ велій“ (облич. 57-е); да въ новыхъ книгахъ напечатано: два естества Богочеловѣка. А въ правилѣхъ написано: аще кто именуеть Христа богомосна чelовѣка, да будетъ проклятъ. Достоинно намъ имѣти совершенна Бога и совершенна чelовѣка, а не Богочеловѣка“ (облич. 58-е). Челобитная Лазаря свидѣтельствуетъ о необыкновенномъ невѣжествѣ автора: всѣ его обличенія вытекають изъ этого именно источника. При крайнемъ недостаткѣ въ началѣ даже въ такихъ пустыхъ и ничтожныхъ по своему достоинству сочиненіяхъ, какъ челобитныя Никиты и Лазаря, за эти произведенія ухватились раскольникки и на нихъ ссылались, стараясь оправдать чѣмъ нибудь свой разрывъ съ церковью. Чтобъ показать, какъ ничтожны и невѣжественны эти челобитныя, на которыя ссылались раскольникки, порвавши связь съ церковью, соборъ и озаботился издаваніемъ такой книги, которая бы показала истинное значеніе этихъ произведеній и разъяснила существуетъ ли хотя какое-нибудь основаніе хулить новыя книги и обвинять церковь въ еретичествѣ. „На сей его (Лазаря) богомерзскій свитоць равно и на его бывшего прежде единомышленника попа Никиты живая обли-

челія, сооружи овященный соборъ книгу „Жезель Правленія“ именованную, въ ней же вся подробно ихъ клеветы и обличенія возобличаются: въ первой части Никитино буйствованіе отражается, во второй сего окаяннаго Лазаря безуміе объявляется, и хулы его жезломъи зъ чистаго сребра Божія Слова, и отъ Священныхъ Писаній и праведныхъ внословій сооруженнымъ посякаются“ ⁶⁵⁾. Имѣя въ виду опровергнуть мѣніе расколуучителей, что въ книгѣ Скрижалъ и другихъ новоисправленныхъ книгахъ заключается много древнихъ и новыхъ ересей, Симеонъ Полоцкій не упустилъ изъ виду и другихъ мѣній ложныхъ, распространенныхъ въ средѣ раскольниковъ, и поэтому опроверженію челобитныхъ предпослалъ довольно пространное предисловіе, въ которомъ опровергаетъ другія мѣнія раскольниковъ, не высказанныя въ челобитныхъ, но необходимо изъ нихъ выводимыя: „Въ церковно-богослужебныхъ книгахъ неисчислимое множество ересей древнихъ и новыхъ; значить истинной вѣры нѣтъ, она погибла; а такъ какъ эти ереси не только исповѣдуются, но и внесены въ книги представителями церкви — архіереями; то, слѣдовательно, нѣтъ въ русской церкви болѣе истинныхъ пастырей, нѣтъ истиннаго священства: „архіереи — не архіереи, церкви — не церкви, таинства — не таинства“ ⁶⁶⁾. Такъ всюду говорили раскольники (да и доселѣ говорятъ), такое заключеніе необходимо должно вывести, если признать справедливымъ, что въ новыхъ книгахъ находится такое множество ересей, сколько ихъ выставлено въ челобитныхъ Никиты и Лазаря. Несправедливость этого мѣнія и постарался опровергнуть Полоцкій въ предисловіи. Для своей цѣли Симеонъ Полоцкій рѣшаетъ два вопроса: сохранилась ли вѣра во всей ея чистотѣ? настоящие пастыри церкви русской истинные ли суть пастыри? Истинная вѣра необходимо должна сохраниться въ церкви, послѣку Христосъ обѣщавъ пребыть въ своей церкви до скончанія вѣка, и дѣйствительно пребываетъ Христосъ Спаситель, говоритъ Симеонъ Полоцкій, въ церкви своей, аки въ чертозѣ, выму пребываетъ, по оному обѣщанію: се Азъ съ вами во вся дни до скон-

⁶⁵⁾ Дополнит. акты истор., т. V, стр. 456.

⁶⁶⁾ Тамъ же.

чанія вѣла, аминь“⁸⁷⁾. Если же самъ Христосъ пребываетъ въ своей церкви, Самъ руководитъ земными представителями церкви; то какъ въ церковное ученіе можетъ вѣраться ложь, ересь, погрѣшность?

Для доказательства, что пастыри русской церкви суть истинные пастыри, Полоцкий показываетъ, какимъ пастырь долженъ быть по ученію Слова Божія и таковы ли пастыри русской церкви. „Св. апостолъ Павелъ говоритъ Тимоею: будетъ время, когда здраваго ученія принимать не будутъ, но по своимъ пристрастіямъ будутъ избирать себѣ учителей, которые бы льстили слуху, и отъ истины отвратятъ слухъ и обратятся къ баснямъ, и прилагаютъ такой здравый совѣтъ: но ты будь бдителенъ во всемъ, переноси скорби, совершай дѣла благовѣстника, исполняй служеніе твое. 2. Тимое. IV, 3. 4. 5. Вполнѣ слѣдуя апостольскому совѣту, мы умоляемъ васъ, о любимыя чада, со всякимъ долготерпѣніемъ и ученіемъ, и злостраждемъ, совершая дѣла благовѣстника: егда многія хулы, укоризны, досады, клеветы, злословія, хуланія долготерпѣливо страждемъ: обаче не отрѣваемъ васъ отъ дверей царствія небеснаго, не заключаемъ вамъ утробы милосердія Божія напрасно; но сторицею молимъ вы: обратитесь на путь истинный спасенія: присоединитесь тѣлу церкви Христовой“⁸⁸⁾. Такъ, конечно можетъ поступить только истинный пастырь. Слѣд., если раскольники говорятъ, что въ русской церкви нѣтъ болѣе истинныхъ пастырей, то клеветаютъ: неистиннымъ пастыремъ не можетъ быть тотъ, дѣла котораго согласны съ предписаніемъ апостольскимъ, и съ образомъ, начертаннымъ апостоломъ Павломъ для истиннаго пастыря церкви. Заключеніе это очевидно для всякаго, читавшаго это вступленіе. Далѣе. „На обязанности истиннаго пастыря, между прочимъ, должно лежать наставленіе на истину и обличеніе злобы“: и намъ, убо молившимъ вы о обращеніи къ церкви соборной, годствуемъ, еже обличити злобу расколочальниковъ, мятежниковъ, лжеучителей, иже не отъ живаго источника жаждущія души напоютъ, но отъ горькихъ водъ мертве, яже убиваетъ паче, неже оживляетъ“⁸⁹⁾. Намъ должно назвать ихъ тѣмъ именемъ,

⁸⁷⁾ Жезл. правленія, л. 9.

⁸⁸⁾ Тамъ же, л. 9 на оборотѣ.

⁸⁹⁾ Тамъ же, л. 10 на оборотѣ.

которымъ назвать ихъ Самъ І. Христось, говоря: не входя дверьми во дворъ овчій, но инуду прелазаяй, той есть тать и разбойникъ. И дѣйствительно они воры и разбойники; потому что, какими дверями они вошли „въ степенъ“ проповѣданія? Кто ихъ благословилъ это дѣлать? Сами похитиша дирою любочестія и славолубія... Такихъ татей и разбойниковъ, обкрадывающихъ и убивающихъ неповинныя души, необходимо должно отлучать отъ церкви и предать сатанѣ, которому они сами себя очевидно предали, служа ему ⁹⁰⁾. Но здѣсь-то особенно и обнаруживается что пастыри наши—истинные пастыри. Имѣя право и основаніе отлучать отъ церкви и общества христіанскаго лжеучителей, пастыри русской церкви не желаютъ воспользоваться своимъ правомъ: они всячески заботятся о возвращеніи заблуждающихъ, въ лоно церкви, „они не хотять имъ затворить утробу небе снаго милосердія. Какой отецъ не жалѣеть чадъ своихъ, хотя бы они были злонравны? Самъ царственный пророкъ сокрушался о смерти сына своего Авессалома, безнравственнаго и злаго, осквернившаго ложе отца и искавшаго смерти, восклицая: сыне мой Авессаломе, сыне мой, сыне мой Авессаломе! Такъ точно и мы, будучи истинными отцами и пастырями, сильно жалѣемъ даже возставшихъ на насъ дѣтей, ругавшихъ насъ, произносившихъ самыя неумѣстныя и нечѣпныя клеветы на всю церковь, и—не смотря на это, положили напередъ составить этотъ Жезлъ духовный для наставленія, прежде нежели рѣшили поразить непокорныхъ духовною казнію: мы наглядно укажемъ имъ заблужденія ихъ и истинность написаннаго въ Скрижали, дабы такимъ образомъ они обратились на истинный путь и избѣжали пораженія и духовнаго уничтоженія“ ⁹¹⁾. Теперь представляемъ вамъ этотъ Жезлъ съ единственною цѣлію, чтобы вы узнали, что если кто читаетъ Скрижаль и признаетъ все написанное въ ней православнымъ, тотъ достоинъ небесной манны; если же будетъ безумно хулить, тотъ достоинъ сокрушенія жезломъ желѣзнымъ. Избирайте сами, что вамъ угодно: манну или жезлъ, смерть или жизнь, какъ св. апостоль Павелъ сказалъ въ посланіи къ коринтеянамъ: „что хотите — съ паицею ли прииду къ вамъ

⁹⁰⁾ Тамъ же, л. 10 на оборотѣ.

⁹¹⁾ Тамъ же, л. 10 на оборотѣ и 11.

или съ любовію и духомъ кротости?⁴ Такъ и мы говоримъ вамъ: жезлъ ли казненія хотите, или хлѣба небеснаго общаицы быти? Конечно вы скажете — хлѣба небеснаго; но развѣ его можно получить, когда вы не признаете архіереєвъ, отъ которыхъ только и можно получить его: потому что о нихъ, вмѣстѣ съ апостолами, сказано: „слушай васъ Мене слушаетъ, отменяйся же васъ, Мене отменяется“ ⁵²). И неоднократно повторяемъ: „якоже выну молихомъ доселѣ, тако и нынѣ первѣе молимъ вы именовемъ Господа Бога и Спаса нашего Иисуса Христа: обратитесь, сынове человѣчестіи, докогда тяжкосердіи есте? вскую любите суетная ученія, и ищите жи?“ ⁵³).

Вступленіе это, проникнутое глубокимъ христіанскимъ чувствомъ, какъ нельзя болѣе соотвѣтствовало потребностямъ того времени и цѣли, для которой оно писалось. Раскольники говорили, что архіереи—не архіереи; здѣсь наглядно и ясно доказывалось, что архіереи Русской церкви—истинные пастыри, что вся ихъ дѣятельность вполне согласна съ тѣмъ образомъ истиннаго пастыря, который начертали І. Христосъ и св. Апостолъ Павелъ. Эта часть одна изъ самыхъ лучшихъ въ „Жезлъ Правленія“—и по тону кроткому и умѣренному, и по духу чисто-христіанскому, и по цѣли, и по отдѣлкѣ, и по принаровленности къ обстоятельствамъ. Трудно передать содержаніе „Жезла Правленія“: весь онъ состоитъ изъ „возобличеній“, т.-е. подробнаго и обстоятельнаго разбора всѣхъ обличеній, выставленныхъ Никитою и Лазаремъ въ своихъ челобитныхъ. Мы скажемъ только о методѣ и приѣмѣ, которые употреблялъ Полоцкій въ своихъ возобличеніяхъ, и достоинствахъ и недостаткахъ „Жезла Правленія“, какъ полемическаго сочиненія.

Мѣста Скрижали и другихъ новопечатныхъ книгъ, показавшіяся раскольникамъ ересями, представились такими уму расколоучителей или отъ неправильнаго чтенія нѣкоторыхъ мѣстъ, или отъ дѣйствительной темноты и неудачнаго перевода нѣкоторыхъ мѣстъ, которымъ раскольники при своей малообразованности и крайнемъ раздраженіи успѣвши усвоить смыслъ неправильный, или отъ несогласія нѣкоторыхъ мѣстъ книги

⁵²) Тамъ же, л. 11 и на оборотѣ.

⁵³) Тамъ же, л. 8 и на оборотѣ.

Свирякаль—съ удоренившимися ложными обычаями и взглядами русскихъ грамотниковъ того времени, или—наконецъ—отъ злонамереннаго искаженія и неправильнаго чтенія нѣкоторыхъ мѣстъ.

Опровергая челобитными Никиты и Лазаря, Полоцкiй послѣдовательно разбираетъ каждое обличенiе челобитной и довольно ясно показывается—и отъ чего произошло такое неправильное мнѣнiе и какъ нужно понять невѣстное мѣсто; или, если оставшася раскольниками—укоренившееся мнѣнiе, происшедшее отъ внесенiя ложныхъ мыслей въ печатныя книги безграмотными справщиками, то онъ считаетъ нужнымъ основательно опровергнуть это мнѣнiе, показывая его несообразность и произвольность. Въ другихъ мѣстахъ Полоцкiй обнаруживаетъ крайнюю недобросовѣстность⁵⁴⁾, безтактность и безцѣльность нападений раскольниковъ доказывая, что раскольники сами въ другихъ случаяхъ дѣлаютъ тоже самое, или въ другихъ мѣстахъ читаютъ такъ же⁵⁵⁾, гдѣ требуется осылается на истинно-апостольскую древность⁵⁶⁾. Но такъ какъ расколо-учители по крайнему своему невѣжеству чаще всего вооружались противъ таиныхъ мѣстъ, которыя принадлежать тѣмъ или другимъ св. отцамъ церкви, то Полоцкiй, указывая, у кого изъ отцевъ церкви взято мѣсто буквально или по смыслу, тѣмъ самымъ обезоруживалъ раскольниковъ и отнималъ у нихъ средство повторять впродъ подобныхъ нехлыпы обвиненiя⁵⁷⁾. Иногда самое возраженiе проистекало отъ невзнанiя грамматики и риторическаго оборотовъ,—Полоцкiй объяснялъ въ чемъ здѣсь дѣло. Тамъ напримѣръ въ 15 обличенiи Лазаря говорится: „въ вѣтенiяхъ о боярѣхъ и его (царя) не говорятъ; а говорятъ вѣето того, палаты каменныя и воинство палатное, а не царевъ“. Полоцкiй пишетъ: „палата же егда воспоминается, что ино знаменуемъ, точио весь синялнть царскiй, сходящiйся въ царюи палаты? Се же чрезъ образъ грамматическiй и риторическiй именуемый Сунедохе, еже различными образы бываесть, егда едино изъ другаго конитъ

⁵⁴⁾ Тамъ же, л. 80 на оборотѣ 100, 102.

⁵⁵⁾ Жезль Правленiя, л. 98 на оборотѣ 101, 105 на оборотѣ 108, 111 на оборотѣ 112, 114, 117 и на оборотѣ 119 и на оборотѣ.

⁵⁶⁾ Тамъ же, л. 51 на оборотѣ 52, 59, 106, 107.

⁵⁷⁾ Тамъ же, л. 23, 25.

либо обычаемъ познается: яко здѣсь отъ едержанія полноты, содержимый синаидить разумѣется“⁸⁸⁾. Или въ 23 обличеніи Лазарь говоритъ: въ служебницѣ начертано, еже священнику причащающуся честныя крови Христовы, глаголати въ себѣ: причащаюся азъ рабъ Божій (имя рекъ). Та же рѣчь есть латинскихъ поповъ: они бо крещаютъ и причащаютъ тако глаголюще: крещаяю ты и причащаяю ты азъ моль (имя рекъ)“⁸⁹⁾. Полоцкій въ возобличеніи говоритъ: „подобіе же вами приводимое есть не подобіе: ибо велие есть разнотіе еже глаголати: причащаюся и крещаяю ты. Оное бо есть залога страдательнаго; оіе же дѣйствительнаго; дѣйствительнаго же съ страдательнымъ есть подобіе таково, каково небо съ землею“⁹⁰⁾. И вообще Симеонъ Полоцкій не пренебрегалъ никакимъ средствомъ для того, чтобы проще и нагляднѣе объяснить раскольникамъ ихъ недоразумѣніе и обратить ихъ къ церкви. Въ авторѣ „Жезла Правленія“ видно обширное и глубокое знаніе отеческихъ писаній, основательное знакомство съ церковною исторіею, знаніе св. Писанія и толкованія, діалектическая ловкость и умѣніе пользоваться своими научными орудіями. „Жезлъ Правленія“ имѣетъ въ себѣ всѣ достоинства полемическаго сочиненія: ясность, наглядность, убѣдительность, полноту и опредѣленность. Ко всѣмъ этимъ достоинствамъ должно прибавить еще то, что вся книга написана прекраснымъ славянскимъ языкомъ, рѣчь по мѣстамъ украшена цвѣтами риторикъ, но умѣренно. Но вмѣстѣ съ этими достоинствами въ „Жезлъ Правленія“ не мало и недостатковъ. Чувствуя громадное умственное научное превосходство и увлекаясь при разборѣ обличеній Никиты и Лазаря, Полоцкій иногда допускаетъ неумѣстныя доказательства, которыя не только не могли расположить раскольниковъ къ принятію объясненія и опроверженія, но должны были сильнѣе раздражить раскольниковъ и дать имъ новый поводъ къ невыгоднымъ заключеніямъ, какъ о книгѣ, такъ и о защитникѣхъ. Стараясь доказать, что должно писать Исусъ, а не Ісусъ, Полоцкій въ ряду другихъ доказательствъ помѣстилъ и слѣдую-

⁸⁸⁾ Тамъ же, л. 82.

⁸⁹⁾ Тамъ же, 93, на оборотѣ л. 95 на оборотѣ 98, 99 на оборотѣ 101 на оборотѣ 107 на оборотѣ 118 и на об. 43 на об. 44, 19.

шее: „Еще вѣдательно есть, яко една отъ Сивиллъ прорицаше е имени Мессіа глаголюще: яко имя Его исполнить число осемь сотъ осмдесятъ и осемь: не доляется же сіе число гречески пишлемымъ именемъ Іисуса, отъ него же: аще отыметса письма и, разорится сія тайна.“¹⁰⁰⁾ Увеличеніе, а отчасти и быстрота, съ которою написанъ „Жезлъ Правленія“, кажется, были причиною того, что въ Жезлѣ встрѣчается слишкомъ много иностранныхъ словъ, которыя на югъ Россіи по близкому соедѣству съ Польшею получили право гражданства, но были совершенно неизвѣстны въ сѣверо-восточной Россіи¹⁰¹⁾.

Но главный и существенный недостатокъ Жезла Правленія неуимѣренный, бранчивый и часто до шеприличія ругательный тонъ. При разборѣ обличеній, приводя свидѣтельства изъ отеческихъ писаній, исторіи и древнихъ рукописей, онъ не довольствуется спокойнымъ наложениемъ дѣла, но обзываетъ раснолучителій самыми бранными словами и безъ этой брани не обходится почти ни одно „возобличеніе“. „Ты клеветаша, окаянне, говорить онъ Никитѣ, свинія еси, попирающая бисера; вепрь еси густный въ царскомъ вертеградѣ, лисъ еси, губий мноградъ церковный... Гоняйте его, яко змія ядовитаго“, что ссародный возлищъ съ садъ и свинія въ вергъ, то безумный Никита въ чтеніи и разумніи божественнаго писанія: якобы возлищъ благая и плодоносная дресеса обзываетъ и губить, свинія же евернымъ носомъ вертоградъ рвѣетъ и ничтожествуетъ: тако и ожотоумный Никита сотвори въ садъ благо-плодовитомъ“. Въ другомъ мѣстѣ онъ говоритъ тому же Никитѣ: возобличимъ тя подробно и хоцемъ явъ вебимъ православнымъ показати твоє безуміе и немскусство и слѣпоту разума тоего, яко имѣя очи ни видѣши, и уши имѣя не слышиши. Клеветаша окаянный на церковной нивѣ родитися клеветомъ еретическимъ. Свинія еси, попирающая бисеры, не зная имъ цѣны“¹⁰²⁾. И вообще онъ сравниваетъ Никиту съ совою¹⁰³⁾, съ слѣпымъ¹⁰⁴⁾, съ желуд-

¹⁰⁰⁾ Тамъ же, л. 79.

¹⁰¹⁾ Тамъ же, л. 73 на оборотѣ 79 на оборотѣ 114 на оборотѣ 119, 122, 43, 51, 60, 64.

¹⁰²⁾ Тамъ же, л. 23 на обор. 33, 38, 22 на оборотѣ.

¹⁰³⁾ Тамъ же, л. 18—20.

¹⁰⁴⁾ Тамъ же, л. 25.

комъ ¹⁰⁵⁾, съ сатаной ¹⁰⁶⁾, съ песомъ ¹⁰⁷⁾, съ апокалипсическими зміями ¹⁰⁸⁾, испускающими за женою рѣку и многими друг. Не лучше отзывается и о Лазарѣ. „Твое обличеніе, говоритъ онъ, одлевати паче и обругати подобаетъ и уста живая жезломъ, аки поу лающему, заградити, неже отвѣтъ дати“, и называетъ его безумнымъ клеветникомъ и невѣждою, злобинномъ, орудіемъ отца лжи, начальникомъ хитрословія, апокалипсическимъ звѣремъ и тому под. ¹⁰⁹⁾. Положимъ, что такой грубый тонъ обличенія былъ вызванъ еще болѣе грубыми и безтолковыми нападками расколуучителей; тѣмъ не менѣе — это недостатокъ въ Жезлѣ Правленія и недостатокъ очень важный, тѣмъ болѣе, что Жезлъ Правленія издаваемъ былъ отъ имени собора и имени патріарха Іоасафа, рѣчь которыхъ должна отличатся большимъ спокойствіемъ и снисхожденіемъ. Имѣла ли какой успѣхъ эта полемическая книга? Не смотря на свои недостатки она имѣла по всей вѣроятности успѣхъ немалый. Прежде всего она разрѣшила сомнѣнія тѣхъ, которые колебались — остаться ли имъ въ союзѣ съ церковію или же порвать этотъ союзъ, а этихъ сомнѣвающихся, нужно замѣтить, было немало. Многие, если не становились открыто на сторону раскола и не ратовали за него, но и не обличали: „Жезлъ Правленія“, разоблачивъ заблужденія раскольническія, тѣмъ самымъ показавъ истинный смыслъ сомнительныхъ мѣстъ и сомнѣвающихся возвратилъ церкви. Потому книга Жезлъ не оставалась не замѣченной раскольниками: они читали ее, и противъ одного возражали, противъ другаго не могли возразить ничего и выкидывали изъ своей странной системы вѣроученія. Еще Никита на соборѣ 1662 года говорилъ, что онъ во многомъ несогласенъ съ возобличеніями Жезла Правленія на его челобитную, особенно же вооружался противъ того, что не всѣ его обличенія вызвали возобличенія; — значить Никита читалъ и провѣрялъ Жезлъ; тоже конечно дѣлали и другіе раскольники. Впослѣдствіи эта книга, какъ и другія по-

¹⁰⁵⁾ Тамъ же, л. 25 на оборотѣ.

¹⁰⁶⁾ Тамъ же, л. 34.

¹⁰⁷⁾ Тамъ же, л. 56 на оборотѣ.

¹⁰⁸⁾ Тамъ же, л. 14.

¹⁰⁹⁾ Тамъ же, л. 70, 81, 82, 100 на оборотѣ 102 и проч.

лемическія, вызвала со стороны раскольниковъ возраженія, откуда можно заключать, что эта книга не давала покою старообрядцамъ. Противъ Жезла, какъ извѣстно, писали: Семень Денисовъ ¹¹⁰⁾, составитель поморскихъ отвѣтовъ ¹¹¹⁾ и чернораменскихъ вопросовъ ¹¹²⁾, Данила Матвѣевъ, житель выгорѣцкой киновіи ¹¹³⁾. Въ XVII вѣкѣ противъ этой книги писалъ неизвѣстный раскольникъ, сочиненіе котораго помѣщено въ одномъ раскольниковьскъ сборникѣ этого вѣка ¹¹⁴⁾. Наконецъ книга Жезла Правленія значительно совратила число пунктовъ, на которые раскольники указывали, какъ на ереси въ новопечатныхъ книгахъ. Послѣ выхода въ свѣтъ Жезла Правленія многія изъ раскольниковьскъ мѣній, высказанныхъ Никитою и Лазаремъ, не повторялись болѣе раскольниками, хотя раскольники, какъ извѣстно, охотно вѣрятъ въ истину всего сказаннаго и упорно держатъ, только бы это сказанное принадлежало кому-либо изъ ихъ древнихъ учителей. Такъ изъ челобитной Никиты 2, 4, 5, 6, 8, 9, 10, 11, 12, 16 и 27 обличенія не повторялись болѣе ни однимъ изъ послѣдующихъ расколоучителей ¹¹⁵⁾; изъ челобитной Лазаря болѣе не повторялись обличенія 8, 15, 41, 53, 57, 58 и 68 ¹¹⁶⁾. Это мы имѣемъ полное основаніе приписывать дѣйствию Жезла Правленія.

Послѣ „Жезла Правленія“ немного спустя явилась вторая полемическая книга противъ раскола — „Увѣтъ Духовный“ патриарха Іоаннима. Ближайшимъ поводомъ къ написанію ея послужило слѣдующее обстоятельство.

Послѣ Стрѣлецкаго бунта въ Москвѣ начался непосредственно другой бунтъ—раскольнический. Еще до собора Никита, требовавшій открытаго собора на площади, говорилъ Хованскому

¹¹⁰⁾ Каталогъ Павла Любопытнаго № 581, стр. 127.

¹¹¹⁾ Поморскіе отвѣты, л. 34 на оборотѣ 74 на оборотѣ 121 на обор. 137 на обор. 138, 206 на обор. 263, 274 на об. 278 на об. 284, 285, 287 на об. 322 на оборотѣ 335 на об. 336 на об. 345 на оборотѣ. Рукопись курской духовной семинаріи.

¹¹²⁾ Пращица вопр. 188, 197, 198, 199.

¹¹³⁾ Библиографія Павла Любопытнаго, стр. 80, № 267.

¹¹⁴⁾ Указатель книгъ библиот. Ундольскаго въ отдѣлѣ «Смѣсь».

¹¹⁵⁾ Описание раскольник. сочиненій Александра В., ч. II, стр. 79.

¹¹⁶⁾ Тамъ же, стр. 89.

давно заученную рѣчь: „пріидокомъ здѣ великимъ государемъ челомъ побить и старой православной христіанской вѣрѣ, чтобы велѣли патріарху и властемъ служить по старымъ службникамъ, также и книги всѣ были бы во святыхъ церквахъ старыя; и служили бы на 7 просѣорахъ, а не на 5, а крестъ бы былъ на просѣорахъ истинный трисоставный... А буде патріархъ не изволятъ по старымъ книгамъ служить: они бы великіе государи велѣли ему, патріарху, чтобы онъ съ нами далъ свое праведное равсмотрѣніе, за что онъ, патріархъ, по тѣмъ старымъ не служить и инымъ возбраняеть... И есть ли въ старыхъ книгахъ какія ереси или ная не право... И благочестивы ли были, кои по ихъ служили и пѣли прежніе цари и великія князи и святѣйшіе патріархи или не благочестивы, и онъ бы патріархъ въ томъ на писемѣ далъ намъ отвѣтъ, а мы въ ихъ новыхъ книгахъ всякія затѣйки и многія ереси ихъ, Богу помогающу намъ, въ конецъ обличимъ“ ¹¹⁷). Разглашая всюду и всѣмъ, Никита наконецъ достигъ того, что сдѣлалось „много смятенія въ народѣ: ови хвалили новую вѣру, а нии старую“, хотя эти хулившіе новую вѣру въ первый разъ узнали изъ челобитной Никиты про такое обиліе ересей. Самъ Никита на соборѣ говорилъ: „на меня Жезлъ книгу сложилъ Симеонъ Полоцкій; а противъ той челобитной и пятой части нѣтъ отвѣту. А изволишь, государыня, противъ Жезла того мнѣ отвѣщать и я нигдѣ его очищу“ ¹¹⁸). И такъ положительное требованіе со стороны раскольниковъ дать прямой отвѣтъ о старыхъ и новыхъ книгахъ, неудовлетворительность и главное — неполнота даннаго отвѣта церковью и колебаніе нѣкоторыхъ въ вѣрѣ побудили патріарха Іоаннима написать „Увѣтъ Духовный“.

Раскольники требовали прямого положительнаго отвѣта о новыхъ и старыхъ книгахъ. Чтобы дать такой отвѣтъ патріархъ Іоаннѣмъ въ I-й части своего „Увѣта“ излагаетъ самую подробную исторію книжнаго исправленія при Никонѣ патріархѣ, говорить о всѣхъ соборахъ, бывшихъ по этому поводу, о всѣхъ замѣчательныхъ рукописяхъ и книгахъ, которыми руководились при исправленіи церковно-богослужебныхъ книгъ. Возможное ли

¹¹⁷) Исторія Саввы Романова.

¹¹⁸) Тамъ же.

дѣло, чтобы іерархи греческой и русской церкви, и воѣ ученые люди того времени, располагая такими средствами, испытывая, рассматривая и провѣряя самымъ тщательнымъ образомъ каждый пунктъ, могли впасть въ ошибку, или, что еще невѣроятнѣе захотѣли впасть въ ошибку, умышленно внести ересь? Иако живъ ходъ дѣла книжнаго исправленія и описавъ послѣдній раскольничій мятежъ и дерзость раскольниковъ, онъ убѣждаетъ всѣхъ своихъ пасомыхъ вѣрить истинѣ сказаннаго, указывая при этомъ, что ему, Іоанниму, покрытому сѣдинами и стоящему уже не далеко отъ гроба, нѣтъ расчета обманывать. „Всякій да выкинетъ въ это мое увѣщаніе, говоритъ онъ, — да не буду иотязанъ въ пришествіе Господне за то, что не возвѣстия истиннымъ людямъ. Не столько скорблю о себѣ, сколько о васъ, чтобы не отпали члены Христовы. Намъ извѣстно, что мы на скорби родились, ибо Самъ Господь сказалъ: „въ мѣрѣ скорбни будете“; потому, хотя намъ угрожали всякими смертями и укоризнами, деревья на церковь Божию, мы благодушествуемъ. Многи суть напастей волны и люта потопленія, но не боимся, ибо на камень стоимъ; пусть волнуется море и неистовствуетъ, но корабля Іисусова не можетъ потопити. Чего убоимся? смерти ли? но Христосъ для насъ жизнь и смерть—пріобрѣтеніе, по словамъ апостольскимъ: ваша любовь ииѣ служитъ свѣтомъ въ сей жизни и соизбѣгаетъ вѣнецъ въ будущей. Говорю сіе въ уши слышащимъ, возбуждая ихъ къ послушанію. Касательно же того, что ложно пишутъ противныи церкви, будто мы новыи книги и вѣру пріобрѣли, — то если сіе справедливо, да буду достоинъ клятвы и не вочтуся во яребій епископства. Свидѣтель моеи души Господь, которому служу не укоризненною совѣстію, вѣруя спастися его страданіями: никогда не хотѣлъ я слышать нововодимыхъ преданій и иного ученія, кромѣ того, что изначала предали намъ самовидцы Божія Слова и святые отцы вселенскихъ соборовъ. Такъ содержимъ, и вѣруемъ, и пріемлемъ греческія и славянскія древнія книги, писанныя отцами, а не новыя, и се пишу вамъ по истинѣ, да не соблазнитесь. Если кто внемлетъ моему гласу и сотворитъ волю Господню, спасенъ будетъ; не внемлющій же подлежитъ не только архіерейской клятвѣ, но и всѣхъ св. отецъ, которые книги сіи писали, по слову Господню: „яже свяжете на земли, будутъ связана на небесахъ“. Внемлите же тѣмъ,

кому дана сія власть; не послѣдуйте безразсудно престыимъ невѣждамъ, которые не могутъ подать никакой святости; бѣгите зла, возлюбите законъ Божій и церковь Его непорочную, въ которой нѣтъ соблазна и мада ваша будетъ многа на небесахъ ¹¹⁹⁾. Во второй части Увѣта патриархъ Іоакимъ даетъ самый подробный и обстоятельный отвѣтъ на 25 статей челобитной. Подобно Симеону Полоцкому онъ вначалѣ выписываетъ статью изъ челобитной и потомъ начинаетъ разборъ этой статьи. Онъ начинаетъ разборъ челобитной съ самаго перваго ея слова. Раскольники такъ начинаютъ свою челобитную: „бьютъ челомъ св. восточныя церкви Христовы царскіе богомольцы, священническій и иноческій чинъ и православные христіане, отричь тѣхъ, которые новымъ Никоновымъ книгамъ послѣдуютъ, а старыя хулятъ“. Кто же именно бьетъ челомъ и на кого? спрашиваетъ патриархъ, и почему въ челобитной ничьихъ рукъ не приложено? Написали въ ней всѣ христіане, все государство, а не написали, какіе именно люди новымъ книгамъ слѣдуютъ, а старыя хулятъ. Не коварная ли это лесть для возмущенія русскихъ къ кровопролитію? Въ то время, когда подавали челобитную, въ государственной палатѣ, предъ царскимъ величествомъ собраны были всѣ архіереи русскіе, весь освященный соборъ и царскій синодъ, люди всѣхъ чиновъ и всѣхъ полковъ выборные и никто не былъ въ согласіи съ челобитчиками, но проливали слезы, видя такіе возмутительные замыслы простыхъ мужиковъ къ погибели всѣхъ. Писано въ челобитной: „вѣра измѣнилась, цари изнемогли, архіереи пади“! и вотъ: кому подавали ее, тѣхъ самыхъ и назвали неправой вѣрой, говоря: „чтобы великіе государи высекли старое правдѣю и дѣда ихъ благочестіе“, отца же ихъ и брата, блаженныя памяти благочестивыхъ царей, не упомянули. Не ясно ли, что они почитали самихъ царей не благочестивыми и не въ правой вѣрѣ живущими? Не есть ли это дѣло злоумышленныхъ завѣждъ, съ которыми бы не слѣдовало заводить рѣчь, ибо никто не бьетъ челомъ, кромѣ ихъ, а гдѣ было жекать большаго свидѣтельства, если не въ царской палатѣ? Но завѣжды приняли себя во главу возмутителя и отступника, изверженный изъ св.

¹¹⁹⁾ Увѣтъ Духовный, л. 70—72.

первыи членъ; а за такимъ возжомъ какіе добрые люди могли идти¹²⁰⁾.

Было бы утомительно долго излагать содержаніе каждаго отвѣта патріарха Іоакима на статьи челобитной, замѣтимъ только о приемахъ, которые употреблялъ Іоакимъ въ своемъ „Увѣтъ“ при разборѣ статей челобитной. Нѣкоторые мѣста новопечатныхъ книгъ были признаны раскольниками еретическими по недоразумѣнію. Такъ напр. въ первой статьѣ челобитной написано было: будто упоиаконіи Дамаскинъ въ словѣ, помѣщенномъ въ Никоновской Опріжгали, повелѣваетъ ходить христіанамъ по татарски, безъ крестовъ. Патріархъ приводитъ подлинныи слова Дамаскина, объясняетъ и такимъ образомъ опровергаетъ нелѣпую выдумку¹²¹⁾. Другія мѣста признаны еретическими вълѣдствіе неудачной разстановки словъ въ переводѣ, нѣкоторой смѣшанности и по незнацію грамматики. Такъ напр. статью 5-ю раскольники хотѣли доказать: будто въ новомъ требникѣ напечатана молитва къ лукавому духу: потому что слова—„Господи“ и „духъ лукавый“ стоятъ рядомъ и можно подуматъ, что слово „молимъ“ относится къ духу лукавому. Патріархъ говоритъ, что не одинъ грамотный не можетъ такъ думать, и объясняетъ имъ въ какомъ падежѣ стоятъ — „Господи“ и въ какомъ „духъ лукавый“; еслибы молитва была обращена дѣйствительно къ злому духу, какъ говорятъ раскольники, то должно стоять не духъ, а „душе“, т. е. звательномъ падежѣ, въ какомъ и стоитъ „Господи“¹²²⁾.

Иногда раскольники по неразумной ревности, а больше по желанію, однажды ими высказанное выставятъ какъ дѣйствительную истину, выдавали въ противорѣчіе,—обвиняли православныхъ въ томъ, что на практикѣ сами дѣлали; въ такомъ случаѣ патріархъ указывалъ на это противорѣчіе. Въ седьмой статьѣ своей челобитной раскольники обвиняли православныхъ за четвероконечный крестъ, называя этотъ крестъ *кримемъ*, понимая это послѣднее слово въ бранномъ смыслѣ. Патріархъ прежде указываетъ на невѣжество раскольниковъ, объясняя имъ, что

¹²⁰⁾ Тамъ же.

¹²¹⁾ Увѣтъ духовный статья 1-я.

¹²²⁾ Тамъ же, статья 5-я отвѣтъ на нее.

слово „крыжъ“ есть польское и значить тоже, что и „крестъ“ по славянски; потомъ спрашиваетъ ихъ: не тоже ли самое дѣлають раскольники? не четвероконечнымъ ли крестомъ знаменуютъ ихъ фамихъ священники, когда помазуютъ масломъ отъ иконы, въ навечеріе праздниковъ или когда помазуютъ миромъ младенцевъ? Наконецъ? приводитъ множество свидѣтельствъ древнихъ въ защиту четвероконечнаго креста: четвероконечными крестами, говоритъ онъ, испещрены всѣ древнія облаченія, четвероконечную форму имѣеть древнѣйшій изъ русскихъ крестовъ такъ называемый Корсунскій, который носятъ во время совершения крестныхъ ходовъ; четвероконечную же форму имѣеть крестъ царя Константина, хранящійся въ Корсунскомъ крестѣ¹²³⁾. Раздраженіе раскольниковъ, движимыхъ религіознымъ фанатизмомъ, отнимало у нихъ возможность видѣть дѣло въ его настоящемъ свѣтѣ и побуждало говорить невѣроятное и невозможное. Въ 17-й статьѣ челобитной раскольниковъ обвиняли православныхъ въ томъ „будто въ новыхъ служебникахъ напечатаны молитвы, не по преданію св. отецъ и несходно съ тѣми харатейными, которыя писали за пять (и шесть сотъ лѣтъ въ Соловецкой обители“. Патріархъ прежде всего указываетъ на очевидную ложь раскольниковъ въ этомъ обвиненіи: Соловецкій монастырь существуетъ только 220 лѣтъ, и потомъ исчисляетъ всѣ древнѣйшіе харатейные служебники новгородскіе и московскіе, которые главнымъ образомъ приняты были за основаніе при исправленіи церковно-богослужебныхъ книгъ¹²⁴⁾. При случаѣ патріархъ напоминалъ раскольникамъ, къ какимъ уловкамъ прибѣгали иногда ихъ учителя, чтобы доказать то или другое изъ своихъ положеній — подчисткамъ, выскабливаніямъ и надписямъ по своему. Между прочимъ патріархъ Іоакимъ ссылается на книгу, отобранную у раскольниковъ по окончаніи бунта, въ которой діаконъ Феодоръ сдѣлалъ, впрочемъ довольно неудачно, подчистки и новыя надписи. Вообще патріархъ Іоакимъ употреблялъ для своихъ возобличеній тотъ приемъ, который болѣе всего соответствовалъ существу известнаго возраженія или обвиненія, выставленнаго раскольниками въ своей челобитной. Указавши

¹²³⁾ Увѣтъ духовный, статья седьмая и обличеніе.

¹²⁴⁾ Тамъ же обличеніе и отвѣтъ 17-й.

на законность сдѣланной въ книгахъ поправки, патріархъ подтверждаетъ истинность сказаннаго имъ такими свидѣтельствами, которыя на этотъ разъ должны быть особенно убѣдительны.

Имя подъ руками Жезла Правленія и много заимствуя изъ него, патріархъ Іоакимъ старался по возможности избѣгать тѣхъ недостатковъ, которыхъ немало въ Жезлѣ. Патріархъ лучше очевидно понималъ задачу полемическаго сочиненія; не упускалъ изъ виду уровня образованія тѣхъ, для которыхъ эта книга предназначалась.

Рѣчь Увѣта отличается бѣльшею простотою, — сравнительно съ рѣчью Жезла: въ ней нѣтъ изысканныхъ витіеватыхъ оборотовъ, той напыщенности и самоуслажденія при разборѣ раскольническихъ обвиненій, которыми дышетъ каждая страница Жезла. Патріархъ Іоакимъ болѣе разборчивъ и въ выборѣ доказательствъ. Приводя доказательства, патріархъ Іоакимъ очень часто указываетъ, гдѣ и какою образомъ можно проверить истинность сказаннаго, и совершенно не допускаетъ такихъ доказательствъ, какъ ссылка Полоцкаго на Сивиллы; иностранныхъ выраженій почти совсѣмъ не встрѣчается.

Но при всѣхъ своихъ достоинствахъ „Увѣтъ духовный“ патріарха Іоакима не свободенъ отъ недостатковъ. Подобно Полоцкому патріархъ Іоакимъ пересыпаетъ свою рѣчь и свои обличенія бранью, ругательствами, значительно унижающими достоинство этого полемическаго сочиненія. „Безумные“, „окаянные“, „псы бѣсніи“ и т. подобныя названія Іоакимъ постоянно прилагаетъ къ раскольникамъ. Въ первое время полемики, въ особенности послѣ открытаго возстанія раскольниковъ, когда обѣ стороны были крайне раздражены, трудно и ожидать хладнокровнаго отношенія къ дѣлу; но все-таки брань должна была дѣйствовать отталкивающимъ образомъ на раскольниковъ.

Имяло ли какой-либо успѣхъ это полемическое сочиненіе и принесло ли какую либо пользу духовенству въ борьбѣ съ расколомъ, было-ли замѣчено самими раскольниками? На этотъ вопросъ можно отвѣчать положительно, судя по тому, что это сочиненіе вызвало не мало сочиненій со стороны раскола, въ которыхъ раскольники старались сдѣлать хотя какое-либо возраженіе противъ каждой статьи Увѣта.

Въ 1683 году на запросъ царскій:—что сдѣлано противъ раскола и обращаются ли раскольники?—архіепископъ Велико-Устюжскій отвѣчалъ такъ: „Въ грамотѣ о Св. Духѣ отца нашего патріарха Іоакима написано... вопиися о овцахъ погибающихъ¹²⁵⁾, съ прїѣзду моего въ разныхъ мѣсяцахъ и числахъ, Устюга посаду и Устюжскаго уѣздовъ, по извѣту приходскихъ поповъ и дьяконовъ и церковныхъ причетниковъ на раскольнивовъ, многіа люди на домовый дворъ мужска и женска полу привошены; и они многую противность о благочестіи предо мною въ расиросныхъ своихъ рѣчахъ, расколъ и уперность великую чинили. И тѣ раскольныя люди, ово ученіемъ и умоленіемъ и въ монастырѣхъ живучи подѣ началомъ ко благочестію приступили...; а иные слушая по пастырской книгѣ „Увѣту“ то здравое ученіе многіе къ церквамъ Божиимъ и ко исповѣди приходили и прежнее свое зло, раскольное ученіе, покинули“...¹²⁶⁾. Не забудемъ, что Пятиримъ—епископъ Нижегородскій оставилъ расколъ главнымъ образомъ по вліянію книги „Увѣтъ“. Само духовенство придало Увѣту особенно важное значеніе¹²⁷⁾. Намъ неизвѣстно, такъ-ли было благотворно дѣйствіе Увѣта въ другихъ мѣстахъ, какъ въ епархіи Устюжской, но и однихъ этихъ данныхъ достаточно для заключенія, что Увѣтъ сильно поколебалъ раскольниковъ и что лучше изъ нихъ обращались въ церкви.

Какъ сильно подѣйствовало Увѣтъ на раскольниковъ и какія возбуждалъ мысли въ средѣ ихъ, можно видѣть изъ содержанія раскольническихъ сочиненій, направленныхъ противъ Увѣта. Въ этихъ сочиненіяхъ раскольники не оставили ни одного пункта Увѣта, противъ котораго не сдѣлали бы они возраженія, объясненія или оправданія. Мы не имѣемъ нужды излагать здѣсь, противъ какихъ пунктовъ писали раскольники и что именно писали; для нашей цѣли достаточно указать только на раскольническихъ писателей и ихъ сочиненія противъ Увѣта. Больше всѣхъ останавливался на Увѣтѣ Денисовъ въ своемъ „Виноградѣ Россійскомъ“¹²⁸⁾ и особенно въ своихъ „отвѣтахъ“ Неофиту, из-

¹²⁵⁾ Смотри эту грамоту акты истор., т. V, № 98, стр. 154—155.

¹²⁶⁾ Дополнител. акты историч. т. X, № 101, стр. 445—446.

¹²⁷⁾ Акты археограф. экспед., т. IV, № 188. Акты истор., т. V, № 152, стр. 263.

¹²⁸⁾ Виноградъ Россійскій, т. 43—55. Рукоп. москов. духов. академіи.

вѣстныхъ подъ именемъ „отвѣтовъ пустынножителей на вопросы іеромонаха Неонита“, гдѣ онъ не оставляетъ почти ни одного пункта Увѣта безъ отвѣта или замѣчанія ¹²⁹⁾; потомъ объ Увѣтѣ писалъ Данила Матвѣевъ—„житель Выгорьцкой Кинновн, членъ Поморской церкви“ ¹³⁰⁾, Семенъ Денисовъ ¹³¹⁾ и составитель Чернораменскихъ вопросовъ поданныхъ Питириму ¹³²⁾. Въ 1883 году отпечатано было „Слово благодарственное“ патріарха Іоакима. Это слово было написано патріархомъ по случаю празднованія годовщины освобожденія церкви отъ возставшихъ раскольниковъ.

Цѣль этого произведенія—предостеречь православныхъ отъ раскольниковъ пропаганды и дать совѣты Царю и вообще правительству,—какъ должно смотрѣть на раскольниковъ и какъ должно съ ними обращаться „Пишу, говоритъ патріархъ, съ тою цѣлю, дабы вы правовѣрніи, слышаще таковая, отъ оныхъ ихъ прелестей, яко душегубныхъ, хранилися“ ¹³³⁾. Празднованіе освобожденія церкви отъ злыхъ еретиковъ, говоритъ патріархъ, установлено по примѣру Ветхозавѣтной и Новозавѣтной церкви: церковь всегда установляла празднества послѣ побѣды надъ еретиками. Далѣе Іоакимъ, чтобы вѣрнѣе достигнуть своей цѣли—предостеречь православныхъ отъ раскольниковъ пропаганды, говоритъ о причинѣ установленія настоящаго празднованія, которая тѣснѣйшимъ образомъ связана съ исторіею послѣдняго раскольническаго бунта. Изъ Новозавѣтной исторіи онъ по преимуществу указываетъ на тѣ благодарственные празднества, которыя церковь установляла послѣ осужденія еретиковъ: Арія, Македонія съ Савеліемъ и Аполлинаріемъ, Несторія, Диоскора, Евтихія и прч. „Тѣмъ же зряще мы на древніе добрые и боголюбезные образы въ сій день за показанное намъ Божіе великое его благодѣяніе и милостивое и чудесное отъ отступниковъ св. церкви, хотящихъ насъ вѣрныхъ чадъ ея напраснѣй смерти предати, скорое избавленіе, яко въ предшедшемъ 7190 глѣтъ Ему Господу Богу благодареніе воздакомъ, тако и нынѣ тому оное воз-

¹²⁹⁾ Листы 33, 34 на оборотѣ, Рукопись курской духовной семинаріи.

¹³⁰⁾ Раскольнич. библиографія Павла Любопытнаго, № 267, стр. 80.

¹³¹⁾ Тамъ же, № 531, стр. 127.

¹³²⁾ Пращица, вопросы 188, 197, 198, 199.

¹³³⁾ Древняя російская Вивлюонка, ч. XV, стр. 244.

дающе, тую зълную и свирѣпую на св. Божию церковь и на насъ—Его служителей бурю и отъ тоя Божиимъ всеимлостивымъ храненіемъ насъ дивно спасеніе воспоминаемъ“¹²⁴⁾. Но чтобы не оставалось никакого сомнѣнія, что раскольники ничѣмъ не лучше древнихъ еретиковъ, патріархъ довольно мѣтко характеризуетъ дѣятельность раскольниковъ, ихъ жизнь, способъ ихъ проповѣди. Они, какъ древніе еретики, хотѣли добиться торжества преступнымъ способомъ—силою, оружіемъ, и патріархъ довольно подробно передаетъ исторію послѣдняго раскольниковскаго бунта; расколоучители, подобно древнимъ еретикамъ, хвалятся строгимъ исполненіемъ обрядовъ, своими подвигами и дѣлами, но стоитъ только поближе всмотрѣться въ нихъ, и каждый увидитъ, что это фарисейство; характеръ ихъ проповѣди и приемы—чисто еретическіе: они постоянно ссылаются на посольство отъ Бога или отъ святыхъ, на чудеса никому неизвѣстныя¹²⁵⁾. Еслибы даже было вѣрно, что дѣла ихъ и жизнь совершенно христіанскія, и въ такомъ случаѣ общества ихъ всегда должно удаляться. За всѣ свои богомерзскія дѣла раскольники неизбѣжно должны погибнуть. „Воистину, говоритъ патріархъ, не убѣгутъ, но вси, аще не покаются, и ко св. соборіи церкви матери своея истинно съ покаяніемъ не обратятся, вѣчно погибнуть, яко бо внѣ Ноева ковчега никтоже на земли отъ воднаго потопа спасеся, но вси погибаша, тако и внѣ православныя нашея соборныя и апостольскія церкви—ковчега мысленнаго—живущіе отъ воды зловѣрія душевное потопленіе постраждутъ и погибнутъ“¹²⁶⁾.

Въ заключеніе онъ излагаетъ обязанности духовной и свѣтской власти по отношенію къ раскольникамъ. Онъ, патріархъ, равно какъ и все духовенство, должны заботиться объ обращеніи раскольниковъ къ церкви и употреблять для этого мѣры духовныя—должны учить, увѣщевать, умолять раскольниковъ обратиться къ церкви; власть гражданская должна стремиться къ достиженію той же цѣли мѣрами строгости и наказанія.

Обращаясь къ Царю и Синклиту, онъ даетъ имъ такой со-

¹²⁴⁾ Тамъ же, стр. 252.

¹²⁵⁾ Тамъ же, стр. 253—270.

¹²⁶⁾ Тамъ же, стр. 271—272.

вѣтъ. До тѣхъ поръ пока раскольники не обратятся къ св. церкви „не подобаетъ ихъ въ содружество свое и въ сообщеніе примати, но подобаетъ ихъ весьма, яко враговъ Божиихъ, ненавиждѣти, и милосердія имъ, яко противникамъ св. церкви и вѣры православной разорителей, никакоже являти и никакого заступленія о нихъ намъ не показывати“¹³⁷⁾, особенно потому не должно показывать имъ никакого милосердія, что раскольники, какъ враги православной церкви, никогда „не могутъ быть хорошими слугами Государю“¹³⁸⁾. Православные же не должны входить ни въ какое общеніе съ раскольниками, не должны оказывать имъ никакого милосердія, по словамъ св. ап. Іоанна Богослова (Втор. собор. посл. зач. 75). „Они достойны только клятвы“. И какъ древніе отцы отступниковъ отъ св. церкви проклинали, такъ и мы проклинаемъ: да будутъ провляти, и съ прочими прежними еретики (аще не покаются) страшное вѣчное огненное мученіе отъ Господа восприимуть“¹³⁹⁾.

Достоинства и недостатки этого произведенія видны сами собою. На соборѣ 1682 года расколъ окончательно отдѣлился отъ церкви. На соборѣ раскольники являлись еще признающими власть и право церкви и церковной іерархіи (они только требовали благословить ихъ *по старому*); съ собора вышли отпавшими отъ церкви, порвавшими съ нею послѣднюю связь. Народъ, масса не понимали совершившагося факта. Вѣрили каждому охотно. Услышавши челобитную раскольниковъ, говорили, что „никогда не слыхали про такое множество ересей, вошедшихъ въ церковное ученіе“; услышавши рѣчь патріарха, тѣ же самые ревнители старой вѣры говорили: „это дѣло (судить о вѣрѣ и дѣлахъ церкви) патріарха и архіереевъ“. При такомъ положеніи дѣла перевѣсъ долженъ былъ оказаться на той сторонѣ, которая сильнѣе, энергичнѣе и разумнѣе дѣйствовала. Со стороны защитниковъ истиннаго церковнаго ученія требовалось какъ можно чаще напоминать о совершившемся фактѣ,—объяснить его со всѣхъ сторонъ, требовалось какъ можно чаще

¹³⁷⁾ Тамъ же, стр. 275—276.

¹³⁸⁾ Тамъ же, стр. 277.

¹³⁹⁾ Тамъ же, стр. 277—278.

напоминать народу, что церковь и раскольниковое общество не одно и то же, требовалось постоянно предостерегать и указывать неразвитой массѣ истинное значеніе той и другаго. Только при такой энергической дѣятельности можно было сохранить народъ въ единеніи съ церковію при необыкновенно усиленной пропагандѣ и нахальствѣ расколоучителей. Думаемъ, что патриархъ Іоакимъ понималъ положеніе дѣла, и съ этою цѣлью часто, даже очень часто напоминалъ народу о расколѣ и раскольникахъ и невозможности спастись внѣ церкви. Съ этой точки зрѣнія „благодарственное слово“ патриарха Іоакима имѣетъ очень важное значеніе и имѣетъ не мало достоинствъ. Въ немъ патриархъ показалъ въ истинномъ свѣтѣ расколъ и руководителей, путь, по которому они идутъ, способъ,—который они употребляютъ, и цѣль—къ которой стремятся,—въ этомъ и состоитъ главное достоинство слова благодарственнаго; но все слово пропитано духомъ нетерпимости, изобилуетъ ругательствами, подстрекаетъ гражданское правительство къ казнямъ, внушаетъ жестокость и нетерпимость по отношенію къ раскольникамъ. Это недостатокъ и—очень важный. При такихъ условіяхъ конечно примиреніе было невозможно: обѣ стороны воспитывали въ себѣ фанатизмъ и становились въ болѣе враждебныя отношенія. Впрочемъ, какъ это, такъ и другія мелкія сочиненія патриарха Іоакима, направленные имъ противъ раскола, не остались не замѣченными въ средѣ раскольниковъ и вызвали со стороны ихъ сочиненія и замѣтки ¹⁴⁰⁾.

Въ 1696 году написаны посланія Игнатія, митрополита тобольскаго и сибирскаго. Въ Сибири расколъ распространенъ Аввакумомъ и Лазаремъ, которые были сосланы туда и дѣятельно заботились о его распространеніи. Число раскольниковъ постоянно въ Сибири увеличивалось отъ ссылаемыхъ туда изъ внутренней Россіи. Пагубное дѣло Аввакума и Лазаря продолжали же-чернецъ жидовскій Аврамко венгерскій, Оска армянинъ и отступникъ Ягунька Лепехинъ ¹⁴¹⁾, Федоръ Торскій, Антоній Чуполовъ, попъ Дометіанъ ¹⁴²⁾, Потемкинъ, Демка Стенановъ, Першка

¹⁴⁰⁾ Поморскіе отвѣты, л. 219, 223. Рукопись курской семинаріи.

¹⁴¹⁾ Посланія Игнатія, митроп. тобольскаго, стр. 12.

¹⁴²⁾ Тамъ же, стр. 64, 111—112.

Григорьевъ, старцы Игнатій и Гаврило и многіе другіе ¹⁴³⁾). Расколъ здѣсь принялъ самыя дикія формы: поруганіе святыни и православнаго богослуженія, оскорбленіе священнослужителей, дерзкое сопротивленіе церковной и гражданской власти, разбои, грабежи, распутство, самосожженіе, были самымъ обыкновеннымъ дѣломъ ¹⁴⁴⁾). Недовольные гражданскимъ правительствомъ, жители Сибири охотно шли за всякимъ расколоучителемъ, какъ бы пошло и глупо ни было распространяемое имъ ученіе. Сибирскій митрополитъ Павелъ—предшественникъ Игнатія, и гражданское правительство усиливались остановить расколъ, но безуспѣшно. Расколъ быстро распространялся и во время митрополита Игнатія все почти населеніе западной Сибири было заражено расколомъ. Игнатій дѣятельно заботился объ обращеніи раскольниковъ къ церкви и всѣми мѣрами старался предохранить православныхъ отъ раскольнической пропаганды. Не довольствуясь устною проповѣдію, онъ съ этою цѣлію написалъ 3 посланія.

Содержаніе этихъ посланій слѣдующее. Каждое посланіе начинается пастырскимъ благословеніемъ всей сибирской паствѣ.

Желая показать въ первомъ своемъ посланіи своимъ пасомымъ,—что такое расколоучители и какъ на нихъ должно смотрѣть,—митрополитъ Игнатій говоритъ: Господь нашъ Іисусъ Христосъ, научивъ насъ всему относящемуся къ нашему спасенію, не умолчалъ и о томъ, что въ Его церкви явятся лжепророки и лже-христы. Чтобы кто не обольстился ихъ ученіемъ, Спаситель заповѣдывалъ тщательно изслѣдовать проповѣдующихъ во имя Его и такимъ образомъ избѣгать проповѣди еретиковъ и лжеучителей; ибо лжеучители, стараясь выдать ложь за истину, прикрываются Св. Писаніемъ, скрадывая только истинный его смыслъ. Такъ поступали древніе еретики—Маркіонъ, Манихей, ариане; такъ поступаютъ и нашихъ временъ еретики—лжечернецъ Іосифъ, Арменинъ, Венгерскій лжечернецъ Авраамъ Жидовинъ и Лепехинъ. Какъ когда-то ариане, прикрываясь пи-

¹⁴³⁾ Дополн. акты истор., т. X, № 3, отдѣл. VII, VIII, IX, X, XXI, XXII.

¹⁴⁴⁾ Дополнит. акты истор., т. X, № 3, отдѣл. IX, X, XIV, XV, XVI, XXI, XXII. Дополн. акты истор., т. VIII, № 50, стр. 219—221, 224. Древняя Россійск. Вивліотека, ч. VII, записка о Россіи. Журналъ Министерства Народнаго Просвѣщенія 1850 г., т. I, XVIII, отд. V.

саніемъ и скрадывая настоящій смыслъ, говорили хулу на Сына Божія, называя Его тварію, такъ и эти безбожныя: Оська Арменинъ, Якушка Лепехинъ, Аврамко Жидовинъ, искажая смыслъ Писанія, учать церковь святыю пренебрегать, и священниковъ законнопоставленныхъ не почитать, не ходить въ церковь святыю, не вѣнчаться въ ней, не исповѣдываться, не причащаться, не креститься тремя первыми перстами, а только двумя, избѣгать всякой святыни и сожигать самихъ себя. Конечно, послѣдуетъ ихъ ученію только слабый, колеблющійся и не знающій Божественнаго Писанія, и за это прельщеніе развратители наслѣдуютъ неугасимый огонь въ жизни будущей; но чтобы не наслѣдовать ихъ участи, каждый долженъ молиться, чтобы ему былъ данъ даръ разумѣнія, дабы узнавать безошибочно—какое ученіе нужно принимать и какого должно избѣгать. Съ особенною ясностію это раскрыто въ Св. Писаніи; поэтому, кто хочетъ знать подробнѣе истинное ученіе, равно какъ и отличать истинное ученіе отъ еретическаго, тотъ пусть читаетъ Св. Писаніе. Я же считаю долгомъ указать тотъ способъ, которымъ Лепехинъ привлекаетъ въ свое общество маловѣрныхъ. Онъ нарисовалъ северною своею рукою картину, на которой изобразилъ—св. церковь, а около церкви—учителя своего, исконнаго врага діавола, который обвился около церкви и исплевываетъ свой ядъ въ св. Тайны—св. Тѣло и Кровь Христовы. Этимъ-то листомъ и прельщала окаянный Лепехинъ простыхъ сельскихъ жителей ¹⁴⁵).

Показавъ въ первомъ посланіи своемъ, что сибирскіе расколотители по своимъ нравственнымъ качествамъ, образу и направленію своей дѣятельности ничѣмъ не отличаются отъ древнихъ еретиковъ, указавъ коротко пункты ихъ ученія и какъ должны смотрѣть на нихъ православные, митрополитъ Игнатій въ подтвержденіе сказаннаго имъ въ первомъ посланіи (и отчасти и потому, что первое посланіе расколотители сибирскіе не оставили безъ отвѣта, на что намекаютъ первыя слова втораго посланія) разбираетъ нѣкоторые пункты раскольническаго ученія, и указываетъ православнымъ на тѣ дѣла, которыя ни подъ какимъ видомъ не могутъ говорить въ пользу истинности и святости проповѣдуемаго ими ученія.

¹⁴⁵) Посланія Игнатія, митроп. тобольскаго, стр. 9—14.

Раскольники трехперстное знаменіе креста называли печатію антихриста, превратно толковали слово священномученика Ипполита о заустѣннѣ церквей, примѣняя ихъ къ своему времени. Касательно трехперстнаго знаменія митрополитъ Игнатій говоритъ: трехперстное знаменіе креста есть древнее преданіе, данное отъ самихъ Христовыхъ апостоловъ и древнихъ христіанскихъ учителей христіанъ, „во отгнаніе всякаго сопротивнаго дѣйства діавола, въ просвѣщеніе же души и тѣла и въ запечатлѣніе православія Христова“. Слагая три первые перста для крестнаго знаменія „этими чувственнымъ показаніемъ во изображеніе исповѣдуемъ Отца и Сына, и Св. Духа, Троицу единосущную и нераздѣльную...“ Если же вы называете крестное знаменіе, изображаемое тремя перстами, печатію антихриста, то вы этими перстами не должны—ни писать, ни шить, ни прасты, ничего не дѣлать, но по ученію Св. Писанія отсѣчь ихъ, чтобы не было соблазна—Самъ Господь нашъ І. Христосъ сказалъ: „аще десная рука твоя соблазняетъ тя, усѣцы ю, и верзи отъ себя: уне бо ти есть, да погибнетъ единъ отъ удъ твоихъ, и не все тѣло твое будетъ ввержено въ геенну“ (Мате. V, 20). Ссылка же на слово священномученика Ипполита „о начертаніи севернаго антихриста“ говоритъ противъ васъ. Тамъ сказано: „Господь далъ вѣрующимъ знаменіе, честный крестъ, антихристъ же „подобіѣ дасть свое знаменіе“. „Зри, и вонми прилежно, прибавляетъ Игнатій, яко антихристово знаменіе не сложеніе перстовъ, и не крестъ Христовъ, его же начертываетъ человекъ православныйъ тремя первыми персты, но нѣкое имать быти начертаніемъ пятно, якоже у насъ пятнають коней, или иной каковой снотъ; а креста Христова и Христова имене, въ него же все православіе вѣруетъ, ниже слышати восхоцеть, и повелитъ всякому славити себе, яко бога“. Такъ же нелѣпа ссылка раскольниковъ на слова Ипполита о заустѣннѣ церквей и о звѣриномъ числѣ, которое скорѣе можетъ быть приложено къ самому расколуучителю Астомену (А 1, С=200, Т=300, О=70, М=40, Е=5, Н=50=Астомень 666)¹⁴⁶⁾.

Не одно только ложное ученіе обличаетъ раскольниковъ; неправомысліе ихъ обличаютъ ихъ дѣла. „Колико бо дѣвъ, и женъ,

¹⁴⁶⁾ Тамъ же, стр. 21—28.

и отрочать похитиша своимъ лестнымъ ученіемъ, и сквернившися съ ними всякими плотскими нечистотами, погубиша я: и скоростной пагубѣ предаша, сирѣчь обезумѣвше, и желательну имъ смерть огнесожженіемъ самоустроиша¹⁴⁷. Словомъ, они живутъ именно такъ, какъ говоритъ св. апостолъ Гуда о жизни расколуучителей и еретиковъ: „Вы же, возлюбленніи, поминайте глаголы предреченныя отъ апостоловъ Господа нашего Иисуса Христа, зане глаголаху вамъ: яко въ послѣдняя времена будутъ ругатели по своимъ похотѣхъ и нечестіихъ ходящїи: сіи суть (Астомень арменинъ, Лепехинъ и отступники венгерскаго ученики) отдѣляющїи себе отъ единости вѣры, и суть тѣлеса, духа не имущїи“ (Гуды 17, 18; 19 стихи). Очевидно, они отступники отъ православной вѣры и по ученію и по дѣламъ¹⁴⁷). Въ заключеніе Игнатїй говоритъ въ второмъ посланїи, что онъ не безъ основанїя называетъ раскольниковъ—армянами: самъ Астомень признался и представилъ въ своемъ покаянномъ свѣтѣ удосто-вѣренїе, что онъ армянинъ по происхожденію и двуперстному перстосложенію научился отъ армянъ¹⁴⁸).

Въ третьемъ посланїи митрополитъ Игнатїй, послѣ изложенїя новыхъ доказательствъ въ пользу триперстнаго сложенїя для крестнаго знаменїя, излагаетъ довольно подробную исторїю раскола и старается объяснить причину происхожденїя его. По его мнѣнію расколъ имѣетъ тѣсную связь съ одной стороны съ ученіемъ бывшихъ въ Россїи еретиковъ и особенно съ ересью жидовствующихъ; съ другой—съ ученіемъ армянъ. Для доказательства своей первой мысли митрополитъ Игнатїй излагаетъ подробную исторїю ереси Бакшина и Косого, руководясь въ семъ сказанїемъ преподобнаго Іосифа Волоколамскаго, давая такимъ образомъ возможность каждому сличить, что въ ученїи жидовствующихъ и ученїи русскихъ раскольниковъ различныхъ толковъ и направленїй не мало общаго. Онъ даже старается провести параллель между ученіемъ Исхарїа и раскольниковъ¹⁴⁹). Для доказательства своей другой мысли — о вліянїи армянскаго ученїя на происхожденїе раскола въ русской церкви—митропо-

¹⁴⁷) Тамъ же, стр. 28—34.

¹⁴⁸) Тамъ же, стр. 35—38.

¹⁴⁹) Тамъ же, стр. 168—169.

литъ Игнатій ссылается на нѣкоторые факты. Армяне появились въ Россіи, говоритъ Игнатій, въ царствованіе Грознаго и распространили тайно свое ученіе о двуперстномъ знаменіи. Армяне исказили слово блаженнаго Теодорита о перстосложеніи, прибавивши къ нему одну строку, и такимъ образомъ по ихъ вліянію это чуждое православной церкви ученіе было внесено въ такъ-называемый Стоглавъ и потомъ Іосифовскими справщиками—въ печатныя книги. Благодаря Стоглаву и печатнымъ книгамъ новое ученіе распространилось необыкновенно быстро: новое перстосложеніе принято было всѣми; самъ патріархъ Никонъ крестился двумя перстами. По вступленіи Никона на патріаршій престолъ, въ Москву прибыли восточные патріархи и замѣтили Никону, что перстосложеніе, употребляемое имъ для крестнаго знаменія, не православное, но армянское. Никонъ сказалъ патріархамъ восточнымъ, что такъ повелѣваютъ креститься наши печатныя книги; но книги эти изданы не болѣе десяти лѣтъ и потому ссылка на нихъ, замѣтили патріархи, не имѣетъ никакого значенія. Что такое перстосложеніе—естъ дѣйствительно армянское, восточные патріархи совѣтывали Никону допросить кого-либо изъ армянъ, проживающихъ въ Россіи. Святитель Никонъ тотчасъ же приказалъ привести съ гостиннаго двора армянскихъ купцевъ, которые ради торговыхъ дѣлъ пріѣхали въ Москву изъ Казани и Астрахани. „Како слагаете персты и крестъ на себѣ полагаете?“ Они тотчасъ объявили, что армяне крестятся двумя перстами, какъ и написано въ нашихъ книгахъ, а греки — тремя. Послѣ этого допроса патріархъ Никонъ сталъ дѣятельно заботиться объ искорененіи чуждаго перстосложенія; но тогда возсташа проклятій они протопопы Аввакумъ и Григорій Нероновъ и попы Лазарь и Никита Пустосвятъ, и диаконъ Ѳеодоръ, нѣкоторые отъ царева дворца, и къ нимъ же наипаче присташа проклятій челоуѣцы, иже отъ арменскаго рода, яко бы въ российское православіе крестившіися, казанцы: чернецъ Іосифъ и прочіе армены... абіе зельно ревностнѣ по ереси своей начаша побѣратіи, и всенароднѣ вопіяху кричаще и учаще, яко за истину, рече, мы стоимъ“¹⁵⁰⁾. Кромѣ того на происхожденіе и развитіе

¹⁵⁰⁾ Тамъ же. стр. 81, 101—108.

раскола въ Россіи, по мнѣнію митрополита Игнатія, имѣло большое вліяніе ложное и одностороннее направленіе религиозной жизни въ Россіи, которое и выразилось въ воззрѣніи, жизни и направленіи дѣятельности монаха Капитона Колесникова, полагавшаго достаточнымъ и необходимымъ для спасенія—однихъ внѣшнихъ дѣлъ благочестія, поста возможно строгаго, продолжительной молитвы и поклоненія старымъ иконамъ ¹⁵¹⁾. Объяснивъ происхожденіе раскола въ русской церкви, митрополитъ Игнатій начинаетъ говорить о распространеніи раскола, о его дѣятеляхъ и ученіи расколоучителей; и такъ какъ при написаніи своихъ посланій митрополитъ Игнатій имѣлъ въ виду исключительно одну свою паству—Сибирь, то и говоритъ только о времени появленія раскола въ Сибири, о расколоучителяхъ сибирскихъ, ихъ ученіи и дѣлахъ. Сначала онъ говоритъ о ссылахъ Аввакума и Астомена въ Сибирь и ихъ проповѣди во все время ихъ путешествія отъ Москвы до отдаленныхъ предѣловъ Сибири и особенно останавливается на дѣятельности расколоучителя Астомена, который прельстилъ своею проповѣдью многихъ простыхъ поселенцевъ, ссылаясь каждый разъ въ доказательство мнимой истинности своего ученія на новопечатныя книги. Потомъ говоритъ о попѣ Дометіанѣ, жившемъ на Тюмени, который былъ совращенъ въ расколъ Астоменомъ и сдѣлался однимъ изъ главныхъ расколоучителей сибирскихъ, о сектѣ подрѣшетниковъ, которая, получивъ начало въ предѣлахъ Кинешмы отъ нѣкотораго простаго поселенца Подрѣшетникова, ученика Капитона, распространилась въ Россіи и Сибири, о сгорѣвшихъ въ селѣ Мурашкинѣ, о волхвованіи нѣкотораго каргопольскаго пустычника, который училъ всѣхъ женъ и дѣвицъ предаваться самому грубому разврату безо всякаго зазора, и о бѣгствѣ всѣхъ его послѣдователей въ Палеостровскій монастырь, о сгорѣвшихъ въ Тюмени по вліянію попа Дометіана и о расколоучителѣ томскомъ Васильѣ Шапошниковѣ, который подобно Дометіану училъ простаковъ самосожженію и вмѣстѣ съ своими послѣдователями сгорѣлъ противъ своей воли ¹⁵²⁾. Отъ раскола и расколоучителей

¹⁵¹⁾ Тамъ же, стр. 97—100.

¹⁵²⁾ Тамъ же, стр. 109—136.

сибирскихъ Игнатій на время обращается къ исторіи раскола въ Москвѣ и сѣверныхъ предѣлахъ; подробно говорить объ убѣжденіи главныхъ расколуучителей отцами собора, о соловецкомъ бунтѣ и усмиреніи его, о бунтѣ Никиты Пустосвята и преніи на соборѣ съ раскольниками и поведеніи ихъ на соборѣ и затѣмъ опять обращается къ расколу въ Сибири. Здѣсь онъ вновь обращается къ личности главнаго сибирскаго расколуучителя армянина Астомена и говорить сначала объ убѣжденіи его митрополитомъ Павломъ, предшественникомъ Игнатія, а потомъ о публичномъ состязаніи съ Астоменомъ самого Игнатія и торжественномъ раскаяніи и обращеніи Астомена къ церкви; потомъ упоминаетъ еще о двухъ сибирскихъ расколуучителяхъ Якумъ Лепехинъ и Аврамъ венгерскомъ лжечернецъ,—которые расходились между собою только въ ученіи объ антихриствѣ. И въ заключеніе убѣждаетъ своихъ пасомыхъ слѣдовать во всемъ ученію церкви и убѣгать еретиковъ и ихъ ученія, указываетъ въ чемъ состоитъ истинно-христіанская жизнь и чѣмъ отличаются истинно православные христіане отъ еретиковъ и раскольниковъ ¹⁵³).

Посланія Игнатія, митрополита сибирскаго, по формѣ и по содержанию не имѣютъ ничего общаго съ полемическими сочиненіями, написанными прежде. Посланія его не имѣютъ опредѣленной связи и послѣдовательности, не имѣютъ системы и плана: онъ свободно переходитъ отъ одного предмета къ другому, имѣя въ виду одну только внѣшнюю связь. Онъ не вступаетъ въ полемику съ раскольниками и не разбираетъ всей системы ихъ вѣроученія: изъ всѣхъ тезисовъ раскольническаго ученія онъ останавливается только на одномъ перстосложеніи, къ которому онъ обращается во всѣхъ своихъ трехъ посланіяхъ, и довольно основательно доказываетъ древность триперстнаго сложенія, новизну и неистинность—двуперстнаго; о всѣхъ же другихъ пунктахъ раскольническаго ученія онъ или совсѣмъ умалчиваетъ, или говоритъ только вскользь, мимоходомъ. Расколъ возникъ и развился такъ—сказать на глазахъ митрополита Игнатія; слѣдовательно, особенности его сочиненія зависятъ не отъ того,

¹⁵³) Тамъ же, стр. 155—175.

что онъ не зналъ полной системы раскольниковскаго ученія; особенності эти объясняются своеобразнымъ направленіемъ и характеромъ, которые принялъ расколъ въ Сибири.

Если раскольники вообще отличались невѣжествомъ, то этими качествами особенно отличались раскольники Сибири. Самые ихъ руководители были по большей части простые, часто даже неграмотные мужики, которые изъ всѣхъ пунктовъ несогласія раскольниковъ съ церковію знали одно только перстосложеніе; остальные не знали ни ученія православной церкви, ни ученія раскола. Ссылные, недовольные правительствомъ, управляемые худыми правителями, искали случая порвать послѣднюю связь съ обществомъ и правительствомъ и потому охотно слѣдовали за каждымъ расколоучителемъ, какъ бы ни было бессмысленно и бессодержательно его ученіе. Имъ не нужно было ученіе, не нуженъ былъ учитель, имъ нуженъ былъ вожакъ, человекъ энергичный и смѣлый, который бы могъ стать во главѣ недовольныхъ. Расколъ здѣсь съ самаго начала является обществомъ противогражданскимъ, а не противокерковнымъ¹⁵⁴⁾ и само собою разумѣется другаго направленія и принять не могъ. Состязаться съ такими людьми о вѣрѣ было бы конечно нелѣпо; обратить таковыхъ на путь правый было болѣе, чѣмъ трудно: скорѣе это была обязанность гражданскаго правительства, нежели духовнаго. Все это хорошо зналъ Игнатій и сообразно съ этимъ писалъ. При написаніи своихъ посланій онъ имѣлъ въ виду не столько обратить мятежниковъ, сколько предохранить православныхъ отъ общенія съ возмутившимися.

Поэтому-то онъ не вступаетъ въ полемику съ раскольниками не разбираетъ ихъ ученія, котораго у сибирскихъ раскольниковъ, строго говоря, не было. Во все время существованія сибирскіе раскольники не прибавили ни одного пункта къ системѣ раскольниковскаго вѣроученія—ясный признакъ того, что они возставали по другимъ причинамъ, а не по церковно-религіозной; онъ указываетъ только православнымъ на ихъ дѣла и такимъ образомъ представляетъ каждому здравомыслящему судить объ истинности ихъ ученія. *Отъ плода ихъ узнаете ихъ*—вотъ правило, которое

¹⁵⁴⁾ Дополн. акты истор. т. VIII, № 50, т. X, № 3.

митрополитомъ Игнатіемъ при обличеніи употребляется. Имѣло ли какой-либо успѣхъ это сочиненіе? Самъ митрополитъ Игнатій говоритъ въ своемъ третьемъ посланіи, что его устная и литературная полемика была не безуспѣшна, впрочемъ не безуспѣшна въ средѣ тѣхъ раскольниковъ, которые возстали изъ-за религиозныхъ недоразумѣній. „Сія убо вся и множая сихъ етъ божественныхъ писаній, говоритъ Игнатій, слышавъ ересеначальникъ проклятый арменинъ, постыдѣся и посрамися и принесе покаяніе... Отъ того времени Божественная благодать всесвятаго и животворящаго Духа многихъ ереси арменскія защитниковъ устыдѣтися сотвори: и познавшѣ православное ученіе, отступивша отъ того арменина, и возгнушавшеся его мерзости, понеже слышаша глаголюща мя къ нимъ: виждѣте, рѣхъ, братія моя, какову до сего времени скверному учителю, учащему васъ арменскаго мудрованія и отъ истинныя греческія православныя вѣры отвращенію послѣдовали есте: и сіе вѣмъ, благословенніи христіянолюбцы, яко по невѣденію рода его арменскаго сіе сотвористе: нынѣ же познавшѣ того арменина, добрѣ творите, о согрѣшеніи своемъ кающеся“ ¹⁵⁵).

Дѣятельности же Игнатія приписываютъ между прочимъ то, что разнообразныя способы и особенная энергія, съ которою Игнатій сражался съ расколомъ, остановили расколъ и не дали ему проникнуть въ восточную Сибирь, гдѣ по самому положенію и слабому надзору онъ имѣлъ возможность пустить глубокіе корни ¹⁵⁶). Не смотря на то, что это полемическое сочиненіе почему-то не было отпечатано, оно было довольно распространено какъ въ средѣ православныхъ, такъ и раскольниковъ. Извѣстно, что этимъ сочиненіемъ пользовались св. Димитрій Ростовскій и Питиримъ ¹⁵⁷), изъ раскольниковъ упоминаетъ о немъ Денисовъ ¹⁵⁸). Въ нѣкоторые мѣста онъ самъ посылалъ свои посланія ¹⁵⁹).

¹⁵⁵) Посланія Игнатія, митроп. тобольскаго, стр. 167—168.

¹⁵⁶) Начало христіанства въ Иркутскѣ, стр. 14.

¹⁵⁷) Романскъ, стр. 570, 580—586, 616 и дал. 628.

¹⁵⁸) Описаніе нѣкоторыхъ раскольниковъ сочиненій Алексавра Б. ч. II, стр. 247.

¹⁵⁹) Смotr. предисловіе къ изданію посланій Игнатія.

Въ 1703 году вышло въ свѣтъ произведеніе Стефана Яворскаго „Знаменія пришествія антихриста“. Еще первые расколотые учителя высказали мысль о пришествіи въ міръ антихриста и о начавшемся господствѣ его въ русской церкви ¹⁶⁰). Нашли совпаденіе апокалипсическаго числа 666 съ 1666 г., нашли основаніе для того въ своихъ любимыхъ книгахъ; а чтобы это было доказательнѣе и очевиднѣе въ глазахъ невѣждъ, сдѣлали нѣкоторую прибавку и нѣкоторое измѣненіе въ книгѣ ¹⁶¹). Но въ началѣ это приурочивалось только къ лицу одного патріарха Никона, въ царѣ продолжали видѣть царя православнаго, поборника древняго православія и писали къ нему жалобы и челобитныя. Съ паденіемъ и особенно смертію Никона — мысль о видимомъ царствѣ антихриста не имѣла равно никакого основанія, нужно было протолковать ученіе своихъ вожаковъ въ иномъ смыслѣ, и вотъ—въ мірѣ невѣждъ пошло въ ходъ еще болѣе нелѣпное ученіе о *невидимомъ* господствѣ антихриста.

Ученіе это быстро распространилось въ средѣ раскольниковъ. Чтобы нагляднѣе представить дѣйствіе антихриста въ церкви, дѣлали изображенія отвратительныя по виду, пошлыя и глупыя по смыслу, оскорбительныя для религіознаго чувства каждаго истинно-вѣрующаго ¹⁶²). Доведенное до крайняго абсурда, до возможной крайней нелѣпости ученіе это должно было пасть само собою и пало бы, еслибы особыя условія исторической жизни Россіи не дали повода подогрѣть этого ученія. Со времени Петра I мысль о пришествіи антихриста дѣлается почти всеобщей и ученіе является въ не менѣе жалкомъ и пошломъ видѣ, какъ и прежде. Занимаясь преобразованиемъ различныхъ частей государственнаго устройства и народной жизни, Петръ I въ своихъ преобразованіяхъ дошелъ до возможнаго абсурда: русскому запрещалось быть русскимъ; онъ во всемъ долженъ былъ походить на нѣмца, и еслибы только было возможно, то со стороны Петра I кажется послѣдовало бы предписаніе имѣть

¹⁶⁰) Описаніе нѣкоторыхъ раскольниковскихъ сочиненій Александра Б. ч. II, стр. 4, 11 и 16.

¹⁶¹) Пращица Пятирима, л. 383—387.

¹⁶²) Посланія Игнатія, митроп. тобольскаго, стр. 15.

всѣмъ русскимъ остроконечный нѣмецкій подбородокъ, прямой лобъ и выгнутый нѣмецкій носъ...

Народное чувство было оскорблено до возможной степени и тѣмъ болѣе должно было оскорбляться, что все это вводилось путемъ крупныхъ жестокихъ мѣръ; тяжкіе налоги и всякаго рода поборы усиливали раздраженіе; поведеніе царя и его домашняя жизнь и дѣла дополняли и безъ того мрачную картину. Раздалось наконецъ, роковое слово: „Петръ не царь, а антихристъ“ и это слово нашло себѣ множество сочувствующихъ во всѣхъ классахъ русскаго общества. Петръ антихристъ говорили раскольники и не-раскольники... Эти-то слова, повторяясь сначала потихоньку на ухо, нашли себѣ наконецъ выразителя, который вслухъ высказалъ всѣмъ: „Петръ антихристъ“. Осмѣлившійся сказать это былъ мелкій чиновникъ Григорій Тащійскій, занимавшійся перепискою книгъ и тетрадей ¹⁶³⁾.

Противъ этого-то распространеннаго мнѣнія о пришествіи антихриста Стефанъ Яворскій написалъ книгу „Знаменія пришествія антихристова и кончины вѣка“. Сочиненіе это раздѣлено на 14 главъ, въ которыхъ авторъ, на основаніи Слова Божія и толкованій св. отцевъ церкви, подробно излагаетъ обстоятельства, предшествующія пришествію въ міръ антихриста, сколько объ этомъ извѣстно изъ вышеуказанныхъ источниковъ. Православному ученію о пришествіи антихриста митрополитъ Стефанъ противопоставляетъ ученіе раскольниковъ о бытіи антихриста въ Россіи, о лицѣ его, объ апокалипсическомъ числѣ и т. подоб. Произведеніе это самостоятельное. При написаніи его авторъ пользовался сочиненіемъ знаменитаго испанскаго богослова Мальвенды „объ антихриствѣ“, изъ котораго заимствовалъ какъ планъ и расположеніе, такъ и большую часть содержанія. Вполнѣ принадлежитъ самому Стефану Яворскому только приложение или примѣненіе этого произведенія къ мѣстнымъ условіямъ и современнымъ обстоятельствамъ ¹⁶⁴⁾.

Сочиненіе это не осталось не замѣченнымъ въ раскольникѣемъ мірѣ, какъ это можно видѣть изъ нѣкоторыхъ раскольническихъ сочиненій. О произведеніи Стефана Яворскаго, какъ

¹⁶³⁾ Раскольник. дѣла XVIII в. Есипова, т. I, 1—28.

¹⁶⁴⁾ Словарь писателей духовнаго чина, стр. 636.

известно, писалъ Денисовъ въ своихъ поморскихъ отвѣтахъ ¹⁶⁵⁾ и отдѣльномъ сочиненіи „О бытіи послѣдняго времени и противникъ Божіемъ антихристъ: что существующее время по всѣмъ обстоятельствамъ самое послѣднее, о коемъ Духъ Божій гласитъ вездѣ сынамъ Человѣческимъ въ горестныхъ образахъ и плачевидно. Писано противъ заблужденія Стефана архіепископа рязанскаго“ ¹⁶⁶⁾. Судя по заглавію, можно думать, что нѣкоторые изъ раскольническихъ сочиненій объ антихриствѣ писаны по поводу сочиненія Стефана Яворскаго ¹⁶⁷⁾. Книга это заслуживаетъ особеннаго вниманія не по своему вліянію на раскольническое ученіе, а по тому, что она есть несомнѣнное свидѣтельство бдительности нашихъ пастырей и готовности дать отвѣтъ во всякое время. Что касается до вліянія этой книги на религиозное ученіе раскольниковъ, то, нужно полагать, оно было не велико. О вліяніи этого произведенія Соловьевъ въ исторіи Россіи такъ говоритъ: „Стефанъ Яворскій написалъ книгу противъ ученія Григорія Талицкаго подъ заглавіемъ: „знаменія прішествія антихриста“; но какъ обыкновенно бываетъ, книгу читали тѣ, которые и безъ нея не вѣрили, что Петръ — антихристъ, а въ низшихъ слояхъ народа книгу Стефана не читали и мысль объ антихриствѣ не умирала въ людяхъ, страдавшихъ боязнію новаго“ ¹⁶⁸⁾. Это не совсѣмъ вѣрно. Одно то, что раскольники писали противъ этой книги, достаточно свидѣтельствуетъ о томъ, что эта книга проникала и въ массу. Книга не произвела особенно сильнаго впечатлѣнія на раскольниковъ— это правда, но не произвела главнымъ образомъ потому, что при условіяхъ того времени и никакая книга не могла произвести особенно сильнаго вліянія. Самъ же Соловьевъ дальше приводитъ факты, изъ которыхъ можно видѣть, что самъ Петръ давалъ для подобныхъ предположеній основаніе ¹⁶⁹⁾.

Послѣ поморскихъ предѣловъ и Сибири расколъ нашелъ себѣ убѣжище въ предѣлахъ ростовскихъ, калужскихъ и нижегород-

¹⁶⁵⁾ Поморскіе отвѣты, л. 208—9. Рукопись курской духовной семинаріи.

¹⁶⁶⁾ Раскольнич. библиографія Любопытнаго, № 10, стр. 27

¹⁶⁷⁾ Тамъ же, №№ 288, 325 и 350.

¹⁶⁸⁾ Исторія Россіи Соловьева, т. XV, стр. 134.

¹⁶⁹⁾ Тамъ же, стр. 134—137.

скихъ. Дикія непроходимыя дебри и вѣковые лѣса, растянувшіеся на огромныя пространства, скрывали раскольниковъ отъ глазъ духовнаго и гражданскаго правительства, ставили ихъ внѣ всякаго вліянія и давали имъ полную свободу дѣйствій. Такое необыкновенно выгодное положеніе въ этой мѣстности раскольниковъ принесло свои горькіе плоды. Вся эта мѣстность была заражена расколомъ, самый расколъ развѣтвился на множество сектъ, толковъ оогласій: „что ни мужикъ, то вѣра, что ни баба—то толкъ“. Въ такомъ состояніи засталъ ростовскую епархію св. пастырь Димитрій. Сознавая, что главная и священнѣйшая обязанность пастыря—заботиться о спасеніи овецъ заблудшихъ и погибающихъ, святитель Димитрій рѣшился оставить всѣ свои дѣла и написать такое сочиненіе, которое бы могло подѣйствовать на черствую душу отступниковъ и возвратитъ ихъ въ лоно св. церкви, рассуждая при этомъ такъ: „яко о лѣтописаніи (которымъ былъ занятъ въ это время) меня Богъ не истязеть, а о семъ, аще молчать буду противъ раскольниковъ, истязеть“¹⁷⁰⁾. Это сочиненіе—Розыскъ.

Ближайшій поводъ къ написанію Розыска объясняетъ самъ св. Димитрій. Въ предисловіи онъ говоритъ: противу раскольническаго упорства довольно отвѣтствуютъ двѣ изрядныя книги, яже преждніи святѣйшіи патріархи московскіе со освященнымъ соборомъ написаша, которымъ книгамъ именованія суть сія: Жезль Правленія и Увѣтъ духовный. И не требъ лучшихъ отвѣтовъ на возраженіе умствованія безумнаго противниковъ святой церкви; но понеже тѣ книги въ нашей епархіи обрѣтаются ли гдѣ, нѣсть извѣстѣнь, и едва обрѣтаются: ненавистная бо рука раскольническая истребляетъ я. Того ради краткую сію книжицу по должности моея написахъ: находящимъ бо волкомъ на стадо, не подобаеть пастырю сномъ одержиму быти“. Но не это одно побудило св. Димитрія взяться за перо, хотя раскольники дѣйствительно заботились объ истребленіи полемическихъ книгъ: главное побужденіе къ составленію новаго полемическаго сочиненія лежитъ въ расколѣ и его свойствахъ¹⁷¹⁾.

¹⁷⁰⁾ Діорій 1708 г. Ноябрь.

¹⁷¹⁾ Розыскъ предисловіе.

На соборѣ 1682 года раскольники отстаивали только старыя поврежденные книги, укоренившіеся издавна неправильные обычаи—двуперстіе, двукратное аллилуія и тому под., но еще содержали въ цѣлости ученіе церкви и даже, строго говоря, не порвали съ церковію общенія: они въ лицѣ патріарха видѣли патріарха, не отказывались принять отъ него благословеніе и требовали только, чтобы онъ благословлялъ ихъ по старому.

Съ 1682 г. по 1708 расколъ сдѣлалъ громаднѣйшій шагъ впередъ: Жезлъ и Увѣтъ уже были недостаточны для полемики съ расколомъ, такъ какъ расколъ принялъ совсѣмъ иное направленіе. Многія изъ раскольническихъ сектъ вооружались уже не противъ новыхъ книгъ, иконъ, четвероконечнаго креста, тройнаго аллилуія, но вообще противъ иконъ, креста, мощей и всякой святыни. Мужики и бабы начали открыто проповѣдывать, что не только не слѣдуетъ ходить въ церковь православную, но что вообще не должно поклоняться иконамъ; такъ какъ Богъ требуетъ одного поклоненія только *духомъ и истинною*. Но не остановились и на этомъ. Отвергнувъ всякую виѣшность, раскольники отвергли самое основаніе и сущность христіанской религіи, утверждая, что „евангельская исторія есть иносказаніе и притча“¹⁷²). Понятно само собою, что для правильной и успѣшной борьбы съ расколомъ въ томъ видѣ и направленіи, которое онъ принялъ, Жезла Правленія и Увѣта духовнаго было недостаточно: Жезлъ и Увѣтъ защищали только нѣкоторыя частности; теперь необходимо было защищать самую сущность и основанія православной вѣры. Это именно и побудило св. Дмитрія Ростовскаго написать „Розыскъ о раскольнической брынской вѣрѣ, о ученіи ихъ, о дѣлахъ ихъ, и изъясненіе, яко вѣра ихъ не права, ученіе ихъ душевредно и дѣла ихъ—не богоугодны.

Цѣль написанія объясняетъ самъ святитель. „Не довѣтъ нашему смиренію къ вамъ, о возлюбленній! самими токмо устными словесы бесѣду простирати, но и писаніемъ полезная бесѣдовати подобаетъ. Устная бо бесѣда блжзъ токмо слышится: а яже писанію предаются, то и въ концы вселенныя происходятъ. Устно реченное слово скоро отъ памяти человѣческія отъ-

¹⁷²) Розыскъ гл. X, стр. 151. XI, стр. 161. XII, стр. 173—74. XIV, стр. 211. IX, стр. 129. XXI, стр. 351.

емлется: написанное же незабвенно пребываетъ. Яже бо усты глаголю и ихъ же вы научаю, то судихъ и писанію предати и въ епархіи послати; понеже самому мѣѣ невозможно, нѣвнѣихъ ради винъ, проходити паству нашу и вездѣ люди Божія устно и лицезрительно поучати. Сіе убо мое посланіе вмѣсто мене буди проходя въ селы и грады епархіи нашія, и уча вы и увѣщевая, еще не прельщатися раскольническими ложными ученіи, но грѣшцѣ въ православной вѣрѣ стояти, придерживащеся матери нашей святыи соборныи апостольскія церкви ¹⁷³⁾. И такъ, Розыскъ написанъ прежде всего съ тою цѣлію, чтобы предостеречь православныхъ отъ раскольничей пропаганды и обличить раскольническія мудрованія, чего невозможно было сдѣлать одною устною проповѣдью. Потому, чтобы сильнѣе подѣйствовать на свою паству, такъ какъ устная проповѣдь не приносила почти никакой пользы по замѣчанію самого святителя: „понеже словеса изъ устъ богѣе плутъ на вѣтеръ, чѣмъ на сердце слушателей; того ради яхся писать особую книжицу противъ раскольническихъ учителей“ ¹⁷⁴⁾. Наконецъ, чтобы дать духовенству своей епархіи вѣрное орудіе для борьбы съ расколомъ и побѣды надъ нимъ ¹⁷⁵⁾.

Приступая къ сочиненію Розыска, св. Дмитрій тщательно позаботился собрать все относящееся къ вѣроученію и жизни раскольниковъ. Кромѣ тѣхъ свѣдѣній, которыя св. Дмитрій приобрѣлъ изъ частныхъ сношеній съ раскольниками, какъ епархіальный архіерей, св. Дмитрій собиралъ свѣдѣнія о расколѣ всюду, гдѣ только можно было. Онъ просилъ всѣхъ, знакомыхъ съ ученіемъ и нравственнымъ состояніемъ раскола, доставлять ему свѣдѣнія о расколѣ, раскольническія сочиненія, письма, тетради и т. под. и просьбы его не остались безъ исполненія. Много ему доставлялъ свѣдѣній объ ученіи и жизни раскольниковъ Макарій, инокъ обращенный Питиримомъ ¹⁷⁶⁾, Іоасафъ — строитель Спасо-Раевской пустыни, который между прочимъ доставилъ св. Дмитрію неизвѣстнаго автора отвѣтное слово противъ рас-

¹⁷³⁾ Розыскъ, стр. XII.

¹⁷⁴⁾ Діорія 1708 г. Ноябрь.

¹⁷⁵⁾ Словарь писателей духовнаго чина, стр. 127.

¹⁷⁶⁾ Розыскъ, стр. 65, 599, 606 и 632.

больниковъ ¹⁷⁷⁾. Отъ этихъ-то людей, прежде раздѣлявшихъ раскольническія бредни, Димитрій могъ получить списки писемъ расколуучителя Аввакума и ученика его Герооая, на которыя онъ часто ссылается въ своемъ Розыскѣ ¹⁷⁸⁾, раскольническій свитокъ о крестѣ ¹⁷⁹⁾, равно какъ и посланія сибирскаго митрополита Игнатія ¹⁸⁰⁾ и Олонецкаго миссіонера Іосифа ¹⁸¹⁾. Нѣкоторыя свѣдѣнія онъ приобрѣлъ изъ донесеній мѣстныхъ священниковъ ¹⁸²⁾.

Какъ ни обширны были свѣдѣнія о расколѣ, добытыя св. Димитріемъ этимъ путемъ, для предположенной цѣли ихъ было недостаточно: св. Димитрій обратился за пособіями къ своимъ московскимъ знакомымъ. При самомъ началѣ труда св. Димитрій обратился къ Θεологу съ такою просьбою: „нѣтъ-ли у васъ какой-либо новинки или диковинки раскольнической? Молю, возлюбленне! еще есть, послы ми. Гдѣ бы мнѣ найти евангеліе вѣчное, кое Аввакумъ раскольникъ писалъ? Не возможно ли гдѣ въ Москвѣ сыскать, прошу“ ¹⁸³⁾. Евангеліе Аввакумова сильно занимало св. Димитрія; о присылкѣ его онъ просилъ Θεолога и въ другомъ своемъ письмѣ: „евангеліе Аввакумова мнѣ зѣло желается вѣдать, что въ немъ писано! кто ми дастъ его?“ Но все-таки не могъ найти его ¹⁸⁴⁾. Счастливейе былъ св. Димитрій въ приобрѣтеніи другихъ раскольническихъ сочиненій. „Свитокъ раскольническій, пишетъ онъ къ Θεологу, жи и хуленія преиспопненныи, списалъ и послалъ къ вамъ; и другія два малыя“. Потомъ просилъ доставить ему свѣдѣнія о скитахъ раскольническихъ и вѣрахъ ихъ“ ¹⁸⁵⁾.

Занимаясь опроверженіемъ раскольническихъ доводовъ, св. Димитрій часто прибѣгалъ къ Θεологу за справками, за руко-

¹⁷⁷⁾ Розыскъ, стр. 64.

¹⁷⁸⁾ Розыскъ, стр. 52, 59, 62, 73, 77, 79, 486 и 601.

¹⁷⁹⁾ Розыскъ, стр. 388, 447, 485, 486, 487, 490, 515 и 529.

¹⁸⁰⁾ Розыскъ, стр. 566, 584, 628 и 629.

¹⁸¹⁾ Розыскъ, стр. 588.

¹⁸²⁾ Розыскъ, стр. 161, 173 и 211.

¹⁸³⁾ Письмо 20.

¹⁸⁴⁾ Письмо 18. Розыскъ, стр. 77.

¹⁸⁵⁾ Письмо 18, 4.

писанія, на которыхъ раскольники основывали свои мнѣнія. „Прощу честь твою, принѣи житіе св. Евросина, иже ходилъ въ Царь-градъ по алилуіа..., чтобы мнѣ освѣдомиться подлинно: какъ явилась Пресвятая Богородица и какъ велѣла алилуіа говорити“ и, получивъ житіе съ дополнительнымъ описаніемъ житія Евросина, писалъ къ Θεологу: „Евросинъ святой—святъ, а алилуіа ихъ не мню быти свято, самое сновидное и противное православію; какъ хотѣлось кому такъ и бредили безъ ума. Развѣ кто невѣжи имѣють вѣру такой лжѣ. Я не стану писать объ алилуіа, понеже о томъ довольно изрядно писано и въ духовномъ Увѣтѣ. Довлѣетъ моей худости писать о томъ, чего въ тѣхъ книгахъ не написано, написанное же повторять не настоитъ нужды“¹⁸⁶). Отъ Θεолога же онъ получилъ свѣдѣнія о формѣ креста на сосудахъ Антонія Римлянина, хранившихся въ Успенскомъ соборѣ, и книжицу „Зеркало“, написанную неизвѣстно кѣмъ противъ раскола и добытыми свѣденіями воспользовался¹⁸⁷). Святитель Димитрій уже окончилъ соевѣмъ Розыскъ, какъ узналъ о нѣкоторыхъ чисто рационалистическихъ мнѣніяхъ, укоренившихся въ нѣкоторыхъ раскольническихъ обществахъ. Нужно было приостановить изданіе и пополнить вновь.—„Еще мя раскольники раздражили, писалъ онъ къ Θεологу, и возбудили написать о исторіи евангельской и о притчахъ“¹⁸⁸). Со времени собора 1682 года расколъ сдѣлалъ страшный шагъ впередъ. Отторгшись отъ церкви, не имѣя іерархіи, раскольники по необходимости одно должны были измѣнить, другое соевѣмъ оставить, иное перетолковать: ученіе церкви, слѣдовательно, и ученіе раскола мало имѣли уже между собою общаго; самъ расколъ, лишившись благодѣтельнаго и необходимаго руководства церкви, разбился на множество направлений, толковъ, согласій и т. под. Понятно само собою, что при такомъ положеніи дѣла простая и для цѣли очень удовлетворительная форма полемики Жезла и Увѣта была очень недостаточна и даже положительно неприложима. Новому полемическому сочиненію, направленному противъ раскола во всѣхъ его видахъ, требовалась иная болѣе

¹⁸⁶) Письмо 6, 8.

¹⁸⁷) Розанскъ, стр. 432. Письма 7, 11.

¹⁸⁸) Письмо 31.

систематическая форма изложенія. Хорошо понималъ это св. Димитрій и далъ своему сочиненію научную, болѣе соответственную существу дѣла форму. Собранный имъ матеріалъ онъ привелъ въ порядокъ, въ систему, обобщилъ тамъ, гдѣ возможно обобщеніе, и въ этомъ его существенное отличіе отъ полемическихъ сочиненій прежняго времени. Розыскъ св. Димитрія ростовскаго есть первый и очень замѣчательный опытъ систематическаго обличенія раскола.

По внѣшней своей формѣ Розыскъ есть схоластическій искусно построенный силлогизмъ. Православное ученіе церкви, которое онъ всегда почти излагаетъ въ началѣ обличенія того или другаго неправильнаго умствованія раскольниковъ, есть такъ сказать средній терминъ, (большая посылка), которому подчиняетъ или съ которымъ сопоставляетъ меньшій—ученіе раскола, откуда уже и выводитъ, что вѣра раскольниковъ неправая и не старая, ученіе ихъ ложное и душевредное, дѣла ихъ не богоугодны. Это можно сказать,—постоянный и единственный методъ, которому святитель Димитрій слѣдуетъ въ своемъ Розыскѣ; отступленія рѣдки и объясняются причинами случайными. Такъ напр., поставивши своею задачею въ первой части Розыска исследовать: „есть ли ихъ (раскольниковъ) вѣра правая вѣра?“ и „есть-ли ихъ вѣра старая вѣра?“—Св. Димитрій рѣшаетъ вопросъ: что есть вѣра? и довольно подробно излагаетъ объ этомъ предметѣ ученіе православной церкви¹⁸⁹⁾. Изложивши православное ученіе, св. Димитрій приступаетъ къ разбору: вѣра расколическая есть-ли правая вѣра? и говоритъ. „Исповѣдуютъ учителя Брынскіи вѣру во единого Бога, а въ вещества зримомъ и осязаемомъ Божества ищутъ и въ веществахъ зримыхъ и осязаемыхъ вѣру свою полагаютъ.

Старая икона то ихъ вѣра

Осьмиконечный крестъ то ихъ вѣра

Седмь просфоръ въ литургісаніа-то ихъ вѣра

Старыя книги то ихъ вѣра

Сложеніе перстовъ по ихъ праву-то ихъ вѣра.

О пребезуміи! Еда ли икона есть Богъ? или число роговъ крестныхъ есть Богъ? еда ли число просфоръ есть Богъ? еда ли

¹⁸⁹⁾ Ромскъ, стр. 1—9.

сложеніе перстовъ вашихъ есть Богъ?—Свята икона честная, но нѣсть Богъ. Святъ крестъ святой, но нѣсть Богъ. Святы просфоры, крестною печатію знаменованная, но не суть боги. Честны суть и персты ко изображенію креста, коимъ-либо образомъ слагающіеся, но не суть боги. Все то вещество зримое ослазаемое, а не боги,

А понеже не боги: убо не вѣра.

И приходитъ къ такому заключенію: „всякъ не во единого невидимаго Бога, но во многая видимая и осязаемая вещества вѣруй, не право вѣруетъ. А понеже раскольники не во единого невидимаго Бога, но во многія видимая и осязаемая вещества: въ ветхія иконы, во осмиконечные кресты, въ число просфорное, въ старыя книги, въ сложеніе по ихъ нраву перстовъ,—вѣрують; убо вѣра ихъ нѣсть правая вѣра, но кривая, въ веществахъ видимыхъ и осязаемыхъ Божества ищущая“¹²⁰). Но это не значитъ, что св. православная церковь не почитаетъ иконъ, креста и пр.; напротивъ: почитаемъ мы иконы святыхъ, почитаемъ и честный Крестъ Господень и проч., и св. Дмитрій вновь излагаетъ православное ученіе объ этомъ предметѣ—на основаніи св. писанія, св. преданія, богослужебныхъ книгъ, правилъ соборныхъ и книгъ, пользующихся уваженіемъ самихъ раскольниковъ; потомъ опять переходитъ къ раскольническому ученію. „А что раскольники говорятъ, будто св. отцы по старымъ книгамъ спаслися; то они отъ неразумія своего лгутъ: ни по старымъ бо реченіямъ книжнымъ ни по новымъ кто спасается, но по своимъ добрымъ дѣламъ и вѣрѣ непорочной. А что раскольники порочатъ насъ, акабы новыми книгами перемѣнили вѣру, на то отвѣщаемъ: святой апостоль Іаковъ, братъ Божій, отъ самого Христа поставленный первый епископъ Іерусалиму, написа святую литургію. Та его литургія бяше во всѣхъ церквахъ восточныхъ поема лѣтъ близъ четырехъ сотъ. Та же св. Василій Великій, столпъ церковный и учитель вселенныя, оставилъ Іаковлю литургію и свою написалъ, предаде церквамъ. Здѣ вопрошаю суемудрцевъ брынскихъ; перемѣнилъ ли Василій Ве-

¹²⁰) Розыскъ, стр. 9—12.

ликій старую вѣру, написавши новую литургію? По немъ св. Іоаннъ Златоустъ, свою литургію, яже и до днесь поема есть, написавъ, предаде церквамъ: перемѣнили ли Златоустъ вѣру¹⁹¹⁾. „Аще премѣненіемъ старыхъ нѣкихъ реченій въ новыхъ книгахъ вѣру перемѣнили, убо по вашему мнѣнію глаголати бы, яко и святые евангелисты, не согласно нѣкая реченія и дѣянія написавшіе, премѣненну между собою сотворили вѣру“. Св. Димитрій указываетъ „несходство въ нѣкихъ реченіяхъ и повѣствованіяхъ“ въ четырехъ Евангеліяхъ¹⁹²⁾ и потомъ переходитъ къ частностямъ—объ Іисусовой молитвѣ, о имени Іисуса и т. д.

Слѣдуя этому методу, св. Димитрій во второй статьѣ первой части Розыска рѣшаетъ вопросъ: „есть ли раскольническая вѣра старая вѣра?“ А такъ какъ истинно древняя вѣра содержится во двои: 1) въ догматѣхъ православныхъ, святыми апостолами и вселенскими соборами утвержденныхъ; 2) и въ преданіяхъ церковныхъ древнихъ, яже святые апостолы и святые древніи отцы предаша содержати вѣрующимъ православно“: то св. Димитрій считаетъ необходимымъ напередъ разсмотрѣть „обое то и догматы и преданія церковная, и потомъ уже повѣрить: есть ли брынская вѣра старая вѣра“¹⁹³⁾? Излагая ученіе церкви и сопоставляя съ нимъ ученіе Аввакума, св. Димитрій дѣлаетъ заключеніе: „се, о возлюбленніи правовѣрніи людіе, истинныя Христова стада овцы и святыя церкви, ея искренніи чада: разломихомъ здравымъ разсужденіемъ первый брынскаго сада плодъ, вѣру ихъ зловѣрную и подлиннымъ розыскомъ розыскали двое: есть ли ихъ вѣра правая вѣра? и есть ли ихъ вѣра старая вѣра? И обрѣтохомъ въ томъ плоду, якоже въ Содомскомъ красноцвѣтномъ яблокѣ не вкусъ сладкій, но смрадный прахъ и пепель обрѣтохомъ, глаголю, яко нѣсть ихъ вѣра правая вѣра, но кривая вѣра: и нѣсть вѣра ихъ старая вѣра, но новая вѣра“¹⁹⁴⁾.

Во второй части Розыска св. Димитрій изслѣдуетъ ученіе раскольниковъ съ трехъ главныхъ сторонъ: „есть ли ихъ ученіе

¹⁹¹⁾ Розыскъ, стр. 23—26.

¹⁹²⁾ Розыскъ, стр. 35.

¹⁹³⁾ Розыскъ, стр. 49.

¹⁹⁴⁾ Розыскъ, стр. 82.

не ложно? 2) есть ли ученіе ихъ не еретическо? 3) нѣсть ли въ ученіи ихъ хулы на святыя вещи“? Выставивъ главные и существенные признаки истиннаго и не еретическаго ученія, св. Димитрій доказывалъ въ 1-й статьѣ ложь ученія раскольниковскаго: ложь раскольническую о антихристѣ, кривой толкъ ихъ о святѣй жертвѣ, о церкви рукотворенной, о поклоненіи, о святыхъ иконахъ, о святыхъ мощахъ, о времени послѣднемъ, о вѣрѣ на земли, о образѣ и подобіи Божіи въ человѣцѣхъ, о исторіи евангельской и о притчахъ, о милостынѣ въ тайнѣ; во 2-й еретичность ихъ ученія, въ 3-й хулу еретиковъ на святыя вещи,— въ частности на четвероконечный крестъ, на триперстное сложеніе, на божественныя тайны, на архіерейскій чинъ и Божіи церкви ¹⁹⁵).

Третья часть Розыска посвящена рѣшенію вопросовъ: какія дѣла добрыя угодны Богу и могутъ ли быть угодны Богу дѣла раскольниковъ? На основаніи собранныхъ фактовъ, св. Димитрій рисуетъ нравственную жизнь раскольниковъ съ самой мрачной стороны; но и добрыя дѣйствительно дѣла, говоритъ онъ, не могутъ принести имъ пользы, не могутъ спасти ихъ, такъ какъ они совершаются внѣ церкви и людьми, неимѣющими истинной правой вѣры въ Бога, а дѣла могутъ быть богоугодны и полезны для нашего спасенія подѣ тѣмъ только условіемъ, если мы право вѣруемъ въ Бога и не противимся церкви ¹⁹⁶).

Размѣры нашего сочиненія не позволяютъ намъ полнѣе изложить содержаніе этой въ высшей степени замѣчательной полемической книги; замѣтимъ только, что св. Димитрій, какъ получившій полное систематическое богословское образованіе, мѣтко и сильно поражаетъ своихъ противниковъ. Доводы его всегда основаны на ученіи Св. Писанія и писаній отеческихъ, на правильныхъ умозаключеніяхъ, и по большей части неопровержимы, такъ какъ основаны на источникахъ, не допускающихъ возраженій и опроверженій. Тонъ серьезный и строгій. Впрочемъ, какъ получившій серьезное богословское образованіе и не знавшій ничего о расколѣ въ прежнее время, св. Димитрій иногда не можетъ воздержаться отъ насмѣшки надъ бреднями расколуучителей, ко-

¹⁹⁵) Розыскъ, стр. 88—532.

¹⁹⁶) Розыскъ, стр. 533 до конца.

торые поражаютъ всякою своею нелѣпостію. Такъ напр. въ XXVII главѣ 1-й части, св. Димитрій, обличая неправомысліе раскольниковъ о догматахъ вѣры и ихъ новые догматы, пишетъ: „Той же лжеевангелистъ и лжеучитель раскольниковскій Аввакумъ безумная своя ученія и видѣніимъ нѣкимъ чудеснымъ, бывшимъ ему, утверждаетъ, о коемъ видѣніи пишетъ сице: „не ялъ де я въ великій постъ 14 дней и видѣлъ себя велика, руки и ноги и зубы, и весь распространился по всему небеси: и потомъ-де вмѣстилъ Богъ въ меня небо, и землю и всю тварь“. О видѣніи чуднаго! о изряднаго чудотворца! небо, и землю и всю тварь съѣлъ, гортанію своюю поглотилъ, во чрево свое вмѣстилъ! Знатно выголодался гораздо, по 14 днехъ посѣщенія своего толь ясти восхотѣ, яко не токмо каменіе, но и всю землю съ небомъ и всею тварію изъяде. Какъ не просядеся чрево его! и дивно, что учениковъ своихъ не пояде. Мню же, яко души ихъ давно уже поглотилъ и во адовъ отходъ низпустилъ“¹⁹⁷⁾.

Впрочемъ такихъ мѣстъ очень немного. По большей части рѣчь св. Димитрія кротка, полна достоинства и располагаетъ болѣе къ примиренію и спокойному обсужденію спорныхъ пунктовъ, чѣмъ къ раздраженію; по крайней мѣрѣ это можно сказать о тѣхъ мѣстахъ, гдѣ дѣло идетъ о несущественныхъ разносіяхъ. Нигдѣ св. Димитрій не возводитъ несущественнаго на степень необыкновенно важнаго, на степень догмата. Такъ напр. говоря о числѣ просфоръ на литургіи, св. Димитрій не счелъ нужнымъ даже доказывать, сколько должно быть просфоръ на литургіи и удивлялся только, какъ могъ произойти изъ-за этого споръ. „Дивно убо, почто споръ дѣется въ раскольникахъ о числѣ просфоръ: ни въ пяти просфорахъ, ни въ семи просфорахъ таинство совершается, но въ единой, изъ нея же вземлетсѣ агнецъ. И въ первенствующей церкви, во дни апостольскіе, на единой токмо просфорѣ литургія совершаласѣя, якоже отъ Самаго Христа Господа на тайнѣй вечера предадѣся. Послѣди приложисѣя и другія воспоминанія ради имени, о нихъ же приносится безкровная жертва“¹⁹⁸⁾. Въ доказательствахъ св. Димитрія нельзя не видѣть сравнительно большей силы и основа-

¹⁹⁷⁾ Розыскъ, стр. 19—80.

¹⁹⁸⁾ Розыскъ, стр. 22—23.

тельности, чѣмъ въ предъидущихъ полемическихъ сочиненіяхъ. Такъ объявивши напередъ, что православные одинаково почитаютъ, какъ четвероконечный, такъ и осьмиконечный крестъ, и что слѣдовательно объ этомъ, строго говоря, не должно бы быть и рѣчи, св. Димитрій неоспоримо доказываетъ, что 1) четвероконечный крестъ не есть сѣновный крестъ, какъ утверждаютъ раскольники: ибо въ ветхозавѣтной церкви и въ практикѣ еврейской націи креста совсѣмъ не было; въ прообразахъ же онъ долженъ былъ по необходимости быть четвероконечнымъ, напр., въ благословеніи патріарха Іакова и проч. 2) Иисусъ Христосъ былъ несомнѣнно распятъ на четвероконечномъ крестѣ который раскольники, не понимая смысла слова, называютъ латинскимъ крестомъ: ибо Христа распялъ Пилатъ, а не жиды, и слѣдовательно распялъ на своемъ крестѣ — крестѣ; но еслибы былъ въ употребленіи и другой осьмиконечный крестъ, и въ такомъ случаѣ необходимо признать, что Христосъ былъ распятъ не на осьмиконечномъ крестѣ, а на четвероконечномъ. „Егда Христосъ Господь несаше раменами своими крестъ, тогда крестъ той не бѣ еще осьмиконеченъ, но токмо четвероконеченъ, понеже не бѣ еще на немъ ни титла ни подножія. Не бѣ титла, тую уже на Голгоѣ, Христу распяту бывшу, повелѣ Пилатъ возложити на крестъ. Не бѣ подножіе, понеже еще не вознесенъ бысть Христосъ на крестъ, и не выдаху воины, до коего мѣста досяжутъ ногѣ Христовы, ни содвяху подножія, развѣ то на Голгоѣ сотвориша“...¹⁹⁹⁾).

Въ концѣ книги вмѣстѣ съ пастырскимъ наставленіемъ св. Димитрій обращается къ здоровому смыслу всѣхъ: онъ представляетъ перечень дѣлъ раскольническихъ, которыя однимъ своимъ именемъ безъ всякаго объясненія должны доказать каждому здравомыслящему, что въ раскольническомъ обществѣ нѣтъ и быть не можетъ ни истинной вѣры, ни нравоученія, ни истинно добрыхъ и спасительныхъ дѣлъ. Они сожигаютъ и сожигаются; предъ соженіемъ женскъ полъ блудомъ оскверняютъ; сожженныхъ людей имѣнія себѣ похищаютъ. Морятъ голодомъ на смерть; сею виною другъ друга ясть жива въ затворѣ. Дѣвка волшеб-

¹⁹⁹⁾ Розыскъ, стр. 443, 444.

нымъ изюмомъ причащаетъ. Младенца закалаютъ; чародѣйствами людей къ себѣ привлекаютъ; бракъ законный блудомъ нарицаютъ; блудъ любовію Христовою глаголютъ быти; мужика Христомъ дѣлаютъ, и аки Христу кланяются ему. Лицемѣрствуютъ. Еретики Аввакума провѣятого въ святыхъ почитаютъ. Перекрещиваютъ и иноковъ перестрыгаютъ. Поповъ, преемлемыхъ ими, переставляютъ. Въ плать молитву читаютъ попы ихъ. Несвященные простые мужики іерейская дѣйствуютъ. Причастіе ложное творять. За царя Бога не молятъ. Иныя и крещенія отнюдь не имѣютъ, иныя субботствуютъ по жидовски. Вся сія дѣла ихъ добрыя ли суть и богоугодная ли, всякъ здравымъ разумомъ рассуди и виждь²⁰⁰⁾. Преподавъ пастырское наставленіе, какъ они должны относиться и обращаться съ раскольниками, святитель заключаетъ свое произведеніе молитвой. „Богъ же премилосердный, не хотяи смерти грѣшныхъ, развратившихся въ расколъ и раздоры и отпадшихъ церкви Его святыхъ, да обратитъ ихъ на путь правый, имиже вѣсть судьбами, и да присоединитъ тѣхъ паки святому своему избранному стаду... Васъ же чады своихъ, придерживающихся Матери свои святыхъ каеолическихіа церкви, и въ правовѣрїи пребывающихъ да утвердитъ и укрѣпитъ въ святой вѣрѣ непоколебимы, и церковь свою да соблюдетъ непреодолимну адовыми враты до скончанія вѣка. Аминь“²⁰¹⁾.

Мы уже говорили, что Розыскъ есть ни что иное, какъ правильный и искусно построенный силлогизмъ: въ этой формѣ главнымъ образомъ достоинства и недостатки этого произведенія. Правильно искусно составленный силлогизмъ, даже заключающій въ себѣ нѣчто неистинное, не такъ удобенъ къ разрушенію; ложь часто открывается съ большимъ трудомъ и при самомъ строгомъ изслѣдованіи матерїи и формы силлогизма. Искусно же составленный силлогизмъ, основанный на истинныхъ началахъ, совершенно законный по матерїи и формѣ, положительно неразрушимъ. И раскольники при всѣхъ своихъ усилїяхъ не могли сдѣлать ни одного сколько-нибудь серьезнаго возраженія. Нападали на нѣкоторыя слова, на отдѣльныя рѣчія выраженія, повидимому невѣрные факты, но не могли сдѣлать серьезнаго

²⁰⁰⁾ Розыскъ, стр. 610—611.

²⁰¹⁾ Розыскъ, стр. 642.

возраженія на все сочиненіе, которое стоит положительною уликою, осужденіемъ раскольниковъ; Розыскъ доселѣ не даетъ раскольникамъ покою, и тогда какъ о другихъ полемическихъ сочиненіяхъ раскольники повидимому давно забыли, Розыскъ доселѣ вызываетъ новыя сочиненія въ расколѣ, чѣмъ очевидно въ одно и то же время доказывается и сознание раскольниковъ въ несостоятельности собственныхъ возраженій на эту книгу и опасеніе ихъ за ея вліяніе на судьбу раскола. Но изъ того же самаго начала вытекаютъ и недостатки Розыска. Вѣра и ученіе очень тѣсно сливаются между собою, и строго говоря ихъ невозможно разграничивать и отдѣлять другъ отъ друга, но по поставленной схоластической задачѣ ихъ необходимо было разграничить, и отъ этого произошла нѣкоторая путаница, повтореніе, растянутасть. Впрочемъ, растянутасть, повтореніе и нѣкоторое отступленіе иногда зависѣло отъ причинъ постороннихъ, напр., отъ того, что то или иное проявленіе раскола узмано было св. Димитріемъ въ то время, когда уже Розыскъ или его извѣстная часть была уже окончена. О поклоненіи духомъ и истинною, притчахъ, евангельской исторіи св. Димитрій узналъ много позже, когда уже былъ окончень Розыскъ, и потому эти части стоять-такъ сказать особнякомъ ³⁰²).

Отсюда же возникаетъ и другой недостатокъ Розыска. Поставивши напередъ себѣ цѣль доказать, что вѣра раскольниковъ не правая и не старая, что ученіе ихъ ложно и душевредно, что дѣла ихъ небогоугодны, св. Димитрій обличаетъ раскольниковъ, такъ-сказать съ внѣшней точки зрѣнія; онъ какъ будто во чтобы то ни стало поставилъ себѣ задачею обличить раскольниковъ, кажется, что онъ обличилъ бы даже тогда, когда не за что было обличить. Несравненно было бы лучше, еслибы онъ восходилъ отъ фактовъ къ заключенію, а не отъ напередъ поставленной схоластической идеи, которую и сдумѣлъ доказать искуснымъ и ловкимъ подборомъ фактовъ. Наконецъ, нельзя не замѣтить еще объ одномъ существенномъ недостаткѣ, который св. Димитрій допустилъ неизвѣстно по какой причинѣ, но который глубоко оскорбилъ и оскорбляетъ лучшихъ изъ раскольниковъ доселѣ: это его ѣдкая саркастическая замѣтка объ имени

³⁰²) Письмо 31, смотр. Розыскъ, стр. 161, 173, 211 и 351.

Исусъ, которое раскольники конечно по невѣжеству признають единственно законнымъ и правильнымъ для имени Спасителя. Доказавши на основаніи историко-филологическихъ данныхъ, что должно писать Исусъ, а не Иусъ, св. Димитрій говоритъ: „ино знаменуеть имя Исусъ, иноже—Иусъ. Исусъ, якоже прежде рѣхомъ, толкуется съ еврейскаго языка *Спаситель*, съ греческаго же—исцѣлитель. Исусъ же что знаменуеть, внемлите. По гречески *Ἰσος*—по нашему глаголется *равный*; оус же глаголется уxo—та два реченія егда воедино мѣсто сложите, будетъ Исусъ, еже глаголати—равноухій... И въ праву, въ нихъ (раскольниковъ) инъ Иусъ: не истиннаго бо Исуса Спасителя и Исцѣлителя исповѣдуютъ, но нѣкоего *Исуса равноухаю*“²⁰²). Такая насмѣшка въ серьезномъ полемическомъ сочиненіи, думаемъ, неумѣстна, тѣмъ болѣе что раскольники съ именемъ Исуса соединяють то же понятіе о достопоклоняемомъ имени Христа Спасителя, Бога нашего, какъ и православные съ именемъ Исуса.

Имѣло ли какой либо успѣхъ это сочиненіе и произвело ли какое существенное измѣненіе въ религіозной и нравственной жизни раскольниковъ? Само собою разумѣется, аподиктически на этотъ вопросъ отвѣчать нельзя; на этотъ вопросъ можно бы удовлетворить только при томъ условіи, еслибы намъ извѣстна была вся раскольническая литература, которая пока намъ извѣстна только „по заглавію“.

Впрочемъ, судя потому, что Розыскъ св. Димитрія ростовскаго вызвалъ много сочиненій въ средѣ раскола, можно полагать, что вліяніе его на судьбу раскола было велико и сильно. Прежде всего намъ извѣстно, что противъ Розыска писалъ Денисовъ въ Виноградѣ Россійскомъ и въ Поморскихъ отвѣтахъ²⁰³) Григорій Яковлевъ въ половинѣ XVIII столѣтія²⁰⁴) и Тимоѳей Андреевъ въ началѣ XIX столѣтія или въ самомъ концѣ XVIII²⁰⁵).

Что же касается до того, какія измѣненія произвелъ Розыскъ

²⁰²) Розыскъ, стр. 46—47. Поморскіе отвѣты, л. 164, л. 200 по Рукопис. курской семинаріи.

²⁰³) Виноградъ Россійскій, л. 107 на оборотѣ, л. 108. Рукопис. москов. дух. академіи. Поморскіе отвѣты, л. 33, 34 на оборотѣ 74 на об. 164 на обор. 200, 290, 294 и 322. Рукоп. курской семинаріи.

²⁰⁴) Раскольник. библиографія Павла Любопытнаго, № 199, стр. 68.

²⁰⁵) Тамъ же, № 600, стр. 133.

въ вѣроученіи раскольниковъ, то кажется можно положительно сказать, что нелѣпныя письма Аввакума были осуждены раскольниками благодаря Ровыску и самъ Аввакумъ изъ святыхъ развѣнчанъ въ еретика самими раскольниками. Споръ объ этихъ письмахъ на Керженцѣ началъ много ранѣе, но особенно одѣлался оживленнымъ и окончился въ то время, когда уже Ровыскъ разошелся въ тысячахъ экземплярахъ по всей Россіи ²⁰⁷⁾.

Въ 1717 г. были написаны, а въ 1723 году по повелѣнію Петра I напечатаны отвѣты Птирима на 240 вопросовъ Чернораменскихъ раскольниковъ подъ именемъ Працицы духовной.

Поводъ и цѣль написанія этого во многихъ отношеніяхъ замѣчательнаго полемическаго сочиненія намъ уже извѣстны (См. о миссіонерской дѣятельности Птирима). Считаемо нужнымъ сказать только о содержаніи, особенностяхъ и достоинствѣ этого сочиненія. Нѣтъ никакого сомнѣнія, что первоначально Чернораменскіе раскольники подали Птириму 240 вопросовъ съ заднею цѣлію затормозить дѣло, уклониться отъ подачи отвѣтовъ на 130 вопросовъ Птирима. Подавая свои вопросы, раскольники рассчитывали, что Птириму или совсѣмъ не возьметъ этихъ вопросовъ или, если возьметъ, не станетъ на нихъ отвѣчать; въ томъ и другомъ случаѣ они могли уклониться отъ подачи отвѣтовъ и считать себя совершенно правыми. Дѣло вопреки ожиданіямъ раскольниковъ приняло совершенно иной оборотъ: черезъ годъ отвѣты на ихъ вопросы были готовы.

Вопросы Чернораменскихъ раскольниковъ очевидно набросаны наскоро, даже небрежно, но рукою искусною, опытною въ этомъ дѣлѣ. Вопросы эти касаются вѣры, догматовъ, преданія и обрядовъ церкви.

Въ числѣ вопросовъ пустыхъ, не относящихся къ дѣлу и выставленныхъ съ единственною цѣлію наложить лишній трудъ на составителя, есть много вопросовъ такихъ, которые несомнѣнно свидѣтельствуютъ, что составитель хорошо зналъ всѣ слабыя пункты раскольническаго ученія и успѣлъ заpastись на случай казуистическими отвѣтами, долженствующими въ глазахъ неопытнаго оправдать и разрывъ раскольниковъ съ церковію и

²⁰⁷⁾ Раскольнич. дѣла XVIII в. Есипова, т. II, стр. 230—260.

необходимое и произвольное отступленіе раскола отъ полноты древне-православнаго ученія церкви. Таковы вопросы Чернираменцевъ о православіи Русской церкви и о Стоглавомъ соборѣ. Ходъ мыслей и внутренняя связь этихъ вопросовъ можетъ быть представлена въ такомъ видѣ. „Какъ смотрѣть на Русскую церковь,—сохранила ли она православіе во всей его полнотѣ и чистотѣ отъ В. Кн. Владиміра до Стоглаваго собора и отъ сего послѣдняго до дней патріарха Никона? Если Русская церковь сохранила во всей чистотѣ древнее православіе, то очевидно не было нужды въ соборѣ и соборъ долженъ былъ впасть въ своихъ опредѣленіяхъ въ ересь или расколъ; но соборъ созванъ былъ, какъ говорили собравшіеся на соборъ, по вопіющимъ нуждамъ церкви и въ своихъ опредѣленіяхъ руководился древнею церковною практикою. Итакъ какимъ образомъ должно смотрѣть на православіе русской церкви до Стоглаваго собора и какъ смотрѣть на Стоглавый соборъ,—какъ на православный, или какъ на соборъ, которымъ внесено неправославіе въ Русскую церковь? Православные говорятъ, что на этомъ соборѣ внесено многое несогласное съ духомъ и положительнымъ ученіемъ церкви православной. Если дѣйствительно опредѣленія этого собора неправославны: то почему никто не заподозрилъ православія этого собора до патріарха Никона не только изъ пастырей Русской церкви, но и изъ пастырей церкви Восточной, гдѣ, какъ говорятъ православные, православіе сохранилось во всей его чистотѣ? Если же никто не заподозритъ этого собора, то одно изъ двухъ необходимо признать: или опредѣленія этого собора признавались какъ въ Россіи, такъ и на Востока православными (потому что въ Россію не разъ приходили восточные архіереи и патріархи), или же, если опредѣленія этого собора дѣйствительно неправославны, русскіе давно утратили древнее православіе и чистоту вѣры и въ Россіи давно уже не было православныхъ архіереевъ и царей“... Составитель вопросовъ не безъ задней мысли зануль слово о православіи царей: раскольники хорошо помнили, какое впечатлѣніе произвело на царевну Софію замѣчаніе Никиты Нустосвата относительно православія Алексѣя Михайловича и Θεодора Алексѣевича; а между прочимъ дѣло поставлено такимъ образомъ: или Стоглавый соборъ православенъ, или всѣ цари русскіе и

архіерей, хотя невольно, были еретиками отъ времени Стоглаваго собора до патріарха Никона ²⁰⁸). Такъ же составитель вопросовъ ставитъ вопросъ о таинствахъ: таинства, совершаемыя по старопечатнымъ книгамъ до изданія книгъ новопечатныхъ, дѣйствительныя святая тайны, и православно ли и по чину ли соверпались онѣ; а если не по чину были совершаемы, не по преданію Христа Спасителя и св. апостолъ и св. отецъ; то ты о всемъ томъ объяви по статьямъ и тѣ незаконно совершаемыя тайны обличи св. Писаніемъ ²⁰⁹).

Не менѣ ловко собраны вопросы, касавшіеся религіознаго состоянія раскола послѣ отдѣленія ихъ отъ церкви. Полемическія сочиненія противъ раскола сдѣлали свое дѣло; они по крайней мѣрѣ убѣдили раскольниковъ въ томъ, что внѣ церкви и законнаго священства нѣтъ спасенія. Эта мысль глубоко запала въ душу раскольниковъ и сильно беспокоила болѣе смыслящихъ изъ нихъ. И вотъ составитель Чернораменскихъ вопросовъ выбралъ такіе вопросы, которые бы или оправдывали раскольниковъ за сдѣланное ими отступленіе отъ древней полноты въ ихъ религіозной жизни, или обвиняли православныхъ въ сдѣланныхъ раскольниками отступленіяхъ и нововведеніяхъ, или наконецъ отняли бы у православныхъ законное право обвинять раскольниковъ въ нововведеніяхъ и перемѣнахъ, такъ какъ тоже самое въ другихъ случаяхъ дѣлаютъ православные. Начиная съ вопроса 209 до 238 почти нѣтъ ни одного вопроса, который бы былъ поставленъ безъ задней мысли, безъ строгой обдуманной цѣли, не давалъ возможности такъ или иначе извернуться, найти выходъ изъ обвиненія въ отступничествѣ и неправомысліи. Известно, что нѣкоторые раскольники послѣ отдѣленія отъ церкви жаждали сохранить всѣ таинства и обряды; но такъ какъ у нихъ не было ни церквей, ни правильно и законно рукоположенныхъ священниковъ: то рождался вопросъ—спасительны ли эти таинства и обряды? Нѣкоторую незаконность ихъ не можетъ ли извинить стѣснительное положеніе раскольниковъ?

Въ вопросѣ 209 чернораменцы спрашивали: „Пречистое Тѣло Христово въ великій четвертокъ готовится на цѣлый годъ;

²⁰⁸) Вопросы 14—24. Пращица л. 36—50. Издан. 1752 г.

²⁰⁹) Вопросы 24—25. Пращица л. 51—52.

если эти тайны ради нужды будут сохраняться многія лѣта: то причащающіеся этихъ тайнъ причастятся ли Тѣла и Крови Христовой или тайны утратятъ свою силу?“ Вопросъ этотъ предложенъ съ заднею цѣлю. Раскольники сохраняли тайны, законно будто бы освященные нѣсколько лѣтъ назадъ; чтобъ онѣ не истощились, ихъ всыпали въ новое тѣсто, потому дѣлили на мелкія частицы и раздавали своимъ единовѣрцамъ какъ истинное Тѣло и Кровь Христову часто по дорогой цѣнѣ: причащавшійся этихъ частицъ Тѣла ли и Крови Христовой причастился? Нѣкоторые изъ раскольниковъ похищали св. Тайны изъ перивей, другіе уговаривали православныхъ священниковъ за деньги совершать литургію по старо-печатнымъ служебникамъ на просѣорахъ съ осьмиконечнымъ крестомъ, послѣ чего тайны поступали въ руки раскольниковъ; посему раскольники спрашивали: совершенныя православнымъ священникомъ тайны на такихъ просѣорахъ будутъ ли дѣйствительнымъ Тѣломъ Христовымъ и Кровію? И принявшій ихъ причастится ли Тѣла и Крови Христовой и будетъ ли спасительно это причащеніе? И погрѣшаетъ ли въ такомъ случаѣ священникъ и чему за это повиненъ? (вопросъ 211—212). Отвѣтъ понятенъ самъ собой, а потому раскольники сдѣлали одинъ шагъ далѣе и спрашивали еще: „Если священникъ по великой нуждѣ совершитъ божественную литургію вмѣсто храма въ приличной храмнѣ съ антиминеомъ или безъ антиминаса: то будетъ ли это Тѣло и Кровь Христовы? и чему будетъ повиненъ священникъ, поступившій такъ, по суду церковному? (вопросъ 213). Составитель вопросовъ чернораменскихъ не сомнѣвался въ отвѣтъ Пителима на этотъ вопросъ; онъ зналъ, что Пителимъ, какъ защищающій дѣло православія, не дастъ утвердительнаго отвѣта на этотъ вопросъ, такъ какъ съ точки зрѣнія церковной это дѣло не законное, непониманіе значенія святыни и таинства. Но составитель вопросовъ въ слѣдующемъ вопросѣ далъ понять, что то же непониманіе значенія таинства видно и въ дѣйствіяхъ православныхъ, которые силою принуждаютъ раскольниковъ принимать святыя тайны (вопросъ 214).

Не менѣе лукаво поставлены слѣдующіе вопросы. „Когда бываетъ нужда христіанамъ—или гоненіе отъ еретиковъ, или отъ невѣрныхъ, или какое-либо отъ кого утѣсеніе, и ради этой

нужды можно ли дѣлать нѣкоторое измѣненіе въ церковномъ чиноположеніи, или и въ это время необходимо исполнять все (215 вопросъ); и если кто въ такое трудное время допустить нѣкоторое измѣненіе въ чиноположеніи, то въ погрѣшеніе ли ему или во спасеніе будетъ?" (вопросъ 216). Съ какою цѣлю заданы вопросы—очевидно для каждаго, но чтобъ затруднить отвѣчающаго, вслѣдъ за этими вопросами поставленъ слѣдующій: „не прилучается ли у васъ (т.-е. православныхъ) единому іерею масломъ соборовати кого кромѣ діавона, и прочихъ священниковъ? и аще случается тако, чесому тотъ іерей подлежати будетъ?“ (217 вопр.) Такимъ образомъ смыслъ этихъ вопросовъ будетъ слѣдующій. Ради нужды мы дѣлаемъ нѣкоторыя отступленія и измѣненія въ церковномъ чиноположеніи, но насъ можно извинить, ибо мы дѣлаемъ отступленій ради нужды и гоненія; но можно ли извинить православныхъ, которые, пользуясь всѣми правами, тѣмъ не менѣе дѣлаютъ отступленія отъ устава и измѣненія, не имѣя къ тому никакой удовлетворительной причины?

Вопросъ 221-й поражаетъ ловкостью своей постановки и приспособленіемъ къ положенію раскола. „У еретиковъ новатіанъ и донатіанъ, въ приношеніи святыя евхаристіи, сущее ли пречистое Тѣло и Кровь Христовы? и сходить ли призыванія ради ихъ Духъ Святой? Понеже о Бозѣ нѣсть погрѣшенія. И аще сущее пречистое Тѣло и Кровь Христова, то достоинъ ли у нихъ христіанамъ причащатися, или ни?“

Нападая и защищаясь въ своихъ вопросахъ, составитель по мѣстамъ выставлялъ вопросы, въ которыхъ дѣлаетъ какіе-то намеки не особенно ясные для насъ, но кажется очень понятные для современниковъ. Питиримъ, хотя и отказывается дать положительный отвѣтъ на вопросы и указываетъ на ихъ неопредѣленность, но судя по очень осторожному отвѣту можно заключить, что Питиримъ знаетъ, куда и съ какою цѣлю бросаетъ камень составитель вопросовъ. Таковы напр., слѣдующіе вопросы: „Аще кій архіерей или іерей имать кую противность, подлежащую ереси и о той противности имать запрещеніе отъ Св. Писанія: онъ же тое положенное запрещеніе презирая и въ ничто же полагая, но паче ратуя: и таковой архіерей или іерей, егда имать совершити святую литургію, имать ли отъ призыванія его Духъ Святой снити, хлѣбъ же и вино въ Тѣло

Христово и въ пречистую Его Кровь, претворити? (вопросъ 219-й). Аще который человекъ общается святыя соборы вселенскія прокляти, еретиковъ же въ сообщеніе пріяти: подобаетъ ли православнымъ епископамъ, въдая такого съ еретими общавшагося, общеніе имѣти, на каковой-либо степень священнической возводити?“ (вопр. 224).

Вопросы темны, неопредѣленны, но несомнѣнно, что они предложены не безъ цѣли, такъ какъ отвѣтъ на эти вопросы очевиденъ самъ по себѣ и безъ особенной цѣли нѣтъ никакого основанія задавать его. Не выдаемъ своего мнѣнія за положительно вѣрное; но намъ кажется, что этими вопросами раскольники бросали камень въ Θεοφана Прокоповича и Петра I. Извѣстно, что Стефанъ Яворскій отказался рукоположить Θεοφана Прокоповича въ санъ епископа, прежде нежели тотъ дастъ письменное отъ себя осужденіе нѣкоторыхъ неправославныхъ убѣжденій, встрѣчающихся въ его сочиненіяхъ; но по приказанію Петра долженъ былъ рукоположить, не дождавшись необходимаго свидѣтельства въ его православіи. Фактъ этотъ былъ безъ-сомнѣнія извѣстенъ не однимъ только рукополагавшимъ, но всѣмъ кто только хотѣлъ знать. Раскольники, собиравшіе все клонившееся къ осужденію церкви въ утратѣ древнаго благочестія въ еретичествѣ, не могли конечно пропустить безъ вниманія такого крупнаго факта, и вотъ при первомъ случаѣ воспользовались имъ...

Не менѣе хорошо знакомъ былъ составитель вопросовъ со всѣми полемическими сочиненіями, которыя изданы были православными противъ раскола. Составитель успѣлъ провѣрить все ихъ содержаніе и сдѣлать замѣчаніе, гдѣ только возможно было. Онъ постоянно задаетъ вопросы въ родѣ слѣдующихъ: „Книга Скрижалъ приводитъ во свидѣтельство къ сложенію трехъ первыхъ перстовъ простыхъ людей, поселянъ—мужей и женъ; также и соборный свитокъ таковыхъ поселянъ приводитъ свидѣтелей: а книга „Увѣтъ“ таковыхъ отрицаетъ, а во свидѣтельство приводитъ сицевыми словесы по Св. Писанію: держай рало когда умудрится? и мужикъ неукъ, когда во истинѣ утвердится? чесо ради не согласуютъ? едини во свидѣтельство пріемлютъ, а друзіи отрицаютъ“ (вопр. 188).

Правда въ числѣ поданныхъ Питириму вопросовъ чернораменцами не мало пустыхъ, на которые приходилось отвѣчать грамматически, а не богословски (вопр. 5); но нужно согласиться, что отвѣчать такому ловкому совопроснику — дѣло далеко не легкое; требовалось самое основательное знаніе Св. Писанія и твореній отеческихъ, церковной общей и русской исторіи, каноники, археологій и т. под., требовались особенная осмотрительность и осторожность въ выраженіяхъ, такъ какъ составитель въ самыхъ вопросахъ своихъ далъ понять, что все въ его отвѣтахъ будетъ завѣшено, провѣрено, оцѣнено. Составитель заранѣе торжествовалъ: онъ кажется вполнѣ былъ увѣренъ, что на его вопросы вовсе не послѣдуетъ отвѣтовъ, или если послѣдуютъ, то неудовлетворительные. Но расчетъ оказался невѣренъ. Питиримъ въ достаточной степени владелъ всеми необходимыми на этотъ разъ качествами. На каждый вопросъ представленъ самый полный и обстоятельный отвѣтъ, способный удовлетворить даже такого взыскательнаго совопросника, какъ Денисовъ, которому принадлежитъ составленіе чернораменскихъ вопросовъ. Въ цѣлой обширной книгѣ нѣтъ ни одного голословнаго отвѣта, всѣ они основаны на такихъ данныхъ положительныхъ и очевидныхъ, противъ которыхъ по большей части невозможно было уже сдѣлать новаго серьезнаго возраженія. Мы въ короткѣ изложимъ содержаніе отвѣтовъ Питирима и предисловія, которое онъ предпослалъ своимъ отвѣтамъ.

Своимъ отвѣтамъ Питиримъ предпослалъ пространное предисловіе, въ которомъ на основаніи Св. Писанія старается доказать, что раскольники не имѣютъ истиннаго Христова ученія и что слѣдовательно среди ихъ Богъ не пребываетъ. Въ основаніе этого предисловія положены слова св. апостола Іоанна: „Всякъ преступаяй и не пребываяй въ ученіи Христовѣ, Бога не имать: пребываяй же во ученіи Христовѣ, сея и Отца и Сына имать“. Выставляя положительное ученіе Христа и апостоловъ и находя, что раскольники отступили отъ ученія, Питиримъ постоянно дѣлаетъ такое заключеніе: и се явственно, что вы во ученіи Христовѣ не пребываете, но преступаете и весьма, и сего ради въ васъ Бога нѣсть. Раскольники послѣ отдѣленія своего отъ церкви, движимые злобою и раздраженіемъ, безумно писали и говорили, что нѣтъ болѣе церкви, нѣтъ та-

инствъ, что вѣра истинная сохранилась только въ ихъ раскольническомъ обществѣ. Пителиръ на основаніи самыхъ ясныхъ мѣстъ Священнаго Писанія и толкованій св. восточной церкви доказываетъ имъ, что церковь непремѣнно пребудетъ до скончанія міра со всѣми ея благодатными дарами и учрежденіями. „Отсюда для всѣхъ очевидно, пишетъ Пителиръ, что всѣ вы противящіеся во ученіи Христовѣ не пребываете, но преступаете его; потому что Христось Самъ о церкви своей сказалъ, что и врата ада не одолѣютъ ее—т.-е. еретики и гонители, по толкованію блаженнаго Теофилакта. Кому же лучше вѣрить—вамъ ли еретикамъ и раскольникамъ, или Христу Господу, Который сказалъ, что церковь Его пребудетъ до скончанія вѣка“²¹⁰⁾ Если же церковь пребудетъ до скончанія вѣка, то необходимо пребудутъ въ ней истинные пастыри; ибо въ церкви положи Богъ первѣ апостолы..., и положивши такой ликъ въ церкви на исполненіе вѣрныхъ, Господь обѣщався пребыть съ ними до скончанія вѣка: се азъ съ вами во вся дни до скончанія вѣка. Но прямые преемники апостоловъ—епископы, которыхъ Духъ Святой поставилъ пасти церковь Бога жива, и истинные епископы будутъ до скончанія вѣка; ибо Самъ Господь сказалъ: куплю дѣйте, дондеже прійду, что сказано, по толкованію блаженнаго Теофилакта, приточно о епископахъ.

„И отсюда опять очевидно, что вы въ ученіи Христовѣ не пребываете, но преступаете его, и сего ради—въ васъ Бога нѣсть. Христово ученіе дало власть удерживать и отпущать грѣхи падшихъ св. апостоламъ, апостолы—епископамъ, епископы—іереямъ, по оному: якоже посла мя Отець... имъ же отпустите, отпустятся грѣхи“²¹¹⁾... А вы раскольники, какъ поповщина, такъ и безпоповщина, вопреки прямому и ясному ученію св. Самого Господа позволяете вязать и рѣшить старцамъ и мужикамъ не посвященнымъ, или же бѣглымъ попамъ, лишеннымъ права священнодѣйствовать, убѣждаете удаляться освящающихъ и спасительныхъ таинствъ Тѣла и Крови Христовой, хотя Спаситель ясно сказалъ, что только ядый Мою плоть и пійий Мою кровь во Мнѣ пребываетъ и азъ въ немъ“²¹²⁾. Если же вы полагаете,

²¹⁰⁾ Правица, л. 12—13.

²¹¹⁾ Правица, л. 13—14.

²¹²⁾ Тамъ же, л. 15.

что въ построенной вами на Вѣтвѣ храминѣ совершаются истинныя таинства, то ошибаетесь сильно: это не церковь, но простая храмина, потому что построена безъ архіерейскаго благословенія, не имѣетъ антимина законнаго, освященнаго и даннаго архіереємъ²¹³⁾. Питиримъ предвидѣлъ здѣсь возраженіе раскольниковъ—должно ли повиноваться епископамъ, если жизнь ихъ не соответствуетъ ученію? и далъ на него прямой и положительный отвѣтъ. Господь сказалъ: слушаай васъ, Мене слушаетъ, отменяйся Мене, отменяется пославшаго Мнѣ. Эти слова очевидно относятся къ преемникамъ апостоловъ—но воимъ архіереямъ, по сказанному: на Моисеевѣ сѣдалищѣ сѣдоша книжницы и фарисеи, аще что рекуть вамъ творите, по дѣломъ же ихъ не творите. Если же такъ сказано о фарисеяхъ, то тѣмъ болѣе необходимо слушать архіереевъ—истинныхъ намѣстниковъ апостоловъ, которыхъ Духъ Святой поставилъ пасты церковь Божию и которымъ исключительно предоставлено право учить пасомыхъ; но вы не слушаете ихъ, не повинуетесь имъ, называете ихъ еретиками; очевидно въ васъ Бога нѣтъ, и Богъ въ васъ не пребываетъ. Христово ученіе—не входяи дверьми во дворъ овчій, но прелазай инудѣ, той татъ есть и разбойникъ; и вы дѣйствительно волки и пагубники, потому что не входите дверьми, т.-е. писаніемъ во дворъ овчій, но прелазите кромѣ писанія, какъ обычно только ворамъ и разбойникамъ, и потому не имѣете законнаго права на учительство. Како проповѣдять, аще не послани будутъ? Вы, презирая Св. Писаніе, самовольно приняли на себя право учительства; слѣд., вы—тѣ самыя учителя, о которыхъ сказалъ апостолъ: они всѣ дома развращаютъ, научая чему не должно, ради одной прибыли. И это совершенно вѣрно. Прикрываясь ложнымъ благочестіемъ, вы ныряете по домамъ и соблазняете неопытныхъ, отторгаете женъ отъ мужей, дѣвицъ—отъ родителей, будто бы на пустынное житіе, на самомъ же дѣлѣ приводите на оскверненіе и блудъ, почему въ вашихъ душепагубныхъ святахъ сильно развито скверноблудіе и не только въ средѣ бѣльцовъ, но и въ наставникахъ и въ на-

²¹³⁾ Тамъ же, л. 15 на оборотѣ.

ставницахъ, и въ подначальныхъ старцахъ и старицахъ, чему я былъ очевидцемъ ²¹⁴).

Относительно такихъ учителей св. Іоаннъ Богословъ далъ заповѣдь христіанамъ—не принимать ихъ въ дома и радоваться имъ не глаголати; глаголяя же имъ радоватися сообщается дѣламъ его злымъ. Неудивительно, что впадшіе въ расколъ принимаютъ такихъ скверныхъ учителей; удивительно то, что принимаютъ ихъ непринимавшіе ихъ ученія—чада св. православной церкви. Спрашиваю васъ помощниковъ и защитниковъ такихъ учителей: кому помогаете? худителямъ св. церкви, ругателямъ св. таинъ, развратникамъ исполненнымъ лжи и неправды? „Молимъ васъ, престаните убо споможаніемъ и защищеніемъ оныхъ противниковъ сообщатися дѣламъ злымъ: паче же блюдетесь отъ таковыхъ злыхъ дѣлателей, по апостолу: блюдетесь отъ псовъ, блюдетесь отъ злыхъ дѣлателей.. молимъ и васъ раскольниковъ разныхъ толковъ: отложите непокорство и во оныхъ противностяхъ, ихъ же есте вопросами объявили, покайтеся и пребывайте во ученіи Христовѣ и Богъ въ васъ пребудетъ чрезъ положенные отъ насъ отвѣты, и примиритесь—въ соединеніе ко святей восточней и великороссійстей церкви и ея пастыремъ: и такъ по апостолу, обряцете благодать во благомъреннюю помощь, о Христвъ Іисусѣ, купно со Отцемъ и со Святымъ Духомъ, Аминь“ ²¹⁵).

При составленіи своихъ отвѣтовъ Питиримъ держался такого правила: отвѣчать какъ можно кратче на тѣ вопросы, которые раскольники рѣшаютъ согласно съ православными, и останавливаться на вопросахъ, которые раскольники по своему церковному положенію толкуютъ по своему. Въ силу этого правила онъ даетъ самый краткій отвѣтъ на ихъ вопросы о вѣрѣ, о догматѣ, о преданіи, и самый полный и обстоятельный на ихъ вопросъ: что есть церковь?

Въ отвѣтъ на этотъ послѣдній вопросъ Питиримъ сначала излагаетъ на основаніи Св. Писанія и ученія св. отцевъ православное ученіе о церкви, о главѣ и членахъ истинной церкви, правахъ и обязанностяхъ каждаго члена, отличительныхъ при-

²¹⁴) Тамъ же, л. 15—17.

²¹⁵) Тамъ же, л. 18 и на оборотѣ.

знакахъ истинной церкви и проч. и потому дѣлаетъ сравненіе между церковію и расколѣмъ: можно ли по всѣмъ указаннымъ признакамъ раскольническое общество назвать церковію? „Итакъ изъ всего вышесказаннаго видно, что церковію называется и каждый человекъ—истинно-вѣрующій и домъ вѣрнаго человека, и каждая патриаршеская или архіерейская епархія, и всѣ въ мірѣ истинно вѣрующіе и единомысленно пребывающіе въ вѣрѣ, таинствахъ и догматахъ; церковію называется—вѣра, житіе, законы церковные, храмъ, сдѣланный изъ камня или дерева и изъ полотна, и соединенно рещи вся сія писанная, единовѣрныхъ церковей, въ ней же должны вси пребывать въ повиновеніи неотступномъ по Св. Писанію и по всѣмъ вселенскимъ и помѣстнымъ соборамъ. Эту-то церковь, основанную Христомъ Спасителемъ на каменѣ, и врата адовы не одолѣютъ: и какъ Христосъ сказалъ о ней, такъ она и пребываетъ неодолѣнно отъ вратъ ада—еретиковъ. Въ ней всецѣлой и неповрежденной мы пребываемъ, держа православную вѣру и всѣ св. таинства и догматы, преданные намъ отъ Христа и отъ св. Его апостоловъ и отъ намѣстниковъ ихъ. Теперь мы спросимъ васъ, а вы намъ отвѣчайте: если вы думаете, что ваше общество есть именно такая церковь, то покажите намъ на дѣлѣ: всѣ ли вы, называющіе себя старовѣрцами, во единой церкви пребываете? и составляете-ли одну церковь всѣ вы—поповщина, онуфріевщина, софонтіевщина, діаконовщина, и безпоповщина, перегрещиванцы, и нѣтовщина и прочіи разныхъ толковъ? и всѣ ли вы именуете другъ друга быти тѣло Христово и уди отчасти? Но я несомнѣнно знаю, что ваша церковь—не истинная церковь, знаю и обличу. Впервыхъ, всѣ вы въ своей единой мнимой церкви не пребываете, и единою церковію не именуетесь, и единымъ тѣломъ Христовымъ и удами его не называетесь, какъ необходимо нужно православной церкви; но называете другъ друга еретиками, раскольниками, кривотолками. и потому другъ съ другомъ не молитесь, не ѣдите, и каждый изъ вашихъ толковъ называетъ себя церковію. Онуфріевцы сами о себѣ говорятъ: наша церковь; софонтіевцы о себѣ—наша церковь, и вы діаконы о себѣ—наша церковь, и безпоповцы, и всѣхъ другихъ толковъ раскольники говорятъ: наша церковь, мы церковь. И по одному только этому ложь, неправда и лукавство ваше для

всѣхъ очевидно: потому что едина вѣра, едино крещеніе, единъ Богъ... слѣдовательно, и церковь вѣрныхъ должна быть одна по оному: и во единую святую, соборную и апостольскую церковь. Вамъ же приличнѣе говорить: не во единую святую церковь, но во многія церкви, раздранныя, раздѣленныя, и не во святую, но во еретическія, раскольническія и кривотолческія, потому что сами вы другъ друга такъ называете. По толкованію св. Іоанна Златоустаго „имя церковь не раздѣленія, но соединенія и согласія есть имя“. Отсюда очевидно, что ваша церковь не истинная, но ложная. ибо соединенія и согласія положительно не имѣеть“.

Вовторыхъ, по ученію апостола Павла, первое положи Богъ въ церкви апостолы и пр.: они же строители и всѣхъ таинъ Божіихъ. Преемники апостольскаго первенства и строительства таинъ Божіихъ — патріархи, архіепископы, управленію которыхъ поручена вся церковь и данъ даръ строительства Божіихъ таинъ. Но такого церковнаго первенства и строительства таинъ Божіихъ ваша ложная раскольническая церковь не имѣеть, которая наша православная церковь всецѣло содержитъ. Послѣ этого какъ ваша пустая раскольническая церковь можетъ называться церковію? Нивакъ невозможно, потому что не имѣеть всего преданнаго отъ Христа на спасеніе вѣрныхъ. Если же вы упорствуете, то скажите: гдѣ ваши архіереи? Знаю, что не имѣете, а если архіерея не имѣете, то кто вамъ по старопечатнымъ книгамъ произведетъ архіерея? Кто безъ архіерея рукоположитъ іереевъ? Кто вамъ освятитъ антиминсъ на освященіе церкви, кто вамъ благословитъ строить церковь, кто васъ повелитъ отъ грѣховъ разрѣшать? Кто совершитъ муро и т. п.? Никто кромѣ архіерея всего этого не можетъ совершить. А откуда ваша мнимая раскольническая церковь не можетъ быть церковію, зане всего такого строенія пуста и весьма нага“.

„Въ третьихъ, неистинность вашей церкви вытекаетъ изъ слѣдующаго. Господь сказалъ Петру: созижду церковь Мою и врата ада не одолѣютъ ей. Подъ этою церковію Златоустый разумѣеть—вѣру, жизнь и законы церковныя, и объ этой церкви говорить, что она никогда не старѣется, но имѣеть, что и бѣсы не преодолѣютъ ее никогда: ратуема побѣждаетъ, навѣтуема одолевается и прочая симъ подобная. Спрашиваю васъ: отчего ваша

ложная раскольническая церковь оказалась побѣжденною, если не со стороны вѣры, то со стороны права, житія, законовъ церковныхъ? По Св. Писанію и по опредѣленію вселенскихъ и помѣстныхъ соборовъ вѣрные должны быть единомысленны относительно жизни, права, вѣры, таинствъ и догматовъ, вы же крайне несогласны между собою и другъ противъ друга вооружены — новоповщина противъ безоповщины, одинъ стоитъ противъ другаго. Слѣдовательно, ваша церковь побѣждена и состарѣлась. Равнымъ образомъ церковь ваша является побѣжденною и со стороны законовъ церковныхъ, потому что не имѣете архіерейскаго священнодѣйствія, рукоположенія и всего того, что принадлежитъ по праву епископу^а.

Въ четвертыхъ, неистинность вашей церкви открывается изъ того, что вы не имѣете храмовъ, въ которыхъ воѣ вѣрные должны собираться для общественной молитвы и для принесенія безкровной жертвы, несмотря на ясное ученіе объ этомъ Св. Писанія, на опредѣленія вселенскихъ и помѣстныхъ соборовъ, на церковную практику. Вы думаете отступленіе свое прикрыть ложнымъ толкованіемъ словъ апостола: *вы есте церковь Бога жива*. Но очевидно не такъ нужно понимать это мѣсто апостола, какъ понимаете вы. Церкви всегда существовали и построеніе ихъ всегда признавалось необходимымъ²¹⁴).

На вопросъ раскольниковъ: ту же ли и понынѣ содержатъ вѣру, какую принесъ великій князь Владиміръ? Питиримъ исторически объясняетъ непреложное соблюденіе православія въ Россіи и указываетъ, какія есть погрѣшности въ книгахъ и почему, слѣдовательно, необходимо было исправленіе ихъ. Какъ велико число этихъ ошибокъ и какъ грубы онѣ, Питиримъ приводитъ для примѣра множество такихъ ошибокъ изъ книгъ священныхъ и церковно-богослужебныхъ (Пращица л. 37—57). Затѣмъ слѣдуетъ пространное изложеніе о двуперстномъ и триперстномъ знаменіи креста, о сугубомъ и тройномъ аллилуіа, и подробное и обстоятельное указаніе: какія были допущены по сему предмету погрѣшности на Стоглавомъ соборѣ, который законно были осуждены на Большомъ Московскомъ соборѣ 1667 г. (Пращица л. 58—83).

²¹⁴) Пращица, л. 23—35.

Мы прежде говорили, что своими вопросами о православіи Россіи отъ Владиміра до Стоглаваго собора и отъ Стоглаваго собора до Нивона, объ опредѣленіяхъ Стоглаваго собора и православіи русскихъ послѣ этого собора, раскольники думали поставить Питирима въ затрудненіе, полагая, что ему придется или признать Стоглавый соборъ православнымъ, или назвать царей и архіереевъ этого времени неправославными. Но расчетъ ихъ оказался невѣренъ. На Стоглавомъ соборѣ, говоритъ онъ, дѣйствительно сдѣлано нѣсколько неправославныхъ опредѣленій, и что эти опредѣленія подходятъ по своему содержанію подъ ученіе различныхъ древнихъ еретиковъ, но отсюда никакъ не слѣдуетъ заключать, что архіереи, цари и всѣ русскіе не могли уже спастись. „Хотя отцы Стоглаваго собора утвердили много неправославнаго, но это не дѣлало никакого препятствія ихъ спасенію, равно какъ не препятствовало спасенію подчинившихся опредѣленіямъ этого собора, такъ какъ это было дѣломъ невѣденія: никто не обличилъ ихъ, никто не сдѣлалъ никакого возбраненія на этотъ разъ, и держали они не противящіяся церкви, но по существу невѣденію. Точно также до пришествія въ Москву Максима грека въ нашихъ богослужебныхъ книгахъ было очень много грубыхъ ересей, но по этимъ книгамъ спаслися наши св. чудотворцы, потому что содержали такія великія ереси не изъ противленія церкви, но единственно по невѣденію: до пришествія Максима грека никто имъ о тѣхъ ересяхъ и погрѣшностяхъ не сказалъ и не возбранилъ, потому и спасенію ихъ не препятствовало... Но вы, раскольники, не можете толковать этого обстоятельства въ свою пользу. Вы не можете съ ними сравнивать себя, потому что удержавъ у себя нововведенія и погрѣшности, отринувъ существенные догматы, вмѣстѣ съ послушаніемъ церкви, которая неоднократно и убѣждала васъ, и запрещала вамъ, и доселѣ молить оставить свои заблужденія и свое противленіе“²¹⁷⁾.

Относительно же Стоглаваго собора, почему никто изъ святителей русской и восточной церкви не осудилъ его опредѣленій, если онъ дѣйствительно неправильны, Питиримъ даетъ самый

²¹⁷⁾ Пращица, л. 58, 77 на оборотѣ.

простой отвѣтъ. „Хотя опредѣленія этого собора не были зазираемы ни однимъ изъ архіереевъ, тѣмъ не менѣе опредѣленія его не имѣютъ никакой обязательной силы; самый соборъ не имѣетъ права даже называться соборомъ. Прежде всего опредѣленія этого собора не имѣютъ никакой важности потому, что ихъ не утвердилъ подписью никто изъ восточныхъ патріарховъ, и никто изъ русскихъ; къ тому же никто и не зналъ про существованіе этого собора; слѣдовательно, не могло быть ни признанія его опредѣленій неправильныхъ, ни утвержденія. Но какъ скоро патріархъ Никонъ довелъ объ этомъ до свѣдѣнія восточныхъ патріарховъ, бывшихъ въ то время въ Москвѣ; тогда патріархи, данною имъ властію, весь этотъ соборъ съ его доверженіями и проклятіями въ небытіе сведоша. Правильно ли поступили патріархи на этотъ разъ? Совершенно законно. Св. Іоаннъ Дамаскинъ говоритъ: „Соборъ убо сей есть, егда пять патріарховъ утверждаютъ едину вѣру, и едино слово: аще ли отъ нихъ поне единъ оскудѣетъ или непокорится собору, то соборъ той нѣсть соборъ, но сонмище и раздоръ суетенъ и непокоривъ“. Итакъ соборъ этотъ не имѣетъ никакой обязательной силы, потому что опредѣленія его сдѣланы безъ согласія восточной церкви; а не осудили этихъ опредѣленій потому, что никто не зналъ про существованіе этого собора ²¹⁶).

Далѣе Пятиримъ долженъ былъ отвѣчать на придирчивые вопросы раскольниковъ о времени напечатанія тѣхъ книгъ, гдѣ заповѣдано креститься двумя перстами, и разнорѣчивымъ толкованіемъ самихъ расколуучителей о значеніи перстовъ при ихъ сложеніи свидѣтельствуетъ ихъ несостоятельность. Объясняетъ имъ, что ученіе ихъ объ'этомъ предметѣ можетъ-быть названо нѣсколькими ересями, по сходству съ иными еретиками, употребляющими такое знаменіе...; рѣшаетъ ихъ вопросы касательно руки св. апостола Андрея Первозваннаго, который своимъ сложеніемъ обличаетъ мудрствованіе раскольниковъ. Затѣмъ слѣдуетъ рѣшеніе вопросовъ о четвероконечномъ и осьмиконечномъ крестѣ, о пятипросфоріи и седмипросфоріи, о печати на крестѣ, и о имени Іисуса и отвѣты о полемическихъ книгахъ, направлен-

²¹⁶⁾ Тамъ же, л. 78—79.

ныхъ противъ раскола, Жезлъ, Увѣтъ, Розыскъ (Пращица л. 90 и далѣе).

На вопросъ 225: во время гоненія и нужды можно ли дѣлать нѣкоторое отступленіе отъ церковнаго чиноположенія, или же христіане обязаны и въ это трудное время исполнять все сполна? Питиримъ не даетъ прямого отвѣта. „Объ этомъ спрашиваете меня, говоритъ онъ, не потому, чтобы вы хотѣли знать, но съ цѣлю утвердить свое ложное мнѣніе: будто вы истинные христіане и будто вы въ гоненіи и тѣснотѣ пребываете. На восточную и русскую церковь вы смотрите, какъ на неправославную, а всѣхъ истинно-вѣрующихъ духовнаго и мірскаго чина людей называете отступниками; говорите, будто бы святая восточная и русская церковь и всѣ оставшіеся вѣрными ея чадами гонять васъ. Это въ высшей степени несправедливо. Прежде всего скажу вамъ, что вы совершенно ложно называете себя истинными и православными христіанами: вы отступники и истинные еретики. И вновь доказываетъ имъ отступничество ихъ отъ православной вѣры тѣмъ же самымъ способомъ, какъ это дѣлалъ въ предисловіи: раскольники не имѣютъ архіереевъ и священниковъ, не имѣютъ молитвенныхъ храмовъ, не имѣютъ таинствъ, развратничаютъ и т. под. Повтому они не имѣютъ никакого основанія сравнивать себя съ древними христіанами, гонимыми отъ язычниковъ и еретиковъ, такъ какъ тѣ страдали за истинное ученіе, а вы за ложь и скорѣе сами навязываетесь на гоненія. Но коль скоро вы еретики, то вы заслуживаете наказаній и казней: такъ съ еретиками поступали въ ветхозавѣтной церкви, такъ поступали и въ новозавѣтной, какъ это можно видѣть изъ примѣра ап. Петра, поразишаго Анавію и Сапфіру смертію и изъ дѣйствія православныхъ восточныхъ императоровъ, которые всегда еретиковъ казнили смертію или ссылали ихъ въ заточеніе. Послѣ множества примѣровъ въ пользу этой послѣдней мысли Питиримъ въ заключеніе говоритъ: „Въ ветхомъ законѣ ложныхъ пророковъ и противящихся церкви убивали, точно такъ и въ Новомъ Завѣтѣ еретиковъ различно наказывали и убивали. И тѣ всѣ еретики и противники—это наказаніе почитали за гоненіе, наказывающихъ же называли гонителями, мучителями. Но хотя и думали они такимъ образомъ о себѣ, мнѣніе ихъ почитали ничтожнымъ: также нужно смо-

твѣть и на ваше мнѣніе, будто вы въ тѣснотѣ и въ гоненіи. Но напрасно св. церковь, благочестивыхъ царей и пастырей, защищающихъ церковь, нарицаете гонителями: это крайне несправедливо. Вы во всемъ подобны древнимъ еретикамъ: какъ древніе еретики не покорялись родившей ихъ матери—св. церкви, такъ и вы ту же вѣру разоряете своимъ непокорствомъ, и мать свою св. церковь, родившую васъ духовно, хулите и унижаете, ругаетесь надъ всѣми ея таинствами, избѣгаете своихъ пастырей. Подумайте, какого наказанія достойны вы? Не законъ ли говоритъ: всякъ злословяй отца или мать—смертію да умереть. Это о плотскихъ родителяхъ; тѣмъ болѣе достойны всякаго наказанія и ранъ злословящіе свою духовную мать, а по неощыненіи ихъ и смертной казни достойны, по ученію апостола: отвергся кто закона Моисеева, безъ милосердія при двою или тріехъ свидѣтеляхъ умираеть. Подумайте, сколь жесточайшей казни заслуживаетъ унижающій Сына Божія и думающій о крови завѣта, какъ о сивернѣ, и укоряющій Духа благодати! Умоляемъ васъ, оставьте свое ученіе и дѣла, гибельныя для вашего спасенія, и послѣдуйте матери—святѣй церкви и ея пастырямъ. Если же не обратитесь къ церкви святѣй и не принесете истиннаго раскаянія, то за свои дѣла получите должное²¹⁹⁾.

На ихъ лукавыя вопросы: дѣйствительно ли разрѣшеніе еретика православнымъ священникомъ, если онъ не подозрѣвалъ за нимъ ереси, служеніе еретическаго архіерея, если онъ не запрещень соборомъ? и можетъ ли быть спасительно таинство, совершаемое у еретиковъ? спасается ли впадшій въ ересь по невѣденію? можетъ ли во дни гоненій сооружаться церковь безъ благословенія и разрѣшенія епископа? Питиримъ отвѣчаетъ изложеніемъ правилъ соборныхъ и ученія св. отецъ, обличая при томъ раскольниковъ, которые отвергли у себя всякія правила, и разсуждаютъ о власти архіерейской, не имѣя у себя іерархіи. Касательно же разсужденій раскольниковъ о таинствахъ, Питиримъ приводитъ ученіе ихъ объ этомъ предметѣ, и разнорѣчивымъ толкованіемъ ихъ обличаетъ ихъ непониманіе значенія, силы и спасительнаго дѣйствія таинствъ.

²¹⁹⁾ Прашица, л. 350—362.

Въ вопросѣ 223 раскольники писали: нужно ли оставлять ясное и очевидное о чемъ-либо писаніе святыхъ отцевъ ради неяснаго и сомнительнаго? разумѣя подъ этимъ тотъ фактъ, что о двуперстіи, двойномъ аллилуіа и т. п. прямо написано въ книгахъ, о законности же триперстія, тройнаго аллилуіа и т. п. можно только предполагать. Питиримъ въ своемъ отвѣтѣ хотѣ и говорить, что для этого напередъ нужно бы было указать, о какомъ писаніи ясномъ и сомнительномъ идетъ рѣчь, иначе невозможно отвѣчать; но, очевидно, онъ понималъ, къ чему раскольники предположили такой вопросъ, какъ это видно изъ послѣдующихъ его словъ. „Еслибы вы сказали мнѣ опредѣленно, то отвѣчалъ бы вамъ съ большимъ удовольствіемъ; потому что очень часто случается у людей, что самое полезное, по недоразумѣнію, по упорству и злобѣ пренебрегаютъ, вреднаго же держатся, какъ полезнаго. И такого вреднаго писанія часто держатся не только сами одни, но часто по ненависти и другихъ стараются научить тому же, какъ это особенно можно видѣть у васъ. Напр., ложное неизвѣстнаго сочинителя описаніе жизни преподобнаго Ефросіана псковскаго вы принимаете за истинное; а какой жи тамъ не написано. Въ немъ повѣствуется: будто бы ему являлась Богородица и повелѣла аллилуіа говорить по дважды, а по трижды запретила, будто бы нѣмцы и поляки воскресенію Христову не вѣруютъ, будто бы воплощался Духъ Божій, будто бы ангелы не учили святаго Игнатія аллилуіа пѣть по дважды и пр. Вы же такое ложное писаніе держите и безразсудно вѣрите ему какъ истинному. И сами подобно тому ложно и криво пишете и толкуете, и такими ложными писаніями другихъ неопытныхъ развращаете, внушая имъ неповиновеніе св. церкви. Какимъ же образомъ вы впали въ такое заблужденіе? Всѣмъ извѣстно, что васъ, раскольниковъ, существуютъ много толковъ — поповщина, безпоповщина, аввакумовщина, онуфріевщина, софонтіевщина, стариковщина, діаконовщина, осоднѣвщина, андреевщина, перекрещиванцы, нѣтовщина и многіе другіе подобныя симъ толки, а называетесь всѣ старовѣрцами, и всѣ содержите книги старопечатныя и всѣ креститесь двумя перстами и между собою другъ друга называете еретиками и раскольниками, вмѣстѣ не вѣдите и не молитесь. Отсюда видно, что вы писаніе толкуете неправо и весьма криво, почему и между собою называетесь

приволками... И ради вашего многообразнаго и неправаго мудрствованія, вамъ бы слѣдовало въ этомъ вопросѣ написать опредѣленно: какое ясное писаніе и какого святаго кто отвергаетъ? и какое писаніе темное и неясное и кто содержитъ " 220).

На ихъ вопросъ — можно ли православнымъ отступить отъ неправоумствующихъ архіереевъ и іереевъ прежде разсужденія соборнаго? Питиримъ отвѣчаетъ имъ на основаніи правилъ соборныхъ: епархіальные архіереи судятъ священниковъ, а не міряне, архіереевъ же судитъ соборъ; тѣ же сборища, которые бывали и бывають у васъ, не могутъ быть названы соборомъ, такъ какъ состоятъ изъ неосвященныхъ людей — старцевъ и старицъ, которыя, какъ самъ онъ видѣлъ, не стыдятся приходить на сіи собранія съ прижитыми ими дѣтьми, а такъ-называемые трудники съ дубьемъ. Въ послѣднемъ отвѣтѣ 240, касательно книги о правой вѣрѣ, на словахъ которой раскольники основывали бытіе антихриста въ церкви съ 1686 года, Питиримъ разбираетъ это мѣсто книги о правой вѣрѣ и указываетъ на произволъ составителя и потомъ самымъ этимъ мѣстомъ доказываетъ противное тому, что хотѣли доказать раскольники. Затѣмъ кратко говоритъ вновь о болѣе важныхъ предметахъ разногласія раскольниковъ съ православными, осуждаетъ ихъ произволъ и буйство, доказываетъ необходимость исправленія церковныхъ книгъ, изъ-за чего раскольники церковь оставили, и въ заключеніе убѣждаетъ ихъ обратиться въ лоно матери своей — церкви Христовой, сотворивъ тѣмъ великую радость не только людямъ, но и ангеламъ: ибо они радуются даже объ одномъ грѣшникѣ кающемся, а такъ какъ раскольниковъ множество, то и радость будетъ великая. Какъ истинный покорный сынъ церкви, онъ проситъ прощенія, если только въ чемъ согрѣшилъ и не право сказалъ при написаніи сихъ отвѣтовъ " 221).

По своимъ внутреннимъ достоинствамъ, какъ полемическое сочиненіе, Пращица Питирима имѣетъ рѣшительное преимущество предъ всеми предшествующими сочиненіями этого рода, не смотря на то, что это обширное произведеніе написано въ са-

220) Пращица, л. 350—362.

221) Пращица, л. 383 и далѣе.

мый непродолжительный періодъ времени. Превосходство этого произведенія объясняется отчасти происхожденіемъ и воспитаніемъ Питирима, отчасти тѣми научными средствами, которыми онъ располагалъ при написаніи этого произведенія. Воспитанный въ расколѣ и проведеній всю свою молодость въ средѣ раскольниковъ, Питиримъ по необходимости долженъ былъ узнать это общество такъ полно, какъ никто не зналъ изъ его предшественниковъ по части литературной полемики съ раскольниками. Приготовляясь самъ сдѣлаться раскольническимъ апологетомъ, пересматривая и отыскивая все нужное на этотъ разъ, онъ по необходимости долженъ былъ узнать всѣ слабыя стороны въ ученіи раскола, способъ и средства ихъ защиты, долженъ былъ узнать и тѣ пункты ученія, въ которыхъ раскольники считали себя непобѣдимыми. Ему также должно было быть извѣстно, какого рода доказательства для раскольниковъ должны были показаться сильными и какія въ глазахъ ихъ не имѣли никакого значенія, не смотря на ихъ очевидную ясность и основательность. Это помогло ему избѣгать тѣхъ недостатковъ, которые замѣчали мы въ предшествовавшихъ полемическихъ сочиненіяхъ. Зная религіозную раздражительность и щепетильность раскольниковъ, онъ щадить это чувство,—не смѣется надъ ихъ простотою и ограниченностью, не хвалится превосходствомъ своего ума и громаднымъ запасомъ всякаго рода свѣдѣній подобно Симеону Полоцкому, не осыпаетъ ихъ бранью и ругательствами, какъ Полоцкій, патріархъ Іоакимъ и митрополитъ Игнатій. Будучи убѣжденъ опытомъ, что всякое разумное доказательство, какъ бы оно вѣрно и основательно ни было, въ глазахъ раскольниковъ не имѣетъ никакого значенія, онъ нигдѣ не прибѣгаетъ къ діалектикѣ и силлогистикѣ: онъ по преимуществу беретъ свои доказательства изъ тѣхъ же старыхъ книгъ, которыя пользуются уваженіемъ самихъ раскольниковъ, на которыя сами они ссылаются въ подтвержденіе своихъ доводовъ, и которыя потому необходимо должны имѣть въ глазахъ раскольниковъ полную силу убѣдительности. Ему извѣстно было, что для раскольника каждое слово, каждая буква — догматъ, тѣсно связанный со всѣмъ содержаніемъ нашей вѣры, и онъ благодушно отвѣчаетъ имъ на всѣ самые мелочные и снурпулезные вопросы, не имѣющіе ровно никакого значенія. Св. Димитрій Ростовскій, узнавшій

расколъ, уже сдѣлавшись митрополитомъ ростовскимъ, отказывается отвѣчать на нѣкоторые неважные пункты разногласія, ссылаясь на Жезль и Увѣтъ, въ которыхъ объ этомъ довольно сказано; Питиримъ напротивъ былъ убѣжденъ, что такое отношеніе произведетъ самое неблагопріятное впечатлѣніе на раскольниковъ, и съ одинаковымъ усердіемъ отвѣчаетъ и на вопросъ о церкви и таинствахъ, и на вопросы объ агиалгіа и о троесперстіи и другіе менѣе важные вопросы. Нельзя не удивляться терпѣнію Питирима, когда читаемъ, напримѣръ доказательства его о томъ, что нужно читать молитву: „Господи Іисусе Христе Боже нашъ“, а не „Господи Іисусе Христе Сыне Божій...“²²²⁾, которыхъ онъ приводитъ цѣлыя сотни.

По отношенію къ раскольникамъ для Питирима нѣтъ вопросовъ несущественныхъ, неважныхъ; для всякаго онъ приводитъ множество доказательствъ, обо всемъ толкуетъ серьезно. Ко всемъ этимъ достоинствамъ должно присовокупить особенную простоту изложенія и особенную любовь, которою дышетъ почти все произведеніе: видно, что говоритъ истинный пастырь, искренно желающій разъяснить непонятное и спасти заблуждающихъ. Средства, которыми располагаетъ Питиримъ³⁾ при написаніи своихъ отвѣтовъ—громадны. Кромѣ книгъ библейскихъ и церковно-богослужебныхъ, мѣста изъ которыхъ онъ постоянно приводитъ въ подтвержденіе своихъ словъ, у него почти на каждой страницѣ встрѣчаются ссылки на толкованіи св. Іоанна Златоустаго, на сочиненія св. Іоанна Дамаскина, на толкованія Андрея Келарійскаго, на Прологъ, Маргаритъ, правила и постановленія апостоловъ, на Кормчую, на толкованія Германа патріарха константинопольскаго и Сумеона Фессалоникійскаго, на книгу о постничествѣ,—слово и книгу о вѣрѣ, на такъ-называемыя книги Θεодоритъ и Кириллова книга, на творенія Макоима Грека, на Стоглавникъ, Славянскій лексиконъ, на старый катихизисъ, на Четьи-Миней, на слова и бесѣды Еврема Сирина, на книгу Матвеея Властаря, Камень вѣры, на книгу Іеронима о знаменитыхъ мужахъ, на исторію Созомена, Павла діакона и Захара и пр. и пр.; кромѣ того у него мы видимъ безчисленное множество вы-

²²²⁾ Пращица, г. 401—405.

писомъ изъ разныхъ древнихъ требниковъ, служебниковъ, чиновниковъ, соборниковъ, уставовъ и т. под., и своими свѣдѣніями, нужно замѣтить, онъ сумѣлъ воспользоваться съ замѣчательнымъ искусствомъ.

Отвѣты Питирима, нужно полагать, произвели необыкновенно сильное вліяніе на судьбу раскола: отвѣты Питирима это — первый опытъ открытаго объясненія раскольниковъ и церкви. Опытъ этотъ окончился неудачно для раскольниковъ, и болѣе добросовѣстные изъ нихъ опѣшили оставить свое общество. Миссіонерская дѣятельность Питирима, отличавшаяся и до этого времени большимъ успѣхомъ, съ этого времени дѣлается необыкновенною: раскольники обращались къ церкви сотнями и тысячами, несмотря на свое упорство, несмотря на строгость Питирима (который, какъ извѣстно, не принималъ въ общеніе съ церковію даже тогда, когда раскольникъ старался удержать одно только двоеперстіе). Конечно нельзя этого сказать положительно, но не безъ основанія можно предполагать, что его отвѣты убѣдили раскольниковъ въ отступленіи ихъ отъ древняго православія. Очень можетъ быть, что они не довѣряли Питириму относительно законности троеперстнаго знаменія креста, тройнаго аллилуіа и т. п.; но несомнѣнно должны были убѣдиться, что тамъ, гдѣ нѣтъ іерархіи, нѣтъ церкви, — тамъ нѣтъ спасенія. Начавшіеся съ этого времени сильныя поиски раскольниками аркіерея, который бы поставилъ имъ священниковъ и освящалъ церкви, — есть кажется прямое слѣдствіе вліянія Прашицы Питирима. Объ особенно сильномъ вліяніи Прашицы Питирима на раскольническое общество можно судить и по раскольничьей литературѣ: эта книга сдѣлалась предметомъ самой жаркой полемики со стороны раскола.

Болѣе другихъ писалъ объ этой книгѣ Денисовъ въ Россійскомъ Виноградѣ и особенно въ Поморскихъ отвѣтахъ²²²⁾. Противъ одного онъ старался противопоставить факты, противъ другаго старался отвѣчать казуистичной, для третьяго, гдѣ это можно, онъ дѣлалъ самый строгій критическій разборъ; тамъ же, гдѣ не помогали эти средства, онъ принималъ на себя обижен-

²²²⁾ Виноградъ Россійскій, л. 37, 62 и 83. Рукоп. москов. дух. академіи.

ный видъ и только вздыхаѣ или обличаѣ Птириима въ жестокости, въ несправедливомъ оскорбленіи всѣхъ раскольниковъ ²²⁴). Какъ ни много этихъ возраженій — всѣ они ничтожны и суть слѣдствія пустой раздражительности и желанія противопоставить рѣзкому обличенію хотя что-нибудь. Богѣ сильными безъ сомнѣній должны быть признаны возраженія въ защиту двоеперстія, 8-ми-конечнаго креста и особенно возраженія относительно соборнаго дѣянія на Мартина Мниха, гдѣ Денисовъ дѣйствительно показаѣ замѣчательный критическій талантъ и богатство своихъ свѣденій, и о рукѣ св. апостола Андрея Первозваннаго. Отвѣты Птириима о крестномъ знаменіи еще разбираѣ и старался доказать законность двоеперстнаго сложенія неизвѣстный составитель апологіи въ защиту двоеперстія ²²⁵). Судя по заглавію это сочиненіе принадлежитъ или Радіонову ²²⁶) или неизвѣстному автору, о которомъ упоминаетъ Любопытный ²²⁷). Кромѣ вышепоименованныхъ полемическихъ сочиненій противъ раскола въ этотъ періодъ явилось много сочиненій, которыя или совсѣмъ не дошли до насъ или лежатъ доселѣ въ бібліотекахъ, но которыя тѣмъ не менѣ были вызваны тѣми или другими явленіями въ жизни раскола и оказывали свое вліяніе на расколъ. Впрочемъ и изъ указанныхъ сочиненій можно видѣть, какъ бдительно слѣдила церковь за расколомъ и какъ хорошо она знала все происходившее въ раскольниковскомъ обществѣ во всѣхъ его проявленіяхъ. Еслибы время не оставило намъ никакихъ другихъ актовъ и документовъ кромѣ полемическихъ книгъ, то и изъ этихъ однихъ сочиненій мы могли бы составить довольно полную и вѣрную исторію мнимыхъ ревнителей благочестія. Изъ этихъ сочиненій мы видимъ, какъ и изъ-за чего возстали суетвры, какъ они удалились въ лѣса и начали

²²⁴) Поморскіе отвѣты, л. 34, 35 и 36, на оборотѣ 73 на об. 74, 77 и 102 и на об. 130 на об. 138 и на об. 139, 169, 170 и на об. 173 и на об. 174 и на обор. 179, 183 и 185 и на обор. 191 и на обор. 192, 193, 194, 196 и 210 на обор. 241 на обор. 254 на обор. 256 на оборотѣ 257, 266, 268, 278 и 274 на обор. 278, 288 и 289 и на обор. 322 и на оборотѣ и проч.

²²⁵) Тамъ же, л. 33—35, 35—51.

²²⁶) Раскол. Сборникъ, принадлежащій курской семинарской бібліотекѣ л. 114—154.

²²⁷) Каталогъ Павла Любопытнаго № 185, стр. 51, № 570, стр. 131—132.

блуждать по распутиямъ міра, отыскивая Христа и истинной вѣры и, отыскивая, какъ постепенно, но быстро удалялись отъ истины—цѣли своихъ стремленій; видимъ, какія незаконныя средства употребляли для защиты своихъ ложныхъ вѣрованій и какъ потомъ религіозное общество постепенно утрачивало свой основной характеръ и дѣлалось обществомъ гражданскимъ—партіею недовольныхъ, и партіей людей, желавшихъ пожить на распаху, внѣ всякихъ правилъ, внѣ всего сдерживающаго и ограничивающаго произволь и животную чувственность, почему такихъ всегда въ этомъ обществѣ принимали охотно съ распростертыми объятіями.. Ни одно, даже малѣйшее явленіе въ расколѣ не осталось незамѣченнымъ; ни одно сколько-нибудь замѣчательное явленіе въ жизни раскола не осталось безъ строгаго разбора, безъ обличенія. Видимъ съ другой стороны, какъ постепенно совершенствовалось само духовенство въ этомъ можно-сказать новомъ для него дѣлѣ. Начавшись такими произведеніями, какъ Жезель Правленія, который дышетъ отъ начала до конца раздраженіемъ, нетерпимостью, насмѣшкою и руганью, полемика принимаетъ болѣе соответственный ей характеръ и достигаетъ значительной степени совершенства въ Розыскѣ и Пропицѣ, которыя имѣютъ всѣ достоинства полемическихъ сочиненій и почти свободны отъ недостатковъ. Ко всѣмъ этимъ достоинствамъ полемической литературы этого періода должно прибавить еще то, что не смотря на фанатизмъ, невѣжество и злобу раскольниковъ, полемическія сочиненія производили очень замѣтное и сильное вліяніе на судьбу раскола: одни изъ нихъ (болѣе честные и дѣйствительно искавшіе истины) оставляли раскольниковское общество и дѣлались истинными сынами церкви, другіе, — читая эти произведенія, по необходимости должны были укорачивать свою религіозную систему и изгонять изъ ней болѣе слабыя пункты. Все это даетъ намъ полное право сказать, что ни одинъ родъ дѣятельности духовенства по отношенію къ расколу не отличается такимъ тѣлотомъ, знаніемъ дѣла, соответствіемъ цѣли и успѣхомъ, какъ полемическая литература, которая заслуживаетъ особеннаго вниманія и одобренія и въ извѣстномъ отношеніи можетъ-быть названа образцовою.

Мы указали главные пункты дѣятельности духовенства по отношенію къ расколу, способъ, приемы и размѣры дѣятельности;

теперь рождается вопросъ: какой же результатъ этой дѣятельности духовенства, чего вообще достигло духовенство, чѣмъ увѣнчались его труды?

Расколъ усиливался и распространялся ²²⁹⁾. Со времени учрежденія Св. Синода число раскольниковъ разныхъ сектъ и направлений составляло $\frac{1}{3}$ всего русскаго населенія. Цифра эта слишкомъ велика и на первый взглядъ представляется совершенно невѣроятною, но если сообразимъ нѣкоторыя обстоятельства, придемъ къ такому заключенію, что эта цифра не далека отъ истины. Прежде всего всѣ окраины Россіи были по преимуществу населены раскольниками. Сѣверные поморскіе предѣлы исключительно были заняты раскольниками, цифра православныхъ едва ли достигала $\frac{1}{4}$ населенія этого края. На сѣверо-востокъ и востокъ Россіи—видимъ почти тоже самое. Въ предѣлахъ негородскихъ раскольниковъ было не менѣе половины всего населенія. Въ началѣ своей миссіонерской дѣятельности Пятиримъ доносилъ Петру, что всѣхъ раскольниковъ въ Россіи не менѣе 200,000; но очевидно Пятиримъ ошибался. Въ Нижегородской епархіи и въ городахъ, приписанныхъ къ нижегородской изъ патріаршей епархіи Пятиримомъ, было обращено только изъ раскола около 100,000, но раскольники еще оставались въ значительномъ числѣ въ этой области и сверхъ того многіе оставили эти предѣлы ²³⁰⁾. А такъ какъ въ нижегородской епархіи считалось не много болѣе 300,000; то слѣдовательно раскольники составляли $\frac{1}{3}$ всего населенія. Внизъ по Волгѣ и Дону, на берегахъ Каспійскаго моря, въ мѣстахъ вольницы, разгула и „спиротства“, были по преимуществу поселенія расколическія, равно какъ и самый „вольный народъ“—раскольники, что можно видѣть изъ исторіи Булавинскаго бунта и другихъ волненій, про-

²²⁹⁾ Быстрое распространеніе раскола начинается собственно со времени царствованія Петра I и при томъ не по вѣдѣ духовенства. Если когда, то именно въ царствованіе Петра явилось изъ среды духовенства довольно самыхъ серьезныхъ защитниковъ православной русской церкви и обличителей раскола. Митрополитъ тобольскій Игнатій, святой Димитрій Ростовскій, Пятиримъ нижегородскій, Іоанъ новгородскій, Авраамій, Андроникъ—сильные и опытные обличители раскола дѣйствовали въ это время.

²³⁰⁾ Исторія нижегородской іерархіи, стр. 90.

исходившихъ въ этихъ мѣстахъ въ царствованіе Алексѣя Михайловича и Петра I. Въ Сибирь раскольниковъ ссылали, въ Сибирь убѣгали они и сами, какъ это видно изъ донесеній Плитрина, въ Сибири проповѣдывали самые энергичные изъ расколоучителей, и потому неудивительно, что расколъ быстро распространился по всей западной болѣе населенной Сибири. Изъ поведенія же сибирскихъ раскольниковъ и изъ замѣчанія митрополита Игнатія нужно заключать, что общее ихъ число было очень значительно. Стародубье и Вѣтка были также замѣчательными раскольническими центрами. Прибавимъ къ этому, что кромѣ окраинъ и мѣстностей отдаленныхъ отъ центра административнаго, особенно удобныхъ для раскольниковъ, раскольниковъ было немало и во внутренней Россіи, въ самомъ ея центрѣ. Принимая во вниманіе все сказанное нужно, согласиться съ тѣмъ, что число раскольниковъ въ концѣ XVII и особенно въ началѣ XVIII вѣка предполагаемое нами, едва ли будетъ выше дѣйствительнаго ихъ числа. И такъ, результаты дѣятельности духовенства въ этотъ продолжительный періодъ получились совершенно противоположные тѣмъ, какихъ можно было ожидать. Несмотря на всѣ усилія духовенства, расколъ усилился, достигъ громадныхъ размѣровъ по своей численности. Гдѣ же причина этой малоуспѣшной дѣятельности духовенства? Чаще всего приходится встрѣчать такой отвѣтъ: во всемъ виновато духовенство и исключительно оно одно. Духовенство, говорятъ, было крайне невѣжественно, не понимало своихъ обязанностей, само сочувствовало расколу, не хотѣло взяться за дѣло даи не умѣло,—было въ своей дѣятельности крайне безтактно; оно было крайне безнравственно, заражено было пьянствомъ и другими пороками, скрывало раскольниковъ за деньги и часто переходило на сторону раскола и пр. и пр. Словомъ во всемъ виновато исключительно одно духовенство. Ругать и смѣяться надъ духовенствомъ и надъ всею его историческою дѣятельностью съ нѣкотораго времени вошло въ обычай, сдѣлалось модой. Въ массѣ документовъ можно найти нѣсколько подтверждающихъ то, что нѣкоторые члены духовенства дѣйствительно были порочны пьянствовали, скрывали раскольниковъ за деньги и, зная про существованіе раскольниковъ, не доносили своему начальству и сами ничего не дѣлали,—есть факты, что нѣкоторые члены духовенства за деньги и по

убиженію уходили къ раскольникамъ и отправляли тамъ богослуженіе въ раскольничьемъ вкусѣ,—на этихъ-то фактахъ и основали своей приговоръ завятыя историки. Правда есть и другого рода факты; но что намъ до нихъ? Достаточно и приведенныхъ! Сдѣлавъ изъ которое обобщеніе, въ родѣ напр. слѣдующаго: „если такъ поступили два, то, слѣдовательно, такъ поступали и всѣ“... поставимъ заключеніе и дѣлу конецъ... И сильно и гладко и основано на фактахъ. Почтеннѣйшей публикѣ остается читать, вѣрить и умиляться разработкѣ въ нашемъ отечествѣ исторической науки. Почтеннѣйшая публика дѣйствительно повѣрила на слово и въ настоящее время немного найдется сомнѣвающихся въ томъ, будто духовенство невиновато или виновато немного въ усиленіи раскола въ концѣ XVII и въ началѣ XVIII вѣка. Но вопреки уже установившемуся взгляду мы скажемъ: что истинная, дѣйствительная и главная причина, почему дѣятельность духовенства въ этотъ періодъ не принесла ожидаемыхъ плодовъ и отъ чего такъ сильно распространился расколъ, лежитъ прежде всего: 1) въ самомъ расколѣ, потомъ 2) въ государственной жизни и наконецъ 3) въ духовенствѣ, отрицать чего не имѣемъ нужды.

Нѣтъ никакого основанія сомнѣваться въ искренности расколуучителей. Они искренно и всецѣло были убѣждены въ истинности своихъ суевѣрныхъ мнѣній; только окончательно убѣжденный въ правотѣ своего дѣла можетъ поступать такъ, какъ напримѣръ поступалъ Аввакумъ, дьякоуъ Феоdorf и другіе первые расколуучители. Сомнѣніе на мѣсто здѣсь имѣло, даже слабая тѣнь его не прокрадывалась въ дуну суевѣровъ. Къ такому въ высшей степени сильному убѣжденію, не допускающему никакихъ сомнѣній и возраженій, примѣшалось въ значительной степени оскорбленіе и желаніе мести. То и другое, взятое вмѣстѣ, родило *фанатизмъ*, которымъ дышитъ вся дѣятельность расколуучителей. Съ энтузіазмомъ и фанатическою ревностію глубоко убѣжденнаго въ правотѣ своего дѣла, съ ненавистію и злобою оскорбленнаго, разносили слово жи расколуучители и спѣшили распространить его всюду. „Для распространенія раскола они не щадили ни чести, ни имѣнія, ни самой жизни“²²⁰).

²²⁰) Полное историч. извѣстіе о раскольникахъ Андрея Іоаннова, ч. I, стр. 83.

Нѣкоторые расколоучители съ умиленіемъ, со слезами и рыданіемъ преподавали ученіе раскола и умоляли православныхъ спасать свои души принятіемъ его, какъ это дѣлалъ расколоучитель Іоаннъ Дементьевъ²³¹⁾. Люди съ такимъ настроеніемъ души неспособны слушать наставленій, убѣжденій, разъясненій, и еще менѣе еспособны убѣждаться, провѣрять себя, переходить на другую сторону. Мы выше видѣли, съ какою любовію, съ какимъ терпѣніемъ отцы собора 1666—67 гг. старались обратить на путь истины расколоучителей; но чего же добились отцы собора?—Одинъ вмѣсто отвѣта смѣялся въ глаза патріархамъ, оскорблялъ ихъ и изродствовалъ въ соборѣ²³²⁾; другой „укори въ лице весь осязательный образъ“²³³⁾, третій, когда его убѣждали, „ничесому же вышмаше, но въ своемъ упорствѣ укрѣпляешся“²³⁴⁾. Нѣкоторые повидимому поддавались убѣженію и давали покаянные рукописанія, но потомъ опять становились на сторону раскола и дѣлались еще болѣе ревностными защитниками и распространителями своихъ суеврій²³⁵⁾. Теперь рождается вопросъ: отчего эти люди остались при своихъ нелѣпныхъ убѣжденіяхъ? Почему съ собора они вышли еще болѣе раздраженными? Потому ли, что на соборѣ не было истинно образованныхъ людей, способныхъ вѣзаться за дѣло или по другимъ какимъ причинамъ? Намъ извѣстно, что на соборѣ 1666—67 гг. были и изъ прековъ и изъ русскихъ истинно-образованные епископы, способные дать самый удовлетворительный отвѣтъ, самое полное объясненіе на все относящееся къ этому дѣлу вопросы: Писсій Лигиридъ, митрополитъ Газскій получилъ самое блестящее воспитаніе, обладалъ рѣдкимъ даромъ слова, ловкостью и всѣми необходимыми на этотъ разъ качествами, Лазарь Барановичъ—очень образованный человекъ и одинъ изъ лучшихъ проповѣдниковъ своего времени Иларионъ;—были ис-

²³¹⁾ Русскій расколъ старообрядчества. Шамова, стр. 203.

²³²⁾ Автобіографія Аввакума, стр. 85—86.

²³³⁾ Дополнит. акты истор., т. V, стр. 457.

²³⁴⁾ Дополнит. акты истор., т. V, стр. 452. Смотри. Раскольнич. сборникъ, т. 195—203. рун. Курской семинарской бібліотеки.

²³⁵⁾ Дополнит. акты истор., т. V, стр. 457. Полное собраніе законовъ, т. VI, № 3522. Древняя російская виллюенка, ч. XV, стр. 430—431.

тимно образованные изъ архимандритовъ, присутствовавшихъ на соборѣ. Нѣтъ, недостатка въ образованныхъ и опытныхъ людяхъ на соборѣ 1666—67 гг. не было: съ этой стороны соборъ располагалъ громадными средствами; не было недостатка въ лицахъ авторитетныхъ, пользовавшихся вполне заслуженныхъ уваженіемъ и довѣріемъ. Но для расколуучителей, съ которыми пришлось имѣть дѣло собору, всѣ эти качества не имѣли ровно никакого смысла: они не могли допустить себя унижаться до объясненія въ дѣлѣ вѣры, томъ дѣлѣ, въ которомъ они считали себя самыми компетентными судьями. При такихъ условіяхъ не только соборъ 1666—67 гг. не могъ достигнуть желанной цѣли, но эта цѣль не достигнута была бы и тогда, еслибы со всего свѣта были собраны самыя образованныя и авторитетныя лица.

Чувства, одушевлявшіе расколуучителей, ихъ взгляды и стремленія всецѣло переливались отъ расколуучителей въ воспримчивыя, мягкія по природѣ своей сердца (русскихъ простолюдиновъ) ихъ послѣдователей, сдѣлались основнымъ принципомъ, главнымъ руководительнымъ началомъ ихъ жизни и дѣятельности. Недлишимъ считаемъ указать эти чувства, взгляды и стремленія расколуучителей, и въ какой мѣрѣ они усвоены были ихъ послѣдователями, чтобы оттуда можно было видѣть, насколько вообще могла быть плодотворна дѣятельность духовенства. По большей части этихъ условій не принимаютъ въ разчетъ, когда дѣлаютъ приговоръ о дѣятельности духовенства и о борьбѣ его съ расколомъ.

Страдая фанатическою ревностію, не имѣвшею предѣла, распространить свое жалкое ученіе, утвердить его, сдѣлать однажды навсегда господствующимъ, Аввакумъ для своихъ жалкихъ послѣдователей предписалъ правила, которыми они должны были руководиться для достиженія преступной цѣли, и которыя бы ставили его послѣдователей внѣ всякаго вліянія, долженствующаго разоблачить ложь, обличить невѣжество и суевѣріе. Для защиты своихъ религіозныхъ интересовъ Аввакумъ признаетъ всѣ средства, какъ бы они ни были преступны и безнравственны, законными: убійство ненавистнаго чловѣка, открытый мятежъ, бунтъ, кровопролитіе, по мнѣнію Аввакума,—законныя средства, которыми должно добываться торжество, и къ которымъ

онъ и самъ охотно бы прибѣгъ, еслибы только была какая нибудь возможность. „Дайте-только срокъ! я вамъ (несогласнымъ съ ученіемъ раскольниковъ) и лучшему-то ступлю на горло о. Христа Исуса“, писалъ Аввакумъ въ своемъ „разсужденіи“²³⁶⁾. Въ своемъ посланіи „книга ко всѣмъ нашимъ горемынамъ маленькая“, Аввакумъ пошелъ дальше. Онъ предписываетъ своимъ послѣдователямъ: „Станемъ добръ, станемъ твердо, не предадимъ благовѣрія, подвигнемся на богоотступныя и богомерскія нечестивыя никоніаны“. Какимъ же образомъ отстаивать благовѣріе и подвигаться на нечестивыя никоніаны? А вотъ какъ: не имѣть никакого общенія съ ними, не входить въ православные храмы, не принимать православныхъ священниковъ, а если духу хватить, и бить ихъ потому что это угодно Богу... „А на молебны тѣ, хотя и давайте имъ, а молебны тѣ въ Москву рѣку сажайте. Хотя и *попа-то*, врага Божія, *въ воду-то*, посадить и ты не соуръшишь“...²³⁷⁾. Раздѣлаться съ своими врагами такимъ образомъ,— очевидно, была завѣтная мечта Аввакума. Въ посланіи къ царю Ѳеодору Алексѣевичу онъ писалъ: „А что, Царь-Государь, какъ-бы ты мнѣ далъ волю: я бы ихъ, что Илія пророкъ, всѣхъ перепласталъ во единъ день: не осквернилъ бы рукъ своихъ, но освятилъ бы, чаю... Переводы Никона собаку разсѣкли на четверо, а потомъ бы никоніанъ“...²³⁸⁾. Онъ хвалилъ Соловецкихъ мятежниковъ за ихъ доброе стояніе, т.-е. бунтъ, и съ восторгомъ благодарить возненавидѣвшаго Никоніанъ, „яко змію“²³⁹⁾. Ложь, обманъ, коварство, подкупъ—не только законны, но необходимы. Какое же средство послѣ этого остается незаконнымъ? Аввакумъ, какъ и всѣ преступные дѣятели, прибѣгъ къ знаменитому іезуитскому правилу „цѣль освящаетъ средства“. Впрочемъ, для Аввакума всѣ эти средства должны были представляться особенно законными потому, что вѣдъ всѣ никоніане—*Содомляне* и *Египтяне*, слуги антихриста, усердно уготовляюще ему путь, а будто преступно сражаться съ антихристомъ и его воинствомъ?! Итакъ, вотъ первое и главное правило для всѣхъ послѣдователей Ав-

²³⁶⁾ Описаніе нѣкоторыхъ раскольных сочиненій Александра Б., т. II, стр. 10.

²³⁷⁾ Тамъ же, стр. 19—20.

²³⁸⁾ Тамъ же, стр. 37—38.

²³⁹⁾ Тамъ же, стр. 5, 37.

вакума: сажай въ рѣку своихъ противниковъ, а лучше всего берись за ножъ и рѣжь, какъ пророкъ Илія. Какъ увидимъ далѣе, раскольники къ сердцу приняли это ненавистью написанное правило. Но если ты малодушенъ, или если обстоятельства такого рода, что невозможно послѣдовать этому правилу съ надеждою на успѣхъ; то умри дѣло благое и спасительное, только не измѣняй древнему благовѣрію. Къ книгѣ „на крестообразную ересь“ тотъ же неистовый суевѣръ пишетъ: „а иные ревнители закона суть уразумѣша лѣсть отступленія, да не погибнуть зѣдъ духомъ своимъ, собирающеса во дворы съ женами и дѣтками и сожигаются огнемъ своею волею. *Блаженъ изволю сей о Господь* ³⁴⁰⁾. Въ посланіи же къ какому-то Симеону Аввакумъ, убѣждая стоять за древнее православіе и не бояться мученіи, такъ говоритъ объ огнесожженіи „хотя и бить стануть или жечь и на славу Богу о семь... Но что лучше сего? съ мученика въ чинъ, со апостолы въ полкъ, со свитители въ ликъ..; А въ огнѣ-то здѣсь не большое время потерпѣть. Аки окомъ мгнуть, тагъ душа и выступитъ пить—развѣ тебѣ не разумно? Бойшьяся печи той? Дерзай плюнь на нея, не бось! До печи страхъ-отъ. А егда въ нея вошелъ: тогда и забытъ вся. Егда же загориться: а ты и видишь Христа и Ангельскія силы съ Нимъ. Емлютъ души тѣ отъ тѣлесъ, да и приносятъ ко Христу. А онъ-надежа и благословляетъ, и силу ей подаетъ божественную. Не уже кому бываетъ тяжка, но яко восперенна. Туды же со ангелы летаетъ; равно якъ птичка попархиваетъ; ради изъ темницы той вылетѣла. Вотъ пѣла, до тово плачуще: изведи изъ темницы душу мою исповѣдаться имени твоему... Ну, а то выплакала. Темница горить въ печи: а душа, яко бисеръ и яко влато често вимается со Ангелы выспръ во славу Богу и Отцу“... ³⁴¹⁾. Всѣхъ сожженныхъ и сожигающихся онъ уподобляетъ тремъ отрокамъ, брошеннымъ въ печь по приказанію Навуходоносора ³⁴²⁾. Итакъ, всѣми законными и незаконными средствами отстаивай свое дѣло, а если нѣтъ надежды на успѣхъ, нѣтъ

³⁴⁰⁾ Тамъ же, стр. 5.

³⁴¹⁾ Тамъ же, стр. 31.

³⁴²⁾ Тамъ же, стр. 24, 16.

возможности одержать побѣды—умри, сожгися: блаженъ сей изволю о Господѣ.

Изъ опасенія, чтобъ кто-либо изъ его послѣдователей не обратился къ церкви, Аввакумъ предписывалъ всемъ своимъ горемыкамъ миленькимъ имѣть змѣвную мудрость, но особенно избѣгать всякихъ сношеній съ православными священниками, которые легко могли раскрыть глаза увлеченнымъ суевѣрамъ. „Ныгѣшніи духовніи—словомъ духовніи, а дѣломъ бѣси. Все ложь, все обманъ. Какой тутъ Христосъ! Ни близко, но бѣсовъ полки. По всей землѣ распространися ложь, а наипаче же во мнимыхъ духовныхъ. Они же суть, яко скомрохи ухищраютъ и прельщаютъ словеса сердца незлобивыхъ... Блюдитесь отъ таковыхъ...³⁴³⁾ Но такъ какъ волею неволею приходилось раскольникамъ входить въ сношенія съ православнымъ духовенствомъ, то предусмотрительный Аввакумъ написалъ своимъ послѣдователямъ способъ, какимъ легко можно было отдѣлываться отъ подобныхъ посѣщеній и благодаря которому эти посѣщенія менѣе всего могли приносить вреда суевѣрамъ. Молебны вмѣстѣ съ попомъ Аввакумъ совѣтывалъ отправлять въ Москву-рѣку; а съ водою тою какъ онъ (священникъ) придетъ въ домъ твой и въ дому побывъ водою помочить: и ты послѣ вымети его метлою; а робятамъ вели по занечью отъ него спрятаться; а самъ съ женою ходи тутъ и виномъ ево пой, а самъ говори: „прости, бачко, не чистъ... и не оказивались, не достойны ко Кресту“. Онъ кропитъ, а ты рожно-то въ уголь вороти или въ мошну въ тѣ поры полѣзь, да деньги ему добывай. А жена за домашними дѣлами поди, да говори ему раба Христова: „бачко! какой ты чловѣкъ! Аль по своей попадѣ не разумѣешь? Не время мнѣ. „Да какъ-нибудь, что собаку, отжывите его“...³⁴⁴⁾

Чувства, одушевлявшія расколоучителей, всецѣло переливались въ душу ихъ послѣдователей; правила, совѣты принимались къ сердцу и дѣлались руководительнымъ началомъ въ жизни, какъ это можно доказать множествомъ фактовъ. Если же общество раскольническое было построено такимъ образомъ; то едва ли справедливо обвиненіе духовенства въ бездѣятельности

³⁴³⁾ Тамъ же, стр. 19—20.

³⁴⁴⁾ Расколъ, обличаемый своею исторіею, стр. 80—81.

и неумѣяи взяться за дѣло. Кровью забрызганы первые страницы исторіи раскола; мятежами, убійствами, насиліями всякаго рода „ревнители древняго благочестія“ старались доказать истинность ошибокъ, заблужденій и суевѣрій, и доказывали такимъ образомъ до тѣхъ поръ, пока не отнята была послѣдняя надежда, возможность доказывать такимъ путемъ. Явилась первая книга, свободная отъ грубыхъ ошибокъ, и кровью обогрился помостъ церковный и алтарь.—Во исполненіе соборнаго опредѣленія—совершать обряды церковные по древнему чину, изложенному въ служебникѣ—Тверской архіерей отправилъ нѣсколько духовныхъ лицъ въ Нилову пустынь для наблюденія за порядкомъ. Ревнители древняго благочестія возмутились: давшіе обѣтъ смиренія и незлобія иноки Ниловой пустыни согласились стоять за свои старопечатные служебники, просѣоры съ осьмиконечнымъ крестомъ и т. п. и велѣли пономарю Корнилію наблюдать въ алтарѣ, чтобы священникъ не дерзалъ поступать „по новинѣ“, обѣщаясь за него вступиться, если священникъ не послушается пономаря, или потребуетъ помощь. Корнилій убѣждалъ служащаго священника словомъ совершать проскомидію на семи просѣорахъ съ осьмиконечнымъ крестомъ, потомъ, когда священникъ напомнилъ пономарю о его пономарскомъ мѣстѣ и обязанностяхъ, жалкій суевѣръ вадумалъ доказать истинность своихъ бредней другимъ способомъ; онъ ударилъ священника по головѣ кадиломъ съ горячими углями такъ сильно, что разбилъ самое кадило. Посланные отъ архіерея, услышавъ шумъ, вбѣжали въ алтарь и исторгли оттуда дерзкаго пономаря; но иноки вступились за жалкаго суевѣра: они схватили церковныя книги, подсвѣчники, влючи, щипцы и т. п. и начали жестокую битву внутри храма, такъ что церковный помостъ обогрился кровію ²⁴⁵). Суевѣры объ этомъ прискорбномъ событіи отзываются съ особенною похвалою: Корнилій за свой поступокъ названъ Финее-сомъ, иноки—истинными ревнителями ²⁴⁶).

Соловецкая обитель съ самаго начала книжнаго исправленія была недовольна начатымъ дѣломъ книжнаго исправленія; но не

²⁴⁵) Исторія русской церкви Филарета, пер. III, стр. 192.

²⁴⁶) Исторія Россіи Соловьева, т. X, стр. 210. Расколы. сборникъ, л. 12 на оборотѣ.

прерывала своего общенія съ церковію, не возставала открыто противъ церковной и гражданской администраціи: она только просила дозволенія отправлять богослуженіе по старо-печатнымъ книгамъ, отказываясь принять новыя книги на томъ только основаніи, что „намъ коснымъ старцамъ (соловецкимъ инокамъ) не время вновь учиться по новымъ книгамъ: мы и по старымъ-то съ трудомъ служимъ ²⁴⁷⁾“. Съ этою просьбою были отправлены соборный старецъ Александръ Стукаловъ, Никонъ архимандритъ, и Варсоломей, архимандритъ Соловецкій ²⁴⁸⁾. Но недовольство приняло форму открытаго мятежа противъ церковнаго и гражданскаго правительства тотчасъ, какъ изъ Аввакумовскихъ и Лазаревыхъ учениковъ нѣкоторые прибѣжали въ страны сѣверныя, на островъ Соловецкій и тамо возмутили обитель преподобныхъ отцовъ Савватія и Зосимы, со всѣмъ ея братствомъ „... ²⁴⁹⁾“. Итакъ, обитель оставалась въ должномъ повиновеніи церковному и гражданскому правительству, доколѣ не вознудся ея тлетворный духъ расколуучителя, дышавшаго злобою и местию и предписавшаго такой образъ дѣйствованія для всѣхъ своихъ послѣдователей. Ученики фанатика, нѣкоторые изъ Соловецкихъ иноковъ отъ лица всей обители (хотя не имѣли на то права и полномочія) послали къ царю челобитную, въ которой просили его взыскать древнее благочестіе и дозволить имъ отправлять богослуженіе по старо-печатнымъ книгамъ. Многіе изъ иноковъ были несогласны съ Азаріемъ и Геронтіемъ, но ихъ не слушали: воодушевленные фанатизмомъ ближайшихъ учениковъ Аввакума, иноки не стали даже смотрѣть новыхъ книгъ, не позволяли смотрѣть и другимъ, и вѣрноп казывали несогласныхъ съ ихъ образомъ мыслей ²⁵⁰⁾. Но несмотря на дѣятельность агитаторовъ, Соловецкіе иноки не имѣли возможности возстать противъ существующаго правительства: они были для того слишкомъ слабы.—Открыто они могли возстать только тогда, когда Стенька Разинъ былъ разбитъ и осколки

²⁴⁷⁾ Раскольнич. сборникъ, л. 13 на оборотѣ.

²⁴⁸⁾ Третье посланіе Игнатія, митрополита тобольскаго. Исторія русской церкви Филарета пер. III, стр. 196.

²⁴⁹⁾ Акты истор., т. IV, стр. 535.

²⁵⁰⁾ Раскольнич. сборникъ, л. 17 на оборотѣ.

его банды поселились въ Соловецкомъ монастырѣ. Подстрекаемые учениками Аввакума съ одной стороны, и Донскими Казаками—съ другой,—Соловецкіе иноки рѣшились запереться въ монастырскія стѣны и сражаться съ царскимъ войскомъ въ 1670 году ²⁵¹⁾. Крѣпкія монастырскія стѣны, 90 пушекъ, множество боевыхъ и съѣстныхъ припасовъ и достаточное количество людей, въ числѣ которыхъ было немало донскихъ казаковъ, со товарищей Разина—внушили дерзкую мысль ревнителямъ старины сражаться съ царскимъ войскомъ. Всѣ историческіе документы (и раскольническіе) единогласно свидѣтельствуютъ, что церковное и гражданское правительство того времени употребляло всѣ усилія вразумить фанатиковъ: изъ Москвы со стороны царя и патріарха, изъ Новгорода отъ митрополита пріѣзжали въ Соловецкій монастырь одинъ за другимъ увѣщатели,—убѣждавшіе покориться волѣ царя и церкви; но всѣ усилія оказались тщетными ²⁵²⁾: царскаго воеводу Игнатія Волохова соловчане встрѣтили пушечными выстрѣлами ²⁵³⁾, постановивъ вмѣстѣ съ тѣмъ не молиться за Царя и его домъ ²⁵⁴⁾.

Страннымъ представляется на первый разъ, какимъ образомъ могли рѣшиться на такое страшное дѣло, не обѣщавшее очевидно добраго исхода, соловчане? Но при ближайшемъ знакомствѣ съ этимъ дѣломъ можно видѣть расчетъ, которымъ они руководились, и нужно сознаться, расчетъ не совсѣмъ-то безосновательный. Аввакумъ, какъ это видно изъ его сочиненій, старался дѣло раскола сдѣлать дѣломъ народнымъ, и съ этою цѣлію подстрекалъ народъ ²⁵⁵⁾, на тоже рассчитывали и солов-

²⁵¹⁾ Тамъ же, л. 15 на оборотѣ и 16.

²⁵²⁾ Тамъ же, л. 16.

²⁵³⁾ Акты историч. т. IV, стр. 335.

²⁵⁴⁾ Описаніе нѣкоторыхъ раскольнич. сочиненій Александра Б. Сочиненія Аввакума.

²⁵⁵⁾ Раскольнич. сборникъ л. 18 на оборотѣ. Въ сборникѣ говорится: «блаженный Іоаннъ (отъ темницы) посланіе посылаетъ, въ коемъ древняго благочестія уставы похваляетъ, новопреданная же установленія укоряетъ». Но не много нужно сообразительности для того, чтобы видѣть, что это посланіе было нѣсколько иного рода. Въ самомъ раскольническомъ сказаніи замѣчено, что это посланіе особенно раздражило Волохова и что Волоховъ по этому поводу требовалъ отъ царя особенныхъ инструкцій и правъ.

чане и думали достигнуть торжества тѣмъ же путемъ. Они рассылали возмутительныя письма и посланія, подстрекая народъ къ бунту ²⁵⁶). Такимъ образомъ вотъ смыслъ возстанія соловчанъ и ихъ расчетъ. „Стѣны крѣпки, пушекъ много, припасовъ всякихъ достанетъ на нѣсколько лѣтъ; вслѣдствіе возмутительныхъ посланій народъ долженъ возстать и тогда очевидно не одолѣть царскому войску: правительство должно согласиться на всѣ требованія раскольниковъ“.

Когда истощены были всѣ средства убѣдить фанатиковъ, царь послалъ воеводу Игнатія Волохова съ сотнею стрѣльцовъ усмирить соловчанъ; но слабость Волохова кажется болѣе способствовала усиленію мятежа; они видѣли, что противникъ и вдвое сильнѣйшій не въ состояніи овладѣть монастыремъ. Къ тому же Волоховъ думалъ подѣйствовать на возмутившихся убѣжденіемъ ²⁵⁷). Около четырехъ лѣтъ простоялъ Волоховъ у Соловецкаго монастыря безъ всякаго успѣха и былъ отозванъ ²⁵⁸). вмѣсто Волохова былъ присланъ стрѣлецкій голова Іовлевъ съ 1000 стрѣльцовъ, но и онъ дѣйствовалъ столь же слабо ²⁵⁹). Новыя убѣжденія со стороны царя и новгородскаго митрополита не произвели желаннаго дѣйствія на возмутившихся; посланные для убѣжденія возвратились съ безчестіемъ ²⁶⁰). Тогда царь послалъ воеводу-стольнаго Мещерина съ 1300 стрѣльцовъ, который и взялъ монастырь хитростью ночью 22-го января 1674 г. Мы не будемъ повторять здѣсь тѣхъ сказокъ, которыя Денисовъ связываетъ съ исторіею взятія монастыря, а будемъ указывать только на одни факты, изъ которыхъ можно будетъ видѣть, что раскольники вполнѣ слѣдовали программѣ, начертанной Аввакумомъ для своихъ послѣдователей.

Соловецкій монастырь былъ взятъ; дѣло раскола проиграно; но фанатики не теряли надежды силою оружія восторжествовать. Для нихъ было теперь ясно: дѣло проиграно единственно потому, что не подготовлена была масса, что ожидаемая помощь

²⁵⁶) Тамъ же, л. 18.

²⁵⁷) Тамъ же, л. 20 на оборотѣ. Расколъ, обличаемый своею исторіею, стр. 89.

²⁵⁸) Расколъ, обличаемый своею исторіею, стр. 89—90.

²⁵⁹) Тамъ же, стр. 90.

²⁶⁰) Раскольнич. сборникъ, л. 56—66.

(въ формѣ бунтовъ) не состоялась, что самое время выбрано было неудачно. Необходимо значить было подготовить массу народную, расположить ее въ свою пользу и ожидать благопріятной минуты для достиженія своей цѣли. Лишь только было подавлено соловецкое возмущеніе, суевѣры-фанатики разсыпались по всѣмъ мѣстамъ съ проповѣдію о погибели древняго православія, о необходимости возстановить его, и о подвигахъ отцевъ и страдальцевъ соловецкихъ. Соловецкіе выходцы разсыпался съ проповѣдію по всему сѣверу Россіи, заходили въ предѣлы нижегородскіе, во внутреннюю Россію, на югъ и западъ Россіи ²⁶¹). Проповѣдію ихъ огласилась вся Россія; нужно было дожидаться благопріятной минуты для отырытаго возстанія, и оно настало.

Три дня стрѣльцы безумствовали въ Москвѣ; три дня кровь знатныхъ бояръ лилась по улицамъ Москвы; бояре, духовенство, граждане и само правительство находилась въ страхѣ. Раскольники видѣли, что настало самое благопріятное время для утвержденія ихъ старой вѣры; и вотъ фанатики потянулись со всѣхъ сторонъ въ Москву. Одни пришли изъ предѣловъ нижегородскихъ ²⁶²), другіе изъ предѣловъ новгородскихъ ²⁶³), нѣкоторые изъ Волоколамска ²⁶⁴), словомъ сходились со всѣхъ сторонъ, опасаясь пропустить благопріятное время. Къ концу стрѣльческаго бунта уже главными дѣйствующими лицами являются князь Хованскій, придерживавшійся раскола, и раскольникъ Алексѣй Юдинъ, выборный Воробина полка, руководитель Хованскаго ²⁶⁵). На третій день послѣ бунта, когда стрѣльцы вели тяжелый расчетъ со своею совѣстію за совершенныя убійства, вѣроятно по вліянію Юдина и новоприбывшихъ ревнителей старой вѣры въ Титовскомъ стрѣльцкомъ полку разсуждали уже о томъ, чтобы возстановить старую православную вѣру, подать челобитную, чтобы патріархъ и власти дали отвѣтъ отъ божественнаго пи-

²⁶¹) Исторія Саввы Романова. Издан. Тихонравова, т. II.

²⁶²) Тамъ же Раскольнич. сборникъ л. 57 на оборотѣ.

²⁶³) Исторія Соловьева, т. XIII, стр. 360. Расколъ, обличаемый своею исторіею, стр. 101.

²⁶⁴) Исторія Россіи Соловьева, т. XIII, стр. 353.

²⁶⁵) Раскольнич. Сборникъ, л. 57 на оборотѣ.

санія, за что они старыя книги возненавидѣли и возлюбили новую латинно-римскую вѣру. Въ Титовомъ полку не нашлось ни одного грамотнаго, способнаго написать челобитную, никто не зналъ какъ взяться за дѣло. Въ это то время предложили свои услуги старыя и опытные коноводы — Сергѣй, Никита Пустосвятъ, Савватій и многіе другіе по замѣчанію Денисова ³⁶⁶). Сергѣй сложилъ челобитную, которая ничѣмъ не отличалась отъ старыхъ раскольниковыхъ челобитныхъ — соловецкой, Никиты, Лазаря; Савва Романовъ подстрекалъ стрѣльцовъ, читая челобитную; стрѣльцы пришли въ умиленіе; „отъ роду не слышали такого описанія ересей въ новыхъ книгахъ“, говорили они. Наконецъ стрѣльцы рѣшили: „подобаетъ, братія, постоять за старую вѣру и кровь свою пролить за Христа свѣта: за тѣльное было головы свои положить, за Христа свѣта для чего не умереть?“ Мятежниковъ принялъ подъ свое покровительство князь Хованскій, который кромѣ утвержденія старой вѣры посредствомъ новаго мятежа думалъ добиться высшаго положенія въ государствѣ. Итакъ, вотъ какимъ путемъ думали невѣжды отстоять старую православную вѣру—кровью и насиліемъ. О спокойномъ изслѣдованіи дѣла здѣсь не было и рѣчи; толковали только о томъ, чтобы правительство уступило всѣмъ требованіямъ раскольниковъ и о своихъ головахъ, которыя нужно положить, если только правительство не согласится уступить ихъ требованіямъ. Расколуучители сознавали свое безсиліе, они знали, что преніе на соборѣ, если только онъ состоится, никогда не окончится въ ихъ пользу; потому и не думали о преніяхъ, не приготовлялись къ нимъ и старались только склонить на свою сторону стрѣльцовъ и возмутить своею проповѣдію народъ, другими словами: расколуучители заботились объ организаціи возстанія, открытаго бунта. Это было въ духѣ Аввакумовскихъ инструкцій.

Пользуясь смутнымъ временемъ, раскольники занимались самою дѣятельною агитаціею; стрѣльцы были на ихъ сторонѣ и

³⁶⁶) Исторія Саввы Романова, записки Медвѣдева, стр. 17—18. Записки Крещина, стр. 41. Исторія Россіи Соловьева, т. XIII, стр. 356—364. Расколъ, оключаемый своею исторіею 96—104. Странникъ 1864 г. «патріархъ Іоакимъ въ борьбѣ съ расколомъ».

объясняли даже за дѣло раскола сложить свои пустыя головы; правительство не имѣло войска и не освободилось еще отъ страха; раскольники значить имѣли полную свободу дѣйствовать. Они проповѣдывали громко на площадяхъ, по улицамъ, и били тѣхъ, кто имѣлъ духу не согласиться съ ними или обличить ихъ. Одинъ православный священникъ, по имени Савва, вышелъ на площадь къ собравшемуся народу и началъ доказывать, что преститься должно тремя перстами, а не двумя, и сильно обличалъ раскольниковъ у московскихъ воротъ²⁴⁷⁾. Раскольничій историкъ—Савва Романовъ говоритъ, что въ этотъ періодъ времени многіе даже изъ архіереевъ стали благословлять по старому, и на этотъ разъ ему можно повѣрить. Раскольники животъ съ стрѣльцами съ никоніанами поступали такъ жестоко и деспотично, что подобная уступка была дѣломъ необходимости и благоразумія. Патріархъ въ виду такого положенія дѣлъ откладывалъ день преній съ раскольниками; очевидно было для всѣхъ, что это будутъ не разсужденія о вѣрѣ, а побоище. Покоряясь только необходимости, патріархъ назначилъ соборъ на 5-ое іюля. Мы не имѣемъ нужды здѣсь разсказывать полной исторіи этого собора и преній на немъ; къ сказанному прибавимъ еще одинъ-два факта, которые могутъ указать намъ, чего собственно хотѣли раскольники и стрѣльцы, ставшіе на сторону раскола.

По сказанію Саввы Романова, по свидѣтельству другихъ современниковъ и очевидцевъ этого прискорбнаго и возмутительнаго событія, расколоучители требовали, чтобы соборъ—т.-е. состязаніе было на Лобномъ мѣстѣ или на площади въ кремлѣ между соборами, а не соглашались идти ни въ церковь, ни въ грановитую палату. Раскольники прямо говорили: „въ палату много народу помѣститься не можетъ, а намъ безъ народа что тамъ дѣлать?“²⁴⁸⁾. На что же спрашивается нуженъ *народъ*? и почему непременно соборъ долженъ быть на лобномъ мѣстѣ? Историкъ раскольническій объ этомъ не говоритъ, онъ только замѣчаетъ, что въ грановитую палату раскольники не хотѣли

²⁴⁷⁾ Исторія Саввы Романова. Исторія Россіи Соловьева, т. XIII, стр. 367.

²⁴⁸⁾ Записки Матвѣева, стр. 38. Издан. Сахарова.

идти, опасаясь злаго какого-либо умысла. Нѣтъ, вздеръ; раскольники имѣли въ виду только одно—побить представителей духовной власти и утвердить свои безумныя вѣрованія. Если не такъ, то страннымъ представляется, почему Хованскій не хотѣлъ допустить на соборъ царей и главное царицы Софій?... Не для того ли, чтобъ никто не стѣснялся изъ раскольниковъ; чтобъ развязать руки? Объ этомъ единогласно свидѣлствуютъ и Матвѣевъ и Крекининъ. Далѣе, если раскольники имѣли въ виду только разсужденіе о вѣрѣ, то для чего было запасаться камнями? Поведеніе Никиты на соборѣ и поступокъ его съ Аванасіемъ, архіепископомъ холмогорскимъ, восклицаніе выборнаго на соборѣ: „добромъ съ ними не раздѣлаешься; пора опять приниматься за собачьи кожи“... ставить выше всякаго сомнѣнія мысль, что раскольники 1682 года, пользуясь удобнымъ временемъ, думали силою оружія, насиліемъ, убійствомъ доставить торжество своимъ бреднямъ и уничтожить защитниковъ истины. Наконецъ, зачѣмъ нужно было обращаться къ стрѣльцамъ, просить ихъ помощи стоять за вѣру православную, если расколотители имѣли въ виду только состязаніе о вѣрѣ: стрѣльцы здѣсь были совершенно ненужны; такъ какъ въ средѣ ихъ не было ни одного грамотнаго, о ересяхъ въ новыхъ книгахъ они ничего не знали, слышали въ первый разъ только отъ раскольниковъ, но и услышавши говорили, что это дѣло, то есть дѣло вѣры, не наше, а патриаршее. Историческія свидѣтельства несомнѣнно убѣждаютъ насъ въ той мысли, что раскольники нисколько не думали ни о преніяхъ, ни объ изслѣдованіи сущности разногласія и открытіи истины; они по опыту знали, что безъ смуты въ государствѣ, безъ особенной подготовки народа къ этому дѣлу имъ, а слѣдовательно и ихъ убѣжденіямъ восторжествовать не возможно; теперь и проповѣди ихъ огласились всѣ концы Россіи, смутилось государство, правительство въ страхъ, слѣдовательно всѣ условія успѣха на ихъ сторонѣ. Такъ понимали движенія раскольниковъ 1682 года и всѣ современные писатели. „Тогда (1682 г.) объявились въ стрѣльцахъ, пишетъ Матвѣевъ, многіе раскольники, получа своему зломыслию удобное время, начали совѣтовать какъ бы имъ расколъ свой паки утвердить вновь и православную церковь, ихъ еретичеству против-

ную, раззорить и правобѣрныхъ побить“²⁶⁹⁾. „Улуча своему зломыслию время, пишетъ Крекшинъ, расколоучители съ Хованскими, подговорили много народа, купцовъ, промышленниковъ и чернь“²⁷⁰⁾... „Видя стрѣлцкую дерзость во всемъ и смущеніе въ государствѣ, пишетъ Медвѣдевъ, враги св. церкви, раскольники, нарицаемые Капитоны, начаша на св. церковь ратовати, народъ простой возмущати, присовокупиша лестными глаголаніи къ тому своему начинанію многихъ служилыхъ людей, грамотъ не умѣющихъ, къ нимъ же и изъ посадскихъ людей... Еще же они раскольники такое дерзновеніе взяли невѣжди, ничтоже знающіе и грамотъ не умѣющіе по улицамъ и по площадямъ въ царствующемъ градѣ Москвѣ, яко нѣкимъ проповѣдники ходяще, людей простыхъ учили“²⁷¹⁾. Такъ же объясняетъ движеніе раскольниковъ 1682 года и митрополитъ сибирскій Игнатій.

Благодаря предусмотрительности гражданскаго и церковнаго правительства, затѣя раскольниковъ испровергнуть правительство и устроить все сообразно своему вкусу и желаніямъ не удалась; главные зачинщики этого дѣла были немедленно казнены, остальные разосланы по монастырямъ и тюрьмамъ. Урокъ данъ былъ раскольникамъ самый внушительный: раскольники не добились торжества въ самую благоприятную для нихъ минуту. Но они не теряли надежды тѣмъ же путемъ добиться торжества. Въ Москвѣ мы болѣе не встрѣчаемъ бунтовъ за вѣру; но за то вдали отъ Москвы, по окраинамъ Россіи, раскольническіе бунты не прекращались. Расколоучители то подстрекали къ бунту, вооружали народъ противъ правительства, то сами составляли банды и брались за оружіе. Въ концѣ 1682 года по рѣкѣ Теченю собралось болѣе 200 раскольниковъ. По донесенію десятника Лыкова тюменскому воеводѣ собравшіеся раскольники на рѣкѣ Теченѣ, „выѣзжаютъ изъ пустыни со многими людьми, человекъ по 40—50 съ ружьемъ и съ копьями и съ бердыши и свозили хлѣбъ съ близлежащихъ полей; и въ пустынь тѣ раскольники завели кузнецовъ и куютъ копья и бердыши и къ большой дорогѣ выходятъ и людей бьютъ и грабятъ и платятъ

²⁶⁹⁾ Записки Крекшина, стр. 41. Издан. Сахарова.

²⁷⁰⁾ Записки Медвѣдева, стр. 17—18.

²⁷¹⁾ Дополн. акты истор., т. X, № 3, отд. XV, стр. 15.

отнимають“²⁷²⁾). Посланный же отъ сибирскаго митрополита для убѣжденія означенныхъ раскольниковъ явучарь соборный доносилъ, что въ сборѣ ихъ человекъ 300, что число ихъ постоянно увеличивается пріѣзжающими раскольниками изъ русскихъ и низовыхъ городовъ, что означенные раскольники хвалятся своимъ воровствомъ, сожженіемъ города и хлѣбныхъ запасовъ²⁷³⁾). Дерзость сибирскихъ раскольниковъ переходила всякія границы. Они часто въ церкви производили возмущенія и нагло ругались надъ св. тайнами, иконами и духовнымъ чиномъ²⁷⁴⁾).

Въ 1686 году въ первый день пасхи, во время утрени въ селѣ Каменнѣ тюменскаго уѣзда сгорѣла Покровская церковь съ людьми и въ то же время старая, пустая церковь. Порохъ и другіе горючіе матеріалы были подожжены раскольниками. Всѣхъ сгорѣвшихъ въ церкви и убитыхъ бревнами было до 250²⁷⁵⁾). Въ томъ же году 25 апрѣля городъ Тюмень съ двумя церквями соборными, такъ же церкви Иліи Пророка, Спасская, Знаменская, оба приказа и многіе дома сгорѣли отъ поджога раскольниковъ²⁷⁶⁾). Въ 1687 году образовалась раскольничья шайка подъ предводительствомъ Емельяна Иванова, которая нѣсколько разъ нападала на палеостровскій монастырь и грабила близлежащія мѣста. Услышавъ о приближеніи подполковника Мишенскаго съ войскомъ, Ивановъ уговорилъ своихъ сотоварищей съесться, а самъ разграбивши монастырскую казну, собралъ новую банду и въ 1689 году вновь засѣлъ въ палеостровскомъ монастырѣ. Высланный противъ нихъ отрядъ войска долженъ былъ выдержать отъ раскольниковъ нападеніе въ продолженіе двухъ ночей²⁷⁷⁾). Въ 1693 году пудожскаго погоста попы доносили государямъ:... „бьютъ челомъ и являютъ богомольцы ваши великихъ государей пудожскаго погоста никольскіе попы Семень Петровъ, да Антипъ Михеевъ въ томъ, что въ нынѣшнемъ 201

²⁷²⁾ Тамъ же, отд. XVI, стр. 15—16.

²⁷³⁾ Тамъ же, стр. 12—13, отд. IX. Дополн. акты истор., т. XIII, № 50, стр. 215.

²⁷⁴⁾ Древняя російская вилююнка, ч. VII, записки о Сибири. Журналъ министерства народ. просвѣщенія 1850 г., т. LXVIII, отд. V.

²⁷⁵⁾ Тамъ же.

²⁷⁶⁾ Акты истор., т. V, № 151, 127 и 177.

²⁷⁷⁾ Акты истор., т. V, № 223, стр. 378—394.

году іюля въ 21 день сильны въ нашъ пудожскій погостъ церковные раскольники, незнаемые люди и того пудожскаго погоста жители, въ церковь Божию, и въ церковные колокола били, и церковь Божию у насъ отняли и засѣли, и насъ богомольцевъ вашихъ били, и домишки наши разграбили и разорили; а по смѣтѣ тѣхъ раскольниковъ ста два и больше, а съ ними раскольниками есть чернецъ и многіе дьяки, а мы отъ нихъ раскольниковъ чуть живы ушли“²⁷⁸⁾.

Непосредственно послѣ бунта Никиты Пустосвята раскольники устремились на югъ и юго-востокъ, избѣгая преслѣдованій и желая произвести новыя смуты. Въ 1683 году правительству было уже извѣстно, что раскольникъ Кузьма Косой завелъ пустынь и подстрекалъ народъ къ бунту; но какъ сами казаки придерживались раскола и прямыхъ уликъ противъ Косого не было, то его и не трогали²⁷⁹⁾. Это снисхожденіе повидимому убѣдило раскольниковъ, что вдали отъ административнаго центра они могутъ дѣлать, что имъ вздумается. „Въ 1686 году въ Новочеркасскъ вдругъ нахлынуло 700 человекъ раскольниковъ и начали уговаривать казаковъ, чтобы они стояли за старую вѣру; православные выжили незваныхъ гостей, но дѣло не обошлось безъ ножей. Въ ноябрѣ того же года въ Острогоскѣ явился съ Дону казакъ Лобанъ, родомъ малороссійнинъ, и рассказывалъ, что жилъ онъ въ городѣ Кочальникѣ 30 лѣтъ, но теперь принужденъ былъ уйти, потому что въ донскихъ городкахъ по рѣчкѣ Медвѣдицѣ, Чиру и по запольнымъ рѣкамъ стало много раскольниковъ, умышляютъ они и совѣтуютъ, чтобы имъ идти на Москву на патріарха, бояръ и архіереевъ, которые всю вѣру потеряли. Лобанъ требовалъ, чтобы его отправили въ Москву, потому что есть еще за нимъ *скрытыя* рѣчи. Въ Москвѣ Лобанъ объявилъ, что на рѣкѣ Медвѣдицѣ живетъ бѣглець, Куземкой зовутъ (Кузьма Косой), чинить всякіе расколы и называется папою. Этотъ папа съ своими приверженцами основалъ на Медвѣдицѣ новый городокъ, названный по его имени Кузьминскимъ, откуда раскольники начали наступательное движеніе на другіе города. Въ концѣ сентября 1688 года донскіе казаки отправили противъ нихъ отрядъ

²⁷⁸⁾ Исторія Россіи Соловьева, т. XIII.

²⁷⁹⁾ Тамъ же, т. XIV, стр. 88—90.

подъ начальствомъ атамана Кутейникова, который, пришедши подъ Кузьминъ, построилъ городокъ съ раскатомъ и „чинилъ надъ раскольниками всякіе боевые и приступные земляные и деревянные промыслы“, но безъ всякаго успѣха; потомъ пошли казаки деревяннымъ валомъ, который валили пѣлый день; за этою валовою крѣпостью построили другой раскатъ, кололись съ него кошками съ раскольниками и кирпичемъ бились; но осажденные умѣли зажечь валъ и заставили казаковъ отступить. 1 февраля 1689 года отправленъ былъ подъ Кузьминъ городокъ другой атаманъ Аверкіевъ, на перемѣну Кутейникову; Аверкіевъ стоялъ подъ городкомъ до мая мѣсяца и наконецъ успѣлъ взять его и разорить; раскольники были побиты²⁸⁰⁾. Кромѣ Косого главами раскола на Дону были три попа—Досиѣей, Пафнугій и Θεодосій. Въ 1688 году высланъ былъ противъ нихъ отрядъ казаковъ; расколоучители съ толпою своихъ послѣдователей ушли за границу, во владѣніе Шевкала Тарковского и поселились во владѣніяхъ его на рѣкѣ Аграханѣ²⁸¹⁾. Съ рѣки Аграхани часть ихъ бѣжала въ Крымъ, потомъ въ Черный Яръ²⁸²⁾. Но большинство осталось во владѣніяхъ Шевкала. Въ началѣ 1631 года къ аграханскимъ раскольникамъ былъ отправленъ съ призывною грамотою бояринъ Басовъ. Въ половинѣ марта Басовъ пріѣхалъ на Донъ и потребовалъ у тамошнихъ казаковъ провожатыхъ къ аграханскимъ раскольникамъ, но казаки отвѣчали: „отпустить намъ тебя нельзя, потому что мы уже разъ посылали къ раскольникамъ съ царскою же грамотою, и они однако посланнаго убили, и двоихъ другихъ отпустили на Донъ, и съ ними къ намъ приказали, чтобы мы отнюдь впередъ съ государевыми грамотами и войсковыми письмами къ нимъ никого не присылали, а пришлемъ, то всѣхъ побьютъ“. Новымъ царскимъ указомъ повелѣвалось Басову ѣхать на Терекъ ко вдовѣ князя Алегука Сунгеневича Черкаскаго, княгинѣ Тауѣ Саганобеконѣ, и какъ она велитъ поступать ему, такъ и дѣлать. Черезъ посредство этой послѣдней Басовъ увидѣлся съ Шевкаломъ и передалъ ему требованія сво-

²⁸⁰⁾ Тамъ же, стр. 90.

²⁸¹⁾ Акты истор., т. V, № 215—220.

²⁸²⁾ Исторія Россіи Соловьева, т. XIV, стр. 156—157.

его правительства. Шевкаль отвѣчалъ: казаки пришли ко мнѣ съ Дону волею, и живутъ въ моемъ владѣннн по волѣ же; я за ними не посылаю и высылать ихъ неволею нельзя; потому что у насъ такъ не водится, почитаю я ихъ за гостей; а чтобъ они великимъ государямъ вины свои принесли и шли жить по прежнему на Донъ, о томъ я говорить имъ буду и милостію государскою обнадеживать, какъ возможно, но обратятся ли и пойдутъ ли на Донъ или нѣтъ, не вѣдаю. Если пойдутъ, то я ихъ держать не стану, отпущу тотчасъ; а ты бы къ нимъ не вѣдилъ; если поѣдешь, то убьютъ тебя до смерти, обойдусь съ ними я". Шевкаль послалъ къ раскольникамъ въ первый разъ эсаула; эсаулъ возвратился съ отвѣтомъ, что казаки вѣдять къ себѣ Басову не приказали, а прѣдетъ—убьютъ. Послалъ Шевкаль въ другой разъ брата своего Алибека, тотъ привезъ отвѣтъ подробнѣе. Раскольники говорили: „чтобъ впередъ къ намъ изъ Москвы и изъ Дону никого не присылали и людей понапрасну не теряли; намъ здѣсь жить хорошо и повольно. Шевкаль вѣры у насъ не отнимаетъ, живемъ какъ хотимъ, вѣру дружимъ, какъ кто знаетъ, нужды намъ никакой нѣтъ; идти назадъ въ дома за какими добромъ? знаемъ что тамъ будетъ!“ Черезъ нѣсколько времени прѣехали къ Шевкалу отъ раскольниковъ четыре чело-вѣка, долго сидѣли у Шевкала, а потомъ видѣлись и съ Басовымъ. Басовъ ихъ всячески убѣждалъ, обнадеживалъ ихъ царскою милостію и давалъ имъ государскую грамоту; но раскольники грамоты не приняли и говорили: „ваши цари солгали головѣ нашему Шевкалу въ жаловань, обѣщаннаго не прислали, а намъ и подавно солгутъ; а хотя и ратныхъ людей на насъ пошлютъ, то намъ вѣсть будетъ изъ Астрахани отъ иноземцевъ тотчасъ, и по вѣдомости пойдѣмъ мы къ хану въ Большую Кабарду, а тамъ намъ никто ничего не сдѣластъ“. Басовъ узналъ навѣрное, что Шевкаль раскольниковъ не выдастъ, потому что вмѣстѣ съ ними воруетъ, посылаетъ людей своихъ съ ними на море грабить и половину добычи беретъ себѣ ²⁸²). Живя на свободѣ подъ покровительствомъ мелкихъ владѣтелей, занимавшихся преимущественно грабежемъ и разбоемъ, раскольники главныхъ

²⁸²) Тамъ же, стр. 156.

образомъ занимались тѣмъ же промысломъ. Въ 1693 году они разбили цѣлые два персидскіе судна²⁸⁴⁾, а въ іюнь того же года черноморскій воевода доносилъ въ Астрахань и Москву, что „6 іюня прибѣжали безвѣстно сверху изъ стана воровскіе воинскіе люди, человекъ съ 500 и болѣе и къ городу приступили и съ тѣми воровскими воинскими людьми былъ бой долгое время, а знатно съ тѣми ворами были раскольщики козаки“. Астраханскій воевода отвѣчалъ, что ему донесено: „воровскіе козаки раскольщики, которые живутъ за Кубанью, собираются идти, соединяясь съ крымскими и единссанскими мурзами, большимъ собраніемъ для воровства подъ царыцынскую заставу къ Волгѣ рѣкѣ, на рыбныя ватаги къ Черному Яру“²⁸⁵⁾. Въ 1692 году въ Москвѣ получено было извѣстіе, что за-кубанскіе раскольники собираются заняться грабежемъ на Волгѣ²⁸⁶⁾, а въ 1696 г. послѣдовала царская грамота къ астраханскому воеводѣ объ истребленіи бродягъ и раскольниковъ, производящихъ на Волгѣ и Каспійскомъ морѣ разбой²⁸⁷⁾. Кромѣ того явилось много дѣятелей изъ раскольниковъ, которые подметными письмами, убѣжденіями и т. под. подстрекали козаковъ идти въ Москву бить бояръ и духовенство²⁸⁸⁾. Вообще не было ни одного возстанія, ни одного болѣе или менѣе крупнаго бунта, къ которому бы не применили раскольники и въ которомъ бы не принимали участія. Въ Булавинскомъ бунтѣ раскольники принимали самое дѣятельное участіе. Въ 1708 году къ Бахметеву отъ булавинцевъ было прислано такое письмо: „вѣдомо намъ учинилось, идете вы къ намъ въ донскіе городки для разоренья; за что вамъ разорять? намъ до васъ дѣла нѣтъ—ни до бояръ, ни до солдатъ, ни до драгунъ; мы стоимъ за вѣру христіанскую, что начали въ еллинскую вѣру вѣровать“...²⁸⁹⁾.

Но поелику, какъ ни широки были затѣи раскольниковъ, торжествовать имъ приходилось рѣдко или совсѣмъ никогда, то само

²⁸⁴⁾ Акты истор., т. V, № 220, 221, 215 и 254.

²⁸⁵⁾ Тамъ же, № 221.

²⁸⁶⁾ Тамъ же, № 254.

²⁸⁷⁾ Исторія Россіи Соловьева, т. XIII, стр. 385—387.

²⁸⁸⁾ Записки Желябужскаго, стр. 242, издан. Сахарова.

²⁸⁹⁾ Дополнит. акты истор., т. VIII, стр. 218 и 224.

собою разумѣется—раскольникамъ чаще приходилось прибѣгать къ другому правилу Аввакумовской инструкціи, данной имъ своимъ послѣдователямъ для спасенія ихъ души—именно къ само-сожженію. И дѣйствительно случаевъ самосожженія въ исторіи раскола, въ особенности до царствованія Петра I, безчисленное множество. Они начинаются непосредственно послѣ взятія Соловецкаго монастыря. Ни убѣжденія, ни угрозы, ничто не дѣйствовало на безумныхъ фанатиковъ, коль скоро они задумали спасти свои души огнемъ.

1679 года января 6 по вліянію Данилы (Дометіана), вверхъ по рѣкѣ Тоболу, „въ ночи чернецъ Данило съ единомышленниками своими въ избахъ сожглись“ несмотря на увѣщанія, „а въ сборѣ ихъ было больше 300 человекъ“²⁹⁰). Въ 1682 году вверхъ по рѣкѣ Теченю собралось болѣе 200 раскольниковъ для самосожженія. На убѣжденія разойтись по домамъ, отвѣчали: „буде насъ стануть изъ той занки гнать, и мы всё тутъ во дворѣ зажжемся“, и зажглись²⁹¹). Въ 1684 году октября 24-го на Теченѣй рѣкѣ зажглись во дворѣ у оброчнаго крестьянина Оськи Рѣшетникова раскольники Тимошка Морозовъ съ братьями и единомышленниками, самовольствомъ своимъ и сгорѣли; а выбѣжали изъ того огня, изъ оконъ выметались, два старца Игнатій да Гаврило, да двѣ старицы—Софья съ сыномъ да Февронья²⁹²). Эти раскольники многихъ насильно хотѣли сжечь. А всѣхъ ихъ сгорѣло ста три (300)²⁹³). Въ 1679 году въ тобольскомъ уѣздѣ, на рѣкѣ Березовѣ, собрались изъ Тобольска, верхотурскаго и тюменскаго уѣздовъ раскольники съ женами и дѣтьми, всего 2700, и прельщенные неправильнымъ ученіемъ бывшаго тюменскаго попа Дометіана, въ монастырѣ Данилы, сами себя сожгли²⁹⁴). Въ 1682 году въ Утяцкой слободѣ 400 человекъ обоюга пола предали себя огню. Въ 1686 году верхотурскаго уѣзда въ деревнѣ Нагормычѣ сгорѣли 100 человекъ. Въ той же деревнѣ въ другомъ мѣстѣ сожглись 350 человекъ²⁹⁵). Въ 1685 году

²⁹⁰) Дополнит. акты истор., т. X, отд. XIV, № 3, стр. 14.

²⁹¹) Тамъ же, отд. XXI, стр. 19.

²⁹²) Тамъ же, отд. XXII, стр. 19—20.

²⁹³) Журналъ министерства народ. просвѣщенія, т. LXVIII, отд. V, 1850 г.

²⁹⁴) Тамъ же.

²⁹⁵) Акты истор., т. V, № 127.

27 февраля въ монастырской вотчинѣ Хутыня монастыря въ деревнѣ Островѣ, собравшись въ овинѣ сгорѣло 311 человекъ ²⁹⁶). Въ 1687 и 1689 году дважды горѣли раскольникѣ въ Палеостровскомъ монастырѣ ²⁹⁷). По сказанію Денисова въ первый разъ сожглось 1500 человекъ, во второй разъ 1200 человекъ ²⁹⁸). Было бы утомительно выписывать всѣ случаи самосожженія. Достаточно замѣтить, что предавали себя огню и въ Вологодѣ, и въ Нижегородскихъ предѣлахъ, въ Костромскихъ, Ярославскихъ, на югѣ Россіи и пр. ²⁹⁹). Строгіе указы, убѣжденія—ничто не дѣйствовало. Суевѣры своимъ самосожженіемъ и спасали свои души и мстили правительству, при каждомъ требованіи правительства, котораго они не хотѣли исполнить, они прямо говорили: или оставь насъ, въ покоѣ, или мы сождемся ³⁰⁰).

Третье правило Аввакумовской инструкціи касалось главнымъ образомъ общественной жизни, и всѣмъ извѣстно, что раскольникѣ строго исполняютъ это правило доселѣ въ своихъ отношеніяхъ съ православнымъ духовенствомъ и гражданскимъ начальствомъ. Раскольникѣя скрытность, осторожность, способность найти друзей и помощниковъ, умѣнье пользоваться случаемъ, дѣйствовать подкупомъ—вошли въ пословицу: они вполне усвоили ту змѣиную мудрость, имѣть которую предписывалъ имъ Аввакумъ. Но такъ какъ жизнь вмѣстѣ съ православнымъ, даже при могущественнѣйшихъ средствахъ, представляла для раскольникѣ много неудобствъ: то раскольникѣ за лучшее сочли уходить отъ центровъ общественной жизни—въ степи, непроходимые лѣса, Сибирь и за границу, гдѣ они могли жить на свободѣ, не стѣсняемые нѣмѣмъ и ничѣмъ.

Послѣ Соловецкаго бунта соловецкіе иноки-раскольникѣ разбрелись по сѣвернымъ предѣламъ Россіи, по вологодскимъ лѣ-

²⁹⁶) Тамъ же, т. V, №№ 151 и 177.

²⁹⁷) Раскольник. сборникъ, л. 58 на оборотѣ и 59.

²⁹⁸) Розньскъ 584—585. Посланія Игнатія, митр. тобольскаго, стр. 115 и далѣе Раскольникескія дѣла XVIII в. Есипова, т. I, стр. 271. Акты археографич. экспед., т. IV, № 284.

²⁹⁹) Дополнит. акты истор., т. VIII, № 50, стр. 219, 220, 221 и 224.

³⁰⁰) Раскольник. дѣла XVIII в. Есипова. Довозъ Бруглова. т. I, Исторія вьговской пустыни.

самъ, строили тамъ въ самыхъ непроходимыхъ мѣстахъ пустыни, открывали богослуженіе и тайно занимались пропагандой. Правительство узнавало объ этомъ уже тогда, когда ничтожная пустынь превращалась въ огромную обитель, благоустроенную, богатую, со всѣми удобствами и угодами. Тамъ напимѣръ устроилась Выгорѣцкая обитель ³⁰¹⁾. Съ самаго начала преслѣдованія раскольниковъ, очень большое число ихъ разошлось въ предѣлы нижегородскія, въ гѣса черноморскія и близъ лежащія, гдѣ ихъ ко времени Питирима собралось до 100,000 ³⁰²⁾. Изъ нижегородскихъ предѣловъ и изъ внутренней Россіи раскольники стремились въ Сибирь и къ концу XVII вѣка вся западная Сибирь была переполнена раскольниками ³⁰³⁾. Гѣса костромскіе наполнились раскольниками одновременно съ нижегородскими и ко времени святаго Димитрія Ростовскаго валужскій и костромской округи были исключительно населены раскольниками ³⁰⁴⁾. Съ 1669 года раскольники начали стекаться къ берегамъ Дона, Медвѣдицѣ и другимъ близъ лежащимъ мѣстамъ ³⁰⁵⁾. Съ 1669 года начало наполняться раскольниками Стародубье и въ короткое время раскольниками заселены были 4 слободы—Бѣлый Колодезь и Снній, Замышева, Шелома ³⁰⁶⁾. Вообще раскольники селились въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ они свободны были отъ всякаго внѣшняго вліянія, какъ со стороны духовенства, такъ и гражданскаго начальства, въ особенности же они не любили православнаго духовенства. Лишь только въ ихъ убѣжищахъ начали появляться увѣщатели со стороны духовенства, или же они предвидѣли появленіе чиновниковъ, какъ тотчасъ же стремились уйти или въ еще болѣе скрытое мѣсто ³⁰⁷⁾ или же бѣжали за границу—одни въ Швецію ³⁰⁸⁾, другіе въ Польшу, гдѣ

³⁰¹⁾ Исторія нижегородской іерархіи.

³⁰²⁾ Тамъ же, см. донесеніе Питирима Петру I. Начало христіанства въ Иркутскѣ, стр. 14.

³⁰³⁾ Жизнь св. Димитрія Ростовскаго.

³⁰⁴⁾ Описаніе нѣкоторыхъ раскольническихъ сочиненій Александра Б., ч. I, стр. 276. Исторія Россіи Соловьева, т. XIII, стр. 303, т. XIV, стр. 90.

³⁰⁵⁾ Описаніе нѣкоторыхъ раскольнич. сочиненій Александра Б., ч. I, стр. 277.

³⁰⁶⁾ Исторія нижегородской іерархіи. Донесеніе Питирима Петру I.

³⁰⁷⁾ Акты истор., т. V, № 127.

³⁰⁸⁾ Описаніе нѣкоторыхъ раскольнич. сочиненій Александра Б., ч. I, стр. 278.

нашли себѣ удобное мѣстопробываніе въ имѣніи пана Халецкаго при рѣкѣ Вѣткѣ³⁰⁹). И въ томъ и въ другомъ мѣстѣ они оставались безъ всякаго вліянія; являлись въ Россію только для сношенія съ своими единомышленниками, или съ цѣлю пропаганды. Ни одно самое либеральнѣйшее правительство въ свѣтѣ конечно не будетъ благосклонно смотрѣть на такія явленія, какъ бѣгство во внутренность обширныхъ лѣсовъ и бѣгство за границу, потому что тѣмъ самымъ они избѣгали всякихъ государственныхъ повинностей съ одной стороны, и куда, съ другой стороны, доступъ былъ невозможенъ и не безопасенъ; ни одно правительство въ свѣтѣ опять таки не можетъ помириться съ этимъ дикимъ проявленіемъ фанатизма—самосожигательствомъ, разбоями, большими возстаніями. Гражданское правительство поставлено было въ необходимость издавать одинъ за другимъ строгіе указы, чтобы хотя страхомъ казни, пытокъ и смерти остановить фанатиковъ; но эти угрозы на фанатиковъ производили впечатлѣніе совершенно противоположное тому, какого отъ нихъ ожидали. Раскольники еще далѣе углублялись во внутренность лѣсовъ, еще большими толпами бѣжала за границу, чѣмъ объясняется неимоверно быстрое возрастаніе населенія на Вѣткѣ. Итакъ, вотъ въ какомъ видѣ представляется дѣло. Значительная часть раскольниковъ, можетъ быть половина, думали только объ одномъ—о защитѣ своихъ вѣрованій силою оружія, открытымъ бунтомъ; другая, не менѣе значительная, проживала въ непроходимыхъ лѣсахъ, входъ въ которые былъ и труденъ и небезопасенъ; самая меньшая часть ихъ жила въ городахъ и селахъ среди православнаго населенія; но и первые, и вторые, и третьи одинаково были заражены фанатизмомъ, одинаково были убѣждены въ непреложной истинности своихъ вѣрованій и потому избѣгали всякихъ объясненій по этому дѣлу. Вступали въ пренія только въ томъ случаѣ, когда невозможно было отказаться отъ нихъ, когда принуждаемы были къ тому силою. Чаше всего конечно, должны были по необходимости вступить въ объясненія по дѣламъ вѣры раскольники жившіе среди православнаго населенія; но и они, какъ мы выше видѣли, энергично отказа-

³⁰⁹) Акты истор., т. IV, № 205, стр. 437, т. V, №№ 211 и 223. Исторія Россіи Соловьева, т. XIV, стр. 83—84.

вались отъ этихъ состязаній и угрожали самоожженіемъ, если только ихъ не оставятъ въ покоѣ. Другіе въ такомъ случаѣ оставляли свое жилище и переселялись въ другія болѣе уединенныя мѣста, какъ напримѣръ дѣлали раскольники чернораменскихъ и другихъ близъ лежащихъ лѣсовъ, какъ только стагъ ихъ дѣятельно посѣщать Птиримъ; такъ поступили стародубскіе раскольники, когда былъ данъ указъ черниговскому епископу Лазарю Барановичу и козницкому полковнику позаботиться объ обращеніи раскольниковъ къ церкви. Входъ къ раскольникамъ для увѣщателей былъ не безопасенъ, и не только къ такимъ яркимъ какъ довскіе, но и къ такимъ повидимому мирнымъ, какъ чернораменскіе, которые убили было Птирима; и вообще нужно замѣтить, что такихъ покушеній со стороны раскольниковъ на жизнь увѣщателей не мало ³¹⁰⁾. Приниженное, задавленное нуждою и бѣднымъ духовенство не имѣло возможности поставить себя въ лучшее положеніе; правительство на это мало обращало вниманія. Принимая во вниманіе сказанное нами, едва ли можно обвинять духовенство въ томъ, что расколъ въ XVII и въ началѣ XVIII вѣка распространялся сильно: главная причина, очевидно, сравнительно мало успѣшной дѣятельности духовенства лежитъ въ расколѣ же самомъ, въ духѣ, характерѣ и направленіи, которое принялъ расколъ. Обыкновенно говорятъ, что духовенство неумѣло взяться за дѣло, оно было невѣжественно, продажно и проч. и потому мѣры правительства не достигали своей цѣли, и разумѣется—говорятъ несправедливо. Есть пословица на Руси: „хорошо говорить тому, кто слушаетъ, хорошо бить того—кто шачетъ“; пословица эта вполне приложима въ настоящемъ случаѣ. Какъ можно убѣждать того, кто не хочетъ слушать, кто избѣгаетъ всякаго сношенія съ людьми могущими и обязанными увѣщевать и на которыхъ смотреть, какъ на служителей Антихриста, влекущихъ въ тартаръ?! Какъ можно убѣдить человека который за каждое слово обличенія готовъ взяться за ножъ, которымъ думаетъ подобно Аввакуму „освятить свои руки, или предать себя огню“?! Обвиняюще духовенство въ бездѣятельности и неумѣннн взяться за дѣло, въ невѣжествѣ, продажности

³¹⁰⁾ Акты истор., т. V, № 223.

и т. п. по большей части не принимаютъ этого въ расчетъ. Любопытно бы было знать, какія бы правила предписали эти господа, чтобы дѣятельность духовенства оказалась болѣе плодотворною, да при этихъ правилахъ пусть не забываютъ, что онѣ пишутся для русскаго общества XVII вѣка. Это-то послѣднее обыкновенно упускаютъ изъ виду и судятъ о событіяхъ XVII в. съ точки зрѣнія второй половины XIX вѣка.

Затѣмъ не нужно упускать изъ виду и того, что часто самые способные и дѣятельные изъ духовенства должны были сидѣть сложа руки, благодаря покровительству, которымъ раскольники пользовались со стороны областныхъ управителей, чиновниковъ и особенно помѣщиковъ, придерживающихся раскола. Въ дѣлѣ о пудожежскихъ раскольникахъ между прочимъ говорится, что Семенъ Леонтьевъ Журавичій попамъ, доносившимъ о насиліи со стороны раскольниковъ и просившимъ помощи, отказалъ, потому что самъ придерживался раскола³¹¹⁾. Въ то время, когда Пятиримъ ревностно подвизался въ обращеніи раскольниковъ къ православію, губернскіе управители, городскіе начальники, волостные прикащики и старосты, подкупленные раскольниками, держали сторону послѣднихъ: начали преслѣдовать какъ самаго Пятирима, такъ и посылаемыхъ для увѣщанія раскольниковъ священниковъ; запрещали входъ въ дома раскольниковъ и объясняться съ раскольниками... „А нынѣ... и отъ градскихъ начальниковъ и отъ волостныхъ прикащиковъ и отъ старостъ тому обращенію стало быть пренятіе и остановка крайняя, что уже къ тѣмъ раскольникамъ въ кельи и въ дома и входъ мой отъ начальника отняли, да и священникамъ учить возбраняютъ, и тѣмъ вмѣсто благія помощи учинили раскольникамъ и пуще къ развращенію дерзновеніе безстрашное, отчего тѣ замерзлые раскольники, видя себѣ такое поущеніе, въ душепагубную свою прелесть души простыхъ людей отъ согласія св. церкви отторгаютъ безпрестанно“³¹²⁾. Въ казанской губерніи покровительствовалъ раскольникамъ извѣстный всѣмъ своею алчностью ко взяткамъ и

³¹¹⁾ Исторія нижегородской іерархіи, стр. 46—47.

³¹²⁾ Дополн. Сильвестра. Смотр. Русскій расколъ старообрядства Шапова, стр. 535—536.

жестокостью губернаторъ Волынской³¹³). Это укрывательство раскольниковъ при переписяхъ и другихъ подобныхъ случаяхъ, защита ихъ областными начальниками и запрещеніе входить въ дома раскольниковъ въ свое время извѣстно было правительству. Въ Духовномъ Регламентѣ Петра I между прочимъ говорится: великій грѣхъ есть и нетерпящій молчанія духовныхъ, что нѣщии мірстии господа, въ своихъ областяхъ, вѣдая раскольниковъ, покрываютъ для мзды, имъ подаваемой... они *сильно не допусками* священниковъ къ приходамъ тѣмъ, гдѣ были раскольники, не допускали и посланныхъ архіерейскихъ сыскивать и обличать раскольниковъ "...³¹⁴). Еще болѣе покровительствовали раскольникамъ мелкіе чиновники: они за взятки писали ихъ православными, защищали въ случаѣ донесенія на нихъ, скрывали или пропускали при подушной переписи. Строгіе указы слѣдовали одинъ за другимъ; но они мало помогали, побуждали только и раскольниковъ и чиновниковъ быть болѣе осмотрительными³¹⁵). Помѣщики, въ особенности придерживающіеся раскола, всѣми силами старались скрыть своихъ крестьянъ раскольниковъ³¹⁶). Чтобы убѣждать, обличать, прежде всего надо знать, кого убѣждать; но изъ вышесказаннаго видно, что духовенству это было или совсѣмъ неизвѣстно, или—извѣстно, но ему былъ запрещенъ входъ туда. Но тогда какъ духовенство встрѣчало много препятствій и тогда какъ его двѣтельность была крайне стѣснена, неопредѣленна, расколоучители пользовались полною свободою дѣйствій, пользовались извѣстнаго рода покровительствомъ и имѣли кромѣ того много другихъ благопріятныхъ условій, благопріятныхъ исключительно для нихъ однихъ, какъ основательно развилъ и доказалъ въ своемъ изслѣдованіи г. Шаповъ „Русскій расколъ старообрядства“³¹⁷). Всѣ эти обстоятельства надобно взвѣсить, когда излагаютъ приговоръ о какомъ либо обществѣ; иначе всякое общество, каждое учрежденіе въ

³¹³) Полное собраніе законовъ, т. VI, стр. 342.

³¹⁴) Акты археографич. экспед., т. IV, №№ 21 и 14. Полное собраніе законовъ т. II, № 847, 1074 и 1175, т. V, № 3460, т. VI, № 3707.

³¹⁵) Полное собраніе законовъ, т. VII, № 4265.

³¹⁶) Смотри стр. 223—234, 250—265.

³¹⁷) Полное собраніе законовъ Россійской имперіи, т. IV, № 1741,

самый лучший періодъ своего существованія непременно явится намъ безобразнымъ, грязнымъ и порочнымъ: потому что въ обществѣ въ самый цвѣтушій періодъ его существованія есть значительная доля невѣждъ, безнравственныхъ и пр. А такъ какъ документы по большей части касаются темной стороны общества (за хорошее не хвалить, потому что оно такимъ и должно быть); то каждое общество необходимо явится невѣжественнымъ, порочнымъ, если мы только ограничимся документами этого рода и отрицаніе будемъ принимать за положеніе.

Вторая не менѣ важная причина, почему дѣятельность духовенства въ рассматриваемый нами періодъ должна оказаться неудовлетворительною и малоуспѣшною, лежитъ въ личныхъ особенностяхъ и стремленіяхъ администраторовъ и направленіи государственной жизни. Частныя стремленія администраторовъ и направленіе государственной жизни съ одной стороны усложняли дѣятельность духовенства противъ раскола и ставили его въ фальшивое положеніе, съ другой — отталкивали отъ него народныя массы и побуждали ихъ смотрѣть на раскольниковъ, какъ единственныхъ защитниковъ народныхъ интересовъ, единственныхъ страдальцевъ за народное дѣло.

Въ царствованіе Алексѣя Михайловича, руководясь враждою и ненавистью къ патриарху, бояре, заправлявшіе дѣлами государства, вызвали изъ мѣста ссылки расколоучителей, какъ главныхъ и заклятыхъ его враговъ. Помогая имъ деньгами и своимъ вліяніемъ и предоставивъ имъ полную свободу дѣйствій, они тѣмъ самымъ дали возможность фанатическимъ расколоучителямъ заразить своимъ ученіемъ Москву, большинство населенія которой перестало посѣщать православные храмы. Въ слѣдующій затѣмъ періодъ борьбы за престолъ одна изъ тяжущихся сторонъ старалась привлечь на свою сторону стрѣльцовъ, съ которыми успѣшили соединиться раскольники. Какъ вели себя раскольники и какъ была свободна дѣятельность духовенства во время смуты — намъ уже извѣстно. Такимъ образомъ единственно по личнымъ своекорыстнымъ цѣлямъ нѣкоторыхъ правительственныхъ лицъ раскольникамъ представлялась полная свобода дѣйствій и широкая возможность распространять свое ученіе. Расколъ распространялся открыто предъ глазами православнаго духовенства, которое должно было молчать и бездѣйствовать;

потому что у духовенства была отнята не только матеріальная, но и нравственная сила—поддержка со стороны правительства, на этотъ разъ положительно необходимая.

Но болѣе всего содѣйствовало усиленію раскола въ разсматриваемый нами періодъ и болѣе всего парализовало дѣятельность духовенства направленіе государственной жизни. Преобразование государственнаго строя Россіи началось много ранѣе Петра I. Царствованіе Алексѣя Михайловича, Феодора Алексѣевича и правленіе Соѳіи было временемъ реформъ; но эти реформы не проевождали взрыва и вооруженнаго протеста со стороны недоразвитой массы потому, что при введеніи этихъ реформъ не отторгались отъ національной почвы. Не такъ дѣлалъ Петръ. Надѣленный отъ природы желѣзною волею, непреклоннымъ характеромъ и стремившійся какъ можно скорѣе перенести въ свое отечество плоды западной цивилизаціи, Петръ мало думалъ о передѣлкѣ и приспособленіи къ національнымъ мѣстнымъ условіямъ и потребностямъ того, что онъ находилъ нужнымъ ввести вновь или преобразовать. При такомъ взглядѣ на дѣло преобразования, само собою разумѣется, съ одной стороны должно быть введено много ненужнаго, съ другой—при непривлеченной волѣ и нетерпѣливости преобразователя—оно должно было вводиться путемъ крутыхъ мѣръ.

Мы не имѣемъ нужды говорить о всѣхъ подобныхъ реформахъ, хотя они усиливали раздраженіе въ народѣ и побуждали его удалаться въ раскольническіе скиты, но для примѣра излишнимъ считаемъ указать на указы Петра о перемѣнѣ русскаго платья. Строгость этихъ указовъ превосходитъ всякое вѣроятіе: ношеніе русскаго платья судилось и наказывалось весьма строго. 1700 года января 4 съ барабаннымъ боемъ читали народу по всѣмъ улицамъ, перекресткамъ и площадямъ слѣдующій царскій указъ. „Боярамъ и околицамъ и думнымъ и ближнимъ людямъ, и стольникамъ и стряпчимъ и дворянамъ московскимъ, и дьякомъ и жильцамъ и всѣхъ чиновъ служилымъ и приказнымъ и торговымъ людямъ и людямъ боярскимъ на Москвѣ и въ городахъ носить платья — венгерскіе кафтаны, верхніе длиною по подвязку, а исподніе—короче верхнихъ тѣмъ же подобіемъ; и то платье, кто успѣетъ сдѣлать, носить съ Богоявленева дня (значить, черезъ два дня!... а не успѣешь сдѣ-

латъ, попалъ въ немилость...) нынѣшняго 1700 года, а кто къ тому дню сдѣлать не успѣетъ и тѣмъ дѣлать и носить, кончая съ нынѣшней сырныя недѣли“³¹⁸). 26 августа того же года поградскимъ воротамъ прибиты были указы о платьѣ французскомъ и венгерскомъ, „и для образца повѣшены были чучелы—сирѣчь образцы платья“³¹⁹). Этимъ указомъ повелѣвалось заграничное платье носить всѣмъ мужскаго и женскаго пола людямъ „опричь духовнаго чина и церковныхъ причетниковъ, извошниковъ и пахотныхъ крестьянъ“. 1701 года изданъ былъ новый указъ о платьѣ: этимъ указомъ запрещалось носить русское платье, черкессіе тулупы, озямы, штаны, сапоги, башмаки, шапки, запрещено ѣздить на русскихъ сѣдлахъ, а мастеровымъ повелѣвалось — не дѣлать этихъ вещей, торговымъ людямъ — торговать этими вещами въ рядахъ. Въ этомъ же указѣ между прочимъ сказано, что „кто будетъ носить русское платье, съ того у воротъ цѣловальника взыскивать будутъ съ пѣшаго по 13 алтынъ и 2 деньги, съ коннаго по 2 рубля“, а мастеровымъ, которые будутъ шить русское платье, сапоги, башмаки и дѣлать русскія сѣдла, и торговымъ людямъ, которые будутъ торговать въ рядахъ этимъ запрещеннымъ товаромъ, объявлено, что за ослушаніе ихъ учинено имъ будетъ жестокое наказаніе³²⁰). Народъ конечно былъ недоволенъ новою формою платья, какъ и бритьемъ бороды, тѣмъ болѣе, что это сопряжено было съ большими расходами, ропталъ, хвалилъ старое, отрицалъ пользу и удобство новаго, и преображенскій приказъ началъ свою дѣятельность, потому что за ропотомъ и сопротивленіемъ послѣдовали доносы, безъименныя письма и т. п.³²¹). Въ 1707 году изданъ новый указъ, которымъ воспрещалось носить непатентованное платье (съ неположенымъ клеймомъ), хотя бы и сшитое на манеръ заграничныхъ костюмовъ³²²). Платившіе пошлину за бороду и русское платье ставили себя внѣ покровительства закона: кто подавалъ челобитную съ бородою или въ русскомъ

³¹⁸) Записки Желябужскаго, стр. 168.

³¹⁹) Полное собраніе законовъ, т. IV, № 1887.

³²⁰) Раскольнич. дѣла XVIII в. Есинова, т. II, стр. 168—181.

³²¹) Полное собраніе законовъ, т. IV, № 2176.

³²²) Тамъ же, т. V, № 3944.

платъѣ, — отъ тѣхъ запрещено брать челобитныя и по нимъ производить разслѣдованіе, а самихъ задерживать въ приказѣ²²³⁾. Недовольны были подобными распоряженіями почти всѣ, но болѣе всѣхъ конечно раскольники, которые кромѣ двойнаго окая, оскорбительныхъ знаковъ на платъѣ, лишены были покровительства закона²²⁴⁾. Духовенство было поставлено въ самое нелѣзное положеніе. Какъ поступать — хвалить и защищать распоряженія правительства или порицать? За порицаніе конечно немедленно бы отправили въ преоброшенній приказъ, какъ это и случилось со многими²²⁵⁾, одобреніемъ же подобныхъ реформъ духовенство еще болѣе должно было отталкивать отъ себя не только раскольниковъ, но и массу православнаго населенія. Недовольные съ особеннымъ оочувствіемъ смотрѣли на раскольниковъ, какъ на единственныхъ защитниковъ народнаго дѣла, и толпами уходили въ раскольническіе скиты. Духовенство утрачивало всякое значеніе въ глазахъ и раскольниковъ, и православныхъ; раскольники же смотрѣли на духовенство, какъ на отступниковъ, и ничѣмъ невозможно было духовенству возстановить павшій авторитетъ: а при такомъ положеніи дѣлъ дѣятельность духовенства ни подъ какимъ видомъ не могла быть успѣшною.

Не менѣе оскорбляло русскихъ особенное уваженіе, которое Петръ постоянно оказывалъ иностранцамъ. Еще до путешествія своего за границу Петръ окружилъ себя иностранцами, слушался ихъ совѣтовъ и въ большомъ количествѣ вызывалъ ихъ вновь. Во время пребыванія за границею онъ по совѣту Виніуса уговорялъ многихъ, преимущественно изъ голландцевъ, ѣхать въ Россію на самыхъ выгодныхъ условіяхъ²²⁶⁾. По пріѣздѣ ихъ изъ-за границы наплывъ иностранцевъ одѣлался еще значительнѣе: въ 1698 году ихъ вдругъ пріѣхало въ Россію болѣе 700 человекъ²²⁷⁾. На правахъ званыхъ гостей пріѣзжавшіе изъ-за границы дозволяли себѣ нѣкоторыя вольности, обидныя для религіознаго и національнаго чувства русскихъ²²⁸⁾. Петръ на это

²²³⁾ Раскольнич. дѣла XVIII в. Есенина, т. II, стр. 179.

²²⁴⁾ Тамъ же, стр. 169.

²²⁵⁾ Исторія Россіи Соловьева, т. XIV, стр. 250—260.

²²⁶⁾ Записи Желябужскаго, стр. 122.

²²⁷⁾ Тамъ же, стр. 123.

²²⁸⁾ Дневникъ Борба—80—173. Желябужскій, стр. 122.

мало обращалъ вниманія. Иностранцы дѣлались начальниками почти во всѣхъ частяхъ государственнаго управленія и обходились со своими подчиненными русскими далеко не гуманно. Многие изъ нихъ открыто смѣялись надъ обрядами православной вѣры, надъ обычаями, привычками и взглядами русскаго народа. Прибывшіе съ ними патеры и пасторы занимались дѣятельно пропагандой, почти безвозбранно. Петръ, занятый другимъ, мало обращалъ вниманія и на это. Неудовольствіе въ средѣ русскаго народа росло съ каждымъ днемъ, переходило въ открытій ропотъ; самого Петра чаще и чаще стали называть отъиженнымъ, отъиженнымъ, отступникомъ, антихристомъ. Явное предпочтеніе Петра, оказываемое иностранцамъ, притѣвленія и оскорбленія русскаго народа со стороны послѣднихъ, пристрастіе самого царя ко всему иностранному и ничѣмъ нескрываемое презрѣніе ко всему русскому, интриги людей недовольныхъ Петромъ и домогавшихся власти и значенія въ государствѣ, какъ напр. Софій, Цивлера и т. под., сильно раздражали народъ и подстрекали его къ открытому возстанію противъ царя иноземца и антихриста. Стрѣльцы и казаки, какъ болѣе другихъ обиженные и болѣе другихъ сознававшіе свою силу, оружіемъ и кровью думали отстоять свои личные интересы и интересы народа. Возстанія вслѣдствіе этого не прекращались во всю первую половину царствованія Петра; они слѣдовали одно за другимъ, сосредоточиваясь только или въ стѣнахъ и подъ стѣнами священной для нихъ Москвы или — въ отдаленныхъ отъ Москвы мѣстахъ — Кубани, Азовѣ, Чернаскѣ, Донѣ и др. Ни одно изъ этихъ возстаній не удалось. Не принося никакой пользы народнымъ интересамъ, они только раздражали Петра и довели его до возможныхъ предѣловъ жестокости и какого-то изступленія. Вотъ примѣръ того, какъ Петръ раздѣлялся съ недовольными и своими врагами. Намѣреваясь изъ Вѣны отправиться въ Венецію, Петръ получилъ письмо о возстаніи стрѣльцовъ и движеніи ихъ къ Москвѣ; и хотя Петру былъ извѣстенъ исходъ возстанія, тѣмъ не менѣе онъ поспѣшилъ въ Москву для наказанія бунтовщиковъ и поразилъ Москву и всю Россію неслыханною жестокостью и безчеловѣчiemъ. 26 августа Петръ пріѣхалъ въ Москву, а 30 сентября начались пытки и казни. Въ первый разъ казнили 201 стрѣльца; пятерымъ изъ нихъ въ преображенскомъ приказѣ Петръ собственноручно

отрубилъ головы. 11 октября казнилъ 144 человекъ, 12 октября 205; 13 октября 141; 17 октября 109; 18 октября 65; 19 октября 106; 21 октября 2 человекъ. Передъ кельею Соѳіи подъ Новодѣвичьевымъ монастыремъ повѣшены 195 стрѣльцовъ³²⁹⁾. Въ преображенскомъ приказѣ подъ личнымъ наблюденіемъ Петра рубили головы стрѣльцамъ знатные бояре. „А у пущихъ воровъ и заводчиковъ ломаны руки и ноги колесами; и тѣ колеса воткнуты были на Красной площади на колья; и тѣ стрѣльцы, за ихъ воровство, ломаны живые, положены были на тѣ колеса и живые были на тѣхъ колесахъ немного не сутки а на тѣхъ колесахъ стонали и окали. И по указу великаго государя одинъ изъ нихъ застрѣленъ изъ фузеи, а застрѣлили его преображенскій сержантъ Александръ Меньшиковъ. А попы, которые съ тѣми стрѣльцами были въ ихъ полкахъ, одинъ передъ тунскою избыю повѣшенъ, а другому отсѣчена голова и воткнута на колъ и тѣло его положено на колесо“³³⁰⁾. А сколько погибло въ Преображенскомъ на допросахъ со встряской и петлями?... Иногда Петръ доходилъ до изступленія и бѣшенства и не хотѣлъ оставить въ покоѣ даже умершихъ. Такъ передъ отъѣздомъ границу по дѣлу Цыклера онъ не только казнилъ виновныхъ въ замыслѣ, но наругался надъ трупомъ мертваго Милославскаго. Когда казнили Цыклера, Пушкина, Соковина, Раенина, Филиппова и Лукьянова, Петръ приказалъ выкопать изъ могилы Ивана Михайловича Милославскаго и привезти его въ Преображенскій приказъ на свиньяхъ. Гробъ его былъ поставленъ подъ тѣмъ мѣстомъ, гдѣ казнили виновныхъ, и какъ головы имъ рубили, кровь текла въ гробъ, на трупъ Ивана Милославскаго³³¹⁾.

Патріархъ по примѣру своихъ предшественниковъ въ день страшныхъ стрѣлцкихъ казней шелъ къ разгнѣванному царю просить пощады, но прогнанъ съ крайнимъ презрѣніемъ. Страшное кровопролитіе, которымъ отличается царствованіе Петра, было причиною нѣкоторыхъ изреченій, которыми народъ охарактеризовалъ свое отношеніе къ Петру и взглядъ на его дѣло. „Великій государь да князь Ромодановскій не бываютъ веселы,

³²⁹⁾ Записки Желябузскаго, стр. 125—126.

³³⁰⁾ Исторія Россіи Соловьева, т. XIV, стр. 249.

³³¹⁾ Раскольнич. дѣла XVIII в. Есинова, т. II, нѣмецкое платье.

если не изопьютъ крови христіанской“³³²). „Кто съ Христомъ водился, тѣ остались безъ головы, а кто съ царемъ поводится, тотъ останется и безъ головы и безъ спины“³³³), говоритъ народъ о Петрѣ.

Многимъ казалось совершенно невозможнымъ, что истинно-русскій царь могъ быть такимъ жестокимъ, могъ ругаться надъ русскими обычаями, національными отличіями и оказывать предпочтеніе иностранцамъ, а потому и усумнились въ русскомъ происхожденіи Петра. Начали взглядываться въ домашнюю жизнь царя, — опять видать много новаго, небывалаго, нерусскаго. По постамя мясо ѣсть, часто ѣздитъ въ нѣмецкую слободу, живетъ съ дѣвицею Монсъ, а свою законную жену постригъ противъ воли; всѣхъ гонитъ, постоянно казнить не зная за что: это не русскій царь. Въ нравственной жизни Петра было много недобраго³³⁴); въ господствующей религіи онъ относился далеко не такъ, какъ его предшественники. Задумавъ „сшить рясу новому патриарху“, портнымъ которой потомъ былъ Феоданъ Прокоповичъ, Петръ не пощадилъ и сана патриарха: онъ наругался надъ саномъ патриарха, священнаго для всѣхъ русскихъ, пожаловавъ своего шута саномъ Кукуйшаго и всешутяйшаго и проч. патриарха³³⁵). Его празднество Бахусу, вѣнчанія шутовъ, рождественскія христославленія и т. п. слишкомъ не нравились большинству тогдашнихъ русскихъ, и народъ отказался признавать его за своего русскаго царя. Кто же теперь царствуетъ? Это. — не царь, антихристъ... Такъ говорили, такъ писали, такъ показывали на вопросахъ³³⁶). Гдѣ же дѣлся русскій царь? Одни говорили, что русскій царь остался за границею, а царствуетъ неизвѣстный нѣмчинъ-басурманъ; другіе — что этотъ царь-сынъ Лефорта; третьи шли дальше: помня, что Петръ и до поѣздки за границу былъ мало похожъ на древнихъ русскихъ царей, они порѣшили, что законный сынъ Алексѣя Михайловича прямо

³³²) Исторія Россіи Соловьева, т. XXI, стр. 304.

³³³) Русская Старина 1871 г. декабрь. Разсказъ о Петрѣ.

³³⁴) Исторія Россіи, Соловьева, т. XIV, стр. 149.

³³⁵) Раскольникъ дѣла XVIII в. Есипова, т. I, 13—24, 60 и слѣд. т. II, стр. 185 и слѣдующія. Исторія Россіи Соловьева, т. XIV, стр. 298, т. XVI, стр. 304, 305, 30 и 32.

³³⁶) Исторія Россіи Соловьева, т. XVI, стр. 306.

послѣ рожденія подмѣненъ былъ нерусскимъ младенцемъ. Придумывали самыя нелѣпыя басни, вѣрили самымъ безсмысленнымъ сказкамъ и разсказамъ о царѣ, но не хотѣли принять Петра за русскаго царя. Если же это не русскій царь, то кто же нынѣ царствующій Петръ? Онъ антихристъ³²⁷⁾, сказалъ народъ, и въ подтвержденіе своей мысли ссылаюся на всѣ вышеуказанныя основанія и прибавлялъ къ нимъ безчисленное множество другихъ, столько же нелѣпыхъ и мало объясняющихъ сущность дѣла. Немногіе конечно искренно вѣрили разсказамъ о пришествіи въ міръ антихриста подъ образомъ императора Петра I; но раскольники сумѣли воспользоваться стеченіемъ обстоятельствъ и скиты ихъ быстро стали наполняться новыми членами. Одни бѣжали въ раскольническіе скиты изъ-за бороды и усовъ³²⁸⁾, другіе бѣжали изъ-за новаго платья³²⁹⁾, иные бѣжали отъ жестокостей Петра, тяжкихъ налоговъ и притѣсненій его чиновниковъ³³⁰⁾; нѣкоторые возымѣли сомнѣніе о православіи своемъ послѣ дѣла царевича Алексѣя Петровича, нарушенія постовъ царемъ и боярами и послѣ приказанія царя штемпелевать новое платье, годное для ношенія³³¹⁾; но всѣ совѣтовали убѣгать въ пустыню, говорили, что тамъ только можно спасти свои души, избѣжать клейма антихриста³³²⁾, и бѣгли... Чего не сдѣлали сами обстоятельства, то докончила проповѣдь раскольниковъ. И никогда послѣ 1682 года такъ быстро и скоро не наполнялись раскольническіе скиты, какъ именно въ царствованіе Петра I. Какъ ни бдительно было правительство, какъ ни энергично оно разоряло скиты, расколъ находилъ себѣ новыя убѣжища; эти новыя убѣжища быстро наполнялись новонаселенниками, фанатизмъ которыхъ возрасталъ пропорціонально силѣ гоненія. Никакія усилія не въ состояніи были остановить народъ, усумнившійся въ православіи царя и правительства, и стремившійся потому въ раскольническіе скиты спасать свои души и жизнь по древнерусскимъ облюбленнымъ началамъ.

³²⁷⁾ Раскольнич. дѣла XVIII в. Есипова, т. II, Иванова.

³²⁸⁾ Тамъ же, стр. 185, т. II.

³²⁹⁾ Дополнит. акты истор., т. X, № 3, стр. 14.

³³⁰⁾ Раскольнич. дѣла XVIII в. Есипова, т. I, стр. 24, т. II, стр. 185.

³³¹⁾ Тамъ же, т. I, стр. 24.

³³²⁾ Сочиненіе св. Димитрія Ростовскаго.

Въ прежнее время у народа были излюбленные бояре, на которыхъ народъ въ крайнемъ случаѣ возлагалъ свои надежды, какъ на защитниковъ народныхъ интересовъ и народнаго дѣла; теперь бояре утратили всякое значеніе въ глазахъ народа; самое слово „бояринъ“ сдѣлалось противнымъ для слуха простолюдина. Дѣйствительно, сочувствуя или только по инстинкту самосохраненія прикидываясь сочувствующими реформамъ Петра и стараясь всячески угодить ему, бояре вели себя хуже Петра. По свидѣтельству св. Димитрія Ростовскаго, многіе изъ бояръ стыдился уже имѣть въ своихъ домахъ иконы, и украшали свои комнаты статуями Венеры и другими не болѣе цѣломудренными изображеніями³⁴³⁾, другіе, не стѣсняясь, курили въ церкви табакъ, смѣялись надъ постами и т. п.³⁴⁴⁾. Бояръ поэтому признавали достойными слугами царя-антихриста и старались избѣгать всякаго общенія съ тѣми и другими.

Расколъ, еще ранѣе ставшій на чисто демократическую почву, теперь долженъ былъ развиваться въ этомъ именно направленіи, а потому и усиливаться. Къ концу Петрова царствованія расколъ и демократизмъ сдѣлались единымъ и нераздѣльнымъ³⁴⁵⁾. Непонимавшіе ученія раскола и доселѣ державшіеся церкви охотно переходили въ расколъ, такъ какъ видѣли, что всѣ основы древне-русскаго быта въ раскольническомъ обществѣ сохранены въ цѣлости и неприкосновенности. Въ малоразвитомъ обществѣ національныя особенности тѣсно соединены съ особенностями религиозными; неудивительно, что оставившіе православное общество по недовольству настоящимъ его гражданскимъ строемъ въ короткое время сдѣлались истинными послѣдователями раскола и защитниками идей Аввакума и его единомышленниковъ. Оставившіе православное общество тѣмъ сворѣе и тѣснѣе должны были соединиться съ раскольниками, чѣмъ менѣе они знали различіе между обрядомъ и вѣрою, а со стороны обряда раскольническое общество полнѣе могло удовлетворить жаждущихъ

³⁴³⁾ Раскольнич. дѣла XVIII в. Есипова, стр. 146—149.

³⁴⁴⁾ У раскольниковъ никогда не было никакихъ чиновъ, не было дѣленія на бояръ и холоповъ; нѣтъ этого дѣленія и доселѣ. Замѣчательно, что доселѣ раскольники смотрятъ недружелюбно на дворянство и ни въ чемъ ему не доверяютъ.

³⁴⁵⁾ Русскій расколъ старообрядства Щапова, стр. 118.

внѣшней обрядовой точности, строгости и полноты; такъ какъ все содержаніе раскола ограничивается исключительно одною обрядовою стороною. Духовенство поставлено было въ самое негнѣное положеніе и утратило послѣдній кредитъ въ глазахъ раскольниковъ. Раскольники не принимали во вниманіе того, что духовенство поставлено было въ необходимость молчать, что ему приказано было даже хвалить воѣ правительственныя распоряженія, каковы бы они ни были; они видѣли въ этомъ молчаніи дѣйствительное сочувствіе всемъ дѣяніямъ Петра и обвиняли его теперь съ нѣкоторымъ правомъ въ отпаденіи изъ римскому костелу. Борьба при такихъ условіяхъ дѣлается совершенно невозможною.

Составъ духовенства, преимущественно высшаго, въ царствованіе Петра еще болѣе отталкивалъ раскольниковъ отъ церкви и убѣждалъ ихъ въ несомнѣнной утратѣ русскими древняго благочестія. Руководясь своими соображеніями, Петръ приказывалъ рукополагать на епископскія мѣсцедры преимущественно изъ малороссіянъ, на которыхъ большинство русскихъ давно уже привыкло смотрѣть, какъ на окатоличенныхъ. Конечно такой взглядъ несправедливъ. Въ средѣ ихъ были истинно-христіанскіе пастыри, какъ напр. Св. Димитрій-Ростовскій, Стефанъ Яворскій, но были и недостойные этого сана, какъ напр. Феоданъ Прокоповичъ и рукоположенные по его вліянію. Уничтоженіе патриаршества, толки о Синодѣ и первоначальное устройство Синода, еще неканонизованнаго восточными патриархами, дополняли то впечатлѣніе, которое постепенно развивали въ раскольническомъ обществѣ и въ средѣ простаго народа обстоятельства царствованія Петра. Нѣкоторые изъ раскольниковъ даже выражались такъ: не Никонъ былъ причиною отдаленія нашего отъ прочихъ братій нашихъ русскихъ, но Петръ Великій, по своей безамѣрной любви къ Западу, по своему противонародному, противостеческому направленію". Значитъ до Петра многіе изъ раскольниковъ еще колебались возможнѣмъ примиреніемъ съ церковію и православнымъ обществомъ. Что собственно не правилось не только раскольникамъ, но и большинству русскихъ того времени въ Петрѣ и его дѣяніяхъ, почему избѣгали общенія съ православнымъ обществомъ раскольники и какого рода проповѣди они прельщали простаковъ въ свое общество, мо-

жетъ показать отчасти слѣдующее мѣсто одного раскольническаго сочиненія XVIII в. „Мы, говорили раскольники, смотряще не дремательнымъ окомъ познаемъ, яко отъ гѣто по числу 1666-му конецъ пріяпа пророчества, а совершены же всея злобы исполненіе исполнися на Петръ: егда исполнися число авѣря 1666 гѣто, въ то мѣсто царь Алексѣй Михайловичъ съ Никономъ отступили отъ св. православной вѣры, а послѣ его въ третьихъ всецарствова на престога всея Русіи смѣгъ его первородный Петръ и нача превозноситесе паче всѣхъ благолемыхъ боговъ, сирѣчь помазанниковъ, и нача величатися и славитися предъ всеми гоня и муча православныхъ христіанъ и распространяя свою новую вѣру и церковь по всей Россіи въ 1700 году возобнови; уничтожи патриаршество, дабы ему одному властвовать, не имѣя ровнаго себѣ, дабы кромѣ его никакихъ дѣлъ не творили, но имѣли бы его единою превысочайшею главою, судію всей церкви, пріягъ на себѣ титулу патриаршескую и именовася „отецъ отечества и глава церкви Россійскія“ и бысть самовластенъ, не имѣя никого себѣ въ ровенствѣ, восхитивъ на себя не тощю царскую, но и патриаршую власть, и нача себѣ величати и славити, возвынася на всяка возобновленія. Въ 1700 году собра весь свой поганый синглетъ въ 1-й день генваря мѣсяца и постави храмъ идолу ветхоримскому Янусу и предъ всеми народомъ нача творити чудеса, подъ видомъ фавмавіи, и вси воскликнуша ему единогласно: „звивать, звивать, Новый годъ!“ Отъ того дни разоела своя уназы во всю Русію, повелѣ праздновати новое гѣто, разрушая законную св. отецъ клятву иже на первомъ вселенскомъ соборѣ положенную праздновати новое гѣто въ 1-й день сентября мѣсяца, разрушая сію законную клятву, и притомъ своимъ Янусовскомъ собраніи поздравленіе пріягъ за императора Августѣйнаго, сирѣчь надъ всеми обладателя. О неблагоразумная чада, воимите, здѣ коему ежегодно празднуете новый годъ? Всѣ Господни гѣто истреблени, а сатанины извѣщены, во истину исполнися здѣсь тайно зрительное отравленіе и власть перваго авѣря вою твориша предъ нимъ, и творяше землю и вся живущая на ней, да поклонятся ему. Удалятися и бегати подобаетъ намъ во антихристово время отъ еретическихъ жертвъ, понеже въ отравленіи Іоанна Богда слова, во главѣ 12-й, писано, яко церковь побѣжитъ въ пус-

тыню, вѣрніи христіане, истинніи раби Христова побѣжать въ горы, вертепы и спасутся. Повеже Петръ нача гонити и мстити и искореняти остатки въ Русіи православную вѣру, своя новыя умыслы установляя, нова законоположенія полагаая, по духовному и гражданскому расположенію состави многіе регламенты и разосла многіе указы во всю Русію съ великимъ угроженіемъ о непрѣменномъ исполненіи оныхъ, и устави Сенать, и самъ бысть надъ ними главою и судьей главнѣйшимъ, тако начатой глаголемый богъ паче мѣры возвышати, учиня описаніе народное, и счисля вся мужеско пола и женско старыхъ и младенцевъ, живыхъ и мертвыхъ, и облагалъ ихъ даньми великими не точею на живыхъ, но и на мертвыхъ, таково тиранство учини съ мертвыхъ дани востребова... Зрите челоуѣцы и вонмите и разомотрите по святому писанію, въ кнѣхъ лѣтѣхъ жительствуемъ и кто нынѣ обладаетъ вами: ибо духъ Петровъ царствуетъ во всѣхъ до скончанія вѣка, якоже свидѣтельствуемъ книга „Кабинетъ Петра Великаго“: ибо духъ государей Русскихъ есть духъ Петра Великаго. Петръ Великій, восхищая на себя славу сына первысочайшаго, именовася Петръ Первый, и прочіи по немъ такожде именуются; и паки именовася божествомъ Русіи, якоже свидѣтельствуемъ книжка „кабинетъ Петра“ „онъ богъ твой, онъ богъ твой, о Россія!“ Намъ же православнымъ христіанамъ подобаетъ всеусердно держатися отеческаго наказанія. Подобаетъ намъ жизнь препроводити въ безмолвіи и въ пустыняхъ, яко Господь чрезъ Іеремію пророка взываетъ: „изыдите, изыдите, людіе моя, изъ Вавилона“³⁴⁶). Но въ дѣлѣ быстраго распространенія раскола въ концѣ XVII и началѣ XVIII вѣка нельзя оправдать и самаго духовенства, потому что оно не взвѣсило всѣхъ обстоятельствъ дѣла, не высказало въ своей дѣятельности достаточной энергіи, не привело въ исполненіе самыхъ могущественныхъ средствъ къ уничтоженію раскола и не сумѣло удержаться въ предѣлахъ чисто духовныхъ мѣръ.

Богѣе всѣхъ безъ-сомнѣнія виновато высшее духовенство, заправлявшее дѣлами церкви и завѣдывавшее низшимъ духовенствомъ. Расколъ прежде всего и главнымъ образомъ есть результатъ упадка просвѣщенія, крайняго невѣжества духовенства

³⁴⁶) Тамъ же, стр. 106.

и народа въ половинѣ XVII вѣка; самое слѣдовательно могущественное средство къ обезсиленію и уничтоженію его—это распространеніе просвѣщенія, образованіе возможно большаго количества школъ, какъ для духовенства, такъ и для народа. Но какъ намъ уже извѣстно, школы заведены не были, а заведенныя мало соответствовали существу дѣла и потребностямъ церкви, крайне малочисленны были по своему составу. Высшее духовенство на этотъ разъ крайне виновато... Оно или совсѣмъ не понимало важности соборнаго опредѣленія о скорѣйшемъ образованіи возможно большаго количества школъ; или понимало, но, что еще хуже, отнеслось къ этому дѣлу холодно, апатично. Съ другой стороны положительно преступно со стороны высшаго духовенства незанести достаточнаго количества школъ для распространенія просвѣщенія въ средѣ духовенства и народа въ то время, когда оно располагало громадными матеріальными средствами. Не говоря о средствахъ патріарховъ, которые жили съ царскою пышностію, каждый архіерейскій домъ, каждый монастырь до половины царствованія Петра располагалъ обширными средствами, которыхъ достаточно было для содержанія не только значительнаго количества учителей, но даже для содержанія цѣлыхъ сотенъ учащихся. Большинство нашихъ русскіихъ монастырей, кромѣ текучихъ доходовъ отъ добротныхъ подаваній богомольцевъ, пользовались помощію со стороны правительства, располагало большимъ количествомъ земли и крестьянъ, занималось безпошлинно рыбными, соляными и многими другими промыслами. Незанести, говоримъ, въ это время достаточнаго количества школъ—это со стороны высшаго духовенства преступленіе, котораго не оправдываетъ ни одинъ историкъ. И вотъ, въ тотъ моментъ, когда церковь особенно нуждалась въ просвѣщенныхъ пастыряхъ, приходилось рукополагать не только на священническія мѣста, но даже на епископскія кафедры людей недостаточно образованныхъ, малоспособныхъ, а иногда и раздѣлявшихъ раскольническія мнѣнія. Правда монастыри наши располагали значительными, а иногда большими средствами къ самообразованію; но къ сожалѣнію ни откуда не видно, чтобъ многіе изъ жившихъ тамъ воспользовались этими средствами надлежащимъ образомъ. Большинство монашествующихъ пользовались даровыми удобствами жизни, предавались

нѣгѣ и удовольствіямъ, вовсе несоотвѣтствующимъ монашескимъ обѣтамъ, и не думало ни о чемъ, и не дѣлало ничего. Въ этомъ отношеніи наши православные монастыри отстали даже отъ раскольниковскихъ скитовъ того времени. Каждого новаго члена, только что поступившаго въ раскольниковское общество, завѣдывавшіе дѣлами скита старались обучить грамотѣ, всѣмъ тежсамъ своего ученія и слѣшили познакомить ихъ съ сочиненіями своихъ учителей, направленными противъ церкви, и такими средствами успѣвали въ короткое время перевоспитать поступившихъ въ ихъ общество—внушить имъ особенную ревность къ защитѣ и распространенію раскола и фанатическую ненависть къ церкви и православному обществу.

На епархіальномъ архіерей лежала обязанность какъ можно чаще обозрѣвать свою епархію и лично наизидать ввѣренныхъ его попеченію духовныхъ чадъ, обличать впадшихъ въ расколъ и заботиться объ обращеніи ихъ къ церкви; но къ сожалѣнію примѣровъ такого собесѣдованія съ раскольниками въ мѣстахъ ихъ жительства со стороны нашихъ епархіальныхъ архіереевъ встрѣчаемъ очень мало. Св. Димитрій Ростовскій, Питиримъ нижегородскій, Іовъ новгородскій, Павелъ и Игнатій тобольскіе—едва ли не единственные въ этомъ родѣ примѣры. Большинство же епархіальныхъ архіереевъ приказывало представлять раскольниковъ въ ихъ архіерейскій приказъ, буде они не убѣдятся на мѣстѣ, и если засѣдающіе въ приказѣ не сумѣютъ пойманнаго раскольника обратить къ церкви, тогда только раскольникъ представляемъ былъ для убѣжденія къ самому архіерею. Этотъ способъ объясненія съ раскольниками и обличенія ихъ едва ли можно признать вполне законнымъ и соотвѣтствующимъ существу дѣла: повоинщійся на началахъ бюрократизма, этотъ способъ давалъ широкую возможность для всякаго рода чиновничьихъ продѣлокъ, притѣсненій и несправедливости со стороны чиновниковъ. Миссіонерская дѣятельность Питирима потому между прочимъ и сопровождалась особеннымъ успѣхомъ, что онъ самъ постоянно ходилъ по раскольниковымъ скитамъ и лично убѣждалъ раскольниковъ, избѣгая всякой канцелярской процедуры. Тамъ же гдѣ дѣло это возлагалось на архіерейскихъ чиновниковъ,—запутанность неизбѣжна. Вопервыхъ при такомъ способѣ веденія дѣла большинство раскольниковъ свободно

проживало въ своихъ убѣжищахъ, нестѣсняемое никѣмъ и ничѣмъ, убѣждаемъ былъ изъ раскольниковъ только тотъ, кто попался поповскому старостѣ, архіерейскимъ размышленнымъ или или кому-либо другому, которые и препровождали таковыхъ въ архіерейскій приказъ; во вторыхъ здѣсь оставлялось широкое поле для поддупа, взятокъ и другихъ способовъ, которыми состоятельные раскольники откупались отъ объясненія съ епархіальнымъ архіереемъ, отчего въ раскольническомъ обществѣ распространилось только крайнее раздраженіе и недовѣріе къ епархіальному правительству. Нерезонно конечно видѣть здѣсь какую-либо недобросовѣстность, злонамѣренность, нежеланіе исполнить своего дѣла надлежащимъ образомъ, но нельзя не видѣть здѣсь и того, что епархіальные архіереи понимали свои обязанности односторонне, не вполне вѣрно.

Нельзя также оправдать духовенство и въ томъ, что оно на соборѣ 1681 года поддерживало гражданское правительство въ употребленіе противъ раскольниковъ пытки и казни какъ средства къ ихъ обращенію. Правда, по понятіямъ того времени безъ этого средства обойтись было невозможно, но нельзя не пожалѣть, что этимъ вовсе неубѣждающимъ мѣражъ убѣжденія дано ужъ слишкомъ широкое развитіе. Виногато главнымъ образомъ время и господствовавшія понятія, что каждаго непокорнаго сына церкви непременно должно подвергать наказанію; еслибы раскольниковъ не подвергали наказаніямъ, едва ли бы къ этому одобрительно отнеслось православное населеніе: потому что этотъ способъ убѣжденія освященъ исторіею, къ нему всѣ присмотрѣлись, и едва ли кто признавалъ его незаконнымъ кромѣ раскольниковъ; но тѣмъ не менѣе этотъ способъ убѣжденія производилъ самое дурное впечатлѣніе на раскольниковъ, которые не иначе должны были смотрѣть на архіереевъ и все епархіальное управленіе, какъ на своихъ гонителей. Раскольники избѣгали сношенія съ православнымъ духовенствомъ, будучи напередъ убѣждены, что за нераскаяніе ихъ непременно послѣдуетъ божье или менѣе жестокое наказаніе. Свободнаго объясненія между раскольниками и православнымъ духовенствомъ по дѣламъ вѣры быть не могло, а слѣдовательно, не могло быть и довѣрія духовенству со стороны раскольниковъ. Что касается до низшаго духовенства, которое постоянно должно входитъ въ сно-

шенія съ раскольниками, то совершенно вѣрно, что значительная часть его была крайне невѣжественна, безнравственна, не понимала своего долга, худо исполняла свои обязанности, по своимъ умственнымъ и нравственнымъ качествамъ, едва ли возвышалось надъ своими пасомыми, накъ это доказалъ г. Шаповъ (См. Русскій расколъ старообрядства стр. 55 и слѣдующ. 185 и до конца главы). Худая жизнь духовенства, небрежное исполненіе своихъ обязанностей были большимъ подспорьемъ для раскольнической пропаганды. Одни изъ православныхъ соблазнились худымъ и недостойнымъ поведеніемъ духовенства и, видя строгое исполненіе устава въ раскольничьихъ скитахъ, строгую, хотя со внѣ, жизнь скитниковъ, переходили въ расколъ; другихъ свращали расколоучители, указывая на небрежное исполненіе своихъ обязанностей и недостойное поведеніе духовенства и указывая на строгое исполненіе всего внѣшняго въ ихъ скитахъ. Но принимая во вниманіе тѣ условія, въ которыя было поставлено бѣлое духовенство, едва ли можно произнести слово осужденія. Духовенство было необразовано—это вѣрно. Но какимъ образомъ оно могло быть образованнымъ, при отсутствіи школъ, библиотекъ и другихъ средствъ къ правильному умственному развитію и самообразованію? И „тщаливымъ къ наукѣ“ негдѣ было учиться; литература же въ родѣ сборниковъ, наполненныхъ суевѣрными сказаніями, скорѣе приносила вредъ для религіозно-нравственнаго состоянія, чѣмъ пользу. Нужно было быть гениемъ, чтобы изъ этой кучи мусора выбрать здоровыя питательныя зерна. Ко всему этому нужно прибавить страшную нужду, съ которой боролось духовенство и высвободиться изъ которой не было никакой возможности. По неволѣ приходилось браться за соху и ради насущнаго хлѣба, вмѣстѣ съ крестьянами работать отъ ранняго утра до глубокой ночи... Наука, самообразованіе сами собою должны были отойти на задній планъ, примѣръ предшественниковъ, — а онъ заразителенъ, — отодвигалъ ихъ еще далѣе. Со времени Петра бѣдственное положеніе нашего бѣлаго духовенства сдѣлалось еще хуже, стѣснительнѣе, безвыходнѣе, потому что у духовенства отнято было и то небольшое чѣмъ оно пользовалось и въ замѣнъ отнятаго обложено новыми налогами, податями, повинностями, не включая и рекрутской. Неудивительно, что многіе изъ духовенства

отали сочувственно относиться къ расколу, входили въ сдѣлку съ раскольниками и теряли такимъ образомъ несгдній предметъ и въ глазахъ раскольниковъ и въ глазахъ правительства.

Вотъ въ краткихъ чертахъ тѣ мѣры, которыя въ этотъ періодъ предпринимало духовенство въ ослабленію и уничтоженію раскола, и вотъ тѣ причины, почему мѣры, по большей части разумныя и благодѣтельныя, не достигали своей цѣли, или достигали, но не вполне.

М. Чистяковъ.

ГРАЖДАНСКІЙ БРАКЪ

СЪ ХРИСТИАНСКОЙ ТОЧКИ ЗРѢНІЯ.

Двѣ совершенно различныя точки зрѣнія устанавливаются и должны быть устанавливаемы для сужденій о сущности и достоинствахъ гражданского брака: социальна-политическая и нравственная. Съ первой—бракъ вообще является какъ социальное установленіе, какъ основа общественнаго благополучія и процвѣтанія, обусловливающая поддержаніе и размноженіе членовъ общества и подданныхъ государства, а также и успѣхи общественно-государственной дисциплины, воспитанія: ибо насколько несомнѣнно, что бракъ есть самое естественное и лучшее средство размноженія человѣческаго рода, настолько же общепризнано, что добрая семья, чрезъ бракъ основывающаяся, есть и лучшая первоначальная школа воспитанія въ юномъ человечествѣ идей порядка, подчиненія старшимъ и уваженія правъ личности въ равныхъ себѣ, права собственности и т. д. Но рядомъ съ этимъ общественнымъ интересомъ, въ силу котораго бракъ—это естественное отношеніе двухъ лицъ—подвергается регламентаціи закона и стоитъ подъ надзоромъ власти общественной, въ немъ есть и элементъ гражданского частнаго права: ибо каждый бракъ есть непремѣнно договоръ и обязательство, имѣющіе послѣдствіями своими весьма важное видоизмѣненіе личныхъ и имущественныхъ правъ вступающихъ въ него лицъ, а также и другихъ, съ ними ставшихъ въ родственной связи. Со второй,

нравственной точки зрѣнія — бракъ есть исполненіе заповѣди Божіей и естественнаго закона любви между мужчиною и женщиною, силою коихъ осуществляется людьми особенное промышленіе Божіе о нихъ, клонящееся къ соединенію и сочетанію раздѣленнаго и несроднаго и чрезъ то къ образованію между людьми общенія любви и мира и къ искорененію несогласія, вражды, раздѣленія и злобы. Въ сужденіяхъ о гражданскомъ бракѣ эти двѣ точки зрѣнія должны быть строго различаемы: это требованіе есть необходимое условіе правильности сужденій о немъ. Ибо гражданскій бракъ въ томъ видѣ, какъ онъ уже существуетъ въ западной Европѣ и въ томъ, въ какомъ онъ долженъ бы существовать по желаніямъ нѣкоторыхъ теоретиковъ, представляетъ одинъ изъ случаевъ коллизіи между правомъ и нравственностью, между государствомъ и церковью. Нѣкоторыми своими сторонами европейской гражданскій бракъ стоитъ въ противорѣчій съ христіанскомъ понятіемъ о бракѣ, осуществляемымъ на дѣлѣ въ церковномъ бракѣ. Съ подобными коллизіями, вообще нежелательными, какъ явленіями ненормальными, человѣчество вынуждено бываетъ примиряться однако же, по испорченности человѣческой природы, обнаруживающейся въ слабости воли всегда быть послушной нравственнымъ требованіямъ, по несовершенству общественной и политической организаци и международныхъ отношеній, по низкой культурѣ подданныхъ, по усилившемуся нравственному упадку общества и его нравовъ, требующему палліативныхъ мѣръ, и т. п. обстоятельствомъ. Палліативныя мѣры, къ каковымъ прибѣгаютъ въ подобныхъ обстоятельствахъ правительства, суть всегда коллизіи между правомъ и нравственностью, допускаемыя по единственному мотиву „да не горшее зло“ послѣдуетъ безъ принятія такихъ мѣръ. Такова смертная казнь въ христіанскомъ государствѣ, такова война, таково допущеніе въ большихъ городахъ такъ называемыхъ домовъ терпимости и т. п.

Къ подобнымъ палліативамъ относится и гражданскій бракъ, введенный теперь во всѣхъ государствахъ западной Европы, въ новогреческомъ королевствѣ, въ Румыніи и съ 1874 года и у насъ въ Россіи для раскольниковъ. На сколько основательны мотивы, побудившіе правительства означенныхъ государствъ ввести этотъ палліативъ—гражданскій бракъ, этого вопроса мы

не желаемъ изслѣдовать: съ этой, *соціально-политической* точки зрѣнія гражданскій бракъ можетъ-быть имѣть полное право на свое существованіе при настоящемъ положеніи этихъ государствъ.

Мы желаемъ высказать свои сужденія о гражданскомъ бракѣ исключительно съ нравственной, христіанской точки зрѣнія и дѣлаемъ это вотъ по какимъ побужденіямъ.

Давнее существованіе гражданскаго брака въ Европѣ, постоянная вражда государствъ съ католическою церковію давно уже породили тамъ идею о бракѣ какъ только „гражданскомъ договорѣ“ (*contrat de mariage*) и что только въ этомъ качествѣ бракъ подлежитъ регламентаціи, контролю и суду *государственной* власти, какъ и всякій другой договоръ. Эта идея, во всей ясности проведенная во французскомъ революціонномъ законодательствѣ (прошлаго столѣтія) и за тѣмъ въ кодексѣ Наполеона, въ самомъ началѣ настоящаго столѣтія (1803 г.), послѣдовательно привела потомъ къ мысли о принципиальной независимости брачныхъ законовъ отъ церковнаго вѣрученія. Явилось воззрѣніе, что бракъ вообще есть законъ природы и выполненіе его частными лицами есть дѣло ихъ свободы, ограничиваемое гражданскимъ законодательствомъ лишь въ той мѣрѣ, какъ этого требуетъ интересъ гражданскій и государственный. Но что касается религіи, въ особенности христіанской, то бракъ, его заключеніе, продолженіе и расторженіе не стоитъ съ нею ни въ какой особенной связи, посему совѣсть христіанина должна быть совершенно спокойна, если онъ живетъ въ бракѣ, граждански признанномъ закономъ, хотя бы съ церковной точки зрѣнія таковой бракъ и не удостоивался признанія. Это новое воззрѣніе на бракъ, такъ гармонировавшее съ господствомъ крайне либеральныхъ и радикальныхъ вѣяній нашего вѣка, рѣшительно порывающихъ всякій союзъ съ церковными и христіански-нравственными требованіями и заповѣдями, нашло себѣ сочувственный приемъ и въ средѣ нашихъ русскихъ либераловъ; появились и въ нашей свѣтской печати голоса въ пользу введенія и у насъ гражданскаго брака; и хотя главнымъ аргументомъ за такое нововведеніе служилъ довольно шаблонный доводъ: если-де во всей Европѣ введенъ гражданскій бракъ, то почему же не ввести его и у насъ“, однакоже нѣтъ недостатка

и въ попыткахъ представить болѣе серьезную аргументацію за это подражаніе Европѣ. Достаточно указать на г. Ефименко, путешествовавшую въ народъ съ цѣлю изученія „народныхъ юридическихъ воззрѣній на бракъ“. Изученіе, какъ и слѣдовало ожидать, привело къ убѣжденію, что русскій народъ не знаетъ разницы между бракомъ и другими имущественными договорами, что воззрѣніе на бракъ, какъ на таинство, чуждо ему, отсюда разладъ между закономъ и жизнью, разладъ влекущій самые пагубные результаты; поэтому помочь брачному дѣлу можно лишь признавши идеалъ брака, начертанный въ кодексѣ Наполеона. Это мнѣніе разделяли Оршанскій, Загоровскій и др.

Такимъ образомъ явилась въ Европѣ и у насъ цѣлая школа либераловъ-мыслителей, ратующихъ за радикальное измѣненіе всего законодательства о бракѣ, проповѣдующая гражданскій бракъ не какъ палліативъ какой-либо, а какъ единственно нормальное социальное установленіе, соответствующее современному умственному и нравственному развитію человечества и обывающая церковный бракъ отжившимъ учрежденіемъ, искусственнымъ созданіемъ іерархіи, не имѣющимъ за свое существованіе данныхъ ни въ самомъ существѣ брака, ни въ воззрѣніяхъ народа, даже народа русскаго, православнаго.

Мы оставляемъ въ сторонѣ русскихъ мыслителей сего рода и обратимся къ иностраннымъ. Изъ массы литературы этого направленія мы выбираемъ небольшую брошюру: „Briefe uber die Civilehe“. Wien 1869, явившуюся по слѣдующему поводу: въ Австріи вопросъ о введеніи гражданскаго брака началъ свою исторію съ 1783 г. При Иосифѣ II бракъ объявленъ былъ дѣломъ закона гражданскаго, хотя удержана и церковная форма брака. Этого начала держалась государственная власть въ Австріи до 1855 года, когда вслѣдствіе конкордата съ Римомъ брачныя дѣла снова были переданы въ церковное вѣдомство. Такое состояніе продолжалось до 1868 г., въ которомъ послѣдовало нарушеніе конкордата съ Римомъ и введена гражданская форма брака, *впрочемъ не обязательная для всѣхъ, но произвольная*. Такая нерѣшительность правительства по отношенію къ гражданскому браку не удовлетворила либеральной партіи, требовавшей полнаго признанія гражданскаго брака, т.-е. введенія *обязательнаго*, а не произвольнаго или факультативнаго. Авторъ означенной брошюры, къ сожалѣнію скрывшій свое имя, и при-

надлежить именно къ представителямъ этой либеральной партіи. Такъ какъ главною причиною нерѣшительности правительства ко введенію гражданскаго брака служило возмущеніе совѣсти большинства подданныхъ—католиковъ, ибо съ точки зрѣнія католической церкви гражданскій бракъ—недостойное христіанина отношеніе, то либеральный авторъ и задался смѣлою задачею доказать, что введеніе обязательнаго гражданскаго брака есть не только дѣло политической необходимости государства, какъ охранителя и защитника права и идей равноправности и свободы совѣсти гражданъ, но и нисколько не противно христіанству. Онъ пытается доказать, что гражданскій бракъ необходимъ даже во имя требованій истинно христіанской совѣсти *есть отношеніе, согласное съ природою человека, нравственностью разумомъ и Евангелиемъ*. Съ этой именно стороны названная брошюра и заслуживаетъ къ себѣ вниманія. Написанная живо и увлекательно и повидимому съ полною искренностью она способна произвести впечатлѣніе. Русскій либераль, думается, сочувственно отнесется къ воззрѣніямъ ея автора; найдетъ она къ себѣ интересъ и въ средѣ молодежи (она и посвящена „молодымъ либераламъ“), для которой бракъ составляетъ конечно самый животрепещущій вопросъ, и которая въ достаточной мѣрѣ находитъ подобными либеральными воззрѣніями въ современной русской беллетристикѣ: ибо въ этой брошюрѣ со всею откровенностью и послѣдовательностью раскрыто самое либеральнѣйшее воззрѣніе на бракъ. Далѣе того, что здѣсь сказано, уже нельзя повидимому идти въ этомъ направленіи.

Но именно эта-то ясность, свобода выраженія воззрѣній, увлекающихъ на первый взглядъ, самымъ очевиднымъ образомъ и обнаруживаетъ всю ихъ ложь, всю ихъ безнравственность. Въ виду этого рѣшаемся представить полный и по возможности буквальный переводъ означенной брошюры, снабдивъ ее отъ себя эпиграфомъ, который по нашему убѣжденію совершенно вѣрно опредѣляетъ нравственное достоинство брачнаго состоянія, устроеннаго по развитой въ ней теоріи гражданскаго брака. За тѣмъ во второй главѣ своей статьи мы представимъ разборъ нѣкоторыхъ положеній ея и свои соображенія по нѣкоторымъ вопросамъ о бракѣ, по важности своей повидимому заслуживающихъ къ себѣ вниманія.

Г Л А В А I.

Человѣкъ въ чести слѣи и не разумѣ: приложися скотомъ несмысленнымъ и уподобися имъ. (Псал. 48, ст. 21).

Законъ о гражданскомъ бракѣ долженъ произрасти изъ хинически чистой почвы юридическаго государства и не долженъ обращать никакого вниманія на религіозное исповѣданіе подданныхъ государства. Иначе и быть не можетъ: ибо если государство, опираясь на принципъ терпимости, объединяетъ въ себѣ равноправныя религіозныя общества съ противорѣчащими догматами: то оно и должно—обращая вниманіе на эти догматы, издавать для разныхъ исповѣданій и разные законы о бракѣ. Но что станетъ тогда съ равноправностью гражданъ государства? Одна пустая фраза. Цѣлая стѣ противорѣчій, которою опутанъ институтъ брака, покоящійся на теологическомъ принципѣ, накинута будетъ на гражданско-правовую область; сообразующійся съ догматикою церковною гражданскій законъ о бракѣ уже въ самомъ рожденіи носить зародышъ смерти, противорѣчіе въ себѣ самомъ, въ своемъ сердцѣ. Независимость отъ догматовъ есть первое условіе его жизненности.

Но законъ о бракѣ и не имѣетъ дѣла непосредственно съ религіею: ибо бракъ есть социальное, а не религіозное учрежденіе; онъ—законъ природы. Если въ любящихъ возникаетъ желаніе, страстное домогательство на всю жизнь взаимно принадлежать другъ другу тѣломъ и душою, дѣлить счастье и несчастье, радость и горе, и никогда ни въ чемъ не оставлять другъ друга: то происходитъ это вовсе не потому, что догматъ католической церкви объявляетъ бракъ пожизненнымъ и нерасторжимымъ союзомъ; это возникаетъ безъ содѣйствія религіи, непосредственно въ сердцѣ каждаго, какъ очаровательный цвѣтокъ человеческого чувства. Ни въ чемъ не видится основанія воспитаніе и охраненіе этого цвѣтка ввѣрять особенному попеченію священника, потому что ни въ чемъ не обнаруживается особенной связи между религіею и бракомъ. Религіозность должна

проникать равномерно всю жизнь человека, и для священника—повсичеголи ея нѣтъ предмета болышей важности, какъ ювѣна и дѣвушка. Но образуемы брачными союзомъ права и обязанности родителей—совершенно социальной природы, касаются личнымъ отношеній ихъ самихъ другъ къ другу, воспитанія дѣтей, имущества, вообще—вещей, подлежащихъ зашитѣ государственной власти. Даже попеченіе о религиозномъ воспитаніи юности принадлежитъ къ обязанностямъ новѣйшаго юридическаго государства, которое стремится въ одинаковой мѣрѣ къ заботамъ о матеріальномъ и духовномъ благѣ своихъ подданныхъ и духовенству никогда не должно опасаться, что оно встрѣтитъ со стороны государства препятствіе къ распространенію истинной религиозности. Да, было бы даже желательно, чтобы оно оказалось на сторонѣ, готовой помогать государству въ достиженіи этой цѣли, вмѣсто того, чтобы вести съ нимъ борьбу за утверженіе всеокончательной іерархической власти. Религиозность никогда не исчезаетъ изъ міра, хотя по временамъ и мѣняетъ свои формы, потому что чувство безусловной зависимости, въ которомъ состоитъ религія, неизгладимо живетъ въ человѣческомъ сердцѣ. Семья не можетъ отвергнуть руки священника, предлагающей ей помощь. Но мы должны остерегаться, чтобы не купить этой помощи слишкомъ высокою цѣною; чтобы не допустить іерархія диктовать намъ законъ, по которому мы должны устраивать свои семьи. Еще разъ: бракъ есть социальный институтъ, а не религиозный, и для него не церковные догматы, а единственно принципы гражданского права должны быть опредѣлителями. Законъ о гражданскомъ бракѣ долженъ держаться совершенно независимо отъ догматовъ и всѣ вопросы о дѣйствительности и расторженія брака, о препятствіяхъ къ браку и т. д. должны найти въ немъ рѣшеніе безотносительно къ догматамъ вѣры.

Если эта линия будетъ удержана, то воздано будетъ Кесарю кесарево и Божію Божови и восстановлено единственно правильное отношеніе между церковью и государственною властью, отношеніе свободной церкви въ свободномъ государствѣ. Каждая по гражданскому закону соединившаяся бракомъ пара можетъ потомъ искать для своего союза и благословенія священника по своему особенному вѣроисповѣданію. Но этотъ религиозный актъ не имѣетъ никакого значенія гражданско-юридическаго,

такъ, что бракъ напр. по гражданскому закону можетъ быть и расторгнутъ, хотя бы по церковнымъ догматамъ онъ почитаемъ былъ и нерасторжимымъ. Разлученные могутъ посему вступать и въ новый гражданскій бракъ, только священникъ долженъ будетъ уже отказать въ благословеніи такому вопреки догматамъ заключенному браку. Впрочемъ такого лишенія можетъ и не воспослѣдовать, если въ брачующихся живуче религиозное сознаніе, ибо они въ совѣсти своей найдутъ себя вынужденными выдти изъ того религиознаго общества, догматовъ котораго въ столь важномъ пунктѣ они не раздѣляютъ и примануть къ другому, которое не ставитъ въ числѣ догматовъ нерасторжимость брака. Въ этомъ и состоитъ сущность свободной церкви въ свободномъ государствѣ. Равнымъ образомъ мы должны прежде всего разрушить заблужденіе будто подъ свободою церкви должно разумѣть освобожденіе ея изъ подъ власти государственныхъ законовъ; напротивъ: религиозное общество, какъ и каждое другое въ государствѣ, подчинено его законамъ и если оно преступаетъ ихъ, получаетъ отъ него осужденіе. Подчиненіе начальствующихъ его подсудности иноземной власти, иммунитетъ епископовъ, вредить достиженію государственной цѣли въ высшей степени, оно было бы совсѣмъ разстроено, еслибы вѣжкамъ религиозныхъ обществъ, подъ защитою иммунитета, было возможно проповѣдывать матажъ и бунтъ противъ основныхъ законовъ государства. Но религія и не нуждается въ такомъ исключительномъ повоженіи своихъ проповѣдниковъ, его домогается только іерархія съ противорѣчимъ истинному ученію Христа. Христіанская религія не есть религія власти, но религія любви, и единственная власть священника есть власть убѣжденія. Церковь сражающаяся, ищущая религиознаго принужденія, находится, какъ показываетъ исторія, прямо на пути къ темнымъ карцерамъ и пылающимъ кострамъ инквизиціи. Сведеніемъ обязательнаго гражданскаго брака долженъ быть отмѣненъ иммунитетъ епископовъ, если это не сдѣлано уже ранѣе.

Высказанныя здѣсь положенія на слѣдующихъ листахъ будутъ развиты со всею обстоятельностью.

I.

Бракъ есть социальное учрежденіе.

Если мы обратимъ вниманіе на душевную жизнь животныхъ, то найдемъ, что известныя выдающіяся свойства души и чувства, соединяющіяся въ человѣкѣ какъ бы въ одномъ фокусѣ, въ разныхъ породахъ животныхъ дѣйствуютъ раздѣльно и развиваются въ нихъ односторонне, но за то тѣмъ болѣе сильно и характерно. Такъ человѣкъ не можетъ быть вѣрнѣе собаки, умирающей у гроба своего господина; мать не можетъ любить своихъ дѣтей нѣжнѣе обезьяны, задушающей дѣтеннышей своихъ изъ любви къ нимъ. И глава семьи, мотающій свое состояніе въ то время какъ дѣти его въ страшной нуждѣ, и самецъ-лиса, дающій самкѣ-лисѣ добычу, какую находятъ въ гнѣздѣ своихъ ему дѣтеннышей, поступаютъ оба въ равной мѣрѣ подло. Вообще на животной природѣ мы можемъ часто изучать человѣческую. Для нашей спеціальной цѣли мы должны сдѣлать маленькое наблюденіе надъ птицами. Сотни птичьихъ породъ живутъ въ строго моногамическомъ бракѣ, узы коего разрываются только смертью. Любовь въ страстныхъ тонахъ льется изъ груди маленькаго пѣвца, жадно глотается слушательницей, свиваетъ въ зеленомъ кустарникѣ гнѣздо, несетъ птенцамъ кормъ, учитъ летать и пѣть, она же держитъ парочку связанною, хотя бы года смѣли уже пеструю краску на перьяхъ. Здѣсь—и полная энтузіазма юношеская любовь, и любовь супружеская, и родительская, вѣрная дружба въ старости, союзъ на всю жизнь. Не человѣкъ только изобрѣлъ институтъ брака и законами моногаміи и нерасторжимости пытался сдѣлать его священнымъ: какъ законъ природы онъ живетъ и въ немъ, и въ миллионахъ его сотварей. И задолго прежде, чѣмъ онъ какъ послѣдній актъ творенія появился на землѣ, существовалъ уже такой нерасторжимый бракъ. Въ своихъ чувствахъ и стремленіяхъ человѣкъ отличается отъ животнаго не тѣмъ, что природа дала ему существенно иные влеченія, ощущенія, страсти; напротивъ, въ равной мѣрѣ какъ въ человѣкѣ мы находимъ въ животныхъ любовь, ненависть, зависть, хитрость, притворство, величіе духа, благородство, страсть

къ подражанію и т. п. Различіе между ними въ томъ, что животное слѣдуетъ импульсу своей природы слѣпо, безъ рефлекса; между тѣмъ какъ человекъ ставитъ себя предметомъ самоислѣдованія, изучаетъ свои влеченія, чувства и страсти, можетъ надъ ними господствовать и подчиняться, самъ себя воспитывать и усовершенствовать. При этомъ однакоже онъ всегда остается въ зависимости отъ благосклонности природы; ибо никогда не можетъ развить изъ самого себя свойствъ, въ которыхъ какъ въ дарахъ своихъ она отказала ему.

Мы имѣемъ право почитать за несомнѣнное, что природа предназначила человека къ моногаміи, когда она вложила въ его сердце сильнѣйшую изъ всѣхъ страстей—любовь половую. Правда стоитъ только устремить свои взоры на берега Краснаго и Чернаго морей, чтобы здѣсь въ странѣ полигаміи встрѣтить противорѣчіе этому взгляду. Правда, ее мы встрѣчаемъ только въ нѣсколько измѣненномъ видѣ и во всѣхъ странахъ христіанскаго запада. Но публичное многоженство Турокъ, Персовъ, Арабовъ, равно какъ и тайное—Германцевъ, Славянъ, романскихъ и другихъ народовъ есть или социальное заблужденіе народовъ, среди которыхъ еще не прозвучалъ ясно чистый истинный голосъ человеческой природы, или нравственное заблужденіе отдельныхъ лицъ, для которыхъ онъ снова смолкъ. Унаслѣдованная и внушенная воспитаніемъ извѣженность наполняетъ гаремы востока роскошными женщинами, которыя должны ласкать чувственность своего повелителя, точно также какъ и утонченная жадность къ наслажденіямъ отталкиваетъ европейца отъ его жены, изъ круга дѣтей, въ объятія прелестней любовницы. И тотъ и другой въ этихъ дѣяніяхъ своихъ повинуются не голосу человеческой природы, но голосу уродливыхъ національных нравовъ и разврата. Нѣтъ, если мы хотимъ видѣть любовь въ ея дѣйствительно достойномъ человека видѣ, мы должны устремить свой взоръ на юношу и дѣвушку, въ сердцахъ которыхъ въ первый разъ родилось полное таинственности влеченіе къ взаимной принадлежності, какъ магнитное притяженіе. Чудо притяженія встаетъ ихъ въ равнѣхъ и удерживаетъ ихъ одного отъ другаго въ почтительномъ отдаленіи. Это—любовь душъ, предчувствіе духовной гармоніи; это чистое эстетическое наслажденіе, ужасающееея мысли, что въ основаніи прекрасныхъ

линей тѣла лежать мясо и кровь. Это чувство, котораго нельзя уложить въ какой-либо определенный моментъ, потому что во взаимномъ созерцаніи влюбленные забываютъ настоящее и будущее, жизнь и смерть: такая любовь есть вѣчность мгновения. Но за ясной веселой весной слѣдуетъ лѣто: душно въ сердцѣ, въ груди, и чистое бѣлое пламя, которое доселѣ только играло на тѣлахъ, охватываетъ ихъ; оно затмѣвается въ позывѣ къ жгущему кровъ пламени чувственности, къ половой любви, которая въ самозабвѣнн соединяетъ тѣла, между тѣмъ какъ въ душахъ еще ярче свѣтятся верхушки пламени въ его прежней чистотѣ и его невинный блескъ отражается въ блестящихъ радостію взорахъ. Теперь любовь овладѣвъ всѣмъ существомъ, духомъ и тѣломъ; чувство духовной взаимной принадлежности, гармонія душъ увлекла за собою и тѣла. Половая любовь тогда только достойна человѣка, когда она облагорожена духовною любовью.

Полный союзъ мужа и жены воплощается въ подобномъ имъ вѣжномъ твореніи, въ дитяти, и чрезъ это расширяется далѣе и область ихъ любви, получается новый пунктъ обогащенія въ этой вѣжной человѣческой почвѣ, на которую оба переносятъ свою любовь и на которой встрѣчаются ихъ сердца. Каждая горестъ отца, каждая забота матери о дитяти, каждая вмѣстѣ просиженная у кровати больного ночь, каждое общее усиліе умственное надъ его воспитаніемъ составляетъ новое звено въ дѣлѣ этой любви, которой не въ силахъ разорвать и приближеніе старости, увяданіе тѣлесной прелести. Ибо каждая морщина на лицѣ ихъ повѣствуетъ имъ исторію одной ихъ жизни, проведенной въ трудахъ и заботахъ, а люди, имѣющіе такія общія воспоминанія, нелегко покидаютъ другъ друга. Въ вѣрной любви, въ которой чувственность уже не имѣетъ части себя, идутъ они навстрѣчу занату жизни и ихъ послѣднее желаніе въ томъ, чтобы быть вмѣстѣ и въ могилѣ, хотя улыбаясь они и сознаютъ, что прахъ ничего не можетъ знать о прахѣ. Недовольствуясь тѣмъ, что они принадлежатъ другъ другу каждое мгновение жизни, они хотятъ наслаждаться мыслью о взаимной принадлежности даже и за гробомъ.

Такъ обнаруживается истинная, чистая любовь между мужемъ и женою; голосъ природы самъ ведетъ человѣка къ моногаміи,

къ браку на всю жизнь. Онъ желаетъ цѣлостнаго обладанія любимымъ предметомъ и при мысли о возможности разрушенія этого обладанія поднимается въ душѣ его страсть ревности. Но и разумъ, которымъ критически разсматриваетъ человѣкъ свои дѣйствія, указываетъ ему тотъ же путь. Онъ показываетъ ему, что идея брака чистѣйшимъ и совершеннѣйшимъ образомъ осуществляется тогда, когда два человѣка исключительно и на всю жизнь отдаются другъ другу. Такой бракъ въ большинствѣ приводитъ къ облагороженію тѣхъ, кто въ него вступаетъ, равно какъ и дѣтей отъ него происходящихъ, между тѣмъ какъ полигамія, и тайная и явная, въ родителяхъ и дѣтяхъ будитъ бурныя страсти и подкапываетъ склонность въ семейной жизни—этой важнѣйшей основѣ соціальнаго строя. Посмотрите на женщину гарема: какъ желаніе приобрѣсти преимущество въ благорасположеніи своего повелителя разжигаетъ пламя ревности въ ея груди, увлекаетъ ее къ самымъ низкимъ дѣйствіямъ мстительности и клеветы и портитъ ея характеръ! Посмотрите, какъ соперничество матерей сообщается и дѣтямъ и злыя сѣмена ненависти и злобы западаютъ въ ихъ нѣжныя сердца; какъ отецъ неравномѣрно раздѣляетъ свою любовь между дѣтьми пользующихся его расположеніемъ и повинутыхъ имъ женъ, и какъ подъ вліяніемъ взаимныхъ ихъ интригъ и ослабляющаго силы чувственнаго пресыщенія страдаетъ его характеръ! Или взгляните на европейца—основателя двухъ семей, какъ законнаго супруга благородной, достойной уваженія женщины и тайнаго—предпочитаемой имъ любовницы, какъ законнаго отца тамъ и незаконнаго здѣсь! Посмотрите, какъ любовь его притягивается тою и другою семьями, какъ его чувство колеблется между тою и другою и какъ въ этой непостоянной чувственной жизни постепенно утрачивается сознаніе истиннаго семейнаго очага, истинное семейное чувство; обратите вниманіе на то, что какъ любовница, отношеніе которой не стоитъ подъ защитою закона, подобно браку законной жены, вынуждена привлекать къ себѣ мужа со всѣмъ искусствомъ кокетства и утонченности, какъ она чрезъ это ведетъ постоянную борьбу съ остаткомъ любви, который этотъ мужъ еще сохранилъ для своей законной семьи, и возможно ли будетъ не прийти къ убѣжденію, что разумъ, такъ же какъ и голосъ природы, ведетъ человѣка къ моногаміи?

Этимъ промиссентъ уже приговоръ осужденія всякъ незаконнымъ отношеніямъ, существующимъ подлѣ законныхъ браковъ, и вступающіе въ нихъ поступаютъ въ равной мѣрѣ противно разуму и неслыжному голосу природы. Если мы припомнимъ тотъ образъ чистаго счастья двухъ на всю жизнь соединившихся человѣковъ, который выше мы пытались нарисовать, то должны будемъ сказать себѣ, что любящее сердце не можетъ знать иного высшего, страстнаго желанія, какъ союза до смерти. Пожизненность брака есть идеалъ его. Но мы показали, что бракъ есть семіальное учрежденіе, законъ природы. Итакъ, не обращая вниманія на нравы, обычай, церковныя догматы, мы должны почитать умы его разрѣшенными, какъ скоро природа и разумъ требуютъ ихъ разрѣшенія.

II.

Расторжимость брака.

Каждая вещь носить мѣру своего достоинства и своей силы въ самой себѣ. Требовать отъ нея болѣе того, чѣмъ она въ состояніи дать—значитъ впадать во внутреннее противорѣчіе. Таковъ и бракъ. Потребность его написана въ груди человѣка, какъ онъ вышелъ изъ рукъ природы, и разнообразныя переходящія и устойчивыя формы, въ которыхъ является бракъ въ исторіи развитія человѣка, суть только болѣе или менѣе удачныя попытки дать выраженіе этой естественной потребности. Совершенно то же самое и въ жизни животныхъ: и здѣсь рядомъ съ солидными устойчивыми браками являются вольныя, вѣтренныя отношенія мухъ и кузнечиковъ, въ собственномъ смыслѣ единственные браки.

Бракъ долженъ соединить двухъ человѣкъ въ чистѣйшей духовной любви и чрезъ нее привести ихъ къ достойной человѣка половой связи; онъ долженъ воспитывать и облагораживать умъ и сердце супруговъ и чрезъ разумное воспитаніе дѣтей, отъ нихъ происходящихъ, вести къ совершенству весь человѣческій родъ; чрезъ основаніе законной истинной семейной жизни онъ долженъ создать важнѣйшій базисъ всякаго социальнаго строя;

онъ долженъ доставить высшее счастье супругамъ, содѣйствовать высшему счастью дѣтей и чрезъ это привести въ счастье весь человѣческій родъ.

Всего этого—какъ мы уже сказали—онъ достигаетъ вѣрнѣйшимъ образомъ, если онъ принимаетъ форму моногаміи. Не ли форму жюжизненнаго союза? къ нему прежде всего должно предъявить требованіе: „ты долженъ быть неразрѣшимъ“? Не правда. Такой поступать въ тысячахъ и тысячахъ случаевъ уничтожалъ бы цѣль брака и тѣмъ приводилъ бы весь институтъ его къ внутреннему неразрѣшиму противорѣчію. Требовать отъ брака чтобы онъ былъ неразрѣшимъ—значитъ искать въ немъ большаго, чѣмъ сколько онъ можетъ дать по своей природѣ, не убивая самого себя. Бракъ долженъ основать высшее счастье супруговъ. Но какъ это возможно, если одинъ изъ нихъ становится моральнымъ уродомъ, такъ что его безнравственная жизнь становится источникомъ величайшаго несчастья для другаго? Неужели и тогда достигается эта цѣль? Онъ долженъ облагородить супруговъ умственно и нравственно. Но какъ же теперь быть, если жена съ грубымъ пошлымъ мужемъ, или мужъ съ развратною женою не могутъ далѣе оставаться во внутреннемъ жизненномъ общеніи, въ общеніи души и тѣла, безъ униженія себя въ собственныхъ глазахъ, не краснѣя предъ самими собою? Можно ли говорить тогда о нравственномъ облагороженіи? Бракъ есть отдача цѣлой личности другому существу, это есть отношеніе величайшей зависимости, въ какую только можетъ вступать человѣкъ. Но онъ не чувствуетъ этихъ цѣпей, потому что отдастъ себя созданію, которое онъ любитъ и уважаетъ болѣе, чѣмъ самого себя, и въ личности котораго онъ обратно получаетъ болѣе чѣмъ отъ своего собственнаго я. Но какимъ образомъ это возможно, когда они превратились въ злобу и презрѣніе? Тогда остается только голое, ужаснѣйшее рабство, трусливое какъ рабство негра, который однако же служить владѣльцу плантаціи только своими руками, своими жилами и мускулами, между тѣмъ супругъ видитъ себя проданнымъ грубому произволу другаго со всею своею духовною жизнью, со своими святѣйшими, чувствами съ своими самыми нѣжными ощущеніями. Размыслите, что значить подчинять душу и тѣло чужой презрѣнной волѣ, съ ненавистью и презрѣніемъ въ сердцѣ про-

дожидать это подчинение, которое может и должна продолжать только высочайшая любовь, если она хочет оставаться достойною человѣка! Размыслите, какъ убиваетъ это принудительное отношеніе, гнуснѣйшее изъ воѣхъ, какія только можетъ имѣть человѣческое воображеніе, въ бѣдной жертвѣ нравственное чувство, какъ натуры слабохарактерныя оно ведетъ къ легкомыслію и разврату изъ стыда за самихъ себя и изъ чувства мести къ своему притѣснителю, а натуры благородныя съ возвышеннымъ сердцемъ—къ безумію? И такой то бракъ, нѣвѣнующій своимъ послѣдствіемъ умственную и нравственную гибель человѣка, долженъ быть нерасторгимъ? Невозможно. Никто не обязанъ унижать самъ себя и продолжать жизнеобщительное отношеніе, вызывающее на лице его краску стыда, хотя бы даже сто разъ прежде восхвалялъ его; ибо онъ восхвалялъ бракъ съ мнимо добрымъ и благороднымъ человѣкомъ, а не съ низкимъ, презрѣннымъ, постепенно изъ него образовавшимся. Самымъ благонадежнымъ пробнымъ камнемъ для дѣйствій человѣка служитъ самоуваженіе. Чего онъ не можетъ дѣлать не теряя самоуваженія, что противорѣчитъ его внутреннему чувству, того онъ и не долженъ дѣлать, хотя бы юристъ-формалистъ и почиталъ вправѣ требовать отъ него такого дѣйствія, ибо оно безнравственно; а требованія нравственности—выше права. Итакъ мы видимъ, что бывають случаи, когда продолженіе брака несовмѣстимо съ нравственнымъ достоинствомъ человѣка.

Но бракъ долженъ чрезъ разумное воспитаніе происходящихъ отъ него дѣтей вести къ облагороженію и совершенству человѣческаго рода. Можетъ ли достигнуть этой цѣли несчастный, подобный вышеописанному бракъ? Конечно, нѣтъ. Воспитаніе дѣтей удается только въ тихой дружественной атмосферѣ счастливаго дома, благородной семейной жизни, подъ гармоническимъ взаимодѣйствіемъ родителей, которые должны развѣртывать нѣжныя почки дѣтской души въ цвѣты ума и сердца. Но оно не можетъ идти успѣшно среди бури, бушующей въ сердцахъ супруговъ и производящей непоправимыя трещины въ семейномъ очагѣ, въ атмосферѣ, пропитанной презрѣніемъ, подозрѣніемъ, злобою, въ борьбѣ противорѣчащихъ правилъ воспитанія, что все чуткая дѣтская душа отрываетъ скоро даже и изъ подъ искусно закрывающаго это покрывала. Воспитаніе дѣтей особенно уже взро-

слыхъ въ несчастливомъ бракѣ по большей части также бываетъ несчастнымъ. Такой бракъ не выполняетъ тѣхъ цѣлей, которыя предназначили институту брака природа и разумъ; онъ даже прямо ниспровергаетъ эти цѣли: и не смотря на все это, его будто бы нужно поддерживать, его нерасторжимость должна почитаться даже аксіомою. Не убивается ли здѣсь больной тѣмъ глѣварствомъ, которымъ хотятъ его вылечить?

„Но—слышу я отъ нѣкоторыхъ читателей—милый другъ, вы боретесь какъ несчастный рыцарь Донъ-Кихоть съ вѣтранными мельницами! Кто же принуждаетъ этихъ несчастныхъ супруговъ къ дальнѣйшему совмѣстному житью; они могутъ разлучиться отъ стола и ложа и тогда—конецъ всемъ ихъ бѣдствіямъ: но расторгать бракъ—въ чему это?

Мы могли бы отвѣтить на это, что на бракъ мы смотримъ какъ на законъ природы, на социальное учрежденіе и таковымъ желаемъ его видѣть всегда и во всемъ, и что ни природа, ни разумъ, очищенный отъ традиціонныхъ предрассудковъ, не знаютъ разлученія супруговъ отъ стола и ложа. Или есть та духовная любовь, та гармонія душъ, та половая любовь между мужемъ и женою, которыя проявляются въ тѣснѣйшемъ жизненномъ общеніи какъ высочайшее счастье бытія и тогда существуетъ и счастливый бракъ; или возможность брачной совмѣстной жизни рушилась чрезъ разрушеніе этого чувства, чрезъ непреодолимое отвращеніе, чрезъ непоправимое противорѣчіе въ характерахъ и т. п. и вмѣстѣ съ тѣмъ напелъ себѣ конецъ и самый бракъ, по простому правилу логики, что съ уничтоженіемъ основанія уничтожается и его слѣдствіе. Неужели можно назвать брачнымъ отношеніе взаимнаго ожесточенія и вражды, дѣлающихъ невозможнымъ пребываніе супруговъ подъ одною кровлею, при разрушеніи всякаго чувства уваженія, всякой симпатіи сердца, всякаго порыва чувства? Что остается отъ понятія брака тамъ, гдѣ все это потеряно? Рѣшительно ничего. Въ чемъ тутъ искать узъ брака? Ни въ чемъ.

Но мы еще не разстрѣляли свои патроны до послѣдняго. Почему нашъ оппонентъ хочетъ продлить узы брака, когда отъ понятія о немъ не остается ничего? Почему брачное счастье должно оставаться привилегіею только немногихъ счастливцевъ, вынужденныхъ изъ урны судьбы выигрышный номеръ? По-

чему эти тысячи тысячъ при своемъ сердечномъ выборѣ часто безъ всякой вины ошибшіеся должны быть навсегда исключены отъ счастья брака? Или они должны въ слѣпой преданности провидѣнію утѣшать себя тѣмъ, что въ будущей жизни они будутъ отмщены и вознаграждены за то безечіе, которому безъ вины подвергались въ этой? Но возможно ли это, когда они увѣрены, что на небѣ ни женятся, ни посягаютъ? И за тѣмъ, эти темныя времена монастырскаго аскетизма, видѣвшаго призваніе жизни въ умерщвленіи всякихъ земныхъ желаній, давно прошли. Намъ звучитъ радостный голосъ природы, голосъ, которымъ мы сами встрѣчаемъ и провожаемъ своихъ друзей: „будьте счастливы“! Этотъ голосъ зоветъ насъ къ браку, къ высочайшему счастью, какое только возможно найти на землѣ. Почему мы не смѣемъ, почему не должны послѣдовать ему? Почему мы сами себя должны создавать препятствія къ счастью, какихъ нѣтъ ни въ природѣ, ни въ требованіяхъ разума? Съ чего это мы забрали себя въ головы, что мы должны мучить себя, измышляя узы брака, какихъ въ дѣйствительности вовсе нѣтъ, и чрезъ это похищаемъ у себя возможность выполнить цѣль своего бытія во второмъ, счастливѣйшемъ бракѣ? Почему мы изобрѣли учрежденіе разлученія отъ стола и ложа? „Потому что догматика католической церкви объявляетъ бракъ пожизненнымъ и нерасторжимымъ“. Въ слѣдующемъ письмѣ мы поговоримъ объ этомъ; теперь же ограничимся замѣчаніемъ, что мы имѣемъ дѣло не съ церковными, а съ гражданскими законами о бракѣ, которые должны быть примѣняемы одинаково ко всѣмъ гражданамъ, исповѣдующимъ самыя разнообразныя религіи въ государствѣ, и которые поэтому не должны обращать никакого вниманія на религіозныя догматы, если только они не хотятъ пятнать дожью гражданскій бракъ при самомъ его зарожденіи или впасть въ казуистику различныхъ брачныхъ догматическихъ законовъ. Истинно гражданскій законъ о бракѣ не долженъ знать разлученія отъ стола и ложа какъ суррогата расторженію брака, но долженъ ввести его какъ въ высшей степени пригодную предварительную мѣру—дать супругамъ возможность уяснить себя, дѣйствительно ли есть между ними выставленное ими основаніе къ разводу, напр. непреодолимое отвращеніе, или это только моментальная вспышка, недоразумѣніе. Ибо законо-

дательство не должно благоприятствовать легкомысленнымъ разводамъ. Но гдѣ бракъ по его понятію и сущности фактически пересталъ существовать, гдѣ мѣсто любви, уваженія и удовольствія заступаютъ ненависть, презрѣніе, отвращеніе, хотя бы это проявилось въ одномъ изъ супруговъ; гдѣ тѣснѣйшее жизненное общеніе не можетъ далѣе продолжаться, не угрожая духовному и нравственному благу супруговъ и дѣтей, тамъ законодательству смѣло должно дать спасительный разводъ и объявить нарушеннымъ отношеніе, не только не соотвѣтствующее требованіямъ и цѣли брака, а напротивъ — ихъ уничтожающее, которое есть не болѣе какъ только иронія и издѣвательство надъ бракомъ, этимъ исполненнымъ благословенія установленіемъ природы.

Въ гражданскомъ законодательствѣ не можетъ быть пожизненнаго разлученія отъ стола и ложа, а только расторженіе брака.

III.

Расторжимость брака и церковный догматъ.

Въ своихъ письмахъ, имѣя въ виду институтъ *гражданскаго* брака и посему зная только безконфессіональный бракъ, мы не должны бы, строго говоря, увлекаться въ церковно-догматическую область. Но благосклонныя читатели могутъ разсудить, что дѣло идетъ о нѣкоторомъ для Австріи существенно новомъ установленіи, и что точно опредѣленнымъ понятіемъ гражданскаго брака далеко еще не каждый владѣетъ, а что напротивъ мѣсто его нерѣдко занимаетъ въ умахъ многихъ лишь неопредѣленное, смутное представленіе. Доселѣ брачное законодательство въ Австріи было строго догматическое; ибо брачное право гражданскаго кодекса устанавливало для различныхъ религіозныхъ обществъ, для католиковъ, протестантовъ, іудеевъ, соотвѣтственныя догматамъ ихъ церкви разныя законныя нормы. Религіозный актъ всегда при вѣнчаніи выступалъ на первый планъ и заслонялъ въ немъ свои перемоніями, возбуждающими чувство и фантазію, чистый гражданскій брачный актъ. Какъ немногіе изъ присутствующихъ при вѣнчаніи сознаютъ, что священникъ, когда онъ отбираетъ отъ брачующихся торжественный объѣтъ брака, при этомъ

дѣйствуетъ по порученію государственной власти, въ качествѣ публичнаго чиновника! Чиновникъ исчезаетъ подъ одеждою священника. Что удивительнаго поэтому, если въ представленіи мірянина религиозный моментъ брака такъ внутренне переиждивается съ граждански-правовымъ, что онъ едва-едва можетъ представить себѣ чистый гражданскій бракъ, освобожденный отъ всякаго вліянія церковной догмы? Не настоитъ ли поэтому потребности понятіе его опредѣлить насколько рѣзче, а цѣсему и сказать нѣсколько словъ объ отношеніи его къ церковной догмѣ?

Если мы желаемъ познать ученіе Основателя религіи, то мы должны изъ всей массы ученія, которое по преданію дошло до насъ, выдѣлать тщательно все то, что не составляетъ въ строгомъ смыслѣ предмета религіи. Ибо могло быть, что Учредитель въ стремленіи преобразовать всего человѣка возвышалъ своимъ послѣдователямъ не только истины религіи, но преподавалъ имъ ученіе и наставленія и по другимъ областямъ, напр. юридической или соціальной. Особенно часто дѣлалъ это Моисей, сообщившій іудеямъ не только ученіе вѣры, но и множество полицейскихъ и административныхъ предписаній. И Христосъ въ своей должности Учителя не ограничивался строго областью религіи, но побуждаемый разнообразными поводами, въ особенности вопросами своихъ учениковъ и противниковъ, высказывался и по другимъ вопросамъ, политическимъ, соціальнымъ, напр. объ обязанностяхъ человѣка какъ подданнаго, какъ супруга и т. п., какъ повѣствуетъ намъ апостолъ Матѣй. Онъ (Христосъ) занялся и разъясненіемъ института брака, побуждаемый къ этому вопросомъ фарисеевъ. Но само собою понятно, что въ этомъ случаѣ Онъ говорилъ не какъ Учитель религіи, а какъ юристъ, политикъ, реформаторъ соціального строя, а цѣсему и не желалъ давать предписаній, долженствовавшихъ имѣть значеніе для всѣхъ временъ. Это особенно явственно видно изъ того способа и формы, въ какѣхъ онъ разрѣшилъ вопросъ о расторженіи брака. Именно: сославшись на времена Моисея, который дозволилъ мужьямъ „по жестокосердію ихъ“ отдѣляться отъ своихъ женъ, Онъ замѣтилъ, что кто отдѣляется отъ своей жены и беретъ другую, тотъ прелюбодѣйствуетъ. Но самъ же Онъ въ одномъ случаѣ дозволилъ расторженіе брака, именно

ради невѣрности жены, и напомнилъ, что до Моисея бракъ былъ нерасторжимъ; ибо „еже Богъ сочета чловѣкъ да не разлучаетъ“. Гдѣ же здѣсь твердая устойчивость на одномъ определенномъ принципѣ? Не говоритъ ли напротивъ каждое изъ этихъ положеній за то, что взглядъ на расторженіе брака подлежитъ переменамъ, именно смотря по разнымъ степенямъ культуры, на которой находится чловѣкъ? Не ясно ли вмѣстѣ съ тѣмъ и вопросъ о расторгимости брака объявляется социальнымъ вопросомъ? Но какая разность между социальнымъ положеніемъ, указываемымъ женщиной апостоломъ Павломъ въ его 1-мъ посланіи къ Коринѳянамъ, гдѣ онъ говоритъ, что жена ради мужа создана бысть, и социальнымъ положеніемъ, даваемымъ женщиной нашимъ вѣкомъ, когда онъ смотритъ на нее, какъ созданную ради себя самой и почитаетъ ее равнородною мужчиной! Неужели и законъ, данный примѣнительно къ первой изъ этихъ степеней культуры, долженъ оставаться въ силѣ и при столь существенно измѣнившихся отношеніяхъ нашего вѣка? Неужели и Христосъ, этотъ мудрейшій изъ всѣхъ законодателей, могъ желать этого? О, конечно Онъ желалъ дать вѣчное значеніе только тѣмъ изъ Своихъ заповѣдей, которыя имѣютъ въ виду всегда одинаковыя чувства, желанія, страсти чловѣка, слѣдовательно чистому ученію вѣры и нравственнымъ законамъ, а не Своимъ изреченіямъ касательно политическихъ и социальныхъ учреждений, посему и не изреченіямъ о расторженіи брака.

Но какую силу можетъ имѣть все это разъясненіе послѣ того, какъ объявили нерасторгимость брака догматомъ католической церкви?—Съ строго ортодоксальной точки зрѣнія—никакой; но съ реформатской—дѣло иное: разсудокъ мірянина-реформата легко пойметъ, что это иной взглядъ, чѣмъ какой имѣли церковныя соборы, онъ увидитъ, что эти проповѣдники Христова ученія на землѣ отъ области религіи уклонились въ чужую область, поелику изреченіе Учредителя о социальномъ вопросѣ, котораго Онъ совсѣмъ не желалъ выдавать за догматъ, возвели въ положеніе вѣры, неизмѣнное во всѣ времена. Или подобныхъ случаевъ такого уклоненія не повторялось? Развѣ и въ новѣйшее время глава католической церкви не обнаружилъ страстнаго притязанія на свѣтскую область, на законодательную власть въ государствѣ, когда въ своей яллукуціи объявилъ основные законы

государства недействительными, ничтожными и для вступающих необязательными, потому только, что они сказались противорѣчившими притязательной іерархической власти въ брачныхъ дѣлахъ? И не цѣлый ли міръ, стоящій на высотѣ современной культуры, ототранилъ эти притязанія и тѣмъ произнесъ судъ о предѣлахъ церковной и государственной власти? Или мирянинъ не имѣетъ права образовать своего взгляда относительно того, что предметъ религіи и что—нѣтъ? Но въ такомъ случаѣ высшая духовная власть можетъ объявить всю жизнь дѣломъ религіи и издавать законы во всѣхъ сферахъ жизни, а вступающіе должны спокойно исполнять ихъ, потому что имъ не дозволено въ дѣлахъ вѣры имѣть своего сужденія. Нѣтъ, время слѣпой вѣры въ авторитетъ миновалось. Несится свободный духъ надъ землею, духъ самоислѣдованія въ смыслѣ Учредителя нашей религіи, Который заповѣдалъ: „все испытайте и держитесь лучшаго“. Мы не можемъ болѣе обречь свой разумъ на безмятежный сонъ, когда имѣемъ дѣло съ религіозными вещами; нѣтъ, мы должны вѣрить, что можемъ имѣть и имѣемъ собственное сужденіе о томъ, есть ли бракъ религіозное или социальное установленіе, есть ли онъ предписаніе религіи, или природы. Если мы знаемъ его какъ социальное установленіе, то и должны для государственной власти защищать право ея нормировать его законами. И церковный догматъ нерасторжимости не можетъ насъ остановить въ объявленіи его расторгнутымъ тамъ, гдѣ продолженіе его противорѣчитъ его цѣли.

На бракъ покоится вся чувственная природа. Все что мы есмь, и имѣемъ, имѣемъ чрезъ него. Только чрезъ него мы дозволеннымъ образомъ и являемся въ міръ; только подъ крыломъ его мы самымъ лучшимъ образомъ возрастаемъ какъ дѣти, развиваемся тѣлесно и становимся умственно и нравственно здоровыми людьми, съ его вѣтвей срываемъ высочайшее счастье, прекрасныя цвѣты, сладкіе плоды, которые только возможно найти на землѣ; чрезъ него мы полагаемъ зародышъ истинно-достойнымъ челоуѣка образомъ къ обновленію и продолженію рода; бракъ есть вопросъ существованія цѣлаго нашего рода: и съ этимъ-то вопросомъ жизни мы должны отдаться на милость или немилость заключеннаго въ оковы догматичнаго священства, которое для института брака, для истинно-дозволенныхъ требованій

человѣческой природы имѣеть такъ мало разумѣнія, что хочетъ быть христіанине самого Христа и апостоловъ, прямо запрещая бракъ? Помстивъ достоинствъ сожалѣнія нашъ жребій. Но посмотри еще немного: мы желаемъ заключить бракъ съ любимымъ существомъ, которое принадлежитъ къ другому религіозному обществу, потому что мы выросли въ мягкой атмосферѣ религіозной терпимости и уже со времени Лессинга перестали вѣрить, что только католическая церковь обладаетъ неподдѣльнымъ кольцомъ. Но догма все-спасающей католической церкви ставить намъ на видъ еретичество нашего любимѣйшаго на землѣ существа и отказываетъ намъ. Или: мы уже заключили бракъ. Въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ мы охаетъ надъ давленіемъ несчастныхъ отношеній, подъ властію грубаго, низкаго мужа, въ объятіяхъ презрѣнной жены; наше гордое самосознаніе постепенно пропадаетъ, энергія духа слабѣеть, нравственное чувство затмѣвается. Но вотъ мы ободрились: мы желаемъ спасти то, что еще осталось отъ кораблекрушенія этого брака, у насъ изъ нравственной силы, сердечной теплоты, жизненной крѣпости и пытаемся въ счастья втораго брака забыть страданія перваго. Однако, пожимая плечами, намъ указываютъ на узы, которыя мы должны еще влечь, какъ птица—шнурокъ въ клѣткѣ, и на догматъ, объявляющій этотъ союзъ нерасторжимымъ, и утѣшаютъ насъ нашимъ правомъ на брачное счастье по смерти нашего перваго супруга. Но мы не хотимъ получать счастье изъ рукъ смерти и послѣ тяжелой борьбы съ общественнымъ мнѣніемъ, мы рѣшаемся на единственный исходъ, который намъ остается, на естественный бракъ. Тогда возстаетъ противъ насъ полиція нравовъ и объясняетъ намъ, что бракъ въ государствѣ тогда только дозволенъ, когда онъ заключенъ съ узаконенными формальностями. Такъ въ срединѣ между церковнымъ догматомъ и полицейскимъ предписаніемъ мы можемъ только отчаяваться и утѣшать себя. Простите за шутку, ибо она—дита глѣва!

Такъ складывается судьба брака подъ господствомъ догмата, и въ подобныя вышеописанному отношенію мы должны бросаться смѣло съ открытыми глазами!—И почему—спросимъ мы: потому что католическая церковь такъ крѣпко держится за догматъ нерасторжимости брака, даже и послѣ того, какъ сотня основаній изъ природы и разума говорятъ за отмѣненіе его, и послѣ того

какъ извѣстная ея, отвѣчающая требованіямъ новѣйшаго образованія, не конечно отверженная ею сестра — протестантская церковь — давно уже отвергла его? Почему пастыри и проповѣдники католической вѣры сохраняютъ чистымъ и неизмѣннымъ разсматриваемое ученіе во всехъ его пунктахъ до настоящаго времени? Развѣ въ дѣйствительности они не сдѣлали много отступленій отъ преданій ея? Не сказалъ ли Христосъ: „Мое царство не отъ міра сего?“ И однакожъ царство намѣстника Его на землѣ „отъ міра сего“ и называется церковнымъ государствомъ. Не были ли ученики Іисуса бѣдными рыбаками, которые распространяли ученіе богами и при распространеніи его довольствовались только гостепримствомъ своихъ послѣдователей? Однакоже ихъ преемники по должности владѣютъ дачами, палацами, богатыми доходами, роскошными экипажами. Мы не желаемъ порицать ихъ за это; ибо прямо примѣръ ихъ говорить, что каждый долженъ преклониться предъ силою измѣнившихся социальныхъ отношеній. Но за то и они должны считаться со ступенью новѣйшей культуры, на которой мы въ настоящее время находимся, и ради устарѣвшаго догмата не требовать отъ насъ жертвы большею частью нашего жизненнаго счастья, половиной человѣчности. Они должны быть снисходительны. Если мы развѣ замѣтили, что они допустили роскошь въ жизни и уклонились отъ простоты нравовъ своихъ предшественниковъ; то позволительно и намъ вести рѣчь далѣе и посмотреть, чѣмъ и мы бы съ своей стороны также могли пожертвовать изъ предписаній (религій) для земнаго блага и счастья. Но пока пусть намъ будетъ дозволено устроить жизнь на этой планетѣ, безъ сомнѣнія не особенно разчищенную отъ терній, съ помощію гражданскаго брака, настолько человѣчески удобнаго, насколько это возможно.

IV.

Свободное государство, свободная церковь.

Какъ часто еще читатели должны слышать, что бракъ есть социальное, а не религиозное установленіе! Боюсь, что въ каждомъ новомъ письмѣ; ибо это воззрѣніе есть именно гранитный

фундаментъ, на которомъ опирается соответствующее природѣ зданіе гражданскаго брака. Если разъ оно уляжется въ мысли, тогда уже легко будетъ возвести цѣлое зданіе до стропиль и слуховыхъ оконъ. Нельзя песему обойтись безъ того, чтобы часто и особенно настойчиво не вспоминать о немъ.

Бракъ есть семья; совокупность семей образуетъ общество, какъ совокупность клѣточекъ — тѣло растенія; общество организуется въ государствѣ; на высотѣ нравственнаго совершенства стоящее, или по крайней мѣрѣ къ нему стремящееся государство немислимо безъ семьи, безъ брака; бракъ есть вопросъ бытія для новѣйшаго государства. Оно должно въ видѣ стѣны сего прилагать особенную о немъ ревность и попеченіе и отстранять всякое вліяніе, могущее препятствовать его успѣхамъ. Его дѣло въ томъ, чтобы институтъ брака опредѣлить законами, и въ этомъ законодательствѣ не долженъ играть роли ни религіозный принципъ, ни церковный догматъ; оно должно строго держаться социальной мірской точки зрѣнія, должно быть истиннымъ гражданскимъ законодательствомъ о бракѣ. Какимъ образомъ церковь имѣющая дѣло только съ религіею, съ духовными предметами, пришла къ тому, чтобы возвышать свой голосъ въ такомъ мірскомъ дѣлѣ, каковъ бракъ? Конечно не путемъ законно-правильнымъ; но путемъ захватовъ въ области чужой власти, въ правосудіи государства, которое въ своихъ стремленіяхъ къ іерархической власти часто она только терпѣла и тѣмъ пыталась обратить въ подданство своему скипетру не только душу, но и тѣло христіанства. Устранить эти захваты и указать законныя границы между властью церкви и государства касательно брака и составлять задачу гражданскаго законодательства о бракѣ.

Если бы католическая церковь въ ходѣ своего развитія шла рука объ руку съ прогрессомъ человѣческаго разума и чувства, то значеніе церковной власти къ гражданской брачной сферѣ никогда не было бы чувствительно, потому что тогда въ каноническихъ законахъ ея постоянно находили бы себѣ отголосокъ тѣ либеральныя воззрѣнія, которыми сплошь провѣтривается новѣйшее мірское законодательство, но таковой гармоніи—какъ это ни прискорбно—никогда не было. Напротивъ католическая церковь всегда стояла въ рѣзкомъ противорѣчій съ духомъ времени. Всѣ съ трудомъ достававшіяся приобрѣтенія образованія,

всѣ успѣхи науки, всѣ требованія культуры, которыя стояли въ противорѣчій съ геологическими, астрономическими и социальными воззрѣнiями Библии, она всегда съ ревностною послѣдовательностью осуждала, хотя Библия не есть ни учебникъ астрономіи и геологіи, ни социально-политическій компендіумъ. Она всегда держалась на началѣ нетерпимости въ отношеніи къ иновѣрнымъ и тѣмъ сѣяла сѣмена раздора въ семьѣ и въ обществѣ. Какъ гражданинъ государства, католикъ долженъ стоять на ясной высотѣ времени, но въ дѣлахъ вѣры глубоко низко во тѣмъ прошедшихъ вѣковъ. Какъ это возможно? Положа руку на сердце, спросите: какъ много есть католиковъ, которые восприняли плоды новѣйшей дѣятельности разума и культуры, — неужели и они остаются еще католиками въ смыслѣ ортодоксальной церкви? Не каждый ли почти изъ нихъ уже выбросилъ изъ своего исповѣданія положенія вѣры, устанавлиемыя церковію какъ непререкаемыя догмы, одинъ—одинъ, другой — другія? Какъ много такихъ, которые должны сознаться—если только они пожелають строго взвѣсить свои убѣжденія,—что они давно уже перестали быть католиками, что они таковы болѣе по имени, только — устами, и посему сознають въ своей совѣсти вынужденными перейти въ протестантство, ибо „ничего ты не долженъ исповѣдывать устами, чему не вѣрить внутренне твое сердце“. Но они не дѣлають этого шага изъ безопасности, изъ равнодушія къ дѣламъ религіи, и потому, несмотря на свой внутренній разладъ, продолжаютъ безъ отягощенія пребывать въ лонѣ католической церкви. Однакоже горе имъ, если различіе между вѣрою, которую они имѣють, и вѣрою, которую они исповѣдуютъ, дойдетъ до столкновенія въ практической жизни. Горе имъ, если въ качествѣ католиковъ они заключили несчастный бракъ и однакоже не вѣруютъ въ догматъ его нерасторжимости, если они должны всю свою жизнь влечь противъ убѣжденія тяжкія оковы его. Истинный католикъ, который видитъ на землѣ только мѣсто испытанія и самоотреченія и въ каждомъ несчастіи его постигающемъ,—непремѣнную волю Провидѣнія, находитъ въ этой вѣрѣ даже врачевство для тѣхъ ранъ, которыя причиняють ему цѣпи такого брака. Кто напротивъ менѣе уступчивъ, кто ищетъ счастья даже и отъ этой жизни, кто ощущаетъ въ себѣ влiаніе духа, повеявшаго: „помогай самъ себѣ, и Богъ тебѣ

поможетъ“, — тотъ чѣмъ долженъ утѣшать себя? Конечно онъ страдаетъ безъ собственной вины; почему же онъ долженъ оставлять бракъ подъ господствомъ догмы, въ которую онъ не вѣритъ? Но будемъ справедливы; именно въ этомъ отношеніи человекъ заслуживаетъ нашего величайшаго снисхожденія. Ибо кто же, дававшій отъ чистаго сердца клятву предъ алтаремъ, не вѣритъ въ вѣчное продолженіе своей любви и своего счастья? И вотъ, когда онъ позналъ свою ошибку, онъ видитъ вокругъ себя границы догмата, за которыя уже ничто не можетъ его вывести, кромѣ смерти. Государство не должно для своихъ подданныхъ придавать значенія этому противорѣчію между требованіями новѣйшаго образованія и положеніями устарѣлаго каноническаго права; оно должно освободить институтъ брака отъ всякихъ догматическихъ вліяній и создать совершенно безконфессіональный брачный законъ.

Но что всегда должно имѣть въ виду, разсуждая о бракѣ, такъ это то, что онъ ни въ чемъ не обнаруживаетъ болѣе тѣсной и внутренней связи своей съ религіею, чѣмъ какая существуетъ между религіею и человекомъ вообще. Въ самомъ дѣлѣ: ну что въ бракѣ можетъ быть признано дѣломъ религіи? Неужели — любовь между мужемъ и женою, даже чистѣйшая, благороднѣйшая, духовнѣйшая? Или обѣщаніе любящихъ принадлежать одинъ другому руками и сердцемъ, тѣломъ и душою? Или устроеніе ихъ имущественныхъ дѣлъ? Или ихъ брачныя сношенія? Или воспитаніе дѣтей? Даже и на это послѣднее высказываются притязанія клира, только въ государствахъ съ господствующею церковію, для воспитанія борцевъ за господствующую церковъ и для угнетенія чуждой. Напротивъ, въ государствахъ съ религіозною терпимостью, въ которой нѣтъ господствующей церкви, а есть только церковъ большинства, устраняется и этотъ спеціальнй интересъ церкви въ бракѣ. По крайней мѣрѣ государство не должно покровительствовать ему, чтобы не погрѣшить противъ начала терпимости.

Но какъ теперь должно представлять практически осуществившимся отношеніе безконфессіональнаго государства и равноправныхъ религіозныхъ обществъ или свободнаго государства и свободной церкви въ отношеніи къ браку? Такъ, что церковью допускаетъ (дѣйствовать) государству и государство церкви, въ

той мѣрѣ какъ она не погрѣшаетъ (противъ него) въ своихъ законахъ; въ противномъ случаѣ она, какъ и каждое иное общество въ государствѣ, отвѣтственна предъ нимъ. Всѣ акты, требующіеся для установленія брачнаго союза, исходятъ единственно и только отъ государственной власти; весь институтъ брака находится въ его рукахъ. Оно обсуждаетъ личную способность брачующихся по вступленію въ бракъ; оно изслѣдуетъ разные встрѣчающіеся препятствія; оно производитъ оглашеніе, оно принимаетъ торжественное изъясненіе отъ жениха и невесты согласія на бракъ; оно ведетъ регистръ заключенныхъ браковъ, устанавливаетъ форму бракосочетанія и т. д. Точно также оно произноситъ расторженіе брака или разлученіе супруговъ отъ стола и ложа какъ мѣру, предваряющую расторженіе брака. Если брачный союзъ предъ гражданскимъ учрежденіемъ законно заключенъ, то свободѣ супруговъ предоставляется просить для него и религіознаго освященія; само собою разумѣется, принужденія къ этому нѣтъ, и въ гражданскомъ отношеніи совсѣмъ безразлично, благословленъ ли бракъ церковію или нѣтъ. Католическая церковь сообщитъ этому союзу соотвѣтственно своимъ догматамъ освященіе таинства и запечатлѣтъ его свойствомъ церковной нерасторжимости; протестантская, напротивъ, ограничится только торжественнымъ напоминаніемъ брачующимся важности заключеннаго ими союза и испроситъ для нихъ благословеніе неба; короче, каждое религіозное общество выразитъ при этомъ свое участіе соотвѣтственно особеннымъ положеніямъ своего вѣрученія. Всѣ эти акты дѣйствительны однакожъ только въ церковной сферѣ; такъ что напр. если католики-супруги будутъ искать предъ гражданскимъ судомъ расторженія своего брака, то оное и можетъ быть имъ дано, если существуетъ на лицо законное основаніе къ расторженію, несмотря на то, что бракъ благословленъ по католическому обряду и чрезъ это запечатлѣнъ свойствомъ таинства и свойствомъ нерасторжимости. Точно также гражданское учрежденіе дозволитъ разлученнымъ супругамъ вступить и въ новый бракъ. Это заключается въ понятіи гражданского брака, въ понятіи безконфессіональнаго, свободнаго, эманципированнаго отъ догматовъ государства. Католическій священникъ, напротивъ;—если эти супруги опять обратятся къ нему за благословеніемъ ихъ втораго брака, долженъ будетъ

съ своей точки зрѣнія совершенно основательно отказать имъ, потому что въ глазахъ католической церкви еще продолжается сакраментальная сила прежняго ихъ брака. И никто за такой отказъ не можетъ возражать ему, потому что онъ дѣйствуетъ въ этомъ случаѣ только соответственно догматамъ и въ своемъ правѣ. Это заключается въ понятіи и существѣ свободной церкви. Но и этимъ отказомъ никто не можетъ очутиться въ затрудненіи. Ибо если получившіе отказъ — истинные католики, то они должны соответственно догматамъ католической церкви считать нерасторгнутымъ свой первый бракъ и по своимъ религіознымъ принципамъ совсѣмъ не могутъ домогаться втораго брака; если же однако они дѣлаютъ это, то должны понять, что ихъ религіозное общество имъ укажетъ на это ихъ прегрѣшеніе въ основныхъ началахъ своей вѣры и не освятитъ дѣйствія, которое погрѣшаетъ противъ его вѣры. Но если въ своей совѣсти они почитаютъ второй бракъ дозволеннымъ, то этимъ самымъ они уже перестали быть истинными католиками и ихъ долгъ — предъ вступленіемъ въ него выдти изъ общества католической церкви, ибо никто не долженъ принадлежать къ религіозному обществу, принципамъ котораго онъ болѣе не раздѣляетъ. Имъ предстоитъ обратиться къ протестантству, которое не знаетъ догмата нерасторжимости брака и такимъ образомъ свое внѣшнее исповѣданіе провести въ согласіе съ исповѣданіемъ своего сердца.

Вообще въ государствахъ съ свободною церковью, съ равноправными религіозными обществами должно отрѣшиться отъ мнѣнія, будто принадлежность къ извѣстному вѣроисповѣданію на всѣ времена составляетъ долгъ совѣсти, даже дѣло чести человѣка. Въ такомъ воззрѣніи заключается достопримѣчательное забвеніе сущности религіи и оно есть плодъ государственной церковности, дитя религіозной нетерпимости, въ силу которой каждая религія почитаетъ только себя непогрѣшимою, единственно спасительною. Переимѣна вѣры тогда была равнозначуща съ отпаденіемъ отъ вѣры, съ ересью. Очищенное пониманіе религіознаго культа напротивъ говорить намъ, что человѣкъ въ каждый моментъ долженъ исповѣдывать только то, что живетъ въ его сердцѣ какъ святое убѣжденіе, потому что каждое иное исповѣданіе будетъ только исповѣданіемъ устами и ложью. Онъ

не долженъ отказываться отъ наилучшаго воззрѣнія въ дѣлахъ вѣры и переѣтна исповѣданія для него есть долгъ служенія житействъ. Можетъ даже случиться, что религіозныя воззрѣнія нѣкоторыхъ гражданъ государства не будутъ согласны ни съ какою изъ существующихъ вѣроисповѣданій, и что они ни къ одному изъ нихъ не могутъ быть съ полнымъ правомъ причислены какъ члены. Здѣсь возникаетъ новое требованіе государственной власти, что она и для такихъ безконфессіональных тварей должна эманципировать отъ церковно-догматическихъ вліяній столь важный институтъ брака, помня принципъ, что вѣроисповѣданіе не имѣетъ никакого дѣла съ бракомъ, что религія есть дѣло сердца, а не дѣло государства.

V.

Препятствія къ браку.

Мы должны заранѣе просить извиненія у читателей, если мы въ столь важной и трудной матеріи, какъ брачныя препятствія, выступимъ съ слишкомъ радикальными требованіями, если мы будемъ печаловаться объ отмѣненіи тѣхъ брачныхъ препятствій, которыя доселѣ въ кодексахъ законовъ пользовались величайшею любовью. Наша точка зрѣнія единственно въ этомъ виновата и она отвѣчаетъ за это. Въ своемъ пониманіи института брака мы не останавливались на верхушкахъ его, но глубоко исследовали его до самаго корня и нашли, что бракъ не есть ни созданіе государства, ни созданіе церкви, но законъ природы. Мы убѣдились, что со всѣми своими свойствами онъ заключается, какъ темное влеченіе, въ природѣ чувствующаго существа, мы встрѣчаемъ его даже въ его несовершеннѣйшей формѣ — какъ нерасторжимую моногамію — уже въ средѣ животныхъ. Такое воззрѣніе на бракъ, какъ на законъ природы, ведетъ само собою къ тому, что для насъ мало интереса въ томъ, чѣмъ онъ сдѣлался постепенно историческимъ путемъ своего образованія, подъ дѣйствіемъ частныхъ искусственно созданныхъ съ цѣлію улучшенія его отношеній, но что для насъ въ вопросѣ о томъ, какую форму онъ долженъ получить, не можетъ быть иного суда, кромѣ чистаго, неложнаго голоса природы. Къ этому кри-

терно мы должны приводить каждое жизненное обнаруженіе идолъ брака, всякія брачныя узы, и та форма его должна быть чистаема нами пригодѣйшею, которая отвѣчаетъ нравственному чувству человека.

Исходя отъ этой точки зрѣнія, мы не можемъ имѣть сомнѣнія въ томъ, что мы не должны знать никакихъ брачныхъ препятствій, какія опираются только на догматическія воззрѣнія, слѣдовательно ни брачныхъ препятствій ради вышшаго посвященія, ни препятствій ради торжественно даннаго обѣта безбрачія. Ибо бракъ есть для насъ социальное установленіе, которое съ вѣрою и догматами не имѣетъ никакого дѣла. Посему мы и освобождаемъ его отъ всякихъ догматическихъ вліяній и дѣлаемъ чистымъ гражданскимъ бракомъ. Вопросъ объ исповѣданіи вѣры брачующихся совѣмъ не имѣетъ для насъ интереса, точно также какъ и вопросъ о томъ, принадлежитъ ли кто-либо изъ нихъ въ своемъ религіозномъ обществѣ къ высшему рангу, или есть простой членъ его, священникъ онъ или монахъ. Если бы мы обращали вниманіе на эти вещи, то мы оказались бы невѣрными самимъ себѣ, и бракъ, который одною рукою дѣлаемъ безконфессіональнымъ, другою дѣлали бы опять церковно-догматическимъ. Посему католическаго священника или монахиню, давшихъ обѣтъ безбрачія, мы безъ всякаго сомнѣнія вѣнчаемъ по гражданскому закону брака. Естественно, что католическая церковь откажетъ въ таинственномъ освященіи этому противодогматически заключенному браку; напротивъ — протестантская безъ всякаго сомнѣнія сообщитъ ему и священническое благословеніе, потому что, по ея положеніямъ, нѣтъ никакихъ монашескихъ обѣтовъ и посвященіе во священника не влечетъ за собою обязанности безбрачія.

Соотвѣтственно нашему воззрѣнію отпадаютъ прочь дагѣе и всѣ тѣ брачныя препятствія родства и свойства, которыя существованіемъ своимъ обязаны не строго требованіямъ нравственности, но нравственно и народно-полицейскимъ предупредительнымъ мѣрамъ, слѣдовательно препятствія родства между двоюродными братьями — сестрами, между дядей, теткой, племянникомъ и племянницею другаго супруга и т. д. Можетъ повтому двоюродный братъ напр. жениться на своей кузинѣ, дядя на своей племянницѣ, мужъ на теткѣ своей жены. При установленіи этихъ

препятствій боковаго родства и свойства законодателя ишли въ виду не нравственный голосъ природы, голосъ протвпящейся (браму) крови, но преслѣдовали при этомъ полицейскія цѣли; въ одномъ случаѣ они хотѣли предотвратить неприличныя отношенія, въ которыя могла перейти близость и дружеское расположеніе лицъ, стоящихъ въ семейномъ кругу, когда установивъ брачное препятствіе они отняли у нихъ возможность свое любовное отношеніе узаконить бракомъ; въ другомъ—они радѣли о физической крѣпости и здоровьѣ народа, когда запрещали браки въ близкиихъ степеняхъ родства, отъ которыхъ нерѣдко происходитъ слабое, физически уродливое потомство. Но устанавливать брачныя препятствія для устранения такихъ поположеній не значить ли бить по воробью хлопнушкою! Противъ безнравственнаго поведенія существуетъ одно только средство—глубоко нравственное воспитаніе. А съ другой стороны, въ этомъ запрещеніи брака, пронстекающемъ изъ интересовъ народнаго здравія, не заключается ли самаго несправедливаго ограниченія личной свободы? Нѣтъ, мы не любимъ такихъ полицейскихъ мѣропріятій. А что законодательство установило брачныя препятствія въ боковомъ родствѣ и свойствѣ не по мотивамъ нравственности, ясное доказательство этого находится въ предоставленіи начальству дѣлать исключенія изъ правилъ, на сей счетъ установленныхъ, давать разрѣшеніе родственныхъ браковъ. Посему мы должны поставить слѣдующую альтернативу: бракъ между кузеномъ и кузиною, между дядею и племянницею или безнравствененъ или безнравствененъ. Если онъ безнравствененъ, то безнравствененъ для всѣхъ, и это препятствіе не должно быть ни для кого разрѣшаемо: ибо отъ нравственныхъ предписаній не можетъ быть дано разрѣшенія; если же не безнравствененъ, то къ чему тутъ запрещенія? Мы имѣемъ дѣло съ равноправностью и не желаемъ никакихъ исключеній; а что допускаетъ исключенія, то для насъ уже—не право. Какъ много вредить чести католической церкви въ глазахъ всѣхъ истинно религіозныхъ людей, что отъ брачныхъ препятствій, обоснованныхъ догматически, можно получить разрѣшеніе за деньги! Впрочемъ нравственность есть совершенно особенная вещь. Понятіе ея измѣняется вмѣстѣ со степенью образованія чловѣческаго рода и ея выраженіе соотвѣтственно данной ступени

культуры народа. Въ отношеніи къ браку между боковыми родственниками и свойственниками наше нравственное чувство находится впрочемъ въ полномъ соответствіи съ духомъ современнаго законодательства; различіе въ томъ только, что оно допускаетъ какъ исключеніе то, что мы почитаемъ правиломъ.

Мы можемъ дагѣе и прелюбодѣяніе между двумя лицами не почитать препятствіемъ къ ихъ браку. При установленіи этого брачнаго препятствія имѣлось въ виду то нравственно-полицейское соображеніе, о которомъ мы уже ранѣе упоминали. Законодательство хотѣло установить препятствіе прелюбодѣянью и отвратить отъ него страхомъ, когда оно сдѣлало для прелюбодѣевъ невозможнымъ вступленіе въ бракъ. Но не говоря уже о томъ, что это средство устрашенія въ дѣйствительности оказываетъ мало дѣйствія, потому что крайне отдаленная надежда на бракъ въ высшей степени рѣдко имѣется въ виду двумя, схваченными бурною страстью лицами, для того чтобы она могла удержать ихъ отъ исполненія желанія минуты,—въ прелюбодѣянніи выступаетъ на видъ особенное, имѣющее здѣсь очень важныя послѣдствія обстоятельство, именно то, что оно можетъ быть изслѣдуемо и подвергнуто наказанію только по требованію оскорбленной стороны. Зависитъ повтому всегда отъ произвола оскорбленнаго супруга возникнуть брачному препятствію, именно если онъ желаетъ преслѣдовать прелюбодѣевъ судебнымъ порядкомъ. Если же онъ не желаетъ этого,—не возникаетъ и брачнаго препятствія. Слѣд. это есть дѣйствіе, которое для одного изъ прелюбодѣевъ влечетъ за собою тяжелое послѣдствіе брачнаго препятствія, а для другаго остается безъ послѣдствій. Какая справедливость! Произволу частнаго лица нужно предоставить—назначать-ли такое соціальное наказаніе, или изрекать помилованіе? Но и это наказаніе постигаетъ какъ это часто бываетъ въ жизни—менѣе тяжкаго грѣшника, между тѣмъ какъ болѣе тяжкій ускользаетъ невредимымъ. Кто при своемъ прелюбодѣйномъ начинаніи руководится только грубою неизменною чувственностью, для кого все дѣло объ удовольствіи минуты, кто никогда не помышлялъ о томъ, чтобы съ лицомъ, которое ему отдается, вступить въ болѣе важное отношеніе, тѣмъ менѣе въ бракъ, слѣдов., чисто матеріальный, низкій человекъ, опаснѣйшій развратникъ и обольститель, остается без-

казаннымъ. Ибо какъ можетъ озабочивать его то, что дѣяніе служитъ основаніемъ брачнаго препятствія, если онъ никогда и не помышлялъ о бракѣ, а только о моментальномъ удовольствіи? Установленіе брачнаго препятствія слѣдовательно теряетъ и для него то значеніе утраченія, которое имѣлъ въ виду законъ. Напротивъ лучший, благородный человѣкъ, который увлеченъ былъ къ запрещенному отношенію съ состоящимъ въ бракѣ лицомъ не моментальною вспышкой чувственности, а глубокою, основанною на преимуществахъ ума и сердца склонностью, который серьезно занявъ этимъ отношеніемъ и рассчитываетъ на продолжительный союзъ съ предметомъ своей любви, на бракъ, слѣдов. солидный реальный характеръ, такой—подпадаетъ всей строгости закона; онъ единственно страдаетъ отъ брачнаго препятствія прелюбодѣнія и только на немъ можетъ отразиться устрашающее его значеніе, потому что онъ имѣетъ въ виду не только настоящее, но и будущее. Но справедливъ ли законъ, который пригвѣнимъ только къ людямъ солиднымъ, а не къ легкомысленнымъ, который караетъ только не важныхъ грѣшниковъ, а тягчайшихъ не трогаетъ? Если отношеніе разъ зашло уже такъ далеко, что человѣкъ рѣшился навсегда связать свою судьбу съ судьбою другаго, если онъ непреодолимою склонностью, можетъ быть особеннымъ сдѣленіемъ обстоятельствъ доведенъ до тѣснѣйшаго внутренняго союза, если для разрушеннаго брачнаго отношенія не видится никакой возможности на продолженіе, а для вновь наступившаго никакой надежды на прекращеніе, то законодательство должно въ такомъ случаѣ дѣйствовать не остриемъ меча, а взвѣсивъ факты, дать помощь вновь образовавшейся связи ея узаконеніемъ, безъ чего она всю жизнь будетъ незаконно существовать. Не злоупотребляйте нашими словами. Мы не желаемъ выравнивать пути прелюбодѣнію, или какъ-нибудь косвенно поощрять къ нему, когда ему за разрушеніе существующаго брака указываемъ, какъ награду, въ перспективѣ заключеніе будущаго брака; но мы также не желаемъ, чтобы съ нимъ соединялось послѣдствіе, которое несправедливо и обманываетъ правосознаніе, наказывая только менѣ виновныхъ.

Таковъ взглядъ нашъ на тѣ препятствія къ браку, которыя мы желали бы удалить изъ гражданскаго кодекса законовъ о

бракъ; намъ остается теперь намѣтить тѣ, которыя по нашему мнѣнію должны въ немъ остаться. Какъ мы разъяснили уже на предыдущихъ листахъ, и чистый неискаженный голосъ природы, не омраченной грубою чувственною похотью, и голосъ разума направляютъ человѣка къ моногаміи: посему существующій бракъ и составляетъ прежде всего препятствіе къ заключенію новаго брака. Что бракъ съ родителями, дѣдами, братьями—сестрами не долженъ быть заключаемъ—это говоритъ каждому истинно нравственному человѣку уже голосъ крови. Но достопримѣчательно, что даже и здѣсь понятіе нравственности по временамъ испытывало разныя перемѣны, ибо въ древности представленіе о продолженіи человѣческаго рода, какъ религіозномъ актѣ, допускало бракъ даже между братьями и сестрами. Равнымъ образомъ нашему нравственному чувству противорѣчить бракъ одного изъ супруговъ съ родителями, дѣдами, братьями, сестрами другаго супруга, ибо чрезъ тѣсное половое отношеніе между мужемъ и женою хотя и не возникаетъ весьма близкаго и собственно кровнаго союза между свойственниками, однакоже возникаетъ подобный ему.—Если невѣста при вступленіи въ бракъ сдѣлалась уже матерью отъ другаго мужа, то эта беременность составляетъ препятствіе къ браку, и мужъ, ее открывшій, имѣетъ право требовать признанія недействительности своего брака: ибо утаеніе отъ него столь важнаго обстоятельства со стороны невѣсты и ея лукавое стремленіе приписать супругу своему чужое ему дитя какъ его собственное, показываетъ такой большой недостатокъ искренности и откровенности, что отъ такого союза нельзя ожидать счастливой брачной жизни. Точно также неспособность одного изъ супруговъ къ брачной любви мы почитаемъ препятствіемъ къ браку. Но при этомъ мы не желаемъ удерживать различія въ гражданскомъ кодексѣ—существовала ли эта неспособность уже при вступленіи въ бракъ, или наступила послѣ, и объявляемъ и наступившую послѣ основаніемъ къ расторженію брака. Ибо хотя въ цѣломъ пониманіи существа брака мы и поставляемъ духовный моментъ его выше чувственнаго, духовную любовь выше половой любви, однакоже мы не можемъ признать бракомъ отношенія между мужемъ и женою, которому недостаетъ

половаго союза, и это естественно требуется самымъ понятіемъ брака. Не должно забывать, что и половая любовь въ человѣкѣ есть влеченіе, внушаемое природою, даже самое сильное, самое страшное изъ всѣхъ влеченій, въ присутствіи котораго человѣкъ не виновенъ и насильственное подавленіе котораго можетъ вести къ болѣзненности, даже къ смерти и безумію. Принуждать каждаго оставаться въ бракѣ, въ которомъ онъ не можетъ удовлетворить этому требованію природы, значитъ поэтому прямо принуждать его къ безнравственности, къ брачной невѣрности, къ прелюбодѣянію. Возможная вещь, что духовная любовь въ невинномъ супругѣ столь сильна, что заглушить это чувственное желаніе, но возможно, что и голосъ влеченія заговоритъ такъ громко, что останется непослушнымъ. Во всякомъ случаѣ за терпящимъ это лишеніе супругомъ мы оставляемъ полное право требовать расторгенія такого брака. Правда, мы при этомъ мыслимъ болѣе эгоистично, чѣмъ общее государству гражданское законодательство, но за то соответственнѣе понятію и существу брака.—Что преступникъ, присужденный къ продолжительному тюремному заключенію, не можетъ вступать въ бракъ, пока продолжается его заключеніе,—это прямое послѣдствіе твердо устанавлиаемаго въ законодательствѣ принципа, что въ теченіи этого времени онъ вообще не можетъ входить ни въ какую сдѣлку, связывающую его обязательствомъ.—Точно также мы согласны, что между двумя лицами, согласившимися вступить въ бракъ съ злоумышленіемъ на жизнь препятствующаго ихъ цѣли супруга, не можетъ состояться брака. Природа этого случая существенно иная, чѣмъ природа прелюбодѣянія. Здѣсь идетъ дѣло не просто о нарушеніи частнаго права, права на супружескую вѣрность, но о личномъ правонарушеніи, о злоумышленіи на жизнь, преступномъ дѣяніи. Но совершенно преступленія должно по общественнымъ мотивамъ противодействовать всѣми возможными, даже предупредительными средствами, и преступникъ не долженъ получать возможности никогда получать выгоду отъ своего дѣянія. Допустить бракъ такимъ лицамъ значитъ только приготовить награду за ихъ преступленіе.

VI.

Основанія расторженія брака.

Уже ранѣе было высказано, что въ гражданскомъ законодательствѣ о бракѣ разлученіе отъ стола и ложа можетъ быть допущено только какъ провизорная мѣра, предваряющая расторженіе брака, но не пожизненное разлученіе какъ суррогатъ развода. Пожизненное разлученіе отъ стола и ложа есть обоюдность, которую изобрѣло догматическое брачное законодательство на тотъ случай, когда оно видѣло, что двумъ лицамъ при извѣстныхъ обстоятельствахъ бракъ продолжать невозможно, но не смотря на то нельзя разрѣшить и его расторженія, потому что религіозный догматъ объявляетъ узы брака нерасторжимыми. Но какое противорѣчіе! Брачный союзъ, который ничто не соединяетъ! Есть мужъ и нѣтъ жены! Есть жена и нѣтъ мужа! Есть бракъ — и никакого внутренняго жизненнаго общенія! Нѣтъ, на такую непослѣдовательность можетъ осудить себя только тотъ, кому по догматическимъ основаніямъ воспрещена логика. Мы напротивъ, которые не связаны никакимъ догматомъ, каждое понятіе обсуждаемъ по его содержанію и выводимъ изъ него только то, что въ немъ заключается; и послѣ того какъ сочли бракъ за союзъ мужа и жены, заключенный по любви для самого близкаго жизненнаго общенія, можемъ не почитать болѣе бракомъ отношеніе, въ которомъ нѣтъ болѣе любви и никакого близкаго жизненнаго общенія и должны законнымъ путемъ изречь его расторженіе, которое внутренне въ сердцахъ и душахъ уже совершилось.

Если отъ расторгаемаго брака не остается дѣтей, то дѣло не подлежитъ далѣе никакому сомнѣнію. Оба супруга свободны, и каждый изъ нихъ можетъ устроить будущую свою жизнь по собственному благоусмотрѣнію, даже можетъ быть попытаться счастья во второмъ бракѣ, счастья, котораго не нашелъ въ первомъ. Труднѣе является положеніе дѣла, если выступаютъ на видъ права третьихъ лицъ, права дѣтей на домашнее воспитаніе и семейную жизнь. Но и здѣсь трудность только кажущаяся, потому что во всѣхъ случаяхъ, въ которыхъ по гражданскому

закону о бракъ допускается расторженіе брака, по догматическимъ законамъ о бракъ можетъ быть произнесено разлученіе отъ стола и ложа, сгдѣов. здѣсь, какъ и тамъ разрывается, семейная жизнь и положеніе дѣтей одинаково несчастно. Кромѣ того не можетъ быть сомнѣнія, которое изъ золъ, какъ меньшее заслуживаетъ предпочтенія: потеря семейной жизни для дѣтей чрезъ расторженіе брака, или потеря нравственнаго достоинства и самоуваженія, можетъ быть даже жизни для супруга, или супруги чрезъ продолженіе несчастнаго, унижительнаго, ненавистнаго брачнаго союза. Во всякомъ случаѣ при расторженіи брака дѣти могутъ пріобрѣсти сравнительно болѣе благопріятное положеніе, чѣмъ при разлученіи отъ стола и ложа; ибо тогда для нихъ открывается надежда чрезъ возможное вторичное бракосочетаніе отца или матери на новую истинно семейную жизнь, между тѣмъ какъ здѣсь имъ предвидится институтское начальство, гувернантка, экономка, можетъ быть и любовница отца вмѣсто матери. Мы полагаемъ поэтому, что никто не прольетъ слезъ о томъ, если мы на мѣсто разлученія отъ стола и ложа допустимъ ввести дѣйствительное расторженіе брака.

При установленіи основаній развода въ общемъ цѣломъ мы слѣдуемъ принципамъ, которыми руководится гражданское законодательство при расторженіи брака христіанъ—не католиковъ. Само собою слѣдуетъ, что расторженіе должно быть произведено, если одинъ изъ супруговъ сдѣлался виновнымъ въ прелюбодѣяніи, если онъ злоумышляетъ противъ другаго, преслѣдуетъ его дѣйствіями, угрожающими жизни или его здоровью, снова соединившись съ нимъ продолжаетъ жестоко обходиться; ибо гдѣ же здѣсь прекрасные признаки брака: любовь, правда, вѣрность, привязанность, кѣжність, забота о благѣ и счастья супруга? Такое жестокое противорѣчіе этому колетъ намъ здѣсь глаза. Точно также понятно, что бракъ долженъ быть расторгнутъ, если одинъ изъ супруговъ сдѣлался виновныхъ въ тяжкомъ преступленіи, въ особенности изъ низкихъ, грязнымъ мотивовъ напр. изъ корыстолюбія, ибо какъ можетъ другой супругъ оказывать ему то высшее уваженіе и почетъ, то любящее удивленіе, безъ котораго невозможно счастливый, достойный чловѣкъ бракъ?—Самымъ ревностнымъ образомъ мы ратуемъ далѣе за расторженіе брака ради непреодолимаго отвращенія одного

супруга къ другому; ибо нѣтъ душевнаго состоянія, которое бы стояло въ болѣе рѣзкомъ противорѣчій съ существомъ брака, нѣтъ основанія, которое бы болѣе настоятельно требовало расторженія брака, чѣмъ это. Съ человѣкомъ, котораго не любишь, котораго видишь совершенно упавшимъ въ своемъ мнѣніи, по необходимости можно еще жить въ бракѣ; но какъ можно представить себѣ самое тѣсное жизненное общеніе съ тѣмъ, кто вмѣсто симпатіи, эстетическаго удовольствія, восхищенія умомъ воеляетъ отвращеніе, омерзеніе, безразличность?—съ тѣмъ, противъ котораго вомущается каждая фибра нашего существа, каждый ударъ сердца? Нѣтъ другаго болѣе гнуснаго требованія въ человѣческой природѣ какъ принадлежать такому человѣку! Но здѣсь мы идемъ далѣе гражданскаго законодательства, которое допускаетъ расторженіе брака ради непреодолимаго отвращенія супруговъ только въ томъ случаѣ, если таковое овладѣетъ обоими супругами. Мы желаемъ допустить его и тогда когда только одинъ изъ супруговъ почувствуетъ отвращеніе и его на семъ основаніи должно освободить отъ жесточайшаго рабства, какое только можетъ представить человѣкъ. Законодательство въ своей ревности всеми возможными мѣрами охранять союзъ брака—этому случаю положительно не удѣляетъ никакого вниманія, между тѣмъ онъ требуетъ его въ особенности. Да, если разъ дѣло дошло до того, что оба супруга почувствовали непреодолимое отвращеніе другъ къ другу, тогда положеніе ихъ сравнительно еще менѣе опасно: тогда они могутъ жить даже подъ одною кровлею, почти не безпокоя одинъ другаго. Но какъ быть, если отвращеніе существуетъ только въ сердцѣ одного изъ нихъ, а другой требуетъ продолженія брачнаго общенія? Какъ быть, если такимъ образомъ женщина—положенія одинаковы—видитъ себя проданною произволу омерзѣвшаго мужа проданною съ живымъ чувствомъ чести, съ самою тонкою деликатностью настроеннымъ сердцемъ, въ самомъ живомъ сознаніи своего человѣческаго достоинства! Не страдаетъ ли она тогда несравненно болѣе, чѣмъ отверженная тварь, продающая себя за плату безъ всякаго нравственнаго терзанія, безъ смысла и безъ чувства! Но эта слѣдуетъ однакожъ своей собственной, хотя и уродливой, волѣ, а та совсѣмъ безъ воли, та—самая жалкая рабыня. Вы обвиняете насъ въ преувеличеніи, въ

сгущеніи мрачныхъ красокъ на нашей картинѣ? Нѣтъ, со воими не рѣдкость, что за кажущейся счастливой виѣшностью въ дѣйствительной жизни укрывается это злополучіе.—Простите, если мы здѣсь коснулись вещей, которыя могутъ оскорбить тонкое чувство. Но нимаго не приноситъ пользы, когда болыныя мѣста социальной жизни покрываются вуалью ложнаго стыда. Не болѣзненная утонченность нравовъ, ужасающаяся наждаго прямаго слова, приноситъ намъ пользу, а простая здорвая нравственность.

Мы должны ввести еще одно основаніе для расторгенія брака, которое можетъ быть нѣкоторыхъ изъ читателей на первый взглядъ заставить рассмѣяться, именно—взаимное согласіе супруговъ. Если мы не ошибаемся, то это основаніе еще въ концѣ прошлаго столѣтія во Франціи было занесено въ проектъ для Наполеонова кодекса и въ дѣйствительности есть только простое слѣдствіе сущности брачнаго союза. Понятіе брака подъ вліяніемъ религіозныхъ догматовъ удалено такъ далеко отъ его естественныхъ границъ, что стало весьма трудно возстановить его опять въ его истинной простотѣ. Въ чемъ состоитъ существо брака? Въ томъ, что два человѣка любятъ другъ друга, уважаютъ, восторгаются и желаютъ жить въ тѣснѣйшемъ общеніи. Съ этимъ намѣреніемъ они протягиваютъ другъ другу руки также и для виѣшняго уврѣщенія своего союза душъ и сердець. Нѣтъ болѣе важнаго договора, разсчитаннаго на самыя индивидуальныя свойства лицъ, чѣмъ въ какой вступаютъ они, и нигдѣ человѣкъ не стоитъ такъ близко къ опасности ошибаться, какъ здѣсь именно. И если теперь супруги видятъ, что они обманулись въ своихъ предположеніяхъ, что они не обладаютъ того вышешю любовью, безъ которой невозможно счастье въ бракѣ, что грубое противорѣчіе въ ихъ темпераментахъ и характерахъ никогда не приведетъ ихъ къ миру, къ спокойному наслажденію бытіемъ—что обнаруживается иногда только въ бракѣ,—должны ли они теперь оставаться на вѣки прикованными одинъ къ другому? Неужели нужно всегда напередъ совершиться нарушенію вѣрности, преступленію, грубому обращенію, чтобы чрезъ это можно было разлучить двухъ супруговъ? Каждому договору можно дать обратный ходъ, если онъ не выполняетъ болѣе своей цѣли; все, что связываетъ человѣка, можетъ

быть и разрѣшено имъ: только не узы брака? Не ужасайтесь мысли о столь легкой разрѣшимости ихъ, и о злоупотребленіяхъ, къ которымъ она можетъ повести. Обычай для человѣка есть тоже, что законъ тяготѣнія для мертвой матеріи. Не легко прекращаются отношенія, въ которыхъ жило много лѣтъ, хотя и не совсѣмъ удобно; душа связывается тысячью воспоминаній даже и съ темною, необычною комнатою: заключенный подъ конецъ заключенія даже начинаетъ любить свою тюрьму. Каждый, прежде чѣмъ совсѣмъ броситъ свой старый домъ, два три раза поправитъ его, и если наконецъ покидаетъ его, то послѣ того, какъ онъ сдѣлался тутъ и тамъ гниль и трухля. Посмотрите на іудеевъ. Они давно уже имѣютъ возможность пользоваться правомъ расторженія брака по взаимному согласію супруговъ и однакожь пользуются этой возможностью весьма рѣдко. Конечно злоупотребленія возможны. Но чѣмъ въ мірѣ нельзя злоупотреблять? Лучше пусть тутъ и тамъ брачныя пары раздѣляются хотя бы и безъ истинной внутренней необходимости—богѣ изъ самолюбивыхъ мотивовъ, чѣмъ живутъ въ вынужденномъ, холодномъ, недружественномъ бракѣ и пытаются вознаграждать себя за недостатокъ счастья въ домѣ—внѣ его, на сторонѣ. Впрочемъ даже и гражданское законодательство стоитъ на прямой дорогѣ къ установленію этого основанія расторженія брака, когда оно дозволяетъ супругамъ—католикамъ безъ объявленія какой-либо опредѣленной причины разлучаться отъ стола и ложа; по истинѣ—это либеральнѣйшій принципъ, какой только можетъ имѣть догматическій брачный законъ! Идти далѣе, касаться узъ самого брака ему естественно не дозволяетъ догматъ. Но гражданскій законъ о бракѣ чувствуетъ себя свободнымъ отъ всякихъ вѣронсповѣдныхъ оковъ. Но въ такомъ случаѣ не будетъ ли только примѣненіемъ этого либеральнаго принципа къ измѣнившимся отношеніямъ то, что право добровольнаго разлученія отъ стола и ложа превратится въ право добровольнаго расторженія брака?

Мы не имѣемъ нужды долѣе раскрывать тему о расторженіи брака; но должны прояснить только въ ней пунктъ—воспитаніе дѣтей? Въ этомъ отношеніи невозможно—правственное чувство воспрещаетъ это—согласиться съ тѣмъ принципомъ, который принять гражданскимъ законодательствомъ при разлученіи су-

пруговъ и расторженіи брака, именно, что если супруги не могут придти къ соглашенію на счетъ воспитанія дѣтей, то чтобы мальчики оставались на попеченіи матери только до пяти лѣтъ, а дѣвочки до семи, а какъ скоро они перейдутъ этотъ возрастъ—должны переходить въ руки отца. Какъ? Мать, образовательница дѣтей, которая вливаетъ такъ-сказать собственную свою кровь и жизнь въ нихъ, которая воспитала ихъ съ невыразимыми трудами и заботами, въ слезахъ и ночномъ бодрствованіи, и которая по мудрому установленію природы должна любить ихъ болѣе внутренно, самоотверженно, при расторженіи брака должна быть наказана такъ жестоко? Она должна совершить только первую тяжелую работу воспитанія, а когда нѣжныя растенія начнутъ развиваться и она захочетъ наслаждаться удовольствіемъ отъ плода трудовъ своихъ, тогда отнимаютъ у нея малютокъ и оставляютъ ее съ обливающимся кровью сердцемъ и растерзанными чувствами холодному, безутѣшному одиночеству; она не нужна болѣе; негръ можетъ удалиться послѣ того какъ онъ исполнилъ свою обязанность. И такое жестокое требованіе закона представляетъ какую-нибудь цѣлесообразность, требуется воспитаніемъ дѣтей? Дѣвочка семи лѣтъ уже вырастаетъ изъ материнскаго попеченія? Не требуется ли напротивъ до самаго наступленія юношескаго возраста, даже еще и потомъ постоянно направляющая рука матери и только очень рѣдко—совѣтъ отца? И какое воспитаніе можетъ онъ дать дѣвочкѣ, если дѣла его призванія, какъ купца, врача, чиновника, постоянно заставляютъ держаться вдали отъ дому? Не долженъ ли онъ всегдѣ вѣрить его чужому попеченію вмѣсто того, чтобы веда его мать, естественная попечительница и покровительница! Какая извращенность!

Но еще одно слово. Замѣтьте, какое страшное оружіе дается въ руки грубому низкому мужу противъ жены такимъ несправедливымъ раздѣленіемъ дѣтей! Возьмите несчастный бракъ; къ сожалѣнію мы должны постоянно указывать на темныя стороны брачной жизни, потому что счастливая не нуждается ни въ какихъ законахъ; возьмите мать, которая страдаетъ подъ жесточайшимъ, недостойнымъ обращеніемъ мужа и наконецъ рѣшается на то, чтобы положить конецъ невыносимому положенію и требуетъ своей свободы. Представьте, что дѣти ея уже въ такомъ

возрастъ, въ которомъ законъ при разлученіи супруговъ или расторженіи брака передаетъ ихъ на воспитаніе отцу. Не можетъ ли онъ въ такомъ случаѣ обезсилить ея справедливѣйшій протестъ, ея основательнѣйшія жалобы, ея рѣшительнѣйшее намѣреніе покончить съ несноснымъ отношеніемъ, простою угрозою, что въ такомъ случаѣ онъ воспользуется своимъ правомъ и возьметъ къ себѣ всѣхъ дѣтей? Можетъ ли она тогда думать о томъ, чтобы разстаться со своею темницею, если она дѣйствительно любить ихъ? Не охотнѣе ли пожертвуетъ она своими святѣйшими человѣческими правами и будетъ продолжать жить подъ страшнымъ ярмомъ, когда она не можетъ вынести мысли о лишеніи всѣхъ своихъ дѣтей? По нашему воззрѣнію здѣсь есть только одинъ справедливый принципъ: дѣвочки навсегда должны быть предоставлены матери, а мальчики, если они уже перешли первые года дѣтства и нуждаются въ отеческой рукѣ—должны быть предоставлены на воспитаніе отцу.

При разлученіи супруговъ этотъ принципъ еще важнѣе, чѣмъ при расторженіи брака, потому что въ первомъ случаѣ мать не имѣетъ еще возможности найти въ новомъ бракѣ даже и какой-нибудь части вознагражденія своихъ утратъ, и посему мы желаемъ, чтобы онъ въ особенности близко къ сердцу былъ принять тѣми, которые раздѣляютъ наше мнѣніе, что установленіе разлученія отъ стола и ложа должно быть оставлено и въ гражданскомъ законѣ о бракѣ.

Г Л А В А II.

Не прелюбы сотвори.

Прежде нежели приступимъ къ разсмотрѣнію изложенной теоріи по ея существу, сдѣлаемъ нѣсколько замѣчаній о тѣхъ особенныхъ внѣшнихъ обстоятельствахъ, подъ неотразимымъ вліяніемъ которыхъ стоитъ каждый мыслитель Западной Европы, разсуждая о гражданскомъ бракѣ, объ отношеніи церкви къ государству вообще и къ каждому церковному учрежденію въ частности, и вліяніе которыхъ въ особенности ясно отразилось на авторѣ подлежащихъ нашему вниманію писемъ о гражданскомъ бракѣ.

Таки отъ читателя—русскаго не можетъ укрыться какая-то особенная неприязнь, даже ненависть, питаемая авторомъ этихъ писемъ къ римско-католической церкви и въ особенности къ ея іерархіи. По мѣстамъ эта неприязнь доходитъ до патологическаго состоянія, неблагопріятно отзывающагося даже и на судительной, т.-е. чисто формальной мыслительной дѣятельности автора. Тономъ искренняго убѣжденія онъ говоритъ напр. о томъ, что церковь католическая извратила ученіе евангельское о расторжимости брака, превративъ его въ догматъ о нерасторжимости; что церковная іерархія питала и питаетъ стремленіе диктовать человѣчеству законы, по которымъ оно должно устраивать семьи и бракъ, что она держитъ человѣчество въ совершенномъ рабствѣ относительно разумнаго христіанскаго вѣрученія, налагая на умъ его догматическія свои оковы, и не внимая ужаснымъ страданіямъ несчастныхъ супруговъ и семей, сознательно держитъ ихъ въ цѣпяхъ брака во имя изобрѣтеннаго ею догмата нерасторжимости. Читателю русскому представляется именно страннымъ: какое разумное основаніе можетъ имѣть католическая церковь вступать въ такое сознательно враждебное отношеніе къ страждущему человѣчеству, въ такую ненависть, въ такое къ нему озлобленіе? Страннымъ представляется и дѣйствіе католической іерархіи, диктующей такіе суровые законы человѣчеству; вѣдь диктуя ихъ, она не дѣлаетъ исключенія изъ нихъ для себя самой, а подчиняется наравнѣ съ нимъ. Тутъ нѣтъ стало быть эгоистическаго, человѣконенавистнаго мотива, въ которомъ обвиняетъ іерархію авторъ писемъ. Но какой же иной мотивъ движетъ его?

Для религіознаго чувства русскаго читателя непонятно и то міросозерцаніе автора писемъ о гражданскомъ бракѣ, по которому должно различать между религіями: истинное христіанство, исповѣданіе католическое, исповѣданіе протестантское и т. п. и во имя религіозной истины и живаго религіознаго чувства перемѣнять одно изъ сихъ исповѣданій на другое, смотря потому, которое изъ нихъ представляется болѣе удобнымъ и соотвѣтственнымъ данному, напр. семейному положенію гражданина.

Чѣмъ же вызваны, какъ образовались такія странныя представленія, такое странное мышленіе въ умѣ западнаго европейца?

Отвѣтъ на это даетъ исторія христіанской религіи и исторія государственнаго развитія Западной Европы, ознаменованная явленіями, которыхъ не знаетъ православный Востокъ и православная Россія. Эти явленія—отраженія непрерывной внутренней борьбы между церковію и государствомъ, между іерархіею и народомъ, между церковнымъ вѣрученіемъ и дисциплиною съ одной стороны и наукою и гражданственностію съ другой. Черезъ всю исторію западнаго христіанства и западнаго государства проходитъ эта борьба, это постоянное внутреннее напряженное настроеніе духа, которое, какъ главная живая внутренняя сила, вызываетъ къ вѣншей жизни и организуетъ здѣсь явленія борьбы, столкновенія партій, отдѣльныя побѣды и пораженія то той, то другой воюющей стороны. Вся исторія цивилизаціи и духовнаго развитія Запада состоитъ изъ отдѣльныхъ явленій этой непрерывной борьбы всѣхъ противъ всѣхъ: враждебное взаимное отношеніе есть внутренняя сила, вызывающая къ жизни эти явленія; она же есть и красная, яркая нить, съ помощію которой историкъ удобно и безъ труда соединяетъ одно явленіе съ другимъ въ своей исторіи. Боролись и борются тамъ государство и церковь и никакъ не могли и не могутъ доселѣ разверстать ко взаимному удовлетворенію своихъ владѣній, провести между ними границы, которыя казались бы естественными и потому неудобонарушаемыми представителями того и другой. То государство вторгнется съ своею силою въ область вѣры и духа, то церковь проникнетъ въ чисто гражданскую и даже государственную сферу съ своимъ не желательнымъ здѣсь авторитетомъ. Конечно, сама по себѣ эта борьба не могла бы имѣть роковыхъ послѣдствій, особенно для церкви: въ теченіе первыхъ трехъ вѣковъ церковь вела непрерывную и повидимому непосильную борьбу съ государствомъ и побѣдила его, еслибы борющіяся стороны при этомъ дѣйствовали каждая лишь своимъ оружіемъ, церковь—духовнымъ, государство—политическою силою. Но въ томъ и дѣло, что противники нерѣдко мѣнялись оружіемъ. Стражъ и проповѣдникъ истины—церковная іерархія не гнушалась иногда, если не прибѣгать ко лжи и фальсификаціи, то по крайней мѣрѣ пользоваться готовою ложью и фальсификаціями для защиты своихъ интересовъ въ этой борьбѣ (припомнимъ хотя бы церковное значеніе жеисидоровыхъ декреталій); проповѣдникъ мира

и любви—эта іерархія весьма нѣрѣдко впутывалась въ мірекія, особенно въ политическія интриги, посягала на вражду и ненависть между соперниками-государями, между государями и подданными; проповѣдникъ отреченія отъ міра—эта іерархія нѣрѣдко завладала имуществами движимыми и недвижимыми, устанавливала церковныя лены и вассальныя отношенія, имѣла свои военныя силы и сама участвуя на полѣ битвы. И опять не бѣда, еслибы это были явленія случайныя, слѣдствія увлеченій, ошибокъ, страстей отдѣльныхъ лицъ іерархій: нѣтъ, все это возводилось въ религіозный принципъ, оправдывалось догматическими и каноническими основаніями.

Во времена среднихъ вѣковъ—золотой вѣкъ римско-католической церкви,—все это, какъ говорится, сходило съ рукъ. Но вотъ, съ эпохою возрожденія, съ постепенно возрастающимъ національнымъ и политическимъ сознаніемъ, съ пробужденіемъ и въ частныхъ лицахъ стремленія и интереса къ свѣтской наукѣ и образованію—къ классицизму и естествознанію, къ новому экономическому и промышленному развитію и гражданскимъ отношеніямъ, пылливый и критическій духъ вторгся и въ ту церковную среду, въ которой дотогѣ царствовали безусловный авторитетъ и почти слѣпая вѣра, и подъ влияніемъ критики одна за другой начали падать твердыни церковной абсолютной монархій. Предъ беспощадной критикой и яростной полемикой Лютера и первыхъ протестантовъ не укрылось ничего въ римской церкви покровомъ священнаго и святаго, доселѣ покрывавшимъ все это отъ пылливаго свѣтскаго критика. Эти чада католической церкви съ развязностію древняго Хама относились не къ наготѣ, а обнаженію своей матери—церкви: ничто для нихъ не могло укрываться этимъ покрываломъ святаго и священнаго: потому что въ ней они уже перестали находить что-либо святымъ и священнымъ. И опять не было бы еще въ этомъ роковой бѣды для римской церкви и самаго западнаго человѣчества, еслибы эти новые Хамы составляли изъ себя не многочисленную кучку сектантовъ, фанатиковъ-изувѣровъ: нѣтъ, это были представители новаго вѣянія, это были замѣчательные богословскіе умы, юристы и политическіе дѣятели. Это были не кучки сектантовъ, непріятныя для церкви и обременительныя, безпокойныя элементы для государства, а интеллигентные люди, весьма жела-

тельные друзья, радѣтели и помощники государей въ ихъ заботахъ объ общественномъ и частномъ благѣ и благоустройствѣ. Потрясеніе авторитета католической церкви въ самой основѣ его этими проповѣдниками чистой евангельской истины и разоблачителями злоупотребленій своей матери-церкви на первыхъ порахъ шло необычайно успѣшно. Разрушеніе стараго — работа вообще довольно легкая. Богѣ трудною оказалась другая половина работы — построеніе церкви, свободной и истинной, такой, какою, по сознанію этихъ дѣятелей, она была въ первые вѣка христіанства. За дѣло построенія новой церкви взялись либеральные богословы-мыслители и германскіе ландхерры. И худо же шла эта работа: ни кѣмъ не посланные благовѣствовать благовѣстники своимъ благовѣствованіемъ породили массы новыхъ такихъ же благовѣстниковъ; послѣдніе заспорили съ первыми. Пока еще не остылъ пламень ревности къ разрушенію стараго и ненависти къ церкви, возбужденной первыми противъ нея повстанцами — эти страсти служили еще нѣкоторымъ цементомъ, кое-какъ связывавшимъ этою общою ненавистью къ церкви удалившихся отъ нея въ разныя стороны чады ея, но когда эти страсти утихли, они очутились въ положеніи овецъ, поистинѣ оставшихся безъ пастыря и двора овчаго. Одно убѣжище осталось для нихъ: собираться то большими, то меньшими кучками подъ кровъ германскихъ князей, которыхъ было въ то время такъ много и которые тогда такъ горячо интересовались религіозными вопросами и церковными дѣлами. На первыхъ порахъ воспользоваться этимъ убѣжищемъ заставляла необходимость, а потомъ утѣшителемъ свободно мыслящихъ овецъ, по необходимости попавшихъ въ духовное рабство земнымъ царямъ и владыкамъ, явился и разумъ, объяснившій имъ совершенную рациональность такого положенія вещей. Этимъ новымъ христіанамъ онъ заявилъ новую неслыханную дѣйствительно дотогѣ въ христіанствѣ догму: „чья земля, того и вѣра“, *cujus regio, ejus religio*. Въ силу этой догмы выходило вполнѣ рациональнымъ, что епископство въ церкви Христовой принадлежитъ не тому, кто призывается къ нему голосомъ церкви, соборомъ, епископомъ и невидимо утверждается въ ономъ Самимъ Духомъ Святымъ, а мѣстному князю (*Landherr*), что опредѣленіе догматовъ вѣроученія, каноновъ дисциплины, судъ и управленіе дѣлами церкви

принадлежитъ въ ней не іерархіи ея, а этимъ ландхеррамъ. Въ дѣйствительности, на практикѣ это утѣшеніе являлось крайне плохимъ: религиозныя убѣжденія очутились всецѣло въ вѣдѣніи государственной полиціи; разумъ, обѣщавшій свободу отъ деспотизма іерархіи и папы, когда разрушалъ авторитетъ ихъ, теперь, сдѣлавъ свое дѣло, жестоко обманулъ довѣрившихся ему, ввергнувъ ихъ еще въ болѣе тяжкое рабство. Обманъ однакоже вышелъ непредвидѣнный: разумъ самъ обманулся въ своихъ ожиданіяхъ. Впрочемъ собственно для *религіозной свободы* эта ошибка не была столь существенною и роковою, чтобы придти въ отчаяніе отъ мысли о непреодолимости затрудненій, въ которыя она поставила тѣхъ, кому всего дороже была свобода. Дѣло оказалось легко поправимымъ. Новый тираннъ религиозной совѣсти возникъ такъ недавно и быстро, имѣлъ за себя такъ немного давности и въ себѣ самомъ такъ мало привлекательнаго по крайней мѣрѣ для тѣхъ, которые не имѣли возможности непосредственно пользоваться выгодами отъ своей тиранніи, что ниспровергнуть его было несравненно легче, чѣмъ ниспровергнуть деспотизмъ вѣками укрѣпившейся церковной іерархіи. Для свободомыслящаго духа, такъ побѣдоносно раздѣлавшагося съ своимъ вѣковымъ господиномъ, этотъ новый планъ послужилъ лишь кратковременнымъ отдыхомъ, временнымъ успокоеніемъ утомившагося героя, которому предстояло сдѣлать еще одно сраженіе, чтобы навсегда и всецѣло покончить со своимъ противникомъ. Если прекъ судомъ критики свободнаго разума оказался не основательнымъ, незаконнымъ авторитетъ церковной іерархіи, покончившейся цѣлые вѣка на *смерть* въ ея божественное происхождение, если оказалось возможнымъ существованіе христіанской религіи безъ церковной іерархіи: то какая же внутренняя необходимость для ея существованія въ авторитетъ государственной власти? Конечно — никакой. Все значеніе ея въ области религіи — внѣшнее: издавая общеобязательныя формулы вѣроученія для своихъ подданныхъ въ гражданскомъ, территоріальномъ отношеніи, устраивая и охраняя единообразіе въ ихъ богослуженіи и дисциplinѣ, она въ сущности сплочиваетъ ихъ только внѣшнимъ образомъ, внутренняго же сродства и общенія въ такомъ чисто духовномъ дѣлѣ, какъ религиозное сознаніе и религиозное чувство, такая внѣшняя униформа, исходящая отъ нея, создать не

можетъ. Религіозное сознаніе и религіозное чувство — индивидуальны, какъ индивидуаленъ и вообще духъ человѣка, и чѣмъ они живѣе ощущаются, тѣмъ сильнѣе пробуждается стремленіе и потребность человѣка въ индивидуальности, въ обособленности и во внѣшнихъ формахъ, во внѣшнемъ ихъ обнаруженіи. Развѣ субъективная вѣра можетъ быть тождественною у разныхъ лицъ? Развѣ можетъ одинъ человѣкъ внутренне вѣровать, — т.-е. имѣть религіозныя представленія, отдаваться имъ своимъ сердцемъ — совершенно тождественно съ каждымъ другимъ? Если же нѣтъ, то какимъ же образомъ можетъ быть пригодна для этого внутреннего качественно различнаго религіознаго сознанія и чувства единообразная внѣшняя форма ихъ выраженія? Каждый вѣруй, исповѣдуй и молись, какъ и гдѣ хочешь: никто не можетъ совнѣ наложить на тебя въ этомъ отношеніи никакихъ обязательствъ; вѣра въ авторитетъ церкви уже разрушена, а разумъ не мирится съ тѣми обязательствами и ограниченіями, какія исходятъ отъ этого авторитета; государственная власть, представляемая такими же грѣшными и ограниченными людьми, какъ и простые, обыкновенные подданные — христіане, и тѣмъ менѣе можетъ претендовать въ дѣлахъ вѣры на какой-либо особенный авторитетъ, на какую-либо привилегированную, исключительную компетенцію въ дѣлахъ сего рода.

До такого вывода дошелъ интеллигентный западный христіанинъ, въ которомъ все-таки еще не угасла совѣтъ искра вѣры во Христа. И онъ необходимо долженъ придти къ этому выводу, взвѣсивъ на настоящее положеніе западнаго христіанства, разбившагося на равноправныя вѣроисповѣданія: католическое, лютеранское, протестантское, реформатское съ многочисленными ихъ подвидами; все это — христіанскія вѣроисповѣданія, конфессіи; все это — равноправныя въ глазахъ общества и въ глазахъ правительства общества вѣрующіхъ во Иисуса Христа. Къ этому выводу онъ неизбѣжно долженъ придти, изучая прошлое этихъ конфессій, эту борьбу церкви съ государствомъ съ ея и его диссидентами, изучая свою политическую исторію, свою исторію просвѣщенія и культуры, свою церковную исторію, исторію нескончаемой и яростной полемики между всѣми этими конфессіями.

Но это все-таки еще вѣрующіе во Христа, вѣрующіе въ Божество Его, въ божественное происхожденіе Евангелія, въ бого-

откровенную религію. А сколько рядомъ съ ними существуетъ, живеть и дѣйствуетъ людей, которые уже совершенно отверглись вѣры въ Сына Божія, *возмниша скверну Кровь Застѣнную?* Отверглись доведенные до того этою продолжительною, вѣковою и ужасовъ исполненною исторіею междоусобныхъ конвессіональныхъ распрей и раздѣлений. И эти отвергнушіеся все въ богѣ и богѣ возрастающемъ числѣ не перестаютъ сокрушать тѣ остатки вѣры, которые еще живы въ сердцахъ и умахъ раздробившихся по безчисленнымъ конвессіямъ христіанъ. Эти современные противники Христа въ своей роли таковой общественной дѣятельности величаютъ себя культуръ-трегерами.

Вотъ до какого положенія дошла современная Западная Европа въ религіозномъ отношеніи! Мы, православные русскіе люди, — во всѣхъ другихъ отношеніяхъ стоящіе ниже Западной Европы, долженствующіе учиться у ней, подражать ей, — въ дѣлѣ религіи должны стоять какъ можно далѣе отъ нея; въ этомъ отношеніи Западная Европа дошла до такого кризиса, до такого болѣзненнаго состоянія, которое едва-ли не изображается во всей точности слѣдующими словами грознаго предостереженія Господа: *„тогда, аще кто речетъ вамъ: се здѣ Христосъ, или ондѣ: не имите вѣры. Встанутъ бо лжехристи и лжепророци и дадутъ знаменія велія и чудеса, якоже прельстити, аще возможно, и избранныя. Се прежде рѣхъ вамъ. Аще убо рекуть вамъ: се въ пустыни есть: не изыдите; се въ сокровищахъ: не имите вѣры“* (Мѣ. XXIV, 23—26). Не слышится ли темерь по всей Европѣ этотъ зазывающій голосъ разныхъ проагандистовъ безчисленныхъ конвессіональныхъ обществъ внѣ-церковныхъ христіанъ: *се здѣ Христосъ, се здѣ Христосъ!* И не должны ли чада православной церкви сколь возможно чаще, слыша эти зазыванія, воспоминать слова Христа: *не имите вѣры. Се прежде рѣхъ вамъ?*

Эти замѣчанія мы сочли нужнымъ сдѣлать въ объясненіе тѣхъ странныхъ возвращеній на существо церкви и ея отношеніе къ браку, какія высказаны авторомъ писемъ о гражданскомъ бракѣ, и въ оправданіе политики западно-европейскихъ государствъ, установившихъ дѣйствительно обязательный гражданскій бракъ. Гражданскій бракъ въ настоящее время дѣйствительно введенъ во всѣхъ государствахъ Европы: настоятельная необходимость

привела къ тому, и необходимость эта заключается единственно въ томъ обстоятельствѣ, что церковь тамъ совершенно утратила авторитетъ и вѣру къ себѣ, выдѣливъ изъ себя безчисленное множество сектантовъ и людей, отвергшихся всякой вѣры. Единственной уздой для сихъ лицъ, эманципировавшихъ себя отъ всякихъ религіозно-нравственныхъ стѣсненій, въ отношеніи къ браку и служить гражданскій законъ, иногда, какъ напр. въ Баваріи, обставляющій вступленіе въ бракъ условіями и ограниченіями болѣе тяжкими, чѣмъ какія предписываетъ церковный бракъ.

Перейдемъ теперь къ рассмотрѣнію теоріи гражданского брака, развитой въ подлежащихъ намъ писъмахъ по ея существу или по ея принципамъ.

Слабость ея обнаруживается прежде всего въ неопредѣленности и неустойчивости нравственного принципа, какъ основанія брака и создаваемыхъ имъ отношеній. Единственное основаніе брака и все содержаніе отношеній между супругами теорія полагаетъ въ половомъ влеченіи двухъ разнополюхъ индивидовъ, въ совершенно такомъ же влеченіи, какое соединяетъ самца и самку въ пару въ мірѣ животномъ. Это половое влеченіе сначала дѣйствуетъ какъ факторъ, сближающій двухъ дотогъ совершенно особнякомъ жившихъ другъ отъ друга лицъ силою взаимнаго эстетическаго впечатлѣнія, затѣмъ обновленнымъ родопроизводительнымъ совокупленіемъ и наконецъ общою привязанностію къ рожденнымъ ими дѣтямъ. Любовь не какъ общее симпатическое чувство, но исключительно половая любовь, какъ страсть, приводящая влюбленныхъ въ патологическое состояніе неразличія настоящаго и будущаго—вотъ единственный базисъ брака по рассматриваемой теоріи. И невольно припоминается при этомъ прямо противорѣчащее сему принципу и конечно несравненно разумнѣйшее его правило нашей Кормчей книги: „а бракъ не тѣмъ составляется еже спати мужеви съ женою, но брачнымъ совѣщаніемъ ихъ“¹⁾. Правда теорія различаетъ чело-вѣческую любовь отъ простаго животнаго полового побуда сочетаніемъ въ ней чувственнаго элемента съ духовнымъ,—она есть не только очарованіе прекраснымъ лицомъ и станомъ, но

¹⁾ Гл. 48, гр. 4, стр. 17.

и гармоніи душъ; но въ чемъ эта послѣдняя состоитъ, какъ она проявляетъ себя въ отношеніяхъ супруговъ—этого невидно совсѣмъ. Во всѣхъ моментахъ брачной жизни, изображаемыхъ разсматриваемыми письмами, какъ будто совсѣмъ невидно даже и упоминанія о прощеніи обиды, снисхожденіи, терпѣніи, пожертвованіи эгоистическими интересами для другаго, словомъ — свойствъ той истинно-нравственной любви, которую изображаетъ въ завѣстномъ мѣстѣ своего посланія апостолъ, и которая дѣйствительно и единственно служитъ надежнымъ основаніемъ всякаго между людьми общенія и тѣмъ болѣе брачнаго. Вся гармонія душъ по разсматриваемой теоріи зиждется на чувственномъ половомъ влеченіи, и разъ послѣднее достигло надлежащей степени напряженія, человѣкъ долженъ отдаться ему, какъ чистому голосу природы, и разъ оно исчезло во взаимныхъ отношеніяхъ супруговъ, они — вправдѣ нарушить всю дотолѣ существовавшую гармонію своихъ душъ и искать счастья въ новыхъ бракахъ. Не надежный же базисъ для брака, самимъ же авторомъ признаваемого все-таки *соціальнымъ учрежденіемъ*.

Настолько же устойчивымъ представляется и другой основной принципъ разсматриваемой теоріи: *въ отношеніи къ браку должно слѣдовать чистому голосу природы*. Что такое этотъ чистый голосъ природы, гдѣ искать его — въ раскрытіи этихъ вопросовъ авторъ обнаруживаетъ свою крайнюю наивность и странный противорѣчія.

Прежде всего авторъ обращается за отысканіемъ этого чистаго голоса природы къ человѣческой жизни и заявляетъ категорически, что голосъ природы ведетъ человѣка къ моногаміи. Но едва только обратился онъ къ наблюденію дѣйствительной жизни человѣческаго рода, какъ тотчасъ же нашелъ въ ней и совершенное противорѣчіе своему категорически высказанному положенію. Дѣйствительная жизнь представляетъ всюду господство явной и тайной полигаміи. Не только по берегамъ Краснаго и Чернаго морей — у арабовъ, персовъ и турокъ, — но и среди культурныхъ и христіанскихъ народовъ Европы полигамія процвѣтаетъ съ полною силою, едва ли не меньшею, чѣмъ моногамія. И въ чемъ собственно сила послѣдней — въ рѣшеніи этого вопроса авторъ обнаруживаетъ свою крайнюю непослѣдовательность. Онъ утверждаетъ, что полигамія явленіе ненормальное

въ человѣческомъ родѣ, что человѣкъ, допуская ее, неслышитъ чистаго голоса природы. Но странно—какимъ же образомъ чистый-то голосъ природы даетъ себя знать такъ слабо, что даже и въ европейцѣ, уже состоящемъ въ единомъ бракѣ, слѣдовательно слышащемъ чистый голосъ природы, послѣдній не въ силахъ преодолѣвать тяготѣнія къ полигаміи? Почему же эта послѣдняя такъ сильно влечетъ къ себѣ человѣка, если она явленіе противоестественное, ненормальное? Не наоборотъ ли? Не есть ли моногамія — явленіе искусственное, созданное человѣкомъ во имя требованій разума и нравственнаго чувства? Съ точки зрѣнія автора было бы послѣдовательнѣе разсуждать именно такъ. Чѣмъ убѣдить турка, араба, перса и множество другихъ людей южныхъ странъ, что ихъ образъ жизни противоестествененъ, что онъ не отвѣчаетъ требованіямъ ихъ природы, темпераменту, склонностямъ, перешедшимъ наслѣдственно путемъ цѣлаго ряда поколѣній, жившихъ точно такимъ образомъ? Авторъ рѣшительно обезоруживаетъ себя предъ этимъ вопросомъ, когда для полнѣйшаго изученія человѣческой природы, для яснѣйшаго пониманія истиннаго ея голоса рекомендуетъ своимъ читателямъ изучать человѣческую природу на природѣ животныхъ. По его воззрѣнію человѣкъ не имѣетъ въ себѣ качественно различныхъ даже психическихъ свойствъ отъ свойствъ животнаго: онъ различается отъ животныхъ только тѣмъ, что соединяетъ въ себѣ, какъ въ фокусѣ, тѣ психическія свойства, которыя въ животномъ мірѣ раздѣлены и распределены по отдѣльнымъ породамъ. Что же поучительнаго находитъ для себя человѣкъ касательно брана въ мірѣ животныхъ? Да то же самое, что и въ человѣческомъ родѣ. Какъ тутъ, такъ и тамъ есть строгая моногамія, есть полная энтузіазма юношеская любовь, есть супружеская вѣрность, есть самоотверженнѣйшая родительская любовь; но есть и вѣтренные кузнечики и мухи, есть полигамія, есть примѣрная подлость и т. д. и все сіе въ равной мѣрѣ обыкновенно и естественно, все сіе живетъ и движется по законамъ рода своего. Различіе между человѣкомъ и животнымъ въ томъ только, что послѣднее повинуетъ влеченіямъ своей природы слѣпо, инстинктивно, а человѣкъ — сознательно, критически и расчетливо. Но отсюда прямо слѣдуетъ, что и для каждаго человѣка вовсе необязательна моногамія; повинуюсь голосу при-

роды, одни могут держаться строгой и пожизненной моногамии, какъ и некоторые птицы породы; другіе—какъ мухи и кузнечики образовывать и разрушать свои брачныя связи хоть каждый день. Авторъ и самъ сознаетъ шаткость этого принципа, воиервыхъ, когда совѣтуетъ своимъ читателямъ слушаться не только чистаго голоса природы, но и *разума*; во вторыя, когда—разсуждая о препятствіяхъ къ браку—разрѣшаетъ ихъ отъ послушанія и голосу природы, и разума и позволяетъ безпрепятственно вступать въ бракъ двоюроднымъ братьямъ, сестрамъ, хотя голосъ природы ясно вопіетъ противъ такихъ браковъ, по сознанию самого автора награждая такихъ супруговъ болѣзненными, уродливыми дѣтьми.

Болѣе соответственнымъ съ достоинствомъ человѣческимъ представляется *принципъ самоуваженія* и нравственнаго благородства, выставляемый авторомъ разсматриваемой теоріи въ качествѣ основанія для сужденія о состоятельности или несостоятельности (слѣдовательно и расторгимости) даннаго брачнаго состоянія. „Самымъ благонадежнымъ пробнымъ намнемъ для дѣйствій человѣка—говоритъ онъ—служитъ самоуваженіе. Чего человѣкъ не можетъ дѣлать, не теряя самоуваженія, что противорѣчитъ его внутреннему чувству, того онъ и не долженъ дѣлать“. Этимъ началомъ человѣку воздается по крайней мѣрѣ честь сравнительно съ животными; онъ признается личностью, субъектомъ самоопредѣляющимся, хотя въ смыслѣ критерія и руководительнаго начала въ нравственной сферѣ этотъ принципъ эгоизма слишкомъ формаленъ и эластиченъ. Этимъ критеріемъ можетъ быть оправдано всякое явно несправедливое отношеніе своего я къ другому я: ибо единственнымъ, безапелляционнымъ судьей своихъ дѣйствій здѣсь ставится само же я. При этомъ само собою слѣдуетъ, что съ признаніемъ этого начала критеріемъ за продолженіе или расторженіе брачнаго союза, послѣдній терять всякій характеръ социальнаго учрежденія и исходить на степень частнаго отношенія, опредѣляющагося личнымъ произволомъ.

Въ связи съ этими положительными принципами, на которыхъ разсматриваемая теорія строитъ учрежденіе гражданского брака, выставляется ею съ замѣчательною послѣдовательностью и энергіею еще отрицательный принципъ—тотъ, что учрежденіе брака

не имѣть никакого особеннаго отношенія, никакой особенной связи съ религіею вообще и съ христіанскою въ частности. Законодательство о бракѣ должно быть установлено безъ всякаго вниманія къ требованіямъ религіи, должно совершенно отъ нихъ эманципироваться, какъ отъ вреднѣйшаго социальнаго заблужденія. Для обоснованія этого принципа авторъ позволяетъ себѣ вдаваться въ недѣльные толкованія Священнаго Писанія, съ богохульною дерзостью объявляя евангельскія заповѣди Господа о бракѣ случайными мифами Его, какъ реформатора социальнаго строя.

Таковы принципы долженствующіе по разсматриваемой теоріи быть положенными въ основаніе новаго законодательства о гражданскомъ бракѣ, какъ социальномъ учрежденіи, произрастающемъ изъ химически чистой почвы юридическаго государства. И на сихъ-то основахъ созданный бракъ долженъ быть признанъ учрежденіемъ несравненно совершеннѣйшимъ церковнаго брака, наиболѣе его соотвѣтственнымъ высокой степени культурнаго развитія современнаго человѣчества, ведущимъ родъ человѣчскій вообще и каждаго человѣка въ частности къ совершенному счастью и нравственному облагороженію! Установленіемъ такого брака не низводится ли напротивъ человѣчество въ важнѣйшемъ моментѣ своего бытія съ высшей степени нравственнаго достоинства, на которую оно возведено было продолжительнымъ господствомъ церковнаго брака, на низшую, отъ которой уже одинъ шагъ до дѣйствительнаго уподобленія человѣческаго брака браку четвероногихъ птицъ и гадовъ? Разсматривая съ церковной точки зрѣнія представленную выше теорію гражданского брака, мы думаемъ, что самою лучшею характеристикою ея служатъ именно слова Писанія, поставленныя нами въ началѣ писемъ въ качествѣ эпиграфа къ нимъ: *человѣкъ въ чести смѣи не разумѣтъ; приложися скотомъ несмысленнымъ и уподобися имъ*. Кто дастъ себѣ трудъ прослѣдить исторію постепеннаго утвержденія церковнаго брака на мѣсто господствовавшаго въ римской имперіи гражданского, или на мѣсто полудикихъ, крайне неустойчивыхъ формъ его у народовъ низшей культуры, среди которыхъ являлась церковь, тотъ легко увидитъ, что утверждая и поддерживая дисциплину брака, церковь стремилась съ возможною энергіею внушать своимъ членамъ глубокое различіе

между бракомъ, какъ исполненнымъ Божіа благословенія уста-
новленіемъ, и прелюбодѣніемъ, какъ тяжкимъ нарушеніемъ за-
повѣди Божіей, одной изъ тѣхъ 10-ти заповѣдей, которыя со-
ставляютъ всеобщіе неизмѣнные принципы нравственнаго по-
рядка, непризнаніе коихъ и тѣмъ болѣе противодѣйствіе коимъ
ведетъ за собою неизбѣжную гибель, полное разрушеніе соци-
альной человѣческой жизни, одичаніе, нравственную смерть—
скотоподобіе.

Разсматриваемая теорія гражданскаго брака отъ начала своего
до конца представляетъ или полное забвеніе заповѣди: *не прелюбы
сотвори*, или намѣренное ея игнорированіе, а прямымъ и не-
избѣжнымъ слѣдствіемъ сего является то, что она—намѣренно
или не намѣренно—уничтожаетъ различіе между бракомъ и лю-
бодѣніемъ и предъявляетъ новѣйшимъ государствамъ требова-
ніе взять послѣднее подъ свое покровительство, объявить его
законнымъ гражданскимъ отношеніемъ.

Нѣкоторое вниманіе къ раскрытію вышеозначенныхъ при-
нциповъ въ разсматриваемой теоріи представляетъ тому полнѣй-
шее доказательство.

Такъ уже въ концѣ перваго письма, изображающаго картину
счастливаго брака, по приторности своей напоминающую „мѣ-
щанское счастье“, высказавъ положеніе, что „пожизненность
брака есть идеалъ его“, авторъ совсѣмъ неожиданно произно-
ситъ слѣдующее заключеніе: „и такъ, не обращая вниманіе на
нравы, обычаи, церковныя догматы, мы должны почитать узы его
разрѣшенными, какъ скоро *природа и разумъ* требуютъ ихъ
разрѣшенія“. Не говоря уже объ этомъ странномъ противопо-
ложеніи природы и разума нравамъ, обычаямъ и церковнымъ
догматамъ, читатель становится въ рѣшительное недоумѣніе—
какъ согласить ему въ своей мысли начало и конецъ письма?
По началу бракъ есть социальное установленіе, а по концу—
дѣло совсѣмъ частныхъ лицъ, создающееся и разрушающееся
собственною ихъ инициативою, повинующеся единственно ихъ
природѣ и разуму, съ презрѣніемъ нравовъ, обычаевъ и цер-
ковныхъ догматовъ. Причемъ же тутъ характеръ социальнаго
установленія въ бракъ? Что такое самый бракъ? въ чемъ его
содержаніе, какаго его цѣль? Отвѣтъ одинъ—въ удовлетвореніи
половаго влеченія, охватившаго духъ молодыхъ людей; продлится

оно болѣе или менѣе долгое время, перейдетъ въ отношенія родительскія—хорошо; нѣтъ—любовь остынетъ, союзъ не принесетъ плода—мелодые люди расходятся въ разныя стороны для новыхъ попытокъ попробовать счастья въ созданіи болѣе удачныхъ комбинацій. А заповѣдь: „не прелюбы сотвори“? О ней повидимому, не знаетъ авторъ; не должны повидимому знать и всѣ мелодые люди, желающіе вступать въ бракъ. Но неужели эта заповѣдь не внушается природою и разумомъ? Неужели она противорѣчитъ имъ?

Второе письмо и родственное по содержанию съ нимъ шестое заслуживаютъ особеннаго вниманія по важности явленій супружеской жизни, въ ихъ разсматриваемыхъ и по важности вопросовъ которые здѣсь ставитъ и рѣшаетъ авторъ. Въ общахъ рѣчь идетъ о расторженіи брака, не приносящаго одному и даже обоимъ супругамъ ничего кромѣ страданія. Такой бракъ авторъ считаетъ аномаліей, противорѣчащей понятію о бракѣ, отношеніемъ, сопровождающимся крайне вредными нравственными послѣдствіями для самихъ супруговъ, для ихъ дѣтей, для общества, для всего человѣчества, и во имя этихъ причинъ требуетъ его расторженія, не взирая на церковное ученіе о нерасторжимости брака. „Бракъ долженъ основать высшее счастье супруговъ: но какъ это возможно, если одинъ изъ нихъ становится моральнымъ уродомъ, такъ что его безнравственная жизнь становится источникомъ величайшаго несчастія для другаго? Бракъ долженъ облагородить супруговъ умственно и нравственно: но какъ же теперь быть, если жена съ грубымъ пошлымъ мужемъ, или мужъ съ развратною женою не могутъ болѣе оставаться во внутреннемъ жизненномъ общеніи, въ общеніи души и тѣла, безъ униженія себя въ собственныхъ глазахъ, не краснѣя предъ самими собою? Бракъ есть отдача цѣлой личности другому существу; это есть отношеніе величайшей зависимости, въ какую только можетъ вступить человѣкъ... Но какимъ образомъ это возможно когда утрачены и любовь и уваженіе, когда онѣ превратились въ злобу и презрѣніе? Тогда остается только голое, ужаснѣйшее рабство, трусливое какъ рабство негра, который однакоже служитъ владѣльцу плантаціи только своими руками, своими ногами и мускулами; между тѣмъ супругъ видитъ себя проданнымъ грубому произволу другаго со всею своею духовною жизнію,

со своими святѣйшими чувствами, со своими самыми нѣжными ощущеніями... Размыслите, какъ убиваетъ это принудительное отношеніе, гнуснѣйшее изъ всѣхъ, какія только можетъ нарисовать человѣческое воображеніе, въ бѣдной жертвѣ нравственное чувство, какъ натуры слабохарактерныя оно ведетъ къ разврату и легкомыслію изъ стыда за самихъ себя и изъ чувства мести къ своему притѣснителю, а натуры благородныя съ возвышеннымъ сердцемъ—къ безумію“! (см. выше письмо II).

Автора не удовлетворяетъ примѣняемая для облегченія участи несчастныхъ супруговъ такого рода католическою церковію т. н. *separatio quoad thorum et mensam*; онъ требуетъ для нихъ полного расторгенія ихъ супружества и свободы вступленія въ новый бракъ.

Нельзя конечно не признать, что для человѣка, полного жизни и надеждъ трудно придумать, несчастье большее несчастливаго брака, нельзя не согласиться и съ справедливостью изображенія имъ тѣхъ ужасныхъ послѣдствій, къ каковымъ можетъ повести и въ дѣйствительности нерѣдко ведетъ несчастныхъ супруговъ принудительное продолженіе ихъ брачныхъ узъ. Но касательно цѣлесообразности требуемыхъ имъ мѣръ для преранія этого ужаснаго состоянія и не менѣе его ужасныхъ послѣдствій можно сильно сомнѣваться. Разъ тотъ и другой изъ сихъ супруговъ, или даже одинъ изъ нихъ убѣждены въ святости и нерасторжимости брачнаго союза, добровольно и сознательно ими заключеннаго, невозможно представить, чтобы для нравственнаго ихъ сознанія и чувства было легко отказаться отъ однажды данныхъ добровольно обязательствъ, легко было заключить новыя такія же обязательства съ новыми лицами и въ новомъ счастливомъ бракѣ забыть прежнюю клятву, прежнее клятвопреступленіе, или—если угодно—отреченіе отъ даннаго честнаго слова. Тотъ, кто дорожитъ своимъ достоинствомъ, своимъ честнымъ словомъ, едва-ли способенъ забывать среди новаго мѣщанскаго-сладкаго счастья новаго брака разъ допущенную крупнѣйшую подлость, величайшее свое паденіе, полнѣйшее отреченіе отъ своего достоинства. „Бракъ есть взаимная отдача однимъ другому цѣлой личности своей; есть отношеніе величайшей взаимозависимости, на какую только способенъ человѣкъ?“ Прекрасно это сказано. Но если разъ эти два лица, добровольно

и взаимно обѣщавшія такую всецѣлую отдачу себя другъ другу, обѣщавшія даже не тайно, на единѣ, а торжественно предъ Богомъ и людьми, и самымъ дѣломъ, фактически уже оправдали ее, вступивъ между собою въ интимно-брачныя отношенія, есть ли для нихъ хотя какой-нибудь разумный резонъ, какое-нибудь нравственное основаніе, какое-нибудь поощреніе чувства прекратить, нарушить эту интимность, эту взаимную принадлежность и вступить въ новую интимность, въ новое такое же взаимоотношеніе съ другимъ? Неужели можно это сдѣлать съ сохраненіемъ истинной увѣренности въ разумности и нравственной правотѣ своей? Неужели можно это сдѣлать, сохраняя въ себѣ въ то же время чувство стыда и даже стыдливости? Нѣтъ, невозможно этого сдѣлать, оставаясь и разумнымъ, и нравственнымъ, и стыдливымъ: для этого нужно сознательно отступить и отъ требованій разума, и требованій совѣсти, и заглушить въ себѣ голосъ человѣческой чувственности — стыдливости. Прелюбодѣяніе неизвинительно никакимъ ни внѣшнимъ ни внутреннимъ поводомъ и обстоятельствомъ; оно есть всегда и непременно цѣлостное разрушеніе всей разумно-нравственно-чувственной личности, всего существа человѣческаго. Это есть въ самомъ точномъ смыслѣ *смертный* грѣхъ человѣка. Даже прелюбодѣяніе тайное, случайное иногда извиняется въ общественномъ сознаніи въ силу только двухъ основаній: въ силу молодости — неопытности нравственной, слѣдовательно въ силу отсутствія умственной зрѣлости, разумной крѣпости, и въ силу страсти, патологически возбужденнаго состоянія, опьяненія, отуманенія. слѣдовательно въ силу отсутствія яснаго нравственнаго сознанія и твердости воли; извиняется слѣдовательно настолько, насколько существуютъ ма лицо ясные признаки невмѣняемаго состоянія; но едва-ли найдется образованная умственно и нравственно общественная среда, которая бы признала даже втотъ *грѣхъ юности* — тайное прелюбодѣяніе — отношеніемъ разумнымъ и нравственнымъ. Тѣмъ менѣе извинительно прелюбодѣяніе явное и сознательное, разрывъ существовавшаго уже брака для образованія новаго брака; и такое-то отношеніе авторъ рекомендуетъ государству узаконить, возвести на степень общественнаго или социальнаго установленія, приносящаго счастье, облагораживающаго супруговъ и все человѣчество! Хорошо же будетъ общество человѣческое

съ такими установленіями! Супругъ, разрывающій всякую связь съ другимъ изъ злобы и ненависти къ нему, для того чтобы въ новой связи излить свою любовь и симпатіи на новаго избранника своего сердца, дѣлаетъ не то ли же самое, что убійца, лишаящій жизни богатаго, но ему ненавистнаго, для того чтобы раздѣлить его богатство съ любимымъ, даже съ любимыми имъ людьми, для того чтобы облагодѣтельствовать ихъ? Неужели это убійство одного и это облагодѣтельствованіе многихъ можно назвать добродѣлью, отношеніемъ нравственно облагораживающимъ преступника и имъ облагодѣтельствованныхъ на счетъ убитаго лица? Совершенно такую же нравственную цѣну имѣетъ и новый бракъ, основанный на разрушеніи прежняго.

Но что же дѣлать несчастнымъ супругамъ, брачное состояніе которыхъ проникнуто сплошь только злобою и презрѣніемъ одного къ другому?

Христіанская нравственность указываетъ въ подобныхъ случаяхъ два исхода: или искоренить изъ сердца своего злобу и ненависть и примириться супругамъ, или же, если таковая попытка не удастся, разлучиться, но отнюдь не вступать въ новый бракъ ²⁾.

Возможное ли дѣло искоренить злобу и ненависть, когда они уже совершенно опредѣлились, достигли до степени господствующаго духовнаго настроенія одного по отношенію къ другому, когда они имѣютъ за себя основаніе и въ умѣ и сердцѣ озлобленнаго? Не болѣе ли естественный исходъ — разлученіе?

Оъ точки зрѣнія автора писемъ о гражданскомъ бракѣ конечно такъ. Человѣкъ, руководящійся принципомъ эгоизма, всегда будетъ правъ въ своемъ озлобленіи противъ другаго, всегда будетъ считать это единственно нормальнымъ отношеніемъ, при которомъ сохраняется собственное достоинство: ибо съ этимъ принципомъ совсѣмъ неородны тѣ свойства истинной любви, какъ напр. то, что она „не завидитъ, не ищетъ своихъ си, вся терпитъ“, при наличномъ существованіи которыхъ только и возможно искорененіе злобы и примиреніе. Но

²⁾ «Оженвшимся завѣщаваю, не азъ, но Господь, женѣ отъ мужа не разлучаться; аще ли же и разлучится, да пребываетъ безбрачна, или да смирится съ мужемъ своимъ: и мужу жены не отпущати». 1 Кор. VII, 10, 11.

настолько ли разуменъ этотъ принципъ, настолько ли естественъ и сроденъ онъ человѣческому сердцу, чтобы во имя его лелѣять злобу и ненависть вмѣсто борьбы противъ нихъ — это конечно иной вопросъ. Напротивъ трудно отыскать, даже представить себѣ человѣка, сердце котораго было бы совсѣмъ чуждо потребности любви. Человѣкъ можетъ — по увѣренію самого автора разсматриваемой теоріи — полюбить мѣсто своего заключенія, въ началѣ едва-ли конечно внушавшее къ себѣ что-либо кромѣ отвращенія; человѣкъ можетъ обратить свою любовь на заброшенное, хилое, дрянное животное и подъ вліяніемъ любви ухаживать, холить его и привязаться къ нему самою искреннею, глубокою привязанностію, такъ что несчастье, постигшее это животное, тѣмъ болѣе совершенная утрата его въ состояніи приводить человѣка въ скорбь и уныніе: какъ же можно допустить, что супругъ (или супруга) послѣ болѣе или менѣе долгаго времени самаго близкаго общенія возчувствовавшій ненависть и злобу къ своей супругѣ (или супругу) не въ состояніи овладѣть собою настолько, чтобы на мѣсто злобы и отвращенія воспитать въ себѣ глубочайшую любовь и симпатію? „Какъ возможно счастье (супруговъ) если одинъ изъ нихъ становится моральнымъ уродомъ“... Очень важно знать, вождствіе чего становится онъ таковымъ, какъ скоро послѣ заключенія брака началась такая перемѣна и въ чемъ состоитъ это моральное уродство? Самымъ простымъ случаемъ такого рода служить обыкновенное мошенничество, обманъ со стороны одного изъ вступающихъ или вступившихъ въ бракъ. Возможно представить случай, когда женихъ или невѣста домогаются брака между собою не по искреннему влеченію одного къ другому, а вслѣдствіе того, что одинъ изъ нихъ имѣетъ въ виду заключеніемъ такого брака достиженіе какой-либо сторонней по отношенію къ браку цѣли, напр. обогащенія приданымъ, пріобрѣтенія имени, титула, блестящаго положенія въ свѣтѣ, карьеры и т. п., причемъ задавшійся такою цѣлію тщательно укрываетъ ее отъ жертвы своего обмана, принимая на себя личину искренней расположенности, любви. Какъ часто однакоже и подобные случаи разрѣшаются иногда послѣ непродолжительнаго періода разочарованій, недоумѣній, взаимнымъ счастливымъ супружествомъ! Сила брачнаго взаимообщенія, по глубокому и точному

обозначенію Слова Божія соединяющая супруговъ въ *плоть едину*, какъ часто превращаетъ притворную вначалѣ симпатію въ искреннее чувство въ одномъ и полное прощеніе обмана въ другомъ супруговъ? Но весьма вѣроятно и вполне естественно въ этомъ случаѣ и иное послѣдствіе такого брака: скоро обнаруженный обманъ жертвою его и также скоро обнаружившееся нерасположеніе къ супружескому общенію и въ самомъ обманщикѣ—что иное могутъ поселить, какъ не взаимное озлобленіе другъ къ другу въ такихъ супругахъ? Гдѣ же искать имъ исхода изъ такого положенія? Самымъ неразумнымъ, нелѣпымъ было бы конечно продолженіе такого супружества при постепенно усиливающимся и усиливаемомъ самими супругами взаимномъ ожесточеніи: торжественнымъ заключеніемъ брака оба супруга призываются и обязываются ко взаимной любви, но отнюдь не къ совмѣстной жизни въ постоянной враждѣ и злобѣ. Посему, если оба они такъ взаимно ожесточились, пусть лучше разойдутся, да не горшеѣ что будетъ; можетъ быть въ разобщеніи другъ отъ друга они почувствуютъ внутренній призывъ къ примиренію, къ соединенію, но разойдутся отнюдь не для того, чтобы искать счастья въ новыхъ бракахъ, какъ совѣтуетъ авторъ разсматриваемой теоріи гражданского брака: ибо таковыя браки для обоихъ будутъ прямымъ нарушеніемъ заповѣди: *не прелюбы сотвори*, а нарушеніе ея для нихъ неизвинительно никакими поводами. Но если одинъ изъ нихъ стремится къ миру, употребляетъ усилія, къ установленію добрыхъ отношеній; то ничто не можетъ извинять другаго въ его стремленіи къ отдаленію; онъ отнюдь не долженъ противиться доброму стремленію другаго. Но вѣдь при такихъ отношеніяхъ—возражать намъ—нѣтъ уже мѣста ни самоуваженію, ни самолюбію, ни сохраненію своего достоинства: одинъ постоянно долженъ чувствовать и сознавать, что его ласки противны, непріятны другому, что онъ постоянно унижаетъ себя и въ собственныхъ и въ его глазахъ; другой долженъ постоянно сознавать, что онъ притворяется, лжетъ, наружно выражая уступчивость, податливость, внутренне же чувствуя отвращеніе къ другому. Не находимъ этого возраженія неопровержимымъ. Объ униженіи собственного достоинства первымъ изъ сихъ супруговъ—сохранившимъ въ своемъ сердцѣ къ другому любовь и во имя этой любви

навязчиво относящимся къ нему, не можетъ быть рѣчи. Навязчивость такого рода унижательна въ вѣсупружескихъ отношеніяхъ, въ супружествѣ же она—и естественна и достойна глубокаго уваженія. Трудно предположить, чтобы искренняя любовь одного не оказала своего воздѣйствія и на другаго, если только въ немъ сохранился еще какой-либо остатокъ чувства; этотъ послѣдній поможетъ ему найти въ своей жертвѣ симпатичныя стороны, на которыхъ онъ и долженъ сосредоточить всѣ свои симпатіи и выйти такимъ путемъ изъ своего ложнаго положенія. Думается, что твердое рѣшеніе воли въ этомъ направленіи, желаніе искупить свою вину въ крайнемъ случаѣ должно возбудить въ немъ хотя чувство признательности, благодарности; а тамъ природа сдѣлаетъ свое дѣло, въ особенности если такой вначалѣ несчастливый бракъ будетъ осчастливленъ рожденіемъ дѣтей.

Но мы взяли исключительный случай, случай сознательнаго обмана, допущеннаго при заключеніи брака одною стороною. Болѣе обыкновенны случаи несчастныхъ браковъ, происходящіе вслѣдствіе ненамѣренныхъ ошибокъ, непредвидѣннаго несходства въ характерахъ, въ воспитаніи, въ привычкахъ, въ образѣ жнани, въ воззрѣніяхъ, или вслѣдствіе того, что одинъ изъ супруговъ силою неблагоприятныхъ обстоятельствъ, или слабостію воли отдается апатіи, впадаетъ въ пороки, словомъ нравственно падаетъ, тогда какъ другой сохраняетъ себя на прежней высотѣ въ этомъ отношеніи. Несчастье постигаетъ зѣкъ одного или обоихъ супруговъ безъ всякой вины съ ихъ стороны, а между тѣмъ нѣтъ ничего невѣроятнаго въ томъ, что при иныхъ бракахъ эти же самыя лица наслаждались бы полнымъ счастьемъ и были бы почтенными людьми и въ другихъ отношеніяхъ. Посему во имя личнаго счастья и общественнаго блага не слѣдуетъ ли почитать таковыя браки разрѣшаемыми, для того, чтобы дать возможность несчастнымъ найти счастье въ новыхъ бракахъ?

Что касается вопроса о томъ, въ какой мѣрѣ допущеніе свободной расторгимости брака и заключенія новаго можетъ содѣйствовать частнымъ лицамъ въ осуществленіи ихъ стремленій къ *личному счастью*, то дать категорическій отвѣтъ на него трудно; возможно дѣйствительно, что первый опытъ несчастнаго

супружества послужить добрымъ урокомъ къ болѣе осмотрительному вступленію въ новое, но съ другой стороны симъ ни мало не устраняется сила и другаго предположенія, именно того, что несчастный въ первомъ бракѣ супругъ можетъ сдѣлаться несчастнымъ и во второмъ; можетъ статься, что онъ сдѣлаетъ такую же ошибку и въ своемъ новомъ выборѣ. Какъ же быть въ этомъ случаѣ? Дозволить ему расторгнуть и это супружество, чтобы искать своего счастья въ третьемъ бракѣ и т. д.? Такимъ образомъ, если расторгимость брака и свобода въ заключеніи дальнѣйшихъ браковъ во имя доставленія чловѣку личнаго счастья далеко не всегда можетъ достигать этой цѣли: то что сказать объ интересахъ блага общественнаго, о нравственности общественной, для которой узы брака во всякомъ случаѣ весьма важны, священны! Не пойдутъ ли такіе искатели счастья соблазнительнаго примѣра и другимъ, съ терпѣніемъ несущимъ тягостя супружества? Не будутъ ли подтравливать они своимъ примѣромъ самыхъ элементарныхъ основъ нравственности, содѣйствовать ослабленію начала семейнаго, долга и обязанностей родства; не поведутъ ли учащенные примѣры такого легкаго расторженія супружескихъ узъ къ полной путаницѣ и нестроенію въ отношеніяхъ родства и свойства и не сведутъ ли, они въ концѣ концовъ бракъ со степени общественнаго установленія до степени свободнаго дѣйствія частнаго лица, не сдерживаемаго въ своихъ похотяхъ никакими нравственными обязательствами? Поистинѣ это такъ; поистинѣ это—путь, ведущій чловѣка къ одичанію, къ уподобленію скотамъ несмысленнымъ.

Не такими искателями и искательницами личнаго счастья держится строй общественный и поддерживаются добрые нравы; какъ ни велика была бы вся польза, какую они приносили бы обществу въ другихъ отношеніяхъ, она никогда не покроетъ того общественнаго вреда, какой наносятъ они нарушеніемъ божественной заповѣди: *не прелюбви сохотѣти*. Для общества нѣтъ достаточно рациональныхъ основаній благосклонно смотреть на тѣхъ изъ своихъ членовъ, которые по несходству въ характерѣ, въ воззрѣніяхъ и т. п. мотивамъ превращаютъ свое супружеское состояніе изъ союза любви, взаимопомощи, взаимной уступчивости въ состояніе взаимной вражды, въ борьбу двухъ себялюбивыхъ существъ, не желающихъ поступиться ни

единою частью своего нравственного существа, всесовершеннаго т.-е. въ другихъ не признающаго ничего выше себя, только съ собственной эгоистически субъективной точки зрѣнія, всесовершеннаго только въ своихъ собственныхъ глазахъ. Кому же симпатиченъ можетъ быть такой самодовольный эгоистъ? Для кого онъ можетъ быть дорогъ, кому онъ нуженъ? И если онъ страдаетъ, почитаетъ себя несчастнымъ оттого, что въ супругѣ своемъ, или супругѣ своей не встрѣчаетъ безусловнаго признанія своего мнимаго совершенства, а напротивъ встрѣчаетъ съ его или съ ея стороны постоянныя указанія на тотъ или другой недостатокъ, и если онъ постоянно сознаетъ, что видъ его дома иной мужчина, или женщина всецѣло преклонились бы предъ его или ея мнимыми совершенствами, были бы безавѣтными и безотвѣтными его рабами: то кто же виноватъ въ этомъ его или ея внутреннемъ несчастіи, въ этомъ внутреннемъ терзаніи о неудовлетворительности даннаго его положенія и о возможности счастливаго въ иной комбинаціи,—кто виноватъ въ этомъ какъ не самъ же онъ и прежде всего? Но ужъ во всякомъ случаѣ невиноваты въ этомъ другіе всѣ, которые не могли же знать и не могутъ знать, что этотъ ихъ знаемый эгоистъ настолько великъ въ собственномъ своемъ сознаніи, что онъ не въ состояніи поступиться своимъ величіемъ даже для удобоустройства себя своему супругу, что въ немъ (или въ ней) онъ (или она) не хочетъ видѣть *плоти, единой съ собою, кости отъ костей своихъ, плоти отъ плоти своей*, а хочетъ, можетъ видѣть въ немъ (или въ ней) нѣчто несравненно низшее себя, чуждое, инородное? И какое ручательство обществу даетъ такой эгоистъ въ томъ, что другая жертва удовлетворитъ его, что въ ней онъ найдетъ то признаніе своего совершенства, каковаго не нашелъ въ первой? Нѣтъ, обществу ненужны, не могутъ быть полезны, и не могутъ быть симпатичны (т.-е. не могутъ возбуждать участія, вниманія и состраданія къ себѣ) тѣ, которые приобрѣтаютъ себѣ счастье цѣною жертвъ подобныхъ себѣ. Такія лица не способны къ браку, ибо они извращаютъ цѣль брака: ихъ браки ведутъ за собою не умноженіе рода человеческого, а его уничтоженіе. Несчастный бракъ или безбрачіе — законный и праведный удѣлъ ихъ.

И такъ съ нравственной, христіанской точки зрѣнія въ несходствѣ характеровъ, взглядовъ, въ несчастіи супружескомъ нѣтъ достаточнаго повода къ расторженію брака и тѣмъ болѣе нѣтъ основанія къ разрѣшенію несчастнымъ въ этомъ родѣ супругамъ вступленія въ новые браки. Съ этой точки зрѣнія бракъ есть сплошь отношеніе совершенной любви супруговъ другъ къ другу. Каждая симпатія ихъ, обращенная въ сторону отъ супружества (къ иному супругу или иной супругѣ) есть прелюбодѣяніе, нарушеніе закона любви по слову Спасителя: *всякъ, уже воззрѣвъ на жену во еже возжелати ея, уже мѣждѣйствова съ нею въ сердцѣ своемъ*. Въ силу этого закона супруги, даже взаимно несчастливые, должны отгонять отъ себя даже самую мысль о возможности иныхъ комбинацій, о сравненіи своего супруга (или супруги) съ другимъ (или съ другой): для разрѣшенія ихъ союза нѣтъ обиды, оказанной однимъ другому, ради которой одинъ могъ бы оставить другаго. Св. Василій Великій въ своемъ 9-мъ правилѣ говоритъ, что жена, оставившая своего мужа и перешедшая къ иному, всегда виновна: „ибо еще потому (сдѣлала это), яко біема была и не стерпѣла ударовъ: то подобало наче претерпѣти, нежели разлучатися съ сожителемъ; еще потому, яко не стерпѣла утраты имѣнія: и сей предлогъ не достоинъ уваженія; еще же и потому, яко мужъ ея живетъ въ блудѣ, *наблюденія сею не имъетъ въ церковномъ обычаѣ*¹⁾; но и отъ невѣрнаго (т.-е. отъ ино-вѣрнаго) мужа не повелѣно разлучатися женѣ, а пребывать съ нимъ, по неизвѣстности, что послѣдуетъ: что бо вѣои, жена, еще мужа спасеши? *По сему жена, оставившая своего мужа, есть прелюбодѣйца, аще перашла къ другому мужу*“. Но и „мужъ, если, отступивъ отъ жены, пойметъ иную: то и самъ онъ есть прелюбодѣй, понеже творить ю прелюбодѣйствоваель, и живущая съ нимъ есть прелюбодѣйца: поелику отвлекла къ себѣ чужаго мужа“. Св. Тимофею, епископу александрійскому, былъ предложенъ слѣдующій вопросъ: „аще у кого жена одержима злымъ духомъ до того, яко и оковы носить, мужъ же ея глаголетъ, яко не можетъ воздержатися и хоцетъ пояти ину, долженъ ли таковой пояти иную, или нѣтъ“? И онъ далъ такой отвѣтъ: „въ

¹⁾ Т.-е. въ христіанскихъ нравахъ не заиѣтаемъ признанія и сего повода (достаточнымъ къ расторженію брака).

семь дѣтъ заключается прелюбодѣніе: и не имѣю, и не обрѣтаю, что на сіе отвѣцати“. Если посему несвободенъ отъ вины прелюбодѣнія таковой несчастный супругъ за свое исканіе счастья въ другомъ бракѣ: то что сказать объ иныхъ, несчастными почитающихъ себя изъ-за несходства въ характерахъ и т. п. обстоятельствахъ?

„Бракъ долженъ, читаемъ въ подлежащихъ намъ письмахъ — чрезъ разумное воспитаніе происходящихъ отъ него дѣтей вести къ облагороженію и совершенству человѣческой рядъ. Можетъ достигнуть этой цѣли несчастный бракъ? Конечно, нѣтъ. Воспитаніе дѣтей удается только въ тихой дружественной атмосферѣ счастливаго дома, благородной семейной жизни, подъ гармоническимъ взаимодействіемъ родителей. Но оно не можетъ идти уснѣшно среди бури, бушующей въ сердцахъ супруговъ“...

Расторженіе брака въ видахъ наиболѣе счастливаго воспитанія дѣтей на первый взглядъ можетъ показаться дѣйствіемъ весьма резоннымъ. Для дѣтей, ни въ чемъ не повинныхъ, а между тѣмъ призванныхъ въ дальнѣйшей жизни своей можетъ быть облагодѣтельствовать родъ человѣческой, повидимому не представляется никакихъ разумныхъ основаній охранять развращающую ихъ дѣтскія сердца домашнюю обстановку враждебно настроенныхъ другъ противъ друга супруговъ, ихъ родителей. Съ точки зрѣнія строгой педагогической „благородныхъ пансіоновъ“ можетъ быть дѣйствительно неприличная жизнь родителей такое великое зло для ихъ дѣтей, что для блага послѣднихъ необходимо навсегда разлучить ихъ однихъ отъ другихъ. Но точка зрѣнія самихъ дѣтей этихъ несчастныхъ супруговъ — иная и повидимому она болѣе естественна и здрава. Любовь и уваженіе къ своимъ родителямъ присущи всемъ дѣтямъ: отсутствіе этихъ свойствъ въ дѣтяхъ составляетъ весьма рѣдкое исключеніе. Взаимныя несогласія родителей, ихъ недостатки, даже пороки не въ состояніи истребить въ сердцахъ дѣтей этихъ чувствъ къ своимъ родителямъ, укореняющихся и воспитываемыхъ такъ-сказать самою природою. Посему въ интересахъ разумно-нравственнаго воспитанія можетъ быть допускаемо только временное разлученіе дѣтей отъ родителей, которое всегда должно быть вознаграждаемо затѣмъ желательными и для тѣхъ и для другихъ свиданіями и болѣе или менѣе продолжительнымъ совмѣстнымъ сожитіемъ. Но

откликъ у дѣтей родителей, каковое устанавливается расторженіемъ супружества и образованіемъ новаго, есть несчастіе для дѣтей, ничѣмъ вознагражимое. Конечно не можетъ быть спора относительно того, что бушующія въ сердцахъ родителей бури болѣзненно отзываются въ чуткой душѣ ихъ дитяти, разрушительно дѣйствуютъ на ея симпатіи и омрачаютъ радостное свѣтлое дѣтское міросозерпаніе и настроеніе; естественно, что дѣтство, проведенное среди такихъ бурь, можетъ-быть надолго, даже навсегда наложить грустно-темный фонъ на духовное настроеніе такого воспитанника; но едва-ли этотъ вредъ болѣе того, какой наносится полнымъ сиротствомъ, лишеніемъ дитяти тѣхъ лицъ, на которыя съ незапамятныхъ для него времятъ отдавались всѣ его симпатіи. Съ другой стороны, нельзя отрицать и благотворности обратнаго вліянія дѣтей на родителей. Какъ часто встрѣчается въ семейной жизни явленіе, что какъ разъ у дурно живущихъ между собою супруговъ рождаются и растутъ дѣти, отмѣченныя явственно всѣми дарами природы, возбуждающія удивленіе и зависть даже въ счастливыхъ супругахъ, не имѣющихъ нерѣдко вовсе дѣтей, или всю свою жизнь терзаемыхъ заботами о своихъ дурныхъ дѣтяхъ! Какъ нерѣдко явленіе, что бушевавшія въ сердцахъ супруговъ бури постепенно утихаютъ по мѣрѣ возрастанія дѣтей ихъ, утихаютъ именно подъ благотворнымъ вліяніемъ иѣжныхъ иѣтвовъ чувства и ума, раскрывающихся на глазахъ родителей въ ихъ подрастающихъ дѣтяхъ, раскрывающихся повидимому безъ всякаго со стороны ихъ воедѣйствія. Кто и какое право имѣетъ оттергать такихъ дѣтей отъ недостойныхъ ихъ родителей, но съ точки зрѣнія дѣтей достойныхъ любви и уваженія, каковыми они дѣйствительно и дарятъ ихъ? Вообще какъ рожденіе, такъ и воспитаніе дѣтей представляетъ въ себѣ такъ много таинственнаго, неразгаданнаго, что теоретичъ-педагогъ долженъ, какъ можно скрепнѣе относиться въ стремленіяхъ къ перевоспитанію человечества по искусственно изобрѣтеннымъ еермамъ къ тѣмъ стремленіямъ и наклонностямъ дитяти, къ тѣмъ особеннымъ условіямъ его обстановки, при которыхъ только сама природа съ ея неподражаемымъ пластическимъ искусствомъ въ состояніи воспитать неподдающуюся шаблону индивидуальность.

Итакъ выставлемый защитникомъ расторгимости брака аргументъ—успѣшность воспитанія дѣтей—оказывается или совершенно неосновательнымъ, или по крайней мѣрѣ обоюдоострымъ.

Вообще съ нравственной и естественной точки зрѣнія трудно указать на какое-либо обстоятельство въ жизни супруговъ, которое бы служило достаточнымъ основаніемъ для расторженія ихъ супружества и для разрѣшенія имъ вступленія въ новый супружества. Какъ ни тягостны почасъ бываютъ узы брака, тѣмъ не менѣе онъ и даритъ супруговъ тайны наслажденіями, выше и полнѣе которыхъ не знаетъ чувственный міръ; эти наслажденія, это счастье, даруемое бракомъ—такая великая награда, что она въ состояніи покрыть собою всѣ временныя невгоды, временныя несчастія, безъ которыхъ не обходится ни одна человѣческая жизнь. Этимъ счастьемъ каждый изъ супруговъ обязанъ лишь другому и больше никому, а посему трудно представить себѣ вину одного въ отношеніи къ другому, которой этой другой могъ бы не простить, не заглушая въ себѣ внушеній своего сердца и своей совѣсти. Каждый изъ супруговъ такъ взаимно обязанъ одинъ другому, что рѣшительно невозможно ни въ одинъ моментъ жизни ихъ правильно и равномѣрно подвести счеты ихъ взаимныхъ одолженій одного другому; нельзя указать въ жизни ихъ момента, въ которомъ бы мужъ женѣ или жена мужу могъ бы сказать: „я уплатилъ тебѣ весь свой долгъ и всѣ обязательства мои окончены въ отношеніи къ тебѣ“. Нѣтъ, бракъ есть обязательство взаимно-неокончаемое, вѣчное. Невѣрность одного изъ супруговъ есть нарушеніе величайшаго изъ обязательствъ, самая крупная безчестность и безсовѣтность, какую только можетъ обнаружить человѣкъ въ отношеніи къ ближнему своему. Наоборотъ каждое усиліе, тѣмъ болѣе цѣлый не прекращающійся рядъ самопожертвованій со стороны одного изъ нихъ для того, чтобы удержать въ союзѣ съ собою другаго не менѣе честнаго, добросовѣтнаго въ исполненіи своихъ обязательствъ, есть величайшій героизмъ, обнаруженіе величайшей любви къ ближнему, на какую только способенъ человѣкъ: ибо здѣсь одинъ полагаетъ за друга своего всю душу свою, поступаетъ всѣмъ эгоизмомъ, всѣмъ нравственнымъ существомъ своимъ, а больше сей любви, по слову Божественнаго Учителя, никто же имать.

Но—возразятъ намъ — такое самопожертвованіе есть утопія, ибо оно свыше силъ человѣка. Можно въ какихъ угодно иныхъ отношеніяхъ обнаруживать самопожертвованіе для блага другаго: но какъ возможно сдѣлать это въ отношеніяхъ супружескихъ? Можно ли любить человѣка нелюбимаго, не возбуждающаго къ себѣ не только уваженія, но даже прямо непріятнаго, внушающаго къ себѣ отвращеніе?

Доля правды есть въ этомъ возраженіи, но оно отнюдь не неопровержимо. Прежде всего слѣдуетъ спросить: какимъ образомъ возникло это отвращеніе? Вѣдь при вступленіи въ бракъ съ даннымъ лицомъ оно привлекало же къ себѣ какими-либо свойствами; равно и недостатки его были же извѣстны? Положимъ, что и то и другое было извѣстно не въ той мѣрѣ, въ какой обнаружилось послѣ; положимъ, что послѣдніе превысили первые, разочарованіе почти всегда неизбѣжно: но отсюда еще далеко до отвращенія. Если въ человѣкѣ живо чувство собственнаго достоинства, а также чувство долга и любви, то еще въ состояніи, переживъ моментъ разочарованія, обратить всю свою энергію на сохраненіе и поддержку въ другомъ лицѣ симпатичныхъ ему сторонъ, которыя нѣкогда восхищали, очаровывали его и къ возможной борьбѣ съ его недостатками, къ устраненію или по крайней мѣрѣ ослабленію силы вліянія обстоятельствъ, благопріятствующихъ укрѣпленію недостатковъ его. Супруга, подвергшагося такому разочарованію, но сознающаго святость своего долга, благоразуміе, сама такъ-сказать проза жизни, наступающая за періодомъ очарованій и разочарованій, должна поставить на этотъ путь, единственно достойный честнаго человѣка, ощутившагося въ такомъ положеніи. И едва-ли кто станетъ оспаривать, что такимъ путемъ немало укрѣплялось и укрѣпляется супружество и семей, подвергавшихся опасности распастись въ самомъ началѣ своего образованія.

Отчего же однако люди, оказывающіеся въ подобномъ положеніи, далеко не всегда идутъ этимъ путемъ? Отчего онъ оказывается часто очень труднымъ, и супруги дѣйствительно доходятъ послѣ разочарованія до непримиримаго озлобленія, до непреодолимаго отвращенія другъ къ другу? Дѣйствительная исторія бракоразводнаго процесса полна этихъ примѣровъ; эти примѣры—излюбленныя темы беллетристовъ разныхъ направленій и разныхъ талантовъ.

Главнѣйшее препятствіе къ слѣдованію вышеозначеннымъ путямъ человѣкъ находитъ въ томъ настроеніи своего испорченнаго сердца, которое, выражаясь просто, мы должны назвать *презрѣваемымъ* и которому всего естественнѣе человѣкъ поддается именно въ этомъ положеніи. Въствѣ съ разочарованіемъ нѣкогда любимымъ предметомъ своимъ человѣкъ впадаетъ въ уныніе отъ гнетущей его идеи, что есть же на свѣтѣ существо, которое не отравило бы его жизни, а осчастливило бы ее. Уже одна эта идея, встрѣтивъ себѣ сочувствіе въ душѣ несчастнаго, будучи желѣма имъ, въ состояніи усилить до значительной степени нетерпимость его къ тѣмъ недостаткамъ, которые дѣйствительно есть въ другомъ супругѣ: подъ вліяніемъ одной этой идеи они возрастуть въ его глазахъ до значительной степени. Но горе ему, если, желѣя эту идею, онъ не станетъ избѣгать опасныхъ встрѣчъ съ новыми лицами, а напротивъ станетъ стараться искать этихъ встрѣчъ, искать и соответствія въ нихъ своему идеалу. Въдѣ подобнымъ въ уныніе впадающимъ отъ несчастливаго супружества субъектамъ свѣтъ рекомендуетъ забвеніе и развлеченіе и снисходительно относится къ паденіямъ, протекающимъ изъ таковаго развлеченія. Но здѣсь-то именно и раскрывается предъ такимъ искателемъ развлеченія отъ домашней неурядицы широкой путь полнаго развращенія: новая встрѣча, новое сближеніе увеличиваютъ разстояніе и удаленіе между двумя лицами, еще такъ недавно жившими въ полной непосредственности другъ съ другомъ: теперь между ними встало посредствующее, третье лицо, которое по крайней мѣрѣ въ представленіи одного изъ нихъ конкурируетъ съ другимъ и конкурируетъ конечно счастливо; за него—уже одна прелесть новизны, и это много! Съ этого момента совмѣстная жизнь супруговъ, между которыми стало третье лицо, становится по истинѣ положеніемъ ужаснымъ: тотъ изъ нихъ, который принужденъ раздѣляться въ своихъ симпатіяхъ между двумя, по отношенію къ законному супругу становится дѣйствительно въ положеніе раба, работающаго ненавистному господину не только жилами и мускулами, какъ негръ плантатору, но всею духовною и тѣлесною своею жизнію, всѣми самыми нѣжными ощущеніями. Понятно, что этотъ ненавистный господинъ становится все болѣе и болѣе ненавистнымъ въ глазахъ раба; его дѣйствительные не-

достатки возрастають въ своей степени, его достоинства, прежде замѣчаемыя, теперь незамѣтны; онъ надаеть, онъ становится моральнымъ уродомъ: но въ чьихъ глазахъ? По сравненію съ кѣмъ? Конечно въ глазахъ невѣрнаго супруга его по сравненію съ новымъ его избранникомъ ⁴⁾.

Есть полное основаніе полагать, что внутреннюю основную причиною супружескихъ несогласій, доводящихъ до рѣшительнаго отвращенія, до непримиримаго озлобленія супруговъ въ отношеніи другъ другу, всегда служитъ вышеназванное прелюбодѣйное настроеніе ихъ сердца, все равно переходитъ оно въ дѣло, или остается въ дѣйствительности неудовлетвореннымъ. На семъ основаніи съ христіанской точки зрѣнія, или что тоже съ глубоко-нравственной точки зрѣнія, вражда и озлобленіе супруговъ должны вести ихъ къ взаимному примиренію, но отнюдь не къ расторгенію брака ихъ и тѣмъ паче—ко вступленію ихъ въ новые браки. Дозволить послѣднее значитъ явно признать законность и нормальность прелюбодѣянія.

Но развѣ послѣднее ненормально, неестественно? Представьте двухъ супруговъ, изъ коихъ одинъ болѣзненно, всегда мрачно настроенъ, любитъ уединеніе, другой—цвѣтущаго здоровья, веселаго нрава, любитъ развлечения, способенъ интересоваться собою многихъ: не скажете-ли вы, что природа предназначила ихъ не къ совмѣстной, одинаковой жизни, а къ совершенно разной? И если обстоятельства ихъ сложились такъ, что они принуждены жить вмѣстѣ, быть супругами одинъ другаго, то не естественно ли произойдетъ, что одинъ изъ нихъ не останется вѣренъ другому, что именно слѣдуя импульсу, влеченіямъ своей природы, онъ долженъ быть невѣрнымъ, и неужели онъ безнравствененъ за то, что поступаетъ соотвѣтственно природѣ своей, когда его товарищъ-супругъ не въ силахъ ей слѣдовать?

И тѣмъ не менѣе при всей кажущейся законности, нормальности и естественности такого поведенія втораго изъ вообра-

⁴⁾ Въ высшей степени художественно въ нашей литературѣ изображенъ этотъ психическій процессъ образованія отвращенія къ законному супругу въ пользу возрастанія симпатіи къ третьему лицу въ Аниѣ Карениной, героинѣ знаменитаго романа этого названія графа Л. Толстаго.

жаемыхъ супруговъ, въ такомъ поведеніи его заключается—выражаясь словами св. Тимофея Александрійскаго—прелюбодѣніе, а послѣднее всегда и незаконно, и ненормально, и неестественно. Нѣкоторымъ уясненіемъ этого положенія христіанской нравственности можетъ, кажется служить аналогичное этому ученіе о воздержаніи отъ пищи и о постахъ. Съ точки зрѣнія церковной дисциплины *общей* (т.-е. имѣющей въ виду всѣхъ членовъ церкви, а не особыя церковныя сословія) не возбраняется ни употребленіе вина, ни мяса, ни дорогихъ и красивыхъ одеждъ, ни вообще комфорта, который такъ любитъ плоть человѣческая: *ибо никто же когда плоть свою возненавидѣлъ. Всякое Божіе созданіе добро и не отмытно; Господня земля и исполненіе ея; всякъ злакъ на службу человеку.* Все можетъ вкушать, всѣмъ можетъ пользоваться человекъ, слава и благодаря Творца своего. Но укорившему пьянство, уморившему объяденіемъ, укорившему тщеславіе и цѣнѣнность. Почему? Не трудно дать отвѣтъ на сей вопросъ: потому что таковымъ злоупотребленіемъ благами природы извращается ихъ натуральное назначеніе, извращается и отношеніе къ нимъ человека. Изъ средствъ они превращаются въ цѣль, изъ служебнаго своего положенія по отношенію къ человеку они пріобрѣтаютъ господственное надъ нимъ положеніе: человекъ становится рабомъ ихъ, чревоугодникомъ, работникомъ мамоны. Христіанская нравственность весьма высоко цѣнитъ нравственное достоинство человека и христіанская церковь ревниво оберегаетъ и предохраняетъ человека отъ его униженія, столь возможнаго для него при его безпрекословномъ послушаніи влеченіямъ своей чувственной природы,—тѣмъ болѣе ревниво оберегаетъ церковь христіанина въ его отношеніяхъ, образуемыхъ разностью пола: здѣсь она ставитъ ему одно элементарное отношеніе—любовь. Любовь, выражающаяся полнѣйшимъ образомъ въ бракъ, есть не только законъ для христіанина, но и заповѣдь, завѣтъ, завѣщаніе Бога: поему гнушающійся бракомъ, какъ нечистою по суду церкви—анагема! Но заповѣдую любовь, церковь строго возбраняетъ какъ тяжкій грѣхъ—прелюбовь, прелюбы. А вѣдь они повидимому сходны.

Здѣсь мы и оканчиваемъ свои замѣчанія по поводу вышеизложенной теоріи гражданскаго брака, не входя въ болѣе подроб-

ное разсмотрѣніе частныхъ ея положеній. Полагаемъ, что и высказаннаго нами достаточно для того, чтобы предъ читателемъ выяснился главный и существенный ея недостатокъ предъ судомъ христіанской нравственности. Цѣлью нашихъ замѣчаній по поводу ея было выясненіе ложности самой точки зрѣнія, на которой стоитъ она, той именно, будто *законъ о бракѣ* долженъ произрасти изъ химически чистой почвы юридическаго государства, безъ всякаго вниманія къ ученію церкви, нравамъ, обычаямъ, изъ чего послѣдовательно и выходитъ, что юридическое государство можетъ сочинять свободно какіе ему угодно брачныя законы, что до какой степени ни облегчались бы напр. препятствія къ браку (даже до дозволенія вступать въ бракъ двоюроднымъ) и расторженіе его (даже по одному взаимному желанію супруговъ) и такой образъ всегда будетъ нравственнымъ отношеніемъ. Нѣтъ, законъ о бракѣ не долженъ быть *сочиняемъ* примѣнительно ко вкусамъ настроенія извѣстной эпохи, если онъ хочетъ оставаться согласнымъ съ требованіями нравственности. Законъ о бракѣ уже данъ божественнымъ откровеніемъ: основа его дана уже въ Ветхомъ Завѣтѣ, а полное раскрытіе въ Новомъ; могутъ быть допускаемы посему не вполне согласныя *толкованія* его въ примѣненіи къ частнымъ явленіямъ жизни, но *сочинять вновь брачныя законы* нельзя, какъ нельзя сочинять естественныхъ и нравственныхъ законовъ вообще. Повторяемъ то, что сказали мы въ началѣ своей статьи: гражданскій бракъ въ той или иной формѣ можетъ быть оправданъ соціально-политическими причинами, какъ палліативъ, какъ отношеніе *терпимое* въ государствѣ, но онъ всегда ниже церковнаго брака, осуществляющаго требованія нравственнаго христіанскаго закона. Тутъ двѣ совершенно различныя точки зрѣній, а представленная выше теорія гражданскаго брака смѣшала ихъ и выдастъ черное за бѣлое—явное прелюбодѣяніе за дѣланіе нравственное.

И. Заверский.

О САМОВОСПИТАНІИ ЖЕНЩИНЫ *.

Да будетъ украшеніемъ вашимъ не вѣнчанное плетевіе волосъ, не золотыя уборы, или парадность въ одеждѣ; но сокровенный сердца человекъ въ нетѣльной красотѣ кроткаго и молчаливаго духа, что драгоценно предъ Богомъ». (1 Петр. III, 3—4).

Таковъ совѣтъ или лучше—заповѣдь св. ап. Петра, обращенная имъ къ современнымъ ему христіанскимъ женамъ, но обязательная и для васъ, какъ и для всякой женщины-христіанки. Напоминаю вамъ эту заповѣдь, столь наглядно и существенно изображающую какъ недостатки такъ и достоинства женщины, съ тою цѣлю, чтобы въ ней указать вамъ тотъ путь, по которому вы должны идти къ дальнѣйшему совершенству въ остатной вашей жизни, за предѣлами школы.—Говорю: „къ дальнѣйшему совершенству“ въ томъ предположеніи, что школа не можетъ дать полнаго совершенства. Правда, говорятъ, что воспитаніе должно кончиться какъ разъ въ тотъ моментъ, когда питомецъ найдетъ себя знающимъ доброе, любящимъ доброе и имѣющимъ силу совершать на дѣлѣ доброе. Конечно, это прекрасная и въ высшей степени желательная цѣль воспитанія для всякой школы; но тѣмъ не менѣе она едва-ли исполнѣнима въ какой бы то ни было школѣ. Не даромъ народная

* Рѣчь, сказанная при выпускѣ воспитанницъ училища ордена св. Екатерины, 16 мая 1888 года.

мудрость говорить: „вѣкъ живи—вѣкъ учишь“. А слово Господа говорить о томъ же еще опредѣленнѣе: „будьте совершенны, какъ Отецъ вашъ небесный“ (Мат. V, 48). Значить каждому человѣку предстоитъ безконечное совершенствованіе, которое очевидно не можетъ закончиться не только школой, но жизнью вообще, а будетъ безъ конца продолжаться и въ самой вѣчности. Итакъ, хотя и кончилось ваше воспитаніе и образованіе, но за то наступило время самовоспитанія и самообразованія. Если конецъ перваго совпалъ съ вашимъ совершеннѣйшемъ, то конецъ послѣдняго совпадетъ уже съ вѣчностью.

Какого же правила держаться вамъ на пути самовоспитанія и самообразованія?—Если хотите достигать истиннаго и высшаго нравственнаго совершенства, то лучшаго правила вы не найдете кромѣ указаннаго апостоломъ. Оно имѣетъ за себя всѣ преимущества: и божественный авторитетъ, ибо изречено оно боговдохновеннымъ учителемъ; и церковный историческій опытъ, ибо имъ руководились въ теченіе вѣковъ всѣ христіанскія жены, достигая совершенства не временнаго только, но и вѣчнаго. Наконецъ оно согласно, какъ увидимъ, и съ человѣческой мудростью или наукою, а равно и съ жизненнымъ опытомъ. Итакъ вникнемъ еще разъ въ апостольское правило: „да будетъ украшеніемъ вашимъ не виѣшнее плетеніе волосъ, не золотыя уборы, или нарядность въ одеждѣ; но сокровенный сердца человѣкъ въ негливной красотѣ кроткаго и молчаливаго духа, что драгоцѣнно предъ Богомъ“.

Для лучшаго уясненія себѣ этого правила нужно прежде всего обратить вниманіе на то, что апостолъ рѣзко разграничиваетъ въ каждомъ человѣкѣ двѣ природы—виѣшнюю и внутреннюю, тѣлесную и духовную, отдавая при этомъ полное преимущество послѣдней, какъ вѣчной и негибнущей, за которую собственно и пролилъ Свою кровь самъ Господь нашъ І. Христосъ. Конечно и въ глазахъ каждаго христіанина выше всего долженъ стоять внутренней человѣкъ, т.-е. безсмертный духъ его, сравнительно съ которымъ все тѣлесное и земное—собственно ничто: „какая польза человѣку, спрашиваетъ Спаситель, если онъ приобрѣтетъ весь міръ, а душѣ своей повредитъ“? (Мар. VIII, 36)... Раздѣливъ существо человѣка на тѣло и духъ, апостолъ допускаетъ и двойное украшеніе, какъ и двойную красоту—виѣшнюю

и внутреннюю, тѣлесную и духовную, и при этомъ опять-таки все преимущество отдаетъ послѣдней, выражая желаніе, чтобы о тѣлесной красотѣ, какъ неистинной, совсѣмъ не заботились: „да будетъ украшеніемъ вашимъ не вѣнчаніе плетеніе волосъ“ и пр. Но апостолъ видѣлъ и зналъ, что жизнь поступаетъ далеко не такъ, что люди, и особенно женщины, нерѣдко или безсознательно не отличаютъ красиваго по наружности отъ истинной духовной красоты, переходящаго отъ вѣчнаго, или даже сознательно и намѣренно предпочитаютъ вѣнчаніе внутреннему, т.-е. посвящаютъ всѣ свои заботы на украшеніе тѣла, придавая великое значеніе золотымъ бездѣлушкамъ и красивымъ одеждамъ и совсѣмъ забывая, какъ о чемъ-то неважномъ, о внутренней красотѣ сердца. Апостолъ не одобряетъ такого поведенія женщины. Не думайте однако, что онъ врагъ красоты и стремленія къ прекрасному. Нѣтъ, онъ знаетъ, что человѣку свойственно по самой природѣ стремленіе къ прекрасному, а равно и наслажденіе красотой, такъ какъ то и другое суть законныя проявленія жизни сердца. Вопросъ только въ томъ, что считать за красоту — прекрасное ли сердце или красивую одежду, и о какой красотѣ прилагать стараніе: „да будетъ украшеніемъ вашимъ, говорить онъ, сокрытое внутри человѣка сердце, для котораго украшеніемъ служатъ не золото и не красивыя одежды, которыя какъ тѣнныя и переходящія ничего не могутъ дать сердцу, а кротость и молчаливое расположеніе духа,—вотъ истинная, нетѣнная и вѣчная красота, въ которую должно облечься женское сердце... Таковъ смыслъ апостольскаго правила. Коротко его можно выразить такъ: истинную красоту женщины составляетъ ея прекрасное сердце—кроткое и скромное, а не красивая вѣнчанность. Впрочемъ когда сердце проникается свойственными ему духовными чертами красоты, тогда, думаемъ, не только не потеряетъ, но положительно выиграетъ и тѣло и вѣнчанность; ибо тогда получится полная гармонія между духомъ и тѣломъ, между идеею и ея воплощеніемъ, что собственно и составляетъ истинную красоту, достойную созерцанія и духовнаго наслажденія. Слѣдовательно для достиженія красоты женщины нечего прибѣгать къ вѣнчанымъ и постороннимъ предметамъ: ей нужно только возвысить и облагородить данный ей отъ Бога талантъ, т.-е. свое сердце, и тогда она естественно и сама по себѣ явится пре-

краснымъ произведеніемъ Творца, накомымъ она и есть по своему назначенію.

Но почему апостолъ заповѣдуетъ женщинамъ заботиться объ украшеніи и о красотѣ именно *сердца*? Почему онъ не говоритъ ни объ образованіи ума, ни о развитіи силы воли или характера? — Безъ сомнѣнія это не то значить, что апостолъ не призываетъ въ женщинѣ ни ума, ни воли, или считаетъ ихъ ненужными для нея, а то, что не въ нихъ главная сила и достоинство женщины, не умъ и воля главнымъ образомъ отличаютъ женщину отъ мужчины, а именно сердце. Не напрасно говорятъ, что женщина по преимуществу есть человекъ сердца. Въ немъ ея сила, ея счастье, ея призваніе и главное условіе того громаднаго вліянія, какое оказываетъ женщина на семью и общество. И это подтверждается — и въковой исторіей и даже наукою. Вотъ что говоритъ объ этомъ предметѣ одинъ мыслитель: „достоинны сожалѣнія тѣ женщины, которыя увлекаются въ высоту рассудкомъ на счетъ сердца, умомъ на счетъ чувства. Сколь ни высоко цѣнимъ мы основательное умственное образованіе женщины, призветъ онъ же, но оно никогда не должно быть выжимаемо въ женщинѣ на счетъ сердца. Что въ будущее время сдѣлаетъ дѣвину достойною любви и счастливою — это не знаніе головы, а свѣтлость чувства, внутренней міръ, радостное состояніе сердца на основаніи тихаго благочестиваго настроенія и полной преданности высшему Существу, исключаящей склонности къ упорству и раздорамъ“ (v. Huysen). Не тоже ли говоритъ и апостолъ: „да будетъ украшеніемъ вашимъ... сокровенный сердца человекъ въ нетѣливой красотѣ кроткаго и молчаливаго духа“? Очевидно Боговдохновенный мужъ проникаетъ въ самую тайну Творца женской духовной природы и стремится возвысить въ ней особенно те, что дано главнымъ образомъ женщинѣ для достиженія ея исключительныхъ и великихъ цѣлей въ родѣ человѣческомъ.

И действительно, историческая женщина, особенно въ мірѣ христіанскомъ, стяжала свою славу и даже величіе не столько умомъ и силою воли, сколько именно своимъ сердцемъ. Обладая по самой природѣ сердцемъ изыннымъ, впечатлительнымъ и отзывчивымъ къ всякому горю и радости, женщина вообще добрее, ласковѣе, сострадательнѣе, чѣмъ другая половина рода

человѣческаго. Будучи одарена сердцемъ горячимъ и всеобъемлющимъ, широко раскрытымъ для любви и симпатій, женщина тѣмъ самымъ становится способною на подвиги любви, состраданія, милосердія и благотворенія безпомощнымъ и нуждающимся, на подвиги безкорыстнаго и самоотверженнаго служенія больнымъ и страждущимъ. Идеаль женщины, какъ матери и какъ жены, опять-таки немислимъ безъ преимущественнаго участія ея сердца. Ибо женщина бываетъ наилучшею подругою своего мужа только въ томъ случаѣ, когда обладаетъ сердечностью, симпатіею, нѣжностью и религіозностью. Она бываетъ и наилучшею матерью главнымъ образомъ подъ условіемъ сердечной любви къ своимъ дѣтямъ. Мать и любовь — это почти одно и то же. Безавѣтная любовь, терпѣніе, самоотверженіе и преданность дѣлаютъ мать и наилучшею воспитательницею своихъ дѣтей. Нѣжное, скромное и стыдливое сердце женщины представляетъ наиболѣе благоприятную почву и для развитія нравственнаго чувства, чувства долга, обязанности, добродѣтели. Нравственно-чистое какъ бы сливается въ сердцѣ женщины съ прекрасно-изящнымъ, и она истинно отворачивается отъ всего грязнаго и пошлаго, а потому и въ семьѣ и въ обществѣ благовоспитанная женщина однимъ своимъ присутствіемъ налагаетъ узду на все грубое и распущенное и чрезъ то благотворно дѣйствуетъ на общественные нравы, смягчая и облагораживая ихъ. Наконецъ сердце женщины представляетъ наилучшее условіе и для религіозности. Обладая чуткимъ и отзывчивымъ сердцемъ ко всему прекрасному и идеально-высокому, женщина по преимуществу владѣетъ даромъ непосредственнаго созерцанія и воспріятія истины, безъ особыхъ отвлеченно-логическихъ доказательствъ, по одному чутью и сочувствію истинѣ. Такъ усвоется ею и Христова евангельская истина. Помяну, что воспріиматое сердцемъ и дѣлается по преимуществу достояніемъ сердца, а не холоднаго и скептическаго ума. Поэтому женщина, какъ христіанка, наиболѣе способна къ вѣрѣ сердечной, живой и дѣятельной. Она преимущественно способна горячо любить и твердо, безъ колебаній надѣяться на своего Спасителя.

Таковы черты истинной и нетлѣнной красоты женскаго сердца, ясно и опредѣленно предвѣщающія ея призваніе и назначеніе въ родѣ человѣческомъ. Совокупность ихъ и составляетъ тѣтъ

прекрасный идеалъ женщины, которымъ воодушевлялись всѣ великіе художники міра, а истинное воплощеніе его мы находимъ въ свѣтломъ и божественномъ образѣ пренепорочной Дѣвы Маріи. Но отнимите вы у этого идеала черты сердечности — и идеалъ мгновенно исчезнетъ. Значить не напрасно св. апостолъ заповѣдуетъ женамъ заботиться объ украшеніи именно сердца.

Но вы скажете, зачѣмъ прилагать особое стараніе объ украшеніи или воспитаніи сердца, когда оно по самой природѣ уже заключаетъ въ себѣ тѣ качества, которыя составляютъ его красоту?

Безъ сомнѣнія природа—или лучше—Творецъ ея уже вложилъ въ женское сердце задатки тѣхъ качествъ, которыя потомъ въ немъ развиваются; но вложилъ именно *задатки* качествъ, а не самыя качества. Слѣдовательно отъ природы качества существуютъ только въ возможности, а не въ готовомъ видѣ. Чтобы возможное стало фактомъ, чтобы задатокъ или природное предопредѣленіе перешло въ дѣйствительное качество или въ добродѣтель, для этого нужно данную отъ природы силу развивать, воспитывать, упражнять, культивировать—или путемъ самодѣятельности, или при помощи другихъ. И алмазь дается природой, но пока онъ не отшлифованъ, бываетъ хуже простаго стекла. И прекрасная отъ природы почва, пока не обработана и не засѣяна добрыми сѣменами, родитъ только сорныя травы. То же самое бываетъ и съ душой человѣческой, которая благодаря грѣховной порчѣ уже по природѣ своей бываетъ одинаково склонна и къ добру и къ злу, или къ послѣднему даже болѣе (Рим. VII, 15, 19), а потому и требуетъ съ нашей стороны, какъ дикая лоза, правильной культуры, усиленной заботы, самодѣятельности, бодрствованія, иначе самовоспитанія при помощи благодати и ученія Христова. Только въ такомъ случаѣ мы разовьемъ въ себѣ добрыя сердечныя качества и дадимъ торжество добру надъ зломъ. Въ противномъ случаѣ то самое сердце, которое служитъ наилучшимъ украшеніемъ для благовоспитанной женщины, можетъ служить источникомъ зла и нравственнаго позора для женщины неблаговоспитанной, или незаботящейся о воспитаніи своего сердца. Поэтому въ виду наступившаго для васъ періода самовоспитанія вы должны твердо запомнить ту истину, что сердце, составляя господствующую и преоблада-

ющую силу женской души, потому самому служить и главнымъ стимуломъ всѣхъ стремленій, влеченій и желаній, а равно поступковъ и дѣйствій женщины; такъ что такимъ или инымъ направлениемъ и настроениемъ сердца главнымъ образомъ обуславливается и сильная и слабая, хорошая и дурная сторона нравственной жизни женщины. Вы должны быть чутки къ тому и другому, содѣйствуя одному и противодействуя другому. Хорошую, добрую сторону женскаго сердца составляетъ то, что оно естественно по самой природѣ склонно и воспріимчиво ко всему идеальному и прекрасному, тонкому и изящному, нравственному и доброму, благородному и высокому. Это въ высшей степени благопріятная почва для развитія въ себѣ чувства изящнаго и чувства нравственнаго. Не зарывайте же въ землю этотъ талантъ, но воздѣлывайте и совершенствуйте его. Другую не менѣе прекрасную и не менѣе естественную черту женскаго сердца составляетъ то, что оно, будучи широко раскрыто для любви къ ближнему, исполнено гуманности и доброты, сочувствія и отзывчивости къ чужому горю и нуждѣ. А потому помогать, утѣшать, облегчать чужія страданія, — это сколько потребность вашего сердца, столько же призваніе и долгъ. Не заключайте же въ будущемъ вашего сердца при видѣ страданій и несчастій ближняго, какъ поступаютъ черствые эгоисты. Наконецъ, какъ мы и сказали, женщина по преимуществу способна къ жизненному усвоенію религиозныхъ истинъ, т.-е. къ усвоенію ихъ не однимъ умомъ и памятью, но сердцемъ, претворяя откровенныя истины въ живую вѣру и убѣжденіе, проникнутое страхомъ Божиимъ. Дорожите этимъ высшимъ и ни съ чѣмъ несравнимымъ даромъ. Онъ, будучи самъ по себѣ драгоценностью, какъ залогъ жизни вѣчной, важенъ и тѣмъ, что имѣеть *обттованіе* въ жизни настоящей, такъ какъ ничто такъ не способно урегулировать и упорядочить жизнь сердца, какъ именно религія, живущая въ сердцѣ. Только она способна дать твердую опору для столь измѣнчивой и однако же господствующей душевной стихіи, каково сердце, и освѣтить дѣвнціъ задачу жизни съ правильной точки зрѣнія. Только ученіе Христово съ его вѣчными и божественными требованіями способно дать женщинамъ самую прочную основу и рѣшительное побужденіе для всей ея нравственной жизни. Поэтому вѣрѣ Христовой, и осо-

божью молитву, должно быть отведено самое главное мѣсто въ вашемъ будущемъ самовоспитаніи. Тѣсное, сердечное общеніе со Христомъ научить васъ Его кротости и смиренію, Его незлобію и терпѣнію, Его любви и самоотверженію, Его преданности и покорности воли Отца небеснаго. Съ такимъ сердцемъ вамъ не страшны будутъ никакіе соблазны и искушенія міра, ибо оно будетъ твердо покоиться на незыблемомъ камнѣ вѣры.

Благо тѣмъ изъ васъ, у кого сердцу дано съ самаго дѣтства доброе религіозно-нравственное направленіе и это направленіе упрочено въ немъ до степени естественнаго расположенія, склонности и навыка. На такое сердце можно съило положить: силы его достаточно будутъ, чтобы держаться въ должныхъ границахъ и на надлежащей нравственной высотѣ. Въ противномъ же случаѣ, т.-е. при ложномъ направленіи и эгоистической испорченности сердца, что всегда слѣдуетъ за религіозною холодностію, тоже самое сердце обыкновенно дѣлается самымъ опаснымъ врагомъ. И тѣмъ болѣе опаснымъ, что женщина почти беззащитна противъ этого врага, такъ какъ она живетъ главнымъ образомъ сердцемъ или чувствомъ. А извѣстно, что сердце въ душѣ человѣческой составляетъ самый субъективный, самый внутренній міръ, своего рода „святое святыхъ“, и слѣдовательно женщина имѣетъ дѣло со врагомъ самымъ близкимъ, безотлучнымъ и задушевнымъ, который заполняетъ и охраняетъ по своему все ея внутреннее существо. Составляя основную силу и центръ душевной жизни, женское сердце легко, почти безъ борьбы, подчиняетъ себя и остальные силы души—умъ и волю, толкая ихъ въ свою излюбленную сторону почти безъ всякой аннексіяи съ ихъ стороны. Вотъ почему мы и сказали, что женщина почти беззащитна противъ своего сердца: умъ и воля для нея суть болѣе служебныя орудія, чѣмъ силы контролирующія и руководствующія. И если добавокъ мы возьмемъ во вниманіе главное свойство всякаго чувства—его недолговѣчность, измѣчивость, неустойчивость и такъ-сказать капризность, то окончательно поймемъ всю опасность этого врага; а равно и всю важность апостольскаго наставленія относительно сердечной кротости, какъ начала противоположнаго эгоизму и способнаго держать сердце въ предѣлахъ нравственно-должнаго.

Вырастающіе на почвѣ ложно направленного и испорченного сердца женскіе недостатки или пороки весьма многочисленны. Такъ уже въ раннемъ дѣтствѣ въ дѣвочки можно замѣчать наряду съ законнымъ стремленіемъ къ изящному, и эгоистическое чувство тщеславія именно своею красотою и притомъ чисто внѣшнею. Откуда такъ-называемое *жеманство*, т.-е. изысканность манеръ. Дѣвочка желаетъ ходить, сидѣть, говорить и т. д. какъ можно красивѣе. Подобное явленіе, основывающееся на подражательности взрослымъ, конечно не столько преступно, сколько смѣшно. Но хотя это и невинная въ началѣ вещь, однако же она уже питаетъ тщеславіе и со временемъ можетъ сдѣлаться постоянной чертой, перейдя въ такъ-называемое *кокитство*. Если первое не столько порочно, сколько смѣшно, то послѣднее—и смѣшно и порочно, такъ какъ оно всегда соединяется съ тщеславіемъ своею красотою (иногда даже мнимую), съ горделивымъ желаніемъ сдѣлать свою личность объектомъ и центромъ красоты и вѣсть съ тѣмъ—съ болѣею заботливостью о внѣшности, рассчитанною на то, чтобы бросаться въ глаза, поражать и нравиться. Подобный недостатокъ, убивая скромность и простоту, естественность и нравственность, и развивая честолюбіе, развиваетъ еще ложный взглядъ на вещи, а именно приучаетъ цѣнить слишкомъ высоко, или даже исключительно, внѣшность, обращать слишкомъ большое вниманіе на мелочи. Въ результатъ же получается тщеславіе, ложь, поверхностность взглядовъ и сужденій и такъ-называемая женская мелочность и пустота. Безъ сомнѣнія это и имѣлъ въ виду апостолъ, говоря: „да будетъ украшеніемъ вашимъ не внѣшнее плетеніе волосъ или нарядность въ одеждѣ“. Во избѣжаніе этого недостатка нужно приучать себя къ правильной оцѣнкѣ вещей, состоящей въ томъ, чтобы смотрѣть на нихъ не столько съ внѣшней, сколько съ внутренней стороны, въ томъ убѣжденіи, что внутреннее важнѣе и выше внѣшняго, что истинное достоинство человека зависитъ единственно отъ прямоты, благородства и возвышенности душевныхъ качествъ, какъ и говорить апостолъ, для внѣшности же достаточно одного приличія.

Но если столь неразумно и оскорбительно для нравственного чувства—рисоваться внѣшностью, то еще болѣе прискорбно—рисоваться своими чувствами. Къ сожалѣнію и это бываетъ

верѣдио. Такъ напр. дѣвушка притворно и напоказъ восхищается тѣмъ, что ничуть не восхитительно, растрогивается такими вещами, которыя не заключаютъ въ себѣ ничего трогательнаго, представляется робкой и пугливой тамъ, гдѣ нечего ни пугаться, ни робѣть. Это лицемѣріе въ области эстетики и женской слабости или чувствительности. А въ области нравственнаго чувства такая дѣвушка разыгрываетъ изъ себя невинное существо съ такими чистыми и возвышенными чувствами, что ее смущаютъ будто бы самыя невинныя шутки... Разумѣется, все это ложь, притворство, фальшь тѣмъ болѣе отвратительныя, что здѣсь превращается въ товаръ—напоказъ самое дорогое и священное для человѣка—его чувство, сердце, которое тѣмъ привлекательнѣе, чѣмъ сосредоточеннѣе въ себѣ, чѣмъ скромнѣе и молчаливѣе, какъ выражается апостолъ.

Слѣдуя далѣе за проявленіями испорченнаго сердца, мы находимъ, что такъ какъ женщина по преимуществу живетъ субъективною жизнью сердца, то ей могутъ угрожать еще такъ-называемая *сенсизиментальность* и *мечтательность*, которыя, отрѣшавъ человѣка отъ дѣйствительности и унося въ міръ фантазіи или самоуслажденія своими чувствами, дѣлаютъ его положительно бесполезнымъ для практической и трудовой жизни.—Переживая непостоянныя и измѣнчивыя идеалы сердца, вѣчно недовольнаго настоящимъ и стремящагося къ счастью,—дѣвица всегда близка къ опасности *неспостоянства* на избранномъ пути и *неспирности* разъ принятому рѣшенію.—Руководствуясь главнымъ образомъ чувствомъ и не находя въ своей совѣсти достаточно твердыхъ побужденій ни религіозныхъ, ни разумныхъ,—женщина верѣдио поражаетъ насъ своею *стырленностью*, *лажкомысліемъ* и *несерьезностью взгляда* на задачу жизни.—Сознаніе слабости или завиоимости—съ одной стороны, и честолюбивое или властолюбивое желаніе во что бы то ни стало поставить на своемъ—съ другой,—весьма часто побуждаютъ женщину достигать своихъ цѣлей не прямыми и честными, а окольными и скрытыми путями, т.-е. *хитростью*, *притворствомъ* и *интригой*. Въ случаяхъ же неудачи наживѣвшая въ сердцѣ злость и ненависть ко врагу, часто мнимому, способны подтолкнуть женщину на удивительную жестокость и *мстительность*. Исторія знаетъ немало такихъ примѣровъ (Иродіада, Евдоксія). И при этомъ, чѣмъ пламеннѣе и

кипуче сердце женщины и чѣмъ болѣе эгоизма, тѣмъ крупнѣе бываютъ и самые пороки, или, наоборотъ — тѣмъ выше и самоотверженнѣе добродѣтели и подвиги.

Такъ какъ сердце, не имѣющее твердой основы ни въ религіи, ни въ правильно развитомъ умѣ, составляетъ слишкомъ измѣнчивую и такъ сказать хрупкую основу для нравственности, то понятно, что жизнь дѣвicy или женщины вообще представляеть весьма скользкій и опасный путь. Опытъ показываетъ, что она нравственно портится (разумѣется при неблагоприятныхъ условіяхъ) вообще скорѣе мужчины, нравственная зараза развивается въ ней быстрѣе и исправляется труднѣе. А это обязываетъ женщину къ неусыпному и неослабному бодрствованію надъ своимъ сердцемъ. Одинъ неправильный шагъ, минутное нарушеніе равновѣсія — и скользкій и наклонный путь неудержимо повлечеть неосторожную путницу внизъ.

Все это приводитъ насъ къ тому заключенію, что сердце само по себѣ, т.-е. какимъ оно дается намъ отъ природы, или при ложномъ направленіи его, — не есть еще благо и счастье для женщины. Оно становится благомъ и истиннымъ украшеніемъ ея только подъ условіемъ тщательнаго воспитанія или самовоспитанія въ страхъ Божиимъ. Безъ этого же оно можетъ быть источникомъ всякихъ золъ какъ для собственной личности, такъ и для другихъ. Заботясь о воспитаніи сердца, безъ сомнѣнія слѣдуетъ заботиться и о развитіи ума, какъ и воли, такъ какъ „только человекъ, у котораго умъ хорошъ и сердце хорошо, — вполне хорошій и надежный человекъ“, какъ говоритъ одинъ педагогъ. Но, прибавимъ мы, чтобы сердце было дѣйствительно *хорошо*, для этого недостаточно поставить его подъ контроль одного ума, хотя бы и хорошаго, ибо самъ умъ нуждается въ контролѣ, а всего лучше и надежнѣе поставить и умъ и сердце на твердую основу нравственныхъ принциповъ, что можетъ быть достигнуто единственно при помощи нравственно-религіознаго воспитанія, такъ какъ только оно одно способно указать правильный путь уму и волѣ и тѣмъ болѣе — привить къ сердцу тѣ черты, которыя составляютъ его истинную и безсмертную красоту, и такимъ образомъ дать женщинѣ самыя вѣрныя средства для достиженія ея истиннаго призванія, достоинства и идеала. „Искреннимъ благочестіемъ, радостнымъ возношеніемъ къ Богу,

твердою вѣрою въ вѣчность всего истиннаго, прекраснаго и добраго, душа преодолеваетъ всѣ бѣдствія жизни и обрѣтаетъ вожделѣнное спокойствіе“ (Диттесъ).

Закончу свое слово къ вамъ тѣмъ же, чѣмъ и началъ: „да будетъ украшеніемъ вашимъ... сокровенный сердца человѣкъ въ нетлѣнной красотѣ кроткаго и молчаливаго духа“. Т. е. да украшаетъ васъ сердце, облагороженное и возвышенное христіанскимъ воспитаніемъ въ духѣ кротости и незлобія, миролюбія и скромности, смиренія и покорности, любви и благочестія,—вотъ „что драгоцѣнно предъ Богомъ“. Въ этомъ духѣ велось ваше воспитаніе до сихъ поръ, а теперь на васъ самихъ лежитъ нравственный долгъ продолжать его въ томъ же духѣ,—и тогда вы будете обладать истинною красотою, имѣющею цѣну не только у людей, но, что гораздо важнѣе, и въ очахъ Божіихъ.

Свящ. В. Бѣликовъ.

С Л О В О

ВЪ ДЕНЬ СВЯЩЕННАГО КОРОНОВАНІЯ И МУРОПОМАЗАНІЯ БЛАГОЧЕСТИВѢЙШАГО ГОСУДАРИ ИМПЕРАТОРА АЛЕКСАНДРА АЛЕКСАНДРОВИЧА И БЛАГОЧЕСТИВѢЙШИХЪ ГОСУДАРИНИ ИМПЕРАТРИЦЫ МАРИИ ФЕОДОРОВНЫ *.

Глубоко патриотическая и вполне достойная величія русскаго Царя и царства мысль лежитъ въ основаніи церковно-гражданскаго установленія—ежегодно торжественнымъ образомъ праздновать знаменательнѣйшій день коронованія и муропомазанія на царство августѣйшей четы—Государя Императора и Государыни Императрицы! При этомъ ежегодномъ празднованіи достопамятнаго дня въ насъ всегда снова оживаютъ тѣ пріятныя волненія чувства, тѣ сладостныя ощущенія восторга, которыми переполнялись наши сердца въ тотъ самый день, когда при видимыхъ священнѣйшихъ дѣйствіяхъ высшихъ іерарховъ нашей церкви невидимо, какъ бы рукою самого Бога возлагалась корона на царственную главу Императора и вручались ему скипетръ и держава—знаменія царской власти, и когда при помазаніи священнымъ муромъ наследственный владѣтель русской страны таинственнымъ наитіемъ Духа Св. утверждался и укрѣплялся на славномъ престолѣ своихъ предковъ. Въ этотъ день годовщины коронованія Госу-

* Произнесено въ московскомъ кафедральномъ соборѣ—въ храмѣ Христа Спасителя.

даря наша обычная, ежедневная молитва за жизнь и здравіе Государя какъ бы сама собою становится пламеннѣе и сосредоточеннѣе, и мы живѣе и яснѣе осознаемъ въ самихъ себѣ тѣ таинственные и неразрывныя узы единства во всѣхъ нашихъ жизненныхъ отношеніяхъ съ верховнымъ вождемъ нашего народа, которыми сопряжены съ нимъ, какъ дѣти съ отцемъ, какъ члены тѣла съ головой.

Въ минуты столь торжественнаго и общенароднаго моленія о здравіи и благоденствіи нашего Государя, какое совершается во всей Россіи въ день воспоминанія священнаго коронованія, такая мысль занимаетъ духъ, какія чувства наполняютъ сердце самого вѣнценосца, какъ не мысль о благѣ своего народа, какъ не желаніе постояннаго и безпрепятственнаго движенія впередъ всѣхъ слоевъ, всѣхъ классовъ народа на пути къ возможно высшему общему благосостоянію? Да послужить же эта мысль о народномъ благѣ точкою отправления, предметомъ бесѣды и для нашего церковнаго слова въ настоящій день.

Итакъ, въ чемъ состоятъ по крайней мѣрѣ общія и главныя основанія нашего народнаго благосостоянія?

Безъ всякаго сомнѣнія первое мѣсто въ ряду такихъ основаній занимаетъ *вѣра въ Бога и повиновеніе Ему святому закону въ духѣ ученія православной церкви*. Еще давно философы, политики и законодатели замѣчали, что религія, имѣя своей конечной цѣлью блаженство людей въ будущей жизни, въ то же время служитъ источникомъ и благополучія челоуѣка въ его настоящей жизни. И это — безспорная истина. Вѣра въ Бога есть первое обнаруженіе челоуѣческаго духа, въ которомъ открывается его несравнимое превосходство надъ всѣми прочими твореніями видимаго міра, превосходство существа, назначеннаго не для земнаго только міра, но для вышшаго, небеснаго, и вѣра же есть вѣчно-неиссякаемый родникъ, изъ котораго изливается все развитіе челоуѣческаго духа, всѣ сокровища его образованія, все чѣмъ богата, такъ возвышена и облагорожена челоуѣческая жизнь по сравненію съ жизнью всего остальнаго животнаго міра. Религіозная вѣра—это материнское нѣдро, изъ котораго вышли и философія и наука, и поэзія и искусство, и народные нравы и государственныя учрежденія. Жизнь каждаго народа со всѣми ея особенностями, со всѣмъ богатствомъ ея содержанія,

разнообразіемъ ея проявленій, ея процвѣтаніемъ и упадкомъ открыта въ его религіи, какъ въ сѣмени или въ зародышѣ и въ тѣхъ отношеніяхъ, въ какихъ стоитъ народъ въ разные періоды времени къ данной ему религіи. Вотъ почему историку, изучающему прошедшія судьбы народа, первую задачей предложить: изслѣдованіе и уясненіе существа, характера и достоинства религіи изучаемаго имъ народа. Иначе онъ не пойметъ народъ, коль скоро его религію и отношеніе къ ней народа оставить въ сторонѣ отъ своихъ изслѣдованій. Въ древности ни у одного народа не было развито въ такой высокой степени сознаніе коренныхъ условій государственно-общественнаго благосостоянія, какъ у народа римскаго. Этотъ народъ — гениальный творецъ государственнаго законодательства съ такими прочными началами, которыя служатъ основой всѣхъ законодательствъ позднѣйшихъ народовъ образованнаго міра. Но именно у этого желѣзнаго народа древности, отличавшагося необычайною чуткостью ко всему, что упрочиваетъ и обезпечиваетъ благосостояніе общественной жизни, религія входила столь существеннымъ звеномъ въ учрежденія государственной жизни, что считалась безусловно-обязательною для каждаго гражданина. Древніе греки прямыхъ безбожниковъ общимъ народнымъ голосованіемъ изгоняли изъ отечества, какъ людей самыхъ зловредныхъ и нетерпимыхъ въ обществѣ. И дѣйствительно: язва невѣрія или безбожія грозятъ государству несравненно болѣе гибельными слѣдствіями, чѣмъ всякая моровая язва, или трусь (землетрясеніе), потопъ, огонь, мечъ, нашествіе иноплеменниковъ. Всѣ эти бѣдствія — временныя, преходящія; послѣ нихъ, если только внутреннія силы народа цѣлы и не повреждены, быстро возстановляется жизнь и входитъ въ свое обычное теченіе. Но безбожіе какъ-бы парализуетъ поражаетъ и мертвитъ самую живящую силу народа и вѣру въ Бога и потому неминуемо приводитъ народъ, какъ тѣло, лишенное оживляющаго его духа, какъ трупъ, къ разложенію и разрушенію. Представимъ себѣ общество или народъ, потерявшій всякую вѣру въ другой, надземный міръ, въ высшее Существо, — тогда никакое государственное устройство не устоитъ, никакія общественныя связи не сохранятся, никакіе государственныя законы не удержатъ общества отъ развращенія и безпорядка. Законы государственные имѣютъ силу и смыслъ лишь

въ томъ случаѣ, если за ними стоять, ихъ охраняютъ и опираютъ законы религіозно-правственные. Исторія конца живнй всего древняго міра представляетъ разительныя доказательства гибели народовъ именно вслѣдствіе потери всякаго благотворнаго вліянія религіи на духъ народовъ. Но съ другой стороны, утвердившаяся и расцвѣтшая на развалинахъ древняго міра жизнь новыхъ народовъ всецѣло обязана своимъ дивнымъ развитіемъ жизненно-творческому воздѣйствію на нее новой совершеннѣйшей, богооткровенной религіи — христіанства. Добросовѣстные изслѣдованія ученыхъ увѣряютъ насъ, что христіанской вѣрѣ челоѣчество обязано даже такими сторонами жизни, вліянія его на которыя многіе изъ насъ и не подозреваютъ. Въ частности— вся жизнь, весь внутренней духовный ростъ и вся необозримая ширь русскаго государства своимъ коренными силами обязаны не чему иному, какъ именно воспріятому нами съ востока и глубоко усвоенному нашимъ духомъ сокровищу—православной вѣрѣ. Кто можетъ сказать, что всѣ тяжелыя годины нашей прошлой жизни—удѣльныя распри, татарскія неистовства въ теченіе двухъ вѣковъ, ужасныя смуты во времена самозванцевъ, вторженіе въ наши предѣлы грознаго полчища дванадцати языковъ съ галлами во главѣ, не только пережиты нами безвредно, но и послужили къ вѣщему благополучію нашего народа, къ вышнему подъему его силъ, не благодаря всеукрѣпляющему и всеохраняющему, животворящему духу нашей вѣры, православному христіанству? Такъ православіе поистинѣ—столпъ и утвержденіе цити и огражденіе нашего общественнаго благосостоянія, и пока оно дѣйствительно и живо въ нашихъ сердцахъ, до тѣхъ поръ прочны и нерасторжимы и всѣ остальныя связи нашей народной жизни.

Если въ вѣрѣ и благочестіи въ духѣ православія мы владѣемъ краеугольнымъ камнемъ, лежащимъ въ самой глубинѣ колоссальнаго здавія—нашего государства, то слѣдующимъ за нимъ устоемъ нашей народной жизни и ея благосостоянія безспорно служить *всестлая, беззавѣтная преданность наши престолу и отечеству*. Законы исторіи, хотя не исполнѣ ясно и отчетливо представляются нашему разуму, однако столь же дѣйствительны и неизмѣнны, какъ и законы природы. Каждому народу въ общей семьѣ челоѣчества предназначена своя живненная за-

дача, своя конечная цѣль и вмѣстѣ съ симъ своя форма, свой вѣщный образъ жизни. Какъ духъ народовъ не одинаковъ, такъ и весь наружный строй ихъ жизни, отражающій въ себѣ этотъ духъ, различенъ, и было бы неестественно, неразумно и незаконно, а потому преступно и гибельно какимъ-либо искусственнымъ образомъ или насильственнымъ путемъ навязывать нашему народу государственную форму жизни, чуждую его духу, противную его симпатіямъ, несвойственную его особенностямъ, не отвѣчающую всему складу его вѣковаго историческаго развитія. Не вчера и не случайно у насъ возникъ и установился монархическій образъ правленія съ его безграничнымъ полномочіемъ. Нѣтъ, онъ вышелъ изъ самаго лона народной жизни, изъ глубины его духа, выннченъ и воспитанъ тяжелыми народными испытаніями и потому столь нерасторжимо сросся, столь кровно сроднился съ народной жизнью, что сознанію истинно-русскаго человѣка иначе и непредставима наша государственная жизнь, какъ во главѣ съ Царемъ, въ безусловной свободѣ управляющимъ своимъ государствомъ. Народный духъ яснѣе и безобманчивѣе всего даетъ себя видѣть лишь въ той средѣ народа, гдѣ онъ живетъ въ своей неприкосновенности и чистотѣ, гдѣ онъ не затемненъ вліяніемъ ложнаго образованія, менѣе всего поддается гнету чужеземной образованности въ особенности ея дурными сторонами. Эта среда—простые, низшіе классы народа, а посмотрите на него здѣсь, въ чемъ онъ полагаетъ все обезпеченіе общественнаго благосостоянія?—въ твердой, неограниченной власти Государя. „Царь—батюшка, красное солнышко, наша надежа“, эти слова звучатъ безусловно вѣрой въ счастье народа только подъ предположеніемъ неограниченной власти Государя; они отводятъ монарху въ народной жизни средоточное мѣсто, приписываютъ ему значеніе сердца или души, неотдѣлимой отъ народа, какъ живаго тѣла. Преклонимъ же колѣна предъ велѣніями Божиими, поставившими на вершинѣ нашей народной жизни Государя съ безграничною мѣрой власти и будемъ неизмѣнно хранить въ себѣ беззавѣтную преданность царскому престолу, какъ залогъ нашего общественнаго благополучія!

Вѣра въ Бога и преданность Государю требуютъ пополненія третьимъ условіемъ, также существенно необходимымъ для общаго благосостоянія народа. Оно состоитъ въ обязательномъ

для важнаго изъ гражданъ государства *трудъ*. Общая жизнь для развитія и укрѣпленія ея благосостоянія очевидно требуетъ и общаго труда: кто пользуется трудомъ другихъ для своего личнаго блага, тотъ долженъ трудиться и для другихъ — на благо общее, только при такой взаимопомощи трудомъ можетъ поддерживаться и сохраняться гармонія отношеній, согласіе и миръ между членами общества и возвышаться его благосостояніе. Конечно, въ государствѣ, какъ въ организмѣ полномъ чрезвычайнаго разнообразія его членовъ по ихъ достоинствамъ и назначенію, трудъ не можетъ быть одинаковъ для всѣхъ: онъ долженъ различаться соотвѣтственно различію нуждъ и потребностей народно-государственной жизни. Но въ томъ или въ другомъ видѣ онъ обязателенъ для всѣхъ гражданъ, если только безспорно законно стремленіе общества къ развитію и возвышенію своего благосостоянія. Прешло то время, когда трудъ считался едва не порокомъ или во всякомъ случаѣ признакомъ низкаго достоинства человѣка, а бездѣтельность, праздность служили выраженіемъ мнимаго благородства, высокихъ качествъ человѣка. Это было въ языческомъ мірѣ и вытекало изъ ложныхъ началъ его религіозно-нравственнаго ученія. Христіанство напротивъ возвысило и облагородило значеніе труда, признало за нимъ одну изъ высшихъ добродѣтелей. Самъ Господь нашъ, подъявшій на рамена Свои тягчайшій трудъ—крестныя страданія, представляетъ Собой первообразъ труженника и названіе „рабъ“ имѣлъ пророческимъ обозначеніемъ Своего высочайшаго, спасительнаго служенія въ мірѣ. Съ тѣхъ поръ трудъ и вошелъ въ рядъ добродѣтелей, а праздность отнесена къ числу пороковъ, преступленій; съ тѣхъ поръ жизнь нравственная, честная, внутренне-благородная, достойная назначенія человѣка стала жизнію трудовою, а жизнь праздная, бездѣтельная признается позорною, безчестною, недостойною человѣка. *Кто не хочетъ трудиться, тотъ не ѣшь* (2 Сол. Т. 10). Эти слова апостола въ христіанскомъ мірѣ приобрѣли значеніе непререкаемой истины: кто вноситъ своимъ личнымъ трудомъ посильный вкладъ въ общую сокровищницу народнаго труда, тотъ по праву ѣсть свой хлѣбъ, вѣрно исполняетъ свой долгъ, свое призваніе въ общей жизни своего народа, честно служить народной идеѣ, къ воплощенію которой волею провидѣнія стремится его народъ въ общей исто-

рін всего человѣчества; тотъ слѣдовательно истинный гражданинъ своего народа, истинный членъ человѣческаго рода, дѣйствительный человѣкъ, человѣкъ въ высшемъ, благороднѣйшемъ смыслѣ слова. Кто напротивъ живетъ праздно, тотъ вопреки заповѣди апостола, поядаетъ чужой хлѣбъ, потребляетъ чужіе труды, чуждъ призванія своего народа, безцѣленъ для его исторіи, излишенъ для всего рода человѣческаго, не человѣкъ, а какъ бы животное въ человѣческомъ образѣ, не самопитающееся, а чужеродное твореніе. *Носите бремена другъ друга и такимъ образомъ исполните законъ Христовъ* (Гал. 6, 2); эти слова имѣютъ обязательную силу для всѣхъ насъ, не только какъ чадъ церкви Христовой, но и какъ гражданъ одного государства; какъ дѣтей одной народной семьи.

Закончимъ свое слово теплой молитвой за того, ради кого мы собрались на торжественное богослуженіе въ сей храмъ: *да сохранитъ Господь Богъ Благочестивѣйшаго Государя нашего на мноія лѣта и да управляетъ Его силой и властію сама десница Божія на благо его народа и на славу его имени!* Аминь.

Свщ. І. П.—скій.

МАТЕРИАЛЫ

ДЛЯ БИОГРАФИИ ОСНОВАТЕЛЯ АЛТАЙСКОЙ МИССИИ АРХИМАНДРИТА
МАКАРІЯ *.

Выше мы упоминали, что незнаніе мѣстныхъ языковъ народовъ, населяющихъ Алтай, было не единственнымъ препятствіемъ для миссіонерской дѣятельности о. Макарія, приведемъ теперь и тѣ, на которыя указываетъ его бывший сотрудникъ, а потомъ и преемникъ по миссіи—протоіерей Стефанъ Ландышевъ и Томскія епархіальныя вѣдомости. „Алтай“, пишетъ о. Ландышевъ „великолѣпнѣе, какъ Аѳонъ: повсюду грозно-величественныя картины природы въ чрезвычайно разнообразномъ смѣшеніи съ видами невыразимо пріятными. То вѣковые льды въ видѣ наумляющихъ величіемъ шатровъ и конусообразныхъ столбовъ, возвышающихся надъ Алтаемъ и ичезающихъ въ синевѣ небесъ; то самая роскошная флора. Какъ будто разноцвѣтные ковры разостланы по горамъ и долинамъ на свободныхъ отъ гѣсу мѣстахъ. Надоблачныя скалы увѣнчаны всегда зеленѣющими кедрами. Долины и ущелья орошаютъ съ шумомъ сплывшія рѣки и рѣчки и никогда не замерзающіе ключи; на самой высотѣ горъ въ озерахъ стоятъ воды. Красота и величіе Алтая возвышаютъ духъ до восхищенія; смотря на эти горы Божіи, невольно чувствуешь какой-то благоговѣйный ужасъ“. описы-

* См. № 5—6 «Прав. Об.» за 1887 г.

вая свои ощущенія при видѣ Алтая, о. Ландышевъ знакомить насъ и съ трудностью верховыхъ проѣздовъ по горамъ, соединенныхъ съ опасностью лишенія жизни. Колесные пути на Алтай существуютъ только по его окраинамъ, а для проповѣди слова Божія приходится отыскивать кочевыхъ жителей, разбѣянныхъ на огромныхъ пространствахъ по дебрямъ, ущеліямъ, трупобамъ и лѣсамъ алтайскихъ горъ и предгорій, на разстояніяхъ въ сотни верстъ, по бездорожной и дикой мѣстности ¹⁴⁾. О. Ландышевъ приводитъ примѣръ, какъ о. архимандритъ Макарій однажды, проѣзжая по Черни (горы покрыты густымъ хвойнымъ лѣсомъ по правой сторонѣ рѣки Катуня), зацѣпился за ремень бывшей при немъ сумочки со Св. Дарами, конь на бѣгу вышелъ изъ-подъ него, и о. Макарій повисъ на сучкѣ и висѣлъ, пока не воротился и не помогъ ему стать на землю ухватившій впередъ провозатый, который вернулся только потому, что соскучился ждать оставшагося назади о. Макарія. Слабago голоса о. Макарія онъ не слышалъ. „У каждаго изъ насъ сердце замираетъ и кружится голова, даже и привычный конь дрожить иногда при переѣздѣ по высокому бѣму; это узкая тропинка ($\frac{3}{4}$ —1 арш.) опоясывающая гору, гдѣ по одну сторону тропинки высокая скала, а по другую отвѣсный обрывъ до рѣки, которая сплываетъ внизъ какъ ленточка, особенно когда приходится перескакивать чрезъ большіе камни, на этой тропинкѣ высунувшіеся, или спускаться внизъ по довольно гладкой каменной плитѣ и дѣлать крутые повороты лицомъ къ обрыву; на такомъ проѣздѣ вполне вѣрнешься коню; но онъ безмысленный и голодный часто танется за травой; и удерживать бываетъ опасно, и давать свободу страшно“. Каково же было этими путями странствовать о. Макарію, который и веркомъ-то ѣздитъ вынужденъ былъ выучиться только по проѣздѣ на Алтай? Когда онъ здѣсь въ первый разъ въ жизни сѣлъ на очень смирную лошадь, то и она, чуя неумѣлаго ѣздока, повезла его прямо въ стойло и только благодаря усиліямъ женщины, доившей вблизи корову, была выведена подъ узды на дорогу. „А кочевье въ чрезвычайно нечистой берестяной юртѣ кочеваго алтайца, гдѣ развѣшанное

¹⁴⁾ Алтайск. Духов. миссія С. Ландышева. Москва 1864 г. .

мясо вѣдохшаго коня, или убитаго звѣря бываетъ въ полномъ соотвѣтствіи съ посудомъ, которую никогда не моютъ, и съ кожанными продырленными мѣшками, гдѣ помѣщаются на 6—8 кв. арш. и люди и животныя (телята, ягнята, собаки и кошки), гдѣ при 30—40° мороза нѣтъ ни печи ни камина, и дымъ отъ разложеннаго посреднѣ огня (особенно при вѣтрѣ) выѣдаетъ глаза, гдѣ морозъ и жары, сходясь вмѣстѣ, производятъ на голову самое вредное вліаніе,—это уже такъ обыкновенно, что миссіонеры вовсе о семъ не упоминаютъ въ своихъ запискахъ; это мѣсто успокоенія послѣ продолжительной верховой ѣзды, гдѣ чайникъ миссіонера, стоя рядомъ на огнѣ съ винокуреннымъ котломъ хозяина, обыкновенно замазывается комками помехомъ съ глиной, составляетъ единственное нѣкое утѣшеніе и укрѣпленіе изнемогшему; это храмъ и каедрa, гдѣ мы должны проповѣдывать Евангеліе полунагимъ слушателямъ, вниманіе коихъ *до одинаго на потребу* должно доводить, начиная разговоръ съ трубы или огнива и проч.“ О религіозныхъ вѣрованіяхъ алтайцевъ о. Стефанъ говоритъ: въ Алтаѣ еще господствуетъ древняя тѣма идолослуженія; темныя силы имѣютъ здѣсь свои орудія: 36,000 кочевыхъ татаръ и калмыковъ приносятъ кровавыя жертвы бѣсамъ (Курюмъсь): Ульденю, какъ главѣ добрыхъ духовъ, и Эрлику, какъ начальнику всякаго зла, со множествомъ подчиненныхъ ему *ѣтжерей* (олицетворенныя напасти); обожаютъ души умершихъ, въ честь коихъ дѣлаютъ нуглы (*чалу*) и какъ Богу (*гутаи*) поклоняются имъ; молятся хозяевамъ горъ рѣкъ и озеръ (*ту ээзи, су-ээзи, коль-ээзи*), и олицетворяя болѣзни: оспу, горячку, лихорадки и проч., чествуютъ ихъ поклонами. Знаютъ они и Творца (*яичи*), но не всемогущаго, а только имѣющаго въ своей власти одно: творить души младенцевъ, назначать имъ времена и мѣсто рожденія и судьбу земной жизни ихъ. Имѣютъ понятіе о всемірномъ потоцѣ и знаютъ Ноя подъ именемъ *Намы*, величаютъ его царемъ потопа (*яикъ-ханъ*), приписываютъ ему власть наводить потоцъ въ жилищахъ умершихъ сродниковъ ихъ по просьбѣ кама (*шаманъ*) для того, чтобы можно было ему при потоцѣ и общей отъ того суматохѣ умершихъ угнать у нихъ приплодъ скота и такимъ образомъ возвратитъ будто бы отнятую ими плодовитость скоту, принадлежащему живымъ сродникамъ. Каждый родъ (сѣокъ, собств. кость) имѣетъ своего

семейнаго Бога; такъ живущіе близъ рѣки Бѣи и занимающіеся сплавною плотовъ чтуть *сѣнты гана* (царь плотовъ) и вѣрятъ, что ихъ праотцы не участвовали въ общемъ потопѣ, а спаслись на плотахъ и проч. Если внимательно разсмотрѣть состояніе дикости ихъ, понятія и вѣрованія, обладающій ими страхъ мщенія бѣсовъ за отступленіе отъ рабскаго служенія имъ, разорительные обычаи суевѣрій, тѣсно связанный со всѣмъ этимъ чрезвычайно нечистый и до крайности бѣдный кочевой бытъ ихъ, дикостію и суевѣріемъ, какъ желѣзными оковами, содержимое въ вѣковой неподвижности и оцѣпененіи умственно-правственное состояніе ихъ, и особенныя (пока еще не объясненныя) ужасныя болѣзани, какъ слѣдствія ихъ вѣрованій и нечистой жизни и проч., то понятно будетъ, что отъ этого губельнаго состоянія, отъ этого мучительства, истинно-сатанинскаго, въ которыхъ столько вѣковъ держатся эти жалкія племена, можетъ освободить ихъ только христіанская вѣра и неразлучно рука объ руку съ нею водворяемая у нихъ осѣдлость и грамотность“.

Раскольники, которыхъ въ Бѣйскомъ округѣ много, относились враждебно къ о. Макарію. „Въ первые дни пребыванія нашего въ Бѣйскѣ доходилъ“, пишетъ о. Макарій въ дневникѣ, „до меня слухъ, что прибытіе наше въ сей край нѣкоторые въ простомъ народѣ изъясняютъ какъ знаменіе, прости насъ Госноди, антихрстова пришествія. Иновѣрцы же здѣшніе, слышавшіе между русскими объ антихристѣ, боятся его, хотя не вѣруютъ во Христа. Другіе сказывали имъ, будто у меня руки отъ самой кости покрыты шерстью скота, или звѣря какого-то, и будто я кого крещу, того въ солдаты беру. Нѣкто утверждалъ также, будто одинъ казакъ, сидѣвшій спиною ко мнѣ въ дорогѣ, безъ намѣренія оглянулся назадъ, увидѣлъ звѣря, сидящаго въ повозкѣ его, вскричалъ отъ ужаса, но оглянувшись вторично, увидѣлъ будто, что я опять принимаю видъ человѣка. Вообще дѣло миссіи здѣшней есть предметъ странныхъ пререканій не только у инородцевъ здѣшнихъ, но и у русскихъ и въ особенности у раскольниковъ. Но Господь смѣлъ съ нами, заступникъ нашъ Богъ Іаковъ“!

Враждебно къ нему и миссіи относимся и нѣкоторые мѣстныя власти. Въ № 9 „Томскихъ Епархіальныхъ Вѣдомостей“, 1 мая 1885 года въ отдѣлѣ неофициальномъ сказано: „Гражданская

власть, какъ бы условившись съ языческою, нѣкоторое время въ лицѣ нѣкоторыхъ своихъ представителей неособенно благосклонно смотрѣла на распространіе христіанства на Алтаѣ, и вслѣдствіе сего не всегда оказывала законное содѣйствіе миссіи въ дѣлѣ утверженія тамъ христіанства, новокрещенныхъ смущала къ удовольствію некрещенныхъ распоряженіями своими приписать кочевыхъ новокрещенныхъ вопреки ихъ желанію и существующему ясному закону, къ крестьянскимъ волостямъ или къ осѣдлымъ управамъ, и вмѣстѣ съ этимъ наложить на новокрещенныхъ большія подати, чѣмъ сколько платятъ некрещенные. Для характеристики ненормальныхъ отношеній властей земской полиціи къ миссіи, отнимавшихъ много времени на бесполезную и непріятную переписку и парализовавшихъ ея дѣйствія, позволимъ себѣ привести эпизодъ изъ жизни основателя миссіи покойнаго архимандрита Макарія. Въ одной изъ мѣстностей Алтая четыре инокородческія семейства, изъявившія желаніе принять св. крещеніе, послѣ надлежащаго оглашенія и обученія молитвамъ о. архимандритомъ Макаріемъ, оставлены были имъ на мѣстѣ ихъ жительства по случаю встрѣтившейся ему надобности отлучиться куда-то надолго. Земскій исправникъ (не Ѡ. А. Серебряниковъ конечно, о которомъ упоминалъ о. Макарій въ своихъ запискахъ), враждебно относившійся къ о. Макарію, узнавъ о приготовленныхъ имъ къ крещенію семействахъ, въ проѣздъ свой черезъ кочевья послѣднихъ внушилъ имъ, чтобы они архимандриту не вѣрили и не крестились, ибо крещеныхъ молодыхъ людей будутъ отдавать въ солдаты, престарѣлыхъ женщинъ — въ заводскія работы. Узнавъ объ этомъ, присовокупилъ исправникъ, я нарочито пріѣхалъ сюда, чтобы предупредить васъ. Если же вы не послушаете меня, то увѣрю васъ, старшихъ изъ васъ замучу до смерти и тутъ же закопаю въ землю. Напуганные этимъ инокродцы немедленно откочевали въ другія мѣста, оставивъ свое намѣреніе креститься. Этотъ фактъ враждебнаго отношенія представителя христіанской власти къ первому проповѣднику Евангелія на Алтаѣ, послужившій образцомъ для языческихъ властей, не разъ повторялся въ исторіи миссіи въ разныхъ видоизмѣненіяхъ. Особенно спорныя страницы исторіи миссіи второй половины 50-хъ годовъ, когда гражданская власть совокупно съ алтайскими родовичами положила

въ намѣреніи „стереть миссію съ лица земли“. Можно бы привести еще нѣсколько фактовъ изъ дѣлъ миссіи, какому преслѣдованію, какимъ возмутительнымъ пыткамъ подвергались ново-крещенные со стороны своихъ языческихъ старшинъ, зайсановъ, башлыковъ, димочей и проч. властей, поопряемыхъ примѣрами христіанскихъ властей, но считаемъ достаточнымъ и приведеннаго, чтобы вывести заключеніе о тяжкихъ трудахъ и миссіонерскихъ подвиговъ, добровольно принятыхъ на себя о. Макаріемъ. Паства о. Макарія росла и къ пріѣзду перваго епископа томскаго Агапита, когда при образованіи отдѣльной томской епархіи архимандритъ Макарій съ сотрудниками былъ переведенъ изъ вѣдѣнія тобольскаго въ вѣденіе томскаго епархіальнаго начальства, новокрещенныхъ обоаго пола насчитывалось болѣе 200. Къ концу пребыванія о. Макарія на Алтаѣ насчитывалось ихъ уже до 700. Цифры эти краснорѣчиво свидѣтельствуютъ объ энергіи его миссіонерской дѣятельности и пріобрѣтаютъ еще больше цѣны и значенія, если принять въ соображеніе то, какъ осторожно относился о. Макарій къ желавшимъ принять св. крещеніе, ища въ нихъ не количество, а качество, т.-е. искренней и истинной вѣры во спасеніе Иисусомъ Христомъ, а не желанія только числиться христіанами. О его личномъ и совершенно безкорыстномъ отношеніи къ дѣлу мы всего ближе знакомимся изъ его письма къ преемнику пр. Евгенія на тобольской кафедрѣ преосв. Аанасію, въ ту минуту, когда о. Макарій узналъ, что преосвященный желаетъ представить его къ ордену, который по статуту дается тому, кто обратился въ христіанство до 100 душъ. Служа дѣлу, и особенно такому великому дѣлу, не ради наградъ и почестей конечно, а ради самаго дѣла, о. Макарій написалъ немедленно письмо къ преосвященному: „повергаясь въ душѣ моей къ стопамъ вашимъ, милостивѣйшій архипастырь и благодѣтель мой, со всепокорнѣйшею искренностію молю: никакимъ орденомъ знакомъ и никакимъ отличіемъ не украшать моей немощной службы. Священный долгъ побуждаетъ свидѣтельствовать, что всѣ новокрещенные обращены не мною, но Провидѣніемъ Божиимъ, по большей части безъ предварительнаго содѣйствія миссіи въ пунктахъ успѣховъ, такъ что на коихъ наше дѣйствованіе устремлялось, тѣ непреклонными оставались; но трудъ безуспѣшный

въ однихъ былъ награждаемъ пріобрѣтеніемъ въ другихъ, которыхъ прежде мы и не видали, а которые были всегда извѣстны Всевидящему. Самое качество миссіонерской службы требуетъ, чтобъ иновѣрцы не имѣли повода къ вредному для дѣла Божія мнѣнію, что служитель церкви воспріемлетъ труды въ ихъ пользу по видамъ и чаяніямъ честолюбія. Мнѣ кажется, что многіе здѣсь такимъ образомъ думаютъ обо мнѣ; а я не желаю, чтобы мнѣніе такое восторжествовало и чтобы отъ личности моей падала тѣнь подобныхъ мнѣній и на другихъ, кои будутъ трудиться на стезѣ настоящей службы миссій“. Такъ думалъ о. Макарій, но не такъ думало начальство его. Замѣчательное письмо это не отклонило, а только отдалило награду и нѣсколько видоизмѣнила самый характеръ ея. Въ 1835 году по высочайшему повелѣнію о. Макарій былъ пожалованъ за ревностное служеніе и отличные подвиги въ проповѣди слова Божія наперстнымъ золотымъ крестомъ, украшеннымъ драгоценными камнями. Для принятія этого креста и сослуженія съ преосвященнымъ о. Макаріемъ былъ вызванъ на 1-е августа 1835 года въ Барнауль, причемъ ему было предписано взять съ собой и митру, которую, замѣтимъ мимоходомъ, онъ имѣлъ обыкновеніе употреблять только во время службы въ первый день Рождества Христова и св. Пасхи. Не лишено интереса письмо его къ Е. Ѳ. Н. по этому случаю: „1-го августа на литургіи Пр. (Аѳанасій, поступившій на мѣсто пр. Евгенія) возложилъ на меня пожалованный мнѣ Св. Синодомъ крестъ, съ которымъ вы поздравили меня. И въ тотъ же день Господь дѣйствительно послалъ мнѣ крестъ: бывшій со мною новокрещенный отрокъ Василій, который началъ уже часословъ учить и въ которомъ я надѣялся имѣть хорошаго толмача и сотрудника, получилъ лихорадку и чрезъ нѣсколько дней скончался. Помолитесь о душѣ его. Что касается до меня, я не помню, когда такую горестную печаль и скорбь имѣлъ какъ въ этомъ случаѣ“. (Письм. 1851 к. 1. стр. 117).

Въ слѣдующемъ году еп. Агапитъ предложилъ о. Макарію по порученію Св. Синода перебраться въ иркутскую епархію и заняться тамъ обращеніемъ бурятъ въ томъ предположеніи, что тамъ болѣе предвидится пользы и успѣха отъ его трудовъ, нежели на настоящемъ мѣстѣ; о. Макарій, который прежде именно въ началѣ миссіонерской дѣятельности своей и самъ желалъ

ѣхать въ Иркутскъ, теперь отвѣчалъ, что это предположеніе открыло въ душѣ его борьбу различныхъ мыслей и чувствованій. „Обрѣтаю въ себѣ“—писалъ онъ, „желаніе согласиться на предположеніе Св. Синода къ проповѣданію христіанской вѣры бурятамъ, и желаніе сойти въ уединеніе и безмолвіе, и желаніе продолжать служеніе при здѣшней миссіи до совершеннаго изнеможенія, и желаніе, не сходя съ пути миссіонерской службы, посвятить остатокъ силъ своихъ приготовленію двухъ юношей, имѣющихъ весьма благонадежныя способности, нравы и желанія, моихъ сотрудниковъ при миссіи въ Бійскомъ округѣ, къ плодотворнѣйшему служенію въ распространеніи царствія Божія между евреями, магометанами и язычниками, находящимися въ державѣ російской“. Юноши эти были: Михайлъ Нигрицкій и Степанъ Ландышевъ, изъявившіе желаніе поступить въ миссію въ сотрудники къ о. Макарію. Примѣтнымъ образомъ, писалъ онъ далѣе въ своемъ отзывѣ, мои тѣлесныя силы ослабѣваютъ, и въ особенности слабѣетъ органъ зрѣнія. Между тѣмъ какъ братія Ландышевъ и Нигрицкій вкупу съ мною собирали бы благопотребныя для службы миссіонерской знанія и искусство, можетъ быть я исправился бы при помощи Божіей въ состояніи своемъ по тѣлу, особенно вооружился бы хорошими очками и воспользовался бы совѣтами и пособіями врачей московскихъ. Всѣ сіи предположенія предаю волю Всевышняго и соизволенію Св. Правит. Синода. Всякому указанію Св. Синода искренно и спокойно желаю послѣдовать, какъ откровенію воли Божіей. Но что бы со мной ни случилось и какое бы распоряженіе въ разсужденіи меня не было сдѣлано, умоляю правительство церкви не закрывать миссіи здѣшней, но утвердить навсегда ея существованіе на правилахъ инокеской общины, продолжать начатое сею миссіею въ округахъ Бійскомъ и Кузнецкомъ, сколь ни слабо сіе начало, и сохранять то, что при служеніи ея приобрѣтено церковію, сколь ни малы сіи приобрѣтенія. Храненіе паче дѣланія—провозглашаютъ богомудрые руководители на пути ко спасенію. Это истинно и въ отношеніи къ собранію язычниковъ во единую святую церковь Христову“. О. Макарій имѣлъ въ виду относительно помянутыхъ молодыхъ людей въ предполагавшумся имъ поѣздки въ Москву дать имъ возможность поучиться въ Московской Семинаріи и въ Московскомъ Университетѣ,

познакомить ихъ также съ ланкастерскими школами и съ училищемъ глухонѣмыхъ, съ ухаживаньемъ за больными въ клиникахъ и съ общими основаніями сельскаго хозяйства. Св. Синодъ оставилъ о. Макарію на прежнемъ мѣстѣ служенія, а относительно приготожденія его юныхъ сотрудниковъ къ успѣшнѣйшему служенію въ миссіи не нашелъ удобнымъ исполнить предположенія о. Макарія. Вотъ что писалъ по этому поводу о. Макарію М. Филаретъ: „проектъ вашъ никому изъ насъ не показался удобнымъ и благонадежнымъ къ исполненію. Удалясь въ Москву для приготовленія къ новой миссіи, вы прервали бы существующую; а легче и надежнѣе продолжать начатое, нежели возобновлять прерванное. Долгій путь, годы, Москва, свѣтскій кругъ въ университетѣ, множество предметовъ ученія, арабскій языкъ, медицина, ланкастерская метода,—о всемъ этомъ думая, право боюсь за Нигрицкаго и Ландышева. Тоже кажется думали и другіе; а потому положили оставить васъ тамъ гдѣ, вы обрѣтаетесь, и пожелать вамъ, чтобы вы, отецъ Макарій, были для Нигрицкаго и Ландышева семинаріею, академіею и университетомъ, и чтобы они оправдали ваши надежды, на которыя съ участіемъ и любовію смотритъ начальство...¹⁷⁾ Съ 1836 года средства миссіи были увеличены до 2.000 руб., которые и употреблялись на содержаніе церкви, дома и больше всего на пособія нуждающимся изъ новокрещенныхъ. Самъ о. Макарій довольствовался по прежнему магистерскимъ окладомъ, а о томъ, какъ велики были вообще денежные средства въ его распоряженіи, можно судить изъ письма его къ Е. Θ. Н. „Письмо ваше съ десятирублевою ассигнаціею получено мною на возвратномъ пути изъ Томска въ Барнаулъ генваря 19, т.-е. въ день ангела моего по монашеству, когда у меня ни копѣйки не оставалось въ карманѣ, и когда, выходя изъ церкви послѣ обѣдни, долженъ былъ занять рубль у церковнаго старосты, которому и отдалъ долгъ изъ денегъ присланныхъ вами. Нужно ли говорить, что усердію вашему соответствуетъ душа моя чувствами признательности? Или сказать: да спасетъ тебя Господь благодатию Своею? Думаю, и вы сами такъ думаете, что послѣднее лучше“. (Письма изд. 1851 г. к. I. стр. 120). Нужно ли прибавить къ

¹⁷⁾ Чтен. въ общ. любит. дух. просв. 1872 стр. 96.

тому еще, что о. Макарій, какъ пишетъ о немъ А. С. Стурдза— „не только не вѣшалъ отъ млека стада своего, ни отъ плода насажденнаго имъ виноградника духовнаго, но еще обрекалъ себя на частыя трудныя поѣздки изъ Сибири въ Москву для сбора подавій въ отраду и помощь бѣдной паствѣ своей. Такииъ образомъ иждивая себя и *жреть бывая* душевно и тѣлесно, Макарій ни на минуту не отставалъ отъ ввѣреннаго ему апостольскаго служенія, но то пробирался чрезъ сугробы въ глушь сибирскихъ лѣсовъ съ своими сподвижниками, то утѣшалъ и училъ худородныхъ и уничиженныхъ міра сего, то опять отправлялся на одноконной телѣгѣ или открытыхъ саняхъ за милостынею въ златоглавую древнюю столицу“¹⁸⁾. Отдавшись всецѣло *corps et âme* миссіонерскому подвигу, о. Макарій не покидалъ и своихъ прежнихъ любимыхъ занятій, ученыхъ трудовъ, посвящая имъ вечера и зачастую проводя за ними и ночи. Нельзя не подивиться, какъ хватало у него силъ на все то, чему онъ посвящалъ себя за это время. Не смотря на то, что онъ предпочиталъ говорить проповѣди прямо не готовясь, онъ ихъ и написалъ много. Жаль, что ихъ собрано и издано очень немного. Сверхъ того онъ долженъ былъ вести дневникъ миссіи для Пр. Евгенія и поддерживать обоюдную и разнообразную переписку со многими лицами. Съ дневникомъ его мы нѣсколько познакомились, а письма его, появлявшіяся частію въ немногихъ повременныхъ изданіяхъ и частію отдѣльными книжками, представляютъ много интереснаго и столько поучительнаго, что стоятъ проповѣдей, отличаясь при томъ прекраснымъ языкомъ. Намъ извѣстны только два отдѣльныхъ изданія его писемъ. Въ первомъ, отпечатанномъ въ Московской Университетской типографіи, (1851) съ разрѣшенія цензора протоіерея Ѳ. Голубинскаго изданы письма о. Макарія къ Е. Ѳ. Н. и кн. Е. П. Т., двумъ велико-свѣтскимъ дамамъ. Первая, какъ видно, была благотворительницею бѣдныхъ изъ ново-крещенныхъ и жертвовала на поддержаніе походной церкви миссіи и деньгами и иконами, церковными принадлежностями, книгами и проч. вещами. О. Макарій называетъ ее сотрудницею. Она писала сама иконы для церкви и даже переписывала для о. Макарія его переводы съ

¹⁸⁾ Страникъ 1860. Апрель.

оригиналовъ на русскій языкъ: книгу Іова, Лѣствицу и др. и даже не одинъ разъ по случаю оказывавшихся необходимыхъ поправленій. Письма о. Макарія къ этимъ дамамъ заключаютъ совѣты, поученія, наставленія, нерѣдко довольно строгія по отношенію къ ихъ вопросамъ, касающимся житейскихъ обстоятельствъ, искушеній, неприяностей, огорченій, и т. п. „Не рѣжьте себя тупымъ ножомъ по горлу“ (пишетъ онъ стр. 43, в. I.), но однимъ рѣшительнымъ размахомъ отрубите голову гордости вашей; смиритесь, — и Богъ спасетъ васъ. Получше, какъ можно получше надобно выдавить гной изъ всякой раны и ранки; послѣ того и примочка слезная будетъ во время и въ пользу; а безъ того она смѣшивается съ гноемъ и умножаетъ оный, и ранки малыя могутъ содѣлаться большими язвами къ смерти“. Замѣчательно его объясненіе „Грозныхъ прещеній и отлученій“ Св. Отцовъ стр. 55. „Посмотрите на пастуха добраго въ полѣ со стадомъ; какой у него длинный бичъ. Какой громкій звукъ раздастся, когда онъ хлопаетъ имъ! Но онъ имъ поражаетъ сырую землю, и для того только весь громъ производитъ, чтобы овцы не разбрелись и не сдѣлались добычею хищнаго звѣря; удары его такъ искусны, что на овецъ не упадаютъ; но овцы боятся, чтобы имъ не подвергнуться, и остаются въ послушаніи и единствѣ стада своего держатся смиренно“... „Но буква убиваетъ, а духъ животворитъ; и кто одною буквою оною обладаетъ и управляетъ, тотъ убиваетъ кого больше? себя или другихъ?—А кто проніявъ не гордымъ челомъ высокой учености, а смиренною грудью любви въ духъ оный буивы, въ рукахъ того и буква жива, и какъ мила, любезна, сердцу его любезна! нитательна, знаменательна, грозна, кротка, важна, снисходительна, драгоценна, священна, со опасствомъ прикосновенна и открываема, съ благословеніемъ соблюдаема — ради духа заминутаго въ ней; но и духъ самый соблюдается буквою оною отъ безпорядочнаго, безвременнаго разліянія, расточенія и исчезновенія“. Сколько бы мы не извлекали выписокъ изъ этихъ писемъ, они не могли бы послужить къ вѣрной оцѣнкѣ содержанія писемъ о. Макарія. Ихъ надо читать во всей цѣлости. Не лишнимъ считаемъ замѣтить здѣсь, что судя по нѣкоторымъ чертамъ содержанія писемъ къ Е. Ѳ. Н. она жила въ Tobolskѣ и была изъ числа тѣхъ замѣчательныхъ по самоотверженію дамъ, которыя послѣдовали

въ ссылку за своими несчастными мужьями — декабристами. Намекъ на отношенія о. Макарія къ денабристамъ мы находимъ и въ письмѣ митрополита Филарета къ нему, по поводу сътованія о. Макарія на недостатокъ людей способныхъ для миссіи. Письмо это такъ важно, что мы приведемъ его вполнѣ (чт. въ общ. Люб. Дух. просв., стр. 90—92). „Преподобнѣйшій отецъ архимандритъ. Я чуть не позавидовалъ, услышавъ передъ симъ о письмѣ вашемъ инуды: но вы тотчасъ освободили меня отъ лскушенія. Благодареніе Богу, хранящему и подкрѣпляющему васъ на трудномъ поприщѣ. Сотница обращенныхъ вами да будетъ въ тысячи и тмы народа Божія! О вашей нуждѣ въ людяхъ говорилъ я въ Св. Синодѣ. Сказали: долженъ помочь епархіальный преосвященный. Подлинно, намъ послать къ вамъ кого нибудь силою и неудобно и бесполезно; а уговорить также трудно не знающаго васъ. По возможности буду еще о семъ заботиться. Иванъ Павловъ могъ бы вамъ годиться, еслибы мысль сія пришла ранѣе. Но недавно онъ сектаторски привязался къ одному дворянину сектаторю, и подвергся съ нимъ несприятностямъ и замѣчанію у начальства, такъ что теперь, еслибы онъ и пошелъ къ вамъ, едва-ли принесъ бы вамъ пользу, а могъ бы навести на васъ подозрѣніе. Андрей Ивановъ, случайно возбужденный, но неуправленный, изъ студентовъ академіи попалъ въ типографскіе корректоры, и также способенъ обременить, а не облегчить васъ. Что касается до особеннаго разряда людей, которыхъ вы полагаете пребывающихъ въ духѣ покаянія, на некоторыхъ лежитъ замѣчаніе, безпримѣрно болѣе тяжкое, нежели да Иванъ Павловъ,—можете по сему сравненію заключить, посоветую ли я просить кого изъ нихъ. Изъ сего непредвидится кромѣ вреда вашему чистому и простому дѣлу. Можетъ быть время принесетъ удостовѣреніе о пребываніи сихъ людей въ духѣ покаянія, и въ томъ, что они могутъ быть употреблены полезно и благонадежно: теперь еще не сіе время. И подумайте, изъ головъ, которыя почли себя способными перестроить цѣлый міръ, скоро ли можетъ выйти вся сія огромная дурь безъ остатка? Сказываютъ о нѣкоторыхъ, что смирились и занимаются религіею. Слава Богу. Но духъ покаянія требуетъ, чтобы они признались не въ ошибкахъ и заблужденіи, въ чемъ мудрость иногда признается, а въ безуміи и преступленіи. Пре-

доставимъ сіе хотящему всѣмъ спастися. А вы будьте осторожны. Хочется мнѣ поспорить противъ вашего свидѣтельства о мнѣ, будто я когда-то сказалъ: „не всѣ наши такъ худы, какъ ты“. Не клевете ли вы на меня немножко? Не охотникъ я употреблять, ни слышать слово: наши. Зачѣмъ раздвѣлять? Какое право присвоить? Всѣ Божіи и Цосударевы: и полно. Притомъ и думаю, что если я сказалъ что либо подобное, то развѣ такъ: „не всѣ такъ худы, какъ и мы съ тобою“. Вотъ что могъ я сказать для моего обличенія и для вашего смиренія. Начатки христіанскаго ученія послать вамъ постараюсь. Остается сказать, что вы лучше бы распорядились, еслибы въ письмѣ вашемъ говорили все, какъ миссіонеръ только, дабы можно по надобности сообщить ваше собственно-ручное извѣстіе или требованіе по вашимъ дѣламъ; а что говорится только мнѣ, то написали бы на особомъ лоскутѣ, дабы я скорѣе могъ раздрать рукописаніе, въ которомъ вы клевете, если не на меня, то на себя. Простите меня предъ временемъ покаянія. Богъ да проститъ и васъ, аще въ чемъ требуетъ прощенія душа ваша, и миръ Божій да соблюдаетъ сердце ваше, и разумніе ваше, и житіе ваше, и новоизбираемое стадо ваше. Спб. мар. 2. 1835. Ф. М. М—скій. Кромѣ сказаннаго нами письмо это еще указываетъ на *раздраніе* какъ на причину, почему къ сожалѣнію такъ мало сохранилось писемъ о. Макарія къ М. Филарету, и писемъ частныхъ неофициальныхъ, и потому крайне интересныхъ.

Во второмъ изданіи (1860), отпечатанномъ въ типографіи В. Готье и состоящемъ изъ 2 частей, собраны письма о. Макарія, какъ къ помянутымъ дамамъ такъ и къ другимъ лицамъ. Къ 1 части приложено какъ *facsimile* руки о. Макарія часть литографированнаго письма его, напечатаннаго въ полномъ объемѣ во 2 ч. этого изданія и писаннаго къ П. П. Г. Ко второй части приложено, тоже какъ *facsimile*, четырехстишіе, написанное о. Макаріемъ. Въ этомъ изданіи не соблюденъ ни хронологическій порядокъ, ни даже точность текста писемъ. Мы заключаемъ это изъ того, что въ письмахъ къ Е. Ф. Н. и Кн. Е. П. Т., помѣщенныхъ въ изданіи 1851 г. и перепечатанныхъ во второмъ 1860 год., много пропусковъ. Кто такъ распорядился: самъ ли собиратель и издатель писемъ его цензоръ, или священникъ Ф. Сергіевскій? Это послѣднее собраніе писемъ о. Макарія при

всей неполнотѣ и недостаткахъ представляетъ еще больше интереса нежели первое, такъ какъ оно заключаетъ въ себѣ письма о. Макарія не къ двумъ только лицамъ перваго изданія, а ко многимъ другимъ. Содержаніе этихъ писемъ очень разнообразно. Привѣтствуютъ ли онъ кого по случаю радостнаго семейнаго событія или предлагаетъ слова утѣшенія въ горестномъ, онъ постоянно въ основаніе своихъ мыслей приводитъ св. Писаніе или писаніе св. отцовъ и такъ послѣдовательно и увлекательно развиваетъ свои мысли, что не знаешь чему дивиться: богатству ли и глубинѣ его мыслей, необыкновенной ли эрудиціи его? И все такъ конкретно и вмѣстѣ просто, безъ малѣйшаго попопозновенія блеснуть краснорѣчіемъ, что письма его читаются и перечитываются съ удовольствіемъ, тѣмъ болѣе еще, что онъ никогда не повторяетъ т.-е. не приводитъ однихъ и тѣхъ же мыслей или выраженій, хотя бы событіе или предметъ рѣчи, ихъ вызвавшіе, были схожи. Особенно замѣчательны по содержанию и изложенію два письма къ $\Theta.$ А. Г. (71 стр. 3 и 5) 1) „привѣтственное предъ вступленіемъ въ бракъ“ $\Theta.$ А. Г. и 2) „утѣшительное по кончинѣ его супруги“ чрезъ семь лѣтъ послѣ того какъ о. Макарій поздравлялъ $\Theta.$ А. Г. со вступленіемъ въ бракъ съ той же особой, утрату которой теперь $\Theta.$ А. Г. пришлось оплакивать. Обладая такимъ талантомъ, онъ не придаетъ ему значенія, а все приписываетъ св. Писанію. Въ одномъ изъ писемъ къ П. П. Г. онъ проситъ при чтеніи его писемъ найти приведенныя изреченія Божіи и со вниманіемъ прочитать каждое въ мѣстѣ его, прибавляя. „Dulcius ex ipso fonte libuntur aquae, вода пріятнѣе, когда пьешь изъ самаго источника“. Въ другомъ къ М. П. П. онъ предлагаетъ въ утѣшеніе почти только одни избранныя изреченія изъ Евангелія на русскомъ языкѣ и въ началѣ письма говоритъ: „ничего другаго не буду предлагать и теперь въ утѣшеніе кромѣ глаголовъ жизни вѣчной“... Въ одномъ изъ писемъ къ I. А. о. Макарій такъ заканчиваетъ письмо: „Душа христіанская въ молитвѣ говоритъ Богу, а когда читаетъ св. Писаніе, тогда слышитъ Бога говорящаго ей. Иначе—воззрѣніе ея на Іисуса Христа есть молитва, а слово Христово къ ней есть воззрѣніе Іисуса Христа на нее, есть лучъ свѣта сего животворящаго, и прогоняющаго, уничтожающаго всякую тьму грѣха. Итакъ будемъ искать сихъ благодатныхъ воззрѣній въ

Священнѣйшей Библии“. Изъ писемъ же о. Макарія видны его и матеріальныя заботы о миссіи и новокрещенныхъ. Такъ увѣдомляя С. А. М. (ч. 1 стр. 36) о полученіи вмѣстѣ съ серебряными крестами, журнала земледѣльческаго за десять лѣтъ, трехъ книжекъ сельскаго хозяйства о овцеводствѣ и пятидесятирублевой ассигнаціи о. Макарій пишетъ: „Хотя въ кругу различныхъ потребностей миссіи и пособіе деньгами не бываетъ излишнимъ, однако по мнѣнію моему вы поступили бы лучше, еслибы на пятьдесятъ рублей купили книгъ и книжекъ хорошихъ и прислали ихъ намъ; потому что вы и купили бы ихъ подешевле и прислали бы безъ дальнихъ издержекъ“. Затѣмъ о. Макарій выражаетъ желаніе имѣть „Магазинъ естественной исторіи“, журналъ, который издавался Двигубскимъ въ продолженіе 8 лѣтъ и „Земледѣльческую химію“ Павлова. Просить о высылкѣ сѣмянъ овощей, врачебныхъ травъ и цвѣтовъ, заботится даже и о табачныхъ сѣменахъ для инородцевъ. Увѣдомляя объ открытіи при миссіи трехъ школъ: двухъ въ Майминскомъ и Уланскомъ станахъ для мальчиковъ и одной въ Майминскомъ станѣ для дѣвочекъ, спрашиваетъ: „нѣтъ ли краткаго и общепонятнаго изложенія ученія о сельскихъ трудахъ, принадлежащихъ мужчинамъ, усвоенныхъ женщинамъ, и общихъ для тѣхъ и другихъ? Ознакомясь съ календаремъ флоры Линнея и даже списавъ его, спрашиваетъ: нѣтъ ли также такого календаря природы?... „въ которомъ бы представлялась картина произведеній многообразной премудрости Божіей и сыновъ человѣческихъ; въ нихъ и съ ними ея веселіе, ихъ она избрала себѣ въ сотрудники, имъ показываетъ дѣла свои и законы, по какимъ она донимѣ дѣлаеть съ Отцемъ своимъ: и если она имѣетъ свое веселіе въ сынахъ человѣческихъ, то и сыны человѣческіе не должны ли искать веселія своего въ познаніи Премудрости Божіей, въ удивленіи дѣламъ ея, въ наслажденіи ею, въ подражаніи ей, въ соединеніи съ нею, въ уподобленіи ей“?... „Такую книгу могли бы дѣти земледѣльцевъ читать отцамъ и матерямъ своимъ безграмотнымъ и сколь благотворныя могутъ послѣдствія произойти отъ сего“. Нѣкоторыя письма о. Макарія свидѣтствуютъ о его любознательности любви къ наукамъ вообще, но мы приведемъ ихъ въ послѣдствіи какъ единственный источникъ при описаніи его пребыванія въ Казани и посѣщенія тамошняго университета. Изъ писемъ же

его мы видимъ, какъ онъ любилъ и понималъ искусство. Въ майской книжкѣ *Странника* за 1861 годъ напечатано письмо о. Макарія къ академику М. И. Мягкову, который пожертвовалъ походную церковь миссіи. Письмо это не попало въ упомянутое собраніе писемъ о. Макарія, изданное въ 1860 году. Оно такъ интересно, что нельзя не благодарить А. Г. Малькова, сообщившаго его. О. Макарій, описывая свои впечатлѣнія при осматриваніи имъ въ бытность свою въ С.-Петербургѣ картинъ Егорова и Брюлова, останавливается особенно на изображеніи Распятія въ протестантской церкви. Отдавая справедливость выраженіямъ лицамъ Иисуса Христа, Богоматери и ап. Іоанна, онъ не мирится съ изображеніемъ Магдалины и говоритъ: „но Магдалина—о несчастное упрямство и своеправіе генія!—та Магдалина, которая была обращена Иисусомъ отъ грѣха къ чистотѣ, Магдалина, изъ которой Онъ изгналъ семь бѣсовъ и которой весь характеръ состоитъ въ покаяніи, уже вкусившемъ и увидѣвшемъ, сколько благъ Господь, но еще продолжающемся и рѣшившемся непрестанно содержать виновную плоть въ обузданіи, порабощеніи и смиреніи,—Магдалина, свидѣтельница смерти Иисусовой, когда должна причащаться страданій Христовыхъ и участвовать въ неизреченной печали Его Пречистой Матери, представляется вамъ роскошною и тѣлеснѣйшею красавицею и разряжена не только *попрежнему*, но и по послѣднему, пышные и радужныя рукава выписаны для нея изъ самой Франціи. Гдѣ здѣсь возможность, современность и истина? Но такова участь совершеннѣйшихъ дѣлъ человѣческихъ; онъ всегда ознаменованы бывають печатью несовершенства и неправильности, потому что мы всѣ чловѣки, и чловѣки неправильные“... Приведемъ встати мысли о. Макарія объ искусствѣ, высказанныя имъ еще въ бытность его студентомъ духовной академіи въ сочиненіи его на заданную тему, какъ упражненіе. Основная мысль сходна съ мыслью его современника Жанъ-Поль-Рихтера, который, какъ извѣстно, высказывалъ мысль, что поэзія есть зеркало, въ которомъ отражается жизнь. Студентъ Глухаревъ писалъ: „Совершенство искусства состоитъ въ совершенномъ подражаніи природѣ; природа есть образецъ; искусство достигаетъ своего назначенія, когда представляетъ вѣрный онаго списокъ, когда, какъ въ чистомъ зеркалѣ, исто отражаются въ немъ образы предметовъ суще-

ствующихъ, или могущихъ существовать въ области природы, во-
ображенія ума человѣческаго“¹⁰⁾... О. Макарій занимала и му-
зыка, съ которой онъ былъ нѣсколько знакомъ. Макарій никогда не
выставлялъ своего имени на своихъ сочиненіяхъ и даже на во-
просы о томъ отвѣчалъ уклончиво; но въ письмахъ его нахо-
димъ указаніе, что онъ заботился о гармонизаціи своихъ мело-
дій. Въ письмѣ къ Н—ъ Д. М. (ч. 1, стр. 217) онъ пишетъ:
„Желаю соответствовать благочестивому усердію вашему къ цер-
ковной миссіи здѣшней, котораго памятники украшаютъ походный
храмъ нашъ, представляю вамъ одинъ псаломъ Давидовъ съ не-
тами, по которымъ вы можете догадаться, какъ я расписываю въ
моихъ прогулкахъ и путешествіяхъ по службѣ. Ноты соответ-
ствуютъ еврейскому тексту, который написанъ подъ ними съ пе-
реводомъ русскіимъ. Мнѣ ихъ разыгрывалъ въ Барнаулѣ на
фортепиано одинъ молодой господинъ, но онъ не имѣлъ времени
исправить мои ноты, дать имъ установленный законъ музыки
видъ и положить на бумагу аккорды. Все это предоставлено вамъ,
и я осмѣливаюсь питать весьма пріятную надежду, увѣряющую
меня, что воспріявъ въ покровительство ваше какъ бы усно-
вите эти звуки, несущіеся къ вамъ изъ горъ Алтайскихъ,
звуки, какіе приискалъ я въ душѣ моей для высокой пѣсни про-
рока. Вы дадите имъ приличное образованіе и украшеніе, сое-
дините съ ними священные томы вашего сердца и пришлете ко
мнѣ нѣчто похожее на концертъ, который мнѣ иногда разыгры-
вали въ Барнаулѣ на фортепиано“... Въ письмѣ къ Г. Т. М.
(стр. 197). „Богопреданной вдовицѣ посылаю въ подарокъ псалму,
которую пою и самъ по временамъ; сложить ее желаніе возбу-
ждено извѣстною страстною пѣснію западныхъ христіанъ: „*Sa-
bat Mater dolorosa*“. Не о той ли пѣсни, которая находится въ
члнѣ другихъ въ его „Лентѣ“, издамой въ пользу бѣдныхъ
между новокрещеными при церковной алтайской миссіи, здѣсь
говорится? Эту „Ленту“ также какъ и „пѣснь о преподобномъ
Алексіѣ человѣкѣ Божіемъ“ и тоже съ аккомпаниментомъ фор-
тепиано о. Макарій раздавалъ своимъ знакомымъ. На оборотѣ

¹⁰⁾ Выше было указано на собраніе этихъ ювонескихъ сочиненій его, храня-
щихся въ библіотекѣ моск. дух. академіи.

каждой изъ этихъ брошюръ напечатано приглашеніе къ содѣйствію усердными вриношеніями успѣхамъ церковной алтайской миссіи. Мы тоже получили отъ о. Макарія объ эти брошюры лично и были свидѣтелями, какъ онъ по нимъ при насъ пѣлъ и самъ сопровождалъ себя на фортепіано. Голосъ у него былъ слабъ, но онъ все-таки пѣлъ. Это было меньше нежеле за годъ до кончины о. Макарія. О. Макарій очень любилъ хорошее церковное пѣніе, но только не такъ-называемое итальянское, а простое изстари усвоенное нашей церковью. Мы увлеклись бы очень далеко, еслибы стали продолжать характеристическія выписки изъ писемъ о. Макарія. Мы не можемъ позволить себѣ уклониться отъ взятой на себя задачи только собрать по возможности и указать матеріалы для біографіи этой замѣчательной личности. Причемъ не можемъ не высказать сожалѣнія, что матеріаловъ изъ записнаго очевидцами и современниками его оказывается еще сравнительно мало и что оказавшеся на лицо очень отрывочно и неполно. Всего больше приходится жалѣть о томъ, что не все еще издано, какъ мы сказали, да и то немногое, что издано отъ его имени и особенно собраніе его писемъ, издано довольно небрежно; но и за то немногое, что издано, мы должны быть благодарны издателямъ, потому что письма о. Макарія кромѣ превосходныхъ поученій служатъ однимъ изъ главныхъ источниковъ для повѣрки появившихся въ печати свѣдѣній о немъ. Кромѣ дневника съ отчетомъ по своей дѣятельности и переписки съ благотворителями миссіи, друзьями и знакомыми о. Макарій продолжалъ заниматься, какъ извѣстно, и учеными работами. Мы уже упоминали, что онъ переводилъ для воронежскаго епископа Антонія огласительныя слова Феодора Студійскаго. Переводъ этотъ, начатый о. Макаріемъ еще въ бытность его въ Глинской пустыни, оконченъ на Алтай²⁰⁾. Затѣмъ онъ перевелъ Іоанна Лѣствичника, Исповѣданіе бл. Августина, бесѣды св. Григорія Великаго. Что эти переводы отличались хорошими качествами, свидѣтельствуетъ вниманіе къ нимъ такою строгаго цѣнителя, какимъ былъ митрополитъ Филаретъ. Выразивъ въ письмѣ отъ 28 марта 1829 года желаніе получить отъ о. Макарія рукопись Іоанна Лѣствичника для напечатанія,

²⁰⁾ Письма архимандрита Макарія. Ч. 1, стр. 109.

митрополитъ продолжаетъ: „желалъ бы я читать и переводъ исповѣданія бл. Августина; а до перевода бесѣдъ св. Григорія Великаго чувствую такую жадность, что хотѣлъ бы получать оный по частямъ, по мѣрѣ, какъ онъ дѣлается. Что принадлежитъ до встрѣченнаго въ семь переводѣ затрудненія, мое мнѣніе: переводить вѣрно все, и отложить до разсужденія цензуры, нужно ли къ какому мѣсту примѣчаніе, или что другое“. Къ этому же времени относятся первыя посылки о. Макарія къ осуществленію его главнаго труда по переводу всей Библии на русскій языкъ съ еврейскаго. Мы перейдемъ къ возможно полному и обстоятельному изложенію всѣхъ перипетій этого капитальнаго труда, которому о. Макарій посвятилъ, не смотря на всѣ неприятности, нѣзгоды, противодѣйствія, весь остатокъ жизни; но предварительно укажемъ и на другіе труды и занятія, относящіеся во времени его пребыванія на Алтаѣ. Такъ, руководствуясь опытомъ какъ миссіонеръ, о. Макарій написалъ цѣлый проектъ, посвященный миссіонерскому дѣлу: „Мысли о способахъ къ успѣшнѣйшему распространенію христіанской вѣры между евреями, магометанами и язычниками въ Россійской державѣ“. Рукопись эту онъ послалъ епархіальному епископу, преосвященному Агапиту съ прошеніемъ о представленіи ея Святейшему Синоду. Рукопись эта находится въ Троицкой Лаврѣ, въ академической библіотекѣ въ отдѣлѣ рукописей, по каталогу Горскаго № 8, куда попала конечно чрезъ митрополита Филарета, получившаго ее изъ Св. Синода. Желающіе ближе ознакомиться съ этимъ превосходнымъ проектомъ о. Макарія, найдутъ списки съ его рукописи, кромѣ помянутой академической библіотеки, и въ отдѣлѣ рукописей въ московскомъ публичномъ румянцевскомъ музеѣ. Здѣсь мы можемъ только вкратцѣ познакомить съ содержаніемъ проекта.

Въ виду способовъ къ успѣшнѣйшему распространенію христіанской вѣры между язычниками, магометанами и евреями, о. Макарій предварительно указываетъ на необходимость перевода и изданія полной Библии съ оригинальныхъ языковъ на живой русскій языкъ, и не только для мірянъ, но и для большаго части служителей церкви, такъ какъ славянскій языкъ сталъ уже мертвымъ и недостаточно понятнымъ и долженъ остаться въ употребленіи лишь въ церковномъ богослуженіи. А „чтобы св.

Библия разливала изобильнѣйшею мѣрою истинный свѣтъ въ россійской церкви вкупѣ со всѣми другими“,—онъ желаетъ умноженія числа грамотныхъ въ простомъ народѣ: что можетъ быть достигнуто заведеніемъ школъ не только по селамъ, отстоящимъ нерѣдко, особенно въ Сибири, далеко отъ деревень, но и по всѣмъ деревнямъ, и не для однихъ мальчиковъ, но и для дѣвочекъ—будущихъ матерей поколѣній. „Женщины также искуплены кровію Іисуса Христа и первыя насъ учатъ, первыя бросаютъ сѣмена въ дѣвственную почву дѣтскаго сердца“. Сожаля о милліонахъ людей, пропадающихъ во тьмѣ невѣжества, о. Макарій указываетъ на великаго учителя вселенскаго Іоанна Златоуста, который въ одной изъ бесѣдъ на Дѣянія св. Апостоловъ, поставляетъ за правило, чтобы всякое селеніе христіанское имѣло свою церковь и своего священника. Церкви эти, по мнѣнію о. Макарія, должны бы быть самой простой, незатѣйливой архитектуры, а священникъ съ единственнымъ причетникомъ, равно какъ и жены ихъ могли бы преподавателями въ школахъ; дѣти же не были бы вынуждены бѣгать за нѣскольکو верстъ въ село для того, чтобы учиться; а оставаясь дома, могли бы послѣ ученія въ свое время помогать родителямъ въ полевыхъ работахъ и руководѣльяхъ. Мы привели въ очень сокращенномъ и сжатомъ видѣ начало его обширной рукописи, съ которой желающимъ познакомиться вполнѣ мы уже указали на помннутыя бібліотеки, а теперь заключимъ первыя три главы рукописи изложеніемъ его мысли: „Конечно суммы огромныя были бы нужны, великія движенія и усилія неизбѣжны, разныя непрятности необходимы; но, во первыхъ, это дѣло было бы производимо мало-по-малу, съ тихою постепенностью,—и сей малый ручей, еслибы произошелъ изъ родника Приснотекущаго, скоро въ своемъ теченіи соединился бы съ другими потоками, содѣлался бы малою рѣчкою; а сія рѣчка, соединившись съ другими, явилась бы въ свое время рѣкою великою, которая изобильныя благословенія Божія разливала бы въ русскомъ народѣ; а вовторыхъ, всѣ затрудненія ничего не значатъ въ сравненіи съ важнѣйшею и священнѣйшею нуждою церкви и государства, состояшею въ христіанскомъ просвѣщеніи всего народа, хотя и не всего одною мѣрою. А чѣмъ болѣе свѣтъ Христовъ будетъ распространяться въ нашемъ народѣ, тѣмъ онъ въ безчисленныхъ прикосновені-

яхъ къ инородцамъ и въ сношеніи съ ними благотворнѣе будутъ дѣйствовать на невѣрныхъ и приближать ихъ къ соединенію съ церковію Христовой; тѣмъ болѣе добрыхъ дѣлателей для жатвы Господней церковъ будетъ получать отъ народа, и когда миссіонеры будутъ стараться о заведеніи дѣтскихъ училищъ между новокрещеными, тогда сіи не скажутъ имъ: „почему же вы мучите насъ, когда старыхъ христіанъ своихъ не учите знать христіанскую вѣру?“—Затѣмъ въ слѣдующихъ главахъ, послѣ предварительныхъ объясненій о необходимости для миссіонерскаго дѣла воспитательныхъ заведеній для обоого пола и нужды въ миссіонерахъ, какъ безбрачныхъ, такъ и женатыхъ, о Макаріи весь составъ миссіонерскаго дѣла раздѣляетъ: на 1) руссійское миссіонерское общество при Св. Синодѣ; 2) образовательныя заведенія—мужское и женское въ пользу церковныхъ миссій и 3) сословіе самихъ миссіонеровъ, т. е. безбрачныхъ и вдовыхъ, подвижницъ, посвятившихъ одиночество свое Богу, и миссіонеровъ семейныхъ. На миссіонерское общество онъ возлагаетъ: ревностное содѣйствіе къ распространенію христіанства, доброе устройство миссіонерскихъ образовательныхъ заведеній, стремленіе къ благосостоянію и успѣхамъ церковныхъ миссій въ Россіи, обращеніе раскольниковъ къ союзу и общенію съ православною церковію и заведеніе церквей и школъ по деревнямъ. Затѣмъ входитъ въ подробности и показываетъ, какъ достигнуть распространенія Слова Божія. Первымъ дѣломъ ставить переводъ Библии и Новаго Завѣта съ оригинальныхъ языковъ на русскій и другіе языки инновѣрныхъ инородцевъ — поданныхъ Россіи, потомъ указываетъ какъ приобрести и денежные средства на способы къ миссіонерскому дѣлу. Указывая на возможность ошибокъ и погрѣшностей, совѣтуетъ не унывать и ставить въ примѣръ Петра Великаго, который и дѣлая ошибки все-таки научился изъ уроковъ, данныхъ ему врагами, побѣждать этихъ самыхъ враговъ и увѣнчать Россію славою. Совѣтуетъ изданіе Корана на арабскомъ языкѣ съ изобличительными замѣчаніями. Просвѣтительной дѣятельности миссіонерскаго общества предоставляет изданіе Библии и Новаго Завѣта на языкахъ оригинальныхъ съ полнымъ по возможности показаніемъ различія чтеній по различнымъ древнѣйшимъ спискамъ Библии, дабы видно было, что Библия, проходя чрезъ толикіе вѣка, не

могла повредиться и измѣниться въ существенномъ. Иисусъ Христосъ обличалъ книжниковъ и фарисеевъ за лицемеріе и ученіе, несогласное съ чистотою заповѣдей Божіихъ, *не обличалъ ихъ однако за поврежденіе книгъ, писанныхъ боговдохновенными пророками*, а говорилъ: „испытайте Писанія: онѣ свидѣтельствуютъ обо Мнѣ“. Для этой же цѣли считаетъ потребнымъ изданіе подлинныхъ съ переводомъ на русскій языкъ сочиненій всѣхъ церковныхъ писателей перваго вѣка, нѣкоторыхъ втораго, третьаго и дальнѣйшихъ, а также новѣйшихъ. Кромѣ изданія и распространенія въ народѣ обществомъ правоучительныхъ и назидательныхъ книгъ, о. Макарій выражаетъ желаніе, чтобы Св. Синодъ разрѣшилъ обществу печатать Сборникъ, подъ названіемъ „Вѣстникъ Россійской церкви“, біографіи достопамятныхъ лицъ въ Россійской церкви новѣйшихъ временъ, ученіе, слова и бесѣды знаменитыхъ пастырей и учителей нашихъ и пр. Совѣтуетъ послать въ разныя христіанскія государства при благонадежномъ руководителѣ двухъ воспитанниковъ церковной академіи, даровитыхъ и понимающихъ по крайней мѣрѣ французскій языкъ, для ознакомленія съ церковно-воспитательными заведеніями, особенно относительно образованія миссіонеровъ и ихъ дѣйствій, внесенія всего достойнаго вниманія въ путевыя записки и представленія миссіонерскому обществу. Кромѣ того подобныя же посольства отправлять и по Россіи для посѣщенія училищъ, лавръ и монастырей и для привлеченія ихъ какъ въ нравственномъ, такъ и ⁴матеріальномъ отношеніи къ обязанности Россійской церкви просвѣщать живущихъ въ Россіи магометанъ, евреевъ и язычниковъ и вводить ихъ въ церковь Христову и въ царство небесное; для путешествія по тѣмъ мѣстамъ Россіи, гдѣ много евреевъ или магометанъ или язычниковъ, съ цѣлью наблюденія и составленія записокъ о тѣхъ странахъ и народахъ, ихъ языкахъ, нравахъ, обычаяхъ и климатическихъ условіяхъ. Постояннымъ же дѣломъ Россійскаго миссіонерскаго общества о. Макарій ставитъ попеченіе объ устроеніи и благосостояніи образовательныхъ миссіонерскихъ заведеній, какъ мужскихъ, такъ и женскихъ, и самыхъ миссій церковныхъ. Выразивъ желаніе, чтобы повсемѣстно царилъ духъ Христовъ, чтобы эти дружины церковныя были избавлены отъ закваски садужейской и фарисейской, о. Макарій продолжаетъ развивать свой планъ относительно миссіонер-

скихъ заведеній и устройства миссій до мельчайшихъ подробностей. Ничего имъ не забыто, ничего не обойдено имъ—устройство зданій, домовъ, церквей, выборъ наставниковъ, отношенія ихъ къ учащимся, предметы занятій послѣднихъ, науки, искусства и ремесла по отношенію къ миссіонерскому дѣлу, распределение труда и обязанностей между женатыми миссіонерами и неженатыми, между диаконами, отношеніе миссіонеровъ къ ино-вѣрцамъ имущимъ и бѣднымъ. Указать хотя бы вкратцѣ на все это завлекло бы насъ очень далеко и все-таки не дало бы возможности представить въ надлежащемъ видѣ и свѣтѣ содержаніе этой замѣчательной рукописи, свидѣтельствующей не только объ административныхъ способностяхъ о. Макарія, но и его глубокомъ знаніи и пониманіи жизни и ея нуждъ и потребностей. Превосходный и разносторонне разработанный проектъ этотъ былъ оставленъ Св. Синодомъ безъ должнаго вниманія уже потому вѣроятно, что въ немъ между прочимъ развивалась мысль объ изданіи всей Библии на русскомъ языкѣ,—мысль, противъ которой были уже воздвигнуты тогда гоненія. О. Макарія конечно это очень огорчило, но онъ не унывалъ, и по возвращеніи въ Сибирь продолжалъ заниматься переводомъ Библии на русскій языкъ. Кроме того онъ сдѣлалъ въ разное время извлеченія изъ книгъ Св. Писанія. Собралъ эти извлеченія съ тою цѣлю, что не дозволить ли по крайней мѣрѣ хоть въ извлеченіяхъ пользоваться новообращеннымъ чтеніемъ Св. Писанія по русски, о. Макарій отправилъ эти извлеченія подъ именемъ „Алфавита Библии“ къ московскому военному генералъ-губернатору князю Д. В. Голицыну, прося содѣйствія его къ изданію этого Алфавита. Князь Голицынъ не взялъ этого на себя, но отослалъ *Алфавитъ* къ своему зятю графу Протасову, оберъ-прокурору Св. Синода. Графъ Протасовъ передалъ конечно Св. Синоду, и о. Макарію пришлось потерпѣть несприятности. Мы поговоримъ объ этомъ подробнѣе, когда перейдемъ къ его переводу Библии, а теперь мы должны сказать еще нѣсколько словъ о его „Начальномъ ученіи“, о которомъ упоминается въ письмахъ митрополита Филарета къ нему. Рукопись эта находится въ московской епархіальной библиотекѣ и попала туда вѣроятно послѣ смерти митрополита Филарета. Она состоитъ изъ двухъ частей и озаглавлена такъ на выходномъ листѣ, въ заголовкѣ

котораго изображень четвероконечный крестъ: Начальное ученіе человѣкомъ, хотѣющимъ учиться книгъ Божественнаго Писанія. Во имя Оца, и Сѣа, и Сѣаго Дѣа, Аминь. Боже, къ помощи моеи соими: Гдѣи, помощи ми пощиса. ѡл. 36.

Все это написано славянскими буквами. На второмъ листѣ большими прописными буквами: святѣйшаго правительствующаго Синода члену, высокопреосвященнѣйшему митрополиту московскому Филарету и воишь сословіямъ царствующаго града Москвы благоговѣннѣйшее и усерднѣйшее приношеніе. Затѣмъ письмо къ митрополиту Филарету, которое мы приводимъ въ цѣлости, какъ крайне замѣчательное по содержанию и особенно по взгляду о. Макарія на современныя ему печатныя азбуки, букваря, на молитвы, сочиненныя или измышленныя людьми къ этому непризванными.

Высокопреосвященнѣйшій архипастырь царствующаго града Москвы,

Взирая на Господа Иисуса Христа, благословляющаго дѣтей, возлагающаго святыя руки свои на нихъ, и глаголющаго: „блюдите, да не презрите единаго отъ малыхъ силъ“, безъ сомнѣнія вѣрный рабъ его съ благоволеніемъ приметъ сію книжицу, составленную для дѣтскаго возраста преимущественно, хотя и всякихъ лѣтъ чловѣки могутъ употреблять ее съ пользою.

Скоро по вступленіи моемъ въ службу при алтайской церковной миссіи представлялась необходимая потребность такой азбуки, по которой бы можно было съ удобностію учиться славянской и русской граматѣ, и въ то же время утверждать въ памяти спасительныя истины благочестія въ самыхъ началахъ и основанія ученія Христовой церкви. Думая найти такую азбуку уже въ печати, предполагалъ я усвоить ее посредствомъ перевода татарскимъ нарѣчіямъ инородцевъ здѣшняго края, для умноженія способовъ къ распространенію между ними Евангелія. Но сколько азбукъ ни представлялось, ни одна не оказывалась удовлетворительною по моимъ соображеніямъ. Въ одной напримѣръ видѣлъ я молитву Господню: „Отче нашъ!“ и другія молитвы, и Символъ вѣры, и Десять заповѣдей на славянскомъ языкѣ; а не видѣлъ ни одной буквы славянской. Въ другой, которая многимъ луч-

ше всѣхъ прочихъ ²¹⁾, не нахожу собранія извѣстныхъ словъ, которыя въ славянскомъ письмѣ отличаются *титлами*; не нахожу также привѣтствія Божіей Матери: „Богородице Дѣво, радуйся!“ а сей недостатокъ не можетъ быть приятнымъ для чувства благовѣрныхъ людей въ русскомъ народѣ. По нуждѣ употребляемъ *Россійскій букварь для обученія юношества чтенію, изданный въ пользу народныхъ училищъ Россійской Имперіи* ²²⁾. Здѣсь представлены тѣ слова, которыя въ славянскомъ письмѣ отличаются титлами; но здѣсь нѣтъ ни привѣтствія Божіей Матери: „Богородице Дѣво, радуйся“, ни Символа вѣры, ни Десяти заповѣдей, ни молитвы къ Духу Святому: „Царю небесный“. А молитвъ утренней и вечерней на русскомъ языкѣ не могъ я заимствовать изъ сей азбуки для инородцевъ новокрещенныхъ; потому что не всякій всегда, вставъ отъ сна, можетъ употреблять такія слова въ молитвѣ, каковы слѣдующія: „Ты меня зрѣва и невредима воздвигъ отъ сна; (ибо случается, что человѣкъ въ вечеру здоровъ былъ, а проснувшись чувствуетъ боль въ головѣ или рѣзъ въ животѣ или ломъ въ костяхъ) и разогнавъ тьму nocturnam, (но случается, и особенно во время осени и зимы, что земледѣльцы и ремесленники встаютъ отъ сна до зари, когда бываетъ темно), осіялъ радостнымъ свѣтомъ дня сего; (но случается, что сей день и не радостенъ, а напротивъ печаленъ, и что какъ встрѣтили, такъ и проводятъ его со слезами и воздыханіями). Не всякій всегда и отходя ко сну найдетъ приличными себѣ такія слова, каковы напримѣръ: „сподобившись сего nocturno достигнуть часа“,—молю,—ко сну меня отходящаго“... ибо случается, что человѣкъ проводитъ ночь въ бодрствованіи, и уже днемъ засыпаетъ, напримѣръ сторожъ: для отвращенія сихъ затрудненій признано мною за лучшее, послѣдуя руководству святой церкви нашей восточной, одно славословіе: „Слава въ вышнихъ Богу“, посредствомъ легкаго измѣненія немногихъ словъ, означающихъ время, поставить образомъ молитвословіи утренняго и вечерняго. Между тѣмъ, послѣду тѣ образы молитвословія самые лучшіе, которые почерпаются изъ Богодухно-

²¹⁾ Самоучительная Россійская азбука. Третье изданіе. Спб. Въ типографіи Императорской академіи наукъ 1838.

²²⁾ Ibid. 1837.

веннаго писанія: то дабы видѣли достоинство молитвословіи церковныхъ, помѣщенныхъ въ сей азбукѣ, открыты мною источники ихъ въ Священнѣйшей Библии; а видѣть ихъ въ семь достоинствѣ, по мнѣнію моему, надобно человѣку для того, чтобы онъ и усвоилъ ихъ сердцу, какъ слова Духа Святаго, чтобы молясь словами Духа истины, научиться ему молиться духомъ и истинною. Съ особенною точностію разсудилось мнѣ показать, какимъ образомъ весь Символъ вѣры Христовой утверждается на основаніи Слова Божія, откровеннаго посредствомъ чрезвычайныхъ посланниковъ небеснымъ царемъ и Отцемъ человѣковъ. Но кромѣ указаній, по которымъ имѣющіе Святую Библию могутъ находить въ ней изреченія Божественныя, составляющія существенное ученіе Христіанской вѣры, здѣсь представлены сіи самыя тексты, дабы и тѣ читали ихъ по крайней мѣрѣ въ азбукѣ, которые не будутъ читать ихъ въ Библии. По мнѣнію моему, съ пользою и утѣшеніемъ сіи тексты могутъ быть читаны даже тѣми, кои читаютъ Святую Библию, и читаютъ ее съ разумѣніемъ и разсужденіемъ. Кромѣ молитвъ, взятыхъ изъ церковныхъ книгъ, разсудилось мнѣ представить краткія молитвы на разные случаи, взятые также изъ Священнаго Писанія. Намѣреніе мое состоитъ въ томъ, чтобы съ азбукою славянскою и русскою совмѣстить и Кятихизисъ краткій, составленный изъ самыхъ текстовъ Священнаго Писанія, и небольшой молитвословъ, и чтобы облегчались и уравнивались для народа стези ко спасительному Богопознанію единаго истиннаго Бога и посланнаго Имъ Иисуса Христа. Мнѣ показалось, что не будетъ для учащихъ никакого облегченія отъ названій, обѣщающихъ многое, даже несбыточное; и съ пріятнымъ чувствомъ почтенія и признательности къ благочестію предковъ принято мною старинное надписаніе славянскаго алфавита ²³⁾, сопровождаемое знаменіемъ креста Христова, призываніемъ имени единаго Бога въ Троицѣ славимаго, и молитвою краткою: „Боже, въ помощь мою воими“. Ничего подобнаго не нашелъ я въ новѣйшихъ азбукахъ; а кажется, что не надлежало почитать такія принадлежности христіанскія излишними для первой книжицы, посвященной дѣ-

²³⁾ Печат. въ Москвѣ, въ типографіи св. Синода.

тѣмъ, которой предки наши благоразумно дали надписаніе: *начальное ученіе чловѣкамъ, хотящимъ учиться книгъ Божественнаго Писанія*. Богъ одарилъ чловѣковъ словесностію; въ свое время Онъ далъ имъ способность говорить письменами къ отсутствующимъ въ современности и ко всѣмъ будущимъ временамъ; а наконецъ даровалъ имъ и типографію, и алфавитъ печатный, а все для того, чтобы имъ легче было учиться читать книги Божественнаго Писанія, все для того, чтобы слово Его, слово истины, слово живое и дѣйственное, болѣе проникало, очищало и освѣщало массу враждаемаго чловѣчества. Итакъ, у Бога нѣтъ лицепріятія; Онъ чловѣкамъ даетъ сіи стихи слова; и всякаго, кто только хочетъ быть чловѣкомъ, приглашаетъ къ разсматриванію сихъ знаковъ благороднаго дара, сихъ знаковъ мысли, сихъ безмолвныхъ выраженій ума и сердца, Божескаго и чловѣческаго, къ удивленію, къ благодаренію, къ поклоненію и ученію; приглашаетъ прямо къ изученію *Божественнаго Писанія* и всѣмъ предлагаетъ необходимое начальное къ тому руководство и напутствіе; и такъ не отрокамъ только и юношамъ, но и мужамъ и старцамъ; и не мужескому только полу, но и женскому; ибо всѣ чловѣки, и всѣ едино во Христвъ Іисусъ; и никогда для чловѣка не поздно учиться читать Священное Писаніе, могущее умудрить его во спасеніе вѣрою во Христа Іисуса. Всякій искренній христіанинъ знаетъ, что въ Библии Богъ даровалъ намъ Слово Свое: есть ли же въ Библии Слово Божіе, то для чего учиться грамотѣ, есть ли не для того, чтобы читать святую Библию? Эта существенная потребность, *насущенный жмбъ* нашего духа; всѣ другіе виды должно отвергнуть, или поставить на нижнихъ степеняхъ вниманія, уваженія и желанія: „небо и земля преидуть; но слова Мои, глаголетъ Спаситель, не преидуть“. Не сказано впрочемъ: „учиться читать книги“, но просто: *учитися книгъ Божественнаго Писанія*. Это значить, что должно учиться грамотѣ не для того только, чтобы читать книги Священнаго Писанія; но чтобы изучать святую Библию, и при томъ не умомъ только, но и сердцемъ, не памятію только, но и дѣломъ и истиною. Опять не сказано: *изучить книги*, но: *учитися книгъ Божественнаго Писанія*. Это значить, что вся жизнь христіанина должна быть дѣятельнымъ изученіемъ откровеній Божіихъ, посредствомъ исполненія воли Отца небеснаго вѣрою въ послан-

наго Имъ благословить насъ, Единороднаго Сына Его Іисуса Христа; это значить, что мы во всю жизнь будемъ изучать Библию только *отчасти*: а совершеннаго, не постиженія, но созерцанія сокрывающейся и открывающейся тамо бездны богатства и премудрости и вѣднія Божія достанеть для наполненія вѣчности избранныхъ радостію о Богѣ Спасителѣ. Хотя же представляются письма, не всѣмъ народамъ усвоенныя Провидѣніемъ; однако, какъ и другихъ народовъ письма, представляются человѣкамъ всякаго рода и племени, евреямъ, татарамъ, туркамъ, остягамъ, камчадаламъ, потому что Богъ хочетъ, чтобы всѣ люди спаслися и достигли познанія истины. 1 Тим. п. 4. Единая, святая, соборная и апостольская церковь Христова соединяетъ въ себѣ всѣ народы въ одно семейство, Божіе; всякая частная христіанская церковь имѣетъ сей священный характеръ всеобщности; песему и Россійская церковь отъ всего человѣчества ожидаетъ и принимаетъ человѣковъ, для которыхъ предназначено слово славянское и Россійское содѣлаться органомъ Слова Божія, орудіемъ силы Божіей ко спасенію вѣрою во Христа, благовѣствующаго грѣшникамъ всепрощеніе именовъ Божіимъ, примиреніе съ Богомъ, освобожденіе отъ грѣха, усыновленіе Богу и свободный входъ въ вѣчное царство Его.

Всепокорнѣйше прошу васъ, милостивѣйшій архипастырь, о снисходительномъ соизволеніи, чтобы сія дѣтская книжица, когда будетъ и напечатана, украшалась именовъ вашего высокопреосвященства и именовъ царствующаго града Москвы. Пастырь предшествовалъ паствѣ своей въ благодвореніи бѣднымъ людямъ изъ инородцевъ новокрещенныхъ при алтайской церковной миссіи. Сія миссія со времени учрежденія своего всегда находила въ любви вашей ко всему, что Христово, обильныя вспоможенія и безъ упрека.

Всепокорнѣйше прошу васъ, милостивѣйшій архипастырь, о томъ также, чтобы для напечатанія сей книжицы было употреблено иждивеніе вашего высокопреосвященства и другихъ благодворителей церковной алтайской миссіи во всѣхъ сословіяхъ царствующаго града Москвы: ибо не имѣю собственныхъ способовъ для напечатанія сей азбуки славянской и русской; а она для успѣховъ служенія миссіи весьма благопотребна, весьма нужна, необходима. Одно изъ важнѣйшихъ дѣлъ, состав-

ляющихъ службу миссіи, есть обученіе новокрещенныхъ инородцевъ грамотѣ не только природныхъ нарѣчій ихъ, но и славянской и русской, потому что они призваны участвовать въ общественномъ богослуженіи нашей церкви, совершаемомъ на славянскомъ языкѣ, и потому что вошедши въ общеніе съ народомъ русскимъ въ единой вѣрѣ, для лучшаго познанія сей спасительной вѣры они должны искать общенія съ ними въ самомъ языкѣ русскомъ, и изучать сей живой языкъ, на которомъ, по милости Божіей, имѣетъ церковь наша уже Новый Заветъ и нѣкоторыя изъ священныхъ книгъ Ветхаго. Между тѣмъ почитаю за нужное и о томъ упомянуть, что вкупѣ съ дѣтми новокрещенныхъ инородцевъ обучаются при миссіи дѣти инородцевъ давно-крещенныхъ и обрусѣвшихъ и дѣти русскихъ людей, что миссіа приготовляетъ уже для представленія церковному начальству сообразную сей славянской и русской азбукѣ азбуку на телеутскомъ нарѣчій, которое въ близкомъ еродствѣ со всѣми другими нарѣчійми здѣшнихъ инородцевъ, и для всѣхъ ихъ понятное, что охота учиться грамотѣ славянской и русской въ инородцахъ новокрещенныхъ открывается по временамъ весьма благонадежными признаками, и что нѣкоторые изъ нихъ, уже люди женатые, почти и безъ пособія миссіи выучились грамотѣ славянской и русской. Миссіа должна видѣть въ этомъ ободрительное знаменіе Провидѣнія Божія, и симъ искрамъ желаній стремящихся къ истинному и доброму представлять пищу.

Помышляю о безчисленныхъ благодѣяніяхъ, въ продолженіе двадцати семи лѣтъ, мнѣ на добро, совершаемыхъ великодушнымъ наставникомъ моимъ въ Господѣ, и попеченіемъ отеческаго во Христѣ сердца вашего о душѣ моей.

Благословите, милостивѣйшій архипастыръ, мое желаніе соединить съ дѣтскою книжицею выраженіе любящихъ такіа помышленія чувствъ искреннѣйшаго высокопочитанія и сердечнаго благодаренія, которыя долженъ сохранить всегда

Вашего высокопреосвященства, милостивѣйшаго архипастыря и отца,
вспокорнѣйшій послушникъ архимандритъ Макарій.

1841 г. декабря 29-го дня.

Томскъ.

Затѣмъ часть I, въ которой излагаются славянскія письмена и русскія буквы, слоги изъ двухъ буквъ, изъ трехъ буквъ и образцы словъ безъ титлъ и подъ титлами, и наконецъ цифры славянскія, арабскія и римскія. Въ части II—„чтенія изъ Священнаго Писанія и нѣкоторыя молитвы церковныя“. Все это на русскомъ языкѣ, но съ указаніемъ книгъ, главъ и стиховъ, по которымъ можно найти въ славянскомъ текстѣ. Кромѣ того, здѣсь въ стихахъ, извлеченныхъ изъ книгъ Св. Писанія, изложены основанія христіанскаго ученія о Богопознаніи и Богопочитаніи. Всѣ эти изреченія Св. Писанія, съ указаніемъ въ выноскахъ откуда взяты, такъ хорошо избраны и подобраны, такъ соответствуютъ намѣченной цѣли, что лучшаго и желать нельзя для начальнаго ученія. Очень жаль, что такая общепользная рукопись остается до сихъ поръ неизданною. Общество любителей духовнаго просвѣщенія принесло бы большую пользу, издавъ эту рукопись взамѣнъ бессмысленныхъ букварей и азбукъ, распространяемыхъ поневолю повсюду за отсутствіемъ чего-либо болѣе дѣльнаго для первоначальнаго обученія. Если гоненію подвергались Св. Писанія на русскомъ языкѣ и самому митрополиту Филарету досталось за русскіе тексты къ Катехизисѣ его, то ужъ конечно нечего было и думать объ изданіи такого начальнаго обученія, гдѣ главное мѣсто занимали извлечения изъ Св. Писанія на русскомъ языкѣ. Теперь эти препоны исчезли уже давно, и митрополитъ Филаретъ дожидъ до осуществленія его завѣтной и такъ долго гелъемой имъ мысли—до разрѣшенія изданій книгъ Св. Писанія на русскомъ языкѣ, но рукопись о. Макарія была почему-то забыта. Самъ о. Макарій придавалъ такую цѣну, такое значеніе извлечениямъ изъ Св. Писанія, собраннымъ во II части Начальнаго ученія, что въ заключеніи, въ концѣ этой части, обращается къ родителямъ такъ: „не соизвольте ли благочестивые родители, и преимущественно матери, сами приучать дѣтей своихъ находить и читать означенные въ сей книжицѣ тексты Священнаго Писанія и помогать имъ разумѣть изреченія Духа истины? Лучшее время для сего святаго семейственнаго утѣшенія есть воскресный день. Люди небѣдные могли бы имѣть особый, нарочно для сего назначенный и въ чистотѣ сохраняемый, экземпляръ сей книжицы. При вступленіи молодыхъ людей въ супружество и при разлукѣ съ родителями

они получали бы отъ матерей вмѣстѣ съ иконами сію книжицу, но, можетъ быть, матери восхотѣли бы и у себя оставлять экземпляръ ея: посему, когда дѣтя уже могло бы читать эту книжицу, достаточные родители купили бы два экземпляра ея, кои оба были бы употребляемы ими въ священныя бесѣдахъ съ дѣтьми. Люди высшихъ сословій могли бы имѣть при сихъ книжцахъ портреты благонравныхъ дѣтей. Сія памятки, сія залоги, сія благословія рачительно были бы сохраняемы въ христіанскихъ семействахъ. Нерѣдко онѣ бывали бы освящаемы молитвенными воспоминаніями и слезами. Сердце матери понимаетъ все“.

Въ концѣ этой рукописи, очень заботливо—красиво и четко переписанной, есть приписка рукою о. Макарія: *для типографа*. Покорнѣйше прошу печатать по-славянски все, что находится въ этой книжкѣ на славянскомъ языкѣ. А. М.

На письмо, при которомъ была ирeproвoдeна эта рукопись, также нагъ и на другія—о библейскомъ алфавитѣ и о переводѣ библіи, митрополитъ отвѣчалъ: „Съ вашими *начальными* учениками не знаю что дѣлать. Теперь болѣе нежели когда-либо возвращаютъ замѣнять славянское русскимъ. О *библейскомъ алфавитѣ*, по той же причинѣ, вовсе нѣтъ надежды, чтобы могъ быть напечатанъ. И признаюсь вамъ, что мнѣ кажется онъ составленнымъ непривлекательно для употребленія. И рукописью перевода ветхозавѣтныхъ книгъ не очень хвалитесь. Здѣсь явился литографированный переводъ нѣкоторыхъ съ примѣчаніями, противными достоинству пророчества, и другими неправильностями, и возбудилъ сильное прещеніе. Совѣтую держаться строже въ предѣлахъ послушанія и не очень довѣрять своему, хотя и къ добру стремящемуся мудрованію. И рѣдко пишу и неприятно. Простите и имѣйте терпѣніе и молитесь, чтобы я лучше могъ дѣйствовать и лучше къ вамъ писать. Благословіе Божіе да пребываетъ съ вами, и сотрудниками, и съ учениками вашими, и съ дѣлами вашими, во славу Божію и спасеніе душъ предприемлемыми. „Филаретъ, М. Московскій. Спб. мая 1. 1843.

„Князь Александръ Николаевичъ вспоминаетъ васъ съ любовью. Онъ съ миромъ оставилъ службу и занимается теперь своимъ ослабѣвшимъ зрѣніемъ, которое впрочемъ есть надежда сохранить,—о чемъ и вы сотворите молитву“.

Письмо это было написано подъ вліяніемъ неурядностей, которыя пришлось вынести митрополиту Филарету по поводу перевода Библии Павскаго. О. Макарій, такъ же какъ и Павскій, хотя и не такъ строго, какъ Павскій, держался мысли точнаго перевода съ еврейскаго подлинника, а митрополитъ Филаретъ находилъ необходимымъ соображаться съ переводомъ 70 толковниковъ и даже церковнославянскимъ.

Кромѣ воѣхъ этихъ показанныхъ занятій о. Макарія во время пребыванія его на Алтай были и такія, которыя прямо относились къ дѣлу миссіи и составляли немалую для него заботу, доставляя ему въ то же время и не мало труда. Съ татарскимъ языкомъ онъ немного ознакомился прежде, но татарскій языкъ не былъ общимъ между различными инородцами иностранцами Алтая. Языкъ каждаго изъ этихъ народцевъ представлялъ особенности. Вотъ почему о. Макарій и говаривалъ, что онъ какъ нищій накопилъ „суму полную подааній отъ этихъ народцевъ“, но надобно было разбраться въ этомъ матеріалѣ, классифицировать его, составить словарь наиболѣе употребительнѣйшаго нарѣчія телеутскаго или теленгутскаго, переводить Евангеліе, Псалмы и хотя избранныя тексты изъ другихъ книгъ священнаго Писанія, церковныя пѣсни, молитву Господню и другія молитвы. Символъ вѣры, десять заповѣдей съ толкованіемъ и многое, что необходимо для новообращенныхъ, не знавшихъ вовсе русскаго языка, составить Катехизисъ краткій и краткую Священную Исторію. Все это требовало и времени и труда и лежало на одномъ о. Макаріѣ, потому что у о. Макарія было только два помощника—Нигрицкій и Ландышевъ, изъ которыхъ первый получилъ образованіе въ духовномъ училищѣ, а второй въ семинаріи и, слѣдовательно въ ученыхъ трудахъ о. Макарію большой помощи оказать не могли. Нигрицкій помогалъ о. Макарію переписывать Библію, да и въ 1842 году по болѣзни оставилъ миссію. Ландышевъ, котораго о. Макарій полюбилъ за его рвеніе къ миссіонерскому дѣлу, врядъ ли могъ посвящать себя филологическимъ занятіямъ безъ руководства о. Макарія. Ловиднѣй, прибывшій на Алтай съ о. Макаріемъ въ 1840 году, былъ студентъ ветеринаръ Московской Медико-Хирургической академіи, въ которую обыкновенно поступали молодые люди, не надѣявшіеся выдержать вступительный экзаменъ въ университетъ (поступившіе въ ветеринарное

отдѣленіе были еще слабѣе, такъ какъ вступительный экзаменъ былъ еще менѣе строгъ) и, слѣдовательно, Ловицкій едва ли могъ по степени полученнаго имъ образованія способствовать филологическимъ трудамъ о. Макарія.

Хотя о. Макарій предпочиталъ говорить проповѣди, поученія безъ предварительнаго подготовленія, но и написалъ ихъ доволно и по своему желанію и по желанію другихъ. Не мало написалъ ихъ по порученію преосв. Іова, какъ мы знаемъ, не мало и по собственному влеченію, такъ какъ болѣзнь груди не позволяла ему иногда говорить проповѣди самому и вынуждала поручать прочтеніе ихъ его помощникамъ. Что по смерти о. Макарія они были собраны, свидѣтельствуетъ письмо м. Филарета къ архіеп. Тверскому Алексію 1883 (стр. 31)... „какую проповѣдь о. Макарія напечатать, разсудите съ добрымъ совѣтомъ. Сколько помню, я встрѣчалъ въ нихъ доброе по частямъ, но цѣлой не представлялось, которую прямо указалъ бы для *вашею изданія*.“—Что это за изданіе, намъ неизвѣстно. Есть изданіе 1854 года, оно озаглавлено: нѣсколько словъ покойнаго архимандрита Макарія, бывшаго начальника алтайской церковной миссіи. Москва. Типогр. А. Семена. Изданы только девять „словъ“ изъ произнесенныхъ имъ въ Костромѣ и на Алтаѣ. Неужели „*добрый совѣтъ*“ „*разсудимъ*“ напечатать только ихъ? Судя по этимъ изданнымъ проповѣдямъ мы въ правѣ заключить, что „*добрый совѣтъ*“ поступилъ не совсѣмъ основательно, если „*разсудимъ*“ не печатать остальныхъ.

Теперь приступимъ къ капитальному труду о. Макарія—его переводу Библии на русскій языкъ. О. Макарій былъ уже издавна знакомъ съ еврейскимъ подлинникомъ Библии. Это подтверждаетъ и письмо его изъ Війска, 29 марта 1835 года, къ Г. Т. М. (стр. 204, ч. I): „Я собираюсь еще приступить къ изученію еврейской библии. Охота открылась недавно въ прикосновеніи по службѣ къ некрещенымъ евреямъ, и хотя я не надѣюсь уже прочитать всѣ книги Ветхаго Завѣта на еврейскомъ языкѣ до смерти, однако думаю, что Господь, не оставившій тщетными усилій моихъ въ знакомствѣ съ безграмотными нарѣчійми полудикихъ племенъ, даруетъ мнѣ плодъ въ возобновеніи занятій начавшихся въ семинаріи и продолжавшихся въ академіи, впрочемъ давно уже, къ чувствительнѣйшему раскаянію моему, пре-

свѣченныхъ“. О. Макарій былъ студентомъ С.-Петербургской Духовной Академіи въ эпоху процвѣтанія Россійскаго Библейскаго Общества. Какъ человекъ близкій къ ректору академіи, архимандриту Филарету, одному изъ дѣятельнѣйшихъ членовъ общества, студентъ Глухаревъ весьма вѣроятно принималъ участіе въ переводѣ св. Писанія на русскій языкъ. 16 марта 1816, слѣдовательно за годъ до окончанія имъ курса въ академіи, коммиссія духовныхъ училищъ, вслѣдствіе Высочайшаго повелѣнія относительно переложенія Новаго Завѣта на русскій языкъ, поручила дѣло это ректору академіи архимандриту Филарету съ прочими членами академіи, съ соблюденіемъ правилъ, изъ коихъ одно гласило: для поспѣшности переводъ раздѣлить на нѣсколько лицъ, коихъ избраніе предоставляется усмотрѣнію его же, архимандрита Филарета. Хотя здѣсь упоминается только Новый Завѣтъ, но затѣмъ, какъ извѣстно, были переведены книги и Ветхаго. Не даромъ же о. Макарій упомянулъ въ вышеприведенномъ письмѣ къ Г. Т. М. о своихъ занятіяхъ по изученію еврейской библіи, „начавшихся въ семинаріи и продолжавшихся въ академіи“. Протоіерей Ландышевъ рассказываетъ, какъ живой свидѣтель, случай, который привлекъ о. Макаріа вновь къ занятію переводомъ Библіи. Имъ овладѣла одно время какая-то безотчетная тоска. О. Макарій не зналъ, что дѣлать, за что приняться, недостатка въ занятіяхъ у него никогда не было, но тутъ за что онъ ни принимался, что ни дѣлалъ, все какъ-то не спорилось, не клеилось. Въ такую минуту онъ нечаянно взглянулъ на полку съ книгами и глаза его остановились на еврейской библіи. Онъ взялъ ее, развернулъ и первое, что попалось на глаза была книга Іова. О. Макарій принялся читать ее и чтобы испытать свои силы, сталъ записывать по-русски прочитанное по-еврейски. Это его такъ увлекло, что съ одного присѣста явилась въ русскомъ переводѣ вся первая глава книги Іова. Припомнивъ, что Библейское Общество успѣло передать по-русски изъ Ветхаго Завѣта только до книги Іова, онъ сталъ продолжать заниматься переводомъ книги Іова и тѣмъ положило начало своему труду по переводу своей Библіи, съ которымъ и не разставался до конца жизни.

Зная, что М. Филаретъ постоянно и горячо стоялъ за русскій переводъ библіи, архимандритъ Макарій послалъ ему, 23

марта 1834 года, изъ Маймы письмо, въ которомъ изложили свои мысли о необходимости русскаго перевода ²⁴⁾. Поводомъ къ этому письму было слово, сказанное митрополитомъ 22 августа 1833 года и напечатанное въ Христіанскомъ чтеніи за тотъ же годъ. Ознакомясь изъ того слова съ мыслями митрополита Филарета относительно изданія свода законовъ къ чести и славы Государя Николая, — о. Манарій высказалъ въ своемъ письмѣ между прочимъ надежду, что „и полная библія, будучи единственнымъ разнообразнымъ свидѣтельствомъ о Іисусѣ, какъ о Христѣ и Царѣ-царей, есть основаніе и крѣпость государственныхъ законовъ православной Россіи“ явится томе на понятномъ для всѣхъ сыновъ Россіи языкѣ. Благодаря Государю Александру I-му новыи завѣтъ и псалтырь уже переведены на русскій языкъ, а желательно также для возвышенія славы и царствованія Государя Николая Павловича, чтобы и полная библія явилась на языкѣ, на которомъ мыслятъ, говорятъ и пишутъ русскіе. Святые апостолы въ божественныхъ книгахъ новозавѣтныхъ ссылаются на предсказанія въ ветхозавѣтныхъ; желательно, чтобы и эти были переведены на русскій языкъ, гораздо болѣе понятный, чѣмъ уже устарѣвшій для пониманія многими славянскій. „Новый и ветхій завѣтъ простираютъ одинъ другому руку и слово апостольское во словомъ пророческомъ, какъ соотвѣтственные орудія мусскійскія, любятъ соглашаться и оставлять единую божественную гармонию, плѣняющую умы въ послушаніе вѣры. Святой апостолъ называетъ пророческое слово свѣтильникомъ, освѣщающимъ темнее мѣсто естественнаго разума человѣческаго“... Собрать всѣ неблагопріятные отзывы о переводѣ Библіи, Манарій очень твердо и разумно опровергъ ихъ и разъяснилъ всѣ недоразумѣнія и ложныя опасенія, и напротивъ того самъ выразилъ опасенія, что тѣ цнородцы, которые уже были близки къ просвѣщенію словомъ Божиимъ и ознакомились съ новымъ завѣтомъ на русскомъ языкѣ, придуть въ сомнѣніе узнавъ, что ветхозавѣтныя книги запрещены въ русскомъ переводѣ вслѣдствіе какихъ-нибудь отрывшихся сомнѣній и оставлены на языкѣ славянскомъ, котораго простой народъ не понимаетъ.

²⁴⁾ Письмо это напечатано въ прибавленіяхъ къ твореніямъ св. отцовъ. Годъ 19-й, кн. 2. Москва 1861. стр. 292—326.

Полная русская библія нужна и евреямъ, для которыхъ она послужитъ серпомъ Божиимъ въ благословенной жатвѣ. И свѣтлыми людямъ высшаго сословія, которые, не понимая славянскаго языка, обращаются въ желаніи читать слово Божіе къ иностраннымъ переводамъ, причемъ, поддаваясь вліанію иностранныхъ толкователей, нѣкоторые отпали отъ православной веры и перешли въ другое исповѣданіе. И духовнымъ, изъ которыхъ не всѣ имѣютъ досугъ и возможность и способность прибѣгать къ средствамъ ученымъ, а всѣ особенно въ воспитательныхъ заведеніяхъ церковныхъ должны руководствоваться св. писаніемъ. И миссіонерамъ, которые имѣя въ полной русской библіи богатѣйшее благохраненіе, легко обходились бы безъ нѣмецкихъ или латинскихъ тяжеловѣсныхъ толковниковъ. Восполнить недостатокъ русской библіи можно бы легко и скоро, издавая при С.-Петербургской духовной академіи журналъ со спеціальной цѣлю переводить съ еврейскаго и греческаго на русскій и разсылать преподавателямъ въ семинаріяхъ и академіяхъ книги ветхаго завета. Если бы при томъ въ четыре мѣсяца выходило по книгѣ, равной по мѣрѣ новому завету, то можно было бы въ два года издать весь ветхій заветъ. Если же долго будемъ бояться препятствій и затрудненій, то дождемся пожалуй того, что Англійское библейское общество предвосхититъ честь труда пастырей православной церкви и подаритъ имъ полную русскую библію. Въ распространеніи библіи на живыхъ новѣйшихъ языкахъ о. Макарій видитъ дѣло провидѣнія Божія въ умноженіи вѣдѣнія истины и Бога. Долго не получая отвѣта на это письмо, о. Макарій воспользовался случаемъ, который представлялся въ его сношеніяхъ съ оберъ-прокуроромъ Св. Синода Нечаевымъ (?) по поводу дѣлъ миссіи и послалъ на имя оберъ-прокурора письмо, въ которомъ, изложивъ подробно свои мысли о необходимости перевода всей библіи съ еврейскаго и греческаго на русскій языкъ, просилъ дополнить о томъ Государю и въ случаѣ Высочайшаго соизволенія предложить планъ роскошнаго изданія библіи полноты на иждивеніе Государя Императора. Замѣчательное письмо это приводится здѣсь вполнѣ, потому что до сихъ поръ еще не являлось въ печати; другія же письма, уже гдѣ-либо напечатанныя, приводятся здѣсь въ краткихъ извлеченіяхъ съ указаніемъ, гдѣ они напечатаны въ полномъ объемѣ.

1836 г. іюня 28 дня.

„Связи, совершаемыя по мановенію Господа нашего Іисуса Христа и во имя Его святое, суть самыя усладительныя, самыя прочныя“. Эту истину, изображенную въ вашемъ, избранный члѣзъ тысящей мужъ, писаніи отъ 6 марта, прилагая къ отрывшимся, по указанію Провидѣнія Божія, сношеніямъ между вами и здѣшнюю миссію, получаю другую, отъ вашей рождающуюся мысль о томъ, съ какою свободою отъ своеволія и своекорыстія осторожностію надлежитъ обращаться въ сикъ евангельскихъ соотвѣтствіяхъ. Если, думаю, прочность и чистота пріятности связей между учениками Іисуса распятаго заключается въ мановеніи и имени Господа и Учителя ихъ, то надлежитъ, чтобы таже воля Божія, которая составляетъ и укрѣпляетъ союзы добрые, приводила ихъ въ благовременное движеніе и дѣйствованіе на внѣшность; и чтобы таже слава имени Божія, которая на святой горѣ вѣчности предпоставлена какъ послѣдній конецъ для шествующихъ юдолю жизни земной, одна, какъ стадія на нутяхъ, являлась цѣлыми дружнаго дѣйствованія, постепенно отъ времени до времени достигаемыми въ семь восхожденіи нашемъ, въ семь восхожденіи церкви, отечества, человѣчества къ назначенію своему. Эта же мысль останавливаетъ вниманіе мое на тѣхъ выраженіяхъ въ писаніи вашемъ, которыми вы изъявили готовность принять въ разсужденіе мнѣніе мое о мѣрахъ, служящихъ „къ лучшему устройству миссіи здѣшней“. Здѣсь какъ бы малая узкая дверь мнѣ открылась; но я радъ ей, какъ двери Провидѣнія Божія; и вотъ,—она вводитъ меня въ пространную горницу, въ которой душа увеселяется восхитительными видами далеко проступающихся раданій и чаяній. Такимъ образомъ частное и личное провожаетъ меня ко всеобщему и цѣлому извѣстной мѣры; и если ваше превосходительство рѣшились прочитать все это писмо, то сами изволите усмотрѣть, что столь же необходимо было войти помышленіемъ въ необозримый кругъ потребностей российской церкви по дѣлу распространенія царствія Божія въ отечествѣ нашемъ, сколько было бы странно желать и ожидать, чтобы для этой миссіи, едва движущейся въ каномъ-то бійскомъ округѣ, было положено издать полную Библию на російскомъ языкѣ въ переводѣ съ оригинальныхъ.

Не извѣстно-ли, что нравственный міръ есть большая больница, наполненная недужными всякаго рода? Истинный Богъ и Отецъ нашъ не есть ли также единственный врачъ испорченнаго грѣхомъ человечества? Всеобщее врачество, составленное премудростію Его для человѣковъ, не есть ли слово истины, о которой сказано въ одномъ псалмѣ: „послалъ слово Свое и исцѣлилъ ихъ, и избавилъ ихъ отъ всякаго поврежденія?“ Болящіе человѣки не тою ли мѣрою должны принимать спасительное врачество слова Божія, какою мѣрою преподаеть его Самъ Господь, который одинъ вѣдаетъ человѣческаго естества многообразную немощь, и одинъ можетъ определять число, мѣру и вѣсъ для состава исцѣляющихъ всякія немощи откровеній многообразной Своей премудрости? Не надлежитъ ли постоянно уничтожать препятствія, которыя ослабляютъ въ душахъ человѣческихъ дѣйствія сего Божественнаго врачества, или совсѣмъ отвращаютъ болящихъ отъ принятія нѣкоторыхъ растворовъ цѣлебныхъ? Не поставляетъ ли для миллионовъ между росіянъ множество такихъ препятствій буква славянская? Не надлежитъ ли намъ „быть *служителями Нового Завета, не буквы, но духа*“, и опасаться, чтобы и въ Новомъ Заветѣ владычшіе включемъ разумніи не подверглись грозному изреченію Господа, которое въ Ветхомъ навлели на себя учителя іудеевъ, когда и сами не входили во святилище истины, и хотящихъ войти не допускали? Подобные вопросы безъ-сомнѣнія возбуждаются въ вашей душѣ, избранный ходатай церкви у престола царева, и вкупѣ съ ними долженствуетъ возбуждаться желаніе, чтобы всѣ святые истинныя откровенія Божія были преподаны росіянамъ въ той мѣрѣ ясности и вразумительности, въ которой Духу Святому благоудобно было предать ихъ человечеству посредствомъ языковъ, послужившихъ Ему въ семъ дѣлѣ первыми органами.

Въ наше время такъ громко говорятъ о жизни народовъ; но не въ предвѣчномъ ли словѣ Божіемъ жизнь и свѣтъ человѣковъ? Священное Писаніе не есть ли откровеніе сего животворящаго свѣта? И дать народу російскому святую Библию, сію уже давно по благодати Божіей народную книгу на языкѣ народномъ, не значить ли возводить росіянъ къ истинному просвѣщенію царскимъ путемъ, который никогда не обманываетъ, и сообразно законамъ премудрости Божіей, потому что сія Премудрость, имѣ-

вощая свое Божественное веселіе въ томъ, чтобъ сообщаться съ сынами человеческими, всегда любила говорить съ ними живымъ языкомъ ихъ, дабы слово ея, которое само-по-себѣ „всегда живо и дѣйственно, проникаетъ до раздѣленія души и духа, членовъ и моговъ, и судить чувствованія и помышленія сердечныя“, обрѣтало въ живыхъ нарѣчіяхъ соотвѣтственные орудія для сообщенія народамъ духа и жизни отъ Бога, по особенному свойству и назначенія каждому? Не это ли значить распространять въ народѣ царствіе Божіе, царствіе истины и добродѣтели, „подобно тому какъ, если человѣкъ бросаетъ сѣмя въ землю, онъ самъ не знаетъ, какъ сѣмя прозябаетъ и вырастаетъ: ибо земля сама по себѣ производитъ сперва зелень, потомъ колосъ, потомъ полное зерно въ колосѣ“. Итакъ позвольте самому слову Божію дѣйствовать въ духѣ народа свободно; и тогда помышляйте, какими благонадежными средствами надлежитъ содѣйствовать Богу. Дайте россійскому народу полную россійскую Библию; и вы получите право ожидать свыше богатой и щедрой жатвы отъ сего искренняго, усерднаго и щедраго сѣянія, вы прустите удобнѣйшими путями потоки живой воды по вертоградомъ вашихъ искусствъ и наукъ; и духъ Иисуса Христа будетъ проникать во все члены и состоянія общества, возбуждая въ народѣ вкусъ и стремленіе во всему, „что только есть истинно, что честно, что справедливо, что достоуважно, что только составляетъ добродѣтель и похвалу?“ Помните слово изреченное Спасителемъ: „какою мѣрою мѣрите, такою и вамъ будутъ отмѣривать“,—и дайте россійскому народу полную россійскую Библию; тогда сможете величественно предавать его полнымъ образомъ Богу и благодѣльному слову Его; и получите право ожидать свыше изобильныхъ благословеній Божіихъ, которыя окажутся умноженіемъ просвѣщеннаго благочестія въ народѣ и возделаннымъ жемлеміемъ извъ и болѣзней его. Ибо чѣмъ явственнѣе „сухія кости наши будутъ слышать слово Господне“, тѣмъ болѣе жизнь Божественная будетъ въ нихъ открываться, тѣмъ болѣе и истинный свѣтъ Христовъ будетъ возсіявать, а туманы суевѣрія разсѣиваться. Дайте россійской церкви полную россійскую Библию, и вы будете имѣть право желать и ожидать, чтобы все служители церкви могли читать все Священное Писаніе на россійскомъ нарѣчій съ правильнымъ разумѣніемъ, не имѣя необходимости

прибѣгать къ пособіямъ учености, для немногихъ доступныхъ, но руководствуясь общимъ правиломъ вѣры, духомъ молитвы и законами общаго здравомыслія; чтобы ледянистая безпечность и лѣность не находила убѣжища и покровы въ темнотѣ многихъ мѣстъ и цѣлыхъ книгъ славянской Библіи; чтобы преподаваніе богословскихъ наукъ въ духовныхъ семинаріяхъ и академіяхъ, получивъ значительное облегченіе, дало время другимъ наукамъ, весьма благопотребнымъ въ воспитаніи церковнаго юношества, каковы напримѣръ естественная исторія и медицина, чтобы всякій воспитанникъ могъ до выпуска изъ училища нѣсколько разъ прочесть всю Библію, а наставники имѣли время и удобность прочесть для воспитанниковъ хотя однажды всѣ книги Священнаго Писанія съ полными введеніями и самыми необходимыми и краткими примѣчаніями. Дайте россійской церкви подлугу россійскую Библію; и вы, вѣруя въ Духа Святаго, глаголавшаго чрезъ пророковъ, будете имѣть основательное утѣшеніе надѣяться, что изданіе Священныхъ Писаній Вѣтхаго Завѣта вкупѣ съ Писаніями Новаго на Россійскомъ языкѣ въ переводѣ съ оригинальныхъ, содѣлается самымъ твердымъ основаніемъ и вѣрнымъ залогомъ къ возрожденію церковнаго чина въ Россіи, что совершенствующійся церковный чинъ могущественнымъ образомъ будетъ подвигать впередъ великую колесницу народнаго возрожденія; а возрастающее христіанское просвѣщеніе народа не приминетъ подавать и церковному чину столь же сильную помощь въ его восходѣ къ высшему образованію по духу Евангелія.

Но сіе возрожденіе народа и особенно церковнаго чина въ духѣ Евангелія не тѣмъ ли должно оказаться, что въ народныхъ словесіяхъ и въ чинѣ служителей церкви будутъ умножаться искренніе ученики Христовы, одаренные тѣми же чувствованіями самоотверженія, послушанія, смиренія и любви ко кресту и къ любви къ Богу и человѣкамъ, которыхъ вѣра созерцаетъ во Христѣ Иисусѣ? Сіе таинственное сочувствіе многихъ сердець со святѣйшимъ сердцемъ Иисуса Христа, великаго Крова Свою за многихъ, будетъ происходить отъ совершеннѣйшей въ возрѣженіи человечества тайны, которая есть обитаніе, жизнь, откровеніе Сына Божія Иисуса Христа въ свѣтъ, какъ свидѣтельствуется св. апостолъ Павелъ слыми словами: „Уже не я живу, но живетъ во мнѣ Христосъ; опять: когда Богъ благоволилъ:

открыть во мнѣ Сына Своего, дабы я проповѣдалъ Его язычникамъ, то я съ сего времени не совѣтовался съ плотію и кровію: и какъ Самъ Спаситель глаголетъ: ядый Мою плоть и пійй Мою кровь, во Мнѣ пребываетъ и Азъ въ немъ; опять: Будьте во Мнѣ, и Я въ васъ. Какъ вѣтвь не можетъ приносить плода сама собою, ежели не будетъ на лозѣ; такъ и вы, если не будете во Мнѣ. Я есмь лоза, а вы вѣтви. Кто пребываетъ во Мнѣ, и Я въ немъ; тотъ много приноситъ плода: ибо безъ Меня не можетъ дѣлать ничего. Тѣмъ прославится Отецъ Мой, если вы много принесете плода; и тогда вы будете Моими учениками“. Сіи и другія подобныя имъ изреченія Спасителя нашего и Божественныхъ учениковъ Его показываютъ, что духовное пребываніе и отрѣшеніе въ человѣкахъ начальнаго жизни Иисуса Христа есть истинное возрожденіе человечества, и всякаго народа въ человечествѣ и всякаго рода и чина людей въ народѣ; что оно есть тотъ живой драгоценный камень, на которомъ Иисусъ Христосъ основалъ святую церковь Свою; и что оно есть тотъ живой камень, которымъ сіи великая церковь Божія строится и возводится къ своему исполненію и совершенію, и о которомъ св. апостолъ Петръ говоритъ сими словами: „Приступая къ Нему, камню живому, человѣкамъ отверженному, но Богомъ избранному, драгоценному, и сами, какъ живые камни, устройте изъ себя домъ духовный, священство святое, чтобы приносить духовныя жертвы, благопріятныя Богу, Иисусомъ Христомъ“. Какія сіи духовныя жертвы, если не тѣ же, которыя приносятъ и св. Павелъ умоляетъ насъ, говоря: „Милосердіемъ Божиимъ умоляю васъ, принесите тѣла ваши въ жертву живую, святую, угодную Богу, чего требуетъ разумное служеніе ваше“? Сіи духовныя жертвы приносятся истинными ученики Христовы, раскаявая плоть свою со страстями и похотями. Сіи духовныя жертвы такъ же суть плоды Святаго Духа въ христіанской душѣ, которыя она приноситъ Богу Иисусомъ Христомъ: любовь, радость, миръ, долготерпѣніе, благость, милосердіе, вѣра, кротость, воздержаніе. Все сіе не иначе рождается, прозябаетъ и созрѣваетъ въ душѣ, какъ плодъ тѣниа жившаго человѣка; и всякая жертва остается солию крестною. Сіи духовныя жертвы приносятся св. Павелъ, претерпѣвая въ благовѣстіи Христовомъ столь многія и различныя скорби, труды, неустройства, муки. Сіи духовныя всеобщ-

женія совершили Божественные апостолы и мученики, когда запечатывали вѣру и любовь свою къ Спасителю своею кровію. Впрочемъ св. Петръ замѣчаетъ, что духовныя жертвы тогмо тогда могутъ быть совершаемы и бывають благоприятны Богу, когда истинные послѣдователи Иисусовы приносятъ ихъ Иисусомъ Христомъ. Это значитъ, что сей великій Архіерей, обитающій въ нихъ, сама совершаетъ сіи духовныя жертвы, подирѣшая ихъ въ немощи Духомъ Святымъ. Движимые Духомъ Святымъ и распаляемые любовію къ Богу и человѣкамъ рабы Христовы находятъ со св. Павломъ удовольствіе въ немощахъ, въ обидахъ, въ нуждахъ, въ гоненіяхъ, въ притѣвленіяхъ за Христа. Будучи Духомъ Святымъ влеченъ, учитель язычниковъ Павелъ взоидеть въ Іерусалимъ, не смотря на узы и бѣдствія, которыя тамъ ожидаютъ его. „Я ни на что, говорить, не взираю, и не дарожу свою жизнь, только бы совершить съ радостію свой путь и служеніе, которое принялъ я отъ Господа Іисуса, проповѣдать Евангеліе благодати Божіей“. Духъ пророчества устами вѣрныхъ явно предвозвѣщаетъ ему великія скорби и страданія въ Іерусалимѣ; вѣрные по внушенію самого Духа Святаго умоляютъ его, проливая слезы, оставить путешествіе столь опасное. Жаркое сраженіе происходитъ въ сердцѣ Павломъ; но Іисусъ Христосъ побѣждаетъ, и Павелъ отвѣтствуетъ возлюбленнымъ братіямъ: что вы дѣлаете? зачѣмъ плачете и расстроиваете сердце мое? я готовъ быть не только узникомъ, но и умереть въ Іерусалимѣ за имя Господа Іисуса. Какъ же это происходило, что когда Духъ Святой влекъ св. Павла на узы и самую смерть за Христа, тотъ же Духъ умолялъ его слезами не идти въ опасный городъ? Не самъ ли Духъ Святой испытывалъ и расширявалъ силы свои въ душѣ св. апостола и такимъ образомъ укрѣпляетъ его? Не надлежало ли св. Павлу, какъ выражается въ некоторый писатель, *отказаться отъ самого Бога для Бога?* И не сей ли духъ Іисуса Христа, Духъ любви къ Богу и человѣкамъ, вознесъ ап. Павла на ту превысопреенность самопожертвованія, на которой онъ представляется, когда въ посланіи къ Римлянамъ описываетъ чувствованія души своей оими словами: *Истинну говорю предъ Христомъ, не лгу предъ Духомъ Святымъ* (въ чемъ свидѣтель мнѣ совѣсть моя), что великая для меня печаль и непрестанное мученіе сердцу моему. Ибо я желалъ бы самъ отлученъ быть.

отъ Христа за братьевъ моихъ по имени, которые суть израильяне?

Обращаясь въ предмету настоящаго объясненія моего предъ в—шь пр—шь, я не думаю утверждать нѣчто новое и чрезвычайное; напротивъ весьма естественно, что великій народъ въ возрожденіи своемъ увлечетъ ко Христу сіи многія и разнородныя племена, спокойно сѣдящія подъ покровомъ державной Россіи, однако во тьмѣ и тѣни смерти; и тогда церковь российская явится въ сугубомъ качествѣ церкви апостольской, и какъ основанная на словѣ Божиємъ, проповѣданномъ и преданномъ св. апостолами, и какъ избранная, предназначенная, призванная и посланная волею Вседержителя Бога на покореніе столь многихъ народовъ мирному скипетру Царя Царей и Спасителя всѣхъ человѣковъ, Иисуса Христа. Совершая подобный небесамъ образъ первой церкви Христовой, начертанный въ книгѣ Дѣяній апостольскихъ, мы видимъ, что она вся была апостольская, что дружина дѣятелей не ограничилась ни числомъ двѣнадцати, ни числомъ семидесяти апостоловъ, но возрастала съ удивительною быстротою; что всѣ вѣрные или дѣйствовали непосредственно какъ апостолы, или содѣйствовали и помогали апостоламъ; что между тѣмъ какъ св. Петръ, скованный двумя дѣяніями, находился въ темницѣ, изъ которой потомъ изведенъ чудотворною десницею ангела, церковь прилежно молилась о немъ Богу, что всѣ принимали живѣйшее участіе въ дѣлѣ Иисуса Христа, которое было своимъ для каждаго, и между тѣмъ какъ одни приобрѣтали ему новыхъ учениковъ, другіе принимали на себя обязанность пещись о бѣдныхъ между новыми братьями, что не только все вещественное было у вѣрныхъ общее, но и сердце одно, единого нищающее и единого любящее, и душа одна, исполненная однихъ чувствованій и помышленій, однихъ склонностей и отвращеній, однихъ радостей и печалей, происходившихъ отъ живаго сознанія во всѣхъ и въ каждомъ общаго всѣмъ назначенія. Какъ чада свѣта, по самому свойству свѣта, который неминуемо сообщаетъ себя всему тому, въ чемъ противленія не находятъ, или въ чемъ побѣждаетъ противленіе, они свѣтили Христовымъ свѣтомъ въ своей окружности, находились ли среди братьевъ и въ церкви, назидая и утѣшая другъ друга и мѣняясь другъ съ другомъ разными благотвореніями, или дѣйствовали на вѣншихъ, или дѣй-

ствователямъ служили. Но какъ Господь Иисусъ Христосъ во вѣки единъ и той же, и общался не разлучаться съ своими до скончанія вѣка: то первая церковь Бго есть образецъ, которому христіанская церковь должна подражать во всякомъ вѣкѣ; и хотя вѣщія выраженія, въ которыхъ открывается духъ Евангелія, могутъ принимать измѣненія, но самый духъ истинной церкви Христовой всегда одинъ и тотъ же,—любовь къ Богу и къ людямъ во Христѣ Иисусѣ. Чѣмъ изобильнѣе и явственнѣе сей Духъ чистой любви Божіей въ христіанской церкви, тѣмъ болѣе жизни и свѣта Христова въ церкви, тѣмъ въ ней болѣе ревности, усердія и способности къ распространенію благодатнаго царствія Божія на землѣ; тѣмъ въ ней нма церкви апостольской плодоноситѣ. Но какимъ образомъ сія вѣрные перваго времени въ христіанствѣ получали Духа святой любви? Вѣрою во Христа Иисуса. А какимъ образомъ зараждалась въ нихъ сія вѣра? Отъ слова Божія, которое они слышали изъ устъ апостоловъ. Чѣмъ же сей Духъ святой любви питался въ церкви? Отъ чего онъ болѣе и болѣе разгорался и усиливался? Благопріятствовали сему разнымъ благочестивымъ учрежденіямъ, общеніямъ, приношеніемъ хлѣбовъ, молитвы и другія подобныя; но священный повѣствователь прежде всего о томъ говорить, что вѣрные постоянно пребывали въ ученіи апостоловъ. Можемъ ли знать, въ чемъ состояло сіе ученіе апостоловъ? Оно все въ Библии, не въ однихъ книгахъ Нового Завѣта, но и въ писаніяхъ Ветхаго, которыми они доказывали истину ученія Новозавѣтнаго, и вообще апостолы были такъ сказать воплощенныя живыя Библии. Было ли позволено вѣрнымъ повѣрять ученіе апостоловъ, соображая проповѣдь ихъ съ писаніями Ветхаго Завѣта? Въ книгѣ Дѣяній апостольскихъ съ похвалою упоминается о верійскихъ іудеяхъ, усердно принявшихъ слово апостоловъ, что они ежедневно разбирали сія Писанія, и разсуждали, точно ли это такъ, какъ апостолы проповѣдывали. Посему если и для російской церкви необходимо нужна благодать духа апостольскаго для возрожденія столь многихъ племенъ, не знающихъ Спасителя человекъ Иисуса Христа; то первое и главное, чего наддежить ей желать, — есть возбужденіе въ російскомъ народѣ охоты читать Св. Писаніе; первое же и главное средство къ сему — есть изданіе полной Библии на російскомъ языкѣ въ переводѣ съ оригинальныхъ.

Кто-нибудь скажетъ: не довольно ли и того, что Новый Заветъ и Псалтирь изда ны на руссѣйскомъ языкѣ? Но кто это говоритъ и кому? Смертный человѣкъ смертному человѣку, грѣшный грѣшному и прахъ праху. Но позвольте спросить: Вы ли сотворили небо и землю? Вы ли поставили свѣтила на тверди небесной? Вашъ ли есть день, и ночь не ваша ли? Не вы ли произвели моря и сушу? Весну и лѣто, осень и зиму не вы ли установили?— Развѣ я Богъ? вы отвѣчаете. Если же не вы установили четыре времени года, то вы были бы несправедливы предъ Богомъ и предъ великимъ множествомъ разсудительнѣйшихъ человѣковъ, когда сказали бы: довольно весны и лѣта; къ чему эта грязная сырая осень? Къ чему убійственный холодъ зимы? Притомъ если бы вамъ было позволено судить обо всемъ и измѣнять все въ великихъ дѣлахъ Вседержителя, то вы были бы въ самыя странныя противорѣчія; потому что иногда рѣшились бы уничтожить навсегда ночь, а въ другое время помечали бы безконечнаго продолженія ночи. Хорошо; но къ чему такія необычныя предположенія? Когда вы не творили ни дня, просвѣщаемаго солнечнымъ свѣтомъ, ни ночи, освѣщаемой сіяніемъ звѣздъ и луны; то не вы сотворили и въ Библии Ветхій Заветъ и Новый. Какъ же находите въ себѣ довольно дерзновенія, чтобъ утверждать, будто, когда однѣ книги Св. Писанія даны народу на живомъ, общемъ и понятномъ для всѣхъ нарѣчій, другія могутъ остаться, какъ были прежде, мало понятными и для немногихъ, которые впрочемъ усердно хотѣли бы разумѣть ихъ получше, неудобовразумительными во многомъ и для сословія народной учености въ церковномъ клирѣ, которое впрочемъ столь малочисленно, неприступными и какъ бы не существующими для миллионнаго народа? Одинъ истинный Богъ, даровавшій намъ книгу природы, даровавъ намъ и книгу откровенія; книга природы есть Божественная цѣлостъ, полнота, и единство въ разнообразіи, такъ же Библия; Богъ говоритъ намъ въ книгѣ природы, Богъ говоритъ намъ и въ Библии; ни въ той, ни въ другой ни вы, ни я не можемъ истребить ни одного мѣста. Если же кому-нибудь изъ насъ не угодно читать и понимать въ сихъ великихъ и священныхъ Божіихъ книгахъ сей или другой листъ; то почто желать, чтобъ и другіе или совѣтъ не читали, или по крайней мѣрѣ не понимали этихъ листовъ? Вы позволите:

намъ разумѣть апостоловъ, и говорите: довольно! Но апостолы утверждаютъ свое ученіе о Богѣ, явившемся во плоти, на предсказаніяхъ ветхозавѣтныхъ пророковъ: поче́то же вы лишаете насъ удобства разумѣть писанія пророческія на томъ понятномъ нарѣчій, на которомъ нынѣ читаемъ Новый Завѣтъ? Не Самъ ли Спаситель повелѣваетъ испытывать и разумѣть писанія, которыя свидѣтельствуютъ о Немъ? Благоприятствуйте же сему желанію и повелѣнію Господа Иисуса Христа, а не противьтесь Ему: это весьма опасно и страшно. Если вы искренно пожелаете, чтобы россіяне такъ легко могли разумѣть Моисея и пророковъ, какъ легко могутъ нынѣ разумѣть Новый Завѣтъ и книгу хвалений; то вы будете благоприятствовать великому дѣлу Господа Иисуса Христа, которое состоитъ въ томъ, чтобы, вѣруя во имя Его, всѣ человѣки содѣлывались благоразумными и добрыми чадами Божиими и причастниками вѣчной жизни.

Но вы невесело смотрите, и все еще, кажется, помышляете: когда успѣли надать Новый Завѣтъ и псалтирь на рускомъ нарѣчій, те и довѣтъ! Потому снова коснемся васъ нѣкоторыми вопрошеніями: Вы ли правитель міра правотвеннаго? Вамъ ли дана всякая власть на небеси и на земли? Вы ли Отець всѣхъ человѣковъ? Вы ли изъ любви къ человѣчеству пролили кровь свою, и положили душу за спасеніе міра? Если не вы Отець всѣхъ человѣковъ, то вѣрите ли, что есть на небесахъ Отець всѣхъ человѣковъ, который во всѣ времена открывалъ себя имъ, и бесѣдовалъ съ ними живымъ и понятнымъ языкомъ ихъ? Если не вы Отець всѣхъ человѣковъ, то какъ помыслили, что для народа россійскаго не нужно имѣть полную книгу откровеній Божіихъ на россійскомъ языкѣ; но довольно разумѣть одинъ Новый Завѣтъ, а если еще книгу хвалений, то уже и предовольно? Знаете ли всѣ лица въ россійскомъ народѣ? Знаете ли исторію сердца, характеръ, вкусъ, особенное назначеніе, слабости каждаго человѣка? Все это выше ограниченности и мѣры вашей; вы не можете сказать, что совершенно познали сами себя, что проникли въ глубину души своей, что вамъ извѣстны всѣ извороты самолюбія вашего; вы не знаете, какія новыя нужды и желанія завтрашній день принесеть; можете быть завтра то же самое будетъ для васъ необходимо до крайности, что сегодня отлагаете какъ излишнее. Притомъ сегодня

у васъ глаза болѣть, вы не можете свободно пользоваться полнымъ солнечнымъ свѣтомъ; безъ-сомнѣнія найдутся другіе, у которыхъ органы зрѣнія такъ же въ болѣзненномъ состояніи; всѣмъ вамъ самое благоразуміе повелѣваетъ употреблять всякій свѣтъ съ большою осторожностью, и темнота на время есть врачество для васъ: но слѣдуетъ ли отсюда, что всей Россіи надлежитъ сидѣть въ затворѣ съ закрытыми отъ солнца окнами? Еслибы такъ же пресыщеніе лишило кого-нибудь она въ свѣтлую ночь, а онъ разсердился бы на мѣсяць, и подумалъ бы: не знаю, какую пользу приносить землѣ этотъ безотвязный спутникъ ея; тотъ человѣкъ и самъ не принялъ бы въ правду сей безразсудной мысли; и защитивъ себя завѣсою отъ луны, можетъ быть вспомнить стихъ изъ псалтири: Хвалите Его солнце и луна! Хвалите Его всѣ звѣзды и свѣтъ! Вы же вспомните притчу Спасителя о человѣкѣ, который, имѣя сто овецъ, оставилъ девяносто девять и пошелъ искать одной пропадшей; и будьте увѣрены, что полная россійская Библія доставитъ ангеламъ Божиимъ много случаевъ радоваться о грѣшникахъ, разными глазами единой любви Божіей призываемыхъ къ покаянію и спасаемыхъ. Впрочемъ, по смыслу притчи Христовой, еслибы полная Библія на россійскомъ языкѣ была благопотребна для спасенія и одного грѣшника; то любовь Божія повелѣвала бы и для чего одного подъять нетщотный трудъ изданія полной Библіи на россійскомъ нарѣчій.

Но вотъ свидѣтельство самого Духа Святаго, столь простое, открытое и торжественное, что всѣ возраженія и пререканія должны умолкнуть, когда Самъ Богъ является зашищать дѣло свое. Апостолъ Павелъ пишетъ къ ученику своему Тимоею: „Держись того, чему ты наученъ и что тебѣ вѣрно, знаи Писанія, которыя могутъ умудрить тебя во спасеніе, вѣрою во Христа Иисуса. Все Писаніе Богодухновенно и полезно для наученія, для обличенія, для исправленія, для наставленія въ праведности, чтобы совершенно былъ человѣкъ Божій, ко всякому доброму дѣлу приуготовленъ“. Держись того, чему ты наученъ: это—откровенія Новаго Завѣта. Но какія Священныя Писанія Тимоею зналъ изъ дѣтства, слѣдственно прежде вступленія въ церковь Христову? Безъ-сомнѣнія книги ветхозавѣтной Библіи. О нихъ-то говоритъ св. Павелъ, что они могутъ умудрить че-

ловѣна во спасеніе вѣрою во Христа Іисуса. Не должны ли онѣ посему быть любезны и драгоценны для всякаго христіанина? Вѣра во Христа Іисуса спасаетъ насъ отъ проклятія, изреченнаго закономъ Моисеевымъ противъ всѣхъ нарушающихъ Божіи заповѣди; Моисей наводитъ страхъ на грѣшника; страхъ побуждаетъ человѣка искать убѣжища; и Моисей указываетъ намъ путь ко спасенію въ томъ великомъ пророкѣ, которому надлежало содѣлаться вторымъ законодателемъ для человечества, въ Миротворителѣ, который былъ предназначенъ открыть для всѣхъ народовъ заключенный грѣхомъ источникъ благословеній Божіихъ. Какое утвержденіе и утѣшеніе для вѣрующихъ созерцать Іисуса Христа въ эмблемѣ закалсимаго агнца пасхальнаго, въ символѣ Исаака послушнаго отцу до смерти, уже закланнаго, уже умершаго и въ своей душѣ Богопреданной, и въ душѣ Авраама, который вѣрѣ и любви къ Богу все принесъ во всесоженіе, и вдругъ, сверхъ чаянія обоихъ, въ другой разъ даруемаго отцу своему, воскресающаго! Какое трогательное изображеніе страданій и славы Іисуса Христа въ привлеченіи къ племудреннаго Іосифа! И сколь сладостна та современная манна, которую вѣра во Іисуса Христа обрѣтаетъ въ сличеніи ветхозавѣтныхъ образовъ съ дѣйствительнымъ осуществленіемъ ихъ во Іисусѣ Христѣ! Многія мѣста въ пророческихъ книгахъ Вѣтхаго Завѣта усердные христіане знали бы наизусть, еслибы сіи книги были столь доступны для общаго разумѣнія на російскомъ нарѣчій, какъ онѣ вразумительны на другихъ новѣйшихъ язвакахъ въ переводѣ съ еврейскаго. По крайней мѣрѣ это было бы удобоисполняемымъ долгомъ служителей алтаря: впрочемъ Духъ Святый чрезъ апостола повелѣваетъ и всѣмъ вѣрнымъ знать основанія, на которыхъ утверждается искреннее убѣжденіе ихъ въ истинѣ вѣры, и тѣ надежды, которыми они усаждаютъ произвольныя спорби и страданія въ мѣрѣ, ненавиждаемъ духъ и правдою Евангелія и готовомъ хвалить и любить ихъ, еслибы они отказались отъ сихъ несомнѣнныхъ для него правдъ. Духъ міра сего побуждаетъ юношей христіанскихъ учить и читать наизусть отличныя по остроумію и красотѣ слеза, но гнилыя по содержанію стихотворенія нѣкоторыхъ новѣйшихъ писателей; а Духъ Святый повелѣваетъ вѣрнымъ знать истинны религіи въ полной связи и единствѣ ихъ, дабы всякому, кто

хотѣлъ бы спросить ихъ о вѣрѣ, они могли отчетъ дать, и дабы всякій христіанинъ, восклицая съ апостоломъ Павломъ въ духѣ: я знаю въ кого вѣрую, безстрашно, подъ знаменіемъ креста Христова, подвизался въ духовной брѣнѣ и срѣталъ самую смерть съ упованіемъ и радостью.

Основанія вѣры нашей въ Господа Иисуса Христа находятся въ Священныхъ Писаніяхъ Ветхаго Завѣта. Духу Святому не было благоугодно отырыть намъ въ подробности, что Иисусъ творилъ и говорилъ въ младенческія, отроческія и юношескія лѣта свои, хотя довольно открыто, когда сказано, что разумъ и отвѣты отрона Иисуса приводили іудейскихъ учителей въ удивленіе, что онъ имѣлъ сознаніе о своемъ происхожденіи отъ Отца, что онъ зналъ Отца своего на небесахъ; во всѣхъ движеніяхъ обращенія своего съ человѣкомъ всегда видѣлъ Отца предъ собою; когда что дѣлалъ, дѣлалъ то, что угодно Отцу, и когда говорилъ, говорилъ то, что видѣлъ у Отца Своего; но былъ между тѣмъ въ повиновеніи у Матери Своей и у праведнаго старца Іосифа. Впрочемъ желаемъ ли знать подробнѣйшую, разнообразнѣйшую и пространнѣйшую исторію первыхъ возрастовъ жизни Христовой? Будемъ усердно читать историческія книги Ветхаго Завѣта: ибо исторія церкви сихъ древнихъ временъ есть исторія Духа Христова въ человѣчествѣ, по степенямъ младенчества, отрочества и юношества восходящемъ и приближающемся къ зрѣлости мужества. Все благородное и Божественное, все святое и чистое, все простодушное, искреннее, и любезное, все смиренное и умышленное, все высокое и великое, что найдемъ въ ветхозавѣтныхъ повѣствованіяхъ, все сіе есть жизнь Христова младенчества, отрочества и юношества въ человѣчествѣ возрождаемомъ. Не потому ли въ евангельской исторіи и нѣтъ подробнаго описанія происшествій въ первые возрасты жизни Иисуса Христа, что исторія сихъ періодовъ изображена въ ветхозавѣтной исторіи благочестивыхъ патриарховъ, царей и всѣхъ святыхъ Божіихъ человѣковъ? Во всѣхъ ихъ жилъ Духъ Христовъ, предобразуя и назнаменуя въ дѣйствіяхъ и приключеніяхъ ихъ еще нѣкоторыми слабыми чертами и тѣнями то, что полнымъ образомъ надлежало Самому Богу во плоти совершить съ того времени, какъ Иисусъ явился мужемъ и женихомъ на Іорданѣ, и невѣсту свою — церковь израильскую,

представительницу челоѣчества, принявъ отъ руки Іоанна Предтечи, до того великаго мгновенія, когда Онъ, чашу смерти вкушая на крестѣ за спасеніе міра, возгласилъ: совершишася! Все же челоѣческое и что хуже и ниже челоѣческаго, все же скотское и что хуже и ниже скотскаго, все сатанинское, всѣ заблужденія, похоти, страсти, злодѣянія, мерзости, вошедшія по изволенію Духа Святаго въ исторію Ветхаго Заѣта, все сіе представляетъ грѣхъ всего міра нравственнаго, прошедшаго, прехождящаго, будущаго, грѣхъ всего челоѣчества, полное скопище беззаконій, совершавшихся, совершающихся и хотѣщихъ совершиться въ грѣшномъ челоѣческомъ родѣ. Какая громада и тяжесть! И кто достоинъ взять на себя сей грѣхъ міра, сей міръ грѣха, и понести и повергнуть его въ бездну безконечнаго милосердія и забвенія вѣчнаго? Никто не могъ ни на небѣ, ни на землѣ, ни подъ землею, взять на себя сей грѣхъ міра, сей міръ грѣха, и понести, и повергнуть его въ бездну безконечнаго милосердія и забвенія вѣчнаго, а челоѣчество обновить и содѣлать царственнымъ священствомъ Богу. И всѣ пророки много плакали о томъ, что не нашлось никого, кто бы достоинъ былъ оправдать, очистить и освятить челоѣчество. И Духъ пророчества говорилъ имъ: не плачьте, се Левъ, отъ колѣна Іудина, корень Давидовъ, побѣдитъ змія древняго и спасетъ челоѣчество. Но здѣсь Ветхій Заѣтъ оканчивается и начинается Новый. Іисусъ грядетъ принять крещеніе отъ Іоанна. Внутреннее чувство души пророческой предвозвѣстало Іоанну о присутствіи Того, о которомъ Онъ радовался въ утробѣ Матери. Послѣдуя сему чувству раба и твари, Іоаннъ и смиряется предъ Господомъ и Творцомъ, и повинуется Господу и Творцу своему, и видитъ небо отверстое, и Духа Святаго, сходящаго на Іисуса, знаменіе, по которому Богъ, пославшій его крестить, повелѣлъ ему узнать Христа своего, и свидѣтельствуеть, что сей есть Сынъ Божій, и говоритъ: се агнецъ Божій, который беретъ на Себя грѣхъ міра; Онъ, истинный Богъ и челоѣкъ чистѣйшій и совершеннѣйшій, Онъ достоинъ взять на Себя грѣхъ пѣлаго міра; Онъ достоинъ оправдать и очистить, исцѣлить, обновить, освятить въ Себѣ и Собою все челоѣчество: ибо Онъ будетъ заглавъ и кровію Своею искупить Богу чадъ Его изъ всякаго колѣна, и языка, и народа, и племени, и сдѣ-

даетъ ихъ царями и овященниками Богу ихъ, изливъ въ нихъ Духъ Свой, и возродивъ ихъ Духомъ Своимъ. И вотъ весь Новый Заветъ въ своей сущности. Не видимъ ли, что ветхозавѣтная исторія о грѣхѣ міра имѣетъ необходимую связь съ исторією о исполненіи всякой правды въ чистѣйшей святости и высочайшихъ добродѣтеляхъ Спасителя нашего, который Онъ даровалъ и усвоилъ человѣчеству, такъ какъ бы мы исполнили весь законъ Божій и не сдѣлали никакого грѣха, и въ Его смерти со всеми предшествовавшими страданіями, которые Онъ претерпѣлъ, какъ агнецъ Божій, взявшій на себя всѣ грѣхи человѣковъ, такъ какъ бы Онъ — правда вѣчная — былъ виновникъ, и который Онъ даровалъ и усвоилъ человѣчеству, дабы мы драгоценными заслугами Его оправдались на судѣ Бога безконечнаго въ правдѣ своей, и примирившись съ Нимъ, получали отъ Него благодать Святаго Духа, все немощное врачующую, и благодатію Божією обновляясь и освѣщаясь, содѣлывались наследниками небеснаго царствія, въ которой никакая нечистота войти не можетъ. Не видимъ ли, что тяжесть грѣховъ человѣческихъ, описанныхъ въ Ветхомъ Заветѣ, даетъ намъ видѣть глубину золь, въ которую низверглось падшее человѣчество, изъ которой возводитъ его Иисусъ Христосъ; даетъ намъ чувствовать, какъ Богъ возлюбилъ міръ, что Сына Своего едиnorodнаго предалъ на смерть, дабы всякій вѣрующій въ Него не погибалъ, но имѣлъ вѣчную жизнь; даетъ намъ чувствовать, какъ и Сынъ Божій возлюбилъ насъ, что не возгнушался облечься въ человѣчество, дабы въ Себя облечь насъ, что не смотря на толикія беззаконія, которыми человѣчество осквернило себя, не возгнушался содѣлаться сродникомъ нашимъ, и не стыдится называть насъ Своими братьями? Описаніе грѣховъ человѣческихъ въ Библии ветхозавѣтной даетъ намъ познавать высокую цѣну искупленія нашего, и открываетъ для созерцанія бездну страданій, въ которую погружался за насъ Сынъ Божій: ибо какъ только Онъ, обремененный грѣхами цѣлаго міра, предсталъ на страшный Судъ Всевышняго; то вдругъ отвлекъ отъ насъ, и привлечь на Себя всѣ громовые удары гнѣва Божія, открывающагося съ небеси на всякое нечестіе и неправду человѣковъ; а когда еще не являлся предатель въ саду Геосиманскомъ, сіи громовые удары уже разразились надъ Нимъ; смертоносныя стрѣлы Божіи

пронзали непорочную душу Спасителя, и извлекали изъ нея вопль сильный и слезы. Ужасъ объялъ Его; скорбь и тоска исполнили горестію святѣйшее сердце. Онъ былъ въ бореніи, и былъ потъ Его, какъ капли крови, которыя падали на землю. Но кто можетъ измѣрить пучину животворныхъ страданій Твоихъ, Божественный Искупитель? Взвѣвая на Тебя въ сихъ страданіяхъ, мы должны помнить, что беззаконія и нечестія наши подвергли Тебя страданіямъ, хотя описаннымъ евангелистами, однако неизреченнымъ: слава Тебѣ! Видя такъ же въ Святыхъ Писаніяхъ представленныя образы человѣческихъ беззаконій, мы должны помышлять о томъ, что Ты, Всемилосердый, ни на что не смотря, возлюбилъ насъ, и омылъ насъ отъ грѣховъ нашихъ кровію Твоею, и сдѣлалъ насъ царями и священниками Богу и Отцу Твоему: слава Тебѣ! да обратятся въ похвалу непостижимой благодати и любви Твоей къ человѣчеству ужаснѣйшія злодѣянія и постыднѣйшіе грѣхи человѣковъ отъ перваго братоубійства Каннова до послѣдняго усилія и востанія прельщенныхъ разрѣшеннымъ сатаною народовъ, Гога и Магога, противъ стана святыхъ и града возлюбленнаго. Несчастные! Судъ надъ ними совершится скоропостижно: и ниспадетъ огонь съ неба отъ Бога, и и пожралъ ихъ. Но и за нихъ Иисусъ Христосъ Сынъ Божій проливалъ кровь Свою на Крестѣ; въ томъ грѣхѣ міра, который взялъ на Себя агнецъ Божій, заключались всѣ беззаконія ихъ, всѣ даже до послѣдняго движенія вражды противъ царствій Божія. Христосъ искупилъ всѣхъ драгоценною Своею кровію. Но они сами не восхотѣли воспользоваться дарованною и объявленою свободою, сами восхотѣли остаться рабами грѣха и діавола, сами содѣлались сосудами гнѣва, въ которыхъ Богъ покажетъ силу и правду свою, такъ какъ покажетъ богатство славы Своей надъ сосудами милосердія, т.-е., надъ всеми, кои вѣрою искреннею пріемлютъ Сына Его Иисуса Христа, и съ Нимъ соединяясь, содѣлываются чадами Божиими. Что же? Побѣждается ли въ сихъ погибающихъ слово крестное безуміемъ ихъ? Никакъ! Но какъ Христосъ за всѣхъ умеръ; то и воскресъ для всѣхъ; а какъ всѣ человѣки умерли въ первомъ Адамѣ, когда онъ услышалъ отравленный діаволомъ голосъ жены, и согрѣшилъ; такъ всѣ находящіеся во гробахъ услышатъ гласъ Сына Божія, и услышавъ изыдутъ, но творившіе добро въ во-

сиресеніе жизни, а дѣлавшіе зло въ воскресеніе осужденія. Такимъ образомъ сила смерти Христовой исторгнетъ изъ челоустей смерти все челоувѣчество; и смерть и адъ отдадутъ мертвецовъ своихъ. Такимъ образомъ сила воскресенія Христова воздѣйствуетъ и во врагахъ Его, и всѣ воскреснутъ; но судимы будутъ всѣ по дѣламъ своимъ; и между тѣмъ какъ праведники, облакающіеся во Иисуса Христа, просвѣтятся какъ солнце въ царствіи Отца ихъ, неизмѣющіе сего брачнаго одвѣнія, хотя и явятся на вечери общаго воскресенія, но бывъ обличены, будутъ выброшены во тьму вѣншнюю, и ввержены въ озеро огненное; тамъ плачь и скрежетъ зубовъ.

Но какіе это народы—Гогъ и Магогъ? Ибо думаю, что сіе вопрошеніе не удаляетъ меня отъ предмета моего, но къ нему приближаетъ. Предки наши производили начало російскаго народа отъ Мосоха, Ноева внука. Если москвитяне, такъ они думали, отъ города главнаго получили названіе; а этотъ городъ называется такъ по рѣкѣ Москвѣ: то кто первый назвалъ эту рѣку Москвою? И какъ именуемому пришло на мысль такое названіе? Вѣроятно, что потомки Мосоха, можетъ быть многими вѣками отдаленные отъ своего древняго родоначальника, кочевали и въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ Москва течетъ, и назвали рѣку именемъ своего патріарха, которое осталось на ней, если тѣ племена и ничего своего не оставили здѣсь, кромѣ этого имени. Подобнымъ образомъ можно изъяснить происхожденіе если не самаго Тобольска, то названій рѣки Тобола и сего города. Оувель или Туболь Мосохъ, но вотъ, и родной братъ ихъ Магогъ; всѣ три сыны Япета. Что касается Гога, это одно имя съ Магогомъ, представляемое въ двойномъ видѣ по свойству пророческаго языка, и значить тоже, что въ нѣмецкомъ языкѣ *hoch*. Потому въ 38 и 39 главахъ книги пророка Іезекіиля сначала сказано: сыне челоувѣчъ! утверди лице твое на Гога и на Магога, князя Росъ, Мосоха и Оувеля, и прорцы намъ. Потомъ Господь глаголетъ: Се азъ на тя Гогъ и Магогъ на князя Росъ, Мосохъ и Оувель. И такимъ образомъ далѣе. Ужели слѣпымъ случаемъ представляется Іезекіилю вмѣстѣ съ Гогомъ-Магогомъ, Мосохомъ, Тубаломъ, еще одинъ народъ, которому имя Росъ или Ромъ? Указанное мѣсто у пророка Іезекіиля не есть ли изображеніе тѣхъ же событій будущихъ, только въ большемъ

размѣръ и видѣ, которыя представляются и въ XX-й главѣ Апокалипсиса? Этотъ Ромъ или Росъ не есть ли союзникъ и общникъ Магогу, Мосоку, Тубалу? Гдѣ же ихъ общее мѣсто-пробываніе, откуда они выдутъ нѣкогда на широту земли, и окружатъ станъ святыхъ и городъ возлюбленный? Въ предѣлахъ сѣвера, говоритъ Іезекиль. Теперь видимъ соображенія, на которыхъ писатели иныхъ церквей утверждаясь, полагаютъ, что земли будущаго Гога-Магога занимаетъ нынѣшняя Россія и въ особенности сѣверная часть азіатской Россіи. Они ничѣмъ не могутъ доказать, что Апокалипсическимъ Гогомъ-Магогомъ будутъ народы, составляющіе нынѣшнюю Россію. Ибо еслибы въ дѣйствительно оправдались гаданія извѣстнаго германца, толковавшаго въ началѣ нынѣшняго столѣтія Апокалипсисъ; то и тогда между нами и явленіемъ Гога-Магога на позорищѣ міра было бы еще тысячелѣтіе духовнаго на земли царствованія избранныхъ Божіихъ со Христомъ, эпоха, какой безъ сомнѣнія нѣтъ ничего подобнаго въ системѣ прошедшихъ временъ Новаго Завѣта, потому что въ сію эпоху сатана долженъ быть связанъ, низверженъ въ бездну и запертъ въ темницѣ своей, такъ что уже не будетъ прельщать народовъ. А когда сатана не прельщаетъ народовъ? Не содержитъ ли и доселѣ толликовъ миллионѣвъ магометанъ и евреевъ и толликовъ темъ миллионѣвъ язычества въ разнообразномъ обольщеніи? Итакъ тысячелѣтнее царствіе Христова есть извѣстный періодъ времени будущаго, но извѣстный единому Богу, у котораго и тысяча лѣтъ какъ день одинъ, и одинъ день какъ тысяча лѣтъ, впрочемъ не малое время, потому что ему противопоставляется малое время, на которое сатана будетъ разрѣшенъ послѣ, и потому что сія великая суббота народовъ, за которою послѣдуетъ день Господень, день общаго воскресенія и вѣчности, будетъ исполнена преславныхъ событій и самыхъ благополучныхъ и вождѣльныхъ преобразованій въ нравственномъ мірѣ, которыя можетъ вмѣстять только обширный кругъ временъ—паденіе магометанства, всерадостное обращеніе евреевъ къ истинному Христу, Господу Іисусу, и великое движеніе язычниковъ, которые предъ грядущимъ потопомъ огненнымъ будутъ исцѣлять спасенія во Христѣ Іисусѣ и входятъ въ святую церковь Его съ такою, происходящею отъ особенной благодати Божіей заботливостію, съ такою

заботливостію вдохновенною робвіа лани и свирѣпые тигры, огромные слоны и малые зайцы бѣжали въ ковчегъ Ноя праведнаго предъ потопленіемъ міра водою. И у всѣхъ народовъ, уноконившихся отъ стуженій и обаяній невидимаго обольстителя, покрывало ослѣпленія и суетврія спадеть съ очей ума, такъ что они съ великою радостію воскликнутъ: мы увидѣли истинный свѣтъ во Хриотѣ Іисусѣ; вѣрую во имя Его пріяли Духа небеснаго; обрѣли мы вѣру истинную; нераздѣльной Троицѣ поклоняемся. Для сихъ необъятныхъ человѣческимъ помышленіемъ происшествій безъ сомнѣнія потребно время великой мѣры, которая называется тысячею лѣтъ въ Апокалипсисѣ. По окончаніи же сей полноты времени, когда разрѣшенный сатана выдетъ обольщать народы и возбуждать ихъ на брань противъ церкви Христовой, тогда російскій ли народъ будетъ занимать Гого-Магога, и онъ ли будетъ симъ Гогомъ-Магогомъ, кто можетъ знать кромѣ Бога? Притомъ хотя по указанію пророка Іезекіиля Гог-Магогъ имѣеть земли свои дѣйствительно въ отдаленныхъ предѣлахъ сѣвера; но мы видимъ въ Апокалипсисѣ, что прельщаемые сатаной народъ, въ которыхъ онъ будетъ набирать войско свое, находятся на четырехъ углахъ земли. Итакъ хотя собственно Гог-Магогъ выдетъ изъ нѣдръ хладнаго сѣвера; но онъ найдетъ себя во всѣхъ народахъ единомысленныхъ союзниковъ, которыхъ духъ будетъ—Гог-Магогъ. Итакъ надобно только народамъ о томъ заботиться, чтобы не имѣть духа Гого-Магога: ибо тайна беззаконія издали замѣчается, и постепенно достигши зрѣлости, наконецъ открывается. Посему истинно то, что антихристъ придетъ, но и то справедливо, что какъ прежде было, такъ и теперь много антихристовъ, которые суть предтечи послѣдняго; истинно то, что въ послѣднее время востанутъ противъ царствія Христова Богопротивные народы, означаемые именемъ Гого-Магога; но справедливо также, что и нынѣ уже не одинъ Гог-Магогъ на земли. Потому всѣмъ народамъ, вѣрующимъ во Христа, только о томъ печись надлежитъ, чтобы не заразиться духомъ Гого-Магога, духомъ сихъ исполиновъ послѣдняго міра, сихъ человѣковъ отъ вѣна именитыхъ, которые послѣднимъ востаніемъ противъ церкви Христовой оправдаютъ только вѣрность и истину словъ Спасителя, глаголющаго: на

семь камней я создамъ церковь Мою, и врата ада не преодѣютъ ея.

Россіяне! Братія Отцы! Будемъ пещись наипаче о томъ, чтобы имя російскаго народа было написано на небесахъ въ книгѣ жизни. Ибо тѣ, коихъ имена будутъ написаны въ книгѣ жизни, только тѣ окажутся истинными россиянами, когда откроется Гог-Магогъ, гдѣ бы онъ ни открылся. Тогда умножится беззаконіе, и оскудѣетъ вѣра, и изсякнетъ любовь у многихъ; но сіи вѣрные и благородные братія наши, союзомъ любви связуемые, прострутъ другъ ко другу руки, и возгласятъ: Спасемъя изъ сего развращеннаго рода! И выйдутъ въ неразрушающійся ковчегъ Ноя истиннаго, и спасутся отъ волнъ потопа огнеднаго. Они сохранятъ свѣтильникъ російской церкви, и сей свѣтильникъ неугаснетъ предъ Господомъ! Всѣ же прочіе—Гог-Магогъ.

До того времени всего нужнѣе о томъ заботиться, чтобы намъ жить, мыслить, чувствовать, говорить, дѣйствовать не по духу Гога-Магога, но по духу Іисуса Христа, Сына Божія. Народы Гога-Магога переживутъ тысящелѣтне царствія Христова въ человѣческомъ родѣ; и духъ пророчества представляетъ ихъ находящимися на четырехъ углахъ земли, въ то время, когда сатана будетъ разрѣшенъ и выдетъ обольщать народы. Итакъ весь міръ нравственный, въ которомъ будетъ царствовать Духъ Іисуса Христа, пророку представляется въ образѣ четверугольника. Средоточіе сего четверугольника есть безъ сомнѣнія сердце Іисуса Христа; тамъ святыя всегда имѣютъ станъ свой; и Господь имѣетъ возлюбленный градъ ихъ всегда у сердца: это изображеніе церкви. Сердцемъ Господа Іисуса Христа, посредника между Богомъ и человекомъ, Богъ и Отецъ Его посылаетъ въ святую церковь Духа Святаго, который совершаетъ въ ней все Божественное и спасительное, и безъ котораго церковь не можетъ быть живою. А когда народы Гога-Магога представляются на углахъ земли, которая въ то время вся будетъ занята вертоградомъ Божіей церкви, то сямъ изображается ихъ состояніе нравственное во время тысящелѣтнаго царствія Христова. Ибо углы въ сей четверугольной фигурѣ суть единственные и самыя крайнія отдаленности отъ средоточія, и народы, представляемые на сихъ углахъ, суть отдаленнѣйшіе отъ средоточія, не по мѣсту пребыванія своего, но по отношенію духа своего къ

сердцу Христову и къ истинному духу церкви Его. Въ продолженіе благословеннаго тысячелѣтія безъ сомнѣнія и сіи народы, свободные отъ оболоченія сатаны, будутъ увлечены стремленіемъ всеобщаго примѣра и возбужденія; и какъ все въ то время будетъ наполнено свѣтомъ Христовымъ, то и они будутъ покрыты имъ, и ничего такого не покажутъ въ дѣлахъ своихъ, что могло бы обнаруживать въ нихъ враговъ креста Христова; напротивъ они опять, какъ находящіяся на углахъ земли, не только будутъ имѣть большую силу и важность въ политическомъ мірѣ, но и будутъ казаться подпорами и твердынями церкви. Но вотъ,—по прошествіи великаго времени упокоенія, настаетъ малое время опаснѣйшаго, но послѣдняго искушенія для всѣхъ народовъ; разрѣшенный сатана обзрѣваетъ состояніе ихъ, освѣдомляется о духѣ каждаго, шупаетъ пульсъ Гога-Магога, и находитъ, что сіи народы недовольно укоренены въ любви ко Христу и человечеству, не довольно проникнуты Духомъ Христовымъ, не вѣрно держатся блаженнаго средоточія, откуда свѣтъ и жизнь, Духъ и истина разливается по всей окружности церкви; что хотя они ничего не шадятъ для наружнаго великолѣпія въ богослуженіи, однако для приношенія Богу истинныхъ духовныхъ жертвъ весьма скупы и боязливы, что хотя у нихъ многіе наблюдаютъ благопристойность въ обращеніи и держатся даже строгихъ правилъ гражданской честности въ поведеніи, но не пекутся о очищеніи ума и сердца, о томъ, чтобы Духомъ Иисуса Христа вѣрно утвердиться во внутреннемъ человѣкѣ; и желая быть по смерти въ небесномъ царствіи, не ищутъ во время странствія своего на землѣ, чтобы царствіе Божіе открылось въ духѣ ихъ; и что хотя они, вкупѣ съ другими народами, являютъ ревность, и, если угодно, достойныя исполинской огромности ихъ напряженія, начинанія и движенія въ пользу церкви; но что все это происходитъ не столько отъ искренней преданности Господу Иисусу, сколько по одному приличію, по склонности къ подражанію, изъ желанія не отстать отъ вѣка, не потерять себя во мнѣніи свѣта, не унижить себя предъ другими народами; и что хотя сѣмя слово Божіе обрѣтается и въ этихъ народахъ добрую землю, однако большая масса ихъ, подобно каменному мѣсту, гдѣ не много земли, и гдѣ быліе отъ сѣмени скоро восходить, потому что оно не глубоко бываетъ въ землѣ;

отъ яноя же солнечнаго сгораетъ, и, послѣдку не имѣеть корня, засыхаетъ. Въ такомъ характерѣ людей Гога-Магога сатана съ удовольствіемъ увидитъ способное пріятельще для обольщенной своихъ и много обѣщающія орудія для непріязненныхъ предпріятій его противъ церкви Христовой. Цѣль же, для которой сіи будущія событія открыты въ Апокалипсисѣ, состоитъ въ томъ, чтобы какъ всѣ народы, такъ и россияне опасались духа и правды Гога-Магога, который есть и теперь уже въ мірѣ; а сатана еще неограниченный и въ темницѣ неограниченный ходитъ по вселенной или какъ левъ рыкающій, страхомъ суетнымъ отвращая народы отъ пути Божія, или какъ ангелъ свѣтлый, мудростями лжеименнаго разума и удовольствіями утонченными обольщаетъ ихъ. Господь же нашъ Иисусъ Христосъ примѣромъ своимъ показалъ, какимъ оружіемъ надлежитъ ратовать противъ сего невидимаго врага: ибо когда онъ былъ искушаемъ въ пустынѣ отъ діавола, тогда словомъ Божиимъ, содержащимся въ Св. Писаніи, отражалъ его трикратное нападеніе и одержалъ надъ нимъ совершенную побѣду. Итакъ всего нужнѣе, чтобы Св. Писаніе въ отечествѣ нашемъ всеми сословіями общества могло быть употребляемо съ правильнымъ разумѣніемъ; а для сего изданія послѣдней Библии Россійской въ переводѣ съ оригинальныхъ языковъ необходимо.

Кто-нибудь скажетъ: наши святые предки не спасались ли и съ одною славянскою Библіею? Предки наши сдѣлали, что могли и что должны были сдѣлать для водворенія слова Божія въ юной церкви своей, стяжавши Библію на славянскомъ языкѣ въ то время, когда Россійскій языкъ еще младенчествовалъ, но по младенческому возрасту своему и не былъ еще такъ грѣшенъ, какъ сдѣлался послѣ. Мы же, потомки ихъ, не содѣлаемся ли недостойными предковъ, когда не сдѣлаемъ и съ своей стороны, что должны и можемъ при помощи Божіей сдѣлать для обновленія храма Премудрости Божіей въ Россійской церкви, для сооруженія изъ веществъ живаго русскаго слова животворному слову Божію полнаго и столь величественнаго, обширнаго и благолѣпнаго дома, сколь обширно пространство церкви Христовой въ русскомъ народѣ, сколь величественно и благолѣпно образованіе русскаго слова въ настоящее время, когда Россійское нарѣчіе по всей державѣ есть живой языкъ и свой народу русскому,

когда съ одной стороны славянское нарѣчіе у насъ сдѣлалось не только мертвымъ, но и для самой большей части народа невразумительнымъ, когда съ другой стороны русскій языкъ нерѣдко столь недостойнымъ христіанства образомъ освербляетъ и оскверняетъ многихъ, содѣлываясь орудіемъ и летою неправды, и заражаетъ все тѣло христіанскаго общества духомъ міра сего, и восполняетъ кругъ жизни народной огнемъ не отъ святилища Божія происходящимъ, будучи имъ восплаемъ отъ геенны. Не надлежитъ ли наблюдать ходъ, какимъ небесное провидѣніе возводитъ человѣчество къ высшимъ свѣтамъ и совершенствамъ, и сими свѣтамъ и совершенствамъ даетъ всегда обширѣйшіе круги въ человѣчествѣ, и печется не токмо о сохраненіи, но и о распространеніи употребленія слова истины, преданнаго человѣкамъ въ Св. Писаніи, и о томъ, чтобы разумѣніи сего слова было весьма доступно и удобно для всякаго, кто пожелалъ бы читать и разумѣть чтеніе Библіи? Когда еврейскій языкъ началъ выходить изъ общаго употребленія въ еврейскомъ народѣ; а между тѣмъ приближался Новый Заветъ, которому надлежало свѣтъ истиннаго откровенія Божія, сосредоточивавшійся дотогѣ въ одной еврейской церкви, усвоить всемъ племенамъ и языкамъ; тогда было благоугодно Духу Святому употребить всемірное въ тѣ времена елліинское нарѣчіе въ орудіе слова Божія. Водители народа не соизволятъ ли усмотрѣть здѣсь указанія Провидѣнія Божія на дарованіе Россійской церкви Россійской Библіи, когда славянское нарѣчіе уже давно между нами не есть живое? Водители народа не соизволятъ ли усмотрѣть необходимую потребность и нужду въ томъ, чтобы очаровательнымъ обольщеніемъ сатаны противостоять въ народѣ Богъ и Отецъ человѣковъ, говорящій съ дѣтьми живымъ языкомъ ихъ, по своей силѣ и богатству достойнымъ Бога, по своей вразумительности и народности достойнымъ отца человѣковъ; чтобы языкъ Россійскій, вслѣдъ за другими живыми языками живыхъ народовъ, получилъ полное освященіе отъ слова Божія и, содѣлавшись благовѣстникомъ всѣхъ откровеній Божиихъ, органомъ истины, чистоты и святости, всегда служилъ освященію многихъ? Когда мы совершенствовались побѣдоносныя воинства наши; тогда сколько разъ, примѣчая укрѣпленія враждебныхъ народовъ къ улучшенію оружія воинскаго, и сами перемѣняли употребляв-

шіяся дотогѣ орудія на новѣйшія, удобнѣйшія и краснѣйшія? Но козни дьявольскія не опаснѣ ли человѣческихъ? И брань христіанскаго народа съ поднебесными духами злобы, съ миро-правителями тьмы вѣка сего, не важнѣ ли всякой войны съ видимыми и тлѣнными непріятелями? И не требуетъ ли благо-разуміе, чтобы въ то время, когда духъ міра столь сильно дышетъ на Россійскій народъ въ образованности и пріятности языка народнаго; Христова церковь ратовала симъ же самымъ оружіемъ противъ міра, преподавъ народу полную книгу откровеній Божіихъ на самомъ чистомъ Россійскомъ нарѣчій?

Но скажутъ: греческій переводъ ветхозавѣтной Библии освященъ евангелистами и апостолами въ приводимыхъ ими свидѣтельствахъ изъ книгъ пророковъ: итакъ если и надобно издать всѣ книги Вѣтхаго Завѣта на Россійскомъ нарѣчій; то не лучше ли перевести ихъ съ греческаго перевода, чѣмъ съ еврейскаго оригинала? Но апостолы и евангелисты, употребляя греческій переводъ ветхозавѣтной Библии по тому же, почему Господу было благоугодно предать ученія и откровенія Новаго Завѣта челоувѣкамъ на еллинскомъ языкѣ,—нигдѣ однако не изречаютъ отверженія противъ еврейской Библии; напротивъ ап. Павелъ торжественно утверждаетъ, что Богъ не отвергнулъ народа своего, который Онъ прежде зналъ;—а въ другомъ мѣстѣ, сказавъ, что необрѣзанный, по природѣ исполняющій законъ, осудитъ іудея, когда онъ и при писаніи и при обрѣзаніи преступникъ закона,—онъ предлагаетъ вопросъ: какая выгода быть іудеємъ? Или какая польза отъ обращенія? И отвѣтствуетъ: великая во всѣхъ отношеніяхъ; а наипаче въ томъ, что имъ ввѣрено слово Божіе. — Апостолъ безъ сомнѣнія говоритъ здѣсь о еврейскомъ оригиналѣ ветхозавѣтной Библии: ибо слово Божіе въ еллинскомъ переводѣ уже давно было предано и другимъ народамъ, и греческая Библия LXX толковниковъ уже была общею собственностью іудеевъ и язычниковъ. Но св. Павелъ говоритъ, что іудеямъ, а не другому какому-нибудь народу ввѣрено слово Божіе для сохраненія истинныхъ откровеній Божіихъ въ челоувѣческомъ родѣ: посему іудей, будучи напоенъ словомъ Божіимъ со млекою матери, зная законъ Моисеевъ и пророчества о Христвѣ изъ дѣтства, удобнѣе чѣмъ язычникъ можетъ обрѣсти путь спасенія во Ісусѣ. А когда онъ обрѣлъ Мессію во Ісусѣ Назарянинѣ; то ему

остается только быть вѣрнымъ познаваемой истинѣ, и исповѣдать ее съ праводушіемъ Наазанаила, чтобы видѣть небо для человѣковъ отверстымъ во Іисусѣ, и ангеловъ Божіихъ, восходящихъ и нисходящихъ къ сыну человѣческому на пользу и спасеніе грѣшныхъ братій Его. Итакъ писанія, у іудеевъ на еврейскомъ языкѣ хранящіяся, на которыя св. Павелъ указываетъ, суть по свидѣтельству его слово Божіе. Но онъ не сказалъ: іудеямъ оставлено слово Божіе, какъ остаются умирающіе лучи заходящаго солнца на вершинахъ горъ; а сказалъ: „вѣрено“, то-есть и нынѣ, хотя евреи оказались невѣрными духу Св. Писанія, но Богъ, вѣрный и истинный, котораго дары и призыванія непреложны, и нынѣ вѣрилъ имъ, какъ залогъ милосердія своего и будущаго возстановленія и славы ихъ во Христѣ Іисусѣ, — букву Писанія, совершенно вѣрною духу Его, и вложилъ имъ въ сердца, какъ залогъ милосердія Своего и будущаго возстановленія и славы ихъ во Христѣ Іисусѣ, — крѣпкую, постоянную, строжайшую, благоговѣйную, искреннюю, непобѣдимую вѣрность въ храненіи вѣренняго имъ слова Божія, такъ что при всемъ поврежденіи характера въ этомъ таинственномъ народѣ, когда еврей за малость готовъ обмануть міръ весь, — самая ненависть къ распятому Назарянину не могла склонить евреевъ на то, чтобы обманывать человѣчество въ Библии. Еврей во всемъ можетъ-быть изъ корысти низокъ, двоедушенъ, безчестенъ; въ одной Библии характеръ евреевъ является въ поразительномъ блескѣ безкорытвѣйшей честности, благородства и правоты постояннѣйшей и для всего человѣчества благотворнѣйшей. Но если греческій переводъ ветхозавѣтной Библии освященъ употребленіемъ въ священныхъ книгахъ Новаго Завѣта; а славянская Библия переведена съ греческой: то какая выгода читать Библию Ветхаго Завѣта на еврейскомъ языкѣ, или какая польза отъ перевода сихъ книгъ на Россійское нарѣчіе съ оригинала? Великая во всѣхъ отношеніяхъ, а наипаче въ томъ, что Духъ святой, первоначально ввѣрившій еврейскому языку слово Божіе, посредствомъ сего же языка ввѣрить и русскому нарѣчію слово Божіе, такую же мѣрою свѣтлости и вразумительности, какою оно усвоило еврейскому, и какъ Спаситель повелѣваетъ испытывать писанія, то переводъ всей Библии Ветхаго Завѣта съ еврейскаго языка на русскій будетъ уже и самъ по

себѣ исполненіемъ заповѣди Спасителя и трудомъ, который будетъ увѣнчанъ Его благословеніемъ; а между тѣмъ сей трудъ будетъ награждаемъ святыми корыстями разумѣнія, которыя обогатятъ и украсятъ Россійскую церковь паче всѣхъ сокровищъ міра и паче всякаго великолѣпія вещественнаго, — многими прозрѣніями въ таинства Божіи, принадлежащія и открывающіяся душамъ, которыя со страхомъ Божиимъ и вѣрою приступаютъ къ размышленію о путяхъ Божіихъ, прозрѣніями, которыя срѣтаются съ неизглаголанными воззрѣніями Премудрости Божіей, веселящими душу вѣрную ей, невѣрную же обличающими и къ вѣрности воззывающими.

Россіяне! Братія и отцы въ Господѣ! Когда живые языки народовъ современныхъ намъ одинъ за другимъ освящаются, обдѣлываясь органами всѣхъ откровеній Божіихъ человѣкамъ, изреченныхъ Духомъ святымъ на языкахъ еллинскихъ въ Новомъ Завѣтѣ, а на еврейскомъ въ писаніяхъ Ветхаго: почто Россійскій языкъ и народъ медлитъ полною мѣрою причаститься сего же освященія истиною и словомъ Божиимъ? Духъ Святой, сошедшій на Божественныхъ учениковъ и апостоловъ Иисуса Христа въ огненныхъ языкахъ, и даровавшій имъ способность тогда же проповѣдывать разными языками великія дѣла Божіи, не освятитъ ли всѣ народы челоѣковъ? И сія первосвященническая молитва Иисуса Христа за апостоловъ: Отче святыи! освати ихъ истиною Твоею; слово Твое есть истина; какъ Ты меня послалъ въ міръ, такъ и Я послалъ ихъ въ міръ, — сіе желаніе святѣйшаго сердца Иисусова не принадлежитъ ли какъ крайшее наслѣдіе, и Тебѣ, святая церковь Россійская? Не предназначена ли и Ты быть великимъ собраніемъ свѣтлыхъ лучей животворящаго солнца правды, Христа, сосредоточенныхъ въ одно цѣлое? Какъ видимое солнце посылаетъ лучи свои на землю, на луну и на другія громады темнаго вещества, подчиненныя сему князю свѣта вещественнаго; такъ Христосъ, солнце духовнаго міра, не посылаетъ ли и Тебя, дочь свѣта, по определенному и указанному Тебѣ направленію въ міръ, лежащій въ землѣ, дабы свѣтъ Его просвѣщалъ чрезъ Тебя темныя массы многихъ народовъ, поставленныя Провидѣніемъ Его на пути силы и державы Твоей и вліяніямъ Твоимъ преданныя, дабы, какъ Ты, бывъ некогда тьмою, содѣлалась свѣтомъ въ Господѣ?

Сіи народы одъвають и украшаютъ тебя, о дщерь Россіи, лисицами, соболемъ, бобрами: уже ли они для того и поручены тебѣ Господомъ Богомъ, чтобы служить и угождать прихотямъ роскоши? Уже ли владыка небесный для того и предалъ державѣ твоей землю сибирскую, чтобы облить тебя золотомъ и серебромъ, изрываемымъ изъ нѣдръ этой земли, принадлежавшей татарамъ, остякамъ, самоѣдамъ, калмыкамъ и прочимъ многимъ? Не должна ли ты заплатить имъ за сіи драгоценности словомъ Божиимъ, котораго польза и достоинство до безконечности выше серебра и золота и драгоценныхъ камней? Не обязана ли за сіи пышныя одѣянія облечь ихъ во Христа, въ бѣлыя ризы праведности Христовой? Но если ты сама будешь страшиться увидѣть полный свѣтъ откровеній Божіихъ въ русскомъ словѣ; то увидятъ ли посредствомъ тебя великій свѣтъ сіи народы, которые Провидѣніе Божіе вѣрило попеченію твоему? Да освятится исполнѣнъ языкъ твой истиной Божіею, которая есть Слово Божіе; тогда, какъ въ надеждѣ на Бога вѣровать должно, и духъ народа посредствомъ языка приметъ отъ истины Божіей полное освященіе; тогда въ духъ народа благоуспѣшно будетъ раскрываться живое сознаніе назначенія своего, докогда слово Господа Иисуса Христа не изречется въ немъ духомъ святымъ: какъ Отецъ послалъ Меня въ міръ, такъ и Я посылаю Тебя, ко многимъ народамъ, чтобы Ты ввелъ ихъ въ благодатное царство Мое, и помогъ имъ содѣлаться добрыми и блаженными гражданами іерусалима небеснаго. Иди и научи ихъ вѣровать во имя Мое, получить отъ Отца Моего прощеніе грѣховъ и благодать святаго Духа отъ полноты Моей для исполненія заповѣдей Моихъ. Тогда дхлетъ Духъ Иисуса Христа, и сіи льды хладнаго невѣжества, которыми окованы столь многія воды народовъ, растаютъ, и они, какъ великія рѣки, потекутъ въ Христову церковь, быстрыми стремленіями усердія и преданности Спасителю Богу увеселяя градъ Божій, сущій на небесахъ.

Но братія и отцы! съ такою ли ревностію стремимся въ совершенству во всемъ богоугодномъ, духовномъ и вѣчномъ, съ какимъ рвеніемъ подражаемъ современнымъ народамъ во всемъ, чѣмъ питается любопытство, что умножаетъ удобства и удовольствія образованнаго обществія, что возвышаетъ насъ во мнѣніи другихъ народовъ, что возвышаетъ насъ въ особенномъ нашемъ

о себѣ мнѣнии, что занимаетъ суетность нашу непрестанно измѣняющимися новостями? Похвально усердіе, достоинъ почтенія и ободренія вкусъ народа ко всему доброму, что у другихъ примѣчаемъ; но, какъ сказалъ мнѣ одинъ благоговѣйный старецъ, добро добра добрѣе, божественное выше всего человѣческаго, вѣчное дороже всего временнаго, богоугодное вѣрнѣе всего, что сегодняшнему вкусу многолюдной толпы угодно, духовное благороднѣе всего чувственнаго. Россіяне! на васъ смотритъ вселенная; на васъ смотритъ Европа: но не смотритъ ли на васъ и съ высоты небесной Сынъ Человѣческій, стоящій одесную Бога, сей Царь надъ царями и Господь надъ господами? Не смотрятъ ли на васъ всѣ святые ангелы Его? Не смотритъ ли на васъ торжественное собраніе на вѣчномъ Сіонѣ, и церковь первенцевъ, написанныхъ на небесахъ? Не смотритъ ли на насъ и все, что на землѣ есть благороднѣйшаго, просвѣщеннѣйшаго, благотворнѣйшаго и чистѣйшаго? А что такое? кто-нибудь спроситъ. Христіанство живое и плодоносное, — тѣ, кои вѣрують во Іисуса, какъ въ Бога, явившагося во плоти, и, не видѣвъ Его, но полагаясь на Святыя Писанія, свидѣтельствующія о Немъ, любятъ Его, усердно учатся у Него же творить волю Отца, и радуются радостію незреченною и преславною въ самыхъ страданіяхъ, и получаютъ плодъ вѣры своей, спасеніе душъ, т.-е. и сами спасаются и служатъ спасенію ближнихъ, Іисусомъ Христомъ. Россіяне! Если уже необходимы слова для возбужденія ревности вашей; то заслуживайте похвалу между всѣми любящими Сіона: они соль земли, они краса и цвѣтъ человѣчества; они свѣтъ міру. Россіяне! Если вы по распоряженію Небеснаго Міроправителя, не предшествуя, а послѣдуя образованнѣйшимъ народамъ въ великомъ ходѣ возрожденія человѣковъ, не можете не подражать имъ во многомъ, въ чемъ они имѣли время опередить васъ; то подражайте имъ наипаче въ дѣятельномъ усердіи и любви въ слову Божію, подражайте имъ въ ревности въ распространенію христіанства между народами, остающимися въ мучительной власти діавола. Но что я говорю: подражайте? Смотрите и творите. Смотрите, какъ работаютъ въ церквахъ Великобританіи и Германіи; смотрите на усилія сихъ церквей въ образованіи пастырей и учителей; смотрите на устроенія и дѣйствія миссій ихъ; смотрите на моравскую церковь, на общины

ея, разсѣянная по вселенной, на ея подвиги и успѣхи въ проповѣданіи язычникамъ Иисуса Христа распятаго. Но во всѣхъ сихъ церквахъ народы читаютъ полную Библию на живыхъ народныхъ языкахъ своихъ: вотъ что прежде всего надлежитъ перенять для того, чтобы Духъ Иисуса Христа возрождать, оживлять, освящать, оплодотворять и руководствовалъ Россійскій народъ къ его столь великому назначенію въ царствіи Божіемъ, столь велико число и различіе тѣхъ народовъ ея, которые доселѣ не привиты къ Спасителю человековъ Иисусу Христу. О дщерь Россіи! ты не желаешь, чтобы кто предвосхитилъ вѣнецъ твой: это открылось явно, когда иной церкви дѣйствователи въ Иркутской епархіи на вопросъ, будетъ ли позволено имъ крестить безъ сомнѣнія ими обращаемыхъ и оглашаемыхъ иновѣрцевъ, не получили утвердительнаго отвѣта. Но въ то же время и долги наши не увеличились ли? Не обязались ли мы на мѣсто англійскихъ миссіонеровъ давать иновѣрцамъ Россійскихъ, которые бы и крестили ихъ безкорыстно, и заботились съ постояннымъ усердіемъ о наставленіи и утвержденіи неофитовъ въ спасительномъ познаніи Иисуса Христа и святыхъ Его заповѣдей? Но англійскіе миссіонеры читаютъ на живомъ народномъ языкѣ полную Библию, переведенную съ оригинальныхъ: вотъ что прежде всего надлежитъ перенять, чтобы и вообще въ Россійскомъ народѣ и особенно въ служителяхъ алтаря умножался спасительный для человековъ свѣтъ истиннаго Богопознанія. Если же все еще будемъ бояться полной Библии на Россійскомъ нарѣчій; то не вошелъ бы въ число миссіонеровъ нашихъ никто подобный одному клирику, приходившему ко мнѣ съ объявленіемъ, что онъ желаетъ послужить святой церкви проповѣданіемъ слова Божія иновѣрцамъ. Хорошо, говорю, другъ мой; но скажи мнѣ сколько у насъ боговъ, чтобы знать какую вѣру мы намѣрены проповѣдывать. И что же? Онъ насчиталъ мнѣ ихъ не только три, но и четыре, и пять, и можетъ-быть простирая бы дагѣе, еслибы я не пресѣкъ этого исчисленія. Архіепископъ всплеснулъ руками отъ удивленія и прискорбія, когда я разсказалъ ему разговоръ мой съ этимъ клирикомъ. Впрочемъ у насъ нельзя и ожидать того, чтобы одни миссіонеры и клирики приходскихъ церквей проповѣдывали иновѣрцамъ Бога истиннаго; но и воѣ православные земледѣль-

цы и торговые люди нерѣдко изъясняютъ имъ вѣру, которую называютъ „крещеною“, и многіе изъ сихъ учителей называютъ честныя иконы богами, а полочки, на которыхъ они стоятъ, божицами. Такъ образомъ вообще русскій народъ, хотя десель кажется недовольно собравшійся съ силами, долженъ содѣйствовать обращенію ко Христу многихъ племенъ, вкупѣ съ нимъ составляющихъ одну державу; и чѣмъ болѣе въ русскомъ народѣ умножался бы свѣтъ Христовъ, тѣмъ болѣе добра Христова онъ сообщалъ бы иновѣрцамъ безчисленными точками непрестанныхъ сближеній съ ними, прикосновеній къ нимъ, сообщеній и связей съ ними по дѣламъ и нуждамъ временной жизни. Но чтобъ Росейская церковь родила сей духъ спасенія, для того надобно прежде, чтобъ она зачала сей духъ спасенія, а для сего необходимо, чтобы она совершеннымъ и полнымъ образомъ предалась дѣйствию сотворившаго вся и возсозидающаго вся Иисуса Христа Сына Божія, чтобы она получила отъ Него полную мѣрою нетлѣнное сѣмя Слова Божія въ св. Писаніи, чтобы всѣ затрудненія, препятствующія слову Божію дѣйствовать полною силою въ духъ народа, происходящія отъ нарѣчія, содѣлавшагося для русскихъ мертвымъ, были отвращены и уничтожены, а съ другой стороны были приведены въ дѣйствіе всѣ возможные способы для того, чтобы полная Библія на русскій нарѣчій была самая вѣрная и сообразнѣйшая слову Божію, первоначально ввѣренному письменамъ еврейскаго языка въ книгахъ ветхозавѣтныхъ и еллинскаго въ новомъ завѣтѣ. Ничѣмъ не можно замѣнить сію полноту и чистоту живаго сѣмени возрожденія, никакими душеполезными сочиненіями, никакими златыми книжицами, никакими самонадежными способами спастись, никакими проповѣдями. Притомъ надобно истинствовати въ любви къ Богу и человѣкамъ во Христѣ Иисусѣ, чтобы и подражаніе въ дѣлахъ Царствія Божія было твореніемъ по искреннему убѣжденію и благочестію въ духъ и истинѣ,—и мужественно рѣшиться на скорби чадорожденія, возвышающія достоинство и блаженство матери,—хотя по всему вѣроятно, что болѣзни твои, о дщерь Россіи, будутъ не тяжки, и если ты, не внимая опасеніямъ оскорбительнымъ для слова Божія, обиднымъ для вѣры и благочестія, унижательнымъ для христіанской державы, спокойно употребишь предохранительныя мѣры

благоразумія, уповаю на помощь Божию; то гласъ Іеговы, разрѣшающій ланей отъ бремени, облегчитъ и твои страданія; Господь будетъ съ тобою въ скорби, и безъ дальнихъ потрясеній бѣгъзненныхъ содѣлаетъ тебя матерію веселящеюся о многихъ чадахъ.

Поспѣшимъ окончить письмо, такъ растянувшееся сверхъ чаянія; возвращаюсь къ изреченію св. ап. Павла, который свидѣтельствуешь, что св. Писанія, и какъ мы видѣли, ветхозавѣтныя, могутъ умудрить всякаго христіанина, и въ особенности служителя церкви во спасеніе вѣрою во Христа. Если же это вѣрно; то безъ сомнѣнія Духу Святому будетъ благоугоденъ усердный трудъ, которому Россійская церковь будетъ обязана яснымъ и вѣрнымъ переводомъ всей библіи Ветхаго Завѣта на руссійскій языкъ съ оригинальныхъ: ибо сей подвигъ поведетъ руссійскую церковь и въ особенности сословіе клириковъ къ той самой цѣли, для которой Библія Ветхаго Завѣта дарована человѣкамъ Небеснымъ Отцемъ ихъ. Сія цѣль въ томъ состоитъ, чтобы мы читая книги Ветхаго Завѣта умудрились вѣрою во Христа Іисуса. Но чѣмъ яснѣе и вразумительнѣе будутъ для насъ сіи Писанія, тѣмъ искуснѣйшими и благоразумнѣйшими будутъ содѣлывать насъ въ дѣлѣ спасенія. Мы говорили, какимъ образомъ законодательныя, историческія и пророческія книги Ветхаго Завѣта руководствуютъ ко Христу. Что касается прочихъ писаній, въ которыхъ содержатся прекраснѣйшія нравоученія,—въ книги притчей Соломоновыхъ видимъ, что они суть уроки предвѣчной премудрости Божіей, которая, по изъясненію ап. Павла, есть Сынъ Божій, пришедшій въ міръ, Іисусъ Христосъ; и какъ въ тѣ времена, когда составъ Ветхозавѣтной Библіи восходилъ къ полнотѣ своей, спасаемое человѣчество находилось въ возрастѣ отрочества и юности: то во всѣхъ Ветхозавѣтныхъ нравоученіяхъ надлежитъ созерцать Іисуса Христа въ Святомъ отрочествѣ Его, и внимать самой премудрости Божіей, преподающей человѣкамъ удивительныя наставленія, но всегда сообразныя младости человѣчества: ибо нравоученіе Премудрости Божіей въ Новомъ Завѣтѣ есть уже высшее и совершеннѣйшее.—Кто-нибудь скажетъ: не опасно ли представлять народу таинственную книгу Пѣсни Пѣсней на руссійскомъ нарѣчій? Пастыри церкви отвратятъ опасность приложеніемъ ука-

заній на внутреннѣйшее содержаніе сей божественной книги, въ которой воспѣвается брачный союзъ Премудрости Божіей съ непорочною и чистѣйшею душою человѣческою во Іисуса, достигшей жаркаго возраста юности, но крѣпкой и побуждающей, и всюю силою прилѣпляющейся къ Премудрости Божіей и объемлемой ею. Впрочемъ ужели ап. Павлу не было извѣстна Пѣснь Пѣсней? А онъ торжественно объясняетъ, что все Писаніе, не исключая ни одной книги, все Писаніе богодухновенно и полезно для наученія, для обличенія, для исправленія, для наставленія въ праведности, чтобы совершенъ былъ человѣкъ Божій, ко всякому дѣлу доброму приуготовленъ. Кто не желаетъ, чтобы и нынѣ умножились въ російской церкви такіе служители слова, каковъ былъ Тимофей ученикъ св. Павла? Но образуются, приуготовляются ко всякому доброму дѣлу и совершаются святые Божіи человѣки Библіею. Итакъ на что оставлять прегражденнымъ и засореннымъ хотя одинъ источникъ церковной пользы? Все Писаніе богодухновенно, и все полезно: и такъ даруйте російской церкви всю Библію на русскомъ языкѣ, дабы она приносила народу русскому сколько можно болѣе пользы, дабы она, будучи вразумительна и свѣтла, и просвѣщая сердечныя очи, тѣмъ явственнѣе открывалась въ достоинствѣ богодухновенности и въ силѣ истиннаго слова Божія. Если же и затѣмъ останутся въ библии такія мѣста, которыя съ перваго взгляда будутъ казаться темными; это будутъ весьма легкія и тонкія тѣни возвышающія красоту и величіе свѣта. Впрочемъ св. ап. Петръ говоритъ и о посланіяхъ св. Павла, что въ нихъ есть нѣчто неудобовразумительное, что невѣжды и неутвержденные, къ собственной своей гибели, превращаютъ подобно какъ и прочія писанія. Но св. Петръ за слабость и невѣжество нѣкоторыхъ не воспрещаетъ читать посланія св. Павла на греческомъ языкѣ доступномъ для всѣхъ и вразумительномъ. Благодаримъ Господа Бога, что имѣемъ теперь сіи посланія глубокомысленныя на русскомъ языкѣ, такъ же какъ и весь Новый Заветъ и книгу хваленій отъ ветхаго; и молимъ благодать Его даровать намъ вскорѣ и прочія писанія Ветхаго Завета въ такой же ясности; и чѣмъ онѣ яснѣе будутъ на русскомъ нарѣчій, тѣмъ менѣе будетъ способовъ для невѣждъ превращать истинный смыслъ ихъ.

Наконецъ чѣмъ яснѣе, чѣмъ сообразнѣе съ оригиналами будетъ библія на русскомъ языкѣ, тѣмъ полезнѣе будетъ употребленіе ея въ обращеніи и наставленіи обращающихся ко Христу магометанъ и евреевъ: ибо евреямъ надлежитъ непрестанно показывать Иисуса Христа въ Ветхомъ Заветѣ; а Магомета ни что не можетъ столь сильно поражать и низлагать, какъ сама Библія, которую онъ искажилъ въ Алкоранѣ. Но Алкоранъ уже неоднократно изданъ у насъ на русскомъ нарѣчій: почто же не спѣшимъ противопоставить ему Святую Библію на живомъ языкѣ народа, весьма знакомомъ для многихъ между русскими магометанами и евреями? Но В. Пр—во и безъ многословія моего можете чувствовать и видѣть съ этой стороны важность церковной нужды, о которой я обстоятельнѣе говорилъ въ письмѣ къ высокопреосвященнѣйшему Филарету Митрополиту Московскому. Впрочемъ будемъ развязны; будемъ учиться у св. апостола быть всемімъ для всѣхъ.—Вы сегодня желаете остаться съ одною славянскою библіею, какую нынѣ имѣемъ? Оставайтесь съ Богомъ; но вы не знаете, что съ вами завтра случится; и если получите другое желаніе, то объявите намъ, потому что мы готовы и другимъ образомъ послужить и угодить вамъ.—А вы желаете читать славянскую же библію, но вновь переведенную съ еллинскаго? Вотъ она: читайте съ Богомъ.—А вы требуете полной библіи, но переведенной на російскомъ нарѣчій съ еллинскаго? Извольте получить: вотъ она.—А вы намѣрены изучать библію на славянскомъ языкѣ, но въ переводѣ съ оригинальныхъ, греческаго и еврейскаго?—Вотъ она: поучайтесь съ Богомъ и днемъ и ночью.—Быть такъ развязными необходимо для того, чтобы по наставленіи ап. Павла сражаться десными и шуми. Но какъ намъ кажется, что нельзя еще вскорѣ открыться у насъ такому богатству и изобилію способовъ: то мы, бѣдные миссіонеры, сего названія недостойные, молимъ прежде всего даровать намъ полную російскую библію на російскомъ нарѣчій, вѣрно переведенную съ оригинальныхъ языковъ еврейскаго и еллинскаго.—И мы осмѣливаемся воображать, что намъ отвѣтствуютъ такимъ образомъ: прошеніе ваше не безразсудно. Вы боретесь обыкновенно съ большими и неминуемыми развлеченіями; вы ходите среди соблазновъ, сѣтей и пропастей; вы обращаетесь по большей части съ такими людьми, которыхъ

вниманіе занимается только земнымъ и временнымъ; а кромѣ того вы и живете тамъ, гдѣ престолъ сатаны. Получите убо истощимый запасъ священнаго елея, которымъ можете питать свѣтильники ваши, дабы они не угасали. Вы совершенно удалены отъ богатыхъ книгохранилищъ, которыми ваша ученая братія пользуется; вы не имѣете доступа къ тѣмъ толковникамъ, которые можетъ быть помогли бы вамъ разумѣть, напримеръ, книгу Іова на славянскомъ языкѣ (не о себѣ говорю, а вообще о состояніи миссіонеровъ) вы не можете имѣть многія книги въ странствіяхъ вашихъ, иногда по гѣсамъ, горамъ и пустынямъ: вотъ книга книгъ и при томъ на руссiйскомъ нарѣчiи; вотъ библія, которая сама себя изъясняетъ; она можетъ сопровождать васъ повсюду, освящая часы отдохновенія вашего, улаждая горестъ скорбей, разгоняя туманъ печали, возбуждая вѣру и упованіе на Провидѣніе Божіе, подкрѣпляя терпѣніе, утѣшая добрыми помышленіями. Вотъ богодухновенная библія Ветхаго Заветъ на руссiйскомъ нарѣчiи въ переводѣ съ еврейскаго, читайте ее бѣднымъ евреямъ; и когда они съ удовольствіемъ будутъ видѣть, что Библія наша совершенно сообразна съ ихъ библіею, тогда вы открывайте имъ, какимъ образомъ Іегова ведетъ ихъ рукою Моисея и пророковъ ко Іисусу, и что сей Іисусъ есть Іегова, обѣщавшійся явиться на землю для спасенія грѣшниковъ. Вотъ полная библія и Ветхаго Заветъ и Новаго: читайте ее магометанамъ, да познаютъ они, что все спасеніе челоувѣковъ заключается въ дѣйствительности страданій и смерти Христовой, что нѣтъ ничего ужаснѣе и ненавистнѣе для дiавола какъ животворный крестъ Господа нашего Іисуса Христа, что потому самому и научалъ онъ Магомета проповѣдывать, будто Іисусъ не былъ на крестѣ распятъ, и будто призракъ одинъ представлялся на крестѣ Іудеямъ; да познаютъ, что они вѣруютъ лжи и противятся истинѣ; что Іисусъ Христосъ дѣйствительно пострадалъ за насъ пречистою плотію и душею святѣйшею и грѣхи наши самъ вознесъ тѣломъ своимъ на древо, дабы мы, умерши для грѣховъ, жили для правды, и что ранами Его мы исцѣляемся. Вотъ наконецъ полная библія на руссiйскомъ языкѣ, которою руссiйская церковь благословляетъ. Она явилась послѣ многихъ другихъ переводовъ св. Писанія, а оказалась впереди всѣхъ ихъ, потому что воспользовалась и опытами, и немощами

и успѣхами многихъ вѣковъ, доставшимися въ наследство нынѣшнему: посему всѣ церкви приняли явленія полной россійской библіи съ радостными восклицаніями; послѣ еврейской библіи Ветхаго Завѣта и еллинской Новаго, это первая библія въ христіанскомъ мірѣ. Читайте съ Богомъ; благодарите за сей даръ Бога и помышляйте по сему знаменію о великихъ намѣреніяхъ Вседержителя въ разсужденіи церкви россійской, о великихъ и славныхъ подвигахъ предстоящихъ ей въ будущемъ по дѣламъ Царствія Божія; о высокомъ ея назначеніи въ судьбахъ Божиихъ, о важности ея обязанностей, о тяжести ея ответственности предъ Богомъ. Теперь будьте спокойны, живите и дѣйствуйте библіею, и не завидуйте иностраннымъ церквамъ, а Бога благодарите и радуйтесь, что вы въ нѣдрѣ православной россійской церкви, которая наконецъ имѣетъ россійскую библію, и что послѣ божественныхъ оригиналовъ россійская библія есть между всеми переводами превосходнѣйшая и совершеннѣйшая.

Знать мои мысли о средствахъ, служащихъ къ лучшему устройству миссіи здѣшней, желали вы, избранный изъ тысячи мужъ. Желанія мои не ограничиваются состояніемъ миссіи во время пришествія моего на земли, которое какъ видно по всему не продолжится. Если россійская церковь получитъ россійскую библію, переведенную съ оригиналовъ; то отъ сей мѣры, съ несомнѣнною вѣрою, буду ожидать преемниковъ по службѣ моей, которые будутъ лучше такого, какъ я, предшественника; отъ сей же мѣры могу ожидать еще того благополучія, что сіи добрые дѣлатели будутъ имѣть въ здѣшнемъ русскомъ народѣ такихъ помощниковъ и сотрудниковъ, которые не будутъ невѣжествомъ разрушать, что они умѣютъ построить, съ просвѣщеннымъ усердіемъ и содѣйствіемъ возвысятъ успѣхи миссіонеровъ, и что тѣ и другіе, приѣмая полнѣйшею мѣрою свѣтъ откровеній Божіихъ посредствомъ россійской библіи, будутъ обильнѣйшею мѣрою сообщать сей благотворный свѣтъ и народамъ, которые въ самомъ дѣлѣ для того покорены Россіи Провидѣніемъ Божиимъ, чтобы Россія поставила и руководствовала ихъ на пути къ вѣчному блаженству во Христвѣ Іисусѣ Господѣ нашемъ. Еслибы вскорѣ исполнилось мое желаніе, которымъ это письмо заключаю; то можетъ быть и мнѣ довелось бы читать россійскую библію съ тѣмъ утѣшеніемъ, которое бы ободряло и подкрѣпляло

меня въ настоящемъ служеніи, и съ тою пользою, которая обращалась бы въ пользу миссіи здѣшной. Благоустройство миссіи есть печать благополучнаго устройства души миссіонеровъ. Впрочемъ пользуясь открывшеюся для меня стезею великодушнаго изволенія вашего читать съ терпѣніемъ письмо мое, я намѣренъ, если Господу Богу сіе благоугодно, представить В. Пр—ву и другія мои соображенія, слѣдующія за первою мыслию, которую, какъ основною, и нужно было наполнить все письмо.

Милостивый Государь!

Приступая къ объясненію предъ вами такого желанія, которое зачатъ въ себѣ моя душа нечистая и грѣшная была недостойна, я ощущаю невольный страхъ. Но предаюсь волю Вседержителя Бога вездѣ Сушаго и вся Исполняющаго.

По ходатайству В. Пр—ва, существованіе миссіи утверждено въ здѣшнемъ краю, когда повелѣно ежегодно выдавать изъ казны на содержаніе ея опредѣленную сумму; а мнѣ вышло благословеніе Отца отечества и священнѣйшаго собора пастырей российской церкви.

Но когда Государю Императору (да помянетъ его Господь Богъ) было благоугодно пожаловать мнѣ въ знаменіе монаршаго благоволенія и въ память моихъ обязанностей украшенный драгоценными камнями крестъ съ изображеніемъ распятаго Иисуса Христа, то я желаю изъяснить благодареніе, сообщая вамъ для представленія помазаннику Божію слѣдующія мысли.

Искреннѣйшая преданность, благоговѣннѣйшее почитаніе и любовь россиянь къ благочестивѣйшему Государю Николаю Павловичу есть безъ сомнѣнія благословеніе Божіе, но и талантъ, который надо обратить къ прославленію имени Царя Царей, къ умноженію благодати Божественной въ русскомъ народѣ. Да напишется на скрижаляхъ исторіи, да напишется на небесахъ въ книгѣ жизни: Владиміръ просвѣтилъ русскій народъ св. крещеніемъ, Николай просвѣтилъ Русскій народъ российской библіею!

Петръ Великій предпринималъ изданіе библіи въ пользу россиянь на двухъ языкахъ. Напечатана была на одномъ столбцѣ Голландская библія, а на другомъ предположено печатать сла-

вянскую. Но смерть пресѣкла златую нить славной жизни, и мысль великаго не успѣла исполниться. Да воскреснетъ онъ въ непорочной душѣ Николая I, въ новомъ благолѣшии и въ совершеннѣйшей полнотѣ!

Помира, новокрещенный царь народа, недавно въ полудикомъ состояніи бывшаго, самъ переводить святую біблію съ англійскаго на языкъ своего народа, который онъ привелъ съ собою въ Христову церковь.

Миссіонеры англійской церкви могутъ примѣтить, что россійская церковь не имѣетъ россійской Библіи. Для нихъ не будетъ скучно предпріять переводъ Библіи съ еврейскаго и греческаго на русскій языкъ; а они могутъ прислать епископамъ россійской церкви полной Библіи россійской нѣсколько экземпляровъ въ даръ и знакъ братолюбія.

Но еслибы Государь Императоръ соизволилъ предпріять на собственномъ иждивеніи, въ пользу россійской церкви изданіе священной Библіи:

- 1) Ветхаго завѣта на языкъ оригинальномъ еврейскомъ.
- 2) Въ греческомъ переводѣ LXX толковниковъ.
- 3) Въ переводѣ славянскомъ съ греческаго.
- 4) Въ переводѣ россійскомъ съ еврейскаго оригинала.
- 5) Новаго Завѣта въ греческомъ оригиналѣ съ переводами славянскимъ и
- 6) русскимъ:

то вѣнецъ прекраснаго царствованія Его Величества украсился бы такимъ драгоценнымъ каменіемъ, котораго блескъ сіялъ бы немерцающимъ свѣтомъ въ Царствіи Божіемъ.

По мнѣнію моему надлежало бы напечатать на одномъ изъ первыхъ листовъ царской Библіи—полиглотты:

Безсмертному Царю
Царей
Господу и Богу Иисусу
Христу
благоговѣнно
и святой церкви Его
въ Россійской Державѣ
всеусердно
Императоръ Николай I,
съ супругою и съ чадами
сей даръ приносятъ.

Или другое сему надобное подписаніе.

Сему изданію Библии безъ сомнѣнія надлежало бы соединить въ себя всѣ возможные великолѣпія. Эстампы въ копіяхъ отъ оригинальныхъ произведеній живописи не были бы забыты.

Сіи мысли и желанія Его Величеству сообщить благоволите, избранный ходатай церкви у престола царева, когда обращаете сердце для сего подвига.

Самого себя и васъ предавъ Христу Богу, съ искреннимъ чувствомъ благодаренія и преданности,

Имѣю честь быть Вашего превосходительства, и милостивѣйшаго государя,
покорнѣйшій слуга архимандритъ Макарій.

1836 года, іюня 8 дня. Въ Бійскѣ.

Подлинное, писанное о. Макаріемъ на листахъ въ осьмушку, находится въ Московской епархіальной библіотекѣ, куда попало отъ митрополита Филарета, которому было конечно передано какъ лицу, оказывавшему постоянно покровительство о. Макарію. Оно и не произвело желаемого о. Макаріемъ дѣйствія, какъ видно и изъ слѣдующаго письма къ нему митрополита Филарета. Мы сказали выше, что митрополитъ Филаретъ долго не отвѣчалъ о. Макарію на письмо его, отъ 24 марта 1834, по поводу перевода Библии на русскій языкъ, и вотъ что писалъ ему митрополитъ Филаретъ почти черезъ три года 23 августа 1837: „Давно время мнѣ повиниться передъ вами въ долгомъ молчаніи. Сей часъ полученное письмо ваше нашло меня въ такомъ положеніи, что могу не отлагать болѣе ни на минуту извѣщенія моею повинности, какъ отлагалъ прежде, по намѣренію, не на долго, а по стеченію обстоятельствъ, или по неумѣнію владѣть временемъ, на долго. Повѣрьте, что я не хотѣлъ бы такъ быть не исправленъ, и простите меня за прошедшее. Болѣе же исправнымъ быть мнѣ помогайте настоятельнымъ требованіемъ отвѣта, когда надобно. Бесѣду съ вами начать надобно, кажется, съ мысли вашей о полномъ переводѣ Библии на русское нарѣчіе. Вы употребили не мало труда на изложеніе свѣхъ мыслей, но посѣвъ вашъ пришелъ не на готовую землю и не во время сѣянія. Сомнѣнія о полезности перевода, доселѣ сдѣланнаго, и прекословія о достоинствѣ его, или не прекратились или воз-

никли вновь, такъ что продолженіе сего дѣла болѣе угрожало бы умноженіемъ сомнѣній и прекословіи, нежели обнадеживало бы умноженіемъ плода духовнаго. Если языкъ богослужебный долженъ быть сохраненъ богослужебнымъ, то должно стараться, чтобы онъ какъ можно болѣе сохранялся общепонятнымъ, и для сего полезно, чтобы не отвыкали читать на немъ священное Писаніе. Мнѣ кажется, что сіе соображеніе не должно быть пренебрежено. Дѣйствуйте въ упованіи на Бога средствами, которыми Онъ далъ и которыми можно сдѣлать довольно добраго²⁵⁾.

Д. Фил—новъ.

²⁵⁾ Чт. въ Общ. любит. дух. проsv. 1872, стр. 94.

С Л О В О

НАДЪ ГРОБОМЪ ІАКОВА ФЕОДОРОВИЧА ГОЛОВАЦКАГО *.

И еще свѣжій гробъ, и еще новая трудно вознаградимая потеря! Предъ нами гробница, въ которой мирно почиваютъ бранные останки мужа ясной и опредѣленной идеи, глубокаго знанія, не знавшей усталы энергіи,—ревностнаго и благороднаго русскаго борца и патріота. Съ именемъ почившаго неразрывно связывается и воскресаетъ въ памяти незабвенное время возрожденія и упроченія русскихъ началъ народности, вѣры и науки въ отдаленной окраинѣ широкой земли русской—въ Галицкой и Угорьской Руси. Произнесите имя Іакова Феодоровича Головацкаго и вы услышите, что Галицкая Русь неразрывно ставитъ его впереди того славнаго и неутомимаго кружка ученыхъ мужей и мужественныхъ народныхъ дѣятелей, которые обнаружили и обнаруживаютъ завидную кипучую дѣятельность, жертвуя на алтарь отечества свои дарованія, свои знанія и матеріальныя средства, и которые, какъ путеводная звѣзда, указали галицко-русскому народу путь къ самобытному русскому развитію въ области науки и общественной жизни. Съ тѣхъ поръ русская жизнь бьетъ живительнымъ ключемъ въ заграничной русской землѣ, выдерживая съ успѣхомъ борьбу съ сильными враждебными теченіями, спасая

* Сказанное 4-го мая во время причащенія на заупокойной литургіи.

русскую народность, языкъ и греко-восточный обрядъ въ области вѣры. Ея сила одинаково слышится и чувствуется какъ въ палатахъ людей знатныхъ и богатыхъ, такъ и въ хижинахъ поселенъ, будя въ нихъ чувства русскаго самосознанія и вызывая ихъ на дѣятельность.

Сознаю, что съ церковной катедры, да еще при такомъ неожиданномъ прощаніи съ почившимъ собратомъ нашимъ, трудно представить сколько-нибудь полный обликъ души почившаго и бросить взглядъ на его дѣятельность, какъ это обыкновенно ожидается отъ проповѣдника при такихъ случаяхъ.

Прежде всего почившій былъ сыномъ родной земли. Происходя изъ древняго и почтеннаго рода Головацкихъ, родившись въ священнической семьѣ*, почившій съ юныхъ лѣтъ жилъ народною жизнію; народныя думы, пѣсни, сказки и преданія не были отъ него закрыты и клали на впечатлительную душу его неизгладимую печать; рано въ немъ явилась охота и способность къ изученію языковъ и ихъ грамматическихъ тонкостей, и эта охота подъ вліяніемъ дальнѣйшаго образованія обратилась въ

* Родъ Головацкихъ происходилъ изъ м. Николаева, Стрыйскаго уѣзда, пользовавшагося нѣкогда рѣдкимъ преимуществомъ, что въ немъ нельзя было жить жидамъ. Въ родѣ Головацкихъ хранилось преданіе, что одинъ изъ рода ихъ былъ въ войскѣ Богдана Хмельницкаго начальникомъ артиллеріи и «дахамъ сильно досекалъ». Въ 1648 г. Головацкій бомбардировалъ Львовъ; Головацкій первый принесъ въ Литву призывъ къ освобожденію и составилъ ополченіе около Стародуба; осаждалъ Замостье и взялъ Острогъ на Волни, и былъ посредникомъ между жителями Львова и Хмельницкими въ полученіи откупа въ 200.000 червонцевъ. У бурмистра Николаевского Ивана Головацкаго было 4 сына: Василій, Иванъ, Теодоръ (1782 г.) и Прокопій. Старшій Василій въ 1809 году переселился въ Россію—въ Подолію, разбогатѣлъ, купивъ богатое имѣніе. Иванъ былъ священникомъ; у него родился сынъ Дмитрій, который, кончивъ курсъ во львовскомъ университетѣ, занялъ мѣсто священника; онъ отличался силой характера, независимостью воли и необыкновенною энергіею; онъ привелъ совершенно разстроенный приходъ и церковь въ порядокъ, смирилъ своего пана патрона Громицкаго, недовольнаго высоко пастирскою дѣятельностью Головацкаго; не допустилъ въ 1840 г. «езуитской миссіи» осквернить вѣренную ему церковь своимъ присутствіемъ, и построилъ въ своемъ селѣ каменный храмъ. Всю жизнь онъ былъ борцемъ за русское дѣло и за права церкви (уніатской). Теодоръ, получивъ надлежащее образованіе, занялъ мѣсто приходскаго священника въ с. Чепеляхъ, Золочевского уѣзда; у него въ 1814 г. родился сынъ Яковъ, кончину котораго имѣтъ мы оплакиваемъ.

сознательное стремленіе и направленіе и принесла обильные плоды въ его ученой дѣятельности. Время его образованія въ высшихъ школахъ было крайне не выгодно для русскаго чело-вѣка; оно повидимому не могло обшчатъ Я. Э. того, чѣмъ онъ сталъ. Это было время обильнаго сѣянія тѣхъ плодовъ, какіе дали и выросли чисто польскіе университеты: краковскій, львовскій и виленскій и временецкій лицей; это было время, когда о русскомъ языкѣ воспрещалось въ Галиціи писать, когда—кромѣ буйварей и молитвенниковъ не печаталось по славяно-русски рѣшительно ничего, когда кромѣ львовской ставропигіальной типографіи не было ни въ одной типографіи и буйвы кирилловскаго шрифта, когда даже цѣлые года не появлялось изъ печати ни одной книжонки или брошюры на русскомъ и славянскомъ языкахъ. Но кладъ изъ народной жизни, положенный въ раннихъ гѣтахъ въ основу духовнаго развитія почившаго, сказался незблемою скалою, стоя на которой, онъ вѣрно понималъ и себя и окружающую среду. Съ увлеченіемъ онъ предался изученію народной жизни такъ, какъ она есть въ бытѣ, вѣрованіяхъ, взглядахъ и чаяніяхъ народныхъ; онъ неоднократно пѣшкомъ проходилъ страну изъ конца въ конецъ, записывалъ пѣсни, народные памятники, названія мѣстностей, историческія преданія, провѣрялъ ихъ съ исторіей края, съ словесными произведеніями и исторіей сосѣднихъ славянскихъ народностей, и въ добытыхъ данныхъ, въ думахъ народныхъ находилъ разрѣшеніе томившихъ его задачъ. Любовь къ русскому народу и его словесному творчеству возгорается въ немъ сильнѣе и ярче; плодомъ такой его дѣятельности въ послѣдствіи явилось богатое 4-хъ-томное собраніе думъ и пѣсенъ народа Галицкой и Угорской Руси, снабженное ученымъ изслѣдованіемъ о Галицкой Руси.

Окончивъ курсъ ученія въ двухъ университетахъ по философскому и богословскому факультетамъ — онъ первоначально посвятилъ себя пастырскому служенію среди того народа, который онъ такъ любилъ, и направилъ свои силы на народное образованіе.—Но свѣтлыника не ставятъ подъ спудомъ, а ставятъ на мѣстѣ, откуда онъ можетъ свѣтить всѣмъ *уже въ храминѣ сущь*. Такъ было и съ почившимъ. Изъ деревни его вызываютъ въ университетъ и предлагаютъ ему вновь открываемую кафедру русскаго языка и русской литературы при самыхъ свудныхъ

средствахъ вознагражденія за труды и при сильныхъ нравственныхъ затрудненіяхъ, причеиъ правительствомъ не разрѣшено было называть преподаваемый предметъ „рускимъ“, а дано ему названіе „рутенскаго“ языка. „При такихъ обстоятельствахъ, пишеть почившій, нужно было не мало такта, чтобы удержаться съ достоинствомъ въ продолженіе 19 лѣтъ на университетской кафедрѣ среди коллеговъ поляковъ и нѣмцевъ, на глазахъ правительственныхъ сферъ, и не отказываясь отъ своихъ взглядовъ, удостоиться такого довѣрія и уваженія корпораціи профессоровъ, чтобы быть избраннымъ дважды сряду въ деканы филологическаго факультета, что въ то время было большою рѣдкостью, и даже въ ректоры университета“. Съ профессорской кафедры почившаго русскій языкъ и русская литература спасена была отъ позорной и чуждой имъ клики. Пользуясь положеніемъ профессора русскаго языка, онъ силою убѣжденнаго и роднаго слова воскрешалъ въ слушателяхъ любовь ко всему русокому и славянскому, будилъ въ нихъ забытое прошлое, спасалъ ихъ отъ увлеченій и неправдъ, разсѣваемыхъ полною горстью польскою печатью, громилъ польскую неправду, зорко и во всеоружіи знанія стоялъ совмѣстно съ другими дѣятелями на стражѣ народнаго русскаго движенія и всю жизнь съ замѣчательною неутомимостью и высокимъ достоинствомъ велъ борьбу изъ-за св. народныхъ русскихъ началъ, легшихъ въ основу возрожденія Галицкой Руси. Такое неотразимое вліяніе почившаго на русскихъ Галицкой и Угорской Руси открыто здѣсь въ Вильнѣ призналъ и засвидѣтельствовалъ извѣстный народный дѣятель протоіерей Наумовичъ; о томъ же неутомимо свидѣтельствуетъ галицко-русская печать. Ревностный патриотъ и ученый не ограничилъ своей дѣятельности рамками профессорской кафедры. Онъ сталъ усердно проповѣдывать и работать надъ освобожденіемъ русской учащейся молодежи отъ пользованія учебными пособіями и руководствами на польскомъ и иностранныхъ языкахъ и надъ составленіемъ учебниковъ русскихъ съ русской терминологіей. Не смотря на препятствія и отъ новизны дѣла и отъ враждебныхъ вліяній—его стремленія увѣнчались въ концѣ успѣхомъ. Вызванные къ сознательной духовной жизни, наши братья русскіе галичане вступаютъ на новый путь общественнаго положенія, среди борьбы и препятствій, о коихъ мы часто и понятія не имѣемъ, завое-

вызываютъ известное положеніе въ государственной жизни, и идутъ неудержимо къ большому и большому духовному сближенію и единенію съ великой семьей русскаго народа. Этотъ замѣчательный фактъ изъ исторіи русскаго народа возбудилъ особенно въ послѣдніе годы въ политикѣ подозрѣнія и опасенія, а въ средѣ поляковъ вызвалъ ожесточенную борьбу; признано необходимымъ поставить руками іезуитовъ и воскресенцевъ преграды народному русскому движенію, замедлить и ослабить теченіе и дѣйствіе народной и церковной жизни, и вызвать въ средѣ же русскихъ взаимную борьбу изъ-за русскаго языка и литературы, дабы разъединить ихъ отъ великорусскаго народа, его языка и литературы. Почившій глубоко скорбѣлъ и называлъ послѣднее явленіе дѣтскою страстью,—все разорвать и ничего не создавать. И будучи еще во Львовѣ и живя уже здѣсь въ Вильнѣ, онъ стоялъ за единый обще-литературный языкъ великорусскій не только у русскихъ Галицкой и Угорской Руси, но и у вѣхъ славянъ, чуждый въ то же время отъ посягательства на права народной живой рѣчи въ жизни и литературѣ мѣстной страны. Изучивъ богатство и красоту великорусскаго литературнаго слова, Яковъ Ѳеодоровичъ еще въ прошломъ году обращался къ галицко-русской печати съ приглашеніемъ освободиться отъ ига польскихъ и латино-нѣмецкихъ фразъ и реченій и замѣнить ихъ равнозначущими русскими, совершенно понятными для народа, сродными ему и пріятными для слуха, въ подтвержденіе чего онъ представилъ цѣлый перечень чуждыхъ русскому языку и удобозамѣнимыхъ словъ. Почившій замѣчательно былъ отзывчивъ на тѣ вопросы и мнѣнія, какія возникали въ области славяно-русской филологіи, исторіи, археологіи, этнографіи, географіи и т. п., ясно опредѣлялъ сущность и цѣль ихъ возникновенія и изъ богатаго запаса своихъ знаній и изслѣдованій давалъ освѣщеніе этихъ вопросовъ и этихъ мнѣній.

Развитіе въ немъ славянскихъ симпатій было выдающеюся также особенностію дѣятельности почившаго. Владѣя славянскими нарѣчійми, извѣдавъ славянскія страны неоднократно своими путешествіями, входя въ живое духовное общеніе съ представителями славянства, ознакомившись съ духомъ и направленіемъ жизни славянъ, почившій спокойно унесъ съ собой въ могилу твердое убѣжденіе въ свѣтлое будущее славянства, въ его еди-

неше и свободу, не смотря на тѣ тучи вражды и недоразумѣній, какія облегаютъ по временамъ славянскій миръ. Вѣрный этой идеѣ онъ много потрудился для славянства, для ближайшаго съ нимъ ознакомленія, для распространенія о славянскихъ странахъ вѣрныхъ понятій, и плодомъ этой долголѣтней и кропотливой работы явился нѣсколько лѣтъ тому назадъ „*Географическій Словарь западно-славянскихъ и югославянскихъ земель*“, изъ котораго русскій славянинъ съ перваго взгляда узнаеть своихъ родныхъ, и отчужденная на картахъ нѣмецкими, мадьярскими и турецкими словами страна, предстанеть русскому уму не менѣе родной, чѣмъ любая страна въ Россіи среди сплошнаго русскаго народа.

Открыто исповѣдуемый имъ русскій патріотизмъ и любовь къ православнои церкви, особенно послѣ славянскаго въ Москвѣ съѣзда, возбудили противъ него преслѣдованія австрійскихъ властей, и почившій Яковъ Θεодоровичъ, уступая силѣ, долженъ былъ оставить любимую страну и удалиться туда, куда еще съ раннихъ лѣтъ по его словамъ стремились его завѣтныя думы, какъ бы предчувствуя свою судьбу. По волѣ почившаго Монарха ему уазана сродная его духу дѣятельность въ качествѣ председателя здѣшней виѣнской комиссіи для разбора и изданія древнихъ актовъ, и — временной комиссіи по устройству здѣшняго богатаго книгохранилища и при ономъ музея. Почившій много и съ достоинствомъ потрудился на этомъ поприщѣ, видѣлъ успѣхъ своихъ трудовъ и добытыми данными восполнялъ пробѣлы въ исторіи родной Галичины и нашего края.

Въ послѣднее время Яковъ Θεодоровичъ точно помолодѣлъ, — съ юношескимъ увлеченіемъ онъ изготавлялъ новыя и новыя ученые статьи, помѣщая ихъ то въ галицкихъ изданіяхъ, то печатая ихъ отдѣльными книгами. Онъ какъ будто не замѣчалъ, что лѣта положили на маститомъ обликѣ его свою печать; — его все интересовало въ сродной ему научной области, онъ все утѣшалъ себя надеждою разработать и разъяснить тѣ или другія явленія въ области русской исторіи и русскаго быта. Но неожиданная смерть призвала къ безмятежному отдыху этого энергическаго дѣятеля и положила конецъ его дѣятельности.

Славяно-русскій ученый миръ глубоко уважалъ заслуги Якова Θεодоровича и считалъ за честь имѣть его своимъ членомъ и сотрудникомъ; — покойный былъ членомъ многихъ ученыхъ учре-

ждей и обществъ—славянскихъ и русскихъ; принималъ живое участіе на създахъ сихъ обществъ; не чуждался онъ и общественной дѣятельности: братская хоругвь при его гробѣ свидѣтельствуесть о немъ какъ членѣ нашего православнаго Свято-Духовскаго братства. Заслуги почившаго Якова Феодоровича для науки опѣнены и съ высоты Монаршаго престола, о чемъ свидѣлствуютъ эти знаки отличія у его гроба; почившій глубоко цѣнилъ царскія милости, и преданность своему Благодѣтелю Монарху онъ выражалъ и на словахъ и на дѣлѣ въ строгомъ и точномъ исполненіи возложенныхъ на него обязанностей.

Такъ, Яковъ Феодоровичъ окончилъ свое земное многотрудное поприще! Великое горе постигло осиротѣлую семью и его здѣшнихъ друзей и почитателей; не меньшее же горе поразило его родную страну, и печальнымъ отголоскомъ пронесется оно по всей Россіи. Смерть его такъ для насъ неожиданна, что трудно съ нею свыкнуться. Но судьбы Божіи неисповѣдимы! Да будетъ же благословенно изъ рода въ родъ имя этого труженика и русскаго патріота! Да будетъ благословенъ тотъ родъ и та страна, кои дають такихъ убѣжденныхъ, благородныхъ и неутомимыхъ борцовъ и дѣятелей! Да будетъ память почившаго съ похвалами и да упокоитъ Отецъ щедротъ душу почившаго нашего дорогаго собрата Якова Феодоровича въ общеніи съ праведниками, а насъ укрѣпитъ въ вѣрности тѣмъ началамъ исторической жизни, въ подражаніи труду и любви къ своей родинѣ, какія отличали почившаго въ теченіе его земной жизни.

Протоіерей Іоаннъ Котовичъ.

Р Ѣ Ч Ъ

ВЫСОКОПРЕОСВЯЩЕННѢЙШАГО ІОАННИКІЯ, МИТРОПОЛИТА МОСКОВСКАГО, СКАЗАННАЯ ПРИ ВРУЧЕНІИ ПОСОХА ПРЕОСВЯЩЕННОМУ АМФИЛОХІЮ, ЕПИСКОПУ УГЛИЧСКОМУ, ВІКАРІЮ ЯРОСЛАВСКОМУ

Преосвященный епископъ Амѣлохій!

Духъ Святый поставилъ тебя епископомъ части церкви Господа и Бога, юже стяжа кровію Своею. Привѣтствую тебя, боголюбезный братъ, съ симъ великимъ даромъ благодати Божіей и высокимъ служеніемъ, поручаемымъ тебѣ въ церкви Христовой.

Чѣмъ драгоценнѣе даръ, тѣмъ больше должно прилагать заботу о сохраненіи и приумноженіи его; чѣмъ выше вѣряемое тебѣ служеніе, тѣмъ больше потребуется отъ тебя любви, терпѣнія и самоотверженія, чтобы достойно проходить оное. Но къ симъ кто доволенъ?

Смирненное сознаніе недостаточности естественныхъ твоихъ силъ и дарованій къ достойному прохожденію епископскаго служенія, высказанное тобою при твоёмъ нареченіи во епископа, служитъ болѣе надежнымъ ручательствомъ за успѣхъ дѣла, чѣмъ самыя крѣпкія силы и самыя блестящія дарованія. Самонадѣянность въ дѣлѣ всякаго общественнаго служенія опасна. Даже при благонамѣренныхъ стремленіяхъ и при блестящихъ дарованіяхъ она часто приноситъ больше вреда, нежели пользы. Тѣмъ болѣе приложимо это къ служенію въ церкви Христовой. Намъ нужно всегда твердо помнить и никогда не забывать, что нашъ долгъ нелѣпно трудиться въ мѣру данныхъ намъ Богомъ силъ на вѣренной намъ нивѣ Господней, а большій или меньшій успѣхъ въ своихъ трудахъ—приписывать не своему усердію или искусству, а всесильной благодати Божіей. *Что убо есть Павелъ, что же ли Апололъ, но точію служители Христовы?* говоритъ первоверховный апостоль. *Азъ насадихъ, Апололъ напои, Богъ же возрасти; но ни насаждай что есть, ни наполяй, но возвращай Богъ.*

Въ лѣта зрѣлаго мужества, въ крѣпости силъ душевныхъ и тѣлесныхъ, тебѣ судилъ Господь быть руководителемъ и воспитателемъ дѣтей духовенства здѣшняго края, здѣсь же положено было тобою и начало изученію и знакомству съ церковными древностями. Теперь, на закатѣ дней твоей жизни, снова привелъ тебя промыслъ Божій послужить здѣшнему краю уже въ санѣ епископа. Возблагодари, боголюбезный братъ, Господа, тако благоволившаго о тебѣ, посвящая всѣ силы души твоей во все остальное время жизни своей на воздѣлываніе нивы Господней, дабы не постыдно могъ ты предстать предъ престоломъ Всевидящаго Судіи и съ дерзновеніемъ сказать: *се азъ и дѣти, яже ми даде еси, Господи*. Продолжая изучать не незнакомыя уже тебѣ древности Христовой церкви, останавливай вниманіе свое не на одной внѣшней сторонѣ ихъ, что по слову апостола только *вмалѣ полезно есть*, но позаботься уразумѣть внутренній ихъ смыслъ и значеніе. Этотъ внутренній смыслъ заключается въ живой, полной и всецѣлой преданности благочестивыхъ предковъ нашихъ святой вѣрѣ православной и въ жизни, сообразной съ св. вѣрою. *Въ сихъ поучайся, въ сихъ пребывай*, сему и другихъ поучай: *сія бо творя, и самъ спасешися и слушающимъ тебе*.

Тебя окружаетъ здѣсь цѣлый сонмъ святителей Божіихъ, коихъ вѣра Богомъ оправдана и жизнь Богомъ прославлена, которые въ земной своей жизни трудились надъ воздѣлываніемъ той же самой нивы Господней, которая ввѣряется теперь твоему попеченію и руководству. Изучая жизнь ихъ по памятникамъ, оставшимся послѣ нихъ, и взирая на скончаніе жителства ихъ, возноси усердныя молитвы къ нимъ не о томъ, да будетъ духъ, обитавшій въ нихъ, сугубъ въ тебѣ, о чемъ можетъ-быть слишкомъ дерзновенно было бы и молиться, — а о томъ, чтобы и тебѣ имѣть въ себѣ по крайней мѣрѣ начатокъ того же духа и по мѣрѣ силъ своихъ подражай вѣрѣ ихъ. Послѣдуй неуклонно стопамъ ихъ, и самъ управленъ будешь въ царствіе Божіе, и другимъ уважешь прямую стезю, ведущую къ небесному царствію.

Въ знаменіе ввѣренной тебѣ власти въ церкви Христовой, прими, возлюбленный братъ, жезлъ сей не на разореніе, но на созиданіе пасомыхъ, и отъ новой почившей на тебѣ благодати архіерейской преподай, по чину церковному, благословеніе Господне людемъ Божиимъ!

Р Ъ Ч Ь

ВЫСОКОПРЕОСВЯЩЕННАГО ПАВЛА, АРХІЕПИСКОПА КАЗАНСКАГО И
СВІЯЖСКАГО,

ПРИ ВРУЧЕНІИ ПОСОХА ПРЕОСВЯЩЕННОМУ СЕРГІЮ, ЕПИСКОПУ
ЧЕВОКСАРСКОМУ.

Преосвященный епископъ Сергіи!

Божественная благодать нынѣ проручествовала тебя во епископа богоспасаемаго града Чебоксарь. Докогда будетъ угодно это Богу, ты будешь, въ качествѣ викарія казанской епархіи, вспомошествовать мнѣ въ управленіи Казанскою церковію. Да содѣлаетъ Господь благоплоднымъ твое вспомошествованіе! Наши бывшія отношенія нѣсколько подобны взаимнымъ отношеніямъ св. апостоловъ Павла и Тимоѳея. Какъ св. Тимоѳей былъ ученикомъ апостола языковъ и истиннымъ сыномъ его въ вѣрѣ (1 Тим. 1, 2) и остался имъ навсегда; такъ и ты нѣкогда былъ моимъ ученикомъ по православному богословствованію и сыномъ по воспитанію, а теперь сталъ младшимъ братомъ моимъ во Господѣ. Да соединитъ насъ всегда любовь, подобная любви святыхъ апостоловъ Павла и Тимоѳея другъ къ другу, и любовь эта и единомысліе во всемъ благомъ да помогутъ намъ благоуспѣшно пасти врученное намъ стадо—св. церковь Казанскую!

Божественный Пастыреначальникъ Христосъ вручаетъ пасеніе своихъ овецъ Пастырямъ подъ условіемъ ихъ любви къ Нему—

Пастыреначальнику. *Симоне Ионинъ, любиши ли Мя?*—рекъ Онъ первоверховному апостолу Своему; и уже получивъ отъ него въ отвѣтъ: *Господи, Ты вся въси; Ты въси, яко люблю Тя,*—сказавъ ему: *наси овцы Моя* (Іоан. 21, 17). И ты, возлюбленный, призываешься къ пасенію стада Христова подъ условіемъ любви къ Пастыреначальнику—Христу. И какъ легко возгрѣть и воспитать въ себѣ любовь ко Христу нынѣ—въ той благодатной атмосферѣ, которая окружаетъ насъ въ настоящіе святые дни. Не обоняешь ли ты дивнаго благоуханія любви, наполняющаго домъ Божій—святую церковь съ недѣли св. женъ мироносицъ? Тутъ—потасенная, страха ради іудейска, но сильная любовь ко Христу Іосифа Аримаѣйскаго и Никодима (Іоан. 19, 38. 39). Какъ муро въ закрытомъ сосудѣ, таилась въ сердцахъ ихъ св. любовь ко Христу. Но, при видѣ крайняго униженія Христа и неистовства враговъ Его, любовь ихъ проторглась изъ сердецъ ихъ и заблагоухала сильнѣе мюра, наполняющаго храмину своимъ благовоніемъ по открытіи наполненнаго имъ сосуда. Заблагоухала она благовоиѣе тѣхъ ста литръ состава изъ смирны и алая, которыми Іосифъ и Никодимъ намастили тѣло Іисусово. Тутъ—беззавѣтная любовь ко Христу св. женъ мироносицъ, превосходящая своимъ благоуханіемъ приготовленные ими для тѣла Іисусова ароматы (Лук. 21, 1). Тутъ и нѣжная, пламенная и вмѣстѣ неизмѣнно твердая, несокрушимая любовь ко Христу возлюбленнаго ученика Христова—апостола любви, любовь столь благоуханная духовно, что она наполнила даже вещественнымъ благоуханіемъ самую могилу апостола. Тутъ любовь ко Христу св. Николая Чудотворца, пламенная и ревностная, благоухавшая и благоухающая не въ Мүрахъ только ливійскихъ, но и во всемъ мірѣ. Тутъ святые братья—первоучители славянскіе—Кириллъ и Меодій, по своей любви ко Христу и по своимъ благовѣстническимъ друдамъ сдѣлавшіеся для славянскихъ народовъ *воною животною въ животъ*, запахомъ живительнымъ на жизнь (2 Кор. 2, 15. 16). Не сильно ли это многосоставное благоуханіе любви, наполняющее нынѣ церковь, облагоухать тебя, возбудить, оживить твой духъ и наполнить его живою любовію ко Христу, столь необходимою для пастыря стада Христова? Благоухающія вещества дѣлають благовоиными всѣ окружающіе предметы. Такъ и благоуханіе любви святыхъ Божіихъ да сообщится и

тебѣ и да содѣлаеть и тебя благоухающимъ любовію ко Христу, *всею животною въ животь* для стада Христова.

Любовь къ Пастыреназначнику—Христу требуется отъ пастырей церкви, какъ залогъ любви къ стаду Христову. Пастырь церкви, всею силою души своей любящій Пастыреназначника—Христа, положить душу свою за стадо Христово, за которое Христосъ Самъ положилъ душу свою (Іоан. 10, 11). Святый апостолъ Іоаннъ и прочіе апостолы, св. Николай Чудотворецъ, святой Кириллъ и Меѳодій, по любви ко Христу, любилъ и стадо Христово до готовности положить свои души за него и тысящезратно умирали за него. И въ тебѣ, возлюбленный, любовь ко Христу да проявится въ любви и къ стаду Христову. И какъ достойна любви наша паства Казанская—благое стадо Христово! Какъ легко полюбить ее! Ты встрѣтишь здѣсь пастырей—священнослужителей, соединяющихъ въ себѣ съ глубокою мудростію духовною дѣтскую простоту, съ мудростію змѣиною чистость голубинную (Матѳ. 10, 16), злобою младенствующихъ, умы же совершенныхъ (1 Кор. 14, 20). Ты встрѣтишь здѣсь мирянь, несущихъ труды и совершающихъ подвиги апостольскіе. Ты встрѣтишь здѣсь мужей науки, соединяющихъ въ себѣ глубокое знаніе съ сиромностію и смиренномудріемъ. Ты встрѣтишь здѣсь во всѣхъ слояхъ общества, во всѣхъ сословіяхъ, истинныхъ христіанъ, благочестивыхъ, кроткихъ, щедро-благотворительныхъ. Видимо здѣсь живетъ духъ святыхъ апостоловъ Казанскихъ—святителей и чудотворцевъ Гурія, Варсоноія и Германа, великаго святителя-патріота Гермогена, знаменитаго патріарха Всероссийскаго, и другихъ славныхъ святителей Казанскихъ. Видимо здѣсь живетъ духъ и ближайшихъ къ намъ по времени святителей—митрополита Филарета, митрополита Григорія, архіепископа Антонія, бывшихъ столпами церкви, ревнителями православія, подвижниками и наставниками благочестія и словомъ, и примѣромъ. Даже наименѣе совершенная часть паствы—и та *черна, но добра* (Пѣсн. пѣсн. 1, 4), черна по невѣдѣнію истины Христовой и закона Христова, добра по стремленію къ истинѣ и добру, по алканію и жажданію ихъ. Не достойна ли горячей любви подобная паства? И трудно ли намъ полюбить ее? Полюби ее всею силою любви, какъ я уже полюбилъ ее, и любя ревностно, потрудись во благо, во спасеніе ея.

Ты призванъ, возлюбленный, вспомошествовать мнѣ во всѣхъ дѣлахъ епархіальнаго управленія; но преимущественнымъ предметомъ твоихъ попеченій будетъ миссіонерское дѣло и дѣло народно-учебное. И при какихъ счастливыхъ предзнаменованіяхъ вступаешь ты въ дѣло своего служенія! Какіе прекрасные, многообразные уроки для твоего будущаго служенія даются тебѣ нынѣ!

Ты хиротонисанъ во епископа въ день св. равноапостольныхъ Кирилла и Меодія—первоучителей славянскихъ. Это—величайшіе, мудрѣйшіе руководители въ дѣлѣ благовѣствованія Христова взрослымъ и въ дѣлѣ обученія и воспитанія дѣтей. Мужа высокоаго общественнаго положенія и еще болѣе высокоаго образованія,—св. Кирилль—философъ, достойный ученикъ славнаго Фотія,—святые братья жертвуютъ всѣмъ, всеми выгодами внѣшняго положенія для благовѣстія младенчествуящимъ народамъ славянскимъ, снисходятъ къ ихъ немощамъ, составляютъ для нихъ азбуку и обучаютъ азбукѣ, питаютъ сначала млекоу ученія, а потомъ уже брашноу (Кор. 3, 2) и взрослыхъ и дѣтей. И какой богатый плодъ трудовъ ихъ! Все, что есть нынѣ лучшаго въ славянскомъ мирѣ: вѣра православная, православная наука богословская и добрая наука свѣтская, благочестіе, христіанская жизнь и жизнь политическая народовъ славянскихъ, все, какъ изъ сѣмени, возрасло изъ ихъ святаго ученія и изъ ихъ азбуки. Подражай, возлюбленный, святымъ первоучителямъ славянскимъ въ своемъ служеніи, и оно будетъ благоплодно. Дѣлаясь предсѣдателемъ епархіальнаго училищнаго совѣта и братства св. Гурія, не считай скромныя занятія, составляющія задачу этихъ добрыхъ учреждений, какъ бы мелкими сравнительно съ учеными трудами, которыми ты занимался прежде. Нѣтъ, это занятія важныя! Вложи въ дѣло миссіонерства и въ дѣло церковныхъ школъ всю всю душу твою, и—ты сослужишь великую службу церкви Казанской, будешь здѣсь достойнымъ продолжателемъ дѣла св. равноапостоловъ славянскихъ.

Ты первый изъ святителей, призывавшихся на служеніе церкви Казанской, хиротонисанъ при рацѣ первоагитателя казанскаго—св. Гурія вмѣстѣ съ епископствомъ, ты какъ бы отъ руки его принимаешь предсѣдательство въ братствѣ св. Гурія, которое учреждено общимъ нашимъ—моимъ и твоимъ—отцемъ

приснопамятнымъ преосвященнымъ архіепископомъ Антоніемъ. Подражай св. Гурію въ своей дѣятельности. Онъ имѣлъ такую любовь къ обученію дѣтей чтенію слова Божія, что даже томясь въ своей ужасной темницѣ и питаясь скотскою пищею—овсомъ—неутомимо писалъ азбуки и распространялъ ихъ; а сдѣлавшись первосвятителемъ казанскимъ, неусыпно заботился объ обученіи дѣтей. Онъ съ поразительною ревностію благовѣствовалъ и самъ, и чрезъ своихъ сотрудниковъ слово Христово невѣдѣвшимъ Христа обитателямъ области казанской и прочно насадилъ въ ней вѣру Христову. И св. церковь, и область наша прославляютъ подвиги его. Поревнуй св. житію и просвѣтительскому подвигу св. Гурія и—ты заслужишь благословеніе паствы.

Ты будешь жить въ обители, гдѣ почиваютъ мощи лучшаго сотрудника св. Гурія—св. Варсонофія, епископа тверскаго. Проникнись и его духомъ—духомъ ревностнаго попеченія о спасительномъ обращеніи ко Христу невѣровавшихъ въ Него и заблуждавшихся. Молись ему негнѣстно и о себѣ, и о мнѣ, и о паствѣ казанской. Постоянно памятуй назидательную жизнь его и св. Гурія—и ты найдешь въ судьбѣ ихъ много назиданія, разумленія. Великіе святители прошли тяжкій путь испытанія; тяжельмъ искушеніемъ промыслъ Божій приготовилъ ихъ къ высокому, благоплодному служенію въ краѣ нашемъ. Св. Гурій два слишкомъ года невинно томился въ ужасной темницѣ, въ темномъ сыромъ подземельѣ, получая въ пищу и питіе себѣ по одному снопу овса и по небольшой мѣрѣ воды на три дня. Св. Варсонофій болѣе трехъ лѣтъ томился въ тяжкомъ плѣну татарскомъ. Но эти испытанія были наилучшимъ приготовленіемъ св. Гурія и Варсонофія къ будущему высокому служенію ихъ. Оба они среди несчастій научились терпѣнію, преданности промыслу Божію, пламенной молитвѣ, мужественному перенесенію всѣхъ лишеній. А св. Варсонофій въ плѣну изучилъ въ совершенствѣ татарскій языкъ, знаніе котораго сдѣлало особенно благоплоднымъ его благовѣстническое служеніе среди татаръ въ землѣ Казанской. И тебя, возлюбленный, испыталъ Господь скорбями и семейными, и служебными, очевидно, съ цѣлію подготовить тебя къ высокому служенію. При свѣтѣ жизни и судьбъ святыхъ Гурія и Варсонофія, вникай въ судьбы твои, постоянно

помышляй о твоёмъ предназначеніи и старайся осуществить его, и—ты спасешься самъ и послужишь спасенію многихъ.

Пріими отъ руки Самого Господа, чрезъ мою недостойную руку, жезлъ архипастырскій. Опираясь на него, будь добрымъ сотрудникомъ моей немощи, опорю и подкрѣпленіемъ для пасомыхъ, вразумителемъ и наказателемъ въ духъ любви и кротости овецъ неразумныхъ и непокорныхъ. Начни свое архипастырство благословеніемъ народа, высоко чтущаго благословеніе архипастырское и жаждущаго благословенія. Призови на народъ пренебесное благословеніе Божіе!

ИЗВѢСТІЯ И ЗАМѢТКИ.

ЯКОВЪ ФЕДОРОВИЧЪ ГОЛОВАЦКІЙ.

(Некрологъ).

1-го мая, послѣ непродолжительной болѣзни воспаленіемъ легкихъ, скончался на 74 году жизни знаменитый галицко-русскій дѣятель и патріотъ Яковъ Федоровичъ Головацкій. Дѣятельность покойнаго Я. Ф. такъ многообразна и плодотворна, кончина его такъ неожиданна, что составить въ настоящее время полный и точный біографическій очеркъ его жизни невозможно. Теперь мы можемъ дать только краткія біографическія свѣдѣнія о немъ.

Я. Ф. родился въ Галиціи въ с. Чепеляхъ, Золочевского уѣзда, отъ униатскаго священника Феодора Ивановича и жены его Феоды Васильевны. Первые дни онъ провелъ подъ заботливымъ крылышкомъ своихъ родителей, особенно любящей матери; подъ крышей сельскаго дома онъ слышитъ родную пѣсню, русскую рѣчь; его интересуютъ колыбельныя думки и пѣсенки, рассказы про бывшее старое время, про Литву и Русь. На 6-мъ году (въ 1820 г.) отецъ отвезъ его въ школу въ Львовъ, гдѣ тогда уже учился старшій братъ покойнаго Николай; но болѣзнь заставила снова взять его въ деревню, въ которой скоро онъ и забылъ о Львовѣ. За то церковно-славянскій букварь, съ его замысловатыми титлами, чтеніе по-русски было имъ усвоено хорошо, но писать скорописью не выучился, такъ какъ ни отецъ, ни дядечекъ не умѣли писать русскою скорописью. Въ 1823 г. онъ вновь поѣхалъ въ Львовъ и поступилъ во II классъ. Здѣсь онъ удивилъ директора школы Крамера своимъ пониманіемъ грамматики, такъ что тотъ сказалъ ему: „не даромъ ты называешься Гловацкій, ты машь добре glove до грамматики“. Въ свободное время, особенно по вечерамъ, покойный и товарищи его составляли пѣвческіе кружки и пѣли церковно-славянскія и народныя пѣсни; послѣднія записалъ въ книжку, которая стала первымъ сборникомъ его пѣсенъ. Братья хорошо учились, были первыми учениками, получали награды книгами и это весьма радовало отца. Яковъ Федоровичъ въ то время увлекся греческою и римскою міеологіей по Куфнеру и читалъ ее съ наслажденіемъ. Въ 1825 г. онъ поступилъ въ I-й классъ 2-й гим-

мазіи. Рядомъ съ успѣхами въ наукахъ, у него развилась ненасытная жажда къ чтенію книгъ; бібліотеки университетская и Оссолинскихъ, книги частныхъ лицъ и товарищей прочитывались имъ; днемъ и ночью читалъ онъ что попаало, даже на школьныхъ лекціяхъ книга была съ нимъ. Дѣдъ по матери весьма доволенъ былъ внуками и давалъ имъ предъ отъѣздомъ съ каникулъ во Львовъ по рублику. На эти деньги были куплены сочиненія Котляревскаго, Державина, Основьяненко, Я. Ө. увлекся русскою книжкою. Въ то же время дячекъ Домбровскій далъ ему безъ начала и конца русскій букварь, гдѣ была напечатана курсивомъ русская азбука, по которой онъ выучился писать по-русски. Въ старшихъ классахъ онъ сошелся съ товарищами и студентами университета изъ разныхъ мѣстъ Галичины и Угорьской Руси и съ упоеніемъ слушалъ ихъ рассказы о житіи-бытѣ народа, о преданіяхъ старины, вещественныхъ памятникахъ, пѣсняхъ и т. п. Съ товарищами поляками Я. Ө. жилъ дружно, подобно и др. русскимъ. Они жили мирно, и подъ вліяніемъ турецкой войны 1828 г. учащаяся молодежь пыталась устраивать въ классахъ штурмъ Варны, причемъ нѣмцы и жиды представляли турокъ и были побиваемы. Въ 1829 г., когда императоръ Николай короновался въ Варшавѣ—поляки отъ восторга громко стали заявлять, что кромѣ Познани будутъ отданы Польшѣ Вольты, Подоля, Бѣлая и Червоная Русь. Обидно стало русскимъ слушать эти бредни; они отстаивали эти края, спорили съ ляхами и наконецъ порѣшили: не дадимъ вамъ ни одной пяди русской земли. „Поги церква—все наше“. Это произносили юноши съ такою увѣренностью, какъ будто отъ ихъ рѣшенія все зависѣло.

Послѣ гимназіи Яковъ Өеодоровичъ окончилъ курсъ наукъ въ пештскомъ и львовскомъ университетахъ по философскому и богословскому факультетамъ. На послѣднемъ онъ съ ужасомъ услышалъ кощунственное осмѣяніе съ профессор. кафедръ св. Евхаристіи восточной церкви, въ которой якобы *diabolus sedet*. Здѣсь же ясно опредѣлились и сложились его взгляды на русское дѣло въ Галичинѣ. По окончаніи университета Я. Ө. рукоположенъ въ 1843 г. викарнымъ священникомъ Пастыискаго прихода, съ назначеніемъ законоучителемъ въ мѣстной школѣ. Въ 1847 году получилъ самостоятельный приходъ въ Хмѣлевѣ, а въ 1848 году приглашенъ львовскимъ университетомъ на кафедрѣ галицко-русскаго языка и литературы. Начиная съ этого времени Я. Ө. былъ ревностнымъ самостоятельнымъ дѣятелемъ и членомъ разныхъ комиссій для развитія русскаго языка и правильной постановки преподаванія его въ учебныхъ заведеніяхъ Галиціи. Такъ въ 1849 году онъ состоялъ членомъ комиссій для устройства народныхъ училищъ, комиссій для пере-

вода гражданскихъ законовъ на русскій языкъ, разсматриваль различные русскіе книги и учебники“ предназначенные для среднихъ и низшихъ учебныхъ заведеній. Одновременно съ симъ Я. Ѳ. состоялъ преподавателемъ русской словесности въ старшихъ классахъ львовскихъ академической и второй гимназій. Въ 1850 году Я. Ѳ. удостоенъ за свои ученые труды диплома члена-корреспондента чешскаго общества наукъ въ Прагѣ. Затѣмъ въ послѣдующее время Я. Ѳ. удостоенъ былъ званія почетнаго члена московскаго общества исторіи и древностей российскихъ (1866 года), члена Императорскаго географическаго общества въ Петербургѣ, золотой медали Императорскаго географическаго общества, большой серебряной медали этнографическаго общества въ Москвѣ, дѣйствительнаго члена московскаго археологическаго общества, степени доктора новороссійскаго университета, члена общества любителей Россійской словесности въ Москвѣ, непремѣннаго члена общества естествознанія, антропологии и этнографіи въ Москвѣ, золотой Уваровской медали за разборъ книги М. Де-Пуле: „Станиславъ-Августъ Понятовскій въ Гроднѣ и Литвѣ 1794—97 г.“, Уваровской преміи въ 500 р. за сочиненіе „Народныя пѣсни галицко-русскаго народа“ и Высочайшей благодарности за поднесеніе Государю Императору той же книги. За свое сочиненіе: „Географическій словарь западно-славянскихъ и югославянскихъ земель и прилежащихъ странъ съ картою“ удостоенъ Высочайшей награды золотымъ перстнемъ съ рубиномъ и брилліантами. Кромѣ того, Я. Ѳ. составлена была славяно-русская хрестоматія для высшихъ классовъ галицкихъ гимназій и русско-нѣмецкій и нѣмецко-русскій словарь, а равно имъ же выработана галицко-русская терминологія для учебника геометріи. Состоя профессоромъ Львовскаго университета, покойный Я. Ѳ. неоднократно избираемъ былъ въ должность декана и ректора этого университета, а именно деканомъ филологическаго факультета онъ избранъ былъ на 1857 и 1858 г., и ректоромъ на 186³/₄ годъ.

Съ 1867 г. Яковъ Ѳedorовичъ перенесъ свою дѣятельность въ Вильну. 22-го декабря по Высочайшему повелѣнію опредѣленъ былъ предсѣдателемъ Виленской комиссіи для разбора и изданія древнихъ актовъ, въ каковой должности оставался по день смерти; сверхъ того, съ 1871 года состоялъ предсѣдателемъ временной комиссіи по устройству Виленской публичной бібліотеки и музея, членомъ распорядительнаго комитета западнаго отдѣла Императорскаго русскаго географическаго общества въ Вильнѣ и членомъ попечительскаго совѣта при учебномъ округѣ. За свои труды и заслуги произведенъ былъ въ чинъ дѣйствительнаго статскаго совѣтника и награжденъ орденами: Станислава 1 ст. и св. Анны 1 ст.

Изъ этого краткаго перечня трудовъ и заслугъ покойнаго Якова Ѳеодоровича мы видимъ, какую многообразную и полезную дѣятельность проявлялъ этотъ даровитый русскій человѣкъ на поприщѣ литературы и науки.

Смерть Я. Ѳ. произвела глубокое впечатлѣніе среди русскаго общества въ Вильнѣ. Все русское народонаселеніе Вильны присутствовало при погребеніи дорогаго праха. Г. генераль-губернаторъ И. С. Кахановъ, командующій войсками Н. С. Ганецкій, г. начальникъ губерніи А. Н. Гревеницъ съ супругою, г. помощникъ попечителя учебнаго округа А. Л. Кунъ, окружные инспектора и учителя учебныхъ заведеній, начальники частей всѣхъ вѣдомствъ и масса публики почтили своимъ присутствіемъ погребеніе Якова Ѳеодоровича. Высокопреосвященнѣйшій Алексій, глубоко уважающій Я. Ѳ. лично, съ участіемъ соборнаго и городского духовенства, служилъ панихиды на дому, погребальную литургію, отпѣваніе и самое погребеніе на православномъ кладбищѣ этого русскаго дѣятеля. На заупокойной литургіи настоятель Пречистенскаго собора, протоіерей Іоаннъ Котовичъ, произнесъ рѣчь, въ которой описалъ заслуги покойнаго *.

На отпѣваніи у гроба почившаго была братская хоругвь, которую держали братчики Св.-Духовскаго братства: генераль-майоръ П. М. Смысловъ, І. Н. Ливчакъ и Ф. К. Смирновъ. Она же предшествовала гробу и до могилы на кладбищѣ. Послѣ пѣнія „вѣчная память“, надъ отверстіемъ могилы, окруженной вплотную массою народа, произнесъ прекрасную теплую рѣчь землякъ покойнаго, бывшій редакторомъ „Львовскаго Слова“, извѣстный борецъ за русское дѣло В. М. Площанскій. Онъ отъ имени Червонной Руси благодарилъ здѣшнихъ русскихъ за горячее сочувствіе, оказанное почившему во все время пребыванія его въ Россіи. На гробъ Якова Ѳеодоровича былъ возложенъ отъ Галичанъ вѣнокъ изъ живыхъ лавровыхъ цвѣтовъ съ надписью на широкой бѣлой лентѣ: *Своему Ломоносову—отъ Червонной Руси*. Такой же вѣнокъ возложили на гробъ сослуживцы покойнаго по комиссіи и музею. Былъ уже 4-й часъ дня, когда гробъ былъ опущенъ въ каменный склепъ. Да будетъ вѣчная память почившему Якову Ѳеодоровичу! (*Лит. Еп. Вѣд.*).

ЕГОРЪ ВАСИЛЬЕВИЧЪ АМФИТЕАТРОВЪ.

(Некрологъ).

17-го мая скончался въ Сергіевомъ Посадѣ маститый, заслуженный профессоръ московской духовной академіи, Егоръ Васильевичъ Амфитеатовъ.

*) Напечатано выше.

Только въ концѣ 1874 года, по истеченіи 25-ти-лѣтняго срока службы, согласно требованію § 59 дѣйствовавшаго тогда устава духовныхъ академій, онъ долженъ былъ оставить штатную службу при академіи, возведенный въ 1876 году за свою службу въ званіе заслуженнаго ординарнаго профессора. Московская духовная академія, высоко чтившая таланты и дѣятельность Егора Васильевича, долго старалась удерживать его въ качествѣ сверхштатнаго ординарнаго профессора, а въ 1882 году, „въ уваженіе заслугъ его для академіи“, единогласно избрала въ число своихъ почетныхъ членовъ и чрезъ то закрѣпила навсегда связь его имени съ именемъ академіи, которой онъ послужилъ почти полвѣка.

Заслуживаетъ вниманія дѣятельность покойнаго и по городскому управленію. Въ 1873 году онъ былъ избранъ городскимъ головой Сергіева Посада и съ тѣхъ поръ непрерывно продолжалась въ высшей степени плодотворная дѣятельность его на пользу городского благоустройства посада, за каковую дѣятельность онъ, не имѣя до того чиновъ, послѣ законнаго числа выборовъ въ городскіе головы, прямо пожалованъ былъ чиномъ дѣйствительнаго статскаго совѣтника.

Едва только облетѣла посадъ скорбная вѣсть о кончинѣ Егора Васильевича, пишутъ корреспондентъ „Моск. Вѣдом.“, какъ всѣ духовныя и свѣтскія лица, принадлежащая къ составу академіи, Лавры, вѣанской духовной семинаріи, городского общественнаго управленія, гражданской администраціи, мѣстной администраціи и простые обыватели Посада и иногородные спѣшили ко гробу его, чтобы отслужить или отслушать панихиду за упокой души его и сказать то или другое слово утѣшенія его осиротѣвшему семейству. Панихиды надъ усопшимъ совершались почти ежедневно. Такъ продолжалось во все время съ 17 по 19 мая. Вечеромъ 19 мая послѣдовалъ выносъ тѣла усопшаго изъ дома въ приходскую Вознесенскую церковь. Многочисленное духовенство, съ ректоромъ вѣанской духовной семинаріи архимандритомъ Іаковомъ во главѣ, въ предшествіи крестнаго хода совершало этотъ выносъ, въ присутствіи профессоровъ и студентовъ московской духовной академіи, представителей города и многочисленной массы народа, наполнявшаго всю обширную Вознесенскую площадь. По внесеніи гроба въ церковь отправлена заукойная всенощная. Въ слѣдующій день къ 10 ч. утра въ церковь прибылъ преосвященный Христофоръ епископъ волоколамскій, ректоръ московской духовной академіи, и совершилъ заукойную литургію въ сослуженіи многочисленнаго мѣстнаго и иногороднаго духовенства. Во время причастнаго стиха надгробное слово произнесъ изъ многихъ учениковъ покойнаго священникъ московской Ново-Пименовской церкви В. М. Славскій. На отпѣваніи, которое

совершалъ преосвященный Христофоръ въ сослуженіи ректора виаанской духовной семинаріи, архимандрита Іакова, и прочаго духовенства, сказана была рѣчь профессоромъ академіи В. А. Соколовымъ. Изъ церкви гробъ вынесенъ былъ профессорами и студентами академіи, гласными думы и другими почитателями покойнаго. Печально-торжественное шествіе направилось потомъ къ мѣсту погребенія усопшаго, на загородное Вознесенское кладбище. Тысячи народа сопровождали это шествіе. Предъ опущеніемъ тѣла въ могилу произнесли рѣчи: доценты академіи І. А. Татарскій (преемникъ покойнаго по кафедрѣ) и Н. А. Заозерскій и директоръ мѣстной прогимназіи Н. И. Тихомировъ. На гробъ и на могилу покойнаго возложено было много вѣнковъ отъ разныхъ учрежденій и лицъ. Въ пятомъ часу въ залѣ думы предложена была поминальная трапеза, за которою были произнесены рѣчи профессорами академіи: П. И. Казанскимъ (говорившимъ въ качествѣ гласнаго думы), Д. Ф. Голубинскимъ и Н. И. Субботинимъ, который указавъ на искреннее и глубокое чувство всеобщаго уваженія и любви къ покойному, заключилъ свою рѣчь приблизительно слѣдующими словами: „чувство ищетъ выраженія во внѣ, и я рѣшаюсь высказать, что мы обязаны и вещественнымъ знакомъ засвидѣтельствовать нашу любовь къ почившему. Правда, плата данъ времени, и мы возложили вѣнокъ на его могилу; но это памятникъ слишкомъ скоро переходящій и, по моему личному убѣжденію, даже мало приличный и христіанину-покойнику и христіанамъ оплакивающимъ своихъ присныхъ. Почтимъ память нашего дорогаго наставника чѣмъ-нибудь болѣе прочнымъ и болѣе соответствующимъ нашему чувству. Позвольте предложить вамъ теперь же начать сборъ добровольныхъ приношеній или для памятника на могилу покойнаго, или для составленія особаго „Амфитеатровскаго“ капитала въ братствѣ Преподобнаго Сергія, изъ процентовъ котораго выдавалось бы пособіе одному изъ бѣдныхъ студентовъ. Быть можетъ подписка, въ которой, какъ можно надѣяться, примутъ участіе и неприсутствующіе здѣсь многочисленные ученики и почитатели Егора Васильевича, дастъ возможность осуществить тотъ или другой изъ предлагаемыхъ мною способовъ почтить достойнымъ образомъ память нашего дорогаго покойника. Первый полагаю лепту на это дѣло и прошу не отвергнуть моего предложенія“...

Это предложеніе нашло общее сочувствіе. Тотчасъ же началась и самая подписка. Нѣтъ сомнѣнія, что въ ней примутъ участіе и всѣ многочисленные ученики и почитатели Е. В. Амфитеатрова. Нельзя не выразить при этомъ желанія, чтобы были изданы превосходныя лекціи Е. В., съ такимъ восторгомъ принимавшіяся и привлекавшія массы слушателей; это было бы большимъ приобрѣтеніемъ для науки и литературы. (Моск. Вѣд.).

О Б Ъ Я В Л Е Н І Я .

Вышла и продается новая книга, изданная редакціей журнала
„Странникъ“.

МОИ ВОСПОМИНАНІЯ ОБЪ ИННОКЕНТІИ

архіеп. Херсонскомъ и Таврическомъ.

И. У. Паммигестова. С.-Петербургъ, 1888 года.

Содержаніе ея: I. Отличительная черта доброжелательности Иннокентія.—Князь М. С. Воронцовъ приглашаетъ Иннокентія въ Алуку на 5-е сентября—день имения княгини—и присылаетъ за нимъ пароходъ.—Государственный умъ князя.—Иннокентій беретъ меня съ собою.—Самъ отправляется сухимъ путемъ.—На морѣ страшная буря.—Въ Ялтѣ разговоръ Иннокентія съ извѣстнымъ Фирковичемъ о народностяхъ Крыма.—II. Наканунѣ Елизаветина дня.—Изящество, какъ отличительная черта Иннокентія.—Припоминаются митрополитъ Филаретъ и архіепископъ Гурій.—Нравоченіе.—Общая любовь къ князю М. С. Воронцову.—Удивительное умѣнье владѣть собою.—Панагінъ Иннокентія.—Завтракъ князя.—Прогулка Иннокентія по саду.—Его знанія растительности.—Виноградная ягода.—Слово Иннокентія въ день имения.—Его взглядъ на свободу совѣсти.—III. М. П. Погодинъ справедливо называетъ Иннокентія великимъ гражданиномъ русской земли.—Мысли Иннокентія о кн. М. С. Воронцовѣ.—Раздѣленіе рода человеческого на языки.—Взглядъ Иннокентія на югъ Россіи, на западный край и остзейскій.—Русскія задачи.—Магометанство въ Россіи.—Многое изъ предположеній и желаній Иннокентія сбывается.—Почему мы мало цѣнимъ замѣчательныхъ лицъ при жизни ихъ.—Заключеніе этой главы.—IV. Выѣздъ изъ Алуки.—Массандра.—Газели.—Моисей и геологи.—Злословіе.—Аюдагъ и мысли Иннокентія о водныхъ тонахъ.—Ночлегъ въ Алуштѣ.—Крымскія горы на дачѣ Иннокентія.—Путешествіи къ Косьмодемьяновскому источнику.—Природа этого урочища по Иннокентію.—Святини Крыма, возстановляемыя Иннокентіемъ.—Состояніе ихъ въ настоящее время.—Что думала и думаетъ толпа извѣстнаго направленія объ Иннокентіи, какъ возстановителѣ святини Крыма.—V. Побужденія для Иннокентія къ усиленію православія на югъ Россіи и частіе въ Крыму.—Достойнѣйшіе преемники Иннокентія—архіепископы Дмитрій и Гурій.—Труды послѣдняго въ Таврической епархіи.—Памятники этимъ архипастырямъ.—Мысль объ увековѣченіи памяти Иннокентія въ Крыму.—Молебенъ при Косьмодемьяновскомъ источникѣ.—Путешествіе на Четырдагъ.—Иннокентій одинъ на вершинѣ этой горы.—Напутствіе.—Видѣнія.—VI. Иннокентій беретъ меня въ степи для наблюденія солнечнаго затмѣнія.—О протоерей профессоръ философіи, И. М. Скворцовъ.—Онъ ревизуетъ Херсонскую семинарію и отправляется съ нами въ Бобринецъ.—Рекреція и экзамены при Иннокентіи.—Мысли, высказанныя Иннокентіемъ въ дорогѣ.—Астрономъ А. Н. Савичъ.—Диктованіе И. М. Сквор-

повымъ отчета о солнечномъ затмѣнн. — Прощаніе учителя и ученика. — Чумацкая дорога и ливень. — Обѣдъ у одной помѣщицы. — Мнѣніе Иннокентія о бытности лѣсовъ на югѣ Россіи. — Теорія образования земли. — VII. Иннокентій въ имѣнн извѣстнаго лѣсовода и хозяина В. П. Скаржинскаго. — Мнѣніе его о важности лѣсной растительности для степей юга Россіи и значеніе въ этомъ дѣлѣ власти. — Взглядъ Иннокентія на крѣпостное право въ Россіи. — Задачи для государственной мудрости. — Значеніе для Россіи дворянства. — Совѣтъ Иннокентія редактору „Записокъ“ Общества сельскаго хозяйства южной Россіи. — Взглядъ на русскій языкъ и иноязычіе. — VIII. Кабинетъ Иннокентія. — Прекраснѣйшая душа о. архимандрита Пареевн, впоследствии архіепископа Иркутскаго. — Небольшой грѣшокъ за Иннокентіемъ и таковой же за другимъ архипастыремъ. — Иннокентій въ полномъ блескѣ своей учености предъ бывшими своими учениками — М. К. Павловскимъ и І. Г. Михневичемъ, бесѣдуя съ Д. Н. Струковымъ. — Твердость воли Иннокентія. — Посѣщеніе имъ Крыма во время крымской войны. — Разговоръ его съ А. Г. Троицкимъ. — IX. Мнѣніе Иннокентія о графѣ А. Г. Строгановѣ. — Лаконизмъ послѣдняго объ Иннокентіи. — Взглядъ Иннокентія на крымскую войну. — Его высокое мнѣніе о Государѣ Николаѣ Павловичѣ. — Школа дѣвицъ духовнаго званія на взглядъ Иннокентія. — X. Преемники Иннокентія — архіепископы Дмитрій и Гурій. — Сравненіе послѣднихъ между собою. — Дарованія и доброта Дмитрія. — Императоръ Николай Павловичъ и о. ректоръ кievской духовной академіи Дмитрій. — Заключеніе.

ЦѢНА СЪ ПЕРЕСЫЛКОЙ 1 руб. 50 коп.

Выписывать можно по слѣдующему адресу: С.-Петербургъ, редакція журнала „Странникъ“, Невскій, д. 167.

НОВАЯ КНИГА.

Волны. Историческія судьбы юго-западнаго края. Съ Высочайшаго соизволенія издано при министерствѣ внутреннихъ дѣлъ *П. Н. Батюшковымъ*. Съ 2-мя хромолитографіями и 69 гравюрами. Спб. 1888. XV + 288 + 127. Цѣна 1 р. 30 коп.

Содержаніе: Отъ издателя. — Введеніе. — I. Волны подъ властію русскихъ князей. — II. Судьбы южной Руси послѣ св. Владимира до литовскаго владычества. — III. Волны подъ литовскимъ владычествомъ. — IV. Дальнѣйшія политическія судьбы Волны до перехода ея подъ владычество Польши. — V. Волны подъ владычествомъ Польши и борьба православія съ католичествомъ и унией. — VI. Возстановленіе православной іерархіи и положеніе Волны предъ воссоединеніемъ ея съ Россіей. — VII. Переходное состояніе Волны по смерти Богдана Хмельницкаго. Угнетеніе православія. — VIII. Сближеніе уни съ католичествомъ и паденіе Польши. — IX. Воссоединеніе Волны съ Россіей. — X. Воссоединеніе униатовъ и возстановленіе православія и русской народности на Волны. — Примѣчанія. — Объясненія къ рисункамъ. — Указатель личныхъ именъ.

Отъ Московскаго Духовно-цензурнаго Комитета печатать дозволяется. Москва. Іюня 9-го 1888 года.

Цензоръ свящ. *Іоаннъ Петропавловскій*.

ХАРАКТЕРЪ И ЗНАЧЕНІЕ ТОЛКОВАНІЙ

НА КАНОНИЧЕСКІЙ КОДЕКСЪ ГРЕЧЕСКОЙ ЦЕРКВИ—АРИСТИНА,
ЗОНАРЫ И ВАЛЬСАМОНА.

Συντήρει οὖν τὰ κανονικά, ἔνθα καὶ
ὅπως ἐξεφρονήθησαν, καὶ μὴ εἴπῃς ἐναν-
τιοῦσθαι. ἐν πᾶσι γάρ τὸ πανάγιον Πνεῦ-
μα ἐλάλησεν.—Βαλσαμῶν. Συντ. II, 518.

I.

Толкованія знаменитыхъ канонистовъ XII вѣка—Аристина, Зонары и Вальсамона имѣютъ важное значеніе въ исторіи каноническаго кодекса восточной церкви и составляютъ какъ бы дальнейшее его развитіе. Многія характеристическія черты этихъ толкованій суть только слѣдствія его особенностей, ими вызваны и ими только могутъ быть объяснены. Поэтому характеръ, а вмѣстѣ съ тѣмъ и значеніе толкованій выясняются только при изученіи ихъ въ связи съ исторіей образованія каноническаго кодекса, въ связи со свойственными ему особенностями и недостатками.

Въ первыя три столѣтія церковь не имѣла сборника правилъ; его появленію тогда не благопріятствовало положеніе церкви, гонимой государствомъ, да и самая надобность въ немъ можетъ быть не могла еще проявиться съ достаточною силою по той причинѣ, что преданія временъ апостольскихъ оставались еще свѣжими въ памяти всѣхъ христіанъ, а жизнь не успѣла выдвѣ-

нать новыхъ, болѣе сложныхъ отношеній и потребностей. Только съ IV-го вѣка, или можетъ-быть и нѣсколько раньше появляются на Востоѣ сборники церковныхъ правилъ, которые, постепенно развиваясь и дополняясь, образуютъ основаніе, зерно восточнаго каноническаго кодекса. Два такихъ сборника, возникнувъ на Востоѣ въ IV-мъ вѣкѣ, развиваются затѣмъ два столѣтія параллельно.

Первый изъ нихъ, такъ называемые „Правила св. апостоловъ“ (κανόνες τῶν ἀγίων Ἀποστόλων) заключаетъ въ себѣ постановленія глубокой древности. Въ немъ за весьма небольшими исключениями содержатся нормы, изначала дѣйствовавшія въ церкви и неизмѣнно соблюдавшіяся ею, какъ преданныя отъ временъ апостольскихъ. Многія изъ этихъ правилъ по своему содержанию повторяютъ только постановленія апостольскихъ посланій ¹⁾, многія заимствованы изъ другаго болѣе древняго сборника „Апостольскихъ постановленій“ ²⁾ (Διατάξεις τῶν ἀγίων Ἀποστόλων) и только ничтожная часть происхожденія сравнительно поздняго, каковы 30-е, 37-е и 83-е правила, предполагающія установленіе мирныхъ отношеній между церковью и государствомъ.

Время составленія самаго сборника (а не нормъ, въ немъ заключающихся) опредѣляется учеными весьма различно. Одни, какъ Дрей, относятъ его образованіе къ срединѣ V-го столѣтія, другіе — Мортрель ³⁾ къ срединѣ III-го, нѣкоторые наши канонисты къ еще болѣе древней эпохѣ: такъ арх. Іоаннъ считаетъ временемъ возникновенія его конецъ II-го или начало III-го вѣка, основываясь на содержаніи правилъ ⁴⁾. Но большинство современныхъ канонистовъ ⁵⁾ утверждаетъ, что сборникъ *несомнѣнно* существовалъ уже въ IV-мъ столѣтіи и что съ другой стороны нѣтъ никакихъ *несомнѣнныхъ* указаній на его болѣе

¹⁾ Напр. 80-е пр. срвн. I посл. Павла къ Тимоѳею V, 22; 82-е пр. и посланіе ап. Павла къ Филимону.

²⁾ Напр., по изслѣдованію Drey'a, 1, 2, 7, 8, 17, 18 и др.

³⁾ Mortreuil, Histoire du droit byzantin III, 189 не приводитъ никакихъ доказательствъ вѣроятно, повторяя лишь мнѣнія Балузія (Pitra, Juris ecclesiastici graecorum historia et monumenta, t. I, synopsis historica, 17.

⁴⁾ Арх. Іоанна, Опытъ курса церковнаго законовѣдѣнія I, стр. 133.

⁵⁾ Hefele, Conciliengeschichte, B. I S. 797-8. Pitra juris eccl. graec. hist. et mon. I. p. XXXI et 1--2.

раннее существованіе. Дѣйствительно самое древнее и ясное свидѣтельство о семъ представляютъ правила антиохійскаго собора 341 г., содержаніе которыхъ несомнѣнно заимствовано изъ апостольскихъ правилъ, *) , частью даже буквально и въ порядкѣ слѣдованія ихъ по сборнику.

Что касается мѣста дѣйствія сборника апостольскихъ правилъ, то первоначально имъ была вѣроятно Сирія, гдѣ онъ возникъ †) и гдѣ имъ пользовался упомянутый антиохійскій соборъ. Только здѣсь, на мѣстѣ первоначальнаго своего появленія, онъ признавался подлинно апостольскимъ произведеніемъ; по крайней мѣрѣ Іоаннъ Схоластикъ, антиохійскій пресвитеръ, принимая его въ свой систематическій сборникъ, не высказываетъ ни малѣйшаго сомнѣнія въ его подлинности, тогда какъ въ другихъ мѣстахъ, гдѣ онъ сталъ впоследствии приниматься, никогда подлиннымъ не признавался и подписывался не просто „Κανόνες τῶν ἀγίων Ἀποστόλων“, но „οἱ λεγόμενοι τῶν ἀγίων Ἀποστόλων“, т.-е. такъ называемыя апостольскія правила. Изъ Сиріи сборникъ распространился по другимъ странамъ Востока. Его вѣроятно имѣлъ въ виду константинопольскій соборъ 394 года, упоминая „ἀποστολικῶν κανόνες“; въ 431 году ссылается на „апостольскія правила“ Ригинъ, архіепископъ кипрскій, въ доказательство независимости своей кафедры отъ Антиохіи (35-е апост. пр.); въ томъ же году ссылается на нихъ ефесскій соборъ; семнадцать лѣтъ спустя—константинопольскій 448 года, называя ихъ „церковными и божественными правилами“. Всѣ эти свидѣтельства относятся къ Восточной церкви; за ея предѣлами „сборникъ Апостольскихъ правилъ“ оставался долго совершенно неизвѣстнымъ и даже тогда, когда былъ переведенъ на латинскій языкъ въ концѣ V-го столѣтія, отвергнуть римскими папами, какъ подложный. Дѣйствуя исключительно въ предѣлахъ восточной церкви, онъ носилъ *мѣстный* †), а не общецерковный характеръ.

*) А не наоборотъ, какъ говоритъ Heimbach (Griechisch-römisches Recht § 11); нормы, заключающіяся въ сборникѣ апостольскихъ правилъ, несомнѣнно болѣе древняго происхожденія.

†) На мѣсто возникновенія правилъ указываетъ между прочимъ ихъ языкъ; въ нѣкоторыхъ встрѣчаются сиро-македонскія слова.

*) «Canones qui dicuntur apostolorum, quos non admisit universitas». Dionysii Exigui epistola ad p. Hormisdam см. Pitra, jur. eccl. graec. hist. et mon. t. I

Содержаніе сборника въ разное время было неодинаково: первоначально онъ состоялъ вѣроятно только изъ 50-ти правилъ, къ которымъ можетъ-быть много позже были присоединены еще 35, и такъ образовался кодексъ въ 85 правилъ, каковымъ мы знаемъ его теперь. На первоначальный составъ сборника въ IV-мъ столѣтіи указываютъ правила антиохійскаго собора 341 года; соборъ этотъ имѣлъ въ виду и руководствовался апостольскими правилами, притомъ несомнѣнно 50-ю первыми, остальные же ему были вѣроятно неизвѣстны, такъ какъ ими онъ вовсе не воспользовался. Въ этомъ же составѣ (50 прав.) сборникъ былъ переведенъ на латинскій языкъ Діонисіемъ Малымъ въ концѣ V-го столѣтія. Значитъ и въ это время онъ не получилъ еще никакихъ добавленій. Когда они были сдѣланы, нельзя опредѣлить даже сколько-нибудь точно, какъ неизвѣстно и то, сдѣланы ли добавленія постепенно, или же всѣ 35 остальныхъ правилъ присоединены разомъ; извѣстно только, что въ серединѣ VI-го столѣтія сборникъ былъ въ рукахъ Іоанна Схоластика уже въ полномъ своемъ составѣ 85 правилъ, каковымъ онъ перешелъ въ его систематическій сборникъ каноновъ, а также другіе позднѣйшіе сборники, и каковымъ остается до настоящаго времени.

Подтверженіемъ догадки, что апостольскихъ правилъ первоначально было не болѣе 50-ти, служитъ между прочимъ и весьма характерная особенность его въ томъ видѣ, какъ онъ принятъ у Іоанна Схоластика; здѣсь за 50-мъ правиломъ слѣдуетъ небольшое послѣсловіе, эпилогъ, очевидно указывающій, что на этомъ правилѣ заканчивался прежде сборникъ *).

Содержаніе отдѣльныхъ правилъ преимущественно относится къ клирикамъ и весьма мало касается однихъ мірянъ. Здѣсь находимъ постановленія: о хиротоніи (1—2), о совершеніи таинства евхаристіи (3), объ отношеніяхъ клириковъ къ ихъ женамъ

Synopsis historica 31. «Canones qui dicuntur apostolorum de graeco transtulimus, quibus quia plurimi consensum non praebuere, hoc ipsum vestram nolimus ignorare sanctitatem. Dion. Exig. in prologo suo ad Steph. Pitra t. II p. 446.

*) Въ эпилогѣ вслѣдъ за изложеніемъ того, какаѧ вѣра должна быть преподавана новопросвѣщенному («Περὶ πίστεως ὀρθοδόξου ἢν ἔκμαθαι ἀναγκὴ τὸν φοιτῆμενον») слѣдуютъ заключительныя слова: ὑμεῖς, οὖν ᾧ ποθεινότατοι, εἰς ἕνα Πατέρα καὶ υἱὸν καὶ Πνεῦμα ἅγιον τρίτον βαπτίσεσθε κατὰ τὴν τοῦ Κυρίου ὑπόμνην καὶ τὴν ἡμετέραν ἐν Πνεύματι διδάσκειν.

(5), о времени празднованія Пасхи (7), о незаконности перехода клириковъ изъ одной епархіи въ другую (14—15), о препятствіяхъ къ вступленію въ священный санъ (17—19, 22, 61, 78—80, 82) и пребыванію въ немъ (6, 11, 23, 25, 26, 29—31, 42—47, 49—53, 62—66, 68—70, 81, 83), о провинціальныхъ (областныхъ) соборахъ (37), объ отношеніяхъ епископовъ другъ къ другу (34—35), къ подчиненнымъ клирикамъ (39, 55, 59), къ церковному и своему имуществу (4, 38, 40, 41), о поведеніи клириковъ (54, 56, 57, 59, 72, 84). Одинаково къ клирикамъ и мірянамъ относятся 19 правилъ (9, 10, 12, 31, 43, 51, 57, 60, 63—65, 67, 69—73, 84, 85), однихъ же мірянъ касаются только два правила (13 и 48). Вопросъ о составителѣ сборника апостольскихъ правилъ не можетъ быть разрѣшенъ околько-нибудь достоверно за неимѣніемъ твердыхъ данныхъ; въ самыхъ правилахъ нѣтъ ясныхъ на то указаній; они редактированы отъ лица апостоловъ, нѣкоторыя отъ лица того или другаго апостола (29, 82); въ послѣднемъ (85) правилѣ авторомъ какъ будто называется Климентъ епископъ римскій (καὶ αἱ διατάχαι, ὑμῖν τοῖς ἐπισκόποις δι' ἐμοῦ Κλήμεντος ἐν ὀκτὼ βιβλίοις προσηφωνημένοι...⁴), Беверегій и считаетъ его авторомъ сборника. Мортрель приписываетъ его работѣ нѣсколькихъ епископовъ¹⁰); ничего невѣроятнаго и невозможнаго въ этомъ предположеніи конечно нѣтъ, но оно совершенно необосновано.

Итакъ сборникъ апостольскихъ правилъ, возникнувъ не позже IV-го столѣтія, достигъ своего полнаго развитія около половины VI-го вѣка.

Но одновременно развивался и дѣйствовалъ на Востокъ другой сборникъ правилъ, во многомъ отличный отъ только что рассмотрѣннаго. Въ противоположность первому второй не былъ кодексомъ мѣстнымъ только, но получилъ примѣненіе и на Западѣ, сталъ слѣдовательно кодексомъ *общецерковнымъ*; онъ заключалъ въ себѣ далѣе не сводъ древнихъ преданій, какимъ является сборникъ апостольскихъ правилъ, но постановленія соборовъ, вызванныя новыми потребностями церковной практики и развитіемъ церковной жизни съ установленіемъ союза между

¹⁰) C'est, sans doute (?), l'ouvrage de quelques évêques d'orient. Hist. du droit byz. III, 189.

церковью и государствомъ. Достойно вниманія и то, что новый общецерковный кодексъ возникъ и развился въ періодъ вселенскихъ соборовъ, т.-е. въ тотъ періодъ, когда начало церковнаго единства проявилось съ особенною силою. Общецерковный кодексъ сталъ такимъ же выразителемъ этого единства въ сферѣ церковной практики, церковно-юридическихъ отношеній, каковымъ является никео-цареградскій символъ въ сферѣ догматическаго ученія первыи. Но не долго единеніе церквей оставалось непоколебимымъ; съ возникновеніемъ различія въ догматическихъ ученіяхъ, съ развитіемъ особенностей церковнаго устройства и управления въ обѣихъ половинахъ христіанскаго міра, необходимо должны были возникать и различныя нормы для регулированія неодинаковыхъ потребностей и отношеній. Такимъ образомъ кодексъ, первоначально общецерковный, сталъ пріобрѣтать все болѣе и болѣе мѣстный характеръ, и въ этомъ заключается преобладающая тенденція въ его развитіи вплоть до IX-го столѣтія.

Общецерковный кодексъ въ своемъ первоначальномъ видѣ заключалъ въ себѣ правила четырехъ соборовъ IV-го вѣка: никейскаго, анкирскаго, неокесарійскаго и гангрскаго. Всѣ эти соборы имѣли мѣсто въ Малой Азіи, притомъ первый въ Византіи, послѣдніе три въ Понтѣ, гдѣ, какъ предполагають (Mortreuil), и возникъ самый кодексъ. Время возникновенія его можетъ быть обозначено только приблизительно: оно падаетъ на конецъ IV-го вѣка. Впрочемъ архимандритъ Іоаннъ, ссылаясь на „свидѣтельство нѣкоторыхъ“ (которыхъ однако не приводитъ) опредѣляетъ время возникновенія кодекса болѣе точно; относитъ его къ 385 году, или немного спустя послѣ II-го вселенскаго собора (381 г.)¹¹⁾.

Указанный составъ первоначальнаго сборника можетъ быть опредѣленъ на основаніи его латинскихъ переводовъ, гдѣ правила четырехъ названныхъ соборовъ снабжены особыми краткими историческими примѣчаніями (таковъ напр. извѣстный Исидоровъ переводъ).

Въ указанномъ составѣ сборникъ заключалъ въ себѣ 80 правилъ: 1) 20—никейскаго вселенскаго I-го собора (326 г.), поставленныя во главѣ кодекса въ уваженіе къ высокому автори-

¹¹⁾ Арх. Іоанна, Опытъ церковнаго законовѣдѣнія I, 80.

тету издавшей ихъ церковной власти. Здѣсь находимъ разнообразныя постановленія: подтверждаются и получаютъ дальнѣйшее развитіе многія нормы, вошедшія въ составъ сборника апостольскихъ правилъ (1, 2, 4, 5, 15, 16), регулируется обращеніе клириковъ съ лицами другаго пола (3), опредѣляются взаимныя отношенія епископовъ (6, 7), устанавливается порядокъ присоединенія „чистыхъ“ (καθαροί) къ церкви и права принятыхъ (8); далѣе слѣдуютъ постановленія: о препятствіяхъ къ дальнѣйшему пребыванію въ священническомъ санѣ (9, 10), объ отступившихъ отъ вѣры (11, 12, 14), о причащеніи умирающихъ (13), о запрещеніи брать ростъ (17), діаконамъ—преподавать евхаристію (18), о павлианистахъ (19), о непреклоненіи колѣвъ въ извѣстные дни года (20).

2) Акирскій соборъ, правила котораго помѣщены въ кодексъ вслѣдъ за нивейскими, издалъ 25 канонѣвъ; многіе изъ нихъ (болѣе трети) касаются падшихъ во время гоненія клириковъ и мірянъ ¹²⁾ (1—9); другіе содержатъ постановленія: о бракѣ діаконѣвъ (10), о похищеніи обрученной дѣвицы (11), объ идоложертвовавшихъ до крещенія (12), о правахъ хореепископовъ (13) о воздержаніи отъ мяса (14), о распоряженіи церковнымъ имуществомъ (15), о плотскихъ грѣхахъ (20, 16—17), объ епископѣ непріятномъ въ епархіи (18), о давшихъ обѣтъ дѣвства (19), о разныхъ видахъ убійства (20—23), о волхвователяхъ (24) и, наконецъ, о преступленіи обрученнаго (25).

3) Правила неокесарійскаго собора въ числѣ 15-ти содержатъ постановленія, касающіяся брака (1—3, 7), не приведеннаго въ исполненіе преступнаго намѣренія (4), впаденія въ грѣхъ огла-

¹²⁾ Соборъ былъ созванъ послѣ смерти Максимина Геркулія (когда на Востокахъ водворилась миръ) и имѣлъ своею главною цѣлью исправить гибельныя послѣдствія только-что прекратившихся гоненій. Время созванія собора опредѣляютъ довольно точно на основаніи слѣдующихъ соображеній: лѣтомъ 313-го года умеръ Максиминъ; соборъ состоялся, какъ это можно видѣть изъ 6-го правила, въ скоромъ времени послѣ Пасхи, безъ сомнѣнія въ 4-ю недѣлю Пятидесятницы, по 37-му апол. правилу. По всей вѣроятности это была ближайшая Пятидесятница, слѣдовавшая за смертью Максимина, т. е. Пятидесятница 314-го года и ни въ какомъ случаѣ не позднѣе 391-го, въ которой умеръ антиохійскій епископъ Виталій, присутствовавшій, а можетъ быть и предсѣдательствовавшій на соборѣ. Hefele, Conciliengesch. I L. 220 S.

шеннаго (5), вращенія беременной (6), препятствія ко вступленію въ священнической санъ и пребыванію въ немъ вслѣдствіе преступленія жены (8), исповѣданій священникомъ и діакономъ грѣха послѣ рукоположенія (9, 10), препятствій къ принятію сана вслѣдствіе *irregularitates ex defectu aetatis et fidei* (11, 12), правъ сельскихъ пресвитеровъ и хорепископовъ (13), наконецъ числа діаконовъ (14) ¹³⁾.

4) Последнее мѣсто въ кодексѣ занимаютъ правила собора гангрскаго числомъ 10, за которыми слѣдуетъ эпилогъ (21-е прав.); въ нихъ осуждается по пунктамъ лжеученіе Евстаѳа, епископа севастійскаго, и угрожается анафемой его послѣдователямъ. Въ эпилогѣ изложено православное ученіе по тѣмъ предметамъ, по которымъ заблуждался Евстаѳій ¹⁴⁾.

Таковъ былъ первоначальный составъ и содержаніе каноническаго кодекса. Правила въ этомъ кодексѣ расположены по двумъ основаніямъ: 1) по ихъ такъ сказать *авторитетности*, по значенію издавшей ихъ церковной власти; на этомъ основаніи правила никейскаго собора, какъ вселенскаго, стоятъ на

¹³⁾ Неокесарійскій соборъ, созданный также какъ и анкирскій, въ виду настоятельныхъ нуждъ церкви, для удовлетворенія которыхъ настала удобная моментъ съ прекращеніемъ гоненій на христіанъ, вѣроятно и состоялся вскорѣ послѣ анкирскаго. На этомъ основаніи время его созванія относятъ обыкновенно къ 314 или 315 году. Впрочемъ Hefele (I, 243) полагаетъ, что онъ состоялся нѣсколько позднѣе, такъ какъ въ правилахъ вовсе не упоминаются падшіе (lapsi), что было бы необходимо, еслибы соборъ слѣдовалъ непосредственно за періодомъ гоненія. Какъ бы то ни было, несомнѣнно, что неокесарійскій соборъ былъ ранѣе никейскаго (326 г.) и позднѣе анкирскаго: объ этомъ прямо говорится въ надписаніи надъ его правилами въ древнихъ сборникахъ.

¹⁴⁾ Время созванія гангрскаго собора не можетъ быть точно опредѣлено, и по этому вопросу существуетъ нѣсколько гипотезъ, но всѣ онѣ основаны только на догадкахъ. Нѣкоторые писатели, основываясь на весьма неопредѣленномъ свидѣтельствѣ Созомена, относятъ гангрскій соборъ ко времени между никейскимъ и антиохійскимъ (между 325—341 г.); арх. Іоаннъ даже называетъ 340-й годъ; другіе считаютъ гангрскій соборъ не старше 376 года; наконецъ братья Валеріини ставятъ его между 362 и 370 годами на томъ основаніи, что во главѣ соборнаго посланія упомянуть епископъ Евсевій, безъ сомнѣнія предсѣдатель собора; Евсевій же этотъ вѣроятно никто иной, какъ предшественникъ св. Василія, епископа Кесаріи Каппадокійской. Эту догадку подтверждаетъ и свидѣтельство Сократа, который говоритъ, что гангрскій соборъ былъ послѣ константинопольскаго 361 года, Hefele I, 791—792.

первомъ мѣстѣ, а за ними слѣдуютъ постановленія областныхъ соборовъ; 2) правила соборовъ равныхъ по своему значенію (т.-е. областныхъ) помѣщены въ *хронологической послѣдовательности*: сперва анкирскій (314—319), затѣмъ неокесарійскій (до 325 г.) и наконецъ, гангрскій (вѣроятно между 362 и 370 г.). Составитель сборника, собравъ извѣстный ему каноническій матеріалъ, оставилъ его безъ всякихъ измѣненій, не подвергнувъ почти никакой формальной обработкѣ. Вся его работа состояла единственно въ томъ, что онъ списалъ въ одно цѣлое постановленія, изданныя разными соборами и снабдилъ ихъ кое-какими весьма немногими историческими замѣтками. Эта легкость, ничтожность труда можетъ быть и была причиной, почему имя составителя осталось совершенно неизвѣстнымъ.

Первоначальный составъ каноническаго кодекса, заключавшій въ себѣ правила четырехъ соборовъ, оставался неизмѣннымъ до V-го вѣка. Въ этомъ вѣкѣ и притомъ въ первой его половинѣ сборникъ увеличился правилами антиохійскаго собора 341 года¹⁵⁾. Что эти правила были присоединены къ сборнику позже правилъ гангрскаго собора это доказывается тѣмъ, что въ древнихъ латинскихъ переводахъ сборника, о которыхъ было упомянуто выше, а также и въ греческомъ подлинникѣ правила гангрскаго собора не имѣютъ особаго надписанія, исторической замѣтки, подобно четыремъ предыдущимъ. Кроме того это доказывается и тѣмъ, что не смотря на вѣроятное старшинство антиохійскаго собора предъ гангрскимъ, правила послѣдняго предшествуютъ въ сборникѣ антиохійскому, а не слѣдуютъ за нимъ, чѣмъ нарушается принятое составителемъ первоначальнаго сборника начало хронологической послѣдовательности.

О времени, когда было сдѣлано прибавленіе правилъ антиохійскаго собора, могутъ быть предложены слѣдующія соображенія: въ самомъ началѣ V вѣка сборникъ вѣроятно оставался еще въ своемъ первоначальномъ видѣ; по крайней мѣрѣ въ пользу

¹⁵⁾ Этотъ годъ ясно указанъ Аванасіемъ Вел., который говоритъ, что соборъ былъ 14-го нидикта въ консульство Марцелина и Пробина. Съ Аванасіемъ вполне согласно свидѣтельствуетъ Созоменъ именно, что соборъ имѣлъ мѣсто въ пятомъ году по смерти Константина Вел., т.-е. послѣ 22 мая 341 года (Константинъ умеръ 22 мая, 337 года). Hefele I, 502.

этого говорятъ извѣстные событія изъ исторіи Іоанна Златоуста. Осужденный на основаніи 4-го правила антиохійскаго собора, Златоустъ объявилъ произнесенный надъ нимъ приговоръ неправильнымъ, какъ основанный на постановленіи аріанскаго собора ¹⁶⁾. И дѣйствительно, если не рѣшительные послѣдователи Арія, то по крайней мѣрѣ аріанствующие епископы составляли на антиохійскомъ соборѣ довольно сильную партію, вліяніе которой высказалось между прочимъ въ лишеніи сана Аѳанасія Великаго, этого борца за православіе на 1-мъ вселенскомъ соборѣ. Этимъ быть-можетъ объясняется, почему правила антиохійскаго собора приняты въ каноническій кодексъ много времени спустя послѣ ихъ изданія.

Но самое содержаніе правилъ ничего аріанскаго въ себѣ не заключало, а потому они постоянно имѣли практическое значеніе и ссылки на нихъ дѣлались довольно часто. Въ первомъ правилѣ даже подтверждается извѣстное никейское постановленіе о празднованіи Пасхи, а большинство остальныхъ заимствовано изъ сборника апостольскихъ правилъ, подтверждаютъ ихъ и дополняютъ. Такъ 2-е правило повторяетъ 9-е апостольское и подтверждаетъ 10-е и др., 3-е пр. соотвѣтствуетъ 15-му апостольскому, 5-е—31-му, 7-е—33-му, 9-е—34-му, 13-е и 22-е—35-му, 16 и 21-е—14-му, 17-е и 18-е—36-му, 20-е—37-му, 24-е—40-му и 25-е—41-му. Остальные правила, не заимствованные изъ апостольскихъ, также большею частью съ ними тѣсно связаны и составляютъ какъ бы дальнѣйшее ихъ развитіе: таково 4-е, содержащее подробное опредѣленіе по тому же предмету, который предусмотрѣнъ въ 28-мъ апост.; 8-е прав. тѣсно связано съ предыдущимъ, заимствованнымъ изъ апостольскихъ и т. д. Добавленія, сдѣланныя антиохійскимъ соборомъ, или объясняются измѣненіями, происшедшими въ положеніи церкви послѣ прекращенія эпохи гоненій (какова прибавка въ 5-мъ правилѣ объ укрощеніи возмутителя церкви вѣршней властью), или включаютъ въ себѣ ограниченіе въ уважительныхъ случаяхъ силы правила (17-е антиох. срвн. толкованіе на это правило Вальсамона).

¹⁶⁾ Contendebat Ioannes non ecclesiae catholicae, sed arianorum canonem esse: episcopi olim Antiochiae congregati ad evertendam consubstantialitatis fidem prae odio quo adversus Athanasium flagrabant, cum canonem condiderant. Socr. VI, 18.

Но если съ одной стороны есть основаніе утверждать, что въ началѣ V вѣка правила антиохійскаго собора еще не входили въ кодексъ, то съ другой стороны они несомнѣнно уже вошли въ него до 451 года. Въ этомъ году, на IV вселенскомъ, халкидонскомъ соборѣ они цитируются очевидно по существовавшему тогда сборнику; такъ императорскіе комиссары прочитали на 11 соборномъ засѣданіи 16-е и 17-е правила антиохійскаго собора, составлявшія по сборнику 95-е и 96-е правила ¹⁷⁾ (счетъ правилъ слѣдовательно шелъ непрерываясь съ начала до конца).

Такимъ образомъ къ срединѣ V столѣтія каноническій сборникъ содержалъ въ себѣ постановленія пяти соборовъ. Что же касается правилъ константинопольскаго, II вселенскаго собора, то во времени собора халкидонскаго они не вошли еще въ составъ кодекса; на это находимъ указаніе въ дѣяніяхъ того же халкидонскаго собора, изъ которыхъ видно, что на немъ, хотя и цитировались правила константинопольскаго собора, но безъ обозначенія числа, безъ нумераціи, изъ чего дѣлають ¹⁸⁾ выводъ, что указанныя правила существовали въ то время еще отдѣльно, они не были даже раздѣлены, составляя одно цѣлое подъ общимъ названіемъ Synodicon втораго собора¹⁹⁾.

Дальнѣйшія добавленія въ каноническомъ кодексѣ были сдѣланы во 2-й половинѣ V вѣка. О составѣ его въ это время можно судить по свидѣтельству Діонисія Малаго, который описываетъ въ предисловіи къ своему переводу составъ имѣвшася у него въ рукахъ греческаго подлинника. Изъ этого свидѣтельства видно, что къ концу V вѣка (когда и былъ сдѣланъ Діонисіевъ переводъ) греческій сборникъ каноновъ состоялъ уже изъ правилъ не пяти, а семи соборовъ; къ прежнимъ были присоединены правила лаодикійскаго и константинопольскаго (II-го вселенскаго) соборовъ. Правила перваго изъ нихъ регулируютъ бракъ (1), принятіе въ общеніе кающихся (2), условія вступленія въ клиръ (3, 4, 12, 13), нравственность и поведеніе клириковъ (24, 30, 36, 54, 55) и мірянъ (53), касаются различныхъ еретическихъ сектъ (6, 7, 8) и отношеній православныхъ къ иновѣр-

¹⁷⁾ Hefele II, 493.

¹⁸⁾ Biener, De collectionibus canonum ecclesiae Graecae, стр. 10, прим. I.

¹⁹⁾ Hefele II, 13.

нымъ (9, 10, 31—35, 37—39), запрещаютъ поставлять предсѣдательницъ въ церкви (11), посылать Св. Тайны въ иные приходы (14), заклипать лицамъ, не произведеннымъ отъ епископа (26), работать христіанамъ въ воскресный день (29), женщинамъ входить въ алтарь (44), касаются различныхъ вопросовъ богослужебныхъ (15, 16, 17, 18, 19, 22, 23, 25, 28, 59), взаимныхъ отношеній клириковъ (20—21, 56, 57), трапезъ любви (27, 28), обязанностей епископовъ (40) и церковныхъ слугъ (43), путешествій священнослужителей и причетниковъ (41—42), крещенія (45, 46, 47, 48), четырехдесятницы (49—52) и наконецъ перечисляютъ, какія книги должно читать (60).

Изъ этого краткаго обзора содержанія правилъ видно, что ббльшій процентъ ихъ относится къ богослуженію, причеиъ опредѣляются многія подробности; не менѣе детальныя постановленія собора стремятся регулировать поведение клириковъ и даже мірянъ, которымъ запрещается на свадьбахъ „скакать и плясать“. Всѣ эти особенности указываютъ на то, что лаодикійскій соборъ издавалъ свои постановленія много времени спустя послѣ утвержденія на Востокѣ религіознаго мира ²⁰⁾.

Что касается другой прибавки къ кодексу — правилъ константинопольскаго собора 381 года, то она обнимала всего четыре правила, какъ показываетъ Діонисіевъ и другіе латинскіе переводы (напр. *translatio prisca*) сборника ²¹⁾. 1-е правило подтверждаетъ догматическія опредѣленія никейскаго собора, 2-е касается церковнаго устройства, церковныхъ областей, 3-е правъ константинопольскаго епископа, 4-е епископа Максима Циника.

Итакъ къ концу V вѣка въ каноническій кодексъ греческой церкви вошли правила обѣихъ вселенскихъ соборовъ IV вѣка

²⁰⁾ Время составленія лаодикійскаго собора, также какъ и антиохійскаго, не можетъ быть опредѣлено точно и возбуждаетъ даже еще болѣе сомнѣнія. Между тѣмъ какъ одни (Бароній) были склонны признать этотъ соборъ старше даже никейскаго, другіе (de Marca) находили основанія отнести его къ 363 году (арх. Іоаннъ — къ 364). Но большинство канонистовъ признаютъ временемъ созыва лаодикійскаго собора промежутокъ между 343 годомъ и 381, т. е. послѣ сардикскаго и до константинопольскаго II. *Hefele I, 746—749.*

²¹⁾ Тогда какъ въ позднѣйшемъ сборникѣ Схоластика ихъ 6, а послѣ явилось даже 7 и въ этомъ числѣ снабжены комментаріями Зонары и Вальсамопа. *Hefele II, 12.* Въ сборникѣ Діонисія содержаніе 4-хъ константин. правилъ было повидимому раздѣлено на три правила: *Pitra II, p. 377 annot. 9.*

и всѣхъ наиболее замѣчательныхъ помѣстныхъ, бывшихъ на Востокѣ. И теперь этотъ кодексъ оставался съ прежнимъ характеромъ, простымъ собраніемъ каноническаго матеріала безъ формальной обработки. Составитель его или точнѣе лицо, написавшее правила двухъ послѣднихъ соборовъ, также остался неизвѣстнымъ.

Но оставаясь въ существенныхъ чертахъ подобнымъ первоначальному кодексу, кодексъ конца V вѣка представляетъ и нѣкоторое различіе въ невыгодномъ для него смыслѣ. Уже въ первой половинѣ V вѣка прибавкой правилъ антиохійскаго собора послѣ гангрскаго было нарушено начало хронологической послѣдовательности, лежавшее въ основаніи первоначальнаго кодекса; нарушилось ли это начало новой прибавкой правилъ лаодикійскаго собора, сказать положительно нельзя за неизмѣнимъ точныхъ данныхъ о времени его созванія, но другая прибавка (прав. константинопольскаго собора) нарушила принятый въ первоначальномъ кодексѣ порядокъ изложенія правилъ по ихъ авторитетности. Теперь въ этомъ изложеніи можетъ быть отмѣчено полное отсутствіе плана, и слѣдовательно новыми прибавками каноническій сборникъ настолько же выигралъ въ матеріальномъ отношеніи, насколько проигралъ въ формальномъ.

Мы разсмотрѣли составъ, содержаніе, время возникновенія и постепенное развитіе двухъ сборниковъ церковныхъ правилъ на Востокѣ—апостольскихъ и соборныхъ; 1-й съ *мѣстнымъ характеромъ* былъ извѣстенъ только на Востокѣ и хотя переведенъ на латинскій языкъ (въ числѣ 50-ти правилъ) спустя почти двѣсти лѣтъ послѣ его возникновенія, но не получилъ на Западѣ признанія, а послѣднія 35 правилъ не были даже вовсе переведены; 2-й кодексъ—съ *характеромъ общецерковнымъ* (онъ распространился благодаря латинскимъ переводамъ и на Западѣ). Какъ тотъ, такъ и другой возникли въ Малой Азіи, были работой неизвѣстныхъ лицъ; тотъ и другой несомнѣнно дѣйствовали, имѣли практическое значеніе, употреблялись, подтверждались и цитировались соборами. Объ употребленіи антиохійскимъ соборомъ апостольскихъ правилъ была уже рѣчь выше, халкидонскій соборъ подтвердилъ каноническій кодексъ въ составѣ правилъ пяти соборовъ, и на немъ же этотъ кодексъ цитировался, какъ видно изъ соборныхъ дѣяній.

Около половины VI вѣка ²²⁾ появился на Востоку, въ Антиохіи знаменитый систематическій сборникъ каноновъ Іоанна Схоластика, составившій эпоху въ развитіи церковнаго права на Востоку. Сборникъ этотъ по своей обработкѣ, полнотѣ далеко превосходитъ только-что нами разсмотрѣнные, но онъ не былъ первымъ систематическимъ сборникомъ. За то или другое время до его составленія появлялись подобные же труды, и одинъ изъ нихъ былъ даже въ рукахъ самаго Схоластика, какъ это можно видѣть изъ предисловія къ его сборнику ²³⁾. Изъ того же предисловія видно, что въ сборникахъ, обращавшихся во времена Схоластика, каноническій матеріалъ обогатился прибавленіемъ правилъ еще трехъ соборовъ — сардикскаго (IV вѣка) и двухъ вселенскихъ—III ефесскаго и IV халкидонскаго (441 и 451 годовъ). Но самая важная перемѣна, происшедшая въ каноническихъ кодексахъ первой половины VI вѣка, состояла (судя по предисловію Схоластика) въ томъ, что существовавшіе и дѣйствовавшіе до сихъ поръ два кодекса — апостольскихъ правилъ и соборныхъ — слились въ одинъ сборникъ, который чрезъ это получилъ *мѣстный* характеръ.

Правила сардикскаго собора ²⁴⁾ (21), присоединенныя теперь къ кодексу, почти исключительно касаются епископовъ, ихъ правъ и обязанностей и только частью распространяются на прочихъ лицъ священнаго сана. Въ особенности важны правила, касающіяся римскаго епископа (3, 4, 5), его права принимать апелляціи. Правила эти при распространительномъ ихъ толкованіи казались въ высшей степени благоприятными римскому престолу и можетъ-быть повтому долго не прибавлялись къ восточному кодексу; принятію ихъ въ кодексъ не благоприятствовало и то, что соборъ имѣлъ мѣсто вдали отъ тѣхъ странъ, гдѣ возникъ и развивался этотъ кодексъ ²⁵⁾, а, главное, большинство

²²⁾ По мнѣнію нѣкоторыхъ между 540 и 550 годами (Heimbach, Geschichte des griechisch-römischen Rechts S. 219.

²³⁾ «Ὁὐκ αὐτοὶ τοῦτο μόνοι καὶ πρῶτοί τῶν ἄλλων ποιήσαντες, ἀλλ' ἐτέροις εὐρόντες ταῦτα διελόντας εἰς τίτλους ἐξήκοντα» Pitra II, 376.

²⁴⁾ Сардикскій соборъ былъ въ 343 году въ Сардикѣ (нынѣ Софія) и составилъ изъ епископовъ обѣихъ половинъ христіанскаго міра; почему и редактировалъ свои правила на двухъ языкахъ—греческомъ и латинскомъ. Hefele I, 532.

²⁵⁾ Сардика находилась на границѣ имперій Констанція и Констанса и принадлежала первому.

присутствовавшихъ на соборѣ восточныхъ епископовъ не принадлежало къ числу строго-православныхъ членовъ его, не хотѣло даже присутствовать на соборныхъ засѣданіяхъ и, отдѣлившись, составило въ сосѣднемъ городѣ (Филиппополѣ) свой отдѣльный соборъ ²⁶⁾.

Изъ двухъ другихъ прибавокъ къ кодексу, — правила ефесскаго собора ²⁷⁾ не представляютъ большого каноническаго интереса: большая ихъ часть преимущественно догматическаго содержанія и имѣютъ чисто-современный интересъ, такъ какъ направлены противъ лжеученія Несторія и его единомышленниковъ (1, 2, 4 и др.) ни одно правило не представляетъ собою абстрактной нормы, но скорѣе какъ бы судебное рѣшеніе на конкретные случаи (5 пр.).

Несравненно болѣе важное прибавленіе кодексъ получилъ въ правилахъ халкидонскаго собора, которыми подтверждены, во-первыхъ, постановленія предыдущихъ соборовъ (1 пр.), а затѣмъ предусмотрены различные вопросы, касающіеся лицъ духовнаго званія. Снова запрещается подъ угрозой строгой кары симонія, (2), подтверждаются правила прежде изданныя (5, 19, 20, 22), запрещаются дѣйствія и занятія, несовмѣстимыя съ достоинствомъ священнаго сана (3, 7), требуется поставленіе священниковъ и діаконовъ непременно съ точнымъ названіемъ и въ одно мѣсто (6, 10); затѣмъ правила подчиняютъ всѣхъ клириковъ безъ исключенія епархіальному архіерею (8, 17), опредѣляютъ порядокъ церковнаго суда (9, 21), запрещаютъ раздѣлять церковныя области (12), служить клирикамъ въ другомъ городѣ безъ представительной грамоты (13), регулируютъ вступленіе въ бракъ чтецовъ (14), касаются діакониссъ (15), споровъ о принадлежности приходоу той или другой епархіи (17), запрещаютъ чужимъ клирикамъ долго пребывать въ Константинополѣ (23), повѣляютъ поставлять епископовъ въ теченіе трехъ мѣсяцевъ (25), имѣть всякой церкви эконома (26), строго наказываютъ похищающихъ женъ и содѣйствующихъ похищенію (27); мірянъ касается одно лишь 11 правило; наконецъ, какъ на особенность

²⁶⁾ Эти епископы были арианствующими или евсевіанцами, Hefele I, 541, 546, 614.

²⁷⁾ Въ кодексахъ VI вѣка ихъ было не болѣе шести. Pitra jur. eccl. graec. hist. et mon. II, 377.

содержанія правилъ халкидонскаго собора можно указать и то, что въ нихъ мы находимъ не мало постановленій, регулирующихъ монашескую жизнь, получившую въ V вѣкѣ уже значительное развитіе и требовавшую поэтому подробной регламентации; таковы напр. правила: 4-е, 16-е, 24-е и частью 7-е, 18-е и 23-е. Таково было содержаніе каноническаго кодекса восточной церкви въ первой половинѣ VI вѣка, насколько можно судить по предисловію Іоанна Схоластика.

Схоластикъ въ составленной имъ *Συναγωγή κανόνων ἐκκλησιαστικῶν εἰς v. 28) τίτλους διρημένη*²⁸⁾ не только воспользовался всѣмъ каноническимъ матеріаломъ, накопившимся до него въ сборникахъ, но и сдѣлалъ къ нему прибавленіе, не особенно значительное по количеству правилъ, но за то весьма важное для характеристики его труда: оно состояло изъ двухъ посланій знаменитаго отца восточной церкви св. Василія Великаго къ Амфилохію, раздѣленныхъ на 68 правилъ. Важное значеніе этой прибавки заключалось въ томъ, что она придавала каноническому кодексу *рѣшительно мѣстный характеръ*, тенденція къ которому уже проявилась раньше въ сборникѣ 60 тит., бывшемъ подъ руками Схоластика (въ этотъ сборникъ, какъ уже было сказано выше, впервые помѣщены 85 апостольскихъ правилъ—кодексъ съ мѣстнымъ характеромъ).

Но главнымъ достоинствомъ своего труда Схоластикъ признаетъ принятую имъ систему, имѣвшую своею цѣлью по возможности облегчить приискваніе правилъ однопредметныхъ; онъ самъ объясняетъ это въ предисловіи: „мы старались, говорить онъ здѣсь между прочимъ, собрать въ одно цѣлое (εἰς ἓν) постановленія разныхъ временъ (δρισθέντα κατὰ καιροῦς); но раздѣливъ ихъ на пятьдесятъ титуловъ, не наблюдали порядка и послѣдовательности въ числахъ, ставя, наприимѣръ, вслѣдъ за первымъ (правиломъ) второе, третье, четвертое, пятое (и т. д.), а напротивъ того соединяли сходное со сходнымъ и подобное съ подобнымъ, чѣмъ облегчили, какъ намъ кажется, всякому находя-

²⁸⁾ Существуетъ догадка, что раздѣленіе Схоластикомъ своего сборника на 50 титуловъ сдѣлано имъ изъ подражанія 50 книгамъ Дигестъ. Pitra II, 369.

²⁹⁾ Такое заглавіе имѣютъ впрочемъ не всѣ рукописи; нѣкоторыя озаглавлены иначе, см. Pitra II, 375.

деніе искомыхъ (правилъ)“... и далѣе: „такой порядокъ не представляетъ ничего неяснаго, напротивъ весьма понятенъ для желающихъ обратиться (къ нашему труду).“

Дѣйствительно, трудъ Схоластика представляетъ уже довольно тщательную формальную обработку каноническаго матеріала и довольно простую классификацію его. Въ этомъ отношеніи Συνοδότη стоитъ неизмѣримо выше разсмотрѣнныхъ нами ранѣе сборниковъ, въ которыхъ мы напрасно стали бы искать какой-либо выдержанной системы.

Въ трудъ Схоластика не только соединены однопредметныя правила подъ одинъ титулъ и написано надъ каждымъ его содержаніе, но и самыя титулы слѣдуютъ у него другъ за другомъ въ извѣстномъ порядкѣ: такъ, начиная съ 1-го и кончая 28-мъ титуломъ идутъ постановленія, касающіяся различныхъ іерархическихкихъ и посвященныхъ лицъ, съ 29 до 32 правила, касающіяся всѣхъ вѣрныхъ, какъ посвященныхъ, такъ и мірянъ; въ 33 и 34 правила регулирующія монашескую жизнь; въ 35 и 36 правила о вступающихъ и только-что вступившихъ въ число вѣрующихъ; съ 37 до 47 о еретикахъ, иновѣрцахъ, кающихся и различныхъ церковныхъ преступленіяхъ; въ 48 о церковныхъ наказаніяхъ; въ 49 объ областныхъ соборахъ и, наконецъ въ 50 о времени празднованія Пасхи, о непреклоненіи колѣнъ въ извѣстные дни года, о молитвахъ, пѣніи псалмовъ и чтеніи принятыхъ церковью книгъ (τῶν κανονισθέντων βιβλίων)²⁰⁾. Здѣсь можно подмѣтить извѣстную послѣдовательность, опредѣленный порядокъ.

Но при всѣхъ своихъ достоинствахъ трудъ Схоластика не былъ лишенъ и нѣкоторыхъ недостатковъ; пользованіе имъ не всегда было удобно: такъ не легко было отыскать въ этомъ систематическомъ сборникѣ правила одного какого-нибудь собора, что наоборотъ безъ труда можно было бы сдѣлать, имѣя въ рукахъ несистематическій сборникъ каноновъ V вѣка, несмотря на всѣ его несовершенства. Кромѣ этого недостатка въ системѣ Схоластика, т.-е. недостатка формальнаго, сборникъ его имѣлъ и нѣкоторый матеріальный недостатокъ: онъ не вмѣщалъ въ себѣ, несмотря на свою сравнительную полноту, всего каноническаго матеріала, правилъ всѣхъ наиболѣе важныхъ помѣстныхъ собо-

²⁰⁾ Pitra jur eccl. grasc. hist. et mon. II, 378—385.

ровъ, какъ напр. собора 394 года при патр. Нектаріи. Кромѣ того, сдѣлавъ къ каноническому сборнику важную прибавку, присоединивъ къ нему 2 посланія Василія Великаго, Іоаннъ Схоластикъ не исчерпалъ и этого каноническаго матеріала, не воспользовался посланіями другихъ авторитетныхъ въ церкви лицъ, кромѣ Василія, да и посланіями этого послѣдняго воспользовался не вполне, но ограничился только двумя. Вслѣдствіе указанныхъ недостатковъ систематическаго сборника Іоанна Схоластика потребности церковной практики не могли получить въ немъ полного удовлетворенія и естественно должны были вызвать новую, болѣе полную попытку собрать церковныя правила, болѣе совершенную формальную обработку ихъ.

Но прежде чѣмъ перейти къ дальнѣйшей исторіи собственно церковнаго кодекса, необходимо упомянуть еще объ одномъ трудѣ Іоанна Схоластика, имѣющемъ также важное значеніе. Схоластикъ жилъ и писалъ въ царствованіе императора Юстиніана и его ближайшаго преемника. Въ это время государство, свѣтская власть всѣми мѣрами поддерживала христіанскую религію и церковь и нерѣдко издавала законы, имѣвшіе къ нимъ близкое отношеніе. Такіе законы не могли не имѣть для церкви важнаго практическаго значенія, а такъ какъ пользованіе ими по обширнымъ кодификаціоннымъ работамъ Юстиніана было сопряжено съ немалыми неудобствами, то и явилась потребность собрать всѣ относящіяся къ церковнымъ вопросамъ законы въ одно отдѣльное цѣлое, отдѣльный сборникъ. Такой именно сборникъ и былъ составленъ Іоанномъ Схоластикомъ подъ заглавіемъ: „*Collectio octoginta septem capitulorum*“. Здѣсь въ 87 главахъ изложены многія Юстиніановы новеллы, частью дословно, частью же въ перифразѣ. Составленіе этого сборника относится обыкновенно ко времени послѣ смерти императора Юстиніана, т.-е. послѣ 565 года и разумѣется не позже смерти самого Схоластика, послѣдовавшей 31 августа 578 года²¹⁾, слѣдовательно,

²¹⁾ Основаніемъ этого предположенія служитъ то обстоятельство, что въ сборникѣ встрѣчаются новеллы послѣднихъ годовъ царствованія Юстиніана и что предисловіе написано уже послѣ его царствованія: предъ именемъ Юстиніана здѣсь стоятъ слова τῆς Θείας Ἀμνησεως (*divae memoriae*), Mortreuil, Histoire I première période. Срв. Pitra II, 390.

къ тому времени, когда Іоаннъ былъ уже константинопольскимъ патріархомъ.

Сборникъ Схоластика въ 87 главахъ, изданный по крайней мѣрѣ 15 годами позже его каноническаго сборника, составилъ совершенно отдѣльный трудъ. Но потребности практики, необходимость пользоваться одновременно обоими сборниками заставляли списывать ихъ вмѣстѣ, помѣщая одинъ непосредственно за другимъ. Поэтому-то въ рукописяхъ *Collectio octog. sept. capitul.* и не встрѣчается отдѣльно (за весьма лишь рѣдкими исключеніями), но постоянно слѣдуетъ за сборникомъ каноновъ въ 50 титулахъ ³³).

Послѣ Іоанна Схоластика каноническій кодексъ восточной церкви испыталъ весьма существенныя улучшенія въ *Σύνταγμα κανονικόν XIV* тит., изданной, какъ полагаютъ, въ концѣ VI или началѣ VII вѣка ³⁴). Улучшенія эти были сдѣланы какъ въ матеріальномъ, такъ и въ формальномъ отношеніи. Въ *матеріальномъ* сборникъ обогатился многими прибавками. Къ правиламъ десяти соборовъ, принятыхъ въ сборникъ Схоластика, авторъ *Синтагмы* присоединилъ переведенный имъ на греческій языкъ кодексъ африканской церкви, редактированный на карфагенскомъ соборѣ 419 года и одно правило собора константинопольскаго 394 года (при патр. Нектаріи). Присоединяя африканскій кодексъ, доселѣ на Востокъ вовсе неизвѣстный, авторъ считаетъ нужнымъ дать по этому поводу нѣкоторыя объясненія и старается въ предисловіи оправдать свою прибавку. Здѣсь онъ замѣчаетъ, что правила африканскаго собора имѣютъ часть мѣстный характеръ, но вмѣстѣ съ тѣмъ заключаютъ въ себѣ ³⁴) и нѣчто

³³) Montreuil I Histoire, Traités du droit can. 3.

³⁴) О составителѣ *Синтагмы* ничего положительнаго неизвѣстно; можно только сказать, что это былъ человекъ несомнѣнно ученый, такъ какъ могъ воспользо-ваться латинскимъ сборникомъ Діонисія Малаго и перевести на греческій языкъ правила карфагенскаго собора; онъ былъ далѣе вѣроятно лицомъ авторитетнымъ, иначе не рѣшился бы помѣстить въ кодексъ правила карфагенскаго собора, присоединеніе которыхъ считаетъ нужнымъ мотивировать и оправдать. Въ пользу учености автора говоритъ и самая система его сборника, гораздо болѣе совершенная, чѣмъ принятая Схоластикомъ.

³⁴) ... Εἰ καὶ τίνα μὲν αὐτῶν πρὸς μὴν-τὴν ἐπιχώριον ἀναφέρεται κίνησιν τε καὶ κατάστασιν, τινὰ δὲ πρὸς τὰ κεκανονισμένα κοινῶς τε καὶ ἰδιαζόντως καὶ τὴν

годное для общаго употребленія. Дѣйствительно, наряду съ весьма важными общими опредѣленіями въ правилахъ кареагенскаго собора мы встрѣчаемъ и много такихъ, которыя имѣютъ чисто мѣстное значеніе, а нѣкоторыя содержатъ изложеніе догматическаго вѣроученія церкви, направленное противъ еретическихъ сектъ, возникшихъ и развившихся въ Африкѣ. Съ мѣстнымъ характеромъ являются правила 4, 14, 24, 34, 43, 48, 57, 59, 66, 68, 77, 79, 81, 85, 86, 105, 112, 131, 132, съ изложеніемъ догматическаго вѣроученія—2, 123, 124, 125, 126—130; большинство другихъ правилъ содержитъ важныя постановленія о церковномъ судѣ (8, 12, 15—17, 28—29, 39, 90, 107, 117, 121, 136, 143—147), богослуженіи (23, 46, 50, 58, 116), распоряженіи церковнымъ имуществомъ (35, 42) и имуществомъ духовныхъ лицъ (31, 41, 92), о расколѣ (10—11), ростѣ (5, 21), періодическихъ и областныхъ соборахъ (87, 106, 27), поведеніи, занятіяхъ и дѣйствіяхъ духовныхъ лицъ и ихъ дѣтей (3, 18—19, 30, 44, 47, 49), объ избраніи и поставленіи въ духовный санъ (13, 22, 36, 45, 60—61, 64, 68, 100—111), о крещеніи, причащеніи и покаяніи (26, 52, 54, 55, 83), неприкосновенности церковныхъ областей (67, 134), о свободномъ принятіи христіанства (122) и нѣкоторыя другія. Къ правиламъ собора примыкаетъ его посланіе, касающееся одного частнаго дѣла.

Правило константинопольскаго собора 394 года говоритъ о составѣ суда надъ епископомъ и есть собственно подтвержденіе уже прежде изданныхъ правилъ.

Авторъ Синтагмы XIV тит. сдѣлалъ нѣкоторыя прибавки также къ правиламъ соборовъ, принятыхъ въ сборникъ Схоластика; такъ прибавки получили: константинопольскій, ефесскій, халкидонскій, гангрскій и антиохійскій соборы; въ первому присоединено одно правило 7, трактующее о принятіи въ церковь еретиковъ и соборное посланіе къ Θεодосію; ко второму два правила: 7, подтверждающее никейское исповѣданіе вѣры, и 8, заключающее въ себѣ разрѣшеніе спора между епископами кипрскимъ и антиохійскимъ, а затѣмъ общее правило о неприкосновенности правъ каждой епархіи; сюда же присоединено посланіе

κράτουςαν ἐν ταῖς ἄλλαις διοικήσεσιν, ἤτοι ἐπαρχίαις ἐκκλησιαστικὴν κατάστασιν ἀπειλεῖ Pitra. II, 446.

еесскаго собора, въ которомъ изложено его рѣшеніе по одному частному вопросу.

Въ правилахъ халкидонскаго собора прибавлено еще 3; изъ нихъ 28 подтверждаетъ права константинопольскаго патріарха, 29 запрещаетъ низводить епископа въ пресвитера, а 30 представляетъ лишь частное рѣшеніе (два послѣднія правила заимствованы изъ соборныхъ дѣяній). Въ гангрскому и антиохійскому соборамъ присоединены также соборныя посланія ³³⁾.

Не менѣе существенное добавленіе въ Сynthiaмъ составляютъ правила св. отцовъ. Кромѣ двухъ посланій Василія Великаго, уже принятыхъ Схоластиномъ, сюда присоединены: третье посланіе Василія и посланія другихъ отцовъ греческой церкви: Діонисія († 264) и Петра († 311) .александрійскихъ, Григорія Неокесарійскаго († 265), Григорія Нисскаго († ок. 396) Тимофея († 388), Θεοφιλα († 413) и Кирилла († 444) Александрійскихъ и Геннадія константинопольскаго († 472).

Содержаніе и характеръ этихъ посланій довольно разнообразны. Правила Василія касаются преимущественно дѣлъ и отношеній, тѣсно связанныхъ съ христіанской моралью. Большинство ихъ относится: къ браку и его расторженію (4, 6, 9, 12, 20, 22, 24, 25, 27, 30, 31, 36, 37, 40, 42, 46, 50, 54, 68, 77, 78, 80), разнаго рода нарушеніямъ его святости и плотскимъ грѣхамъ (3, 7, 18, 19, 21, 26, 34, 35, 38, 39, 44, 49, 58—60, 62, 63, 67, 69, 70, 75, 76, 79); не мало правилъ предусматриваютъ разные виды убійства (2, 8, 11, 13, 38, 49, 52, 54—57) и нарушенія обѣтовъ и вѣствъ (10, 17, 28, 29, 64, 82); тѣсно связанными съ нравственностью являются также правила, касающіяся воровства (61), раскапыванія могилъ (66), обращенія къ волшебству (65, 72, 82), взиманія лжквы (14). Лишь немногія правила говорятъ о другихъ предметахъ, какъ напр. о принятіи еретиковъ въ число вѣрующихъ (1, 5, 47). Нѣсколько правилъ содержатъ общія и частныя опредѣленія о церковныхъ наказаніяхъ (74, 84, 71, 51, 32).

Посланіе Діонисія раздѣлено на 4 правила: 1) представляетъ довольно обстоятельный трактатъ о продолжительности поста

³³⁾ Heimbach, Griechisch-römisches Recht. В. 86, S. 221 (энциклопедія Эрша и Грубера).

предъ Пасхою, остальные—болѣе краткія опредѣленія о причащеніи въ тяжелой болѣзни отлученнаго, о запрещеніи женщинамъ входить въ храмъ и причащаться въ извѣстные періоды, о поддержаніи супруговъ по согласію.

Петръ Александрійскій писалъ свои правила вскорѣ послѣ гоненія Діоклетіана на христіанъ и всѣ постановленія этого отпа церкви, за исключеніемъ только послѣдняго заимствованнаго изъ слова его о покаяніи, относятся къ падшимъ во время гоненія; послѣднее (15-е пр.) говоритъ о постѣ въ среду и пятокъ.

Правила Григорія Неокесарійскаго направлены противъ различныхъ преступленій, совершенныхъ христіанами во время нашествія варваровъ, преимущественно противъ корыстныхъ поступковъ.

Въ 7-ми правилахъ Григорія Нисскаго послѣ общаго разсужденія о врачеваніи грѣховъ предлагается классификація благихъ и злыхъ дѣйствій соотвѣтственно тремъ силамъ души—силы ума, вождельнія и раздраженія. Вслѣдъ за этимъ предусматриваются въ порядкѣ установленной классификаціи различные преступленія: отступничество отъ вѣры и обращеніе къ чародѣямъ (грѣхи касающіеся мысленныхъ способностей души), плотскіе грѣхи (бывающіе отъ вождельнія), убійство, оскорбленія дѣйствіемъ и словомъ (отъ душевной силы раздраженія); къ перечисленнымъ преступленіямъ, предусмотрѣннымъ уже раньше, Григорій присоединяетъ еще любостыжаніе, гробокопательство и святотатство.

18 правилъ Тимофея, помѣщенные въ Синтагмѣ въ формѣ вопросовъ-отвѣтовъ, за исключеніемъ двухъ послѣднихъ имѣющихъ нравственный, а не юридическій характеръ, касаются крещенія (1, 2, 4, 6), причащенія (3, 5, 7, 12, 16), разрѣшенія поста по особымъ уважительнымъ причинамъ (8, 10), брака (11, 13, 15), недозволенности еретикамъ присутствовать при священнослуженіи (9), наконецъ, приношенія за самоубійцъ (14).

Въ большинствѣ правилъ Теофила изложены частныя рѣшенія по различнымъ современнымъ ему церковнымъ вопросамъ и дѣламъ и только въ немногихъ правилахъ находимъ постановленія общаго характера о рукоположеніи, пособіи вдовамъ, убогимъ и странствующимъ.

Три первыхъ правила Кирилла Александрійскаго составляютъ его посланіе по поводу одного клирика, остальные же правила

говорятъ объ испытаніи рукополагаемаго и вращеніи передъ смертью оглашенныхъ.

Наконецъ послѣднее прибавленіе—посланіе Геннадія константинопольскаго есть цѣлый каноническій трактатъ, направленный противъ симоніи.

Изъ сказаннаго видно, насколько многочисленны и важны тѣ прибавки, которыя были сдѣланы къ каноническому кодексу авторомъ Синтагмы. Если съ одной стороны имъ и были заимствованы правила латинскаго карагенскаго собора, найденныя имъ въ западномъ кодексѣ, зато съ другой—всѣ остальные прибавки (или по крайней мѣрѣ подавляющее большинство ихъ) утвердили только мѣстный характеръ кодекса, усиливъ въ немъ элементъ мѣстный, получившій теперь *рѣшительное преобладаніе*.

Не менѣе существенной переработкѣ подвергся каноническій кодексъ со стороны *формальной*. Авторъ пришелъ къ счастливой мысли—избѣгнувъ недостатки систематическаго изложенія Схоластика, удержать въ то же время его достоинства. Съ этою цѣлью текстъ правилъ излагается по тому способу, который былъ принятъ въ старыхъ каноническихъ сборникахъ до Схоластика, т.-е. въ нестрогомъ историческомъ порядкѣ. Первое мѣсто отводится апостольскимъ правиламъ; за ними слѣдуютъ правила тѣхъ соборовъ, которые входили въ составъ кодекса бывшаго въ рукахъ Діонисія малаго, затѣмъ правила двухъ вселенскихъ и одного помѣстнаго соборовъ, принятыхъ уже въ сборникъ 60-ти тит., наконецъ правила двухъ вновь прибавленныхъ соборовъ—карагенскаго и константинопольскаго помѣстнаго. Въ самомъ концѣ помѣщены посланія отцевъ въ хронологической послѣдовательности, и только по отношенію къ нимъ хронологическое начало выдержано вполне строго.

Желая сдѣлать по возможности удобнымъ пользованіе Синтагмой, авторъ предпослалъ ей обстоятельный аналитическій указатель канонѣвъ. Подъ 14 титуловъ, раздѣленныхъ въ свою очередь на большее или меньшее число главъ, онъ подводитъ всѣ правила Синтагмы, группируя по главамъ однопредметныя; но при этомъ не выписываетъ самаго текста правилъ, а только цитируетъ ихъ цифрами, не желая, какъ онъ самъ объясняетъ это въ своемъ предисловіи, повторять нѣсколько разъ одно и

тоже, или разрывать правило на части, если въ немъ говорится о разныхъ предметахъ ³⁶⁾).

Титулы Синтагмы слѣдуютъ въ такомъ порядкѣ: I. О богословіи, православной вѣрѣ, канонахъ и хиротоніи (38 главъ).

II. О постройкѣ и освященіи церквей, о храмахъ не имѣющихъ св. мощей, о св. сосудахъ, о клирикахъ, воздвигающихъ алтари безъ вѣдома епископовъ (3 главы).

III. О молитвахъ, псалмопѣніи, чтеніи, приношеніи и причащеніи, объ одеждѣ и обязанностяхъ низшихъ клириковъ (22 гл.).

IV. Объ оглашенныхъ и св. крещеніи (17 главъ).

V. О непосѣщающихъ церкви и церковныя собранія, о пиршествующихъ въ церквахъ и агапахъ (3 главы).

VI. О приношеніи плодовъ (3 главы).

VII. О постѣ и четыредесятицѣ, о Пасхѣ, Пятидесятницѣ, Воскресномъ днѣ, субботѣ и о преклоненіи колѣнъ (5 главъ).

VIII. О церковныхъ областяхъ, о переходахъ епископовъ и клириковъ, ихъ путешествіяхъ, областныхъ соборахъ, о принятіи странниковъ, о представительныхъ и мирныхъ грамотахъ, о томъ, какія дѣйствія совершаются негласно, какія—публично и какую честь обязаны оказывать другъ другу клирики (19 главъ).

IX. О преступленіяхъ и судѣ епископовъ и клириковъ, объ отлученіи, изверженіи, покаяніи и о томъ, какіе грѣхи разрѣшаются возложеніемъ рукъ (39 главъ).

X. О распоряженіи церковнымъ имуществомъ и составляющимъ собственность епископа (8 главъ).

XI. О монастыряхъ и монахахъ (16 главъ).

XII. О еретикахъ, іудеяхъ и еллинахъ (18 главъ).

XIII. О мирянахъ (40 главъ) и, наконецъ,

XIV. О всѣхъ остальныхъ людяхъ (7 главъ) ³⁷⁾.

³⁶⁾ Τοῦτον δὲ τὸν τρόπον τυπῶσαι τὴν ἐκθεσίαν, φημί δὴ διὰ τῶν ἀριθμητικῶν στοιχείων, ἀλλὰ μὴ ρητῶς ἐκάστῳ κεφαλαίῳ τὴν πρόσφορον ὑποβαλεῖν ἀνάγκησιν, παρέσχετο τὴν αἰτίαν τὸ μὴ βούλεσθαι με πρὸς τὴν χρείαν τῶν διαφόρων ζητήσεων, ἢ πολλακίς τὸν αὐτὸν κανόνα γράφειν καὶ προσκορῆ φαίνεσθαι τοῖς ἐντυχάνουσιν, ἢ τὸν ἓνα περὶ πλειόνων διαλαμβάνοντα κεφαλαίων, ἐξ ἀνάγκης εἰς πολλὰ κατατέμνειν τε καὶ διασπαθίζειν ὅπερ τισὶ τῶν πρῶην γετένηται καὶ δικαίαν οὐκ εὐλόγου με τόλμης ἐπὶ τῇ τοιαύτῃ κατατομῇ παρὰ τισὶν αἰτίαν ἀπενέγκασθαι.

³⁷⁾ Pitra II, 458—636.

Такова система и содержаніе Синтагмы XIV титуловъ. Первая не только удобна и проста, но имѣетъ и то достоинство, что передаетъ въ неизмѣнномъ видѣ текстъ каждаго церковнаго правила, не разбиваетъ его на части и такимъ образомъ произвольно не измѣняетъ даже съ вѣдшей стороны опредѣленій, выраженныхъ церковью и ея авторитетами.

Содержаніе Синтагмы, какъ это легко можно видѣть изъ указанныхъ прибавленій, значительно богаче предшествующихъ ей по времени сборниковъ; ея каноническій матеріалъ удвоился.

Подобно Іоанну Схоластику, составившему сборникъ законовъ въ 87-ми главахъ, и авторъ Синтагмы издалъ такой же трудъ, известный подъ именемъ „Collectio constitutionum ecclesiasticarum“, или „Collectio tripartita“. Сборникъ этотъ былъ составленъ вѣроятно одновременно съ каноническимъ и находился въ тѣсной связи съ послѣднимъ, представляя какъ бы приложение къ нему. Такъ по крайней мѣрѣ говоритъ о немъ самъ авторъ въ своемъ предисловіи къ Синтагмѣ ²⁸⁾.

Сборникъ законовъ *Collectio tripartita* — состоялъ изъ трехъ частей: первая самая обширная содержала 13 первыхъ книгъ кодекса въ переработкѣ византійскаго юриста Анатолія; вторая—отрывки изъ Дигестъ и институцій, раздѣленные на 6 отдѣловъ; третья—выдержки изъ новеллъ въ переработкѣ юриста Аѳанасія (3 титула) ²⁹⁾; и этотъ трудъ далеко превосходитъ сборникъ законовъ Схоластика, какъ по богатству матеріала, такъ и по удобству распредѣленія его.

Возникновеніе сборниковъ гражданскихъ законовъ по дѣламъ церкви, какъ было замѣчено выше, объясняется практической

²⁸⁾ Εἶπου δὲ χρειαῖν πρὸς τὰς τριαύτας κανονικὰς συγγραφὰς τὴν πολιτικὴν νομοθεσίαν ὑπείληθα, ταύτης βραχέα τε καὶ συντεταγμένα τοῖς συγγενεῖσι κεφαλαίοις προσήρμωσα ἐν ἐδιάζοντι μέρει τῆς δὲ τῆς βιβλίου, τῶν εἰς ἐκκλησιαστικὴν ἀνηκόντων εὐταΐαν, ἐν τε τοῖς βασιλικαῖς θεσπίμασιν, ἐν τε ταῖς τῶν σοφῶν ἐρμηνείαις σύντομον ἐν συναγωγῇ ποιησάμενος ἕκθεσιν ἅμα μὲν εἰς ἀνάμνησιν ἅμα δὲ πρὸς τελείαν αὐτῶν τοῖς ἐντυγχάνουσιν ἔρευναν. *Pitra II, 447*. На основаніи мѣста въ предисловіи (τῶν σοφῶν ἐρμηνείαις), которыми указываются выдержки изъ Дигестъ, и дѣлаютъ выводъ, что составителемъ «*Collectio tripartita*» былъ авторъ Синтагмы: только въ этомъ сборникѣ встрѣчаются «мнѣнія мудрыхъ юристовъ».

²⁹⁾ *Pitra II, 410—416*.

потребностью, вызванной широкимъ участіемъ государственной власти въ регулированіи церковныхъ отношеній и удовлетвореніи церковныхъ нуждъ. Это участіе по мѣрѣ усиленія союза между церковью и государствомъ все болѣе расширялось, такъ что законы государственнаго происхожденія стали получать одинаковое, если не принципиальное, то по крайней мѣрѣ практическое значеніе съ правилами. Въ византійскомъ обществѣ установилось убѣжденіе, что христіанскій императоръ можетъ издавать законы и въ качествѣ органа собственно-церковнаго законодательства. А если такъ, то и существованіе отдѣльныхъ сборниковъ церковныхъ правилъ и законовъ потеряло практическій смыслъ. Стало гораздо цѣлесообразнѣе не раздѣлять, а соединять въ одно цѣлое постановленія, касающіяся церкви, отъ кого бы они ни исходили—отъ церковной ли власти, или государственной.

Выраженіемъ этой перемены, происшедшей въ источникахъ церковнаго права, служатъ номоканоны, т.-е. сборники, содержащіе въ себѣ какъ каноны (κανόνες), такъ и законы (νόμοι). Такие смѣшанные сборники появились очень скоро послѣ трудовъ автора Синтагмы, но они не были новыми, оригинальными трудами, представляя лишь переработку уже существующихъ. Такъ изъ двухъ сборниковъ, изданныхъ Схоластикомъ, неизвѣстное лице составило древнѣйшій номоканонъ въ 50 тит., долгое время считавшійся работой самого Схоластика ⁴⁰⁾. Неизвѣстный компиляторъ цитируетъ правила каноническаго сборника одними только цыфрами, за которыми подъ рубрикой „τὰ συνάουτα νόμοι“ приводитъ полный текстъ законовъ изъ Collectio 87 capit., дѣлая по мѣстамъ добавленія изъ Дигестъ, кодекса, новеллъ и институцій (напр. во 2, 4, 5, 26, 44, 45, 48 и др. ти-

⁴⁰⁾ Велли и Юстелли издали его подъ заглавіемъ Ioanni Scholastici patriarchae Constantinopolitani Nomocanon. Но по замѣчанію Биенера онъ не можетъ быть приписанъ Иоанну уже потому, что этотъ трудъ несравненно ниже изданныхъ Иоанномъ сборниковъ и слѣдовательно принадлежать иной менѣ искусной рукѣ. Haec nova compositio licet intentioni Ioannis canoenire videtur, tamen minus accurate disposita est, ita ut Ioanni tribui non possit et potius inter emendationes collectionis canonum genuinae referenda sit. Biener, De collectionibus canonum p. 16.

тулахъ)⁴¹⁾. Но такъ какъ въ *Collectio* 87 сар. главъ значительно больше, чѣмъ въ каноническомъ сборникѣ титуловъ, и компиляторъ не сумѣлъ размѣстить все ихъ содержаніе подъ 50-ю титулами кодекса, то остальной неумѣстившійся матеріалъ онъ присоединилъ къ номоканону въ концѣ въ видѣ приложения подъ заглавіемъ „ἑτέρα κεφάλαια ἐκκλησιαστικὰ τῆς αὐτῆς νεαρᾶς διττά-ζουσ“; такихъ неумѣстившихся главъ приложено 22 (21)⁴²⁾. Что касается времени составленія номоканона 50-ти тит., то оно опредѣляется только приблизительно; его относятъ къ царствованію имп. Маврикія (582—602).

Другой номоканонъ, возникшій нѣсколько позже, по опредѣленію Цахаріе ф. Лингенталя между 602 и 610 г. (т.-е. въ царствованіе императора Ираклія), составилъ также изъ двухъ сборниковъ—Синтагмы въ XIV тит. и *Collectio tripartita*⁴³⁾. Въ этомъ номоканонѣ собственно Синтагма, т.-е. та часть каноническаго сборника, въ которой помѣщены полный текстъ каноновъ, оставлена безъ измѣненія; переработкѣ подвергся только аналитическій указатель къ ней, подъ рубрики котораго подведены гражданскіе законы изъ *Collectio tripartita* съ нѣкоторыми добавленіями изъ *Дигестъ*, кодекса и новеллъ.

Оба разсмотрѣнныхъ номоканона (въ 50-ти и 14-ти тит.) съ теченіемъ времени подвергались болѣе или менѣе существеннымъ измѣненіямъ и дополненіямъ. Второй изъ нихъ, превосходя въ многомъ первый какъ въ отношеніи полноты, такъ и системы, получилъ въ особенности важное значеніе для церковной практикѣ и былъ даже утвержденъ (по крайней мѣрѣ каноническое его содержаніе) на трульскомъ соборѣ 692-го года⁴⁴⁾.

⁴¹⁾ Pitra II, 416—420.

⁴²⁾ Pitra II, 406—7. Martreuil. Hist. du droit byz. I, 205.

⁴³⁾ Другаго мнѣнія о составленіи номоканона XIV тит. держится Геймбахъ: «an einen Gebrauch der Coll. const. eccl. im Nomocanon ist nicht zu denken, da der Verfasser das Nomocanon die griechischen Bearbeitungen der Justinianischen Rechtsbücher selbst zur Hand hatte» (Griechisch-römisches Recht, S. 297); впрочемъ въ другомъ мѣстѣ (S. 293) онъ замѣчаетъ, что «auch die Coll. const. eccl. ist im Nomocanon gebraucht worden».

⁴⁴⁾ Трульскій соборъ во 2-мъ канонѣ, перечисляя правила, которыми должна руководствоваться церковная практика, приводитъ ихъ въ той именно послѣдовательности, въ какой они помѣщаются въ номоканонѣ.

Этотъ соборъ не только призналъ и объявилъ обязательными всѣ каноническія постановленія, которыя были приняты составителями Синагмы и номоканона, но и дополнилъ ихъ нѣкоторыми посланіями отцовъ: Аѳанасія Великаго († 373), Григорія Богослова († ок. 390), Амфилохія Иконійскаго († 395) и Епиприана († 258). Въ посланіяхъ Аѳанасія находимъ разсужденія по вопросу о брагѣ и дѣвствѣ (1), о падшихъ и принятіи ихъ въ клиръ (2), о книгахъ апокрифическихъ и принятыхъ въ канонъ (3), Григорій Богословъ и Амфилохій также перечисляютъ, но только стихами, принятые въ канонъ книги.

Новыя дополненія номоканонъ XIV тит., получили при знаменитомъ патріархѣ Фотіи, издавшемъ его въ 883-мъ году ⁴⁵). Знаменитое имя этого послѣдняго издателя такъ-сказать затмило собою, заставило забыть имена прежнихъ составителей, теперь совершенно неизвѣстныхъ. Фотію долгое время приписывалось даже составленіе всего номоканона и только сравнительно въ недавнее время стали указывать неопровержимые доводы противъ такого предположенія. Эти доводы главнымъ образомъ находятся въ предисловіи къ номоканону. Здѣсь нельзя не замѣтить двѣ части, писанныя въ разное время и разными лицами: первая ⁴⁶) — съ начала до словъ „ὁ μὲν παρῶν πρόλογος“, вторая — съ этихъ словъ до конца. Авторъ первой писалъ много раньше; 1) ему были извѣстны правила только десяти соборовъ, т.-е. 4-хъ вселенскихъ и 6-ти помѣстныхъ; 2) объ апостольскихъ правилахъ онъ говоритъ съ нѣкоторымъ сомнѣніемъ замѣчая, что присоединитъ „τοὺς λεγομένους τῶν ἀποστόλων εἰ

⁴⁵) Годъ изданія обозначенъ въ предисловіи: ἵνα δὲ καὶ τὸν χρόνον τις εἰδείη, δεῖ τοῖς θεάσασιν τὸν παρόντα συνηρμόσατο, ἔστι μὲν κατὰ χιλιάδα ἐτῶν μετρούμενος, εἰς τὸ ἑξαπλάσιον ταύτης ἀναβαίνων, ὑπερβάλλων δὲ καὶ ταῦτα καὶ μὴδέ μεχρι τῶν τριακοσίων ἐτῶν τὸν δρόμον ἴστων, εἰς τὸ ἐνενηκοστὸν πρῶτον ἔτος ἐλαύνων, ὑπ' αὐτάς ἡλίου τὴν προκείμενον πρᾶξιν προήνεγκεν, αὐτὸς ἐν ἑνὶ ἡμέρῃ, πρᾶξιν αὐτῶν ἡμερῶν ἐκείνων (XVI-го в.) кромѣ обозначенія года (6391-го) прибавлено: ἐπὶ τῆς βασιλείας τοῦ κυροῦ βασιλείου τοῦ Μακεδόνοιο τοῦ κυροῦ τοῦ φιλοσόφοιο. Pitra II, 443.

⁴⁶) Первая часть заканчивается заключительными словами: Γένοιτο δὲ με σὺν Θεῷ, ταῖς τῶν ἁγίων εὐχαῖς βοηθούμενος, ἐξανύοντα τὸν σκοπόν, μάλιστα μὲν ἐμαυτῷ, καὶ ἕτεροις χρησίμῳ τι πορίσασθαι, ἐπὶ τῷ τῆς γοῦν σπουδῆς τε καὶ προδομίας τὸν μισθὸν ἀπενέγκασθαι. Pitra II, 447.

καὶ τινες ἀμφιβόλους διὰ τινὰς αἰτίας ἠγήσαντο“; 3) считаетъ необходимымъ объяснить, почему приняты въ сборникъ правила кареагенскаго собора, впервые найденныя имъ, составителемъ. 4) Съ такою же неувѣренностью относится къ правиламъ св. отцовъ. Всѣ эти особенности доказываютъ, что первая часть предисловія писана много раньше Фотія, даже гораздо раньше трульскаго собора (692 г.), утвердившаго своимъ авторитетомъ всѣ указанныя правила и присоединившаго къ нимъ еще не мало другихъ.

Совершенно иное представляетъ 2-я часть предисловія; она начинается ссылкой на предыдущее предисловіе „ὁ παρῶν πρόλογος“, объ авторѣ котораго здѣсь говорится уже въ третьемъ лицѣ, причемъ замѣчается, что имъ собраны были правила только до 5 собора ⁴⁷⁾. Къ этимъ правиламъ авторъ 2-й части присоединилъ правила соборовъ: трульскаго, никейскаго II-го (7-го вселенскаго 787) и двухъ помѣстныхъ константинопольскихъ: перво-второго, бывшаго въ храмѣ св. апостоловъ (861) и бывшаго въ храмѣ св. Софіи (879) ⁴⁸⁾.

Итакъ несомнѣнно, что первая часть предисловія составляетъ совершенно отдѣльное и несравненно ранѣе написанное предисловіе ⁴⁹⁾ и что Фотію можетъ принадлежать только новое изда-

⁴⁷⁾ Καὶ οὐδ' αὐτὴ τε ἡ πέμπτη, καὶ αἱ προλαβοῦσαι διετύπωσαν, εἰς ἓν τε ἡθροίσασατο. Pitra II, 448.

⁴⁸⁾ ... τὸ παρὸν βιβλίον περιέχει μὲν ἃ προείπεν ὁ πρόλογος· περιέχει δὲ κατὰ τὸν αὐτὸν εἰρμόν, καὶ τὴν αὐτὴν ἀκολουθίαν τῆς συντάξεως ἣν οἱ πρό ἡμῶν ἐφιλοτεχνήσαντο, καὶ οὐδ' ἡ οἰκουμένη ἐκτὴ διαρρίσασα σύνοδος· ναὶ δὲ καὶ οὐδ' ἡ ἐβδόμη τῶν οἰκουμένων συνόδων, τῶν κατὰ Νίκαιαν δὲ συγκροτηθείσων τὴν δευτέραν τάξιν ἐπέχουσα... Πρὸς τούτοις δὲ καὶ οὐδ' μετὰ ταῦτα ἡ ἐν Κωνσταντινοπόλει πρώτη καὶ δευτέρα σύνοδος ἐριδός τινος ἀναρριπισθείσης, τὸν πάνσεπτον ναὸν τῶν κρατομένων ἀκρατήριον ἐτυπώσατο.

⁴⁹⁾ Уже Бишеръ (De collectionibus cap. 22—23) указывалъ двѣ части въ предисловіи номоканона, но авторомъ обѣихъ считалъ Фотія. Praefatio, quam Photius Nomocanoni praemisit, in codicibus manuscriptis saepius in duas partes divisa est, ... Monet Illust. L. B. de Rosenkamppf... in litteris suis hanc divisionem si ipsam praefationem accuratius inspiciamus, aperte demonstrare duplicem praefactionem Nomocanoni a Photio peractam, cui quidem opinioni plane accedimus. In prima enim praefatione Photius tantum decem synodos ad opus suum refert... Позднѣйшіе ученые приписываютъ Фотію только второе предисловіе (Morteuil, Pitra и др.); Геймбахъ (Griechisch-römisches Recht) высказываетъ въ двухъ нѣ-

ніе номоканона, а не весь номоканонъ въ цѣломъ его составѣ, образовавшійся, какъ мы видѣли, постепенно, въ теченіе цѣлыхъ двухъ столѣтій.

Изъ дополненій Фотія наиболѣе важное значеніе имѣютъ правила трулльскаго собора, какъ по своему числу (102), такъ и по содержанію. Здѣсь утверждаются догматическія опредѣленія прежнихъ соборовъ (1) и правила принятыя церковною практикою (2); затѣмъ идутъ опредѣленія, касающіяся самыхъ разнообразныхъ предметовъ: областныхъ соборовъ (8), правъ константинопольскаго патріарха (36) и Юстиніанополя (39), безбрачія епископовъ (12), ихъ правъ и обязанностей (19, 20), брака прочихъ духовныхъ лицъ (3, 6, 13, 26), ихъ поведенія (24, 30), несовмѣстимыхъ съ духовнымъ званіемъ поступковъ и занятій (9, 10, 23, 34), поставленія на іерархическія степени и злоупотребленій при этомъ (22, 17, 33), оставленія епархій (18), владѣнія приходами (25), распоряженія церковнымъ имуществомъ (35), богослуженія (28, 31, 32, 52, 57, 58, 59, 66, 75, 80, 90, 101), монашества и монастырей (40—47, 49), поведенія нравственности и брака мірянъ (50, 51, 53 — 54, 72, 77, 86, 87, 92, 93, 98, 100), поста (55, 56, 89), охраненія святости храма (76, 88, 97, 74), огражденія православныхъ отъ еретиковъ, языческихъ и другихъ иновѣрныхъ обычаевъ (11, 61, 62, 63, 65, 67, 71, 79, 94, 99), крещенія и причащенія (78, 83, 54, 101), церковныхъ наказаній (102) и нѣкоторыхъ др. Многія изъ перечисленныхъ правилъ трулльскаго собора лишь повторяютъ прежде изданныя правила (напр. 95, повторяющее 2 пр. II всел. соб.), нѣкоторыя подтверждаютъ прежнія постановленія (напр. 36, 10 и др.), ил же напротивъ отмиѣняютъ ихъ (29, 16). Правила VII вселенскаго

ства совершенно противоположные взгляды; въ одномъ (на стр. 292) онъ согласно съ Мортрѣлемъ и др., признаетъ авторомъ первой части предисловія не-
 извѣстнаго составителя номоканона («der erste Abschnitt der Vorrede ist die Originalvorrede des älteren unbekanntten Verfassers»). На страницѣ же 377 на-
 противъ повторяетъ повидному Бивера: «Der alte Nomocanon in 14 Titeln und
 das mit ihm verbundene Syntagma canonum sind im Jahre 883 von dem Patri-
 archen Photius zu S. überarbeitet worden, der auch in diesem Jahre eine eigene
 Vorrede dazu geschrieben hat... Die von Photius dem Nomocanon vorausge-
 schickte Vorrede zerfällt in der Handschriften öfters in zwei Theile. Dies deut-
 et darauf, dass Photius den Nom. zweimal überarbeitet hat.

собора, также присоединенныя Фотіемъ къ номоканону, менѣе разнообразны и многочисленны; въ нихъ содержатся постановленія: снова объ областныхъ соборахъ (6), избраніи и поставленіи въ іерархическія степени (2 — 5, 14, 15, 13), монастыряхъ и монашествующихъ (17, 20, 21), обращеніи съ лицами женскаго пола (18, 22), церковномъ имуществѣ и иконахъ (11—13), объ оставленіи клириками своей епархіи (10), объ иконоборческихъ книгахъ (9), о положеніи мощей въ храмахъ (7) и притворно обращающихся еврейхъ (8). Наконецъ Фотій присоединилъ къ Синтагмѣ еще два собора, бывшіе до его знаменитому дѣлу; предполагаютъ даже, что желаніе помѣстить ихъ въ кодексъ и послужило для него мотивомъ къ новому изданію номоканона. Правила перваго собора (861 г.) относятся къ монашеству (1—7), поставленію во епископа (16, 17), самовольному отступленію отъ общенія (13 — 15), къ богослуженію (12), неприкосновенности св. сосудовъ и одеждъ (10), священникамъ, бьющимъ виновныхъ (9) и скопцамъ (8). Второй соборъ (879 г.) даетъ частное рѣшеніе по поводу Фотіева дѣла (1), запрещаетъ архіерею, принявшему монашество, удерживать свой санъ (2) и строго караетъ мірянина, оскорбившаго епископа (3). Таковы добавленія, сдѣланныя Фотіемъ.

Изданіемъ его номоканона каноническій кодексъ греческой церкви достигъ своего полнаго развитія; въ него вошли теперь всѣ признанныя на Востоцѣ вселенскіе соборы, важнѣйшіе помѣстные и посланія наиболѣе выдающихся церковныхъ авторитетовъ. Что касается системы номоканона, то Фотіемъ она оставлена была безъ всякаго измѣненія; онъ оставилъ неприкосновеннымъ и прежній порядокъ правилъ, принятый въ канонической синтагмѣ, удержавъ ту же не строго-хронологическую послѣдовательность ихъ.

Номоканономъ Фотія мы заканчиваемъ историческій очеркъ каноническаго кодекса, разсмотрѣніе его состава и содержанія. Попытаемся же на основаніи всего выше изложеннаго сдѣлать общій выводъ и краткую характеристику кодекса, которая послужитъ намъ основаніемъ для дальнѣйшаго изложенія. 1) Въ исторіи развитія каноническаго кодекса, начиная съ VI вѣка, можно подмѣтить одну господствующую черту, основную тенденцію: съ этого времени кодексъ пріобрѣтаетъ все болѣе мѣстный

характеръ. Такой характеръ онъ получилъ впервые благодаря присоединенію къ нему сборника апостольскихъ правилъ, и съ этого времени каждый новый шагъ въ его развитіи, каждое новое прибавленіе только усиливаетъ этотъ характеръ кодекса, увеличивая мѣстный элементъ въ его каноническомъ матеріалѣ. Таково было прибавленіе посланій св. Василія Великаго, сдѣланное Схоластикомъ. Авторъ Синагмы XIV тит. усилилъ мѣстный элементъ кодекса, прибавивъ множество посланій того же и другихъ отцевъ, а также дополнивъ правила нѣкоторыхъ соборовъ, напр. присоединеніемъ къ халкидонскому собору 28 правилъ, еще неизвѣстнаго Схоластику и не принятаго на Западѣ. Составители номоканонъ, внося въ сборники текстъ канонъ и придавъ имъ такимъ образомъ смѣшанный характеръ, также въ извѣстномъ смыслѣ усилили въ нихъ мѣстный элементъ. Дѣйствительно, государственные законы не имѣли, да и не могли имѣть общецерковнаго значенія; сфера ихъ дѣйствія ограничивалась предѣлами византійской имперіи, и слѣдовательно по отношенію къ вселенской церкви это былъ источникъ церковнаго права съ мѣстнымъ характеромъ. Самые номоканоны представляютъ чисто мѣстное явленіе; возникновеніе ихъ было возможно только на Востокѣ, гдѣ императорская власть дѣйствовала въ качествѣ органа собственно церковнаго законодательства. Прибавленія къ кодексу, сдѣланныя Фотіемъ, носили также преимущественно мѣстный характеръ; присоединенныя имъ правила трульскаго собора никогда не были приняты на Западѣ, такъ какъ многія изъ нихъ направлены противъ его притязаній и обычаевъ; правила VII вселенскаго собора, хотя и стали извѣстны западнымъ церквамъ, но формальнаго признанія со стороны папъ не получили. Тоже можно сказать и о правилахъ двукратнаго собора. Задаваясь вопросомъ о причинахъ пріобрѣтенія кодексомъ мѣстнаго характера, можемъ указать двѣ такія причины: а) положительную и в) отрицательную. *Положительная* заключалась въ особенныхъ мѣстныхъ условіяхъ, среди которыхъ существовала христіанская церковь на Востокѣ. Эти особенности порождали своеобразныя отношенія, иные чѣмъ на Западѣ потребности и иные средства для ихъ удовлетворенія. Къ числу такихъ особыхъ условій принадлежитъ на примѣръ своеобразное отношеніе свѣтской власти къ церкви на Востокѣ. Не менѣе быть-можетъ важною была

вторая—*отрицательная* причина, заключающаяся въ постоянно возраставшемъ притязаніи римскихъ епископовъ и введеніи на Западъ новыхъ, несогласныхъ съ апостольскими преданіями обычаевъ; это вызывало восточные соборы на обличенія, на противоположныя постановленія, что въ свою очередь вело къ отпаду со стороны римскихъ папъ, а слѣдовательно и всей западной церкви отъ признанія канонныхъ, изданныхъ церковной властью на Востокъ.

2) Каноническій кодексъ греческой церкви выработался самою жизнью, церковной практикой; онъ издавался не официальной церковной властью, не отъ лица церкви, но отдѣльными частными лицами, большинство которыхъ, какъ напримѣръ составители древнѣйшихъ кодексовъ, а также Синагмы XIV тит., совершенно неизвѣстны. Официальная церковная власть лишь санкционировала, утверждала составъ уже дѣйствовавшихъ и имѣвшихъ полную практическую силу кодексовъ. Такъ халкидонскій соборъ утвердилъ сборникъ правилъ, возникшій въ первой половинѣ V вѣка и состоявшій изъ правилъ пяти соборовъ, а трумльскій соборъ (во 2 канонѣ) утвердилъ составъ Синагмы. Такимъ образомъ органы церковной власти — соборы утверждали сборники, получившіе уже раньше молчаливое признаніе церкви.

3) Составъ кодекса въ отдѣльныхъ редакціяхъ, начиная съ IV и кончая IX вѣкомъ, измѣняется лишь въ томъ отношеніи, что къ прежнему матеріалу дѣлаются все новыя и новыя прибавки. Такъ древнѣйшій сборникъ IV вѣка цѣликомъ, безъ выпусковъ и измѣненій вошелъ въ послѣдующіе до Фотіева номоканона включительно. Формальная обработка, которой подвергался кодексъ, оставляла его составъ неприкосновеннымъ; только въ номоканонѣ Схоластика текстъ правилъ до нѣкоторой степени измѣненъ по требованію системы, въ другихъ же сборникахъ самый порядокъ слѣдованія правилъ, говоря вообще, оставался вездѣ одинъ и тотъ же. Такъ въ Синагмѣ XIV тит. и образовавшихся изъ нея номоканонахъ собственно каноническая часть, содержащая въ себѣ полный текстъ правилъ, оставалась всюду неизмѣнной; слѣданы только нѣкоторыя добавленія правилъ. Эта важная черта въ развитіи каноническаго кодекса, которая имѣла не менѣ важныя послѣдствія, можетъ быть объяснена слѣдующими причинами: церковь по самому существу своему отли-

чается строго консервативнымъ характеромъ, и этотъ консерватизмъ проявляетъ себя во всѣхъ сторонахъ церковной жизни, въ ея вѣроученіяхъ, обрядахъ и правѣ; когда бы церковныя правила ни были изданы, въ основаніи всѣхъ ихъ лежатъ одни и тѣ же принципы, тѣ же догматическія предположенія; принципиальнаго различія между ними быть не можетъ, ибо „во всѣхъ ихъ, предполагается, глаголетъ Всевсвятый Духъ“— „*ἐν πάντι γὰρ τὸ πανάγιον Πνεῦμα ἐλάλησεν*“, какъ выразился Вальсамонъ. Такое возрѣніе не могло не отразиться на составѣ каноническаго кодекса; въ самомъ дѣлѣ,

4) рассматривая отдѣльныя правила кодекса, мы находимъ въ немъ нормы, возникшія въ весьма отдаленныя другъ отъ друга эпохи и въ различныхъ мѣстностяхъ. На ряду съ апостольскими правилами, происхожденіе которыхъ должно быть отнесено по крайней мѣрѣ къ началу IV вѣка, но тѣмъ не менѣе принятыми въ кодексъ безъ измѣненія, стоятъ соборныя постановленія конца IX вѣка. На ряду съ правилами, изданными на Востоцѣ въ Малой Азіи, помѣщены постановленія соборовъ: кареагенскаго (въ Африкѣ) и сардикскаго (въ нынѣшней Болгаріи). Такое различіе мѣстъ и времени происхожденія правилъ должно было необходимо вызвать нѣкоторую разность въ языкѣ, въ терминологіи; при общности основаній и принциповъ не могло не проявиться и нѣкотораго различія частныхъ въ регулированіи одинаковыхъ отношеній, въ разрѣшеніи однихъ и тѣхъ же вопросовъ, выдвигавшихся въ разныя времена, или въ разныхъ мѣстахъ. Для примѣра можно привести апостольскія правила, въ которыхъ встрѣчаются сиро-македонскія слова, и правила кареагенскаго собора, заключающія въ себѣ нѣсколько мѣстныхъ постановленій.

5) Рассматривая частнѣе содержаніе отдѣльныхъ правилъ, найдемъ въ нихъ не мало разнообразія. Нѣкоторыя изъ нихъ не заключаютъ въ себѣ ничего юридическаго, но имѣютъ исключительно догматическое⁵⁰⁾, или экзегетическое⁵¹⁾ содержаніе, другія суть не болѣе какъ предисловія, или заключенія къ тому

⁵⁰⁾ Каре. соб. 125—180, трульск. 1.

⁵¹⁾ 15 и 16 Василія Вел.

или другому каноническому посланію (св. отецъ)⁵³⁾ и сами никакого опредѣленія не содержатъ, третьи составляютъ какъ бы простыя предположенія, напримѣръ, о чемъ должно просить царей, и могутъ быть названы законопроектами, четвертыя имѣютъ по своему содержанію исключительно историческій интересъ (напр. 103 пр. каре. соб., его посланіе и др.); наконецъ многія правила суть частныя опредѣленія по тому или другому конкретному случаю, а не абстрактныя нормы и, занимая мѣсто въ кодексѣ, имѣютъ значеніе не закона, а скорѣе прецедента, которымъ можно воспользоваться при разрѣшеніи на практикѣ аналогичнаго случая. Съ такимъ характеромъ частныхъ рѣшеній являются многія правила кароагенскаго собора, напр. 88-е по поводу епископа Кресконія, 98-е по дѣлу Кводвулдеа и Кентириата, 99-е по дѣлу епископа Максима Вагенскаго и т. д. Много частныхъ рѣшеній можно указать и въ правилахъ другихъ соборовъ, а также отецъ церкви, нерѣдко дававшихъ въ своихъ отвѣтахъ рѣшенія по тому или другому частному случаю, возникавшему на практикѣ. Таковы 3, 4, 5 и 6 правила Θεοφιλα александрійскаго: о Вистѣ, Сурѣ, Пануѣ и Іаковѣ.

6) Редакція отдѣльныхъ правилъ далеко не однообразна; нѣкоторыя изъ нихъ не имѣютъ санкціи, этой существенной принадлежности всякаго закона, всякой юридической нормы. Они заключаютъ въ себѣ (употребимъ выраженіе Шульце) лишь содержаніе права, *den Rechtsingalt*, но имъ не достаетъ существеннаго момента приказа — *der Rechtsbefehl*. Правда, многія правила сардикскаго собора только повидимому не имѣютъ санкціи; они редактированы такимъ образомъ, что предпоследнее правило содержитъ общее опредѣленіе о санкціи для всѣхъ предъидущихъ. Есть и такіе каноны, санкція которыхъ выражена косвенно (напр. 31 Василія Вел.), но нѣкоторые дѣйствительно вовсе лишены ея, по крайней мѣрѣ въ нихъ ничего о ней не упоминается. Изложеніе въ правилахъ не вездѣ одинаково ясно и обстоятельно. Въ однихъ оно настолько кратко, что даже впадаетъ въ темноту (напр. 16 пр. Вас. Вел.), въ другихъ предписаніе сопровождается болѣе или менѣе подробной мотивировкой. Многія правила, преимущественно изъ посланій св. отцовъ, мо-

⁵³⁾ 85 пр. Василія Вел. и вступленія къ его посланіямъ.

тивированы настолько подробно, что представляют собою какъ бы цѣлые каноническіе трактаты. Таково напр. 1 пр. Діонисія александрійскаго, гдѣ на вопросъ „въ который часъ должно прекращать постъ передъ Пасхой“, приводятся различныя мнѣнія, изслѣдуются и согласуются свидѣтельства евангелистовъ, и наконецъ предлагается на основаніи всего изложеннаго разрѣшеніе вопроса. Тотъ же характеръ носятъ посланія Аеанасія Великаго, въ особенности его первое посланіе, въ которомъ авторъ подробно доказываетъ свои положенія и полемизируетъ противъ „хотящихъ“, какъ онъ выражается, „только преклословити“. Характерно въ этомъ отношеніи и 1 правило Григорія, епископа ниссаго, которое представляет собою какъ бы ученый трактатъ о врачеваніи грѣховъ и классификацію благихъ и злыхъ дѣйствій⁵³⁾. Цѣлый рядъ правилъ въ кодексѣ редактированъ въ формѣ вопросо-отвѣтовъ; таковы каноническіе отвѣты Тимофея александрійскаго. Они представляютъ или краткое разрѣшеніе предложеннаго вопроса безъ дальнѣйшихъ объясненій (напр. 4, 6, 7), или сопровождаются небольшими объяснительными замѣтками (напр. 1), или наконецъ совершенно исчерпываютъ вопросъ, повторяя его содержаніе, но только уже въ иной, утвердительной формѣ (13, 10). Не мало въ кодексѣ правилъ, заимствованныхъ изъ соборныхъ дѣяній; если не всѣ они, то по крайней мѣрѣ большая часть сохранила въ редакціи ясныя слѣды своего происхожденія, представляя какъ бы отрывки и выдержки изъ соборныхъ протоколовъ. Въ этихъ правилахъ иногда подробно воспроизводится засѣданіе собора, рѣчи его членовъ, отвѣты на нихъ, поправки и т. д. словомъ весь порядокъ обсужденія правилъ. Примѣромъ можетъ послужить 66 правило кареагенскаго собора; здѣсь приведена рѣчь предсѣдателя — епископа Аврелія; мнѣнія двухъ членовъ собора — епископовъ Нумидія и Епигонія; далѣе, вопросы епископа Постуметіана и разрѣшеніе ихъ Аврелиемъ⁵⁴⁾. Здѣсь юридическія постановленія, собственно предписанія собора заключены въ постороннемъ матеріалѣ, имѣющемъ исключительно историческій интересъ, а вовсе не юри-

⁵³⁾ Подобныя же правила: Василія Великаго 1, посланіе Геннадія, патриарха константинопольскаго и др.

⁵⁴⁾ Также прав. 59, 64, 97.

дическій. Весьма характерно для канонического кодекса 75 прав. карфагенскаго собора, которое редактировано въ формѣ условнаго предписанія, гипотетическаго рѣшенія; здѣсь отцы говорятъ, что если окажется, что въ Италіи рабы отпускаются на свободу въ церквахъ, то и они принимаютъ это. Наконецъ, необходимо указать и на то, что въ кодексѣ есть правила, изложенныя стихами, каковы стихи Григорія Богослова и Амфилохія иконійскаго о томъ, какія книги приемяются.

7) Это разнообразіе правилъ, заключавшихся въ каноническомъ кодексѣ, это различіе ихъ по мѣсту и времени происхожденія, по содержанію и самой редакціи, должно было естественно сильно затруднять его практическое примѣненіе. Между отдѣльными постановленіями, изданными различными церковными авторитетами и въ разныя эпохи, оказались несходства: не всегда очевидныя мнимыя противорѣчія или дѣйствительныя несогласія, а указаніе первыхъ и устраненіе вторыхъ не всегда могло быть подъ силу тѣмъ, кому приходилось прилагать кодексъ на практикѣ. Эти недостатки кодекса лишь частью устранились аналитическимъ указателемъ, который присоединенъ къ исторической Синагмѣ въ номоканонѣ; полное же ихъ устраненіе могло быть достигнуто только двоякимъ путемъ: во-первыхъ посредствомъ матеріальной переработки правилъ, посредствомъ исключенія изъ кодекса постановленій видоизмѣненныхъ, или совершенно отмѣненныхъ послѣдующей, болѣе авторитетной церковной властью, или же во-вторыхъ посредствомъ толкованій. Но первый способъ мало согласовался съ консерватизмомъ церкви, не позволившимъ нарушить неприкосновенность канонівъ, торжественно утвержденныхъ высшими церковными авторитетами—вселенскими соборами. Наиболѣе соответствующими оказались поэтому толкованія правилъ. Такія толкованія (первоначально въ формѣ краткихъ замѣтокъ на поляхъ рукописей, такъ-называемыя схоліи) становились съ теченіемъ времени все болѣе необходимыми по мѣрѣ того, какъ языкъ правилъ старѣлъ и дѣлался мало понятнымъ для грековъ..

Но кромѣ канонівъ кодексъ заключалъ въ себѣ и гражданскіе законы по дѣламъ церкви, заимствованные, какъ мы видѣли, изъ законныхъ книгъ Юстиніана и новеллъ его ближайшихъ преемниковъ. Эти законы составляли менѣе такъ-сказать по-

стоянный элементъ номоканонѣвъ: государство не отличается тѣмъ крайнимъ консерватизмомъ, который проникаетъ всѣ стороны церковной жизни, его нормы болѣе подвижны, легче и быстрѣ видоизмѣняются, уступая мѣсто новымъ, нерѣдко какъ разъ противоположнымъ. Отсюда обратно съ церковными правилами законы въ номоканонахъ должны были сравнительно быстро устарѣть, и дѣйствительно, историческій ростъ кодекса закончился, какъ мы видѣли, изданіемъ Фотіева номоканона, а именно въ царствованіе того самаго императора, во время котораго Фотій былъ патріархомъ (Василій Македонянинъ), начался рядъ кодификаціонныхъ работъ, завершившійся изданіемъ Василиемъ (τὰ βασιλικά), обширнѣйшаго законодательнаго труда въ 60 книгахъ (Льва Философа). Здѣсь Юстиніаново право подверглось значительной переработкѣ; устранены постановленія, потерявшія практическое дѣйствіе, включены новыя, между прочимъ и нормы обычнаго права. Когда произошла эта перемѣна и Юстиніаново право перестало быть положительнымъ, дѣйствующимъ, тогда въ номоканонахъ оказалось множество законовъ, утратившихъ обязательную силу. Все это еще болѣе затрудняло практическое примѣненіе кодекса, пораждало недоразумѣнія и дѣлало еще болѣе необходимыми толкованія на него. Эти толкованія, удовлетворяя практическимъ потребностямъ, должны были выполнить тройную задачу:

1) Объяснить правила исторически, особенно болѣе древнія, возникшія въ отдаленныя эпохи, указать поводъ, ихъ вызвавшій, и мотивы.

2) Согласовать правила между собою и съ законами въ случаѣ ихъ кажущагося, или дѣйствительнаго противорѣчія; извлечь изъ нихъ догматическія положенія, юридическіе принципы—*толкованіе догматическое*. И наконецъ, 3) Разрѣшить тѣ недоумѣнія, трудности и неясности, которыя неизбежно представляло приложеніе правилъ къ практикѣ—*толкованіе практическое*.

До сихъ поръ мы излагали исторію, составъ, особенности и краткую характеристику полнаго кодекса греческой церкви; но одновременно съ нимъ развивался другой, сокращенный каноническій кодексъ, въ которомъ правила излагались не вполне, а съ значительными урѣзками, и извѣстный подъ именемъ Си-

нописца (Σύνοψις). Исторія Синописа очень мало разработана ⁵⁵⁾ Его составленіе нѣкоторыми учеными приписывалось прежде канонисту XII вѣка—Аристину, какъ на примѣръ издателемъ древнихъ памятниковъ каноническаго права—Велли, давшимъ ему въ своемъ трудѣ произвольное заглавіе: „Synopsis canonum omnium ab Aristeno conscripta“. Но у самого Аристина есть ясныя указанія на то, что не имъ составленъ былъ каноническій Синописецъ. Въ своихъ толкованіяхъ онъ не только отмѣчаетъ недостатки сокращеннаго текста правилъ, не только исправляетъ Синописецъ ⁵⁶⁾, но даже говоритъ о его составителѣ въ третьемъ лицѣ, обличая въ немъ непониманіе правила ⁵⁷⁾. Изъ этого очевидно слѣдуетъ, что Аристинъ писалъ свои толкованія на готовый уже кодексъ и что не ему принадлежить трудъ его сокращенія.

Происхожденіе Синописа относится къ глубокой древности; старѣйшія дошедшія до нашего времени рукописи носятъ имя Стефана, епископа ефесскаго (VI вѣка), но Стефанъ только дополнилъ существовавшій до него сокращенный кодексъ, въ составъ котораго входили правила апостольскія и семи старшихъ соборовъ: никейскаго, анкирскаго, неонесарійскаго, гангрскаго, антиохійскаго, лаодиційскаго и константинопольскаго; составъ этотъ совпадаетъ съ тѣмъ греческимъ кодексомъ, который былъ въ рукахъ у Діонисія Малаго въ концѣ V-го вѣка, что дѣлаетъ правдоподобнымъ предположеніе Mortreuil' я, который относитъ древній Синописецъ именно къ этому времени. Стефанъ съ своей стороны присоединилъ къ кодексу правила ефесскаго собора. Еще полнѣе—Синописецъ, приписанный Симеону магистру и логовету, жившему, какъ предполагаютъ, при Никифорѣ Фокѣ (963—969). Здѣсь кромѣ вышеуказанныхъ соборовъ помѣщены еще нѣкоторые другіе: халкидонскій, трульскій, сардинскій, кареагенскій, а также правила св. Василія Вел.; изъ нихъ трульскій и кареагенскій составляютъ новѣйшую вѣроятно прибавку,

⁵⁵⁾ Biener, de collectionibus canonum p. 32—34, Mortreuil, Histoire du droit bysantin I, 200—201, III. Revision de l'Építome canonum antiqua, Heimbach Griechisch-röm. Recht § 22, § 49, III, V.

⁵⁶⁾ Толкованіе Аристина на 72-е правило апост. и 19 пр. Анкирскаго собора.

⁵⁷⁾ Толкованіе на 75 апост. прав. «Сдѣлавшій сокращеніе настоящаго правила неправильно понимаетъ его».

такъ какъ не занимаютъ въ рукописяхъ опредѣленнаго мѣста между другими правилами. Еще болѣе поздній списокъ Синописа, отпечатанный у Беверегія, содержитъ новыя добавленія, правила соборовъ: константинопольскаго помѣстнаго, нивейскаго II-го, перво-втораго и бывшаго въ храмѣ св. Софіи. Наконецъ самую полную редакцію Синописа представляетъ та, на которую писалъ свои толкованія Аристинъ.—Сравнительно съ полнымъ каноническимъ кодексомъ Синописисъ имѣетъ нѣкоторыя достоинства, но за то ему свойственны и многіе недостатки, которыхъ полный кодексъ не имѣетъ. Къ наиболѣе выдающимся достоинствамъ Синописиса относится во 1-хъ сжатость изложенія каноновъ, редактированныхъ здѣсь въ формѣ краткихъ догматическихкихъ положеній. Благодаря этому въ Синописисѣ не вошли многія части полнаго текста правилъ, не имѣющія собственно юридическаго значенія: исключены предисловія къ посланіямъ Василія Великаго, его же 85-е заключительное правило и др. Тѣ правила, которыя въ полномъ текстѣ имѣютъ форму предположеній, здѣсь редактированы уже въ формѣ предписанія, хотя и безъ санкции (напр. 71-е пр. карѣаг. соб. и др.). Обширныя правила св. отцовъ сокращены до возможнаго минимума, причемъ устранено изъ нихъ многое, касающееся личныхъ отношеній автора и того, кому данное посланіе предназначалось; напр. изъ посланія св. Аѳанасія къ Руфиніану—все начало. Вопросы-отвѣты Тимоѳея александр. изложены краткими положеніями, чѣмъ избѣгнуто немало повтореній. Нѣкоторыя правила, составляющія въ полномъ текстѣ частныя рѣшенія, имѣющія тамъ конкретный характеръ, здѣсь въ Синописисѣ обобщены (ефесск. 6, 7). Тѣ правила, которыя заимствованы изъ соборныхъ дѣяній и представляютъ, какъ было замѣчено выше, отрывки изъ протоколовъ соборныхъ засѣданій, освобождены отъ своего историческаго содержанія, каковы 64-е 97-е и др. правила карѣагенскаго собора.

2-е достоинство Синописиса было естественнымъ послѣдствіемъ сдѣланныхъ сокращеній: не вмѣщая въ себѣ массы часто не имѣющаго вовсе непосредственнаго каноническаго значенія матеріала, онъ не представлялъ той обширности, которой характеризуется полный кодексъ. Благодаря этому его переписка была сопряжена съ меньшими трудностями и издержками и ориен-

тироваться въ немъ было легче. По причинѣ указанныхъ не-маловажныхъ выгодъ Синописисъ получилъ большое практическое значеніе, что доказывается уже тѣми толкованіями, которыя на него дѣлались. Синописисъ распространялся не смотря на то, что не былъ торжественно утвержденъ соборами подобно полному сборнику правилъ и не смотря на свои крупные недостатки. Недостатки эти, являясь слѣдствіемъ сдѣланныхъ сокращеній, составляютъ редакціонныя ошибки и недосмотры. Въ самомъ дѣлѣ:

1) Стремясь къ возможно краткому изложенію, составители Синописиса нерѣдко переходили необходимый предѣлъ, что влекло за собою неточность, или неясность сокращеннаго канона (трульск. с. 24, 72, неокее. 4, гангр. 6, лаод. 46—47 и др.), не исчерпывали содержаніе правилъ (трул. соб. 11, 31, 66, 95, антиох. 4, 8, лаодик. 28 и др.), пропускали санкцію (трул. соб. 63, 65, 81, 88, VII-го всел. 3, лаод. 36, каре. 10 и др.).—2) Не выразивъ въ смыслѣ полного текста, невѣрно передавали его въ сокращеніи (72-е и 75-е апост.).—3) Обобщая, какъ было выше указано, иные правила, изложенныя по поводу того или другаго частнаго случая и выраженныя въ полномъ текстѣ въ формѣ конкретнаго постановленія, составители Синописиса въ другихъ правилахъ поступали какъ разъ наоборотъ и абстрактную норму при сокращеніи передавали безъ всякой надобности конкретно (65-е пр. каре. соб.).

Что касается тѣхъ особенностей полного кодекса, которыя не могли быть устранены сокращеніемъ, то всѣ онѣ въ равной мѣрѣ присущи и Синописису; таковы напр. одновременность и разномѣстность возникновенія содержащихся въ немъ правилъ и др. Эти особенности въ связи съ недостатками, свойственными собственно сокращенному тексту, дѣлали толкованія для его практическаго примѣненія столь же необходимыми какъ и для полного кодекса; но толкованія на Синописисъ должны были имѣть и нѣкоторыя особенности: 1) такъ какъ правила въ немъ изложены въ формѣ *догматическихъ* положеній, то и толкованія должны были быть естественно также *преимущественно догматическими*. 2) Задача толкованій должна была состоять въ *устраненіи тѣхъ недостатковъ, которые были допущены въ редакціи сокращеннаго текста* составителями Синописиса, т.-е. наполнить его

пробѣлы, исправить неточности, разъяснить неясности и т. д.—
3) Толкованія на Синописисъ должны были по необходимости
быть *краткими*, не увеличивая значительно его размѣровъ и
тѣмъ не лишая его одного изъ важнѣйшихъ достоинствъ.

Толкованія на оба кодекса греческой церкви (полный и со-
кращенный) были сдѣланы въ XII-мъ вѣкѣ тремя знаменитыми
канонистами—Аристиномъ, Зонарой и Вальсамономъ⁵⁴⁾.—Ари-
стинъ истолковалъ Синописисъ, Зонара и Вальсамонъ—полный
кодексъ въ редакціи патр. Фотія.

Характеристикѣ толкованій этихъ канонистовъ мы позволимъ
себѣ предпослать историческія свѣдѣнія о ихъ жизни и дѣятель-
ности и остановимся съ нѣкоторой подробностью на вопросѣ
о томъ, когда писали они свои толкованія. Вопросъ этотъ весьма
важенъ для нашей цѣли: для характеристики толкованій далеко
не безразлично, кто изъ трехъ канонистовъ толковалъ правила
раньше и кто послѣ; кто слѣдовательно имѣлъ уже подъ руками
готовый образецъ, могъ дѣлать тѣ или другія заимствованія у
своего предшественника и кто напротивъ писалъ свои толкованія
первымъ и не имѣлъ такой возможности.

В. Денидовъ.

(Продолженіе будетъ.)

⁵⁴⁾ Они не были первыми или единственными толкователями, но только ихъ
толкованія сдѣланы въ томъ объемѣ, въ какомъ это требовалось церковною прак-
тикой.

МАТЕРИАЛЫ

ДЛЯ БИОГРАФИИ ОСНОВАТЕЛЯ АЛТАЙСКОЙ МИССИИ АРХИМАНДРИТА
МАКАРИЯ *.

Между тѣмъ о. Макарій, встрѣчая при своей миссіонерской дѣятельности дѣйствительно большое затрудненіе въ знаніи и непониманіи обращаемыми и новообращенными изъ русскихъ подданныхъ язычниковъ, магометанъ и іудеевъ церковнославянскаго языка, и убѣждаясь все больше и больше въ крайней необходимости священнаго Писанія на понятномъ для всѣхъ русскомъ языкѣ, принялся съ свойственной ему энергіей за переводъ священныхъ книгъ Ветхаго Завета съ еврейскаго языка на русскій и началъ свой трудъ съ книги Іова, можетъ быть и случайно, какъ мы сообщила со словъ протоіерея Ландышева, а можетъ быть и потому, что Библейское Общество довело свой переводъ до этой книги. Когда переводъ книги Іова былъ имъ конченъ, онъ отослалъ (1887) этотъ переводъ въ комиссію духовныхъ училищъ. Знакомый хорошо съ исторіею библейскаго общества и съ неудачами, постигшими его изданія, и опасаясь въ свою очередь противодѣйствія со стороны нѣкоторыхъ лицъ духовной іерархіи, онъ въ тоже время послалъ уже прямо на Высочайшее имя прошеніе о повелѣніи рассмотреть его переводъ книги Іова и издать его на средства комиссіи духовныхъ училищъ. Обращаясь къ Государю, ²⁹⁾ о. Макарій тоже началъ съ того, что Библія есть святѣйшее собраніе законовъ и правъ

* См. № 5—6 «Прав. Об.» за 1888 г.

²⁹⁾ Христ. Чт. 1872, Сентябрь.

Царствія Божія и что Государь, даровавъ Россіи Сводъ Законовъ, открылъ надежду; что російская церковь получитъ святую Библію на живомъ русскомъ языкѣ въ переводѣ „съ еврейскаго и эллинскаго въ той полнотѣ и общей для всѣхъ вразумительности, въ какой было угодно Господу Богу даровать ее человѣкамъ, безчисленно разнообразными путями благостию Его обрацаемымъ отъ заблужденій, спасаемымъ“.—Затѣмъ о. Макарій писалъ, что послѣ просвѣщенія русской земли крещеніемъ при Владимірѣ Великомъ „наши предки получили полную библію въ такомъ переводѣ славянскомъ, какого яснѣе и удобнѣе въ употребленіи въ то время быть не могло“; но теперь языкъ славянскій сталъ мертвымъ, на немъ никто у насъ не говоритъ и не пишетъ, сталъ непонятенъ для миллионовъ людей, между которыми и для многихъ служителей церкви. Переводъ Новаго Завѣта, Псалтири и нѣкоторыхъ книгъ Ветхаго Завѣта на русскій языкъ свидѣтельствуетъ, что русскій языкъ достигъ той степени зрѣлости, что русская церковь можетъ и должна получить всѣ писанія пророковъ Ветхаго Завѣта на русскомъ языкѣ. Государь можетъ довершить святое зданіе столь торжественно начатое и столь высоко возведенное въ царствованіе Александра Благословеннаго. Царское слово будетъ изречено и русская Библія явится во всей полнотѣ и красотѣ своей. Приводя слова Суворова: „носи́шайте дѣлать добро,“ о. Макарій высказываетъ опасеніе, какъ бы Великобританская церковь не подарила Россіи полной русской Библіи и не предвосхитила такимъ образомъ у русской церкви славу въ явленіи послѣ божественнаго оригинала первой и превосходнѣйшей въ христіанствѣ Библіи, такъ какъ само Провидѣніе Божіе даруетъ намъ возможность воспользоваться плодами опытовъ“ и успѣховъ древнихъ и новѣйшихъ вѣковъ въ испытаніи святыхъ писаній. Духъ Святой, сойдя въ видѣ огненныхъ языковъ на божественныхъ учениковъ Иисуса Христа, освятилъ всѣ живые языки, чтобы всѣ они были живыми проводниками слова Божія. Когда мы будемъ имѣть полную русскую Библію, то избавимся отъ нареканія, что мы ненавидимъ свѣтъ и боимся полнаго свѣта своей религіи, хотя и должны передавать его другимъ покореннымъ намъ народамъ, сѣдящимъ во тьмѣ и въ тѣни смерти, что мы равнодушно относимся къ тому, что у насъ нѣтъ полной русской Библіи, между

тѣмъ какъ русскіе магометане имѣютъ полный алкоранъ на русскомъ языкѣ и, не понимая его на арабскомъ, могутъ читать его въ русскомъ переводѣ. Полная русская Библия облегчитъ изученіе богословскихъ наукъ въ духовныхъ училищахъ, распространитъ употребленіе и разумнѣе Библии и послужитъ къ обращенію и просвѣщенію св. крещеніемъ иновѣрцевъ и въ дальнѣйшему утвержденію въ христіанской вѣрѣ новокрещенныхъ. Въ то же время Макарій писалъ въ комиссію духовныхъ училищъ о необходимости полной русской Библии для миссіонеровъ, священниковъ и клириковъ при церквяхъ приходскихъ и вообще для русской церкви, указывая на то, что многіе миссіонеры и большинство служителей церкви „не могутъ хорошо разумѣть Ветхаго Завѣта на славянскомъ, уже мертвомъ у насъ нарѣчій“, на то, что явленіе Новаго Завѣта на русскомъ языкѣ не доказываетъ излишности книгъ Ветхаго Завѣта на русскомъ же; но напротивъ „неотступно требуетъ и Ветхаго, столько же вразумительнаго для всѣхъ по заповѣди Спасителя: „испытайте писанія: они свидѣтельствуютъ о жиѣ“; что полная Библия на русскомъ языкѣ въ исправномъ переводѣ съ оригинальныхъ языковъ необходима для обращенія евреевъ и магометанъ живущихъ въ Россіи“, и что объяснять и доказывать это претитъ ему „чувство благоговѣйнаго почтенія къ высокому сословію нашему“.— Затѣмъ объяснилъ, что при переводѣ книги Іова онъ пользовался записками одного изъ новѣйшихъ ориенталистовъ германскихъ, именно Розенмюллера.

Переводъ этотъ былъ по порученію комиссіи рассмотрѣн профессоромъ еврейскаго языка С.-Петербургской Духовной Академіи протоіереемъ Ивановымъ, который отозвался, что „переводъ, исключая немногихъ мѣстъ, довольно правиленъ, но не вездѣ чистъ и ясенъ, иногда слишкомъ букваленъ, часто весьма растянутъ; а потому, безъ значительнаго усовершенствованія, не можетъ быть полезно употребленъ въ духовныхъ училищахъ“.

Въ январѣ 1839 года архимандритъ Макарій представилъ Государю тѣмъ же путемъ и съ тѣмъ же желаніемъ изданія на иждивеніи суммъ комиссіи духовныхъ училищъ переводъ книги пророка Исаіи. Причемъ счелъ нужнымъ въ донесеніи комиссіи духовныхъ училищъ оговориться, что „при переводѣ книги Исаіи пророка пользуясь ученостію Розенмюллера, я не послѣдовалъ

его жадной невѣрности. Для кого нужно введеніе въ сію книгу, тотъ можетъ пользоваться руководствомъ къ чтенію священнаго Писанія, изданнымъ блаженной памяти митрополитомъ с.-петербургскимъ Амвросіемъ, имѣя право ожидать совершеннѣйшаго въ семь родѣ отъ нашихъ академій церковныхъ.—Предполагая, что первое письмо его на Высочайшее имя утратилось, о. Макарій счелъ нужнымъ по важности его содержанія przeprowadить вмѣстѣ съ новымъ прошеніемъ и списокъ съ перваго. Въ новомъ прошеніи о Макарій напоминаетъ, что Новый Заветъ, Псалтирь и книга Бытія были уже переведены на русскій языкъ, чѣмъ и доказано, что русскій языкъ достигъ уже той зрѣлости которая потребна для воспроизведенія истинъ „свыше отъ Отца свѣтовъ человечеству отворенныхъ“; но великое дѣло—произведеніе Библии на русскомъ языкѣ остановилось. Приведа слова апостола Іакова (IV, 17): „вѣдущему добро творити и не творящему, грѣхъ ему есть,—кто разумѣетъ дѣлать добро и не дѣлаетъ, тотъ грѣшитъ“,—о. Макарій находитъ ключъ къ разумѣнію этого въ одной изъ библейскихъ исторій, въ которой представлена участь сыновъ Іехоніа, не порадовавшихся вмѣстѣ съ гражданами Веесамиса о пришествіи кивота Господня въ предѣлы ихъ. Священный кивотъ премудрости и слова Божія—Библия вошла въ предѣлы русскаго слова, говорилъ о. Макарій и затѣмъ намекалъ на возможность наказанія Божескаго (впослѣдствіи въ письмѣ къ Св. Синоду онъ уже прямо указываетъ на наказанія, ниспосланныя какъ кара за сокрытіе слова Божія отъ русскаго народа). Повторяя потомъ, хотя и въ другихъ выраженіяхъ и не той послѣдовательности, но тѣже мысли, которые были имъ изложены въ первыхъ письмахъ, онъ присовокупляетъ, что Великобританская церковь воспользовалась изобрѣтеннымъ для слѣпыхъ способомъ чтенія и напечатала Библию для слѣпыхъ, чтобы они могли читать и разумѣть слово Божіе,—и что Петръ Великій призвалъ было и языкъ голландскій на помощь славянскому (Библия по велѣнію Петра I должна была явиться на языкахъ голландскихъ и славянскомъ вмѣстѣ, но при жизни его успѣли напечатать только голландскій текстъ, а славянскій текстъ и по смерти Петра не былъ напечатанъ), чтобы русскіе, знакомясь въ сношеніяхъ съ голландцами съ ихъ языкомъ, пользовались успѣхами не только въ гражданской образованности,

но и лучшимъ разумѣніемъ слова Божія ради успѣховъ духовнаго просвѣщенія. Выражая желаніе и увѣренность въ дарованіи отъ Государя русскому народу „Библия полиглотты“ въ великолѣпномъ изданіи, украшенномъ самыми лучшими произведеніями живописи, какъ было выражено въ письмѣ къ оберъ-прокурору Св. Синода, о. Макарій, обращаясь къ Государю, пишетъ въ заключеніи своего прошенія: „съ чувствомъ глубочайшаго благоговѣнія передаю священнѣйшей волѣ вашего Императорскаго Величества, вмѣстѣ съ книгою пророка Исаи, мысли мои о способахъ къ успѣшнѣйшему распространенію христіанской вѣры между евреями, магометанами и язычниками въ россійской державѣ, которыя нынѣ же представляю, посредствомъ епархіальнаго начальства, Святѣйшему Синоду, исполняя требованія службы моея и помня слова приснопятнаго героя Суворова: „мы кратки, мы точны“.—Богъ да возглаголетъ въ дарскомъ сердцѣ Вашемъ о святомъ словѣ своемъ во благо церкви своей“.—20 января 1839.

Выше указывая на труды и занятія о. Макарія въ алтайской миссіи, мы привели вкратцѣ содержаніе упоминаемаго имъ въ концѣ вторичнаго прошенія на высочайшее имя проекта миссіонерскаго общества подъ именемъ „мыслей о способахъ къ успѣшнѣйшему распространенію христіанской вѣры между евреями, магометанами и язычниками“, и теперь замѣтимъ, что о. Макарій не безъ намѣренія упомянулъ о препровожденномъ имъ Св. Синоду проектѣ этомъ, имѣя въ виду обратить на него вниманіе Государя и предполагая, что Государь, заботясь о благѣ своихъ иновѣрныхъ подданныхъ, вспомнить о немъ и спросить оберъ-прокурора Св. Синода при докладѣ по предмету всеподданнѣйшаго прошенія о. Макарія. Препровождая тогда помянутый проектъ, онъ также не безъ намѣренія лично похлопотать объ осуществленіи его, обратился въ тоже время чрезъ пр. Агапита къ Св. Синоду съ просьбой объ увольненіи въ отпускъ изъ миссіи и дозволеніи отправиться въ Петербургъ для совѣта съ тамошними врачами въ предупрежденіе слѣпоты. О. Макарій, проведя въ суровомъ климатѣ Сибири слѣшкомъ 8 лѣтъ, странствуя то въ телѣгѣ, то въ саняхъ, то верхомъ, разстроилъ свое и безъ того некрѣпкое здоровье и особенно зрѣніе благодаря вечернимъ и нерѣдко ночнымъ занятіямъ съ перомъ въ рукахъ. Онъ ощущалъ уже давно потребность отдохнуть и заняться

своимъ здоровьемъ, но все откладывалъ и рѣшился только теперь, когда считалъ свое личное присутствіе въ Петербургѣ необходимымъ для сущности того полезнаго дѣла, которое его такъ занимало. Нѣкоторыя письма къ нему митрополита Филарета за предшествовавшее время даютъ поводъ думать такъ крайней мѣрѣ. Такъ въ окончаніи письма, отъ 23 августа 1837, которое мы привели, митрополитъ Филаретъ пишетъ: „позабылъ было нужно; вы хотѣли ѣхать въ Москву, между прочимъ за очками. Чтобы вамъ не принимать сего труда, посылаю вамъ двое: тѣ, которые въ позолоченной оправѣ, употреблялъ я нѣсколько лѣтъ; а тѣ, которые въ стальной, равны употребляемымъ мною нынѣ. Если вы не употребляли никакихъ: то начните съ первыхъ; а когда первые будутъ неудовлетворительны, возьмите вторые, а первые отдайте кому понадобятся, чтобы не поѣхалъ за очками въ Москву“.—Затѣмъ въ другомъ письмѣ, 28 апрѣля 1838: „если я согрѣшилъ предъ вами прошлагоднимъ письмомъ о переводѣ Библіи, то, по закону евангельскому, слѣдовало меня прежде обличить и побудить къ исправленію, нежели отлучить отъ общенія. А вы, кажется, прямо перешли къ послѣднему. Позвольте вамъ сказать, что это черезъ рядъ. Вы пишете къ князю Александру Николаевичу, чтобы онъ нашелъ вамъ квартиру и пищу за обученіе дѣтей. Думаю, что ему не очень удобно исполнить сіе порученіе. А вамъ для чего не пріѣхать на Троицкое въ Петербургѣ подворье? Если пріѣдете безъ меня, тѣмъ просторнѣе будетъ, а братія подворья попросятъ васъ къ своей трапезѣ. Приглашаю васъ и въ Москвѣ на Троицкое подворье, по старому. Впрочемъ изъ сего не заключайте, что путешествіе ваше уже разрѣшено. Сего нѣ видно, такъ какъ нѣтъ ни формальнаго прошенія отъ васъ, ни представленія о семъ преосвященнаго. Если и братъ вашъ поѣдетъ съ вами: кто же останется на мѣстѣ священствовать? Если Ландышевъ: то чѣмъ надобно его сдѣлать, іеромонахомъ или священникомъ, и сдѣлается ли это такъ скоро, чтобы отсутствіе ваше не оставило совершенной пустоты? Не домогаюсь вашего отвѣта на сіи вопросы, если вамъ не угодно со мною бесѣдовать: но предлагаю для вашего соображенія. Призываю вамъ благословеніе Божіе и благопоспѣшество: о себѣ прошу молитвы вашей“ Филаретъ митрополитъ московскій. Апр. 28—1838.—Въ письмѣ

этомъ ясно высказывается искренность постоянного расположенія къ о. Макарію митрополита Филарета, который въ этомъ письмѣ попрекаетъ даже о. Макарія за то, что онъ обратился помимо его къ кн. [А. Н. Голицыну. Митрополитъ Филаретъ конечно понималъ, что если о. Макарій обратился къ князю помимо его, то конечно изъ деликатности. О. Макарію не впервые приходилось добывать себѣ средства на житье въ Петербургѣ уроками.

Разрѣшеніе прибыть о. Макарію въ Петербургъ въ сопровожденіи брата его, священника А. Я. Глухарева, для поправленія здоровья, какъ сказано въ указѣ Св. Синода, послѣдовало лишь 13 іюля 1838 года. Получивъ не только разрѣшеніе, но еще на путевыя издержки 1.000 р., о чемъ о. Макарій и не просилъ, и приписывая это содѣйствію своего покровителя митрополита Филарета, о. Макарій отправилъ къ митрополиту Филарету благодарственное письмо, которое почему-то дошло по адресу черезъ годъ,—о чемъ свидѣтельствуеетъ помѣтка на письмѣ руки самого митрополита: „дошло до меня апр. 4. 1840. Приводимъ вполнѣ самое письмо“: *высокопреосвященнѣйшій владыко, милостивѣйшій архипастырь и отець!*

Простите меня, ради Бога, за долговременное молчаніе и не почитите его, умоляю васъ, за признакъ охладѣвшаго чувства благодарности и притупившейся памяти о толикихъ благодѣяніяхъ, въ которыхъ вижу милосердное призрѣніе Отца небеснаго, вложившаго въ душу вашу попеченіе обо мнѣ. Приношу вамъ, милостивѣйшій архипастырь, и предъ вами всему святѣйшему Синоду глубочайшее благодареніе о милостивѣйшемъ соизволеніи и вспоможеніи мнѣ на путешествіе въ Санктпетербургъ. Къ предпріятію сего труда побудили меня во-первыхъ: требованія миссіонерской службы, нынѣ предварительно объясненныя мною въ рукописи, подъ названіемъ: мысли о способахъ къ успѣшнѣйшему распространенію христіанской вѣры между евреями, магометанами и язычниками въ русской державѣ (эта рукопись послана мною епархіальному Агапиту съ прошеніемъ о представленіи ея Святѣйшему Синоду); во-вторыхъ: требованія немощной плоти, заставившія, пока могу еще пріѣхать въ сѣверную столицу, употребить всякіе способы, какіе тамъ и мимоходомъ можно найти, къ поправленію органа зрѣнія, къ предотвращенію слѣпоты,

представляющейся воображенію въ самомъ печальномъ видѣ (о другихъ недугахъ умалчиваю), и наконецъ искушенія и страданія душевныя, на которыя надѣюсь обрѣсти врачеваніе въ собесѣдованіи и совѣщаніи съ вами. Не оставляю миссіонерскаго служенія, не бросаю, не презираю новокрещенныхъ; но желаю, пока буду въ Россіи, гдѣ бы я ни служилъ, гдѣ бы ни находился, быть сотрудникомъ здѣшнихъ братій моихъ о Господѣ и, сколько Господь поможетъ, дѣйствующимъ членомъ и алтайской миссіи. На мѣстѣ моемъ поставленъ преосвященнѣйшимъ уже и прежде служившій здѣсь іеромонахъ Анастасій, человекъ въ полномъ цвѣтѣ жизни, непорочнаго поведенія, добрыхъ нравовъ, любимый и вообще простымъ народомъ и въ особенности инородцами, и хотя школь нашихъ, кромѣ первоначальныхъ, не проходившій, однако знающій то единое на потребу, что надлежитъ ему проповѣдывать, трезвый, богобоязненный, къ молитвѣ усердный, трудолюбивый. Помощникъ его Стефанъ Ландышевъ, воспитанникъ Нижегородской семинаріи, юноша съ такими способностями, съ такимъ усердіемъ къ миссіонерской службѣ, что мнѣ въ немъ представляется явное благословеніе Божіе для здѣшней миссіи. Вдовый, весьма молодой священникъ Василій Вескій, хотя требуетъ присмотра и строгости, однако, по характеру своему тихому, смиренному и покорному, кажется будетъ полезнымъ сотрудникомъ для о. Анастасія. Воспитанникъ уѣзднаго училища Томскаго, Михаилъ Нигрицій, отрокъ простодушнѣйшій и благонравный, изъявляетъ расположеніе возвратиться когда-нибудь къ родителямъ, не имѣющимъ другаго сына; но можетъ быть мысли его объ этомъ переѣдутся, а теперь онъ служитъ весьма усердно. Между тѣмъ живъ еще и трудится при миссіи достойный почтенія старецъ Петръ, изъ числа ссыльныхъ, нелицемѣрный рабъ Христовъ, ревностный молитвенникъ и подвижникъ примѣрный. вмѣстѣ съ нимъ живетъ и служитъ въ улалинскомъ станѣ миссіи одинъ увѣчный молодой человекъ изъ земледѣльцевъ, по имени Филиппъ; онъ при миссіи выучился читать и писать и думаетъ навсегда посвятить себя миссіонерскому служенію въ одиночествѣ: миссіа имѣетъ и въ немъ благопотребнаго сотрудника. Представляю вамъ, милостивѣйшій архипастырь, сихъ братій моихъ о Господѣ, составляющихъ здѣшнюю миссію, вмѣстѣ съ двумя молодыми толмачами изъ числа

новокрещенныхъ и сіе малое стадо новокрещенныхъ, и мысленно повергаясь къ стопамъ вашимъ, умоляю васъ призвать на всѣхъ ихъ святительскою молитвою благословеніе Отца Небеснаго, и Господа Іисуса Христа, и Духа Святаго, да будетъ со всѣми нами во всѣ дни, по своему обѣщанію, да не разлучитъ съ Нимъ никакой грѣхъ ни ихъ, ни меня, и да буду съ ними соединенъ въ Немъ, гдѣ бы я ни былъ. Вѣрую, имѣю много причинъ и побужденій вѣрить, что молитвы ваши благопріятны Господу; знаю, что вы молитвами вашими еще болѣе благотворили мнѣ и всей миссіи здѣшней, нежели внѣшними образами; знаю, что есть ли были здѣсь какіе-нибудь и мои труды, то они весьма слабы, смѣшанны, пестротны, нечисты и ничтожны предъ вашими съ нами трудами и подвигами духовными; знаю, что есть ли я не погибъ совсѣмъ на этомъ, по большей части, скользкомъ пути, то вы, милостивѣйшій о Господѣ Пастырь, и отецъ мой, покрывали, ограждали, хранили меня, и помогали мнѣ благодатию Божіею. А говорю объ этомъ не потому, чтобы хотѣлъ польстить и ласкательствомъ искать въ васъ чего-нибудь суетнаго, но по искреннему чувству души и сознанію, и потому, что душа находитъ пищу пріятную, и какъ я думаю, пользу и долгъ свой и угодное Богу, въ исполненіи сего благодаренія, въ которомъ я представляю васъ въ союзѣ съ Богомъ вашимъ, и Божіе ко мнѣ милосердіе вижу въ васъ. И такъ примите о Господѣ, милостивѣйшій архипастырь и Отецъ, искреннее благодареніе о всѣхъ явныхъ и сокровенныхъ благотвореніяхъ вашихъ, изліянныхъ на меня въ продолженіе служенія моего въ алтайской миссіи, и усерднѣйшее желаніе моей души, да воздастъ вамъ Господь Богъ за труды и попеченія ваши о здѣшней миссіи и о моемъ недостоинствѣ въ небесномъ царствіи.

На сихъ дняхъ надѣюсь, еслии Господь поможетъ, отправиться въ С.-Петербургъ; братъ мой со мною; онъ не будетъ безъ дѣла на петербургскомъ подворьѣ Троицкомъ: можетъ помогать братіи въ отправленіи церковнаго богослуженія. Впрочемъ, еслии бы Святейшій Синодъ, а въ немъ и вы не соизволили на то, чтобы сопутствовалъ мнѣ братъ мой; онъ остался бы здѣсь.

Наки мысленно повергаясь къ стопамъ вашимъ, прощенія и разрѣшенія отъ всѣхъ грѣховъ моихъ именемъ Господа и Бога

нашего Иисуса Христа, и Его же именемъ благословенія святительскаго испрашиваю. *Вашею высокопреосвященства, милостивѣйшаго архимастера и отца, преданныйшій послушникъ, миссіонеръ архимандритъ Макарій.* 1839. Января 25 дня. Г. Війскъ ²⁷⁾).

О. Макарій отправлялся въ путь съ покойнымъ духомъ, такъ какъ на время отсутствія его былъ присланъ преосвященнымъ Агапитомъ завѣдывать миссіей іеромонахъ о. Анастасій, хорошо знакомый съ дѣлами миссіи и извѣстный о. Макарію по своимъ качествамъ съ очень хорошей стороны. Переписка о. Макарія съ о. Анастасіемъ (ч. 1, стр. 8—17) свидѣтельствуетъ о постоянной заботливости о ней и во время отсутствія. Онъ такъ былъ привязанъ къ миссіи, что писалъ изъ Петербурга о. Анастасію (стр. 14): „обрѣтаю въ душѣ моеѣ желаніе возвратиться къ вамъ, возлюбленные братія мои о Господѣ; мнѣ нигдѣ такъ невесело положить кости свои какъ на Майнѣ, или на Уладѣ или на Мьютѣ, или на Куячѣ, или гдѣ-либо въ алтайскихъ горахъ и въ вертепахъ безмолвной черни. Посылаю вамъ немалое пособіе; двѣ трети онаго исключительно для бѣдныхъ между новокрещеными, а остальную на ваши экономическіе расходы и на уплату долговъ; изъ Москвы я надѣюсь, если Господь благословитъ, еще прислать къ вамъ“.

Здѣсь мы должны посвятить нѣсколько словъ брату о. Макарію, о которомъ упоминаетъ и митрополитъ Филаретъ въ своихъ письмахъ къ о. Макарію и который приобрѣлъ извѣстность странной судьбой своей. А. Я. Глухаревъ сначала былъ священникомъ Николаевской церкви г. Вязьмы, но потомъ, овдовѣвъ, передалъ на попеченіе игуменѣ женскаго монастыря своихъ двухъ малолѣтнихъ дочерей и перешелъ въ 1837 г. съ согласія Св. Синода въ алтайскую миссію къ о. Макарію; причемъ, на основаніи высочайше утвержденнаго въ 10 день августа 1835 года положенія, получилъ на обзаведеніе 500 р. и прогонныхъ 514 р. 70 к.—Въ письмѣ къ Г. Т. М. ²⁸⁾ о. Макарій говоритъ о немъ: „...Водной братъ мой, вѣд. св. А—й, который осенью прошедшаго года прибылъ ко мнѣ служить при миссіи, совершенно нечаяннымъ образомъ оставилъ богатѣйшій въ В—тѣ

²⁷⁾ Подлинное находится въ моск. спарх. библиотекѣ.

²⁸⁾ Письма о. Макарія, ч. 1, стр. 212 и 213.

приходъ, распродавъ все свое имѣніе, поручивъ двухъ своихъ малолѣтнихъ дочерей покровительству Божію и попеченію родной сестры усопшаго въ Господѣ о. А—ты, игуменія А—ты, которая приняла этихъ птенцовъ въ свой монастырь на воспитаніе. Судите о моемъ удивленіи и о другихъ чувствованіяхъ, волновавшихъ душу мою въ первые дни пребыванія его съ нами. Тутъ не одна радость была, съ нею соединялось нѣчто печальное, но опять и печальное это было вмѣстѣ нѣчто пріятное, то и другое до слезъ. Сказать ли еще какъ онъ достигъ здѣшнихъ предѣловъ? Отъ Казани до Тюмени пѣшкомъ шелъ и до Томска издержалъ три цѣлковика, а въ Томскѣ занялъ десять рублей, чтобы ко мнѣ пріѣхать. Обветшавшая ряса родительская, поношенный нанковый подрясникъ, сумка кожаная, которую онъ несъ за плечами и въ которой принесъ евангеліе напрестольное небольшое: это его имѣніе. Но покройте его святою молитвою вашею, чтобы не была для него вредною откровенность моя передъ вами, и чтобы тотъ, который началъ въ его душѣ великое дѣло спасенія, совершалъ оное до явленія Иисуса Христа. При многомъ знаніи и хорошемъ образованіи онъ трезвъ, кротокъ, послушенъ, любить молитву и слово Божіе и усердно поучается исполненію заповѣдей Христовыхъ. Провидѣніе Божіе посѣтило меня милостію и утѣшеніемъ въ немъ“.

По рассказамъ лицъ, близко знавшихъ о. Алексѣя и въ миссіи и въ Лаврѣ, онъ былъ очень уменъ, талантливъ и получилъ отличное образованіе. Потеря искренно любимой жены должно быть сильно потрясла его. Когда онъ задумалъ все оставить и, какъ намъ уже извѣстно, устроилъ своихъ дочерей, распродавъ все, то фамилія покупателя его дома навела его на мысль, что мало еще того, что онъ долженъ все оставить, онъ долженъ кинуть и себя, т.-е. искать спасенія въ полнѣйшемъ самоотверженіи. Фамилія покупателя была Себякинъ. О. Алексѣй не долго пробылъ въ миссіи и въ 1838 г. отправился въ Россію вмѣстѣ съ о. Макаріемъ, съ которымъ не хотѣлъ разлучиться, чтобы оказывать брату при его болѣзненномъ состояніи помощь во время пути. Въ миссіи онъ не остался, пожелавъ поступить въ число братій Кіево-Печерской лавры, но попалъ туда не прямо. Прежде ради подвижничества и искуса о. Алексѣй задумалъ подвергнуть себя какому-нибудь тяжелому испытанію.

Для этого онъ избралъ острогъ или тюрьму, и чтобъ попасть туда, то добравшись до Харькова, самъ добровольно явился въ полицію, назвавшись бѣглымъ дворовымъ человѣкомъ; причемъ заявилъ, что онъ укажетъ на своего помѣщика только послѣ того, какъ высадитъ въ острогъ шесть недѣль. Странное заявленіе это, также какъ нѣкоторыя-характеристическія черты въ его обращеніи съ заключенными, которыхъ онъ училъ молитвамъ и грамотѣ, указывали на то, что онъ не похожъ на двороваго человѣка, а скорѣй на лицо духовнаго званія. Всѣ средства полиціи открыть истину были тщетны. Харьковскій гражданскій губернаторъ узналъ объ этомъ и при свиданіи съ преосвященнымъ Иннокентіемъ въ частномъ разговорѣ сообщилъ ему о странномъ арестантѣ. Преосвященный Иннокентій пожелалъ видѣть арестанта. Когда арестантъ былъ полицейскимъ чиновникомъ представленъ преосвященному, то арестантъ выказалъ сначала упорство, но потомъ Иннокентію удалось его убѣдить признаться. Оказалось что арестантъ, ни въ чемъ не виновный, но экальтически настроенный—священникъ Алексѣй Глухаревъ, который высказалъ преосвященному, что подъ именемъ господина онъ разумѣлъ Господа Бога и подъ понятіемъ убѣга—удаленіе отъ Бога нарушеніемъ Его святыхъ заповѣдей. Преосвященный Иннокентій склонилъ о. Алексѣя покинуть избранный имъ ложный путь, взялъ его подъ свое покровительство; но все-таки счелъ долгомъ донести объ этомъ графу Протасову, какъ объ одномъ изъ не очень обыкновенныхъ случаевъ. Въ письмѣ этомъ *) преосвященный Иннокентій между прочимъ писалъ: „причина, побудившая его къ принятію на себя лица бѣглаго двороваго человѣка, состояла въ томъ, что онъ избралъ это какъ средство къ достиженію заключенія въ тюрьмѣ, а заключеніе—какъ наказаніе за свои грѣхи и опытъ приготовленія себя къ монашеской жизни. Внучивъ ему, что такія средства самонаказанія, яко соединенныя съ ложью, ни въ какомъ случаѣ не приличны христіанину, сыну дня и свѣта, и наводятъ напрасную заботу начальству, которое и безъ того довольно озабочено разборомъ неправдъ человѣческихъ, я убѣдилъ о. Глухарева скинуть личину бѣглаго человѣка“... О. Макарій, котораго

*) Странникъ 1860, мартъ.

раскаившійся братъ о. Алексѣй увѣдомилъ о благосклонномъ вниманіи къ нему преосвященнаго Иннокентія, письмомъ пзъ Бійска, въ теплыхъ, проникнутыхъ искреннимъ чувствомъ признательности выраженіяхъ благодарилъ преосвященнаго и вмѣствъ просилъ его ходатайствовать за брата о. Алексѣя предъ Св. Синодомъ и содѣйствовать къ поступленію его въ иночество, въ число братства Кіевской лавры. Ходатайство о. Макарія было уважено и о. Алексѣй былъ опредѣленъ въ лавру; о чемъ митрополитъ Филаретъ сообщилъ о. Макарію въ письмѣ отъ 1 мая 1842 г. Въ лаврѣ о. Алексѣй былъ духовнымъ отцемъ въ пещерахъ. Къ нему обращались и многія свѣтскія лица. Онъ отличался строго-духовной жизнью и полнѣйшимъ безкорыстіемъ, не оставлялъ у себя ни единой копѣйки и передавалъ немедленно все, что ни получалъ, въ пользу церкви. По кончинѣ о. Макарія о. Алексѣй приходилъ на Алтай и, пробывъ нѣкоторое время въ миссіи, вернулся опять въ Кіевскую лавру, гдѣ и скончался іеросхимонахомъ.

Въ Петербургъ пріѣхалъ о. Макарій съ братомъ въ концѣ марта 1839 г. Помѣстились они на Фонтанкѣ, на Троицкомъ подворьѣ. Скоро по пріѣздѣ пришлось о. Макарію проститься съ радужными надеждами на осуществленіе мыслей своихъ. Прежде всего его огорчило, что проектъ его о миссіонерскомъ обществѣ при Св. Синодѣ: „мысли о способахъ къ распространенію христіанской вѣры между евреями, магометанами и язычниками въ русской державѣ“ оставленъ безъ послѣдствій; а его переводъ книги Исаи подвергся той же участи, какъ и переводъ книги Іова, т.-е. отданъ на разсмотрѣніе профессору еврейскаго языка Иванову, что то же было равносильно сдать въ архивъ. Протопопъ Ивановъ, зная хорошо какъ враждебно относились къ переводу Библіи на русскій языкъ сильные міра, не счелъ даже нужнымъ поторопиться отчетомъ, который и представилъ Св. Синоду лишь въ 1843 г., когда комиссія духовныхъ училищъ сама перестала существовать. „Переложеніе смысла подлинника“, донесъ Ивановъ, „сдѣлано большею частію правильно; но по отношенію къ языку требуется значительное исправленіе, такъ какъ встрѣчаются мѣста, изложенныя неясно, растянута, негладко, слаботонно“. Для о. Макарія было конечно безразлично, что скажетъ, какъ отзовется Ивановъ о его переводѣ; ему было

горько, что въ самомъ переводу относились враждебно, что и у насъ, какъ въ Римѣ, не хотѣли дать народу Библию на родномъ понятномъ ему языкѣ. Мало всего этого. О. Макарій долженъ былъ явиться къ митрополиту Серафиму, которому было дано порученіе прочесть о. Макарію не то наставленіе, не то увѣщаніе, чтобъ вразумить и убѣдить его отказаться отъ всякой мысли о Библии на русскомъ языкѣ. Извѣстно, что митрополитъ Серафимъ былъ когда-то самъ сторонникомъ перевода Библии на русскій языкъ, но затѣмъ перешелъ на сторону его противниковъ, поддавшись вліянію и убѣжденіямъ такихъ личностей, каковы были Шишковъ, Магницкій, Киянинъ, архимандритъ Фотій, явные пособники Аракчеева. Этому нарождающемуся временщику конечно было все равно: по-русски или по-славянски будетъ читаться Библия. Ему нужно было только выбить изъ сѣдла своего соперника, другаго временщика, кн. А. Н. Голицына. Аракчеевъ ухватился за Шишкова и всю почтенную компанію обскурантовъ какъ за людей, которые могли ему отлично сослужить службу въ этомъ дѣлѣ и ловко подблизъ ихъ дѣйствовать въ его руку. Одряхлѣвшій митрополитъ совсѣмъ подчинился ихъ вліянію и изъ приверженцевъ сталъ ярымъ противникомъ Библии на русскомъ языкѣ. Библейское общество было закрыто, кн. Голицынъ попалъ въ немилость. Митрополитъ Серафимъ сталъ явно и всячески противодействовать возможности появленія Св. Писанія на русскомъ языкѣ. Архимандриту Макарію пришлось выслушать отъ митрополита Серафима разнаго рода увѣщанія и убѣжденія сначала въ мягкой формѣ, а потомъ и въ формѣ угрозы, чтобы заставить о. Макарія отказаться отъ труда по переводу Библии на русскій языкъ. Митрополиту Серафиму тоже, въ свою очередь, пришлось выслушать всѣ доказательства, которыя о. Макарій счелъ нужнымъ привести *in extenso* для убѣжденія митрополита Серафима въ необходимости изданія Библии на русскомъ языкѣ. Въ концѣ концовъ митрополитъ Серафимъ долженъ былъ убѣдиться не въ необходимости конечно русской Библии, а въ томъ, что о. Макарія, такъ глубоко и такъ сознательно убѣжденнаго въ правотѣ и святости дѣла, которому онъ служилъ, разубѣдить и склонить на свою сторону нѣтъ никакой возможности. Ни увѣщанія, ни угрозы не дѣйствовали. О. Макарій стоялъ на своемъ: что пра-

вительство должно придти на помощь къ народу, озаботиться его просвѣщеніемъ, а не оставлять его косить въ невѣжествѣ. Дѣло кончилось тѣмъ, что митрополитъ Серафимъ отпустилъ о. Макарія съ нескрываемымъ на него гнѣвомъ. Все это, конечно, очень огорчило о. Макарія, но энергіи въ немъ не убыло, какъ увидимъ. Къ этимъ нравственнымъ непріятностямъ присоединились и физическія. Передъ отъѣздомъ въ Москву, его опять помучила лихорадка. „Въ то время личилъ меня К. Арешниковъ, получившій отъ правительства привилегію на лечение 'глазныхъ болѣзней, и многими весьма удачными опытами оправдавшій свое искусство. Лечение было благополучное и безмядное; но когда я думалъ уже отправиться въ Москву, лихорадка положила меня въ постель, долго томила и была очень сильна“ (ч. стр. 215). Но въ Петербургѣ имѣлъ онъ все-таки нѣкоторое утѣшеніе хотя въ томъ, что видѣлъ свои письма къ государю въ рукахъ митрополита Филарета, который притомъ ободрялъ его, отнесясь очень одобрительно къ этимъ письмамъ и затѣмъ обѣщаль выхлопотать изъ Св. Синода книгу для добродѣтельныхъ пожертвованій въ пособіе иностранцамъ, принявшимъ св. крещеніе, и на другіе разные предметы для миссіи необходимыя, и кромѣ того обѣщаль пріобрѣтать благотворителей для миссіи среди лицъ высшаго общества. Болѣзнь задержала о. Макарія въ Петербургѣ, откуда онъ выбрался лишь въ августѣ, когда митрополитъ Филаретъ, проводившій гдѣто въ Москвѣ, приглашалъ его къ себѣ слѣдующимъ письмомъ: „другое письмо получаю отъ васъ и все съ вѣстями о вашей болѣзни. Искренно сострадаю вамъ брате. Что же вы просите моего прощенія въ томъ, что отдаю справедливость вашему смиренному слою. Прощать васъ душа моя не требуетъ, будучи по благодати Божіей всегда въ мирѣ съ вашею, не смотря на то, что я не согласенъ былъ съ нѣкоторыми вашими мнѣніями и предположеніями. Если есть какая погрѣшность ваша предъ очами Божіими, молюсь вмѣстѣ съ вами, да простится и разрѣшится и изгладится благодатію Христовою. Желаю, чтобы врачебная помощь Александра Петровича была вамъ такъ полезна, какъ всегда полезна была мнѣ, и чтобъ возстановленіе вашего здоровья ускорилось. Пріѣхать въ Москвѣ можете или ко мнѣ на подворье, гдѣ и братъ вашъ, или въ Чудовъ монастырь въ мои келліи, гдѣ вамъ будетъ про-

сторнѣ. Мнѣ кажется лучше, чтобы вы пріѣхали на подворье: и тутъ сами разсудите, гдѣ удобнѣе. Миръ душъ вашей“. Филаретъ, митрополитъ московскій. Августа 14—1839.

О. Макарій пріѣхалъ въ Москву 25-го августа и остановился вмѣстѣ съ братомъ своимъ на Троицкомъ архіерейскомъ подварьѣ, гдѣ и пользовался гостепріимствомъ митрополита Филарета до самаго отъѣзда въ Миссію. Книгу для сбора приношеній онъ получилъ 6-го октября; при чемъ митрополитъ далъ ему слѣдующее наставленіе: „чтобы употреблялъ оную съ скромностію, предлагая только людямъ добровольно и отъ усердія располагающимся къ благотворенію, обращая при томъ ихъ вниманіе на существенную цѣль Миссіи—просвѣщеніе инородцевъ христіанскою вѣрою и утвержденіе въ оной; чтобы оставался въ Москвѣ не долѣе, какъ сколько нужно будетъ для пріобрѣтенія предполагаемыхъ пособій и для приготовленія къ удобному путешествію въ мѣсто своего назначенія; и чтобы во время отбытія моего изъ Москвы руководствовался наставленіями преосвященнаго викарія“. Митрополитъ очень хорошо сознавалъ, что наставленіе это было совершенно излишне для о. Макарія, но его оофициальное значеніе было не только не излишне, а еще необходимо для о. Макарія, котораго митрополитъ имѣлъ въ виду этимъ выгородить. Дѣло въ томъ, что митрополитъ ходатайствовалъ, чтобы св. Синодъ далъ о. Макарію: 1) книгу для сбора приношеній; 2) дозволеніе пробытъ въ Москвѣ до зимняго пути и 3) пособіе на обратный путь въ Миссію; но св. Синодъ далъ только книгу и дозволеніе пробытъ въ Москвѣ никакъ не долѣе наступленія зимняго пути, а въ пособіи отказалъ. На о. Макарія за переводъ Библии очевидно въ Петербургѣ разнѣвались. Его надо было выгораживать и митрополитъ Филаретъ, давая ему оофициальное наставленіе; „чтобы оставался въ Москвѣ не долѣе, какъ сколько нужно будетъ для пріобрѣтенія предполагаемыхъ пособій и для приготовленія къ удобному путешествію...“ выгораживалъ его и давалъ возможность пробытъ въ Москвѣ и долѣе назначеннаго св. Синодомъ срока. О. Макарій и пробылъ въ Москвѣ до 8 марта 1840 года. Не задолго передъ выѣздомъ изъ Москвы, онъ былъ огорченъ распріею съ нимъ брата его, который сначала не соглашался было ѣхать съ нимъ въ Миссію, но потомъ согласился. Выѣхалъ о. Макарій изъ Москвы съ мис-

сіонерскою братією изъ трехъ человекъ, въ 4 часа пополудни, „въ добромъ здоровьѣ, въ мирѣ и спокойствіи духа и съ глубочайшею благодарностію къ его высокопреосвященству за милостія и пріютъ“, какъ гласилъ рапортъ эконома Троицкаго подворья іеромонаха Θεоктиста. Наканунъ выѣзда о. Макарій отправилъ письмо къ митрополиту Филарету, находившемуся въ то время уже въ Петербургѣ: „высокопреосвященнѣйшій владыко, милостивѣйшій отецъ о Господѣ и архипастырѣ! Черезъ нѣсколько часовъ, если Господь благословитъ, отправляемся изъ Москвы. Совсѣмъ нѣтъ времени описывать и настоящаго дня происшествія, не только прежніе. Душа моя обрѣтаетъ утѣшеніе въ благодарныхъ чувствованіяхъ, которыхъ исполнена. Желая писать подробнѣе изъ Казани; нынѣ же, мысленно повергаясь къ стопамъ вашимъ, и лобзая священную десницу вашу, предаю себя и сущихъ со мною могущественнымъ о Господѣ молитвамъ вашимъ, и святительское благословеніе испрашиваю“. Вашего высокопреосвященства, милостивѣйшаго архипастыря и отца всепокорнѣйшій и преданнѣйшій послушникъ—миссіонеръ, архимандритъ Макарій. 1840 г. марта 7. Москва.

Съ о. Макаріемъ поѣхали: его братъ о. Алексѣй; студентъ ветеринарнаго отдѣленія медико-хирургической академіи Артемій Ловицкій, изъявившій желанія поступить въ Миссію и вѣрный слуга и постоянный спутникъ о. Макарія, А. А. Орловъ. Затѣмъ, почти въ одно время съ ними отправилась съ цѣлю служить при Миссіи дѣвица Софія Густавовна де-Вальмонъ. Она была дочь убитаго въ Бородинскомъ сраженіи офицера Густава Филипповича де-Вальмонъ, воспитывалась въ Смольномъ монастырѣ пансіонеркой императрицы Маріи Θεодоровны; при выпускѣ была удостоена золотой медали. Достигнувъ извѣстнаго возраста, оставя мысль о замужствѣ и желая посвятить себя исключительно дѣламъ благотворенія, она поѣхала служить при Миссіи женщинамъ и дѣтямъ изъ новообращенныхъ, помогая однѣмъ, просвѣщая другихъ.

Приведемъ относящіяся къ этому времени два письма митрополита Филарета къ о. Макарію: „отцу архимандриту Макарію, брату и сослужителю миръ. Богъ благословитъ вамъ новое жѣто, наипаче для преусушьянія по новому человекъ. Благодарю за письмо, которому теперь уже два мѣсяца. По извѣстному вамъ

предписанію св. Синода вы могли ожидать, что меня спросятъ о васъ, и въ томъ случаѣ, когда вы тихо сидите въ келіи, а тѣмъ паче, когда вы переселяетесь въ вѣдомости и, яко градъ верху горы,—на высотѣ печатнаго листа,—не можете укрыться отъ взоровъ и за семьсотъ верстъ. Итакъ, не почтите меня докучливымъ, если спрошу: какъ пребываете? Какіе успѣхи въ сборѣ приношеній для Миссіи? Какія ваши дальнѣйшія намѣренія? Цѣлованіе вамъ и отпу Алексѣю рукою моего смиренія, паче же сердцемъ и духомъ“. Филаретъ митрополитъ московскій. СПБ. января 6. 1840. Въ этомъ письмѣ есть указаніе на то, что о. Макарій, получившій уже книгу для сбора приношеній для Миссіи, ходатайствовалъ и о разрѣшеніи напечатать въ вѣдомостяхъ воззваніе къ пожертвованіямъ для Миссіи же.

Во второмъ письмѣ, кромѣ намена на это воззваніе, высказывается еще и мысль митрополита Филарета, бдительно охранявшаго о. Макарія, относительно дѣвицы Софіи де-Вальмонъ, изъявившей желаніе ѣхать съ о. Макаріемъ въ Сибирь, чтобы посвятить себя служенію Миссіи при обращеніи иновѣрныхъ женщинъ, воспитаніи дѣтей новообращенныхъ и для помощи больнымъ женщинамъ: „преподобнѣйшій отецъ архимандритъ! Послѣ довольнаго молчанія вашего, стая писемъ вашихъ вдругъ налетѣла на меня больнаго. Надобны были сила и время, чтобы только прочесть, особенно воззваніе, довольно протяжное. Надобно было и задуматься надъ нѣкоторыми предметами вашихъ писемъ. Не прогнѣвайтесь посему, что не тотчасъ отвѣчаю. Вы требуете отъ меня благословенія на богоугодное намѣреніе благородной дѣвицы Вальмонъ. Съ утѣшеніемъ духа призываю благословеніе Божіе душѣ ея, желающей привести себя въ жертву Богу въ служеніи вѣрѣ и человеколюбію, откроется ли, не откроется ли путь предполагаемому дѣлу. Что касается до вашихъ распоряженій по Миссіи: благословеніе на оныя вы можете имѣть отъ св. Синода и отъ мѣстнаго архиепископа, а отъ меня только совѣтъ. Совѣтъ же вамъ отъ меня въ настоящемъ случаѣ состоитъ въ томъ, чтобы вы посмотрѣли на предприемлемое окомъ осторожности. Възгъ сей лукавъ; чистому добру не охотно вѣрить; случаи къ нареканію и клеветѣ ловить жадно; жаломъ насмѣшки, даже неосновательной, язвить иногда, не безъ вреда успѣхамъ добрыхъ предпріятій. Еслибы особа съ такими способ-

ностями и расположеніями, какъ дѣвица Вальмонъ, нашлась живущею въ мѣстахъ дѣйствія миссіи, и стала принимать къ себѣ иновѣрныхъ женскаго пола для наставленія въ вѣрѣ или постѣщать ихъ для сего, и принимала бы бѣдныхъ дѣтей женскаго пола для образованія, это былъ бы добрый вспомогательный отрядъ для духовнаго воинствованія Миссіи, для распространенія побѣды Христовыхъ надъ царствомъ тьмы. Иное дѣло, если заведеніе сего рода присоединится къ самой Миссіи, помѣстится въ ея жилищахъ, будетъ во всемъ отъ нея зависть. Польза быть можетъ: но могутъ встрѣтиться и большія неудобства; и вамъ трудно будетъ отбросить бремя, которое приняли на рамена свои, съ обнаженіемъ принятыхъ, и болѣзненно, если велѣть отбросить оное. По моему мнѣнію, дѣвица Вальмонъ не должна вамъ сопутствовать, и вы, на случай ея путешествія, не должны ей ничего обѣщать, не снесясь съ епархіальнымъ начальствомъ. Вы говорите о діакониссахъ. Но отъ чего сей чинъ прекратился въ церкви? Отъ того ли, что отцы наши меньше насъ знали, что для церкви полезно и что по времени удобно или неудобно? Я не почитаю возстановленіе сего чина ни безпользы, ни невозможнымъ, но вы видѣли, что наши мысли о діакониссахъ дошли до начальства и встрѣтили только молчаніе. Мнѣ не удалось еще говорить о напечатаніи вашего протяженнаго воззрѣнія. Сомнѣваюсь, чтобы согласились, когда прежде, обѣщая вамъ книгу для сбора приношеній, несогласались, чтобы о семъ объявлено было въ вѣдомостяхъ. Давъ вамъ потребный отвѣтъ, остаюсь съ желаніемъ вамъ благодати и мира Господня, и всякаго благопоспѣшества служенію вашему, во спасеніе душъ, въ умноженіе вамъ радости спасенія и вѣчнаго воздаянія. Вашего высокопреподобія усердный слуга Филаретъ, митрополитъ московскій. Спб. фев. 7, 1840 г.». Изъ письма этого ясно, что превосходный проектъ о. Макарія по учрежденію Миссіонерскаго Общества при св. Синодѣ для успѣшнѣйшаго распространенія христіанства между евреями, магометанами и язычниками, проектъ, въ которомъ предполагались между прочимъ и діакониссы, не удостоился вниманія, что совмѣстное путешествіе о. Макарія и дѣвицы де-Вальмонъ митрополиту Филарету, дорожившему репутаціей о. Макарія, было не по сердцу, и что Филарета интересовала сумма сбора въ Москвѣ на Миссію.

С. Г. де-Вальмонъ поѣхала на службу въ миссію, конечно, совершенно отдѣльно; что же касается до суммы сбора, то она была очень удовлетворительна. Въ средѣ московскаго общества, и особенно высшаго, о. Макарій пользовался обширнымъ знакомствомъ, благодаря конечно митрополиту Филарету и отношеніямъ своимъ къ князю А. Н. Голицыну, а больше всего благодаря своимъ нравственнымъ качествамъ. Сборъ былъ очень утѣшительный для пособія нуждамъ миссіи, крайне бѣдной по средствамъ.

Теперь послѣдуемъ за о. Макаріемъ въ его обратный путь въ Сибирь, руководствуясь къ сожалѣнію за неизмѣнимъ другихъ матеріаловъ только его письмами „Въ Богородскѣ“,—писать къ П. П. Г. о. Макарій,—„сѣхались мы съ двумя семействами сибиряковъ, которыя возвращались изъ Петербурга: одно въ Тобольскѣ, а другое въ Барнауль (городъ ближайшій къ Бійску), и казались мнѣ представителями Сибири, пріѣхавшей и хотѣвшей принять меня изъ рукъ Москвы и сокрыть скорѣе въ нѣдрѣ своемъ. Но Москва передала Казани, какъ я объясню вамъ это послѣ; и мы со всѣхъ сторонъ видѣли надобность остановиться и остаться въ Казани, если не до новой зимы, то по крайней мѣрѣ до лѣта, потому что и тѣлесныя немощи, впрочемъ больше мои, нежели братій моихъ, предъявили требованія отдохновенія, и правило осторожности воспрещало пускаться въ даль по распутью весеннему; сырость и холодъ, раскаты и рытвины, тряска и другія неловности, часто смѣшныя и всегда горькія, однообразіе печальныхъ видовъ мертвой природы подъ бѣлымъ саваномъ,—все это было доказательствомъ, что путешествіе въ лѣтнее время было несравненно пріятнѣе и для слабыхъ тѣлосложеній здоровѣе; наконецъ опыты самой службы увѣрили, что намъ полезно пожить въ Казани для изученія формъ и правилъ кореннаго татарскаго языка, имѣющаго словарь и грамматику и для собранія нѣкоторыхъ другихъ познаній“. Все это доказываетъ, прибавимъ мы, что о. Макарія не покидала давно имъ желанная и извѣстная намъ уже мысль и желаніе поучиться въ университетѣ,—какъ это мы и увидимъ. „Марта 9 числа, мы проѣхали чрезъ Владиміръ, не выходя изъ повозокъ; такъ торопились“... Затѣмъ слѣдуетъ дневной текстъ и объясненія, которыя, какъ и всегда, такъ просты и назида-

тельны, что могут замѣнить проповѣди. Мы не выписываемъ ихъ, потому что это завело бы насъ далеко, да и знакомиться съ ними полезнѣе и пристойнѣе не въ отрывкахъ, а въ цѣлости. На одномъ изъ перегоновъ между г. Владиміромъ и с. Лысковымъ ямщикомъ былъ отрокъ, который порадовалъ о. Макарія тѣмъ, что вмѣсто народныхъ пѣсней пѣлъ церковныя гимны. Добиваясь распространенія грамотности въ народъ, о. Макаріій замѣчаетъ относительно ямщика: дьячекъ приходской церкви училъ его грамотѣ. Не правда ли, что грамота далась ему на славу Божию, на украшеніе и назиданіе церкви и на пользу душъ его? Не правда ли, что тѣ одѣлали доброе, богоугодное дѣло, которые надѣляли его умнѣемъ читать Псалтирь и Евангеліе, священную исторію и катихизисъ и пѣть: „Слава въ вышнихъ Богу!“—О, да устыдятся мнѣніи своихъ тѣ боязливые, которые хотѣли бы удержать земледѣльцевъ нашихъ во мракѣ невѣжества!—„Но, не смотря на крикъ ихъ“,—пророчески прибавляетъ о. Макаріій,—„тьма уже проходитъ, и свѣтъ истинный уже сіяетъ“ (1 Иоан. 2, 8).

Провѣзая 11 марта село Лысково, о. Макаріій не счелъ возможнымъ остановиться тамъ и посѣтить князя Георгія Александровича Грузинскаго, отца графини А. Е. Т., съ которой былъ знакомъ по Москвѣ, потому что боялся задержки въ пути отъ наступившей распутицы, представившей затрудненія къ скорѣйшему достиженію Казани, куда онъ торопился такъ, что проѣхалъ и Муромъ и Нижній-Новгородъ проселочными дорогами, вынося всю горечь такого пути. Прося П. П. Г. извиниться за него передъ графиней А. Е., о. Макаріій такъ говоритъ о Москвѣ: „А мысль объ одномъ комъ-либо изъ Москвы тотчасъ ведетъ за собой воспоминанія и о другихъ вашихъ согражданахъ, и всѣ эти воспоминанія наконецъ сливаются въ одну мысль обо всей Москвѣ, объ одной Москвѣ во вселенной, объ этомъ святилищѣ народа русскаго, гдѣ еще можно видѣть, какъ золотой свѣтильникъ восточной церкви горитъ предъ престоломъ Господнимъ, объ этомъ добромъ сердцѣ земной отчизны моей, къ которому Провидѣніе благоволило приблизить меня, дабы я могъ почувствовать, какъ оно бьется для всего благотворнаго и божественнаго“... „Марта 13 числа мы пріѣхали подъ вечеръ въ Чебоксары и напившись горячаго, опять пустились въ путь свой. Наши

сибирскіе земляки то отставали, то догоняли насъ, то опереживали. Дорога по Волгѣ была прекрасная; только въ одномъ мѣстѣ кони принуждены были тянуть съ полверсты наши повозки по голой глинѣ. Такъ пріятнѣйшія состоянія утѣшеній, удобствъ, упокоеній не бываетъ безъ полосъ труднаго времени“.

14 марта при самой благопріятной погодѣ о. Макарій прибыль въ Свіяжскъ, куда въ то же время пріѣхалъ и попечитель казанскаго университета Пушкинъ. Воспользовавшись случаемъ, который привелъ Пушкина въ ту же комнату, гдѣ о. Макарій пилъ чай въ ожиданіи лошадей, о. Макарій выразилъ желаніе слушать съ своими сотрудниками въ казанскомъ университетѣ нѣкоторыя лекціи, и получилъ согласіе на то.—„И вотъ отправились мы изъ Свіяжска въ Казань, по слѣдамъ попечителя. Быстрые кони поглощали землю; разстояніе исчезало, и мы скоро увидѣли этотъ городъ, нѣкогда бывший столицею враговъ Россіи; скоро въѣхали въ улицы и пристали къ одной гостинницѣ“... Въ тотъ же день пріѣхала въ Казань Софья Густавовна де-Вальмонъ и остановилась въ домѣ одного протоіерея. На другой день явился къ о. Макарію П. Л. К. и предложилъ свой домъ для пристанища о. Макарію со спутниками, что сначала удивило о. Макарія; но потомъ порадовало, когда онъ узналъ, что этимъ онъ обязанъ своему бывшему прилежному, даровитому и благонравному ученику по екатеринславской семинаріи Л. А. Я. (теперь профессоръ московской медико-хирургической академіи). Этотъ Л. А. Я., домашній врачъ москвича П. И. К., подалъ своему пациенту мысль придти такимъ образомъ на помощь о. Макарію чрезъ своего казанскаго пріятели П. Л. Кр—ва. „Незаслуженное мною усердіе внушило ему (Л. А. Я.) добрую мысль уготовить намъ въ Казани пристанище, когда мнѣ и на мысль не приходило просить его, или косвеннымъ образомъ намекать ему объ этомъ. Онъ сообщилъ свою мысль моск. гражд. К., а сей, усвоивъ ее добродѣтельнымъ и благороднымъ сердцемъ, передалъ страннопріймцу нашему казанск. гражд. Кр—ву. Господь и Богъ нашъ Іисусъ Христосъ да воздастъ всѣмъ имъ Своими благословеніями! Теперь вы можете видѣть, какъ Москва передала меня Казани: помогите же мнѣ принести Господу благодареніе о сихъ свидѣтельствахъ и знаменіяхъ Его отеческаго милowanія и попеченія. И не все ли это новыя возбужденія, поощренія, указанія къ

усерднѣйшему и чистѣйшему служенію въ благодатномъ царствѣ Его, которая есть церковь Его? Домъ гражданина Кр. правилами благочестія, честности, благотворительности пріобрѣтъ общее уваженіе всѣхъ сословій; мѣра, какою сей домъ благотворить намъ, столько щедра, что пошло уже черезъ край нашихъ потребностей и желаній; наконецъ, дабы вы могли видѣть, съ какими удовольствіями и удобствами соединено пребываніе наше въ семъ домѣ, скажу вамъ, что и приходская церковь отсюда не далеко, и есть церковь въ университетѣ, а сіе заведеніе противъ самаго дома, и намъ весьма легко приходитъ на публичныя и классныя лекціи по разнымъ наукамъ; а по татарскому языку беремъ уроки дома. П. І. такимъ же образомъ упокоиваетъ дѣвицу Софію подъ кровомъ своимъ. Разумѣется, что ее помѣстили въ покоѣ отдаленномъ отъ нашихъ, и хотя она съ нами не ходитъ на университетскія лекціи, однако въ келліи своей, подъ руководствомъ учительницы, пріобрѣтаетъ знанія, могущія, при Божіемъ благословеніи, сдѣлать полезнѣйшимъ и плодоноснѣйшимъ то служеніе женскому полу между новокрещенными при нашей миссіи, которому она посвящаетъ себя ради Христа“.

Устроившись такъ неожиданно хорошо и покойно, о. Макарій могъ удовлетворить давнишнему желанію поучиться въ университетѣ, хотя во время своего перепутья. Вотъ что пишетъ онъ по возвращеніи на Уладу ³⁰⁾: „Мнѣ хотѣлось написать вамъ

³⁰⁾ Въ изданіи его писемъ 1860 года, ч. I, стр. 5. Это письмо значится въ въ числѣ писемъ къ П. П. Г., а въ апрѣльской книжкѣ «Страничка» за 1861 г. это письмо заключается въ перепискѣ о. Макарія съ Е. М. Засѣдко,—что вѣрнѣе, мы рѣшать не беремъ; предполагать же, что письма одного и того же дословнаго содержанія были отправлены о. Макаріемъ къ двумъ лицамъ неумѣстно, тѣмъ болѣе что въ письмѣ («Страничка», стр. 227, въ письмахъ о. М. ч. 1, стр. 52) онъ между прочимъ пишетъ: «Привошу вамъ и кн. Н. С. чувствительнѣе благодареніе за книгу—*ботлику* хозяйственную и врачебную, я получилъ ее еще въ Казани. Такимъ образомъ выходитъ какъ-будто онъ благодаритъ два разныхъ лица за одну и ту же книгу. На пропуски и небрежность въ изданіи его писемъ 1860 г., при сравненіи съ изданіемъ 1851 г. мы указали выше; а теперь укажемъ, что въ поминутой книжкѣ «Страничка», на стр. 212 сказано: «Въ бытность свою въ Петербургѣ и Москвѣ въ 1840 г., о. архимандритъ Макарій познакомился вновь и возобновилъ знакомство съ очень многими извѣстными по своей образованности и высокой нравственности особами и между прочимъ съ покойнымъ генералъ-лейтенантомъ Засѣдко и добродѣтельной его супругою Е. М. Съ по-

длинное письмо и представить подробный отчетъ о томъ, какъ у насъ проходило время въ Казани и какъ мы достигли Алтайскихъ горъ и перваго стана нашей миссіи. Я ожидалъ свободнаго времени; но вотъ два мѣсяца прошло, а времени для многословія нѣтъ какъ нѣтъ: и потому я долженъ уже кратко сказать, что мы въ Казани до праздника Пасхи учились книжному татарскому языку, имѣющему словарь и грамматику. Надѣюсь, что знакомство это поможетъ намъ въ благопотребномъ для дѣла Божія изученіи безграмотныхъ здѣшнихъ язычниковъ, которые всѣ татарской породы. Послѣ Пасхи мы брали уроки по анатоміи; между тѣмъ слушали въ университетѣ публичныя лекціи и по другимъ наукамъ; а сестра Софія обучалась повивальному искусству, и одинъ разъ была на практикѣ. Дважды мы ходили на тамошнюю обсерваторію и удивлялись огромной, великолѣпной, достойной звѣзднаго неба трубъ, недавно полученной изъ Германіи,—и механикѣ, помогающей сему орудію исполнять хотѣнія астронома, который такъ легко поднималъ его вверхъ, наклонялъ внизъ, обращалъ во всѣ стороны,—и устройству самой обсерваторіи, которая, не умѣю сказать вамъ какъ, при содѣйствіи одного человѣка приходитъ въ движеніе и ходить вокругъ васъ, представляя взорамъ красоты неба со всѣхъ сторонъ посредствомъ оконъ, которыя отворяются только при наблюденіяхъ; они похожи на двери, хотя, конечно, не на врата небесныя, нѣкогда открывавшіяся въ духѣ патріарха Іакова въ сновидѣніи, когда онъ былъ въ Веѣлѣ, и показавшія ему таинственную лѣстницу, по которой ангелы Божіи отъ земли восходили на небо и съ неба нисходили на землю, и которая на вершинѣ своей являла Бога. Приятно было поглядѣть на луну и погадать о составѣ массы, едва ли не известковой: по крайней мѣрѣ такъ показалось мнѣ и тоже подтверждалъ профессоръ Симоновъ. Приятно было посмотреть на *Юпитера* въ поясѣ, и на его невидимыхъ для безоружнаго зрѣнія спутниковъ, которые вмѣстѣ съ планетою вотъ какую представляютъ фигуру²¹⁾. Приятно было видѣть *Сатурна* въ кольцѣ и слушать астронома Симонова,—

слѣдствіе по возвращеніи своемъ изъ путешествія велъ онъ переписку довольно любопытную, часть которой сообщается мною».

²¹⁾ Въ подлинномъ письмѣ находится начертаніе этой фигуры.

мужа, украшеннаго знаніями. Если думаю; и простой зритель природы, котораго душа въ дружественной гармоніи съ твореніемъ Божиимъ наслаждается священнымъ умиленіемъ, смотря на небо, усѣянное звѣздами, и восклицаетъ съ Давидомъ: *Небеса проповѣдаютъ славу Божию и о дѣлахъ рукъ Его вѣщаютъ твердь. День дню перемѣняетъ слово, и ночь ночи открываетъ познаніе. Нѣтъ язика и чинъ нарѣчія, на которомъ былъ бы не слышанъ голосъ ихъ. Звукъ ихъ проходитъ по всей землѣ, и слова ихъ до предѣловъ вселенныя* (Псал. XVIII, 2—5). *Глагола Господь нашъ! Какъ величественно имя Твое по всей землѣ! Ты вознесъ величіе Свое прѣвыше небесъ. Когда взираю на небеса Твои, дѣла Твоихъ перстовъ, на луну и звѣзды, которыя Ты поставилъ: то, что есть человекъ, что Ты помнишь Его? И что есть смыслъ человеческій, что Ты поспѣшаешь его?* (Пс. VIII, 2—4, 5). Если, говорю, сія гармонія міровъ слышится и тотъ, кто геометріи не учился, и восхищается, кого Пифагоръ не принявъ бы въ школу свою, и тотъ, имѣя правое сердце, можетъ чрезъ разсматриваніе тварей, видѣть *невидимое Божіе, Его вѣчную силу и Божество* (Рим. 1, 20), и удивляться: то сколь возвышенныхъ и смиренныхъ, благороднѣйшихъ и блаженнѣйшихъ утѣшеній исполнены чувствованія мудраго, созерцающаго дѣла и уставы Божіи въ естество умомъ, просвѣщеннымъ религіей и наукой? — Обозрѣвая сокровища анатомическаго кабинета, мы смотрѣли съ чувствомъ благоговѣнія на младенца въ утробѣ матери, какъ бы висящаго тамъ въ колыбели, согбанной рукою чудной художницы — премудрости Божіей; но мы видѣли только слабое, хотя при всемъ томъ достойное удивленія, подражаніе въ произведеніи человеческого искусства; потому что и мать и младенецъ адебастровые, если не мраморные. Впрочемъ, когда профессоръ (г. Аристовъ) изъяснялъ намъ организмъ человеческій, тогда все, о чемъ онъ ни говорилъ, надлежало видѣть въ натурѣ; и тѣло мужское передъ нами лежало, постепенно разсѣкаемое и наконецъ чрезвычайно обезображенное. Воздухъ и безъ того въ этой палатѣ, называемой театромъ анатомическимъ, всегда представляетъ для обонянія запахъ тлѣнія, а теперь съ этимъ сырломъ соединились виды самыя отвратительныя и я; чтобы подрѣпить нервы и отбить одно зловоніе другимъ, понюхивалъ *asia foetida*. Вотъ какъ справедлива пословица: „охота сильнѣе неволи“. Но за всё

непріятности и оскорбленія чувствъ мы были щедро награждаемы умственными удовольствіями. Сухой ли черепъ головы человѣческой мы разсматривали и видѣли знаменіе креста въ соединеніи швовъ его; или мозгъ и въ мозгу (видѣли) то самое мѣсто, гдѣ знаменитый Декартъ поставлялъ престолъ души, и на томъ мѣствѣ Богъ вѣдаетъ по какой физической надобности находящіяся песчинки, которыя напоминаютъ о Божественномъ изреченіи: „ты персть и въ персть обратишься“, и о молитвѣ Моисея въ псалмѣ 89, гдѣ сказано: „Ты возвращаешь человѣка въ тлѣніе и говоришь: возвратитесь сыны человѣческіе!“—Или столь прочную и столь нѣжную и столь вѣрную камеру-обскуру нашего глаза мы разсматривали, или ухо и въ ухѣ три косточки: стремя, сущее стремя, молоточекъ, наковальню; или тонкія, бѣлыя ниточки: нервы—первые исполнители и орудіе мыслей и велѣній души; или артеріи, несущія по всему тѣлу, изъ легкихъ и сердца, красную кровь, весь организмъ восстанавливающую и питающую; или вены, наполненыя мутною, нечистою кровію, которая, снизу восходя вверхъ чрезъ сердце въ легкія, тамъ, посредствомъ дыханія, получаетъ свыше очищеніе воздухомъ, удобреніе, преобразеніе въ хорошую кровь краснаго цвѣта, опять сверху идущую внизъ артеріями и опять внизу оскверняющуюся и опять вверхъ восходящую венами, для удивительнаго возрожденія въ легкіяхъ. Мы были также въ зоологическомъ кабинетѣ, водили меня и въ ботанической садъ и показывали гербаріи многіе; но не было времени учиться ни вообще естественной исторіи, ни въ особенности ботаникѣ. Впрочемъ я пользовался презанятельными и продолжительными бесѣдами профессора ботаники, г. Корнуха-Троицкаго; и еще чаще, такимъ образомъ, роскошествовалъ у ректора университета г. Лобачевскаго, котораго умъ и даръ слова приводили меня въ удивленіе, и у доктора Фукса, въ которомъ не знаешь чему болѣе удивляться: богатству ли познаній, или добротѣ сердца и веселому нраву на старости. Но если у этихъ особъ для меня пріятно было молчать и слушать, то нигдѣ въ Казани не было такъ легко и свободно говорить о Божественномъ, какъ въ домѣ Липуновыхъ, преданныхъ Господу Иисусу Христу и св. церкви Его. Изливая душу мою въ кругу сего семейства благословеннаго, я забывался и можетъ быть утомлялъ собесѣдниковъ многословіемъ; а для меня, чѣмъ болѣе распро-

странилось сердце, тѣмъ болѣе сокращалось время; и часы мчались быстрымъ полетомъ. Но вотъ время летить и нынѣ, и память представляетъ многія требованія службы, которыя несомнѣнны, и совѣсть въ колокольчикъ позваниваетъ, призывая къ благоразумію и порядку“. — Затѣмъ слѣдуетъ письмо, въ которомъ онъ отказывается говорить о Казани и предоставляет описать ихъ С. Г. де-Вальмонъ, которая была знакома и переписывалась съ Е. М. Засѣдко.

Такимъ образомъ мы ничего не знаемъ о пути о. Макарія отъ Казани до Алтая и можемъ указать только на одинъ фактъ, подтверждающій его любознательность и разсказанный въ той же книжкѣ „Странника“ на стр. 211: „До какой степени о. архим. Макарій былъ любознателенъ и не любилъ останавливаться при встрѣчаемыхъ на пути своемъ препятствіяхъ, это можно отчасти видѣть изъ слѣдующаго разсказа, слышаннаго мною отъ И. А. Смирнова, служившаго въ пермской семинаріи во время проѣзда о. архимандрита Макарія изъ С.-Петербурга въ Уладу въ 1840 г.: „Узнавъ что я землякъ его, говорилъ мнѣ И. А., и преподаю между прочимъ физику, о. архимандритъ Макарій просилъ меня преподавать ему нѣсколько уроковъ изъ этой науки. Сколько я ни отговаривался, но наконецъ долженъ былъ согласиться на его предложеніе: въ два, три приѣма и отчетливо, какъ мнѣ казалось, объяснилъ ему согласно его желанію теорію о звукѣ. О. архимандритъ однакоже не удовлетворялся моими объясненіями, возражалъ мнѣ и поставилъ было меня въ затрудненіе. Къ счастью между разговоромъ намекнулъ онъ, почему такъ интересуютъ его ученіе физиковъ о звукѣ,—и я вышелъ изъ того затрудненія, въ какое былъ поставленъ. Дѣло вотъ въ чемъ: не въ дальнемъ разстоніи отъ одного изъ становъ миссіи находилось, по словамъ о. архимандрита Макарія, большое озеро, примыкавшее одной стороною къ горѣ съ пещерою, и изъ этого озера по временамъ исходили звуки. Суевѣрные туземцы, не умѣя объяснить такое явленіе причинами естественными, полагали, что оно есть дѣйствіе духа, живущаго въ озерѣ и требующаго жертвы, и не взирая ни на какія убѣжденія со стороны о. архимандрита Макарія, оставались при своемъ мнѣніи: приносили озеру по своему обычаю жертвы. Я объяснилъ о. Макарію, откуда и какъ образуются звуки эти, и онъ успокоился.

Затѣмъ о пути до Томска мы ничего не знаемъ, а писемъ С. Г. де-Вальмонъ намъ добыть не удалось. Известно только изъ письма самого о. Макарія къ Е. Ѡ. Н. (изд. 1851 г., стр. 145), что всѣ они благополучно добрались до Томска 8 іюня ввечеру. О. Макарій въ тотъ же вечеръ явился въ преосвященному томскому, а на другой день представлялась С. Г. де-Вальмонъ, „которая была обрадована благосклоннымъ пріятіемъ и разглагольствіемъ и получила святительское благословеніе на вступленіе въ богоугодный подвигъ сослуженія съ недостойнствомъ нашимъ при алтайской церковной миссіи“.

По пріѣздѣ въ Томскъ о. Макарій узналъ о кончинѣ въ его отсутствіе старца Петра, который служилъ миссіи съ ея основанія и о которомъ онъ не разъ упоминалъ въ своемъ дневникѣ и письмахъ. „Но вотъ и крестъ“, пишетъ онъ (стр. 146), „старецъ Петръ, лучший сотрудникъ и другъ мой искреннѣйшій, съ которымъ свиданіе обѣщало мнѣ столько утѣшеній, скончался на третьей недѣлѣ великаго поста. Помяная его и взирая на блаженное окончаніе житія его, чувствую побужденіе подражать вѣрѣ его и желаніе разрѣшиться отъ узъ брэннаго тѣла и переселиться въ лучший міръ, гдѣ мнѣ на сердце не приходило бы ничто, противное святости Божіей, какъ на сердце человеку не приходитъ и то, что угодовалъ Богъ любящимъ Его“. — Этотъ старецъ Петръ Терентьевичъ Лисицкій былъ изъ государственныхъ крестьянъ Старо-Оскольского уѣзда, попавшій въ Сибирь на поселеніе за то, что какимъ-то образомъ пропустилъ въ ревизіи своего племянника. Выростивъ и устроивъ своихъ дѣтей, онъ собирался удалиться отъ мірской суеты въ монастырь, но попалъ въ тюрьму и затѣмъ въ Сибирь. Грамотный и благочестивый, онъ пріютился при миссіи и неумоимо служилъ ей до конца жизни. Онъ и въ церкви читалъ, и хлѣбы пекъ, и за огородомъ ходилъ, и за новокрещеными наблюдалъ въ родѣ благочиннаго, обходя всегда пѣшкомъ ихъ жилища, какъ бы далеко они не находились. Когда онъ явился, „мы объяснились“, пишетъ о. Макарій, „и мнѣ стыдно было устыдиться его оковъ, его темницы смрадной, его изгнанія, сего названія „несчастный“, столь неприличнаго христіанину, который Бога благодаритъ и прославляетъ о всемъ. Разглагольствія съ онымъ старцемъ нерѣдко напоминаютъ мнѣ о тѣхъ утѣшеніяхъ, которыя находилъ

я въ общеніи съ вами, незабвенные отцы и братія Глинскаго общежитія. Общежитіе у насъ и съ отцемъ Петромъ, который служить при миссіи изъ безкорыстнаго усердія, безъ жалованья, безпечально довольствуясь простою пищею и одеждою“.

Выѣхавъ 11 іюля изъ Томска, о. Макарій прибылъ съ спутниками въ ночь на 20 іюля въ Майминскій станъ миссіи. Тутъ имѣлъ онъ радость по принесеніи съ давнокрещеными и новокрещеными инородцами, составляющими деревеньку Майму, Господу Богу благодаренія о возвращеніи къ миссіи и по обзорѣнн миссіи узнать, что о. Анастасій, замѣнявшій его во время отсутствія его, приобрѣлъ еще 60 человѣкъ, соединившихся съ перновью. „Если сложить это число съ числомъ 477 прежде крещеныхъ миссіею и съ числомъ 25 крещеныхъ мною по возвращеніи ²³⁾, то получите число 562: небольшое количество, но оно даетъ столько работы, что силъ у насъ недостаетъ для исполненія всѣхъ обязанностей и требованій службы по совѣсти; посему я, еслибы и суетности своей угождать хотѣлъ, то не имѣлъ бы чѣмъ потщеславиться предъ человѣками, а предъ Господомъ Богомъ кругомъ въ долгахъ, въ неоплатныхъ долгахъ, и мысль о нихъ могла бы повергнуть меня въ отчаяніе, еслибы Сынъ Божій не пришелъ спасти грѣшниковъ и не сказалъ мнѣ, что Тотъ, Кому я столько долженъ, Кому я не могу уплатить долговъ своихъ, есть Отецъ мой и все прощаетъ мнѣ, если я, чадо Его, и самъ прощаю всѣмъ должникамъ моимъ“... Такъ мало о. Макарій цѣнилъ труды свои. Въ Маймѣ онъ долженъ былъ прожить нѣкоторое время, прежде чѣмъ перебраться окончательно въ избранный имъ станъ въ Улагу.—„Пока дѣвица Софія не осмотрѣлась на новомъ мѣстѣ пребыванія въ деревенькѣ Маймѣ, пока не завела маленькаго хозяйства въ домикъ своемъ, состоящемъ изъ двухъ комнатъ раздѣленныхъ сѣнями, принадлежащемъ Миссіи, но поставленномъ за оградю миссіонерскаго стана, пока она не приучилась нѣсколько готовить оглашаемыхъ къ святому крещенію, пока не ознакомилась съ жителями деревни, пока не завязала первыхъ узловъ общенія христіанскаго съ благонравнѣйшими изъ тамошнихъ женщинъ, пока у нея не составилаеь неболь-

²³⁾ Письмо датировано 6 февраля 1841 г. Улага.

шая дѣвичья школа,—я находился въ Майминскомъ станѣ Миссіи; а потомъ, оставивъ тамъ о. Пароенія и бр. Артемія (Ловицкаго?), переѣхалъ въ селеніе Удалу (отъ Маймы до нея верстъ восемь), и здѣсь донинѣ живу, посѣщая по временамъ станъ Майминскій, чтобы взглянуть на состояніе и занятія братьевъ и сестеръ. Ибо кромѣ дѣвицы Софіи служить при Миссіи одна преклонныхъ къ старости лѣтъ вдова Прасковья, — мачиха бр. Стефана (Ландышева), — того самаго, о которомъ я говорилъ въ началѣ письма. Надобно вамъ сказать, что этотъ добрый человекъ вступилъ въ составъ нашей Миссіи въ 1836 г., родина его въ нижегородской епархіи, онъ сынъ діакона, матери лишился въ младенчествѣ; отецъ же его, не знаю по какимъ случаямъ посланный въ Сибирь, поселился въ Томскѣ и тамъ вступилъ во второе супружество. Но когда настала зима его. т.-е. старость, тогда вздумалось ему вызвать къ себѣ изъ епархіи нижегородской сына, уже кончившаго учебный курсъ въ семинаріи. Добрый юноша, ни на что несмотря, летитъ въ Сибирь послужить родителю въ старости, раздѣлить горькую участь его. Здѣсь онъ получаетъ чрезъ епископа указаніе вступить въ алтайскую миссію и послѣдуетъ оному безъ сомнѣнія. Въ 1838 г. самъ епископъ представлялъ ему учительское мѣсто въ томскомъ церковномъ училищѣ съ хорошимъ жалованьемъ; но онъ такъ уже прильпился къ Миссіи, что не хотѣлъ оставлять ея и отказался отъ всѣхъ удобствъ и выгодъ, чтобы служить Господу при возрожденіи человѣческихъ душъ въ вѣчную жизнь, и донинѣ совершаетъ сіе служеніе съ примѣрнымъ усердіемъ, имѣя благопотребныя къ тому способности, знанія, дарованія, нравы и правила. Что приковало его къ службѣ, въ которой онъ имѣлъ многія скорби, особенно въ первые годы? Что кромѣ воли Божіей, которая является любовію къ твари, когда сія покоряется, предаетъ волю свою Творцу, вѣщающему: „сынъ мой! дай мнѣ сердце твое“! Въ 1838 году бр. Стефанъ убѣдилъ отца своего переселиться къ намъ въ деревню Майму; но чрезъ годъ старецъ скончался и вотъ какими путями вступили въ Миссію сынъ его и вторая жена его. Старица Прасковья печетъ хлѣбы на братьевъ, живущихъ въ майминскомъ станѣ, начальствуетъ въ богадѣльнѣ и на часть ея перепадаютъ дѣла послушанія довольно черныя, которыя она обрабатывала донинѣ

съ достохвальнымъ терпѣніемъ и усердіемъ: напрімѣръ вскорѣ по возвращеніи моемъ сюда вступила въ богадѣльню одна вдова изъ числа новокрещенныхъ въ болѣзни, которая была и опасна и отвратительна, вивствѣ съ младенцемъ своимъ, который также былъ боленъ и весьма жалокъ. Старца не возгнущалась обмы- вать въ банѣ и мать и дѣтище, и Господь благословилъ трудъ челоѣколюбія и послушанія, такъ что вдова и дитя ея теперь здоровы и какъ бы переродились. Богадѣльня еще дагѣ отъ ограды миссіонерскаго стана нежели домигъ, въ которомъ жи- тельствуетъ дѣвица Софія, и состоитъ, какъ и сей, изъ двухъ покоевъ раздѣленныхъ сѣнями, съ тою разницею, что эти покой пространнѣе комнатъ дѣвицы Софіи. Ревностные труды и сей благородной сестры донныѣ явно содѣйствовали къ успѣхамъ служенія Миссіи въ здѣшнемъ краю. Она помогаетъ больнымъ, при помощи Божіей, иногда аллопатическими, а преимущественно гомеопатическими лѣкарствами, старается путями привѣтли- ваго обращенія съ дѣвицами, вдовами и замужними женщинами распространять между ними познаніе истинъ евангельскихъ, приглашаетъ ихъ въ домигъ свой по вечерамъ и преимуще- ственно субботнимъ, и въ снхъ собраніяхъ читаетъ имъ святое Евангеліе и разныя нравственно-духовнаго содержанія книжицы; читаетъ новокрещенымъ и оглашаемымъ женщинамъ написан- ное на татарскомъ языкѣ краткое изложеніе ученія христіанской вѣры и пріучаетъ ихъ къ молитвѣ и труду, раздаетъ имъ волну и лёнъ чтобъ пряли, потомъ беретъ у нихъ пряжу и холстомъ за нее платитъ имъ, а другимъ ради Христа помогаетъ и туне съ благоразуміемъ, между тѣмъ учить дѣвочекъ грамотѣ и въ числѣ ученицъ ея находятся дочери новокрещенныхъ, а нѣкото- рыя изъ нихъ и живутъ въ ея домигѣ; послѣ чтенія дѣвочки учатся пѣть церковныя гимны и другія духовныя пѣсни и зна- комятся съ первоначальными ариѣметическими соображеніями по пальцамъ. Переѣхавъ на Улагу, я переводилъ съ російскаго нарѣчія на телеутское или псалмы, или первое посланіе Іоанново, или избранныя вообще изъ Священнаго Писанія тексты въ си- стематическомъ порядкѣ, или молитвы въ пользу новокреще- нныхъ. Кромѣ Маймы, выѣзжалъ только разъ въ другія селенія, и въ одномъ изъ нихъ приводилъ два семейства татарскаго племени къ союзу съ церковію Христовою внушеніемъ ученія

евангельскаго и крещеніемъ. Въ другія времена посѣщали новокрещенныхъ о. Анастасій, о. Пароеній, о. Василій; но о. Анастасій былъ приставленъ къ Миссіи только на время путешествія моего въ Петербургъ и потомъ возвратился въ Томскъ, гдѣ онъ имѣеть должность казначея при епископскомъ домѣ. Въ обоихъ станахъ Миссіи продолжалось общественное богослуженіе и совершеніе литургіи, обученіе мальчиковъ грамотѣ, назначеніе новокрещенныхъ и оглашаемыхъ, разнообразное вспоможеніе больнымъ и бѣднымъ тѣми способами, какіе Миссіи поручаются церковію. Но я лично обученіемъ мальчиковъ не занимался, а сотрудникамъ предоставлялъ тотъ трудъ, для котораго не имѣю ни силъ, ни времени. Они же приготовляли пищу и вообще заботились о экономіи⁴. Мы нарочно привели цѣликомъ эту часть обширнаго письма о. Макарія къ великосвѣтской дамѣ. Это единственный, сколько намъ извѣстно, случай изъ его переписки, гдѣ онъ довольно подробно излагаетъ дѣятельность миссіи послѣ своего путешествія, именно съ цѣлю послѣ неудачи съ его воззваніемъ привлечь средства для дальнѣйшаго развитія дѣятельности миссіи среди инородцевъ. „Покорнѣйше прошу васъ“, — продолжаетъ онъ, — „позволять всякому читать мое письмо, кому только будетъ благоугодно знать о теперешнемъ состояніи церковной алтайской миссіи. Богъ вездѣсущій да возглаголетъ за насъ живымъ и дѣйственнымъ словомъ Своимъ въ сердца всякаго благотворно содѣйствующаго намъ въ служеніи, принадлежащемъ всей церкви! Но молитесь за насъ, святые о Христѣ Иисусѣ братія и отцы, дабы кому-нибудь изъ насъ не остаться въ числѣ *многихъ*, которые нѣкогда скажутъ Судии: *Господи! Господи! не въ Твое ли имя мы пророчествовали* и т. д., и которымъ будетъ объявлено отъ Него: *Я никогда не зналъ васъ: отойдите отъ Меня дѣлающіе беззаконіе*“. О томъ, какое значеніе для миссіи имѣли пособія частныхъ лицъ, мы находимъ свидѣтельство не только въ показанномъ выше письмѣ къ о. Макарію митрополита Филарета, интересовавшагося суммой сбора въ пользу миссіи, но и въ исчисленіи ея средствъ членомъ Томскаго Губернскаго Статистическаго Комитета, протоіерея В. Вербицкаго, который говоритъ: „о. архимандритъ Макарій путешествіемъ своимъ въ С.-Петербургъ и Москву, равно записками своими о миссіонерскихъ дѣйствіяхъ и пись-

мами къ разнымъ лицамъ вызвалъ уже частную благотворительность къ миссіи, находившейся тогда въ самомъ бѣдномъ положеніи и по недостаточности средствъ не могшей иначе существовать, какъ на правилахъ строгаго общежитія. Никому изъ служащихъ тогда оклада не было; но нужды каждаго, по распоряженію начальника Миссіи, удовлетворялись самымъ скуднымъ образомъ. Для служащихъ въ то искушительное время мало было безкорыстія, но требовалось еще самоотверженіе: кто не имѣлъ этого качества, необходимаго для миссіонера, тотъ выходилъ изъ Миссіи (Пам. кн. томск. губ. 1885, стр. 218)“. Мы уже выше указывали на нищенскія средства Миссіи, приводя письмо о. Макарія къ Е. Ѳ. Н., въ которомъ онъ выражаетъ признательность за присланную имъ десятирублевую ассигнацію (Письма 1851, стр. 120). Да и какъ могло быть иначе, когда изъ разныхъ суммъ св. Синода правительство съ 1830 по 1837 гг. отпускало Миссіи только по 10.0 р. ассигн. въ годъ, а съ 1837 по 1844 гг., т.-е. до самаго увольненія о. Макарія, — ежегодно по 571 р. 41 к. сер.; частныхъ же пожертвованій до 1840 года было мало и самыми видными были: крестьянина А. М. Щетинина 334 р. 92 к. ассигн. и инородца К. Е. Параева 328 руб. 55 коп. ассигн. на постройку церкви; П. К. Фролова — оловянные сосуды для употребленія при совершеніи литургіи; академика Мягкова — походный иконостасъ съ иконами его вѣсти и ректора петербургской семинаріи, архимандрита Аѳанасія — восемь томовъ „Твореній св. Тихона“, епископа воронежскаго. Между тѣмъ какъ кромѣ расходовъ на болѣе чѣмъ скромное содержаніе братьевъ Миссіи, и то еще за отказомъ о. Макарія, довольствовавшася магистерскимъ окладомъ, необходимы были расходы на помощь бѣднымъ [изъ новокрещеныхъ и на призрѣніе сиротъ безпріютнымъ, — какъ мы видѣли изъ дневника и писемъ о. Макарія. Для тѣхъ, которые найдутъ страннымъ, что въ числѣ жертвъ значится и такъ мало стоящіе оловянные сосуды, мы скажемъ: изъ писемъ о. Макарія видно, что были жертвуемы и серебряные отъ митрополита Филарета и еще отъ одного лица; но о. Макарій находилъ это роскошью, не совсѣмъ сообразною и соответвенною съ окружающею средой и даже не совсѣмъ безопасно среди разнообразныхъ инородцевъ.

Устроившись въ Улагѣ, и предоставивъ часть трудовъ своихъ по миссіи своимъ сотрудникамъ, не безъ внимательнаго и зоркаго за ними наблюденія, — о чемъ свидѣлствуютъ многочисленныя письма его къ нимъ (изд. въ 1860 г.), — о. Макарій могъ съ большею свободою предаться своимъ ученымъ занятіямъ. Уподобляя свои свѣдѣнія по знакомству съ мѣстными нарѣчіями, какъ мы читаемъ въ его дневникѣ, съ „сумою нищаго“, о. Макарій избралъ какъ наиболее употребительное теленгутское, составилъ лексиконъ до 300 словъ и перевелъ на теленгутское нарѣчіе почти все Евангеліе, многія мѣста изъ апостола, все первое посланіе Іоанново, многія церковныя пѣсни и псалмы, исторію Іосифа по тексту Библии, избранные тексты изъ другихъ книгъ Священнаго Писанія, краткую Священную Исторію, краткій Катехизисъ, огласительное поученіе, Символъ вѣры, десять заповѣдей съ толкованіемъ на нихъ, Молитву Господню и другія молитвы и вопросы при исповѣди и крещеніи. „Взирая на огромныя тетради переводовъ его на языкъ алтайскихъ инородцевъ, нельзя не удивляться его неутомимой дѣятельности“, говоритъ о. Вербицкій въ своемъ описаніи перваго перевода алтайской миссіи (пам. кн. томск. губ. 1885). Но, отдавая справедливость трудамъ о. Макарія, о. Вербицкій при ихъ исчисленіи прибавляетъ: „все это требуетъ пересмотра и исправленія, особенно переводы, сдѣланные о. архимандритомъ Макаріемъ въ началѣ служенія его въ Алтаѣ, когда въ сумѣ его еще не было сдѣлано строгой классификаціи разныхъ подавій“. О вѣрности этого замѣчанія судить не приходится, пока „огромныя тетради переводовъ о. Макарія на языкъ алтайскихъ инородцевъ“, служа подспорьемъ для его преемниковъ, не сдѣлаются достояніемъ печати и гласности и не подвергнутся суду лицъ компетентныхъ. Мы замѣтимъ только почтенному члену томскаго губернскаго статистическаго комитета, и то не во гнѣвъ ему, что не мѣшало бы, цитируя о. Макарія, держаться строже текста его какъ въ письмахъ, такъ и въ дневникѣ. Сличая текстъ послѣдняго въ памят. кн. томск. губ., 1885, съ текстомъ напечатаннымъ въ „Пам. Труд. Благ. Русск.“ и „Христ. Чтен.“ за 1836, 1837, 1838 1843 гг., мы нашли, что въ текстѣ дневника въ Пам. кн. томск. губ. есть пропуски, перестановка и даже замѣна нѣкоторыхъ словъ другими. Который текстъ вѣрнѣе, мы судить не можемъ,

не видѣвъ рукописи о. Макарія; но что разница есть, это вѣрно. Мы склонны скорѣе вѣрить тексту, приводимому о. Вербицкимъ, такъ какъ у него въ рукахъ были вѣроятно подлинныя записки о. Макарія; но не мѣшало бы о. Вербицкому подтвердить это оговоркой съ своей стороны въ виду разницы съ текстомъ „Христ. Чтен.“ и „Памят. Труд. Благ. Русск.“. Приводя слова о. Макарія изъ письма (ч. 2, стр. 62), относящихся до цифры новообращенныхъ до 1841 г., т.-е. 562, о. Вербицкій относитъ ихъ къ цифрѣ 1844, т.-е. до 675 новообращенныхъ. Хотя значеніе словъ о. Макарія отъ этого не умалется, а еще увеличивается, но *magis amicus veritas*. Жаль также, что о. Вербицкій, указывая на цифры новообращенныхъ, удовольствовался только показаніемъ отдѣльно мужскаго и женскаго пола, и не указалъ сколько изъ язычниковъ, сколько изъ магометанъ, сколько изъ евреевъ: что важно не только въ статистическомъ, но и въ политическомъ отношеніяхъ. Къ киргизамъ въ Кузнецкій округъ не позволили ѣхать о. Макарію для проповѣди христіанства, а муллы проникли туда и безъ дозволенія и омусульманили киргизовъ. Во всякомъ случаѣ почтенный трудъ о. Вербицкаго по описанію перваго періода алтайской миссіи и собранію біографическихъ свѣдѣній о ея основателѣ заслуживаетъ полной и глубокой признательности. Кромѣ указанныхъ трудовъ по переводамъ на теленгутскій языкъ о. Макаріей продолжалъ неутомимо не смотря на претерпѣнные неудачи заниматься переводомъ Библіи съ оригинала на русскій языкъ. 26 декабря 1840 г. обратился онъ въ св. Синодъ съ донесеніемъ или съ посланіемъ, какъ о. Макаріей выражался, рассказывая намъ лично о томъ впоследствии ³³⁾. Онъ началъ съ того, что сказалъ, что имѣвъ радость пріобрѣсть переводъ ветхозавѣтныхъ книгъ протопресвитера Павскаго и свѣривъ его съ оригиналомъ еврейскимъ, онъ исправилъ и свой переводъ книги Іова и Исаи. Представляя эти двѣ книги въ исправленномъ имъ переводѣ съ еврейскаго и сказавъ, что библейское общество дѣйствовало иногда неумѣренно, о. Макаріей, убѣжденный въ „необходимой благопотребности для церковной Миссіи и вообще для Россійскаго на-

³³⁾ Напечатано въ «Чтен. въ Имп. Общ. Ист. и Древн. Росс.» 1862 г., кн. 3, смѣсь, стр. 167—178.

рода полной Библии на російскомъ нарѣчїи въ переводѣ съ оригиналовъ“, просилъ св. Синодъ принять въ соображеніе его письма къ Государю Императору совокупно съ изложенными имъ нынѣ мыслями о переводѣ полной Библии съ оригиналовъ на русскій языкъ. „Благотворно и достохважно изданіе „Твореній св. Отцовъ“ на чистомъ русскомъ языкѣ“, — писалъ о. Макарій, — „но св. отцы отсылаютъ насъ къ Св. Писанію, которое все богодухновенно и полезно для наученія, для обличенія, для исправленія, для наставленія въ праведности, чтобы совершенъ былъ человекъ Божій, ко всякому доброму дѣлу приуготовленъ (2 Том. III, 13—17)“... Развивая далѣе мысль и указавъ на то, что какъ апостолы такъ и пророки проповѣдывали и пророчествовали не отъ человѣческой мудрости и не по произволу человѣческому, а будучи движимы Духомъ Святымъ, о. Макарій спрашиваетъ: „отчего же такая недовѣрчивость къ пророкамъ, что имъ воспрещается говорить къ нимъ на томъ языкѣ, на которомъ пезволяется говорить св. отцамъ и на которомъ апостолы столь прекрасно благовѣствовали намъ истины Новаго Завѣта, высшія нежели ученіе Ветхаго?“... У многихъ, и даже между миссіонерами и приходскими священниками, бываетъ мало времени для многого чтенія. „Твореній св. отцовъ такъ много, а Библия одна, одна для всѣхъ, и въ ней одной все, и всѣ могли бы находить время, по крайней мѣрѣ для русской Библии, по которой было бы удобнѣе, нежели по славянской, умудряться во спасеніе вѣрою во Христа Иисуса“... Указывая, что убѣжища въ мракѣ ищутъ только заблужденія и злые замыслы и дѣянія, а религія Иисуса Христа сама свѣтъ и не боится свѣта, о. Макарій говоритъ: „доколѣ съ такою заботливостію будутъ содержать Библию Ветхаго Завѣта въ неудобопропицаемой для многихъ мрачности по многимъ мѣстамъ, дотогѣ свѣтелямъ плевать легко будетъ, ухватываясь за нѣкоторыя изреченія, незаконно вырванныя, незаконно приложенныя ими къ любимымъ мнѣніямъ живымъ, увѣрять легкомысленныхъ, будто правители церкви отчасти нарочно укрываютъ отъ народа свидѣтельство истины, отчасти сами не видятъ ихъ и будто послѣдуютъ тѣмъ законникамъ, которые, взявши ключъ разумѣнія, и сами не входили и не пускали желавшихъ войти (Лук. XI, 52)... если мы вѣруемъ „въ Духа Святаго, глаголав-

шаго пророки“ на живомъ языкѣ пророковъ и народа еврейскаго, а сами не хотимъ, чтобы русскій языкъ былъ языкомъ пророковъ и духа пророчества, то одни изъ насъ, не желая противиться Духу Святому, не сами ли себѣ противорѣчатъ, а другіе, не противорѣча самимъ себѣ, не упорствуютъ ли противъ Святаго Духа?“... Затѣмъ о. Макарій переходитъ къ угрозамъ. „Припоминаю, что послѣ великаго наказанія и великаго избавленія, которое Господь послалъ людямъ своимъ въ 1812 году, появились на живомъ, народномъ понятномъ для всѣхъ языкѣ Новый Заветъ и псалтирь и готовы были явиться Моисей и всѣ пророки, но вдругъ все сокрылось и стало темно. Всѣ пророчества ветхозавѣтныя на русскомъ языкѣ ходятъ между немногими въ рукописяхъ; а все пятоюнижіе Моисеево, переведенное на чистый русскій языкъ съ еврейскаго, у премногихъ особъ лежитъ въ простомъ складочномъ мѣстѣ, та святая и страшная книга Закона Божія, которая лежала въ ковчегѣ завета Іеговы во Святомъ Святыхъ и которую читали предъ всѣмъ Израилемъ въ слухъ всего народа, не исключая женъ, дѣтей и пришельцевъ! Неужели слово Божіе въ облаченіяхъ славянской буквы перестаетъ быть словомъ Божіимъ въ одѣяніи російскаго нарѣчія?“ Въ несчастныхъ событіяхъ, постигшихъ Россію, онъ видитъ гнѣвъ Божій за прекращеніе перевода и изданія слова Божія на русскомъ языкѣ. Перечисляя постепенно бѣдствія и заканчивая араратскимъ землетрясеніемъ, спрашиваетъ: „что говорятъ подземные удары Божіи, совершившіе столь ужасное превращеніе? То же что самосущее слово Божіе, поставившее Араратъ, столько вѣковъ державшее и нынѣ опрокинувшее его, выражаетъ и объясняетъ человѣческими словами: „думаете ли вы, что сіи галилеяне были грѣшнѣе всѣхъ галилеянъ, что они такъ пострадали? Нѣтъ, говорю вамъ; но если не покаетесь всѣ, также погибнете (Лук. XIII, 3, 5). Между тѣмъ, чтобы разные виды благополучія общественнаго не вводили насъ въ самопрельщеніе, Спаситель увѣряетъ насъ, что все это одинъ навозъ, которымъ провидѣніе Божіе окладываетъ древо народной жизни, чтобы оно принесло плоды достойные покаянія (Лук. III, 8)“... „Святѣйшіе о Господѣ отцы и пастыри російской церкви! Въ ожиданіи произведенія полной російской Библии въ переводъ съ оригиналовъ, приѣмлю смѣлость всепокорнѣйше просить у вашего святѣйшества для

алтайской церковной миссіи десяти печатныхъ экземпляровъ пятокижія Моисеева на російскомъ нарѣчїи, надѣясь, что если для здѣшней миссіи ваше святѣйшество соизволите сотворить сіе благодѣяніе, то по крайней мѣрѣ всѣ епископы, ректоры и библіотеки семинарій и академій удостоятся сего благополучія. Если будетъ благоугодно вашему святѣйшеству, чтобы преданы были печати сіи священныя книги, которыя я нынѣ представляю на російскомъ языкѣ въ исправленномъ переводѣ съ еврейскаго, то всепокорнѣйше прошу предать огню прежде мною представленныя сіи книги въ рукописяхъ; въ случаѣ печатанія нынѣ представляемыхъ книгъ повелѣть, чтобы не показывали моего имени и не означали алтайской церковной миссіи на заглавныхъ листахъ: ибо хотя я за учителемъ моимъ по еврейской Библии слѣдовалъ какъ ученикъ, а не какъ невольникъ, и не всѣ мнѣнія его принялъ за самыя вѣрныя. но въ нѣкоторыхъ мѣстахъ удержался на другихъ основаніяхъ; и хотя при священномъ текстѣ сихъ книгъ находятся у меня пренія объяснительныя примѣчанія, которыя также пересмотрѣны и исправлены, однако поправокъ въ текстѣ было такъ много, что переводъ, сдѣланный мною, сталъ уже не моимъ. Усердно желаю, чтобы онъ содѣлался нашимъ“... 26 декабря 1840 г.

Ожиданія о. Макарія и на этотъ разъ не оправдались. Его краснорѣчивое посланіе Св. Синоду, не безъ тонкихъ и мѣткихъ намековъ по адресу лицъ, не допускаящихъ появленія ветхозавѣтной Библии на рускомъ языкѣ, вызвало опредѣленіе: 1) что архимандритъ Макарій, употребляя предъ Святѣйшимъ Синодомъ настояніе о продолженіи перевода Священнаго Писанія на русское нарѣчіе, преступаетъ предѣлы своего званія и своихъ обязанностей, и тѣмъ болѣе, что входитъ въ сужденія, несогласныя съ рѣшеніемъ уже принятымъ по сему предмету высшею властію; 2) что неосмотрительная ревность его основывается на погрѣшительномъ мнѣніи, будто церковь російская не имѣетъ всего Священнаго Писанія на природномъ нарѣчїи російскаго народа, тогда какъ она имѣетъ оное на природномъ славяно-русскомъ языкѣ, который употребляется и въ церковномъ богослуженіи и на которомъ и, простолудины Священное Писаніе читаютъ и разумѣютъ, и нѣкоторые даже охотнѣе читаютъ, нежели въ переводѣ на новорусское нарѣчіе;

3) что разсужденія архимандрита Макарія, въ которыхъ онъ разныя бѣдствія представляетъ какъ бы наказаніемъ за неополненіе его мысли — преложить все Священное Писаніе на новое русское нарѣчіе, сколько неосновательны и нелѣпы, столько же несообразны и съ должнымъ повиновеніемъ къ поставленной отъ Бога власти и съ духомъ смиренія, въ противность которому онъ поставилъ себя непризваннымъ истолкователемъ судебъ Божіихъ³⁴⁾; и потому преосвященному томскому поручить вызвать архимандрита Макарія въ архіерейскій домъ и вразумивъ его о вышесказанномъ, внушить ему, что онъ за свой дерзновенный и нетерпимый поступокъ подлежалъ бы строгой отвѣтственности по силѣ 55 правила святыхъ апостоловъ, еслибы Св. Синодъ не взиралъ на него съ снисхожденіемъ, по уваженію къ людямъ, которымъ онъ приноситъ и еще можетъ принести пользу миссіонерскимъ своимъ служеніемъ. Для такового вразумленія удержать его въ архіерейскомъ домѣ отъ трехъ до шести недѣль, смотря по надобности, и для очищенія совѣсти его отъ поступка, несообразнаго съ смиреніемъ и съ долгомъ подчиненности, назначить ему молитвенную эпитимію съ поклонами по силѣ и по усмотрѣнію преосвященнаго. Затѣмъ отпустить его къ мѣсту служенія съ подтвержденіемъ, чтобы данныя Богомъ способности и время употреблялъ на то служеніе, къ которому Богомъ же чрезъ власть церковную призванъ, и котораго вѣрное прохожденіе должно оправдать его предъ Богомъ и начальствомъ. Сіе служеніе призываетъ его къ переводу Священнаго Писанія не на русское нарѣчіе, а на языкъ инородцевъ, которымъ онъ проповѣдуетъ“.

Если взять во вниманіе, что въ опредѣленіи этомъ высказывается строгое порицаніе поступку о. Макарія, а затѣмъ въ концѣ-концовъ назначается видимое мягкое возмездіе, которое

³⁴⁾ Митрополитъ Филаретъ, переписываясь съ архіеп. Тверскимъ Алексіемъ о переводѣ Св. Писанія, тогда уже разрѣшеннаго, припомнилъ черезъ 10 л. по лѣтчинѣ о. Макарія его угрозу относительно запрещенія перевода. «Дѣло о переводѣ Св. Писанія не слѣшно идетъ; но чтобы совѣтъ остановлено было, я не слыхалъ. Впрочемъ наше время полно нечаянностей. Дѣло Господне предадимъ въ руки Господни, и помолимся, да не будемъ наказаны за небреженіе о немъ, какъ думалъ покойный архимандритъ Макарій», письмо митрополита Филарета къ арх. Тверскому Алексію (1883 стр. 170).

и на наказаніе или эпитимію не похоже, то нельзя не прийти къ мысли, что и въ этомъ случаѣ проглядываетъ воздѣйствіе покровительства, которое ему постоянно оказывалъ митрополитъ Филаретъ, тогда еще присутствовавшій въ Св. Синодѣ. Не даромъ о. Макарій говорилъ, что наказаніе это онъ принялъ за особую къ нему милость Божію. Налагая эпитимію на провинившихся священниковъ, обыкновенно ихъ по мѣрѣ вины временно устраняютъ отъ священно-служенія, а о. Макарію напротивъ было вмѣнено въ обязанность служить ежедневно литургію отъ трехъ до шести недѣль, чѣмъ онъ былъ очень доволенъ и служилъ не только три, какъ предоставлялъ Св. Синодъ, но и всѣ шесть недѣль пребыванія его въ декабрѣ 1841 и январѣ 1842 г. въ архіерейскомъ домѣ. Интересно, что о. Макарій собственноручно сдѣлалъ отмѣтку въ своемъ послужномъ спискѣ въ графѣ о наградахъ, что онъ былъ награжденъ тѣмъ, что ему было приказано совершать литургію въ теченіе шести недѣль въ архіерейскомъ домѣ. Сверхъ того въ библиотекѣ архіерейскаго дома, гдѣ онъ подвергся задержанію, онъ нашелъ кромѣ имѣвшихся у него еще многія другія пособія: различныя изданія Библии на еврейскомъ, на греческомъ языкахъ, лексиконы, комментаріи: что дало ему возможность успѣшно продолжать дѣло перевода Библии на русскій языкъ. Въ этомъ онъ видѣлъ промыслъ Божій, какъ сообщилъ онъ намъ лично, въ откровенной бесѣдѣ по поводу перевода имъ Библии. Къ этой бесѣдѣ мы возвратимся еще впоследствии.

Убѣдясь наконецъ изъ личнаго опыта, что дальнѣйшее ходатайство его объ изданіи полной русской Библии бесполезно, о чемъ неоднократно говорилъ и писалъ ему митрополитъ Филаретъ, принимавшій и самъ живое участіе въ этомъ дѣлѣ, о. Макарій задумалъ издать по крайней мѣрѣ составленное имъ извлеченіе изъ книгъ Св. Писанія Ветхаго и Новаго Завѣта, подъ названіемъ „Алфавитъ Библии“. Отославъ въ ноябрѣ 1841 г. эту рукопись въ князю Д. В. Голицыну, въ то время московскому военному генералъ-губернатору, который самъ вызвался при отъѣздѣ о. Макарія изъ Москвы придти на помощь въ нуждахъ миссіи, о. Макарій просилъ князя поспѣшить передачей этой рукописи въ цензуру церковную и затѣмъ по напечатаніи ея выслать въ возможно большемъ числѣ экземпляровъ на имя

о. Макарія въ Бійскѣ для миссіи. „Къ составленію сей книжки“, писалъ о. Макарій, „былъ я понужденъ явною нуждою и моею и моихъ сотрудниковъ и возрастныхъ людей между новобращенными: ибо для малолѣтнихъ составлена мною азбука, въ которой помѣщенъ краткій катехизисъ, состоящій также изъ однихъ текстовъ, и краткій молитвословъ; и сія азбука прежана мною покровительству и попеченію высокопреосвященнѣйшаго Филарета, митрополита московскаго, и всѣхъ сословій царствующаго града Москвы, съ тѣмъ же открытымъ намѣреніемъ и желаніемъ, съ каковымъ посланъ и Алафавитъ Библіи къ вашему сіятельству. Если къ симъ книжкамъ присоединить недавно вновь изданныя въ Москвѣ „избранныя мѣста изъ историческихъ книгъ Ветхаго и Новаго Завета“, въ двухъ книжкахъ, которыя въ немаломъ числѣ прислать къ намъ уже просилъ я одну изъ московскихъ госпожъ, то мы на русскомъ языкѣ представимъ новокрещенымъ уже весьма довольно всего такого изъ богодуховной Библіи, что грамотные изъ нихъ должны читать, безграмотные слушать и все разумѣть и помнить и въ жизни своей осуществлять при Божіемъ благословеніи. Впрочемъ я не однихъ инородцевъ новокрещенныхъ имѣлъ въ виду при составленіи сей книжки, но и сотрудниковъ моихъ по службѣ при здѣшней миссіи, какихъ нынѣ имѣю и наіе могутъ быть послѣ, чтобы они имѣли въ сей книжкѣ предъ глазами основанія ученія о вѣрѣ и жизни христіанина, которые призваны проповѣдывать, чтобы видѣли и удобно изучали сіи спасительныя истины въ той связи, въ которой онѣ одна другую подтверждаютъ и объясняютъ и всею совокупностію и гармоніею своею благотворно дѣйствуютъ на умы и сердца челоѣковъ, какъ слова Божіи. Но вкупѣ съ ними и я имѣю нужду обозрѣвать сіи нареченія Духа Святаго, собранныя въ такомъ порядкѣ; и это можетъ приносить мнѣ самому пріятнѣйшее и полезнѣйшее утѣшеніе“. Затѣмъ о. Макарій, не желая неприятностей для издателей другихъ книгъ въ томъ же родѣ, изъявляетъ готовность, чтобы объ изданіи „Алафавита Библіи“ не было объявлено печатно въ журналахъ и вѣдомостяхъ, а чтобы всѣ экземпляры были присланы въ миссію, которая получивъ даромъ, даромъ и раздавала бы ихъ и присовокупляетъ, что нѣкоторые изъ новокрещенныхъ инородцевъ говорятъ, читаютъ и пишутъ по-русски, что вмѣстѣ съ дѣтьми

новокрещенныхъ учатся русской грамотѣ и дѣти русскихъ людей, и что миссія необходимо должна дѣйствовать и на русскихъ людей, „дабы они своими образами содѣйствовали и миссии въ распространеніи Евангелія между иноплемennыми“, и что мы, если Господь благословитъ, получивши отъ Москвы благотворительный печатный „Алфавитъ Библии“, немедленно начнемъ готовить его къ печатанію на теленгутскомъ нарѣчій, имѣя намѣреніе представить его въ семь видѣ начальству церковному“...

Князь Голицынъ препроводилъ рукопись „Алфавитъ Библии“, вмѣстѣ съ письмомъ о. Макарія своему зятю, графу Протасову, оберъ-прокурору Св. Синода, который передалъ ее ректору С.-Петербургской духовной академіи, епископу Аѳанасію Дроздову на просмотръ и заключеніе. Епископъ Аѳанасій Дроздовъ, ближайшій совѣтникъ въ дѣлѣ преобразовательныхъ проевтовъ графа Протасова, далъ о ней очень суровый, но не очень справедливый отзывъ, который вмѣстѣ съ рукописью былъ внесенъ 13 ноября 1842 года графомъ Протасовымъ въ Св. Синодъ при предложеніи графа. Въ то время преслѣдованія и гоненія по случаю появленія литографированнаго перевода Библии пр. Павскаго были въ полномъ ходу, и Св. Синодъ, усматривая, что о. Макарій приводитъ многія мѣста Св. Писанія не по славянскому тексту, а по „произвольному“ русскому переводу, 31 декабря 1842 г. опредѣлилъ оставить рукопись безъ всякаго употребленія и сдать для храненія въ синодальный архивъ. Припомнивъ, что о. Макарію было уже сдѣлано замѣчаніе по поводу его перевода книгъ Іова и пророка Исаіи, Св. Синодъ послалъ преосвященному томскому указъ вызвать архимандрита Макарія въ архіерейскій домъ и вновь подтвердить ему, что онъ время и способности свои долженъ употреблять на то служеніе, къ какому призванъ Богомъ чрезъ церковную власть, строго внушивъ ему, что если онъ и впредь будетъ преступать долгъ смиренія предъ церковною властію съ произвольнымъ объясненіемъ Св. Писанія и по таковымъ совершенно духовнымъ предметамъ обращаться мимо духовнаго начальства къ постороннимъ властямъ, то за сіе подвергнется неминуемо законному взысканію. Причемъ преосвященному томскому предписывалось вообще принять мѣры къ наблюденію за дѣйствіями архимандрита Ма-

нарія и къ „отклоненію его впредь отъ неправильныхъ дѣйствованій“.

Вынося терпѣливо и съ свойственнымъ ему смиреніемъ вѣсь эти неудачи, о. Макарій тѣмъ не менѣе не могъ не ощущать всей горечи ихъ. Какъ искренно вѣрующій, онъ искренно желалъ всеобщаго блага. *Больше селъ тѣло любви, аще кто душу свою положитъ за други своя.* Онъ постоянно и подлагалъ свою душу на пользу ближнему, не останавливаясь передъ какими то ни было препятствіями, неуклонно шелъ къ цѣли служить ближнему.—„Урокъ терпѣнія, руководство къ тому, чтобы мы умѣли смиренно и покорно отказываться даже отъ благословенныхъ утѣшеній, пишетъ о. Макарій (ч. 2, стр. 97)“.—Какъ искренно вѣрующій, онъ искалъ и находилъ утѣшеніе въ вѣрѣ по духу Христову: но *духъ бодръ, а тѣло немощно*, и огорченія, подтачивая постоянно его и безъ того слабый и болѣзненный организмъ, все болѣе и болѣе ослабляли его силы, изурядя его здоровье. Сознавая, что онъ уже не въ силахъ болѣе съ тою же энергіей, какъ прежде, бороться съ разнаго рода препятствіями и дѣятельно продолжать занятія по миссіи, о. Макарій въ 1843 году сталъ проситься объ увольненіи его изъ миссіи и о разрѣшеніи ему отправиться въ Іерусалимъ, гдѣ предполагалъ провести остатокъ жизни. Съ этой цѣлью вѣроятно онъ и ѣздилъ въ Томскъ для объясненій. Такъ по крайней мѣрѣ можно заключить изъ того, что въ числѣ писемъ его за 1843 годъ есть помѣченный мѣсяцемъ маемъ на пути въ Томскъ, а 7 іюня и 3 іюля изъ самаго Томска.

6-го іюля онъ уже принималъ въ Маймѣ преосвященнаго томскаго, который, обозрѣвая южную часть своей епархіи, посѣтилъ и миссію и, какъ сейчасъ убѣдимся, уже зналъ о камѣреніи о. Макарія.—„Онъ пріѣхалъ на Майму 6 іюля подъ вечеръ“, пишетъ о. Макарій къ С. Г. де Вальмонъ, повинувшей миссію (ч. 2, стр. 119), и служилъ всенощную въ походной церкви, а на другой день совершилъ божественную литургію, предъ которою былъ окрещенъ нами одинъ татаринъ, человекъ молодой и разумный. Бѣкоторые изъ ученицъ вашихъ были причащены св. Таянъ Христовыхъ рукою святителя, а послѣ литургіи были мною представлены ему для краткаго испытанія въ чтеніи, похвалены и получили съ архипастырскимъ благословеніемъ по

одной мелкой монетъ серебряной. Въ тотъ же день преосвященный совершалъ литургію въ Угалинской походной церкви; и мнѣ было тамъ хорошо, по милости Божіей, не по достоинству. После обѣда преосвященному было угодно путешествовать на высочайшую изъ ближайшихъ къ Улагу горъ; пѣшкомъ шелъ и вверхъ и внизъ и будучи на самой вершинѣ горы, благословилъ Алтай напѣ; а я то слѣдовалъ за нимъ, то опереживалъ его, но только на лошади, пѣшествовать на такую крутизну не позволяла слабость груди и ногъ. Въ тотъ же день преосвященный отправился въ селеніе Алтайское; я проводилъ святителя за Катунь, чрезъ которую переправлялись на паромѣ нарочно устроенномъ; тамъ я принялъ благословеніе его, и мы простились. „Помяните меня у гроба Господня“, говорилъ преосвященный.—И такъ есть надежда, что меня пустятъ въ Іерусалимъ? О, да исполнить ее пострадавшій за весь міръ Іисусъ Христосъ!“... Надеждъ этой не суждено было осуществиться: о. Макарій получилъ разрѣшеніе на путешествіе въ Іерусалимъ лишь не задолго до своей кончины. Св. Синодъ, увольняя о. Макаріа изъ миссіи, опредѣлилъ его настоятелемъ въ Оптиный монастырь близъ Божова, а разрѣшеніемъ на путешествіе въ Іерусалимъ помедлилъ. Замедлился нѣсколько отъѣздъ о. Макарія и изъ миссіи потому, что назначенный на мѣсто о. Макарія, какъ „по старшинству такъ и по образованности и честному поведенію“, начальникомъ миссіи іеромонахъ Пареевій отказался отъ этой должности, а изъявившій желаніе взять на себя эту должность инспекторъ калужской семинаріи, іеромонахъ Даниилъ не явился. Наконецъ послѣ того какъ было предписано о. Макарію сдать имущество и дѣла миссіи о. Стефану Ландышеву, а ему вступить въ управленіе миссіею, о. Макарій могъ собираться въ путь. Отзывъ о. Макарія о. С. Ландышевѣ, котораго онъ подготавливалъ къ миссіонерскому дѣлу, мы уже знаемъ изъ письма (ч. 2, стр. 67).

Ознакомясь съ нравственными качествами молодого семинариста С. В. Ландышева и его твердымъ намѣреніемъ служить миссіи, о. Макарій старался всячески и подготовить его къ этому служенію, тѣмъ болѣе что имѣлъ въ виду, что Ландышевъ можетъ современемъ замѣнить его самого въ миссіи, что подтвер-

дается письмомъ о. Макарія къ Ландышеву (ibid. стр. 178): „Весьма вѣроятно, что дѣло послушанія и служенія церкви Христовой на моемъ мѣствѣ не минетъ васъ“... Видя, что молодой человѣкъ не способенъ къ жизни одинокой, монашеской, а имѣетъ наклонность къ семейной, о. Макарій приуготовилъ въ немъ такого семейнаго миссіонера, какого предполагалъ въ извѣстномъ уже намъ проектѣ „Миссіонерскаго Общества“ и постоянно руководилъ его даже издали. Когда С. В. Ландышевъ отправился въ 1842 г. по нуждамъ миссіи и своимъ въ Москву, Нижній Новгородъ, Кіевъ, Екатеринославъ, о. Макарій писалъ о немъ къ друзьямъ своимъ, поручая его ихъ покровительству, и часто писалъ ему самому, наставляя его. Давая ему совѣты въ обращеніи съ благотворителями миссіи, о. Макарій между прочимъ писалъ ему (ib. стр. 179): „...Отнюдь не принимайте тона учительскаго, но дѣйствительно старайтесь учиться у всякаго и все доброе перенимать“... Когда Ландышевъ женился въ Москвѣ, избравъ себѣ въ спутницу сироту, о. Макарій писалъ ему (ib. стр. 181) „...Въ семъ великомъ событіи вашей жизни все меня обнадеживаетъ и радуетъ. Я совершенно согласенъ съ тѣмъ разсужденіемъ, по которому сердце ваше склонилось къ смиренной сиротѣ; тѣмъ легче для насъ почитать христіанскія добродѣтели и достоинства въ ней, и тѣмъ легче для насъ пребывать въ смиреніи и послушаніи и возвращаться на стези сіи послѣ краткаго самозабвенія: смиреннымъ же Господь благодать свою даруетъ, а гордымъ противится“... О. Макарій не оставлялъ его совѣтами до конца жизни, переписываясь съ нимъ и изъ Оптиной пустыни. Въ заботахъ о немъ, когда Ландышевъ былъ въ пути, о. Макарій писалъ къ своимъ друзьямъ о немъ такъ (стр. 192): „...Сотрудника моего и вѣрнаго друга и брата С. В. Ландышева, которому, по важнымъ требованіямъ службы и по собственной надобности его, позволено побывать въ Москвѣ и даже въ Екатеринославѣ, примите съ радушіемъ подъ кровъ свой благословенный, помогайте ему во всемъ, какъ бы мнѣ помогли...“ Въ женѣ священника Ландышева онъ видѣлъ женщину, способную посвятить себя тѣмъ занятіямъ по миссіи, которыя онъ начерталъ въ своемъ проектѣ для женскаго персонала „миссіонерскаго общества“, тѣмъ болѣе, что на С. Г. де-Вальмонъ

разсчитывать не приходилось. Въ письмахъ къ С. Г. де-Вальмонъ и даже наставленіяхъ и совѣтахъ, которые она у него спрашивала и по отбытіи изъ миссіи, слышится порой уже другой тонъ, звучить другая нотка, совсѣмъ не та, что въ письмахъ къ С. В. Ландышеву, на котораго онъ твердо надѣялся. С. Г. де-Вальмонъ покинула миссію въ 1843 году, хотя о. Вербицкій утверждаетъ (Пам. кн. стр. 243), что она служила миссіи до 1844 года, но изъ письма къ ней [о. Макарія (ч. 2, стр. 120) видно, что она въ іюль 1843 г. была уже въ Свинжскѣ, по пути къ Москвѣ.

О. Ландышевъ былъ сначала назначенъ временно управлять миссіею, потому что только въ этомъ же 1844 году былъ поставленъ преосв. Аѳанасіемъ Томскимъ во діакона и священника, послѣ того какъ на обратномъ пути изъ Москвы выдержалъ въ Нижегородской семинаріи экзаменъ по 1 разряду; да и преосвященному Аѳанасію хотѣлось поставить начальникомъ миссіи изъ монашествующихъ, какъ видно изъ писемъ митрополита Филарета къ о. Макарію по предмету выбора на его мѣсто начальника миссіи,—при чемъ митрополитъ просилъ о. Макарія указать: „кого бы можно было представить къ употребленію въ сіе служеніе?“ (Чт. въ Общ. Люб. дух. просв., стр. 104 и 105) Въ слѣдующемъ 1845 году о. Ландышевъ былъ окончательно назначенъ по ходатайству о. Макарія чрезъ митрополита Филарета начальникомъ Алтайской миссіи, что было конечно по сердцу о. Макарію, потому что митрополитъ Филаретъ (ib. стр. 105) писалъ ему: „Вѣдомо да будетъ вамъ, что священникъ Стефанъ Ландышевъ назначенъ начальникомъ Алтайской миссіи. Св. Синодъ изволилъ сказать, что сей священникъ и ему извѣстенъ и мною свидѣтельствованъ, что сдѣлано было мною въ донесеніи на указъ Св. Синода о избраніи начальника для сей миссіи. Надѣюсь, вамъ пріятно будетъ узнать, что труды ваши въ образованіи сего служителя церкви общають не кратковременное плодоношеніе. При случаѣ скажите ему, чтобы онъ внималъ служенію своему и благоволеніе св. Синода и мое смиренное свидѣтельство потщился оправдывать. Господь да благословитъ его и его служеніе“.

Такимъ образомъ о. Макарій могъ надѣяться, что повидая съ прискорбіемъ Алтай, гдѣ желалъ кончить свое земное странств-

вованіе и быть похороненнымъ, онъ оставляетъ излюбленное и устроенное имъ миссіонерское дѣло въ надежныхъ рукахъ. До конца жизни не переставалъ онъ заботиться о миссіи, переписывался съ о. Ландышевымъ, посылалъ ему на нужды миссіи все что только могъ собрать. Во 2 ч. стр. 185 есть письмо, въ которомъ о. Макарій христосуется съ о. Ландышевымъ: оно датировано 1 апр. 1847, слѣдовательно, недѣль за шесть до кончины о. Макарія.

Д. Фил—новъ.

АПОЛОГЕТИЧЕСКІЯ ИЗСЛѢДОВАНІЯ *.

О происхожденіи солнечной системы.

Согласіе въ направленіи движенія планетъ указываетъ на общее ихъ происхожденіе.—Взглядъ Лапласа на происхожденіе солнечной системы.—Отзывы выдающихся ученыхъ объ этомъ взглядѣ.—Причина, произведшая осевое вращеніе первоначальнаго туманнаго шара.—Мнѣніе Шпиллера о возникновеніи планетъ.—Химическій составъ различныхъ планетъ.—Теперешнее состояніе солнца.—Выводы изъ спектро-аналитическихъ и фотометрическихъ изслѣдованій. Стадія развитія мировыхъ тѣлъ.—Канто-Лапласовская теорія не требуетъ необходимо прежняго расплавленно-жидкаго состоянія мировыхъ тѣлъ; но такое состояніе очень вѣроятно.—Опытъ Плато.—Недопустимость идеи о regressus in infinitum въ отношеніи Канто-Лапласовской теоріи.—Критика этой теоріи у астронома Фая.—Собственная его космогоническая гипотеза.—Общій выводъ.

Согласіе въ направленіи движенія всѣхъ планетъ и принадлежащихъ къ нимъ спутниковъ ¹⁰⁸), а равно и то обстоятельство, что экваторъ вращенія солнца почти совпадаетъ съ поясомъ, который содержитъ въ себѣ орбиты планетъ, привели французскаго астронома Лапласа къ предположенію общаго происхожденія всѣхъ этихъ мировыхъ тѣлъ. Не можетъ быть, чтобы такое

* См. февр., март. и апрѣльск. кн. «Прав. Обзор.» за текущій годъ.

¹⁰⁸) Исключеніе составляютъ четыре спутника Урана и спутникъ Нептуна, которые вращаются около своей планеты не въ прямомъ направленіи, т. е. не справа надѣво, какъ вращаются всѣ планеты около солнца и около своихъ осей, но въ обратномъ направленіи, т. е. слѣва направо (съ Востока на Западъ). Cf. *H. Faye. Sur l'origine du monde. Théories cosmogoniques des anciens et des modernes. Seconde édition. Paris. 1885. P. 156. Араю. Общеповятная астрономія. Т. IV, стр. 398.*

согласіе было дѣломъ случая, но его должно считать результатомъ дѣйствія одной и той же основной причины.

По взгляду Лапласа, всѣ основные элементы вещества, составляющіе нашу солнечную систему, иѣкогда были соединены въ одинъ огромный туманный или газообразный шаръ, размѣры котораго превосходили предѣлы теперешней планетной системы. Атмосфера солнца, говоритъ Лапласъ, первоначально простиралась за предѣлы орбиты всѣхъ планетъ и сжималась постепенно, пока достигла теперешнихъ своихъ границъ. Въ первоначальномъ своемъ состояніи солнце походило на открываемыя телескопомъ туманности, состоящія изъ болѣе или менѣе блестящаго ядра, окруженнаго туманностью, которая, сжимаясь у поверхности ядра, превращаетъ его въ звѣзду. Если заключить, по аналогіи, что всѣ звѣзды образовались такимъ образомъ, то можно вообразить себѣ ихъ прежнее туманное состояніе, предшествуемое въ свою очередь другими состояніями, въ которыхъ туманная матерія была все болѣе и болѣе разрѣженной, между тѣмъ какъ ядро было все менѣе и менѣе блестящимъ. Такимъ образомъ, восходя настолько далеко назадъ, насколько можно, мы достигнемъ мысленно до туманности столь разрѣженной, что едва можно было бы подозрѣвать ея существованіе (*une nébulosité tellement diffuse, que l'on pourrait à peine en soupçonner l'existence*) ¹⁰⁹⁾. Тяготѣніе постепенно произвело концентрацію элементовъ этой туманности, такъ что возникла болѣе плотная центральная масса или ядро, которое потомъ соормировалось въ наше нынѣшнее солнце. Это ядро, а вмѣстѣ съ нимъ и облегающая его туманная сфера, получило отъ какой-нибудь внѣшней причины поступательное движеніе и въ то же время вращательное въ направленіи съ Запада на Востокъ вокругъ оси, которая находится перпендикулярно къ средней плоскости планетныхъ путей. Вращеніе сообщило туманному шару форму эллиптическаго сфероида. По мѣрѣ того какъ эта масса постепенно сгущалась и вслѣдствіе того уменьшалась въ своемъ объемѣ, скорость ея вращенія напротивъ увеличивалась, а вмѣстѣ съ нею и центробѣжная сила. Усиленіе центробѣжной силы на пе-

¹⁰⁹⁾ Exposition du système du monde. Par M. Le Marquis De Laplace. 5-e édition. Paris. 1824. p. 410—411.

риферическихъ частяхъ экватора вращенія, гдѣ она составляла противовѣсъ тяготѣнію и уничтожала его дѣйствіе, имѣло своимъ послѣдствіемъ отдѣленіе этихъ частей отъ остальной туманной массы. Возникло туманное кольцо, которое само по себѣ продолжало вращаться около центральной массы, между тѣмъ какъ остальная туманная масса, скорость вращенія которой была меньше, продолжала сжиматься далѣе. Подобный процессъ могъ повториться нѣсколько разъ, а потому могли образоваться новыя туманные кольца. Это должно было происходить каждый разъ, какъ на экваторѣ вращенія нарушалось равновѣсіе между центробѣжной и центростремительною силою, и послѣдняя брала перевѣсъ надъ первою. Если оторвавшееся кольцо силою притяженія соединяло со своею массою ближайшія къ нему части туманной массы, то по причинѣ ослабленія скорости вращенія притянутыя частицы и отъ дѣйствія на нихъ центробѣжной силы, а также вслѣдствіе дѣятельности молекулярныхъ силъ, оно должно было потерять связь своихъ частей и распасться на нѣсколько обломковъ, изъ которыхъ каждый продолжалъ свое прежнее движеніе вокругъ центральной массы. Но такъ какъ внѣшнія части кольца имѣли большую скорость, чѣмъ внутреннія, то вмѣстѣ съ тѣмъ каждый изъ нихъ получалъ вращеніе вокругъ своей оси въ направленіи того же движенія. Наибольшій обломокъ кольца могъ притянуть къ себѣ меньшіе обломки и соединить ихъ со своею массою. Впрочемъ, возможно также и то, что отдѣльные обломки сохраняли самостоятельное существованіе; основаніемъ для такого предположенія можетъ служить фактъ существованія такъ называемыхъ планетоздовъ. Отдѣленіе новыхъ туманныхъ колецъ должно было прекратиться, какъ скоро центробѣжная сила, вслѣдствіе продолжавшагося сжатія ядра, болѣе не могла уже уничтожать собою дѣйствія тяготѣнія. Но въ образовавшихся уже планетныхъ туманныхъ массахъ могъ повториться тотъ процессъ, который обуславливалъ возникновеніе колецъ, если данныя массы были такъ велики, что центробѣжная сила на экваторѣ вращенія должна была брать перевѣсъ надъ тяготѣніемъ. Обломки колецъ формировались означеннымъ образомъ въ самостоятельныя сфероидальныя массы, въ-родѣ спутниковъ или лунъ, или же въ нѣкоторыхъ случаяхъ кольца сохраняли свою форму, чему примѣръ представляетъ

Сатурнъ со своими кольцами. Возможно однакоже, что эти кольца, взятые отдѣльно, состоятъ не изъ сплошныхъ массъ, но именно изъ безчисленныхъ обломковъ прежнихъ самостоятельныхъ колецъ, следовательно какъ бы изъ множества спутниковъ, промежутокъ между которыми въ сравненіи съ каждымъ отдѣльнымъ кольцомъ такъ ничтожны, что по причинѣ громадности разстоянія мы не можемъ замѣтить ихъ.

Вотъ существенные пункты составленной Лапласомъ гипотезы о происхожденіи солнечной системы ¹¹⁰⁾. Уже ранѣ нѣсколько разъ были высказываемы взгляды, близко подходившіе къ той основной мысли этой гипотезы, которая позднѣе получила болѣе опредѣленное теоретическое развитіе и болѣе твердое обоснованіе у Канта въ сочиненіи: „Исторія природы и теорія неба“ ¹¹¹⁾ и потомъ особенно именно у Лапласа въ сочиненіи, подъ заглавіемъ: „Изложеніе системы міра“ ¹¹²⁾. Милль видитъ въ Лапласовскомъ взглядѣ болѣе, чѣмъ только гипотезу. Этотъ взглядъ представляетъ собою, какъ говоритъ Милль, примѣръ прочно обоснованнаго заключенія отъ существующаго въ настоящее время дѣйствія къ его прошлой причинѣ, и именно по извѣстнымъ законамъ этой причины; онъ не заключаетъ въ себя другаго предположенія, кромѣ того, что дѣйствительно существующіе предметы повинуются законамъ, которымъ, какъ извѣстно, подчинены всѣ земные предметы, имъ подобныя ¹¹³⁾.

Спенсеръ называетъ гипотезу Лапласа *въ высшей степени вѣроятною* ¹¹⁴⁾. „Основанная на законѣ всемірнаго тяготѣнія гипотеза туманныхъ массъ“—говоритъ онъ — „можетъ считать

¹¹⁰⁾ Гипотеза эта изложена Лапласомъ въ послѣднемъ (VII) примѣчаніи къ его цитованному выше сочиненію «Изложеніе системы міра». (См. 5-е изданіе, стр. 409 и слѣд.).

¹¹¹⁾ Kant. Allgemeine Naturgeschichte und Theorie des Himmels, oder Versuch von der Verfassung und dem mechanischen Ursprunge der ganzen Weltgebäuder, nach Newton'schen Grundsätzen abgehandelt. 1755. Идеи, изложенныя въ этомъ сочиненіи, Кантъ впоследствии снова высказалъ въ другомъ трактатѣ, подъ заглавіемъ: Der einzig mögliche Beweisgrund zu einer Demonstration des Daseyns Gottes. 1763.

¹¹²⁾ Exposition du système du monde, 1-е édition 1795.

¹¹³⁾ Mill. System der Logik. Deutsche Uebersetzung von Schiel. I, 250.

¹¹⁴⁾ Научные, политическіе и философскіе опыты. Т. I, стр. 33.

своимъ прародителемъ великаго мыслителя, который установилъ этотъ законъ ¹¹⁵⁾. Человѣкъ, который придалъ ей главныя очертанія, былъ самымъ неутюпимымъ, самымъ осторожнымъ и самобытнымъ астрономическимъ наблюдателемъ новаго времени ¹¹⁶⁾. И мiръ еще не выдалъ болѣе ученаго математика, чѣмъ тотъ человѣкъ, который исходя изъ идеи о разсѣянномъ веществѣ, сгущающемся по направленію къ его центру тяжести, указалъ на путь, которымъ могла бы произойти, въ процессѣ этого сгущенія, взаимно уравновѣшивающаяся группа солнца, планетъ и спутниковъ, подобная той группѣ, къ которой принадлежитъ и земля ¹¹⁷⁾. „Еслибы мы даже—продолжаетъ Спенсеръ—имѣли мало прямыхъ доказательствъ, говорящихъ въ пользу гипотезы туманныхъ массъ, и тогда вѣроятность ея истинности была бы велика. Собственное ея высокое происхождение послужило бы достаточнымъ основаніемъ для ея принятія, по крайней мѣрѣ предварительнаго. Но прямыхъ доказательствъ въ ея пользу вовсе не мало ¹¹⁸⁾. Выдающіеся представители христіанской апологетики также признаютъ высокое значеніе Лапласовской гипотезы. Бенеръ, авторъ „Космоса, или Библии природы“, излагаетъ въ своей книгѣ эту гипотезу, какъ *результатъ новѣйшихъ изслѣдованій* ¹¹⁹⁾. Ульрихи замѣчаетъ, что она *принята большинствомъ естествоиспытателей* ¹²⁰⁾. Въ подобныхъ же выраженіяхъ отзывается о ней и Геттингеръ ¹²¹⁾.

По вопросу о причинѣ, которая произвела вращеніе вокругъ оси первоначальнаго туманнаго шара, прежде всего представляется мысль о вѣшнемъ толчкѣ, который данъ былъ этому

¹¹⁵⁾ т.-е. Ньютона.

¹¹⁶⁾ Разумѣется Вильямъ Гершель, который въ сочиненіи «Объ устройствѣ неба» (On the construction of the heavens. 1785) изложилъ свои наблюденія надъ открытими въ небесномъ пространствѣ, при помощи его сильныхъ телескоповъ, туманностями и вытекающіе изъ этихъ наблюденій выводы. Лапласъ впоследствии основался на эти наблюденія (Cf. Exposition du systѣme du monde, p. 395—396).

¹¹⁷⁾ Намекъ на Лапласа.

¹¹⁸⁾ Опыт. Т. III, стр. 213.

¹¹⁹⁾ Космосъ. Спб. 1870. Кн. I, стр. 36—41.

¹²⁰⁾ Богъ и природа. Казань. 1867. Т. I. Отд. 2, стр. 257.

¹²¹⁾ Apologie des Christenthums. Freiburg im Breisgau. 1866. Bd. II. Abtheil. I. S. 201.

шару со стороны другой подобной же массы. Возражали, правда, что такой толчек привелъ бы въ неправильное движеніе только рыхлыя разсѣяныя массы въ томъ мѣстѣ въ которое онъ былъ направленъ, а не всю туманную массу привела бы во вращеніе ¹²²⁾. Но это возраженіе вовсе не представляется серьезнымъ, въ виду того, что частицы туманной массы, о которой идетъ рѣчь, должны были составлять, вслѣдствіе значительной силы тяготѣнія, одно сплошное, хотя и рыхлое тѣло. Экцентрическій толчекъ, который привелъ бы въ движеніе большую часть массы, здѣсь не могъ бы остаться безъ послѣдствій и для тѣлой массы. Конечно, мыслимо также, что вращеніе около оси, о которомъ идетъ рѣчь, при извѣстныхъ обстоятельствахъ было произведено притяженіемъ другихъ массъ, расположенныхъ вѣд туманнаго шара. Но какъ бы мы ни представляли себѣ происхожденіе этого вращенія около оси, Канта-Лапласовская теорія отъ этого не измѣняется. Противъ объясненія, какое эта теорія даетъ относительно возникновенія отдѣльныхъ шарообразныхъ планетъ изъ туманныхъ колецъ, образовавшихся на экваторѣ вращенія туманнаго шара, Spiller высказалъ сомнѣніе ¹²³⁾, которое при ближайшемъ разсмотрѣніи названной теоріи также не представляется неустранимымъ, хотя при этомъ не должно упускать изъ виду, что отдѣлившаяся уже отъ центрального тѣла масса должна была оказывать извѣстное вліяніе на дальнѣйшіе въ немъ процессы. Spiller думаетъ, что планеты возникли изъ массъ, которыя послѣ того, какъ центральное тѣло перешло въ огненно-жидкое состояніе, просто оторвались отъ него изъ области его экватора, гдѣ центральная сила была наиболее слабою, а потому, вслѣдствіе взаимнаго притяженія частицъ своихъ собственныхъ массъ, приняли шарообразную форму. Оторвавшіяся массы должны были летѣть такимъ образомъ далѣе въ мировомъ пространствѣ, до тѣхъ поръ, пока ихъ центробѣжная сила не пришла въ равновѣсіе съ тяготѣніемъ къ центральному тѣлу. Такия отдѣленія массъ должны были время отъ времени повторяться, потому что вслѣдствіе продолжавшагося

¹²²⁾ Spiller. Ph. Die Welterschöpfung vom Standpunkte der heutigen Wissenschaft. Mit neuen Untersuchungen. 1863. S. 18.

¹²³⁾ Op. cit. S. 18.

сгущенія, скорость вращенія и сжатіе массы постоянно возрастали, и въ особенности тогда должны были повторяться, если на центральномъ тѣлѣ, по причинѣ близости къ нему какого-либо уже существовавшего тѣла, образовывались волны прилива. Отдѣленіе каждой планетной массы отъ центрального тѣла изъ волнъ происходившаго на немъ прилива происходило только съ одной стороны, именно въ то время, когда прежде возникшая планета на своемъ эллиптическомъ пути наиболѣе къ нему приближалась. Отдѣлялась не та волна, которая находилась на противоположной сторонѣ отъ планеты, но только обращенная къ ней и сильнѣе его притягиваемая, если центробѣжная сила этой волны достигала известной степени напряженія. Такъ, самая крайняя планета, Нептунъ отдѣлился отъ себя Урана, этотъ послѣдній— Сатурна и такъ далѣе. Самъ Нептунъ могъ возникнуть или чрезъ простое отдѣленіе отъ центрального тѣла, когда послѣднее достигло достаточной скорости вращенія, или же подъ влияніемъ другаго небеснаго тѣла, находившагося по близости отъ центрального тѣла, тогда еще необыкновенно далеко простиравшагося. Это мнѣніе можно считать видоизмѣненіемъ Канто-Лапласовской теоріи.

Канто-Лапласовская теорія довольно простымъ образомъ объясняетъ согласіе въ направленіи движенія принадлежащихъ къ нашей солнечной системѣ небесныхъ тѣлъ. Она даетъ объясненіе вообще и касательно отношеній между степенями плотности разныхъ планетъ. Внутреннія планеты (Меркурій, Венера, Земля, Марсъ) значительнѣе плотнѣе, чѣмъ вѣшнія планеты; это нужно приписать главнымъ образомъ тому обстоятельству, что вълѣдствіе продолжавшагося сжатія туманнаго шара, внутренніе его слои постоянно дѣлались плотнѣе въ сравненіи съ вѣшними. Внутреннія планеты должны были приобрести большую плотность также и потому, что они образовались изъ колецъ болѣе плотной матеріи, между тѣмъ какъ вѣшнія планеты возникли изъ колецъ, оторвавшихся первоначально и потому менѣе плотныхъ. Напротивъ, объемъ этихъ послѣднихъ планетъ долженъ былъ остаться большимъ, чѣмъ объемъ внутреннихъ планетъ, такъ какъ первоначально, безъ сомнѣнія, отрывались отъ вращавшагося туманнаго шара большія массы, чѣмъ позднѣе, когда онъ вълѣдствіе прогрессивнаго сжатія достигъ уже большей

плотности, и частицы его массъ сильнѣе притягивались между собою.

Въ отношеніи химическаго состава различныхъ планетъ можно думать, согласно съ наложенной теоріей, что онѣ образовались изъ однихъ и тѣхъ же элементовъ вещества, хотя и въ различныхъ сочетаніяхъ и пропорціяхъ. Четыре внутреннія планеты, плотности которыхъ не очень значительно разнятся между собою, можетъ быть, образовались изъ однихъ и тѣхъ же основныхъ веществъ въ почти одинаковыхъ сочетаніяхъ. Напротивъ, сравнительно столь назначительная плотность вѣнскихъ планетъ даетъ основаніе предполагать, что онѣ состоятъ частью изъ другихъ, по крайней мѣрѣ гораздо менѣе плотныхъ веществъ. Впрочемъ, относительно различій въ плотности планетъ можетъ быть приведено еще другое объясненіе. Именно, можно думать, что вѣнскимъ планетамъ, вслѣдствіе гораздо большей величины ихъ объема и обусловленнаго этимъ гораздо болѣе медленнаго охлажденія, въ сравненіи съ внутренними планетами, свойственна еще значительно болѣе высокая температура и потому меньшая плотность. Тоже самое въ особенности можетъ имѣть значеніе относительно солида, плотность котораго, какъ извѣстно, гораздо менѣе плотности внутреннихъ планетъ, между тѣмъ какъ по объему и массѣ оно далеко превосходитъ всѣ планеты, вмѣстѣ взятая.

Если составляющія нашу солнечную систему основныя вещества первоначально въ газообразномъ состояніи соединены были въ одинъ туманный шаръ, то отсюда легко объяснить переходъ отдѣлившихся планетныхъ туманныхъ массъ въ расплавленно-жидкое и потомъ, вслѣдствіе охлажденія чрезъ продолжавшееся лученепусканіе теплоты, въ твердое состояніе. Это согласно съ такъ называемымъ плутонистическимъ взглядомъ на возникновеніе и сформированіе нашей планеты, взглядомъ, по которому она нѣкогда находилась въ огненно-жидкомъ состояніи. Но этотъ взглядъ не произошелъ непосредственно изъ Лапласовской теоріи относительно возникновенія солнечной системы. Основаніемъ для плутонистической гипотезы послужили главнымъ образомъ вулканическія явленія на землѣ. Далѣе, подтвержденіе ея видѣли въ возрастающей по мѣрѣ углубленія въ земную кору температурѣ земли и въ противоположности между слоистыми и кристал-

лическими каменными породами. Вѣсть съ тѣмъ, указывали и на согласіе этой гипотезы съ Лапласовской теоріей. По этой послѣдней, солнце, какъ ядро того громаднаго туманнаго шара, изъ оболочки котораго возникли отдѣльныя планеты, можетъ быть, и теперь еще находится въ состояніи раскаленномъ и потому разрѣженномъ, между тѣмъ какъ планеты болѣе или менѣе отвердѣли, такъ что наша земля, напримѣръ, только еще въ своей внутренности, но все-таки на значительномъ протяженіи, находится въ расплавленно-жидкомъ состояніи.

По взгляду французскаго астронома Фая (Faye), теперешнее состояніе солнца, дѣйствительно, должно быть газообразнымъ. Въ этомъ состояніи солнце чрезъ лучеиспусканіе теряетъ много теплоты и свѣта, чтѣ будетъ продолжаться въ теченіе неизгнѣримаго времени, заключающаго въ себѣ миллионы лѣтъ, такъ какъ громадный запасъ тепла, сосредоточеннаго въ солнцѣ, хотя и уменьшается чрезъ лучеиспусканіе, но потеря тепла на поверхности постоянно возмѣщается благодаря направленнымъ вверхъ и внизъ теченіямъ, изъ которыхъ объясняются темныя и свѣтлыя пятна на солнцѣ. Но постепенно изъ газообразнаго состоянія солнце должно перейти въ расплавленно-жидкое, а потомъ—въ твердое. При этомъ лучеиспусканіе свѣта и теплоты будетъ продолжаться въ постоянно уменьшающейся мѣрѣ, пока солнце не сдѣлается наконецъ темнымъ мировымъ тѣломъ съ отвердѣлою поверхностью ¹²³⁾. Впрочемъ, Фай думаетъ, что газообразному состоянію солнца предшествовало еще другое состояніе, въ которомъ оно не могло посредствомъ лучеиспусканія давать ни интенсивнаго свѣта, ни интенсивной теплоты. Разсѣянные прежде въ пространствѣ вещества соединялись главнымъ образомъ именно около центра, причемъ ихъ движеніе превращалось въ теплоту, которая была такъ значительна, что препятствовала соединенію атомовъ въ молекулы. Только уже потомъ, вслѣдствіе лучеиспусканія, сдѣлались возможными молекулярныя соединенія атомовъ въ газообразномъ состояніи.

Согласно съ заключеніями, къ какимъ привелъ спектральный анализъ, основанный Бунзеномъ и Kirchhoff'омъ, солнце окружено раскаленной атмосферой, которая содержитъ въ себѣ раз-

¹²³⁾ Comptes rendus etc. 1865. Nr. 3 et 4.

личныя вещества въ видѣ пара, именно: водородъ, желѣзо, кальцій, магній (magnesium), натрій, хромъ и никкель, въ незначительномъ количествѣ также барій, мѣдь и цинкъ. Уже ранѣе приписывали солнцу газообразную свѣтящуюся оболочку. Но существованіе названныхъ веществъ въ этой оболочкѣ впервые было доказано только на основаніи спектральнаго анализа, который привелъ также къ объясненію темныхъ, такъ-называемыхъ Fraunhofer'овскихъ линій въ солнечномъ спектрѣ. Бѣлый солнечный лучъ, который чрезъ щель наводится на стеклянную призму, какъ извѣстно, разлагается на рядъ цвѣтныхъ полосокъ, слѣдующихъ одна за другою въ томъ же порядкѣ, какъ и въ обыкновенной радугѣ, и образующихъ такъ-называемый солнечный спектръ. Когда Fraunhofer точнѣе изслѣдовалъ этотъ спектръ при помощи зрительной трубы, онъ замѣтилъ въ немъ большое число темныхъ полосъ и линій, которыя показываютъ, что здѣсь недостаетъ лучей извѣстной степени преломляемости. Спектръ газоваго пламени, который получается аналогичнымъ образомъ, какъ и солнечный спектръ, посредствомъ призмы, представляетъ своеобразныя особенности, смотря по веществамъ, дающимъ пламя. Такъ, напримѣръ, если въ такомъ пламени находится поваренная соль, которая состоитъ изъ соединенія хлора съ натріемъ, то въ спектрѣ пламени замѣчаются двѣ тонкія желтыя линіи, которыя происходятъ отъ присутствія натра въ пламени (и по положенію соответствуютъ въ солнечномъ спектрѣ темной двойной линіи, которую Fraunhofer обозначилъ литерою D).

Если позади свѣтящагося газа поставить достаточно сильный источникъ свѣта, въ спектрѣ котораго нѣтъ желтыхъ линій, то вмѣсто нихъ являются двѣ темныя линіи. Въ случаяхъ этого рода имѣетъ мѣсто дѣйствіе того закона, что пламя не пропускаетъ окрестъ себя лучей тѣхъ же цвѣтовъ, какіе оно само испускаетъ, если оно получаетъ ихъ изъ другаго интенсивнаго источника свѣта, находящагося позади его. Пламя дѣйствуетъ на такіе лучи, какъ поглощающая среда; поэтому, темныя линіи солнечнаго спектра нужно считать слѣдствіемъ поглощенія свѣта веществами солнечной атмосферы. Отсюда послѣднюю можно представлять себѣ состоящею изъ множества различныхъ газовъ или паровъ, въ спектрахъ которыхъ темныя Фраунгоферовскія линіи первоначально бывають свѣтлыми. Причина, почему онѣ

кажутся намъ темными, заключается въ очень интенсивномъ источникѣ свѣта, находящемся позади солнечной атмосферы.

Въ согласіи съ Канта-Допласовской теоріей находятся также заключенія, выведенныя Zöllner'омъ ¹²⁴⁾ изъ фотометрическихъ исследованийъ касательно свѣтовыхъ отношеній различныхъ небесныхъ тѣлъ. Конечно, эти отклоненія должны находиться въ близкой связи съ физическимъ состояніемъ этихъ тѣлъ, свѣтять ли они собственнымъ, или отраженнымъ свѣтомъ. По этимъ исследованиямъ выходитъ, что вещества, изъ которыхъ состоятъ небесныя тѣла, первоначально были разсыяны въ пространствѣ въ газообразномъ состояніи и образовали туманные массы необычайно высокой температуры. Въ отношеніи постепеннаго сгущенія и охлажденія этихъ массъ для каждаго небеснаго тѣла нужно различать пять стадій развитія. Первая стадія есть *періодъ раскаленной газообразнаго состоянія*, какое спектральный анализъ еще теперь открываетъ въ планетныхъ туманностяхъ. За нею слѣдуетъ стадія *огненно-жидкаго состоянія*, въ которомъ находится большая часть неподвижныхъ звѣздъ. Третья стадія есть *періодъ образованія шлаковъ*, во время котораго, вслѣдствіе востоянно продолжающагося охлажденія, образуется твердая, несвѣтящаяся поверхность. Сюда Zöllner причисляетъ солнечныя пятна, которыя онъ считаетъ за глыбы шлака, плавающія въ въ огненно-жидкой массѣ солнца и въ ней скоро снова растворяющіяся. Переходъ отъ втораго періода къ третьему долженъ былъ имѣть послѣдствіемъ нѣкоторыя измѣненія въ интенсивности и цвѣтѣ испускаемаго тѣлами свѣта. Эмпирически извѣстно, что всѣ тѣла изъ расплавленнаго состоянія, въ твердое переходятъ чрезъ стадію красно-кальнянаго жара и такимъ образомъ, кромѣ постепеннаго ослабленія блесна, претерпѣваютъ еще и цвѣтовое измѣненіе. Отсюда объясняется, почему громадное большинство измѣчивыхъ звѣздъ имѣетъ красный свѣтъ. Но красный свѣтъ звѣздъ нельзя считать непремѣннымъ признакомъ болѣе подвинувшагося впередъ охлажденія. Поэтому, не каждая звѣзда, кажущаяся красною, должна быть признаваема за измѣчивую, потому что на цвѣтъ, какимъ свѣтитъ звѣзда, имѣетъ

¹²⁴⁾ Photometrische Untersuchungen mit besonderer Rücksicht auf die physische Beschaffenheit der Himmelskörper. 1865.

вліяніе не одно только огненно-жидкое тѣло, но какъ доказываетъ Zöllner, и облекающая его атмосфера ¹²⁵⁾.

Четвертая стадія есть періодъ *изверженій или разрывовъ* уже охладившей и потемнѣвшей поверхности kloкочущею подъ нею расплавленною массою, причемъ, смотря по величинѣ извергнутой раскаленной массы, является новый, болѣе или менѣе сильный свѣтъ, который отдаленному наблюдателю представляется такъ, какъ будто зажглась новая звѣзда. Наконецъ, пятая стадія есть періодъ *совершенною охладженію*. Какъ скоро кака-либо неподвижная звѣзда достигаетъ этой стадіи, она навсегда исчезаетъ отъ нашихъ взоровъ. Что нѣкоторыя изъ такъ-называемыхъ неподвижныхъ звѣздъ движутся около совершенно темныхъ тѣлъ, объ этомъ, какъ извѣстно, ученые заключили на основаніи наблюденій надъ собственными ихъ движеніями. Въ отношеніи небесныхъ тѣлъ, принадлежащихъ къ нашей солнечной системѣ, Zöllner высказалъ мнѣніе, что Юпитеръ и Сатурнъ, вѣроятно, еще находятся въ состояніи разгоряченномъ, причемъ происходитъ въ нихъ лучеспусканіе свѣта и теплоты, что, напротивъ, Нептунъ и Уранъ, равно какъ и большая часть Марса, уже покрыты снѣгомъ и льдомъ. Венера, подобно нашей Землѣ, должна быть еще покрыта водою. Солнце, по Zöllner'у, находится въ расплавленномъ, капельно-жидкомъ состояніи, съ начинающимся образованіемъ шлаковъ, по Фаю, напротивъ, — еще въ огненно-газообразномъ состояніи, такъ что только въ самыхъ крайнихъ слояхъ его существуютъ хлопья или облака частью жидкаго, частью твердаго состава. Въ пользу этого послѣдняго взгляда указываютъ на незначительный специфическій вѣсъ солнца, составляющій лишь 1,44 вѣса воды, хотя оно содержитъ въ себѣ большое количество тяжелыхъ металловъ, а также на совершенное отсутствіе въ солнечномъ свѣтѣ поляризованныхъ лучей, находимыхъ, однакоже, въ каждомъ свѣтѣ, исходящемъ изъ какихъ-нибудь раскаленныхъ твердыхъ или расплавленныхъ, капельно-жидкихъ, тѣлъ.

Канто-Лапласовская теорія *не требуетъ необходимо*, какъ часто думаютъ, предположенія первоначальнаго огненно-жидкаго или

¹²⁵⁾ Cf. Physikalisches Lexicon beg. von Marbach, fortges. von Cornelius: Artic. Fixsterne. Bd. III, 8. 220 folg. 298 folg.

расплавленного состоянія мировыхъ тѣлъ и въ особенности нашей планеты. Можно, конечно, представить себѣ такую атомическую и молекулярную конституцію первичнаго туманнаго шара, которая должна была имѣть своимъ послѣдствіемъ громадное развитіе теплоты, а съ тѣмъ вмѣстѣ, послѣ газообразнаго, и расплавленное его состояніе. Подобныя этимъ состоянія можно предположить въ томъ случаѣ, если первоначально существовали лишь очень простыя группы атомовъ, изъ которыхъ сложныя молекулярныя сочетанія химическихъ элементовъ произошли только вслѣдствіе разнообразныхъ движеній. Но эти сочетанія можно только предположить первоначально уже готовыми, такъ что, напр., въ туманномъ шарѣ нашей планеты они могли существовать частью въ газообразномъ состояніи, частью же въ состояніи разрѣженномъ. Отсюда видно, что по вопросу о томъ, какъ или въ какомъ видѣ и состояніи находились элементы въ первичномъ туманномъ шарѣ или въ оторвавшихся отъ него планетныхъ массахъ, Лапласовская теорія предоставляетъ фантазіи большой просторъ. Она требуетъ собственно только рыхлаго или разрѣженнаго состоянія данныхъ массъ, удобоподвижности ихъ молекулъ или молекулярныхъ группъ, такъ чтобы вслѣдствіе дѣйствія центробѣжной силы могли вышеописаннымъ образомъ образовываться кольца, все равно, зависѣла ли означенная разрѣженность веществъ отъ совершенно газообразнаго ихъ состоянія, или преимущественно отъ тонкаго механическаго ихъ распредѣленія (разсѣянія въ пространствѣ въ видѣ такъ-называемой космической пыли). Конечно, въ пользу мнѣнія о прежнемъ расплавленно-жидкомъ состояніи земнаго шара, какъ и вообще планетъ, говорятъ вышеизложенные выводы, полученные изъ спектроналитическихъ и фотометрическихъ изслѣдованій. Если солнечное ядро, какъ остатокъ отъ того туманнаго шара, изъ котораго возникли планеты, и теперь еще находится въ огненно-жидкомъ или газообразномъ состояніи, то въ отношеніи Канта-Лапласовской теоріи едва ли можетъ представляться сомнительнымъ, что и планеты прошли чрезъ стадію газообразнаго состоянія.

Изъ прежняго расплавленно-жидкаго или рыхлаго состоянія планетныхъ массъ объясняется сжатая сфероидальная форма, какою болѣе или менѣе замѣтно отличаются всѣ члены нашей

солнечной системы. Каждая планетная масса, будучи предоставлена сама себѣ, при предполагаемомъ (рыхломъ) ея составѣ, должна была, уже въ силу взаимодѣйствія своихъ частицъ, первоначально принять шарообразную форму. Въслѣдствіе связанной съ осевымъ вращеніемъ центробѣжной силы, не могло также не произойти образованіе сжатія, которое должно было становиться тѣмъ значительнѣе, чѣмъ больше дѣлалась быстрота вращенія, такъ какъ по мѣрѣ усиленія послѣдней возрастало стремленіе частицъ удалиться отъ оси вращенія по направленію перпендикулярному къ ней. Вотъ почему внѣшнія планеты, которымъ свойственно болѣе быстрое вращеніе около оси, чѣмъ внутреннимъ, отличаются и болѣе сильнымъ сжатіемъ у полюсовъ. Обусловленное центробѣжной силой сжатіе вращающагося тѣла можно искусственно произвести посредствомъ очень простаго опыта, который извѣстенъ подъ именемъ опыта *Плато* (Plateau)¹²⁶⁾. Опытъ этотъ состоитъ въ слѣдующемъ. Берутъ смѣсь изъ воды и алкоголя, имѣющую совершенно одинаковую плотность съ какимъ-либо, произвольно избраннымъ, масломъ, напр. съ оливковымъ. Извѣстно, что жирныя масла менѣе плотны, чѣмъ вода, но плотнѣе алкоголя. Если въ смѣсь влить часть такого масла, то дѣйствіе тяжести на послѣднее, въслѣдствіе его равновѣсія съ смѣсью, уничтожится. Жирныя масла не смѣшиваются съ жидкостью, состоящею изъ воды и алкоголя; поэтому, масло соберется въ срединѣ этой жидкости и приметъ внѣшнюю форму, обусловленную дѣйствіемъ ея частичныхъ силъ. Масло въ этомъ случаѣ подобно невѣсомой жидкости, свободно парящей въ пространствѣ и предоставленной собственнымъ молекулярнымъ силамъ. Она должна, слѣдовательно, принять шарообразную форму, что совершенно подтверждается опытомъ¹²⁷⁾. Если въ этотъ масляный шаръ, находящійся въ постоянномъ равновѣсїи съ окружающею его жидкостью, ввести маленькій металлическій

¹²⁶⁾ Профессоръ люттихскаго университета.

¹²⁷⁾ Всякая жидкость, изолированная отъ тяготѣнія къ постороннему тѣлу, въ силу взаимнаго примѣненія своихъ частицъ, должна сконцентрироваться и принять шарообразную форму. Ср. *I. Baltzer*. Die biblische Schöpfungsgeschichte, insbesondere die darin erhaltene Kosmo-und Geonomie in ihrer Ueberstimmung mit den Naturwissenschaften. Leipzig, 1867. II Theil, S. 182—183.

кружокъ, утвержденный на оси перпендикулярно къ ней, и начать вращать его посредствомъ этой оси, то шаръ станетъ сжиматься у полюсовъ и расширяться у экватора. Но если быстроту вращенія кружка усилить дагѣ известнаго предѣла, то жидкій шаръ быстро достигаетъ максимума своего сжатія; тогда въ немъ, около его оси, образуется пустота; расширившись все болѣе, онъ наконецъ оставляетъ кружокъ и превращается въ совершенно правильное кольцо. Въ моментъ своего образованія это кольцо быстро увеличиваетъ свой діаметръ до известнаго предѣла, по достиженіи котораго должно прекратить вращеніе кружка. Въ теченіе нѣсколькихъ секундъ послѣ этого кольцо остается въ томъ же состояніи, но такъ какъ противодействіе окружающей жидкости ослабляетъ быстроту его вращенія, то оно мало-по-малу перестаетъ вращаться, превращаясь снова въ шаръ около упомянутаго кружка съ его осью. При помощи этого опыта, сфероидальная форма планетъ можетъ очень легко объясниться, при предположеніи прежняго ихъ расплавленно-жидкаго состоянія. Впрочемъ, были попытки иначе объяснить эту форму, именно съ точки зрѣнія непутистической геологіи, не допускающей прежняго расплавленно-жидкаго состоянія нашей планеты ¹²⁸⁾.

Совершенно такимъ же образомъ, какъ отдѣльныя планеты возникли изъ одной огромной туманности, эта послѣдняя сама могла оторваться отъ другой, еще большей, туманной массы. Однакожъ, при этомъ нельзя все-таки допустить *gegessus in infinitum*, т.-е. безконечный (или точнѣе безначальный) рядъ такихъ туманныхъ массъ. Необходимъ первый членъ ряда. Въ противномъ случаѣ получился бы рядъ безъ всякаго реальнаго значенія, т.-е. рядъ, состоящій только изъ обусловленныхъ членовъ, изъ которыхъ не было бы ни одного, которому не предшествовалъ бы какой-нибудь другой членъ. Такимъ образомъ, весь этотъ рядъ оказывался бы равнымъ нулю, такъ какъ предшествующіе члены, которыми должны обуславливаться послѣдующіе, теряются назадъ въ безконечности, слѣдовательно, собственно говоря, совсѣмъ не существуютъ ¹²⁹⁾. Еще Аристотель сказалъ:

¹²⁸⁾ Ср. *Fr. Mohr*. Geschichte der Erde. Eine Geologie auf neuer Grundlage. 1866. S. 427.

¹²⁹⁾ *Cornelius*. Ueber die Entstehung der Welt. S. 17—38.

„все, что движется, предполагает движущее, и было бы одне бесполезное отодвиганіе причинъ, елибы не существовало перваго неподвижнаго двигателя ¹³⁰⁾).

Вышеупомянутый французскій астрономъ Фай (Faye) утверждаетъ, что космогоническая гипотеза Лапласа находится въ полномъ противорѣчій съ современнымъ состояніемъ науки и новѣйшими астрономическими отырытіями ¹³¹⁾. Онъ считаетъ необходимыми замѣнить ее другою гипотезою. Выхода изъ Декартовой теоріи вихрей (*les tourbillons*), Faye налагаетъ свою собственную гипотезу мірообразованія. Но предварительно онъ старается опровергнуть Канто-Лапласовскую гипотезу, чтобы такимъ образомъ очистить мѣсто для собственной теоріи. Мы вратно передадимъ здѣсь существенныя пункты какъ критики Фая на Канто-Лапласовскую гипотезу, такъ и его собственной новой космогонической теоріи.

Главными основаніями, на которыхъ зиждется взглядъ Фая, служатъ результаты новѣйшихъ изслѣдованій въ области термодинамики, спектральнаго анализа и палеонтологіи, равно какъ данныя современной астрономіи и геологіи вообще. Опираясь на эти основанія, онъ отрицаетъ возможность образованія твердыхъ тѣлъ изъ туманностей, признаваемую Laplace'омъ. По мнѣнію Фая, превращеніе туманностей въ звѣзды невозможно, потому что онѣ слишкомъ бѣдны въ химическомъ отношеніи. „До примѣненія спектральнаго анализа“, говоритъ онъ, „думаю, что туманности представляютъ собою то состояніе первобытнаго вещества, изъ котораго постепенно, путемъ сгущенія, образовалась наша солнечная система. Но нужно наконецъ отказаться отъ этой аналогіи, потому что туманностямъ недостаетъ самаго главнаго, именно химическихъ элементовъ, способныхъ перейти въ твердое состояніе. Безъ сомнѣнія, наша система, подобна всѣмъ прочимъ, должна была получить начало изъ собранія матеріаловъ,

¹³⁰⁾ *Aristot. De coelo. III, 2, c. 301.*

¹³¹⁾ La célèbre hypothèse cosmogonique de Laplace est en pleine contradiction avec l'état actuel de la science et les découvertes récentes des astronomes. Il fallait la remplacer par une autre hypothèse. Sur l'origine du monde. Théories cosmogoniques des anciens et des modernes. Par H. Faye, de l'Institut. Seconde édition. Paris. 1885. Avertissement, p. V.

разсѣянныхъ въ пространство; но эти матеріалы содержали въ себѣ большое разнообразіе химическихъ элементовъ, котораго нѣтъ въ туманностяхъ. Такъ, напр., въ туманности Ориона замѣчаются явные слѣды мѣстной концентраціи; но спектральный анализъ открываетъ въ ней присутствіе только газа. Она газообразна и, несомнѣнно, такою останется, если только не получить совершенно другихъ матеріаловъ изъ какой-нибудь части пространства ¹²²⁾. Спектральный анализъ туманностей приводитъ къ заключенію, что въ ихъ составѣ входятъ болѣею частію только водородъ и азотъ ¹²³⁾. Далѣе, по гипотезѣ Лапласа необъяснимо существованіе обратныхъ движеній въ солнечной системѣ ¹²⁴⁾. Третье поразительное доказательство несостоятельности этой гипотезы, по мнѣнію Фая, состоитъ въ противорѣчій Лапласова возрѣнія на кометы съ точно обоснованнымъ взглядомъ на нихъ современной астрономіи. Лапласъ принужденъ былъ смотрѣть на кометы, какъ на свѣтила, блуждающія изъ одной системы въ другую, отъ одного солнца къ другому и лишь случайно входящія въ сферу притяженія нашего солнца. Но въ настоящее время всѣ астрономы убѣждены въ томъ, что кометы принадлежатъ къ нашей солнечной системѣ ¹²⁵⁾. Наконецъ, гипотеза Лапласа оказывается несостоятельной и въ рѣшеніи вопроса о скорости движенія спутниковъ вокругъ планеты. По этой гипотезѣ, время обращенія ближайшаго къ планетѣ спутника около нея должно быть болѣе продолжительности обращенія послѣдней вокругъ своей оси. Между тѣмъ одинъ изъ открытыхъ въ новѣйшее время двухъ спутниковъ Марса, Фобосъ (Phobos), обращается вокругъ своей планеты менѣе, чѣмъ въ 8 часовъ, сама же планета Марсъ совершаетъ круговращеніе около своей оси въ 24 часа 37 минутъ ¹²⁶⁾. „Космогоническія идеи“, говоритъ Фаяе, „всегда соответствовали состоянію науки своего времени. Космогонія Лапласа, напримѣръ, вполне соответствуетъ наукѣ прошлаго столѣтія. Но идеи прошлаго

¹²²⁾ Ibid. p. 190.

¹²³⁾ Ibid. p. 184—190.

¹²⁴⁾ Ibid. p. 165—168.

¹²⁵⁾ Ibid. p. 168—169.

¹²⁶⁾ Ibid. p. 169.

вѣка, за исключеніемъ относящихся прямо къ геометріи, совершенно опровергнуты въ теченіе XIX в. Отъ прежнихъ теорій, составленныхъ для объясненія феноменовъ свѣта и теплоты, теперь не осталось почти ничего. Въ настоящее время о нихъ говорятъ болѣе, чѣмъ съ презрѣніемъ, и выражаютъ удивленіе, что такія представленія господствовали болѣе столѣтій. На нашихъ глазахъ создались цѣлыя науки разнаго рода. Великіе успѣхи въ области астрономіи измѣнили состояніе этой науки и складъ нашихъ астрономическихъ идей. Между орбитами Марса и Юпитера открыто 240 маленькихъ планетъ. Изучены спутники Урана, движенія которыхъ не оправдали ожиданій Лапласа. Открытіе спутниковъ Марса свидѣтельствуетъ объ инструментальномъ могуществѣ нашего вѣка. Блестящее открытіе Нептуна и его спутника увеличило вдвое пространство солнечной системы; но эта система, какъ она теперь извѣстна наукѣ, почти не похожа на ту, которую воображалъ себѣ и хотѣлъ объяснить Лапласъ. Успѣли измѣрить разстоянія между звѣздами, что не поддавалось всѣмъ усиліямъ предъидущаго вѣка. Изучены и выяснены орбиты двойныхъ звѣздъ; онѣ показали, насколько другіе міры, даже самыя простѣйшіе, отличаются въ геометрическомъ отношеніи отъ нашей солнечной системы, такъ что столь узкая гипотеза, какъ Лапласова, къ нимъ была бы совершенно неприложима¹³⁷⁾.

Признавая Канто-Лапласовскую гипотезу неудовлетворительною, Гауе предлагаетъ свою собственную космогоническую теорію. По этой теоріи, первобытное вещество, изъ котораго сформировалась солнечная система, существовало не въ видѣ газобразной туманной массы, а въ видѣ космической пыли, находившейся въ вихреобразномъ движеніи. Земля, по взгляду Гауе, образовалась прежде солнца и независимо отъ него. „Вселенная“—говоритъ Гауе—„въ началѣ представляла собою хаосъ, въ составъ котораго входили всѣ элементы земной химіи. Эти матеріалы, связанные взаимнымъ притяженіемъ частицъ, съ самаго начала находились въ движеніи по разнымъ направленіямъ, которое произвело отдѣленіе ихъ въ видѣ хлопьевъ или облаковъ. Послѣднія сохранили быстрое поступательное движеніе въ пространствѣ и въ тоже время чрезвычайно медленные вну-

¹³⁷⁾ Ibid. p. 171—172.

треніе круговороты. Эти міриады хаотическихъ хлопьевъ, путемъ постепеннаго сгущенія матеріи, дали начало различнымъ мірамъ вселенной... Хаосъ не есть столь простая вещь, какъ можно было бы подумать съ перваго раза. Онъ заключалъ въ себя всѣ силы, которыя въ настоящее время проявляются въ формѣ движенія, электричества, свѣта или теплоты; онъ заключалъ въ себя даже и ту силу, отъ которой зависитъ дѣятельность живыхъ существъ и матеріальная сторона работы чело-вѣческой мысли¹³⁸).

Первобытный хаосъ, по взгляду Фая, имѣлъ съ самаго начала почти сферическую форму, однородный составъ и одинаковую степень плотности во всѣхъ своихъ частяхъ. Первыми результатами медленныхъ вихреобразныхъ движеній среди этого хаотическаго собранія вещества были: 1) образованіе концентрическихъ колецъ, вращавшихся вокругъ сначала пустаго центра; 2) передача вращенія центральному сгущенію матерію. Весь процессъ образованія солнечной системы Гауе дѣлится на пять слѣдующихъ эпохъ. Въ первую эпоху происходило упорядоченіе вращательныхъ движеній и образованіе колецъ, вращавшихся въ одной и той же плоскости и въ прямомъ направленіи вокругъ центра тяжести. Другія части хаотическаго скопленія падали къ центру, описывая во всѣхъ направленіяхъ продолговатые эллипсы, концентрическіе по отношенію къ центральной массѣ. Вторую эпоху представляетъ образованіе планетъ съ ихъ спутниками въ области колецъ, менѣе удаленныхъ отъ центра, и первыхъ очертаній формы центральной массы. Въ третью эпоху происходило: медленное и постепенное формированіе солнца, приближеніе планетъ къ нему и образованіе планетныхъ группъ съ обратнымъ движеніемъ (Уранъ и Нептунъ съ ихъ спутниками). Въ четвертую эпоху солнце окончательно сформировалось, облеклось постоянной атмосферой и перестало получать новыя прибавки вещества совне; движенія всей системы вступили въ фазисъ окончательной устойчивости. Пятую эпоху, въ которой солнечная система находится теперь, характеризуютъ слѣдующія черты: возрастаніе плотности солнца и медлен-

¹³⁸) Ibid. p. 156—257.

ности вертикальных течений, поддерживающих его фотосферу; постепенное уничтожение последней и отвердвние поверхности солнца; продолжение астрономических движений системы in indefinitum ¹⁸⁹).

Будет ли принята, или отвергнута космогоническая гипотеза Фая, во всякомъ случаѣ основанія, приведенныя въ предшествующемъ изложеніи въ пользу временнаго происхожденія нашей солнечной системы, сохранять все свое значеніе. Такъ какъ означенная гипотеза опирается на извѣстныя научныя данныя, истинность которыхъ общепризнана, то эти основанія находятъ въ ней новую могущественную поддержку для себя и получаютъ, такимъ образомъ, еще большую силу.

Архимандритъ Борисъ.

¹⁸⁹) Ibid. p. 287—289.

РЕЛИГИЯ ДРЕВНИХЪ ВАВИЛОНЯНЪ.

ЛЕКЦИИ ПРОФЕССОРА СЭЙСА (SAUCE)*.

Первая, вступительная лекція.

Съ большимъ недоврѣемъ къ своимъ силамъ принялъ я приглашеніе читать о религіи древнихъ вавилонянъ. Предметъ этотъ самъ по себѣ новый; матеріаловъ въ рукахъ немного; длѣтелей на этомъ полѣ изслѣдованія весьма мало. Правда, вавилонская религія обратила уже на себя вниманіе „отца ассиріологіи“ Раулинсона, блестящаго и талантливаго Фр. Ленормана и знаменитаго голландскаго ученаго доктора Тилэ (Tiele), а также д-ра Фр. Гоммеля, одного изъ самыхъ молодыхъ и способныхъ ассиріологовъ; но до сихъ поръ не было еще сдѣлано никакой попытки систематически прослѣдить происхожденіе и исторію вавилонской религіи. Эта попытка преисполнена затрудненій. Намъ приходится воздвигать зданіе при помощи отрывочныхъ, полуразобранныхъ текстовъ, случайныхъ намековъ и неясныхъ замѣтокъ, при помощи памятниковъ, изъ которыхъ многіе принадлежатъ къ довольно позднему времени и еще большая часть къ неопредѣленному періоду. Если поэтому мое изслѣдованіе о вавилонской религіи покажется вамъ неполнымъ, если мнѣ придется по временамъ прерывать свой разсказъ или прибѣгать къ догадкамъ, то я напередъ убѣдительно прошу вашего

* Читаны въ 1887 г. и тогда же напечатаны; въ наст. году вышли вторымъ изданіемъ.

спускожденія въ виду трудности моей задачи. Открывать новое поле изслѣдованія всегда нелегко, въ особенности же если это поле обширно и какое-либо новое открытіе можетъ каждую минуту разрушить возводимыя теоріи или придать новую окраску уже извѣстнымъ наукъ фактамъ.

Я могу сознаться теперь, что еслибы съ самаго начала зналъ, какія мнѣ придется встрѣтить затрудненія, я никогда не нашель бы въ себѣ мужества для борьбы съ ними. Когда невозможно уже было взять назадъ обѣщанное слово, тогда только я началъ исполнѣ реализовать весь объемъ этихъ трудностей. Мнѣ приходилось работать надъ матеріалами въ одно и тоже время недостаточными и отрывочными. Правда, тутъ и тамъ часть моего предмета освѣщалась исполнѣ удовлетворительно, но въ другихъ мѣстахъ мнѣ приходилось работать въ потьмахъ или въ сумеркахъ. Я былъ какъ въ лѣсу, чрезъ густую листву котораго пробивался по временамъ лучъ луны, дѣлая окружающій мракъ еще гуще и я тщетно искалъ путеводной нити отъ одного проблеска свѣта до другаго.

Источники нашего знанія о религіи древнихъ вавилонянъ и родственныхъ съ ними ассиріянъ почти исключительно состоятъ въ памятникахъ. За исключеніемъ немногихъ отрывочныхъ замѣчаній въ книгахъ Ветхаго Завѣта и нѣкоторыхъ рассказовъ, встрѣчающихся у классическихъ писателей, которые по большей части суть продуктъ греческаго воображенія, наши свѣдѣнія о вавилонской религіи заимствованы главнымъ образомъ изъ давно погребенныхъ документовъ Ниневіи и Вавилона. Мы собираемъ свои матеріалы и построаемъ свои теоріи на основаніи скульптурныхъ произведеній, украшавшихъ стѣны ассирійскихъ дворцовъ, надписей надъ ними и глиняныхъ плиточекъ, составлявшихъ библиотеки великихъ городовъ. Преданіе нѣмо или почти нѣмо. Между древнимъ вавилонскимъ міромъ и нами зиеть глубокая бездна, черезъ которую намъ нужно перебросить мостъ при помощи документовъ, найденныхъ изслѣдователями и съ трудомъ разобранныхъ учеными. Но изученіе этихъ надписей представляетъ необыкновенныя затрудненія. Они написаны письменами, бывшими нѣкогда живописными подобно египетскимъ іероглифамъ и предназначавшимися изображать звуки языка исполнѣ различнаго отъ языка семитическихъ вавилонянъ и ассиріянъ, которыхъ

принадлежать большая часть дошедшихъ до насъ документовъ. Изъ этихъ двухъ фактовъ протекаетъ двойной результатъ. Письмена могли быть употребляемы *фонетически* для изображенія слоговъ и *идеографически* для изображенія предметовъ или идей. При фонетическомъ употребленіи каждая буква могла имѣть болѣе одного значенія; при идеографическомъ употребленіи простыя идеи изображались отдѣльными письменами, для изображенія же сложныхъ идей служили сочетанія нѣсколькихъ письменъ. Такъ напр., на языкѣ первобытныхъ обитателей Вавилоніи загробный міръ носилъ названія *арам* и представлялся имъ вообразенію темною подземною областью, гдѣ души усопшихъ стерегутъ безчисленныеклады золота. Но слово *арам* писалось не фонетически и не было изображаемо простымъ идеографомъ, но сочетаніемъ трехъ знаковъ, буквально „домъ страны смерти“.

Когда вавилоняне и ассиріане желали, чтобы написанное ими могло быть читаемо легко, они придумывали особые способы, облегчающіе это чтеніе. Историческія надписи читать довольно легко, одно только незнаніе значенія нѣкоторыхъ словъ представляетъ еще затрудненіе; но когда намъ приходится имѣть дѣло съ религіозными документами, то тутъ совсѣмъ другое. Религія языческихъ народовъ всегда и вездѣ драпируется въ таинственность и жрецы не любятъ облекать свои тайны въ простыя слова. Для непосвященныхъ они говорятъ притчами; „народъ, не знающій закона, провѣять есть“¹⁾. Жрецы Вавилона не были исключеніемъ изъ общаго правила. Жречество это, какъ мы увидимъ ниже, было въ одно и тоже время могущественно и въ высшей степени организовано; другаго подобнаго ему мы не встрѣчаемъ въ древнемъ мірѣ. Поэтому мы не удивляемся, что значительная часть завѣщанныхъ намъ ими документовъ были умышленно сдѣланы трудными для пониманія: слова въ нихъ изображены не фонетически, а идеографически; буквамъ придаю странныя и закодированное значеніе и истинное изображеніе божественныхъ именъ было тщательно скрывается отъ непосвященной толпы.

Но это еще не всѣ затрудненія, осаждающія насъ, когда мы стараемся проникнуть въ значеніе религіозныхъ документовъ.

¹⁾ Юан. 7, 49.

Я уже говорилъ, что клинообразная система письменности не была изобрѣтена семитическими вавилонянами и ассирианами, но унаслѣдована ими. Семиты историческаго періода, подданные Сеннахирима и Навуходоносора, которые по крови и по языку были въ такомъ близкомъ родствѣ съ евреями, не были первыми жителями долинъ Тигра и Евфрата. До нихъ тутъ жилъ народъ, который за неизмѣнѣмъ болѣе точнаго имени я буду называть *аккадцами* или *прото-халдеями*. Аккадцы говорили на приста-вочномъ (аглютинирующемъ) языкѣ, по строю своему походившемъ на языкъ современныхъ финновъ или турокъ; ихъ физиологическія черты, насколько мы въ состояніи судить о нихъ по немногимъ памятникамъ аккадской эпохи, очень рѣзко отличаются отъ чертъ семитовъ. Аккадцамъ халдейская культура и цивилизація обязаны своимъ происхожденіемъ. Они были учителями семитовъ не только въ письмѣ и литературѣ, но и въ другихъ элементахъ культуры. Это такой поразительный фактъ, идущій въ такой разрѣзъ съ предвзятыми идеями, что европейскіе ориентологи, не занимавшіеся специально клинообразными письменами, долго не признавали его. Даже теперь еще есть ученые и въ особенности одинъ замѣчательный ассириологъ, которые отказываются вѣрить тому, чтобы вавилонская цивилизація была первоначально созданіемъ расы, давно уже находящейся въ заднихъ рядахъ человѣческаго прогресса. Но если не признавать этого факта, то нельзя объяснить происхожденія ни клинообразной системы письменности, ни того богословія, очертанія котораго я взялся изобразить предъ вами. Итакъ, вотъ одно изъ затрудненій, съ которыми намъ, изучающимъ вавилонскую религію, приходится бороться. Намъ нужно различать входящіе въ нее элементы аккадскій и семитскій, а также смѣсь, происшедшую изъ сліянія этихъ двухъ элементовъ. Намъ нужно опредѣлить, какія надписи аккадскія, какія семитскія и какія продуктъ синкретической смѣси обоихъ элементовъ. Что дѣлаетъ задачу въ особенности трудною, такъ это то, что подобно средневѣковой латыни мертвый или умирающій аккадскій языкъ сдѣлался священнымъ языкомъ семитскаго духовенства позднѣйшаго періода. Не только почиталось необходимымъ для правильнаго совершенія священнаго обряда произносить подлинныя аккадскія изреченія, но составляемы были новые тексты на угасавшемъ

аккадскомъ нарѣчїи, относившіеся къ древнимъ аккадскимъ текстамъ, какъ латинскія сочиненія средневѣковыхъ монаховъ къ писаніямъ латинскихъ отцовъ церкви. Въ несчастію при теперешнемъ состояніи нашей науки бываетъ часто невозможно сказать, къ которому изъ этихъ двухъ классовъ относится данный текстъ, а между тѣмъ отъ правильнаго рѣшенія этого вопроса можетъ зависѣть правильное опредѣленіе развитія вавилонской религіи. Аккадскій элементъ этой религіи порождаетъ еще другое затрудненіе. Какъ мы увидимъ, большинство вавилонскихъ боговъ аккадскаго происхожденія. Имена же этихъ боговъ писались идеографически и чтеніе ихъ не всегда можетъ быть опредѣлено съ точностью. Даже если въ приложенномъ къ тексту толкованіи указывается чтеніе одного изъ этихъ именъ, мы все-таки не можемъ знать послѣдней семитской формы этого имени. Семиты продолжали изображать имена боговъ аккадскими идеографами, но въ большинствѣ случаевъ они, конечно, произносили ихъ совершенно иначе. Даже и теперь, когда ассириологія до того преуспѣла, что составитель еврейскаго словаря прибѣгаетъ къ ея помощи при опредѣленіи значенія еврейскихъ словъ и когда обыкновенную историческую надпись мы читаемъ почти также свободно, какъ страницу ветхозавѣтной книги, мы все еще не знаемъ настоящаго имени одного изъ главныхъ ассирійскихъ божествъ. Имя *Адаръ*, приписываемое ассириологами богу войны, имѣетъ за себя только то, что *Адрамелехъ* или „царь Адаръ“ было божество, въ честь котораго сепаримиды сожигали своихъ дѣтей на огнѣ⁴⁾. А между тѣмъ это имя не только постоянно попадаетъ въ ассирійскихъ надписяхъ, но входитъ въ составъ имени многихъ ассирійскихъ царей. Какъ съ именемъ, которое мы пока читаемъ *Адаръ*, такъ и съ именемъ, которое мы пока читаемъ *Гисдубаръ*. Гисдубаръ—герой великой халдейской эпопеи, въ одиннадцатую книгу которой внесена исторія потопы. Прежде чѣмъ содѣлаться солнечнымъ героемъ семитской легенды, Гисдубаръ былъ богомъ огня у аккадцевъ. Есть основанія полагать, что Джоржъ Смитъ правъ, видя въ немъ прототипъ библейскаго Нимрода. Единственно достовѣрный фактъ относительно этого имени есть тотъ, что оно оканчивается на *p*. Вѣрно

⁴⁾ 4 Царствъ 17, 31.

также и то, что оно не было ни *Гиздубарь*, ни *Издубарь*. Это фонетическое лишь чтеніе трехъ идеографовъ, входящихъ въ составъ его; конечно знаки, употреблявшіеся идеографически, не произносились фонетически.

Но это еще не всё затрудненія, съ которыми изучающему вавилонскую религію приходится бороться. Худшее еще впереди. За исключеніемъ историческихъ надписей, украшавшихъ изваянныя плиты ассирійскихъ дворцовъ или покрывавшихъ глиняные цилиндры, зарытыя въ углахъ царскихъ зданій, наши документальные матеріалы состоятъ исключительно изъ глиняныхъ плиточекъ, покрытыхъ мелкими письменами. Въ Ассиріи эти плитки были обжигаемы въ калильныхъ печахъ послѣ покрытія ихъ письменами; съ этою цѣлю въ глину продѣланы были отверстія для свободного испаренія излишней влаги; боязнь полома не позволяла этимъ плиточкамъ быть большихъ размѣровъ. Въ болѣе южномъ климатѣ Вавилоніи плиточки обыкновенно высушивались на солнцѣ, вслѣдствіе чего въ теченіе столѣтій глина распадалась, поверхность кирпича бывала часто превращаема въ порошокъ, а иногда весь кирпичъ распадался въ прахъ. За исключеніемъ „банкирской фирмы“ Эгипскаго семейства (Egibi family), ведшей дѣла со временъ Навуходоносора и его предшественниковъ до Дарія Гистаспа, у насъ сравнительно мало этихъ кирпичей, наполнявшихъ нѣкогда собою бібліотеки Вавилоніи и все еще вѣроятно лежація подъ землею. Большая часть нашей коллекціи добыта нами изъ вавилонской бібліотеки, занимавшей одну изъ комнатъ верхняго этажа дворца Асуръ-бани-пала въ Куянджикѣ. Дворецъ этотъ стоялъ въ предѣлахъ храма Нево³⁾ и стѣны его покрыты были полками, на которыхъ лежали глиняныя книги Ассиріи или свертки папируса, давно погибшіе. Эта бібліотека главнымъ образомъ состояла изъ списковъ или переизданій древнихъ сочиненій, перенесенныхъ изъ Вавилона и старательно списанныхъ многочисленными писцами подобно притчамъ Соломона, старательно собраннымъ мужемъ Езекиа царя іудейскаго⁴⁾. Эта бібліотека была перенесена изъ

³⁾ Псалмъ 46, 1.

⁴⁾ Пригч. Сед. 25, 1.

изъ Калаха ⁵⁾ Сеннахеримомъ въ концѣ его царствованія; но большая часть ея была собрана Ассуръ-бани-паломъ сыномъ Эзар-хадона и Сарданапаломъ грековъ. Онъ былъ первый, можно даже сказать единственный изъ ассирійскихъ, монарховъ любившій литературу и науку. Его предшественники были люди воинственные; если они заводили библіотеки, то только изъ подражанія своимъ болѣе образованнымъ сосѣдямъ въ Вавилоніи и, изъ желанія оставаться въ хорошихъ отношеніяхъ съ вліятельнымъ классомъ писцовъ и жрецовъ. Ассур-бани-паль же, не смотря на свою роскошь и тщесловіе, былъ истымъ библіофиломъ. Когда возмущеніе въ Вавилоніи было подавлено и вавилонскіе города взяты приступомъ, тогда самая пріятная Ассур-бани-палу добыча были писанныя книги, содержавшіяся въ ихъ библіотекахъ. Ни одинъ подарокъ онъ не цѣнилъ такъ высоко, какъ старинные тексты изъ Ереха или Ураили Вавилона. Но конечно въ особенности были цѣнимы сочиненія, относившіяся къ Ассиріи или къ специальной наукѣ вавилонскихъ царей, т.-е. къ астрологіи. Ассиріяне мало интересовались летописными документами вавилонскихъ государей или мифами и легендами, облекавшими дѣтство вавилонскихъ городовъ, не заключавшими въ себѣ никакого намека на что-либо ассирійское; только тогда, когда интересъ разсказа простирался за предѣлы Вавилоніи или когда религіозные тексты входили въ составъ обрядовъ ассирійскаго духовенства, они переносились на сѣверъ. Если теологія была настолько же ассирійская, насколько вавилонская или если легенда была столь же распространена въ Ассиріи, какъ и въ Вавилоніи, или же наконецъ отрасль изученія была особенно привлекательна для ассирійскихъ читателей, то сочиненія, относящіяся къ этимъ предметамъ, переносились въ ниневійскую библіотеку и переписывались ассирійскими писцами. Отъ этого нѣкоторыя стороны древняго богословія сохранились въ ассирійской литературѣ въ такой полнотѣ, тогда какъ другія стороны вовсе не сохранились;

⁵⁾ *Нево-зукув-юкинъ*, бывшій главнымъ библіотекаремъ отъ 6-го года Саргона (716 до Р. Х.), до 22-го года Сеннахерима (684 до Р. Х.), повидимому остался въ Калахѣ. Насколько мы знаемъ, первое сочиненіе, переписанное подъ его руководствомъ, былъ списокъ съ образцоваго сочиненія по астрологіи «Просвѣщеніе Вила» (The Illumination of Bel), принесеннаго изъ Вавилона въ библіотеку Калаха.

вотъ отчего также ящики британскаго музея переполнены плиточками, относящимися къ лже-наукѣ о предзнаменованіяхъ, имѣющей одно лишь филологическое значеніе.

Библіотека была общедоступна и Ассурь-бани-палъ всячески старался привлекать „читателей“ для „разсмотрѣнія“ и изученія содержавшихся въ ней книгъ. Однако литературный вѣкъ Ассиріи продолжался не долго. Даже до смерти Ассурь-бани-пала неуслѣдованная имъ могущественная имперія грозила паденіемъ. Египетъ былъ для нее навсегда потерянъ; Вавилонія порывалась къ независимости; полуварварскіе народы Сѣвера и Востока угрожали ей предѣламъ. Прежде конца столѣтія Ниневія взята была своими врагами и дворцы ея были разграблены и разрушены. Куонджунская бібліотека подверглась общей участи. Ея папирусы и кожаные свертки были сожжены, а ея глиняныя книги попадали въ безпорядкѣ и погребены были подъ ея развалинами. Тамъ пролежали они болѣе двухъ тысячъ лѣтъ, покрытыя пылью разрушавшихся кирпичей, пока Ленардъ не отрылъ древней бібліотеки и не вынесъ на свѣтъ ея содержанія. За раскопками Ленарда послѣдовали раскопки м-ра Джоржа Смита и м-ра Ормузда Раззама, и теперь большая часть бібліотеки Ассурбанипала находится въ британскомъ музеѣ. Изъ ея то престарѣлыхъ отрывковъ я буду заимствовать свой рассказъ.

Но уже очеркъ ея исторіи показывается, какъ трудна эта задача. Во-первыхъ ниневійская бібліотека лишь одна изъ многихъ бібліотекъ, нѣкогда существовавшихъ въ городахъ Ассиріи и Вавилона. Ея основатели никогда не имѣли въ виду полноты и собрали лишь часть древней вавилонской литературы. Затѣмъ даже эта часть литературы никогда не была списана сполна. Тутъ и тамъ текстъ прерывается и помѣчено „пробѣлъ“. Ясно, что и самый оригиналъ не былъ полонъ; плиточка, съ которой списывали, была попорчена и не могла быть читаема отъ начала до конца. Однако подобныя указанія на недостатки editio princeps доказываютъ, что ассирійскіе писцы изъ всѣхъ силъ старались воспроизводить документы какъ можно точнѣе и что, если это имъ не всегда удавалось, то не они въ томъ виноваты. А имъ дѣйствительно не всегда удавалось. Вавилонскія клинообразныя письмена иногда читать очень трудно: въ Вавилоніи же было образцоваго, оффиціально установленнаго почерка, какъ

въ Ассиріи. Образованіе не было дополненіемъ одного только класса людей; почти всё вавилоняне умѣли читать и писать, а слѣдовательно почерки на ихъ памятникахъ почти столь же разнообразны какъ въ наши дни; а потому ассирійскій писецъ не рѣдко одну вавилонскую букву принималъ за другую и невѣрно передавалъ текстъ. Главнымъ же послѣдствіемъ того факта, что ниневійская бібліотека состояла почти исключительно изъ обожженныхъ глиняныхъ плиточекъ, разбитыхъ и разбросанныхъ въ беспорядкѣ при разрушеніи города, является то, что большая часть текстовъ, употребляемыхъ нами, находится не въ цѣломъ видѣ. Многіе изъ нихъ составлены изъ маленькихъ отрывковъ, собранныхъ терпѣливымъ трудомъ ассиріологовъ въ британскомъ музее. Иногда мы имѣемъ одинъ только крошечный отрывокъ текста. Случается, что намъ попадается текстъ, обьшающій бросить значительный свѣтъ на тотъ или другой отдѣлъ ассирійской мысли и жизни, еслибы только въ рукахъ у насъ была путеводная нить къ его значенію, но онъ какъ разъ прерывается тамъ, гдѣ такая нить могла бы быть найдена. Эта отрывочность нашихъ документовъ не только мучительна для студентовъ, но можетъ повести къ серьезнымъ ошибкамъ. Когда у насъ лишь *отрывки* текста, тогда намъ нѣтъ ничего невозможнаго въ томъ, что мы совершенно ложно понимаемъ ихъ отношеніе и значеніе, и такимъ образомъ строимъ на основаніи ихъ теоріи, которыя могутъ быть опровергнуты находкою недостающихъ частей плитки. Это въ особенности въ области религіи и міеологіи дѣ очень легко составить себѣ ложное понятіе на основаніи, отдѣльныхъ изреченій, контекстъ которыхъ долженъ быть воссоздаваемъ по догадкѣ. Всё мы *по опыту* знаемъ, какія странныя толкованія были предлагаемы на библейскіе тексты, выхваченные изъ ихъ контекста; повтому должно прощать изучающимъ вавилонскую религію, если состояніе, въ какомъ находятся ихъ матеріалы, вводитъ ихъ иногда въ заблужденіе. Кромѣ того отрывочность нашихъ текстовъ дѣлаетъ трудъ разбирателя ихъ тяжелѣе, чѣмъ онъ былъ бы при цѣлостности текстовъ. Новое слово или темная фраза часто вполнѣ уясняются контекстомъ; гдѣ же нѣтъ контекста, тамъ конечно истолкованіе не можетъ быть увѣреннымъ и точнымъ.

Существуетъ еще другое затрудненіе, находящееся въ связи съ нашей зависимостью отъ разбитыхъ плиточекъ бібліотеки Ассурбани-пала, затрудненіе, чувствуемое лишь занимающимися вавилонскою религіею. Ни одна изъ плиточекъ не древнѣе VIII в. до Р. X. Какъ же намъ опредѣлять относительное время различныхъ религіозныхъ и міеологическихъ документовъ, заключающихся въ этихъ плиточкахъ? Правда, мы всегда находимъ указаніе, къ какой бібліотекѣ Вавилоніи такой-то текстъ принадлежалъ, но напрасно стали бы мы искать числа. А между тѣмъ для исторіи религіи и религіозныхъ идей безусловно необходима хотя приблизительно точная хронологія. Еслибы мы могли изслѣдовать самыя вавилонскія бібліотеки, то скорѣе открыли бы относительную древность документовъ, все еще быть можетъ находящихся въ нихъ. Теперь же это невозможно и за малыми исключеніями мы должны довольствоваться списками съ древнихъ документовъ, сдѣланными ассирійскими писцами.

Я долженъ сознаться, что затрудненіе весьма велико. Когда я началъ провѣрять теоріи о развитіи вавилонской религіи и пытался опредѣлить, что можно несомнѣнно вывести изъ самихъ текстовъ, тогда только я вполнѣ реализировалъ, какъ дѣйствительно велики затрудненія моей задачи. Одинъ только путь открытъ передъ нами. Мы можемъ придти къ какому бы то нибыло заключенію, лишь слѣдуя методу природы и науки, т.-е. восходя отъ извѣстнаго къ неизвѣстному процессомъ осторожной и внимательной индукціи, замѣчая всякое указаніе на число, лингвистическое ли или какое другое, представляемое документомъ, сравнивая наши матеріалы другъ съ другомъ и призывая на помощь то, что мы недавно узнали объ исторіи вавилонянъ. Поэтому если въ моихъ лекціяхъ я повидимому буду говорить менѣе положительно о раннемъ періодѣ развитія вавилонскаго богословія, чѣмъ говорили объ этомъ мои предшественники или чѣмъ я самъ говорилъ бы нѣсколько лѣтъ тому назадъ, то въ этомъ виноватъ не я, а недостатокъ въ матеріалахъ. Безполезно строить теоріи, могущія быть опровергнутыми каждую минуту и не объясняющія всѣхъ извѣстныхъ намъ фактовъ.

До сихъ поръ я пересчитывалъ лишь затрудненія и препятствія, встрѣчаемыя изслѣдователемъ вавилонскій религіи на самомъ порогѣ его изслѣдованія. Но еслибы не было другой сто-

роны, еслибы ничто не перевѣшивало затрудненія, то можно было бы допустить, что время для изслѣдованія богословскихъ понятій древнихъ вавилонянъ и ассириянъ еще не пришло и что мы должны довольствоваться тѣмъ, что было сдѣлано Г. Раулинсономъ около тридцати лѣтъ тому назадъ. Къ счастью это не такъ. Какъ бы ни были попорчены и изломаны тексты, ихъ достаточно для того, чтобы дать намъ возможность во всякомъ случаѣ набросать вѣншее очертаніе вавилонскаго богословія, а иногда привести и кое-какія подробности. Вавилоняне довольствовались простымъ издавіемъ своихъ ритуаловъ и религіозныхъ гимновъ или своихъ мѣзовъ о богахъ и герояхъ; они составляли комментаріи и пояснительныя руководства, заключающія въ себѣ филологическія и другія свѣденія о древнѣйшей религіозной литературѣ; они составляли списки божествъ и ихъ различныхъ именъ, описывали храмы, въ которыхъ стояли ихъ изображенія и отношенія различныхъ членовъ божеской іерархіи другъ ко другу. Они интересовались даже богами другихъ странъ и именами, которыя сосѣдніе народы давали божествамъ, которыя они отождествляли со своими собственными. Правда, многіе священные тексты написаны были такъ, что ихъ могли понимать одни только посвященные; но эти посвященные снабжались ключами и глоссами (толкованіями), изъ которыхъ многіе теперь у насъ въ рукахъ. Итакъ, въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ мы въ лучшемъ положеніи чѣмъ были бы простые вавилоняне; мы можемъ проникать въ дѣйствительный смыслъ документовъ, которые для нихъ были запечатанною книгою. Еще болѣе. Изслѣдованія символовъ и вѣрованій народовъ міра, совершающіяся за послѣднее полустолѣтіе, доставили намъ такую путеводную нить къ толкованію этихъ документовъ, какой не имѣли даже и посвященные жрецы. Мы можемъ догадываться о происхожденіи и первоначальномъ значеніи обрядовъ и церемоній, вѣрованій и мѣзовъ, которыя были извѣстны вавилонянамъ лишь въ ихъ болѣе поздней формѣ, облеченныя въ одежду преданій. Не смотря однако на помощь, доставляемую современному изслѣдователю остатками великой ниневійской бібліотеки, два главныхъ затрудненія все еще остаются для него, а именно отрывочность его матеріала и отсутствіе достовѣрной хронологіи.

Последнее затрудненіе самое серьезное, ибо новѣйшія открытія такъ расширили наши идеи о древности вавилонской цивилизаціи и произвели такой переворотъ въ нашихъ возрѣніяхъ, что наши выводы о развитіи вавилонской религіи должны быть совершенно видоизмѣнены. А потому, рискуя даже сдѣлать мою первую лекцію скучною и неинтересною, и повидимому уклоняясь отъ моего предмета, я долженъ войти въ нѣкоторыя подробности о ранней исторіи населенія, между которыми впервые возникла и развилась религіозная система, являемая намъ кино-образными надписями и документами.

Еще недавно ассириологи воображали, что могутъ уже набросать вѣщныя очертанія древне-вавилонской исторіи. Черезъ сравненіе разсказовъ классическихъ писателей и данныхъ, доставляемыхъ имѣющимся у насъ древними памятниками, была составлена послѣдовательная система. Говорилось, что приблизительно за три тысячи лѣтъ до Р. X. маленькія государства плодотворной вавилонской равнины соединились въ одну монархію, главнымъ городомъ которой содѣлался „Уръ-Халдейскій“ на западномъ берегу Евфрата. Вся страна въ это время была подъ владычествомъ аккадцевъ, хотя семитическіе кочевники и торговцы начали уже появляться на сценѣ; она была раздѣлена на двѣ области: сѣверная называлась *Аккадъ*, а южная *Сеннааръ*. Въ этихъ областяхъ говорили на двухъ различныхъ, хотя родственныхъ нарѣчіяхъ. Иногда обѣ области бывали независимыми другъ отъ друга, и даже по временамъ маленькія государства, входившія въ составъ ихъ, возвращали свою прежнюю независимость. Приблизительно за 2000 лѣтъ до Р. X. Аккадцы были вытѣснены семитами и самый языкъ ихъ пересталъ существовать, сохранившись только какъ священный языкъ жрецовъ. Начало семитскаго господства ознаменовано было царствованіемъ Саргона I-го и его сына Наром-Сима, утвердившихъ свою резиденцію въ Аккадѣ близъ Сиппары, гдѣ они основали знаменитую бібліотеку и откуда совершали военныя экспедиціи на западъ, доходя до самаго Средиземнаго моря. Однако династія Саргона была вскорѣ неспровергнута Хушитомъ Хаммурагасомъ съ горъ Елама, завоевавшимъ Вавилонію. Онъ сдѣлалъ Вавилонъ въ первый разъ столицею государства и основалъ династію, правившую въ теченіи нѣсколькихъ вѣковъ. До завоеванія Вави-

лоніи хушитами религіозная система ея была вполнѣ уже выработана. Система эта была составлена первобытными аккадскими обитателями и впоследствии усвоена и переработана ихъ семитскими преемниками. Первоначально эта религія была шаманизмъ подобно религіи жителей Сибири. Колдуны занимали мѣсто жрецовъ, магическія чары—мѣсто обрядовъ и безчисленные духи—мѣсто боговъ. Но мало по малу эти древнія понятія начали видоизмѣняться—появились жрецы, и какъ естественный результатъ, нѣкоторые изъ стихійныхъ духовъ возведены были на степень божествъ; древнія магическія чары замѣнились гимнами въ честь новыхъ боговъ, между которыми въ особенности выдавался богъ-солнца, со временемъ составившими сборникъ подобный индустанской Ригъ-Ведѣ, почитавшійся равно священнымъ. Этому процессу религіознаго развитія помогло семитское занятіе Вавилоніи. Семиты принесли съ собою новыя богословскія понятія. У нихъ главнымъ предметомъ поклоненія былъ богъ-солнца въ его двухъ видахъ: благодѣтеля и губителя; всѣ остальные божества являлись лишь фазами или атрибутами верховнаго Ваала. Рядомъ съ нимъ почитался его женскій двойникъ и отраженіе—богиня плодородія, являющаяся снова подъ различными именами и титулами рядомъ съ каждымъ другимъ божествомъ. Соединенія этихъ семитическихъ религіозныхъ понятій съ вѣрованіями, выработанными аккадцами, породило господствующую религію, охраняемую и направляемую могущественнымъ духовенствомъ, просуществовавшую въ болѣе или менѣе неизмѣнномъ видѣ до дней Навуходоносора и его преемниковъ. Эту то господствующую религію семитическіе ассиріане перенесли въ свое новое отечество на берега Тигра, гдѣ она подверглась одному или двумъ видоизмѣненіямъ, во всемъ же существенномъ оставшись неизмѣнною.

Въ этомъ разсказѣ о вавилонской религіи много основано на клинообразныхъ документахъ и слѣдовательно неоспоримо. Но выводы, сдѣланные изъ фактовъ, добытыхъ изъ этихъ клинообразныхъ документовъ, точно также какъ и общая теорія, возводимая на основаніи этихъ выводовъ, суть, *нужно помнить, только выводы и только теоріи*. По причинѣ отрывочности матеріаловъ необходимо пополнять пробѣлы документовъ предположеніями не имѣющихъ за себя свидѣтельства памятниковъ.

Данныя, составляющія такъ-сказать остовъ всей вышеназванной теоріи, заимствованы у греческихъ и римскихъ писателей; одни изъ составныхъ частей ея суть научное приобритеніе, заимствованное изъ клинообразныхъ памятниконъ, другія же части покоются единственно только на обобщительной способности современныхъ ученыхъ. Слѣдовательно вся вышеназванная схема должна быть разсматриваема какъ гипотеза, какъ одна изъ тѣхъ временныхъ теорій, которыя наука бываетъ принуждаема составлять для того, чтобы приводить въ порядокъ и комбинировать извѣстные ей въ данное время факты, но которыя должны уступать мѣсто другимъ гипотезамъ, по мѣрѣ того какъ открываются новые факты, не гармонирующіе со старымъ объясненіемъ. Нерѣдко случается, что гипотеза, довольно хорошо исполнявшая свое назначеніе въ направленіи изслѣдованія и бывшая *отчасти* правильною, можетъ быть опровергнута открытіемъ *одного* только новаго факта. Это именно и случилось съ теоріею развитія вавилонской религіи, которую я описывалъ выше.

Фактъ, потрясшій ее до основанія, было открытіе времени царствованія Саргона въ Аккадѣ. Послѣдній вавилонскій царь *Набонидосъ* отличался любовью къ древностямъ своей страны и занимался не только воссозданіемъ древнихъ храмовъ, но и откопкою памятныхъ цилиндровъ, спрятыхъ подъ ихъ фундаментомъ строителями и реставраторами ихъ. Во времена *Набонидоса* было извѣстно, что великій храмъ богу-солнца въ Сиппарѣ, развалины котораго теперь покрыты холмомъ Абу-Габба, былъ первоначально воздвигнутъ *Норам-Сивомъ*, сыномъ Саргона, и двлаемы были уже попытки найти документы, которые, какъ полагали, онъ закопалъ подъ углами его. Съ истиннымъ антикварскимъ рвеніемъ *Набонидосъ* предпринялъ поиски и не прекратилъ ихъ до тѣхъ поръ, пока не нашелъ „заключочнаго камня“ *Норам-Сива*. „Этотъ камень“, говоритъ *Набонидосъ*, „былъ сокрытъ отъ вздоровъ моихъ предшественниковъ въ теченіи почти 3200 лѣтъ“. Итакъ, по мнѣнію *Набонидоса* царя, интересовавшагося прошедшею исторіею своей страны и имѣвшаго благодаря своему положенію полную возможность узнать все, что только возможно было узнать о ней, *Норам-Сивъ* и его отецъ *Саргонъ I* жили за 3200 лѣтъ до него или 3750 до Р. X. Это

число столь древне и такъ противорѣчитъ всѣмъ нашимъ предвѣтымъ идеямъ о древности вавилонскаго государства, что я усумнился было въ его точности. Мы привыкли теперь хладнокровно смотрѣть на длинную хронологію, требуемую памятниками для исторіи Египта фараоновъ, но мы тоже привыкли полагать, что исторія Вавилоніи начинается не ранѣе третьяго тысячелѣтія до Р. Х. Ассириологи унаследовали хронологическіе предразсудки прошлаго поколѣнія, и къ тому же укороченная хронологія повидимому находитъ подтвержденіе и въ разсказахъ греческихъ писателей.

Я однако былъ вскорѣ принужденъ пересмотрѣть основанія моего скептицизма. Цилиндръ Набондоса, на которомъ онъ сообщаетъ о своемъ обрѣтеніи закладнаго камня Нораи-Сина, былъ привезенъ изъ раскопокъ М-ра Гормузда Раззама въ Вавилоніи и объясненъ М-ромъ Пинчесомъ шесть лѣтъ тому назадъ. Вскорѣ послѣ этого М-ру Пинчесу посчастливилось найти между вавилонскими надписями отрывки трехъ различныхъ списковъ, изъ которыхъ въ одномъ вавилонскіе цари были расположены по династіямъ съ указаніемъ числа лѣтъ каждаго царя и числа лѣтъ каждаго династіи. Ассирійская копія подобнаго же списка была еще ранѣе открыта Джоржемъ Смизсомъ, который со свойственною ему проникательностью увидѣлъ, что она должна походить на списки, служившіе матеріаломъ Берозу, греческому историку Халдеи, при составленіи имъ его хронологіи, но эта копія была до того отрывочна, что хронологія упоминаемыхъ ею царей подлежала спору. Къ счастью это не такъ въ отношеніи къ главному тексту, изданному М-ромъ Пинчесомъ. Онъ оставленъ вавилонскимъ уроженцемъ, начавшимъ слѣдовательно съ первой династіи, сдѣлавшей Вавилонъ столицею царства. Мы можемъ провѣрить этотъ документъ нѣсколько любопытнымъ образомъ. Одинъ изъ другихъ двухъ текстовъ, обнародованныхъ М-ромъ Пинчесомъ, есть ученическое упражненіе, состоящее изъ списка двухъ династій, упоминающихся и на лѣтописной таблицѣ. Оба списка слегка разнятся, показывая, что ученикъ или же его учитель руководствовались другими списками древнихъ царей чѣмъ тѣ, которыми руководствовался составитель аналитической (лѣтописной) таблицы; но не смотря на это имена и года царствованій вполне согласуются за од-

нимъ только исключеніемъ. Въ Ассиріи точное лѣтосчисленіе сохранялось при помощи сановниковъ такъ-называемыхъ эпохъ-мовъ, смѣнявшихся ежегодно и дававшихъ свое имя году. До сихъ поръ у насъ нѣтъ положительнаго доказательства того, что года означались подобнымъ же образомъ и въ Вавилонѣ; но такъ какъ большая часть ассирійскихъ учрежденій вавилонскаго происхожденія, то весьма вѣроятно что и это учрежденіе тоже заимствовано ими изъ Вавилона. Во всякомъ случаѣ писцы позднѣйшаго времени полагали, что имѣютъ достовѣрнѣйшую хронологию, восходящую до самой глубокой древности. Принимая во вниманіе прочныя свойства глиняныхъ книгъ и тотъ фактъ, что въ Британскомъ музеѣ хранятся разсказы о подвигахъ и другіе документы, помѣченные изъ царствованіе Хаммурагаза, болѣе чѣмъ за четыре тысячи лѣтъ тому назадъ, мы не имѣемъ причины сомнѣваться въ основательности ихъ мнѣнія.

Аналитическая (лѣтописная) таблица—царствованіе за царствованіемъ, династія за династіей приводитъ насъ 2404 году до Р. X. Между государями находится Хаммурагазъ—царствованіе котораго помѣщено 112 лѣтъ позднѣе, т.-е. около 2290 года до Р. X.⁶⁾ О Саргонѣ и о сынѣ его Норам-Синѣ въ этой таблицѣ не упоминается. На полкахъ британскаго музея лежатъ огромныя выкопанные на солищѣ кирпичи, на которыхъ вытѣснены имена и титулы царей, воздвигшихъ или реставрировавшихъ храмы, въ которыхъ они были найдены. О нихъ какъ и о Саргонѣ таблица умалчиваетъ. Они должно-быть принадлежать къ болѣе древнему періоду чѣмъ тотъ, съ котораго начинается списокъ на аналитической таблицѣ. Однако цари, оставившіе на кирпичачѣхъ память о своихъ постройкахъ, не находятся другъ съ другомъ ни въ какой связи; но представляютъ скорѣе отдѣльныя звѣнья порванной цѣпи, указывая на продолжительный періодъ, въ теченіи котораго они должны были царствовать.

⁶⁾ Такъ какъ Хаммурагазъ царствовалъ 55 лѣтъ, то конецъ его царствованія приходится за 2235 до Р. X. Это любопытнымъ образомъ совпадаетъ съ годомъ, къ которому относятъ начало вавилонской эры. Если вѣрить латинскому переводу (Simplicius, *ad Arist. de Coelo*, 508 A) то Каллисоевъ въ 931 году до Р. X. послалъ въ Вавилонъ Аристотелю астрономическія наблюденія за 1903 годъ (т.-е. 2236 до Р. X.).

Этотъ выводъ подтверждается и другимъ документомъ изъ Вавилонна, обнаруженнымъ М-ромъ Пинчесомъ. Этотъ документъ содержитъ въ себѣ длинный перечень царскихъ именъ, расположенныхъ нехронологически; какъ объ этомъ особенно замѣчено, но съ филологическою цѣлью объяснить по ассирійски аккадскія и хушидскія имена семитическихъ царей Вавилоніи. Не смотря на свою неполноту этотъ документъ заключаетъ въ себѣ около шестидесяти именъ, не встрѣчающихся на аналитической таблицѣ и которыя слѣдовательно должны быть отнесены къ болѣе древнему періоду чѣмъ тотъ, съ котораго эта таблица начинается.

Эти имена подобно большей части именъ, вытѣсненныхъ на кирпичяхъ древнихъ храмовъ, не семитскаго, но аккадскаго происхожденія. Если аккадское владычество предшествовало владычеству семитическихъ вавилонянъ, то длинный рядъ государей, которымъ эти имена принадлежали, долженъ былъ царствовать до временъ семитическихъ царей Саргона и Нарам-Сина. Но отъ этого заключенія мы должны однако отказаться. Длинный промежутокъ времени въ 1300 лѣтъ между Саргономъ и династією Хаммурагаза не могъ быть наполненъ исключительно семитскими государями, не оставившими по себѣ памятниковъ. Мы принуждены признать, что семиты не сразу утвердили свое господство въ Вавилоніи. Борьба между старымъ и новымъ населеніемъ страны не была рѣшена одною битвою въ одно царствованіе. Династія, слѣдовавшая за династією Хаммурагаза, носитъ по большей части аккадскія имена и слѣдовательно можетъ быть почитаема указаніемъ на аккадское возрожденіе. Тоже самое часто могло случаться и до Хаммурагаза: то династія, возвысившаяся изъ семитическаго населенія, приобретала верховную власть въ Вавилоніи; то правителю какому-либо рода, все еще сопротивлявшагося семитамъ, удавалось утвердить свое владычество надъ всею странюю. Въ династической таблицѣ непосредственный предшественникъ Хаммурагаза—семитъ, носящій семитическое имя *Син-мубаллидъ*, а изъ надписи самаго Хаммурагаза мы узнаемъ, что онъ овладѣлъ Халдеєю, ниспровергнувъ аккадскаго царя Рим-Агу. Сверхъ того, каковъ бы ни былъ первоначальный характеръ семитскаго занятія Вавилоніи, со временъ Саргона I и позднѣе онъ былъ болѣе или

менѣе мирный; аккады и семиты смѣшались другъ съ другомъ и изъ этого смѣшенія возникла особенная цивилизація Вавило-ни и особенный типъ ея народа.

Саргона высоко уважали какъ аккадцы, такъ и семиты. Многи окружають его дѣтство, какъ они окружають дѣтство Кира; народная легенда видѣла въ немъ государя-героя, покинутого въ дѣтствѣ и воспитываемаго среди грязной обстановки до момента обнаруженія его истиннаго характера и вступленія во владѣнїе его законнымъ наследіемъ. Говорили, что онъ родился отъ неизвѣстнаго отца; подобно тому какъ Марсъ сочетался съ матерью основателя Рима, такъ богъ, котораго позднѣйшее преданіе не дерзало называть, сочетался съ матерью основателя первой семитской монархіи. Она родила своего первенца „въ потаенномъ мѣстѣ“ на берегу Евфрата, положила его въ тростниковую корзину, которую осмолила и ввѣрила рѣкѣ. Разсказъ напоминаетъ намъ Персея, пущеннаго по морю съ его матерью Данаю, а также Ромула и Рема, предоставленныхъ на произволъ Тибра. Евфратъ отказался потопить своего будущаго властелина и въ сохранности принесъ его къ Акки, („ороситель“) представителю аккадскихъ земледѣльцевъ, воздѣлывавшихъ землю для своихъ семитскихъ господъ. Въ этомъ низкомъ званіи среди покореннаго народа провелъ свое дѣтство Саргонъ. Акки жили надъ маленькимъ заброшенемъ и выростили его какъ собственнаго сына. Когда мальчикъ подросъ, ему поручено было воздѣлывать садъ и ухаживать за плодовыми деревьями. Среди этихъ-то скромныхъ занятій увидала его богиня Истеръ и полюбила его. Тогда настала чась его освобожденія отъ рабскаго труда и его воцаренія. Много лѣтъ царствовалъ Саргонъ надъ черноголовою расою аккадцевъ; проѣзжалъ чрезъ покоренныя страны въ бронзовой колесницѣ, переправлялся черезъ Персидскій заливъ и овладѣлъ священнымъ островомъ *Дилмунъ*. Самое имя, данное ему народомъ, указывало на предопредѣленное ему возвышеніе. *Саргонъ* не настоящее его имя. Его имя было *Саргану*, слегка измѣненное въ *Саргини* оно стало означать „установленный“ или „предназначенный царъ“ аккадскихъ подданныхъ. *Сарина* (Саргонъ) есть семитское произношеніе имени *Sarru-Kinu*, напоминающее Таммуза, возлюб-

леннаго Исторъ, къ которому зывали *ablu-kinga*, т.-е. „едино-родный“. Но *Саргина* (Саргонъ) было не единственное имя царя, его звали также *Дадиль* или *Дададь*. Позднѣйшіе семитскіе писцы говорили, что это имя означаетъ: „Саргонъ, царь по праву, законодатель, виновникъ благоденствія“, хотя по нашему его истинное значеніе скорѣе „премудрый“.

Но несмотря на атмосферу мифовъ Саргонъ, государь историческій и основатель вѣстину великаго государства. Въ британскомъ музеѣ хранится ядро изъ мрамора съ жидками, покрытое надписью Саргона и посвященное имъ богу солнца въ Сиппаръ; а въ рукахъ М. Le Clercъ въ Парижѣ находится печать бібліотекаря Саргона *Ибни-Сарру*. То, что можетъ быть названо научно литературою вавилонской бібліотеки, часто упоминаетъ о немъ и мы узнаемъ, что для его великой бібліотеки, основанной имъ въ его столицѣ Аггадъ, были написаны два образцовыхъ вавилонскихъ сочиненія, одно по астрономіи, другое о земныхъ предназначеніяхъ. Заглавіе сочиненія по астрономіи было: *Наблюденія Бэла (Вила)*. Оно состояло не менѣе какъ изъ семидесяти двухъ книгъ, разсуждавшихъ о такихъ предметахъ, какъ о солнечныхъ и лунныхъ затмѣніяхъ, о фазахъ Венеры и о появленіи кометъ. Въ послѣдствіи оно было переведено на греческій языкъ историкомъ Берозомъ. Хотя, проходя черезъ руки многихъ поколѣній вавилонскихъ астрономовъ, оно было дополнено многочисленными прибавленіями, однако подлинникъ содержитъ въ себѣ такъ много разсказовъ о затмѣніяхъ, что на основаніи его уже во времена самаго Саргона можно было бы доказать древность вавилонской астрономіи. Но кромѣ того, что мы знаемъ, что Саргонъ покровительствовалъ учености, мы знаемъ также кое-что изъ гражданской исторіи его царствованія. До насъ дошелъ списокъ его лѣтописей. Мы узнаемъ изъ нихъ, что Саргонъ не только успѣшно сокрушалъ всякую оппозицію внутри страны, но что онъ также былъ побѣдоносенъ и заграницею. Его первый походъ былъ на востокъ противъ могущественнаго царства Еламскаго, гдѣ онъ испровергъ врага и ругался надъ его трупами. Затѣмъ онъ обратился на западъ, наложилъ свое иго на Сирію и покорила „четыре страны“ свѣта. Соперничествовавшіе другъ

съ другомъ царя Вавилона и другихъ халдейскихъ городовъ почувствовали его силу; изъ добычи побѣжденныхъ онъ построилъ городъ Аккадъ и далъ ему его имя. Съ этихъ поръ все вниманіе его было обращено на западъ. Изъ года въ годъ онъ прокишалъ въ Сирію, пока наконецъ мы узнаемъ, что „у него не стало ни ровни ни соперника“. Онъ перешелъ Средиземное море къ острову, который мы теперь называемъ Кипръ, и „на третій годъ“ руки его покорили всѣ народы въ предѣлахъ западнаго солнца и уста его управляли одною и нераздѣльною монархією“. На Кипрѣ великій завоеватель поставилъ свое изображение и затѣмъ перенесъ добычу острова на противоположащій берегъ Азіи. Такой проблескъ свѣта на исторію того, что въ послѣдствіи содѣлалось греческимъ моремъ въ то время когда ни одинъ еще грекъ не направлялся въ свое будущее отечество, воистину весьма поразителенъ для тѣхъ, понятія которыхъ о достоверной исторіи ограничиваются узкимъ горизонтомъ классическаго міра. Достоверность этого факта любознательнымъ образомъ была провѣрена открытіемъ, сдѣланнымъ генераломъ de Сеспола въ складочныхъ скленахъ кипрійскаго храма среди развалинъ древняго Кюриона. Здѣсь среди гематическихъ цилиндровъ древняго вавилонскаго происхожденія онъ нашелъ цилиндръ, первый владѣтель котораго говоритъ о себѣ какъ о „служителѣ обоготвореннаго Нарам-Сина“. Нарам-Синъ же былъ сынъ и наследникъ Саргона и невѣроятно, чтобы ему оказываемы были божескія почести послѣ паденія династіи, къ которой онъ принадлежалъ. Фактъ, что цилиндръ былъ найденъ на Кипрѣ, повидному показываетъ, что даже и по смерти Саргона между Кипромъ и императорскою вавилонскою державою продолжали существовать сношенія. Однако Нарам-Синъ склонился скорѣе къ покоренію Магана или Синайскаго полуострова, чѣмъ къ дальнѣйшимъ походамъ на западъ. Синайскій полуостровъ со своими бирюзовыми и мѣдными рудами со временъ третьей династіи составлялъ вождѣльный призъ для египтянъ и однимъ изъ первыхъ уюкѣй возвышавшейся сопернической державы на берегахъ Еврата было овладѣніе этою страной. По свидѣтельству гѣтописной таблицы Нарам-Синъ „направился на землю Магана; землю Магана онъ покорилъ и преодолѣлъ царя ея“.

Земля Магана была уже известна жителямъ Вавилоніи. Самые древніе изъ открытыхъ до сихъ поръ халдейскихъ памятниковъ были откопаны въ Талло на югѣ халдеи французомъ M. de Sazces и теперь находятся въ Луврѣ. Нѣкоторые изъ нихъ могутъ быть отнесены къ эпохѣ перваго возникновенія халдейскаго искусства и клинообразнаго письма. Дѣйствительно письмо не вполне еще клинообразное: первоначальная живописная форма многихъ письменъ слегка искажена и вертикальнѣе направлена, въ которыхъ они подобно китайскимъ письменамъ писались въ старину, все еще сохранена. Какъ языкъ, такъ и искусство прото-халдейскіе; въ нихъ нѣтъ и слѣда присутствія въ странѣ семитовъ. Между памятниками есть сидячія фигуры, выгробленные изъ камня, во многихъ случаяхъ діорита, до того твердаго, что даже современному художнику врядъ ли удастся обдѣлать ихъ въ очертанія человѣческой фигуры. Надпись на одной изъ фигуръ сообщаетъ намъ, что камень доставленъ былъ изъ страны Магана. Слѣдовательно, уже до времени Саргона и возникновенія семитическаго владычества и цивилизаціи синайскій полуостровъ былъ не только известенъ жителямъ Халдеи, но глыбы камня были доставляемы оттуда въ безкаменную равнину Вавилоніи, гдѣ они принимали пластическія формы подъ рукою скульпторовъ. Я уже говорилъ, что синайскія каменоломни были известны египтянамъ и разрабатывались ими въ эпоху третьей династіи около 6000 лѣтъ тому назадъ. Неужели же простая случайность, что одна изъ самыхъ чудныхъ ствтуй въ мірѣ, главное украшеніе Буланскаго музея, сидячая фигура Хефрона, фараона четвертой династіи, изобчена тоже изъ зеленого діорита подобно статуямъ Талло, и представляетъ монарха почти въ томъ же положеніи какъ и эти статуи? Правда работа вавилонянь грубѣе египетской; но если мы ихъ поставимъ рядомъ другъ съ другомъ, то невольно подумаемъ что они принадлежать къ одной и той же скульптурной школѣ и что одни лишь менѣе искусное подражаніе другихъ. Это убѣжденіе еще болѣе усиливается, когда мы узнаемъ, что діоритъ столь же чуждъ почвѣ Египта какъ и Вавилоніи и что единица измѣренія, означенная на планѣ города, лежащемъ на долинахъ одной изъ фигуръ Талло, та же самая какъ и единица измѣренія египетскихъ пирамидъ строителей-фараоновъ четвертой и двухъ слѣдующихъ династій.

Египетскія изслѣдованія независимымъ путемъ привели также къ тому заключенію, что пирамидо-строители принадлежали по крайней мѣрѣ къ четвертому тысячелѣтію до Р. X. Открытія въ Телло указываютъ намъ на параллельный періодъ въ исторіи Вавилоніи въ времена несравненно древнѣйшія, чѣмъ время царствованія Саргона аккадскаго, въ которомъ мы повидимому находимъ слѣды столкновеній между вавилонянами и египтянами древняго царства. Быть-можетъ даже побѣды Нарам-Сина на синайскомъ полуостровѣ содѣланы были возможнымъ паденіемъ некой династіи и истощеніемъ могущества древняго египетскаго царства. Послѣ этого событія въ теченіе нѣсколькихъ вѣковъ Египетъ былъ потерянъ для исторіи; его рудокопы и гарнизоны отозваны были съ синайскаго полуострова для борьбы съ болѣе близкимъ домашнимъ врагомъ.

Если есть хоть тѣнь истины въ вышеприведенныхъ доводахъ, то мы теперь, я думаю, можемъ съ довѣріемъ принять время, приписываемое Набондосомъ Саргону аккадскому, какъ не странно читать объ экспедиціяхъ вавилонскихъ царей противъ Кипра и Синая въ такую отдаленную отъ насъ эпоху. Важные результаты проистакутъ отъ такого заключенія для исторіи вавилонской религіи. У насъ будетъ достаточно времени для медленнаго поглощенія аккадскихъ религіозныхъ идей некультурнымъ умомъ семитовъ, для постепеннаго видоизмѣненія, которому онѣ подвергались и для развитія тѣхъ позднѣйшихъ формъ вѣрованія и обычаевъ, къ которому принадлежитъ большая часть нашихъ матеріаловъ. Мы можемъ теперь въ нѣкоторой степени прослѣдить, какъ аккады и семиты вліяли взаимно другъ на друга и въ то же время указать главные періоды, въ теченіе которыхъ то или другое вліяніе достигало высшей точки своего развитія.

Памятники Телло переносятъ насъ въ досемитскій періодъ. Божества, ими упоминаемыя, прото-халдейскія и по нимъ мы можемъ составить себѣ идею о прото-халдейской религіи въ періодъ ея процвѣтанія. Вавилонія была все еще раздѣлена на множество независимыхъ государствъ, по временамъ соединявшихся подъ одною властію. Укаждаго государства былъ свой собственный культъ. Мало-по-малу постепенно усиливавшіеся семиты низложили древнія династіи и по всей странѣ вдоль и

перережь образовали изъ себя высшій классъ, сперва воиновъ и торговцевъ, а потомъ и жрецовъ. Въроятно семитическое вліаніе почувствовалось сперва въ сѣверной Вавилоніи. Во всякомъ случаѣ тутъ возникло государство, достигшее высшей степени своего развитія въ царствованіе Саргона аккадскаго и его сына Нарам-Сина. Еще до этого древняя культура несемитическаго населенія была вполне усвоена семитами. Сношенія между обѣими расами приняли уже мирный характеръ. Масса болѣе древняго народонаселенія довольствовалась воздѣлываніемъ земли, орошеніемъ полей и вообще состояніемъ рабовъ по отношенію своихъ семитическихъ господъ. Браки должно быть были заключены между членами обѣихъ расъ; члены одного и того же семейства носятъ иногда аккадскія, иногда семитскія имена и цари, аккадскаго ли или семитскаго происхожденія, издаютъ свои указы на обѣихъ языкахъ. Клинообразная письменность была унаслѣдована семитами не въ вполнѣ еще выработанномъ видѣ. Знаки получили новый смыслъ и значеніе, придуманы были новыя буквы и сочетанія буквъ и при написаніи семитическихъ словъ подражали древнему аккадскому идеографическому почерку. Процессъ былъ способствуемъ покровительствомъ литературѣ при дворѣ Саргона. Тутъ семитскіе и аккадскіе писцы соревновали другъ передъ другомъ въ составленіи новыхъ текстовъ и въ содѣланіи древнихъ текстовъ доступными семитическимъ студентамъ. Возникъ новый искусственный діалектъ, основаніе котораго было семитическое, но который былъ весь наполненъ аккадскими словами и выраженіями. Съ другой стороны аккадскіе тексты, составляемые придворными литераторами, были переполнены семитическими словами и выраженіями. Иногда они были произведеніемъ семитовъ, писавшихъ на чужомъ языкѣ, а иногда аккадцевъ, пропитанныхъ атмосферою семитской мысли и жизни.

Что случилось съ языкомъ, то должно было случиться и съ религіею. У многихъ позднѣйшихъ вавилонскихъ боговъ аккадскія имена и идеи, соединенныя съ ними, обнаруживаютъ не семитское происхожденіе. Аккадскія религіозныя понятія были приравливаемы къ семитическимъ, а семитическія плотно перемиты съ аккадскими, такъ что теперь невозможно почти разъединить ихъ. Насколько это такъ; я надѣюсь показать въ слѣдующей лекціи.

Паденіе династіи Саргона могло повести за собою временное возстановленіе аккадскаго главенства. Но какъ бы то ни было семитскій элементъ былъ всегда сильнѣе въ сѣверной Вавилоніи; тогда, какъ въ южной одинъ изъ многочисленныхъ диалектовъ древняго языка продолжалъ жить до самаго Навуходоносора и Набонидоса. Но даже и въ сѣверной Вавилоніи семитическій элементъ не былъ вполне чистъ; его представителями здѣсь главнѣйшій образомъ были господствовавшіе классы, а не самъ народъ, какъ это было въ Ассиріи; поэтому вавилонянинъ, какъ въ нравственномъ, такъ и въ интеллектуальномъ отношеніи являеть не вполне непримѣсный семитическій типъ. Чтобы убѣдиться въ этомъ, должно сравнить вавилонянина съ его сосѣдомъ ассирійцемъ. У ассирійца всѣ существенныя черты семита; его изрычковатый носъ и угловатыя черты свидѣтельствуютъ о его происхожденіи съ восточной стороны также безошибочно, какъ его напряженность, жестокость, страсть къ торговлѣ и кочевныя привычки свидѣтельствуютъ объ этомъ съ нравственной стороны. Тогда какъ вавилонянинъ коренастъ, круглолицъ, скорѣе земледѣлецъ чѣмъ воинокъ, ученый нежели торговецъ. Напряженность религіознаго вѣрованія, отличающая ассирійца, въ вавилонянинѣ уступала мѣсто суевѣрью; жестокости, которыя ассирійцы увѣковѣчивали во имя Ассуръ и о которыхъ любилъ разсказывать въ своихъ надписяхъ, были чужды вавилонянамъ. Если ассирійцевъ римлянинъ древняго востока, то вавилонянинъ его итаецъ.

Тѣмъ не менѣе этотъ типическій контрастъ двухъ націй долженъ былъ развиваться въ теченіе вѣковъ; иногда семиты Вавилоніи—*вавилоняне*—какъ я отнынѣ буду называть ихъ, и ассиріане должны были составлять одинъ народъ. Ассирійскій и вавилонскій языки отличаются другъ отъ друга не болѣе чѣмъ одинъ англійскій диалектъ отличается отъ другаго и оттого они извѣстны подъ общимъ именемъ ассирійскаго языка. Изъ Вавилоніи ассиріане заимствовали свою систему письменности, большую часть своей литературы, свою религію и свои законы. Правда, многое изъ сего могло быть заимствовано въ позднѣйшее время, когда оба государства существовали рядомъ, или когда Вавилонія содѣлалась достояніемъ своего болѣе грубаго, но въ то же время и болѣе воинственнаго сосѣда; однако главное, какъ напр. языкъ, должно было быть наслѣдіемъ предковъ

Сеннахерима и Сарданапала, принесенное ими въ ихъ сѣверное отечество. О религіяхъ Вавилоніи и Ассиріи должно говорить вмѣстѣ. Правда, въ нѣкоторыхъ частностяхъ онѣ расходятся, но эти частности несущественны и могутъ быть отброшены безъ ущерба нашему воззрѣнію на главные факты.

Но спрашивается, какой интересъ представляютъ для насъ религіи Вавилоніи и Ассиріи и тѣмъ болѣе изслѣдованіе ихъ природы и происхожденія? Онѣ давно уже погибли подобно исповѣдывавшимъ ихъ народамъ и повидимому не оставили никакихъ замѣтныхъ слѣдовъ своего вліянія на народы, о которыхъ мы знаемъ и которыми болѣе всего интересуемся. Греки и римляне такъ мало интересовались этими восточными варварами, что не читали и не сохранили даже единственной исторіи Халдеи, написанной на греческомъ языкѣ туземцемъ, пользовавшимся туземными матеріалами; тѣми отрывками ее, которые мы имѣемъ, мы обязаны апологетическому рвенію христіанскихъ полемическихъ писателей. Еще менѣе вліянія могли имѣть эти древніе народы Вавилоніи и Ассиріи на современный міръ, на выработку идей современнаго европейскаго общества. Еще недавно на все это трудно было отвѣтить. А между тѣмъ существуетъ одинъ народъ, имѣвшій и все еще имѣющій сильное вліяніе на нашу собственную жизнь и мышленіе и который въ критическую эпоху своей исторіи проведенъ былъ въ близкое сношеніе съ религіею и культурою Вавилоніи. Вліяніе еврейской религіи на христіанство, а слѣдовательно и на народы христіанскіе, было продолжительно и глубоко. Еврейская религія была тѣсно связана съ еврейскою исторіею, тѣснѣе можетъ быть, чѣмъ какая-либо другая великая религія міра съ народомъ, исповѣдывавшимъ ее. Она принимала свою окраску отъ событий, ознаменовавшихъ политическую жизнь еврейскаго народа, развиваясь въ унисонъ съ ихъ борьбами и успѣхами, съ ихъ испытаніями и разочарованіями. Великая молитвенная книга ихъ, Псалтирь, есть произведеніе богодухновенное и въ тоже время національное; личность сливается въ ней свои собственные порывы и страданія съ порывами и страданіями всего общества еврейскаго. Развитіе еврейскаго пророчества тоже находится въ тѣсной связи съ національными судьбами избраннаго Божьяго народа. Въ Библии

нравъ прямо связано, что орудіями Господа для преоуданія этого уроча народу Его были ассиріяне и вавилоняне. Ассиріяне были жезломъ гнѣва Божія (Исаія 10, 5) а вавилонское плѣненіе поставило іудеевъ въ наказаніе за грѣхи ихъ. Возвратившіеся изъ плѣна возвратились въ Палестину съ измѣненнымъ сердцемъ и очистились умомъ; съ этого времени Іерусалимъ долженъ былъ быть жилищемъ „народа праведнаго, хранящаго истину“ (Исаія 26, 2).

Итакъ независимо отъ вліянія, какое древнія религіозныя вѣрованія Вавилоніи могли имѣть на грековъ и которое они, какъ увидимъ впоследствии, дѣйствительно имѣли, изученіе вавилонской религіи интересно для насъ по вліянію на находившихся въ плѣну евреевъ. Вліяніе это не было исключительно отрицательное. Изученіе вавилонскихъ божествъ, обрядовъ, церемоній и религіозныхъ идей показало намъ, что евреи прожили семьдесятъ лѣтъ среди вавилонянъ не безъ того, чтобы усвоить себѣ нѣчто болѣе, чѣмъ одни только названія мѣсяцевъ. Мы узнали также, что языкъ вавилонскихъ побѣдителей не былъ такъ-называемый халдейскій, но весьма близкій къ языку самихъ евреевъ. Правда евреи не могъ понимать вавилонянина, точно также какъ Валісцъ не понимаетъ Бретонца, но ему легко было научиться понимать его. Ассирійскій языкъ, т.е. языкъ Вавилоніи, вообще ближе къ еврейскому, чѣмъ какой-либо другой членъ семитскаго семейства.

Но еще до плѣна евреи приходили въ соприкосновеніе съ вавилонскими идеями; въ Словѣ Божіемъ сказано, что Авраамъ родился въ Урѣ халдейскомъ. Правда, во время плѣна идеи побѣдителей производили болѣе глубокое впечатлѣніе на плѣнныхъ, привыкшихъ уже издавна смотрѣть на Вавилонію какъ на колыбель учености и культуры. Еврейскій языкъ былъ языкомъ не только израильтянъ, но также и тѣхъ древнихъ жителей Палестины, которыхъ евреи называли хананеями, а греки финиціанами. Подобно израильтянамъ финиціане полагали, что ихъ предки пришли съ береговъ персидскаго залива и съ наносной равнины Вавилоніи. Это преданіе находитъ подтвержденіе и въ изсѣдованіяхъ сравнительной филологіи. Многія изъ словъ, общихъ всемъ семитамъ, указываютъ повидному сообщенію съ Вави-

лонією страну, какъ [на область, откуда употреблявшіе ихъ первоначально вышли и гдѣ они называли животныхъ и растенія общими именами. Ихъ первое жилище должно-быть было въ низменной пустынѣ къ востоку отъ Халдеи на самомъ берегу Евфрата, гдѣ въ древности расположенъ былъ городъ Уръ. Здѣсь они вели кочевую жизнь, сохранившие въ страхъ болѣе высокою культурою осѣдлаго аннадскаго племени, пока не усвоили ее себѣ и не обездолили и не вытѣснили своихъ учителей.

Племена, ушедшія на сѣверъ и на западъ, должны были, мы полагаемъ, унести съ собою нѣкоторые элементы культуры, которой они научились отъ своихъ аннадскихъ соседей. И мы действительно находимъ, что это было такъ. Имена вавилонскихъ божествъ встрѣчаются въ названіяхъ мѣстъ въ Палестинѣ и въ соедѣнныхъ семитскихъ земляхъ. Вавилонскій богъ литературы и пророчества *Нево* (Исаія 46, 1) далъ свое имя городамъ въ предѣлахъ Рувима и Иуды (Чис. 32, 3. 38) точно также какъ Моавитской горѣ, на которой умеръ Моисей (Втор. 34, 1). Имена вавилонскаго бога неба *Ану* и его супруги *Анату* слышатся въ названіяхъ городовъ *Анавоэ* и *Бео-анаэ* (Ис. Нав. 21, 18; Парал. 6, 60. Исаія 10, 30. Іер. 11, 23). Въ самомъ имени *Синай* мы слышимъ имя *Сина* бога луны.

Такимъ образомъ мы можемъ предположить, что существовало два періода въ исторіи еврейскаго народа, когда онъ приходилъ въ соприкосновеніе съ религиозными понятіями Вавилоніи. Позднѣйшій періодъ вавилонскаго плѣна, когда вліяніе было определеннаго характера и ранній періодъ, когда труднѣе опредѣлить сумму этого вліянія. Нѣкоторые видятъ въ Авраамѣ человека, перенесшаго вавилонскія идеи на Западъ; другіе полагаютъ, что израильтяне, впервые ознакомившись съ богами и сказаніями Вавилоніи чрезъ хананеевъ и другихъ древнихъ обитателей Палестины. Склоняющіеся ко второму мнѣнію не знаютъ, принесли ли отцы хананейскихъ племенъ съ собою элементы вавилонскихъ вѣрованій къ Халдеи или же эти вѣрованія были занесены въ Палестину позднѣе во время побѣдъ Саргона и его преемниковъ. Быть можетъ въ послѣдующихъ лентяхъ мнѣ удастся доставить нѣкоторые данныя для рѣшенія этого вопроса.

Въ заключеніе этой вступительной лекціи я узнаю нѣсколько прихитровъ того, насколько изученіе египетской религіи принадлежитъ Священное Писаніе. Имя великаго еврейскаго законодателя долгое время было загадкою. Въ еврейскомъ Ветхомъ Заветѣ оно производится отъ еврейскаго глагола „*masal*“ — „взвѣсать“. Семьдесятъ толкованіемъ, живя въ Египтѣ, старались дать слову египетскую форму и этимологію. Они производятъ имя *Mshon* отъ *mb* вода и *mes* „слабый“ и т. д. Не говоря уже о другихъ несовершенствахъ, эта этимологія не вѣрна уже потому, что *masal* отъ иероглифа въ произношеніи имѣли переводчиками. Современныя египтологи, желая тоже придать имени египетское произношеніе, производятъ его отъ *mes* или *mes* — сынъ. Когда это слово встречается въ собственныхъ именахъ, оно обыкновенно соединяется съ именемъ какого-либо божества. *Ramses*, Сesostrisъ гречески; иероглифически пишется *Ra-mes* (*Ra-mes*) „сынъ бога солнца“. Мы можемъ пожалуй встрѣтить слово *mes* или *mes* и безъ имени какого бы то ни было божества, но не очень-то вѣроятно, чтобы дочь фараона дала своему приемному имени „сынъ“, а еще гораздо менѣе вѣроятно, что нежданный египетскими именемъ рациональный герой сталъ впоследствии называться своимъ египетскимъ соплеменникомъ. Трудно повѣрить, чтобы основатель израильскаго народа носилъ имя неслыханное израильтянамъ и напоминющее имъ лишь неслыханную египетскую землю, гдѣ они были рабами.

У Иосифа сохранился отрывокъ египетскаго историка Мането, содержащій египетское изложеніе Исхода, какъ она разсказывалась во второмъ вѣкѣ до Р. Х. Въ этомъ разсказѣ повѣряется, что прежде имя Моисея было *Ozarose* и что онъ былъ предокъ въ Гелиополисѣ или Оизъ. Ясно, что тутъ сбѣшаны Моисей и Иосифъ прекрасный. Имя Иосифа, переведенное на дочери пророка Она, было разложено на два элемента, изъ которыхъ первый есть священное имя *Isis* (Исиса-Is) или именованное въ обществующее ему египетское имя *Ozar* или *Ozarose*. Чтобы Мането не думалъ объ имени Иосифа, онъ не сомнѣвался въ томъ, что имя Моисея было чисто израильское. *Ozarose* приняла имя Моисея только тогда, когда церестать былъ египетскимъ предкомъ и содѣлался израильскимъ законодателемъ.

Но по еврейскому лексикону нельзя найти удовлетворительнаго этимологическаго объясненія имени Моисей. Подобно именамъ Давида и Аарона оно не имѣетъ себѣ подобнаго между еврейскими именами. Если поэтому оно семитическое, то должно принадлежать къ болѣе древнему слою семитической номенклатуры, чѣмъ тотъ, который сохранился въ египетскихъ книгахъ Ветхаго Завета. Для ея объясненія мы должны обратиться къ другимъ вѣтвямъ семитическаго ствола.

Существуетъ одна только отрасль семитическаго семейства, документы которой древнѣе еврейскихъ. Арабская литература начинается много времени спустя послѣ христіанской эры, когда не только еврейскія и греческія, но даже и христіанскія имена проникли въ самое сердце арабскаго полуострова. Кроме того арабскій языкъ принадлежитъ къ другому отдѣлу семитическаго семейства языковъ, чѣмъ еврейскій. Сравнить арабскій языкъ съ еврейскимъ все равно, что составлять латынь съ современнымъ немецкимъ языкомъ. Однако существуетъ одинъ семитическій языкъ, имѣющій самое близкое родство съ еврейскимъ, и на этомъ языкѣ мы имѣемъ документы, которые древнѣе еврейскихъ. Ненего говорить, что я имѣю въ виду ассирійскій языкъ.

На ассирійскомъ же языкѣ слово, соответствующее еврейскому *Моисей*— „Моисей“, есть *Māsi*, часто встречающееся на надписаніи. Оно ашурскаго происхожденія, но со времени Саргона получилъ такое право гражданства въ семитическомъ языкѣ, что можетъ считаться теперь семитическимъ. Похъ *Māsi* подразу- мѣвается все то, что мы означаемъ написаніемъ „серой“. Въ этомъ значеніи это слово примѣнялось ко многимъ божествамъ, но въ особенности содѣлался именемъ одного бога, котораго ассиріологи называютъ иногда *Адаромъ*, а иногда *Нани- номъ*; обыкновенное же имя, которымъ ассирійцы называли его, все еще точно не опредѣлено. Онъ былъ одною изъ формъ солнечнаго бога, означавшаго первоначально тамное, полуденное солнце; онъ обличенъ былъ суровыми атрибутами великаго свѣтила дня и своимъ поклонникамъ былъ извѣстенъ какъ „солнечный богъ“. Не имя *Māsi* же было исключительною принадлежностью Адара; оно давалось также другому солнечному божеству Мардаду; богу пророкителю Вавилона и сецернику древнаго-вавилонскаго, а также Нергалу, защитнику и охранителю міра вавилонск. Не

Первѣе былъ лишь ночное солнце, солнечное божество, которое, окончивъ свой дневной трудъ въ блестящемъ высшемъ мірѣ, необходимо свѣтитъ высшему міру.

Такимъ образомъ ясно, что имя *Мам* — *герой* или *предводитель* *мам* въ особенности усвоилось солнечному божеству, центральному предмету первобытнаго египетскаго богопочитанія. Не *мам* имѣло еще и другое значеніе, которое трудно привести въ связь съ идеями о войны и о предводительствѣ. Знакъ, изображающій идею *мам* — *герой*, изображалъ также и идею „собраніе книгъ“; солнечнымъ же божествомъ онъ означалъ также „писецъ“ или „библиотекаръ“. Замѣчательно, что Моисей, еврейскій законодатель, былъ въ то же время и неутомимый писецъ.

Въ астрологію же слово *мам* проникло лишь со своимъ значеніемъ „герой“ и перенесено было повсюду, гдѣ распространена была халдейская астрологическая наука. Ассирійцы представляли себе небо душикатого богатыя наносной развѣтви вавилонской; на которой они обитали. Въ ту отдаленную эпоху, къ которой относятся нѣк. первыя звѣздныя наблюденія, солнце во время весенняго равноденствія входило еще въ водопольное созвѣздіе, известное намъ подъ именемъ *созвѣздія тельца*. Солнце древними ассирійскими наблюдателями звѣзду „сравнявалось“ съ „пикаремъ“, закрывавшимъ своимъ теломъ въ блестящій ягугъ; оно даже само уподобляемо было тельцу и имя данное Меродаху — солнечному божеству, проходящему чрезъ двѣнадцать знаковъ зодиака — было *Gudi-bir*, т. е. *тельца солнца*. Поэтому Эклиптика называлась „небесный ягугъ“, называемый на шену солнечнаго тельца. Первый знакъ зодиака, начинавшій ассирійскій годъ, назывался „направляющій тельцомъ“ или „тельцомъ путешественныя“ года и двѣ выдѣляющія звѣзды носили имена „телець Ану“ и „телець Гиммону“. Но имя ягугу, на вавилонской развѣтви; такъ и вверху — на небѣ, были не только тельцы, но также и овцы. Семь планетъ были „семь передовыхъ“ звѣздъ — и рядомъ съ ними была другая группа семи звѣздъ, называвшаяся *lu-tidol* „овцы героя“. Между этими звѣздами находятся: „звѣзда колесницы“, „звѣзда орла“ символъ полуженнаго солнца; звѣзда богини *Вану* „чистой тельцы“ боготвъ; и звѣзда „пастыря небесныхъ стадъ“, т. е. созвѣздіе „Волопасъ“.

Что слово *мѣсяцъ*, такъ тѣсно связанное съ религіозными и астрологическими въведеніями Вавилона, проникло на западъ, не удивительное того, что имена какъ *Несо* и *Сина*, которые тоже религіозныя и астрологическія, проникли туда. Моисей умеръ на вершинѣ горы *Несо* въ виду Іерихона „города луны“. Какъ мы увидимъ ниже, *Несо* былъ пророческій богъ Вавилона и Боренины, потомокъ бога-солнца Меродаха и покровитель письменности и литературы. Онъ тоже поядляется среди звѣздъ. Въмѣстѣ со звѣздами Истаръ и Нергалъ онъ считался однимъ изъ семи героевъ или *Мѣсяцъ*. *Сина* было вавилонское имя бога луны. Мы узнаемъ изъ гимноритической записки, что его имя было занесено въ южную Аравію, а поэтому почему бы ему не быть занесеннымъ и въ северную Аравію? Мы встречаемъ это имя въ названіи пустыни *Сина* (Исх. 16, 1), куда Моисей привелъ евреевъ по выходѣ ихъ изъ Египта и по пути къ горѣ Синаю. Самъ Синай означаетъ нечто иное, какъ гору, посвященную богу луны, и поэтому весьма вѣроятно, что тамъ находилась святилище Сину и что пилигримы получали это святилище задолго до того времени, какъ израильтяне просили идти въ пустыню „на три дня пути принести жертву Господу (Исх. 3, 27).

Весьма возможно, что и имя Іосифа подобно имени Моисея объясняется при помощи вавилонскихъ источниковъ. Уже во время написанія книги Бытія настоящее написание имени „*Іосифъ*“ повидному было забыто. Въ 20 главѣ книги Бытія въ стихахъ 23 и 24 предлагается двоякая этимологія имени отъ *dsarh* „снять“ и *ysdrh* „прибавить“: Рахиль „азала и родила сына и сказала: амаъ Богъ поворотъ мой. И нарекла ему имя: Іосифъ, сказавъ: Господь дастъ мнѣ и другаго сына“, т.-е. *пробавитъ* и другаго сына. Іосифъ же былъ не только отцомъ израильтянъ колѣны Ефрема и Манассѣи, онъ былъ также божествомъ, которому поклонялись дравіе жители Ханаана. Богъ же чѣмъ въ два столѣтія до времени, къ которому египтологи относятъ исходъ евреевъ изъ Египта, великій египетскій завоеватель Тотмесъ III занесъ на стѣнахъ храма въ Карнакѣ имена, вѣстныхъ имъ палеостинскихъ городовъ. Между ними находится *Іакое-ам* (Іаковъ-богъ) и *Ивее-эль* (Іосифъ-богъ). Поэтому мы охотно думаемъ, что выраженіе „домъ Іосифа“ принадлежитъ къ болѣе раннему періоду, чѣмъ тотъ, когда оно принималось было въ колѣнахъ Ефрема

и Манассин и что подобно Вешелю (Beth-el) „домъ Бешій“ оно въ-
 когда употреблялось хананейцами въ буквальномъ смыслѣ. Вешель,
 же, древнее имя котораго было Луэль (Быт. 28, 19; Судей 1, 28;
 Бытія 35, 6; 48, 8) былъ занятъ домомъ Іосефа и въ последую-
 щее время содѣлался однимъ изъ двухъ великихъ святилищъ се-
 вернаго царства. Что если *Вешель* есть древній „домъ Іосефа“?
 Что если „домъ Бешій“ и „домъ Іосефа“ въ дни хананейцевъ было
 одно и то же мѣсто? Ответъ на этотъ вопросъ мы можемъ полу-
 чить изъ ассирійскихъ надписей, гдѣ мы встрѣчаемъ *асіри* или
асір въ смыслѣ „гадатель“. *Асины* или гадатели играютъ выдаю-
 щуюся роль въ литературѣ Вавилоніи; тамъ встрѣчается даже
 выраженіе *bīt assaruti*, т.-е. „домъ гадателя“. Одинъ изъ боговъ,
 повидимому Виль, изъвивлялъ оракулъ голосомъ грома и назы-
 вался „героемъ прорицающимъ“ или „гадающимъ правду“. И-
 такъ, хотя теперь это не можетъ быть доказано, но тѣмъ не
 менѣ весьма вѣроятно, что имя Іосефа первоначально было
 тождественно съ вавилонскимъ *асіри* „богъ прорицанія“ и что
 задолго до того, какъ израильскій *домъ Іосефа* овладѣлъ Луэлемъ,
 это мѣсто было *домомъ Іосефа* въ другомъ смыслѣ и святили-
 щемъ хананейскаго оракула или гадателя (Быт. 44, 5).

Но можетъ ли намъ въ Вавилоніи или итѣ объясненія имени
 Іосефа, вавилонскій пантеонъ безъ-сомнѣнія бросаетъ свѣтъ на
 имена трехъ первыхъ израильскихъ царей. Нѣсколько лѣтъ тому
 назадъ на страницахъ *Modern Review* (январь 1884) я старался
 показать, что имена, подъ которыми эти цари известны исторіи,
Саулъ, *Давидъ*, *Соломонъ* не были ихъ настоящими, полученными
 ими въ дѣтствѣ именами. Что касается до имени Соломона, то
 въ Библии прямо сказано, что его первоначальное имя — имя
 данное ему Богомъ чрезъ пророка Наана — было *Иедидил* (2 Цар.
 12, 25). Имя же *Соломонъ* „человѣкъ мирный“ (1 Парал. 22, 9)
 онъ получилъ тогда, когда его отецъ уснокоился отъ всѣхъ вра-
 говъ своихъ и окружилъ Іерусалимъ одною стѣною. Первое имя
 Давида было *Ел-хананъ* или *Вал-хананъ*, ибо въ одномъ изре-
 ченіи сказано, что *Элхананъ*, сынъ вилеемлянина, „убилъ Го-
 ліава Геенянина, у котораго древно копыя было какъ навои у
 трачей“ (2 Цар. 21, 19), тогда какъ въ другомъ мѣстѣ этотъ
 подвигъ приписывается Давиду (1 Цар. 17). Во главѣ сильныхъ
 мужей царя Давида поставленъ „*Елхананъ* сынъ Доко изъ Вие-

лема" (8 Цар. 28, 24) или въ ивритѣ: „Бухананъ, который есть Додо“, т.-е. Давидъ. Имя *Саулъ* — „испрошенный“ тогда вероятно народного происхожденія. Существуетъ любопытное сходство между тремя первыми царями евреевъ и тремя послѣдними царями Эдома, поименованными въ 36 главѣ книги Бытія (37 — 39). Ихъ мы имѣемъ, я полагаю, отрывокъ изъ государственной исторіи Эдома. Саулъ воюетъ съ Едомомъ (1 Цар. 14, 47). Давидъ (Бааль-Хананъ) окончишь покореніе этой страны; воцареніе иноши Соломона и умерщвленіе полководца Иоваа повели за собою успѣшное возмущеніе Эдома подъ начальствомъ Гадара (Адара), женившегося на сестрѣ жены царя (3 Цар. 11, 19—22). Согласно съ этимъ мы находимъ, что три цеслѣднихъ упомянутыхъ въ книгѣ Бытія (36, 37—39) цари были: *Саулъ*, *Баал-Хананъ* и *Гадаръ* или *Гададъ*. Цари Эдома принимали повидному имена своихъ боговъ. Мы имѣемъ между ними *Гадада* сына *Бедада* (или Бенъ-Дада) (Быт. 36, 35). *Граддъ* и *Дадъ*, какъ мы узнали изъ живообразныхъ надписей, были имена верховнаго Баала въ Сиріи, атрибуты котораго побуждали ассирианцъ опожествить его съ ихъ собственнымъ Риммономъ. Подъ Гадада воцарился *Самла* изъ Маэреки (Бытія 36, 36) или изъ „страны виноградной лозы“, въ имени котораго мы узнаемъ имя филикійскаго божества, прочитаннаго на недавно найденной египційской надписи. Первымъ царемъ Эдома, о которомъ упоминается въ 36 главѣ книги Бытія (стихъ 32), былъ *Бела*, сынъ *Веоровъ*, т.-е. Валаамъ сынъ Веоровъ. Мы не удивимся, следовательно, если и имя Саулъ окажется именемъ божества. Намъ сказано, что Саулъ былъ изъ *Реховова*, что при рѣкѣ (Быт. 36, 37). Подъ *Рехововомъ* подразумѣваются *общественныя скверы и окрестности мѣстнаго города*, а въ 10 главѣ, 11 стихѣ книги Бытія Реховоеъ упоминается вслѣдъ за Ниневіею, поэтому мы должны думать Реховова при рѣкѣ въ Вавилонѣ. А одно изъ главныхъ именъ солнечнаго божества въ Вавилонѣ было *Saucl* или *Saquin*, т.-е. *Саулъ*. Въ Саулѣ мы усматриваемъ вавилонское божество, занесенное въ Едомъ и быть-можетъ и въ Палестину.

Гададъ занималъ высшее мѣсто сравнительно съ *Сауламъ*: онъ былъ верховный Бааль или солнечное божество, которому поклоняются въ Едомѣ и Палестинѣ. Въ Дамаскѣ онъ почитался подъ ассирійскимъ именемъ Риммона. Пророкъ Захарія упоми-

вѣсть о культѣ сложнаго Гададримона въ близкомъ соседствѣ великой хананейской грѣбности Меридо (Вах. 12, 11). Есть монеты гираполисонаго царя *Ад-Гадада* „служителя Гадада“ царствовавшаго въ IV вѣкѣ подъ сокращеннымъ именемъ *Дада*. Салманасаръ говоритъ о „богѣ Дада въ Агепно“. Сокращенная форма была въ ходу между народами сѣвера; на югъ она сдѣлалась съ семитическимъ словомъ, которое подъ ассирійской формой *dadu* означаетъ „дорогое милое дитя“; это слово мы встрѣчаемъ въ именахъ Гададъ и Велъ-Дада „сынъ Дада“, а также и въ имени Давида. *Давидъ* или *Додо* (иногда *Додо*) есть мужское имя, соответствующее египетскому женскому божеству *Дидо* „возлюбленная“. Дидо была супруга *Тиммуза* „возлюбленнаго сына“, олицетворенія солнца и главное божество Карфагена, которое народною легендою было сдѣлано съ *Одиссеею*, основательницею города. Имена *Додо* и *Давидъ* указываютъ на почитаніе бога солнца подъ именемъ „возлюбленнаго“ въ южномъ Ханаанѣ, а также въ Фивиніи. Недавно отписку моавитскаго камня, находящагося въ Луврѣ, былъ подвергнутъ тщательнымъ процессорами тщательному изученію и открыто было, что израильтяне сѣвернаго царства поклонялись вышнему Богу подъ двойнымъ именемъ *Иеговы* и *Додо*. Меса, царь моавитскій, описывая победы, которыя его богъ Хеметь помогъ ему одержать надъ его израильтянскими врагами, говоритъ, что онъ унесъ Апарова „арель“ или жертвенникъ Додо и „вложилъ его передъ Хемошемъ“, а изъ Нево онъ унесъ „жертвенникъ Иеговы, который тоже вложилъ передъ Хемошемъ“. Здѣсь жертвенникъ Додо поставленъ на одну доску съ жертвенникомъ Иеговы, следовательно ясно, что Богу поклонялись не только подъ именемъ Иеговы, но также и Додо. Я полагаю, что *Додо* или *Додо* было кривнее имя Верховнаго Бога въ иудейскомъ Иерусалимѣ и что поэтому пророкъ Исая, описывая Иерусалимъ какъ башню въ виноградникѣ, насажденномъ въ Израилѣ Господомъ, называетъ Его *Додо-и-шой* „возлюбленный“ (Ис. 6, 1). Легко понять, какъ такое имя съ такимъ значеніемъ могло быть перенесено народною любовью отъ Бога на царя, о которомъ сказано, что „весь Израиль и Иуда любили его“ (1 Цар. 18, 16).

Что *Соломонъ* божеское имя, въ этомъ удостовѣряютъ насъ клинообразныя надписи. *Саллиманъ* „богъ мира“ было божество.

въ особенности почитавшееся въ Ассиріи; имена многихъ знаменитыхъ царей заключали его въ себя (Салман-царь). Какъ имя Ницаин идеографически изображалось „рыбою въ сосудѣ съ водою“ и въ народной этимологіи связывало было съ рыбою, то весьма возможно, что культъ Саллиманна или Соломона обязанъ былъ своимъ существованіемъ тому факту, что онъ былъ рыбіи богъ, быть-можетъ самъ За. Въ описаніи боговъ, изображеніи которыхъ находились въ многочисленныхъ храмахъ Ассиріи, упоминается о „Рыбѣ Саллиману, богъ города Теиммани-Саллима“ (основаніе міра). Его культъ проникъ на Западъ въ сравнительно ранній періодъ: во времена Салманассара II-го царскій псецъ носилъ имя *Саллиману-ну-ну-саръ-илани*, т.-е. „Соломонъ Рыба царь боговъ“. Точно также во времена Тиглат-пилезера III (732 до Р. X.), имя мавритскаго царя было *Саламанъ* или *Соломонъ*. Это доказываетъ, что богъ Саллиману былъ извѣстенъ въ Моавѣ и что какъ въ Моавѣ, такъ и въ Израилѣ божеское имя могло быть даваемо человѣку.

Памятники Ассиріи и Вавилоніи проливаютъ также нѣкоторый свѣтъ на богослужебную и религиозную практику евреевъ, содержащуюся въ книгахъ Ветхаго Завета. Обрядовые тексты многочисленны, хотя отрывочны; между остатками Ассурбапаловской бібліотеки и въ историческихъ надписяхъ мы время отъ времени находимъ ссылки на религиозные обряды и церемоніи, дающія намъ возможность заглянуть въ богослуженіи и церемоніи ассиро-вавилонскаго духовенства.

Въ Ассиріи самъ царь исполнялъ многія изъ обязанностей первосвященника. Подобно израильскому Соломону онъ могъ приносить богамъ жертвы и совершать возмнѣнія. Ассуръ-риш-идимъ носилъ титулъ „жрецъ Ассура, назначенный божественнымъ отцомъ“ (Виломъ)^{*)}. Ассуръ-патеяръ-палъ называетъ себя „назначенный Виломъ жрецъ Ассура, сынъ Тиглае-адера, назначеннаго Виломъ жреца Ассура, сынъ Риммон-мирари, назначеннаго Виломъ жреца Ассура“^{*)}. Саргонъ тоже „назначенный Виломъ, превознесенный жрецъ Ассура“; а также „первосвященникъ (patesi) Ассура“; а Навуходоносоръ называлъ себя „по-

*) W. A. S. III, 9, 12.

*) W. A. S. III, 3, 89.

лоннигъ Меродаха, верховный первосвященникъ, возлюбленный Нево¹⁰⁾. Но соединеніе обоихъ служеній не было необходимою. Въ древнія досемитскія времена въ Тыл-мо существовали какъ цари, такъ и первосвященники, и цари не носили титула первосвященника, а первосвященники не носили титула царя. Древнѣйшіе документы Ассиріи восходятъ къ тому періоду, когда не было еще царей, но были только „первосвященники Ассура“¹¹⁾. Между предметами, привезенными изъ Вавилоніи докторомъ Гордомъ, находится цилиндрическая гиря зеленого базальта съ надписью: „Дворецъ Нево-сум-эсира сына Дахурова первосвященника Меродахова“. Въ проклятіи противъ будущихъ Вандаловъ, приложенномъ къ одному древнему историческому документу на аккадскомъ языкѣ, старательно проведено различіе между „царемъ“ и „первосвященникомъ“: „кто бы ты ни былъ“, сказано тамъ, „царь ли или первосвященникъ, пастырь или иной кто, кого Богъ призветъ управлять этимъ царствомъ, я сдѣлалъ для тебя эту таблицу, я написалъ для тебя на камнѣ этотъ документъ въ городѣ Кува (Cutha) въ храмѣ Суліма“. Поэтому Ктезія былъ правъ, содѣлавъ своего вавилонянина Велезія первосвященникомъ. Семитическій титулъ первосвященника (nisakku или issakku) указываетъ на то, что его главная обязанность состояла въ совершеніи воздѣній въ честь боговъ; а выраженія, въ которыхъ это слово встрѣчается, показываютъ, что онъ принадлежалъ къ культу верховнаго божества страны, въ которой жилъ: въ Вавилонѣ первосвященникъ получалъ свое имя отъ Меродаха, въ Ниневіи—отъ Ассура.

Подъ первосвященникомъ было нѣсколько разрядовъ второстепенныхъ жрецовъ. Напр. *Шану* (Sangu), этотъ титулъ иногда принадлежалъ и самому первосвященнику. *Шану* собственно означало жреца, принадлежащаго одному какому-либо богу или его святилищу. Въ Ниневіи былъ шангу гарема, находившагося подъ покровительствомъ богини Истаръ. Рядомъ съ шангу стоялъ *пазизу* или „помазующій“, обязанность котораго состояла въ очищеніи елеемъ людей и вещей. Очищеніе елеемъ почиталось

¹⁰⁾ W. A. S. I, 59, I, 5.

¹¹⁾ W. A. S. I, 15, 62, 63. W. A. S. означаетъ пять томовъ *Книгообразныхъ надписей Западной Азии*.

дѣломъ весьма важнымъ; даже каменные таблицы и закладные камни зданій очищались такимъ образомъ. Употребленіе „чистой воды“ для омовенія рукъ и другихъ частей тѣла занимаетъ видное мѣсто въ обрядовыхъ текстахъ; въ одномъ изъ нихъ мы читаемъ слѣдующее наставленіе въ отношеніи къ лицу, подлежащему очищенію. „Дай ему испить чистой воды и излей воду на человѣка; удали корень шафрана (?) и принеси чистаго вина и чистыхъ дрожжей, положи на сердце жиръ журавля, принесеннаго съ горъ, и помажь тѣло человѣка семь разъ“.

Другой классъ жрецовъ составляли *Кали* (Kali), слово заимствованное семитами отъ аккадскаго *Kal* „знаменитый“ *Калъ* назывался также *Лаваръ* „старшина“. Въ эпопеи Гізубара, когда Эа-бани описываетъ Гадесъ, куда онъ приговоренъ войти, *лаваръ* и *пазисъ* или „помазующій“ упоминаются вмѣстѣ съ „гадателями“ и съ *махху* или „великими“ (въ домъ, о мой другъ), „куда я долженъ войти“, говоритъ Эа-бани, „для меня приготовленъ вѣнецъ (между носящими вѣнцы), издревле управлявшими землею, Кому, Ану и Вилъ дали имена знаменитыя. Славу дали они тѣнямъ умершихъ; они пьютъ прозрачную воду. Въ домъ, о мой другъ, куда я долженъ войти, обитаетъ *Емъ* (Господь) и *Лаваръ*, обитаетъ *исиннъ* (гадатель) и *маххъ*, обитаетъ помазующій жрецъ пучины великихъ боговъ, бога Этанны и бога Нера. Тамъ обитаетъ царица земли, Нин-ки-галь; тамъ же госпожа поля; писецъ земли превлоняется предъ нею (тамъ она...) и даетъ отвѣты въ ея присутствіи.

„Пучины“ или „бездны“ великихъ боговъ такое выраженіе, которое требуетъ объясненія. Вавилонскіе храмы были снабжены большими чашами, наполняемыми водою для очищенія и называвшимися *апши* (arsi) „бездны“ или „пучины“¹²⁾. Съ этими то пучинами имѣлъ главнымъ образомъ дѣло „помазующій жрецъ“ или *пазизъ*, служеніе котораго состояло въ очищеніи елеемъ и водою. Сосуды эти безъ сомнѣнія стояли на открытомъ воздухѣ на большомъ дворѣ, внутри котораго построенъ былъ храмъ.

¹²⁾ Церемоніи при сооруженіи мѣднаго тельца, долженствовавшаго поддерживать одну изъ такихъ чашъ, описаны въ W. A. S. IV, 23, № 1. Чаша, сказано тамъ, была помѣщена «между ушами тельца» (строка 17-я).

Изъ переведеннаго Джоржемъ Смитомъ описанія э-сагильскаго храма, посвященнаго Виль-Меродаху въ Вавилонѣ, мы узнаемъ, что кромѣ большаго двора существовать еще второй дворъ „дворъ Истаръ и Цамамы“, внутри котораго находился третій дворъ, построенный квадратомъ и огороженный стѣною; внутри этого двора находились: великая башня — *зигурратъ*, а также храмы и молебни большаго числа божествъ. Это скопленіе священныхъ зданій произошло оттого, что храмъ Вила былъ вавилонскимъ пантеономъ, гдѣ собраны были изображенія и чульты многоразличныхъ боговъ Халдеи. Тамъ же, гдѣ храмъ посвященъ былъ одному какому-либо божеству, внутри третьяго двора было конечно одно только зданіе.

Одною лишь подробностью храмъ Виль-Меродаха отличался отъ всякаго другаго известнаго намъ вавилонскаго храма; а именно тѣмъ, что его стороны, а не углы, какъ въ другихъ храмахъ, обращены были къ четыремъ странамъ свѣта. Причина этого уклоненія отъ правилъ священной вавилонской архитектуры еще не открыта. Внутри храма въ отдаленномъ углу помещался *паракъ*, сокрытый отъ непосвященныхъ глазъ завѣсою. Здѣсь по свидѣтельству Наауходоносора было „святое сѣдалище, мѣсто боговъ опредѣляющихъ судьбу, гдѣ они собираются, паракъ судьбы, гдѣ во время праздника Загмука въ началѣ года въ 8 и 11 день возсѣдаетъ божественный царь неба и земли, Владыка небесъ, которому со страхомъ внимають боги неба и земли, преклоняясь передъ нимъ“¹²⁾. По словамъ Геродота (I, 183), тутъ же стояло золотое изображеніе бога съ золотымъ столомъ передъ нимъ¹³⁾. Небольшая часовня *Махира* „бога сновидѣній“, открытая мистеромъ Ормуздомъ Раззамомъ, даетъ намъ дальнѣйшія подробности о внутреннемъ устройствѣ парака. Тутъ м-ръ Раззамъ нашелъ мраморный ящикъ, содержащій двѣ каменные доски съ надписью о побѣдахъ Ассур-натэиръ-пала и о построеніи часовни. Къ сѣверо-востоку отъ этого ящика находился мраморный алтарь съ пятью ступенями. Тутъ найдена была другая каменная доска подобная доскамъ въ ящикѣ. Ворота, ведшія въ этотъ храмъ Махира, были покрыты

¹²⁾ W. A. S. I, 5, 4; II, 55—62.

¹³⁾ Даниэль, 14-я глава.

бронзовыми, изукрашенными изваянными фигурами, досками, находящимися теперь въ британскомъ музеѣ. Украшенія великаго храма Вил-Меродаха въ Вавилонѣ были гораздо дороже. Навуходоносоръ покрылъ его кедровыя издѣлія золотомъ и серебромъ; все же находившееся внутри его было изъ литаго золота.

Ящикъ малаго храма Имгур-Вила или Валавата по формѣ своей напоминалъ ковчеги или „корабли“, въ которыхъ боги и ихъ символы были носимы во время религіозныхъ процессій. Фактъ, что ковчеги вавилонскихъ боговъ были нѣкогда *кораблями*, указываетъ на то, что тѣ, которые употребляли ихъ, жили у морскаго берега. Мы сейчасъ же думали о халдейскомъ городѣ *Эриду* на берегу Персидскаго залива, откуда, какъ мы увидимъ ниже, распространилась религія до-семитической Вавилоніи и ея религіозныя церемоніи. Боги Эриду были водные боги, и подобно божествамъ Египта имѣли свой священный корабль. Эти корабли занимаютъ важное мѣсто въ вавилонскомъ ритуалѣ; у каждаго изъ нихъ было свое собственное имя и всѣ они были жилищемъ того божества, которому принадлежали. Приведемъ для примѣра древній гимнъ, произносившійся, когда дѣлаемо было изображеніе новаго божества для „корабля воцаренія“, „папаха“ или „нивота“ Меродаха:

Кормило его изъ кедроваго дерева...
 У змѣнодобнаго весла его ручка золотая.
 Остріе его мачты бирюзовое.
 На палубѣ его седмерицею семь львовъ съ поля (Едемскаго).
 Внутреннюю каюту его наполняетъ собою богъ Адаръ;
 Его богъ изъ кедроваго дѣса его,
 Наметь же изъ пальмы Дильвуна.
 Каналь влечеть къ себѣ сердце его.
 Восходящее солнце веселитъ ему душу.
 Домъ его, подъемъ его—гора, дарующая покой сердцу.
 Корабль Эа это судьба.
 Нив-галь, государыня (Дав-кина) богиня, слово которой—жизнь.
 Меродахъ—богъ, взрекающій доброе имя.

Благодѣющая дому богиня, посланница Эа, правительница земли, Нан-гаръ (госпожа труда), блестящая, могущественная работница небесъ, съ чистыми и благословенными руками, произнесла слово жизни:

«Да переплываетъ каналъ корабль предъ тобой!
 Да плыветъ по его устью корабль позади тебя!
 Да празднуетъ, ликуя внутри тебя сердце твое!»¹⁴⁾.

Этотъ гимнъ есть наслѣдіе прото-семитическаго города Эриду. Онъ относится къ тому времени, когда Меродахъ не былъ еще богомъ Вавилона, но почитался лишь сыномъ Эа, воднаго бога Эриду. Онъ написанъ на аккадскомъ языкѣ безъ семитическаго перевода. Весьма вѣроятно, что произносившіе его а-саггильскіе жрецы не понимали нѣкоторыхъ изъ выраженій его. Во всякомъ случаѣ въ семитическомъ Вавилонѣ неумѣтно уже было упоминаніе о *кораблѣ* бога. *Ма* или „корабль“ до-семитическихъ Сумеріенъ превратился въ Раракки или „ковчегъ“ семитовъ; руль, весло, мачта исчезли: ему не надо было плыть по священнымъ каналамъ храмовъ, такъ какъ онъ носимъ былъ на плечахъ людей. Въ странѣ, гдѣ поклонялись такому безчисленному множеству боговъ, много было празднествъ, во время которыхъ подобныя ковчегу носины были въ процессіяхъ. Служба въ храмѣ Вил-Меродаха, начинавшаяся гимномъ въ честь его ковчегу, сопровождалась другими гимнами въ честь самаго праздника¹⁵⁾.

«Въ день, когда сотворено было (изображеніе) божества, имъ установлено было сіе празднество.

Богъ возсталъ среди всѣхъ земель.

Подняли сіяніе славы, облекись геройствомъ, о герой совершенный сердцемъ!

Повели сіянію окружить твое изображеніе, утверди почитаніе.

Молнія сверкаетъ; праздникъ блеститъ какъ золото;

На небѣ сотворенъ богъ; на землѣ сотворенъ богъ!

Праздникъ сей установленъ посреди сонма неба и земли.

Празднованіе сіе изшло изъ кедроваго дѣса.

Сей праздникъ созданъ бога, дѣломъ людей.

Повели ему совершаться во вѣки во всей полнотѣ его;

По повелѣнію мужественнаго золотатаго бога.

Празднованіе сіе сладостно даже и тогда, когда уста сомкнуты.

(Смачно) и тогда, когда пища не съѣдена и вода не испита».

Чтобы составить себѣ идею о числѣ и разнообразіи вавилонскихъ празднествъ, приведемъ гѣмерологію¹⁶⁾ вставнаго мѣсяца

¹⁴⁾ W. A. S. II, 25, 9—32.

¹⁵⁾ W. A. S. IV, 25, 39 и слѣд.

¹⁶⁾ Отъ слова *hemera*—день и *logos*—слово.

Элюля, въ теченіе котораго для каждаго дня предписаны извѣстные обряды и церемоніи въ честь того или другаго бога. Изъ Колофона (последней строки) мы узнаемъ, что эта таблица была седьмою въ ряду таблицъ, долженствовавшихъ заключать въ себѣ полныя вавилонскія „святцы“ за цѣлый годъ.

Второй эмоль. Первое число (посвящается) Ану и Вилу. Счастливыи день. Когда въ теченіе мѣсяца появится луна, тогда пастырь могущественныхъ народовъ¹⁷⁾ долженъ принести добровольную жертву луиъ непорочную газель... онъ долженъ принести свою добровольную жертву богинѣ солнца, госпожѣ міра, и луиъ, верховному богу¹⁸⁾. Онъ приноситъ жертвы. Воздѣяніе его рукъ угодно богамъ.

Второе число посвящается богинямъ (объимъ Истаръ). Счастливыи день. Царь приноситъ свой добровольный даръ богинѣ солнца, госпожѣ міра, и луиъ, верховному богу. Онъ совершаетъ жертвоприношенія. Воздѣяніе рукъ своихъ приноситъ онъ богу.

Третьяго числа постыи день, посвященный Меродаху и Зарпанитъ. Счастливыи день. Въ теченіе ночи предъ лицомъ Меродаха и Истаръ царь приноситъ свой добровольный даръ. Совершаетъ жертвоприношенія. Воздѣяніе рукъ его угодно Богу.

Четвертое число праздникъ Нево (сына Меродаха). Счастливыи день. Въ теченіе ночи предъ лицомъ Нево и Тасмитъ царь приноситъ свой добровольный даръ. Онъ совершаетъ жертвоприношенія. Воздѣяніе рукъ своихъ приноситъ онъ богу.

Пятое число посвящается Господу нижней тверди и Госпожѣ нижней тверди. Счастливыи день. Въ теченіе ночи въ присутствіи Ассура¹⁹⁾ и Нин-лили царь приноситъ свой добровольный даръ. Онъ совершаетъ жертвоприношенія. Воздѣяніе рукъ его угодно богу.

Шестое число посвящено Риммону и Нин-лили. Счастливыи день. Царь произноситъ покаянный псаломъ и литію. Въ теченіе ночи, предъ восточнымъ вѣтромъ, царь приноситъ свой добро-

¹⁷⁾ Этотъ титулъ переноситъ насъ въ дни Хаммурагаса, когда трудъ этого вѣроятно былъ составленъ.

¹⁸⁾ Солнце называется здѣсь госпожею,—это доказываетъ, что эта гѣмерологія составлена не въ Синарѣ. Быть можетъ въ Урѣ?

¹⁹⁾ Ассирійскій исець поставилъ имя Ассура вмѣсто Муль-лили.

вольный даръ Риммону. Онъ совершаетъ жертвоприношеніе Воздѣяніе рукъ своихъ приносить онъ богу.

Седьмое число постыйй день, посвященный Меродаху и Зарпанитъ. Счастливый день. День покоя (суббота). Пастырь могущественныхъ народовъ не долженъ ѣсть мяса, свареннаго на огнѣ и копченаго въ этотъ день. Онъ не долженъ перемѣнять своей одежды; не долженъ одѣвать бѣлаго одѣянія. Не долженъ совершать жертвоприношенія. Царь не долженъ править колесницею. Не долженъ издавать царскихъ указовъ. Въ потаенномъ мѣстѣ авгуръ не долженъ нашептывать. Лѣкарства отъ болѣзни своего тѣла не долженъ онъ употреблять. Для проклятія этотъ день не годится. Въ теченіе ночи царь приносить свой добровольный даръ предъ Меродахомъ. Онъ совершаетъ жертвоприношеніе. Воздѣяніе рукъ его угодно богу.

Восьмой день праздникъ Неву. Счастливый день. Въ теченіе ночи пастырь могущественныхъ народовъ направляетъ свою руку къ принесенію въ жертву овцы. Царь совершаетъ свой обѣтъ Неву и Жасмитъ. Онъ приносить жертвоприношеніе. Воздѣяніе рукъ своихъ приносить онъ богу.

Девятое число посвящается Адару и Гуль. Счастливый день. Въ теченіе ночи предъ лицомъ Адара и Гулы царь приносить свой добровольный даръ. Онъ совершаетъ жертвоприношеніе. Воздѣяніе рукъ своихъ приносить онъ богу.

Десятое число посвящается Госпожъ нижней тверди и божественному судѣ. Счастливый день. Въ теченіе ночи предъ лицомъ созвѣдіа колесницы и звѣзды сына Истаръ царь приносить свой добровольный даръ. Онъ совершаетъ жертвоприношеніе. Воздѣяніе рукъ его угодно богу.

Въ одиннадцатый день совершеніе хлѣбнаго приношенія Тасмитъ и Зарпанитъ. Счастливый день. Когда луна поднимаетъ вѣнецъ своего сіянія и ея дискъ ликуеть, царь приноситъ ей свой добровольный даръ. Онъ совершаетъ жертвоприношеніе. Воздѣяніе рукъ его угодно богу.

Двѣнадцатое число день дара Вилу и Вильтисъ. Счастливый день. Царь приноситъ свой добровольный даръ Вилу и Вильтисъ. Онъ совершаетъ жертвы. Воздѣяніе рукъ его угодно богу.

Тринадцатое число посвящается лунѣ, верховному богу. Счастливый день. Луна поднимаетъ вѣнецъ своего сіянія надъ землею.

Конечно въ этотъ день царь приноситъ свой добровольный даръ богинѣ солнца, Госпожѣ міра и лунѣ, верховному богу. Онъ совершаетъ жертвоприношенія. Воздѣяніе рукъ его угодно богу.

Четырнадцатое число посвящается Вилтисъ и Нергалъ. Счастливыи день. Суббота. Пастырь могущественныхъ народовъ не долженъ ѣсть мяса свареннаго на огнѣ или копченаго въ этотъ день. Онъ не долженъ перемѣнять своей одежды; не долженъ одѣвать бѣлаго одѣянія. Не долженъ совершать жертвоприношенія. Царь не долженъ править колесницею; не долженъ издавать царскихъ указовъ. Въ потаенномъ мѣстѣ авгуръ не долженъ нашептывать. Лекарство отъ болѣзни своего тѣла не долженъ онъ употреблять. Для проклятія этотъ день не годится. Ночью царь принесетъ свой добровольный даръ Вилтисъ и Нергалъ. Онъ совершитъ жертвоприношеніе. Воздѣяніе рукъ его угодно Богу.

Пятнадцатое число посвящается богинѣ солнца, госпожѣ небеснаго дома. День для принесенія установленнаго дара Сину верховному богу. Счастливыи день. Царь приноситъ свой добровольный даръ *Самасъ*, госпожѣ міра и *Сину*, верховному богу. Онъ совершаетъ жертвоприношеніе. Воздѣяніе рукъ его угодно богу.

Шестнадцатое число день постный, посвященный Меродаху и Зарпанитъ. Счастливыи день. Царь не долженъ произносить покаяннаго псалма. Ночью предъ Меродахомъ и Истаръ ²¹⁾ царь приноситъ свой добровольный даръ. Онъ совершаетъ жертвоприношеніе. Воздѣяніе рукъ его угодно богу.

Семнадцатое число праздникъ Нево и Тасमितъ. Счастливыи день. Ночью предъ Нево и Тасमितъ даръ приноситъ свой добровольный даръ. Онъ совершаетъ жертвоприношеніе. Воздѣяніе рукъ его угодно богу.

Оснадцатое число праздникъ Сина и Самасъ. Счастливыи день. Царь приноситъ свой добровольный даръ Самасъ, госпожѣ міра, и Сину, верховному богу. Онъ совершаетъ жертвоприношеніе. Воздѣяніе рукъ его угодно богу.

Деятнадцатое число бѣлый (свѣтлый) день великой богини Гулы, Счастливыи день. Суббота. Пастырь могущественныхъ

²¹⁾ Истаръ отождествляется здѣсь съ Зарпанитъ.

народовъ не долженъ ѣсть мяса свареннаго на огнѣ или копченнаго въ этотъ день. Онъ не долженъ перемѣнять своей одежды; не долженъ одѣвать блага одѣянiя. Не долженъ совершать жертвоприношенiя. Царь не долженъ править колесницею; не долженъ издавать царскихъ указовъ. Въ потаенномъ мѣстѣ авгуръ не долженъ нашептывать. Лекарства отъ болѣзни своего тѣла не долженъ онъ употреблять. Для пролятiя этотъ день не годится. Царь приноситъ свой добровольный даръ Адару и Гуаѣ. Онъ совершаетъ жертвоприношенiе. Воздѣянiе рукъ его угодно богу.

Двадцатое число день свѣта, день дара Сину и Самасъ. Счастливый день. Царь приноситъ свой добровольный даръ Самасъ, госпожѣ мира, и Сину, верховному богу. Онъ совершаетъ жертвоприношенiе. Воздѣянiе рукъ его угодно богу.

Двадцать первое число день принесенiя установленнаго дара Сину и Самасъ. Счастливый день. Суббота. Пастырь могущественныхъ народовъ не долженъ ѣсть мяса, свареннаго на огнѣ или копченнаго въ тотъ день. Онъ не долженъ перемѣнять своей одежды; не долженъ одѣвать блага одѣянiя. Не долженъ совершать жертвоприношенiя. Царь не долженъ править колесницею. Не долженъ издавать царскихъ указовъ. Въ потаенномъ мѣстѣ авгуръ не долженъ нашептывать. Лекарства отъ болѣзни своего тѣла не долженъ онъ употреблять. Для пролятiя этотъ день не годится. На зарѣ царь приноситъ свой добровольный даръ Самасъ, госпожѣ мира и Сину, верховному богу. Онъ совершаетъ жертвоприношенiе. Воздѣянiе рукъ его угодно богу.

Двадцать второе число день принесенiя установленнаго дара (Сину и) Самасъ. Это праздникъ богини солнца, госпожи дворца. Счастливый день. Царь приноситъ свой добровольный даръ Самасъ, госпожѣ мира и (Сину, верховному богу). Онъ совершаетъ жертвоприношенiе. Воздѣянiе рукъ его угодно богу.

Двадцать третье число празднованiе Самасъ и Риммону. Счастливый день. Царь приноситъ свой добровольный даръ Самасъ и Риммону. Онъ совершаетъ жертвоприношенiе. Воздѣянiе рукъ его угодно богу.

Двадцать четвертое число праздникъ господа дворца и госпожи дворца. Счастливый день. Царь приноситъ свой добровольный

даръ господу дворца и госпожѣ дворца. Онъ совершаетъ жертвоприношеніе. Воздѣяніе рукъ его угодно богу.

Двадцать пятое число день процессіи Вила и Вилтисы. Счастливый день. Ночью царь приноситъ свой добровольный даръ Вилу передъ звѣздою основанія и Вилтисѣ вавилонской передъ созвѣздіемъ колесницы. Онъ совершаетъ жертвоприношеніе. Воздѣяніе рукъ его угодно богу.

Двадцать шестое число день утверженія ограды Эа, верховнаго бога. Счастливый день. Царь долженъ произнести апокалыптический псаломъ, чтобы онъ не приносилъ въ даръ. Въ этотъ день при наступленіи ночи онъ приноситъ добровольный даръ Эа верховному богу. Онъ совершаетъ жертвоприношеніе. Воздѣяніе рукъ его угодно богу.

Двадцать седьмое число день охоты Нергала и праздника Зикумы. Счастливый день. Царь приноситъ свой добровольный даръ Нергалу и Зикумъ. Онъ совершаетъ жертвоприношеніе. Воздѣяніе рукъ его угодно богу.

Двадцать восьмое число день, посвященный Эа. Это день покоя Нергала. Счастливый день. Суббота. Пастырь могущественныхъ народовъ не долженъ ѣсть мяса, свареннаго на огнѣ или копченаго въ этотъ день. Онъ не долженъ церемѣнять своей одежды; не долженъ одѣвать бѣлаго одѣянія. Не долженъ совершать жертвоприношенія. Царь не долженъ править колесницею. Не долженъ издавать царскихъ указовъ. Въ потаенномъ мѣстѣ авгуръ не долженъ нашептывать. Лекарства отъ болѣзней своего тѣла не долженъ онъ употреблять. Для проклятія этотъ день не годится. Эа, верховному богу, царь приноситъ свой добровольный даръ. Онъ совершаетъ жертвоприношеніе. Воздѣяніе рукъ его угодно богу.

Двадцать девятое число день покоя бога луны. День, въ который поклоняются духамъ неба и земли. Счастливый день. Царь приноситъ свой добровольный даръ Сину, верховному богу. Онъ совершаетъ жертвоприношеніе. Воздѣяніе рукъ его угодно богу.

Тридцатое число день, посвященный Ану и Вилу. Счастливый день. Царь приноситъ свой добровольный даръ Ану и Вилу.

Онъ совершаетъ жертвоприношеніе. Воздѣланіе рукъ его угодно богу.

Во второй Элюль отъ 1-го до 30-го числа, если царь возстанавитъ поклоненіе своему богу или своей богинѣ или своимъ богамъ, которое было уничтожено, то такой царь имѣетъ подобно своему богу божескій колоссъ.

Во второй Элюль царь страны даетъ имя храму бога. Строить ли онъ святилище (или).. сердце его не доброе. Въ теченіе второго Элюля царь возстановляетъ жертвоприношеніе.

(Начало слѣдующей таблицы ряда): мѣсяцъ Тисра (Tisri) посвященъ Самасъ, вонтелю челоѳчества. (Вотъ) заповѣди Вил-Хумма (жреца) въ первый день, посвященный Аду и Валу.

(Колофонъ) Восьмая таблица ряда начинается такъ: „луна владыка мѣсяца“. Собственность Ассур-бани-палао царя инокъ жествъ, царя Ассирии“.

Однимъ изъ самыхъ интересныхъ фактовъ, о которомъ мы узнаемъ изъ этой гемерологіи, тотъ, что суббота была известна вавилонянамъ и ассириямъ. Учрежденіе это известно было вѣроятно и въ аккадскую эпоху, такъ какъ для выраженія еѳо въ текстѣ употреблена аккадская фраза *udu kbulgal* „незаконный день“ подобно латинскому выраженію „*dies nefastus*“, что по ассирійски передано чрезъ *Sulum*, т.-е. „день покоя“. У семитическихъ вавилонянъ было также слово, 'соотвѣтствующее *субботѣ*, которая въ словарь переведено „день покоя для сердца“. Подобно еврейской *субботѣ*, вавилонская *суббота* была соблюдаема каждый седьмой день и очевидно находилась въ связи съ семидневными періодами луны. Но отъ еврейской *субботы* она отличалась въ двухъ отношеніяхъ: во 1) у израильтянъ „*субботы*“ и „*новолунія*“ были отдалены другъ отъ друга; у вавилонянъ они совпадали, такъ какъ *суббота* приходилась въ первое число луннаго мѣсяца; но въ мѣсяцѣ было тридцать дней, а потому послѣдняя недѣля состояла изъ девяти дней. Во 2) девятнадцатое число вставнаго Элюля было тоже *суббота*. Почему это было такъ, мы не знаемъ.

Кромѣ положенныхъ празднествъ и *субботъ* время отъ времени назначаемы были особенные дни благодаренія или покаянія. Въ послѣдніе годы ассирійской имперіи, когда враги ея

околожи ея, послѣдній ея царь Эсархадонъ II молился богу-солнца и просилъ его „снять грѣхъ“ съ народа его и повелѣлъ пророку (Khal) предписать „законныя торжества на сто дней и сто ночей отъ 8-го Гііара (Iyyar) до 15-го Аба. И Ассур-банипалъ тоже сообщаетъ намъ, что послѣ усмиренія вавилонскаго возмущенія и удаленія труповъ, заражавшихъ улицы Вавилона, „по приказанію авгуровъ онъ очистилъ ихъ святилища и освятилъ главныя мѣста молитвъ. Ихъ главныхъ боговъ и богинь онъ умолилъ моленіями и покаянными псалмами. Онъ возстановилъ и учредилъ въ мирѣ ихъ ежедневныя жертвы, которыя были на время приостановлены“.

Жертвоприношенія и дары вавилонянъ и ассириянъ состояли изъ приношенія животныхъ, какъ то: тельцовъ, овецъ или газелей и изъ мучнаго приношенія и возліянія вина. Въ древнемъ магическомъ документѣ мы встрѣчаемъ молитву о томъ, чтобы больной могъ быть очищенъ приношеніями милости и мира“. Хотя ассирійскіе цари любили похвастать своими подвигами въ убійствѣ и истязаніи въ честь Ассура покоренныхъ враговъ, въ надписяхъ историческаго періода мы не находимъ ни одного намека на человѣческія жертвы. Но что въ аккадскій періодъ человѣческія жертвы существовали, можно заключить съ билингвальнаго ²¹⁾ документа (К. 5139) гдѣ главному пророку предписывается объявить, что отецъ за грѣхъ души своей долженъ отдать своего ребенка: голову ребенка за свою голову, шею ребенка за свою шею, грудь ребенка за свою грудь. Въ великомъ сочиненіи по астрономіи, носившемъ заглавіе: „наблюденія Вила“ сказано, что „на высотѣ сожженъ былъ сынъ“. Слѣдовательно принесеніе въ жертву дѣтей совершалось посредствомъ огня, какъ и въ Финикіи.

Жертвоприношенія сопровождался гимнами, заклинаніями или молитвами. Всѣ молитвы были предписанныя и большое число ихъ сохранилось. Вотъ нѣсколько примѣровъ ²²⁾:

„На зарѣ ночью поклонникъ долженъ преклониться предъ но-

²¹⁾ Написаннаго на двухъ языкахъ.

²²⁾ W. A. S. 61, 19 и слѣд.

опителемъ престола и сказать слѣдующее: „о носитель престола, податель преуспѣянiя, молю тебя“! Послѣ сего онъ долженъ поклониться Нуску и сказать: „о Нускъ владыко и царю тайнъ великихъ боговъ, молю тебя“! Послѣ сего онъ долженъ поклониться Адару и сказать: „о Адаръ могучiй владыко глубинъ колода, молю тебя! Послѣ сего онъ долженъ поклониться Гугъ и сказать: „о Гуга, мать, родившая черноголовую расу людей, молю тебя“! Послѣ сего онъ долженъ поклониться Нин-лиль и сказать: „о Нин-лиль, могучая богиня, супруга божественнаго государя верховной власти, молю тебя“! Послѣ сего онъ долженъ поклониться Муль-лилю и сказать: „о Муль-лиль, превознесенный владыко, сокровенная премудрость, молю тебя“! Въ теченiе трехъ дней на зарѣ и ночью, устремивъ лицо и уста горѣ, во время средней стражи Асинъ (гадатель) долженъ совершать возліянiя“. Однако идею о вавилонскомъ богослуженiи мы можемъ лучше всего составить себѣ изъ наставленiй жрецу, бдѣвшему во храмѣ Виль-Меродаха въ Вавилонѣ въ ночь на первое число новаго года ²⁴⁾. Одною изъ его обязанностей было повторенiе гимна, первыя пятнадцать строкъ котораго были написаны въ перемежку на аккадскомъ и на семитскомъ языкѣ. Довольно любопытно, что между аккадскими и семитскими стихами нѣтъ никакой связи. Семитскія строки относятся къ вавилонскому Вил-Меродаху, а аккадскія къ „богу святилища“. Единственное сходство этого бога съ Виломъ состоитъ въ томъ, что онъ тоже называется „владыкою міра“. Ясно, что аккадскіе стихи—настѣдiе отдаленной старины и весьма вѣроятно, что жрецы мало понимали значенiе того, что повторяли. Вотъ какъ начинается этотъ документъ:

„Въ мѣсяцѣ Низанъ, во второй день ²⁵⁾, въ первый часъ ночи; жрецъ ²⁶⁾ долженъ подойти къ чашѣ и почерпнуть рукою воды,

²⁴⁾ W. A. S. IV 46, 47.

²⁵⁾ Нужно помнить, что Вавилоняне, подобно евреямъ, считали день отъ вечера до вечера.

²⁶⁾ Аккадскій титулъ иги-gal «главный бдитель» быть можетъ имѣть отношенiе къ ночному бдѣнiю во святилищѣ Меродаха въ башнѣ Эсагильской.

затѣмъ онъ долженъ войти предъ лицо Вила и облачась предъ лицомъ его, произнести этотъ гимнъ ²⁷⁾.

О Виль, по силѣ не имѣвший соперника!
 О Виль царь блаженства, владыко міра ²⁸⁾!
 Лица благоволенія великихъ боговъ,
 Виль однимъ взглядомъ уничтожилъ сильнаго ²⁹⁾.
 Виль царь царей, свѣтъ людей, печать довѣрія ³⁰⁾
 Вавилонъ, и Виль, твой свитръ, Борсива—тѣмъ короца!
 Пространныя небеса вмѣстилище твоей печени
 О Господи, тебѣ принадлежитъ откровеніе и истолкованіе видѣній
 О отче владыко, они взираютъ на тебя, отче владыкъ
 Ты призираешь на законъ и на премудрость;
 Они величаютъ тебя, учителю сильныхъ.
 Они поклоняются тебѣ царю и могучему государю:
 Они взираютъ къ тебѣ, окажи имъ милость;
 Даруй имъ увидать свѣтъ, дабы они возвѣщали правду твою.
 О владыка міра, свѣте духовъ неба, вѣщателю благословенія,
 Чьи уста не возвѣстятъ о правдѣ твоей
 Или не возглаголютъ о превоснесеніи твоёмъ и не восхвалятъ славу
 твою?
 О Виль, владыко міра, живущій во храмѣ солнца,
 Не отвергни воздѣтыхъ къ тебѣ рукъ!
 Окажи милость Вавилону, граду своему,
 Обрати лице свое къ Э-саггильскому храму твоему.
 Исполни моленія сыновъ Вавилона, народа твоего!»

Во время религиозныхъ церемоній жрецы надѣвали особыя облаченія; обливанія чистой водою строго предписывалось и жъ. Семь почиталось числомъ священнымъ. Животныя раздѣлялись на чистыя и нечистыя или вѣрнѣе на пишу позволенную къ употребленію и запрещенную. Въ одномъ изъ покаянныхъ псалмовъ авторъ выражаетъ свое раскаяніе въ томъ, что онъ „ѣлъ

²⁷⁾ Я пропускаю аккадскія строки гимна, потому что не могу перевести ихъ сполна.

²⁸⁾ Предшествующая аккадская строка: «О Боже благословеннаго святилища, владыко міра!»

²⁹⁾ Предшествующая аккадская строка: «что дѣлаетъ теперь Господь? Господь поконитъ.»

³⁰⁾ Предшествующая аккадская строка: «Боже святилища челоѣчества, Боже, содержащій святилище челоѣка!»

запрещенное". Въ медицинѣ употребляемы были самыя нечистые предметы, какъ то змѣи, языки „черныхъ собакъ“ и даже испражненія. Но люди, проглатывавшіе смѣсь, предписывавшіяся докторами, уже на половину потеряли вѣру, такъ какъ докторскій рецептъ предпочитали заговорамъ и заклинаніямъ жрецовъ. Медицину часто обвиняють въ антагонизмъ религіи: какъ бы это ни было теперь, теологія древней Вавилоніи дурно гармонировала съ предписаніями медицинской школы.

А. Н. Наумова.

ИЗВѢСТІЯ И ЗАМѢТКИ.

ГОДИЧНОЕ СОБРАНИЕ ПРАВОСЛАВНАГО МИССИОНЕРСКАГО ОБЩЕСТВА.

19 іюня, Православное Миссіонерское Общество праздновало восемнадцатую годовщину своего существованія. По случаю этого торжества въ Успенскомъ соборѣ была совершена литургія предсѣдателемъ Общества, высокопреосвященнымъ Іоанникомъ, митрополитомъ московскимъ, въ сослуженіи съ нѣсколькими членами Общества. Послѣ литургіи совершено было молебствіе, въ которомъ принимали участіе преосвященные: Владиміръ, епископъ пермскій, Мисаилъ, епископъ дмитровскій, Александръ, епископъ Можайскій, Іоаннъ, настоятель Симонова монастыря, Петръ, настоятель Новоспаскаго монастыря, архимандриты: покровскій Андрей, знаменскій Никодимъ, чудовскій намѣстникъ Маркъ и синодальный ризничій Владиміръ, протопресвитеръ Успенскаго собора Н. А. Сергіевскій, протоіерей кафедральнаго собора Христа Спасителя А. И. Соколовъ и множество другихъ протоіереевъ и священниковъ. Передъ окончаніемъ молебствія было возглаголено многолѣтіе Государю Императору, Государынѣ Императрицѣ, Наслѣднику престола и всему Царствующему Дому, Святейшему Синоду, высокопреосвященнѣйшему Іоанникію, всѣмъ благодѣтелямъ и членамъ Православнаго Миссіонерскаго Общества и вѣчная память Государю Императору Александру II, Государынѣ Императрицѣ Маріи Александровнѣ, преосвященнымъ митрополитамъ Иннокентію, Макарію, а также всѣмъ почившимъ благодѣтелямъ и благодѣтелямъ Общества. При богослуженіи присутствовали почетный членъ Общества московскій генералъ-губернаторъ князь В. А. Долгоруковъ, члены совѣта Миссіонерскаго Общества и многія высокопоставленныя лица принимающія участіе въ дѣятельности Миссіонерскаго Общества и сочувствующія его высокой цѣли.

По окончаніи молебствія высокопреосвященный Іоанникій и преосвященные Владиміръ, Мисаилъ, Александръ, Іоаннъ и Петръ, его сіятельство князь В. А. Долгоруковъ, въ сопровожденіи большаго числа архимандритовъ, протоіереевъ и священниковъ московскихъ, а также и свѣтскихъ лицъ, состоящихъ членами Общества, всего въ числѣ до двухсотъ человекъ, перешли въ

муроварную палату, гдѣ состоялось годичное общее собраніе Общества, привлечшее много стороннихъ посѣтителей. При входѣ въ муроварную палату владыка митрополита съ епископами, хоромъ синодальныхъ пѣвчихъ исполненъ былъ тропарь: *Днесь благодать Святаго Духа насъ собралъ...* Затѣмъ все заняли мѣста въ палатѣ, посрединѣ которой поставленъ былъ столъ для председателя, епископовъ, его сіятельства князя В. А. Долгорукова и членовъ совѣта Общества. Предсѣдающій владыка Іоанннкій пригласилъ собраніе выслушать отчетъ о дѣятельности Православнаго Миссіонерскаго Общества за 1887 годъ, который и былъ затѣмъ прочитанъ членомъ совѣта, протоіереемъ С. С. Владимірскимъ. Изъ отчета этого видно, что Общество, находясь подѣ Августѣйшимъ покровительствомъ Ея Величества Государыни Императрицы и вышнимъ наблюденіемъ Святейшаго Синода, въ отчетномъ году продолжало развиваться какъ въ своемъ составѣ, такъ и въ своей дѣятельности на пользу православныхъ миссій. Въ 1887 году Православное Миссіонерское Общество имѣло свои отдѣленія или комитеты въ тридцати семи епархіяхъ, не считая Москвы, гдѣ находится совѣтъ Общества. Въ отношеніи развитія Общества въ отчетномъ году особенно отрады были вѣсти изъ Нетербурга, въ которомъ, по благословенію высокопреосвященнаго владыки Исидора, митрополита с.-петербургскаго и новгородскаго, открыто было 8 мая сего года мѣстное отдѣленіе Православнаго Миссіонерскаго Общества. Кромѣ того, 20 марта настоящаго года открытъ комитетъ въ Екатеринбургѣ и 30 апрѣля въ Саратовѣ, и наконецъ въ Екатеринбургѣ. Въ слѣдствіе указа Св. Синода отъ 8 января сего года сборъ въ пользу Общества въ церквяхъ сдѣланъ обязательнымъ для всехъ храмовъ имперіи, и это обстоятельство должно послужить къ значительному умноженію денежныхъ средствъ Общества, что даетъ ему полную возможность еще болѣе развить и усилить свою плодотворную дѣятельность. Всѣхъ дѣйствительныхъ членовъ Православнаго Миссіонерскаго Общества въ отчетномъ году состояло 7,217; а пожизненныхъ 420 членовъ. Почетными членами Общества состояли: его сіятельство г. московскій генералъ-губернаторъ князь В. А. Долгоруковъ и высокопреосвященный Митрофанъ, архіепископъ донской и новочеркасскій. Послѣдній въ концѣ отчетнаго года, а именно 19 ноября, въ Божѣ почившій, оставивъ по себѣ на вѣки память въ Обществѣ своими щедрыми (около 30,000 рублей) пожертвованіями на миссіонерское дѣло. Средства Православнаго Миссіонерскаго Общества за отчетный годъ представлялись въ слѣдующемъ видѣ. Неприкосновеннаго капитала по 1 января 1888 года состояло 364,461 рубль, запаснаго 79,583 рубля и расходнаго 242,676 рублей. Расходовъ же въ отчетномъ году

произведено 142,894 рубля. Сдѣлавъ затѣмъ обзоръ дѣятельности въ отчетномъ году миссій: алтайской, киргизской, иркутской, забайкальской, камчатской, японской и другихъ миссіонерскихъ учрежденій, конми обращено въ Христову вѣру около 3,500 человекъ и открыто до 150 школъ съ 6,000 учащихся, совѣтъ заканчиваетъ свой отчетъ словами блаженной памяти митрополита Иннокентія: *Слава и благодареніе Господу Богу! Честь и слава и спасеніе тѣмъ, кою Господь избралъ быть орудіемъ и сподвижниками этого дѣла.* По прочтеніи отчета общимъ собраніемъ утверждена смета по Обществу на 1888 годъ, по которой расходы во 162,500 рублей предполагается покрыть безъ дефицита ожидаемыми поступлениями, а затѣмъ произведены выборы восьми членовъ совѣта Общества, казначея и членовъ ревизіонной комиссіи. Въ члены совѣта на два года избраны: графъ С. В. Орловъ-Давыдовъ, тайный совѣтникъ Г. В. Грудевъ, Ѳ. М. Сухотинъ, протопресвитеръ Н. А. Сергіевскій, ректоръ московской духовной семинаріи, протоіерей Н. В. Благоразумовъ, протоіерей: А. М. Иванцовъ-Платоновъ и І. Н. Рождественскій и коммерціи совѣтникъ А. К. Трапезниковъ. Кандидатами въ члены совѣта избраны: преосвященный Александръ, епископъ можайскій и ректоръ московскаго университета Г. А. Ивановъ. Казначеемъ Общества избранъ единогласно коммерціи совѣтникъ В. Д. Аксеновъ, а членами ревизіонной комиссіи протоіерей: П. І. Капустинъ и В. П. Рождественскій, тайный совѣтникъ П. Н. Зубовъ и коммерціи совѣтникъ С. Д. Ширяевъ.

По прочтеніи затѣмъ журнала настоящаго собранія и подписаніи его предсѣдающимъ владыкой Іоаннивіемъ, его сіятельствомъ княземъ В. А. Долгоруковымъ и всеми преосвященными епископами, и другими членами Общества общее собраніе окончилось въ 2 часа дня пѣніемъ *Достойно есть.* (Моск. Церк. Вѣд.).

ОБЪЯВЛЕНІЯ.

ПРАКТИЧЕСКОЕ РУКОВОДСТВО

ДЛЯ СВЯЩЕННОСЛУЖИТЕЛЕЙ,

ИЛИ СИСТЕМАТИЧЕСКОЕ ИЗЛОЖЕНІЕ ПОЛНАГО КРУГА ИХЪ ОБЯЗАННОСТЕЙ
И ПРАВЪ. Изданіе 2-е, исправленіе и дополненное новѣйшими узаконеніями Спб. 1887 года.

Сочиненіе Инспектора С.-Петербургской Духовной Семинаріи Петра
Нечаева.

Святѣйшій Синодъ удостоилъ соч. П. Нечаева денежной преміи.

Одобрительные отзывы о второмъ изданіи книги П. Нечаева напечатаны: въ „Странникѣ“ (февр. 1887 г.) и „Церковномъ Вѣстникѣ“ (1887 года № 15).

Цена „Руководству для священнослужителей“: два рубля тридцать коп. съ пересылкою. Выписывающіе прямо отъ автора не менѣе 5-ти экз. платятъ лишь по 2 р. за экз. съ перес.; при требованіи же отъ него не менѣе 25 экз., платятъ по 1 р. 85 к. за экз. съ пересыл. Мелочъ можно высылать почтовыми марками. Адресоваться: въ С.-Петербургъ, инспектору Духов. Семинаріи Петру Ивановичу Нечаеву, а также во всѣ болѣе извѣстные книжные магазины С.-Петербурга и Москвы.

НОВАЯ КНИГА:
СБОРНИКЪ
ДЛЯ ЛЮБИТЕЛЕЙ ДУХОВНАГО ЧТЕНІЯ 1888 ГОДА,
игумена Никифора.

Объемъ книги 914 стр. Цѣна 1 руб. 75 коп.

Продается въ Епархіальной библіотекѣ, на Петровкѣ.

„Составленная на основаніи лучшихъ иностранныхъ сочиненій, и преимущественно англійскихъ, статьи въ означенной книгѣ отличаются глубокимъ научнымъ достоинствомъ и живымъ интересомъ (*Московскія Церковныя Вѣдомости*, № 7, стр. 85).

„Уже изъ простаго перечня статей заключающихся въ *Сборникъ* отца Никифора читатель легко можетъ видѣть, что книга эта по разнообразію своего содержанія можетъ быть не только душеполезнымъ, но и занимательнымъ чтеніемъ“ (*Московскія Вѣдомости* февраля 23, № 54),

Во всѣхъ книжныхъ магазинахъ и у вдовы протоіеря Е. Н. Булчаковой (Загород. просп. д. № 58, кв. 23) продаются сочиненія высокопреосвященнаго Макарія митрополита московскаго.

Введеніе въ православное богословіе. Ц. 2 р., прилагается на перес. за 2 ф.

Православно-дегматическое богословіе. Два тома ц. 6 р., на пересылку за 5 ф.

Исторія христіанства въ Россіи. Ц. 1 р. 50 к., на перес. за 2 ф.

Исторія русской церкви. Томы 1, 2, 3, ц. 4 р. 50 к. на перес. за 5 ф.; томы 4 и 5, ц. 4 р. на перес. за 3 ф.; томы 6, 7, 8 и 10 по 2 р. каждый, на перес. за 2 ф. на каждый; томы 9 и 11 по 2 р. 50 к. каждый, на перес. за 2 ф. на каждый; томъ 12—цѣна 3 р., на перес. за 3 фун.

Слова и рѣчи (сказанныя въ Вильнѣ). Цѣна 1 р. на перес. за 1 ф.

Отъ Московскаго Духовно-цензурнаго Комитета печатать дозволяется. Москва.
Юля 11-го 1888 года.

Цензоръ свящ. Іоаннъ Петропавловскій.

О СОЧИНЕНИИ ПРОТИВЪ РАСКОЛА

ШВЕРСКАГО АРХИМАНДРИТА ГРЕКА ДЮНИСІЯ,
НАПИСАННОМЪ ДО СОБОРА 1667 ГОДА.

Въ московской синодальной библиотекѣ находится рукописный сборникъ XVII вѣка (№ 372), который на первомъ бѣломъ листѣ имѣетъ надписаніе: „О крестномъ знаменіи сія книга на Никиту попа“. Сборникъ состоитъ изъ трехъ разныхъ тетрадей, изъ которыхъ каждая представляетъ собою отдѣльное сочиненіе, очень неодинаковое по объему и не одного автора. Приведенное надписаніе сборника относится собственно только къ первымъ двумъ тетрадямъ, трактующимъ о крестномъ знаменіи и опровергающимъ нѣкоторыя положенія челобитной Никиты.

Первая тетрадь (л. 1 — 21) состоитъ изъ четырехъ главъ и трактуетъ главнымъ образомъ о крестномъ знаменіи.

Первая глава носитъ надписаніе: „на глаголющихъ, яко неподобно есть тремя первыми персты крестъ на лицѣ и персѣхъ воображать“. Здѣсь говорится, что нѣкоторые не хотятъ изображать крестъ на себѣ тремя перстами, а держатся и похваляютъ только двуперстіе, причемъ „ови убо отъ нихъ, якобы тайну Божества и челоуѣчества въ семь познавають, а инии Предтечу и Христа и Иорданъ въ томъ сложеніи семуудрствуютъ, и подкрѣпляютъ себе папоу римскимъ Стефаномъ седмымъ, иже поставленъ бысть на престолъ римскія церкви на Формоса папы хѣсто, и нарицають того папу Стефана православнымъ и благочестивымъ“. Въ опроверженіе представленій о папѣ Стефанѣ, какъ о православномъ и благочестивомъ, авторъ приводитъ свидѣтельство изъ Баронія, которое показываетъ, что папа Стефанъ былъ челоуѣкъ очень незаконный и нечестивый.

Вторая глава имѣетъ надписаніе: „Наукрѣпляющихся разными толкованіи о двоеперстномъ на лицѣ и персѣхъ креста воображеніи“. Эта глава состоитъ изъ двухъ равныхъ по объему половинъ, изъ которыхъ въ первой говорится: „паки глаголете суетная, противитися святѣй восточнѣй церкви, матери истиннаго православія христіанскаго, достославнаго закона греческаго, ежебы вамъ за суетудріе и упорство ваше не покоритися и чадами ненарицатися. Всякимъ злехитрствомъ умышляете, и писанія различная вотще составляете, и недостоверное свидѣтельство приводите Θεодорита епископа кирскаго, его же нивогда же писанія сущаго видѣсте, но слухомъ есте увѣряемы и неправыми писаней тетрадами прельцаемы, въ нихъ же о сложеніи перстовъ на прелестъ несмысленныхъ написано, а на Θεодорита солгано, якобы онъ предаде и протолкова во своихъ писаніихъ о начертаніи на лицѣ и персѣхъ крестнаго знаменія, и о согбеніи перстовъ, и о толкованіи ихъ. Слышите отраженіе суетнаго вашего мудрованія, на негоже дерзаетъ мужественно, и яко пращю богумудрыми своими словесы отрѣваетъ великій во святителѣхъ Василій, архіепископъ Кесарія Кападокійскія, во книгѣ своей, глаголя сице (на полѣ: во Амфилохію, 27): еже знаменати крестъ на лицѣ и персѣхъ апостольское есть древнее преданіе, поученіемъ, а неписменны намъ преданное. А о согбеніи перстовъ ничегоже пишеть. Посему разумѣйте, о противніи, яко святая восточная каеолчиская церковь, мати наша, изначала отъ обычаѣ держитъ преданіе апостольское неписменное, еже тремя первыми персты десныя руки вообразати на лицѣ и персѣхъ знаменіе крестнаго креста, понеже порождаетъ насъ водою крещенія во имя трехъ упостасей, а во едино Божество: Отца и Сына и Святаго Духа. Вы же откуда увѣряетесь о двоеперстномъ вашемъ крестномъ на лицѣ и персѣхъ начертаніи, и кого паче Василія Великаго на апостольское преданіе достовѣрнѣйша свидѣтеля поставите? Θεодорита ли? Но всяко вси вѣмы, яко Василій Великій первый и достовѣрнѣйшій, и о извѣстномъ его посланіи не невѣмы, еже во Амфилохію о Святомъ Дусѣ. Еще къ тому и о Θεодоритовыхъ сущихъ писаніяхъ о сложеніи перстовъ, аще и поищете, но необращете. Подобаеть убо вамъ сіе, да скажете, въ которыхъ Θεодоритовыхъ книгѣхъ обрѣтаете такое толкованіе о сложеніи перстовъ, понеже многа суть Θεодоритова списанія, такоже и посланія различна и многа. И вы откуда укажете: отъ книги-ли его каковы, или отъ какаго его посланія? Аще не укажете, вѣдайте, яко туне и всуе уповае, приводяще во свидѣтельство писаніе, его же не знаете“. Приведенная нами выдержка дословно вошла въ извѣстное полемическое сочиненіе „Увѣтъ духовный“, гдѣ она составляетъ начало восьмой главы (лл. 127—129, по изданію 1682 г.). Въ другой половинѣ второй

главы нашей рукописи авторъ разбираетъ коротко приводимое старообрядцами въ пользу двуперстія свидѣтельство изъ сочиненій Максима Грека, причемъ указываетъ на примѣръ горы Аеонской, гдѣ сожжены были русскія книги, содержащія въ себѣ ученіе о двуперстіи, „да же вкоренится таковой нововводный плевель въ чистую и свѣтлѣйшую пшеницу, еже есть въ монашеское дѣвственное жителство, иже издавна многіе труды и поты проходятъ во святѣй горѣ Аеонстѣй, яже есть жребій пречистыя Богородицы“. Въ заключеніе авторъ замѣчаетъ: „и о семъ дѣлѣ (т.-е. о сожженіи русскихъ книгъ на Аеонѣ) достоѣрнии свидѣтели есть греки монашескаго чина и донынѣ во царствующемъ семъ градѣ Москвѣ“.

Глава третья надписывается: „на глаголющихъ нестоющая и злохулная словеса на честный и животворящій крестъ Христовъ“. Она пишеть въ виду доказать древность и правильность употребленія православною церковію четверовоначнаго креста. Начальныя слова этой главы: „слышимъ отъ васъ проиходащее, наипаче самымъ діаволомъ произносимое отъ устъ вашихъ злохуленіе, о противніи, креста Христова: врази сущіи, порожденія ехиднина кто васъ въ такое дерзновеіе врину, еже злохулити двосложный крестъ Христовъ“; и затѣмъ слова, слѣдующія послѣ объясненія названій креста у разныхъ народовъ: „а о семъ двосложномъ составленіи креста Христова многіа образы и узанія сами видите, но за грубое ваше непокорство и за безумное упрямство познати истинно неможете, и о семъ неправо и лукаво разумѣваете“, составляютъ начало седьмой главы „Увѣста Духовнаго“ (л: 110). Въ концѣ главы авторъ пишетъ: „слышите неразуміи и злыхъ злѣйшіе, иже вредословяще хулитя смѣете крестъ Христовъ, его же на древнихъ, греческихъ и россійскихъ на многихъ иконахъ видите (отъ изуграфовъ написана на честь святыхъ мученикамъ въ рукахъ ихъ пишуще, зане симъ они пречестнымъ оружіемъ видимыя и невидимыя враги побѣдиша). Тако и въ книгахъ, еже выше сего поминахомъ, но многихъ мѣстѣхъ написанъ на ясное изъявленіе и прославленіе святыхъ великихъ дней Избавителя и Искупителя нашего правдниковъ, тако и рождѣнія Его Богоматере и святыхъ великихъ, иже симъ знаменіемъ крестнымъ святіи всегда себе ограждающе и на вся видимыя и невидимыя враги вооружающесе, ихъ же и побѣдиша. Внемлите себѣ о прелестіи мятешницы церковни и красоты ея, еже есть креста Христова хулищи, какова сила креста, юже вы невѣдѣніемъ своимъ, а наипаче непокорствомъ и семудрствомъ отъ себе отвергаете. Подобаеть убо и вамъ отъ прелести вашей отвратитесе и прелщаемыхъ вами обратити. О противніи и злохульниці креста Христова, приидите въ себе, молимъ вы, отложите невѣрія и непокорства одежду темную и облечитесе

во оружіе свѣта, еже есть—креста силу, и облекшеса, припадете въ ногамъ пастырей церковныхъ, принесите повиновеніе, просяще у нихъ прощенія, имѣють бо у себя паче милость и безгнѣвіе, нежели гнѣвъ и немилосердіе, заше многомилостиваго архіереа, прошедшаго небеса, ученицы, и амостоловъ его намѣстницы, кающихся радостнѣ приемяють, и прощенія сподобляють по евангельскому словеси Господню: приходящаго ко мнѣ, не отжену вонъ“. Все это заключительное мѣсто третьей главы нашей рукописи дословно вошло въ „Увѣтъ Духовный“ (исключая словъ, поставленныхъ нами въ скобкахъ) и составляетъ въ немъ заключеніе седьмой главы (лл. 125—126).

Глава четвертая надписывается: „на глаголющихъ, яко недостойтъ ко непостижимому и недовѣдомому Божеству прилагати имя тма“ и приводитъ выдержку изъ Діонисія Ареопагита объ именахъ Божіихъ. Въ этой главѣ недостаетъ четверки или нѣсколькихъ въ срединѣ главы.

Очевидно, что первая тетрадь нашего сборника была подъ руками у составителей „Увѣта Духовнаго“, которые внесли въ Увѣтъ нѣчто изъ этой тетради. Очень возможно, что составителемъ этой тетради былъ или Епифаній или, что вѣроятнѣе, Евеній, рукою котораго сдѣланы нѣкоторыя поправки въ сборникѣ.

Вторая тетрадь носитъ надписаніе: „на Никиту поа“, и состоитъ только изъ трехъ очень разгонистаго письма четвертокъ. Въ этой тетради опровергаются три возраженія изъ челобитной Никиты, которая читалась на соборѣ 1666 года, причемъ на полѣ перваго опроверженія стоятъ помѣта киноварью: „глава 8“, противъ втораго опроверженія на полѣ помѣта киноварью: „глава 11“. Самые опроверженія представляютъ изъ себя только короткія замѣтки въ нѣсколько строкъ. Очевидно это какія-то замѣтки для предполагавашагося болѣе обширнаго сочиненія, — въ книги: Жезль Правленія и Увѣтъ Духовный, онѣ не вошли, не видать и гѣмъ онѣ были писаны.

Третья обширнѣйшая тетрадь сборника (съ 26 лѣста по 85 включительно), писанная особымъ почеркомъ, представляетъ изъ себя отдѣльный, цѣльный самостоятельный трактатъ, неимѣющій никакой связи съ первыми двумя тетрадями и писанный другимъ лицомъ. Это сочиненіе распадается на четыре главы, причемъ каждая глава подраздѣлена на нѣсколько статей. Первая глава, носящая надписаніе „о аллилуйи“¹⁾, послѣ небольшого вступле-

¹⁾ Въ сборникѣ трактатъ объ аллилуйи, имѣющій на полѣ надписаніе: «глава 1-я» помѣщенъ, очевидно по ошибкѣ, послѣ четвертой главы, а трактатъ о перстосложеніи, имѣющій на полѣ помѣту: «глава 2-я», занимаетъ первое мѣсто. При напечатаніи мы поставили главу объ аллилуйи, какъ это и слѣдуетъ, на первомъ мѣстѣ.

ніа и предисловіа, подраздѣляеться на восемь небольшихъ статей, обозначенныхъ на полѣ цифрами. Вторая глава, имѣющая надписаніе: „о честнѣхъ крестѣ“, подраздѣляеться на двѣнадцать статей. Третья глава надписывается: „о четвероконечномъ крестѣ, иже именують крестемъ“ и подраздѣляеться на семь статей. Четвертая глава, имѣющая надписаніе „о Іисусовѣ молитвѣ“, подраздѣляеться на двѣ статьи.

Это послѣднее сочиненіе нашего сборника имѣеть особенную важность и значеніе, такъ какъ оно съ одной стороны вполне уясняетъ намъ своеобразный взглядъ грековъ на происхожденіе и смыслъ особенностей русскаго церковнаго обряда и чина: съ другой стороны оно очень важно для правильного пониманія соборныхъ постановленій 1667 года относительно раскола, ибо оно служило для отцовъ (собственно греческихъ) собора главнымъ руководствомъ въ пониманіи ими старообрядческихъ церковныхъ особенностей, и такъ какъ самыя соборныя толкованія этихъ особенностей являются только простыми сокращенными выдержками изъ этого сочиненія.

Въ самомъ сочиненіи нѣтъ прямыхъ указаній на то, кѣмъ, когда и при какихъ частныхъ обстоятельствахъ оно написано, но зато есть указанія косвенныя, которыя и даютъ возможность съ значительною вѣроятностію положительно отвѣтить объ авторѣ, времени и обстоятельствахъ написанія сочиненія.

Авторъ сочиненія былъ не русскій, а грекъ, что ясно видно изъ нѣкоторыхъ мѣстъ его сочиненія. Такъ въ одномъ мѣстѣ онъ замѣчаетъ, что послѣ взытія Константинополя турки „ратоваша Болгарію, Сербію, Влахію, Богданію и иныя страны, доколѣ покорили сіа вся подъ свою державу, — ратова вѣще ста лѣтъ по взытіи Царяграда. И единныя убо сіа вины ниже здѣшнія митрополиты (т.-е. русскіе) возмогаша ходити въ Царьградъ, ниже *наши греческіе* ходити здѣ въ Россію“. Въ другомъ мѣстѣ авторъ говоритъ: „мы (т.-е. греки) благодатію всемогущаго Бога, иже въ Троицы славимаго и во единицѣ покланяемаго, якоже пріяхомъ непорочную и православную вѣру отъ святыхъ богопроповѣдниковъ апостоловъ, и богоносныхъ святыхъ отецъ седми святыхъ вселенскихъ соборовъ, и отъ прочихъ великихъ свѣтилъ и вселенскихъ учителей, такожь и чинъ послѣдованія церковнаго, писанное и неписанное преданіе, сице вѣруемъ и сице держимъ неизмѣнно, якожь держаша прадѣды и отцы наши, иже подвижашася и бодрствоваша великими подвиги, и бѣды терпѣша даже до смерти ивогажды. И наипаче послѣди преоудиша лучше порабощеннымъ быти тѣлесно агаряномъ, нежели подвигнути православныя догматы и пріяти новины латянскія, лучше изволиша тѣлесне вредитися, а не душевнѣ, якожь видится въ книгахъ, иже суть писаны на латинъ и на соборъ, иже во Флоренціи зѣ бываемый.

И неуклонихомся греки никогда на латинскія разумы, якожь глаголете вы, но стояху противу мужественно, многажды же и соборы сотвориша на нихъ и проклаша ихъ шесть кратъ“.

По нѣкоторымъ даннымъ можно заключать, что грекъ писатель былъ аеонитъ. Говоря, что старообрядцы неправильно ссылаются на св. Мелетія и Θεодорита для подрѣпленія своего ученія о перстосложеніи, онъ замѣчаетъ: „истязаніе о томъ веліе было во святой горѣ Аеонской въ лѣто 7157, пересматривали Мелетіевы и Θεодоритовы книги, и писаніе такое шеобрѣлося въ ихъ книгахъ, и великій соборъ о томъ учинили и зника, ваа привезена была тамо изъ Россіи съ таковымъ писаніемъ о сложеніи перстовъ, самогша, и проклаша, кій наложи такий уставъ, и кто тако мудрствуетъ или будетъ мудрствовати“. Въ другомъ мѣстѣ онъ говоритъ: „многое время сей чинъ и обычай бываше во святой церкви, якожь видится во святой горѣ Аеонстѣй писано во многихъ рукописныхъ древнихъ книгахъ“, т.-е. авторъ является не только хорошо знакомымъ съ событіемъ, случившимся на Аеонѣ въ 1649 году, но и знаткомъ древнихъ рукописей, хранящихся въ Аеонскихъ монастыряхъ.

Авторъ-грекъ, какъ видно, долго жилъ въ Россіи, хорошо зналъ русскій языкъ и знакомъ былъ съ русскими рукописными книгами. Про русскихъ митрополитовъ: Петра, Алексія, Іону, Кипріяна и Фотія онъ говоритъ: „зане они хождаху во Царьградъ и хиротонисашася тамо, и не единожды хождаху во Царьградъ, но и дважды и трижды ради церковныхъ потребъ, и греческое писаніе вѣдаша; и сего ради православно и согласно съ греками мудрствоваша, якожь австено видится въ ихъ рукописныхъ книгахъ: святое Евангеліе и апостолская посланія съ дѣянми святыхъ авостолъ и Апокалипсисъ, рукописаніе святаго Алексія митрополита (на полѣ: въ Чудовѣ монастырѣ), согласно во всемъ съ греческими: и святыи символъ безъ прилога, и аллилуія вряду трижды, таже: слава тебѣ Боже, въ Часословѣ ихъ“. Въ другомъ мѣстѣ авторъ замѣчаетъ: „и сице за достовѣрное свидѣтельство видится писано и до днесь во многихъ харатейныхъ рукописныхъ древнихъ книгахъ славенскихъ и греческихъ: аллилуія, аллилуія, аллилуія, слава тебѣ Боже“. Авторъ хорошо былъ знакомъ съ извѣстнымъ „житіемъ“ преп. Евфросина псковскаго. Онъ говоритъ, что защитники сугубой аллилуіи „въ суетуріе свое приводятъ во свидѣтельство моваха преподобнаго Евфросина псковскаго, кій толкуеть аллилуія, яко токмо являетъ: слава тебѣ Боже. Глаголють еще и иное многое суетуріе отъ онаго житія, яке суть достойна смѣху, аще кто будетъ чести совниманіемъ, (напаче же въ видѣніи, еже глаголетъ писатель, негли яко видѣ Богородицу и архангела и бесѣдова съ ними объ аллилуіи) и тамо будетъ ужасатися читатель безумію писателя“. Въ другомъ

мѣстѣ онъ говорить: „а что есть писано во Ефросиновѣ житіи, она вся суть суемудріе, кто будетъ прочитати по Бозѣ совнмианіемъ, разумѣти будетъ. Аще Ефросинъ имѣяше какво недоумѣніе о аллилуіа, яко человекъ діавольскимъ искушеніемъ, — недивно. А что глаголють, яко о семъ иде во Царьградъ и слыша отъ патріарха и въ соборной велицей церкви глаголющія аллилуіа дважды, о томъ мнимъ, яко не иде во Царьградъ, зане времена нетаковая быша тогда: владѣша бо тогда турки Болгарією и Сербы, и всѣмъ западомъ до Дуная и до Чернаго моря, и ратоваша турки тогда на христіаны великими и лютыми ратми. Но аще и иде во Царьградъ, во время оно бѣ Іосифъ патріархъ латинумудрый, который бѣ на осмомъ соборѣ во Флоренціи. И паки: единого человека свидѣтельство неприемлется по божественному писанію, аще и аггелъ небесный будетъ. И вѣщше разумѣется истина въ писателей видѣніи, иже глаголетъ, яко Богородица рече ему таковая словеса, яже подобаетъ ниже слышати кому. Тамъ бо писатель Ефросинова житія пишетъ отъ соннаго грезу, или отъ вѣтра главы своея нѣкоторая толкованія ненотребная на аллилуію“. Авторъ знакомъ былъ и съ сочиненіями Максима-грека. Онъ говорить: „а еже глаголють на Максима-грека, что и онъ мудрствоваше аллилуіа дважды глаголати, и приводятъ во свидѣтельство святаго Игнатія Богоносца, яко отъ аггеловъ слыша пѣти сице: аллилуіа дважды; и въ томъ лгутъ на святаго Игнатія и Максима-грека, зане святому Игнатію явишася аггели о божественномъ псалмопѣніи, спрѣчь о антифонѣхъ, а не аллилуіи, и въ семъ не согласуется самое писаніе, кіа называютъ Максимово, и о томъ разумѣется подлинно, что то сложеніе слова не Максимово есть, токмо лгаша нѣщны на его имя“.

Авторъ хорошо былъ знакомъ съ современнымъ ему положеніемъ русскихъ церковныхъ дѣлъ, съ тѣми нападкама на грековъ и на Никона, какія въ то время повсюду высказывались противниками церковной дѣятельности Никона, онъ хорошо былъ знакомъ даже съ нѣкоторыми исключительными обычаями тогдашнихъ сельчанъ на Руси. Въ одномъ мѣстѣ онъ говорить: „здѣ, въ велицей Россіи, возрасте сіа прелестъ (двуперстіе) недавнихъ временъ, зане въ прежнихъ временѣхъ и здѣ, въ велицей Россіи, сице трети персты знаменовашася, якоже суть мнози и доднесь, которіи помнятъ, яко родители ихъ тако знаменовашася, и тако навывоша. И за достовѣрное свидѣтельство суть еще и мнози христіане въ селѣхъ во многихъ странахъ россійскихъ, кіи держатъ еще оно древнее, доброе и православное преданіе, знаменатися трети первыми персты православно“.

Авторомъ сочиненія былъ по нашему мнѣнію никто иной, какъ извѣстный грекъ-аеонитъ Діонисій, архимандритъ Иверскаго Аеон-

скаго монастыря. Архимандритъ Діонисій, прибылъ въ Москву въ качествѣ настоятеля московскаго Никольскаго греческаго монастыря въ 1655 году, а возвратился на Аѳонъ въ 1669 году, проживъ въ Москвѣ около пятнадцати лѣтъ. Отправляясь на Аѳонъ въ 1669 году Діонисій подалъ государю челобитную, въ которой заявляетъ государю, „что инымъ архимандритамъ, которые вовсе государю и неработали, однако давано было по 100, 500 и даже 1000 руб. и священныя одежды, а ему Діонисію, который по царскому дѣлу задержанъ былъ и лишень званія своего 15 лѣтъ, и работаль великому государю и святой соборной греко-россійской церкви столь долгое время, всею душою и сколько было силы, и труды сія вѣдомы государю,—ему даю только на 200 рублей соболами, и ему не только не съ чѣмъ будетъ явиться къ братіи, но и на дорогу едва станетъ. Пріѣхать же ему съ порожними руками въ монастырь предъ всѣми будетъ стыдно, и незнаеть онъ съ какимъ лицемъ явится предъ братіей, потому что, еслибъ и въ своихъ странахъ онъ столько бы пожилъ, то много бы пользы сдѣлалъ монастырю своему и себѣ, а здѣсь только напрасно здоровье свое изнурилъ, работая великому государю. И Мелетій не малую работу несть, но за то и получилъ царскую милость неизреченно, а его, Діонисіева, работа неменьше“³⁾).

Итакъ Діонисій, оставляя Москву въ 1669 году, прямо и рѣшительно заявляетъ государю, что въ свое пятнадцатилѣтнее пребываніе въ Москвѣ онъ много трудился для церкви и государя, такъ много, что даже изнурилъ все свое здоровье. Въ чемъ же теперь состояли особые труды Діонисія для церкви и государя? На это имѣются нѣкоторыя указанія. Въ заглавіи одного сборника изъ отеческихъ писаній, напечатаннаго въ Москвѣ въ 1665 году, говорится: „а свидѣтельствованы сія святія и богодухновенныя книги во типографіи, со греческихъ старыхъ письменныхъ и печатныхъ переводовъ святія горы Аѳонскія, тояже святія горы архимандритомъ Діонисіемъ, со влєвреты его“⁴⁾. Въ расходныхъ книгахъ печатнаго двора сохранились росписки архимандрита Діонисія въ полученіи имъ жалованья въ качествѣ книжнаго справщика⁵⁾. На греческомъ печатномъ Евхологіѣ венеціанскаго изданія, съ котораго правила нашъ Служебникъ и который сейчасъ находится въ московской синодальной типографской библиотекѣ, есть собственноручныя помѣты архимандрита Діонисія⁶⁾. Значитъ Діонисій принималъ прямое и

³⁾ Греческія дѣла 7177 г. № 25. Въ Большомъ московскомъ архивѣ министерства иностранныхъ дѣлъ.

⁴⁾ Опис. старопеч. книгъ Толстаго, стр. 293.

⁵⁾ Румянцова: Древнія зданія моск. печатнаго двора, стр. 13, 32, примѣч. 67.

⁶⁾ Чт. общ. ист. и древн. 1835 г., кн. IV, статья Бѣлокурова.

дѣятельное участіе въ исправленіи нашихъ книгъ съ греческихъ, благодаря чему ему и пришлось хорошо познакомиться съ древними русскими рукописными книгами, что, какъ мы видѣли, онъ и обнаружилъ въ своемъ полемическомъ сочиненіи противъ раскола.

Московская дѣятельность Діонисія однимъ участіемъ въ книжныхъ исправленіяхъ не ограничивалась. Онъ, какъ аеонитъ, былъ знаткомъ аеонскихъ церковныхъ порядковъ, почему къ нему обращались за справками въ тѣхъ случаяхъ, когда при исправленіи русскихъ чиновъ и обрядовъ встрѣчались какія-либо затрудненія, для устраненія которыхъ хотѣли опереться между прочими и на порядки столь высоко чтимой на Руси горы Аеонской. Въ переписныхъ книгахъ дѣль посольскаго приказа значится: „столпикъ, а въ немъ переводъ съ греческаго письма съ тетради о освященіи воды на Іордани, что подалъ въ посольскомъ приказѣ архимандритъ Діонисій въ 170 году“⁴⁾. Діонисій составилъ записку о началѣ и продолжительности разныхъ церковныхъ службъ на Аеонѣ, гдѣ онъ опредѣляетъ, во сколько часовъ къ каковой службѣ начинаютъ благовѣстять на Аеонѣ, сколько времени продолжается какая служба въ то или другое время года и т. под. 7).

Діонисій пользовался значеніемъ и вліяніемъ у тогдашнихъ передовыхъ выдающихся русскихъ іерарховъ. Архіепископъ рязанскій Иларіонъ, одинъ изъ главныхъ поборниковъ церковныхъ исправленій Никона, послѣ оставленія послѣднимъ патриаршей каедры учился у архимандрита Діонисія греческому языку. Протопопъ Аввакумъ въ челобитной государю пишетъ: „нѣкто гречинъ архимандритъ Діонисій учитъ Иларіона архіепископа рязанскаго греческимъ буквамъ, реку и нравомъ, внѣшняя мудрствующимъ. Болѣзнуа зъ, рекохъ владыкѣ сему, древнія ради любви съ нимъ: владыко святыи, у зазорна человѣка училси!.. Недобра похвала—такой воръ и ругатель великія Россіи святителя учить! И архіепископъ Иларіонъ въ то время зѣло кручиненъ былъ“⁵⁾. Дьяконъ Феодоръ говоритъ, что Діонисій „всѣмъ новымъ властемъ знаежъ до конца“.

Какъ хорошо знавшій русскій языкъ, русскіе обычаи, современное положеніе русскихъ церковныхъ дѣлъ, Діонисій былъ назначенъ толмачемъ при греческихъ патриархахъ на соборѣ 1667 года, и конечно его взгляды на русское старообрядство есте-

⁴⁾ Переписныя книги дѣль посольскаго приказа № 4, 181 годъ, листъ 183, — въ большомъ московскомъ архивѣ минист. иностр. дѣлъ.

⁷⁾ Эта записка напечатана въ нашей книгѣ: Характеръ отношеній Россіи къ православному востоку въ XVI и XVII столѣтіяхъ, приложение № 11.

⁵⁾ Матеріалы для исторіи раскола, т. V, стр. 137—138.

ственно сдѣлались и взглядами восточныхъ патріарховъ, которые необходимо прислушивались къ мнѣніямъ своего свѣдущаго толмача о таинхъ русскихъ дѣлахъ, о которыхъ сами они не имѣли никакихъ опредѣленныхъ представленій. Дьяконъ Ѳеодоръ рассказываетъ, что будто бы Лазарь сдѣлать на соборѣ предъ патріархами такое заявленіе: „молю васъ, крайнихъ пастырей, повелите ми идти на судьбу Божию во огонь, и аще сгорю, то правы новыя книги, аще же не сгорю, то убо правы старыя наши отеческія книги, иже древле преведенныя съ вашихъ книгъ греческихъ неперепорченныхъ. Патріархи же рекоша: а больше сего судить мы не умѣемъ! И призваше близъ себе болгарина и голову, и велѣша толмачу своему, Денису архимандриту, глаголати имъ и царю то связати: древле убо ваши русскіе люди не пріяли просто святаго крещенія отъ нашихъ греческихъ святителей, но просили знаменія, — Евангеліе Христово положить на огонь, и аще не сгоритъ, тогда вѣруемъ и крестимся вси. И Евангеліе кладено бысть на огонь, и не сгорѣло: тогда русове вѣрваша и крестившася. И нынѣ такожде поплъ вашъ Лазарь безъ извѣщенія не хоцетъ пріимати новыхъ книгъ, но хоцетъ идти на судьбу Божию во огонь; и не мы его къ тому принуждали, но самъ онъ тако изволил. Се слово возгласили трижды всѣмъ: а больше сего мы судить не умѣемъ! скажите царю. Они же, шедше, сказала ему вся глаголы ихъ. Царь же умолче; а русскіе власти вси возмутншася и страхъ нападе на нихъ: отъ кого нечаяли, сіе изыде“! Страхъ русскихъ властей предъ героическимъ вызовомъ Лазаря былъ будто такъ великъ, что они употребили цѣлыхъ семь мѣсяцевъ, чтобы замать это неприятное для нихъ дѣло, причемъ воспользовались услугами патріаршаго толмача архимандрита Діонисія. „Вси же власти русскія въ тѣ семь мѣсяцевъ, рассказываетъ Ѳеодоръ, начаша къ патріархомъ дары многи приносити, злато и серебро, и соболы и прочая драгія вещи, и стали той праведный судъ ихъ (т.-е. греческихъ патріарховъ) заминати лестію, яко лукавіи лисове хвостами слѣдъ свой. А на толмача онаго патріарша, Дениса архимандрита, трапезы многоцѣнныя уготовляху, и въ дома своя призываху его, и дарами надѣлаху его, и ласкающе всяко, ежебы онъ патріарховъ своихъ уговорилъ, дабы по ихъ хотѣнію устроили вся, и сотворили дѣяніе соборное ихъ и не разорили бы, и царь-де любить то. Толмачъ же той Денисъ и самъ праваго суда бояся, понеже соборную церковь Успенскую осквернилъ нѣкогда блудомъ... Толмачъ же той до патріарша прихода за десять лѣтъ пріиде къ Москвѣ отъ Аѳонскія горы, и русскому языку и обычаемъ всѣмъ навывченъ бѣ, и всѣмъ новымъ властемъ знаежъ до конца; а патріархи тѣ вновь пришли и ничего не знали, но что онъ имъ скажетъ, то они и знаютъ, тому и вѣрятъ,—такова плута

и приставили имъ нарочно, каковы и сами. И той Денисъ блудливъ церковный развратилъ душа патриарховъ тѣхъ, глаголя имъ еще: отцы святіи! заѣзжіе вы люди здѣ; аще тако станете судить здѣ безъ помазанія, и вамъ чести большой и милостыни довольной и даровъ nebudeтъ отъ великаго государя, и отъ всѣхъ властей такоже, но сошлютъ васъ въ монастырь гдѣ, якоже и нашего Максима-грека святогорца, и во свою землю не отпустятъ васъ, аще въ задоръ станетъ дѣло! Какъ имъ надобно, такъ и пушайте! Патриархи же послушали его и творить тако стали, а не спорили ничего, тоцію потавали³⁾). И такъ, по прямому свидѣтельству противниковъ Никона греческие патриархи дѣйствовали на соборѣ подѣ влияніемъ и руководствомъ своего толмача архимандрита Діонисія, „что онъ имъ скажетъ, то они и знаютъ, тому и вѣрятъ“. Правда къ патриархамъ приставленъ былъ государемъ и другой вліятельный у насъ грекъ, Пансіѣ Лигаридѣ, но онъ долженъ былъ главнымъ образомъ ознакомить патриарховъ собственно съ дѣломъ Никона, по дѣламъ же раскола ихъ совѣтникомъ и руководителемъ былъ главнымъ образомъ архимандритъ Діонисій, хорошо знавшій русскій языкъ, принимавшій дѣятельное участие въ исправленіи русскихъ книгъ и хорошо знакомый съ современнымъ положеніемъ русскихъ церковныхъ дѣлъ⁴⁾.

Такимъ образомъ по всѣмъ тѣмъ даннымъ, какія мы только имѣемъ о московской дѣятельности иверскаго архимандрита Діонисія, можно положительно утверждать, что именно онъ и былъ тотъ грекъ-аеонитъ, который могъ написать и дѣйствительно написалъ печатаемое нами сочиненіе противъ раскола, тѣмъ болѣе, что на основаніи этого сочиненія, какъ увидимъ ниже, составлены были нѣкоторые соборныя постановленія, а такое значеніе своему сочиненію могъ придать только Діонисій, руководившій на соборѣ самими греческими патриархами по дѣламъ раскола.

Время написанія сочиненія Діонисіемъ опредѣляется нѣкоторыми данными, заключающимися въ самомъ сочиненіи. Впервые, оно написано при Алексѣѣ Михайловичѣ, такъ какъ авторъ говоритъ напримѣръ: „до нынѣшняго благочестивѣйшаго, тишайшаго и боговѣщаннаго нашего государя, царя и великаго князя

³⁾ Матер. для ист. раск. VI, стр. 244—247.

⁴⁾ Этимъ конечно и объясняется то обстоятельство, что къ Діонисію противники Никона относятся, какъ мы видѣли, съ величайшею ненавистію, тогда какъ ихъ отзывы о Пансіѣ Лигаридѣ не заключаютъ въ себѣ ни особаго раздраженія, ни особой ненависти къ нему, хотя Пансіѣ былъ очень виднымъ дѣтелемъ на соборѣ 1667 года и подобно Діонисію писалъ сочиненіе противъ раскола. (Отзывы противниковъ Никона о Лигаридѣ см. въ Матер. для ист. раск. I, 188; V, 72; VII, 379—380).

Алексѣя Михайловича всея великія и малыя и бѣлыя Россіи самодержца“. Повторяеъ, оно написано послѣ оставленія патріаршей кathedры Никонѣмъ, котораго авторъ не разъ называетъ: „святѣйшій патріархъ бывшій Никонъ“, или Никонъ „бывшій патріархъ“. Встрѣтъеъ оно писано до собора 1667 года. Это видно изъ слѣдующаго: авторъ убѣждаетъ противниковъ отказаться отъ двуперстія и принять троеперстіе, такъ какъ истина троеперстія „извѣстна соборне и всенародне во всѣмъ, сирѣчь и вселенскія соборы о томъ быша. Первое убо въ Константинополи, отъ воевятѣйшаго вселенскаго патріарха киръ Паисія, въ лѣто 7162, съ восьмидесяти архіереи и клирики великія церкви константинопольскія. Второе же и въ царствующемъ великомъ градѣ Москвѣ, при благочестивѣйшемъ и тышайшемъ великомъ государѣ нашемъ, царѣ и великомъ князѣ Алексіи Михайловичѣ всея великія и малыя и бѣлыя Россіи самодержцѣ, и приближенѣйшаго и святѣйшаго Макарія патріарха антиохійскаго и всего востока, сущу ему тогда въ царствующемъ градѣ Москвѣ, и при святѣйшемъ Никонѣ бывшемъ патріархѣ мосвовскомъ и всея Россіи, и Гавриилѣ архіепископѣ ипекійскомъ и всея Сербіи, и Болгаріи, и Албаніи патріархѣ, и никейскомъ Григоріи митрополитѣ, и молдовахійскомъ Гедеоиѣ, и прочихъ великороссійскихъ митрополитѣхъ, и архіепископѣхъ и епископѣхъ, и архимандритѣхъ, въ лѣто 7164, и подложивша анафемю немудрствующихъ тако, яко мудрствуетъ святая восточная и вселенская великая церковь православно“. Еслибы авторъ писалъ свое сочиненіе послѣ собора 1667 года, то онъ, говоря объ утвержденіи троеперстія соборами: константинопольскимъ при патріархѣ Паисіѣ и московскимъ въ 1656 году, не преминулъ бы сослаться на главнѣйшій соборъ, осудившій двуперстіе и утвердившій троеперстіе, именно на соборъ 1667 года, такъ какъ на этомъ соборѣ вромѣ русскихъ іерарховъ присутствовали два вселенскихъ патріарха, при соучастіи разныхъ греческихъ архіереевъ, почему и самый этотъ соборъ служилъ выраженіемъ голоса греческой и русской церкви. То же самое доказывается и слѣдующими словами автора: сказавъ, что съ воцареніемъ Алексѣя Михайловича появившійся было рабѣ на Руси терніи и волицы стали уничтожаться, что на Руси со времени его царствованія „возсія благочестія и православія зѣло и въ совершеніе достиже, терніи и триволи и прочая дивная зизанія изсохша, и мракъ и тма отступи, и свѣтлѣйшій и совершенный свѣтъ истины возсія православно“, авторъ замѣчаетъ при этомъ: „но аще убо зизаніевы корени и отрасли обрѣтаются еще, но благодатію всесвятаго Духа *вскорнъ будутъ потребилися и исчезатися и она*“. Очевидно, что послѣ собора 1667 года авторъ не могъ бы говорить, что „зизаніевы корени и отрасли“ „вскорнъ будутъ потребитися и исчезатися“,

очевидно, что онъ писалъ свое сочиненіе еще до собора 1667 года, причѣмъ созваніе этого собора, имѣвшаго въ виду и окончательное искорененіе раскола, было дѣло уже рѣшенное, что хорошо зналъ авторъ. Наконецъ, самымъ рѣшительнымъ образомъ написаніе сочиненія до собора 1667 года доказывается тѣмъ обстоятельствомъ, что нѣкоторые соборныя постановленія 1667 года о старообрядческихъ особенностяхъ представляютъ изъ себя дословныя выдержки изъ нашего сочиненія, о чемъ рѣчь будетъ ниже.

Для чего и зачѣмъ понадобилось заѣзжему греку, архимандриту Діонисію, писать полемическое сочиненіе противъ раскола до собора 1667 года, это, по нашему мнѣнію объясняется слѣдующимъ: борьба между старыми и новыми церковными порядками достигла въ то время своего крайняго напряженія, все русское общество раскололось на двѣ половины, изъ которыхъ каждая упорно, всѣми зависящими отъ нея средствами, старалась отстоять себя и уничтожить своего противника. Все это крайне печально отражалось на всей церковной жизни, порождала въ ней смуты, волненія, шатость. Въ рѣчи къ собору 1666 года царь такъ изображаетъ тогдашнее положеніе церковныхъ дѣлъ: „уже богохульное ихъ (раскольниково) плодоношеніе не точію по различныхъ царствія Богомъ намъ врученнаго страхахъ, градѣхъ же и весѣхъ, обносится, но и въ самый сей градъ престола нашего вомчеса, даже и нашими въ свитѣхъ рукахъ, въ словесѣхъ же ушесомъ прикоснутисл. Яже услышавше мы и прочетше, абіе богонаставленіемъ познахомъ діаволе быти сѣмя, сицевныя хулы содержащее: яко нынѣшняя церковь нѣсть церковь, тайны божественныя не тайны, крещеніе не крещеніе, архіереи не архіереи, писаніе лестна, ученіе неправедное и вся скверна и неблагочестна. Имже душеубственнымъ злоплодіемъ мнози скудоумніи повреждшеса, аки виѣ ума бывше, заблудиша отъ церкви въ новопросябшая сомнища, крещеніе отложиша, грѣховъ своихъ іереомъ Божиимъ не исповѣдаша, тайнамъ животворящимъ непричащашуся, вратце рекше, весма отъ церкви и отъ Бога отчюждишася. О злаго плода недобраго сѣмени! еже обіе вьегда оцутити намъ, яко змію смертножальщую изъ руку нашу вергохомъ и попрахомъ“. Очень живую и яркую картину тогдашнихъ церковныхъ нестроеній рисуетъ въ своей челобитной попъ Никита. „Во многихъ градѣхъ твоея благочестивыя державы, пишеть онъ къ государю, наипаче же въ селѣхъ, церкви Божіи зѣло возмущены, еже есмь много хождяхъ, и не обрѣтохъ дву или трехъ церквей, чтобы въ нихъ единочленно дѣйствовали и цѣли, но во всѣхъ разнстіе и велій раздоръ: въ той церкви по книгамъ Никоновымъ служатъ и поютъ, а въ иной по старымъ, и гдѣ на праздники, или на освященіе церкви, два или трое священниковъ литоргію

Божію служатъ, и дѣйствуютъ по разнымъ служебникамъ, а нѣше точію возгласы по новымъ возглашашъ, и всеію пестрятъ... Бтому же и діаконы со іерен не согласуются: овъ священнодѣйствуетъ по новому, а другій по старому. Иніи же священники, противъ 52 главы никоницкіе книги, велеть діаконамъ агнецъ вынимати. И о томъ въ сматеніи вси. Такожде и пѣвцы межъ собою въ несогласіи: на крылосѣ поють тако, а на другомъ инаво. И во многихъ церквахъ служатъ и поють ни по новымъ книгамъ, ни по старымъ. И Евангеліе, и апостоль и пареміи чтуть и стихѣры конархистають ни греческимъ, ни словенскимъ согласіемъ: понеже старое истерали, а новаго не обрѣли. И священнотаинственнаа Божія служба и весь чинъ церковный мнатеся: одни служатъ и поють тако, иніи жъ инаво, или—нмѣѣ служатъ тако, а наутріе инаво. И указуютъ на никомовы печатныя книги и на ровныя и непостоянныя указы. Такожде и въ прочихъ во всѣхъ службахъ радоръ и непостоянство. И богомолцы твои, святители Христовы, межъ собою одеждоу раздѣлилися: ови отъ нихъ носятъ латынскіе рясы и новопокройный бѣлый клобукъ на колпашныхъ камилавкахъ, оніи же, бояся суда Божія, старины держатся. Такожде и черныя власти и весь священническій чинъ одеждоу раздѣлилися жъ: овиіи священники и діаконы ходять въ одноряткахъ и скуоѣяхъ, иніи же по иновемски въ лацкихъ рясахъ и въ римскихъ, и въ колпашныхъ камилавкахъ, а нѣше, якожъ простыя людины, простоволосы ходять и шапку съ сободемъ съ заломы носятъ; а инови непоиноческому чину, но полячки, безъ манатей, въ однихъ рясахъ, аки въ яидовскихъ кафтанахъ, и римскихъ рогатыхъ клобукахъ. И во всемъ, великій государь, въ христонженитой вѣрѣ благочестиваго твоего государства расколъ и непостоянство. И отъ того, великій государь, много христіанскихъ душъ, простой чади, малодушныхъ людей погибаетъ, еже во отчаяніе впали и къ церквамъ Божіимъ пооскуду учали ходить, а иніи и не хотять, и отцевъ духовныхъ не учали имѣть¹¹⁾.

Очевидно настояла крайняя нужда покончить съ подобнымъ ненормальнымъ положеніемъ церковныхъ дѣлъ, а для этого необходимо было созваніе собора. Его желали сторонники новыхъ церковныхъ порядковъ, его желали и защитники порядковъ старихъ, каждая сторона надѣялась на побѣду, причемъ обѣ стороны хорошо сознавали, что на соборѣ должна произойти послѣдняя и окончателная борьба между ними, что соборъ разъ навсегда установитъ какой-либо одинъ порядокъ, исключаящій существованіе другаго. Приверженцы старины, съ своей стороны, уже успѣли въ это время создать цѣлую литературу, поднятъ

¹¹⁾ Матер. для ист. раск. II, 70—71; IV, 155—157.

на ноги всю старую московскую мудрость и ученость, чтобы доказать всѣмъ—царю, властямъ и всему обществу—правоту своего дѣла и неправоту своихъ противниковъ. Словомъ они являлись на соборъ вполне подготовленными, хорошо вооруженными и потому сильно рассчитывали на побѣду. При такомъ положеніи дѣла правительство, рѣшительно ставшее на сторону новыхъ церковныхъ порядковъ, не могло явиться на соборъ неподготовившись, съ пустыми руками, оно необходимо заранѣе должно было изыскать вѣрныя средства для рѣшительной побѣды надъ противниками, сильными своею начитанностію въ старинныхъ русскихъ книгахъ. Понятно, къ кому теперь должно было обратиться правительство за содѣйствіемъ въ предстоящей рѣшительной борьбѣ съ защитниками старины, незнавшими науки и правильнаго научнаго образования; понятно, что оно рѣшилось воспользоваться въ своихъ видахъ тѣми научными силами, которыми оно располагало тогда въ лицѣ Пансіа Лигарида, архимандрита Діонисія, Симеона Полоцкаго и можетъ-быть Епифанія и его ученика Евенмія. Эти ученые царскіе богомольцы, содержавшіеся на счетъ царя для ученыхъ работъ, и должны были общими силами сковать то ученое оружіе, которое бы окончательно поразило неученыхъ защитниковъ русской церковной старины. По порученію царя пишетъ обширное опроверженіе челобитной Никиты Пансіи Лигарида¹²⁾, по порученію царя и собора 1666 г. Полоцкій пишетъ „Жезль Правленія“, составленіемъ котораго онъ занимался, конечно, еще ранѣе собора¹³⁾. Пишетъ сочине-

¹²⁾ Полемическое сочиненіе противъ раскола Пансіа Лигарида, писанное рукою Полоцкаго, находится въ нашей академической бібліотекѣ, № 68.

¹³⁾ Въ черновомъ опискѣ Жезла (рукопись нашей академической бібліотеки написанномъ рукою Полоцкаго, находится его помята, что онъ началъ писать Жезль 18 мая 1666 года, а кончилъ 13 іюля тогоже года. А между тѣмъ въ выходномъ листѣ Жезла сказано, что онъ сооруженъ отъ всею освященнаго собора 7 мая 1666 года, что же это значитъ? Это значитъ, по нашему мнѣнію, слѣдующее: Полоцкій уже ранѣе, по порученію правительства, писалъ сочиненіе противъ раскольниковъ, какъ писали такіа сочиненія Пансіи Лигарида, архимандритъ Діонисій и, можетъ-быть, другія лица. Соборъ предъ 7 мая пересмотрѣлъ эти сочиненія и составилъ на основаніи ихъ программу для написанія сочиненія въ опроверженіе челобитныхъ Никиты и Лазаря и поручивъ Полоцкому, на основаніи этой программы, въ указанномъ соборомъ духѣ и направленіи написать особое сочиненіе, которое потомъ и предложено было издать отъ имени собора. Получивъ инструкціи и указанія отъ собора 7 мая, Полоцкій 18 мая принялся за написаніе порученнаго ему сочиненія, которое, пользуясь уже готовымъ матеріаломъ, онъ и написалъ менѣе чѣмъ въ два мѣсяца. Въ своемъ сочиненіи «о соборномъ судѣ надъ патриархомъ Никономъ» (рукопись нашей академической бібліотеки, гл. XXXI) Пансіи Лигарида говорить: «противъ сихъ мужей (т.-е. Аввакумъ, Лазаря, Никиты и проч.) поднявшихся на челоуѣскія ухищренія и облекшихся въ неправотѣ, на продолжительное обличеніе и достаточное опроверженіе ереси возникшей и преуспѣвшей, составили мы книгу по царскому и

ніе противъ раскола и архимандритъ Діонисій. Всѣ эти сочиненія, писанныя разными лицами, независимо одинъ отъ другаго, должны были служить тѣмъ матеріаломъ, опираясь на который соборъ долженъ былъ произнести то или другое окончательное свое сужденіе о старообрядствѣ, въ виду чего эти сочиненія получаютъ особую важность, — подѣ ихъ вліяніемъ составлялись соборныя рѣшенія о старообрядствѣ. Оставляя въ сторонѣ разсмотрѣніе сочиненій Паисія Лигарида и Полоцкаго, мы укажемъ здѣсь на значеніе и важность сочиненія архимандрита Діонисія.

Если на соборѣ 1666 года, состоявшемъ исключительно изъ русскихъ іерарховъ, выразилось чисто русское пониманіе старообрядства и русское отношеніе къ нему, то въ постановленіяхъ 1667 года о старообрядствѣ сказалось по преимуществу греческое пониманіе русскаго раскола, раиѣе уже подготовленное и установленное сочиненіями Паисія Лигарида и особенно архимандрита Діонисія, которое несомнѣнно было подѣ руками у греческихъ отцовъ собора, служило для нихъ руководствомъ въ пониманіи русскаго старообрядства, почему нѣкоторыя изъ соборныхъ постановленій о старообрядцахъ и представляютъ изъ себя только простыя дословныя выдержки изъ этого сочиненія архимандрита Діонисія. Въ виду этого сочиненіе архимандрита Діонисія получаетъ для насъ особую важность и значеніе, такъ какъ оно хорошо знакомитъ насъ со взглядомъ грековъ на происхожденіе русскихъ церковныхъ особенностей, на тотъ смыслъ и значеніе, какое имъ приписывали греки, а въ концѣ концовъ оно значительно уясняетъ намъ истинный смыслъ соборныхъ клятвъ 1667 года, положенныхъ на старообрядцевъ.

Особенностямъ русскаго обряда и чина Діонисій прямо и рѣшительно приписываетъ еретическое происхожденіе. Эти особенности появились у насъ послѣ того, какъ русскіе перестали поддерживать прежнія тѣсныя и въ церковномъ отношеніи зависящія отношенія отъ грековъ, именно: послѣ того, какъ русскіе митрополиты перестали рукополагаться въ Константинополь. „Сія прелесть, говоритъ Діонисій, таковымъ обычаемъ бысть въ Россіи отнелѣже, сирѣчь, отъ того времени, егда (на полѣ: яко) престаи руссіейскія митрополиты ходити въ Царьградъ хиротони-

соборному повелѣнію, въ которой съ большою подробностію опровергнули писаніи Никиты, ефемернаго ееолога, даже и концомъ перста некоснувагося ееологіи. Книга наша потомъ сокращенно была переведена іеромонахомъ Симеономъ и предана тисненію на память вѣковѣчную, на безсмертную славу». Но это заявленіе Паисія несовсѣмъ точно. Полоцкій только отчасти пользовался сочиненіемъ Паисія, какъ и другими, а большею частію писалъ самостоятельно, тѣмъ болѣе что сочиненія Паисія и Діонисія въ основномъ взглядѣ на старообрядческія особенности существенно отличаются отъ взглядовъ Полоцкаго, или точнѣе отъ взглядовъ отцовъ собора 1666 года.

еатися, якоже хождяху треблаженніи митрополити: Петръ, Алексій, и Іона, Киприанъ, и Фотій, и прочіи. И елико время хождяху російскія митрополиты въ Царьградъ хиротонисатися, и хождяху и гречестіи архіереи въ Россію, *тогда возсіяше благочестіе и православіе болше здѣ въ Россіи*. А отнелѣже престаша російскія митрополити ходити во Царьградъ хиротонисатися, ради нужнаго пути, сирѣчь, ради страха турскаго воинства — *занае тогда турки зѣло страшно ратоваша всѣ страны христіанскія, того ради и гречестіи архіереи изыщніи не хождяху въ Россію таковыя ради вины. И того ради начаша быти здѣ сія прелести: о сложении перстовъ, и приложъ въ символъ, и алмазѣи и прочее*. Обрѣтающе время, обрѣтнѣжь злобы діаволь, посѣя многая зизанія, а нестерзаша я никто (до нынѣшняго благочестивѣйшаго, тшайшаго и боговѣщаннаго нашего государя, царя и великаго князя Алексія Михайловича всея великія и малыя и бѣлыя Россіи самодержца) и укоренишася и возрастоша великія злобы, и вообычай и соимство быша въ васъ: зло за добро и горкое за сладкое... Остася, говоритъ авторъ, (вслѣдствіе прекращенія сношеній съ греками) земля сія не орана, и возрасте терніе и триволи (на полѣ: волцы), и ина дикія зизанія *и темнымъ омраченіемъ омрачашася*“. И только со временъ грознаго царя „помалу сія земля великороссійская *просвѣщатися паки нача* и прославлятися *и въ православіе правлятися*, а не усовершенню“. Со времени же Алексія Михайловича, т.-е. съ того времени какъ снова русскіе тѣсно сблизились съ греками и признали ихъ авторитетъ въ дѣлахъ церковныхъ, въ Россіи „*вовсія благочестія и православія зѣло, и умножися благодать Божія и въ совершение достиже*, терніе и триволи и прочая дикія зизанія *изсохша, и мракъ и тма отступи*, и свѣтлѣйшій и совершенный свѣтъ истинны возсія *православно*“.

На возраженіе противниковъ, что русскіе митрополиты: Петръ, Алексій, Іона, Киприанъ и Фотій „тѣми книгами и обычаи спасаюшася“, авторъ отвѣчаетъ, что „во времени ихъ обычаи сія и несогласіе не быша, токмо быша согласіе и добры чины, якожь и у грековъ быша тогда и нынѣ, занае они хождяху во Царьградъ и хиротонисашася тамо, и ни единожды хождяху въ Царьградъ, но и дважды и трижды ради церковныхъ потребъ, и греческое писаніе вѣдаша, и сего ради православно и согласно со греками мудрствоваша“ и потомъ прибавляетъ: „сего ради и прослави ихъ Богъ“. И только уже послѣ этихъ митрополитовъ, ходившихъ ставитися въ Царьградъ, при митрополитахъ, прекратившихъ свои хожденія въ Царьградъ, „сіе несогласіе и прелести возрастоша отъ нѣкихъ еретниковъ, кін отъ грековъ отлучишася, и съ ними несовопрошася ни о чесомъ же, ради тогдашній своєю суетудріа“.

На такое объясненіе Діонисіемъ происхожденія русскихъ еретическихъ обрядовъ и чиновъ противники возражали ему, что онъ представляетъ дѣло совсѣмъ невѣрно, такъ какъ современъ грознаго царя на Москвѣ перебивало много и греческихъ архіереевъ. У насъ былъ самъ вселенскій патріархъ Іеремія и поставилъ въ патріархи Іова, былъ іерусалимскій патріархъ Теофанъ и поставилъ Филарета Никитича, былъ при патріархѣ Іосифѣ другой іерусалимскій патріархъ, Паисій, и никто изъ нихъ ни разу не замѣтилъ, чтобы у русскихъ были какіе-либо еретическіе церковные обряды и чины, никто не пытался ихъ исправить, что однако они обязаны были бы сдѣлать, еслибы у насъ дѣйствительно были чины и обряды еретическаго происхожденія и смысла.

Чтобы устранить это возраженіе противниковъ, Діонисій пытается доказать, что патріархи: Іеремія, Теофанъ и Паисій, будучи въ Москвѣ, не имѣли никакой возможности узнать о существованіи у русскихъ еретическихъ обрядовъ и чиновъ, въ силу тѣхъ исключительныхъ обстоятельствъ, въ которыхъ они находились, живя въ Москвѣ. Когда вселенскій патріархъ Іеремія прибылъ въ Москву, рассказываетъ Діонисій, то русскіе „не пустиша никого отъ его людей ходити свободно по граду, ни старца, ни мірскаго, ниже россияскіе люди ходиша къ нему. И воедино лѣто, что живе на Москвѣ, токмо трижды изыдоша отъ дому и быша въ царскихъ палатахъ: первое убо, егда приде и иде царя и благослови его; второе же, егда постави патріарха и угостиша его; третіе, егда простиа и иде восвоися. Но сидячи и патріархъ, и сущи съ нимъ архіереи и прочіи во единомъ дому, и ниже они хождяху внѣ, ниже къ нимъ ходи кто; откуду можаху вѣдати что бываетъ въ церкви и что глаголютъ и что мудрствуютъ? Сего ради невѣдуще бываемая и не глаголаша что“. То же самое будто бы было въ Москвѣ и съ іерусалимскимъ патріархомъ Теофаномъ, и онъ, подобно Іереміи, сидѣлъ съ своими спутниками въ одномъ домѣ и нигде не могъ выдти, а если „исходиша кто до торгу ради potreбы, ходиша за ними и стражи; и паче сего: языка невѣдуще, сего ради ниже они бываемая вѣдаша въ россияской церкви, того ради ниже они глаголаша что. Подобнѣ и Паисій патріархъ и прочіи“⁴⁴).

⁴⁴) Увѣренія Діонисія, что будто бы бывшіе у насъ ранѣе Никона восточные патріархи не имѣли возможности узнать о существованіи въ русской церкви тѣхъ-которыхъ еретическихъ обрядовъ, почему они и не могли или обличить или исправить ихъ, рѣшительно невѣрно,—сами русскіе обращали вниманіе восточныхъ патріарховъ на существующія несогласія въ церковныхъ чинахъ и обрядахъ у русскихъ и у грековъ. До насъ дошла записъ очевидца о томъ, «какъ служилъ Теофанъ, патріархъ іерусалимскій съ русскими митрополиты, съ казанскимъ Матвѣемъ и со архіепископы» (въ 1619 году). Въ этой запискѣ рассказывается,

Итакъ, въ то время когда русскіе утверждали, что послѣ паденія Константинополя православіе у грековъ замутилось, что они приняли въ свою церковную практику нѣкоторыя латинскія новшества, такъ что православіе въ его чистомъ и неизмѣненномъ видѣ сохранилось теперь только у однихъ только русскихъ, грекъ архимандритъ Діонсій утверждаетъ какъ разъ совершенно противоположное. Онъ заявляетъ, что такъ какъ со времени паденія Константинополя русскіе митрополиты перестали ставиться у константинопольскаго патріарха, перестали обращаться къ нему за рѣшеніемъ разныхъ вопросовъ и недоумѣній, а „гречестін

что слутники патріарха и самъ Ософанъ дѣйствовали въ церкви не совсѣмъ согласно съ чиномъ, практиковавшимся тогда у насъ, что и вызвало замѣчанія со стороны русскихъ іерарховъ. Они «учали патріарху говорити: великій господиъ, святѣйшій Ософанъ патріархъ, наша истинная православная христіанская церковь не приняла сего чина. Пришелъ твой архимандритъ и архидьяконъ во олтарь и стали предъ престоломъ въ однѣхъ рядахъ безъ ризъ и безъ стихарей, и положили на престолъ служебники и ризы и стихари, а у насъ кромѣ того неведется, что на престолѣ Евангеліе и кресты, а иного ничего не владуть. А предъ престолъ приходишь ты, да сослужебники твои митрополиты и архіепископы и епископы въ своихъ манатяхъ, кромѣ того ни архимандриты, ни игумены, ни протопопы просто неприходить, точю въ еловняхъ и стихаряхъ. И патріархъ противу того сказалъ: то де учинилося сироста, а впредъ-де того не будетъ. Да митрополиты же Матвій и Іона и Іосифъ патріарху говорили: ризъ-де на твоємъ архимандритѣ не почину, оплечья у нихъ ни подолжниковъ нѣтъ, а у стихари такожь оплечья нѣтъ, ни подшаушныхъ проймовъ... И патріархъ сказалъ: у насъ-де такъ, какъ-де есть. А послѣ архимандритъ его сказалъ: есть-де и у насъ ризы по вашему сдѣланы, а тѣ-де сдѣланы скорѣ. И патріархъ же говорилъ митрополитомъ: Бога ради-де, указывайте намъ по своему, какъ-де у васъ чинъ ведется, а я де радъ слушати... На проскомидіѣ дѣйствовалъ (патріархъ) надъ однѣмъ агнецомъ, а въ прочіе просвиры стоялъ по обычаю, какъ дѣйствовали власти, и ему говорили: какъ бы ты государь служилъ преже сего и ты де просвиры заздравныя вынималъ въ херувимскую пѣснь, а у насъ того чину не ведется, и требѣ бѣ, государь, такожь нынѣ вынимати заздравныя просвиры въ подобно время съ нами, а не въ херувимскую пѣснь. И патріархъ говорилъ: и я де стану дѣйствовать по вашему жъ чину, а впредъ-де того у меня не будетъ. Потомъ же пришелъ Арсеній архіепископъ суждальскій и онъ патріарховъ языкъ знаетъ, и патріархъ дѣйствовалъ все по нашему, какъ ему Арсеній указалъ... И какъ послѣ службн провожали его (патріарха) до келии митрополитъ и архіепископъ, и онъ обратися говорилъ: просвѣтили-де вы меня своимъ благочестіемъ, и напоили-де жаждущую землю водою своего благочестиваго ученія, и въ томъ-де вамъ много чедомъ бью». (См. нашу книгу: патріархъ Никонъ какъ церковный реформаторъ и его противники, выпускъ первый, стр. 32, примѣчаніе). Что и другіе греческіе архіереи хорошо знакомы были съ особенностями русскаго чина и обряда, это не подлежитъ сомнѣнію. Грекъ Игнатій былъ у насъ въ некоторое время патріархомъ. Арсеній златовскій, прибывшій въ Москву съ константинопольскимъ патріархомъ, остался у насъ навсегда и сдѣлался суждальскимъ архіепископомъ. Ахрдскій архіепископъ Филоеѣ съ 1613 года былъ у насъ вологодскимъ архіереемъ. При Филаретѣ Никитичѣ многіе годы жили въ Москвѣ и вся архіерейская дѣйствовали греческіе митрополиты: Аверскій веррійскій, седунскій Пансій, севастьянскій Іосифъ и др. (см. нашу книгу: Характеръ отношеній Россіи къ православ. востоку въ XVI и XVII столѣтіяхъ, главы IV и IX).

архіереи пизащніи“ перестали ходити на Русь, то именно съ этого времени у русских и появились въ церковной практикѣ разные обряды и чины еретическаго происхожденія и смысла. Съ этого времени, утверждаетъ Діонисій, „начаша быти здѣ (въ Россіи) сія прелести: о сложеніи перстовъ, и прилогъ въ символъ, и аллилуія (сугубая) и прочее“; съ этого времени „земля сія (русская) осталась не орана, и возрасте тернія и триволи и иная дикія зизанія и темнымъ омраченіемъ омрачашися“, и притомъ такъ сильно, что на Руси стали принимать „зло за добро и сладкое за горькое“. И только мало-по-малу, завѣряетъ Діонисій, благодаря все болѣе усиливавшемуся сближенію Руси съ греками „сія земля великороссійская просвѣщатися паки нача и прославлятися и въ православіе вправлятися“, такъ что только уже въ самое послѣднее время, именно при царѣ Алексѣѣ Михайловичѣ, на Руси „возсія благочестіе и православіе зѣло, и умножися благодать Божія, и въ совершеніе достиже, тернія и триволи и прочая дикія зизанія изсхоша, и мракъ и гма отступи, и свѣтлѣйшій и совершенный свѣтъ истины возсія православно“.

Главный виновникъ насажденія на Руси еретическихъ обрядовъ былъ по мнѣнію Діонисія самъ діаволь — „обрѣтающе время обрѣтнникъ злобы діаволь посѣя многая зизанія“ (на Руси), почему Діонисій, обращаясь къ старообрядцамъ, говоритъ: „отъ сатаны, отца и друга вашего и учителя, слышасте и навывкосте сія“. Діаволь дѣйствовалъ чрезъ латинянь, у которыхъ русскіе могли научиться двуперстію, ибо „латини, говоритъ Діонисій, знаменіе крестное никогда тремя персты нетвориша, ниже творять, но знаменуются токмо двѣма персты, и древле и нынѣ“. Точно также и сугубая аллилуія, за которую держатся старообрядцы, заимствована отъ латинянь, такъ какъ, говоритъ Діонисій, въ древнихъ православныхъ книгахъ „дважды аллилуія глаголати нигдѣ не обрѣтается указано, развѣ въ новыхъ испорченныхъ книгахъ отъ суетудрыхъ и неразумныхъ, негли отъ латинскихъ книгъ взято, зане латинны, извѣстно, дважды глаголють аллилуія, а трижды никогда глаголють“.

Если особенности русскаго дониконовскаго обряда своимъ происхожденіемъ обязаны еретикамъ, если эти „тернія и волцы и всякая дикія зизанія“ насѣлъ у насъ въ удобное время „обрѣтнникъ злобы діаволь“, то понятно само собою, что еретическаго происхожденія русскіе обряды необходимо должны заключать въ себѣ прямо еретическое ученіе, нетерпимое въ православной средѣ. И дѣйствительно, Діонисій старается возможно подробно и обстоятельно раскрыть и указать то еретическое ученіе, какое содержатъ въ себѣ русскіе обряды, отличные отъ современныхъ греческихъ.

По мѣнью Діонисія употребляемое старообрядами двуперстіе несомнѣнно заключаетъ въ себѣ еретическое ученіе. Діонисій пишетъ: „глаголете вы (старообрядцы) яко три персты, иже совокупяете подѣ двю же перстахъ, Святую Троицу; и два перста, которіи выше трехъ, Божество и человѣчество. Се яко исповѣдаете два Бога: единъ Богъ болши — Божество и человѣчество Христово; второй Богъ ниже и менше, которое именуете святою Троицею. И такова Троица неподобна и неравна, зане есть единъ персть первый болши, и четвертый менши, и пятый еще зѣло менше. Еще и числа ихъ равны: первый персть, и четвертый, и пятый, а не порядку число: первый, второй и третій... Иже глаголете два перста, которіи стоятъ выше, — Божество и человѣчество, а три перста — Святую Троицу и полагаете ниже подѣ человѣчество. Едино убо: въ семь хулите Святую Троицу; второе же: яко полагаете персты неравны и внѣ числа и ряда, зане есть первый персть, и четвертый и пятый, и посреди ихъ стоятъ два перста горѣ, и разлучаютъ отъ прочихъ двухъ, и наипаче три перста, еже глаголете Троицу, стоятъ наклонены подѣ тѣми двѣма. Се явно есть яко хулите святую Троицу въ тѣхъ трехъ неравныхъ перстахъ, иже совокупяете: первый и четвертый и пятый и глаголете, яко есть Святая Троица. Въ семь исповѣдуете во святой Троицѣ неравенство, яко аріане, и несторіане, македоніане, и савеліане, и духоборцы, аполинариане; зане они сице исповѣдоваша и мудрствоваша во святѣй Троицѣ несравненіе и неединосущіе: Отца болше, Сына менше, и Духа Святаго еще менше, яко раба. Такожде и вы: первый большій персть Отца именуете, четвертый Сына-менше, и пятый, иже есть менше, Духа Святаго именуете. Якоже вышереченніи еретицы хулите и вы Святую Троицу, еще и горше, зане они до того мудрствоваша, а вы еще мудрствуете и ино еще горше-яко манихеяне, и маркіоняне, и апеліане: два Бога — одинаго горѣ, а другаго долѣ. Сице и вы исповѣдуете во дву перстахъ — одинаго Бога сугуба и болша, а въ трехъ перстахъ — другаго Бога трегуба, и неравна, и менша, зане тѣ три перста стоятъ наклонены подѣ двѣма. Елици еретицы блху изначала и до нынѣ, никтоже такова вредословія не дерзну рещи, или показати Божество въ перстахъ, или богословити о Божествѣ, или о воплощеніи Христовѣ въ перстахъ руки; но токмо вы, антихристовы предтечи и ученицы, или кто прежде васъ научи, или мудрствова сице, или написа, и онъ антихристовъ ученикъ бѣ и предтеча“. Въ другомъ мѣстѣ Діонисій онятъ говорить: „како въ перстахъ хоцете, новіи немудріи мудрецы, богословити и показати нѣкая Божества разнства: одинаго Бога сугуба, а другаго Бога трегуба и неравна. Показуете убо два Бога: одинаго тріипостаснаго и неравна, по аріаномъ, македоніаномъ, несторіа-

номъ, савеліаномъ, п аполинаріаномъ, а втораго Бога — по манентомъ, и маркіонянномъ, и апеліаномъ, якоже выше рекохомъ ширше. Или четыре ипостаси въ Божествѣ исповѣдуютъ: въ трехъ перстахъ неравныхъ, иже глаголете Троицу, единого Сына, Отца менша исповѣдуютъ: по персту, зане есть меншій и въ числѣ руки четвертый перстъ; и паки во дву перстахъ другаго Сына болша, зане стоитъ выше Святыя Троицы и исповѣдуютъ два Сына: единого, иже есть вкупѣ со Отцемъ и Святымъ Духомъ и того менша, и другаго Сына разна, иже есть съ плотію и обрѣтается особно отъ Отца и Святаго Духа, и въ томъ Его вы почитаете выше Троицы. Или двѣ ипостаси исповѣдаете въ Сынѣ Божіи: едину ипостась Божества, а другую челоувѣчества, зане два перста токмо числа являетъ двое, или двѣ ипостаси, или два Бога; а Божество и челоувѣчество како можешъ показати въ перстахъ? Никако, токмо число. Два перста вкупѣ и паки три перста вкупѣ, которые бывають пять, — и съ тѣмъ сложеніемъ персть или пять ипостасей исповѣдуютъ въ Божествѣ, или два Бога: една сугуба, а другаго трегуба и неравна; небуди вредословіе“. Свою рѣчь о еретическомъ значеніи двуперстія Діонисій заканчиваетъ такимъ опредѣленіемъ двуперстникъ: „никто жъ отъ вѣка явился еретикъ таковой, яко же вы, предтечи антихристовы“.

Если главнѣйшая старообрядческая особенность — двуперстіе несомнѣнно заключаетъ въ себѣ еретическое ученіе, то тоже самое находятъ Діонисій и въ сугубой аллилуіи. „Неразумѣють окаяннии и слѣпнии сердцемъ, говорить онъ, зане якоже глаголють они дважды аллилуіа, то-есть велми и зѣло велія ересь: сотворяють бо во Святѣй Троицѣ раздѣленіе, а несоединеніе“. „Дважды аллилуіа, говорить онъ въ другомъ мѣстѣ, таже: Слава Тебѣ Боже, являетъ по вашему трижды Слава Тебѣ Боже. Се трижды Слава Тебѣ Боже являетъ токмо Троицу, а единицу неидѣ же бо исповѣдуются Троица просто безъ единицы, разумѣется зло: зане вмѣнится сія Троица три бози, а не единъ Богъ... Идѣже Троица и единица, православное есть исповѣданіе; и идѣже Троица безъ единицы, многобожіе еллинское есть; и идѣже единица безъ Троицы, безбожіе іудейское и агарянское есть“.

Еретическое ученіе заключается по мнѣнію Діонисія и въ молитвѣ Иисусовой, какъ ее произносятъ приверженцы старинны. „Чесо ради, говорить онъ, упрямитесь вы и хотите токмо: Господи Иисусе Христе, Сыне Божій, глаголати, а: Господи Иисусе Христе, Боже нашъ, ниже слышати хотите? Неразумѣете окаянни, яко во аріеву ересь впадаете, зане Аріи Христа Сына Божія токмо глагола и исповѣда, таже и вы нынѣ... И како хотите вы токмо глаголати: Господи Иисусе Христе, Сыне Божій, а: Гос-

поди Иисусе Христе, Боже нашъ, отвращаетея и ниже слышати хошете? Извѣстно есть въ томъ, яко мудрствуете и вы яко Арій, и исповѣдаете и вы Христа токмо Сына Божія по благодати, а не Бога истинна по существу Отца⁴.

Одинаковое сложение перстовъ и въ крестномъ знаменіи и въ іерейскомъ благословеніи, принимаемое старообрядцами, тоже указываетъ по толкованію Діонисія на еретичество. „Еще и пна блдословите и глаголете, говоритъ Діонисій, зане подобаетъ якоже знаменуетея крестомъ кійждо, тѣми сложени перстовъ такожде и благословлятися самому себе комуждо. Обаче по вашему и свинопасомъ и всякому простому чловѣку и бабѣ благословляти подобно яко архіерею и іерею, и да неимѣють между собою ни одинаго разнства архіерей и іерей отъ людана и отъ свинопаса. Сіе есть явная ересь безглавныхъ, и люторская и калвинская, которые священства не имѣють, ниже почитаютъ“.

Но если старый русскій обрядъ несомнѣнно заключаетъ въ себѣ прямое еретическое ученіе, то понятно само собою, что этотъ еретическій обрядъ ни подъ какиѣмъ видомъ не можетъ быть болѣе терпимъ въ православной церкви, ни одинъ истинно православный христіанинъ ни подъ какиѣмъ видомъ не долженъ держаться его, особенно послѣ того, какъ заключающееся въ немъ еретическое ученіе уже было указано и обличено всенародно, и когда слѣдовательно уже никто не можетъ извинять себя невѣдѣніемъ. Теперь держащійся стараго обряда уже тѣмъ самымъ будетъ показывать, что онъ держится еретическаго ученія, и потому, какъ еретики, онъ неминуемо подлежитъ церковному отлученію наравнѣ со всѣми другими еретиками. Разяснивъ, что въ двуперстіи заключается „хула и ересь велія“, Діонисій говоритъ далѣе: „сего ради блюдитея ради любви Христовы отъ таковыя ереси и хулы, зане елико время невѣдѣніемъ согрѣшите, чающе тму свѣтъ и горкое сладко, имѣсте тогда негли меншій грѣхъ и меншій судъ отъ Бога. Но отнелѣже истязася сія вещь, и явися истина и извѣстися соборнѣ и всенароднѣ ко всѣмъ, сирѣчь и вселенскіе соборы о томъ быша... и подожшиа аваемомъ немудрствующихъ тако, яко мудрствуетъ святая, восточная и вселенская великая церковь православно, — вы, противляющіися нынѣ, грѣхъ велій согрѣшаете, и тяжкій судъ отъ Бога вамъ будетъ за непокорство и упрямство ваше, и яко еретики страшно истязани будете, и отъ лица Божія и вѣчнаго покоя лишени будете“. Указавъ еретическій смыслъ, заключающійся въ сугубой аллилуйи, Діонисій говоритъ затѣмъ: „сего ради неслитесе глаголюще дважды аллилуйа, не бо есть истинное мудрованіе, но погрѣшенное, зане елико время глаголасте сие невѣдѣніемъ, тогда бо имѣли и менше грѣхъ. А отнелѣже на-

родствовашеся вещь, сирѣчь, явися во всемъ народѣ и проповѣдася истинно, аще кто ради упрямства своего противляеся, таковий согрѣшаетъ тяжко и смертный грѣхъ согрѣшаетъ, зане падати будете во ересь безглавыхъ и упрямство есть диавольское, и кто стоитъ во упрямствѣ, той въ диавольской воли и власти обрѣтается, и той будетъ его преобрѣсти, яко истина еретика; зане упрямый человекъ есть сущий еретикъ, такови бо быша и древнии еретицы“.

Въ сочиненіи Діонисія наряду съ усиленными заявленіями и разъясненіями, что особенности русскаго обряда имѣютъ еретическое происхождение и еретическій смыслъ, встрѣчается и такое признаніе, что двуперстіе нѣкогда было въ употребленіи и въ православной греческой церкви и только впоследствии было отмѣнено въ ней. Противники Діонисія въ доказательство правильности двуперстія ссылались на свидѣтельство Петра Дамаскина, который говоритъ о двуперстномъ сложеніи. По этому поводу Діонисій вдаетъ въ очень любопытныя разсужденія историческаго характера, обнаруживающія въ немъ рѣдкую для того времени правильность пониманія вопроса о перстосложеніи въ крестномъ знаменіи. „Слышите о семъ, говоритъ Діонисій, и разумѣйте, едино убо: яко сего Петра Дамаскина книга нѣсть всѣмъ пріятна, ниже является въ мірѣ; второе же: яко Петръ токмо о двою перстахъ бесѣдуетъ, ради втораго и третьаго глаголетъ, яко знаменуютъ та два перста два естества Христова, но запрочіе три персты не мудрствуетъ, ниже глаголетъ что. И негли аще и въ каковыхъ странахъ тамошнихъ погрѣбствовали вишнихъ временѣхъ сіе сложеніе дву перста ради еретиковъ единовольниковъ, а послѣди преста, якоже и ина многа дѣла, яже первое быша повелѣно отъ святыхъ отецъ тако, а послѣди такожде святіи отцы повелѣша инако лучше. Пишетъ и святій Іоаннъ Златоустый въ бесѣдахъ на евангелиста Матѳея въ пятьдесятъ четвертомъ правоученіи о крестѣ, листъ 91, цѣну креста глаголя: ниже бо простѣ перстомъ начертати его подобаетъ, но первѣе произволеніемъ со многомъ вѣрою, аще и сице вообразиши его зрѣніе, никто же близъ тебе стати возможетъ отъ нечистыхъ духовъ. Се, яко по Златоусту, и единымъ перстомъ знаменовашася людие крестнымъ знаменіемъ нѣкогда, послѣди преста и то, якожь и многая правила обрѣтаются — въ помѣстныхъ соборахъ повелѣваютъ тако, а послѣди на вселенскихъ соборахъ повелѣша инако. Егда и въ томъ да речемъ, яко святіи отцы сопротивляются между собою? Небуди; токмо по потребѣ времени еще законоположиша Духомъ Святымъ, якожь и первое. Божественная литургія отъ святаго апостола Іакова, брата Божія, списася болше и ны чины имяще; послѣди Великій Василій сократи и чины украси; и цаки божественный Златоустъ еще сократи. Великій

Аеонасій пишеть въ правилахъ своихъ: мірскій священникъ аще пострижется монахомъ и потомъ будетъ служить литургію, да будетъ анаема; а нынѣ нетомо служить аки священники, но и архіереи бывають. И еда да речемъ и о семъ, яко противно сотворяють и пишутъ святіи отцы? Никако“.

Такимъ образомъ Діонисій доказываетъ, что во времена Златоуста крестное знаменіе дѣлали однимъ перстомъ, а потомъ по требованію времени „ради еретиковъ единовольниковъ“ стали употреблять двуперстіе, оставивъ старое одноперстіе, а послѣ, оставивъ двуперстіе, стали употреблять троеперстіе, по своему происхожденію тоже древнее перстосложеніе, употреблявшееся одновременно съ единоперстіемъ и двуперстіемъ, основывающееся на апостольскомъ преданіи, утвержденное святыми отцами и потому принятое въ употребленіе всею православною церковію. Мало того, но мнѣнію Діонисія въ предѣлахъ православной церкви одновременно могутъ существовать болѣе или менѣе значительныя различія въ церковныхъ чинахъ и обрядахъ, — православная церковь всегда допускала и допускаетъ эти различія, но только до тѣхъ поръ, пока онѣ не служатъ предметомъ споровъ и распрей, въ противномъ случаѣ въ видахъ прекращенія споровъ церковь устанавливаетъ какой-либо одинъ опредѣленный чинъ и обрядъ и уже настоятельно требуетъ отъ сыновъ своихъ твердо держаться ею установленнаго, отменяя все другое, хотя бы ранѣе тоже употреблявшееся въ православной церкви. Въ доказательство справедливости своего мнѣнія Діонисій приводитъ очень яркій и убѣдительный примѣръ. „Бѣ обычай и преданіе во святой церкви, рассказываетъ Діонисій, и служаху тремъ просфорами, и нынѣ четыреми, нынѣ пятими, нынѣ шестию и седмью просфорами; такожде и частицы святыхъ изимаша: иніи пятнадцать частиць, иніи дванадесять, иніи девять, иніи едину. Многое время сей чинъ и обычай бываше во святой церкви, якожь видится во святой горѣ Аеонствій писано во многихъ рукописныхъ древнихъ книгахъ, и не имѣяху въ томъ довремене ни единого зазрѣнія и соблазна. Посемъ отъ нѣкоего времени начиняху преніе творити и глаголати вѣждо: единъ, яко азъ службу лучше тремъ просфорами, во имя Святыя Троицы; иный, азъ добръ творю четырьми просфорами за четыри евангелисты, кін списаша святое Евангеліе и предаша сію тайну; иніи, мы съ нятію просфорами лучше ради пяти хлѣбовъ, еже благослови Христось и насыти пять тысяць; иніи папи похвалиша свой обычай за шесть и за седмь просфирь, вѣждо глаголаху оно, еже показаса имъ прилично. Такожде и о частицахъ: иніи дванадесять частиць, иніи девять похвалиша, иніи пятнадцать, иніи едину; и еляво не бѣ любопреніе въ церкви, быша вся добра и богоугодна. А когда начаша быти соблазны и любопре-

нія въ церкви, тогда и святіи отцы разсудиша и повелѣша быти всѣмъ во единомъ чинѣ и обычаи, яко да престануть любопренія и соблазны отъ невѣждъ и простыхъ чловѣкъ, и сице повелѣша и изобразиша, яко всѣмъ съ патию просфорама совершати божественную литургію ради пяти хлѣбъ, иже благослови Христось, якоже и на бдѣніи въ благословеніи хлѣбовъ бываеть. Аще ли Христось благослови иногда и седмь хлѣбовъ, но насытиса менше народа, токмо четыре тысячи, и ошашася и менше укрукоть, токмо седмь спирідъ, а пати хлѣбами пять тысящъ народа насытиса и ошашася укрукли болши 12 кошницъ полныхъ. Сего ради о семъ болшее чудодѣаніе предсудиса святіи отцы совершатиса божественной литургіи патию просфорама. Такожде повелѣша и о частицахъ токмо девять изимати ради девяти чиновъ небесныхъ силъ, по святому Діонисію Ареопагиту. Царскимъ путемъ ходиша святіи отцы во время подобающее, ниже долѣ ниже горѣ, токмо посредственно и царскимъ путемъ: въ просфорахъ ниже седмь, ниже шесть, ниже четыре, ниже три, но пати. Сице и въ частицахъ: ниже пятнадцать, ниже дванадцать, ниже едину, но девять, — сущее все Святый Духъ просвѣти имъ. Такожде и во знаменованіе образа честнаго креста знаменатиса трети первыми персты. Аще и быша вѣкогда и знаменовашася людіе единымъ перстомъ, по Златоустовѣ бесѣдѣ, или двумя персты, по Петру Дамаскину, но трети персты апостольское преданіе естъ написанное, яко свидѣтельствуеть божественный Василій Великій. Обаче святіи отцы сін утвердиша знаменатиса трети персты, якоже сие вѣщаніе добраго преданія изыде во всю вселенную, и вездѣ вси православніи христіане трети персты знаменуютъ себе образомъ честнаго креста“.

Къ сожалѣнію эта вполнѣ правильная точка зрѣнія Діонисія на происхожденіе обряда и его окончательное установленіе церковію, въ своемъ практическомъ примѣненіи способная успокоить все болѣе разгоравшіеся у насъ обрядовые споры, не была усвоена ни современниками, ни послѣдующими полемистами съ расколомъ, тѣмъ болѣе, что и самъ Діонисій, даже въ томъ же самомъ своемъ сочиненіи, не остался ей вѣренъ. Вмѣсто того, чтобы согласно съ своимъ общимъ взглядомъ на происхожденіе обряда, видѣть въ двуперстіи и другихъ особенностяхъ русскаго обряда и чина остатки древняго православнаго обряда и чина, вѣкогда существовавшего или во всей, или только въ какой-либо помѣстной православной церкви, но потомъ по обстоятельствамъ времени отмѣненнаго, онъ приписываетъ имъ вопреки себѣ еретическое происхожденіе и еретическій смыслъ. Увлеченіе полемикой очевидно закрыло предъ глазами Діонисія тотъ вѣрный путь для борьбы съ расколомъ, который онъ было указалъ съ такою замѣчательною вѣрностію.

Особая исключительная важность сочинения архимандрита Діонисія заключается въ томъ, что оно находилось подъ руками греческихъ отцовъ собора 1667 года, что на основаніи главнымъ образомъ этого сочиненія присутствовавшіе въ Москвѣ восточные патриархи составили себѣ представленіе о нашемъ старообрядствѣ, почему возрѣнія Діонисія не только отразились на общемъ характерѣ отношеній собора 1667 года къ русской церковной старинѣ, поскольку она разошлась съ тогдашнею греческою церковною практикою, но нѣкоторыя, и притомъ тѣ именно важныя соборныя постановленія, въ которыхъ выражено соборное пониманіе смысла старообрядства, представляютъ изъ себя простыя, только сокращенныя выписки изъ сочиненія Діонисія. Сличеніе соборныхъ постановленій съ сочиненіемъ Діонисія вполне подтверждаетъ нашу мысль.

Третья глава соборныхъ дѣяній 1667 года, содержащая въ себѣ „толкованіе о аллилуіи и о знаменіи честнаго и животворящаго креста, сирѣчь о сложеніи перстовъ, и заповѣдь о святомъ символѣ, и о Іисусовѣ молитвѣ и о прочихъ“, имѣла двѣ редакціи: одну обширнѣйшую черновую, но засвидѣтельствованную однако подписями присутствовавшихъ на соборѣ іерарховъ, и другую бѣловую, составившуюся изъ сокращенія первой и вошедшую въ этомъ видѣ въ *Книгу соборныхъ дѣяній*. Проф. Субботинъ въ своихъ „Матеріалахъ для исторіи раскола“ (т. II, стр. 264—279) напечаталъ принятый бѣловой или сокращенный текстъ третьей главы, но въ подстрочныхъ примѣчаніяхъ напечаталъ и всѣ тѣ мѣста, находившіяся въ первоначальномъ обширномъ черновомъ спискѣ, которыя потомъ въ немъ были зачеркнуты и не вошли въ списокъ бѣловой. Сличая обѣ редакціи третьей главы соборныхъ дѣяній, какъ онѣ напечатаны проф. Субботинимъ, съ разсматриваемою нами рукописью, мы находимъ, что первоначальный обширный черновой списокъ третьей главы соборныхъ дѣяній составленъ былъ главнымъ образомъ по сочиненію Діонисія, и представляетъ изъ себя въ большей своей части простое его сокращеніе, какъ бѣловой списокъ въ свою очередь представляетъ только сокращеніе черноваго, почему и бѣловая редакція третьей главы соборныхъ дѣяній есть только въ существѣ дѣла болѣе усиленное сокращеніе сочиненія Діонисія.

ТЕКСТЪ ТРЕТЬЕЙ ГЛАВЫ СОВОРНЫХЪ
ДѢЯНІЙ ПО ВЪЛОВОМУ СПИСКУ.

Святая Христова восточная и апостольская церковь, отъ святыхъ Апостоловъ и святыхъ богоносныхъ отцевъ, и вселен-

ТЕКСТЪ НАШЕЙ РУКОПИСИ.

Святая Христова восточная церковь, якоже рекохомъ, отъ святыхъ Апостоловъ и святыхъ богоносныхъ отцевъ седми свя-

скихъ учителей, пріять сію ангельскую пѣснь, сирѣчь: аллилуіа, въ божественномъ пѣніи во учиненныхъ мѣстѣхъ глаголати: аллилуіа, аллилуіа, аллилуіа, Слава Тебѣ Боже. Сиде трижды, якоже видится и писано во многихъ греческихъ и славяноросійскихъ древнихъ рукописныхъ харатейныхъ книгахъ. И то сіе являетъ и сіе разумѣтъ православно святая восточная и апостольская церковь: аллилуіа Отцу, аллилуіа Сыну, аллилуіа Святому Духу; тоже: Слава Тебѣ Боже, или: хвала Отцу, хвала Сыну, хвала Святому Духу. Глаголюще сиде аллилуіа трижды, таже: Слава Тебѣ Боже, являемъ и исповѣдуемъ, яко въ Троицѣ и во единицѣ Богъ, сирѣчь: трижды аллилуіа ради тріипостасія (исповѣданія), и еже приречемъ: Слава Тебѣ Боже, являемъ и исповѣдуемъ, яко Троица единъ Богъ, а не три бози, якоже поетъ святая церковь и Святой Боже, святой крѣпкій, святой безсмертный помилуй насъ: и въ сей ангельской пѣсни такожде разумѣемъ, якоже и ва аллилуіи, въ божествѣ Троицу и единицу: святой Боже—Отець, святой крѣпкій—Сынъ, святой безсмертный—Духъ Святой, таже: помилуй насъ, а не помилуйте насъ. Се, еже сотрисвятимъ, исповѣдуемъ въ трехъ впостаѣхъ быти Бога, и еже: помилуй насъ, едино божество: единъ бо Богъ Троица, а не три. И керувимская пѣснь: святъ, святъ, святъ Господь Саваоѣ, подобнѣ являетъ, якоже аллилуіа и Святой Боже: трижды

тхъ вселенскихъ соборовъ, и отъ прочихъ святыхъ вселенскихъ учитель, (пріа) сію аггельскую пѣснь, сирѣчь, аллилуіа глаголати трижды, сирѣчь: аллилуіа, аллилуіа, аллилуіа, таже: Слава Тебѣ Боже. Сиде трижды, якоже видится и писано во многихъ древнихъ рукописныхъ книгахъ греческихъ и славенскихъ. Сіе являетъ и сіе разумѣемъ православно: аллилуіа Отцу, аллилуіа Сыну, аллилуіа Святому Духу, таже: Слава Тебѣ Боже. Глаголюще сиде сіе аллилуіа трижды, являемъ и исповѣдуемъ, яко есть Троица Божество, сирѣчь, тріипостасно. И еже приречемъ: Слава Тебѣ Боже, являемъ и исповѣдуемъ, яко Троица единъ Богъ есть, а не три бози, якоже и егда паки поетъ святая церковь: Святой Боже, святой крѣпкій, святой безсмертный, помилуй насъ, и въ сей аггельской пѣсни такожде разумѣемъ, якоже и во аллилуіи, въ божествѣ Троицу и единицу: святой Боже—Отець, святой крѣпкій—Сынъ, святой безсмертный—Духъ Святой, таже: помилуй насъ, а не помилуйте насъ. Се, еже сотрисвятимъ исповѣдуемъ тріипостасное въ Божествѣ, и еже: помилуй насъ, едино божество: единъ бо Богъ Троица, а не три. Подобнѣ и керувимская пѣснь, еже поетъ церковь: святъ, святъ, святъ ради тріипостаснаго Божества, и: Господь Саваоѣ—ради соединенія, сирѣчь, за единицу Божества. Святъ Отець, святъ Сынъ, святъ Духъ святой, таже: Господь Саваоѣ,

святъ ради тріпостаснаго Божества, и: Господь Саваоѣъ — ради единого существа. Святъ Отець, святъ Сынъ, святъ Духъ Святый; таже: Господь Саваоѣъ, сирѣчь: Господь силъ, по Діонисію Ареопагиту. Се убо единъ Господь силъ, святая Троица, а не три Господы. Сице и во аллилуіи: трижды ради Троицы, и: слава тебѣ Боже—ради единицы: зане Богъ въ Троицѣ и во единицѣ славословится, и вѣруется, и исповѣдуются. Сице держитъ и мудрствуетъ святая восточная и апостольская церковь, якоже пріять свыше и значала, писанное и неписанное преданіе отъ святыхъ Апостоловъ, и отъ богоносныхъ отцевъ, и вселенскихъ соборовъ, прочихъ. А еже глаголють нѣдци аллилуіа дважды, таже: Слава Тебѣ Боже, никакого основанія въ томъ имѣють. Толкують убо, яко знаменуетъ аллилуіа: Слава тебѣ Боже, дважды аллилуіа, таже: Слава тебѣ Боже, являетъ по ихъ трижды Слава тебѣ Боже. Се трижды Слава Тебѣ Боже являетъ токмо Троицу, а единицу ни. Се убо погрѣшаютъ зѣло, зане невѣдѣніемъ исповѣдуютъ токмо Троицу просто, а единицу ни ¹⁵⁾.....

сирѣчь: Господь силъ, по Діонисію Ареопагиту. Се убо единъ Господь силъ, святая Троица, а не три Господы. Сице и во аллилуіи: трижды ради Троицы, и: Слава Тебѣ Боже, ради единицы, зане въ Троицѣ и во единицѣ Богъ славословится, и вѣруется, и исповѣдуются. Сице держитъ и мудрствуетъ святая восточная церковь, якоже пріять свыше и изначала писанная и неписанная преданія отъ святыхъ Апостоловъ, и святыхъ отецъ, и вселенскихъ седми соборовъ, и прочихъ. Но во еже глаголете вы суемудри аллилуіа дважды, таже: слава тебѣ Боже,—каково основаніе имѣете? Вы толкуете, яко знаменуетъ аллилуіа: Слава тебѣ Боже. Поставимъ и мы да речемъ, якоже глаголете и вы, яко знаменуетъ аллилуіа: слава тебѣ Боже; дважды аллилуіа, таже: Слава тебѣ Боже, являетъ по вашему трижды Слава тебѣ Боже. Се трижды слава тебѣ Боже, являетъ токмо Троицу, а единицу ни. Се убо погрѣшаете и исповѣдуете токмо Троицу просто, а единицу ни. *Идѣ же бо исповѣдуются Троица просто, безъ единицы, разумѣется зло: зане вмѣняется сія Троица три бози, а не единъ Богъ; не буди ередословіе. Но православное исповѣданіе есть сице: по Троицѣ да поспѣдуетъ и единица. Идѣ же Троица и единица: православное есть исповѣданіе; а идѣ же Троица безъ единицы:*

¹⁵⁾ Въ черновомъ спискѣ за сямъ слѣдовало: «идѣ же убо исповѣдуются Троица просто, безъ единицы, разумѣется зло: зане вмѣняется сія Троица три бози, а не единъ Богъ. Неправославное исповѣданіе есть сице (?); но Троицѣ да поспѣ-

Но святая восточная и апостольская церковь православно мудрствует и исповѣдуетъ въ Божествѣ Троицу и единицу. Сего ради и православно поеть, во учиненныхъ мѣствѣхъ, аллилуіа трижды ради Троицы, и Слава тебѣ Боже ради единицы. И: святыи Боже, святыи крѣпкѣи, святыи безсмертныи, помилуй насъ, и: Святыи, святыи, святыи Господь Саваоѣ—тоже трисвятое ради Троицы; помилуй насъ и: Господь Саваоѣ—ради единицы якоже выше рекохомъ. Се есть православное мудрованіе. А еже писана въ Евфросиновѣ Житіи, она вся суть суемудріе, и аще кто будетъ прочитати то Житіе по Бозѣ со вниманіемъ, разумѣти будетъ. И еже глаголють, яко о сей аллилуіа иде во Царьградъ и слыша отъ патріарха и въ соборной величѣи церкви глаголющія аллилуіа дважды, о томъ мнимъ, яко не иде въ Царьградъ: зане времена тогда не такова быша, владѣша бо тогда турки Болгаріею и Сербы, и всѣмъ западомъ до Дуная и до Чернаго моря, и ратоваша тогда на христіаны великими и лютыми ратми. Аще бо и иде во Царьградъ, якоже глаголють лѣтописцы, обрѣтается, яко не въ то время бѣ Іосифъ патріархъ и Евфросинъ преподобный, но въ различныхъ временахъ. И аще и приходилъ при Іосифѣ

многобожіе еллинское есть; идѣже единица безъ Троицы: безбожіе іудейское и агарянское есть. Но святая восточная церковь православно мудрствуетъ и исповѣдуетъ Троицу и единицу. Сего ради и православно поеть аллилуіа трижды ради Троицы, и Слава тебѣ Боже ради единицы. И святыи Боже и прочая такожде исповѣдуетъ. И святыи, святыи, святыи Господь Саваоѣ тоже знаменуетъ: трисвятое ради Троицы; помилуй насъ и: Господь Саваоѣ — ради единицы, якоже выше рекохомъ. Се есть православное мудрованіе. А что есть писано во Евфросиновѣ Житіи, она вся суть суемудріе, кто будетъ прочитати по Бозѣ со вниманіемъ, разумѣти будетъ. Аще Евфросинъ имѣяше каково недоумѣніе о аллилуіи, яко чelовѣкъ диавольскимъ искушеніемъ—не дивно. А что глаголють, яко о семъ иде во Царьградъ и слыша отъ патріарха и въ соборной величѣи церкви глаголющія аллилуіа дважды, о томъ мнимъ, яко не иде во Царьградъ, зане времена нетакова быша тогда, владѣша бо тогда турки Болгаріею и Сербы, и всѣмъ западомъ до Дуная и до Чернаго моря, и ратоваша турки тогда на христіаны великими и лютыми ратми. Но аще и иде во Царьградъ, во время оно бѣ Іосифъ патріархъ латиномудрый,

дуетъ и единица. Идѣже Троица и единица: православное исповѣданіе есть; а идѣже Троица безъ единицы: многобожіе еллинское есть; и идѣже единица безъ Троицы: безбожіе іудейское и агарянское есть». Все это мѣсто обчеркнуто и сбоку съдѣлана замѣтка для переписчика: *остави*. Въ нашей рукописи это мѣсто имѣется въ той же послѣдовательности и нами напечатано *курсивомъ*.

патріархъ, и тотъ бѣ латиному-
дрый, иже бѣ на осмомъ соборѣ
во Флоренціи. И пакы, единого
человѣка свидѣтельство непри-
емлется, по божественному пи-
санію, аще и ангелъ съ небесъ
будеть. И пакы, вѣще разумѣется
истина въ списателей видѣніи,
иже глаголетъ, яко видѣ Богоро-
дицу и Архангела, и бесѣдова
съ нимъ о аллилуіи, и негли яко
рече ему Богородица таковая
словеса и толкованія о аллилуіи,
яже ниже слышати кому подо-
баеть таковая хула, и тамо бу-
детъ ужасатися читатель безу-
міа списателя Евфросинова
Житія. И сіе смущеніе, еже гла-
голати аллилуію дважды, таже:
Слава Тебѣ Боже, не отъ Евфро-
сина стало, но отъ списателя
Евфросинова Житія дьяволь-
скимъ навѣтомъ. А Евфросинъ
въ послѣднемъ поученіи своемъ
при смерти, якоже слышахомъ
и разумѣхомъ, о аллилуіи ниче-
соже завѣща братіи монастыря
своего, ниже писа что о томъ
въ testamentѣ своемъ, токмо
солгано на преподобнаго Евфро-
сина отъ списателя Житія его.
А еже глаголють на преподоб-
наго Максима-грека, яко и онъ
мудрствоваше дважды глаголати
аллилуіа, и приводятъ во свидѣ-
тельство святаго Игнатія Бого-
носца, яко отъ ангеловъ слыша
пѣти дважды аллилуіа, и въ
томъ глутъ на святаго Игнатія
и на Максима-грека: зане свято-
му Игнатію явишася ангели
о божественномъ псалмопѣніи,
спрѣчь о антифонѣхъ, а не ал-
лилуіи. И въ семъ несогласуется
самое писаніе, еже называютъ

который бѣ на осмомъ соборѣ
во Флоренціи. И пакы: единого
человѣка свидѣтельство не при-
емлется, по божественному пи-
санію, аще и ангелъ небесный
будеть. И вѣще разумѣется
истина въ списателей видѣніи,
иже глаголетъ, яко Богородица
рече ему таковая словеса, яже
подобаетъ ниже слышати кому.
Тамо бо списатель Евфросинова
Житія пишетъ отъ соннаго
трезу, или отъ вѣтра главы
своея нѣкоторая толкованія не
потребная на аллилуію... Токмо
сія смущенія, яже хоцуть нѣци
глаголати аллилуіа дважды, таже:
Слава Тебѣ Боже, отъ списа-
теля Житія Евфросинова начася
дьявольскимъ навѣтомъ. А Евфро-
синъ въ послѣднемъ поученіи
своёмъ при смерти о аллилуіи
ничего не приказа братіи въ
testamentѣ своемъ... А еже
глаголють на Максима-грека,
что и онъ мудрствоваша аллилуіа
дважды глаголати, и приводятъ
восвидѣтельство святаго Игна-
тія Богоносца, яко отъ ангеловъ
слыша пѣти сице: аллилуіа
дважды, и въ томъ глутъ на
святаго Игнатія и Максима-гре-
ка: зане святому Игнатію яви-
шася ангели о божественномъ
псалмопѣніи, спрѣчь о антифо-
нѣхъ, а не аллилуіи. И въ семъ
несогласуется самое писаніе, кія
называютъ Максимово, и о томъ
разумѣется подлинно, что то
сложеніе слова не Максимово
есть, токмо лгаша нѣци на его
имя.

Максимово, и въ томъ разумѣется подлинно, яко то сложеніе слова не Максимово есть, токмо лгаша нѣщии суемудриі на его имя: *ибо Максимъ премудръ бже и не могъ бы сиче противныяъ писати* ¹⁶⁾.

О ЗНАМЕНІИ ЧЕСТНАГО КРЕСТА, СИРѢЧЬ О СЛОВЕНІИ ПЕРСТОВЪ.

Такожде и знаменіе честнаго, и животворящаго креста отъ святыхъ славныхъ и всехвальныхъ Апостоловъ и отъ святаго священномученика Игнатія Богоносца, третіаго патріарха антиохійскаго и наслѣдника святыхъ Апостоловъ, и отъ вселенскихъ учителей выше изначала пріяхомъ православно знаменати себе знаменіемъ честнаго креста тремя первыми персты десныя руки, совокупивше я во имя Отца и Сына и Святаго Духа, неписаннымъ преданіемъ, якоже свидѣтельствуеть и святой Василій Великій въ словѣ 27-мъ, иже ко святому Амфилохію епископу иконійскому. Обаче егда согбаемъ и совокупаемъ три первыя персты десныя руки, знаменуемъ, яко вѣруемъ и исповѣдуемъ въ Божествѣ Троицу и единицу: сирѣчь, яко святая Троица единъ Богъ есть тріупостасный и единосущный ¹⁷⁾. . .

... А мы Божією благодатією православно творимъ знаменіе честнаго креста на лицѣ и на тѣлѣ нашемъ тремя первыми персты десныя руки, якоже пріяхомъ отъ святыхъ Апостолъ, и отъ святыхъ богоносныхъ отецъ и вселенскихъ учителей: во имя Отца и Сына и Святаго Духа, неписаннымъ преданіемъ, якоже свидѣтельствуеть и святой Василій Великій, иже ко святому Амфилохію епископу иконійскому слово 27, и въ Кормчей печатной, листъ 259, и въ правилахъ Матѣевскихъ. Егда согбаемъ три первыя персты десныя руки, знаменуемъ, яко вѣруемъ и исповѣдуемъ во святой Троицѣ едино Божество и едино существо, сирѣчь единъ Богъ тріупостасный и единосущный, *якоже сіи трие первии персты десныя руки имють токмо именованіе: первый, второй и третій; а который есть*

¹⁶⁾ Послѣднія слова приписаны въ бѣловомъ спискѣ уже послѣ, киноварью, и потому ихъ нѣтъ ни въ черновомъ спискѣ, ни въ нашей рукописи.

¹⁷⁾ Въ черновомъ спискѣ далѣе читалось: «яко же сіи трие персты десныя руки имють токмо именованіе: первый, и второй и третій; а который есть больший, или меньшій, невозможно слыхати». Въ нашей рукописи см. *курсивъ*.

С Л О В О

ВЪ ДЕНЬ ТОРЖЕСТВЕННОГО ПРАЗДНОВАНІЯ ПАМЯТИ ВОЗСОЕДИНЕНІЯ УНІАТОВЪ СЪ ПРАВОСЛАВНОЮ ЦЕРКОВЬЮ.

Сей день, его же сотвори Господь, возрадуемся и возвеселимся въ оны (Пс. 117. 24).

Что же это за день, въ который мы, православные, призываемся къ особенной духовной радости и торжеству? Въ память какого событія оны установленъ нашею церковью? Какія чувства и мысли и какое направленіе нашей воли и нашему самосознанію мы почерпаемъ, проникаясь величіемъ торжества и вспоминая—то времена и событія, предшествовавшія и приготовившія это торжество, то—цѣлый рядъ дѣяній добра и правды, послѣдовавшихъ за этимъ торжествомъ.

Не обинуясь скажемъ, что между нами, православными, есть такіе, которые не понимаютъ какъ слѣдуетъ значенія настоящаго торжества, для которыхъ послѣднее представляется какимъ то новшествомъ и которые поэтому или предпочитаютъ въ этотъ день сидѣть дома или же, что еще хуже, идутъ на праздники недоброжелателей нашей вѣры, освобожденіе отъ духовнаго гнета которыхъ служить нынѣ предметомъ нашей молитвенной памяти. Между тѣмъ настоящій день есть исключительное ширшество вѣры—есть торжество соединенія уніатской церкви съ православно-каатолическою восточною церковью,—есть торжество союза любви между братьями, бывшими въ разлукѣ между собою

въ теченіи 243 лѣтъ, есть торжество вселенской истины надъ ложью и заблужденіемъ, православія надъ инославіемъ, — есть наконецъ торжество правды и терпѣнія надъ смутой и беззаконіемъ. Какъ же намъ не радоваться и не веселиться въ этотъ день? И не только намъ мѣстнымъ уроженцамъ, но и всѣмъ православнымъ, для которыхъ дороги интересы вѣры и церкви, ея успѣхи, ея благо?

Воссоединеніе униатовъ съ православною церковью, совершившееся въ 1839 г., безспорно есть событіе величайшее въ исторіи вселенской церкви въ послѣднее время. Но это событіе не церковное только, но и гражданское, государственное: это событіе укрѣпило на вѣчныя времена западно-русскій край за Россіей, оно дало Россіи болѣе чѣмъ въ полуторамилліонной массѣ народа вмѣсто прежнихъ враговъ православной церкви и Россіи, вмѣсто сторонниковъ латинства и пособниковъ Польши, вѣрныхъ друзей и сыновъ св. церкви и Россіи; это событіе нанесло сильнѣйшій ударъ усиліямъ превратить искони русскій край въ латино-польскій и въ морѣ подкосило польскую смуту. Чѣмъ дальше идетъ время, тѣмъ сильнѣе и виднѣе будетъ въ своемъ благодатномъ, сѣднѣи это событіе.

Въ нашей странѣ отъ лѣтъ древнихъ дѣйствуютъ два вѣры, два просвѣтительныхъ начала — православное вѣроисповѣданіе, болѣе древнее и народное, и латинское — пришлое, но сильное внѣшней поддержкой. Первое тяготѣло постоянно къ Востоку и Россіи, составляя съ ними одно нераздѣльное цѣлое, а послѣднее къ Западу и Польшѣ. Уже на зарѣ нашей исторіи примѣтны слѣды борьбы этихъ двухъ началъ и двухъ тяготѣній. Но пока между восточною и западною Россіею не была проведена строгая политическая и церковная градъ, пока во главѣ нашего края не стали представители латинства, до тѣхъ поръ всѣ успѣха подчинить русскій православный народъ съ его вѣрою и церковью пацѣ были тщетны. Но съ переменною внѣшнихъ обстоятельствъ перемѣнилось и внѣшнее положеніе православной здѣсь церкви. Были допущены всѣ средства, чтобы поколебать связь вѣры и церкви съ единою вселенскою и апостольскою церковью, чтобы убить всѣ слѣды русской церковной и гражданской жизни въ здѣшнемъ русскомъ народѣ и уничтожить въ немъ память о его единствѣ съ народомъ восточной Россіи.

Но прекаброеалась и угнетеннѣйшимъ несправедливости, такая темная масса выдвигаетъ надобу и неслыхать. Даже сама религия не была на службу человеческимъ страданіямъ. Та безправотвеннѣйшая масса та безобразная помѣсь католическаго изобрѣтенія, та истинно грѣшная, нечестивая, извращенная вострашенно: была явилась, и притомъ и православію на которое отъ такихъ нечестивыхъ нечестивыхъ господъ спускало въ западной Руси, въ теченіи болѣе двухъ столѣтій; — и ушла, однимъ словомъ довершила то, что нечестивѣйшіе называли труднымъ и даже невозможнымъ; но въ ея истиннѣйшемъ основаніи душа, адинадо, русскаго и православнаго человека, его нравы, бытовые условія жизни, религиозныя вѣрованія и общественныя стремленія получали прекрасное и справедливое съ исторіею, латинства, и польской цивилизаціи; явилась несправедливо и даже нечестиво въ своемъ братствѣ; поеликь соединялись съ нимъ умомъ, верою, языкомъ, и вѣрой. За истиннѣйшимъ связанной и служило до того ходитъ. Вотъ у насъ въ Вильнѣ, что осталось въ православіи: ко времени возведенія униатской отъ тѣхъ славянъ, 20 православныхъ краденовъ, концы нѣкогда православныя наши города? — (Дидь Св. Духовъ, инакше; отъ десятилетія тѣмъ православными, бывшихъ вѣдь въ оми времена, въ униатскому времени ево, насчитывалось 20 человекъ; Гдѣ наши князья, князьские роды, болѣе и т. п. соловые люди инакше кокъ тамъ тѣмъ связаны съ исторіею нашихъ церквей (монастырей, братствъ, странническихъ домовъ и) богачей? — Ихъ увлекли отрасти и невогды униатъ отрастисвой церквей въ область дѣтства, на службу дѣла и Польши. Гдѣ наши «мѣстичи» и горожане, которые оказывали отрастисвой истиннѣйшей поддержке, движению церквей и духовенства? Униатарево явилась въ костель и помогла приращить къ нему; а что инакше случается, что отрастисвой равнодушіемъ въ вѣрѣ и тѣмъ породами, о, какъ, со, слезами писалъ некогда извѣстнѣйшій, россійскій князь Курбскій. Рознь въ область вѣры отрастисвой ма сердце и, чувстввахъ людей, и та, правда, которая инакше нечестивѣйшимъ удращеніе православной церкви и русскаго народа, забываетъ братство, не ходятъ заглянуть въ исторію своего происхожденія; и провѣрить историческую правду. Но какъ ни тяжело по воспоминаніямъ это, мрачное прошлое — угнетеніемъ, братствѣ, тѣмъ, и въ тѣ смутныя времена были ядромъ, инакше и, преданіемъ

церкви и народу люди, свѣтлый умъ которыхъ возражала свой мощный голосъ противъ джи и унада духа единовѣрныхъ свѣихъ братьевъ, которые твердо ожидали, что промисль Божій, дѣйствующій во времени, разрешитъ недоумѣнія, что изобрѣтеніе человѣческое, какъ бы ни прикрывалось личиною божественнаго происхожденія, не можетъ устоять долго въ своемъ ничтожномъ достоинствѣ и должно исчезнуть. Эти чаянія сбылись и споро совершился пятидесятилѣтіе, когда на соборѣ въ г. Полоцкѣ положено прочное основаніе всеобединенія униатовъ съ восточною вселенскою церковью, когда ужасная картина прежнихъ раздоровъ и бѣдотвій замѣнилась торжествомъ возобновленной любви, полного единенія въ вѣрѣ между двухъ, бывшихъ въ отчужденіи, великихъ семействъ, единоутробныхъ дѣтей нашего истиннаго и великаго отечества—Россіи. Помстивъ отъ Господа быть сіе! Онъ расположилъ и направилъ сердца людей и возвратилъ ихъ на лоно св. церкви въ количествѣ болѣе полутора милліоновъ. Если такое великое число людей и въ самое короткое время возвратилось къ церкви безъ чудесъ, то самое возвращеніе ихъ есть чудо. Если побѣждены тысячи тысячъ и побѣждены не оружіемъ брани, ибо сердца не побѣждаются этимъ, то эта побѣда есть чудо: эта побѣда славнѣе всѣхъ побѣдъ въ мірѣ и ее должно приписать лишь Одному Богу. Онъ Премудрый, предопредѣливъ 1839 г. для нашего примиренія, послалъ дѣятелей по мысли Своей и чрезъ нихъ *всѣ, елика восхотѣ, сотвори* для общаго блага. Какъ же намъ не возблагодарить Господа, даровавшаго намъ такую побѣду, славную для св. восточной церкви, благотворную и незабвенную для отечества! Какъ же намъ не радоваться въ сей день мира въ чувствѣ благоговѣнія предъ всемогуществомъ Миротворца!

Такое событіе, въ быстромъ и счастливомъ совершеніи котораго такъ ясно видѣть персть Божій, не могло пройти безслѣдно въ церковной жизни, а потому въ 1840 году 17 мая „Святѣйшій Синодъ, благоговѣнно вспоминая ниспосланную въ прошломъ (1839) году отъ всещедрого Бога св. православной церкви милость возвращеніемъ ей многочисленной паствы, носившей подъ иневѣрною властію имя униатовъ, призналъ достойнымъ въ западныхъ епархіяхъ, гдѣ это возвращеніе совершилось, ознаменовать воспоминаніе его принесеніемъ торже-

отъяснаго благодарственнаго Господу: Богу милободивіа, 18-го іюня, съ водосвѣщеніемъ, крестнымъ ходомъ вокругъ царя и великоимья званіемъ". Такое разрѣшеніе Св. Синода встрѣтило на западно-русскомъ крайъ теплее сочувствіе: въ 9-мѣ четвергъ послѣ немнѣ на многихъ церквахъ совершилось установленное богослуженіе съ торжественнымъ крестнымъ ходомъ; а граждане г. Витебскъ обратились къ высшей власти съ просьбою объ установленіи въ Витебскѣ въ память воссоудиненія уніатовъ съ православною церковью торжественнаго крестнаго хода навсегда, въ тотъ же день послѣ Пятидесятницы, въ память оное совершилось тамъ въ первый разъ въ 1840-г. Блаженной памяти благочестивѣйшій государь императоръ Николай I, тамъ горячо принимавшій къ сердцу дѣло православія въ здѣшней странѣ, высочайше повелѣлъ сензовольно; въ ознаменованіе достопамятнаго событія водосвѣщенія уніатовъ съ православною церковью установить не только въ Витебскѣ, но и въ др. мѣстахъ торжественный крестный ходъ въ тотъ день, послѣ Пятидесятницы, въ какой совершилось въ первый разъ крестное ходженіе по всему водосвѣщенному для православія событію *. Такимъ образомъ 9-мѣ четвергъ послѣ праздника Пасхи сталъ днемъ праздничнымъ, днемъ народнымъ, въ который и чувствдо въры и долгъ гражданнаго привязанія каждаго сына царя и Россіи восдвигать молитвенной памяти о совершившемся.

Но радуясь и торжествуя въ сей день союзъ вѣры и любви, мы не должны думать, что опасность отъ него далеко отъ насъ, что дѣло наше сдѣлано, кончено, что стѣтъ союзъ свободенъ отъ посягательства на его цѣлость и прочность, что юная воссоудиненная православная церковь въ нашѣмъ крайъ чужда вражескихъ козней и стремленій. Врагъ есть, врагъ неоконный и неизвѣ болѣе опасный тѣмъ, что дѣйствуетъ не видными средствами,

* Въ Вильнѣ настоящій праздникъ совершился въ 1841 г. съ покорѣннмъ великоимьемъ. Крестный ходъ со всѣмъ наличнымъ въ Вильнѣ духовенствомъ, въ сопровожденіи военнаго генералъ-губернатора, всего генералитета, войска и многочисленнаго народа безъ различія исповѣданій, начался изъ дворцовой церкви до Ов.-Духова монастыря въ самомъ стройномъ порядкѣ, съ совершеніемъ на пути краткихъ литій, съ крестнымъ осѣщеніемъ и окропленіемъ св. водои на всѣ четыре стороны.

а нравственныя вышнѣе по преимуществу, подчасъ и прелесть, — это деловитая въ обществѣ патентованная. По слову одного нашего писателя, — это место нравственнаго силія, которое или не управляетъ или расширяетъ; это идея генералпроектнаго учрежденія, — она, эта сила, какъ торжній востокъ, проникновеній въ самые сокровенные жиламыя пороки, вѣловъ чашки, тѣла, обхватываетъ собою страны, простирая вѣдуть; душу и сердце человека, а простирая своины, почти неуклонныя дѣла, опредѣленія и коридоры жѣвъ ево и предостереженія, вѣдизнѣния по средству его убѣжденія; вторгнись въ самую рубѣ, въ самую бытъ народный. Вотъ эта сила, съ которою: вѣръ и вѣрно вѣдѣсь.

А если таковъ нравственный обликъ нашего врага, то надо отъ насъ того, чтобы только считаться и маваться оннами православной церкви и нашего отечества. Требуется дѣятельность энергическая, неустанная; и прежде всего направлена къ тому, чтобы *достойно водить съ томъ званіи; въ некоторомъ иривѣаніи* (Воео. IV. 1). А наше призваніе прежде всего христіанское. Мы должны понять, что призваны во Христа и данны обѣщанъ во Христа; т. е. обязываемся вѣрно соблюдать въ жизни Христовъ законъ, безпримѣрныиъ неопамѣтлемъ и боже! Оувъ Оамъ бытъ. Усволя богопреданное ученіе по рабству православной церкви и изучая события своей церкви, мы найдемъ въ нихъ источникъ истины и свѣта для нашего ума, ирѣность и ѣтны дѣя оели и цшу дѣя чувства. Стѣя: умо: асферукіи: члѣотн и лѣтны; мы и сами не сойдѣна въ ирѣаного шудъ и рѣнѣемъ на себѣоу другія. Снѣтъги вортѣ сойтѣ ирѣна ево: благодатное сіаніе оотно идуъ сабууднѣ. — Это же: званіе: христіанское обязываетъ насъ простирается дуомъ христіанстве: терпѣнкіа: а: шоби: а: ближнему; уваженіе которой: члѣотн: христіаннѣ, дѣна: бѣтѣ: бѣнѣтѣ: ирѣанѣтѣ: къ: своей: вѣрѣ: и: лѣтнкіа: и: лѣтнкіа: своимъ единовѣрцамъ и единоплеменникамъ, но не презираетъ, а даже уважаетъ достойныя того лица и другихъ вѣроисповѣданій и націй.

Сынамъ православной церкви, обладающимъ такими качествами и преимуществами своего званія, не страшень упомянутый врагъ. Онъ страшень тѣмъ, кои или мало знаютъ свою вѣру или знаютъ ее въ видѣ сухихъ общихъ положеній, а не какъ живую

жизни, проникающую все существо человека, или наконецъ, вся безразлично относятся къ своей вѣрѣ и отсюда страдаютъ полныя разслабленіемъ духовныхъ своихъ силъ.

Вѣдъмы мы должны помнить свое народное званіе, то, что мы русскіе и призваны всѣми силами своей души и обязанности не только точнымъ исполненіемъ закона, предначертаній и воли своего Государя содѣйствовать славы и могуществу своего Отечества, разоблаченію, отстраненію и уничтоженію всего, что во вредъ ему дѣйствуетъ, но и внесенію въ здѣшнюю русскую жизнь лучшихъ качествъ русской души: беззаветную преданность церкви и ея уставамъ, любовь къ государю, привязанность къ родинѣ, почитаніе и уваженіе власти, приведеніе въ народную жизнь лучшихъ сторонъ народного характера, нравовъ и обычаевъ, подъ влияніемъ которыхъ воскреснуть здѣсь народныя преданія о племенномъ родствѣ съ многомилліоннымъ русскимъ народомъ. Нужно помнить, что любимый нами покой, ради котораго нерѣдко бываетъ уклоненіе отъ прямого долга, или же исполненіе его формальное въ той мысли, что все обстоятъ благополучно, даетъ оружіе въ руки нашихъ недоброжелателей.

Но какъ всякая дѣятельность получаетъ свою силу и отражается благотворными послѣдствіями только тогда, когда она поддерживается и развивается во взаимообщеніи самихъ дѣятелей,—то отъ всѣхъ насъ требуется *единеніе духа въ союзъ мира*. Рознь, недовѣріе другъ къ другу, полупрезрительное отношеніе, вражда и неприязнь—производятъ разъединеніе вмѣсто соединенія, разрушеніе вмѣсто созиданія. Правда, нужно умѣнье сохранять единодушіе при разнохарактерности лицъ, а особенно при разновѣрїи; но тѣмъ не менѣе оно должно быть нашею насущною потребностію. Наше единеніе духа должно основываться на христіанскомъ чувствѣ взаимнаго братства, на свѣтломъ сознаніи, что всѣ мы братья по плоти и крови, братья І. Христа, дѣти одного Отца Небеснаго. Только такое сближеніе и единеніе можетъ быть плодотворно и успѣшно въ борьбѣ съ нашимъ противникомъ.

Пусть же каждый разъ настоящій праздникъ нашъ будетъ зовомъ къ намъ стоять на стражѣ своего служенія въ чистотѣ

христіанской истины и святости побужденій къ дѣятельности. Пусть радость наша служить каждый разъ къ укрѣпленію насъ въ вѣрѣ и послушаніи св. церкви, къ напомниманію о томъ, какъ опасно уклоненіе отъ истины вселенской церкви, какъ оно ведетъ къ потерѣ народнаго самосознанія, къ розни и гибели. *Помянухъ дни древніе и научихся, говоритъ псалмопѣвецъ. И намъ подобное настоящему воспоминаніе о давноминувшихъ временахъ, дѣлахъ людскихъ и участіи промысла Божія въ этихъ дѣлахъ поучительно и спасительно. Аминь.*

Прот. І. Котовичъ.

АПОЛОГЕТИЧЕСКІЯ ИЗСЛѢДОВАНІЯ*.

**О данныхъ геологіи, требующихъ признанія
временнаго начала нашей планеты.**

Общій взглядъ на образованіе земной коры.—Осадочныя формации или слоистыя каменныя породы.—Возникновеніе ихъ во времени и періоды ихъ образованія.—Синклатныя каменныя породы.—Возникновеніе ихъ во времени.—Нептунистическая теорія образованія сливчатныхъ породъ.—Мнѣніе о вѣчномъ круговоротѣ въ кодѣ развитія земнаго шара.—Разборъ этого мнѣнія.—Необходимость признанія временнаго начала земной коры.—Разборъ мнѣнія о безвѣчности развѣтвія матеріальнаго міра.—Заключительныя соображенія касательно мнѣнія о вѣчномъ существованіи земли въ теперешнемъ ея состояніи.

Въ предшествующей главѣ, при перечисленіи стадій развитія небесныхъ тѣлъ, по Канто-Лапласовой теоріи, было сказано, что третью изъ этихъ стадій составляетъ періодъ образованія шлаковъ, во время котораго, вслѣдствіе продолжавшагося охлажденія планетной массы, стала формироваться твердая, не охлаждающаяся ея поверхность. Трудно-плавыя химическія соединенія, каковы напр. кремнекислая глинистая земля, сландцевая слюда и многія другія, начали постепенно кристаллизоваться и осаждаться на поверхности массы. Такимъ образомъ образовалась тонкая кора, которая стала все болѣе и болѣе утолщаться, потому что непосредственное вліяніе внутреннего жара было задерживаемо ею, отчего парообразныя соединенія, облежавшія планету въ видѣ необъятной атмосферы, начали въ жидкомъ видѣ

* См. февр., март., апр. и іюльск. кн. «Прав. Обзор.» за текущій годъ.

падать на нее. Земная кора, твердая, сжималась, вслѣдствіе чего, а также отъ внутренняго жара, получала во многихъ мѣстахъ трещины, въ которыя проникала вода, образовавшаяся изъ паровъ, упавшихъ на землю въ жидкомъ видѣ. То потрясаемая снизу внезапными толчками, то непрерывно и потому незамѣтно приподнимаемая, земная кора съ теченіемъ времени измѣнилась въ отношеніи высоты своихъ твердыхъ частей къ поверхности моря; равнымъ образомъ измѣнялось и устройство морскаго дна. Въѣтъ съ тѣмъ въ ней образовывались временныя для постоянныя отверстія, черезъ которыя выходили и по мѣстамъ еще теперь выходятъ наружу массы расплавленныхъ веществъ. Выбрасываемыя изъ неизвѣданныхъ нѣдръ земли, эти массы текутъ вдоль горныхъ скатовъ, пока не изсякнетъ ихъ огненно-жидкій источникъ. Тогда лава отвердѣваетъ подъ образовавшеюся изъ нея же самой корою. Такъ образуются новыя каменные массы; между тѣмъ какъ болѣе древнія каменные породы, подъ вліяніемъ дѣйствія плутологическихъ силъ или отъ соприкосновенія съ новыми каменными образованіями, превращаются въ другія породы. Дѣйствіе воды обуславливаетъ явленія иного рода: отвердѣніе растительныхъ и животныхъ остатковъ, окаменѣніе песчаныхъ, известковыхъ и глинистыхъ осадковъ и конгломераты мелко растертыхъ каменныхъ порошковъ, покрытые пластами изъ кремнезѣмъ-панцирныхъ плесеворій и наносной земли, заключающей въ себѣ окаменѣлости первобытныхъ животныхъ. Наблюденіе различныхъ видоизмѣненій, происходящихъ теперь въ составѣ и устройствѣ земной коры, изученіе разнообразно расположенныхъ, то согнутыхъ и поднятыхъ, то опрокинутыхъ или разорванныхъ ея слоевъ, ведутъ посредствомъ самыхъ простыхъ аналогій къ сравненію настоящаго ея состоянія съ періодами давно протекшими. Этимъ путемъ мыслящій наблюдатель проникаетъ въ исполненную живѣншаго интереса и доставляющую данныя для чрезвычайно важныхъ заключеній область геологій⁽⁴⁰⁾.

Изъ каменныхъ породъ, составляющихъ земную кору, мы прежде всего обратимъ вниманіе на *слоистыя образованія*, которыя расположены въ известномъ порядкѣ и состоятъ изъ раз-

⁽⁴⁰⁾ Гумбольдтъ. Космосъ. Опытъ физическаго міроописанія. Пер. Н. Фролова. Часть I, стр. 111.

лечныхъ, лежащихъ одинъ надъ другимъ, пластовъ. По роду ихъ происхожденія, ихъ называютъ *осадочными* горными породами. Отъ нихъ отличаются *неслоистая кристаллически-слоистыя* *магматическія породы*, назови напр. гранитъ, порфиръ, сіенитъ и др. Осадочныя горныя породы имѣютъ поразительное сходство съ образованиями, о которыхъ положительно извѣстно, что они возникли подъ водою путемъ слоистаго отложенія растворенныхъ или плавающихъ въ ней веществъ. Изъ такихъ осадочныхъ формаций принадлежатъ въ особенности песчанникъ и глинистый сланецъ, образования которыхъ еще теперь можно наблюдать. Главные процессы, зависящіе на это образование, суть выветриваніе, раствореніе, выдѣленіе осадковъ. Составъ слоистыхъ породъ и ихъ издѣленіе въ нихъ рваности и др. ориентальныя особенности свидѣтельствуютъ о томъ, что они образовались подъ водою. Изъ осадочныхъ породъ принадлежатъ древнѣйшія коралловыя образования, известковыя формации, состояющія изъ бывшаго частью протуха: отвердѣнія животныхъ организмовъ, частицы иуди: бурый уголь, или лигнитъ, каменный уголь и антрацитъ. Эти породы образовались, или обильно дуралтъ, въ горячихъ болотахъ и въ болотистыхъ степныхъ моряхъ и другихъ растеній. Если тщательно вѣрять: все, что теперь положительно извѣстно объ осадочныхъ образованияхъ и причисляемыхъ въ нихъ породахъ, то неизбѣжно получается заключеніе, что все эти формации, отъ самаго верха аллювія¹⁴¹⁾ до самыхъ низшихъ силурийскихъ слоевъ, возникли во времени и постепенно достигли настоящаго своего состоянія, такъ что въ этомъ отношеніи нѣтъ различія для стадій образования: время осадковъ, или первоначальнаго отложенія, и время отвердѣнія или иного рода преобразованія. Такъ какъ образование осадочныхъ породъ негдѣ происходить только всеобидательно, путемъ отложенія составныхъ ихъ частей на готовой уже почвѣ, то въ ряду различныхъ, одинъ надъ другимъ лежащихъ пластовъ, нижніе, очевидно, должны быть вообще древнѣе верхнихъ. Поэтому, та формация или серия пластовъ, которая лежитъ надъ какою-либо другою. Большею частью бы-

¹⁴¹⁾ Аллювій (alluvium)—послѣпотопный наносъ. Отъ него отличается дѣловій (diluvium), или ледовый наносъ.

ваетъ позднѣйшаго происхожденія въ сравненіи съ своею почвой. Въ отношеніи временной послѣдовательности осадочныхъ формаций нужно отличать четыре періода образованія: первичный, вторичный, третичный и четвертичный. *Первичный періодъ* обнимаетъ собою различныя кристаллическіе сланцы, которые обыкновенно считаютъ метаморфенными (преобразованными) продуктами нѣкоторыхъ осадочныхъ формаций, дагге группу сѣрой вапки, такъ называемый переходный известнякъ, угольный песчаникъ и каменный уголь. Главную составную часть въ группѣ сѣрой вапки представляетъ твердый сѣрый песчаникъ, болѣею частью въ соединеніи съ массой глинистаго сланца, сильно распространенный въ Европѣ и другихъ частяхъ свѣта и часто находящійся въ огромныхъ массахъ. Верхнюю или позднѣйшую сѣрую вапку, по англійскому графству Девонширъ (Devonshire), называютъ обыкновенно девонской формацией, а нижнюю вапку — силурійской, по одной англійской мѣстности, гдѣ прежде жили Сидурь. *Вторичный періодъ* обнимаетъ собою главныя образы триасовую, горючую и мѣловую группы. Триасовая группа содержитъ въ себѣ формацию краснаго песчаника, раковинный известнякъ и кейперовую (или пеструю мергелевую) формацию. Вообще нѣкоторые песчаники, известнякъ и глина суть преобладающія составныя части вторичныхъ формаций, которыя также носятъ названіе слезцовыхъ горныхъ породъ. Въ образованіяхъ *третичнаго періода* причисляются въ особенности молассы, которые раздѣляются на нѣсколько видовъ. Обыкновенно подъ этимъ названіемъ разумются болѣе или менѣе твердые песчаники, состоящіе изъ зернистаго кварца, кремнистаго сланца и различныхъ другихъ минераловъ. Въ средней части Европы верхніе слои третичныхъ формаций состоятъ въ особенности изъ песка, колчедана, мергеля (съ окаменѣlostями прѣсной воды) и бурого угля, средніе — преимущественно изъ грубаго известняка и песчаной крупно-зернистой извести, а нижніе — изъ глины и глинистаго сланца (съ сѣрымъ колчеданомъ) въ перемѣшку съ бурнымъ углемъ. Наконецъ, *четвертичный періодъ* начинается колчеданными, песчаными и глинистыми отложеніями, которыя известны подъ именемъ *дилювіальныхъ* образованій и отчасти содержатъ въ себѣ большіе обломки болѣе древнихъ формаций. Къ нимъ причисляются позднѣйшія массы колчедана и песка

(такъ-называемыя *аллювіальныя* образованія) и всё еще находящіяся въ процессѣ образованія формаціи. Еслибы осадочныя формаціи не подвергались воздымающему и колеблющему дѣйствию со стороны другихъ каменныхъ породъ, именно кристаллически-сплошныхъ, которыя иногда называются эруптивными ¹⁴⁰⁾, то земная кора состояла бы изъ пластовъ, правильно расположенныхъ горизонтальными концентрическими рядами. Но часто эти формаціи представляются разнообразно искривленными или согнутыми, разорванными, а по мѣстамъ цѣлыя обломки пластовъ лежатъ надъ другими пластами въ обратномъ порядкѣ. Объясненіе всѣмъ этимъ явленіямъ можно найти только въ опусканіяхъ и поднятіяхъ, вслѣдствіе которыхъ первоначально горизонтальные осадочные пласты были приведены въ другое положеніе. Здѣсь очевидно вліаніе силы, которая дѣйствовала снизу вверхъ. Въ чемъ же состояла эта сила? Были-ли то въ сильной степени напряженія водяные пары, которымъ приписывается дѣятельная роль и въ отношеніи совершенныхъ вулканическихъ явленій? Можно считать доказаннымъ, что одни только эти пары не могли бы произвести указаннаго дѣйствія. Напротивъ, здѣсь наше вниманіе должно быть обращено на другой классъ горныхъ породъ, именно на *кристаллически-сплошныя* или *силикатныя* ¹⁴¹⁾ породы. Эти породы, составляющія очень значительную, даже, можетъ-быть, болышую часть твердой земной массы, особенно горъ, состоятъ изъ различныхъ кристаллическихъ минераловъ, между которыми главнѣйшіе суть: полевой шпатель, кварцъ, глиссеръ, авгитъ или пироксенъ и роговая обманка. А эти минералы, въ свою очередь, состоятъ изъ соединеній кислорода съ различными металлами и металлоидами, въ особенности съ силиціемъ, алюминіемъ, желѣзомъ, кальціемъ, магниемъ, калиемъ и натріемъ. Эти соединенія извѣстны подъ названіемъ: кремнезѣмъ (кремнистая кислота), глинозѣмъ, известковая земля, тальковая земля, кали и натронъ, между которыми особенно преобладаетъ въ качествѣ составной части означенныхъ горныхъ породъ кремнезѣмъ и глинозѣмъ. Почти во всѣхъ кристаллическихъ силикатныхъ породахъ встрѣ-

¹⁴⁰⁾ Т.-е. горными породами изверженія. Ср. «Космосъ» Гумбольдта. Ч. I, перев. Фролова, стр. 170.

¹⁴¹⁾ Отъ *silix*—кремь, каменный утесъ, скала.

чается полевым шпатом и притомъ чаще всего въ преобладающей массѣ. Одна изъ наиболѣе распространенныхъ силикатныхъ породъ, гранитъ, представляетъ собою кристаллически-зернистую смѣсь изъ полевого шпата, кварца и глиннера; сіенитъ, но преобладающей массѣ въ своемъ составѣ, представляетъ соединеніе полевого шпата съ роговой обманкой; диоритъ есть смѣсь изъ натристаго полевого шпата, роговой обманки и кварца, отличающаяся кристаллически-зернистой или сланцовой структурой. Другая, принадлежащая къ этому классу, порода есть краснѣй порфиръ. Онъ состоитъ преимущественно изъ плотной, твердой массы полевого шпата съ кварцемъ, содержащей въ себѣ отдѣльные кристаллы полевого шпата, а иногда глиннера или роговой обманки. Къ тому же классу относятся: трахитъ, доломитъ, меласиръ, базальтъ и феолизтъ.

Особенности въ расположеніи силикатныхъ породъ и порфирныхъ породъ, осадочныхъ фермаціи, съ очевидностію свидѣтельствуютъ о томъ, что эти породы нѣкогда вывѣнчаны были изъ глубины и въ теперешнемъ своемъ видѣ и состояніи существуютъ не отъ вѣчности. Разумвется, здѣсь вопросъ касается не простѣйшихъ перво-элементовъ вещества, не атомовъ, изъ соединенія которыхъ произошли ближайшія составныя части рассматриваемыхъ породъ, а той силы, которая всѣ осадочныя и силикатныя каменные породы подняла въ видѣ горъ. По плутонистическому взгляду, причина такого поднятія заключается въ реакціи огненно-жидкой внутренней массы на уже образовавшуюся осадочную оболочку земнаго шара, а также и въ обратной реакціи, обусловленной давленіемъ твердой земной коры на огненно-жидкую внутреннюю массу и заставляющей послѣднюю подниматься вверхъ, если она находила для себя выходъ на поверхность земли чрезъ разсѣины или другаго рода отверстія. При этомъ можно еще принимать во вниманіе водяные пары въ очень сильной степени напряженія, развивавшіяся всякій разъ, когда вода, проникая чрезъ эти отверстія, достигала области подземаго огня и должна была обращаться въ газобразную форму. Во всякомъ случаѣ это обстоятельство могло имѣть лишь второстепенное и случайное значеніе.

По нептунистическому взгляду и силикатныя породы возникли подъ влияніемъ дѣйствія воды. Volger и нѣкоторые другіе новѣй-

ще. центунисты¹⁴⁴⁾ главными условіями возникновенія кристаллических породъ и ихъ подаятія въ видѣ горъ признають распространіе влаги. Только этотъ факторъ можетъ, по ихъ мнѣнію, производить перемену въ расположеніи веществъ во внутренности земли. Средствомъ разжиженія и разложенія веществъ при этомъ считается исключительно вода, пропитывающая землю и приводящая всѣ вещества въ соприкосновеніе и взаимодействіе между собою. Если двѣ жидкости неодинаковаго химическаго состава или неодинаковой плотности приходятъ въ соприкосновеніе между собою, то происходитъ, какъ известно, движеніе, которое продолжается до тѣхъ поръ, пока обѣ жидкости химически не соединятся между собою. Распространеніе влаги обуславливаетъ образованіе кристалловъ изъ веществъ, подвергшихся ея влиянію. Сила, съ какою разрѣженное въ водѣ тѣло пристаесть къ тѣлу, уже отвердѣвшему, изображается вѣдущаюся силой, какою только мы знаемъ въ природѣ. По этому взгляду, силлаватныя породы произошли не изъ отвердѣвшаго огненно жидкой массы, но большею частію изъ кристаллическаго преобразованія осадочныхъ формаций. Силлаватныя каменные породы, известныя подъ именемъ первобытныхъ горъ, были некогда первообразованіями, въ сущности того же самаго рода, какъ и тѣ перешія новообразованія, которыя въ свое очередь впоследствии станутъ такъ-называемыми первобытными горами. Породенный зрѣдимами круговыхъ землѣвѣдій, представляющійся при болѣе тщательномъ изученіи земнаго шара; на его высотахъ и въ его глубинахъ, Volger, видитъ въ естественной исторіи земли почти только одинъ, вѣчный круговоротъ, вѣчное возвращеніе, безконечное повтореніе. Вся исторія земли складается изъ вѣчнаго созданія и вѣчнаго разрушенія. Природа вѣчно умираетъ и вѣчно обновляется; міръ подготавливаетъ, то погибаетъ, то возродается. Съ точки зрѣнія своей излюбленной идеи о круговоротѣ въ процессѣ развитія земли центунистическая геологія складывается въ предположенію, что земля не имѣла никакого-либо временнаго

¹⁴⁴⁾ Volger, O. Erde und Ewigkeit. Die natürliche Geschichte der Erde als kreisender Entwicklungsgang im Gegensatze zur naturwidrigen Geologie der Revolutionen und Katastrophen. 1857. — Fr. Moeb, Geschichte der Erde. Eine Geologie auf neuer Grundlage, 1866. S. 185. und folg.

начала, а всегда состояла изъ твердаго и жидкаго, хотя въ различныхъ времена далеко не въ одинаковыхъ отношеніяхъ. Во все времена твердое поднималось надъ своей жидкой оболочкой, между тѣмъ какъ, съ другой стороны, нѣкоторыя части твердой земли опускались ниже уровня моря и покрывались водою. Постоянно однѣ изъ горъ разрушались и сносились, въ то время какъ, съ другой стороны, новыя горы медленно поднимались изъ глубины. Каждое разрушеніе давало толчекъ къ новообразованіямъ, а каждое новообразованіе впоследствии становилось предметомъ разрушенія. Можно убѣдиться только въ существованіи круговорота данныхъ веществъ, а не въ необходимости начала этого круговорота. Какъ мало мы знаемъ о началѣ образованія земли, такъ же мало знаемъ мы и о началѣ органическаго міра. Volger считаетъ возможнымъ, что и подъ слюдяными каменными породами лежатъ пласты, которые подобны известнымъ намъ и содержатъ въ себѣ органическіе остатки. Даже если упомянутыя породы, быть-можетъ, гдѣ-то содержали въ себѣ окаменѣлости животныхъ и растений, остатки которыхъ, однакожъ, по причинѣ громадныхъ переѣбовъ, непытавшихся этими горными породами въ теченіе неизмѣримыхъ періодовъ времени, невозможно болѣе отыскать. Очевидна лишь сѣна формъ жизни, но не самой жизни. Прогрессивный ходъ развитія земли и ея обитателей можетъ быть допущенъ, но лишь для отдѣльныхъ періодовъ времени, а не для всей его совокупности. Въ послѣдней замѣчается лишь вѣчный круговоротъ.

Разсматриваемыя измѣненія нашего земнаго сфероида, конечно, обнаруживаютъ нѣкоторый круговоротъ, однакожъ не вѣчное его существованіе, которое въ крайнемъ случаѣ можетъ быть признано только *назвучимымъ*. Утверждаемая нештунистами вѣчность круговорота не согласна и съ принципами ихъ собственной теоріи; потому что, и по этой теоріи, все слоистыя горныя массы несутъ на себѣ явные признаки того, что онѣ образовались слоями, какъ отложенія изъ воды. Онѣ, следовательно, возникли во времени, что не можетъ быть мыслимо безъ временнаго начала. Понятіе о безначальной вѣчности не приложимо къ тому, относительно чего необходимо признать, что оно возникло во времени или образовалось во времени. Это имѣетъ значеніе также и относительно кристаллически-сплош-

ныхъ каменныхъ породъ или силикатныхъ горъ, которыя, по означенной теоріи, возникли путемъ постепенной кристаллизаціи и медленно поднялись изъ нѣдръ земли. Если въ обоихъ случаяхъ отвергать всякое начало, то обстоятельства, на которыхъ должно основываться образованіе упомянутыхъ горныхъ породъ, оказываются лишенными всякаго значенія. Принятіе временнаго начала здѣсь совершенно необходимо, если не хотятъ, чтобы пресловутый круговоротъ вмѣстѣ съ тѣмъ, что въ немъ происходитъ, свелся просто къ нулю. Именно тѣ процессы, совокупность которыхъ обозначаютъ названіемъ круговорота, требуютъ для себя начала, т.-е. причины, дѣйствіе которой въ отношеніи круговорота должно было начаться во времени. Здѣсь нельзя ссылаться на такъ называемый *regressus in infinitum*. Конечно, часто оказывается, что если дѣйствіе обратно вліяетъ на свою причину, эта причина въ свою очередь была дѣйствіемъ прежней причины и такъ далѣе. Но вмѣсто: „и такъ далѣе“ нельзя въ этомъ случаѣ сказать, какъ обыкновенно дѣлаютъ: „и такъ далѣе въ безконечность“. Этими словами выражается не фактъ опыта, а послѣднее обобщеніе. При этомъ не принимаютъ въ расчетъ того, что тотъ рядъ, который считаютъ за безконечный, самъ состоитъ изъ однихъ только обусловленныхъ членовъ. Каждый членъ его мыслится, какъ обусловленный предшествующимъ членомъ. Если такъ продолжается въ безконечность, то всѣ члены сразу теряются въ пустой безконечности, т.-е. они совсѣмъ не могутъ быть мыслимы, какъ дѣйствительно существующіе, такъ какъ каждый изъ нихъ обусловленъ предшествующимъ, а этотъ въ свою очередь предполагаетъ никогда неисчерпываемое, безконечно—великое, множество другихъ членовъ, такъ что здѣсь исчезаетъ даже возможность дѣятельности. Только при предположеніи дѣйствительнаго начала или перваго члена можно безъ противорѣчія приписывать реальное существованіе мыслимому ряду событій. Конечно, не стоитъ никакого труда представлять себѣ въ ряду событій каждый слѣдующій членъ, какъ обусловленный предшествующимъ членомъ. При этомъ легко впадаетъ идея указанного *regressus in infinitum*, какъ скоро увидятъ, что къ каждому члену мыслимаго ряда легко привязывается предшествующій членъ въ

качествѣ его условія, что и ведетъ къ послѣдственному заключенію: „и такъ далѣе до безконечности“. Несостоятельныя индукціи даютъ этому regressus призрачную видимость истины. Заключающееся въ немъ противорѣчіе ускользаетъ отъ вниманія, такъ какъ обыкновенно не даютъ себѣ труда безконечность ряда поставить въ какое-нибудь ясное отношеніе къ понятію причинности. Темное прошлое, въ которомъ теряются члены отдѣльныхъ эмпирически данныхъ рядовъ событій, также болѣе благопріятствуетъ поэтическому паренію, чѣмъ ясности и отчетливости мысли.

Если въ отношеніи измѣненій, какимъ подвергается земля, и допустить нѣкоторый круговоротъ, то все-таки необходимо утверждать дѣйствительное его начало во времени, хотя это начало и представляется лежащимъ въ столь туманной дали. Разъ начавшись, круговоротъ этотъ можетъ продолжаться и во всю вѣчность. Высказываемое иногда положеніе: „что разъ возникло, то должно и опять нѣкогда исчезнуть“, хотя и считается имѣющимъ всеобщее значеніе, несомнѣнно заключаетъ въ себѣ, однакожъ, заблужденіе, коренищееся въ томъ наблюденіи, что очень многое, имѣющее начало, имѣетъ и конецъ. Разумеетсяъ возможно, даже вѣроятно, что земля, какъ членъ большаго цѣлаго, вслѣдствіе различныхъ соединеній дѣйствій и противодѣйствій, претерпитъ наконецъ совершенное измѣненіе своихъ теперешнихъ отношеній. Здѣсь въ особенности обращаетъ на себя вниманіе взглядъ, по которому солнце постепенно, хотя очень медленно, охладѣетъ и оцпенѣетъ. Если этотъ взглядъ вѣренъ, то солнце и земля, естественно, не могли отъ вѣчности находиться въ своемъ теперешнемъ состояніи. Безъ сомнѣнія, солнце не могло отъ вѣчности быть огненно-жидкой или газообразной массой. Правда, заключеніе, что все преходящее должно имѣть временное начало, равно нельзя признать имѣющимъ всеобщее значеніе. Такъ, нѣкоторые элементы могутъ быть отъ вѣчности, т.-е. безъ временнаго начала, связаны между собою, и однакожъ вслѣдствіе столкновенія съ другими элементами могутъ быть оторваны другъ отъ друга. Слѣдовательно, соединеніе этихъ элементовъ нужно признать преходящимъ, хотя и безначальнымъ. Въ нѣкоторыхъ отдѣльныхъ случаяхъ упомянутое заключеніе, конечно, бываетъ вѣрно.

Математикъ и физикъ Clausius въ своемъ сочиненіи „О второмъ главномъ положеніи механической теоріи теплоты“¹⁴⁵⁾ съ точки зрѣнія этой прочно обоснованной теперь теоріи указалъ на то, что часто высказываемый взглядъ, по которому общее состояніе вселенной должно быть признаваемо неизмѣннымъ и находящимся въ вѣчномъ круговоротѣ, самымъ яснымъ образомъ опровергается вторымъ главнымъ положеніемъ означенной теоріи¹⁴⁶⁾. Говорятъ, что между тѣмъ какъ въ одномъ мѣстѣ и въ одно время происходятъ измѣненія въ какомъ-либо опредѣленномъ смыслѣ, въ другихъ мѣстахъ и въ другія времена происходятъ измѣненія въ противоположномъ смыслѣ, такъ что одни и тѣ же состоянія постоянно возвращаются, и въ цѣломъ состояніе міра остается неизмѣннымъ. Но по второму главному положенію механической теоріи теплоты, для вѣхъ безконечно разнобразныхъ, происходящихъ въ мірѣ, измѣненій имѣетъ значеніе общее правило, что противоположныя по своему смыслу или направленію превращенія происходятъ не въ одинаковой мѣрѣ, но что различіе между ними всегда можетъ имѣть мѣсто только въ одномъ опредѣленномъ смыслѣ, именно въ томъ, что положительныя превращенія преобладаютъ надъ отрицательными. Поэтому, состояніе міра постепенно должно болѣе и болѣе измѣняться въ одномъ извѣстномъ смыслѣ. Именно, живая сила, которая дана въ существующихъ движеніяхъ мировыхъ тѣлъ, постепенно болѣе и болѣе превращается въ теплоту. Сама теплота постоянно стремится отъ болѣе теплыхъ тѣлъ перейти къ болѣе холоднымъ и такимъ образомъ уравнивать существующія разницы въ температурѣ; поэтому, она постепенно будетъ достигать все болѣе и болѣе равномернаго распредѣленія, равно какъ должно наступить извѣстное равновѣсіе между существующей въ вѣдрѣ лучистой теплотой и теплотой, находящейся въ тѣлахъ. Съ теченіемъ времени, міръ приблизится къ нѣкоторому предѣльному состоянію, и тогда устранится поводъ къ дальнѣйшимъ измѣненіямъ. Когда это состояніе наконецъ будетъ достигнуто, то болѣе не будетъ происходить никакихъ дальнѣйшихъ

¹⁴⁵⁾ Clausius. Ueber den zweiten Hauptsatz der mechanischen Wärmetheorie. Ein Vortrag. 1867.

¹⁴⁶⁾ Алгебраическая сумма превращеній равна нулю.

измѣненій: міръ будетъ находиться въ состояніи мертвого отъ-
пенія и покоя. По мнѣнію Clavius'a, здѣсь мы имѣемъ дѣло
съ закономъ природы, изъ котораго съ достовѣрностью можно
заключить, что въ міръ не все круговоротъ, но что онъ посте-
пенно болѣе и болѣе измѣняетъ свое состояніе въ одномъ из-
вѣстномъ смыслѣ и такимъ образомъ стремится къ одному пре-
дѣльному состоянію.

По непунистическому взгляду, какъ сказано было выше, си-
ликатныя породы болѣею частію возникли изъ кристалличе-
скаго превращенія осадочныхъ образованій. Въ процессъ своего
разрушенія сами эти породы доставляютъ въ свою очередь ма-
териаль для новыхъ осадочныхъ образованій, а съ тѣмъ вмѣстѣ
и средства для возникновенія новыхъ силикатныхъ породъ. Но
при такомъ взглядѣ недопустимо было бы предположеніе, что
всѣ силикатныя породы искони произошли изъ превращенія оса-
дочныхъ образованій, и наоборотъ, всѣ осадочныя образованія
искони произошли путемъ разрушенія силикатныхъ породъ. Это
предположеніе оба класса каменныхъ породъ поставило бы въ
такое отношеніе взаимной зависимости, что оба они въ отно-
шеніи возникновенія въ одно и тоже время взаимно предпо-
лагаются одинъ другимъ, такъ что ни одинъ изъ нихъ не
могъ бы существовать прежде другаго, и слѣдовательно, ни-
одинъ не могъ вообще возникнуть изъ другаго какимъ-нибудь
образомъ. Нелѣпыя слѣдствія такого предположенія, которыя
легко обобщить и поставить въ связь съ мыслию о вѣчномъ
круговоротѣ всѣхъ вещей, ясно указываетъ на дѣйствительное
начало образованія земли. Конечно, означенное предположеніе
не заключается прямо въ непунистической теоріи, хотя нѣко-
торые ея приверженцы обыкновенно много говорятъ о вѣчномъ
круговоротѣ вещей.

Если всѣ каменныя породы, изъ которыхъ состоитъ твердая
земная оболочка, извѣстнымъ образомъ когда-либо возникли, то,
безъ сомнѣнія, и происходившіе съ ними процессы, и вмѣстѣ
съ ними и самая кора земная, имѣла временное начало. Это
должна признать и новѣйшая непунистическая геологія, такъ
какъ всѣ процессы, которыми она старается объяснить образо-
ваніе земной коры, имѣютъ смыслъ и значеніе лишь при допу-
щеніи временнаго ихъ начала. Только при этомъ предположеніи

она может говорить объ исторіи земли; она подорвала бы сама себя, еслибы совершенно стала отрицать временное начало означенныхъ процессовъ. Если геологи—нептунисты, въ качествѣ общаго результата своихъ исследованийъ, высказываютъ положеніе, что всѣ каменные породы еще и въ настоящее время находятся въ процессѣ образованія ¹⁴⁷⁾, то мы можемъ безъ колебанія принять его; но нельзя согласиться съ другимъ ихъ положеніемъ, что всѣ каменные породы во всѣ времена существовали одновременно и всегда находились въ процессѣ образованія ¹⁴⁸⁾, если подъ выраженіями: „во всѣ времена“ и „всегда“ разумѣется вѣчность въ собственномъ смыслѣ слова, потому что въ такомъ случаѣ тотчасъ возвратились бы всѣ тѣ нелѣпыя смѣждствія, на которыя выше было указано. Последнее изъ двухъ упомянутыхъ положеній есть поспѣшное обобщеніе, а не результатъ строгой индукціи на основаніи данныхъ фактовъ. Конечно, прѣжняя геологія заблуждалась, предполагая для каждой формации особый періодъ времени и отрицая болѣею частію возвращеніе или повтореніе извѣстныхъ формаций. Но не менѣе ошибочно и противоположное мнѣніе, что всѣ формации во всѣ времена существовали одновременно. Трудно возражать противъ утвержденія, что естествознаніе мало или почти ничего достовернаго не можетъ сказать о дѣйствительномъ началѣ вселенной и въ частности нашей планеты. Но изъ того, что всѣ каменные породы на землѣ еще теперь одновременно находятся въ процессѣ образованія, что можно принять, какъ твердо обоснованный научный выводъ, никоимъ образомъ не слѣдуетъ, что и всегда такъ было, а что земля въ настоящемъ своемъ видѣ существовать безъ начала, или отъ вѣчности.

Нѣкоторые геологи, хотя и не стоятъ на указанной нептунистической точкѣ зрѣнія; все-таки безъ колебанія допускаютъ regressus in infinitum. Такъ, Бернгардъ Котта (В. Cotta), по-видимому, питающій убѣжденіе, что наша планета во времени образовалась по опредѣленнымъ законамъ изъ нѣкотораго начального состоянія, рядъ развитія матеріи считаетъ, однакожъ, абсолютно безконечнымъ; поэтому остается невозможнымъ уз-

¹⁴⁷⁾ Mohr. Geologie. S. 459.

¹⁴⁸⁾ Ibidem.

нать или даже только мыслить дѣйствительное начало вещей. Нужно гдѣ-нибудь произвольно остановиться мыслію въ безконечномъ рядѣ процессовъ, чтобы начиная съ этого пункта прослѣдить развитіе матеріи до настоящаго ея состоянія ¹⁴⁹). Но противъ такого взгляда опять должно замѣтить, что хотя, разумѣется, очень трудно, даже можетъ быть невозможно достоверно узнать о дѣйствительномъ началѣ существующаго міра, но что необходимо все-же предполагать дѣйствительное его начало, если понятіе о рядѣ развитія вообще должно быть удержано, а не оставлено, какъ совершенно невозможное, по причинѣ заключающихся въ немъ противорѣчій ¹⁵⁰).

Если теперь мы представимъ себѣ разнообразныя измѣненія, какимъ подверженъ земной шаръ, то вѣчное существованіе его въ теперешнемъ его состояніи оказывается мыслимымъ только поцѣ условіемъ предположенія о вѣчномъ круговоротѣ. Между тѣмъ какъ въ одномъ мѣстѣ земли происходятъ измѣненія въ одномъ опредѣленномъ смыслѣ, въ другихъ мѣстахъ должны происходить измѣненія въ противоположномъ смыслѣ, такъ что одни и тѣже состоянія постоянно возвращаются, и такимъ образомъ въ цѣломъ состояніе міра остается неизмѣннымъ. Но не всѣ измѣненія, которыя здѣсь имѣются въ виду, находятся въ такомъ круговоротѣ. Мысль о томъ, что міръ можетъ вѣчно существовать одинаковымъ образомъ, пытались утвердить на первомъ основоположеніи механической теоріи теплоты, которое въ болѣе обширномъ смыслѣ называютъ закономъ сохраненія живой силы или энергіи. По этому закону, одна какая-либо форма силы или энергіи можетъ превращаться въ другія формы энергіи, но въ количествѣ энергіи при этомъ никогда ничего не теряетъ. Вся существующая въ мірѣ энергія точно такъ же постоянна, какъ и вся масса существующей въ мірѣ матеріи. Но это, несомнѣнно, вѣрное положеніе вовсе не служитъ подтвержденіемъ взгляда, по которому общее состояніе вселенной признается неизмѣннымъ и подверженнымъ лишь вѣчному круговороту. Напротивъ, изъ втораго основоположенія механической теоріи теплоты, которое Clausius называетъ закономъ эквивалентности

¹⁴⁹) *B. Cotta*. Geologie der Gegenwart. S. 220.

¹⁵⁰) *Cornelius*. Ueber die Entstehung der Welt. S. 48 und folg.

превращенія, вытекаетъ заключеніе, что въ міръ не все — круговоротъ, но что его состояніе все болѣе и болѣе измѣняется, и такимъ образомъ, въ теченіе неизмѣримаго періода времени, онъ достигнетъ нѣкотораго предѣльнаго состоянія. Но положимъ даже, что существуетъ такого рода круговоротъ, вслѣдствіе котораго состояніе міра и въ частности земной планеты въ цѣломъ остается вообще неизмѣннымъ; все-таки и въ такомъ случаѣ, въ отношеніи качества производящихъ этотъ круговоротъ причинъ, онъ не можетъ быть мыслимъ, какъ существующій отъ вѣчности ¹⁵¹⁾. Рассмотрѣнныя нами данныя геологій свидѣтельствуютъ о томъ, что образованіе земнаго шара началось во времени, подобно тому, какъ изложенныя въ предшествующихъ двухъ главахъ астрономическія данныя требуютъ признанія начала во времени и всей солнечной системы.

Архимандритъ Берисъ.

¹⁵¹⁾ Op. cit., S. 119—120.

МАТЕРИАЛЫ

ДЛЯ БИОГРАФИИ ОСНОВАТЕЛЯ АЛТАЙСКОЙ МИССИИ АРХИМАНДРИТА
МАКАРІЯ *.

О. Макаріій уѣхалъ изъ миссіи 4 іюля 1844 года „къ истинному горю всѣхъ, знавшихъ его въ просвѣщенномъ имъ краю. Прощаніе его съ Алтаемъ весьма трогательно описано Архимандритомъ Абрамовичемъ Орловымъ, его спутникомъ“. Вотъ все, что мы знаемъ отъ о. Вербицкаго объ отъѣздѣ о. Макарія. Съ описаніемъ этимъ намъ познакомиться не удалось, а самъ А. А. Орловъ былъ тоже личность недюжинная: онъ попалъ въ солдаты, дослужился до унтеръ-офицера, имѣлъ знакъ военнаго ордена (св. Георгія). Выйдя въ отставку, онъ пошелъ служить въ миссію къ о. Макарію, съ которымъ потомъ никогда и не разставался. Въ миссіи онъ пѣлъ на клиросѣ, училъ дѣтей грамотѣ и пекъ хлѣбы, сопровождалъ о. Макарію въ Болховскую Оптину пустынь, гдѣ принялъ постриженіе, поставленъ іеромонахомъ съ именемъ Артемія, потомъ послѣ смерти о. Макарія іеросхимонахомъ Макаріемъ. Скончался и похороненъ въ той же пустынѣ.

14 іюля уже съ пути пишетъ о. Макаріій изъ Бійска: „Туча печали виситъ надо мною, но Господь Богъ съ нами, заступникъ нашъ Богъ и Отецъ Господа нашего Іисуса Христа. Онъ и намъ всѣмъ Отецъ во Христѣ Іисусѣ. Не престанемъ же предавать Ему сами себя и другъ друга и всю жизнь нашу“... Разставаясь съ миссіей, о. Макаріій думалъ найти утѣшеніе въ Іе-

* См. май-іюнь и іюльск. кн. «Прав. Об.» за текущій годъ.

русскими, а его отправили управлять монастыремъ и монахами, и конечно съ такими же „разнохарактерными,“ какъ въ Костромѣ, какъ и вездѣ.—Затѣмъ ни писемъ о Макаріи съ пути его на Москву, ни свидѣній о его путешествіи нѣтъ. Мы знаемъ только, что по прѣздѣ въ Москву онъ остановился у митрополита Филарета на Троицкомъ подворьѣ, гдѣ намъ пришлось навѣщать его; въ этому времени относится и наше личное знакомство съ о. Макаріемъ. 14 сентября, день храмоваго праздника въ Алексѣевскомъ девичьемъ монастырѣ, который незадолго до того былъ переведенъ (по случаю построения храма Спасителя) отъ Пречистенскихъ воротъ въ Красное село къ первию Воздвиженія Креста животворящаго. День этотъ собрался отпраздновать въ устроивавшейся на новомъ мѣстѣ обители особенно торжественно. Митрополитъ общалъ самъ служить литургію и въ числѣ назначенныхъ въ сослуженію съ нимъ упоминаи архимандрита Макарія, прибывшаго недавно съ Алтая. Живя въ то время недалеко отъ Краснаго села, въ Иомеиной слободѣ, я отправился въ Алексѣевскій монастырь къ обѣднѣ. Архимандритъ Макарій приковалъ мое вниманіе. Небольшаго роста, непродвѣтительный, нѣсколько сутуловатый, съ сѣдоватою бородою, онъ сначала не привлекалъ особеннаго вниманія, но разъ взглянувши въ него и особенно въ его умныя и выразительныя глаза, какъ-то невольно приходилось ахнуть за нимъ. Онъ замѣтно выдѣлялся и сремностію и высокою отсутствіемъ всякаго недобострастія, передъ митрополитомъ, и простотою и безыскусственностію обращенія во время служенія и особенно кроткимъ и пріятнымъ выраженіемъ въ чертахъ лица. Въ глазахъ его свѣтилось искреннее, благоговѣйное настроеніе души. Глядя на него, какъ-то поневоля приходили на мысль святыя отцы первахъ вѣковъ христіанства, поневоля думалось, что именно такъ готовилъ они къ святому Таинству, которое Божественный Учитель заповѣдалъ творить въ Его воспоминаніе. Когда обѣдня кончилась и митрополитъ обратился къ народу съ благословеніемъ, я увидѣлъ въ растворенныя царскія двери, что въ углу алтари одинъ изъ іеродіаконовъ съ усмѣшкой показывалъ другому коматый и полняный монашескій клобукъ, и что вшедшій затѣмъ въ алтарь архимандритъ Макарій, снявъ ризу, надѣлъ этотъ самый

любухъ. Дисгармонія только что снятаго богатаго облаченія съ убогой монашеской рясою, въ которой предсталъ архимандритъ, бросалась въ глаза. По окончаніи службы митрополитъ Филаретъ и архимандритъ Макарій направились въ волю настоятельницами. Въ гостининой настоятельница мнѣ пришлось сидѣть рядомъ съ о. архимандритомъ Макаріемъ, и мы разговорились. Предметомъ разговора были христіанскія миссіи въ разныхъ странахъ и между прочимъ распространеніе англійскимъ библейскимъ обществомъ Библіи и въ русскомъ переводѣ. покойный митрополитъ Филаретъ не любилъ долго засиживаться. Скушавъ кусочекъ пирога и выпивъ чашку чаю, онъ собрался домой и, благословивъ игуменью и всѣхъ насъ, гостей ея, направился къ выходу. За нимъ долженъ былъ послѣдовать и архимандритъ Макарій, котораго митрополитъ привезъ въ своей каретѣ. Заинтересованный вѣроятно свѣдѣніями объ англійскомъ библейскомъ обществѣ, или чѣмъ-либо другимъ, не знаю, только о. архимандритъ, прощаясь со мной, пригласилъ меня посѣтить его и прибавилъ, что въ Москвѣ онъ пробудетъ недолго. Все, что я слыжалъ о немъ прежде, такъ говорило въ его пользу, да и самъ онъ лично такъ заинтересовалъ меня, что я поспѣшилъ воспользоваться его приглашеніемъ; и на другой же день отправился къ нему. О. Макарій занималъ комнату рядомъ съ митрополитчьею столовой. Послѣ обычнаго привѣтствія, усадивъ меня поодаль себя за столъ, завалянный рукописями и книгами, о. Макарій подалъ англійскій переводъ Библіи и попросилъ передать по-русски, какъ можно ближе къ англійскому тексту, первую главу изъ книги Іова. Хотя это было нѣсколько ex absurdo, но я сталъ долгомъ непрекословно исполнить его желаніе. По окончаніи 1-й главы онъ далъ мнѣ французскій и затѣмъ нѣмецкій тексты, прося продолжать читать и передавать для сличенія ту же главу по-русски. Самъ о. Макарій между тѣмъ все время слѣдилъ по исписанной по-русски тетради, проверяя съ еврейскимъ текстомъ, справляясь по временамъ съ различными комментаріями и выказывая при томъ вердикто замѣчанія: какой по его мнѣнію переводъ оказывался ближе къ еврейскому. Когда онъ, прекративъ наконецъ это занятіе, поблагодарилъ меня за содѣйствіе, то, само собой разумѣется, мнѣ захотѣлось узнать: цѣль этого, тѣмъ

болше, что во время этихъ занятій, когда о. Макарій рылся въ комментаріяхъ, мнѣ представлялся вопросъ: къ чему все это? Библия переводилась на русскій языкъ, издавалась Библейскимъ Обществомъ, чтеніе ея на русскомъ языкѣ сочтено вреднымъ и все, что было издано и оставалось нерозданнымъ, подверглось запрещенію и даже сожженію въ нѣсколькихъ тысячахъ экземпляровъ на кирпичныхъ заводахъ. Пощажены были только псалтирь и Новый Заветъ, да и то потому, что все изданіе ихъ было почти раскуплено, а новое къ печати не допускалось. Переводъ Библии является вновь и гдѣ же? Въ покояхъ митрополита Филарета, который, правда, былъ самымъ ревностнымъ дѣвателемъ Библейскаго Общества и сторонникомъ перевода Библии на русскій языкъ. Но Библейское Общество было, какъ извѣстно, по проискамъ и интригамъ Аракчеева и его пособниковъ Шишова, Магницкаго, Бликина, архим. Фотія и по податливости престарѣлаго митрополита Серафима, закрыто; а самъ митрополитъ Филаретъ долженъ былъ вынести много огорченій и непріятностей по случаю перевода Библии извѣстнымъ Павскимъ. Кромѣ того въ Москвѣ ходилъ слухъ, что митрополитъ Филаретъ въ опалѣ, и не будетъ больше присутствовать лично въ св. Синодѣ именно за то, что настаивалъ на мысли о необходимости перевода Библии на понятный народу языкъ. Можетъ быть о. Макарій угадалъ мою мысль, а можетъ-быть и самъ счелъ нужнымъ выяснить цѣль своихъ занятій, только онъ, предупредивъ мой вопросъ, сказалъ, что онъ перевелъ Библию съ еврейскаго на русскій языкъ и занимается просмотромъ своего перевода съ тѣмъ, чтобъ издать свой переводъ при первой возможности. Заявивъ ему мое сомнѣніе въ этой возможности, по крайней мѣрѣ обычнымъ путемъ, послѣ исторіи съ переводомъ Павскаго, я прибавилъ, что изданіе его перевода возможно только развѣ за границей. О. Макарій взглянулъ на меня какъ-то особенно пристально, но ничего не сказалъ по поводу этого, а только попросилъ меня навѣщать его въ свободныя минуты и продолжать помогать ему въ сличеніи нѣкоторыхъ мѣстъ изъ книгъ Св. Писанія. Увлеченный крайне симпатичною личностью о. Макарія и чувствомъ уваженія къ капитальному труду, въ который онъ такъ-сказать вложилъ свою душу, изучая основательно до малѣйшихъ подробностей все что

касалось сущности предмета, — я не смелъ возможнымъ увлечься отъ той ничтожной доли одъблствія, которая отъ меня требовалась, да и свободнаго времени въ моемъ распоряженіи было достаточно. Кроме того въ первые дни нашего знакомства случилось еще такое обстоятельство, которое могло разстроитъ и даже вовсе порвать наши отношенія, но вмѣсто того благодаря послѣдовавшимъ затѣмъ объясненіямъ еще больше привлекло меня къ нему. О. Макарій былъ разъ очень озадаченъ однимъ изреченіемъ, надъ которымъ благодаря встрѣтившемуся гебраеуму пришлось ему посидѣть и потрудиться довольно долго въ справкахъ съ лексиконами, комментаріями и проч. Изреченіе это въ переводѣ на разные языки передано не одинаково, такъ что и смыслъ являлся не одинъ и тотъ же. Время въ справкахъ ушло незамѣтно и мы засидѣлись до того, что явился наконецъ съ докладомъ объ обѣдѣ неизвѣстный фамиліе о. Макарія, А. А. Орловъ. Вездѣ за приходомъ Орлова нослышалось чьи-то шаги въ столовой. То былъ митрополитъ, и я поспѣшилъ удалиться, получивъ приглашеніе прійхать на слѣдующій день. На другой день я засталъ о. Макарія въ крайне мрачномъ, вовсе ему несвойственномъ настроеніи духа. Припомнивъ, что „не въ пору гость хуже татарина“, я предложилъ о. Макарію избрать другой день для занятій, но онъ удержалъ меня. Взявъ меня за руку, онъ пристально поглядѣлъ мнѣ въ глаза, точно стараясь допытаться чего-то. Потомъ видимо колеблясь, и какъ-то нерѣшительно, снялъ съ себя наперстный крестъ, подаль мнѣ его и сказалъ какимъ-то сдавленнымъ голосомъ, кротно, точно прося у меня заранее прощенія; „позабудте его и поклонитесь, что вы не принадлежите къ третьему одъбленію“. Легко себѣ представить, какъ такая неожиданная выходка могла сразитъ и взволновать молодого человека, воспитаннаго въ дворянскихъ традиціяхъ и кончившаго курсъ въ московскомъ университетѣ, да еще въ эпоху сороковыхъ годовъ. Оштрафованный, озадаченный, огорченный до глубины души, я уже готовъ былъ на рвакій отвѣтъ; но къ счастью скоро сообразилъ, что о. Макарій пользуется гостепрійствомъ митрополита Филарета, который, потерпѣвъ за переводъ Библіи на русскій языкъ, могъ отнестись недобрѣчиво къ лицу, привлеченному о. Макаріемъ къ участию въ такомъ же переводѣ, — къ лицу, вдобавокъ еще мало

известному самому о. Макарію. „У страха глаза велики“, подумавъ я и, овладѣвъ собой, съ возможнымъ въ ту минуту хладнокровіемъ, сказалъ о. Макарію, что у меня съ третьимъ отдѣленіемъ нѣтъ ничего общаго, и что хотя я въ удостовѣреніе этого и готовъ исполнить требованіе о. Макарія, но прошу его предвѣрительно уяснить, насколько это требованіе согласно съ достоинствомъ, съ высотой того святаго дѣла, которому онъ посвящаетъ свою дѣятельность. Вставъ отъ стола Евангеліе, я указалъ на 84 — 87 ст. гл. V Матѣ. О. Макарій смутился окончательно и поспѣшилъ надѣть крестъ опять на себя. Глаза его стали влажны, онъ протянулъ ко мнѣ руки и горячо обнялъ меня. Выходка о. Макарія не согласовалась съ его кроткимъ, доверчивымъ и любвеобильнымъ характеромъ и очевидно была навязана ему накануне за обѣдомъ митрополитомъ, который тутъ только, узнавъ о нашихъ занятіяхъ, вѣроятно даль почувствовать о. Макарію его опрометчивость и неосторожность въ отношеніяхъ къ молодому человѣку, съ которымъ едва только успѣлъ познакомиться. Нѣтъ худа безъ добра. Тогда мы оба успокоились послѣ равно для обоихъ насъ тяжелой минуты и усѣлись было за обычное дѣло, о. Макарій, сознавая вину свою и желая высказать мнѣ свое полное довѣріе и расположеніе, рассказалъ мнѣ подробно всю исторію, все обстоятельства, сопряженные съ его переводомъ Библии. Все это теперь болѣе или менѣе стало известно и повторять излишне; но тогда возбуждало не только вниманіе, но и удивленіе. Какъ? Какой-нибудь простой монахъ, хотя бы и архимандритъ, осмѣливается писать посланіе къ Государю, да еще къ такому, наковъ былъ императоръ Николай, и, доказывая необходимость изданія Библии на языкъ понятномъ для всѣхъ, указывать на разныя бѣдствія, какъ на кару за лишеніе народа слова Библии? Ходили и слухи о томъ въ обществѣ, но смутные, неопредѣленные, да и передавались почти шопотомъ и съ нѣкоторой осторожностью. Въ тоже время сообщилъ онъ мнѣ о томъ, что онъ былъ приглашенъ къ митрополиту Серафиму для увѣщаній, — о чемъ мы уже упомянули въ своемъ мѣстѣ, — и что онъ видитъ особое указаніе Промысла Божія неуклонно продолжать переводъ Библии въ томъ обстоятельствѣ, что во время ареста при томскомъ архіерейскомъ домѣ для выполненія столь пріятной для него вѣщанія онъ имѣлъ

въ своемъ распоряженіи и превосходную бібліотеку, гдѣ извѣданно нашелъ всѣ необходимыя для перевода Библіи средства и пособія. Когда я вторично высказалъ о. Макарію мысль, что послѣ всего этого не остается ничего больше, какъ получивъ разрѣшеніе на предполагавшуюся имъ поѣздку въ Іерусалимъ, напечатать русскую Библію за-границей,—что легко осуществить съ помощію Англійскаго Библейскаго Общества, которое за немѣнѣемъ хорошаго перевода русскаго довольствуется изданіемъ плохаго, хотя на заглавномъ листѣ и печатаетъ, что изданіе сдѣлано съ точнаго изданія *Россійскаго Библейскаго Общества*,—о. Макарій улыбнулся; но смолчалъ и замѣтилъ только, что вообще о занятіяхъ нашихъ не слѣдуетъ говорить постороннимъ. Въ тотъ же день, когда по превращеніи занятій зашла рѣчь о молитвѣ, онъ подарилъ мнѣ книгу о „Молитвѣ“, изданную въ Одессѣ въ 1843 г., и сдѣлалъ собственноручно надпись: „достопочтеннѣйшему о Господѣ І. Х. брату (имя, отечество и фамилія) въ знакъ искренняго почтенія и преданности. А. Макарій. 1844 г. сент. 19 дня“. Получалъ я отъ него и послѣ книги духовнаго содержанія: его „Лепту“, „Пѣснь о преподобномъ Алексѣе челоувѣкѣ Божіемъ“, которыя онъ и расказывалъ своимъ тихимъ голосомъ въ нашемъ домѣ, аккомпанируя себя на фортепіано, другія книги на французскомъ языкѣ, подаренныя мнѣ по случаю разговора о „Leben Jesu“ Штрауса, но ни одна изъ нихъ не была такъ дорога мнѣ, какъ помянутая брошюра „о молитвѣ“, которую я получилъ впервые послѣ случившагося перваго и единственнаго впрочемъ недоразумѣнія между нами. Съ той поры я былъ осчастливленъ его постояннымъ расположеніемъ, да и мнительности осторожнаго митрополита Филарета былъ положенъ конецъ; мнѣ случалось и обѣдать у него, чтобъ не прерывать занятія съ о. Макаріемъ и даже ночевать у о. Макарія, когда приходилось засиживать далеко за полночь. Теперь обратимся къ образу жизни о. Макарія въ Болховской Оптиной пустынѣ.

По пріѣздѣ въ Болховъ и вступленіи въ новую должность свою, настоятель Оптина монастыря о. Макарій не повинулъ своей апостольской дѣятельности, и вмѣсто того чтобы воспользоваться отдыхомъ,—на что послѣ тринадцатилѣтнихъ апостольскихъ трудовъ и подвиговъ онъ имѣлъ и право,—онъ принялся,

и съ жаромъ ему всегда присущимъ, снова за проповѣдь. Да и какъ съ своимъ пылкимъ и энергичнымъ характеромъ могъ онъ устранить себя, хотя на время, отъ святаго дѣла, которому столько лѣтъ посвящали себя, когда немедленно по прїездѣ въ монастырь оправдалось мнѣніе о Макарія, не разъ имъ высказанное, именно, что православные нуждаются въ проповѣди не меньше язычниковъ, магометанъ и евреевъ. Ту же мысль изложилъ ему впоследствии и митрополитъ Филаретъ: „съ удовольствіемъ слышу, что вы въ мирѣ съ настоящимъ мѣстопробываніемъ. Посему жадуюсь, что оно будетъ и полезно. Не излишне быть миссіонеромъ и среди православныхъ. Отъ посланнаго благовѣствовать миръ и спасеніе, благословеніе и миръ вамъ да умножится“.

Какъ только узнали о прїездѣ новаго архимандрита, градскій голова съ служившими въ ратушѣ пошли по обыкновенію поздравить новопрїѣзжаго и принять его благословеніе; причемъ, какъ водится, принесли съ собой сахару и чаю вмѣсто хлѣба и соли. О. Макаріій принялъ ихъ конечно ласково, всѣхъ посадилъ, поговорилъ сначала о городѣ, о своей дорогѣ; а потомъ обратился къ градскому головѣ съ вопросомъ.

Мы позволимъ себѣ привести весьма характерную сцену, записанную о. Остромысленскимъ со словъ ея свидѣтеля, Болховскаго купца Попова и напечатанную въ январской книжкѣ „Странника“ 1860 г.

— „Что жъ, у васъ въ Болховѣ всѣ православные знаютъ Символъ вѣры?“

Голова молчитъ.

— „Онъ опять погромче спрашиваетъ: „знаютъ ли у васъ Символъ вѣры?“

А градскій голова нашъ, признаться, человекъ простой, неученый, какъ и мы всѣ грѣшныя. Онъ не понялъ что такое Символъ вѣры и спросилъ: „что же это, батюшка? Вѣрую, что ли?“

— „Да, да. *Вѣрую въ единого Бога...* или не слыхалъ словъ: *Символъ вѣры*“?

— „Гдѣ намъ грѣшнымъ слышать? Покойный мой родитель отдастъ меня къ дьячку и заплатилъ ему за выучку два съ половиной. Вотъ и вся моя наука“!

— „Ну, да знаешь ли самъ-то: *Вѣрую*“?

— „*Вѣрую* не прочитаю, а *Вотчу* знаю“.

— „Какую *Вотчу*?“

Какъ вскочить нашъ архимандритъ съ дивана! — „Какую, говоритъ, *Вотчу*? Что за Вотча? — Боже мой! сдѣлала оныя руками, — до чего мы дожили! Градскій голова не знаетъ ни символа, ни молитвы Господней!“ — Да какъ началъ насъ учить, началъ толковать. Мы стояли какъ вкопанные и не знали, что сказать. — „Нѣтъ, говоритъ, православные! У меня чтобъ всѣ вы знали символъ и молитву. Прошу объявлять объ этомъ всѣмъ вашимъ гражданамъ. Пусть и сами приходятъ и дѣтей ко мнѣ присылаютъ. Буду самъ учить васъ“.

„Такъ насъ батюшка озадачилъ, продолжаетъ Поповъ, что мы не знали какъ подать ему свои гостинцы. Стоять они въ залѣ въ углу, а мы и ни гу-гу про нихъ. Только ужъ какъ стали выходить всѣ, такъ я остановился подлѣ кувечка и, указывая на него, говорю: „ваше высокопреподобіе! Простите насъ грѣшныхъ: у насъ такой ужъ обычай — приносить хлѣбъ-соль новопріѣзжему своему архимандриту“.

— „Спасибо, говоритъ, спасибо за усердіе. Возьми, отнеси это монахамъ, они скушаютъ за ваше здоровье“.

„Такъ и ушли мы, продолжаетъ Поповъ, отъ него въ большомъ раздумьѣ о своемъ невѣжествѣ“.

На вопросъ о. Остроумленскаго: „послушались ли отца архимандрита? Объявили ли жителямъ его желаніе?“ Поповъ отвѣчалъ: „какъ же, батюшка! Посмотрите-ка, что теперь у насъ въ монастырѣ! Въ немъ отъ утра до вечера толпится народъ: тотъ за совѣтомъ, тотъ за утѣшеніемъ, тотъ за наставленіемъ къ отцу архимандриту. И всѣхъ оныя, родимый, принимаетъ, со всѣми бесѣдуетъ, да какъ сладко, какъ умно бесѣдуетъ. Заслушаешься, батюшка! Это намъ отца роднаго послалъ Господь, а посмотрѣли бъ вы, сколько дѣтей вокругъ его! Сами бѣгутъ къ нему со всего города. И всѣхъ ихъ самъ учить: инымъ роздаетъ книжки, другимъ крестникъ даетъ, иныхъ становить на молитву и учить молиться, другихъ грамотѣ учить приказываетъ своимъ послушникамъ“.

Молва о прибытіи новаго настоятеля въ Болховскую пустынь распространилась быстро, потому что мало того что настоятель былъ новый и прибылъ изъ далека изъ Сибири, но что оныя

оказался настоятельнымъ не зауряднымъ, недюжиннымъ, а отличающимся таковыми качествами, которыя для болховскихъ жителей были приятными и желанными новшествами. После обедни выйдеть бывало съ Евангелиемъ на амвонъ и просто и удобоволяюще объяснить дневное евангельское или апостольское чтеніе, и чтобы слушатели лучше поняли и усвоили сказанное, нѣсколько разъ повторить одно и то же изреченіе Св. Писанія. Затѣмъ тутъ же обратится къ кому-нибудь: „понялъ ли ты, что говорилъ я? Служи, не стыдись, вслухъ воѣхъ насъ, что именно понялъ ты изъ евангельскаго ученію? Отвѣчающему помогать выказаться, повторять одно и тоже и потомъ переспрашивать другихъ, пока не убѣдится, что его поняли. Замѣтивъ допущеніе, что стоитъ небрежно или оборачивается, глядѣть до сторонкамъ или разговариваетъ, подзоветъ къ себѣ поближе и спроситъ: „а что сегодня слышалъ и узналъ ты въ Божіей церкви? Слышалъ ли ты, чему здѣсь учитъ насъ сегодня Господь Іисусъ Христосъ въ святомъ своемъ Евангеліи?“—Не получивъ отвѣта, онъ обращается ко всемъ: „послушайте, други и братія! Стыдно намъ и преступно слушать безъ вниманія слово Божіе. Знаете ли, кто здѣсь предъ святымъ алтаремъ учитъ насъ грѣшныхъ? Это не мы, подобострастные вамъ и многогрѣшные проповѣдники. Нѣтъ! Насъ учитъ здѣсь самъ Господь нашъ Іисусъ Христосъ. *Не нарицайтеся учителями, единъ бо есть вашъ учитель Христосъ, все же въ братія.* Какъ же смѣемъ мы же слушать самого Господа Спасителя нашего? Иногда случалось, что въ числѣ слушателей были и такія личности, которыя, являсь въ церковь изъ любопытства или отъ нечего дѣлать, относились къ нему холодно, равнодушно, а иногда и враждебно. Такъ одна женщина, стоя въ храмѣ прямо противъ о. Макарія, озиралась по сторонамъ, трясла головой точно съ досады. Замѣтивъ ея невниманіе и злое выраженіе лица, о. Макарій пересталъ изучать и подозвалъ женщину къ себѣ.—„Зачѣмъ же это вы“, сказала она ей „все ходите къ бабкамъ ворожиться? Зачѣмъ вы ищете къ Господу Іисусу Христу и не просите Его, чтобы Онъ исцѣлилъ васъ?“ „Наши къ нему не ходятъ“, дерзко отвѣтила женщина. „Да развѣ для тебя Іисусъ Христосъ ненуженъ?“ спросилъ о. Макарій. — „Нѣтъ! мы его не требуемъ“, грубо отвѣтила женщина и съ этими словами упала и крича дичише

голосомъ стала биться объ полъ. О. Макарій благословилъ ее, сказавъ: „Господь Іисусъ Христосъ проститъ тебя, рабу Божию, и помиуетъ. Женщина стихла, а о. Макарій сталъ продолжать свою бесѣду съ народомъ.

Выходя изъ церкви, онъ приглашалъ къ себѣ въ келлію дѣтей и объявлялъ прочимъ, что всякій, кто пожелаетъ быть у него, можетъ приходиться каждый день послѣ обѣдни во всякое время дня. Дѣтей спрашивалъ у каждаго: „Знаешь ли ты какую-нибудь молитву? Какъ молишься Богу, умѣешь ли читать?“ Если оказывались знающіе молитву Господню и символъ вѣры, то заставлялъ всѣхъ пѣть и самъ пѣлъ вмѣстѣ; а знавшимъ молитвы твердо подсказывалъ. Дѣтей, которые охотно бѣгали къ нему, заставлялъ учить 50-й псаломъ, десять заповѣдей, девять изреченій евангельскихъ о блаженствахъ, Слава въ вышнихъ Богу и Тебе Бога хвалимъ. Для облегченія грамотнымъ затвердить и для чтенія, молитвы и изреченія Св. Писанія были написаны крупными буквами на картонахъ и развѣшаны по стѣнамъ. По временамъ онъ занимался съ дѣтьми по цѣлымъ днямъ. Рассказы о немъ и успѣхи дѣтей заставили и родителей являться къ нему за поученіемъ или за совѣтами. Когда желающихъ посѣтить его стало являться много, то о. Макарій сталъ дѣлить ихъ. Большинство оставалось въ залѣ и въ ожиданіи очереди слушало тамъ послушника, читавшаго Евангеліе порусски; меньшинство же приходило по изволенью человекъ и по очереди изъ залы въ гостинную, гдѣ и бесѣдовали съ о. Макаріемъ. По окончаніи себесѣдованія онъ оставшихся у него до конца заставлялъ прочесть молитву Господню и Символъ вѣры и затѣмъ отпускалъ съ благословеніемъ.

Нерѣдко въ воскресенье и праздничные дни, выходя изъ церкви, онъ приглашалъ къ себѣ въ келлію какого-нибудь нищаго, увѣчнаго слѣпца и дряхлаго старца, сажалъ на переднее мѣсто, угощалъ чаемъ, предлагалъ вѣсть и служилъ нищему оамъ. Да и любимымъ предметомъ его поученій была любовь къ бѣднымъ и увѣчнымъ. „Не забывайте“,—говаривалъ онъ часто,—„убогихъ и нищихъ нашихъ собратій, подавайте милостыню, кто сколько можетъ, и всегда и во всемъ прославляйте имя Іисуса Христа“.—И подавая милостыню, онъ всегда спрашивалъ: „А во чье имя, ради кого просишь милостыни?“ И когда получалъ въ

отвѣтъ: „ради Христа“, — то, подавая милостыню, говорилъ: „вотъ такъ-то, мой другъ, и всегда проси: прославляйте имя Господа нашего Иисуса Христа“. И самъ, подавая милостыню, постоянно говорилъ: „прими ради Христа“.

„Столько необыкновеннаго и столько поучительнаго насчитался я объ отцѣ Макаріѣ, что не повѣрилъ бы, еслибы впоследствии не убѣдился во всемъ личнымъ опытомъ“, говоритъ о. Остроумовенскій. „Съ незабвеннымъ батюшкой, отцемъ Макаріемъ я проводилъ цѣлыя ночи въ самой искренней, дружеской бесѣдѣ, когда пріѣзжалъ онъ въ Орелъ по дѣламъ монастырскимъ. Нельзя было не удивляться его любви къ слову Божию, его ревности къ духовному просвѣщенію. Бывало бьетъ уже далеко полночь, жалко станеть лишеть его сна, встану и пожелаю ему покойнаго ранняго. — „Что вы?“ скажетъ. „Куда вы?“ и запоетъ: *И ночь не спыла неспрчимъ, Христе: спыралъ же просвѣщеніе въ сладосты словесъ Твоихъ... Такъ и просидишь до свѣта. И знаете ли, о чемъ всего больше любилъ бесѣдовать отецъ Макаріѣ? Зачѣмъ мы, духовные пастыри, такъ нерадимъ объ образованіи духовныхъ овецъ, отъ Бога намъ вѣранныхъ? Зачѣмъ не сблизаемся съ ними, какъ отцы съ дѣтьми, не входимъ къ нимъ въ дома для бесѣды, не учимъ ихъ на площадкѣхъ и улицѣхъ, на поляхъ и лугахъ? Зачѣмъ не растолкуемъ имъ даже молитвы Господней, не переведемъ для нихъ порусски слова Божіи? Глупое *вотчу* такъ больно отзывалось въ его памяти, что ожъ съ сердечною скорбію повторялъ о насъ слова Христа Спасителя: *Горе вамъ, законникамъ, яко взысте ключъ разумія: сами не видосте, и входящимъ забраняете* (Лук. 11, 25)“.*

„А еслибы вы посмотрѣли и послушали, какъ онъ принималъ себя приходящихъ и какъ бесѣдовалъ съ ними!“, продолжаетъ о. Остроумовенскій. „Потому что, надо сказать вамъ, бывало, въ крайнему моему удивленію, какъ скоро узнають въ Орелѣ, что пріѣхалъ о. Макаріѣ, тотчасъ наполняется мой домъ и старцами и старицами и семинаристами и чиновниками. И какая сладостная рѣчь лилаась изъ устъ его! Какая дивная прозорливость блистала въ очахъ его! Помню, какъ одинъ молодой человѣкъ, кончившій курсъ ученія въ высшемъ заведеніи, пріѣхалъ къ о. Макарію для любознательства къ намъ для совѣта о намъ-ни-

будь. Благословивъ его, онъ устремилъ на него, молча, яркіе глаза свои, и послѣ долгаго *молчанія*, сталъ говорить, постепенно возвышая тонъ голоса: „А?... Что?... Понимаешь?“ — Грозить на него пальцемъ. Молодой человекъ поблѣднѣлъ. — „Понимаешь?“ — Тотъ зашевелилъ было губами и хотѣлъ что-то сказать, но заился слезами. О. Макарій перемѣнилъ тотчасъ грозный видъ на сострадательный и съ глубокимъ вздохомъ тихо сказалъ ему: „Не плачь, молись Господу Иисусу, взявшему грѣхъ міра и на крестъ пригвоздшему“. — Благословилъ его и отпустилъ съ миромъ“.

О. Остромысленскій, побывавшій по приглашенію о. Макарія у него въ монастырѣ, такъ описываетъ свое свиданіе съ нимъ и все видѣнное и слышанное: „По небольшому крылечку вошелъ я въ переднюю комнату архимандритскаго дома. Изъ ней одна дверь налѣво, въ залу, была растворена настежь. Вижу, вокругъ всей залы сидятъ старцы болховскіе въ глубокомъ молчаніи, а по срединѣ стоитъ аналогій, на которомъ лежитъ Новый Заветъ съ переводомъ порусски, и скромный послушникъ громко и ясно читаетъ Евангеліе на *русеномъ* языкѣ. Самаго архимандрита не было въ залѣ и дверь изъ залы въ гостинную была затворена. Не смѣя нарушить благоговѣйной тишины слушающихъ слово Божіе, я отворилъ другую дверь изъ передней и вошелъ въ довольно большую комнату. Въ ней никого не было, кромѣ какого-то живописца, который писалъ на картонахъ большими буквами изреченія библейскія и развѣшивалъ ихъ по стѣнамъ. Спрашиваю его: „Гдѣ архимандритъ?“ — „Вотъ, пожалуйста“, говоритъ, сюда“ и отворилъ мнѣ боковую изъ этой комнаты дверь. Здѣсь меня встрѣтилъ послушникъ о. Макарія и тотчасъ побѣжалъ доложить ему. Съ радушіемъ принялъ меня батюшка и провелъ чрезъ залу въ гостинную. Тамъ опять увидѣлъ я толпу гражданъ: какой-то слѣпой старецъ съ поводыремъ сидитъ на диванѣ, другіе стоятъ. Всѣмъ имъ приказалъ о. Макарій подойти ко мнѣ подъ благословеніе и потомъ, посадивъ меня на диванъ, сѣлъ самъ посреди комнаты въ кресло, и обращаясь ко мнѣ, началъ говорить: „вотъ, о. протоіерей, никакъ не выучу болховитягъ, не слушаютъ меня!“ — И обратившись къ одной женщинѣ, говоритъ: „ты почему не выучила молитву Господню?“ — Это было началомъ продолжительной его бесѣды

съ своими учениками и ученицами. Превосходительная и претростительная беседа! Черезъ нѣсколько времени потомъ нѣзъ залы стали другъ за дружкой входить въ гостинную матери съ маленькими дѣтьми. Съ особенной лаской и кроткой улыбкой подзываютъ къ себѣ о. Макаріій малыхъ дѣтожь, и благословляя каждаго, спрашивалъ: „Знаешь ли ты молитву Господню? Знаешь ли *Вѣру*? Прочитай мнѣ“. — А какъ скоро слышалъ умные отвѣты и замѣчалъ въ номъ особую охоту къ учению, тотчасъ выносилъ изъ другой комнаты маленькія книжечки и раздавалъ ихъ маленькимъ ученикамъ своимъ. — „Приходи же“, говорить каждому, „но мнѣ; да смотри же, приходи ко мнѣ почаще, я еще дамъ тебѣ книжечку“³⁵⁾. Одна изъ матерей подвела къ нему маленькую свою дочку, и когда о. Макаріій сталъ хвалить умную малютку ея, которая внятно и безъ ошибки прочитала и молитву Господню и символъ вѣры, мать ея стала говорить о. архимандриту: „она-то, батюшка, дѣвчонка хорошая, да я то вотъ, мать ея, великая грѣшница. Я такъ вчера разсердилась на нее, что сказала: „охъ, мору на тебя нѣту!“ — Услышавъ слова эти, о. Макаріій такъ и вскочилъ съ своихъ кресель. — „Какъ?“ закричалъ — „ты мать, да сказала на свое дитя: мору на тебя нѣтъ!“ „На наследницу царствія Божія говоришь: мору на тебя нѣтъ!“ „Да я батюшка...“, хотѣла что-то сказать въ свое оправданіе. — „Да что мнѣ тамъ батюшка? Ты скажи, какъ смѣла дочери своей пожелать мору? Иди, молись Богу, молись Матери Божіей!“ — Взялъ ее за руку и поставилъ на колѣни предъ иконою Богоматери. А самъ сталъ ходить по комнатамъ и громко учить предстоящихъ: „До чего мы доводимъ себя? До чего не удерживаемъ языка своего отъ зла? Материнскія уста изрекають моръ на дитя свое!“ — Остановившись потомъ, сказалъ женщинамъ: „Иди ко мнѣ“, — сталъ опять учить ее. А та захотѣла въ свое оправданіе сказать что-то: „вѣдь она... батюшка...“ — „Молчи, молчи!“ сказалъ. — „Да вѣдь она...“ — „Говорю тебѣ, молчи!“ — Зажалъ ей ротъ и сталъ учить. Но, какъ скоро отнималъ руку ото рта,

³⁵⁾ Такихъ маленькихъ книжечекъ было постоянно множество въ запасѣ у о. Макарія. Мнѣ приходилось и получать отъ него самого для раздачи. Продавались эти книжечки крайне дешево въ Москвѣ, на Никольской, въ существовавшей тамъ до перестройки зданій Синодальной конторы Сарентской лавкѣ.

женщина опять начинала жаловаться на девочку. О. Макарій снова зажал ей ротъ и говорилъ: „Ну, что такъ-то бѣдному мужу дѣлать съ такой женою: не хочетъ слышать наставленій. Языкъ мой врагъ мой!...“ Долго говорилъ на эту тему и отнял руку ото рта. Женщина замолчала. Тогда и онъ замолчалъ и смотря на нее сострадательнымъ взглядомъ, перемѣнилъ тонъ рѣчи своей и сталъ говорить тихо: „вотъ, видишь ли, какъ ты поумнѣла, какъ поразумнѣй стала, когда замолчала!“ — Женщина заплакала. — „Или не знаешь, что въ молчаньи и кротости весь умъ и красота женщины?“ — Долго училъ. Женщина упала ему въ ноги: онъ благословилъ ее и малютку, далъ и имъ книжку и отпустилъ. Такъ продолжалъ о. Макарій духовную бесѣду свою съ гражданами Болхова отъ 12 часовъ утра (какъ я пріѣхалъ) до 5-го часа. Повелъ потомъ всѣхъ въ комнату (гдѣ я видѣлъ живописца): прочли Вѣру и молитву Господню, — и отпустилъ всѣхъ. Послѣ обѣда мы пошли было посмотреть монастырь, не только что вышли на крыльцо, какъ опять увидѣли толпу гражданъ обоюго пола, съ духовными своими нуждами и просьбами пришедшихъ къ о. Макарію. Его снова на дворѣ монастырскомъ окружили алчущіе и жаждущіе слова Божія. Между тѣмъ зазвонилъ ко всенощной (это было наканунѣ Ольгина дня, іюля 11); и мы всѣ отправились въ церковь. Хотя монастырь Болховскій за городомъ, далеко за слободою; но во время всенощной церковь монастырская была наполнена молящимися. О. Макарій не пошелъ въ алтарь; а когда началась служба, онъ, остановившись посреди народа, постепенно переходилъ съ мѣста на мѣсто и тихо говорилъ что-то молившимся. Я не понималъ, чтобъ это значило? О чемъ онъ говоритъ имъ? Удивлялся только, что почти каждый богомолецъ, съ которымъ постоитъ онъ, точно какъ оживетъ, начнетъ пламеннѣй и усерднѣй, мною со слезами молиться Богу. Послѣ узналъ я отъ одного знакомаго, о чемъ говорилъ съ нимъ о. архимандритъ. — „Онъ подошелъ ко мнѣ“, — такъ рассказывалъ знакомый, — „и говоритъ: ну какъ ты молчишь? Станемъ вмѣстѣ молиться. Говори за мной: *Отецъ Ты нашъ небесный!*!“ — Я сказалъ: *Отецъ Ты нашъ небесный!*“ „Нѣтъ, нѣтъ“, — говорить, — „ты усерднѣй, отъ души скажи“ и возвысилъ тонъ голоса: *Отецъ Ты нашъ небесный!*“ — „Я повторилъ уже со вниманіемъ и съ чувствомъ“. — „Нѣтъ, нѣтъ“, говорить,

„ты еще поусердѣй и покрѣпче скажи: *Отче Ты маинъ небесный!*“—Сердце забилось въ груди моей. Я самъ возвысилъ голосъ и изъ глубины души воззвалъ: *Отче Ты нашъ небесный!*“— „Ну, молись такъ, молись!“ И пошелъ къ другимъ.“—Боже мой!“ подумалъ я тогда — „какія духовныя сокровища въ обителяхъ Твоихъ!—А у насъ говорятъ; зачѣмъ это монастыри въ городахъ? Зачѣмъ такая трата на ихъ устройство и содержаніе? Да еслибы нашелся хоть одинъ такой неоцѣненный алмазъ, развѣ не стоилъ бы онъ того, чтобы ничего не падать для его приобрѣтенія? Желалъ бы я привести такихъ мыслителей въ Оптиный Болховскій монастырь въ то время, какъ настоятельствовалъ въ немъ о. Макарій. Я увѣренъ, что перестали бъ они называть наши обители притонами празднолюбія, а напротивъ отъ души сказали бы: это—убѣжища молитвы, труда и просвѣщенія! Это—духовныя кладбища утѣшеній, ученій, совѣтовъ. Это—пристанница обуреваемыхъ житейскими тревоженіями, духовныя врачевницы для грѣшниковъ! — По крайней мѣрѣ, таково ихъ высокое назначеніе, ихъ главная цѣль“.

„Черезъ нѣсколько недѣль по приѣздѣ о. Макарія въ Болховъ, — пишетъ другой очевидецъ В. Карповъ („Орлов. Епарх. Вид.“ 1 дек. 1862 г., № 23), — начала ходить по городу молва, что прибывшій въ нашъ монастырь архимандритъ—мужъ святой жизни, узнаетъ что у тебя на умѣ, щедро помогаетъ бѣднымъ, научаеътъ всѣхъ приходящихъ къ нему уму-разуму и наставляеътъ на путь спасенія. Само собой разумѣется, что всѣмъ слышавшимъ о немъ хотѣлось видѣть его, поговорить съ нимъ. Вотъ и начали толпы народа и ѣхать и идти къ нему въ каждое воскресенье и во всякій праздникъ. У него никому нѣтъ отказа, всѣхъ одинаково радушно принимаетъ, со всѣми ласково и кѣжно бесѣдуетъ и все объ одномъ — о божественномъ и о спасеніи души. Въ его кельѣ найдешь всякій Божій день, и старцевъ и старицъ, богатыхъ и бѣдныхъ, здоровыхъ мушницъ и калѣкъ, дѣвушекъ и матерей съ грудными дѣтьми, мальчиковъ и дѣвочекъ. Изъ нихъ однимъ, по возможности, онъ даетъ деньги, другимъ раздаеътъ ленточки, крестики и образы, грамотнымъ—разныя духовныя книжки. Въ комъ изъ мальчиковъ замѣтитъ быстроту и способность къ ученію, того поручаеътъ учить кому-либо изъ своихъ велейныхъ. А какъ бесѣдуетъ то онъ! Сладко,

тройательно, назидательно, — а главное, — просто, ясно и убедительно. Я самъ испыталъ всю сладость задушевно отеческой его бесѣды, когда въ первый разъ прѣвѣхалъ къ нему: кажется, и не вышелъ бы отъ него. Къ нему идешь чуть не святимыи и многознающимъ, а послушаешь его; такъ выйдешь съ глубокимъ сознаніемъ своего невѣжества въ дѣлѣ спасенія и съ смиреннымъ чувствомъ своей грѣховности“...

Услыхавъ все это отъ своего родственника, В. Карповъ самъ побывалъ въ монастырѣ и у о. Макарія. Мы приводимъ здѣсь это простое, написанное подъ вліяніемъ перваго впечатлѣнія и безъ всякихъ риторическихъ прикрасъ описаніе г. Карпова:...

„Когда мы подходили къ монастырской горѣ, начался благовѣстъ къ поздней обѣднѣ. Лишь вошли мы въ монастырскую ограду, завзвонили во всѣ колокола. Сотни богомольцевъ, ходившихъ по двору, сидѣвшихъ и лежавшихъ, поспѣшно устремились къ большому каменному зданію съ возгласами: „батюшка идетъ, батюшка идетъ!“ За толпою пошли и мы. Здѣсь я замѣтилъ, какъ между раздвигавшеюся толпою уже на полпути къ церкви, шелъ поспѣшными шагами сгорбившійся старецъ, въ раскѣ чернаго сукна (съ откиднымъ воротничкомъ), похожей на свитку; на головѣ у него черная шапочка, въ правой рукѣ держалъ онъ простой костыль, а подъ лѣвою мышкою видѣлась какая-то книга: лица его я не могъ замѣтить въ это время, потому что онъ шелъ потупившись. Въ это время многіе изъ богомольцевъ кидались къ его ногамъ съ словами: „батюшка родимый, благослови!“ А нѣкоторые изъ женщинъ хватали полы его раскѣ и цѣловали ихъ. Словомъ — благоговѣніе народа къ этому старцу было велико. Находясь въ молитвенномъ углубленіи и спѣша въ храмъ Божій, казалось, онъ ни на что и ни на кого не обращалъ вниманія. Въ числѣ прочихъ, наконецъ, вошли и мы въ церковь и стали подлѣ клироса. О. архимандритъ стоялъ уже предъ мѣстною иконою Спасителя, съ открытою головою, безъ костыля, съ книгою подъ мышкою. Съ самаго начала обѣднѣ и до тѣхъ поръ, пока не былъ пропѣтъ причастный стихъ, онъ стоялъ полный богомыслія. После того, сдѣлавъ три почесныхъ поклона иконѣ, онъ взошелъ на амвонъ. Мгновенно вся масса народа сдвинулась съ мѣста, и стоявшіе впереди около амвона очутились около иконостаса, такъ что о. Макарій окружился

слушателями со всѣхъ сторонъ. Пома установилась тишина, онъ пристально всматривался во всѣ стороны. Я ни на мигъ не спускалъ съ него своихъ глазъ. Онъ былъ на видъ около 60 лѣтъ, средняго роста, съ небольшою сутуловатостью, голова его украшена достаточною сѣдиною, волосы краями лежали на его плечахъ; лицо его сухощавое, чистое и очень пріятное, окаймлено густою съ просѣдью бородою. Когда наступила совершенная тишина, онъ отдалъ имъвнушюся въ его рукавъ книгу близъ стоявшей дѣвицы, одѣтой съ ногъ до головы въ черное платье; потомъ изъ своего бокового кармана досталъ футлярчикъ, вынулъ изъ него очки и отдалъ его другой точно такъ же одѣтой дѣвицѣ. Послѣ этого о. Макарій началъ толковать, замрающій голосомъ провозгласилъ: „Во имя Отца и Сына и Святаго Духа“, кладя на себѣ медленно крестное знаменіе. Затѣмъ, взявъ обратно у дѣвицы книгу, и разгнувъ ее, прочиталъ: *Слашите, яко речено есть: возлюбите искреннѣю твоею, и возненавидиши врага твоего. Азъ же глаголю вамъ: любите враги ваша, благословите клнущія вы, добро творите ненавидящимъ васъ и молитесь за творящихъ вамъ зло и изгоняющія вы: яко да будете сынове Отца вашего, иже есть на небесахъ...* Я поспѣшилъ замать мѣсто какъ можно ближе къ самому проповѣднику: и вотъ что услышалъ изъ предложеннаго имъ въ это время собесѣдованія, тщательно записаннаго мною по приходѣ домой.

... „А вы, небось, думаете, что незнать какое большое дѣлаете добро, если любите любящихъ васъ? Я же скажу вамъ, что въ такой вашей любви нѣтъ христіанскаго добра. Почему? А потому, что и язычники, не знающіе Иисуса Христа, дѣлаютъ тоже самое, т.-е. любятъ тѣхъ, которые и ихъ любятъ. Да что я говорю, что такая любовь — языческая любовь? Нѣтъ, такая любовь есть и у всѣхъ животныхъ безголовесныхъ. Развѣ вы сами не видали или не слышали, что овца любитъ своего ягненка, корова — теленка, волчица — волченка, львица — львенка? Да, всякое животное любить свое дитя, а дѣти — свою мать. Нѣтъ, православные! Мы вѣруемъ въ Иисуса Христа, мы христіане, а потому и любовь наша ко всѣмъ безъ разбору людямъ должна быть христіанскою, евангельскою, Божьею. Вы спросите меня: какая же это любовь такая? А вотъ та самая, о которой на-

писано въ этой книгѣ (о. Макарій узнавалъ при этомъ на ижеишнюю у него книгу),— въ Евангеліи Господа нашего Іисуса Христа, и о которой вы слышали давеча. То-есть, если вы будете всѣмъ сердцемъ любить своихъ враговъ, благословлять проклинающихъ васъ, дѣлать по возможности добре тѣмъ, которые ненавидятъ васъ, и если вы будете молиться за обижавшихъ и гонящихъ васъ,—ну, вотъ такая-то ваша любовь и будетъ любовію Христовою. Вы, пожалуй, скажете: да какъ же это можно полюбить своего врага, да еще отъ всего сердца? Нѣтъ, это нисколько нѣтъ, это нисколько нѣтъ силъ.—„Да я вамъ не говорю, что можно это сдѣлать сразу, легко и скоро, и не увѣрю васъ, что вы можете это сдѣлать одними своими силами. Для этого надо призвать въ свое сердце, на помощь себѣ, благодать Св. Духа. Что же намъ нужно сдѣлать, чтобы благодать Св. Духа вошла въ наше сердце и и помогла намъ полюбить своего врага? Вотъ что: утромъ или вечеромъ, словомъ—когда тебѣ свободнѣе, гдѣ удобнѣе, ставъ наединѣ на колѣни предъ образомъ Спасителя твоего, или Его Матери, или какого-либо угодника Божія, и помолись, да подольше и потеплѣе помолись, говоря: Господи Іисусе Христе Сыне Божій, умершій за насъ грѣшныхъ на крестѣ, помоги мнѣ Твоею благодатію полюбить мнѣ моего врага (Ивана или Семена), да и его сердце расположи ко мнѣ! Помолись часъ, другой и третій, помолись день, другой и третій, помолись полгода, помолись годъ, и когда выйдетъ годовщина, именемъ Божиимъ увѣрю въ томъ, что Духъ Святый сойдетъ на тебя и расположитъ тебя къ твоему врагу, а его—къ тебѣ. При томъ, молясь о немъ, ты не будь невнимателенъ къ нему. Идешь ты, положишь, по улицѣ и встрѣтишься съ врагомъ своимъ, — ты возьми, да поскорѣй, скинь передъ нимъ свою шапку и, поклонясь ему пониже, скажи: Здравствуй Иванъ Ивановичъ! (тутъ о. Макарій сдѣлалъ своею рукою, какъ бы дѣйствительно снималъ съ своей головы шапку и низко поклонился)! Останешься, поведи съ нимъ рѣчь; а если тебѣ свободно, то и позови его въ себѣ, хоть на чай. Пойдетъ—значить, что онъ желаетъ съ тобой помириться; иначе онъ не только не пошелъ бы къ тебѣ, но и не заговорилъ бы съ тобою. Дома же постарайся его угостить любовно, и расстанься съ нимъ мирно, не на однихъ словахъ, но и въ сердцахъ. Положимъ, что тебѣ сразу не удалось этого сдѣлать,—не отчаивайся, а повто-

рай это великій ракъ, какъ случится тебѣ сойтись съ ними. Такии образы поступая, укъ непрѣменно расположишь его къ себѣ и помирись съ нимъ. Будь если ты будешь отращаться отъ своего врага, небычать его, злится на него и ненавидѣть его: то знай, что напрасно ты молишься, напрасно ходишь въ церковь, ставишь предъ иконами свѣчи, напрасно говѣешь и приобщаешься ея. Такии, потому что Господь не услышитъ твоей молитвы, не приметъ ижевной твоей жертвы, не пошлетъ Своего благословенія на домъ твой, и самое принятіе Тѣла и Крови Его послужитъ тебѣ въ судъ и осужденіе. А если, чего Боже сохрани и помилуй! — ты утврещь, не помирившись съ твоимъ врагомъ, съ чувствомъ ненависти и злобы въ нему: то лучше бы тебѣ не родиться на свѣтъ Божій, не увидать тебѣ царствія Божія. Аммиѣ". Окончивъ слово, и взявъ отъ дѣвушки свой еутлярчикъ, онъ пошелъ въ алтарь. Во все время этого собесѣдованія, о. архимандрить то и дѣло зашуривался. Когда же ему нужно было отдохнуть, или что называстся перевести духъ; тогда онъ подносилъ къ своимъ глазамъ очки, которыя держалъ онъ въ лѣвой рукѣ; и приоткрывался пристально вдаль церкви черезъ народъ, или осматривался во все стороны. Глубоко было вниманіе народа и сильно западало въ его душу слово испытаннаго проповѣдника; я долго потомъ не могъ придти въ себя отъ сердечнаго умиленія. У многихъ слушателей видны были на глазахъ слезы, а нѣкоторые изъ женщинъ плакали вслухъ".

„По окончаніи объѣди о. архимандрить вышелъ изъ алтаря царскими вратами съ нѣсколькими сослужителями въ облаченіяхъ и, ставъ передъ аналоемъ, началъ служить акаѣистъ Божіей Матери. Передать все чувства умиленія и восторга сердечнаго, наполнявшія душу при слушаніи чтенія о. Макаріемъ акаѣиста, нѣтъ никакой возможности. Господь, по милосердію Своему, дастъ грѣшнымъ намъ, черезъ вѣрныхъ своихъ служителей, предвкушать, хоть на мгновеніе, небесную сладость и неземной восторгъ молитвы. Эти минуты въ моей жизни навсегда останутся незабвенны. Окончивъ акаѣистъ и разоблачась, о. архимандрить вышелъ изъ алтаря и прямо пошелъ, между раздавшимся народомъ, къ иконѣ Тихвинской Божіей Матери. Подойдя къ лику Царицы Небесной, онъ сомкнулъ глаза и, простоявъ такъ около

двухъ минутъ, приложился къ рукѣ Ея. Послѣ того, простоявъ опять такъ же и столько же около иконы, онъ пошелъ изъ церкви. Въ ту жъ минуту вой устремился къ нему за благословеніемъ, которое онъ началъ раздавать на пути до самой своей кельи... Когда мы вошли въ первую довольно просторную комнату о. архимандрита, прежде всего поразило меня то, что около аналойчика, стоящаго противъ иконостаса, приставленнаго съ правой стороны со входа къ стѣнѣ, — болѣе десяти мальчиковъ пѣли громкими и пріятными голосами стихи изъ „Блаженствъ“. Въ это время я успѣлъ осмотрѣть эту комнату. По бѣлымъ стѣнамъ ея развѣшаны были разной величины картонны, исписанные разными библейскими изреченіями, преимущественно взятыми изъ священныя книгъ: Премудрости Соломона и Иисуса сына Сирахова; десять тоже заповѣдей Моисея красовались на огромномъ картонѣ съ буквами болѣе нежели съ вершокъ. Онъ первый долженъ были бросаться въ глаза каждому входящему въ эту комнату. Между этими картонами, кой-гдѣ, помѣщались съ священными изображеніями небольшія картинки (значить съ полѣтка тому назадъ о. Макарій ввелъ у себя наглядное обученіе, появившееся у насъ лишь только недавно). Вся эта комната была наполнена разными посѣтителями-богомольцами: тутъ были и дѣвицы въ черномъ одѣяніи, поддѣвавшія своими голосами пѣвшимъ мальчикамъ; многіе во время этого пѣнія молились на колѣняхъ. Не дождавъ конца пѣнія, мы вошли въ залъ, соседній съ этой комнатой. Здѣсь тоже сидѣли и стояли посѣтители, но самаго о. Макарія не было. Келерникъ нѣкоторымъ изъ нихъ подносилъ чай. На вопросъ нашъ: „гдѣ же о. архимандритъ?“ Келерникъ отвѣчалъ: „въ своей комнатѣ, занять чѣмъ-то нужнымъ; онъ скоро выйдетъ — присядьте“. Черезъ нѣсколько минутъ вошелъ въ залъ о. архимандритъ. Увидавъ мою Божовскую родственницу, онъ поспѣшно подошелъ къ ней съ восклицаніемъ: а, а, а, А. С! Вотъ это хорошо, что пожаловали. Принявъ благословеніе, она отрекомендовала ему меня. Благословляя меня, онъ, что называется, впился въ меня своимъ испытующимъ и проникающимъ взглядомъ, отъ котораго вся моя душа пришла въ необъяснимый для меня трепетъ. Когда онъ, указывая на мѣсто, просилъ насъ садиться, родственница моя, благодаря его за честь, объяснила ему причину, по которой мы

не можешь, въ несчастіе, воспользовался радушіемъ его (предъ-
 ступишь временемъ у жены моеѣ сильно разбитъеъ голова).
 „Ну, такъ съ Богомъ! Въ другой разъ приходите пить чайку
 и небесѣдовать“. Промаяся это, онъ началъ напутствовать
 насъ благословеніемъ. Когда мы проходили переднюю, мальчуган
 уже пѣлъ: *Помяни насъ Господи, сюда приидеши во царствіи Твоемъ*.
 Помояся иконамъ, мы вышли. Во всю дорогу я былъ занятъ
 мыслию о слышанномъ и видѣнномъ. Да, о. Макарій великъ по
 облагодатствованному уму и святости жизни. Его слово и жизнь
 нѣсколько располагаютъ каждаго, видѣвшаго и слышавшаго его,
 помочь отъ всей души благочестіе: его келья — истинно хри-
 стианское училище для посѣтителей. Да и мудрымъ сего міра
 было чему поучиться у него“.

О неустанной благотворной дѣятельности о. Макарія до концы
 его жизни свидѣтельствуютъ видѣнія его въ Болховской Опти-
 ной пустыни. Бакмаляръ казанскій академикъ, іеромонахъ Пам-
 сій Пылаевъ пишетъ къ Иннокентію, архіепископу херсонскому²⁶⁾:
 „здѣсь въ близъ лежащемъ Тихвинскомъ²⁷⁾ монастырѣ
 Богъ привелъ меня въ престой день выслушать слово настоя-
 теля здѣшняго монастыря, исполненное силы и жизни. Это нѣкто
 о. Макарій, прежде бывшій миссіонеръ. Онъ импровизировалъ
 изъ текста: *творите молитвы, моления и прошения за царя и*
за вся челоуки, жеже во власти суть, и тѣмъ напомигъ мнѣ
сладостный долгъ вспомнить и о васъ предъ Царемъ царей! О.
 Макарій говоритъ такъ ежедневно и владѣеть удивительнымъ
 искусствомъ передавать самыя высшія истины простыми и об-

²⁶⁾ «Православн. Собесѣдникъ» 1885, февраль.

²⁷⁾ Болховскій монастырь, гдѣ настоятельствоваъ о. Макарій, называется
 Тихвинскимъ, потому что въ монастырѣ обрѣтается чудотворная Тихвинская
 икона Вожіей Матери. Ежегодно, въ день явленія иконы, 26-го іюня, стекается
 туда множество богомольцевъ. О происхожденіи иконы свидѣній нѣтъ, а о са-
 момъ монастырѣ упоминается въ лѣтописяхъ въ первый разъ въ 1618 л., по
 случаю разрушенія его литовцами. Монастырь возобновленъ въ 1620 году; а со-
 борная церковь построена царемъ Алексѣемъ Михайловичемъ и его первой су-
 пругой, царицей Маріей Ильиничной, для поминовенія ея родственниковъ князей
 Милославскихъ, въ монастырѣ похороненныхъ. Въ запискахъ значатся пожертво-
 ванія и отъ Іоанна и Петра Алексѣевичей 300 руб. и отъ императрицы Елиза-
 веты Петровны 2000 руб.

своими словами. На него смотрят какъ на святаго. Онъ привлекаетъ къ себѣ всю окрестность своимъ бесѣдами: говорилъ въ простой день, а деревня полна была народомъ. Между прочимъ въ бесѣдѣ со мной жалѣлъ о томъ, что между пастырями въ настоящее время нѣтъ общенія, какое было въ первообытной деревнѣ. По его словамъ, тогда каждый бы могъ дѣлиться своею опытностью съ другими, и жизнь шла бы полнѣе и обильнѣе. Жаловался, что не позволяютъ переводить Библию. Мысль Духа Божія тогда для всѣхъ была бы доступнѣе²⁸⁾.

„Немного, всего около пяти лѣтъ²⁹⁾ настоятельствовавъ здѣсь о. Макарій, но и въ это короткое время онъ успѣлъ заслужить знаменитость во всей епархіи своею просвѣщающею пастырскою опытностію и истинно-христіанскою жизнію („Орлов. Епарх. Вѣдомости“ 1875 г., сентябрь, № 17). Никогда еще богомольцы не стремились въ такомъ множествѣ въ Болховскій монастырь, какъ это было при архимандритѣ Макаріѣ. Крѣпкіе святыни самаго монастыря, сюда привлекало многихъ желаніе видѣть о Макарія, принять отъ него благословеніе, получить мудрый совѣтъ или утѣшеніе въ скорби, и особенно послушать его проповѣдическаго слова, которымъ онъ то морилъ душу грѣшника до глубокаго раскаянія, то возбуждалъ въ ожесточенномъ сердцѣ оладкую божественную любовь, то возмужалъ въ отчаяніи лучъ надежды. Рѣдкое слово его не отдавалось въ слушателяхъ словамъ умиленія и неудержимыхъ вздоховъ (намъ нѣравъ приходило слышать отзывы тѣхъ, которые издали приходили въ Болховскій монастырь и имѣли случай насладиться пастырскимъ его словомъ. По ихъ признанію, это слово было такъ живо и дѣйственно, что и по прошествіи десятковъ лѣтъ они всецѣло проникаются чувствами проповѣдника и какъ бы слышатъ его предъ собою). Велико было вліяніе незабвеннаго старца Божія на жителей города. Въ то время въ Болховѣ существовалъ еще грубый обычай, по которому двушники, до своего замужства, считали за стыдъ ходить въ церковь³⁰⁾. Вѣроятно того,

²⁸⁾ О. Макарій скончался 19-го мая 1847 г. следовательно настоятельствовавъ всего около трехъ лѣтъ.

²⁹⁾ Обычай этотъ существуетъ и теперь въ разныхъ мѣстностяхъ Костромской губерніи и перенятъ, вѣроятно, также какъ и въ Калужской губерніи, у раскольниковъ.

чтобы идти въ храмъ, одѣ выносили предъ ворота окаяны и садялись въ полномъ нарядѣ, тутъ же являлось молодое люди и „перестылись“. Тамъ же окаяны во время всеночного богослуженія устраивались воѣ улицы города. Архимандритъ Манарій съ песокомъ въ руцѣ обходилъ въ это время улицы города и своими убѣжденіями, а также и пастырскими поученіями съ церковной казены, успѣлъ искоренить этотъ обычай“.

Его вліяніе было сильно и не на однихъ только простой народъ. Вліянію его подчинились и богатые, и не только на едѣвакѣ, но и на дѣлѣ. Въ Болховѣ было одно семейство, которое отдало свой домъ богатой купчикѣ въ залогъ, для обезпеченія занятой у нея суммы въ 800 рублей. Но имѣя чѣмъ уплатить долга, несчастное семейство должно было лишиться послѣдняго имущества, потому что кредиторша не соглашалась простить долга. О. Манарій пригласилъ обѣ стороны, успѣлъ умеротворить и разжалобить кредиторшу такъ, что она простила долгъ и уничтожила закладную.

Припомнимъ еще одинъ замѣчательный случай, описанный въ „Странникѣ“ за 1860 г. въ январьской и апрѣльской книжкахъ и двумя различными лицами: въ январьской — о. Остроумленскимъ, въ апрѣльской — А. Струдовѣй. Такъ какъ оба разсказа въ существѣ своемъ совершенно сходны, то мы и приведемъ случай этотъ только въ главныхъ чертахъ, оставя подробности въ сторону. Почти за годъ до кончины своей о. Манарій собрался въ Москву, куда ему вѣдѣлъ черадко и дѣй гащиваль, какъ мы уже знаемъ, у митрополита Филарета, оставаясь въ его покоехъ у Троицы въ Троицкомъ. Каждый разъ, когда о. Манарій уѣзжалъ изъ Болхова, цѣлая толпа народа обиралась провожать его; а передъ этой послѣдней поѣздкой его пронесся слухъ, что онъ уѣзжаетъ совѣтъ и больше не вернется. Народу собралось множество. Въ минуту отъѣзда, незнакомка пожилыхъ дѣтъ, приблизившись сквозь толпу, бросилась ему въ ноги, умоляя его исповѣдаться. Какъ ни извивался о. Манарій благостію отъѣзда и невозможностью совершить таинство исповѣди иначе какъ по церковному чиноположенію — въ епитрахиль, переку въ престолѣ, — какъ ни совѣтовалъ ей обратиться къ какому духовнику, женщина продолжала плакать и, претолупне, молить: епо, Тогда онъ предложилъ ей исповѣдаться всенародно, чтобы всѣ и помо-

лились за нее, по слову Божию: *исповдайте другъ другу сопришениа ваши и молитесь другъ за друга.* „Соблазна-то отъ моего грѣха никому не будетъ, да какъ-то стыдно, батюшка, признаться предъ всеми“. „А если соблазна не будетъ, то только стыдъ одѣвъ иѣшаетъ тебѣ выбросить змѣю изъ-за пазухи, значить—ты не боишься этой змѣи и, ты не боишься притать и грѣтъ ее! Чего стыдишься?“ Женщина согласилась и рассказала, что въ молодые годы, служа въ частномъ домѣ, и пользуясь полнымъ довѣріемъ хозяевъ, украла жемчужину отличной величины тотчасъ послѣ смерти хозяина и скрыла преступленіе отъ всѣхъ домашнихъ его. „Возврати украденное“, сказалъ о. Макарій, „безъ того покаяніе твое будетъ несполно“. „Некому отдать“, отвѣчала женщина, наследники и всѣ родственники умершаго примерли, жемчужину я продала и деньгами прожила.“ „Отдай Господу и нищимъ Его.“ „Я и сама стала нищая на старости лѣтъ. Попуталъ меня грѣхъ, и съ тѣхъ поръ мнѣ нѣтъ покоя“. „Станьте же всѣ на колѣни“, сказалъ о. Макарій, и сталъ тихо молиться. А потомъ сказалъ женщинѣ: „проси милостыню; а что собираешь, все отдай бѣднымъ ради своей души, неча не раздашь всѣ деньги, какія выручила ты за проданную жемчужину“. Женщина стояла на колѣняхъ, лицомъ припадая къ землѣ. „Встань, дочь моя, да обойди всѣхъ братій и сестеръ, которые нась обетупаютъ: они помогутъ тебѣ“. Когда женщина собралась уже нѣсколько денегъ, о. Макарій велѣлъ ей все раздать слѣпцамъ, которые стояли съ сумками. Потомъ сказалъ ей, чтобъ она приходила въ церковь къ нему, конечно по его возвращеніи изъ Москвы, „и когда будешь говѣть, я еще поговорю съ тобой“, прибавилъ онъ. Затѣмъ онъ уѣхалъ въ Москву, сопровождаемый толпой народа, которая кричала ему: не покидай насъ, батюшка! Вернись къ намъ, родимый!

Продолжая заниматься съ о. Макаріемъ во временахъ и во время прѣздовъ его въ Москву, мнѣ пришлось сослужить ему еще одну службу и въ его послѣдній прѣздъ. О. Макарій давно изъявлялъ желаніе познакомиться поближе и побесѣдовать съ римско-католическимъ аббатомъ и съ лютеранскимъ настоятелемъ. Съ французскимъ аббатомъ Отранъ познакомилъ о. Макарія одинъ изъ его иновѣрныхъ почитателей и слушателей, и известившій въ Москвѣ своею благотворительностью докторъ Газъ; основатель не-

линейской больницы, ветеран и теперь еще въ народѣ носить названіе Газевой. Съ лютеранскимъ пасторомъ Дитрихъ евести о. Макарія пришлось мнѣ. Въ то время это было не особенно легко; потому что въ Остзейскомъ краѣ были стремленія къ переходу въ православіе, противъ чего враждовали бароны и особенно пасторы, которые никогда не отличались, да и теперь не отличаются толерантною. Мы не безъ намѣренія употребили ихъ любимое слово противъ насъ православныхъ. Дядя мой по матери принадлежалъ къ остзейскому рыцарству, держащемуся, какъ извѣстно, исключительно лютеранскаго исповѣданія. Мать моя, оставаясь и не выходя изъ моего отца, православнаго русскаго помѣщика, лютеранкой, была прихожанкой церкви св. Михаила въ нѣмецкой слободѣ. Въ Москвѣ и въ то время были уже два лютеранскіе молитвенныя дома или двѣ церкви (Kirche), какъ они тогда назывались. Въ первой старинной, св. Михаила, принадлежало все выходящее общество нѣмецкой колоніи съ прѣстарѣлымъ коммандантомъ Стаалемъ во главѣ, бароны Врангель, Соммаруга и друг., нѣкоторые сенаторы и самые старые, издавна поселившіеся въ Москвѣ дома нѣмецкаго купечества: Розенштраухъ и друг., и вообще всѣ вѣрные старинныя преданія лютеранско-лютеранскаго исповѣданія (Altgläubige). Пасторы церкви св. Михаила отличались строгой благочестивой жизнью: Kartenspiel и Tauschgesellschaft въ ихъ семейномъ быту не допускались. Въ другой новой—св. апостоловъ Петра и Павла на Маросейкѣ принадлежали почти все вновь прибывавшіе члены нѣмецкой колоніи. Здѣсь уже допускались нѣкоторые новшества и вѣянія Тюбингенской школы. Это были уже Neugläubige, которые первыхъ величали піетистами, геритутерами. О. Макарій пожелалъ повидаться съ пасторомъ церкви св. Михаила, съ которымъ я былъ знакомъ, даже какъ и моя мать. Предупредивъ пастора и заручившись его согласіемъ, я извѣстилъ о. Макарія. Въ условленный день онъ пріѣхалъ къ намъ подъ вечеръ и въ ожиданіи назначеннаго для свиданія часа провелъ у насъ время въ бесѣдѣ съ нами, гдѣль книжамъ и самъ акомпанировалъ себя на фортепіано. Мы ножили къ пастору, когда уже совсѣмъ стемнѣло. Предосторожность эта была необходима для обоихъ въ то время. Мы уже упоминали о волненіяхъ въ Остзейскомъ краѣ. Свиданіе и бесѣда отличались чисто христіанскимъ характеромъ.

Хотя о. Макарій и хорошо знал нѣмецкій языкъ, но объясняться на немъ бѣгло за недостаткомъ практики и привычки не могъ, а пасторъ по русски говорилъ совсемъ плохо. Беседа, длившаяся почти до полуночи, велась на латинскомъ языкѣ, на которомъ оба объяснялись не только безъ малѣйшаго затрудненія, но также бойко какъ на живомъ языкѣ. Оба относились другъ къ другу съ видимымъ и полнымъ уваженіемъ; и хотя убѣжденія и мнѣнія ихъ очевидно не во всемъ были сходны конечно; но при разговариваніи архимандритъ и пасторъ обаялись и подѣлялись въ исто-христіанскімъ духѣ. О. Макарію (былъ по видимому доволенъ этимъ свиданіемъ, и когда мы возвращались отъ пастора, настроеніе духа о. Макарія приняло отънюдь восторженности. Чудная ли теплая, севернешколотная, звѣздная ночь, не совсемъ обычная для конца августа, мысли ли, высказанныя пасторомъ и во многомъ и главномъ сходившіяся съ православными вѣрованіями (нѣмцы, вероженныя теблннгемской школой, не даромъ обзывали этого пастора піетистомъ, ортодоксомъ), или то и другое вмѣстѣ имѣли воздѣйствіе на о. Макарія. Онъ сталъ поэтизировать и между прочимъ сказалъ: отчего бы не построить въ Москвѣ такого храма, въ которомъ бы, какъ въ Иерусалимскомъ, совершалось въ трехъ шрифтлахъ священнодѣйствіе трехъ главныхъ христіанскихъ исповѣданій: православнаго, римско-католическаго и лютеранскаго? Такая братская вѣротерпимость скорѣе и надежнѣе словесреній послужила бы къ общему христіанскому единенію.

Въ послѣдній прїездъ о. Макарія въ Москву онъ почему-то остановился не у митрополита Филарета, а у г. Попова. Въ „Чтеніяхъ Общества любителей духовнаго просвѣщенія“ 1872, VI, стр. 106, есть письмо митрополита Филарета къ о. Макарію, которое наводитъ на мысль, что между ними было въ то время что-то не совсемъ ладно. Митрополитъ Филаретъ, всегда радушно приглашавшій о. Макарія къ себѣ, на этотъ разъ отказалъ ему въ гостепримствѣ, хотя и приглашалъ въ то же время посѣщать его. Случилась ли какая-либо размолвка между ними, или митрополитъ Филаретъ, оберегая себя, сталъ уже очень остороженъ въ отношеніяхъ своихъ къ о. Макарію, — допытаться трудно, особенно теперь по прошествіи почти полулѣта. Въ то время это не казалось страннымъ, потому что тогда очень многие изъ москвичей же-

дали и несли жить гостемъ о. Макарія. Вотъ это письмо: „Преподобнѣйшій! стою архимандритъ! Прощу прощенья въ молчаніи; но лучше ли молчанія будетъ и слава? Желаніе Троицкаго подворья очень радъ, какъ всегда, вашему посещенію и вашей бесѣдѣ; но подворье не очень желаетъ послушать вашему жителству, потому что хочетъ болѣе пріимать беречь немощь своего хозяина, при расположеніи комнатъ, неудачнымъ для расположенія жителствъ. Вы, кажется, и прѣдете отъ меня, что проситесь въ Іерусалимъ; но я много разъ о семъ слышу, и хотя однажды слышу, что, кажется, подвигъ вашъ совершенъ прежде, когда вы просили о семъ начальство и при его молчаніи на просьбу, хорошо было бы воспользоваться случаемъ къ упражненію въ отреченіи отъ своей воли. Не гнѣвайтесь на меня и приходите бесѣдовать со мной, какъ прежде, въ любви и искренности, съ которыми пребываю и надѣюсь пребыть вашего высокопреподобія покорнѣйшій слуга Филаретъ, митрополитъ московскій. Москва, августа 9-го 1846“. Какъ-то странно звучитъ тонъ этого письма. Митрополитъ Филаретъ и прежде не разъ, какъ мы знаемъ, высказывалъ свое недовольство о. Макарію по разнымъ поводамъ, но никогда не отказывалъ ему въ гостепрѣимствѣ и напротивъ постоянно приглашалъ его къ себѣ на подворье и въ Москву и въ Петербургъ. Изъ письма (стр. 98), приведеннаго нами уже прежде, видно, что митрополитъ Филаретъ какъ-будто былъ и недоволенъ, что о. Макарій обратился къ вв. А. Н. Голицыну, прося найти квартиру и пищу за обученіе дѣтей, а не прямо къ митрополиту Филарету; а теперь онъ положительно отказываетъ въ помѣщеніи у себя и приглашаетъ только приходитъ бесѣдовать. Расположеніе комнатъ на Троицкомъ подворьѣ оставалось тоже, и присутствіе о. Макарія не могло сдѣлаться вдругъ почему-то стѣснительнымъ. О. Макарій помѣщался въ комнатѣ, соедѣнной съ столовой; но комната о. Макарія сообщалась съ отдѣльнымъ совершенно подъездомъ, и присутствіе о. Макарія, такъ часто останавливавшагося тамъ, никакъ не могло вдругъ произвестъ стѣсненіе. Ясно, что тутъ крылась какая-либо другая причина. Не была ли поводомъ къ этому предпринятая о. Макаріемъ пѣздка въ Іерусалимъ? Не опасаясь ли митрополитъ въ некоторой доли отвѣтственности въ томъ случаѣ, если о. Макарій, не срывавшій желанія остаться

до конца дней своихъ въ Іерусалимѣ, идуности заграничной отъѣздъ въ печать своей переводъ Библіи? Не потому ли митрополитъ и намекать въ кривдедномъ письмѣ своемъ о предполагаемой повѣдѣ о. Макарія въ Іерусалимъ?

По возвращеніи въ Болкови изъ своей послѣдней поездки въ Москву, о. Макарій продолжалъ проводить дни въ бесѣдахъ съ поспыщавшими его, а почти въ нерасмотрѣ своего перевода Библіи и въ перепискѣ съ разными лицами. Спалъ онъ очень мало, да и то на диванѣ или кровати безъ подушки; наголовьемъ ему служила ручка дивана или стѣнная кровать; спалъ онъ почти не раздѣваясь. Кромѣ книгъ и тетрадокъ, чернилъ и пера у него ничего не было и послѣ него не осталось. „Да и на что монаху имущество? говаривалъ онъ: ему не нужно ни шкатулокъ, ни кошельковъ: бѣдныя и убогіе — возьмѣ его шкатулки! Что въ нихъ положишь, того не украдутъ воры; те отшпрутъ только на томъ свѣтѣ“. Послѣ него осталось только одно сокровище, да и то мало цѣнное, — сокровище, которое онъ неустанно и терпѣливо копилъ и оберегалъ въ тенѣи половины своей жизни, выжидая удобнаго времени подѣлиться этимъ сокровищемъ со всеми жаждущими его. Это сокровище — плодъ его удивительно-настойчиваго, не смотря на всѣ препятствія, непріятности и огорченія, труда — русскій переводъ Библіи. При жизни онъ училъ имъ подѣлиться только съ немногими, да и то въ рукописяхъ. Въ печати его переводъ Библіи появился уже лѣтъ черезъ двѣнадцать послѣ его смерти. Богъ знаетъ, когда мы увидимъ въ печати этотъ замѣчательный трудъ отдѣльной книгой. Мы не считаемъ себя вправе входить въ оцѣнку его перевода, но не можемъ не замѣтить, что намъ кажется страннымъ, особенно въ наше время, что одной изъ причинъ неоявленія въ печати его перевода Библіи можетъ быть несогласность перевода, и то мѣстами, съ текстомъ 70 толковниковъ и общеупотребительнаго церковно-славянскаго. Противъ несоосѣтственности перевода о. Макарія съ означенными текстами возставалъ самъ покойный митрополитъ Филаретъ только по отношенію къ употребленію въ церкви, а не въ отношеніи вѣрности перевода съ подлиннымъ текстомъ еврейской Библіи. О. Макарій былъ отличный знатокъ еврейскаго языка, его уцѣпить и въ малѣйшей не-вѣрности перевода было трудно, или и вовсе невозможно. Мысль,

поверую лѣглась о. Макарій относительно предполагавшейся имъ поѣздки въ Палестину, гдѣ онъ надѣялся окончательно просмотрѣть свой переводъ, а можетъ-быть даже напечатать его, тоже не осуществилась. Передъ самымъ отъѣздомъ, когда уже все было готово и всѣ сборы въ путь были окончены, онъ захворалъ и отошелъ другимъ, моремнымъ путемъ, опочивъ 18 мая 1847 года. Замѣчательна была и кончина этого истиннаго подвижника русской церкви. Очевидцы его кончины рассказывали, что незадолго до его болѣзни одинъ юродивый, часто приходившій къ нему, въ отвѣтъ на слова о. Макарія: „какъ бы мнѣ хотѣлось умереть въ Иерусалимѣ!“ отвѣтилъ: „я знаю одинъ островъ, тамъ Тихвинская Божія Матерь: вотъ тамъ-то хорошо тебѣ, отецъ Макарій“. Волховскій монастырь, называющійся и Тихвинскимъ, какъ было объяснено выше, расположенъ точно на островѣ, стоя на шестѣ; омывается съ одной стороны рѣкой, а съ другихъ—глубокими оврагами, промываемыми водой. О. Вербицкій приписываетъ слова юродиваго тому же М. А. Атласу, который, какъ мы знаемъ, подавъ совѣтъ о. Макарію идти на проповѣдь въ Сибирь. По письмамъ о. Макарія (ч. I, стр. 221) М. А. Атласъ часто навѣщалъ его и въ Оптиной пустыни, гдѣ и скончался въ одной изъ комнатъ о. Макарія и похороненъ имъ въ томъ же монастырѣ, но задолго до болѣзни о. Макарія.

Болѣзнь о. Макарія, подверженнаго съ малолѣтства грудному натарру, началась воспаленіемъ легкихъ, печени и желудка и перешла въ состояніе тифозное. Не смотря на врачебныя пособія, въ которыхъ небыло недостатка благодаря усиліямъ врачей,—митрополитъ Филаретъ прислалъ даже изъ Москвы своего,—болѣзнь быстро развилась при крайнемъ истощеніи силъ отъ неутомимыхъ трудовъ и при полномъ небреженіи о своемъ здоровьѣ о. Макарія. Постоянно крѣпкій и терпѣливый, онъ съ удивительнымъ смиреніемъ выносилъ жестокаго страданія. Утративъ силу голоса еще въ отрочествѣ послѣ болѣзни, онъ всегда говорилъ довольно тихо, а во время болѣзни съ трудомъ можно было разобрать слова, которыя онъ произносилъ. Въ чертахъ его лица высказывалось благоговѣнное настроеніе. Послѣ его кончины въ бумагахъ его нашлось написанное имъ когда-то карандашемъ четверостишіе, что имѣло поводъ некоторымъ свидѣтелямъ его кончины думать, что онъ написалъ это наканунѣ

смерти, но оно было написано прежде, да и до того ли ему было, когда онъ едва могъ руки поднять.

Мой Богъ, мой Царь-Отецъ! Спаситель дорогой,
 Пришелъ желанный день! Паду передъ Тобой!
 Еще я на землѣ! Но духъ Тобой трепещеть!
 Эри! Святить горній лучъ Заря безсмерта бещеть!

Когда къ нему въ келію принесли Св. дары, онъ просилъ приподнять его и сталъ на колѣни. Полагая на себѣ крестное знаменіе, онъ три раза медленно, тихо, благоговѣйно преклонилъ голову къ землѣ. Потомъ просилъ воднять его, сѣлъ въ кресло и потребовалъ полотенце и воды. Омывши лице, взявъ требникъ и прочитавъ молитвы въ благодушномъ настроеніи, приобщился Св. Таянъ. Когда онъ опять прилегъ въ постель, то лежалъ все время молча и неподвижно, точно готовясь предстать предъ Господомъ. Еще будучи на Актахъ, говорилъ онъ: „прійдетъ время, когда и меня позоветъ къ себѣ Господь: Макарій! — я, Господи! — Иди сюда! И страхнеть гнилюю плоть мою“. — Кончины его ожидали ежеминутно. Вдругъ онъ быстро поднялся и сказалъ: „Святъ Христовъ, просвѣщаетъ всѣхъ!“ склонилъ голову. Его бросились поддержать, положили на подушку, и онъ тихо отошелъ.

Когда тѣло покойнаго поцеловалось, положить на столъ, то не нашлось у него и другой простыни, кромѣ одной толстой, узенькой и коротенькой. Одѣли его въ старое платье, потому что лучшаго и не было, епитрахиль положили тоже старую и даже ветхую, ту самую, которую онъ когда-то получилъ отъ своего духовнаго отца, старца Даверія, отъ котораго принялъ и постригеніе. Гробъ по завѣщанію о. Макарія былъ приготовленъ для него необитый и неукрашенный. Похоронили его въ монастырскомъ соборномъ храмѣ, на правой сторонѣ трапезы, въ склепѣ, приготовленномъ бывшимъ настоятелемъ монастыря архимандритомъ Иринеємъ. Во время богослуженія покойнаго о. Макарія кто-то заботливо спросилъ его: не угодно-ли ему будетъ, чтобы тѣло его было погребено въ этой пещерѣ? На что онъ отвѣчалъ, что ему все равно, и лишь выразилъ желаніе казенною монастыря и заповѣдалъ, чтобы гробъ его ничѣмъ не украшать, а только написать крестъ и слова Спасителя: *Азъ есмь воскресеніе*

и осмелитъ: *спружій съ Мя, аще и умретъ, оживетъ. И всякъ азистый и спружій съ Мя, не умретъ во вѣки.* Хоронилъ его преосвященный Смарагдъ, бывшій въ то время орловскимъ архіепископомъ: онъ пріѣхалъ нарочно въ Болховъ, чтобы почтить память великаго старца. Подошедши къ покойному, архіепископъ Смарагдъ поклонился до земли три раза, совершилъ погребеніе и предъ выносомъ изъ церкви, внесъ тѣло святыми царскими вратами въ олтареъ, обнесъ его вокругъ престола и вынесъ его въ царскія врата; по выносѣ же изъ церкви, обнесъ его кругомъ церкви и потомъ уже опустилъ въ гробницу, для упокоенія его приготовленную.

Впоследствии чтители памяти о. Макарія распространили традицію соборной церкви и устроили, согласно содержанию означенныхъ текстовъ, два придела: одинъ на правой сторонѣ — Воскресенія Христова, гдѣ нога самымъ престоломъ находится гробъ о. Макарія, и другой — на лѣвой сторонѣ — Воскресенія праведнаго Лазаря, къ которому и отнесены въ Евангеліи вышеприведенныя слова Спасителя. Благоговѣющіе къ памяти о. Макарія заходятъ послѣ церковной службы въ пещеру на мѣсто его упокоенія, гдѣ и служатъ панихиды.

Почти полвѣка прошло съ того дня, какъ отошелъ въ вѣчность о. Макарій; но живы еще дѣла его, также какъ и память о немъ; живы и сѣмена посѣянныя имъ, они возрасли и дали богатую жатву, особенно на Алтаѣ. Тамъ и до сей поры въ устроенной имъ алтайской миссіи свято хранятся и соблюдаются его наставленія и совѣты. Когда въ 1880 г. алтайская духовная миссія праздновала свой пятидесятилѣтній юбилей, то празднество это состояло изъ богослуженій въ Бійскѣ, Майнѣ и Улаѣ, гдѣ о. Макарій началъ свою дѣятельность. Начальникъ алтайской миссіи, преосвященный Владиміръ, епископъ бійскій, востановилъ въ памяти дѣла о. Макарія, въ глубоко прочувствованныхъ словахъ высказалъ дѣлю уваженія къ его просвѣтительной епископальной дѣятельности. Прочитавъ описаніе этого юбилея въ № 5 „Томскихъ Епархіальныхъ Вѣдомостей“ (1881), necessarily приходишь къ заключенію; что все торжество алтайской миссіи состояло исключительно въ чествованіи памяти ея основателя. „О. Макарій“, говорилъ преосвященный Владиміръ, „пятидесятъ лѣтъ назадъ привнесъ сюда съ собою ту благу

отъстѣ, которую до него не слышали въ этихъ мѣстахъ, населенныхъ, до прибытія о. Макарія, почти одними идолопоклонниками. „Здѣсь“, сказала владыка, „первую свою горячую молитву вознесъ о. Макарій за нихъ, дабы Господь просвѣтилъ ихъ, находившихся во тьмѣ языческой, а въ томъ: Своего ученика здѣсь кажда за нихъ первая слеза о. Макарія: здѣсь валилъ его первый водою... Здѣсь посѣдно о. Макаріемъ то первое сѣмя, которое въ продолженіи пятидесяти лѣтъ выросло въ то огромное дерево, и съ такими обильными плодами, которые видны каждому вочію“.—Плоды, дѣйствительно, были налицо: мочи всѣ молящіяся, которыхъ была полна церковь—дѣти и внуки вращались о. Макаріемъ; некрещенныхъ же нѣтъ ни одного не только въ Маймѣ, но и далеко за предѣлами ея. Въ заключеніе архипастырь напомнилъ молящимся объ обязанности ихъ молиться о душѣ незабвеннаго о. Макарія не только теперь, но и всегда до конца жизни своей; и чтобы молитву о немъ вѣрили въ обязанность и дѣлать своимъ, такъ чтобы молитвенная память объ о. Макаріѣ передавалась изъ рода въ родъ. — „Блаженной памяти о. Макарій“, сказала владыка, „былъ образецъ высочайшаго нравственнаго совершенства. Онъ былъ человекъ крѣпкой вѣры, непоколебимой надежды и всегда пламеннѣйшей любви къ Господу Іисусу: отъ того-то всѣ дѣла и дѣянія его были во всемъ согласны съ велѣніемъ небснаго Учителя. Ученіе Христово было въ духѣ о. Макарія, а ученіе о. Макарія было въ духѣ Христовомъ. Помолитесь же Господу Богу, да проститъ Онъ Всемилосердный наши согрѣшенія, если мы не дѣлали и не учили исполнѣ такъ, какъ дѣлалъ и училъ о. Макарія, и на наступающее другое пятидесятилѣтіе, Онъ, Всепремудрый, своею благодатию умудрилъ бы насъ во спасеніе наше собственное и такъ братій, для спасенія которыхъ мы Имъ приставлены“.

Исходя изъ той мысли, что какъ истинный Богъ нашъ Господь Іисусъ Христосъ сошелъ на землю въ уничиженномъ состояніи, претерпѣлъ ужаснѣйшія страданія и возлюбившую смерть *изъ-за любви къ намъ, сотвореннымъ по образу и по подобию Божію, не поправшимъ и обезобразившимъ въ себѣ образъ Божій; сошелъ для того, чтобы обожить и украсить его въ насъ, сошелъ — да аска струилъ въ Онъ не погибеть, но имать живеть вечный: такъ и о. Макарій, сказавъ владыка, изъ-за любви къ*

люди, восхитившея себя во мракъ языческаго, слѣдотельно погубившии, пришегъ сюда се съзвѣстемъ Евангелія, дабы разсвѣтитъ эту тьму; пришегъ проповѣдать Бога истиннаго, послѣдшаго Единороднаго Сына своего, Господа нашего Иисуса Христа, да всаа тврдая въ Омъ не поибнѣта, но жьтѣ живѣтъ вѣчной". При этомъ владыка пришеговалъ, что любовь о. Макарія сдѣлала та, что отъ того дня, какъ 50 лѣтъ назадъ вѣстимъ о. Макарія перваго алтаѣца, нынѣ считаютъ тысячѣ вѣрующіи въ Иисуса Христа и единнии съ нами усты и единнѣи сердцемъ славящихъ и воспѣвающихъ пречестное и великогнное имя Бога, Отца и Сына и Святаго Духа, что тѣ изъ умершихъ алтаѣцевъ, которые съ вѣрою въ Иисуса Христа, преждъ смертію своею, въ таинствѣ покаянія достойно очистили себя отъ грѣховъ и неосужденно причастились св. Таинъ Христовыхъ, — не, перебѣдѣ, до имуть живѣтъ вѣчный. Любодъ о. Макарія къ здѣшнимъ людямъ сдѣдала то, что къ концу 50-лѣтія миссіи имѣеть у себя до 14-ти миссіонеровъ, изъ разныхъ сторонъ Россіи сюда прибывшихъ: что вмѣсто одного маленькаго и убогаго молитвеннаго дома, нынѣ по всему Алтаю разрослось много храмовъ Божіихъ, просторныхъ и очень красивыхъ съ перѣдно сѣяншими на нихъ золочеными крестами, такъ что рѣдко найдется такая рѣчка, по которой бы не было, если не церкви или часовни, то по крайней мѣрѣ креста. На многіе еще плоды указывать архипастыръ-проповѣдникъ, — плоды выросшіе изъ того сѣмени, которое посѣяно любовью о. Макарія.

И оправдались слова, высказанныя о. Макаріемъ полѣтка назадъ въ приведенномъ выше мнѣніи его о миссіонерской дѣятельности: „Всевышній благословить сіи труды его, только онъ долженъ предварительно согласиться на то, чтобы плоды благословенія Божія явились, если такъ Богу угодно, уже по смерти его, чтобы другой собралъ тамъ жатву, даъ онъ ошетъ, чтобы сѣющему и жнущему вмѣстѣ радоваться въ небесномъ царствіи, потому что и тотъ и другой едино въ Господѣ“.

Духовная миссія на Алтаѣ основана 55 лѣтъ тому назадъ, и съ того времени соеслужила большую и важную службу распространенію христіанства и грамотности между инородцами Сибири на алтайскихъ горахъ и смежныхъ съ ними мѣстахъ, гдѣ въ настоящее время считается населенія богѣе 35,000; за время

существованія алтайской миссіи. обращены въ христіанство до 18.000 человекъ, устроены 39 церквей и молитвенныхъ домовъ, пріютъ, больница и до 20 школъ, въ которыхъ въ 1884 году учащихся было 587 человекъ: изъ нихъ русскихъ было 176 и инородцевъ 421. Дѣятельность миссіонеровъ въ послѣдніе годы была также благотворна какъ и прежде: въ 1884 году обращено въ христіанство 1.043 человекъ, а въ 1885 году—728 и „сглашался проповѣдью христіанскою, какъ говорить отъцъ миссіи, едва ли не всякъ слухъ языческаго Алтая“⁴⁹.

При глубоко искреннемъ христіанскомъ смиреніи своемъ, о. Макарій не придавалъ никакой цѣны своей многотрудной и многоплодной дѣятельности и не любилъ говорить о ней. Она боялся извѣстности, пугался славы отъ людей. Замѣта разъ въ одномъ изъ своихъ приближенныхъ позволеніе написать его біографію, о. Макарій рассердился, изорвалъ написанное и подвергъ автора наказанію. Не это ли обстоятельство служить причиною тому, что записки А. А. Орлова до сихъ поръ не напечатаны? Крайне жаль, повторимъ мы, что ни автобіографія о. Макарія, написанная имъ еще вдобавокъ какъ исповѣдь, ни записка А. А. Орлова, безотлучнаго спутника о. Макарія, не предаются гласности.

О. Макарій, какъ замѣчательная во всѣхъ отношеніяхъ личность, принадлежитъ уже исторіи и долженъ занимать мѣсто въ исторіи нашей отечественной церкви. Было бы очень печально, если два такихъ важныхъ свидѣтельства о дѣятельности его утратились на всегда. Нельзя не отдать чести прозорливости покойнаго митрополита Филарета, который ознакомивъ съ нимъ еще какъ своимъ ученикомъ, понявъ и оцѣнивъ его, въ теченіе всей жизни хранилъ къ нему чувство глубокой привязанности, никогда не покидалъ его своимъ покровительствомъ, постоянно охранялъ, ограждалъ и выручалъ его. Когда митрополитъ узналъ о тяжелой и опасной болѣзни о. Макарія, то послалъ къ нему изъ Москвы въ Болховъ, за 300 слишкомъ верстъ, своего домашняго врача. Узнавъ, что Дмитріеву-Мамонову, котораго о. Макарій изъ отъявленнаго поклонника Гегеля обратилъ въ

⁴⁹) «Моск. Вѣдомости» 1886 г. № 178.

православнаго христіанина, удалось украдкой нѣ-за спины лицъ, окружавшихъ о. Макарію въ гостиницѣ одного дома, гдѣ часто собирались его слушать, довольно удачно начертить карандашемъ портретъ о. Макарія, митрополита Филарета пожелалъ приобрести оттискъ этого портрета, и получивъ его, велѣлъ вставить въ рамку и повѣсить у себя въ кельи (Письма митрополита Филарета къ нам. Св. Тр. Сер. 1. арх. Антонію, ч. 2, стр. 380). Закончимъ нашъ посильный трудъ, приведа мысли и ощущенія нѣ въ высказанныхъ нѣкогда П. Бакуниной, послѣ знакомства съ о. Макаремъ:

«Я видѣла сего ученика Христова,
Ученика вполне дѣлами и душой...
Какъ безмятежна зрѣть, какъ тихо, крѣтко слово,
И какъ онъ положъ весь надеждою святой,
Довѣрія къ Творцу и къ людямъ свискожденя,
И чувства братскаго евангельской любви!
Какъ мало онъ цѣнилъ всѣ подвиги свои!
Какая простота и скромность обхожденя!
О, прими, Творецъ, думи благодаренье
Что видѣла его, что слышать я могла,
И сердцемъ познать слова его святыя!
Священной радостью душа моя свѣта.

1886 г.

Д. Фил—новъ.

ХАРАКТЕРЪ И ЗНАЧЕНІЕ ТОЛКОВАНІЙ

НА КАНОНИЧЕСКІЙ КОДЕКСЪ ГРЕЧЕСКОЙ ЦЕРКВИ—АРИСТИНА,
ЗОНАРЫ И ВАЛЬСАМОНА*.

II.

Биографическихъ свѣдѣній объ Аристинѣ, Зонарѣ и Вальсамонѣ сохранилось очень не много. Это лишь скудные отрывочныя и не всегда достовѣрныя данныя, на основаніи которыхъ связнаго, а тѣмъ болѣе полнаго жизнеописанія дать невозможно.

Алексѣй Аристинъ¹⁾ жилъ въ XII вѣкѣ при византійскихъ императорахъ династіи Комниновъ—Алексѣй (1081—1118), Іоаннъ (1118—1142) и Мануилъ (1142—1181). Уроженецъ древней Флалды, онъ получилъ здѣсь блестящее образованіе и занималъ высокую должность. Вызванный затѣмъ въ Константинополь, онъ занялъ, по желанію императора, три высшія церковно-политическія должности: номофилакса, протевдика и орфанотрофа и по обязанностямъ службы находился въ постоянныхъ сношеніяхъ съ дворцомъ и высшими учрежденіями имперіи. Начало его служебной дѣятельности въ столицѣ падаетъ, вѣроятно, на царствованіе

* См. «Прав. Обзор.» іюньскую кн. текущаго года.

¹⁾ Проф. А. С. Павлова замѣчанія на программу изданія въ русскомъ переводѣ церковныхъ правилъ съ толкованіями. Одесса, 1875 г.

Іоанна Комнина, по даруваніи гетерога; въ должностяхъ немощнаго лекса и архидиакона великой константинопольской церкви²⁾, охъ и писала свои толкованія. Годъ смерти Аристинъ неизвѣстенъ. Исаѣево только, что о'на была оуде современникомъ іерусалимскаго патріарха Никанора II, рукоположеннаго между 1166 и 1166 гг.; по крайней мѣрѣ противъ этого патріарха, какъ свидѣльствуетъ Вальсамонъ, выставилосъ Аристиномъ 37 праваше-трухъ на соборѣ. Есть еще и другое свидѣтельство, что Аристинъ былъ живъ въ 1166 году: въ дѣяніяхъ собора сего года, въ часѣ орнаціи великой церкви на первомъ мѣстѣ упоминается великій иеродомъ Аристинъ.

Другой закономѣръ XII вѣка Іоанна Зонара былъ уроженецъ Константинополя и происходилъ изъ знатнаго рода. На государственной службѣ охъ достигъ при императорѣ Алексѣи Комнинѣ великихъ должностей: начальника отряда тѣлохранителей и главнаго секретаря имперіи (μεγάλος βουτυράριος τῆς βίτης καὶ πρωτοβουτυρίης). Потерявъ жену и дѣтей, Зонара покинулъ службу и дворъ съ его литригами и принялъ монашество. Монастырь, избранный имъ для прохощенія монашескихъ похитовъ, назывался, по свидѣтельству нѣкоторыхъ рукописей, монастыремъ св. Гливерія и находился, какъ полагають, на островѣ того имени въ Пропонтидѣ. Здѣсь, въ монастырехъ уединеніи, Зонара посвящалъ себя литературнымъ трудамъ и написалъ нѣсколько обширныхъ сочиненій: хронику, заключающую въ себя исторію, начиная съ сотворенія міра и кончая смертью Алексѣя Комнина и вступленія на престолъ Іоанна Комнина (1118 г.) — всего 18 книгъ; толкованія на Синагму Фотія³⁾, денеконъ и др. Зонарѣ приписываютъ первое измѣненіе произведенное въ Синагмѣ Фотія относительно порядка слѣдованія правилъ. Порядокъ этотъ, какъ мы видѣли, установленный въ V вѣкѣ, можетъ быть названъ не строго хронологическимъ; съ тѣхъ поръ охъ подвергался измѣненію. Зонара первый отступилъ отъ него и вернулся къ тому порядку, который можно было подмѣнить въ

²⁾ Такъ названъ Аристинъ въ оглавленіи Синописа съ его толкованіями.

³⁾ Ἐξηγητικὰ τῶν βιβλίων καὶ θεσμών κανόνων.

персональномъ сборникѣ IV вѣка: онъ принималъ тѣ же два начала, указанная нами въ этомъ сборникѣ и расположенныя правильно: 1) по значенію издавнаго ихъ церковнаго авторитета; 2) по хронологической послѣдовательности. Такимъ образомъ первое мѣсто заняли правила вселенскихъ соборовъ (съ 1-го послѣдовательно до 7-го), въ нихъ присоединены два константинопольскихъ собора (861 и 879 гг.); второе мѣсто заняли правила сборовъ помѣстныхъ (относительно ихъ хронологическое начало проведено не вполнѣ строго), наконецъ претѣ мѣсто — правила св. Отцовъ (въ строго-хронологическомъ порядкѣ).

Но когда же составили свои толкованія Аристинъ и Зонара? Кто изъ нихъ писалъ раньше и кто послѣ? Въресь этотъ спорный въ литературѣ. Едва ли не господствующимъ до сихъ поръ мнѣніемъ было, что Зонара составилъ свои толкованія раньше Аристина, — именно около 1118 года⁴⁾, — годъ смерти Алексѣя Комнина). Только въ послѣднее время начинаютъ приобращать зачетниковъ противоположный взглядъ. § Профессоръ Павловъ въ небольшой брошюрѣ, напечатанной потомъ въ переработанномъ видѣ въ „Православномъ Обзорникѣ“⁵⁾, доказываетъ, что Аристинъ писалъ свои толкованія раньше Зонары; весь ходъ доказательства можетъ быть изложенъ въ слѣдующихъ положеніяхъ.

Общепринятое мнѣніе, что Зонара писалъ свои толкованія въ первой четверти XII вѣка, не имѣетъ никакихъ твердыхъ основаній; это — совершенно произвольное мнѣніе, основанное единственно на томъ, что „хроника“ Зонары доведена только до 1118 года, послѣ котораго, предполагаютъ, авторъ прожилъ недолго.

Но: 1) примѣръ Никифора Вриення, доведшаго свою исторію до 1081 года, а между тѣмъ прожившаго до 1187 г. не подтверждаетъ этого соображенія.

⁴⁾ Чижманъ относитъ ихъ къ послѣднимъ годамъ правленія Алексѣя; архим. Іоаннъ къ 1120 г. который Doujat считаетъ годомъ вступленія Іоанна въ монашество,

⁵⁾ 1876 г. апрѣль. О новомъ переводѣ толкованій на церковныя правила.

2) Оно опровергается и самой хроникой, называющей, что Зонара знает события изъ времени Иоанна Комнина: „въ концѣ ея авторъ говоритъ, что онъ находитъ бесполезными и несвоевременными повѣствовать о дальѣйшихъ событіяхъ, — значить, онъ могъ бы, еслибы захотѣлъ или находилъ удобнымъ, вести своей разсказъ и дальше“. Въ разныя мѣста въ хроникѣ онъ действительно упоминаетъ мимоходомъ различныя событія изъ царствованія Иоанна Комнина;

3) Сочиненія Зонары написаны имъ въ монашествѣ; въ монашество же онъ поступилъ никакъ не при Алексѣ Комнинѣ: некрологъ этого императора онъ писалъ по личнымъ воспоминаніямъ, слѣдовательно, находился тогда еще при дворѣ; не могъ бы онъ описывать и современныхъ Алексѣю Комнину придворныхъ событій, еслибы удаленъ уже тогда на уединенный островъ. Бывши принявъ Зонара монашество и вскорѣ послѣ смерти Алексѣя Комнина, такъ какъ знаетъ событія изъ времени слѣдующаго императора. Можетъ даже быть, что Зонара не былъ еще монахомъ и въ 1156-году; но крайней мѣрѣ на соборѣ этого года въ числѣ присутствовавшихъ придворныхъ чиновъ упоминается *μυαλετικαρχεστάτος πρωτοασηκρητίς Νικόλαος ὁ Ζωναράς*; а это, можетъ-быть; и есть историкъ и паноникъ Зонара подъ своимъ мірекимъ именемъ.

4) „Хроника“ была перемъ литературнымъ трудомъ Зонары въ монашествѣ; ясны на это намечи находятся въ предисловіи къ ней, гдѣ авторъ говоритъ о потерѣ жены и дѣтей, о томъ, что онъ находился до сихъ поръ въ бездѣйствіи и не чувствовалъ въ себѣ силы взяться за перо и книги. „Это показываетъ въ писателѣ еще недвижнаго монаха, который въ первый разъ принимается за литературную работу“. Послѣ написанія хроники Зонара прожилъ вѣроятно еще долго, потому что оставилъ промъ нея и друзія обширныя сочиненія.

5) Зонара несомнѣнно жилъ и писалъ даже еще при Мануилѣ Комнинѣ; во времени этого императора относится его трактатъ о невозможности брака двухъ троюродныхъ братьевъ съ одной и той же женщиной. Трактатъ этотъ написанъ по поводу возникшихъ споровъ, начало которыхъ должно быть отнесено ко времени Мануила Комнина, на основаніи свидѣтельствъ Вадъ-

семона и Дмитрія Хоматина. Въ частности время написанія правилъ можетъ быть опредѣлено изъ содержания ихъ земныхъ.

6) Говоря объ Алексѣѣ Комнинѣ, Зонара называетъ его не по офенциальному титулу; онъ цитируетъ новеллу этого императора просто „*νκαρὰ τοῦ βασιλέως κυροῦ Ἀλεξίου τοῦ Κομνηνοῦ*“, а не употребляетъ титула, обыкновенно встрѣчающагося у Вальсамона, когда послѣдній приводитъ новеллы срезванного саму императора Мануила: *κратῶς καὶ ἅγιος ἡμῶν βασιλεὺς*. Отсюда слѣдуетъ, что Зонара писалъ толкованія послѣ императора Алексѣя Комнина.

7) Въ его толкованіяхъ есть указаніе и на то, что они написаны послѣ толкованій Аристіна; послѣдніа были въ рукахъ у Зонары: противъ нихъ онъ полемизируетъ, толкуя 3-е правило II вселенскаго собора.

8) Въ сочиненіяхъ Зонары встрѣчаются указанія на такіа обстоятельства, которыа могутъ быть отнесены къ опредѣленнымъ годамъ правленія Мануила Комнина: а) таково дополнительное толкованіе на 10 правило Петра Александрійскаго, озаглавленное „*ἐπεξηγήσις φερομένη κατὰ τοῦ Μουζάλωνος ἁπλοῦς*“. Это дополнительное толкованіе направлено противъ патріарха Николая Музалона, возведеннаго по свидѣтельству историка Киннама на константинопольскую кафедру Мануиломъ Комниномъ въ 1147 году. До патріаршества Музалонъ былъ кипрскимъ архіепископомъ, но затѣмъ покинулъ свою епархію и сталъ жить въ Константинополѣ; возведеніе его на патріаршество возбудило всеобщее неудовольствіе. Этотъ случай, очевидно, имѣлъ въ виду Зонара, доказывая въ дополнительномъ толкованіи, что епископъ, оставившій самовольно свою епархію, чуждъ священства, а потому не можетъ быть возведенъ на другую кафедру. Правда, въ земскомъ наданіи Синагмы толкованіе, направленное противъ Музалона, приписывается Вальсамону; но зато по Беверегію оно принадлежитъ Зонарѣ. Подлѣднему также (и это особенно важно) приписываютъ его тѣ списки Синагмы, въ которыхъ содержатся толкованія одного только Зонары. б) Второе обстоятельство, относящееся, вѣроятно, ко времени Мануила Комнина, упоминаемо Зонарой въ толкованіи на 7 правило неопусарійскаго собора: „*видали мы, говоритъ онъ здѣсь, и патріарха и разныхъ митрополитовъ, принимавшихъ участіе въ брачномъ*

пирѣ второбрачнаго императора“. Это замѣчаніе могло относиться только къ Мануилу, вступившему въ 1159 г. во второй бракъ. О томъ же событіи говоритъ историкъ Киннамъ, описывая брачное торжество императора Мануила въ присутствіи трехъ патріарховъ.

Таковы доводы, приведенные профессоромъ А. С. Павловымъ въ пользу своего мнѣнія, что Зонара писалъ толкованія на правила не до, а послѣ Аристина, не при Алексѣѣ, даже не при Иоаннѣ, но при Мануилѣ Комнинѣ. Исслѣдованіе профессора Павлова не осталось безъ возраженій: они были сдѣланы^{*)} и могутъ быть сведены къ слѣдующему:

1) Ставя Зонару между Аристиномъ и Вальсамономъ, мы сдѣлаемъ всѣхъ ихъ современниками: вѣдь извѣстно, что Аристинъ жилъ еще въ 1166 году, а Вальсамонъ писалъ толкованія между 1169 и 1177 годами.

2) Если даже допустить, что „хроника“ была первымъ трудомъ Зонары, то и тогда нѣтъ необходимости отнести толкованія ко времени послѣ 1118 года; хроника, какъ повѣсть временныхъ лѣтъ, есть вещь растяжимая; авторъ могъ писать ее всю жизнь съ перерывами и, оставляя ее по временамъ, приниматься за другіе труды.

3) Есть и прямое указаніе на то, что толкованія Зонары написаны въ царствованіе Алексѣя Комнина; такое указаніе находимъ въ приведенномъ у Аляція важномъ свидѣтельствѣ, авторъ котораго не названъ; свидѣтель этотъ относитъ написаніе Зонарою толкованій на церковныя правила къ царствованію Алексѣя Комнина.

4) Есть указаніе и на то, что толкованія Зонары написаны задолго до Вальсамоновыхъ, а не одновременно съ ними: это видно изъ надписи нѣкоторыхъ рукописей, содержащихъ въ себѣ толкованія того и другаго канониста; здѣсь говорится, что толкованіе Вальсамона написано „спустя довольные годы послѣ толкованія Зонары“ (μετ' ἰκανοῦς ὕστερον χρόνου), а патріархомъ, говорится далѣе, Вальсамонъ сдѣлался черезъ нѣсколько лѣтъ послѣ написанія толкованій (μετὰ χρόνου τινας).

*) Печатное письмо къ А. С. Павлову въ «Чтеніяхъ въ обществѣ любителей духовнаго просвѣщенія» 1876 г. августъ.

5) Указанія Вальсамона на Аристина и Зонару таковы, что заставляют предполагать въ немъ современника Аристинова и младшаго чиновника той же канцеляріи, въ которой былъ старшимъ Аристинъ. Два раза упоминаетъ о немъ Вальсамонъ и оба раза съ полнымъ титуломъ. Ничего подобнаго нельзя сказать о Зонарѣ. Кромѣ того, не бывъ современникомъ и сослуживцемъ Аристина, Вальсамонъ не могъ бы передавать многихъ частныхъ обстоятельствъ изъ его жизни, какъ напр. свѣдѣнія о томъ, что константинопольскій синодъ „тремя тридцати-дневными повѣстками приглашалъ онаго великаго эконома Аристина удержаться отъ исполненія судейской должности“, или что Аристинъ приводилъ 37 правило трульскаго собора противъ свѣтѣйшаго патріарха іерусалимскаго Никифора.

6) Образъ упоминанія Зонарою объ Алексѣѣ Комнинѣ не можетъ служить доказательствомъ, что Зонара писалъ толкованія уже послѣ этого императора. Официальный титулъ *κράτιστος καὶ βσιλεύς*, употребляемый обыкновенно Вальсамономъ, не былъ общимъ правиломъ. Самъ Вальсамонъ не всегда приводилъ этотъ титулъ, даже цитируя одну и ту же новеллу. Съ другой стороны Зонара, упоминая объ Алексѣѣ Комнинѣ, не употребляетъ и титула *ἀδίδιμος*, обыкновенно употреблявшагося, когда шла рѣчь о покойныхъ императорахъ, напр. во многихъ мѣстахъ у Вальсамона.

7) Не противъ Аристина полемизировалъ Зонара въ толкованіи на 3-е правило константинопольскаго собора. Здѣсь упоминается лишь неопредѣленно о „нѣкоторыхъ“, подъ которыми нѣтъ необходимости подразумѣвать Аристина; Зонара могъ имѣть въ виду древнихъ толкователей, писавшихъ глоссы, или же устныя обычныя толкованія. Вопросъ разрѣшается несомнѣнно въ пользу заимствованія изъ древней глоссы, которая дѣйствительно была и возводится учеными издателями въ патріархамъ Никифору и Фотію.

8) Только принимая старшинство Зонары предъ Аристиномъ, мы поймемъ, почему первый не полемизируетъ противъ втораго и не поправляетъ его въ тѣхъ случаяхъ, гдѣ имъ допущена очевидная погрѣшность, а самъ Зонара проводитъ противоположную этой погрѣшности мысль. Такой пропускъ можетъ быть объясненъ только тѣмъ, что Зонара не видѣлъ Аристина.

9) Надпись на дополнительномъ толкованіи къ 10-му правилу Петра Александрійскаго не можетъ служить доказательствомъ, что Зонара писалъ при Мануилѣ Комнина. Этой надписи нѣтъ въ древнѣйшихъ рукописяхъ московской синодальной библиотеки. Да и самое содержаніе дополнительнаго толкованія не направлено вовсе спеціально противъ Музалона, а вообще противъ мнѣнія, существовавшаго гораздо ранѣе и уже прежде, при изясненіи посланія III-го вселенскаго собора, подвергавшагося опроверженію Зонары и Вальсамона. Событія изъ исторіи Николая Музалона не подходятъ вовсе подъ точный смыслъ толкованія, въ которомъ доказывается только, что архіереи не должны оставлять управленіе своими церквями и послѣ оставленія удерживать священство, т.-е. устранивъ труды, сохранить славу и честь. Еслибы Зонара имѣлъ въ виду Музалона, то упомянулъ бы его имя въ толкованіи, по крайней мѣрѣ сходилъ бы ближе съ событіями его исторіи. Совершенно несогласна съ духомъ Зонары надпись: ἐπεὶ ἡγορεῖται κατὰ τοῦ Μουζάλωνος ἁπλά; самъ же Зонара сдѣлать не могъ.

10) Не Мануила Комнина имѣлъ въ виду Зонара, замѣчая въ толкованіи на 7-е правило неокесарійскаго собора, что онъ видѣлъ и патріарха и различныхъ митрополитовъ, присутствовавшихъ на пиршествѣ второбрачнаго царя. Слова Зонары вовсе не совпадаютъ съ свидѣтельствомъ Киннама объ этомъ событіи у послѣдняго говорится о трехъ патріархахъ, тогда какъ у Зонары только объ одномъ: слѣдовательно у того и другаго рѣчь идетъ о различныхъ случаяхъ. Съ другой стороны извѣстно, что второй бракъ Мануила былъ въ 1159 году. Если допустить, что на брачномъ пирѣ этого императора присутствовалъ Зонара, то придется сдѣлать совѣсьмъ невѣроятное предположеніе, что и въ этомъ году онъ не былъ еще монахомъ. Изъ словъ Вальсамона по поводу того же событія видно, что были вообще второбрачные цари, а не одинъ только Мануилъ: „мы видимъ, говорятъ онъ, и патріарха и другихъ архіереевъ пиршествующими вмѣстѣ со второбрачными царями и другими вельможами“.

11) Наконецъ, нѣтъ никакихъ доказательствъ, что споры, вызвавшіе трактатъ Зонары о бракѣ одной и той же женщины съ двумя троюродными братьями, начались во времена Мануила Комнина; Зонара замѣчаетъ только по поводу такого брака, что

онъ не дозволенъ ни церковными, ни гражданскими законами; при этомъ ссылается только на *Базилики*, но не знаетъ новеллы *Мануила*, которую приводитъ *Вальсамонъ*, и которую не могъ бы не привести *Зонара*, еслибы она уже существовала въ его время. Точно также не могъ бы онъ не привести опредѣленія по тому же предмету *Николая Музалона*, еслибы послѣдній былъ старше его. Ничего не доказываетъ ссылка *Вальсамона* на первый законодательный актъ; споры всегда предшествуютъ законодательнымъ актамъ. Свидѣтельство *Хоматина* таково, что вовсе не устраняетъ возможности существованія споровъ до *Мануила*.

Таковы доводы за и противъ предположенія о старшинствѣ *Зонары* передъ *Аристиномъ*. Сопоставляя тѣ и другіе, мы признаемъ, *Аристина* предъ *Зонарою* можно считать вмѣстѣ съ профессоромъ *Павловымъ* болѣе доказаннымъ чѣмъ *Зонара* предъ *Аристиномъ* особенно въ виду одного небезынтереснаго факта подтверждающаго изслѣдованіе профессора *Павлова*. Не онъ одинъ пришелъ къ убѣжденію о старшинствѣ *Аристина*. Черезъ годъ послѣ изданной имъ брошюры (1875 г.) нѣмецкій ученый *Hirsch* обнародовалъ свои изслѣдованія по византійской литературѣ *) и высказываетъ здѣсь мнѣніе, что *Зонара* окончилъ свою хронику послѣ 1118 года и не позже первыхъ лѣтъ царствованія *Мануила Комнина*; но выпишемъ его собственныя слова²⁾: Gegen die Mitte des 12 Jahrhunderts ist das Geschichtswerk des Johannes Zonaras entstanden. Dass Zonaras erst später als 1118, mit welchem Jahre seine Chronik endet, dieselbe vollendet hat zeigen die Worte am Schluss: Ἐνταῦθα μοι τὸ πέρας ἦτω τῆς συγγραφῆς καὶ ὁ δρόμος στήτω τῆς ἱστορίας ὅς μοι πρὸς μακρὸν ἐκτεμῆκται δοῦναι γὰρ γραφῇ καὶ τὰ λείποντα οὐ μοι λυσιτελεῖς οὐδ' εὐκαιρὸν κέκριται, eben diese Worte aber zeigen auch, dass er nicht lange nachher geschrieben haben kann. Dass er spätestens in der ersten Zeit der Regierung des Kaisers Manuel Comnenos (1143—1180) sein Werk vollendet haben muss, ergibt sich daraus, dass dasselbe, wie unten gezeigt werden wird, von Michael Glycas citirt und benutzt wird, der unter diesem Kaiser seine Chronik verfasst hat.

*) Byzantinische Studien von Ferd. Hirsch. Leipzig. 1876.

2) S. 377, Anm. 1.

Такое совпаденіе въ выводахъ двухъ изслѣдователей, работавшихъ совершенно самостоятельно и независимо другъ отъ друга, свидѣтельствуетъ о вѣрности этихъ выводовъ.

О жизни третьяго знаменитаго канониста XII вѣка—Вальсамона известно такъ же мало, какъ и о двухъ его старшихъ современникахъ — Аристинѣ и Зонарѣ. Но благодаря тому, что самъ Вальсамонъ въ своихъ сочиненіяхъ иногда упоминаетъ о себѣ и рассказываетъ тотъ или другой случай изъ своей жизни, мы имѣемъ относительно этого канониста нѣсколько біографическихкихъ подробностей, касающихся преимущественно его главнаго труда, толкованій.

Служебная и литературная дѣятельность Вальсамона падаетъ главнымъ образомъ на царствованіе двухъ императоровъ—Мануила Комнина (1142 — 1181) и Исаака Ангела (1185 — 1194). „Чистѣйшій гражданинъ Константинополя“, онъ здѣсь, въ санѣ діакона, занималъ важныя должности номофиакса и хартофилакса константинопольской церкви, какъ его называетъ надпись къ толкованіямъ и какъ называетъ онъ себя самъ въ толкованіи на 1-е правило никейскаго собора. Благодаря многолѣтней службѣ въ этихъ должностяхъ Вальсамонъ приобрѣлъ большую опытность и глубокое знаніе каноновъ и государственныхъ законовъ. Какъ къ извѣстному знатоку каноническаго права, къ нему обращались для разрѣшенія различныхъ вопросовъ и затрудненій встрѣчавшихся на практикѣ. Объ одномъ такомъ случаѣ рассказываетъ Никита Хониатъ: императоръ Исаакъ Ангелъ, желая перевести іерусалимскаго патріарха Досіеоя на константинопольскій престолъ вмѣсто Леонтія, лишеннаго своей катедры въ 1191 году, и сомнѣваясь въ каноничности такого перевода, обратился съ вопросомъ къ Вальсамону. Тотъ же писатель свидѣтельствуетъ, что императоръ Исаакъ имѣлъ намѣреніе возвести на константинопольскую катедру самого Вальсамона, цѣняя вѣроятно его обширную ученость. Въ 1193 году онъ былъ возведенъ на антиохійскую патріаршую катедру, но обстоятельства времени не позволили ему поселиться на мѣстѣ своего назначенія: Антиохія находилась въ то время во власти крестоносцевъ, предшественникъ Вальсамона—патріархъ Христофоръ отравленъ латинянами, а потому новоназначенный Вальсамонъ предпочелъ остаться въ Константинополѣ, откуда и управлялъ дѣлами своей

патріархив. Этотъ фактъ въ жизни Вальсамона послужилъ можетъ-быть одной изъ причинъ, почему онъ въ своихъ толкованіяхъ такъ часто обличаетъ латинянъ за ихъ нарушенія правилъ и такъ охотно полемизируетъ противъ нихъ.

Вальсамонъ писалъ свои толкованія на Фотіевъ номоканонъ въ царствованіе Мануила Комнина по порученію этого императора и патріарха Михаила Анхіала (1169—1177). Поводомъ къ такому порученію послужило затрудненіе, встрѣтившееся въ церковной практикѣ вслѣдствіе устарѣлости нѣкоторыхъ законовъ, еще заключавшихся въ Фотіевомъ номоканонѣ, но уже потерявшихъ практическую силу, какъ не вошедшіе въ позднѣйшій законодательный сборникъ — *Базилики*. Вальсамонъ самъ рассказываетъ объ этомъ въ одномъ изъ своихъ толкованій⁹⁾ и въ предисловіи къ своему труду („έν τῷ προοίμῳ“¹⁰⁾).

Ссылаясь на 123-ю новеллу Юстиніана, патріархъ Михаилъ троекратно напоминалъ митрополиту амасійскому Леонтію о необходимости замѣстить вакантную епископскую кафедру. Но такъ какъ митрополитъ и послѣ напоминаній оставлялъ ее попрежнему незанятою, то патріархъ счелъ себя въ правѣ поставить епископа помимо его, своею собственною властію. Не смотря на возраженія нѣкоторыхъ, что постановленіе 123 новеллы не принято въ *Базилики*, а потому не имѣетъ практической силы, патріархъ стоялъ на своемъ, говоря, что было бы несправедливо нарушать постановленіе, которое принято въ номоканонѣ, признаваемый церковью какъ-бы священною книгой. Этотъ споръ между патріархомъ Михаиломъ Анхіаломъ и митрополитомъ Леонтіемъ послужилъ поводомъ къ написанію Вальсамоновскихъ толкованій. Вальсамонъ, согласно съ указанной ему задачей — устранить возможность повторенія подобныхъ затрудненій въ будущемъ — долженъ былъ указывать: какіе законы, заключающіеся въ номоканонѣ, приняты въ *Базилики*, и слѣдовательно, дѣйствуютъ, какіе не приняты, а потому потеряли обязательную силу; во-вторыхъ долженъ былъ указать, гдѣ въ *Базиликахъ* находятся почитованныя въ номоканонѣ постановленія *Дигестъ* и

⁹⁾ Σύνταγμα τῶν θείων καὶ ἱερῶν κανόνων. ἐκδ. ὑπὸ Ῥάλλη καὶ Ποτλῆ τ. I р. 49.

¹⁰⁾ Ibidem р. 31—33.

другихъ законодательныхъ сборниковъ; вторыхъ — разрѣшить нажущіяся противорѣчя, руководствуясь притомъ какъ прежними толкованіями, такъ и прежними постановленіями, такъ и собственнымъ убѣжденіемъ; наконецъ, указать и привести позднѣйшія опредѣленія синода и новеллы императоровъ. Итакъ Вальсамонъ взялъ на себя порученіе и началъ писать свои толкованія между 1169 и 1177. Но когда же окончилъ онъ этотъ трудъ? На основаніи различныхъ мѣстъ толкованій, въ которыхъ находятся болѣе или менѣе точныя указанія на время, когда они написаны, можно утверждать, что Вальсамонъ писалъ ихъ долгое время, можетъ быть не одинъ десятокъ лѣтъ. Выпишемъ эти указанія по порядку.

Въ („другомъ“) толкованіи на 52 апостольское правило Вальсамонъ, выразивъ недоумѣніе, почему „ни патріархи, ни епископы не дозволяютъ священникамъ — не монахамъ принимать помыслы людей“, замѣчаетъ „но я многимъ священно-служащимъ въ великой Антиохіи клирикамъ сего святѣйшаго престола безпрепятственно дозволялъ принимать помышленія людей и разрѣшать грѣхи“.

Въ толкованіи на 1-е правило I вселенскаго собора Вальсамонъ, говоря о скопцествѣ, заканчиваетъ свои замѣчанія слѣдующими словами: „Конечно это не было дозволено изъ опасенія за исходъ опасной операціи, хотя дѣла такого рода нерѣдко возникали въ синодѣ въ бытность мою хартюфилаксомъ и поемъ, во время патріаршества“.

Въ толкованіи на 3-е правило II вселенскаго собора: „мы знаемъ, что въ царствованіе Исаака Ангела никто Леонтій монахъ съ горы св. Авксентія былъ рукоположенъ въ патріарха константинопольскаго Димитріемъ епископомъ кесарійскимъ“.

Исаакъ Ангель, какъ известно, царствовалъ отъ 1185 по 1195 годъ, а Леонтій монахъ, здѣсь упомянутый, безъ сомнѣнія — патріархъ Леонтій по прозванію „Богородичный“, рукоположенный въ 1191 году¹¹⁾. Въ толкованіи на 12 правило халкидонскаго собора упоминается хризовуль, изданный при императорѣ Исаакѣ въ апрѣлѣ 6701 (1193) года.

¹¹⁾ Арх. Арсенія, Лѣтопись церковныхъ событій и гражданскихъ посягающихъ церковныя. Изданіе второе, стр. 444.

Въ 62 правилѣ трулльскаго собора упоминается о патріархѣ Луцѣ (ХризOVERГѣ отъ 1156 по 1169 годъ) какъ о недавно еще занимавшемъ патріаршую кафедру. „Неприличныя дѣйствія, говоритъ здѣсь Вальсамонъ, какія въ праздникъ святыхъ нотаріевъ были совершаемы нотаріями, учителями дѣтей, которые ходили по площади въ сценическихъ личинахъ, за нѣсколько лѣтъ предъ симъ уничтожены по опредѣленію святѣйшаго патріарха господина Луки“.

Время написанія только одного толкованія — на 84 е правило кареагенскаго собора—можетъ быть обозначено вполне точно. Здѣсь объясняя способъ опредѣленія дня Пасхи, Вальсамонъ мимоходомъ упоминаетъ „дни текущаго 6686 (1178) года“.

Изъ всего сказаннаго можно сдѣлать слѣдующіе выводы:

1) Вальсамонъ приступилъ къ своему труду вѣроятно вскорѣ послѣ занятія Михаиломъ Анхіаломъ патріаршей кафедры: доведя свое толкованіе уже до 62 правила трулльскаго собора, онъ могъ еще сказать, что патріархъ Лука (ХризOVERГѣ) „за нѣсколько лѣтъ“ уничтожилъ одинъ предосудительный обычай. Замѣтимъ здѣсь кстати, что Вальсамонъ очень часто и съ нѣкоторыми подробностями упоминаетъ объ этомъ патріархѣ и его рѣшеніяхъ, изъ чего можно заключить, что именно его времени принадлежитъ наиболѣе выдающаяся служебная дѣятельность Вальсамона; при этомъ патріархѣ онъ, вѣроятно, уже приобрѣлъ извѣстность своими познаніями, такъ какъ „нѣсколько лѣтъ“ спустя получаетъ, какъ знатокъ каноническаго права, такое важное порученіе, каково истолкованіе номоканона.

2) Вальсамонъ не окончилъ своего труда при патріархѣ Михаилѣ, но писалъ еще и послѣ него: только въ 1178 году онъ толковалъ 84 правило кареагенскаго собора, продолжалъ затѣмъ писать въ теченіе всего царствованія Мануила Комнина, писалъ при Исаакѣ Ангелѣ, (довольно ясно обозначены года: 1187, 1191 и 1193); наконецъ, не менѣе ясно говорится въ толкованіяхъ что Вальсамонъ продолжалъ писать ихъ даже будучи уже патріархомъ.

Что касается толкованій его на первую часть Фотіева сборника (номоканонъ), то есть данныя, на основаніи которыхъ можно утверждать, что они еще не были вполне окончены, когда онъ принялся за толкованіе второй части, т.-е. исторической Син-

тагмы. На это указываютъ во 1-хъ: тѣ мѣста толкованій на номоканонѣ, въ которыхъ упоминается царствующимъ императоромъ Исаакъ Ангелъ (2 глав., XIII тит.) 1185 — 1194: въ это время Вальсамонъ уже несомнѣнно писалъ толкованія на 2 часть Фотіева сборника; во-вторыхъ: это же доказываютъ ссылки Вальсамона на толкованія правилъ, сдѣланныя имъ напр.: въ 31 гл. I тит. и 24 гл., IX тит. Первое толкованіе указываетъ, что оно прилагалось Вальсамонѣ, когда имъ уже было написано толкованіе на 14 пр. VII собора, второе—когда уже существовало толкованіе на 20-е Апостольское правило.

Вообще толкованія Вальсамона въ томъ видѣ, какъ мы имѣемъ ихъ теперь, представляютъ какъ бы второе дополненное изданіе. Дополненіями являются, напр. всѣ тѣ мѣста, которыя имѣютъ надпись „ἑτερον σχόλιον“ (другое толкованіе). Нѣкоторыя изъ нихъ, какъ показываетъ ихъ содержаніе, приписаны довольно много времени спустя: они заключаютъ въ себѣ иногда подробное развитіе той же мысли, которая едва затронута въ первоначальномъ толкованіи, причемъ видно, что авторъ успѣлъ уже ближе познакомиться съ предметомъ и основательнѣе изучить его. Напр. въ первоначальномъ толкованіи на 17 апостольское правило Вальсамонъ замѣчаетъ: „не знаю, какимъ образомъ многіе чтецы, бывшіе въ двухъ бракахъ, оставались на своихъ мѣстахъ и архіерейскими указами возведены на высшія степени“. Въ „другомъ же толкованіи“, писанномъ вѣроятно послѣ предпринятаго изслѣдованія, онъ разрѣшаетъ самъ свое прежнее недоумѣніе: итакъ теперь, обстоятельнѣе разсмотрѣвъ содержаніе законовъ и правилъ, мы пришли къ заключенію, что настоящее 17 пр. и 18 разсуждаютъ объ архіереяхъ, священникахъ, дьяконахъ и иподiakонахъ, а не о чтецахъ. Ибо тѣ, если вступать два раза въ бракъ, прежде ли рукоположенія или послѣ рукоположенія, подлежатъ изверженію, а чтецы, вступившіе въ два брака прежде поставленія извергаются, а послѣ поставленія удостоиваются прощенія, но не допускаются къ восхожденію на другую, высшую церковную степень“ и т. д. Тоже самое находимъ въ толкованіяхъ на 18 пр. сардикскаго собора; въ первоначальномъ Вальсамонъ высказывается съ нѣкоторымъ сомнѣніемъ: „относительно крещеныхъ непосвященными лицами, говорить онъ здѣсь, не могу сказать тебѣ несомнѣннаго“. Вслѣдъ

затѣмъ приводитъ два случая изъ жизни святыхъ, но воздерживается отъ дальнѣйшихъ объясненій. Напротивъ, въ „другомъ“ толкованіи онъ уже разработалъ данный вопросъ и составилъ себѣ о немъ опредѣленное, твердое мнѣніе: указанные случаи изъ церковной исторіи имъ объясняются теперь какъ исключенія изъ общаго правила: „что не по правиламъ, то въ примѣръ не приводится“.

Трудъ Вальсамона посвященъ патриарху Георгію 2-му Кси-оидину (1193—1198), при которомъ вѣроятно и оконченъ.

В. Демидовъ.

(Продолженіе будетъ.)

ПРЕОБРАЖЕНИЕ ГОСПОДА.

(Критико-экзегетическій очеркъ).

Къ числу особенно важныхъ моментовъ въ жизни Христа Спасителя безъ-сомнѣнія нужно отнести Преображеніе Его на горѣ. Разсказъ объ этомъ событіи находится у первыхъ трехъ евангелистовъ (Мѡ. 17, 1—13. Мр. 9, 2—13. Лук. 9, 28—36), причѣмъ всѣ синаоптики согласно передаютъ обстоятельства дѣла и только Лука опускаетъ разговоръ Спасителя съ тремя избранными апостолами о пришествіи Іліи, какъ предтечи мессіи. Въ виду такого единодушнаго свидѣтельства нѣсколькихъ лицъ по-видимому трудно было-бы съ научной точки зрѣнія отвергать дѣйствительность факта, но не такъ думаетъ отрицательная критика. Стремясь разрѣшить всю евангельскую исторію въ мифъ или неудачное описаніе самыхъ обыкновенныхъ происшествій неумѣлыми и неспособными наблюдателями, представители скептическаго направленія въ экзегетикѣ стараются подорвать какъ подлинность, такъ и историческую достовѣрность разсказа о Преображеніи. Усилія этихъ ученыхъ вложены въ тому, чтобы доказать неапостольское происхожденіе исторіи Преображенія и вмѣстѣ съ этимъ лишить ее всякой исторической основы или же, если первое признается неудобнымъ и невыполнимымъ, выяснитъ неправдоподобность, а слѣдовательно и невозможность событія въ томъ видѣ, какъ о немъ передаютъ евангелисты.

Подлинность и историческая достоверность евангельскаго разсказа о Преображеніи Господнемъ.

Возраженія или — точнѣе — подозрѣнія противъ подлинности синоптическаго повѣствованія идутъ главнымъ образомъ со стороны экзегетовъ—миеологовъ, которымъ хотѣлось бы видѣть въ евангельскомъ разсказѣ о Преображеніи Господнемъ нѣчто въ родѣ оссіановскихъ легендъ и убѣдить, что у синоптиковъ въ данномъ случаѣ столь же мало исторической правды, какъ и въ картинѣ Рафаэля *Transfiguratio* ¹⁾. Поэтому миеологи утверждаютъ, что исторія Преображенія возникла довольно поздно; появленіе и составленіе ея они объясняютъ желаніемъ христіанъ сильнѣе засвидѣтельствовать мессіанско-божеское достоинство Иисуса Христа въ предотвращеніе и устраненіе возраженій іудеевъ, не желавшихъ признавать Его таковымъ, поелику Ему не предшествовалъ предсказанный пр. Малахіею Илія ²⁾. Это смѣлое положеніе о позднемъ происхожденіи евангельскаго разсказа по видамъ чисто полемическимъ остается однакоже ничѣмъ неподтвержденнымъ, такъ какъ миеологи ищутъ доказательствъ въ неправдоподобности повѣствованія, что само по себѣ не говоритъ еще противъ принадлежности послѣдняго перу апостоловъ. Неосновательность названнаго утвержденія очевидна съ перваго взгляда. Вся христіанская древность рѣшительно завѣряетъ насъ, что Евангелія написаны именно тѣми апостолами, имена которыхъ они теперь носятъ. А въ такомъ случаѣ фантастическія догадки ученыхъ, какъ идущія противъ несомнѣнныхъ фактовъ, не могутъ имѣть никакой силы. Правда, Преображеніе Господне передается намъ не очевидцами событія, но все же такими лицами, которыя стояли къ нимъ въ близкихъ отношеніяхъ. Ев. Матѳеѣй принадлежалъ къ двѣнадцати (*Шаній* у Евсевія: Ц. И. III, 39); *Ирмией*: Adv. haer. III, 11,

¹⁾ Geschichte Jesu von K. Hase. Leipzig. 1876. S. 491 и 496.

²⁾ Geschichte Jesu von Nazara—von Theod. Keim. Zw. Bnd. Zürich. 1871. S. 389. Cp. Das Leben Jesu, kritisch bearbeitet von David Strauss. Zw. Bnd. Vierte Auflage. Tübingen. 1840. S. 258.

8; *Тертуллианъ*: De carne Christi, с. 23; *Оригенъ*: Comment. in Matth. ad V, 15; *Климентъ Ал.*: Strom. VII, 18), а Маркъ, истолкователь Петра (ἐρμηνευτὴς Πέτρου), и Лука, по преданію³⁾, находились въ числѣ семидесяти апостоловъ, бывшихъ свидѣтелями многихъ обстоятельствъ жизни Спасителя. Невозможно, чтобы эти евангелисты не знали въ точности того, о чемъ они благовѣствуютъ; такой фактъ, какъ Преображеніе Господне, конечно былъ извѣстенъ въ кругу апостоловъ во всѣхъ своихъ подробностяхъ. Равнымъ образомъ немислимо, чтобы синоптики стали передавать лишенные всякой исторической основы рассказы. Когда они писали, въ это время были еще живы непосредственные очевидцы Господа, а св. Іоаннъ составлялъ свое Евангеліе уже послѣ того, какъ труды Маттея, Марка и Луки были закончены.

Что касается стремленія возвысить личность Іисуса Христа, то и это обстоятельство едва-ли было достаточно для измышленія совершенно небывалыхъ происшествій. Прежде всего мы ничего не знаемъ о предполагаемыхъ Кеймомъ возраженіяхъ со стороны іудеевъ; указываемыя имъ сочиненія относятся къ позднѣйшему періоду и не даютъ ручательства въ пользу того, что существовали подобныя же возраженія и въ самомъ началѣ христіанской эры. Точно также мы не имѣемъ свѣдѣній о какихъ-либо подозрѣніяхъ евреевъ противъ подлинности евангельскаго повѣствованія, между тѣмъ они необходимо явились бы при допускаемомъ миеологами способѣ возникновенія исторіи Преображенія. При такомъ положеніи дѣлъ ученый, выдумывающій свои поводы для объясненія происхожденія евангельскихъ повѣствованій и не опирающійся на фактическія данныя, неизбѣжно теряетъ научную почву и удаляется въ область фантазіи, а этого одного достаточно, чтобы признать всѣ его построенія совершенно ложными. Вообще же нужно сказать, что навязываемое критиками намѣренное желаніе идеализировать лицо Христа Спасителя рѣшительно противорѣчитъ простотѣ евангельскихъ сообщеній и по самому существу дѣла несостоятельно. Оно можетъ пожалуй объяснить нѣкоторыя мифеѳматы апокри-

³⁾ См. напр. приписываемый *Оригену* Dialogus de recta fide, *Ириней* Adv. haer. III, 1, 1; III, 34, 1 и др.

ѣическихъ Евангелій въ родѣ Никодимова или Фомина, но никакъ неприложимо къ нашимъ синоптикамъ, ибо они явились при жизни τῶν ἀποστόλων καὶ ὑπῆρξαν τοῦ Λόγου (Лук. 1, 2). Въ это время не было нужды въ легендарныхъ прирасахъ, которыя появляются обыкновенно лишь много лѣтъ спустя послѣ самыхъ событій, когда послѣднія въ сознаніи людей теряютъ свою первоначальную живость. Такъ бываетъ вездѣ, тамъ же должно быть съ научной точки зрѣнія и въ данномъ случаѣ. Поэтому мнѣніе мнѣологовъ остается недоказаннымъ, и фактъ происхожденія нашихъ синоптическихъ Евангелій, а слѣдовательно и исторіи Преображенія, отъ самихъ апостоловъ оказывается неопровергнутымъ. Конечно это твердо установленное положеніе не ведетъ еще съ необходимостію къ признанію истинности и соответствія дѣйствительнымъ событіямъ рассказовъ евангельскихъ. Критика направляется и на этотъ пунктъ; она хочетъ убѣдить, что если даже Евангелія и подлинныя произведенія апостоловъ, они все же недостоверны, передаютъ о происшествіяхъ въ крайне искаженномъ, легендарно-баснословномъ видѣ. Такія мнѣнія съ особенною силою раздаются со стороны послѣдователей грубо-раціоналистической школы Эйхгорна, хотя высказываются и нѣкоторыми болѣе умѣренными въ своихъ скептическихъ воззрѣніяхъ экзегетами. Сущность возраженій этихъ ученыхъ сводится къ двумъ слѣдующимъ пунктамъ: во-первыхъ апостолы, очевидцы Преображенія Господа на горѣ, не могли правильно наблюдать дѣйствительное событіе и во-вторыхъ они не могли точно передать его другимъ. Разсмотримъ эти положенія подробно.

1) Чтобы воспринимать вѣрно какое-нибудь внѣшнее явленіе, нужно смотрѣть на объектъ наблюденія непредвзятыми глазами и не накладывать на него своихъ субъективныхъ представлений. Само собою понятно, что кромѣ того требуется еще, чтобы человѣкъ находился въ нормальномъ, спокойномъ состояніи духа. Но ни одного изъ этихъ условій не было у апостоловъ въ потребной мѣрѣ, когда они созерцали славу Господа на горѣ. Уже самое положеніе евангельскаго рассказа у всѣхъ синоптиковъ послѣ известной бесѣды Спасителя съ учениками о томъ, за кого почитаетъ Его народъ, и послѣ исповѣданія Петра (Мѣ. 16, 13—28. Мр. 8, 28—9, 1. Лук. 9, 18—27) показываетъ, на

какой предметъ была направлена мысль апостоловъ. Ихъ воображеніе было занято вопросомъ о царствѣ Божіемъ, царствѣ блеска и величія. Естественно, что при такомъ настроеніи наблюдатели не могли прямо смотрѣть на совершающееся вокругъ нихъ; они, говоря языкомъ Бэкона, предваряли (*антиципировали*) опытъ. Ко всему этому присоединились еще нѣкоторыя постороннія обстоятельства, которыя усиливали воображеніе учениковъ только въ извѣстномъ отношеніи и способствовали перенесенію субъективныхъ состояній на вѣщныя событія въ качествѣ реальныхъ ихъ опредѣленій. Сюда принадлежатъ: молитва Спасителя, въ которой Онъ упоминалъ „двухъ патроновъ своего народа“, т. е. Моисея и Илію, уединеніе ночи и тишина, возбуждавшія фантазію и заставлявшія принимать вещи не такъ, какъ онѣ существуютъ въ дѣйствительности. Подъ такими впечатлѣніями апостолы заснули; явленіе же открылось предъ ними тотчасъ послѣ самаго момента пробужденія. Понятно, что заспавшійся человекъ (*schlaftrunken*) неспособенъ къ объективно вѣрному воспріятію окружающаго. Наконецъ, страхъ, овладѣвшій учениками во время Преображенія, едва ли можетъ считаться благоприятнымъ условіемъ для точнаго наблюденія. Однимъ словомъ „здѣсь всѣ обстоятельства совпали такимъ образомъ, что лишали очевидцевъ спокойнаго и пронизательнаго вниманія“ ⁴⁾.

Всѣ приведенные выше факты, какъ заимствованные изъ самой евангельской исторіи, конечно неотрицаемы, но они не имѣютъ того рѣшительнаго значенія, какое придаютъ имъ критики. Правда, сила обмана чувствъ иногда бываетъ очень значительна, но въ данномъ случаѣ оставалось одно лицо, которое всего менѣе могло подвергаться иллюзіямъ. Это былъ самъ Іисусъ Христосъ. Рационалисты не осмѣливаются распространять своихъ предположеній на личность Богочеловѣка и потому должны

⁴⁾ *Paulus*. Exegetisches Handbuch über die drei ersten Evangelien. Zw. Theil. Heidelberg. 1881. S. 487. 440. 461. *Hase*. Op. cit. S. 495. *Keim*. Op. cit. S. 582, сл. *Neander*. Das Leben Iesu Christi. Hamburg. S. 515—516. *Gabler* въ издававшемся имъ *Neuest. theolog. journal*. I. Band. 5 St. S. 518. *Hetsel*. Schriftforscher II Bnd. St. 3. *Rau*. Symbolae ad illustrandam evangelistarum de metamorphosi I. Christi narrationem. Erlangale. 1797 и мн. др. Выдержки изъ послѣднихъ трехъ сочиненій см. у *Павлуся* стр. 442—444.

признать, что Спаситель былъ въ невѣдѣніи касательно взглядовъ Петра, Іакова и Іоанна на событіе, какъ это и дѣлаетъ Павлюсъ⁵⁾. Но такое мнѣніе опровергается уже тѣмъ, что Христосъ запретилъ ученикамъ рассказывать о случившемся (Мѡ. 17, 9. Мр. 9, 9) и потому зналъ о необыкновенномъ настроеніи своихъ спутниковъ; еслибы ничего сверхъ-естественнаго не случилось, Спасителю не было никакой нужды прибѣгать къ подобной мѣрѣ. Павлюсъ вынужденъ сознаться, что возбужденное состояніе духа учениковъ обратило на себя вниманіе Господа, заставляя Его догадываться, что причина этого въ сейчасъ бывшихъ обстоятельствахъ. Но тогда Іисусу Христу тѣмъ необходимѣе было разъяснить дѣло, а не налагать veto, что могло вести только къ большому затемненію происшествія. Какъ бы то ни было, но несомнѣнно, что Спаситель зналъ о настроеніи апостоловъ; посему невозможно допустить, чтобы Онъ не исправилъ ложныхъ воззрѣній довѣренными къ Нему лицъ. Понятно само собою, что невѣрность евангельскаго разсказа о Преображеніи Господнемъ становится теперь невысказанною даже при признаніи неспособности Петра, Іакова и Іоанна къ точному наблюденію, а это послѣднее обстоятельство далеко еще не доказанный фактъ. Намъ говорить о настроеніи апостоловъ, которые будто бы во внѣ видѣли то, что носили въ своей душѣ. Но спрашивается: въ какомъ направленіи могла работать мысль учениковъ? Въ томъ ли, чтобы созерцать въ Іисусѣ Христѣ царя славы, или въ нѣсколько иномъ? Какъ извѣстно, при Кесаріи Филипповой устами Петра апостолы исповѣдали Господа Сыномъ Бога живаго, но здѣсь же они узнали, что *Ему должно много пострадать*. Насколько сильное впечатлѣніе произвело это сообщеніе, показываетъ дальнѣйшій совѣтъ того же Петра, который былъ названъ за это *сатаной и соблазномъ* (Мѡ. 16, 22—23. Мр. 8, 32—33). Значить изъ разговора при Кесаріи Филипповой особенно рѣзко отразилось въ памяти учениковъ указаніе Спасителя касательно Его смерти. Если и позволительно гадать о характерѣ волновавшихъ апостоловъ думъ, то въ виду отмѣченнаго обстоятельства скорѣе нужно предположить, что онѣ отличались далеко не радостнымъ содержаніемъ. Подъ

⁵⁾ Paulus. Op. cit. S. 457.

вліяніемъ такихъ мыслей очевидцы Провображенія едва ли были способны набрасывать свѣтлый покровъ на тѣ явленія, гдѣ была лишь обыденная дѣйствительность, какъ утверждаетъ Павлюсъ. Но немного выиграть въ свою пользу разбираемое нами мифіе и тогда, когда мы согласимся съ критиками, что апостолы были расположены видѣть своего Учителя въ блескъ царя славы, открывающаго новое всемірное царство, что допустить трудно. Свидѣтели событія на горѣ совсѣмъ не обнаруживаютъ, будто созерцаемое ими явленіе было чѣмъ-то ожидаемымъ и вполнѣ естественнымъ, а это неизбежно случилось бы при допущаемомъ скептическими экзегетами радужномъ настроеніи духа наблюдателей. Напротивъ, весь разсказъ вѣетъ такую восторженностью, которая можетъ вытекать только изъ неожиданности. „Мы совсѣмъ не надѣялись на это, по крайней мѣрѣ въ такомъ скоромъ времени, но хорошо, что это произошло“: вотъ чувства, вызванныя въ апостолахъ видѣніемъ прославленнаго Спасителя. Въ этомъ убѣдится всякій, кто будетъ читать евангельское повѣствованіе, не принося своихъ тенденціозныхъ воззрѣній.

Такъ настроеніе Петра, Іакова и Іоанна олаивается слишкомъ недостаточнымъ для объясненія неправильнаго будто бы пониманія ими естественныхъ явленій природы и возведенія послѣднихъ на степень чудесныхъ. Да и вообще нужно сказать, что опредѣленная настроенность человѣка ведетъ лишь къ усиленію *тjома* впечатлѣній въ извѣстномъ, радостномъ или элегическомъ направленіи, но никогда не обуславливаетъ собою созданія новыхъ небывалыхъ фактовъ. Люди въ раздраженномъ состояніи способны видѣть что-нибудь оскорбительное для себя во всѣхъ дѣйствіяхъ окружающихъ лицъ: это правда. Однакоже не менѣе истинно, что они никогда не примутъ домъ или дерево за своихъ враговъ и не будутъ изливать на нихъ свой гнѣвъ. Здѣсь была бы уже ненормальность умственныхъ силъ, а объявить Петра, Іакова и Іоанна интеллектуально нездравыми не рѣшался еще ни одинъ скептикъ. Между тѣмъ логически должно бы быть именно такъ. Въ самомъ дѣлѣ, развѣ настроеніе когда-нибудь заставляло считать человѣка освѣщеннаго лучами солнца за блистающаго собственнымъ свѣтомъ, голосъ собесѣдника за блистающаго собственнымъ свѣтомъ, голосъ собесѣдника Спасителя или громъ—за слова Бога, раздающіяся изъ облака

и т. п.? Наконецъ, только великое возбужденіе, какинъ настроеніе (*продолжительное* душевное состояніе) никогда не можетъ быть, имѣть силу лишать человѣка на время способности правильно наблюдать явленія и вѣрно судить о нихъ; но и у подобныхъ субъектовъ остается возможность строгой оцѣнки своего поведенія, когда духовныя силы ихъ возвращаются къ надлежащему равновѣсію. Тогда фактъ воспроизводится во всей своей реальности; въ самомъ худшемъ случаѣ является колебаніе, недовѣріе къ истинности своихъ воспоминаній и вообще неопредѣленность въ сужденіи. Совсѣмъ не то мы видимъ въ евангельскомъ разсказѣ о Преображеніи Господа. Апостолы прямо и рѣшительно говорятъ, что они видѣли извѣстные явленія, и это послѣ того, какъ у нихъ было достаточно времени, чтобы трезвымъ размышленіемъ провѣрить точность своихъ наблюденій. Если и могло быть сомнѣніе въ истинности непосредственнаго впечатлѣнія, его всегда можно было устранить и разъяснить, спросивъ объ этомъ Господа. Это замѣчаніе приложимо и къ другимъ факторамъ, которые будто бы парализовали остроту наблюдательности трехъ избранныхъ учениковъ. Мы имѣемъ здѣсь въ виду указаніе критиковъ на сонъ и страхъ. Ев. Лука сохранилъ извѣстіе, что *Петръ и бывшіе съ нимъ отличены были сномъ* (9, 32), отсюда выводятъ, что апостолы смотрѣли на событіе сонными глазами и видѣли не то, что было. Замѣтимъ прежде всего, что если внѣшніе органы воспріятія въ первое мгновеніе по пробужденіи дѣйствуютъ не такъ сильно, какъ въ бодрственномъ состояніи, то это говоритъ прямо противъ критиковъ. Въ такія минуты нашъ глазъ не столь отчетливо воспринимаетъ всѣ отгѣнки и детали предметовъ, образы нѣсколько тускнѣютъ, слухъ не различаетъ точно звуковъ и т. п. Съ апостолами было совершенно обратное, ибо лицо, блистающее подобно солнцу, конечно не тоже, что освѣщенное солнцемъ, или голосъ удаляющагося человѣка далеко не тождествененъ со словами Бога, раздающимися надъ головою слушателей. Здѣсь было усиленіе, а не уменьшеніе степени; чего слѣдовало бы ожидать по естественнымъ законамъ оптики, акустики и физиологии. Помимо этого Преображеніе Господа совершилось при такой обстановкѣ, какая необходимо должна была отрезвить очнувшихся наблюдателей. Сильныя и необычныя впечатлѣнія по-

чти мгновенно пробуждаютъ насъ къ дѣйствительности, а въ данномъ случаѣ ихъ было слишкомъ много, чтобы апостолы перестали быть заспавшимися (schlaftrunken). И это тѣмъ неизбѣжнѣе, если пробужденіе учениковъ было вызвано не какою-нибудь виѣшнею причиною, а явилось само собою послѣ надлежащаго отдыха, какъ думаетъ Павлюсъ ⁶⁾. Наконецъ явленіе Преображенія не было такъ мимолетно, чтобы апостолы не имѣли возможности всмотрѣться пристальнѣе и вслушаться внимательнѣе; оно изображается какъ раскрывавшееся и развивавшееся предъ глазами зрителей и потому доступное наблюденію со всѣхъ сторонъ.

Остается еще страхъ, но самъ по себѣ онъ конечно не могъ особенно вліять на качество впечатлѣній учениковъ и рѣшительно не объяснить намъ факта принятія обычнаго и повседневнаго за нѣчто сверхъ-естественное и чудесное. При томъ же синоптики и не сообщаютъ намъ того, что было, когда Петръ, Іаковъ и Іоаннъ находились въ этомъ состояніи. *Ученики нами на лица свои и очень испугались* (Мѡ. 17, 6): этотъ моментъ раздѣляетъ послѣ отъ прежде, когда они страха не имѣли. Другое дѣло, еслибы синоптики сказали: когда апостолы устрашились и пали на лица свои, въ это время они увидѣли или въ это время случилось...; но ничего подобнаго Евангеліе не знаетъ.

2) Мысль о неспособности свидѣтелей Преображенія къ вѣрному воспріятію впечатлѣній совершенно произвольна и неосновательна. Нужны какіе-нибудь болѣе вѣскіе аргументы, чтобы подорвать историческую достовѣрность евангельскаго разсказа. Критика не задумывается надъ измышленіемъ новыхъ доказательствъ въ пользу своихъ пристрастныхъ взглядовъ. Она заявляетъ, что апостолы не могли передать видѣннаго даже такъ, какъ оно отпечатлѣлось въ ихъ сознаніи. „Въ промежутокъ времени между самымъ событіемъ и позднѣйшимъ разсказомъ о немъ другимъ, говоритъ Павлюсъ ⁷⁾, въ то, что каждый изъ трехъ очевидцевъ замѣтилъ первоначально, должно было тѣмъ больше войти собственныхъ мнѣній и вѣроятныхъ объясненій, что по приказанію Іисуса они никому не могли сообщать о

⁶⁾ Paulus. Op. cit. S. 453.

⁷⁾ Paulus. Op. cit. S. 437—438.

случившемся... Посему ихъ воззрѣнія и предположенія остались безъ повѣрки и восполненій по указаніямъ Іисуса или вслѣдствіе распросовъ другихъ лицъ; напротивъ вся чудесная исторія стала предметомъ разговора только послѣ смерти и воскресенія Іисуса, слѣдовательно послѣ четырехъ-пяти мѣсяцевъ, т.-е. по истеченіи періода времени, въ который произошло столь многое, что должно было занять все вниманіе апостоловъ и пролить совершенно особый свѣтъ на раннѣйшія происшествія⁴. Въ этомъ разсужденіи указывается собственно на то, что у Петра, Іакова и Іоанна была отнята возможность критической повѣрки своихъ первоначальныхъ наблюденій и установленія правильнаго взгляда на Преображеніе Господне. Откуда это слѣдуетъ? Что Господь запретилъ рассказывать видѣнное на горѣ другимъ, т.-е. всѣмъ кромѣ непосредственныхъ очевидцевъ, изъ этого нисколько не вытекаетъ, что три апостола не могли получать разъясненій отъ самого Іисуса Христа. Въ евангельской исторіи объ этомъ не говорится, а между тѣмъ въ ней есть данныя совершенно противоположнаго свойства. Вопросъ учениковъ Спасителю при спускѣ съ горы и именно *послѣ* запрещенія конечно имѣлъ своимъ источникомъ желаніе устранить возникшія недоумѣнія; слѣдовательно доступъ къ исправленію своихъ впечатлѣній и заключеній чрезъ обращеніе къ Господу—Христу для апостоловъ не былъ закрытъ. Посему ничто не побуждало Петра или братьевъ Заведеевыхъ строить свои личные предположенія и догадки, когда былъ подъ руками прямой и надежный источникъ. Это тѣмъ болѣе вѣроятно, что, какъ кажется, дальнѣйшихъ сомнѣній на счетъ внѣшней обстановки событія и не существовало; по крайней мѣрѣ синоптики объ этомъ молчатъ. Размышленіе и обсужденіе факта у апостоловъ не было отнято, но это едва ли могло быть вредно для вѣрности разсказа: оно должно было вести къ болѣе точному опредѣленію происшествія во всѣхъ его подробностяхъ и уясненію послѣдовательности и взаимной связи отдѣльныхъ его моментовъ. Конечно вполне мыслимо, что очевидцы Преображенія имѣли свои „собственные сужденія и вѣроятныя разъясненія“, но послѣднія въ повѣствованіе не вошли, ибо здѣсь мы читаемъ о томъ, что было, а не о томъ, что предполагали нѣкоторыя лица. Ссылка Павлуса⁵)

⁵) *Paulus. Op. cit. S. 448.*

на несходство выраженія касательно ветхозавѣтныхъ праведниковъ ничего не доказываетъ. Если Матвей и Маркъ говорятъ (17, 3; 9, 4): *явились Моисей и Иля*, а Лука утверждаетъ (9, 30), что *бесѣдовами два мужа, которые были Моисей и Иля*, то это свидѣтельствуесть лишь о различіи приемовъ писателей: первые два писатели передаютъ событіе болѣе живо и наглядно, какъ дѣло было при самомъ совершеніи, а послѣдній ведетъ рассказъ гораздо спокойнѣе, какъ историкъ. Тутъ нѣтъ и намекъ на то, что извѣстное замѣчаніе есть позднѣйшее умозаключеніе евангелиста, а не точное наблюденіе. Вообще же мысль о сознательной тенденціозной переработкѣ первоначальныхъ впечатлѣній ни въ какомъ случаѣ недопустима. Тогда апостолы, дѣйствуя въ интересахъ самовосхваленія, постарались бы приблизить свой рассказъ къ обыкновенному пониманію и на примѣръ измѣнили бы или выкинули слова Петра, между тѣмъ они сообщаютъ ихъ въ той формѣ, въ какой были произнесены, даже съ замѣчаніемъ: *онъ не зналъ что сказать* (Мр. 9, 6). Это весьма сильное доказательство, что въ повѣствованіи о Преображеніи нѣтъ субъективныхъ прикрасъ очевидцевъ; сила его до сихъ поръ ничѣмъ не ослаблена, поскольку и самъ Павлюсъ утверждаетъ ⁹⁾, что восклицаніе Петра имѣло мѣсто во время самого событія. Значить въ евангельской исторіи мы должны видѣть точный отчетъ о наблюденіяхъ трехъ учениковъ.

Намъ говорятъ, что истинность первоначальнаго впечатлѣнія много пострадала отъ того, что послѣдующія обстоятельства выставили фактъ Преображенія въ новомъ освѣщеніи. Не рѣшая пока вопроса, насколько основательно такое заключеніе въ приложеніи къ нашему синоптическому рассказу, мы стараемся теперь разъяснить себѣ: почему новая, болѣе определенная точка зрѣнія на предметъ должна возбуждать недовѣріе къ правдивости его описанія? Слѣдуя естественнымъ законамъ логики, нужно бы сказать совершенно противное. Исторія только тогда и возможна, когда устанавливается правильное соотношеніе предыдущаго къ настоящему, а этого къ послѣдующему, когда указывается, изъ чего вытекалъ данный моментъ и что его сопровождало. Въ наукѣ эти положенія считаются общепринятыми

⁹⁾ *Paulus. Op. cit. S. 439.*

аксіомами, но они еще болѣе примѣнимы къ сообщеніямъ евангелистовъ. Въ процессѣ развитія народовъ ходъ исторіи совершается часто независимо отъ намѣренія и расчетовъ дѣятелей, и потому логика фактовъ нерѣдко не совпадаетъ съ логикой мысли. Совсѣмъ не то въ земной жизни Господа Спасителя. Здѣсь мы имѣемъ исторію Богочеловѣка, явившагося въ міръ для осуществленія предвѣчныхъ рѣшеній Творца—Промыслителя и сообразно имъ располагавшаго событиями, которыя притомъ же были выполненіемъ предсказаннаго чрезъ пророковъ. Поэтому исторія Иисуса Христа естественно шла въ нужной, законной послѣдовательности и всѣ отдѣльные моменты ея становились въ правильную связь. Отсюда необходимо раннѣйшее должно находить свое полное раскрытіе въ позднѣйшемъ и изъ него объясняться во всемъ своемъ значеніи. Такое сопоставленіе ни мало не могло измѣнять взгляда на сравниваемые явленія и искажать ихъ, потому что отношеніе между ними не случайное, а разумное. Только тамъ, гдѣ взаимодѣйствіе фактовъ непредусмотрѣно, мыслимо еще ложное пониманіе одного вслѣдствіе неправильнаго отнесенія къ другому, но коль скоро связь событій несомнѣнна, сравненіе ихъ должно содѣйствовать болѣе совершенному ихъ уразумѣнію. Стало быть случившееся послѣ Преображенія пролило не только „свой особенный“, но и яснѣйшій свѣтъ на происходившее на горѣ. Насколько законно выходитъ изъ этого заключеніе объ исторической недостоверности или хотя бы неточности разсказа синоптиковъ, это понятно безъ словъ.

Отрицательная критика выставляетъ въ свою пользу еще нѣсколько соображеній, которыя по ея намѣреніямъ должны служить фактической опорой для теоретическихъ подозрѣній. Въ этихъ видахъ она старается воспользоваться мнимымъ внутреннимъ противорѣчіемъ евангельскаго повѣствованія самому себѣ и молчаніемъ одного изъ свидѣтелей Преображенія апостола Іоанна Богослова. Эти возраженія встрѣчаются преимущественно у миеологовъ и направлены главнымъ образомъ противъ неподлинности (что, какъ мы видѣли, имъ необходимо было подтвердить), но въ существѣ дѣла говорятъ только противъ исторической достовѣрности синоптическаго разсказа. Стремясь отыскать различныя несообразности въ дошедшихъ до насъ извѣ-

стіяхъ о Преображеніи, критики останавливаются на разговоръ Іисуса Христа съ учениками при спускѣ съ горы. Они заявляютъ, что еслибы Ілія дѣйствительно являлся, то апостолы не стали бы спрашивать о достоинствахъ мнѣнія книжниковъ, а Спаситель не могъ бы „такъ рационалистически толковать вопросъ объ Іліи“ (выраженіе Газе)¹⁰). Больше полное опроверженіе этого положенія будетъ дано ниже самымъ объясненіемъ разсматриваемаго отрывка; въ настоящемъ случаѣ мы обратимъ вниманіе лишь на то, въ чемъ критика полагаетъ „разрушительную силу“ (Газе) бесѣды о предтечѣ Мессіи для правдивости предшествующей исторіи Преображенія. Въ этомъ отношеніи особенно обстоятеленъ Штраусъ. По его мнѣнію трудно допустить въ апостолахъ сомнѣніе въ основательности ученія еврейскихъ книжниковъ. Еслибы это было такъ, они обратились бы къ Учителю въ положительной формѣ: εἰκότως οὖν οἱ γραμματεῖς λέγουσιν κ. т. л., а не въ вопросительной: τί οὖν οἱ γραμματεῖς λέγουσιν, ὅτι Ἰλιάν δεῖ ἔλθεῖν πρῶτον?¹¹). Намъ кажется, нѣтъ большаго различія въ томъ, какъ выражается мысль, категорически или вопросительно, лишь бы смыслъ былъ одинаковъ. Правда, своимъ вопросомъ апостолы выражаютъ недоумѣніе къ утвержденіямъ народныхъ учителей еврейскихъ, но вѣдь послѣднее должно было имѣть какой-нибудь поводъ, гдѣ бы обнаружилось несоответствіе обычнаго мнѣнія съ дѣйствительными фактами. Все это и было въ Преображеніи, поскольку здѣсь явился Ілія, которому по словамъ книжниковъ не только надлежало придти прежде, но и устроить все. Какъ то, такъ и другое осталось въ данномъ случаѣ неосуществившимся, и потому недоумѣніе явилось само собою. Такое объясненіе по Штраусу¹²) несостоятельно, ибо тогда ἀποκαταστήσει πάντα должно было стоить въ вопросѣ учениковъ, а не въ отвѣтѣ Спасителя, какъ это читается у Мѡ. и Мр. Штраусъ былъ бы правъ, еслибы

¹⁰) Это мнѣніе съ различными отгѣнками высказывается Павломъ (S. 442 и 458), Газе (S. 492—493), Блекомъ (Synoptische Erklärung der drei ersten Evangelien von Fr. Bleek. Herausgeg. von H. Holtzmann. Leipzig. 1862. Zw. Bnd. S. 64), Штраусомъ (S. 252—254), Кеймомъ (S. 389) и ив. др.

¹¹) Strauss. Op. cit. S. 252.

¹²) Strauss. Op. cit. S. 253. Штраусъ имѣетъ въ виду комментарий Ольстауэна.

было доказано, что бесѣдовавшіе разумѣли вещи совершенно различныя, почему и изъ словъ Христа нельзя заключать о желаніи спрашивающихъ. На дѣлѣ этого не было, ибо ученики остались довольны разъясненіями Господа; очевидно, они являли въ нихъ то, что хотѣли знать. По сему самому вполне законно и естественно на основаніи характера отвѣта судить о смыслѣ и цѣли вопроса; противное было бы дѣйствительно „странно“, какъ и выводъ изъ рѣчи Господа, что явленія на горѣ не было ¹³⁾). Правда, Иисусъ Христосъ ясно высказываетъ, что мнѣніе книжниковъ вѣрно лишь по отношенію къ Іоанну Крестителю, но это означаетъ только то, что видѣнное апостолами прибѣгіе Іліи не было исполненіемъ предсказанія Малахіи о пришествіи пророка *предъ наступленіемъ дня Господня, великаго и страшнаго* (LXX, 4, 5). Последнее осуществилось въ лицѣ дѣйствовавшего въ духѣ и силѣ Іліи—Предтечи, а появленіе обличителя Ахава и Изавели въ настоящій моментъ на горѣ имѣло совершенно другую цѣль. Въ такомъ случаѣ разсматриваемая нами бесѣда является какъ нельзя болѣе уместною въ той связи, въ каковой помѣщаютъ ее священные писатели, и намъ нѣтъ никакой надобности относить ее ко времени прежде или послѣ Преображенія. Даже еслибы мы согласились на такую произвольную перестановку евангельскихъ разсказовъ, то и тогда указываемое Штраусомъ ¹⁴⁾ противорѣчіе было бы только воображаемымъ. Ни разговоръ Иисуса Христа съ апостолами о мнѣніи книжниковъ не дѣлаетъ невозможнымъ явленіе Іліи Освятителя, поскольку онъ касался вопроса о предтечѣ Мессіи-Искупителя, а таковой миссіи у Іліи въ этотъ разъ не было, ни событіе Преображенія не вело къ признанію несообразности бесѣды о пророчествѣ Малахіи, ибо последнее не имѣло здѣсь своего осуществленія. Ясно, что указывая Своего обѣтованнаго предшественника въ Іоаннѣ Крестителѣ, Спаситель ни мало не становился въ противорѣчіи съ совершившимся фактомъ. Въ евангельской исторіи разбираемый отрывокъ поэтому занимаетъ самое соотвѣтственное мѣсто.

¹³⁾ *Strauss. Loc. cit.*

¹⁴⁾ *Strauss. Op. cit. s. 253—254.*

Новое подтвержденіе своимъ возрѣніямъ скептическіе экзегеты думаютъ видѣть въ томъ обстоятельствѣ, что евангелистъ Іоаннъ ничего не говоритъ о Преображеніи. Мыслимо ли, спрашиваютъ насъ, чтобы единственный очевидецъ событія, взявшій на себя трудъ изобразить дѣятельность Спасителя, не изложилъ происшествія, о которомъ разсказываютъ писатели, при немъ не присутствовавшіе? Это тѣмъ болѣе подозрительно, что фактъ прославленія Господа былъ согласенъ съ системою ап. Іоанна и представлялъ наглядное доказательство справедливости его изреченія (1, 14): καὶ ἑθεσάβεθα τὴν δόξαν αὐτοῦ (Χριστοῦ-Λόγου), δόξαν ὡς μονογενοῦς παρὰ πατρὸς. Очевидно, онъ или вовсе не зналъ Преображенія или не усвоилъ вѣроятія слухамъ о событіи на горѣ ¹⁵⁾.

Существуетъ нѣсколько попытокъ объяснить молчаніе евангелиста Іоанна. Нѣкоторые экзегеты полагаютъ ¹⁶⁾, что причина этого заключается въ антидогетической тенденціи евангелиста. Онъ будто бы не хотѣлъ давать еретикамъ повода отвергать реальность тѣла Господа, ибо Преображеніе, гдѣ явилось видимо совершаемая небесная слава Іисуса Христа, оказало бы большую услугу заблуждающимся. Подобнаго намѣренія не могло быть у евангелиста Іоанна потому, что указанными средствами оно не достигалось бы. Іоаннъ, какъ справедливо замѣчаетъ Неандеръ ¹⁷⁾, „тѣмъ болѣе долженъ былъ приложить старанія къ вѣрному изображенію событія, чтобы *этимъ*, а не *молчаніемъ*, — которое здѣсь совсѣмъ бесполезно, а скорѣе вредно, — предохранить его отъ всякихъ перетолкованій съ этой стороны“. Особенно настоятельно было это въ виду существовавшихъ уже синоптическихъ разсказовъ о Преображеніи, о которыхъ апостолъ Іоаннъ могъ знать, такъ какъ писалъ послѣ первыхъ трехъ евангелистовъ (*Ириней*: Adv. haer. III, 1; *Климентъ А.* у Евсевія: Ц. И. VI, 14; *Ориген*: ibid. VI, 25; *Евсевій*: Ц. И. III, 24 и др.). Наконецъ, еслибы св. писатель четвертаго Евангелія имѣлъ по-

¹⁵⁾ Strauss. Op. cit. s. 249—252; Hase. Op. cit. s. 493; Neander. Das L. I. Chr. s. 516, Anm.

¹⁶⁾ Schneckenburger. Beiträge. s. 62. Сходно Шлейермахеръ. См. объ этомъ Das Leben Jesu von B. Weiss. Zw. Auflage. Zw. Bnd. Berlin. 1884. s. 314, Anm.

¹⁷⁾ Neander. Das L. I. Chr. s. 516 Anm.

лемическую цѣль при опущеніи повѣствованія о фактѣ Преображенія, онъ выкинулъ бы и много другихъ событій, напримѣръ хожденіе Спасителя по водѣ, явленіе ученикамъ по воскресеніи при затворенныхъ дверяхъ и т. п. Между тѣмъ онъ этого не дѣлаетъ, и потому причина его молчанія о происшествіи на горѣ очевидно не въ антидокетической тенденціи, которая притомъ же не совсѣмъ справедливо переносится съ посланій апостола Іоанна на его Евангеліе. По Бейму Іоаннъ не считалъ для себя Преображеніе особенно важнымъ, ибо онъ „частію уже раньше указалъ прославленіе Іисуса, а частію любитъ полагать его (прославленіе) не предъ страданіемъ, а въ самомъ страданіи“¹⁸⁾. Здѣсь мы сталкиваемся съ вопросомъ о достоинствѣ писателя-апостола. Какъ такой, онъ не могъ преднамѣренно выбирать для своего повѣствованія только согласное съ его личными видами и опускать все прочее, хотя бы оно и не противорѣчило имъ. Вейсъ¹⁹⁾ находитъ, что рассказъ о прославленіи Господа въ Преображеніи былъ излишенъ для апостола Іоанна, ибо „евангелистъ, для котораго вся земная жизнь Іисуса была открытіемъ Его Божественной славы и который описываетъ ее какъ таковую (1, 14), конечно не имѣлъ нужды излагать видѣніе, гдѣ ему дано было проникнуть въ будущее, поскольку послѣднее давно сдѣлалось для него настоящимъ“. Вейсъ считаетъ Преображеніе весьма знаменательнымъ фактомъ, ибо оно открыло апостолу Іоанну *новый* взглядъ на Лице и дѣятельность Спасителя. Но именно вслѣдствіе оригинальности своего воззрѣнія составителю четвертаго Евангелія было необходимо точно передать событіе, которое послужило точкою опоры для его сужденій и въ которомъ онъ имѣлъ бы дѣйствительное опредѣленіе своего новаторства. Всѣ эти объясненія умолчанія апостоломъ Іоанномъ о Преображеніи, какъ мы видимъ, неудовлетворительны; но значить ли это, что скептики правы въ своихъ выводахъ? Отвѣтъ несомнѣнно долженъ быть отрицательный и основаніе для него именно тотъ самый фактъ, на который указываютъ и рационалисты. По преданію извѣстно, что при написаніи своего Евангелія апостолъ Іоаннъ имѣлъ въ виду повѣствованія своихъ

¹⁸⁾ *Keim*. Op. cit. s. 588.

¹⁹⁾ *Weiss*. Das. L. I. s. 314.

предшественниковъ. Во всякомъ случаѣ существованіе исторіи Преображенія не могло оставаться для него невѣдомымъ, такъ какъ она была у всѣхъ на устахъ. Если же такъ, то молчаніе евангелиста Іоанна Богослова дѣйствительно „говорить слишкомъ много“²⁰⁾, только ужъ никакъ не въ пользу Газе. Онъ конечно исправилъ бы невѣрности и неточности синоптиковъ; противное было бы „несовѣстимо съ апостольскою пафῶσις“, по выраженію Штрауса²¹⁾. Утверждать подобно Неандеру²²⁾ что Іоаннъ не придавалъ событію объективнаго значенія и потому ничего не сообщил о немъ, нѣтъ никакихъ данныхъ; а мысль²³⁾ о неспособности этого апостола къ вѣрному воспроизведенію бывшаго на горѣ рѣшительно несправедлива и дѣла не выясняетъ. По силѣ всѣхъ этихъ соображеній молчаніе ев. Іоанна въ виду несомнѣивой извѣстности ему разсказа синоптиковъ должно разсматривать въ смыслѣ подтвержденія исторической достовѣрности синоптического повѣствованія. Мы не можемъ проникнуть во внутренній міръ апостола Іоанна и съ полною увѣренностію судить о его намѣреніяхъ при его опущеніяхъ и слѣдовательно не имѣемъ законнаго права соглашаться съ Штраусомъ²⁴⁾, что онъ вовсе не зналъ того, чего не описываетъ. При этомъ всегда нужно помнить слова самого евангелиста, какими заканчиваются послѣдняя и предпослѣдняя главы его благовѣствованія: *много сотворилъ Иисусъ предъ учениками своими и друмихъ чудесъ, о которыхъ не написано въ книгъ сей; еслибы писать о томъ подробно, то, думаю, и самому міру не вмѣститъ бы написанныхъ книгъ* (20, 30; 21, 25).

Разборъ отрицательныхъ взглядовъ на разсказъ о Преображеніи Господа приводитъ насъ къ заключенію, что онъ не можетъ быть неподлиннымъ апостольскимъ произведеніемъ или сообщеніемъ исторически недостовѣрнымъ. Этотъ выводъ легко превратится въ положительную истину, если мы рассмотримъ нѣкоторыя болѣе прямая данныя въ пользу этой мысли. Мы не будемъ касаться здѣсь свидѣтельствъ христіанской древности о

²⁰⁾ Выраженіе *Газе*. *Op. cit.* s. 493.

²¹⁾ *Strauss*. *Das L.* I. s. 250.

²²⁾ и ²³⁾ *Neander*. *Das Leben I. Chr.* s. 516. *Ann.*

²⁴⁾ *Strauss*. *Op. cit.* s. 251.

происхожденіи евангелій вообще, а обратимъ вниманіе только на характеръ самой исторіи Преображенія. Всѣ синаптики передаютъ объ этомъ событіи въ одинаковой связи съ другими происшествіями: по нимъ оно имѣло мѣсто послѣ исповѣданія Петра и предсказанія Иисуса Христа о своихъ страданіяхъ (Мѡ. 16, 13—28; Мр. 8, 27—9, 1; Лук. 9, 18—27) и предъ исцѣленіемъ отрока одержимаго духомъ нѣмымъ (Мѡ. 17—21; Мр. 9, 14—29; Луки 9, 37—42). Сцена дѣйствія единогласно относится къ „высокой горѣ“, а хронологическое указаніе времени настолько точно, что его находитъ поразительнымъ даже самъ Штраусъ²⁵⁾. Спрашивается: если весь рассказъ есть мифъ, то зачѣмъ эта ненужная обстановка? Какой смыслъ и значеніе такихъ опредѣленныхъ изображеній? Что за цѣль была въ головѣ слагателей легендарнаго сказанія? Всѣ эти важные вопросы остаются отрицательною критикою безъ должнаго разрѣшенія. Штраусъ²⁶⁾ говоритъ только, что это объясняется происхожденіемъ синаптическихъ евангелій изъ устной апостольской проповѣди, гдѣ событія были расположены такъ, какъ мы находимъ ихъ теперь въ письменныхъ памятникахъ. Очевидно, такой отвѣтъ ни мало не разъясняетъ дѣла, а лишь порождаетъ еще большія недоумѣнія, поскольку отсылаетъ насъ въ область невѣдомаго намъ народнаго творчества. При томъ же для миеолога важнѣе указать смыслъ обозначеній времени и мѣста, а не источникъ ихъ происхожденія, поскольку онъ можетъ считать рассказъ составленнымъ по такимъ или другимъ побужденіямъ и потребностямъ. Кеймъ²⁷⁾ указываетъ на то, что въ виду предсказанныхъ Христомъ страданій было всего уместнѣе торжественное засвидѣтельствованіе мессіаизма Иисуса поставить именно послѣ бесѣды при Кесаріи Филипповой. Не говоря уже о томъ, что и здѣсь не опредѣлено значеніе всѣхъ точныхъ показаній „столь богатой, столь обдуманной и столь разумно построенной сати“²⁸⁾, объясненіе Кейма предполагаетъ строгую и законную историческую послѣдовательность евангельскихъ по-

²⁵⁾ *Strauss*. Das. L. I. s. 249.

²⁶⁾ *Strauss*. Loc. cit. Cp. *de-Wette* Einleit. in das N. T. § 79.

²⁷⁾ *Keim*. Op. cit. s. 592.

²⁸⁾ *Keim*. Ibid. s. 591.

вѣствованій, причемъ въ данномъ случаѣ предыдущее считается несомнѣнно дѣйствительнымъ. Но если такъ, то необходимо признать достовѣрность и разсказа о Преображеніи, ибо сами евангелисты не дѣлаютъ никакихъ разграниченій между событіями по степени ихъ исторической правдивости. Критеріемъ для скептиковъ въ выдѣленіи подлиннаго отъ легендарнаго служатъ исключительно личныя ихъ желанія и симпатіи, но не писанія апостоловъ, а такой субъективизмъ совпадаетъ уже съ произволомъ и потому не можетъ имѣть научной дѣйности.

Такимъ образомъ самый разсказъ синоптиковъ о Преображеніи Господа убѣждаетъ насъ въ своей исторической достовѣрности. Другое не менѣе вѣское и авторитетное свидѣтельство въ пользу той же истины мы находимъ у очевидца событія на горѣ—апостола Петра. Слова его получаютъ особенную важность какъ вслѣдствіе близкаго и непосредственнаго отношенія къ происшествію, такъ и потому, что фактъ Преображенія онъ кладетъ въ основу своей проповѣди и видитъ въ немъ сильнѣйшее подтвержденіе ея истинности. Въ 1 гл. 2 Петрова посланія значится: *мы возвъстали вамъ силу и пришествіе Господа нашего Иисуса Христа, не хитросплетеннымъ баснямъ послѣдуя, но бывъ очевидцами Его величія. Ибо Онъ принялъ отъ Бога Отца честь и славу, когда отъ велепной славы принесся къ Нему такой гласъ: Сей есть Сынъ Мой возлюбленный, въ которомъ Мою благоволеніе. И этотъ гласъ, принесшійся съ небесъ, мы слышали будучи съ Нимъ на святой горѣ* (1, 16—18). Такое поразительное доказательство дѣйствительности событія Преображенія конечно не могло быть пріятно скептикамъ, ибо оно обращало въ ничто всѣ ихъ фантастическія построенія. Но критика устраняетъ его очень легко, объявивъ 2 посланіе Петра произведеніемъ подложнымъ, что въ виду почти поголовнаго сомнѣнія либеральной западной экзегетики въ его подлинности казалось ей не требующимъ дальнѣйшихъ аргументовъ²⁹⁾. Но такъ ли въ самомъ дѣлѣ несомнѣненъ этотъ рѣшительный приговоръ надъ 2 Петровымъ посланіемъ, чтобы можно было опираться на него, какъ на не-

²⁹⁾ *Paulus. Op. cit. s. 441—442. Strauss. Op. cit. s. 252. Hase. Op. cit. s. 493. Keim. Op. cit. s. 588. Cp. Pressensé. Geschichte der drei ersten Jahrhunderte der christlichen Kirche. Leipzig. 1863. Zw. Th. s. 311—312.*

поколебимое основаніе? Правда, уже въ древней церкви были сомнѣнія въ подлинности этой книги, что видно изъ словъ историка Евсевія (Ц. И. III, 55) и блаженнаго Іеронима (*De viris illustr.* I), однако тамъ же были и ясныя свидѣтельства, относящія посланіе къ апостолу Петру. Упомянутія объ этомъ произведеніи можно находить у Варнавы (*Epist.* с. 15), Климента Римскаго (*Epist.* 1 ad Cor.), Ерма (*vis.* III, 7, IV, 3), св. Іустина мученика (*Dial.* с. *Tryph.*), св. Иринея (*Adv. haer.* V, 23, 3) и Феосола Антиохійскаго (*Epist.* ad Autol. 11, 13), а Климентъ Александрійскій по извѣстію древнихъ (у Евсевія) писалъ на него толкованіе; Оригенъ же прямо ссылается на него въ своемъ комментарий на Ев. Іоанна (*Comment.* in Joann. IV, 35). Несправедливо было бы показаніе Евсевія или бл. Іеронима считать непогрѣшимыми, а другимъ писателямъ не придавать никакой цѣны. И нужно замѣтить, что 2 посланіе Петра несравну заняло мѣсто на ряду съ несомнѣнными апостольскими писаніями не по догматическимъ соображеніямъ, но потому, что составитель канона не зналъ точно имени автора и обстоятельствъ происхожденія его произведенія (какъ Евсевій. Ц. И., III, 55) или находилъ стилистическія несходства съ другими его твореніями (какъ Іеронимъ). Въ виду этого голосъ древней церкви, принявшій 2 посланіе ап. Петра, получаетъ непреложную силу, ибо она конечно имѣла болѣе точное преданіе, чѣмъ какое находится въ распоряженіи современной критики. Наконецъ неоспоримо хотя бы то, что рассматриваемое нами произведеніе представляетъ памятникъ древній, въ которомъ по крайней мѣрѣ могли сохраниться „фрагменты проповѣдей Петра, какъ напримѣръ прекрасное начало посланія“, по признанію самихъ скептиковъ³⁰⁾. Понятно, что и въ этомъ случаѣ свидѣтельство 2 Петра посланія имѣетъ немалую важность для подтвержденія исторической достовѣрности разсказа о Преображеніи Господа. Оно сообщаетъ намъ не только самый фактъ, но и пониманіе его въ древнѣйшую эпоху существованія христіанства.

³⁰⁾ *Pressensé.* Op. cit. s. 312. Замѣчательно, что въ 1 гл. 2 посланія апостола Петра употребляются термины, ясно указывающіе на исторію Преображенія, таковы: *ἔθεδος* (ст. 15. Ср. Луки 9, 31) и *σκήνισμα* (ст. 13. Ср. Мѣ. 17, 4).

Мы обозрѣли наиболѣе выдающіяся возраженія противъ подлинности и исторической достовѣрности чудеснаго прославленія Господа на горѣ. Всѣ они оказываются недостигающими своей цѣли, а нѣкоторыя положительныя данныя ясно утверждаютъ историческую истинность евангельскаго разсказа о Преображеніи Спасителя. Мы можемъ обратиться теперь къ экзегетическому разсмотрѣнію синоптическаго повѣствованія, не смущаясь надеждами рационалистической критики. При этомъ сообразно естественному ходу нашего разсказа мы раздѣляемъ свое изслѣдованіе на пять отдѣловъ. Въ первомъ и во второмъ будутъ указаны время и мѣсто и вообще разсмотрѣны вступительныя замѣчанія синоптиковъ, въ третьемъ будетъ описанъ самый фактъ Преображенія и дано возможное пониманіе его съ разборомъ различныхъ гипотезъ, въ четвертомъ отойдетъ разрѣшеніе вопроса о цѣли и значеніи событія, содержаніе же пятаго составитъ изясненіе бесѣды Иисуса Христа съ учениками при опускѣ съ горы.

Время Преображенія Господня.

Начало своего повѣствованія о Преображеніи Господа евангелисты непосредственно связываютъ съ описаніемъ предшествующихъ событій, причемъ Матей и Маркъ ставятъ союзъ καί, а Лука прямо сообщаетъ, что излагаемое имъ случилось μετὰ τοῦς λόγους τούτους, т.-е. послѣ разговора Спасителя съ апостолами при Кесаріи Филипповой. Это было спустя шесть дней или, по Лукѣ, ὡσεὶ ἡμέραι ὀκτώ (9, 28). Такимъ точнымъ хронологическимъ указаніемъ синоптики отличаютъ важность послѣдующаго происшествія и воспроизводятъ его во всей исторической обстановкѣ, что въ Евангеліяхъ встрѣчается далеко не всегда. Нѣкоторое различіе въ обозначеніи временнаго разстоянія момента Преображенія отъ бесѣды объ Иисусѣ Христѣ, какъ Мессіи, объясняется тѣмъ, что Лука считаетъ dies a quo и dies ad quem, между тѣмъ какъ Матей и Маркъ эти дни опускаютъ. Что такой способъ времясчисленія былъ тогда въ обычаѣ, это видно хотя бы изъ сочиненій Флавія, который употребляетъ выраженіе ἐπὶ ἡμέρας ὀκτώ въ смыслѣ ἀπο σαββατου ἐπὶ σαββατον ²¹⁾. У насъ нѣтъ

²¹⁾ *Sosephi Flavii Antiq.*, VI, 9.

данныхъ для опредѣленія, на какой день недѣли падаетъ Преображеніе Господа, и потому указаніе Кейма²²⁾ и Ланге²³⁾ на субботу имѣетъ значеніе догадки. Гораздо точнѣ замѣчанія касательно времени дня. По Лука цѣлю удаленія Иисуса Христа на гору было желаніе помолиться (προσεύχασθαι 9, 28), а мы знаемъ, что и въ другихъ случаяхъ это бывало ночью (см. напр. Луки 6, 12). Кромѣ того непосредственно слѣдовавшее за Преображеніемъ Господа исцѣленіе отрока, одержимаго духомъ нѣмымъ, имѣло мѣсто на другой день (ἐν τῇ ἑξῆς ἡμέρᾳ: 9, 37). Изъ этихъ двухъ свидѣтельствъ можно заключать, что Спаситель пошелъ на гору вечеромъ и остался тамъ до утра. Сопоставляя съ этими показаніями замѣтку ев. Луки о снѣ учениковъ, мы должны отнести самый моментъ Преображенія не къ наступленію ночи. Трудно допустить, чтобы апостолы заснули тотчасъ по восхожденіи и не принимали участія въ молитвѣ. Вѣроятно, только когда они утомились, Христосъ отпустилъ ихъ для отдыха. Затѣмъ по прямому смыслу словъ ев. Луки пробужденіе не было вызвано какою-нибудь постороннею причиною. Значитъ прошло уже не мало времени съ вечера до того момента, когда предъ апостолами открылась слава Господа. Съ другой стороны, начальныя слова описанія исцѣленія отрока: ἐν τῇ ἑξῆς ἡμέρᾳ (9, 37 Луки), содержа нѣкоторое противоположеніе сообщаемому выше, несомнѣнно показываютъ, что событіе на горѣ происходило не днемъ, почему нѣкоторые экзегеты относятъ его къ ночному времени²⁴⁾. Но едва ли это мнѣніе справедливо исполнѣ. Близкая временная связь Преображенія съ

²²⁾ *Keim* Op. cit. S. 585 Anm.

²³⁾ *Das Evangelium nach Matthäus. Theologisch - homiletisch bearbeitet von S. Lange.* Bielefeld. 1857. S. 239.

²⁴⁾ *Keil.* Commentar über das Evangelium des Matthäus. Leipzig. 1877. S. 359. *Barnes.* Notes on the Gospels of Matthew and Mark. p. 236. Cp. Notes on the Gospel of Luke. P. 78. *Schleiermacher.* Predigten über das Evangelium Marci, 2 Bnd. S. 21. *Lange.* Das Evangelium nach Markus. Bielefeld. 1858. S. 82. *Фарраръ.* Жизнь Иисуса Христа. Пер. А. Лопухина. 1885. Сиб. стр. 345 Ссылка Фаррара (ibid. стр. 607, нр. 829) на 2 Петр. 1, 19, ничего недоказываетъ, потому что выраженіе, «свѣтъ свѣтъ сіяющій въ темномъ мѣстѣ» — метафорическое и употребляется безъ всякаго отношенія къ предшествующей (стихи 16—18) исторіи Преображенія.

послѣдующимъ чудомъ, бывшимъ днемъ, не говоритъ въ его пользу. Еще болѣе важно здѣсь свидѣтельство первыхъ двухъ евангелистовъ, что послѣ того какъ павшіе на лица свои ученики встали, они возведши очи свои (Мр.: посмотрѣвъ во кругъ), никого не увидѣли кромѣ одного Іисуса (Мѡ. 17, 8. Мр. 19, 8). Περιβλεψάμενοι Мр. намекаетъ на то, что взорамъ зрителей открывался значительный горизонтъ, гдѣ они очень ясно различали предметы. Поэтому необходимо думать, что самое Преображеніе Господа было при исходѣ ночи или раннимъ утромъ, но не днемъ, что утверждаетъ св. І. Златоустъ ²⁵⁾.

Касательно времени года нѣкоторые экзегеты стараются дать опредѣленное понятіе, основываясь на 17, 24 Мѡ. Тамъ сообщается, какъ собиратели дидрахмъ обратились къ ап. Петру въ Капернаумъ съ желаніемъ получить плату съ Учителя. Значитъ, тогда производился сборъ податей на храмъ, каковой по свидѣтельству талмудическаго трактата *Schekalim* производился въ теченіе мѣсяца адара, соответствующаго нашему марту ²⁶⁾. Если просьба дидрахмъ у Петра сборщиками не далеко отстояла отъ событія Преображенія, то повидимому послѣднее было въ концѣ февраля или въ началѣ марта. Такъ можно предполагать на основаніи рассказовъ синоптиковъ, но сравненіе ихъ повѣствованій съ Евангеліемъ Іоанна (Мѡ. 19, 1. Мр. 10, 1. Лук. 9, 51—Іоан. 7, 2. 10) съ несомнѣнностію показываетъ, что капернаумское происшествіе было много спустя послѣ третьей пасхи и предъ праздникомъ кущей (Іоан. 7, 2), происходившимъ въ 7 мѣсяцѣ тисри (=сентябрю—октябрю). Посему прославленіе Господа имѣло мѣсто еще раньше, въ началѣ нашей осени. Очевидно, предписанія касательно сбора жертвъ на храмъ не всегда и не во всѣхъ случаяхъ исполнялось въ точности, какъ это раскрыто нѣкоторыми учеными ²⁷⁾.

²⁵⁾ Бесѣды на ев. Маттея.

²⁶⁾ Болѣе подробно см. объ этомъ у Павлюса (стр. 497) и Крама (стр. 500). Павлюсъ, опустивъ изъ вниманія повѣствованіе ев. Іоанна, придаетъ слишкомъ большую вѣру показаніямъ *Schekalim*, и потому несправедливо относитъ событіе Преображенія ко времени, близкому къ Пасхѣ страданій.

²⁷⁾ *Ebrard. Wissenschaftliche Kritik der evangelischen Geschichte. 3 Aufl. Frankfurt a. M. 1868. S. 535 Anm.*

Мѣсто: гора Преображенія.

Мѣстомъ Преображенія была гора. Кромѣ названія ее высокою (ἄρος ὑψηλόν: МѠ. и Мр.), евангелисты не даютъ никакихъ дальнѣйшихъ указаній. Христіанское преданіе съ IV в., первымъ извѣстнымъ намъ выразителемъ коего былъ св. Кириллъ іерусалимскій²⁸⁾, считаетъ горою Преображенія Фаворъ. Насколько распространено было и пользовалось довѣріемъ это мнѣніе въ древности, настолько же мало сочувствія находить оно въ современной экзегетикѣ. Противъ него возстаютъ почти всѣ ученые и представляютъ много оснований²⁹⁾. а) Историкъ Евсевій, подробно описавшій гору Фаворъ, ничего не сообщаетъ о томъ, чтобы къ ней относилось событія Преображенія, а онъ былъ старшимъ современникомъ Кирилла іерусалимскаго. б) Евангелисты, приурочивъ нѣсколько ранѣ описанія Преображенія разговоръ съ учениками къ окрестностямъ Кесаріи Филипповой, совсѣмъ не упоминаютъ о перемѣнѣ мѣста дѣятельности Спасителя, хотя прежде указывали это при обстоятельствахъ гораздо менѣ важныхъ (см. напр. МѠ. 15, 39—16, 5).

²⁸⁾ *Cyrelli hieros.* cat. 12, 16. Также *Иеронимъ* (Erist. 17), *Авустинъ*, *Иларій* и др.

²⁹⁾ Мы прибавляемъ «почти», имѣя въ виду *Толковое Евангеліе еп. Михаила* (I. Москва. 1871. Стр. 325). Въ западной экзегетической литературѣ мы встрѣтили такое мнѣніе только въ комментаріи *Генри и Скотта* (A commentary upon the holy Bible from *Henry and Scott*. Matthew to Acts. P. 106) и *Бернса* (Notes on the Gospel of Matthew and Mark. P. 235). Противъ Фавора или горы Елеонской (объ этомъ упоминается только *itiner. Burdig.* 333 г. См. *Real-Encyclopädie von Herzog*. X. S. 350) высказываются: *Paulus*. Op. cit. S. 436. *Ebrard*. Wissenschaftliche Kritik der evangelischen Geschichte. Dritte Auflage. Fränkfurt a. M. 1868. S. 531—532.—*Weiss*. Das Leben Jesu. S. 306 Anm. и 319 Anm. *Keim*. Op. cit. S. 585 текстъ и прим. *Hase*. Op. cit. S. 491. *Neander*. Das. L. I. S. 515 Anm. *Meyer*: Kritisch exegetisches Handbuch über das Evangelium des Matthäus. Vierte Auflage. Göttingen. 1858. S. 331. *Keil*. Comment. über das Evang. Matth. S. 359. *Bleek*. Synoptische Erklärung der drei ersten Evangelien. Herausgeg. von Holtzmann. Zw. Bnd. Leipzig. 1862. S. 56—56. *Lange*. Das Evangelium nach Matthäus. Theologisch-homiletisch bearbeitet. Bielefeld. 1857. S. 239. *Фурраръ*. Жизнь Иисуса Христа. Переводъ А. Лопухина. Спб. 1885. Ч. 2. Стр. 243—244.

Въ настоящемъ случаѣ такая точность была тѣмъ болѣе необходима, что Өаворъ лежитъ въ разстояніи часовъ 18 пути на югъ отъ Кесаріи Филипповой по прямому направленію. с) Непонятно, почему евангелисты употребили общее обозначеніе вмѣсто собственнаго, какое Өаворъ имѣлъ издавна (Ис. Нав. 19, 12. 22: Суд. 4, 6; Осии 5, 1). d) Считается вѣроятнымъ, что во времена Иисуса Христа на вершинѣ Өавора находилась небольшая крѣпость, слѣдовательно эта гора не могла представлять уединенія (Robinson. Palästina, III, s. 464. Ritter. Erdkunde XV, 1. s. 394 сл.). e) При признаніи Өавора горою Преображенія нужно бы предположить дальнѣйшее движеніе Спасителя съ юга на сѣверъ, тогда какъ по ходу евангельскаго разсказа оно было совершенно обратнымъ: прямо отъ Кесаріи Филипповой Христосъ пошелъ къ Капернауму, но ничто не заставляетъ думать, чтобы онъ сначала спустился до Өавора и потомъ опять поднялся къ этому городу. j) Эпитетъ ὄψων (δρος) Мѡ. и Μρ. не подходитъ къ Өавору; онъ вынуждаетъ насъ предполагать, что здѣсь разумѣется гора высокая въ особенномъ смыслѣ, преимуществующая въ этомъ отношеніи предъ всѣми другими смежными съ нею, между тѣмъ Өаворъ, стоя особнякомъ на Іезреельской долинѣ, достигаетъ 3.000 футовъ высоты надъ уровнемъ моря.

На основаніи всѣхъ этихъ соображеній обыкновенно полагаютъ, что мѣсто Преображенія Господа было недалеко отъ Кесаріи Филипповой и можетъ-быть на одной изъ возвышенностей Ермонской цѣпи, лежащей въ 4—8 часахъ пути къ сѣверо-востоку отъ этого города. Болѣе точныхъ опредѣленій нужнаго намъ географическаго пункта эвзегеты не даютъ, если не считать указанія Мейера, Шенкеля и Прессанса на сравнительно незначительный холмъ Паніонъ (Πανίων); это мнѣніе основывается единственно на названіи нашей Кесаріи Панаеадой (на монетахъ: Καίσαρεια ὑπὸ Πανείῳ) и ничѣмъ не подтверждается.

Такимъ образомъ, разрушая старое, критики оказываются бессильными въ созданіи чего-либо новаго; уже одно это не располагаетъ въ пользу прочности ихъ построеній. И дѣйствительно всѣ ихъ аргументы не въ силахъ поколебать нашего довѣрія къ освященному вѣками преданію. Самый важный изъ доводовъ состоитъ въ ссылкѣ на дальность разстоянія Өавора отъ

Кесаріи Филипповой, всѣ прочіе аргументы не относятся къ дѣлу и не отличаются фактической несомнѣнностію. Конечно 18-ти часовой путь требуетъ для перехода около сутокъ; но развѣ мало было для этого шести дней (Мѡ. 17, 1; Мр. 9, 2; ср. Лук. 9, 28)? Что до сцены исцѣленія бѣснующагося, то она, какъ справедливо замѣчаютъ Неандеръ, Блекъ и Вейсъ, скорѣе всего должна относить насъ къ галилейской дѣятельности Иисуса Христа, когда за нимъ постоянно слѣдовали толпы народа. Другое дѣло, еслибы экзегеты доказали, что это чудо было совершено при Кесаріи Филипповой. Хотя они и предполагаютъ это (см. выше *e*), но безъ достаточной опоры въ евангельскомъ текстѣ. Посему необходимо признать, что Преображеніе Господа было именно на Фаворѣ. За истинность этого мнѣнія ручаются самая давность его возникновенія и общее уваженіе, чего не могло быть безъ причины.

Въ разсмотрѣнномъ нами вступленіи есть еще нѣсколько чертъ, не касающихся непосредственно самаго факта Преображенія, но опредѣляющихъ побочныя или предшествующія ему обстоятельства. Сюда нужно отнести указаніе спутниковъ Господа. *Взявъ Иисусъ Петра, Іакова и Іоанна, брата его, и возвелъ на юру высокую однихъ* (Мѡ. 17, 1; ср. Мр. 9, 2: *особо изъ однихъ*). Родство двухъ послѣднихъ учениковъ, ясно обозначенное ев. Матееемъ, Маркъ опредѣляетъ *однимъ* членомъ предъ обоими именами (τὸν Ἰάκωβον καὶ Ἰωάννην) и тѣмъ какъ бы соединяетъ ихъ вмѣстѣ по происхожденію отъ Зеведея ⁴⁰). Глаголы: παραλαμβάνει и ἀναφέρει ⁴¹) (Лук.: ἀνέβη) уже заранѣе заставляють ожидать чего-то необыкновеннаго, поскольку Спаситель беретъ троихъ учениковъ *для себя* (кат' ἑδίων: Мѡ. 17, 1), выдѣляетъ ихъ изъ среды другихъ (Vulg. seorsum. Мар. 9, 2: ἀναφέρει кат' ἑδίων μόνους. Ср. Мѡ. 17, 19; Гал. 2, 2) для нѣкоторой особенной цѣли. Избранниками оказались ап. Петръ и сыновья Зеведеевы: Іаковъ и

⁴⁰) Такъ въ большей части греч. изданій Новаго Завѣта (напр. editio S. Cursellaei. Amstelodami. 1685. Polyglotten-Bibel bearbeitet von Stier und Theile; IV Bnd.: Neues Testament и др.). Въ московскомъ изданіи (по благословенію Святѣйшаго Синода) 1871 г. членъ поставленъ предъ обоими именами.

⁴¹) Глаголъ ἀναφέρει встрѣчается также въ рассказѣ о Вознесеніи Господа (Лук. 24, 51).

Иоаннъ, которые и въ другихъ случаяхъ пользовались преимущественною близостію къ Господу (Мр. 5, 37—Лук. 8, 51; Мө. 26, 37—Мр. 14, 33) и удостоивались быть очевидцами важнѣйшихъ событій жизни Господа Иисуса Христа. Посему нѣтъ ничего страннаго въ томъ, что въ настоящій разъ Спаситель беретъ съ собою только трехъ апостоловъ: важность момента требовала и болѣе достойныхъ свидѣтелей. Евангельская исторія показываетъ намъ, что Христосъ не только выдѣлялъ народъ отъ учениковъ (Мө. 13, 10—17), открывалъ имъ тайны царствія Божія, которыхъ не дано было знать обыкновеннымъ слушателямъ, но и между тѣснымъ кружкомъ своихъ ближайшихъ спутниковъ полагалъ нѣкоторое различіе. Онъ никогда не сравнивалъ 70 апостоловъ съ 12, но и изъ послѣднихъ отличалъ особенно трехъ, составлявшихъ „двѣтъ апостольства“, по выраженію Олъгаузена ⁴²⁾. Основаніе къ этому было конечно въ характерѣ и личныхъ свойствахъ учениковъ, поскольку они до Пятидесятницы дѣйствовали по обычному человѣческому разумію и не были просвѣщены силою Духа Святаго (Іоан. 15, 13). Не даромъ же Матѳей называетъ ап. Петра первымъ (прштосъ: 10, 2), а Иоаннъ часто именуется любимымъ ученикомъ Господа (18, 23; 21, 20 и др.) и вмѣстѣ съ братомъ своимъ Іаковомъ изъясняетъ готовность пить чашу Христа, то-есть чашу страданій (Мө. 20, 22). Всѣ они были наиболѣе крѣпки въ своей привязанности къ Иисусу Христу и потому, удостоившись созерцать славу Господа, они присутствовали въ саду Геесиманскомъ (Мө. 26, 37; Мр. 14, 33). Не невѣроятно также мнѣніе древнихъ толковниковъ ⁴³⁾, что Спаситель, приходившій исполнить законъ (Мө. 5,

⁴²⁾ Biblischer Commentar über sämtliche Schriften des Neuen Testaments. 1 Bnd. Vierte Auflage, revidirt von A. Ebrard. Königsberg. 1853. S. 334.

⁴³⁾ *Теофилактъ*, архіеп. болгарскій: Толков. на Ев. Матѳея. *Зигабенъ*. Commentarius in quatuor Evangelia I, 2. P. 669. Мнѣніе, что Христосъ взялъ съ собою ап. Іакова потому, что онъ былъ непріятель, ненавистенъ іудеямъ (*Златоустъ*. Бесѣды на Ев. Матѳея. *Теофилактъ*: тажекъ. *Зигабенъ*: οφόδρα βαρύς), какъ то оказалось въ послѣдствіи, а равно и предположеніе *Теофилакта* (толкованіе на Ев. Луки), что были избраны трое, какъ наиболѣе способные хранить тайны въ тѣхъ видахъ, чтобы не оставить Іуду одного и тѣмъ не дать ему повода оправдываться послѣ отчужденіемъ и пренебреженіемъ къ нему Господа (*Теофилактъ*: Толкованіе на Ев. Матѳея), — не имѣютъ за себя никакихъ основаній.

17), въ данномъ случаѣ взялъ съ собою трехъ, имѣя въ виду постановленіе Моисея о достовѣрности свидѣтельскихъ показаній. Петръ, Іаковъ и Іоаннъ должны были сообщить о фактѣ Преображенія Господа послѣ Его воскресенія и слово ихъ получало всю силу несомнѣнности въ глазахъ каждаго еврея. Впрочемъ это соображеніе разъясняетъ намъ только причину извѣстнаго количества спутниковъ; выборъ же самыхъ лицъ условливался особенными достоинствами ихъ. Христосъ такимъ образомъ взялъ съ собою и возвелъ на гору учениковъ съ опредѣленнымъ намѣреніемъ показать имъ нѣчто необыкновенное; значить (говоримъ это по чисто экзегетическимъ основаніямъ, а не по обще-догматическимъ) актъ Преображенія не былъ явленіемъ случайнымъ, совсѣмъ не входившимъ въ расчеты Господа, какъ то хочетъ доказать Павлюсъ. Повидимому Лука отстываетъ здѣсь нѣсколько отъ другихъ евангелистовъ, когда онъ говоритъ: (Ἰησοῦς) ἀνέβη (Πέτρον καὶ Ἰωάννην καὶ Ἰάκωβον) εἰς τὸ ὄρος προσεύξασθαι (9, 28). Но указаніе на молитвы Спасителя и нерѣдко въ уединенныхъ мѣстахъ или на горѣ, особенно часто встрѣяющееся у этого писателя (3, 21; 5, 16; 6, 12; 9, 18; 11, 1), ведетъ къ той же мысли. Въ виду множества примѣровъ подобнаго рода мы не можемъ сомнѣваться въ справедливости свидѣтельства ев. Луки и должны считать его восполняющимъ рассказъ первыхъ двухъ синоптиковъ. А въ такомъ случаѣ выходитъ, что Преображеніе Господа было такимъ выдающимся моментомъ, къ которому Спаситель приготавливалъ Себя и учениковъ посредствомъ молитвеннаго обращенія къ Богу Отцу. Такъ и въ саду Геосиманскомъ предъ наступленіемъ Своего крестнаго подвига Іисусъ Христосъ молился до кроваваго пота (Луки 22, 44). Та тѣсная связь, въ какую ев. Лука поставляетъ молитву съ самымъ Преображеніемъ (ст. 29: *когда (Іисусъ) молился, видѣ лица Его измѣнился*), необходимо вызываетъ на мысль, что первая не была единственною цѣлю удаленія Іисуса Христа на гору, а составляла лишь предвареніе торжественнаго откровенія славы Господа. Матѳей и Маркъ, опустившіе эту подробность, представляютъ дѣло такъ, что Преображеніе Спасителя произошло непосредственно на глазахъ учениковъ вскорѣ послѣ восхожденія. Они очевидно излагаютъ только важное, самую сущность событія; частности почти не интересовали ихъ. Но ев. Лука, со-

обширъ о прославленіи Христа, замѣчаетъ: *Петръ же и бывшіе съ нимъ отягчены были сномъ, но, пробудившись, увидѣли...* (9, 32). Изъ контекста рѣчи видно, что это было не послѣ, а одновременно съ предшествующимъ, но онъ раздѣляетъ оба момента для того, чтобы не мѣшать рѣчь о Христѣ съ описаніемъ состоянія учениковъ. А когда апостолы спали, — таковъ смыслъ ст. 32—въ это время видъ лица Иисуса измѣнился и пр., что и обнаружилось предъ ними тотчасъ по пробужденіи. Итакъ предъ нами еще новая подробность, позволяющая возстановить послѣдовательный ходъ происшествія. Поднявшись на гору, Христосъ сталъ молиться съ апостолами или можетъ быть, какъ и въ саду Геосиманскомъ, оставилъ ихъ въ нѣкоторомъ отдаленіи (Мѡ. 26, 39; ср. 40, 43, 45 и парал.) и приказалъ имъ дѣлать тоже; но поддавшись физической слабости, ученики заснули, а между тѣмъ во время Своей молитвы Спаситель преобразился. Нѣкоторые экзегеты впрочемъ усиливаются придать другое значеніе свидетельству ев. Луки. Еще св. Златоустъ ⁴⁴⁾ усматривалъ въ 32 ст. обозначеніе „большаго отягченія, происшедшаго въ нихъ (апостолахъ) отъ видѣнія, ибо какъ чрезмѣрный блескъ ослѣпляетъ глаза, такъ и они испытали подобное сему“. Однимъ словомъ, спутники были какъ бы „препобѣждены величественностію сцены ⁴⁵⁾. Такое толкованіе противорѣчитъ тому факту, что сонъ былъ не послѣ, а прежде созерцанія прославленнаго Господа. Иначе думаетъ обосновать мысль Мейеръ. Ссылаясь на то, что у одного свѣтскаго писателя ⁴⁶⁾ глаголъ διαρηγορεῖν употребляется въ значеніи „бодрствовать“, онъ ⁴⁷⁾ находитъ неправильнымъ переводъ: *postquam exprorecti sunt*. По его соображеніямъ, замѣчаніе ев. Луки нужно понимать въ такомъ смыслѣ: не смотря на то, что сонъ клонилъ апостоловъ, они старались бороться съ нимъ и

⁴⁴⁾ Бесѣды на Ев. Матѳея. Сходно съ этимъ *Lange Das Ev. nach. Matth.* S. 239.

⁴⁵⁾ *Henry and Scott. A commentary...* P. 107.

⁴⁶⁾ Здѣсь разумѣется изреченіе Иродіана: *πάσης τῆς νυκτός διαρηγορήσαντες*.

⁴⁷⁾ *Kritisch exegetisch. Commentar über das Neue Testament von Dr. Meyer.* Zw. Th. Zw. Abth. Zw. Hälfte die Evangelien des Markus und Lukas umfassend Dritte Auflage. Göttingen. 1855. S. 323. Такъ же понимаютъ это слово англійскіе богословы: Ростъ, Пальмъ, Альфордъ и архіеп. Тренчъ.

вполнѣ не засыпали; подтвержденіе этому даетъ будто бы Вульгата въ словѣ *evigilantes* или *vigilantes*. Глаголь *evigilare* дѣйствительно означаетъ иногда: „проводить безъ сна“, какъ напр. у Тибулла: *nox evigilanda*; но гораздо обычнѣе (Plin. j., Quint., Suet) употребленіе его въ смыслѣ „пробуждаться“. Точно также связь рѣчи не оставляетъ никакого сомнѣнія, что ученики спали, ибо противоположность *βεβαρημένοι ὑπνῳ* съ послѣдующимъ *διαγρηγορήσαντες* равняется противоположности видѣнія и невидѣнія. Въ состояніи, обозначенномъ *βεβαρημένοι ὑπνῳ* апостоламъ было неизвѣстно совершавшееся съ Иисусомъ Христомъ, а когда они стали *διαγρηγορήσαντες*, явленіе открылось имъ во всемъ своемъ блескѣ. Значитъ, раньше они были въ невозможности созерцать это, то-есть спали. Потому-то самый процессъ Преображенія ев. Лука описываетъ чисто объективно, безъ отношенія къ тому, насколько онъ былъ доступенъ воспріятію Петра, Іакова и Іоанна; послѣднее наступило для нихъ нѣсколько позднѣе и именно послѣ пробужденія. Наконецъ и у ев. Матѳея при довольно сходномъ сочетаніи глаголь *βαρέω* представляется тождественнымъ по значенію съ *καθεύδω* (Мѳ. 26, 43). Первые два синоптика, выпустивъ предшествовавшіе самому событію моменты, изображаютъ всю сцену такъ, какъ будто Преображеніе совершилось на глазахъ апостоловъ (Мѳ. 17, 2; Мр. 9, 2)⁴⁸). Но очевидно этого не было, и выраженіе Мѳ. и Мр. *ἐμπροσθεν αὐτῶν* сообразнѣе съ ходомъ повѣствованія понимать въ смыслѣ „для нихъ“ или „при нихъ“, „въ присутствіи ихъ“, такъ что потомъ они увидѣли славу Господа.

Итакъ самому Преображенію Спасителя предшествовали молитва и сонъ учениковъ. Сводя къ единству все сказанное выше, мы можемъ теперь передать вступительный рассказъ синоптиковъ въ такомъ видѣ: Когда Іисусъ Христосъ спустился отъ Кесаріи Филипповой на долину Іезреельскую, въ осеннее время года, Онъ при наступленіи ночи взялъ съ собою и возвелъ на высокую гору (Фаворъ) Петра, Іакова и Іоанна съ преднамѣренною цѣлію показать имъ нѣчто необыкновенное. Здѣсь Спаситель, приготовляя апостоловъ къ торжественному откровенію

⁴⁸) Такъ склонень думать Влекъ. Synopt. Erklärung. S. 57.

Своей Божественной славы, начал молиться съ ними, но ученики, не имѣя силъ преодолѣть утомленія, заснули. Въ это время, когда Іисусъ Христосъ продолжалъ еще свою молитву, Онъ преобразился, и проснувшіеся при исходѣ ночи апостолы увидѣли чудное зрѣлище.

Событіе Преображенія и сопровождавшія его обстоятельства.

Описаніе самаго факта Преображенія начинается съ изображенія того, что случилось съ Іисусомъ Христомъ. Первые два евангелиста, переходя отъ общаго къ частному, обозначаютъ происшедшее со Спасителемъ терминомъ метаморфозы. Глаголъ метаморфозъ по своему коренному значенію не ведетъ необходимо къ мысли, что Преображеніе было полнымъ измѣненіемъ, сложеніемъ прежняго существа и принятіемъ новаго или совершеннымъ упраздненіемъ тѣлесности Господа ⁴⁹). Напротивъ, предлогъ *μετα* скорѣе даетъ знать, что въ настоящій моментъ особенно наглядно выступила для учениковъ Спасителя Его Божественная природа, а человечество Его было какъ бы заслонено небесною славой, осталось позади. Поэтому не нужно думать, „будто Самъ Онъ (Господь) сталъ иной по существу, ибо Онъ остался тѣмъ же, чѣмъ былъ“ ⁵⁰). Результатъ этотъ важенъ въ томъ отношеніи, что показываетъ, какъ скептическая критика для своихъ выгодъ искажаетъ текстъ евангельскій. Последній ничего не говоритъ о „превращеніи тѣла Іисуса“, а вмѣстѣ съ этимъ не знаетъ какого-либо „перехода (возвращеніе) къ грубому земному виду“, что утверждаетъ Кеймъ ⁵¹), стараясь доказать, будто буквальное пониманіе грозитъ опасностію докетизма и „стоитъ въ рѣшительномъ противорѣчій съ дѣйствительностію Его (Іисуса Христа) смерти и погребенія“. Христосъ

⁴⁹) Это понятіе выражается глаголомъ *ἀλλάσασθαι* 1 Кор. 15, 62. Ср. 1 апол. св. *Иустина*: *διὰ τέκνης τὸ σχῆμα μόνον ἀλλάξαντες (οἱ τεχνίται)*.

⁵⁰) *Θεοφιλάκτς*. Толков. на Ев. Луки. Ср. толкованіе на Ев. Матфея. *Знаменъ* (*commentarius in quatuor Evangelia* I, 2): *μεταμορφώθη δὲ, μείναντος μὲν τοῦ σώματος ἐκὶ οὐραίου σχήματος*. P. 671.

⁵¹) *Keim*. Op. cit. S. 586. Ср. *Weiss*. Das L. I. S. 308.

явился здѣсь какъ Богъ, но Онъ не пересталъ быть и человѣкомъ. Въ чемъ же и какъ выразилась Преображеніе Господа? Прежде всего то εἶδος τοῦ προσώπου αὐτοῦ ἐγένετο ἕτερον (Лук. 9, 29), не самое лице, но лишь видъ, определенное его выраженіе (τὸ εἶδος), какое привыкли видѣть апостолы. Обыкновенно принимаютъ это замѣчаніе ев. Луки равнозначущимъ метеморφώθη первыхъ двухъ синоптиковъ ⁵³⁾, но это не вполне справедливо, ибо указаніе ев. Луки имѣетъ въ виду частную черту, характеризующую преобразенное состояніе Спасителя, поскольку этотъ писатель общаго опредѣленія происшедшаго съ Христомъ не даетъ. Καὶ ἐγένετο ев. Луки, сообразно принятому имъ методу повѣствованія, означаетъ, что отмѣченная имъ особенность была усмотрѣна апостолами, какъ фактъ, происхожденіе котораго для нихъ неизвѣстно, и оставалась во все время явленія. Должно думать, что это εἶδος ἕτερον условивалось тѣмъ обстоятельствомъ, что *лице Иисуса просіяло, какъ солнце* (Мѡ. 17, 2. Ср. 13, 43), Допущенное здѣсь ев. Матеемъ сравненіе отчасти выясняетъ намъ источникъ этого свѣта: онъ очевидно шелъ не отъвнѣ, а изнутри, лучи его распространялись отъ лица Спасителя ⁵⁴⁾, но не были слѣдствіемъ освѣщенія какимъ-нибудь постороннимъ блестящимъ тѣломъ, къ чему склоняется Ольсгаузенъ ⁵⁴⁾. Между тѣмъ изъ хода разсказа совоѣмъ не слѣдуетъ, чтобы Иисусъ Христосъ, Моисей и Илія находились въ нѣкоторой свѣтящей сферѣ, которая и имъ сообщала способность лученспусканія, напротивъ, послѣднее представляются отдѣльнымъ и самостоятельнымъ у каждаго изъ нихъ. Моисей и Илія *явилися въ славу* (Лук. 9, 31), слѣдовательно уже съ блескомъ, а не получали его по прибытіи. Кромѣ лица и *одежды* (Христа) *одѣлались бѣлыми, какъ снѣгъ* (Мѡ. 17, 2) или *какъ снѣгъ* (Мр. 9, 3, ср. Мѡ. 28, 3. Дан. 7, 9). Здѣсь сравненіе не такъ сильно и позволяетъ догадываться, что причина измѣненія вида одеждъ

⁵³⁾ *Olshausen*. Op. cit. S. 533. *Barnes*. Notes. on the Gospels of Matthew and Mark. P. 235.

⁵⁴⁾ *Бл. Θεοδωριτῆς* (epist. 145 ap. Migne, gr. ser. t. 83, col. 1385, p. 1253—1254) пишетъ: «Онъ (Иисусъ Христосъ) испустилъ сіяніе божественной славы и произвелъ лучи свѣта, который превосходилъ предѣлы воспріятія глаза».

⁵⁵⁾ *Olshausen*. Op. cit. S. 533.

заключалась въ освѣщеніи ихъ блескомъ, исходившимъ отъ лица Спасителя. Такъ по Матеею, но Маркъ и Лука, и имъ усвояютъ лучеспускательную силу въ родѣ блеска молніи (ἐραστράτιο Луки. Ср. Іезек. 1, 4, 7. и Наум. 3, 3) или звѣздъ (στίλβω Mr.), независтвовавшую отъ какихъ-нибудь другихъ источниковъ, напр. отъ солнца. Поэтому Аристотель говоритъ (de coelo, 2): οἱ πλανῆται οὐ στίλβουσι въ противоположность самосвѣтящимъ тѣламъ. Впрочемъ, означенный глаголь прилагался и къ планетамъ, а Меркурій, какъ извѣстно назывался ὁ στίλβων. При томъ же сами евангелисты ограничиваютъ значеніе этихъ опредѣленій, называя ихъ просто бѣлыми. Маркъ даже дѣлаетъ обстоятельное описаніе ихъ, какъ вполне доступныхъ внимательному наблюденію, что не позволялъ блескъ лица Господа. Онъ считаетъ большую здѣсь бѣлизну стоящею выше искусства бѣлизничковъ, т.-е. людей, занимавшихся чищеніемъ грязнаго платья или бѣденіемъ полотна, что между грѣхами составляло предметъ особаго промысла ⁵⁵⁾. Все это показываетъ, что повѣствованіе евангелистовъ ни мало не вынуждаетъ насъ признавать самостоятельное свѣщеніе или блескъ одежды Спасителя. Связь рѣчи скорѣе даетъ основаніе предполагать, что это зависѣло отъ лучей, исходившихъ отъ лица Господа. Ев. Матеей очевидно хочетъ сказать, что лице Иисуса Христа прееяло настолько, что и одежды Его сдѣлались бѣлыми, какъ свѣтъ. При этомъ не нужно опускать изъ вниманія, что общее μετεμόρφωθη, особенно обнаружившееся въ сіяніи, относилось не только къ лицу, но и ко всему тѣлу; значить, блескъ послѣдняго могъ сообщаться и одеждамъ. Въ этомъ случаѣ, не безынтересна параллель съ Моисеемъ. Сіяніе лица его могло быть скрыто подъ покрываломъ (Исх. 34, 33), но слава Господа была такъ велика, что и одежды Его стали бѣлыми. Въ этомъ нѣтъ ничего особенно страннаго; все дѣло объясняется и безъ признанія метаморфозы платья, что по Штраусу ⁵⁶⁾ необходимо для пониманія факта.

Прославленіе Иисуса Христа составляло только одинъ моментъ всего событія; за нимъ слѣдуетъ явленіе Моисея и Іліи

⁵⁵⁾ Barnes. Notes on the Gospels of Matthew and Mark. P. 235.

⁵⁶⁾ Strauss. Das Leben Iesu. S. 239—240.

Καὶ ἰδοὺ Μатеοῦ (ст. 3) и Луки (ст. 30) наглядно изображаютъ происшествіе, какъ феноменъ вполне реальный: апостолы могли осматривать его со всею тщательностію. *Явилъ имъ* (Μρ. и Луки): этотъ переводъ не особенно точенъ и повидимому имѣеть въ виду указать цѣль пришествія ветхозавѣтныхъ праведниковъ, каковая полагается въ ученикахъ. Но вѣрнѣе съ греческою ὡφθησαν αὐτοῖς нужно передать словами: были видимы имъ, и это толкованіе подтверждается тѣмъ, что Петръ, Іаковъ и Іоаннъ не замѣтили самаго прибытія Моисея и Іліи, но усмотрѣли ихъ уже бесѣдующими съ Господомъ. По 31 ст. Ев. Луки оба мужа были въ славѣ (ἐν τῇ δόξῃ), т.-е. въ такомъ же свѣтломъ и блестящемъ образѣ, какъ и самъ Іисусъ Христосъ, что можно выводить уже изъ описанія событія ап. Петромъ, который употребляетъ этотъ терминъ въ примѣненіи къ облаку (φωνὴ ἐνεχεθεῖσα ὑπὸ τῆς μεγαλόπρεπούς δόξης: 2 п., 1, 17), а оно было свѣтлымъ (νεφέλη φωτεινὴ: Мө. 17, 5). Вообще выраженіе δόξα Κυρίου равнозначуще Евр. *Kavod jehovah*, каковое всегда означаетъ сопутствовавшій ветхозавѣтнымъ богоявленіямъ блескъ (Исх. 24, 16; 40, 34. 3 Цр. 8, 11 2 Парал. 7, 1. Иса. 6, 3. Іезек. 1, 28; 3, 12. 23; 8, 4; 10, 4. 18; 11, 22 и др.). Точно также и ев. Лука говоритъ о славѣ Господней, осіявшей виелемскихъ пастухокъ при явленіи имъ ангела съ вѣстію о рожденіи Спасителя (2, 9). Однимъ словомъ, Моисей и Ілія были блистающими подобно оному Христу. Больше этого мы ничего не знаемъ. Когда апостолы проснулись и увидѣли двухъ мужей, послѣдніе бесѣдовали съ Іисусомъ (Мө. 17, 3. Μρ. 9, 4); предметомъ этого разговора былъ исходъ Господа, который Ему надлежало совершить въ Иерусалимъ (Луки 9, 31)⁵⁷⁾. Ἐξοδος указываетъ, конечно, на смерть, отшествіе изъ жизни (2 П. 1, 15. Прем. Сол. 3, 2; 7, 6. Ср. Луки 9, 51)⁵⁸⁾; однакоже въ виду того значенія, какое имѣло страданіе Господа въ дѣлѣ искупленія, понятие ἔξοδος можно расширить до мысли объ окончаніи всей земной дѣятельности Спасителя чрезъ добровольное (ἐμел-

⁵⁷⁾ Св. *Златоустъ* читаетъ здѣсь о славѣ (τὴν δόξην) и видитъ въ этомъ терминѣ указаніе на страданіе и смерть, «потому что страданіе и смерть всегда называются славой». Ср. Зигабена. Comment. in quat Evang. I, 2, p. 677.

⁵⁸⁾ Ср. у Цицерона (Rep. II 30): post obitum, vel potius excessum, Romuli.

λεν) подчиненіе смерти. Въ такомъ именно смыслѣ глаголъ πλῆροῦν прилагается къ Іоанну Крестителю, когда идетъ рѣчь о завершеніи его миссіи (Дѣян. 13, 25). Насколько исходъ Господа въ Іерусалимѣ обсуждался во время бесѣды Его съ Моисеемъ и Ілію, сказать трудно по отсутствію прямыхъ свидѣтельствъ. Гораздо важнѣе рѣшить: почему апостолы узнали обоихъ мужей, именно какъ Моисея и Ілію? *Θεοφιλακτῆς*⁵⁹⁾, а за нимъ и нѣкоторые новѣйшіе экзегеты⁶⁰⁾, полагаютъ, что это сдѣлалось извѣстнымъ изъ разговора явившихся со Христомъ. Конечно, возможно и это, но евангельскій рассказъ ничего подобнаго не сообщаетъ и о самой бесѣдѣ передаетъ очень кратко. Нѣкоторымъ подтвержденіемъ такого предположенія можетъ, пожалуй, служить замѣчаніе Луки, который фактъ признанія обоихъ мужей ставитъ послѣ бесѣды, но Матеей и Маркъ связываютъ его непосредственно съ самымъ явленіемъ, такъ что они разговариваютъ уже какъ Моисей и Ілія. Повидимому, бесѣда только навела апостоловъ на мысль о личности ветхозавѣтныхъ праведниковъ, а полная увѣренность возникла позднѣе; для этого требовалось нѣкоторое, хотя бы и самое непродолжительное размышленіе. Результатомъ его было то, что ученики узнали въ явившихся Моисея и Ілію. Какія же данныя были для подобнаго заключенія? Вѣроятно, внѣшнія черты разговаривавшихъ напоминали образы этихъ столповъ ветхозавѣтной праведности, насколько это извѣстно по свящ. книгамъ, и по одному виду собесѣдниковъ апостолы такъ же легко могли признать въ нихъ Моисея и Ілію, какъ и Саулъ — Самуила (1 Цр. 28, 14); „характеры въ родѣ Моисея и Ільи для каждаго, живущаго въ духѣ Писанія, носятъ неизгладимые признаки“⁶¹⁾. Разговоръ при спускѣ съ горы уже предполагаетъ, что ученики съ несомнѣнностію знали, кто были оба мужа, а потому мнѣніе Ольсгаузена⁶²⁾, что между прочимъ и здѣсь источникъ свѣдѣній апостоловъ о личности явившихся, нельзя назвать состоятельнымъ.

⁵⁹⁾ *Θεοφιλακτῆς*. Толкованіе на Евангеліе Матеея.

⁶⁰⁾ *Bleek*. Op. cit. S. 57.

⁶¹⁾ *Olshausen*. Op. cit. S. 533. *Keil*. Comment. über Matth. S. 359.

⁶²⁾ *Olshausen*. Loc. cit.

Преображенный и блистающий Господь и съ Нимъ Моисей и Илія: таково было зрѣлище, открывшееся вворахъ Петра, Іакова и Іоанна тотчасъ по пробужденіи. Естественно, что оно должно было произвести на очевидцевъ сильное впечатлѣніе. Выразителемъ настроенія апостоловъ, какъ и нѣсколько ранѣе при исповѣданіи мессіанства Іисуса Христа, былъ Петръ. Маттеей и Маркъ, передавая дальнѣйшія обстоятельства, не опредѣляютъ точно, что было въ это время. Евангелистъ же Лука говоритъ (9, 33), что тогда Моисей и Илія начали уже отходить, отдѣляться отъ Іисуса, сдѣлали нѣкоторое движеніе въ сторону (*ἐν τῷ διαχωρίζεσθαι αὐτοῦς ἀπ' αὐτοῦ*). Замѣчаніе это вполнѣ умѣстно предъ словами Петра. Прежде апостолы съ восторгомъ созерцали великое явленіе; но вотъ собесѣдники Господа, по видимому, намѣрены оставить гору и потому ап. Петръ какъ бы съ чувствомъ сожалѣнія, что все должно кончиться, восклицаетъ: *Господи! хорошо намъ здѣсь быть; если хочешь, сдѣлаемъ здѣсь три куща: Тебѣ одну, и Моисею одну, и одну Иліи* (Мѣ. 17, 4). Күріе Маттея ясно выдѣляетъ Іисуса Христа отъ другихъ присутствовавшихъ лицъ въ качествѣ перваго, господина, хотя еврейское *ῥαββί* Марка, равняющееся *ἐπίστατα* Луки, вовсе не имѣетъ въ виду указывать степенныхъ достоинствъ учителя-наставника, какъ это было у позднѣйшихъ раввиновъ. Καλόν ἐστίν ἡμᾶς ὡδε εἶναι. Св. Златоустъ и ев. Зигабенъ⁴³⁾ видятъ въ этихъ словахъ выраженіе того же чувства, которое нѣкогда побудило Петра *прекословить* Господу (Мѣ. 16, 22 и пар.). Присутствіе Моисея, побѣдившаго многихъ народовъ, и Иліи, низведшаго огонь съ неба, давало апостоламъ ручательство въ безопасности ихъ настоящаго мѣстопробыванія и потому будто бы Петръ совѣтовалъ остаться здѣсь (*Зигабенъ: συμβουλεύει μένειν ἐκεῖ*)⁴⁴⁾. Но такое мнѣніе несогласно съ текстомъ и не-

⁴³⁾ *Златоустъ*. Бесѣды на ев. Маттея. *Зигабенъ*. Comment. I, 2. p. 679. Изъ новѣйшихъ экзегетовъ см. подобное мнѣніе въ комментаріи *Генри и Скотта* (A commentary upon the holy Bible from *Henry and Scott*. Matthew to Acts. P. 107).

⁴⁴⁾ *Lange* (Das Evang. nach Matthäus. S. 240) въ существѣ дѣла сходится съ этимъ воззрѣніемъ Златоуста; онъ видитъ въ восклицаніи ап. Петра выраженіе полнаго довольства настоящимъ и нежеланія, чтобы Спасительъ вступалъ на путь страданій.

соотвѣтствуетъ настроенію говорившаго. Оно предполагаетъ сложный процессъ въ головѣ Петра, который своимъ предложеніемъ хотѣлъ удержать Учителя отъ путешествія во Иерусалимъ, не рискуя стать снова сатаномъ, между тѣмъ онъ не зналъ, что говорилъ (Лука 9, 33), слѣдовательно не обсудилъ дѣла съ достаточною серіозностію. При томъ же онъ употребляетъ εἶναι, а не μένειν, и ἦμας, а не ἡμῖν, и значитъ полагаетъ особенное удареніе на мѣстоименіи, но не на глаголѣ. Не извѣстно только, къ кому относится это ἦμας: къ однимъ ли ученикамъ или вмѣстѣ и къ Иисусу? Въ послѣднемъ случаѣ слова Петра изъясняются такъ: „хорошо, что мы здѣсь—въ такомъ пріятномъ мѣстѣ, въ такомъ обществѣ“ (*Блехъ Кеймэ*), „здѣсь такъ прекрасно, что мы желали бы поселиться на болѣе продолжительное время“ (*Баур*). Но какъ тотъ, такъ и другой переводъ не чужды неправильнаго пониманія восклицанія Петра въ смыслѣ желанія избавить Спасителя отъ смерти, задержавъ его на горѣ, и основываются на предпочтеніи редакціи Марка и Луки сказанію Маттея, который употребляетъ единственное число въ дальнѣйшемъ предложеніи апостола. Въ виду нѣкоторыхъ другихъ случаевъ, гдѣ Петръ выступаетъ одинъ, скорѣе нужно склониться въ пользу большей точности перваго синоптического разсказа, а тогда выдѣленіе личности Спасителя отъ другихъ, обозначенныхъ словомъ ἦμας, будетъ внѣ всякаго сомнѣнія. По всѣмъ этимъ соображеніямъ болѣе естественнымъ представляется разумѣть подъ ἦμας только трехъ учениковъ и придавать восклицанію Петра такой смыслъ: „накъ хорошо, что мы ученики, здѣсь“. Этими словами ап. Петръ выражаетъ чувство восторга, наполнявшее его душу. Неожиданно удостоившись быть свидѣтелемъ торжественнаго прославленія Господа, апостолы настолько были поражены видѣннымъ, что въ немъ находили осуществленіе своихъ завѣтныхъ ожиданій и желали, чтобы оно продлилось возможно долѣе. Вѣроятно, къ чувству восторга примѣшивалась еще надежда на открытіе мессіанскаго царства, что было обѣщано Иисусомъ Христомъ въ непродолжительномъ времени (Мѣ. 16, 28). Но представленіе учениковъ было привязано къ чувственности (ср. напр. 20, 20—22 и парал.); они не могли возвыситься до духовнаго созерцанія царства Божія и повтому Петръ предлагаетъ свои услуги къ дѣлу устройства временныхъ

жилицъ для Иисуса Христа и двухъ Его собесѣдниковъ, ставя себя и своихъ товарищей въ положеніе слугъ, что въ древности и особенно между евреями было довольно обычнымъ явленіемъ въ отношеніяхъ между учениками и учителемъ. Предъ внутреннимъ взоромъ говорившаго кажется мелкаа картина тихой и блаженной жизни въ близости къ Господу Спасителю и въ сообществѣ воликихъ праведниковъ. Но Петръ не сообразилъ, насколько мало идутъ къ обстоятельствамъ его слова, какъ это даетъ знать ев. Лука (9, 33). Маркъ болѣе живо выражаетъ ту же мысль словами: οὐ γὰρ ἦδει τὴ λαλήσει (Мр. 9, 6) или, по Тисендорфу, τὴ λαλήσει. И та и другая форма одинаково характерно рисуютъ душевное состояніе ап. Петра: онъ имѣлъ непреодолимое желаніе высказать чувство восторга, хотя и не зналъ, что скажетъ. Когда Моисей и Илія готовы были удалиться, Петръ уже не могъ удержаться: внутреннее восхищеніе нудило его попытаться остановить чудное явленіе, въ которомъ онъ рассчитывалъ найти полное удовлетвореніе своимъ чаяніямъ. Очевидно, онъ былъ въ такомъ сильномъ возбужденіи, что долженъ былъ обнаружить его такъ или иначе, поэтому и слова его вышли совсѣмъ не удачны, не примѣнны къ данному положенію. Въ этомъ основаніе и объясненіе рѣчи Петра, подкладва же ея въ неправильномъ пониманіи Преображенія въ смыслъ предсказаннаго Христомъ пришествія Его во славу Отца Своего (Мс. 16, 27—28). Само собою понятно, что искать болѣе глубокаго содержанія въ восторженномъ восклицаніи — было бы совершенно напраснымъ трудомъ. „Хорошо, что мы здѣсь; настало великое мгновеніе, когда мы увидѣли Сына человеческого, грядущаго въ царствіи Своемъ, и ничего больше этого не ожидаемъ и не желаемъ“: вотъ что можно предполагать въ душѣ первоверховнаго апостола при его обращеніи къ Иисусу Христу. Тутъ было много чувства, но мало истиннаго разумѣнія.

Ев. Маркъ хочетъ оправдать поступокъ ап. Петра указаніемъ на страхъ (9, 6), но Лука усваиваетъ его ученикамъ нѣсколько позднѣе и именно послѣ явленія облака. Весьма естественно, что все видѣнное внушило апостоламъ нѣкоторое чувство бояливости (ср. Евр. 12, 21—Вт. 9, 19), достигшее высшей степени предъ моментомъ, когда раздался гласъ съ неба. Сознаніе бли-

зости Бога было главною причиною этого. Всегда и вездѣ, даже при радостныхъ явленіяхъ (Луки 1, 12; Апок. 1, 17; Дан. 10, 7. 12), удостоившіеся необычайныхъ откровеній были объемы страхомъ, который служилъ выраженіемъ ихъ грѣховности. Въ то же время здѣсь обнаруживалась способность человѣка къ ясному различенію между абсолютно чистымъ и нравственно-несовершеннымъ и предпочтенію послѣднему перваго, какъ идеала. Имѣя въ виду это, Писаніе называетъ такой страхъ началомъ (Пс. 110, 10) и концемъ премудрости (Исаи 11, 2).

Рѣчь ап. Петра осталась безъ отвѣта; когда онъ еще говорилъ, открылось новое явленіе. Это было облако, безъ сомнѣнія, чудесное, ибо оно было совсѣмъ неожиданно и служило предвозвѣщеніемъ новаго момента, гдѣ Петръ долженъ былъ уразумѣть смыслъ событія и понять всю несообразность своихъ словъ. Изъ облака раздался голосъ Бога Отца; этотъ фактъ съ несомнѣнностію утвѣряетъ насъ въ томъ, что это была шехина, въ каковой Богъ являлъ себя людямъ (Исх. 20, 21: 40, 34—35; 1 Цр. 8, 10)⁴⁵). Только въ настоящій разъ облако было не мрачнымъ, а свѣтлымъ (νεφέλη φωτεινή Мс. 17, 5)⁴⁶), поскольку оно было знаменіемъ присутствія Бога милующаго и спасающаго грѣшниковъ. Облако только осѣнило, бросило нѣкоторую тѣнь (ἐπεσκίασεν) на апостоловъ, которые находились внѣ его

⁴⁵) Ново-Евр. *schechinah* происходитъ отъ глагола *schachan* и значитъ *присутствіе Божіе* (Талмудъ: *praesentia Dei*).

⁴⁶) Ольсгаузенъ склоняется къ чтенію νεφέλη φωτός, принятому Грисбахомъ. Но къ какому неудобству ведетъ это чтеніе, видно изъ того, что Ольсгаузенъ принужденъ былъ понимать слѣдующее слово ἐπεσκίασεν въ смыслѣ обозначенія дѣйствія на зрѣніе яркаго свѣта; послѣдній, по изъясненію названнаго ученаго, тоже для глаза, что окотос, ибо онъ ослѣпляетъ человѣка. Не говоря уже о томъ, что чтеніе νεφέλη φωτός сохранилось лишь въ немногихъ кодексахъ (вапр. у *св. Вѣрема Сириня*), мы отмѣтимъ, что и самъ Грисбахъ (Comment. crit. in Matth. p. 143), руководясь основаніями, не особенно уважительными; онъ полагаетъ, что «haec est lectio insolentior, durior, difficilior, hebraizans». *Павлосъ* справедливо возражаетъ на это, что употребленіе родительнаго τοῦ φωτός или просто φωτός въ Новомъ Завѣтѣ гораздо чаще, чѣмъ прилагательнаго φωτεινός. Послѣднее встрѣчается еще только у Мс. 6, 22 и Луки 11, 34—36, а примѣровъ перваго словосочетанія можно указать весьма много (Луки 16, 8; Іоан. 12, 36, 1 Солун. 5, 5; Еф. 5, 8; Дѣян. 22, 11; Рим. 13, 12; 2 Кор. 11, 14; Апок. 22, 5). См. подробности у *Павлоса* на стр. 455.

что необходимо предполагать еще и потому, что они слышали голосъ *ἐκ τῆς νεφέλης*. Не такъ опредѣленно положеніе другихъ лицъ въ настоящій моментъ. Предъ началомъ рѣчи ап. Петра Моисей и Илія стали отдѣляться отъ Иисуса (Луки 9, 33); а *когда онъ говорилъ, явилось облако и осенило ихъ; и устрашились, когда вошли въ облако* (Луки 9, 34). Возбуждается недоумѣніе касательно подлежащаго послѣдняго предложенія. Нашъ русскій переводъ допускаетъ возможность предположенія, что тутъ разумѣются три ученика, свидѣтели событія. Въ тоже время текстъ не даетъ никакого намека на то, чтобы Петръ, Іаковъ и Іоаннъ хотя сколько нибудь измѣнили свое положеніе. Гораздо опредѣленнѣе въ подлинникѣ: *ἐφοβήθησαν δὲ ἐν τῷ ἐκείνους εἰσελθεῖν εἰς τὴν νεφέλην*. Здѣсь вполне очевидно, что *ἐκείνους* не имѣетъ никакого отношенія къ убоавшимся и указываетъ на *тѣхъ*, то-есть упомянутыхъ выше въ противоположность этимъ, которые *ἐφοβήθησαν*. Но такъ какъ ранѣе были обозначены Моисей и Илія и именно какъ удалявшіеся отъ Господа, причемъ Спаситель ясно выдѣляется отъ общихъ праведниковъ ветхозавѣтныхъ, то несомнѣнно, что понятіе *ἐκείνους* заключаетъ въ себѣ только тѣхъ двоихъ и не должно быть прилагаемо вмѣстѣ съ ними и къ Иисусу, какъ думаютъ св. Златоустъ, Теофилактъ, Мейеръ, Бейль⁶⁷⁾,— къ тремъ ученикамъ (Bengel, Baumgarten-Crusius) или ко всемъ присутствующимъ (Clericus). Теперь для насъ очевидно и то, что освѣненіе касается однихъ апостоловъ, ибо чувство боязни не могло быть въ Иисусѣ Христѣ, между тѣмъ по Лукѣ (9, 34) при *ἐπεσκίασεν* и *ἐφοβήθησαν* мыслятся одни и тѣ же лица. Спаситель стоялъ выше Петра, Іакова и Іоанна; облако находилось надъ самою Его головою, и освѣщало Его своими лучами, а на апостоловъ набрасывало нѣкоторую тѣнь. Разительный контрастъ между сіяющимъ Господомъ и между учениками, находившимися внѣ блистающей сѣры, теперь обнаружился во всей своей силѣ⁶⁸⁾. По указаннымъ нами соображеніямъ смыслъ 34

⁶⁷⁾ Св. Златоустъ. Бесѣды на Ев. Маттея.—Теофилактъ. Толкованіе на Ев. Луки.—Meyer. Kritisch-exegetisches Handbuch über das Ev. des Matthäus S. 332. Keil. Comment. über das Ev. des Matth. S. 362. Farrarъ. Жизнь I. X. Стр. 245.

⁶⁸⁾ Если сопоставлять *ἐπεσκίασεν* съ *ἐπεσκίασε* Луки 1, 35,—тогда онъ будетъ указывать на особенную близость Божества.

ст. Ев. Луки нужно точнѣе передать въ такомъ видѣ: «и побоялись они, апостолы, когда тѣ (то-есть Моисей и Ілія) вступили въ облако». Почему же, спрашивается, слуги Господа (теперь) почувствовали особенный страхъ? Для положительнаго ответа на этотъ вопросъ у насъ нѣтъ никакихъ данныхъ, но позволительно думать, что причина этого заключалась въ фактъ исчезновенія Моисея и Іліи: они вошли въ облако и больше видима не были. Подтверженіе такому предположенію можно отчасти видѣть въ упоминаніи Ев. Луки, что тогда было: *ipse ostendit Iesus unus* (9, 36). Апостолы поняли теперь, что ильмертвые о царствѣ славы совсѣмъ не примѣнны въ настоящему общію, и что слѣдовательно Преображеніе имѣетъ другой смыслъ и значеніе. Появленіе облака, указывавшее на близость Божества, заставляло ожидать чего-то особеннаго, необыкновеннаго, и это должно разъяснить имъ проходившее. Все это имѣлось имъ неизвѣстно, что побуждало (потому, естественно поверно) апостоловъ, еще въ большее смущеніе. Впрочемъ, въ облакѣ стало ясно для недоумѣвающихъ: «*Et ecce duo stabant (ср.)*». И *exiit* изъ облака *masa*, *magistros*: *Sei, Ioseph, Simon* Мой возлюбленный, въ которомъ *Mas*, *batolovani*; «*Et ipse servavit*». При слѣданномъ нами распределеніи группы (для учениковъ было вид) веднаго, сомнѣнія, въ: пому, отосыма въ: слова: Между ними и самими, облакомъ находилась только Господь: *In oculis et vocibus*, обращающъ къ Петру, Павлу и Іоанну, и прямо указывалъ на нихъ на Спасителя. Господь былъ конечно, очевидно, одинымъ (ср. 2. П. 1, 18: *ταπεινωθη ἰσχυρὸν ἰπρέξεν ἑαυτὸν ὡς οὐρανὸν ἐκχέουσαν*) воспринимавшій отвѣсы и гушамъ, а не престо (внуч) треннее дѣйствіе духа Божія на умъ и руки ихъ. Также въ *εὐφρανῶν* высказываемой Ольсгауасомъ и Майеромъ⁹¹⁾, противосмыслу раясказъ и грезить превратить все событие въ основаніе вѣсна чернын, личнын въ: вышней, облакннын, раднын. Отстаж: только одинъ моментъ, преншествія, дѣйствіе, фактъ, имѣемъ права понимать иначе и другія его подробности. Намъ нечего бояться антропоморфизма, которымъ пугаютъ скептики⁷⁰⁾. Какъ всемогущій Творецъ неба и земли Богъ, конечно, въ со-

⁷⁰⁾ Olshausen. Commentar. S. 179. Meyer. Ueber Matth. 8: 30.

⁹¹⁾ Strauss. Op. cit. S. 242.

стояніи произвестъ нужное движеніе воздушныхъ волнъ, доступное различію нашихъ органовъ. Для этого совсѣмъ не требуется нашихъ голосовыхъ аппаратовъ.

Первая половина изреченія небеснаго Отца представляетъ буквальное повтореніе сказаннаго при крещеніи (Мѡ. 3, 17; Мр. 1, 11; Луки 3, 22; ср. Іоан. 1, 34); въ такомъ же видѣ воспроизводятся слова и ап. Петромъ (2 П. 1, 17). Вѣроятно, во 2 Петровомъ посланіи это сдѣлано потому, что означенное добавленіе было особенно важно лишь при настоящемъ случаѣ, въ виду данныхъ обстоятельствъ и только для немногихъ присутствовавшихъ тутъ лицъ ⁷¹⁾.

Божественныя слова въ первой своей части оставлены на основаніи 2 Пс. (ст. 7) и Исая 42, 1; они служили теперь для апостоловъ высшимъ подтвержденіемъ истинности того признанія, какое было высказано ап. Петромъ дней ва шесть предъ симъ. Если же разсматривать ихъ въ безотносительномъ смыслѣ, то слова эти будутъ указывать на внутреннѣйшее единеніе Сына съ Отцемъ, поскольку для Последняго Іисусъ Христосъ былъ и есть *ὁ υἱὸς μου* (Пс. 2, 7: *beni attah*). Онъ есть Сынъ возлюбленный (*ὁ ἀγαπητός*) именно въслѣдствіе такого отношенія къ Своему Отцу. Членъ при прилагательномъ вовсе не означаетъ усиленія степени понятія *ἀγαπητός*, въ смыслѣ напримѣръ *dilectissimus*, а поставленъ здѣсь по известному требованію грамматики, когда опредѣляющее слово находится послѣ существительнаго тоже съ членомъ. Настолько же произвольно пониманіе его въ значеніи *unicus* (Michaelis и др.) или *electus* (Зигабенъ) ⁷²⁾, что отражается скорѣе въ предшествующихъ словахъ *ὁ υἱὸς μου*. Мѣсто нѣзъ сочиненій Филона, гдѣ сопоставляются *μόνος* и *ἀγαπητός*, доказываетъ совершенно противное. Правда, LXX передаютъ (Быт. 22, 2 и др.) Евр. *jahid* чрезъ *ἀγαπητός*, но это лишь *экземплическій* переводъ, основывающійся на слѣдующемъ опредѣленіи: „котораго ты любишь“; поэтому Акилла болѣе пра-

⁷¹⁾ Впрочемъ, ясный намекъ на *αὐτοῦ ἀκούετε* даютъ слова ап. Петра о слѣдованіи не хитросплетеннымъ баснямъ и пр. (2 П. 1, 16).

⁷²⁾ Зигабенъ. Comment. in quat. Ev. I, 2, p. 683: *ὁ ἀγαπητός, ἡθου, ἐξαιρετός, ὡς μονογενής*.

вильно имѣть здѣсь *μονογενής*, а Симмакъ—*μόνος*⁷³⁾. 'Εν ψ εὐ-
 δόκησα: изреченіе съ чисто еврейскою конструціей, такъ что
 въ немъ можно видѣть заимствованіе изъ Исаи 42, 1. *Εὐδο-
 κείν ἐν τινί—gatah be* (Исаи 42, 1; Псал. 44, 4; 102, 15; Пр. 3,
 12; Втор. 33, 24; Есѣ. 10, 3 и особенно Быт. 33, 10; Иер. 14,
 10) и значить: любить кого, быть благосклоннымъ къ кому.
 Усиливая понятіе прилагательнаго ἀγαπήτός, выраженіе ἐν ψ εὐ-
 δόκησα показываетъ, что это благоволеніе Отца въ Господу
 Иисусу есть вмѣстѣ съ тѣмъ источникъ нашей близости къ Богу,
 поскольку Божественное благоволеніе такъ-оказалъ заключаемо
 въ Спасителя (Іоан. 1, 14). По силѣ этого человекъ лишь тогда
 возвышается къ Богу, когда онъ всю душою предается Иисусу
 Христу, Который изливаетъ на насъ Свою любовь и спасаетъ
 (Іоан. 1, 16). Потому-то Отецъ *усыновляетъ насъ Себѣ чрезъ Иисуса
 Христа, по благоволенію лютія Своєю* (Ев. 1, 5), и удостоя-
 ваетъ зрѣнія славы Сына по предвѣчной любви Своей къ Нему
 (Іоан. 17, 24). Такимъ образомъ мысль постепенно переходитъ
 отъ опредѣленія общихъ отношеній Господа къ Богу къ разъяс-
 ненію Его миссіи въ дѣлѣ искупленія человечества. Это, го-
 воритъ небесный голосъ Отца, Мой Сынъ, находящійся со Мною
 въ тѣснѣйшемъ единеніи и потому любимый Мною. Мое благо-
 воленіе всецѣло почиваетъ на Немъ, посему и васъ Онъ при-
 водитъ къ союзу со Мною, изливаетъ на васъ Свою любовь и
 привлекаетъ ко Мнѣ. Какъ же относиться къ Нему? Аѳтоῦ ἀκούετε-
 такъ заключаетъ Богъ свою рѣчь, указывая ученикамъ въ Спа-
 сителя пророка, обѣщаннаго Моисеемъ⁷⁴⁾; слова эти призывали
 апостоловъ къ повиновенію своему Учителю во всемъ, что бы
 Онъ ни предпринялъ, ибо Онъ есть Мессія, исполненіе закона.
 Въ этомъ случаѣ они вполнѣ равнозначущи выраженію τοῦτο
 πείθεσθε⁷⁵⁾.

Голосъ прекратился, явленіе кончилось. Еще ранѣе охватив-
 шее учениковъ чувство страха теперь достигло высшей сте-

⁷³⁾ Meyer. Ueber das Ev. Matth. s. 332.

⁷⁴⁾ Αἰτοῦ ἀκούετε заимствовано изъ Втор. 18, 15 и представляетъ переводъ
 евр. *e'av tischmann*.

⁷⁵⁾ Zuzabenz. Comment. in quat. Ev. 1, 2, p. 683.

пени; въ сознаниі своего ничтожества они пали на землю ⁷⁶⁾, и нужно было особенное ободреніе Господа, чтобы возвратить ихъ къ дѣйствительности. Прикосновеніе руки Иисуса Христа восстанавливаетъ ихъ, какъ это было съ пр. Данииломъ (10, 5—10) и ап. Иоанномъ (Апок. 1, 17) при подобныхъ же обстоятельствахъ. И внезапно, словно получивъ снова сознаніе (ἐξάφνω. Мр. 9, 8), возведши очи (Мс. 17, 8), какъ бы послѣ глубокаго сна, и посмотрѣвши вокругъ (Мр. 9, 8), апостолы никого не увидѣли, кромѣ одного Иисуса (Мс. и Мр.), ибо когда былъ гласъ, остался Иисусъ одинъ (Луки 9, 36). Все пришло въ обычный естественный порядокъ.

Мы изложили послѣдовательно ходъ событія на горѣ и теперь должны обратиться къ болѣе внимательному разсмотрѣнію отдельныхъ его моментовъ. Какъ видно изъ евангельскаго разсказа, все происшествіе на горѣ распадается на три акта: а) Преображеніе Господа; б) явленіе Моисея съ Илиєю и в) голосъ, раздавшійся изъ облака. Касательно этого послѣдняго обстоятельства едва ли мыслимы какія-нибудь серьезныя недомыслія кромѣ сомнѣній въ дѣйствительности его, какъ ееномена чудеснаго. Но если мы допустимъ бытіе Личнаго, всемогущаго и отдельнаго отъ міра Абсолютнаго Существа, то должны признать и возможность сверхъестественнаго вообще; а разбирать здѣсь отрицательныя теоріи съ матеріалистическою или пантеистическою подкладкою было бы неудобно—тѣмъ болѣе, что воззрѣнія перваго рода представляютъ невысказанную для ума нецѣльность, шаттензмъ же выдаетъ свою несостоятельность явнымъ внутреннимъ противорѣчіемъ въ отождествленіи конечнаго съ неограниченнымъ. Нѣсколько болѣе касается насъ возраженіе противъ достовѣрности повѣствованія о Моисеѣ и Илиіи. Критики стремятся найти для себя опору въ самомъ Евангеліи и именно въ притчѣ о богатомъ и Лазарѣ. Здѣсь, по мнѣнію Штрауса ⁷⁷⁾, Иисусъ Христосъ прямо высказалъ, что явленіе умершихъ въ видахъ убѣжденія кого бы то ни было совершенно безцѣльно,

⁷⁶⁾ Нѣтъ никакихъ основаній понимать ἐπί πρῶτον αὐτῶν въ смыслѣ: «поклонившись» въ знакъ благоговѣнія (προσκύνησαν), какъ полагаетъ *Евс. Змидель* (Соп. 1, 2, р. 685).

⁷⁷⁾ *Strauss. Das. L. I. s. 241.*

а потому и нельзя придавать такого значенія присутствію двухъ мужей при Преображеніи; значить и самый разсказъ объ этомъ есть вымыселъ, потому что никакого другаго смысла второй моментъ не заключаетъ. Возраженіе это совершенно фантастично, ибо основывается на несуществующихъ данныхъ. Евангеліе указываетъ, что закоренѣлые грѣшники, которымъ предстоитъ „мѣсто мученія“ и которые не слушаютъ Моисея и пророковъ, не повѣрятъ, еслибы кто и изъ мертвыхъ воскресъ (Луки 16, 27—31); о людяхъ иныхъ нравственныхъ качествъ въ притчѣ ничего не говорится, а вѣдь несомнѣнно, что апостолы не были предназначенными для геенны. Слѣдовательно явленіе ветхозавѣтныхъ праведниковъ при Преображеніи Господа не стоитъ въ противорѣчій съ другими евангельскими эпизодами и съ библейской точки зрѣнія не представляетъ ничего невозможнаго. Но какъ понять его?—Вотъ вопросъ дѣйствительно интересный и важный. По отношенію къ Іліи можно удовольствоваться отвѣтомъ, что онъ на время изъ высшихъ небесныхъ сферъ перенесенъ былъ на землю, ибо намъ извѣстно, что онъ былъ взятъ на небо живымъ, не подвергаясь обычному закону смертности (4 Цр. 2, 11; ср. Сир. 48, 9, 12). Мы не можемъ опредѣлить форму существованія Іліи послѣ означеннаго момента, но знаемъ, что онъ не былъ разлученъ отъ тѣла, а имѣлъ его и по отшествіи изъ нашего міра; потому намъ нѣтъ особенной нужды „снабжать“ имъ обличителя Ахавова, на чемъ настаиваетъ Вейсъ⁷⁸⁾. Совсѣмъ не то при объясненіи факта явленія Моисея; онъ *умеръ тамъ, въ землѣ Моавитской, по слову Господню. И погребенъ на долинѣ въ землѣ Моавитской противъ Беафгелора, и никто не знаетъ мѣста погребенія его даже до сего дня* (Втор. 34, 5—6; ср. Іер. 15, 1). Предполагаютъ на основаніи послѣдняго упоминанія о неизвѣстности могилы пророка, что тѣло его не подверглось тлѣнію, а было сохранено Богомъ для этого случая⁷⁹⁾ или какимъ нибудь таинственнымъ процессомъ было предуготовлено для неба. Богъ явилъ къ Моисею свою строгость за его грѣхъ, не дозволивъ ему войти въ землю обѣтованную, но

⁷⁸⁾ Weiss. Das Leben Iesu. s. 308 anm. 2.

⁷⁹⁾ Такъ Гронцій говоритъ: haec corpora videri possunt a Deo in hac usum asservata.

въ то же время показалъ и высокую Свою милость, съдѣлавъ его тѣло способнымъ до всеобщаго суда и воскресенія переступить границу невѣдомаго будущаго и начать тамъ новую жизнь⁸⁰⁾. Возрѣніе это возникло, конечно, изъ желанія вполне объяснить данный синоптиками фактъ, но избрало слишкомъ рискованныя средства. Предположеніе Куртца слишкомъ фантастично, что его трудно даже и опровергать. Достаточно сказать, что Библія не представляетъ для него никакихъ подтвержденій, хотя бы косвенныхъ. Что Моисей умеръ и погребенъ, это несомнѣнно, а что тѣло его потомъ было взято на небо, это намъ не открыто. Повидимому ап. Іуда раздѣляетъ подобную мысль, когда онъ говоритъ, что Михаилъ архангелъ спорилъ съ діаволомъ о Моисеевомъ тѣлѣ (ст. 9); послѣднее какъ будто находилось въ власти виновника смерти или по крайней мѣрѣ было освобождено отъ разрушенія. Но по всемъ вѣроятіямъ ап. Іуда разумѣетъ здѣсь состязаніе о томъ, подлежитъ ли тѣло ветхозавѣтнаго законодателя „казни огня вѣчнаго“ (ст. 7), а не о смертности или тлѣнности его. Посему на первый взглядъ гораздо правдоподобнѣе мнѣніе древнихъ (св. Златоуста, Теофилакта, Евв. Зигабена) толковниковъ, что Моисей былъ воскрешенъ и именно съ тою цѣлю, чтобы показать ученикамъ господство Иисуса Христа надъ жизнью и смертію и тѣмъ укрѣпить ихъ вѣру въ силу Спасителя воскресить Себя изъ мертвыхъ. Это во всякомъ случаѣ естественнѣе допускаемаго Гроціемъ сохраненія тѣла Моисеева; но и здѣсь возникаетъ нѣсколько важныхъ недоумѣній. Прежде всего остается нерѣшеннымъ, что произошло съ законодателемъ по минованіи явленія? Трудно представить себѣ, чтобы онъ снова разлучился съ тѣлесною оболочкою⁸¹⁾, но не менѣе смѣлымъ будетъ предположеніе, что Моисей взятъ былъ на небо въ прославленномъ состояніи. Не видно, почему такое вознесеніе не случилось раньше, ибо причиною этого могло быть только личное совершенство праведника, а оно было достигнуто

⁸⁰⁾ Kurtz. Geschichte des A. B. II, s. 537. Нѣсколько сходно Бернс (Notes on the Gospels. p. 244; ср. p. 236): «Моисей и Ілія не были вновь созданы, но пришли, какъ были на небѣ».

⁸¹⁾ Такое мнѣніе находимъ у *Томы Аквината*, который утверждалъ, что Моисей ad tempus воспользовался чужимъ тѣломъ.

имъ во время земной жизни. Кроме того, выраженіе ἐν ὄψει едва ли примѣнимо къ обыкновенному тѣлу и ставитъ Моисея по виду наравнѣ съ Ілією, показывая, что форма явленія была одинакова. Лучше всего обратиться къ самому евангельскому разсказу, уяснить его и поискать аналогичныхъ фактовъ, которые могли бы дать намъ ключъ къ пониманію загадочнаго обстоятельства. Евангелисты изображаютъ Моисея и Ілію бесѣдующими съ Господомъ; значить, они были въ нѣкоторомъ матеріальномъ образѣ, ибо обладали способностію къ членораздѣльной рѣчи, доступной внѣшнему воспріятію апостоловъ. Они были также видимы, какъ и самъ Христосъ. Однако же матеріальность явившихся не требуетъ непременно полной тѣлесности, какая свойственна людямъ. Они были въ славѣ, то-есть въ свѣтломъ видѣ. Сводя къ единству эти немногочисленныя подробности, мы приходимъ къ тому заключенію, что Моисей и Ілія были чувственно созерцаемы и слышимы, какъ блистающіе мужи. Нужно ли для объясненія этого признавать, что ветхозавѣтные праведники были во плоти, въ той матеріальной, хотя и прославленной оболочкѣ, какая принадлежала имъ на землѣ? Мы имѣемъ многочисленныя примѣры явленій ангеловъ и даже самого Бога, причѣмъ иногда было вполне несомнѣнно, что являвшіеся были въ нѣкоторой матеріальной тѣлесности, какъ показываетъ разсказъ о трехъ странникахъ, прибывшихъ къ Аврааму у дубравы Мамре (Быт. 18; ср. 19 и особенно ст. 3) или борьба Іакова съ незнакомцемъ въ Пенуэлъ (Быт. 32, 24—32). Отсюда вполне естественно сдѣлать тотъ выводъ, что Богъ по особымъ цѣлямъ открываетъ Себя людямъ видимымъ образомъ, какъ человекъ, и даетъ такую же силу безплотнымъ духамъ. Намъ остается предположить, что и явленіе Моисея было совершенно такого же характера. Недоступный въ своей чисто духовной формѣ существованія, онъ сталъ видимъ ученикамъ въ свѣтломъ образѣ, въ какомъ напримѣръ предсталъ ангелъ Господень женамъ мѣроносицамъ (Мѣ. 28, 2—7 и парал.). Снептики говорятъ, что такой фактъ не имѣетъ никакихъ аналогій въ опытѣ, но отвѣтъ на это мы находимъ уже у ап. Павла, который сказалъ: *Богъ даетъ ему (человѣку при воскресеніи) тѣло, какъ хочетъ* (2 Кор. 15, 39). Для этого необходимы конечно

особыя цѣли, но онѣ предполагаются уже самымъ присутствіемъ Моисея при Преображеніи. Мы должны удовлетвориться этимъ общимъ результатомъ, ибо разумъ не можетъ понять этотъ фактъ вполне, въ самой его сущности⁸³⁾.

Та же мысль будетъ руководительнымъ началомъ и при объясненіи происшедшаго съ Господомъ Спасителемъ. Внѣшнимъ обнаруженіемъ Преображенія Иисуса Христа былъ особенный блескъ Его лица и необычайная бѣлизна одеждъ. Что означаетъ это? Свѣтъ и сіяніе суть символы Божества, какъ абсолютно чистаго и совершеннаго. Всѣ народы представляютъ себѣ Верховное Начало въ такомъ именно видѣ, а библейская исторія даетъ много фактическихъ примѣровъ того, что Богъ всегда открываетъ Себя земнороднымъ подъ такою формою. Здѣсь символъ становится реальнымъ фактомъ, поскольку Живущій во свѣтѣ непреступномъ (1 Тим. 6, 16) является людямъ во свѣтѣ, воспріимлемомъ человѣческимъ глазомъ. Посему совершенно странно возраженіе

⁸³⁾ Въ новѣйшее время явленіе Моисея и Іліи при Преображеніи нѣсколько ставили въ связь съ спиритизмомъ, но на самомъ дѣлѣ послѣдній не имѣетъ ничего общаго съ этимъ и другими подобными библейско-историческими фактами. Намъ кажется, спиритическое ученіе есть тотъ же матеріализмъ, только призвавшій не принадлежащее ему имя. Спирити отводятъ для духовъ какую-то особую сферу съ незнакомыми и невѣдомыми намъ пространственными отношеніями, гдѣ и находится новое царство живыхъ, которае, переступая въ нашу обычную среду, дѣлаются видимыми и осязаемыми, матеріализуются. Чтобы объяснить это явленіе, необходимо предположить, что spiritus въ сущестѣ своемъ есть нѣчто матеріальное, аналогичное съ нашимъ тѣломъ, почему онъ неизбежно становится сходнымъ по виду съ человѣкомъ, когда вступаетъ въ земную область съ «трами намереніями». Въ основѣ своей это воззрѣніе пожалуй даже ниже мнелогическихъ взглядовъ на загробную жизнь, какіе существовали у грековъ и другихъ народовъ въ извѣстную пору ихъ историческаго бытія. Въ послѣднемъ случаѣ было недостаточно развитое понятіе духа, неудачное стремленіе возвысить его надъ матеріею, у спиритовъ же прямое отождествленіе обонхъ началъ. Фактъ матеріализаціи въ спиритическомъ смыслѣ возможенъ лишь какъ *олицетвленіе*, что допустимо только при признаніи абсолютной неразличности и substantialiter и realiter духа и матеріи, ибо при противоположности ихъ немислимъ переходъ одного въ другую или наоборотъ. Теперь понятно коренное различіе между спиритизмомъ и явленіями умершихъ въ Ветхомъ и Новомъ Завѣтѣ. Писаніе говоритъ, что духъ въ извѣстномъ, воспріимлемомъ для нашихъ органовъ видѣ открывается людямъ; спирити уничтожаютъ наше понятіе духовности.

Штрауса⁸⁹⁾, будто прославленіе Господа должно бы совершиться инымъ способомъ, а не въ видѣ просвѣтлѣнія или лучезарности тѣла. Критикъ произвольно отвлекаетъ внѣшнее отъ внутренняго и не придаетъ первому никакого значенія. Между тѣмъ общечеловѣческое сознаніе необходимо требуетъ такого облеченія духовнаго въ матеріальное для ясности представленія недоступнаго въ своей сущности Верховнаго Начала; разумъ находитъ этотъ путь единственно возможнымъ въ дѣлѣ созерцанія Божества, а библейская исторія прямо свидѣтельствуетъ, что это не было однимъ логическимъ постулатомъ, но вполне соответствовало дѣйствительности. Значитъ, и въ Преображеніи Господа мы должны видѣть внѣшнее обнаруженіе той силы, которую Богъ Отецъ далъ Своему Сыну (Іоан. 17, 24) и которая доступна намъ въ лицѣ Іисуса Христа (2 Кор. 3, 18; ср. 4, 6). Что свѣтъ Преображенія былъ чувственно видимый, воспринимаемый тѣлесными очами, евангельскій рассказъ не оставляетъ въ этомъ никакого сомнѣнія. Апостолы усматривали его, конечно, обычнымъ способомъ, и Спаситель запрещаетъ имъ рассказывать о томъ, что они видѣли (ἀ εἶδον: Мр. 9, 9; οὐδὲν ἴν' ἐμαρτάσιν: Луки 9, 36). Понятно, что вопросъ объ этомъ могъ возникнуть только при недостаточномъ вниманіи къ евангельскому тексту. Мы разумѣемъ здѣсь извѣстные споры XIV в. въ греческой церкви между Варлаамитами и Паламитами о такъ называемомъ Фаворномъ свѣтѣ. Послѣдній впрочемъ былъ только предлогомъ,—и скоро противники удалились въ область отвлеченной, схоластической и мистической догматики, отрѣзавъ себѣ путь къ правильному разрѣшенію простой задачи. Варлаамъ и Акиндинъ были не правы въ своемъ отрицаніи возможности чувственнаго созерцанія сіянія, бывшаго при Преображеніи, что вело къ разрѣшенію событія въ визионерный фактъ, и потому были осуждены соборами 1350 и 1351 гг. Но еще болѣе погрѣшали аеонскіе монахи-исихасты, одержавшіе побѣду надъ своими антагонистами. Палама и его сторонники признавали, что свѣтъ на Фаворѣ былъ несотворенный и именно тотъ самый, въ которомъ живетъ Богъ. Предстояла великая опасность внести

⁸⁹⁾ *Strass.* Das L. I. S. 239. Сходно *Вейс.* Das L. I. S. 308.

матеріальное начало въ сущность Божества, поскольку сіяніе было доступно воспріятію тѣлесныхъ органовъ; думали устранимъ ее различіемъ Божественной *ἐνεργεία* и *οὐσία*, причемъ признавалось, что свѣтъ не касается сущности, какъ ея обнаруженіе или ви́шняя среда⁸⁴⁾. Но въ такомъ случаѣ предвѣщать несотворенности долженъ быть отнесенъ не къ самому символу, а къ вѣчно присущей Іисусу Христу Божественной силѣ и слѣдовательно къ свѣту не имѣеть никакого отношенія. Будучи совершенно реальнымъ и чувственно воспринимаемымъ, свѣтъ былъ созданъ, какъ *σπίλον*, что Спаситель есть Богочеловѣкъ, сіяніе славы Отчей (Евр. 1, 3). Было бы слишкомъ смѣлою рѣшимостію пытаться на точнѣйшее опредѣленіе самой природы сопровождавшаго Преображеніе блеска. Онъ былъ подобенъ солнцу и значить по виду не представлялъ ничего особеннаго. Тоже было при явленіи Бога Моисею въ кущинѣ, когда кустъ горѣлъ, но не сгоралъ (Исх. 3, 2). Очевидно, огонь былъ физическій, объективно созерцаемый, подобно земному, хотя и отличный отъ него по своему дѣйствию. Судить о его сущности мы не можемъ, какъ и о природѣ „свѣта Фаворскаго“. Несомнѣнно лишь одно, что при Преображеніи ясно обнаружилась слава Бога во Христѣ, Сынъ человѣческомъ. Какъ это возможно? Въ какомъ отношеніи актъ откровенія Божества Спасителя стоять къ Его человѣчеству? Евангелисты не говорятъ объ этомъ прямо; они даютъ намъ только общее обозначеніе факта въ терминѣ *μετεμορφώθη*. Глаголъ этотъ дважды употребляется еще у ап. Павла (Рим. 12, 2 и 2 Кор. 3, 18) и прилагается къ духовному обновленію людей подъ влияніемъ спасающей благодати въ смыслѣ отложенія прежняго образа жизни ветхаго человѣка и облеченія въ новаго человѣка (Еф. 4, 22, 24). Слѣдовательно, здѣсь имѣется въ виду только высшая степень совершенства, большая духовная чистота помысловъ и желаній благодатство-

⁸⁴⁾ См. объ этихъ спорахъ *Beiträge zur kirchlichen literatur und Dogmengeschichte des griechischen Mittelalters* von *Gass*. Sw. Bnd.: *Die Mystik des Nikolaus Cabasilas vom Leben im Christo* von *W. Gass*. Greifswald. 1849. ss. 8—19.

Guerike. *Handbuch der Kirchengeschichte*. Neunte Auflage. Sw. Bnd. Leipzig. 1866. s. 212—213.

ваннаго и, пожалуй, освобожденіе отъ рабства тѣлу съ его грѣховными влеченіями (Рим. 12, 2; ср. 12, 1). Въ этомъ случаѣ духовное начало нашего существа какъ бы выдвигается на первый планъ, но ни оно само, ни тѣлесная природа возрожденнаго не уничтожаются и не измѣняются *substantialiter*, не дѣлаются совершенно другими, а лишь усовершаются. Такимъ образомъ понятіе метеморφωσῆς указываетъ на особенный, высшій моментъ въ жизни Спасителя, когда преимущественно выступило Его Божество, а человечество какъ бы осталось позади (метеморφωσῆς). Откровеніе сообщаетъ намъ, что Иисусъ Христосъ *будучи образомъ Божіимъ* (ἐν μορφῇ Θεοῦ), *не почиталъ хищеніемъ бытъ равнымъ Богу; но уничижилъ Себя самою, принявъ образъ раба* (μορφῆν δοῦλου λαβών) (Филип. 2, 6—7). Согласно сказанному въ фактѣ Преображенія нужно видѣть проявленіе Божества, такъ сказать просвѣчиваніе Его и возобладаніе надъ человечествомъ. Апостоламъ предсталъ μορφῇ Θεοῦ, отиѣвившій и заслонившій собою μορφῆν δοῦλου. Но христианинъ, преобразуясь обновленіемъ ума, и тѣло свое представляеть въ жертву живую, святую и благоугодную Богу (Рим. 12, 1—2). Онъ покоряеть свою плоть и очищаетъ ее соотвѣтственно такому духовному возрожденію. Если въ Преображеніи Христа было именно обнаруженіе Его пріемосущной силы, препобѣжденіе человечества, то необходимо признать, что и тѣлесное начало Господа Спасителя, такъ или иначе участвовало въ чудномъ прославленіи на горѣ. Вся земная жизнь Иисуса Христа была великимъ подвигомъ добровольнаго служенія для искупленія людей; въ концѣ его было то, что и *Богъ превознесъ Его, и далъ Ему имя выше всякаго имени* (Филип. 2, 8—9). Но такое имя, такую славу Спаситель имѣлъ у Отца *прежде бытія міра* (Іоан. 17, 5), какъ Единородный и равный Ему Сынъ. Очевидно, прославленіе Иисуса Христа, о которомъ многократно упоминается въ Евангеліи (Іоан. 12, 16, 23; 17, 5. 22—24), относится къ Нему, какъ Богочеловѣку. Воспринявъ нашу плоть въ единство ипостаси, Господь своимъ подвигомъ возвышалъ ее до совершенства Своей Божественной природы. Самъ Спаситель полагалъ конечный пунктъ этого прославленія по человечеству въ крестной смерти, ставилъ ее завершеніемъ Своего служенія и моментомъ достиженія славы

предвѣчнаго Сына (Іоан. 12, 23; ср. 12, 16). *Не такъ ли надлежало пострадать Христу, и войти въ славу Свою* (καὶ εἰσελθεῖν εἰς τὴν δόξαν αὐτοῦ) (Луки 24, 26)? спрашивалъ Онъ двухъ учениковъ на пути въ Эммаусъ. Значитъ, Господь и какъ Сынъ человѣческой получилъ теперь власть на небѣ и на землѣ (Мр. 28, 18), и вознесишя къ Богу, *возсталъ одесную Его* (Мр. 16, 19). Такимъ образомъ, можно сказать, что жизнь Иисуса Христа была постепеннымъ очищеніемъ и возвышеніемъ человечества до равенства съ Божествомъ посредствомъ служенія спасенію людей; результатомъ его было то, что и по плоти Спаситель сталъ достоинъ занять мѣсто наряду съ Отцемъ. По тѣсной связи факта страданія и смерти Господа съ предшествующею Его дѣятельностію мы въ правѣ признавать, что процессъ этотъ совершался и ранѣе. Еще въ искушеніи, отвергнувъ соблазнительныя предложенія діавола, Иисусъ Христосъ побѣдилъ плотскаго человѣка, который долженъ былъ сдѣлаться вполне послушнымъ орудіемъ Его для осуществленія высшихъ цѣлей. Служеніе Его было въ тѣлѣ, но послѣднее необходимо было вознестъ на ту высоту, какая указана человѣческому совершенству. Нужно было принять на Себя всѣ тяготы, чтобы побороть ихъ и встать выше даже возможности грѣха. Когда жизненный путь былъ почти конченъ,—естественно Христосъ и по человечеству приблизился къ небесной славѣ; по воскресеніи же тѣло Его потеряло свою плотность, сдѣлалось полнымъ орудіемъ абсолютной воли, какъ *духовное*, а не *душевное* (2 Кор. 15, 45), какъ *тѣло славы* (τὸ σῶμα τῆς δόξης: Филип. III, 21)⁸⁵.

Простирая на всю земную жизнь Спасителя прославленіе и „обоженіе“ Его человечества, мы замѣчаемъ однакоже нѣсколько отдѣльныхъ случаевъ, гдѣ Божество Его выступаетъ особенно ясно. Таковы именно были: Крещеніе, Преображеніе и Воскресеніе Господа. Возросши духомъ, Иисусъ Христосъ, какъ человекъ,

⁸⁵) Подобную мысль высказывалъ между прочимъ знаменитѣйшій богословъ того вѣка, бл. Феодоритъ, епископъ кирскій. «Правда — писалъ онъ (epist. 145, ар. Migne, gr. Ser. t. 83, col. 1385), — тѣло (Господа по воскресеніи) осталось тѣломъ, но оно есть уже нестрадательное и бессмертное, истинно божественное и прославленное божественною славою».

исполняетъ всякую правду; въ это время небесный голосъ провозглашаетъ Его возлюбленнымъ Сыномъ Божиимъ. Это увѣреніе имѣло преимущественное значеніе для народа, но и Самому Богочеловѣку указываетъ конечную цѣль Его дѣятельности. Крещеніе было духовнымъ помазаніемъ Христа для предстоящаго подвига, начало котораго было положено въ искупленіи. Моментъ завершения его предъ Преображеніемъ уже близился; пророческое служеніе кончалось; Христосъ началъ открывать ученикамъ, что Ему должно много пострадать (Мѡ. 16, 21) и вмѣстѣ съ этимъ *войти въ славу Свою* (Луки 24, 26). Не доставало только одного акта, но все было исполнено. Тогда-то Христосъ преобразуется предъ апостолами и принимаетъ отъ Бога Отца честь и славу (2 П. 1, 17). Разсматривая фактъ Преображенія въ такомъ видѣ, мы должны только указать на него, какъ одинъ изъ моментовъ прославленія Господа; оно совершалось въ теченіе всего времени пребыванія Его на землѣ, но здѣсь по особымъ цѣлямъ обнаружилось очевиднымъ образомъ для Петра, Іакова и Іоанна. Сіяніе служило знаменіемъ Божественной природы Спасителя, и залогомъ той славы, которая принадлежитъ Ему по воскресеніи и по челоуѣчеству⁸⁶⁾. Въ чемъ собственно состояло это Преображеніе, мы рѣшить не въ состояніи, а говоримъ только о возможности его съ библейской точки зрѣнія. Что касается опасности докетизма⁸⁷⁾ и противорѣчія⁸⁸⁾ съ дѣйствительностію смерти и воскресенія Іисуса Христа, то все это страхи больше воображаемые. Мы знаемъ, что и послѣ Преображенія Спаситель оставался истиннымъ челоуѣкомъ, и этого достаточно для нашей вѣры въ Него, какъ Богочеловѣка. Евангельская исторія сообщаетъ намъ, что и по воскресеніи Своемъ Христосъ вкушалъ пищу (Луки 24, 41—43) и былъ доступенъ осязанію (Іоан. 20, 20. 27), былъ съ плотію и костями (Луки 24, 39). Посему Кейль⁸⁹⁾ въ виду чисто че-

⁸⁶⁾ Разсматривая фактъ Преображенія именно съ этой точки зрѣнія, бл. Теодоръ кромѣ сего видѣлъ здѣсь «образъ втораго пришествія» Іисуса Христа (epist. 146 ap. Migne, gr. Sér. t. 83, col. 1385, p. 1253).

⁸⁷⁾ *Strauss*. Das L. I. s. 279.

⁸⁸⁾ *Keim*. Op. cit. s. 586.

⁸⁹⁾ *Keil*. Comment. über Matth. S. 363.

ловѣческой жизни Спасителя и Его смерти послѣ событія на горѣ напрасно боится признать Преображеніе вполне реальнымъ фактомъ и придаетъ ему только символическій смыслъ. Мы не имѣемъ понятія о тѣлѣ безгрѣшномъ и прославленномъ и потому не въ правѣ прилагать свой личный опытъ къ Иисусу Христу. Для насъ невысказано хожденіе по водамъ, проникновеніе въ комнату при затворенныхъ дверяхъ, но мы всегда должны помнить, что Господь Спаситель былъ Богочеловѣкъ и что слѣдовательно не возможное для смертныхъ, возможно Богу (Мѡ. 19, 26; Мр. 10, 27).

Н. Глубоковскій.

(До слѣдующей книжки).

ОПРАВДАНИЕ

НА НЕСПРАВЕДЛИВЫЯ ОБВИНЕНІЯ.

Въ прошломъ 1887 году мы начали печатать въ „Православномъ Обзорѣннѣ“ свое изслѣдованіе подъ заглавіемъ: *Патріархъ Никонъ какъ церковный реформаторъ и его противники* ¹⁾. Но еще прежде чѣмъ мы окончили печатаніе статей, касающихся времени патріарха Іосифа, противъ насъ выступилъ профессоръ Субботинъ въ своемъ журналѣ „Братское Слово“ (№ 6, стр. 468—475). Доказательствъ противъ насъ въ этихъ первыхъ возраженіяхъ г. Субботина мы не нашли, если не считать доказательствомъ то обвиненіе, что мы употребили о Никонѣ выраженіе „реформаторъ“ и слѣдовательно внесли его „въ число такихъ же дѣятелей, что и Лютеръ“. Несправедливость этого обвиненія, думаемъ, ясна безъ разъясненій ²⁾.

¹⁾ Оно вышло потомъ отдѣльнымъ книгомъ подъ заглавіемъ: *Патріархъ Никонъ и его противники въ дѣлѣ исправленія церковныхъ обрядовъ*. На это отдѣльное изданіе мы и будемъ дагѣ ссылаться.

²⁾ Нужно замѣтить, что слово «реформаторъ» въ приложеніи къ Никону, такъ сильно смущающее г. Субботина, употреблялось и ранѣе насъ писателями по расколу. Напримѣръ г. Мельниковъ въ своихъ извѣстныхъ письмахъ о расколѣ называетъ дѣятельность Никона «реформаторскою» (стр. 57, 73). Щановъ въ своей книгѣ: «Русскій расколъ старообрядства» употребляетъ выраженіе «реформа Никона» (стр. 89). Въ книгѣ г. Сирцова: «Возмущеніе соловецкихъ монаховъ старообрядцевъ въ XVII вѣкѣ» постоянно встрѣчаются выраженія о Никонѣ: «церковный реформаторъ», «церковная реформа», «Никонова реформа» (стр. 8, 11,

О возраженіяхъ подобнаго рода мы конечно вовсе-бы и не упомянули здѣсь, еслибы г. Субботинъ не сдѣлалъ во второй статейкѣ попытки указать, какъ онъ выражается, два-три ученыхъ нашихъ промаха.

Какого рода эти указанія нашихъ ученыхъ промаховъ со стороны знатока раскола—г. Субботина, хорошо видно, напримѣръ, изъ слѣдующаго факта. Объ извѣстномъ поборникѣ никоновскихъ церковныхъ исправленій, рязанскомъ архіепископѣ Иларіонѣ, мы сказали въ своей статьѣ, что Иларіонъ сначала былъ бѣлымъ священникомъ въ селѣ Лысковѣ. Г. Субботинъ, какъ специалистъ по исторіи раскола, авторитетно замѣчаетъ на это, что Иларіонъ *былъ не мирскимъ священникомъ, а іеромонахомъ и игуменомъ, о чемъ упоминаетъ Аввакумъ въ своемъ Житіи* (Матер. V, 95). Въ указанномъ мѣстѣ Житія Аввакума мы читаемъ: „вздилъ къ другу своему Иларіону игумену: онъ просвиру вынялъ за брата. Тогда добро жилъ, что нынѣ архіепископъ рязанской, мучитель сталъ христіанской“. Приведенное мѣсто очевидно показываетъ только, что въ то время, о которомъ рассказываетъ Аввакумъ, Иларіонъ уже былъ игуменомъ, но это конечно нисколько не мѣшало ему ранѣе быть бѣлымъ священникомъ. А чтобы увѣрить нашего специалиста въ томъ, что Иларіонъ рязанскій ранѣе своего игуменства дѣйствительно былъ бѣлымъ священникомъ въ селѣ Лысковѣ, мы советуемъ ему заглянуть въ слѣдующій шестой томъ „Матеріаловъ для исторіи раскола“ Н. Субботина, гдѣ на 195—196 страницахъ онъ можетъ прочесть слѣдующее свидѣтельство объ Иларіонѣ дьякона Ѳедора: *Ларіонъ поплъ бысть на Лысковѣ селѣ подѣ Нижнимъ, и овдовѣ, и пострижесе, и бысть игуменомъ у Макарья на Желтыхъ пескахъ*.

Не мѣшало-бы профессору Субботину лучше знать свои собственныя изданія.

19, 29, 34 и др.). Профессоръ Ивановскій въ своей книгѣ: «Руководство по исторіи и обличенію старообрядческаго раскола», выражается: «еще будучи митрополитомъ, Никонъ заявилъ себя ревностнымъ реформаторомъ церковной жизни». (Ч. 1, изд. 2, стр. 30)—Вѣроятно и самъ г. Субботинъ призналъ бы страннымъ обвиненіе того критика, который бы на томъ основаніи, что указанное сей-часъ авторъ называетъ дѣятельность Никона «реформаторскою», рѣшился бы утверждать, что этимъ «очевидно они вводятъ Никона въ число такихъ же дѣателей, какъ Лютеръ».

Въ своей первой статьѣ противъ насъ г. Субботинъ обѣщала однако сдѣлать ученый разборъ нашего трактата о перстосложеніи. Съ понятнымъ интересомъ мы ожидали критической ученой статьи профессора - специалиста, въ надеждѣ встрѣтить въ ней строго-научный, спокойный разборъ нашихъ мнѣній, ихъ хотя бы и строгую, но за то безпристрастную оцѣнку, въ увѣренности, что намъ многому придется поучиться у человека, прошедшаго всю свою уже некороткую жизнь на изученіи раскола. Но, къ сожалѣнію, намъ пришлось сильно разочароваться въ своихъ надеждахъ и ожиданіяхъ, такъ какъ г. Субботинъ хотя и написалъ дѣйствительно по поводу нашей книги очень длинную критическую статью о перстосложеніи²⁾, но отнесся къ дѣлу вовсе не такъ, какъ ожидали мы и какъ-бы слѣдовало отнестись серьезному ученому.

Первая ошибка нашего ученаго критика заключается въ томъ, что онъ съ задачею и цѣлю нашего изслѣдованія познакомился не чрезъ чтеніе и изученіе самаго изслѣдованія, а инымъ путемъ, въ высшей степени своеобразнымъ. О цѣли нашего изслѣдованія, заявляетъ самъ г. Субботинъ, онъ будто-бы вполне достоверно узналъ отъ нѣкоего „достопочтеннаго гражданина Павловскаго посада, ревнителя православія“, который, повѣствуя г. Субботинъ, „даже нарочно пріѣзжалъ повидаться съ нами (т.-е. г. Субботинимъ) и передать намъ эти, крайне смутившіе и огорчившіе его (т.-е. „достопочтеннаго гражданина Павловскаго посада, ревнителя православія“) слухи; что цѣль сочиненія (разумѣется Каптерева) *втоптать въ грязь, уничтожить Субботина*“. (Брат. Слово, 1887 г., стр. 469). Заручившись этимъ свѣдѣніемъ о цѣли нашего изслѣдованія изъ такого довольно оригинальнаго для ученаго источника, г. Субботинъ естественно долженъ былъ отнестись къ нашему изслѣдованію крайне враждебно, долженъ былъ увидать въ немъ, согласно съ указаніемъ „достопочтеннаго гражданина Павловскаго посада, ревнителя православія“, возмутительное нападеніе на личность именно его г. Субботина.

²⁾ Эта статья г. Субботина носитъ заглавіе: «О перстосложеніи для крестнаго знаменія (Разборъ статьи г. Каптерева)». Братское Слово 1887 г. № 18, стр. 598—612; № 19, стр. 693—715; № 20, стр. 764—798. 1888 г. № 5, стр. 338—369.

Намъ остается пожалѣть о роковомъ визитѣ достопочтеннаго гражданина Павловскаго посада и о роковой его бесѣдѣ съ нашимъ специалистомъ. Не пріѣзжай онъ въ Сергіевскій посадъ и не сообщи онъ нашему критику, что цѣль нашего сочиненія „втоптать въ грязь, уничтожить Субботина“, г. Субботинъ самъ можетъ быть, и не догадался бы объ истинной цѣли нашего изслѣдованія и не взялся-бы за перо, чтобы уничтожить насъ своею всепобѣждающею ученостію.

Эти предварительныя оговорки относительно обстоятельствъ и причинъ, вызвавшихъ появленіе ученой критической статьи г. Субботина, мы сочли нужнымъ сдѣлать и потому еще, чтобы читателю стали понятны тѣ своеобразныя критическія приемы, какіе нерѣдко употребляетъ въ своей статьѣ г. Субботинъ.

Наше изслѣдованіе касается времени патріарха Іосифа, поскольку оно подготовляло собою время патріарха Никона. Мы пришли къ убѣжденію, что справщиками книгъ при Іосифѣ не были принаваемые за таковыхъ: Нероновъ, Аввакумъ, Лазарь и пр., но совершенно другія лица, люди образованные, сознавшіе нужду исправленія книгъ по греческому тексту, признававшіе полезность научнаго образованія и особенно его безусловную необходимость для книжныхъ справщиковъ. Но если это было такъ, то естественно и самъ собою возникаетъ вопросъ: кто-же въ такомъ случаѣ испортилъ напечатанныя при Іосифѣ книги, или другими словами: кто внесъ въ нихъ извѣстныя старообрядческія особенности? Отвѣчая на этотъ неизбѣжный для насъ вопросъ, мы поставили себѣ задачею изслѣдовать, откуда и когда появилась на Руси важнѣйшая старообрядческая особенность—двуперстіе и нашли, что двуперстіе не есть выдумка московскихъ книжниковъ, не есть обычай армянскій или латинскій—но обычай православный, очень древній, несомнѣнно существовавшій и въ греческой церкви, но потомъ ею оставленный ⁴⁾. Какъ

⁴⁾ Не можемъ не отмѣтить здѣсь, что наши мысли вполне подтверждаются недавно изданнымъ настирскимъ посланіемъ къ глаголемымъ старообрядцамъ митрополита Киевскаго и Галицкаго Платона напечатаннымъ въ «Церк. Вѣдом.», издав. при Св. правит. Синодѣ: «вначалѣ, говорится здѣсь, христіане знаменовали на себѣ крестъ однимъ перстомъ, а потомъ стали креститься двумя и тремя перстами». См. № 33, стр. 887, столб. 2, примѣч. 1.

только это нами было доказано, то понятно, что всё теоріи о порожденіи двуперстія или русскимъ невѣжествомъ, или армянствомъ и латинствомъ, падаютъ сами собою, падаетъ и главное обвиненіе противъ книжныхъ справщиковъ при Іосифѣ.

Такимъ образомъ наше изслѣдованіе имѣло въ виду между прочимъ показать, что двуперстіе есть древній православный обычай, а не „новосочиненный“ московскими книжниками въ половинѣ XV вѣка и что русское невѣжество, равно какъ армянство и латинство, не играло никакой роли въ его появленіи. Изслѣдуя вопросъ о двуперстіи съ указанною спеціальною цѣлю, мы конечно вовсе не имѣли въ виду, да для насъ и рѣшительно не нужно было касаться вопроса о другихъ формахъ перстосложенія, которыя на ряду съ двуперстіемъ всегда конечно существовали въ православной церкви, не имѣвшей по этому предмету какого-либо спеціального, опредѣленнаго и для всѣхъ обязательнаго постановленія.

Понятны теперь тѣ задачи, которыя долженъ преслѣдовать ученый критикъ, взявшійся разобрать нашъ трактатъ о двуперстіи. Если онъ несогласенъ съ нами и если слѣдовательно двуперстіе по его мнѣнію не было обрядомъ православнымъ и древнимъ, то онъ и долженъ бы былъ научно объяснить: какимъ же образомъ двуперстіе, этотъ, по увѣренію г. Субботина, „новосочиненный“ въ половинѣ XV вѣка московскими книжниками обычай, встрѣчается однако и въ кievской Руси, и у сербовъ и, что особенно важно, встрѣчается даже у самихъ грековъ въ XI и XII столѣтіяхъ? А между тѣмъ нашъ ученый критикъ все и не думаетъ хотя бы сколько-нибудь прояснить и сдѣлать понятнымъ это странное и совершенно непонятное явленіе, онъ только упрямо твердитъ одно совсѣмъ невѣроятное, что двуперстіе есть „новосочиненный“ въ XV вѣкѣ русскими книжниками обычай. Но рѣшительно отказываясь отъ своей прямой обязанности примирить свое положеніе о „новосочиненности“ двуперстія русскими, съ опровергающими это положеніе фактами, г. Субботинъ въ замѣнъ того усиленно старается взвести на насъ тенденціозное обвиненіе, что будто-бы мы нарочно подобрали свидѣтельства только въ пользу двуперстія, въ тоже время злонамѣренно умолчали о тѣхъ свидѣтельствахъ, какія имѣются въ пользу троеперстія. „Настойчиво проводя мысль, говорить

о насъ г. Субботинъ, что русскіе, вмѣстѣ съ крещеніемъ, приняли отъ грековъ обрядъ двуперстія и съ тѣхъ поръ неизмѣнно держали его до глѣтъ патриарха Никона, подбирая свидѣтельства въ подтвержденіе этой мысли, онъ оставляетъ, или старается оставить читателя въ совершенномъ невѣдѣніи о томъ, что есть письменные и иные памятники, свидѣтельствующіе о противномъ, подтверждающіе несомнѣнное существованіе у насъ троеперстія въ древнѣйшія времена, — не только не опровергаютъ, или не разбираетъ эти свидѣтельства, но и тщательно обходитъ ихъ". (Брат. Слово, 1887 г., стр. 612).

Итакъ, мы повинны въ томъ, что приводя свидѣтельства въ пользу двуперстія, въ тоже время не привели свидѣтельствъ въ пользу троеперстія, что намъ обязательно слѣдовало-бы сдѣлать, по мнѣнію нашего критика. Но г. Субботинъ очевидно намѣренно не хочетъ понять того, что въ нашемъ трактатѣ рѣчь идетъ исключительно только о двуперстіи, что намъ не за чѣмъ, рѣшительно не нужно было говорить по самой постановкѣ вопроса о троеперстіи; онъ намѣренно предъявляетъ къ нашему изслѣдованію такія требованія, какихъ оно вовсе не имѣло въ виду выполнить, предъявляетъ съ единственною плохо скрытою цѣлію возвести на насъ тенденціозное обвиненіе. Но и это обвиненіе г. Субботинъ составилъ какъ-то неудачно. Уличая насъ въ томъ, что будтобы мы злонамѣренно скрыли отъ читателя фактъ несомнѣннаго существованія въ древней Руси троеперстія, г. Субботинъ самъ же и изобличаетъ всю несостоятельность своего обвиненія, когда далѣе увѣряетъ своихъ читателей, что онъ самъ (Баптеревъ) признаетъ несомнѣннымъ, скажемъ его словами, „фактъ существованія“ у насъ троеперстія въ половинѣ XV вѣка, и не только „фактъ существованія“, но и то, что троеперстіе тогда „вступило въ борьбу съ двуперстіемъ“, имѣло „приверженцевъ“, „ратовавшихъ“ за него съ проповѣдниками двуперстія? (Брат. Слово, 1887 г., стр. 700).

Итакъ, мы не только не скрываемъ какъ проговаривается самъ же г. Субботинъ, но и признаемъ несомнѣннымъ существованіе у насъ древняго троеперстія. Слѣдовательно критикъ возводитъ на насъ обвиненіе завѣдомо несправедливое? Какъ назвать такой критическій приемъ?

Въ заключеніе нашего изслѣдованія о двуперстіи мы сочли

необходимымъ во избѣжаніе возможныхъ кривотолковъ, сдѣлать короткій общій взглядъ на ту преимственность разныхъ формъ перстосложенія, какая существовала по нашему мнѣнію въ греческой церкви. Мы говорили слѣдующее: „Признаніе того факта, что двуперстіе въ крестномъ знаменіи существовало вѣкогда въ православной греческой церкви, какъ преобладающая и господствующая форма перстосложенія, что она по времени предшествовала господствующему значенію троеперстія, нисколько однако не оправдываетъ нашихъ старообрядцевъ, доселѣ смотрящихъ на двуперстіе какъ на единственно и исключительно православную форму перстосложенія и отрицающихъ всѣ другія формы, какъ неправославныя и даже еретическія. Дѣло въ томъ, что если двуперстіе, какъ господствующая форма перстосложенія, и употреблялось въ православной церкви ранѣе троеперстного перстосложенія, то все-таки и само оно не было однако первоначальною и древнѣйшею формою перстосложенія, а позднѣйшею и видоизмѣненною изъ древнѣйшей—единоперстія, такъ какъ въ первые вѣка христіанства знаменовались въ крестномъ знаменіи однимъ перстомъ. На это имѣется цѣлый рядъ несомнѣнныхъ свидѣтельствъ (которые далѣе и указываются). Самый крестъ при знаменованіи себя въ первые вѣка христіанства изображали иначе, чѣмъ въ послѣдующее время и теперь, именно: однимъ перстомъ изображали тогда крестъ по преимуществу на челѣ, или же на устахъ, очахъ, персяхъ и вообще на отдѣльныхъ частяхъ тѣла, такъ что знаменованіе себя большимъ крестомъ въ первые вѣка христіанства не употреблялось, а вошло въ обычай въ позднѣйшее уже время. Такимъ образомъ оказывается, заявляли мы, что перстосложеніе для крестнаго знаменія было въ христіанской церкви въ различное время очень неодинаково: знаменовали себя крестомъ *и однимъ перстомъ, и двумя, и тремя*, причемъ въ различное время такому или иному перстосложенію усвоилось обыкновенно извѣстное, опредѣленное символическое значеніе въ связи съ тѣмъ или другимъ вѣроученіемъ, которое хотѣли выразить внѣшнимъ, для всѣхъ видимымъ знакомъ, такъ что правильность того или другаго перстосложенія опредѣлялась въ данное время соединяемымъ съ нимъ ученіемъ. Самый крестъ въ знаменованіи себя христіане сначала изображали только или на челѣ, или на другихъ частяхъ тѣла, и уже послѣ стали класть руку при изображеніи

креста на чело, потомъ на животъ, на правое плечо и на лѣвое, или сначала на лѣвое, а потомъ на правое. Слѣдовательно перстосложеніе въ крестномъ знаменіи и самый способъ изображенія креста имѣють свою исторію, такъ какъ они съ теченіемъ времени видоизмѣнялись по требованію тѣхъ или другихъ обстоятельствъ, причемъ эти видоизмѣненія всегда находились въ связи съ вѣроученіемъ, которое хотѣли въ данное время выразить извѣстнымъ перстосложеніемъ. Отсюда само-собою слѣдуетъ, что считать какую-либо одну форму перстосложенія за единственно православную, будтобы всегда неизмѣнно существовавшую въ православной церкви, исключаящую всѣ другія формы какъ неправославныя, придавать тому или другому перстосложенію въ крестномъ знаменіи значеніе догмата, характеръ неизмѣняемости, значить или вовсе не знать исторіи перстосложенія, или завѣдомо искажать ее изъ неправильно понятыхъ полемическихъ цѣлей. То перстосложеніе православно и обязательно для каждаго христіанина, какое въ данное время признаетъ таимъ сама православная церковь, такъ какъ только ей одной исключительно принадлежитъ право, какъ устанавливать и освящать своимъ употребленіемъ тѣ или другіе церковные обряды, такъ и производить въ существующихъ обрядахъ тѣ перемѣны, какія по ея мнѣнію необходимы по требованію извѣстныхъ обстоятельствъ, въ видахъ огражденія и упроченія православія. Обязанность же всякаго православнаго христіанина въ этомъ случаѣ состоитъ въ томъ, чтобы безпрекословно подчиняться водительству церкви, признавать для себя обязательнымъ и спасительнымъ то, что такимъ признаетъ святая церковь" (стр. 86—91).

Вотъ нашъ общій взглядъ на перстосложеніе для крестнаго знаменія въ православной церкви! Едвали въ этомъ взглядѣ можно найти что-нибудь несогласное съ ученіемъ православной церкви, съ ея достоинствомъ и авторитетомъ, а тѣмъ болѣе что-нибудь совпадающее съ ученіемъ раскольниковъ о перстосложеніи. Особенно невѣроятнымъ кажется возможность послѣдняго предположенія. А между тѣмъ г. Субботинъ рѣшительно увѣряетъ своихъ читателей въ томъ, что будто-бы наша теорія перстосложенія „совпадаетъ съ ученіемъ раскольниковъ“. Какимъ же образомъ, спрашивается теперь, г. Субботинъ могъ придти къ подобному совсѣмъ невѣроятному заключенію? Спо-

собъ, употребленный г. Субботиннымъ для полученія желательнаго ему заключенія, оказывается самый простой и несложный: въ качествѣ ученаго и добросовѣстнаго критика г. Субботинъ прежде всего вовсе умалчиваетъ предъ своимъ читателемъ о нашемъ общемъ взглядѣ на перстосложеніе, какъ будто его и не существуетъ, а затѣмъ беретъ ту часть нашего разсужденія, гдѣ мы говоримъ, что двуперстіе имѣло господствующее значеніе на Руси со времени св. Владиміра до Никона, и завѣряетъ своихъ читателей, что въ этомъ будто-бы и заключается вся наша теорія перстосложенія. А такъ какъ тоже самое относительно Руси признаютъ и раскольники, то значить, заключаетъ г. Субботинъ, наша теорія „совпадаетъ съ ученіемъ раскольниковъ“, значить,—еще уже смѣлѣе заключаетъ г. Субботинъ, мы учимъ о перстосложеніи точно также, какъ учили и учатъ раскольники.

Такимъ образомъ г. Субботинъ съ помощію самаго простаго средства—намѣреннаго умолчанія о главномъ и намѣренной подмѣны его второстепеннымъ, сразу достигъ двухъ очень важныхъ и цѣнныхъ для него результатовъ: совсѣмъ превратно представилъ нашъ общій взглядъ на перстосложеніе и въ то же время обвинилъ насъ въ единомысліи съ раскольниками.

Для характеристики критическихъ приѣмовъ г. Субботина укажемъ еще на одинъ случай.

По вопросу о перстосложеніи въ древней Руси мы говорили слѣдующее: „какое перстосложеніе употреблялось собственно въ московской Руси для крестнаго знаменія, какъ господствующій, признаваемый всею церковію обычай, на это мы находимъ отвѣты въ цѣломъ рядѣ ясныхъ и опредѣленныхъ свидѣтельствъ, которыя начинаются со второй половины XV вѣка и идутъ затѣмъ непрерывно до самой церковной реформы Никона. Въ основу ученія о перстосложеніи въ московской Руси (отличаемъ отъ кievской), со второй половины XV вѣка, когда у насъ въ первый разъ возникъ вопросъ о перстосложеніи въ крестномъ знаменіи, положено было главнымъ образомъ такъ-называемое Феодоритово слово, которое во всѣхъ своихъ ясныхъ и опредѣленныхъ редакціяхъ учить употреблять въ крестномъ знаменіи двуперстное перстосложеніе (всѣ попытки объяснить нѣкоторыя редакціи этого слова въ пользу троеперстія рѣшительно неудачны) и такъ понимаемое вѣсти русскими XVI и XVII вѣка (т.-е.

поднимаемое въ смыслѣ наставленія двуперстію, а никакъ не троеперстію) оно внесено было во всевозможные наши рукописные сборники, въ которыхъ встрѣчается очень часто. Разъ получивши определенное выраженіе въ Феодоритовомъ словѣ, ученіе о двуперстіи въ крестномъ знаменіи признано было нашею церковію за единственно правильное, обязательное для всѣхъ православныхъ, исключющее всѣ другія формы перстосложенія, какъ неправыя“. Затѣмъ въ доказательство того, что у насъ съ половины XV вѣка преобладающею формою перстосложенія было двуперстіе, а не троеперстіе, мы сослались на свидѣтельства: митрополита Даніила, Максима Грека, Стоглаваго собора, патріарховъ: Іова, Филарета, Іосифа, Іосифа и Никона, которые всѣ согласно свидѣлствуютъ въ пользу господствующаго значенія двуперстія, а не троеперстія. Мы именно говорили: „такое авторитетное лицо въ московской Руси, какъ ученый Максимъ Грекъ, такіе выдающіеся, учительные и по тогдашнему времени ученые митрополиты, какъ Даніилъ и Макарій, а затѣмъ наши московскіе патріархи: Іовъ, Филаретъ, Іосафъ, Іосифъ и Никонъ, въ началѣ патріаршества, и наконецъ даже цѣлый соборъ русскихъ іерарховъ неопровержимо и согласно свидѣлствуютъ, что въ московской Руси съ конца XV до половины XVII вѣка *общеупотребительнымъ и признаваемымъ всею церковію за единственно правильное перстосложеніе въ крестномъ знаменіи было двуперстное*“ (стр. 58—61).

На какой вопросъ мы отвѣчаемъ въ приведенной сейчасъ выдержкѣ? Очевидно мы отвѣчаемъ только на слѣдующій вопросъ: какое перстосложеніе, начиная съ половины XV вѣка и до Никона, преобладало въ московской Руси: троеперстное или двуперстное? При этомъ мы, очевидно, вовсе и не задавались вопросомъ о томъ, какъ именно слагали два перста двуперстники и какой смыслъ и значеніе они приписывали въ разное время „протяженію“, или „наклоненію“, или „согбенію“ перстовъ, ни одного слова, ни даже намѣка нѣтъ у насъ на такую именно постановку вопроса. А между тѣмъ г. Субботинъ прямо и рѣшительно завѣряетъ своихъ читателей, что будто бы въ приведенной нами выдержкѣ рѣчь идетъ у насъ именно о томъ, какъ слѣдуетъ слагать два перста, что всѣ свидѣтельства приводятся нами собственно не затѣмъ, чтобы порѣшить общій вопросъ о

преобладающемъ значеніи той или другой формы перстосложенія, а затѣмъ будто бы, чтобы доказать непрерывное существованіе на Руси, начиная съ XV вѣка, той опредѣленной формы двуперстія, какой учить именно Кириллова книга и какой держатся раскольники. Приведенными нами свидѣтельствами (митрополита Даниила, Максіма грека и пр.), увѣряеть г. Субботинъ, „г. Каптеревъ хочетъ доказать, что въ ихъ время всею русскою церковію признанъ былъ единственно правильнымъ обычай — креститься, имѣя два перста, не оба наклоненными и не оба притяженными, какъ утверждаютъ Даниилъ и Максимъ, напротивъ одинъ только простертымъ, а другой мало наклоненнымъ, какъ повелѣваетъ опредѣленно выраженное ученіе *Теодоритова слова*“ (Брат. Сл. 1887 г., стр. 781). Поневодѣ приходится только удивляться изумительной способности нашего критика вычитывать въ нашей книгѣ то, на что въ ней нѣтъ даже и намека.

Познакомимся съ тѣмъ процессомъ, съ помощію котораго г. Субботинъ свои собственные измышленія и выдумки навязываетъ разбираемому имъ автору, а также и съ тою цѣлю, для которой онъ это дѣлаетъ.

Въ качествѣ ученаго и безпристрастнаго критика г. Субботинъ извлекаетъ обыкновенно изъ разбираемаго имъ трактата одну какую-нибудь отдѣльную фразу, безотносительно къ общему смыслу и характеру цѣлаго разсужденія, и начинаетъ ея вслѣдствіе перевертывать, чтобы какъ-нибудь выжать изъ нея тотъ смыслъ, какой ему нуженъ, но какого она въ себѣ вовсе и не заключаетъ. Съ этою цѣлю онъ строитъ цѣлый рядъ своихъ собственныхъ произвольныхъ догадокъ и выводовъ, которые, приурочивъ какъ-нибудь къ выхваченной имъ отдѣльной фразѣ, онъ рѣшительно и авторитетно выдаетъ за мнѣніе разбираемаго имъ автора. А затѣмъ уже онъ научно и важно начинаетъ доказывать всю нелѣпость имъ же самимъ измышленнаго и насильственно навязаннаго автору мнѣнія. Этимъ ученымъ приемомъ г. Субботинъ въ полной мѣрѣ воспользовался при разборѣ нашей книги. Не имѣя средствъ и силъ бороться съ той постановкой вопроса о двуперстіи и съ тѣмъ его рѣшеніемъ, какое ему дано у насъ, онъ пускаетъ въ ходъ относительно насъ свои излюбленные „ученые“ приемы.

Говоря о Θεодоритовомъ словѣ, мы замѣтили, что оно „во всѣхъ своихъ ясныхъ и опредѣленныхъ редакціяхъ учить употреблять въ крестномъ знаменіи двуперстіе“, употребили и такую фразу: „получивши опредѣленное выраженіе въ Θεодоритовомъ словѣ, ученіе о двуперстіи въ крестномъ знаменіи было признано нашею церковію за единственно правильное“. Г. Субботинъ беретъ нашу фразу о Θεодоритовомъ словѣ — „во всѣхъ своихъ ясныхъ и опредѣленныхъ редакціяхъ“ и начинаетъ продѣлывать надъ нею свои манипуляціи. „Во всѣхъ своихъ ясныхъ и опредѣленныхъ редакціяхъ“, — но какія именно редакціи Θεодоритова слова можно признать ясными и опредѣленными? Дѣлаются длинныя разсужденія о редакціяхъ Θεодоритова слова, причемъ г. Субботинъ приходитъ къ заключенію, что ясною и опредѣленною редакціею Θεодоритова слова можетъ быть названа только одна, и именно та, которая напечатана въ Кирилловой книгѣ. Получивъ этотъ первый выводъ изъ нашей фразы, г. Субботинъ кладетъ его въ основу своихъ дальнѣйшихъ выводовъ и заключеній. Если „опредѣленная и ясная редакція“ Θεодоритова Слова есть одна, находящаяся въ Кирилловой книгѣ, а г. Каптеревъ говоритъ „объ опредѣленной и ясной редакціи“, то значить, разсуждаетъ г. Субботинъ, онъ разумѣетъ здѣсь редакцію именно Кирилловой книги. Но если это такъ, продолжаетъ вытягивать свою линію г. Субботинъ, то значить г. Каптеревъ, заявляющій, что двуперстіе получило съ половины XV вѣка опредѣленное выраженіе въ Θεодоритовомъ словѣ, тѣмъ самымъ, очевидно, признаетъ существоющею у насъ съ половины XV вѣка ту именно опредѣленную форму двуперстія, какою учить Кириллова книга. Отсюда г. Субботину уже нетрудно было сдѣлать и дальнѣйшіе свои выводы и заключенія: такъ какъ Кириллова книга учить держаться той именно формы перстосложенія, какою держатся раскольники, то значить, разсуждаетъ г. Субботинъ, г. Каптеревъ утверждающій, что въ Θεодоритовомъ словѣ ученіе о двуперстіи получило опредѣленное выраженіе, тѣмъ самымъ несомнѣнно утверждаетъ, что раскольникы перстосложеніе, выраженное въ Кирилловой книгѣ, существовало у насъ съ половины XV вѣка, и значить, окончателно наконецъ заключаетъ г. Субботинъ, г. Каптеревъ имѣетъ въ виду доказать и дѣйствительно доказываетъ, что въ русской церкви съ половины

XV вѣка употреблялось и всѣми признавалось за правильное именно современное раскольничье перстосложеніе.

Такъ дѣлымъ рядомъ своихъ собственныхъ догадокъ, умозаключеній и выводовъ, на основаніи одной нашей ерзцы, неправильно имъ понятой и совершенно произвольно толкуемой, г. Субботинъ добылъ наконецъ нужный ему выводъ, обвиняющій насъ въ томъ, что мы защищаемъ будто бы и имѣли въ виду оправдать раскольничье перстосложеніе. Это свое собственное домышленіе, добытое очень своеобразнымъ, сейчасъ нами указаннымъ путемъ, г. Субботинъ самъ потомъ уже принимаетъ за несомнѣнный дѣйствительный фактъ, ясно и прямо будто бы выраженный и заявленный въ нашемъ изслѣдованіи, и на этомъ основаніи онъ уже считаетъ себя въ правѣ трактовать насъ, какъ пишущаго въ пользу раскола, наши воззрѣнія на перстосложеніе, какъ на совпадающія вполне съ ученіемъ раскольниковъ.

Добывъ указаннымъ сомнительнымъ путемъ нужное ему обвиненіе противъ насъ, г. Субботинъ тѣмъ же сомнительнымъ путемъ приобретаетъ себѣ и ученое оружіе для борьбы съ нами.

Въ доказательство (только) преобладающаго (а не исключительнаго) значенія въ московской Руси двуперстія, мы сослались на свидѣтельство митрополита Даниила, Максима Грека, Стоглаваго собора, патріарха Іова и проч., и заявили, что приведенныя нами свидѣтельства „неопровержимо и согласно свидѣтельствуютъ, что въ московской Руси, съ конца XV вѣка до половины XVII, общеупотребительнымъ и признаваемымъ всею церковію за единственно правильное перстосложеніе въ крестномъ знаменіи было двуперстное“. Выраженіе „согласно свидѣтельствуютъ“ мы употребили, очевидно, въ томъ смыслѣ, что всѣ приведенныя нами свидѣтельства согласно говорятъ въ пользу двуперстія, а не троеперстія, которое, по завѣрѣнію нѣкоторыхъ, было будто бы господствующимъ въ московской Руси. А между тѣмъ г. Субботинъ нашему выраженію „согласно свидѣтельствуютъ“ усиленно старается придать такой смыслъ, что будто бы этимъ выраженіемъ мы имѣемъ въ виду сказать и дѣйствительно говоримъ, что приведенныя нами свидѣтельства говорятъ „согласно“ о томъ собственно, *какъ именно слѣдуетъ слагать два перста и что означаетъ такое или иное ихъ сложеніе*, что всѣ приведенныя нами свидѣтельства говорятъ

„о наклоненіи“ и „протяженіи“ указательнаго и средняго перста согласно съ Кирилловою книгою.

Читатель конечно недоумѣваетъ, зачѣмъ это г. Субботину понадобилось навязывать нашему выраженію „согласно свидѣтельству“ такой смыслъ, какого оно вовсе не имѣетъ? Побужденія къ этому у него были, и, нужно замѣтить, для него очень важныя. Дѣло въ томъ, что всѣ приведенныя нами свидѣтельства согласно говорятъ въ пользу двуперстія, а не троеперстія. Но, согласно утверждая ту общую мысль, что нужно креститься двуперстно, онъ въ тоже время относительно такъ-сказать деталей двуперстія говорятъ неодинаково, онъ несогласны между собою въ томъ, какъ именно слѣдуетъ слагать два перста, и что означаетъ такое или иное ихъ сложеніе. Въ виду этого сказать о приведенныхъ нами свидѣтельствахъ, что онъ говорятъ въ пользу вообще *двуперстія* (что мы и доказали), будетъ вполне справедливо. Но сказать объ нихъ, что онъ всѣ согласны между собою и относительно самаго *способа сложенія* двухъ перстовъ, будетъ уже несправедливо. Вотъ г. Субботинъ усиленно и хлопочетъ теперь увѣрить своихъ читателей, что будто бы мы говоримъ про согласіе приводимыхъ нами свидѣтельствъ не относительно формы перстосложенія вообще, но относительно самаго способа сложенія двухъ перстовъ (о чемъ приводимыя нами свидѣтельства говорятъ неодинаково). Цѣль г. Субботина теперь становится ясна. Подмѣнивъ нашу вполне справедливую мысль своею рѣшительно несправедливою, и выдавъ ее за нашу мысль, г. Субботинъ благодаря этому нехитрому „ученому“ приему приобрѣлъ очень легкій способъ „научно“ изобличать нашу ученую несостоятельность, съ документами въ рукахъ поборать насъ на пѣломъ рядѣ страницъ, тогда какъ безъ подмѣны смысла нашей рѣчи своею поборать насъ ему было бы очевидно очень трудно. „Удивительное дѣло! восклицаетъ изумляющійся нашей слѣпотѣ, и несообразительности г. Субботинъ. Намъ представляютъ трехъ авторитѣтѣйшихъ свидѣтелей о двуперстіи, жившихъ въ половинѣ XVI столѣтія, — свидѣтелей современниковъ: митрополита Даниила, Максима Грека и цѣлый Стоглавый соборъ. Намъ говорятъ, что всѣ они „неопрровержимо и согласно“ свидѣтельствуютъ о признаніи тогдашнею нашею церковію опредѣленно выраженнаго въ Θεодорито-

номъ словѣ ученія о двуперстїи, какъ ученія „единственно правильное“. Мы выслушали, о чемъ говорятъ авторитетные свидѣтели современники, — и что же оказалось? Оказалось, что всѣ они явнымъ образомъ противорѣчатъ одинъ другому, что каждый изъ нихъ даетъ показаніе, несогласное съ показаніями двухъ другихъ, и относительно значенія двуперетія и, что всего важнѣе, относительно самаго способа сложенія перстовъ. Одинъ (митрополитъ Данїиль) учитъ, или по крайней мѣрѣ приводитъ свидѣтельство, что два перста должно „имѣти *наклоненна*, а не простерта“. Другой (преп. Максимъ Грекъ) говоритъ: нѣтъ, — не такъ; оба перста должно имѣти *протяженными*, а не наклоненными. Третій же (митрополитъ Макарій, или его соборъ) не соглашается ни съ тѣмъ ни съ другимъ: нѣтъ, говоритъ, — нельзя имѣти оба перста наклоненными, а нужно только одинъ указательный *мало нагнуть*, нельзя также оба имѣти протяженными, а нужно имѣти „простертымъ“ только одинъ великосредній. Вотъ какъ противорѣчатъ между собою свидѣтели-современники, и притомъ столь авторитетные, даже въ описаніи того, въ какомъ положеніи должны находиться два перста, — какъ слѣдуетъ сложить ихъ!“ (Брат. сл. 1837 г., стр. 796—797).

Такъ обстоятельно рассказываетъ профессоръ Субботинъ о противорѣчіяхъ современниковъ въ свидѣтельствахъ о двуперстїи. Но старательно отмѣчая противорѣчія, отчего онъ въ то же время тщательно умалчиваетъ о томъ, что митрополитъ Данїиль, преподобный Максимъ Грекъ и Стоглавый соборъ все же вполне согласно учатъ, что слѣдуетъ креститься именно двуперстно, и что за свидѣтелей только *этого факта* (а не какого-либо инаго) мы ихъ выставляемъ въ нашей книгѣ?

Познакомившись съ приемами ученой критики г. Субботина, перейдемъ теперь къ тѣмъ замѣчаніямъ, какія мы считаемъ нужнымъ сдѣлать относительно критическихъ этюдовъ г. Субботина по поводу нашего трактата о перстосложеніи. Такъ какъ г. Субботинъ не только критикуетъ наши мнѣнія, но при этомъ высказываетъ и свои собственные ученныя сужденія по разнымъ вопросамъ, то мы на эту сторону дѣла и обратимъ главнымъ образомъ свое вниманіе. При этомъ мы вовсе не будемъ насаться тѣхъ крайне многочисленныхъ придирокъ ученаго критика къ нашимъ отдѣльнымъ словамъ и выраженіямъ, какія у него

встрѣчаются чуть не на каждой страницѣ⁴⁾. Нанѣтъ отвѣтъ будетъ касаться только существенныхъ сторонъ въ замѣчаніяхъ г. Субботина и вмѣстѣ съ тѣмъ будетъ отвѣтомъ и на тотъ вопросъ: можно-ли, не измѣняя хотя бы самыхъ элементарныхъ требованій науки, принять мнѣнія г. Субботина по затронутымъ имъ вопросамъ и замѣнить ими мнѣнія нами высказанныя?

а) Такъ-называемое *Феодоритово Слово*.

На основаніи вполне вѣскихъ и достаточныхъ, по нашему мнѣнію, данныхъ мы пришли къ убѣжденію, что двуперстіе не есть „новосочиненный“ въ половинѣ XV вѣка русскими обычай, а обычай древній, практиковавшійся и въ греческой церкви

⁴⁾ Вотъ образецъ ненужной для дѣла предприимчивости нашего критика къ отдѣльнымъ нашимъ словамъ и выраженіямъ. Мы въ своемъ трактатѣ о перстосложеніи сдѣлали такое замѣчаніе: «различныя *доселѣ извѣстныя редакціи* такъ-называемаго Феодоритова Слова напечатаны въ «Братскомъ Словѣ» за 1876 годъ». Г. Субботинъ почему-то заподозрилъ, что будто бы мы смѣшиваемъ словъ *редакція* съ словомъ *списокъ* и потому наставительно-насмѣшливо вразумляетъ насъ: «надобно бы знать, что иное дѣло *списокъ*, текстъ, иное—*редакція*. Но дѣло въ томъ, что мы вовсе и не думали смѣшивать словъ *редакція* и *списокъ* и ни разу нигдѣ не выразились: «*редакція* или *списокъ*», «*списокъ* или *редакція*». Другое дѣло самъ г. Субботинъ. Онъ дѣйствительно смѣшиваетъ слова *редакція* и *списокъ*, принимаетъ ихъ за тождественныя и потому выражается прямо: «*списокъ* или *редакція*». Въ своей статьѣ: «Такъ-называемое Феодоритово Слово *въ разныхъ его редакціяхъ*», г. Субботинъ выражается такъ: «раскрывать и показывать несоотвѣтствіе принятаго у старообрядцевъ чтенія Феодоритова Слова по первоначальнымъ его *спискамъ* или *редакціямъ*... Достигнуть же этого можно только изданіемъ существующихъ *списковъ* или *редакцій* *Феодоритова Слова*» («Брат. Сл.» 1876 г., стр. 189). Очевидно отсюда, что не мы, а именно самъ обличитель—г. Субботинъ смѣшиваетъ слова *списокъ* и *редакція*, онъ, принимая эти слова за совершенно тождественныя, выражается: «*списокъ* или *редакція* Феодоритова Слова». Такимъ образомъ здѣсь съ нашимъ ученымъ критикомъ случилось довольно неожиданное происшествіе: у него г. Субботинъ 1887 г. довольно таки сурово читаетъ натацію г. Субботину 1876 года: «надобно бы знать, резонно поучаетъ г. Субботинъ 1887 года г. Субботина 1876 года, надобно бы знать, что иное дѣло *списокъ*, текстъ, иное—*редакція*». И такъжъ курьёзовъ въ ученой критической статьѣ г. Субботина не мало, но мы не будемъ касаться ихъ.

вмѣстѣ съ троеперстіемъ и ею намъ переданный при крещеніи Руси и потому ставшій у насъ обычаемъ господствующимъ. Это конечно не исключало возможности существованія гдѣ-либо у насъ рядомъ съ двуперстіемъ и другой формы перстосложенія, но какъ обычай мѣстнаго и менѣе распространеннаго, по сравненію съ двуперстіемъ. А между тѣмъ въ Греціи обычай креститься тремя перстами съ теченіемъ времени возобладалъ надъ другими формами перстосложенія вытѣснилъ собою двуперстіе и сталъ общеупотребительнымъ (хотя конечно этотъ процессъ замѣны одного обычая другимъ совершился не вдругъ, а въ теченіе значительнаго періода времени). Такъ какъ все вырабатываемое практикою греческой церкви съ теченіемъ времени переходило на Русь и постепенно усвоилось русскою церковною практикою, то вполне естественно было, что обычай троеперстія (возможно и ранѣе существовавшій гдѣ-либо на Руси какъ частный и мало распространенный обычай) все болѣе и болѣе сталъ проникать на Русь и стремиться вытѣснить здѣсь двуперстіе, опираясь на подавляющій авторитетъ практики греческой вселенской церкви. Еслибы процессъ замѣны двуперстія троеперстіемъ начался у насъ гораздо ранѣе флорентійской уніи и вскорѣ послѣдовавшаго затѣмъ паденія Константинополя, то, мы думаемъ, этотъ процессъ съ теченіемъ времени закончился бы мирно, незамѣтно самъ собою; такъ многое нами воспринятое отъ грековъ въ нашу церковную практику потомъ иногда даже безъ слѣда вытѣснялось у насъ новымъ, идущимъ съ Востока и выработаннымъ дальнѣйшимъ движеніемъ греческой церковной практики. Авторитетъ грековъ въ церковныхъ дѣлахъ стоялъ въ то время у насъ настолько высоко, что русскіе безпрекословно подчинялись ему въ своихъ дѣлахъ ⁵⁾. Совсѣмъ другое было со времени

⁵⁾ Вотъ примѣръ. Въ Кипріановской Псалтири (рукопись нашей академической библиотеки) на полунощницѣ, въ чтеніи: блаженіи непорочнѣи, послѣ первой статіи предписано говорить: «слава и нинѣ, аллилуіа, аллилуіа, слава тебѣ Боже трижды» (трижды, т. е. произносить самое славословіе три раза) и поклони три». Тоже на утрени въ половинѣ и по окончаніи шестопсалмія написано: «слава и нинѣ, аллилуіа, аллилуіа, слава тебѣ Боже трижды». Такимъ образомъ митрополитъ Кипріанъ предписываетъ двоять, а не троять аллилуію. Иначе этотъ вопросъ рѣшаетъ преемникъ Кипріана—митрополитъ Фотій. Въ своемъ посланіи къ ископвичамъ относительно аллилуіи онъ пишетъ: «а что ми пишете объ аллилуіи и на

флорентійской уніи и паденія Константинополя. Съ этого времени церковный авторитетъ грековъ упалъ въ глазахъ русскихъ, они стали стремиться жить своею собственною церковною жизнью, независимою отъ грековъ, которымъ они уже болѣе не довѣряли. А между тѣмъ, какъ есть основанія думать ⁶⁾, къ половинѣ XV вѣка обычай троеперстія сталъ съ особенною силою проникать на Русь и распространяться здѣсь на счетъ двуперстія. Явились такимъ образомъ сторонники той и другой формы перстосложенія: троеперстники указывали на практику и авторитетъ греческой вселенской церкви, на обязанность русскихъ слѣдовать, какъ это было ранѣе, ея примѣру и указаніямъ. Но для сторонниковъ двуперстія ссылка на авторитетъ современныхъ грековъ была уже неубѣдительна, они теперь давали рѣшительное преимущество своему собственному старому обычаю предъ новымъ, идущимъ отъ грековъ. Но съ другой стороны указаніе только на практику русской церкви, на русскій только обычай, было очевидно крайне недостаточно, чтобы противопоставить съ равнымъ правомъ двуперстію троеперстію, какъ обычаю всей вселенской церкви, отъ которой и русская церковь заимствовала свои обычаи. Въ виду этого для оправданія дву-

славахъ, сице глаголи: аллилуіа, аллилуіа, аллилуіа, слава тебѣ Боже; аллилуіа, аллилуіа, аллилуіа, слава тебѣ Боже; аллилуіа, аллилуіа, аллилуіа, слава тебѣ Боже» (рукоп. моск. румянц. музея, по описанію Востокова № 358, л. 382, об.). Очевидно, что и практика греческой церкви въ то время еще не установилась относительно двоенія или троенія аллилуіи, почему два русские митрополита, оба присланные изъ Константинополя, рѣшаютъ одинъ и тотъ же вопросъ неодинаково, что однако не вызываетъ на нихъ какихъ-либо нареканій и обвиненій со стороны русскихъ. Очевидно авторитетъ грековъ въ церковныхъ русскихъ дѣлахъ въ то время стоялъ еще высоко.

⁶⁾ Въ преііи объ аллилуіи противникъ преп. Евфросина говоритъ, что греки «на сихъ лѣтѣхъ (т.-е. очень недавно) къ своей погибели отъ истины свернулись и печать антихристову на челѣ и на десницѣхъ приима», и что теперешнимъ развращеннымъ грекамъ вѣрить не слѣдуетъ. На Стоглавомъ соборѣ царь говорилъ: «а которые обычай въ прежнее времена, послѣ отца моего... и до сего настоящего времени пошаталися, или въ самовластіи учинено по своимъ волямъ, или преданія законы нарушены... просить все это пастырей исправить. Такимъ образомъ по сознанію самихъ русскихъ греки отъ истины «свернулись» и «печать антихристову на челѣ и на десницѣхъ приняли, только «на сихъ лѣтѣхъ», или, по опредѣленію грознаго царя, только послѣ смерти отца его, т.-е. на границѣ XV и XVI вѣковъ.

перстѣи русскимъ его сторонникамъ необходимо было подыскать какое-либо авторитетное свидѣтельство въ его пользу изъ отдаленной церковной древности, которое бы доказывало, что двуперстіе есть очень древній церковный обычай, несомѣнно практиковавшійся въ самой древней греческой церкви, но только оставленный позднѣйшими греками и сохранившійся теперь у однихъ русскихъ. А такъ какъ такого свидѣтельства не находили, то пришлось его создать. Такимъ образомъ потребность оправдать двуперстіе, доказать его право на существованіе, какъ обычая древняго и православнаго, и вызвала у насъ въполовинѣ XV вѣка появленіе такъ-называемаго *Феодоритова подложнаго слова*, которое, удовлетворяя насущной потребности, — защитить старый русскій обычай отъ вытѣсненія его новымъ, идущимъ отъ подозрительныхъ теперь грековъ, естественно было принято русскими какъ подлинное произведеніе св. отца, именно потому, что оно соотвѣтствовало настроенности, желаніямъ и стремленіямъ большинства тогдашняго русскаго общества, хотѣвшаго остаться при своемъ старомъ обычай. Г. Субботинъ отмѣчаетъ между прочимъ тотъ любопытный и характерный фактъ, что русскіе не умѣли даже правильно назвать свое издѣіе — такъ-называемое *Феодоритово слово*. Въ разныхъ спискахъ оно надписывается: „*Слово, иногда Толкованіе, Феодоритово, отъ Феодорита, святаго, епископа, архіепископа, патріарха, Кипрскаго*, въ одномъ спискѣ даже: *Слово святаго Феодора*“. Но то обстоятельство, что русскіе, не умѣя даже правильно назвать грубо-подложное сочиненіе, все таки вполне вѣрили въ его подлинность, и служить очень сильнымъ доказательствомъ того, что двуперстіе въ то время на Руси было древнимъ господствующимъ обычаемъ, иначе грубому подлогу — *Феодоритову слову*, которое и не умѣли назвать какъ слѣдуетъ, никто бы не повѣрилъ, такъ какъ подложный, и тѣмъ болѣе грубо-подложный документъ принимаютъ за подлинный только въ тѣхъ случаяхъ, когда этотъ документъ даетъ юридическое оправданіе тому, что уже давно существуетъ фактически, съ чѣмъ уже сжились какъ съ обычнымъ, когда онъ говоритъ за то, во что вѣрять, чѣмъ дорожать, что хотять отстоять, защитить отъ нападений.

Нашъ взглядъ на обстоятельства и причины появленія *Феодоритова слова* г. Субботинъ считаетъ правильнымъ и соглашается

въ этомъ съ нами. „Мы соглашаемся съ нимъ, говоритъ г. Субботинъ, что въ половинѣ XV вѣка возникли у насъ споры по вопросу о перстосложеніи, явились защитники троеперстія и защитники двуперстія, и что тогда-то понадобилось для оправданія послѣдняго подыскать какое-нибудь историческое свидѣтельство, и было съ этою цѣлю сочинено Θεодоритово слово“. Въ другомъ мѣстѣ онъ говоритъ: „можно дѣйствительно согласиться съ г. Каптеревымъ (какъ мы и согласились), что оно (Θеодоритово слово) было сочинено для защиты собственно этого (двуперстнаго) перстосложенія“ („Братское Слово“ 1887 г., стр. 700 и 710).

Такимъ образомъ г. Субботинъ относительно обстоятельствъ и причинъ, вызвавшихъ появленіе у насъ Θεодоритова слова, держится одного мнѣнія съ нами, но за то онъ рѣшительно расходится съ нами въ пониманіи значенія этого явленія. Въ виду этого мы прежде всего и посмотримъ: не лучше-ли и не основательнѣе-ли въ самомъ дѣлѣ отказаться намъ отъ своего взгляда и замѣнить его взглядомъ г. Субботина? Познакомимся со взглядомъ г. Субботина на значеніе Θεодоритова слова въ вопросѣ о перстосложеніи. Но здѣсь встрѣчаемъ неожиданное препятствіе: за какой именно годъ мы должны брать г. Субботина? Вопросъ далеко несправдливый, такъ какъ г. Субботинъ за разные годы высказывалъ и разные взгляды на Θεодоритово слово.

Въ первомъ томѣ своихъ „Матеріаловъ для исторіи раскола“ (стр. 57, примѣч. 2), изданномъ въ 1875 году, г. Субботинъ, по поводу одного мѣста изъ посланія Іоанна Неронова къ царю Алексѣю Михайловичу, гдѣ Нероновъ ссылается въ доказательство двуперстія на Θεодоритово слово, прямо заявляетъ: „въ древнѣйшихъ своихъ спискахъ мнимое Θεодоритово слово *рѣшительно говоритъ въ пользу троеперстія*“. Сказавъ затѣмъ, что древняя редакція Θεодоритова слова только впоследствии была измѣнена съ цѣлю обратитъ ее въ пользу двуперстія, г. Субботинъ замѣчаетъ: „но и въ этомъ измѣненномъ видѣ, въ какомъ Θεодоритово слово принято старообрядцами, оно представляетъ только неудачную попытку *свидѣтельство о троеперстіи обратитъ въ свидѣтельство о двуперстіи*“.

Итакъ, по мнѣнію г. Субботина 1875 года, древняя редакція Θεодоритова слова „рѣшительно говоритъ въ пользу троепер-

стія“, въ ней онъ и намека не находитъ на двуперстіе и потому конечно не допускаетъ мысли, чтобы она написана была двуперстниками и въ защиту двуперстія. Только уже впоследствии, заявляя г. Субботинъ въ 1875 году, ревнители двуперстія попытались было заключающееся въ древней редакціи Θεодоритова слова „свидѣтельство о троеперстіи“ обратить въ свидѣтельство о двуперстіи“, но эта попытка была неудачна.

Въ 1876 году г. Субботинъ въ своей статьѣ: „Такъ-называемое Θεодоритово слово въ разныхъ его редакціяхъ“, говоритъ: „два упомянутые списка (Θеодоритова слова) XVI вѣка даютъ основаніе полагать, что измѣненіе первоначальной редакціи Θεодоритова слова чрезъ внесеніе въ подлинный текстъ его наименованія трехъ перстовъ, благопріятствующаго употребляемому у старообрядцевъ перстосложенію, послѣдовало не ранѣе первой половины XVI столѣтія, когда явились у насъ ревнители двуперстія, вскорѣ потомъ на соборѣ Стоглавомъ издавшіе о немъ известное опредѣленіе, огражденное клятвами; списки эти даютъ даже основаніе полагать, что первая попытка обратить именуемое Слово Θεодорита въ свидѣтельство о двуперстіи принадлежала именно митрополиту Даніилу“ („Братское Слово“ 1876 г., стр. 193).

Такимъ образомъ и въ 1876 году г. Субботинъ еще остается повидимому при прежнемъ своемъ возрѣніи, что древнѣйшая редакція Θεодоритова Слова „рѣшительно говоритъ въ пользу троеперстія“, что она не была, да и не могла быть произведеніемъ двуперстника, такъ какъ и двуперстники-то будто-бы появились у насъ только съ половины XVI вѣка, и что „первая попытка обратить именуемое Слово Θεодорита въ свидѣтельство о двуперстіи принадлежало именно митрополиту Даніилу“.

Но въ той же самой статьѣ г. Субботинъ съ недостаточною послѣдовательностію заявляетъ и о томъ, что древняя редакція Θεодоритова Слова „служитъ свидѣтельствомъ болѣе о троеперстіи, нежели двуперстіи“, „представляетъ свидѣтельство болѣе благопріятствующее троеперстію, нежели двуперстію“. Въ этихъ словахъ уже слышится попытка отказаться отъ своего мнѣнія 1875 года; выражается стремленіе, хотя и очень нерѣшительное, признать въ древней редакціи Θεодоритова Слова присутствіе нѣкоторыхъ указаній вмѣстѣ съ троеперстіемъ и на двуперстіе.

Очевидно взгляды г. Субботина на Θεодоритово Слово въ 1876 году еще далеко не сформировались, онъ еще не могъ тогда окончательно рѣшить себѣ вопроса: дѣйствительно-ли Θεодоритово Слово „рѣшительно говорить въ пользу троеперстія“, или же оно только „болѣе благопріятствуетъ троеперстію, нежели двуперстію“? почему онъ и колеблется и въ ту и другую сторону. Въ этомъ неопредѣленномъ колебательномъ положеніи г. Субботинъ пребылъ вплоть до прошлаго 1887 года, когда появились наши статьи о Никонѣ.

Появленіе нашего трактата о перстосложеніи произвело и на колебавшагося такъ долго ученаго спеціалиста свое хорошее дѣйствіе, такъ какъ г. Субботинъ подъ вліяніемъ нашихъ доводовъ пересталъ уже колебаться и рѣшительно отказался отъ своихъ прежнихъ воззрѣній на происхожденіе Θεодоритова Слова, какъ совсѣмъ неосостоятельныхъ. Теперь г. Субботинъ согласно нашимъ указаніямъ прямо уже заявляетъ, что Θεодоритово Слово дѣйствительно написано двуперстникомъ „съ цѣлію защитить двуперстіе отъ троеперстія“, что ревнители двуперстія явились у насъ не съ половины XVI вѣка, а съ половины XV, не говоритъ уже и о томъ, чтобы митрополитъ Данилъ первый сдѣлалъ попытку обратить именуемое Слово Θεодорита въ свидѣтельство о двуперстіи, соглашается, что въ первоначальной редакціи Θεодоритова Слова заключалось, хотя и не совсѣмъ ясно, ученіе о двуперстіи, и что „потомъ сторонники двуперстія дѣлаютъ попытку это неясное о немъ свидѣтельство сдѣлать болѣе яснымъ чрезъ наименованіе трехъ перстовъ“, т.-е. признаетъ, что позднѣйшія редакціи Θεодоритова Слова представляютъ изъ себя не искаженіе, не порчу первоначальной редакціи (что г. Субботинъ утверждалъ ранѣе), а только ея уясненіе и развитіе.

Но къ сожалѣнію г. Субботинъ не пошелъ за нами до конца, а остановился на полпути. Согласившись съ нами относительно причинъ и обстоятельствъ появленія Θεодоритова Слова, онъ затѣмъ рѣшительно расходится съ нами по вопросу о значеніи появленія у насъ Θεодоритова Слова. Съ этого пункта г. Субботинъ пошелъ своимъ собственнымъ путемъ, строить цѣлую самостоятельную теорію. Познакомимся съ этой теоріей критика¹⁾.

¹⁾ Это сдѣлать намъ необходимо потому еще, чтобы снять съ себя горькій упрекъ намъ г. Субботина, что мы не цѣнимъ по достоинству его ученыхъ тру-

Выясняя свой самостоятельный взгляд на значение Θεодоритова слова по отношенію къ вопросу о перстосложеніи, г. Субботинъ прежде всего приводитъ сдѣланное нами объясненіе обстоятельствъ появленія Θεодоритова слова и затѣмъ говоритъ: „Мы соглашаемся съ нимъ, что въ половинѣ XV вѣка возникли у насъ споры по вопросу о перстосложеніи, явились защитники троеперстія и защитники двуперстія, и что тогда-то понадобилось для оправданія послѣдняго подыскать какое-нибудь историческое свидѣтельство, и было съ этою цѣлію сочинено Θεодоритово

словъ, не относимся къ нимъ съ должнымъ вниманіемъ и уваженіемъ. Приведемъ наши слова «всѣ попытки объяснить нѣкоторыя редакціи этого (Θеодоритова) Слова въ пользу троеперстія рѣшительно неудачны», г. Субботинъ общаиво замѣчаетъ: «насъ удивляетъ не столько это голословное замѣчаніе г. Каптерева, въ сущности ничего нестоющее, сколько то, что г. профессоръ не умѣлъ оцѣнить по достоинству почтенный трудъ, употребленный (преимущественно о. игуменомъ Филаретомъ) на собраніе текстовъ Θεодоритова Слова, правда не изъ «всево-можныхъ», но изъ всѣхъ наиболее примѣчательныхъ и извѣстныхъ сборниковъ XV и XVI вв., и на изданіе оныхъ со всею тщательностію, какая требуется въ этомъ дѣлѣ. Г. Каптеревъ не только не оцѣнилъ этого труда, но не умѣлъ и воспользоваться имъ, какъ подобаетъ ученому!» (стр. 706). Позволимъ себѣ замѣтить г. профессору по этому поводу слѣдующее: первый, обратившій вниманіе на изслѣдованіе различныхъ редакцій Θεодоритова Слова, на ихъ важность и значеніе для полемики съ расколомъ, первый указавшій на первоначальную и позднѣйшія редакціи Θεодоритова Слова и на существующее между ними различіе, первый, указавшій и самыя рукописи, въ которыхъ заключаются важнѣйшіе списки Θεодоритова Слова, былъ, если не ошибаемся, о. Виноградовъ, напечатавшій еще въ 1866 году свое изслѣдованіе «О Θεодоритовомъ Словѣ». Слѣдуя указаніямъ этого сочиненія о. Филарету (вкупѣ съ г. Субботинимъ) уже не стоило особаго труда и напряженія сдѣлать выписки Θεодоритова Слова изъ тѣхъ рукописей, которыя были указаны о. Виноградовимъ, присоединивъ къ нимъ выписки изъ двухъ-трехъ рукописей, прямо о. Виноградовимъ не отиѣченныхъ. Историкъ это не съ цѣлію унижить трудъ о. Филарета, но единственно ради исторической точности, о которой не позаботился г. профессоръ. Печатая списки Θεодоритова Слова, собранныя о. Филаретомъ по указаніямъ книги о. Виноградова, г. Субботинъ предпослалъ имъ свои объяснительныя замѣчанія о значеніи Θεодоритова Слова для полемики съ расколомъ, о различіяхъ между первоначальною редакціею Θεодоритова Слова и позднѣйшими и пр., т.-е. профессоръ Субботинъ повторилъ въ своей статьѣ то, что уже ранѣе было высказано по этому поводу о. Виноградовимъ, заимствовалъ у него взглядъ на первоначальную редакцію Θεодоритова Слова, какъ говорящую рѣшительно въ пользу троеперстія; что первая попытка обратиться Θεодоритово Слово въ свидѣтельство о двуперстіи принадлежать именно митрополиту Даніилу и т. пох. Такимъ образомъ одинъ—

слово. Но что же слѣдуетъ непосредственно изъ этихъ двухъ самымъ авторомъ ясно высказанныхъ положеній? Слѣдуетъ во первыхъ, что онъ самъ признаетъ несомнѣннымъ (скажемъ его словами) „фактъ существованія“ у насъ троеперстія въ половинѣ XV вѣка, и не только фактъ существованія, но и то, что троеперстіе тогда „вступало въ борьбу съ двуперстіемъ“, имѣло „приверженцевъ“, ратовавшихъ за него съ проповѣдниками двуперстія. Во-вторыхъ отсюда слѣдуетъ, что существовавшее тогда у насъ троеперстіе было обрядомъ твердо державшимся на преданіи, издревле, означала преемственно наслѣдованномъ отъ отцовъ и дѣдовъ, ибо оно для своей защиты съ двуперстіемъ не нуждалось ни въ какомъ письменномъ памятникѣ, тѣмъ паче ново-сочиненномъ, незыблемо опираясь на преданіе всѣмъ извѣстное; а двуперстіе напротивъ было обрядомъ недавно явившимся, неимѣвшимъ такой твердой опоры въ древнемъ, всѣмъ извѣстномъ и всѣми признаваемомъ преданіи, ибо для своей защиты, для того, чтобы имѣть нѣкоторый успѣхъ въ борьбѣ съ троеперстіемъ, нуждалось въ письменномъ свидѣтельствѣ, хотя бы и въ подложномъ, новосочиненномъ, но лишь бы подъ именемъ авторитетнаго въ церкви лица, на котораго защитники двуперстія могли-бы сослаться въ его оправданіе. Въ самомъ дѣлѣ по здравому разсужденію, что нуждается въ защитѣ, въ оправданіи, въ подысканіи и даже сочиненіи какихъ-либо статей, хотя бы подложныхъ, для своей основы, древній-ли обычай, всѣмъ

о. Филаретъ, на основаніи указаній о. Виноградова собралъ и нанечаталъ важнѣйшіе списки Θεодоритова Слова, другой — профессоръ Субботинъ пристроилъ въ этому собранію объяснительное предисловіе, заимствовавъ свои мнѣнія о Θεодоритовомъ Словѣ изъ той же книжки о. Виноградова. Отсюда читатель видитъ, что г. Субботинъ совершенно напрасно жалуется, будто мы не оцѣнили по достоинству «почтенный трудъ» о. Филарета и его — г. Субботина, — въ дѣйствительности мы не только оцѣнили этотъ трудъ по достоинству, но даже и слычали его — съ книгою о. Виноградова. Что же касается упрека г. Субботина, что мы будто бы «не умѣли воспользоваться имъ (т.е. трудомъ о. Филарета и г. Субботина), какъ подобаетъ ученому», то это справедливо только относительно предисловія. Мы имъ дѣйствительно не воспользовались, такъ какъ оно по нашему житію не такого достоинства, чтобы имъ пользоваться въ ученый трудъ. Это волюнъ убѣдительно доказалъ и самъ г. Субботинъ, усвоившій теперь нашъ взглядъ на причины и обстоятельства, вызвавшія у насъ появленіе Θεодоритова Слова.

известный и неподлежащий сомнѣнію, или нововодный и подлежащий сомнѣнію? Понятно, что послѣдній". (Стр. 700—701).

Итакъ профессоръ Субботинъ въ своихъ ученыхъ воззрѣніяхъ на значеніе и смыслъ появленія у насъ Феодоритова слова руководствуется тѣмъ своимъ „здравымъ разсужденіемъ“, что будто-бы въ защитѣ, въ оправданіи, въ подысканіи и сочиненіи какихъ-либо статей, хотя бы и подложныхъ, нуждается всегда не древней обычай, а нововодный, только что появившійся, такъ что по мнѣнію г. Субботина появленіе подложнаго документа, стремящагося оправдать известный обычай, никакъ не можетъ говорить за древность этого обычая.

Совершенно вѣрно; но подложный документъ не можетъ доказывать и новизны обычая. Бываютъ конечно случаи, когда подлогъ дѣлается для утвержденія возникающаго обычая; но бываетъ, и можетъ быть чаще, и наоборотъ: не подложный документъ создаетъ известный фактъ или явленіе въ жизни народа, а давно существующій и признанный жизнью фактъ, стремясь подыскать для себя юридическое такъ-сказать основаніе и не находя его, создаетъ подложный документъ, не подложный документъ предшествуетъ дѣйствительному факту, а дѣйствительный фактъ подложному документу.

Профессоръ Субботинъ, руководствующійся въ объясненіи историческихъ явленій только своимъ „здравымъ разсужденіемъ“, конечно не повѣритъ намъ на слово, почему мы и приведемъ на случай два факта, хорошо извѣстные и г. Субботину, которые подтверждаютъ нашу мысль.

Патріархъ Никонъ въ изданной имъ Кормчей книгѣ первый у насъ напечаталъ известную подложную грамоту царя Константина папѣ Сильвестру, „изображавшую, говоритъ преосвященный Макарій, какими высокими правами и преимуществами будто-бы надѣлилъ равноапостола римскаго, а за нимъ и всѣхъ прочихъ патріарховъ, и какъ оградилъ неприкосновенность ихъ власти и ихъ имѣній по всей вселенной и укрѣпилъ навсегда до скончанія вѣка“. (Т. XII, 229). Зачѣмъ потребовалось Никону печатать подложную грамоту царя Константина къ папѣ Сильвестру, на которую доселѣ никто не ссылался изъ русскихъ іерарховъ? Отвѣтъ ясенъ: изданіе Уложения въ 1649 году и осо-

бенно учрежденіе монастырскаго приказа Никонъ разсматривалъ какъ попытку со стороны свѣтской власти стѣснить и ограничить высокія права и преимущества церковной власти, которыми послѣдняя пользовалась у насъ со временъ Владиміра и Ярослава. Именно для огражденія и укрѣпленія древнихъ правъ и преимуществъ церковной власти отъ возникшихъ на нее въ послѣднее время нападеній, Никонъ и пускаетъ въ оборотъ подложную грамоту царя Константина. Между тѣмъ „по здравому разсужденію“ профессора Субботина, признающаго, что подложный документъ обыкновенно появляется и пускается въ оборотъ для оправданія и утвержденія какого-либо нововводнаго обычая, въ чемъ старый будто-бы не нуждается, указанное явленіе нужно объяснять такимъ образомъ: такъ какъ при Никонѣ у насъ въ первый разъ стали ссылаться на подложный документъ—грамоту царя Константина для оправданія высокихъ правъ и преимуществъ русской церковной власти, то значитъ въ нашей церковной жизни только что появился нововводный, дотогѣ неизвѣстный обычай усвоить церковной власти извѣстныя высокія права и преимущества, которыхъ она ранѣе не имѣла, почему и потребовалось пустить въ оборотъ подложный документъ, долженствовавшій оправдать нововводныя неизвѣстныя доселѣ притязанія церковной власти на извѣстныя права и преимущества. Но едвали и самъ г. профессоръ согласится съ правильностію такого толкованія, которое однако логически неизбѣжно вытекаетъ изъ его принципа „здраваго разсужденія“.

Укажемъ другой примѣръ, взятый уже изъ той области, которая составляетъ предметъ специальныхъ занятій профессора Субботина и потому ему особенно хорошо извѣстна.

Въ началѣ XVIII вѣка у насъ кѣмъ-то составлено было подложное Соборное Дѣяніе на Мартина еретика, которое потомъ какъ подлинное и было напечатано въ Прашицѣ Питирима. Подложность этого Соборнаго Дѣянія признаетъ и профессоръ Субботинъ. Онъ говоритъ: „мы вполне согласны съ тѣми изслѣдователями древности, которые находятъ въ Дѣяніи признаки его поздняго происхожденія, и не думаемъ, чтобы въ настоящее время кто-либо изъ просвѣщенныхъ защитниковъ православія сталъ утверждать противное, тѣмъ паче ссылаться на Дѣяніе въ сво-

ихъ возраженіяхъ противъ раскола“^{*)}). Въ этомъ „новосочиненномъ“ подложномъ Соборномъ Дѣяніи помѣщены подложныя поученія первыхъ двухъ русскихъ митрополитовъ и подложная грамота константинопольскаго патріарха Луки Хризостомова, составленная съ цѣлю утвердить древность троеперстія, сугубой аллилуйи и пр., и армянское сравнительно позднее происхожденіе двуперстія, сугубой аллилуйи и пр.

Слѣдую теоріи „здраваго разсужденія“ профессора Субботина, утверждающей, что въ подложныхъ статьяхъ для своего утвержденія нуждается не старый, а нововодный обычай, только что появившійся, мы должны на основаніи этой теоріи сдѣлать такое заключеніе: такъ какъ въ началѣ XVIII столѣтія сообриваны были завѣдомо подложныя документы съ цѣлю доказать, что троеперстію, трегубой аллилуйи и пр. будто-бы учили еще первые русскіе митрополиты и константинопольскій патріархъ Лука Хризостомовъ, то значить: троеперстіе, трегубая аллилуйя и пр. появились въ первый разъ въ русской церкви только въ началѣ XVIII столѣтія, почему онѣ, какъ обычай нововодный и доселѣ у насъ неизвѣстный, и нуждались въ поддержкѣ и укрѣпленіи себя хотя-бы и подложными статьями. Но конечно и самъ профессоръ Субботинъ признаетъ полную нецѣлность подобнаго вывода, который однако логически неизбежно вытекаетъ изъ оповѣщенной имъ теоріи „здраваго разсужденія“.

Такимъ образомъ оказывается, что для правильнаго пониманія и объясненія историческихъ явленій теорія „здраваго разсужденія“ г. Субботина совершенно непригодна, что для этого одного только „здраваго разсужденія“ г. профессора еще очень недостаточно, а необходимо еще кое-что другое.

Несостоятельность основнаго руководящаго начала естественно должна была очень печально отразиться и на частныхъ сужденіяхъ г. профессора о Феодоровомъ словѣ и на другихъ трактруемыхъ имъ вопросахъ.

По нашему убѣжденію (основанія котораго у насъ указаны), двуперстіе, какъ господствующій (но не исключительный) обычай,

^{*)} Братское слово, 1875 г., статья: «Замѣтка по поводу непрекращающихся старообрядческихъ упрековъ православнымъ писателямъ за Соборное Дѣяніе на еретика Мартина», стр. 145—146.

существовало у насъ со времянъ крещенія Руси, тогда какъ троеперстіе, также бывшее въ употребленіи, но менѣе распространенное, съ особою силою стало распространяться у насъ только съ половины XV вѣка. По мнѣнію же г. Субботина господствующимъ обычаемъ у насъ всегда было исключительно троеперстіе, которое „опиралось неизменно на преданіе, всемъ извѣстное“. Двуперстіе же по завѣренію г. Субботина есть „новосочиненный обычай“, въ первый разъ появившійся у насъ только въ половинѣ XV вѣка. Но если это дѣло стояло такъ, какъ завѣряетъ г. Субботинъ, то у читателя естественно является вопросъ: кѣмъ же это и по какимъ побужденіямъ былъ созданъ у насъ „новосочиненный обычай“ двуперстія? Кому это и зачѣмъ ни съ того ни съ сего потребовалось вдругъ отбросить обычай старый, „неизменно опиравшійся на преданіе, всемъ извѣстное“ и замѣнить его обычаемъ „новосочиненнымъ“? Какимъ это образомъ „новосочиненный“ въ XV вѣдѣ русскими обычай могъ однако появиться въ греческой церкви *въ XI и XII столѣтіяхъ*? Очевидно г. Субботину необходимо было такъ или иначе отвѣтить на эти неизбежные вопросы, чтобы сдѣлать свои неудобопріемлемыя и ни на чемъ неоснованныя предположенія хотя-бы сколько-нибудь удобопріемлемыми для читателя. Но нашъ ученый критикъ требуетъ отъ своихъ читателей, чтобы они свято вѣрили въ истинность самыхъ его невѣроятныхъ предположеній, вѣрили на слово, не задаваясь никакими недоумѣнными вопросами.

Такимъ образомъ г. Субботинъ, выступая съ своею теоріею на борьбу съ нами, сразу требуетъ отъ читателя, чтобы онъ принялъ исключительно на вѣру такой фактъ, который является совершенно непонятнымъ, мало вѣроятнымъ, относительно самаго существованія котораго возможны очень сильныя сомнѣнія. А между тѣмъ сомнительный и самъ по себѣ очень невѣроятный фактъ (новосочиненность двуперстія русскими въ половинѣ XV вѣка) г. Субботинъ беретъ за исходную точку своихъ дальнѣйшихъ выводовъ и заключеній. Но согласимся съ г. Субботинимъ и мы въ томъ, что въ половинѣ XV вѣка кто-то неизвѣстный, по какимъ-то неизвѣстнымъ побужденіямъ, ни съ того ни съ сего, вздумалъ сочинить новый доселѣ неизвѣстный обычай двуперстія, что же дальше?

„Новосочиненный“ обычай—двуперстіе вступаетъ въ борьбу съ троеперстіемъ. А такъ какъ оно рѣшительно не имѣло подѣ

собою никакой почвы, то и пришлось какому-то „невысокаго нравственнаго достоинства жесловеснику“ сфабриковать такъ называемое Феодоритово слово въ оправданіе двуперстія. Но, увѣряетъ г. Субботинъ, хотя подложное Феодоритово слово и было написано въ пользу двуперстія, „тѣмъ не менѣе въ своей первоначальной, или древнѣйшей редакціи оно представляетъ свидѣтельство, болѣе благопріятствующее троеперстію, нежели двуперстію“, т.-е. г. Субботинъ увѣряетъ своихъ читателей въ слѣдующемъ: какой-то „невысокаго нравственнаго достоинства жесловесникъ“ рѣшился свое собственное издѣліе сознательно выдать за произведеніе древняго св. отца, и дѣлаетъ это съ единственною цѣлію оправдать и доказать древность и истинность двуперстія. А между тѣмъ „жесловесникъ“ такъ составляетъ свое произведеніе, что оно въ дѣйствительности болѣе доказываетъ троеперстіе, нежели двуперстіе, почему „жесловесникъ“ своимъ подлогомъ не только не доказалъ того, что хотѣлъ доказать, для чего онъ собственно и пустился на подлогъ, но и доказалъ какъ разъ противное, своимъ подложнымъ сочиненіемъ „представилъ свидѣтельство, болѣе благопріятствующее троеперстію, нежели двуперстію“. Читатель конечно затрудняется повѣрить такому невѣроятному обстоятельству? Все это дѣйствительно очень невѣроятно, но кто желаетъ слѣдовать за г. Субботинымъ, тотъ невѣроятностями смущаться никакъ не долженъ. Не смущаясь послѣдуемъ и мы за нашимъ ученымъ.

Нескладно составленное подложное произведеніе жесловесника, „болѣе благопріятствующее троеперстію, нежели двуперстію“, совершенно неожиданно, безъ всякихъ сколько-нибудь разумныхъ основаній, принимаетъ какъ подлинное самъ верховный архипастырь русской церкви митрополитъ Даніилъ, и что особенно удивительно, вмѣсто того, чтобы видѣть въ Феодоритовомъ словѣ, какъ это хорошо видитъ г. Субботинъ, ученіе „болѣе благопріятствующее троеперстію, нежели двуперстію“, онъ не только находитъ въ немъ прямое ученіе о двуперстіи, но и приводитъ Феодоритово слово съ прибавкою о трехъ перстахъ (которые въ первоначальной редакціи не упоминаются), что не оставляетъ уже никакого сомнѣнія, что Феодоритово слово учить именно двуперстію, а не троеперстію. Какимъ же образомъ могло случиться, что умный, начитанный и учительный митрополитъ не-

только не подмѣтить грубаго недавняго подлога, но и увидѣть въ немъ ученіе не о троеперстіи, какъ-бы слѣдовало, а ученіе о двуперстіи? Какимъ образомъ верховный архипастырь русской церкви, извѣстный ревнитель церковнаго преданія, могъ ни съ того—ни съ сего отбросить обычай старый, „незыблемо опиравшійся на преданіе, всѣмъ извѣстное“ и стать на сторону обычая „новосочиненнаго“, недавно появившагося и опиравашагося на грубо и неудачно сфабрикованный подлогъ—на такъ называемое Феодоритово слово? И эти мелочи нисколько не тревожатъ и не смущаютъ нашего ученаго критика, онъ смѣло переходитъ отъ одной невѣроятности къ другой болѣе. Послѣдуемъ опять за нимъ и мы.

Митрополитъ Даниилъ могъ еще ошибаться и заблуждаться, какъ и всякое отдѣльное лицо, но вотъ дѣло о двуперстіи и троеперстіи переносится на разсмотрѣніе и рѣшеніе цѣлаго собора іерарховъ, выражающаго собою голосъ всей русской церкви. Конечно соборъ уже не могъ обманываться такъ грубо, какъ отдѣльное лицо, тѣмъ болѣе, что Стоглавый соборъ имѣлъ въ виду именно исправить поисшатавшіеся въ послѣднее время церковные обычаи, уничтожить всякую вкравшуюся въ церковную жизнь новину, имѣлъ въ виду возстановить въ церковныхъ обычаяхъ старину, поскольку она была измѣнена въ послѣднее время. Значитъ по самымъ своимъ задачамъ и цѣлямъ Стоглавый соборъ долженъ былъ, опираясь на старину, на вѣковую непрерывную традицію, уничтожить въ современныхъ церковныхъ обычаяхъ все нововводное, новосочиненное, недавно только появившееся. При такихъ условіяхъ новосочиненный обычай—двуперстіе, опиравшійся только на подложное Феодоритово слово притомъ „болѣе благопріятствующее троеперстію, нежели двуперстію“, очевидно неминуемо долженъ былъ подвергнуться осужденію собора, такъ какъ соборъ станетъ конечно за тотъ старый обычай (троеперстіе), который по завѣренію г. Субботина былъ „обрядомъ, твердо державшимся на преданіи, издревле, изначала преемственно наслѣдованномъ отъ отцовъ и дѣдовъ“, который „незыблемо опирался на преданіе, всѣмъ извѣстное“. Осужденіе новосочиненнаго обычая—двуперстія Стоглавымъ соборомъ было неминуемо и потому еще, что предсѣдатель собора, митрополитъ Макарій, былъ извѣстнымъ знатокомъ, любителемъ

и собирателемъ русской церковной древности, и потому менѣе всего былъ способенъ „новосочиненный“, недавно появившійся обычай, совершенно чуждый предшествовавшей церковной практикѣ, принять за обычай древній. А между тѣмъ въ дѣйствительности на Стоглавомъ соборѣ происходитъ нѣчто совсѣмъ удивительное и невѣроятное: вопреки всей русской церковной старинѣ, вопреки всѣмъ доселѣ признаваемому обычаю, отцы Стоглаваго собора узаконяютъ „новосочиненный“ обычай, появившійся только недавно, такъ сказать на глазахъ отцовъ собора; они отвергаютъ обычай старый „твердо державшійся на преданіи, издревле, изначала преемственно наслѣдованный отъ отцовъ и дѣдовъ“, рѣшительно отрицаютъ тотъ самый обычай, который „незыблемо опирался на преданіе, *всѣмъ извѣстное*“, значить извѣстное и отцамъ Стоглаваго собора. Какимъ же образомъ могло произойти подобное невѣроятное событіе? Какъ могли такъ непростительно грубо обмануться отцы цѣлаго собора, представители всей русской церкви?

На это г. Субботинъ обыкновенно отвѣчаетъ, что отцы Стоглаваго собора были такъ невѣжественны и неразумны, что легко могли „новосочиненный“ обычай принять за старый, ранѣе практиковавшійся въ русской церкви и „незыблемо опиравшійся на преданіе, *всѣмъ извѣстное*“. Но очевидно эта ссылка на поголовное невѣжество всѣхъ тогдашнихъ представителей русской церкви не только невѣрна исторически, не только безъ нужды крайне унижаетъ всѣхъ тогдашнихъ русскихъ іерарховъ, но и не объясняетъ самаго дѣла, такъ какъ представители русской церкви, присутствовавшіе на Стоглавомъ соборѣ, настолько были свѣдущи, чтобы умѣть отличить древній, доселѣ признаваемый всею церковію и практиковавшійся въ ней обрядъ, отъ другаго обряда, „новосочиненнаго“, недавно появившагося, непризнаннаго церковію, не вошедшаго въ церковную практику, — вѣдь для этого какого-либо особаго образованія, знанія наукъ вовсе и не нужно. И если отцы Стоглаваго собора, несмотря ни на что, все-таки утвердили новосочиненный, недавно появившійся обрядъ, то для этого одного невѣжества уже недостаточно, а нужно прямо признать какое-то помраченіе всѣхъ тогдашнихъ представителей русской церкви, помраченіе тѣмъ болѣе

удивительное, что, начавшись съ отцовъ Стоглаваго собора, оно потомъ непрерывно продолжалось вплоть до патріарха Никона.

Но Стоглавый соборъ не просто только призналъ и узаконилъ „новосочиненный“ обычай — двуперстіе, а и постарался доказать, что это обычай древній, узаконенный святыми отцами. Въ этихъ видахъ Стоглавый соборъ ссылается между прочимъ и на новозымышленіе „жесловесника“ — Феодоритова слово, причемъ приводитъ его, что особенно важно, въ древнѣйшей, первоначальной редакціи, на что съ удареніемъ указываетъ и г. Субботинъ. Но вѣдь первоначальная редакція Феодоритова слова по заявленію г. Субботина 1875 года „рѣшительно говорить въ пользу троеперстія“, по заявленію г. Субботина 1876 года, она „служить именно свидѣтельствомъ о троеперстіи“, по заявленію г. Субботина 1887 года, она „служить свидѣтельствомъ болѣе о троеперстіи, нежели двуперстіи“. Значить, за какой бы годъ мы ни взяли г. Субботина, сущность дѣла остается во всякомъ случаѣ такова, что если древняя редакція Феодоритова слова, приведенная Стоглавымъ соборомъ, и не „говорить рѣшительно въ пользу троеперстія“, не „служить именно свидѣтельствомъ о троеперстіи“, то уже несомнѣнно „служить свидѣтельствомъ болѣе о троеперстіи, нежели двуперстіи“. А въ такомъ случаѣ помраченіе отцовъ Стоглаваго собора стоитъ внѣ всякаго сомнѣнія, такъ какъ они не только вопреки старинѣ, господствующему обычаю, опиравшемуся неизбѣжно на извѣстное всѣмъ преданіе, узаконяютъ новосочиненный обрядъ — двуперстіе, но и утверждаютъ его между прочимъ на томъ именно документѣ, который, представляя изъ себя недавнее новоизмысленіе какого-то „жесловника“, въ дѣйствительности „служить свидѣтельствомъ болѣе о троеперстіи, нежели двуперстіи“.

Истинно удивительную картину нашей древней церковной жизни рисуетъ намъ художественное перо г. Субботина. Приглашаемъ читатели полюбоваться этой замѣчательной картиной. На Стоглавый соборъ, это верховное церковное судилище, явились истцы: троеперстники и двуперстники. Троеперстники ратовали за старый всегда практиковавшійся въ нашей церкви обычай, за тотъ именно обрядъ, который „твердо держался по преданію, издревле, изначала преемственно наслѣдованномъ отъ

отповъ и дѣдовъ“, который „невыблемо опирается на преданіе, всѣмъ извѣстное“, извѣстное, значить, и соборнымъ судьямъ-іерархамъ. Двуперстники ратовали за обычай „новосочиненный“, „недавно явившійся“, „неимѣвшій твердой опоры въ древнемъ всѣмъ извѣстномъ и всѣми признаваемомъ преданіи“; они въ оправданіе своего неправого исва представили подложный документъ, новосочиненный какимъ-то „не высокой нравственности жесловесникомъ“, причѣмъ этотъ подложный документъ, представленный сторонниками двуперстія, въ дѣйствительности „служилъ болѣе свидѣтельствомъ въ пользу троеперстія, нежели двуперстія“. И соборъ однако не только рѣшилъ искъ въ пользу двуперстниковъ, но и сослался въ свое оправданіе между прочимъ и на тотъ подложный документъ, который „служить болѣе свидѣтельствомъ о троеперстіи, нежели двуперстію“.

По поводу этой удивительной по замыслу и выполнению картины мы желали бы сдѣлать отъ себя только одно замѣчаніе: при совиданіи своей картины г. Субботину ни какъ бы не слѣдовало забывать про свою знаменитую теорію „здраваго разсужденія“, приложеніе которой въ данномъ случаѣ было бы какъ нельзя болѣе уместно.

Понятно само собою, что Феодоритово слово, составленное въ защиту и оправданіе двуперстія, и слѣдовательно если не прямо, то косвенно противъ троеперстія, естественно должно было доказывать и въ своей первоначальной редакціи именно двуперстіе, а уже ни какъ не троеперстіе. Но г. Субботинъ съ этимъ несогласенъ и утверждаетъ, что первоначальная редакція Феодоритова слова „служить свидѣтельствомъ болѣе о троеперстіи, нежели двуперстію“. Такъ какъ такое толкованіе древней редакціи Феодоритова слова мы назвали „неудачнымъ“, то г. Субботинъ спрашиваетъ: „почему же *неудачно* объясненіе этой редакціи въ смыслѣ благопріятствующемъ троеперстію? Наставленіе о перстосложеніи начинается здѣсь словами: *три персты равны имѣти вкупѣ*“,—ужели это не наставленіе о троеперстіи? Объяснимъ, почему толкованіе древней редакціи Феодоритова слова г. Субботиннымъ мы считаемъ неудачнымъ, и вмѣстѣ съ тѣмъ представимъ образчикъ того, какъ нашъ ученый критикъ обращается съ документами.

Г. Субботинъ, толкуя текстъ Θεодоритова слова, говоритъ, что „наставленіе о перстосложеніи начинается здѣсь словами: три персты равны имѣти вкупѣ“, но говоритъ несправедливо; такъ Θεодоритово слово въ дѣйствительности начинается словами, *сице благословити и креститися*: три персты имѣти равны вкупѣ, т.-е. Θεодоритово слово имѣетъ въ виду научить, какъ слѣдуетъ слагать персты при крестномъ знаменіи и *при благословеніи* (іерейскомъ), причемъ для того и другаго оно предписываетъ одно и то же сложеніе перстовъ, съ однимъ и тѣмъ же значеніемъ. Теперь, если мы согласно съ г. Субботинимъ поймемъ выраженіе Θεодоритова слова: „три персты равны имѣти вкупѣ“ въ смыслѣ православнаго троеперстія, т.-е. будемъ разумѣть три первые перста, какъ мы ихъ теперь слагаемъ въ крестномъ знаменіи, то получается совсѣмъ несообразный смыслъ, что будто бы у православныхъ въ іерейскомъ благословеніи персты слагаются такъ же, какъ и въ крестномъ знаменіи, что будто бы іерей долженъ благословлять, слагая три первые персты вкупѣ, чего никогда не было въ православной церкви. Совсѣмъ несообразный смыслъ приведенныхъ словъ Θεодоритова слова, получающійся при толкованіи ихъ г. Субботинимъ, становится сообразнымъ, яснымъ и понятнымъ, если мы слова: „три персты равны имѣти вкупѣ“ (не въ крестномъ только знаменіи, но и къ благословенію) будемъ понимать такъ, что подъ тремя перстами вкупѣ разумѣются не первые три перста, а большой и два послѣднихъ, какъ они слагаются у старообрядцевъ, а подъ двумя перстами, которые слово предписываетъ имѣть наклоненными, а непростертыми,—указательный и средній. За правильность такого именно пониманія говорить и то обстоятельство, что въ древней Руси сложеніе перстовъ въ іерейскомъ благословеніи и въ обычномъ для всѣхъ христіанъ крестномъ знаменіи было одинаково, почему слово Θεодорита и могло поучать: „сице благословити рукою и креститися: три персты равны имѣти вкупѣ“... Очевидно, такимъ образомъ, что въ начальныхъ словахъ Θεодоритова слова, о которыхъ умолчалъ г. Субботинъ,—„сице благословити рукою и креститися“—находится ключъ къ правильному пониманію и толкованію текста слова, и очевидно, что эти начальные слова Θεодоритова слова опущены г. Суб-

ботинимъ не безъ умысла, такъ какъ они прямо обличаютъ неправильность его толкованія.

Сдѣлаемъ еще одно замѣчаніе по поводу неправильностей, допускаемыхъ г. Субботинимъ въ толкованіи такъ-называемаго Θεодоритова слова.

То обстоятельство, что въ Θεодоритовомъ словѣ сначала говорится о трехъ перстахъ (три персты равны имѣти вкупѣ), а потомъ уже о двухъ (два перста имѣти наклоненна, а непростерта); г. Субботинъ пытается обратить въ доказательство того, что въ Θεодоритовомъ словѣ рѣчь будто бы идетъ о троесперстїи въ нашемъ смыслѣ. „Наставленіе о перстосложенїи, говорить онъ, начинается здѣсь (въ Θεодоритовомъ словѣ) словами: три персты равны имѣти вкупѣ: ужели это не наставленіе о троесперстїи“? Мы уже видѣли, что слово Θεодорита вовсе начинается не такъ, а словами: „сице благословити рукою и креститися“, которыя никакъ не дозволяютъ признать правильность толкованія г. Субботина. Но въ такомъ случаѣ, что же это значить, что двуперстники въ своихъ наставленїяхъ о сложенїи перстовъ всегда сначала говорятъ о трехъ перстахъ, а потомъ уже о двухъ, тогда какъ имъ слѣдовало бы повидимому сначала говорить о двухъ перстахъ, а потомъ уже о трехъ? Объяснимъ г. Субботину въ чемъ тутъ дѣло. Съ перстосложенїемъ двуперстники соединяли обыкновенно представленіе о двухъ важнѣйшихъ христіанскихъ догматахъ; о троичности лицъ въ Божествѣ и о соединенїи во Христѣ двухъ естествъ. Въ виду этого, излагая наставленіе, какіе и какъ слѣдуетъ слагать персты для крестнаго знаменїа, они излагали при этомъ и то ученїе, какое соединяется съ сложенїемъ извѣстныхъ перстовъ. А такъ какъ главный и основной догматъ христіанства есть ученїе о троичности, онъ лежитъ въ основѣ, какъ краеугольный камень, всего зданїа христіанскаго вѣроученїа и на немъ уже утверждается, какъ на своемъ основанїи, другой догматъ—ученїе о Христѣ и частїи о соединенїи въ Немъ двухъ естествъ, то, сообразно съ этимъ распорядкомъ догматовъ нашего вѣроученїа, и въ наставленїи двуперстниковъ о перстосложенїи сначала говорится о троичности и поэтому самому о трехъ перстахъ, выражающихъ ученїе о троичности, а потомъ уже говорится о двухъ естествахъ

во Христѣ, значить и о двухъ перстахъ, выражающихъ это ученіе. Понятно отсюда, какъ несправедливо на основаніе того обстоятельства, что въ Θεодоритовомъ словѣ сначала говорится о трехъ перстахъ, а потомъ уже о двухъ дѣлать такое заключеніе, что будто бы Θεодоритово слово учить троеперстію, а не двуперстію, какъ это утверждаетъ нашъ ученый критикъ.

И. Коптеревъ.

(До слѣдующей книжки).

СВИДѢТЕЛЬСТВО АПОСТОЛОВАЪ*.

Въ тѣ дни взшелъ Онъ (Иисусъ) на гору молиться и пребылъ всю ночь въ молитвѣ къ Богу. Когда же настала день, призвалъ учениковъ своихъ и избралъ изъ нихъ двѣнадцать, которыхъ и наименовалъ апостолами (Лук. VII, 12, 13).

Учрежденіе апостольства, о которомъ краткое повѣствованіе я только-что прочиталъ, отмѣчаетъ торжественный моментъ въ служеніи І. Христа, и св. Лука сообщаетъ намъ, что Господь нашъ приготовился къ нему уединеніемъ и сосредоточенною молитвою. Нѣсколько дней спустя послѣ одной изъ тѣхъ частныхъ встрѣчъ съ фарисеями, служившихъ такъ-сказать печальными этапами кроваваго пути, котораго концемъ долженъ быть крестъ, Іисусъ оставилъ своихъ учениковъ; онъ поднялся на гору и тамъ, подъ звѣзднымъ небомъ Востока, провелъ долгіе и безмолвные часы ночи въ бесѣдѣ съ Богомъ. Потомъ, когда наступилъ день, Онъ избралъ изъ слѣдовавшихъ за Нимъ 12 человекъ и сдѣлалъ изъ нихъ своихъ апостоловъ. Онъ избралъ 12, показывая этимъ, что эти люди должны создать на землѣ истинный народъ Божій, духовнаго Израиля, котораго первый былъ только прообразомъ: Онъ избралъ ихъ изъ класса людей бѣдныхъ, невѣжественныхъ и слабыхъ, чтобы показать,

* Изъ Берсе.

что сила, которою они должны будутъ побѣдить міръ, произойдетъ не отъ нихъ, но снизойдетъ свыше, и чтобы церковь, столько разъ подвергаясь злоупотребленіямъ силы, насилію и оскорбительному презрѣнію науки человѣческой, всегда могла подкрѣплять себя воспоминаніемъ славнаго ничтожества и героическаго убожества своего начала. Избравъ этихъ неизвѣстныхъ изъ населенія Галилеи, Онъ сдѣлалъ изъ нихъ духовныхъ владыкъ міра и непоколебимыя основанія зданія, долженствующаго пережить вѣка.

Я хотѣлъ бы, братіе, вмѣстѣ съ вами изучить значеніе и вѣкъ этого учрежденія! Поднимемся на мгновеніе выше интересовъ минуты, перенесемся мыслію къ тому моменту исторіи, когда основатели царства Божія получили свое высшее призваніе, и общими силами постараемся понять, зачѣмъ І. Христосъ поставилъ апостоловъ и какъ исполнили апостолы ввѣренную имъ миссію. Господь да очиститъ наши уста и да дастъ намъ благодать, говоря объ апостолахъ, проникнуться одушевлявшимъ ихъ духомъ.

Кто называетъ апостоловъ, тотъ называетъ *посланнмихъ*. Двѣнадцать должны были быть первыми миссіонерами Евангелія. Они были ими, — съ какою ревностію, съ какимъ самоотреченіемъ, съ какимъ успѣхомъ — вы это знаете... Невѣжественные, бѣдные, безъ всякаго личнаго значенія (*несуціе*), они осмѣлились мечтать о завоеваніи міра, не имѣя оружія, кромѣ Слова, котораго они были носителями. Еслибы я не былъ вѣрующимъ, я, кажется, не могъ бы читать повѣствованіе объ такомъ предпріятіи, не проникаясь энтузіазмомъ и почтеніемъ къ той великогѣпной дани благоговѣнія, которую они принесли достоинству души человѣческой и духовному могуществу истины... Ахъ! Пусть другіе видятъ идеалъ церкви въ пышности столѣтнихъ юбилеевъ католицизма, въ грандіозномъ зрѣлищѣ европейскихъ государствъ, преклоняющихся предъ скипетромъ верховнаго первосвященника, пусть они аплодируютъ этому вышнему триумфу христіанства и сожалеютъ о томъ времени, когда всѣ силы и всѣ видимыя величія отданы были на служеніе намѣстника І. Христа, — мы, да, мы имѣемъ другія мечты и другія сожалѣнія... Мы вспоминаемъ, какъ христіанство побѣдило древній міръ. Слово — вотъ его оружіе. И самъ Христосъ не хотѣлъ употребленія другаго... И мнѣ приходитъ при этомъ на память возвышенный прологъ

четвертаго Евангелія: Въ началѣ было Слово... И Слово стало плотію, и мы видѣли славу Его, говорить возлюбленный апостолъ. И мы также, только въ другомъ смыслѣ, созернали е—эту славу Слова въ этой совершенно духовной борьбѣ, въ этой столь чудовищно неравной войнѣ, гдѣ духъ побѣдилъ плоть, гдѣ любовь восторжествовала надъ силой и свѣтъ надъ мракомъ, гдѣ кротость выносила всѣ насилія и утомила всѣхъ палачей. И дай Богъ, чтобы церковь никогда не имѣла другихъ триумфовъ, никогда не употребляла другаго оружія, никогда не проливала другой крови, кромѣ собственной, за дѣло І. Христа. Ибо, если бы всегда было такъ, намъ не пришлось бы теперь стонать при печальномъ зрѣлищѣ двухъ третей міра, доселѣ чуждыхъ истинѣ.

Однако, эта роль посланниковъ Божіихъ, которую апостолы исполнили съ такимъ мужествомъ и вѣрностію, но которая все-таки есть роль всѣхъ проповѣдниковъ Евангелія, — не составляетъ того, что въ ихъ служеніи есть оригинальнаго и единственнаго. Если мы проникнемъ въ глубину вещей, то мы признаемъ, что апостолы прежде всего и въ специальномъ смыслѣ суть свидѣтели І. Христа; я разумѣю личныхъ очевидцевъ, надлежащимъ образомъ аккредитованныхъ свидѣтелей личности, дѣяствія и ученія своего Учителя. Вотъ собственное и поистинѣ не передаваемое ихъ достоинство. Что это есть существенная цѣль апостольства—это очень ясно показываетъ св. Петръ послѣ отпаденія Іуды; онъ объявляетъ, что другой долженъ принять его должность: „надобно“ говорить онъ, — чтобы одинъ изъ тѣхъ, которые находились съ нами во все время, когда пребывалъ и обращался съ нами Господь Іисусъ, начиная отъ крещенія Іоаннова до того дня, въ который Онъ вознесся отъ насъ, былъ вмѣстѣ съ нами свидѣтелемъ воскресенія Его“ (Дѣян. 1, 21, 22). Это и есть тотъ самый характеръ свидѣтеля, который указываетъ св. Іоаннъ въ началѣ своего перваго посланія: „что мы слышали, говоритъ онъ,—что видѣли своими очами, что разсуждали и что осязали руки наши о Словѣ жизни, — вотъ что мы возвѣщаемъ вамъ“. Эту-то миссію свидѣтелей І. Христосъ, очевидно, возложилъ на своихъ апостоловъ, когда въ своихъ послѣднихъ рѣчахъ въ горницѣ, возвѣщая имъ о ниспосланіи на нихъ Духа Святаго, Онъ такъ представляетъ дѣло, которое этотъ Духъ долженъ произвести въ ихъ сердцахъ: „Онъ будетъ

свидѣтельствовать о Мнѣ, и вы также будете свидѣтельство-
вать о Мнѣ, потому что, прибавляетъ Онъ, — вы были со
Мною съ самаго начала“ (Іоан. XV, 26, 27), и когда Онъ
оставлялъ ихъ, чтобъ взойти ко Отцу: „Духъ Св. сойдетъ
на васъ, и вы будете Мнѣ свидѣтелями въ Іерусалимѣ, и во
всей Іудеи и Самаріи и даже до края земли“ (Дѣян. 1, 8).

Остановимся на этомъ словѣ: *свидѣтели*, чтобы лучше понять
выражаемую имъ идею и оцѣнить его силу.

Всякое общество покоится на свидѣтельствѣ. Нѣтъ ни одной
науки, ни одного коллективнаго предпріятія, которое могло бы
быть основано и поддерживаться безъ довѣрія къ слову чело-
вѣческому. Замѣчательная вещь! Каждый день люди обманываютъ
другъ друга, и несмотря на это, человѣкъ не можетъ обойтись
безъ довѣрія къ людямъ. Посмотрите, напр. на промышленный
міръ. Каждый часъ громадныя суммы подвергаются риску на
основаніи простой подписи и даже обмѣна нѣсколькихъ словъ.
Посмотрите на міръ науки. Число положеній, принимаемыхъ
нами на основаніи авторитета другаго, безконечно болѣе велико,
чѣмъ мы думаемъ сначала. Изъ этихъ научныхъ аксіомъ, ко-
торыя мы ежеминутно повторяемъ и которыя составляютъ осно-
ваніе всякаго серьезнаго воспитанія, — сколько такихъ, въ кото-
рыхъ мы могли бы дать личный отчетъ и которыя могли бы
серьезно доказать, еслибы кому-нибудь пришла фантазія потре-
бовать этого отъ насъ? Довѣріе къ авторитету господствуетъ
въ области свободной мысли такъ же, какъ и вездѣ. Многие мо-
лодые люди (и дай Богъ, чтобъ это были только молодые) ду-
маютъ, что они сказали уже все, когда сослались на критику.
„Критика рѣшила“, говорятъ они такимъ же увѣреннымъ и спо-
койнымъ тономъ, какимъ другіе говорятъ: „церковь рѣшила“. Они
воображаютъ, что совершаютъ актъ личнаго сужденія въ
то самое мгновеніе, когда говорятъ *in verba magistri*, на осно-
ваніи довѣрія къ словамъ учителя. Природы вещей не перемѣ-
нить; но Богу угодно было, чтобы люди, обязанные жить не для
однихъ себя, не могли и обходиться другъ безъ друга. Если это
истинный и божественный законъ, то надо ожидать, что онъ
окажется такимъ же и въ откровеніи религіозной истины. Богъ
могъ бы непосредственно просвѣтить всякаго человѣка; безъ
сомнѣнія, Онъ и сдѣлалъ это въ нѣкоторой мѣрѣ, напечатлѣвъ

на всякой совѣсти неизгладимыя черты естественнаго закона; Онъ можетъ еще сдѣлать это, проливая въ душу свѣтъ сверхъестественной благодати,—но это уже исключеніе; по общему же правилу, Богъ хотѣлъ, чтобы откровенная истина достигала до человѣка чрезъ человѣка же, Ему угодно было, чтобы церковь была основана на свидѣтельствѣ, чтобы она не избѣгла условій всякаго общества человѣческаго, — подвергалась сомнѣніямъ, спорамъ, нападеніямъ, борьбѣ всякаго рода; Онъ позволилъ даже, чтобы Его Сынъ, чистое и совершенное выраженіе Его Божества, сдѣлался предметомъ пререканій (Лук. 11, 34), былъ оставленъ, преданъ оскорбительному презрѣнію, заушеніямъ и заплеваніямъ книжниковъ и черни; Онъ позволилъ, чтобы въ дальнѣйшемъ Его воплощеніи въ языкъ и исторіи человечества религіозная истина подвергалась всѣмъ внѣшнимъ перипетіямъ, всѣмъ кажущимся превратностямъ, всѣмъ временнымъ пораженіямъ, и проходила такимъ образомъ въ теченіе вѣковъ свой скорбный путь, возставая отъ всѣхъ своихъ паденій, переживая всѣ немощи, всѣ измѣны своихъ защитниковъ, возрождаясь изъ самой смерти, чтобы такимъ образомъ дѣйствовать на совѣсть человѣческую, волновать ее, тревожить и вырывать изъ нее крикъ, съ которымъ нѣкогда обращались ко Христу: „Что мнѣ и тебѣ?“

Но предавая повидимому такимъ образомъ откровенную истину всѣмъ случайностямъ исторіи, Богъ озаботился сохранить ее чистою, неповрежденною, достовѣрною, такъ что она во всѣ вѣка остается одна и та же и открывается всѣмъ имущимъ ее искреннимъ сердцемъ. И дѣйствительно, невозможно, чтобы личность І. Христа, Его слово, Его дѣло, все то, что составляетъ главное основаніе и сущность христіанства, подвергалась догадкамъ и сомнѣніямъ; здѣсь-то и помогаетъ свидѣтельство апостоловъ. Были избраны люди, слѣдовавшіе за Христомъ съ того дня, когда Предтеча указалъ имъ на Него на берегу Іордана, до того дня, въ который Онъ оставилъ землю. Эти люди были съ Нимъ каждый день и каждый часъ во все время Его служенія; они видѣли Его то на холмахъ, то на берегахъ Галилейскихъ озеръ, то въ публичныхъ мѣстахъ или въ Іерусалимскомъ храмѣ, равно какъ въ уединенныхъ садахъ Вифаніи, въ равнинѣ Кесарійской или въ окрестностяхъ Сидона;

они слушали Его рѣчи съ народомъ или съ ними въ интимной бесѣдѣ въ горницѣ; они были при Немъ, когда толпа кричала: осанна! и когда крики смерти возвѣщали Ему близкій конецъ; они созирали Его въ сіяніи на горѣ Преображенія и въ страшной агоніи Геесиманской; они видѣли Его терпящимъ лобзаніе предателя и уводимымъ мучителями (?); одинъ изъ нихъ издали слѣдовалъ за Немъ и трижды отрекся отъ Него; другой присутвовалъ при Его казни,—онъ принялъ отъ Него Матерь Его, какъ священный залогъ; потомъ всѣ они были свидѣтелями Его Воскресенія; они не хотѣли этому вѣрить и все таки увѣровали. Они видѣли Его, слышали Его бесѣды съ ними, ловили изъ устъ Воскресшаго слова, которыя не выдумываются; Петръ и Тома обмѣнялись съ Немъ двумя разговорами возвышеннаго характера; Тома вложилъ свои руки въ Его раны, не хотѣлъ вѣрить, пока не увидитъ. Они провожали Его на Елеонскую гору; изъ устъ Его приняли они повелѣніе идти на завоеваніе міра, и по этому повелѣнію они пошли. Понимаете ли вы теперь, братіе, смыслъ и силу апостольства? Конечно, если когда былъ вѣкъ, когда это служеніе являлось необходимымъ, то это настоящій. Къ чему, въ самомъ дѣлѣ, стремились, къ чему еще и теперь стремятся всѣ усилія современной критики, какъ не къ тому, чтобы низвести образъ Христа въ область легенды, помѣстить Его въ первомъ ряду въ возвышенномъ кортежѣ созданий, порожденныхъ гениемъ народовъ, сдѣлать изъ Него чистѣйшее и блистательнѣйшее изъ виднѣй, посѣтившихъ воображеніе человеческое,—только было бы въ свою очередь согласились, что эта жизнь была не болѣе, какъ чудесная ткань притчей, подъ которыми надо отказаться искать твердую и устойчивую историческую почву,—что чудеса Христовы—не что иное, какъ блестящіе символы, а Его воскресеніе и вознесеніе поэтическое мнѣніе Его нравственной побѣды;—только бы Евангеліе отказалось занимать мѣсто въ ряду фактовъ и своимъ сверхъестественнымъ характеромъ возмущать неизмѣнные законы реальнаго міра. Понимаете ли вы, что значить для насъ свидѣтельство этихъ галлеянъ, которые предъ этими благовидными увѣреніями, принимаютъ и отвѣчаютъ: этотъ Христосъ—мы видѣли Его, эти божественныя слова—они поражали наши уши, это лицо—мы созирали Его въ Таборскомъ сіяніи и въ кровавомъ поту мас-

личнаго сада; этотъ умершій—Онъ вышелъ изъ гроба и ходилъ предъ нами,—и что видѣли наши глаза, что слышали наши уши, что осязали наши руки,—вотъ что мы вамъ возвѣщаемъ. Братіе! надо выбирать между критикой, которая говоритъ намъ, что Евангеліе есть возвышеннѣйшая изъ грезъ, и апостольствомъ, которое говоритъ намъ, что оно есть истиннѣйшій изъ фактовъ. Таковъ именно вопросъ, и я не знаю другаго, болѣе существеннаго, болѣе настоятельнаго: дѣло идетъ о самомъ существованіи христіанства.

Необходимость апостольскаго свидѣтельства является намъ теперь очевидною. Сдѣлаемъ еще одинъ шагъ далѣе и спросимъ себя: дѣйствительно ли заслуживаетъ довѣрія это свидѣтельство? Это, какъ мы сказали, — второй пунктъ, который нужно намъ разсмотрѣть.

Для рѣшенія этого вопроса, я не стану на почву науки—не потому, чтобы я сколько-нибудь боялся вовлечься въ споръ; я напротивъ думаю, что серьезное научное изслѣдованіе въ этомъ предметѣ можетъ быть намъ только полезно, и я гораздо болѣе боюсь въ этихъ матеріяхъ столь распространенной въ настоящее время привычки рѣшать эти вопросы кратко и поверхностно. Если я не вхожу теперь въ научный споръ, то это потому, что церковь не есть и не должна быть школой. Кромѣ того я увѣренъ, что когда дѣло идетъ объ оцѣнкѣ главнаго значенія свидѣтельства, нѣтъ необходимости въ наукѣ, и достаточно простаго здраваго смысла. Это до такой степени вѣрно, что всѣ новыя законодательства признали это. Между тѣмъ, когда дѣло идетъ о примѣненіи закона, они требуютъ судей, подробно и специально знающихъ тексты закона; когда же дѣло идетъ объ оцѣнкѣ фактовъ, они образуютъ институтъ присяжныхъ изъ людей всякаго класса и всякой культуры, которые оставляютъ свои занятія, свою ферму, свой промыселъ, чтобы произнести приговоръ, отъ котораго зависитъ честь, свобода, можетъ быть даже жизнь одного изъ имъ подобныхъ. Многіе изъ моихъ слушателей засѣдали, конечно, въ качествѣ присяжныхъ въ важныхъ процессахъ; другіе присутствовали при нихъ зрителями; всѣ издали принимали въ нихъ участіе съ страстнымъ любопытствомъ. Ну, что жъ! Вотъ предъ нами трибуналъ и предъ нимъ апостолы. Они представляютъ свидѣтельство въ пользу Іисуса Назаряннина; они гово-

рять о Немъ то, что всё вы знаете; они рассказываютъ ту исторію, которая будучи принята съ вѣрою, преобразила міръ. Эти свидѣтели достойны ли довѣрія? Чтобы убѣдиться въ этомъ, посмотримъ сперва, искренни ли они. А такъ какъ одной искренности здѣсь недостаточно, и она не можетъ предотвратить заблужденій ума, то мы увидимъ потомъ, что думать объ ихъ разумѣ.

Существованіе Христа, котораго всегда чтитъ церковь, не заключается въ предѣлахъ тридцати трехъ лѣтъ, протекшихъ на землѣ, въ этой короткой жизни, которая сама резюмируется въ краткомъ трехлѣтнемъ служеніи. Когда авторъ посланія къ Евреямъ написалъ слѣдующее великое слово: „Христось одинъ и тотъ же и вчера и нынче и вѣчно“; то онъ утверждаетъ то, во что церковь всегда вѣрила. Конечно, нужно было, чтобы Сынъ человѣческой родился въ извѣстный день исторіи, на извѣстномъ пунктѣ нашей земли, нужно было, чтобы Онъ говорилъ на извѣстномъ языкѣ человѣческомъ, касался своими божественными руками какихъ-нибудь дѣтей человѣческихъ въ поколѣніи жившемъ при Тиверіи, чтобы пострадать при прокураторѣ Понтіа Пилатѣ, умереть въ пятницу на мѣстѣ, названномъ Голговою и воскресъ спустя три дня; но въ высшемъ смыслѣ, который и есть настоящій, можно и должно сказать, что вопросы времени и мѣста, которымъ критика придаетъ такое важное значеніе, въ этомъ предметѣ не имѣютъ никакого и этимъ объясняется, почему вѣрующія души даже и не думаютъ объ нихъ. Въ высшемъ смыслѣ, который и есть истинный, можно ежедневно повторять слово ангеловъ: „Днесь родился вамъ Христось, который есть Спаситель“. Можно на всѣхъ пунктахъ міра и предъ людьми всякой расы повторять нагорную проповѣдь и притчи Іисуса; ибо они всегда истинны, всегда дѣйствительны, всегда примѣнимы; можно видѣть, какъ почти іота въ іоту, но въ духовномъ смыслѣ, повторяются исцѣленія и чудесныя дѣянія Христа, какъ грѣшники очищаются отъ своей нравственной проказы, освобождаются отъ своего паралича, отъ слѣпоты, пробуждаются отъ самой смерти; можно созерцать крестъ, какъ-будто дѣло искупленія совершается сейчасъ; можно видѣть, какъ камень, который невѣріе кладетъ въ каждую эпоху на гробъ Христа, снимается и Воскресшій утверждаетъ свое вѣчное цар-

ство. Повторяю, что для всякой вѣрующей души эта божественная исторія начинается и открывается, и въ высшемъ и истинномъ смыслѣ мы не имѣемъ права ограничивать ее пространствомъ и временемъ. Въ высшемъ и истинномъ смыслѣ І. Христосъ живъ, болѣе присущъ, лучше выслушать, лучше понять, лучше любимъ теперь повсюду, гдѣ встрѣчаютъ Его христіанскія души, въ Европѣ, въ Азіи, въ нашихъ миссіяхъ на югѣ Африки или Полинезіи, чѣмъ тогда, когда Онъ являлся изумленнымъ толпамъ и когда іудейская женщина, слушая Его, восклицала въ восторгѣ: „Блаженно чрево, носившее тебя!“ Нѣтъ! вѣрующая церковь не *ищетъ между мертвыми Живаго*: она не говоритъ о Христѣ въ прошедшемъ, она утверждаетъ Его вѣчное присутствіе и Его непрестающую дѣятельность: „Христосъ—одинъ и тотъ же вчера и днесъ и вѣвѣи“. И вотъ, Богу угодно было, чтобы вѣчный Христосъ, такъ же какъ и историческій, съ первыхъ дней церкви имѣлъ своего свидѣтеля, и въ этомъ, братіе, заключается глубокой смыслъ апостольства св. Павла. Что бы вы сказали, еслибы говоря объ апостолахъ, я не упомянулъ о немъ, о немъ, который могъ сказать не хвастаясь, что онъ „потрудился болѣе ихъ вѣхъ“. Св. Павелъ есть апостолъ, церковь всегда признавала его такимъ, и однако онъ не былъ изъ числа двѣнадцати. Что же, должно ли понимать апостольство, котораго онъ требуетъ, въ томъ же неопредѣленномъ и общемъ смыслѣ, въ какомъ каждый миссіонеръ Евангелія можетъ, какъ и онъ примѣнять его къ себѣ? Это значило бы не понять неоспоримой мысли св. Павла. Онъ есть апостолъ по специальному призванію; онъ для этого былъ избранъ, онъ также есть одинъ изъ свидѣтелей воскресенія Христова; онъ настойчиво требуетъ этого достоинства и не позволяетъ оспаривать его у себя. И однако онъ не принадлежитъ къ двѣнадцати. Это значить, что апостольство, къ которому онъ призванъ самимъ Богомъ, имѣетъ особенную цѣль; это значить, что его свидѣтельство имѣетъ специальное значеніе. Прежде всего, не Христу видимому призванъ онъ воздать свидѣтельство. Онъ ясно высказываетъ это: „если я зналъ Христа по плоти, то теперь уже не знаю Его такимъ“ (2 Кор. V, 16). Что же! Призвалъ ли св. Павелъ пришествіе во плоти, земное открытіе Сына Божія? Такое богохульство далеко отъ него; ибо вы знае-

те, съ какимъ возвышеннымъ одушевленіемъ онъ въ столькихъ мѣстахъ говорить объ этомъ воплощеніи. Но св. Павелъ призванъ доказать, что исторія Христа есть вѣчная исторія, что Онъ есть Христосъ язычниковъ точно такъ же, какъ и іудеевъ, что нельзя заключать Его въ одинъ періодъ исторіи и въ одну страну земли, что чѣмъ Онъ былъ, то Онъ есть всегда и вездѣ. „Христосъ одинъ и тотъ же и вчера и днесъ и вовеки“.

Значитъ ли это, что мы ставимъ св. Павла въ оппозицію съ двѣнадцатю? Боже сохрани. Во что вѣровалъ св. Павелъ, въ то же вѣровали и двѣнадцать. Не святой ли Іоаннъ повѣдаетъ намъ вѣчное рожденіе Слова и Его божество? Не святой ли Петръ утверждаетъ, что агнецъ Божій заколенъ прежде всѣхъ вѣковъ? Точно также, когда мы называемъ св. Павла апостоломъ оправдывающей вѣры, мы не отрицаемъ этого качества у его товарищей; но мы ставимъ удареніе на одной изъ отличительныхъ чертъ его служенія: мы утверждаемъ также, что особенно проповѣдуя Христа невидимаго, св. Павелъ, по планамъ Божиимъ, восполняетъ и увѣнчиваетъ апостольство двѣнадцати. Если нужно было, чтобы двѣнадцать первые повѣдали то, что совершилъ Христосъ начиная со вступленія въ свое служеніе чрезъ крещеніе до того момента, когда Онъ возвратился къ Отцу Своему, то прилично было, что бы св. Павелъ первый повѣдалъ то, что совершилъ Христосъ начиная отъ дней вѣчныхъ, когда Онъ пребывалъ у Отца, до того вѣчнаго дня, когда во Христѣ Богъ будетъ *все во всемъ*. Богу угодно было, чтобы Христосъ съ самаго начала былъ проповѣданъ кѣмъ-нибудь, кто прежде всего позналъ Его духовно и кто говорилъ бы объ Немъ такъ, какъ говорили бы всѣ вѣрующіе въ будущемъ. Драгоценная гарантія! Неколебимое основаніе нашей вѣры! Теперь, въ самомъ дѣлѣ, каковъ нашъ отвѣтъ тѣмъ, которые утверждаютъ, что Христосъ, какимъ знало Его первое поколѣніе христіанъ, былъ не богъ, какъ возвышенный галилейскій учитель, за которымъ церковь еще не признавала божества, которое должна была приписать ему въ послѣдствіи. Нашъ отвѣтъ заключается въ свидѣтельствѣ св. Павла апостола. Мы ссылаемся на его посланія, написанныя задолго до самихъ Евангелій, написанныхъ 20 или 30 лѣтъ спустя послѣ смерти Христа, на посланія его, изъ коихъ главные написаны слогомъ столь оригина-

нальнымъ, столь естественнымъ, столь совершенно индивидуальнымъ, что самая отрицательная критика никогда не осмѣливалась подозрѣвать ихъ подлинность. Мысль о Христѣ всецѣло наполняетъ ихъ и какой это Христосъ!? Это Сынъ Божій существующій изначала и воплощающійся среди людей, пришедшій для искупленія челоуѣчества и спасающій его своею искупительною смертію; это казненный на Голгоѣѣ, но также и воскресшій въ третій день; это Христосъ, котораго призываютъ и которому поклоняются, Христосъ всегда раздѣляющій съ Богомъ Отцомъ одно и то же поклоненіе и одну и ту же любовь—Христосъ, для котораго живутъ и за котораго умираютъ.

Но насъ останавливаетъ одно возраженіе: „искренность ихъ конечно въ сомнѣніи, но и при искренности можно обмануться: энтузіазмъ—свойство наивныхъ душъ, и честность апостоловъ не ручается, что они видѣли своего Учителя преобразившимся, воскресшимъ“...

Я согласенъ съ этимъ, и сейчасъ я вамъ отвѣчу; но признайтесь по крайней мѣрѣ, что если все сказанное нами основательно, то рѣшительно надо отказаться отъ теоріи, по которой евангельскія повѣствованія образовались только постепенно въ воображеніи христіанскаго народа. Если упомянутые нами факты не истинны, то и ничего уже нѣтъ истиннаго. Если же они истинны, то гипотеза, о которой я сейчасъ упомянулъ, навсегда уничтожена и искреннее свидѣтельство апостоловъ ѣдетъ насъ на твердую, непоколебимую почву исторіи. Таково первое мое заключеніе, и ни одинъ серьезный умъ не можетъ сомнѣваться въ немъ. Затѣмъ я приступаю къ сейчасъ высказанному мною возраженію.

Если люди, видѣвшіе такъ близко Иисуса и рассказавшіе намъ Его жизнь такъ естественно и правдиво, были жертвами черезчуръ возбужденнаго воображенія до такой степени, что безпрестанно навязываютъ Ему дѣйствія, которыхъ Онъ никогда не совершалъ, и даже не узнаютъ Его, и позволяютъ себѣ самые фантастическіе вымыслы, то это можно объяснить только страннымъ и періодическимъ заблужденіемъ ихъ ума. Мы согласны, что исторія религіи полна рассказовъ о галлюцинаціяхъ; не ходя далеко, это часто видали въ нашу эпоху, и такъ какъ осмѣливались въ наши дни облизать Салетту и Лурдъ съ Виолее-

момъ и Голгоѳой, то нужно мимоходомъ сказать, что мы думаемъ о столь чудовищной параллели.

Галлюцинаты и говорятъ какъ галлюцинаты. Будутъ ли то пастухи, дѣти, монахини или монахи, они всегда бываютъ болѣе или менѣе наивнымъ эхомъ мечтаній, которыми ихъ ублаживали. Имъ кажется иногда, что они видятъ образъ, который столько разъ поражалъ ихъ воображеніе, и приписываютъ ему слова, которыя часто посѣщали ихъ память, точь въ точь, какъ адепты новаго спиритизма заставляютъ Паскаля, Боссюэта или Шекспира говорить языкомъ, котораго нелѣпность ясно изобличаетъ свое происхожденіе. Это до такой степени справедливо, что отъ всѣхъ этихъ легендъ, которыми полна исторія современнаго суевѣрія, не осталось ни одного слова, я говорю ни одного, достойнаго быть сохраненнымъ, ни одного изреченія, которое хоть отдаленнымъ образомъ напоминало бы возвышенную простоту нашихъ Евангелій. Несообразность есть характеръ свойственный галлюцинаціи. Но если апостолы были галлюцинаты, то какимъ чудомъ могли они начертать намъ образъ І. Христа такимъ, какимъ сохранило намъ его Евангеліе. Ибо какое бы ни имѣли мнѣніе о сверхъестественной сторонѣ Евангелія, но пунктъ, на которомъ всѣ сходятся, это—то, что никогда никакой образъ не осуществлялъ лучше идею нравственнаго совершенства, чѣмъ образъ Христа. Въ этой возвышенной картинѣ сливаются въ одно гармоническое цѣлое всѣ черты, которыя въ другихъ сочиненіяхъ являются намъ разсѣянными и раздробленными, добродѣтели, кажуціяся противоположными, здѣсь соединяются; черты характера, которыя у другихъ людей взаимно исключаются и ограничиваются, здѣсь встрѣчаются для образованія совершеннаго цѣлаго. Святое спокойствіе и неутомимая дѣятельность, величіе и смиреніе, царственная властность и повиновеніе, величавость и снисходительность, безусловная святость и отсутствіе всякаго ригоризма, полнѣйшая духовность и нѣжнѣйшія человѣческія симпатіи, страхъ зла и безконечное состраданіе къ тѣмъ, которые его совершаютъ, вотъ что встрѣчается повсюду въ жизни Іисуса. И въ этой картинѣ ни одной ложной черты, въ этой гармоніи ни одного диссонанса. Подумайте въ самомъ дѣлѣ, какое дѣйствіе произвела бы на насъ одна дурная наклонность, одна слабость, одно несовершенство, даже менѣе,—одна

вульгарная черта, приписанная Иисусу? Но не открыли еще ни одной, и никогда не откроютъ. И замѣьте, что этотъ характеръ Христа всегда одинъ и тотъ же, движется ли Онъ въ жизни, которую мы называемъ естественною, или совершаетъ сверхъестественныя дѣйствія. По поводу-то своихъ чудесъ Онъ изрекаетъ многія изъ достовѣрнѣйшихъ своихъ рѣчей, которыя, мы чувствуемъ, не могли быть выдуманы, и развиваетъ то достоинство безъ гордости, которое Ему только одному свойственно. И хотятъ насъ увѣрить, что этотъ святой образъ нячертанъ слабыми умами, бѣдными сумазбродами, которыхъ экзальтированному воображенію въ несообразностяхъ лихорадки мерещились чудесныя черты! Въмѣсто того, чтобы согласиться, что они видѣли Христа такимъ, какимъ изображаютъ, хотятъ заставить насъ допустить, что они выдумали Его и что изъ этой мрачной среды фанатизма, упорныхъ предрасудковъ, національных ненавистей, формализма и лицемерія, въ которыхъ вращался тогда Израиль, вышелъ, по какой-то странной эволюціи, самый идеальнѣйшій нравственный совершенства, то существо, о которомъ знаменитѣйшій невѣръ нашего времени могъ сказать, что отнынѣ совѣсть человѣческая не будетъ уже различать между Богомъ и Имъ. Странное предположеніе, очень достойное эпохи, претендующей объяснить міръ случайной встрѣчей крутящихся въ пространствѣ атомовъ и изъ движенія этой неодушевленной пыли вывести законъ, порядокъ, жизнь, разумъ, совѣсть и нравственность. Нѣтъ! Именно, во имя-то моего разума, я вѣруюшій, встаю противъ этой возмутительной гипотезы, въ тысячу разъ болѣе чудесной, чѣмъ чудеса, которыя отвергають; во имя моего разума я утверждаю, что заблужденіе нѣсколькихъ галилеянъ не могло создать нравственной гармоніи, что безуміе не могло создать высочайшаго разума и галлюцинація не выдумала Иисуса Назарянина.

Такимъ образомъ, братіе, жизнь Иисуса, Его характеръ, Его дѣйствія, все Его служеніе, наконецъ сохранены для насъ. Иисусъ избралъ Себѣ свидѣтелей, и ихъ свидѣтельство въ своихъ существенныхъ чертахъ, доступное самымъ простымъ, представляетъ намъ рѣшительную гарантію твердости нашей вѣры. Но достаточно ли этого свидѣтельства для церкви? Очевидно нѣтъ, и вы сейчасъ поймете почему.

Что касается до ихъ искренности, то въ ней трудно сомнѣваться, и я напрасно ищу, на что, могъ бы сослаться здѣсь упорный скептицизмъ. Простота ихъ тона представляетъ нѣчто единственное въ своемъ родѣ, предъ чѣмъ падаетъ всякое предубѣжденіе, а Евангелія очевидно написаны на основаніи ихъ свидѣтельства. Найдете ли вы на языкѣ человѣческомъ рассказы менѣе разуукрашенные, болѣе чуждые всякой изысканности, всякой претензіи на эффектъ? При всей своей возвышенности это простодушнѣйшая изъ книгъ. Если принято за правило, что свидѣтель тѣмъ болѣе достоинъ довѣрія, чѣмъ менѣе онъ искусенъ, чѣмъ менѣе способенъ къ искусственной комбинаціи и къ составленію систематическаго плана, то кто можетъ внушить болѣе довѣрія, чѣмъ тѣ, которые были первыми біографами Іисуса Назаряннина? Еслибы удалось подмѣтнуть у нихъ хотя малѣйшую расчитанную ловкость, то довѣріе тотчасъ бы исчезло; но въ искренности есть какая-то непобѣдимая сила, которая смущаетъ критику и торжествуетъ надъ самыми упорными предубѣжденіями. Въ наше время въ интересѣ защиты христіанства много явилось описаній жизни Христа, составленныхъ съ строго исторической точки зрѣнія, въ которыхъ авторы съ большими усиліями старались устранить кажущіяся противорѣчія Евангелій и показать достоверность всѣхъ фактовъ и всѣхъ рѣчей Христа. Я удивляюсь этимъ трудамъ, изъ коихъ нѣкоторые составляютъ превосходныя произведенія; но признаюсь, впечатлѣніе, производимое такой апологіей, какъ бы ни была она искусна, остроумна, убѣдительно, никогда не произведетъ на меня того впечатлѣнія, какое производитъ безусловное простодушіе Евангелій; можно сказать, что они гораздо болѣе защищаютъ своихъ адвокатовъ, чѣмъ адвокаты ихъ; ихъ неоконченность, неполнота, даже недостатки, гораздо болѣе трогаютъ меня и убѣждаютъ въ истинѣ ихъ свидѣтельства. Къ тому первому столь уже могущественному свойству Евангелій присоединяется еще одинъ фактъ: это то, что можно назвать геройскою искренностію апостоловъ. Думали ли вы объ этомъ когда-нибудь? Рассказывая жизнь своего Учителя, они рассказали въ то же время и свою собственную жизнь, написали свою собственную исповѣдь: чтобы оцѣнить природу этой исповѣди, также довольно простаго здраваго смысла. Нашъ вѣкъ можно назвать вѣкомъ личныхъ мемуаровъ и автобіогра-

ѣи. Никогда потребность рассказывать о самомъ себѣ не была болѣе распространена, чѣмъ въ настоящее время. Лица ничтожныя, которыхъ имена имѣли вѣсмерную знаменитость бульвара, люди, которыхъ интересъ состоялъ въ томъ, чтобы заставить забыть о себѣ, писали свои біографіи. Вмѣсто того, чтобы побольше молчать, они описывали даже свои заблужденія и паденія. Однако, можно при этомъ сдѣлать одно замѣчаніе. Человѣкъ естественно сознается въ томъ, что онъ сдѣлалъ хорошаго, даже чересчуръ усердно сознается; иногда онъ непрочь сознаться и въ своихъ недостаткахъ; но между своими недостатками онъ умѣетъ дѣлать выборъ, и посмотрите, съ какимъ безсознательнымъ искусствомъ онъ разсказываетъ предпочтительно увлеченія, если не оправдываемыя, то по крайней мѣрѣ опoэтизирoвываемыя. Но есть двѣ вещи, которыхъ никогда никому не рассказываютъ: это смѣшные промахи разсудка и позорныя стороны своей жизни. Но думали ли вы когда-нибудь объ этомъ? Это именно тѣ черты, которыхъ апостолы не старались забывать, говоря о самихъ себѣ. Они сознаются, что въ теченіе трехъ лѣтъ, находясь въ школѣ своего учителя, они никогда не понимали его мысли и самымъ грубымъ и плотскимъ образомъ ее перетолковали; они отвѣчали самымъ тупымъ непониманіемъ на самыя возвышенныя Его изліянія; они до конца дѣляли самыя корыстныя мечты совершенно эгоистическаго и мелкаго своего честолюбія. Они сознаются, что наканунѣ смерти І. Христа они спорили за первое мѣсто въ Его царствѣ; они сознаются, что имѣли узкія понятія, завидовали другъ другу и были полны предрасудковъ и фанатизма. Въ самыхъ трогательныхъ евангельскихъ разсказахъ, гдѣ дѣло идетъ о благословеніи малыхъ дѣтей, объ исцѣленіи дочери ханаанейки, о Маріи, омывающей ноги ихъ Учителя или объ агоніи Іисуса въ Геесимаанскомъ саду, они приписываютъ себѣ роль, которая становится иногда ненавистною: они безжалостны къ воплю отчаянной матери; они высчитываютъ цѣну вылитаго на ноги Іисуса мѣра; они спятъ въ саду, гдѣ ихъ Учитель проливаетъ кровавый потъ. Въ такихъ-то чертахъ они представляютъ себя съ несравненно наивностию; и никакой оговорки въ свою пользу, ни смягченія, ни попытки къ апологіи. Чувствуешь, что такъ именно и происходили факты. Мало того: они сознаются въ такомъ нрав-

«стѣнномъ паденіи, въ какомъ ни одинъ человѣкъ никогда не сознавался. Массильонъ говорилъ, что въ его долгое пастырское служеніе никогда никто не исповѣдовался предъ нимъ въ скупости. Братіе, нѣтъ надобности быть епископомъ, чтобы знать, что никогда никто не исповѣдовался въ трусости. Если есть здѣсь какой-нибудь старшій солдатъ, то онъ вполне со мною согласится. Апостолы же искренно сознаются, что они дрожали въ послѣднія минуты, дрожали какъ дѣти и трусы; они сознаются, что когда ихъ Учитель, неперестававшій ихъ любить и благословлять съ истинно божественною нѣжностію, былъ преданъ однимъ изъ нихъ и приведенъ предъ своихъ судей, они... они разбѣжались, они все оставили Его, и тотъ изъ нихъ, который клялся остаться Ему вѣрнымъ, три раза отрекся отъ Него предъ обвиненіемъ служанки. Не беспокоясь о скандалѣ, который произведетъ такая исторія, они рассказываютъ ее подробно, не опуская ни одного слова, и возвѣщая въ міръ крестъ І. Христа и направляя на него взоры тѣхъ, кого онъ долженъ спасти; они осмѣливаются сказать, что въ тотъ часъ, когда этотъ крестъ былъ поставленъ, они трусливо покинули Его, предоставляя слабымъ женщинамъ честь присутствовать при агоніи ихъ Учителя, а разбойнику—первому провозгласить вѣчное царство Распятаго, также какъ три дня позднѣе — прежней бѣсноватой предоставили честь первой провозгласить торжество воскресшаго Христа.

Таково было во всѣхъ этихъ обстоятельствахъ ихъ свидѣтельство, и я имѣю право сказать, что если одно такое признаніе достойно истиннаго героя, то тѣ, которые сдѣлали такія, достойны довѣрія.

Итакъ прочь отъ насъ романическое богословіе, представляющее Божество Христа невѣжественнымъ вѣрованіемъ первыхъ вѣрующихъ, которое будто бы одинъ второй вѣкъ медленно выработалъ. У насъ есть св. Павелъ, апостолъ и свидѣтель Христа, для того чтобы засвидѣтельствовать, что культъ и поклоненіе церкви съ перваго дня обращались къ прославленному Сыну Божію.

Слушатели-христіане! Будьте въ свою очередь свидѣтелями І. Христа. Говорите о Немъ все, что знаете; если ваши слабые взоры еще не усматриваютъ всего блеска Его Божества, гово-

рите по крайней мѣрѣ, почему вы сдѣлались Его учениками и съ какою царственною силою Онъ влечетъ къ себѣ ваше сердце и вашу умъ; повѣдайте сегодня славу Сына Человѣческаго, чтобы завтра вы могли повѣдать славу Сына Божія; сами апостолы проходили чрезъ эту прогрессивную школу. Говорите, что между сынами Человѣческими никто никогда не говорилъ такъ, какъ Онъ; говорите, что Онъ открылъ вамъ нравственный идеалъ, который обязана принять ваша совѣсть; говорите, что открывавая вамъ, чѣмъ вы должны быть, Онъ показалъ вамъ, что вы есть; говорите, что Онъ изыскъ изъ вашего смятеннаго сердца голосъ раскаянія и что на Его гласъ вы отвѣчали: „воставъ, иду къ Отцу моему“.

Скажите, что если вы вѣрите въ вѣчную жизнь, то это потому, что Онъ принесъ ее вамъ; скажите, что чистѣйшія ваши утѣшенія вы нашли у Его ногъ; скажите наконецъ съ Симономъ Петромъ: „Господи, къ кому идти намъ, кромѣ Тебя“? Это, конечно, еще не свидѣтельство, на которомъ основана церковь; но если оно искреннее, если оно выходитъ изъ убѣжденнаго сердца, то сколько можетъ оно сдѣлать добра, какое можетъ имѣть благотворное вліяніе!

И вы, пастыри церкви, вы, которымъ Богъ даровалъ благодать вѣровать во все, что есть Христосъ, вы, которые можете повторять пѣснь, воспѣтую ангелами надъ Его колыбелью, и ту, которую искупленные, видѣнные св. Іоанномъ на небѣ, возносили къ Его престолу, вы, которые славите Сына, воплотившагося отъ Дѣвы Маріи, которые видите въ безуміи креста силу Божію для вашего спасенія и для спасенія міра, вы, которые, при видѣ опустѣвшаго гроба Его, повторяете съ глубокою вѣрою слово, изреченное церковію: „Господь воскресъ!“ — съ твердостью провозглашайте истину, составляющую вашу радость. Никакіе Человѣческіе расчеты, никакое трусливое благоразуміе никогда да не ослабляетъ вашего голоса. Ученики апостолѢвъ, дѣлайте апостольское дѣло. Будьте свидѣтелями Христа!

И если вы не изъ числа тѣхъ, кого Богъ призываетъ къ блестящей роли, если ваша жизнь должна быть темною и безвѣстною, исполняйте по крайней мѣрѣ въ вашей смиренной области дѣло, назначенное вамъ вашею вѣрою. Пусть ваши дѣла возвѣщаютъ добродѣтели І. Христа и провозглашаютъ Его славу. Между тѣми

апостолами, о которыхъ я вспомню сегодня, много ли такихъ, которыхъ жизнь была бы намъ известна? Два или три, не болѣе,—Петръ, Павелъ и Іоаннъ, которыхъ столь глубоко индивидуальный характеръ выдѣляется на фонѣ исторіи какъ бы для того, чтобы свидѣтельствовать, подобно несомнѣнной печати, реальность фактовъ, которыхъ они были свидѣтелями. Что касается до прочихъ, то мы знаемъ ихъ имена, но не знаемъ ихъ жизни, или по крайней мѣрѣ знаемъ изъ ихъ жизни только первую часть, которую я сейчасъ напомню, т.-е. ихъ заблужденія, ихъ глубокія паденія, ихъ измѣны. Что касается до ихъ героическихъ трудовъ, то мы ничего объ нихъ не знаемъ, если не считать нѣсколькихъ неясныхъ воспоминаній, сохраненныхъ намъ преданіемъ первыхъ вѣковъ. Сами они ничего не говорятъ объ этомъ, ибо никогда не искали своей славы... Какъ тѣ камни, ушедшіе въ глубь почвы, которые служатъ основаніемъ нашихъ гигантскихъ соборовъ, устремляющихъ свои шпицы къ небу,—они исчезли съ поля исторіи; но церковь на нихъ основанная, пережила вѣка и будетъ существовать, когда пройдетъ все окружающее насъ. О, высокие незнакомцы! Сдѣлайте изъ насъ вашихъ учениковъ, и когда не станетъ и насъ самихъ, незнаемыхъ или непризнанныхъ людьми, то по крайней мѣрѣ церковь, создаваемая вашимъ темнымъ, но вѣрнымъ свидѣтельствомъ, да растетъ во спасеніе душъ и во славу Божию. Аминь.

*

ИЗВѢСТІЯ И ЗАМѢТКИ.

КЪ 900-ЛѢТІЮ КРЕЩЕНІЯ РУСИ.

Изъ многихъ подробностей, относящихся къ торжественному празднованію 900-лѣтія крещенія Руси, которыя были въ свое время сообщены въ разныхъ изданіяхъ періодической печати, воспроизводимъ рѣчи сказанныя на Киевскомъ праздникѣ за трапезою г. оберъ-прокуроромъ Св. Синода, въ которыхъ съ утѣшеніемъ можно видѣть искреннія выраженія чувствъ русскаго народа и Всененоснаго Главы его.

К. П. Побѣдоносцевъ сказалъ свою первую рѣчь слѣдующаго содержанія:

„Мы празднуемъ въ благодарномъ трепетѣ передъ Богомъ 900-лѣтіе величайшаго событія въ нашей исторіи. Въ эти 900 лѣтъ совершилось надъ нами чудо судебъ Божіихъ: изъ грубаго разсѣяннаго языка славянскаго возникло великое государство, выросло народное сознаніе, собралась земля русская черезъ Кіевъ въ Москву. Разрушались вокругъ царства славянскихъ племенъ подъ игомъ иновѣрныхъ. Русскому народу Богъ далъ удержаться, вырасти, вынести тяжелое иго степныхъ варваровъ, сбросить его съ себя, пережить и преодолѣть бѣдственное безначаліе, отразить римско-польскую напасть, вернуть свои отхваченныя врагами окраины, добратся до моря, укрѣпиться въ силѣ и славу русскаго оружія, утвердиться неизменно въ вѣрѣ, заповѣданной предками.

Не нашею силою все это совершилось, а силою Божіею въ судьбахъ нашего народа. И явилась сила Божія въ церкви православной, въ которую вошелъ языкъ нашъ 900 лѣтъ тому назадъ водительствомъ святаго благовѣрнаго великаго князя Владиміра. Благословенъ и блаженъ этотъ день, положившій твердое основаніе судьбамъ нашимъ! Что бы съ нами стало безъ этой церкви—страшно и подумать! Она одна помогла намъ остаться русскими людьми, собрать свои разсѣянныя силы, одушевила и вождей и народъ, дала ему терпѣніе пережить страшныя невзгоды отъ голода и мора, и отъ своихъ лихихъ людей и отъ чужихъ — и одолѣть враговъ своихъ; послышала сыновъ земли нашей умирать за свою землю, научила разсыпанное стадо собираться около пастыря.

Съ Востока, откуда возсіялъ свѣтъ Христовъ всему міру, приняли мы вѣру свою, приняли церковныя уставы, приняли несказанную, несравненную прасоту богослуженія и въ него вложили свою русскую душу—глубокимъ и могучимъ словомъ своего языка и чуднымъ звукомъ родной своей пѣсни. И еще — не

русская-ли душа — одна — изукрашила и возлюбила у себя тотъ чудный звукъ русскаго колокола, который такъ таинственно будить ее и зоветъ въ церковь и — отъ земли — домой, на небо! Отъ древняго древа, насажденнаго на Востокъ апостолами и святителями вселенской церкви, приняли мы могучее зерно, и вотъ, изъ него выросло на земли нашей то же единое съ нимъ сѣнолиственное древо, и укрыло всю землю подъ своею сѣнью и привлекаетъ подъ сѣнь свою единоплеменные языки и своихъ намъ инородцевъ, коимъ радостно даемъ мы и Евангеліе, и службу церковную на родномъ ихъ нарѣчїи.

Отцы и братіе! Что милѣе и любезнѣе, что дороже церкви всѣмъ намъ — и великимъ, и малымъ, какая красота милѣе и сочувственнѣе церковной красоты для русскаго сердца! Церковь! — мать родная и милая русскому человѣку — всѣ мы дѣти ей, и если кто блуждаетъ отъ нея далече, — тѣ, Богъ дастъ, вернутся еще въ родительскій домъ, къ матери. Храмъ нашъ — это домъ русскому человѣку, домъ самый ближній; гдѣ всѣ равны отъ мала до велика, всѣ имѣютъ и находятъ свое мѣсто, всѣ почерпаютъ одинаково радость и утѣшеніе. Тутъ наша сила, тутъ тайная сокровищница судебъ нашихъ, тутъ хранилище драгоценнѣйшихъ нашихъ преданій и родникъ силъ нашихъ, которымъ суждено еще явиться въ будущемъ, если въ будущемъ оправдаемъ мы дѣлами правды и любви всю истину нашей вѣры.

Да поможетъ намъ Богъ! Для того мы и собрались сюда, чтобы вспомнать Его великую милость къ русскому народу и отъ полноты сердца, горящаго любовью къ родинѣ, благодарить Его и молить, да оправдается въ дѣлахъ нашихъ и судьбахъ нашихъ наша вѣра, да возрастаетъ и процвѣтаетъ наша великая церковь, — церковь единая съ народомъ и народъ единый съ церковью“!

Вторая рѣчь:

„Сегодня празднуемъ мы память благовѣрнаго, равноапостольнаго великаго князя Владиміра, того, кто привелъ себя и весь народъ свой ко крещенію въ водахъ днѣпровскихъ, которые послужили купелью нашего спасенія. Едва ли гдѣ когда столь мирнымъ и безкровнымъ путемъ вождь народный приводилъ людей своихъ въ вѣру Христову, и не лишено значенія, что у насъ сельскіе жители издавна носятъ названіе христіанъ, тогда какъ на западѣ называются они доселѣ по преданію именемъ язычниковъ.

Такъ вѣрилъ, такъ былъ издревле послушенъ русскій народъ своему князю, потомъ своему государю. Единодержавіе, вооросшее у насъ вмѣстѣ съ церковію и въ неразрывномъ единеніи съ нею, вмѣстѣ съ церковію, укрѣпило, собрало и спасло государственную цѣлость русской земли и создало государство Россійское. Благословимъ Бога, избавившаго насъ отъ бѣдствій и

раздоровъ народоуправленія, которое изстари губило и донынѣ продолжаетъ губить тѣ славянскія государства, гдѣ оно къ несчастію ихъ и нашему, успѣло утвердиться. Подъ знаменемъ единой державы и самодержавія мы выросли, подъ нимъ мы стоимъ, подъ нимъ составляемъ единое тѣло и охраняемъ въ немъ единую волю, и въ немъ видимъ на грядущія времена залогъ правды, порядка и блага земли нашей.

И вотъ первая заздравная наша чаша; да здравствуетъ благочестивѣйшій Государь нашъ—всѣмъ намъ отецъ, Старшій Сынъ и Верховный на землѣ Защитникъ церкви православной, Императоръ Александръ Александровичъ съ Государыней Императрицей, съ Государемъ Наслѣдникомъ Цесаревичемъ, съ нынѣшнимъ имянинникомъ Великимъ Княземъ Владиміромъ Александровичемъ и со всѣмъ Августѣйшимъ Домомъ!

Рѣчи г. оберъ-прокурора продолжались съ небольшими перерывами, съ отвѣтомъ хора на каждую изъ нимъ „многая лѣта“. Вотъ эти рѣчи въ послѣдовательномъ порядкѣ.

„За здравіе Святѣйшаго Правительствующаго Синода и всѣхъ нынѣ присутствующихъ архипастырей православной церкви“.

Послѣ этого тоста г. оберъ-прокуроръ предложилъ слѣдующій за вселенскихъ восточныхъ патріарховъ:

„Слава и честь и благосостояніе православной вселенской катедрѣ, втораго Рима—града Константинополя, отъ ней же приняла Святая Русь наша свѣтъ евангельскаго ученія! Слава и честь и преуспѣяніе святѣйшимъ патріархамъ: константинопольскому, іерусалимскому, александрійскому и антиохійскому и предстоятелямъ всѣхъ автокефальныхъ церквей православныхъ! И, вопреки всѣмъ врагамъ видимымъ и невидимымъ, да не ослабнетъ и да не разрушится во вѣки единеніе наше въ вѣрѣ православной и въ любви христіанской“.

Далѣе новая рѣчь—тостъ.

„Въ нынѣшній день почтимъ благодарною памятію великое служеніе русскаго духовенства. Изъ его среды вышелъ цѣлый сонмъ не только іерарховъ и священнослужителей, но и людей науки и мужей государственныхъ русскаго духа. Духовенство наше отъ іерарха до причетника изъ народа вышло, вмѣстѣ съ народомъ жило, страдало и радовалось и не стремилось отдѣляться отъ народа и возвышаться надъ нимъ; оттого и сохранилась неразрывная связь его съ народомъ. Такъ всегда и да будетъ. Кто знаетъ тяжкія условія быта, въ коихъ живетъ и дѣйствуетъ наше духовенство, особливо сельское, у того слово суда, готовое для недостойныхъ, умоляетъ предъ величіемъ подвига, совершаемаго многими, безвѣстно труждающимися посреди пустынь, лѣсовъ и болотъ необъятной Россіи, въ великой нуждѣ, въ холодѣ, въ голодѣ, въ нищетѣ и нерѣдко въ обидѣ. Легіоны

этихъ труженниковъ стоять уже передъ Богомъ молитвенниками за насъ, — и на ихъ костяхъ стоитъ наша церковь. Но и кишѣ сколько живущихъ, подобно имъ, безвѣстно трудятся надъ ея созданіемъ! Слава и честь духовенству нашему, и да умножить ему благодать Божія и крѣпкую силу вѣры, и чувство любви и жалости для учительства словомъ и дѣломъ!“

Еще:

„Русскіе люди всѣ, въ годину испытаній и брани, дружно стояли грудью за родную землю и не щадили крови своей. Но кто столь терпѣливо, столь просто и душевно являетъ любовь свою къ родной землѣ, умирая „за вѣру, Царя и Отечество“, — кто, какъ не русскій солдатъ, отъ самаго высшаго до нижняго чина! Кто его благочестивѣе и преданнѣе вѣрѣ православной и своей церкви! Кто столь покоренъ велѣнію свыше, — столь благодушенъ и кротокъ, посреди ужасовъ войны, съ побѣжденнымъ непріателемъ! Богъ да благословитъ насъ миромъ и правдою посреди міра. Но и въ мирѣ, и въ войнѣ да здравствуетъ христіанское русскіе воинство и да будетъ ему честь и слава во вѣки!“

Далѣе:

„На горахъ сихъ возсіяла русской землѣ благодать Божія! На горахъ сихъ первые іерархи русскіе церкви полагали начало всему строю церковной жизни русскаго народа и основали школу церковную — начало и душу русскаго просвѣщенія. На горахъ сихъ основалась высшая его школа, гдѣ ковалось духовное оружіе противъ римскаго духовнаго ига и противъ козней іезуитскаго любомудрія и властолюбія. Слава и честь кааедрѣ кievской митрополии, прославленной столь великими стоявшими на ней святителями! Въ терпѣніи надѣемся мы и вѣруемъ, что придетъ часъ, когда всѣ, отторгнутые отъ нея насиліемъ, воссоединены будутъ любовью. Здравіе и долготѣіе досточтимому митрополиту кievскому и галицкому, высокопреосвященнѣйшему Платону!“

ПАМЯТИ М. Н. КАТКОВА.

20 іюля исполнился годъ со времени кончины великаго патріота и публициста русскаго Михаила Никифоровича Каткова. Этотъ день *Моск. Вѣдомости* почтили слѣдующими строками.

„Неужели уже прошелъ годъ съ тѣхъ поръ какъ мы его лишились, какъ отъ насъ къ вѣчной жизни отошелъ Михаилъ Никифоровичъ? Неужели уже цѣлый годъ русскіе люди не слышали его могучаго слова, наставлявшаго ихъ въ государственной мудрости, ободрявшаго ихъ въ тревожные дни всеобщаго смущенія и ликовавшаго съ ними въ великіе дни народнаго восторга?“

„Скорбное чувство вызванное этою тяжкою, незамѣнимою утратой такъ еще живо. память о дорогомъ усопшемъ такъ еще свѣжа, что невольно кажется будто горестное событіе стряслось надъ нами лишь вчера, будто мы лишь вчера стояли съ плачемъ у развершейся могилы похитившей у насъ наставника, отца и друга.

„У кого изъ насъ еще теперь не сжимается сердце при одномъ воспоминаніи о тѣхъ мучительныхъ іюльскихъ дняхъ въ которые, годъ тому назадъ, вся Россія съ лихорадочною тревогой свѣдила за ходомъ ужасной болѣзни, столь внезапно разразившейся надъ человекомъ олицетворявшимъ въ себѣ высшую идею благороднѣйшаго, самоотверженнѣйшаго служенія Царю и Отечеству? Тотъ, не знавшій себѣ равнаго, титанъ русской мысли и русскаго слова лежалъ на смертномъ одрѣ испытывая неслазанныя мученія, утративъ возможность передать письмомъ или рѣчью великія думы свои, которыя попрежнему роились въ его умѣ, сохранившемъ всю свою самобытную свѣжесть, пронытательность и ясность. Съ какою радостью встрѣчались малѣйшіе признаки нимаго его, выздоровленія, котораго такъ страстно желали всѣ истинно русскіе люди; какую безутѣшную скорбь вызывали всѣ симптомы предвѣщавшіе неизбѣжный роковой конецъ; и какъ болѣзненно отозвалась горестная вѣсть объ этомъ концѣ во всѣхъ слояхъ русскаго народа! Кто не помнить тѣхъ безчисленныхъ, искреннихъ и трогательныхъ выраженій собогѣзнованія которыя тотчасъ же раздались во всей Россіи и къ которымъ такъ единодушно присоединилась и вся Франція, движимаи сочувствіемъ и уваженіемъ къ великому русскому патриоту?

„Но въ памяти воскресаютъ и другіе, свѣтлые дни, когда покойный Михаилъ Никифоровичъ, не задолго еще до послѣдней своей болѣзни, стоялъ на вершинѣ своей славы, когда къ его пламеннымъ статьямъ прислушивалась вся Европа, когда онъ своею прозорливостью раскрывалъ истинную суть самыхъ сложныхъ политическихъ вопросовъ и съ неуклонною прямою указывалъ на самый простой, практическій, требуемый національными интересами способъ ихъ разрѣшенія, всегда находившійся въ полномъ соотвѣтствіи съ достоинствомъ и честью Россіи.

„Сколько подобныхъ вопросовъ возникало и въ этотъ, первый послѣ его кончины годъ, сколько представлялось случаевъ когда авторитетное слово Михаила Никифоровича могло сослужить свою службу истинному благу нашего отечества! Какъ дорогъ былъ бы его совѣтъ когда дѣло шло о болѣе прочномъ обезпеченіи разнообразныхъ интересовъ русскаго государства; какъ неопровержимо звучало бы его могучее слово изобличая всѣ

темныя, коварныя козны вѣншихъ и внутреннихъ враговъ Россіи, и какими наконецъ величавыми, многозначительными глаголами запечатлѣлъ бы онъ въ сердцахъ и умахъ всѣхъ русскихъ людей истинный смыслъ того великаго торжества православія, которое только что съ такимъ восторженнымъ единодушіемъ отпраздновала вся Россія, и о которомъ онъ не разъ уже помышлялъ въ послѣдніе годы своей жизни, готовясь принять въ немъ то высокодушевленное участіе которое несомнѣнно придало бы этому торжеству еще болѣе возвышенный, идеальный и назидательный характеръ...

„Но всѣ радостныя и горестныя событія этого года проходили— и голосъ Каткова не раздавался въ поученіе, ободреніе и враждоуменіе русскихъ людей. Приходилось производить оцѣнку этихъ событій собственными силами, руководствуясь тѣми ясными, неизблемыми правилами государственнаго умозрѣнія и патриотизма, надъ опредѣленіемъ и разъясненіемъ которыхъ четверть столѣтія неустанно трудился покойный издатель *Московскихъ Вѣдомостей*, оставивъ ихъ драгоценнымъ наслѣдіемъ своимъ потомкамъ въ видѣ точно формулованной великой идеи самобытнаго развитія государства всероссійскаго.

„Имя Каткова извѣстно было всему свѣту; но личное знакомство съ Михаиломъ Никифоровичемъ было удѣломъ сравнительно небольшого числа лицъ, на которыхъ утрата такого челоуѣка отозвалась еще тяжелѣе чѣмъ на тѣхъ кто зналъ о Михаилѣ Никифоровичѣ лишь по наслышкѣ или по его публицистической дѣятельности. Эти лица, въ которыхъ между прочимъ, принадлежитъ весь многочисленный составъ какъ редакціи *Московскихъ Вѣдомостей* и бывшаго *Русскаго Вѣстника*, такъ и основаннаго Михаиломъ Никифоровичемъ Лицея Цесаревича Николая, никогда не забудутъ кого они лишились въ лицѣ того высоко гуманнаго, нѣжно заботливаго и истинно просвѣщеннаго начальника и наставника который всѣмъ подавалъ примѣръ своимъ неутомимымъ трудолюбіемъ и полною сердечною, безкорыстною преданностью долгу совѣсти и чести.

„Вѣчная ему память!

20-го іюля, въ день годичнаго поминовенія кончины Михаила Никифоровича Каткова, въ Алексѣевскомъ монастырѣ при которомъ онъ погребенъ, и въ храмѣ Преподобнаго Сергія на Большой Дмитровкѣ, въ приходѣ коей почившій прожилъ почти двадцать пять лѣтъ, совершены были заупокойныя литургіи и панихиды при большомъ стеченіи молящихся.

Литургія въ Алексѣевскомъ монастырѣ совершена была соборно. Къ началу ея въ храмъ обители собрались: семейство покойнаго, правленіе Лицея Цесаревича Николая въ полномъ

составъ, находящіяся въ Москвѣ наставники и воспитанники Лицея и многіе изъ бывшихъ лицействовъ. Приѣхавшій въ этотъ день въ Москву помощникъ попечителя Петербургскаго учебнаго округа Д. И. Лаврентьевъ, ректоръ Императорскаго московскаго университета Г. А. Ивановъ и нѣкоторые профессора университета, окружный инспекторъ Я. И. Вейнбергъ и много почитателей покойниго.

Въ церкви Преподобнаго Сергія, на Дмитровѣ, присутствовалъ весь составъ редакціи *Московскихъ Вѣдомостей* и служащіе Университетской типографіи. Всѣ они присоединились затѣмъ къ числу молившихся въ Алексѣевскомъ монастырѣ.

Могилы Михаила Никифоровича, красиво убранная живыми цвѣтами, украсилась ко времени паннихиды вѣнками тоже изъ живыхъ цвѣтовъ. Роскошный большой вѣнокъ изъ розъ возложенъ былъ отъ московскаго генералъ-губернатора князя В. А. Долгорукова. Были вѣнки отъ бывшаго попечителя Московскаго учебнаго округа князя Н. П. Мещерскаго, отъ Н. А. Шереметевой и нѣсколько другихъ, изъ числа коихъ обращали на себя вниманіе большой вѣнокъ исключительно изъ Аютиныхъ глазокъ и другой изъ кедровыхъ вѣтвей съ надписью изъ бѣлыхъ иммертелей: „Незабвенному“.

Видѣсто причастнаго стиха на литургіи законоучитель и священникъ церкви Лицея Цесаревича Николая сказалъ слѣдующее слово:

„Съ разныхъ, для нѣкоторыхъ очень отдаленныхъ отсюда, концовъ собрались мы сегодня въ праздничный день Св. славнаго пророка Божія Іліи въ этотъ именно храмъ, потому что здѣсь подъ его благодатною сѣнію покоится тѣло незабвеннаго и дорогаго намъ отца и учителя, друга и брата нашего раба Божія боярина Михаила.“

Годъ тому назадъ въ этотъ именно день преставился онъ отъ среды нашей въ тотъ дальній, загробный міръ, откуда назадъ не приходятъ. Прошелъ годъ со дня кончины почившаго, а сердце, кажется, нуще прежняго болѣзненно сжимается отъ грусти при мысли о постигшемъ насъ горѣ, о понесенной нами уtratѣ. Гдѣ же искать себѣ утѣшенія въ этомъ горѣ? Кто или что замѣнитъ намъ нашу утрату? Такъ невольно вопрошаетъ смущенное сердце.

Съ этими недоумѣнными вопросами шелъ я вчера въ храмъ Божій на всенощное бдѣніе и въ чтеніяхъ изъ Писанія о чествуемомъ нами пророкѣ Божіемъ мнѣ послышался какъ будто отвѣтъ на тѣ горькіе вопросы которые я и дерзаю предложить вашимъ болѣющимъ сердцамъ. Дерзаю, ибо вѣрую что все въ

Божіемъ міръ строится Богомъ въ разумъ, которому нѣтъ предѣла. Неужели, такъ думается мнѣ, по простой, ничего незначащей случайности совершилось это совпаденіе для церковнаго празднованія памяти славнаго пророка Божія Іліи со днемъ кончины и годичнаго теперь поминовенія оплачиваемаго нами боярина Михаила? Нѣтъ ли въ этомъ совпаденіи указанія свыше для исканія утѣшенія въ постигшемъ насъ горѣ и понесенной нами утратѣ?

Въ самомъ дѣлѣ: помните вы жизнь и подвиги Св. славнаго пророка Божія Іліи? Онъ былъ поставленъ Богомъ на стражъ народа Израильскаго чтобъ указывать ему истинный путь жизни въ неизмѣнномъ храненіи вѣры и завѣтовъ отеческихъ и въ уклоненіи отъ пагубныхъ союзовъ съ язычниками. Съ неустанною ревностію и ничѣмъ непоколебимою строгостію исполнялъ Св. Ілія Божіе повелѣніе, безбоязненно обличая народъ въ его уклоненіи на путь служенія Ваалу и простирая свое грозное слово до самаго престола царскаго. „Отче, отче, колесница Израилева и кони его“, такъ въ боговдохновенномъ восхищеніи говорилъ о немъ ближайшій ученикъ и наперсникъ — Св. пророкъ Елисей (4 Ц. 2, 12), выражая этими словами ту мысль что Ілія былъ для Израйля на его жизненномъ пути то же что колесница и кони въ бою, что онъ былъ руководителемъ жизни народной, спасавшимъ его отъ паденій. „И воста Ілія пророкъ, яко огонь, и слово его, яко свѣща, горяще“, такъ опредѣляетъ характеръ пророческихъ подвиговъ Іліи другой ветхозавѣтный мудрецъ, Іисусъ сынъ Сираховъ (Сир. 48, 1).

Мы не дерзаемъ проводить параллель между этими подвигами Св. пророка Іліи, съ одной стороны, и дѣятельностью почившаго раба Божія Михаила, съ другой. Но не будетъ, думаемъ, грѣховнымъ преувеличеніемъ если мы скажемъ что въ дѣяніяхъ почившаго стража нашей русской народной жизни неустанно и неуклонно совершавшихся имъ до самаго одра смертнаго отражался свѣтъ подвиговъ пророка Божія. „Не ими ли, не этими ли божественными вѣщаніями пророковъ вдохновлялся почившій въ рѣчахъ своихъ“, говорили мы надъ гробомъ его. Не этими ли боговдохновенными подвигами пророка Іліи, опредѣленіе опросимъ мы теперь, вдохновлялся въ своихъ огненныхъ рѣчахъ почившій, вѣруемъ, Богомъ поставленный стражъ нашей русской жизни, въ рѣчахъ направленныхъ на защиту православныхъ завѣтовъ нашихъ предковъ и на посрамленіе гнилыхъ рѣчей тѣхъ самозванныхъ радѣтелей народныхъ которые, сами хромая на оба колѣна, хотѣли бы и народъ сдвинуть съ его вѣковѣчныхъ устоевъ? Не отъ того ли и рѣчь его были какъ огонь, а разумное слово его, какъ свѣща, освѣщало нашу жизнь...

Если же такъ, если въ жизненныхъ подвигахъ почившаго мы смѣемъ видѣть хотя бы нѣкое сознательно вѣрующимъ сердцемъ его воспринятое отраженіе богодохновенныхъ подвиговъ славнаго пророка Іліи, то почему же мы не смѣемъ взглянуть, и на окончаніе жизни пророка Божія чтобы въ немъ найти утѣшеніе въ постигшемъ насъ горѣ и въ повешенной нами утратѣ?

Вы знаете конецъ земной жизни Св. пророка Іліи, знаете что онъ живымъ взятъ былъ на небо на огненной колесницѣ и огненныхъ коняхъ. Но помните ли вы обстоятельства сопровождавшія это чудное событіе? Вотъ что разсказывается о нихъ въ въ той же четвертой книгѣ Царствъ въ которой говорится о вознесеніи Іліи: Пророкъ предувѣдомленъ былъ о славномъ концѣ своей жизни; предувѣдомлены были и ученики Іліины — сыны пророческіе изъ Веила и Іерихона. Пораженные этою вѣстію, ученики пророческіе сказали наперснику Іліину Елисею: знаешь ли что сегодня Господь вознесетъ господина твоего надъ главою твою? „Знаю, молчите, двукратно отвѣчалъ имъ Елисей. Пришелъ назначенный срокъ; Ілія взятъ былъ на небо, а ученики пророческіе, не выдавшіе этого чуднаго видѣнія, несмотря на запрещеніе Елисея, стали искать тѣла Іліина по горамъ и долинамъ. Три дня искали они его и, ненашедши, возвратились къ Елисею, который сказалъ имъ: не говорилъ ли я вамъ не ходите. Онъ сказалъ имъ такъ потому что онъ собственными очами видѣлъ взятіе Іліи на небо, собственными руками получилъ милость его какъ знавъ того что духъ Іліинъ сугубо почилъ на немъ. Что духъ Іліинъ былъ на Елисеѣ, объ этомъ можно судить по славнымъ дѣяніямъ его жизни; объ этомъ и прямо свидѣтельствуетъ Иисусъ сынъ Сираховъ, говоря: „И исполнися Елисей духа его и во дни своя поколебася отъ князей и не преможе его никто же“ (Сир. 48, 13). За что же на Елисеѣ сугубо даже почилъ духъ Іліинъ—духъ непоколебимой ревности о правдѣ Божіей, о вѣдѣніяхъ Божіихъ, о завѣтахъ отеческихъ, а на другихъ сынахъ пророческихъ не почилъ? За то, очевидно, что вмѣсто пустыхъ разглагольствій въ которыхъ пустились сыны пророческіе и которые привели ихъ сначала къ невѣрію, а потомъ и къ странному исканію тѣла Іліина; Елисей молчалъ при божественной вѣсти о взятіи Іліи на небо и молча, не отступая ни на мгновеніе ни на шагъ отъ учителя своего слѣдовалъ за нимъ всюду. Въ вѣрующемъ безмолвіи сопровождая своего учителя, онъ тѣмъ ближе и глубже всматривался въ него, въ черты его духовно-нравственнаго образа, тѣмъ крѣпче стремился къ нему, сроднялся съ нимъ и такимъ образомъ дѣлался способнымъ къ усвоенію его. За это-то и удостоился онъ получить въ полное и неотъемлемое обладаніе, какъ даръ божественный, духъ Іліинъ.

Какое же утѣшеніе и поученіе слѣдуетъ извлечь намъ изъ этого сказанія въ связи съ предыдущею рѣчью о славныхъ подвигахъ пророка Іліи и дѣятельности почившаго боярина Михаила? Не будемъ, братіе, подобно Вееильскимъ сынамъ пророческимъ, только разглагольствовать. Поревнуемъ дивному Егисею въ молчаливомъ вниманіи къ дѣламъ и словамъ почившаго учителя нашего, будемъ крѣпче и крѣпче проникать мыслию и сердцемъ своимъ завѣтамъ почившаго—неуклонно и неизмѣнно стоять за Вѣру Православную и Царя Самодержавнаго, за землю родную. Въ этомъ молчаливомъ шествованіи по стопамъ почившаго и наше утѣшеніе и наше поученіе; въ немъ залогъ того, что духъ его не угаснетъ въ насъ и самъ онъ живъ будетъ во вѣки. Аминь“.

ОГЛАВЛЕНІЕ ВТОРАГО ТОМА

ПРАВОСЛАВНАГО ОБОЗРѢНІЯ

з а 1888 г о д ъ .

М А Й - І Ю Н Ъ .

I.—На память о высокопреосвященномъ митрополитѣ московскомъ Макаріѣ. <i>Архимандрита Григорія</i>	<i>Стр.</i> 3—39
II.—Вѣра. **.....	40—64
III.—Историческое разсмотрѣніе дѣятельности православнаго русскаго духовенства въ отношеніи къ расколу отъ его возникновенія до учрежденія Св. Синода. (Окончаніе). <i>М. Чистякова</i>	65—210
IV.—Гражданскій брагъ съ христіанской точки зрѣнія. <i>Н. А. Заозерскаго</i>	111—283
V.—О самовоспитаніи женщины. <i>Свящ. В. Бѣликова</i>	284—295
VI.—Слово въ день священнаго коронованія и миропомазанія Благочестивѣйшаго Государя Императора Александра Александровича и Благочестивѣйшія Государыни Императрицы Маріи Феодоровны. <i>Свящ. І. Петропавловскаго</i>	296—302
VII.—Матеріалы для біографіи основателя Алтайской миссіи архимандрита Макарія. <i>Д. Д. Флиг—нова</i>	303—377
VIII.—Слово надъ гробомъ Іакова Феодоровича Голловацкаго. <i>Прот. І. Кстовича</i>	378—384

- IX.—Рѣчь высокопреосвященнѣйшаго Іоаннікія, митрополита московскаго, сказанная при врученіи посоха преосвященному Амѣлохію, епископу Угличскому, викарію Ярославскому. 385—386
- X.—Рѣчь высокопреосвященнаго Павла, архіепископа Казанскаго и Свѣжскаго, при врученіи посоха преосвященному Сергію, епископу Чебоксарскому..... 387—392
- XI.—Извѣстія и замѣтки: Іаковъ Ѳедоровичъ Головацкій †. — Егоръ Васильевичъ Амѣтеатровъ †. — Объявленія о книгахъ: 1) „Мои воспомнанія объ Иннокентіи архіеп. Херсонскомъ“. И. У. Палимпсестова и 2) П. Н. Вятюшкова „Волны“ 393—400

І Ю Л Ь.

- I.—Характеръ и значеніе толкованій на каноническій кодексъ греческой церкви — Аристіна Зонары и Бальсамона. В. Демидова 401—442
- II.—Матеріалы для біографіи основателя Алтайской миссіи архимандрита Макарія. Д. Д. Фил—нова 443—489
- III.—Апологетическія изслѣдованія. Архимандрита Бориса 490—509
- IV.—Религія древнихъ Вавилонянъ. Лекціи проф. Сэйса (Saussure). А. К. Наумовой 510—559
- V.—Извѣстія и замѣтки: Годичное собраніе Православнаго Миссіонерскаго Общества. — Объявленія: 1) „Практическое руководство для священнослужителей“. Петра Нечаева; 2) Сборникъ для любителей духовнаго чтенія 1888 г.“. Игум. Никифора и 3) О книгахъ митрополита Макарія 560—564

ВЪ ПРИЛОЖЕНІИ:

- VI.—О сочиненіи противъ раскола Иверскаго архимандрита грека Діонисія, написанномъ до собора 1667 года. Н. Ѳ. Каптерева 1—32

А В Г У С Т Ъ.

- I.—Слово въ день торжественнаго празднованія памяти воссоединенія униатовъ съ православною церковію. *Прот. Г. Котовича* 565—572
- II.—Апологетическіи изслѣдованія. *Архимандрита Бориса*..... 573—587
- III.—Матеріалы для біографіи основателя Алтайской миссіи архимандрита Макарія. *Д. Д. Фил—нова*. 588—623
- IV.—Характеръ и значеніе толкованій на каноническій кодексъ греческой церкви — Аристіна, Зонары и Вальсомона. *В. Демидова* 624—643
- V.—Преображеніе Господа. *Н. Глубоковскаго* 644—692
- VI.—Оправданіе на несправедливыя обвиненія. *Н. Ѳ. Кантерева*..... 693—746
- VII.—Извѣстія и замѣтки: Къ 900-лѣтію крещенія Руси. — Памяти М. Н. Каткова. — Оглавленіе II-го тома „Православнаго Обзорнія“ за 1888 годъ. — Объявленія: 1) О западныхъ вѣроисповѣданіяхъ. Прот. А. М. Иванцова-Платонова; 2) Государственное ученіе Филарета митрополита московскаго. Назаревскаго; 3) Лекціи еилософіи. Проф. Дух. Акад. Голубинскаго. 747—760

ОБЪЯВЛЕНІЯ.

О ЗАПАДНЫХЪ ВЪРОИСПОВѢДАНІЯХЪ.

Прот. А. М. Иванцова-Платонова.

Изъ прежнихъ сочиненій протоіерея Иванцова-Платонова имѣются въ продажѣ:

1. Слова и рѣчи за двадцать лѣтъ священства. М. 1884 г. цѣна 3 руб., съ пересылкою 3 р. 50 к.

2. Что такое жизнь. М. 1884 г. цѣна 40 к., съ пересылкою 50 к.

3. Христіанское ученіе о любви къ человѣчеству сравнительно съ крайностями ученій социалистическихъ. М. 1884 г. цѣна 50 к., съ пер. 60 к.

4. Ереси и расколы первыхъ вѣковъ христіанства. Часть I-я. М. 1887 г. цѣна 2 руб., съ пер. 2 руб. 50 коп.

5. О Римскомъ католицизмѣ и его отношеніяхъ къ православію. Изданіе Общества распространенія полезныхъ книгъ. Двѣ части. Цѣна 1 р. 90 к.

Приобрѣтающимъ болѣе 10 экземпляровъ 25% уступки; а на два послѣдніа сочиненія таже уступка на каждомъ отдѣльномъ экземплярѣ.

Вышло въ свѣтъ новое, значительно дополненное изданіе книги:

ГОСУДАРСТВЕННОЕ УЧЕНІЕ ФИЛАРЕТА, МИТРОПОЛИТА МОСКОВСКАГО.

Съ его фототипическимъ портретомъ (художника М. Панова) и fac-simile. Рекомендуются Учебнымъ Комитетомъ при Св. Синодѣ и Учебнымъ—Министерства Народнаго Просвѣщенія для приобрѣтенія въ бібліотеки всѣхъ среднихъ и низшихъ учебныхъ заведеній, какъ мужскихъ, такъ и женскихъ. Цѣна 40 коп., съ пересылкою 50 коп.

ЛЕКЦІИ ФИЛОСОФІИ

профессора московской духовной академіи Ѳ. А. Голубинскаго.

Четыре выпуска: введеніе въ философію, гносеологія и философія религіи. Рекомендуются Учебнымъ Комитетомъ при Св. Синодѣ, какъ полезное пособіе при преподаваніи философіи въ д. семинаріяхъ. Цѣна 3 руб., съ пересылкою 3 руб. 50 коп.

Продаются у всѣхъ извѣстныхъ книгопродавцевъ Москвы, Петербурга и другихъ городовъ. Складъ изданій въ книжномъ магазинѣ В. В. Думнова, подъ фирмою наслѣдниковъ братьевъ Салаевыхъ (Москва, Мясницкая, домъ Обидной).

Отъ Московскаго Духовно-цензурнаго Комитета печатать дозволяется. Москва. Сентября 1-го дня 1888 года.

Цевворъ свящ. Іоаннъ Петропавловскій.

11/10/07-239
8p
14-

